СОЧИНЕНІЯ
М. Ю. Лермонтова

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

LUX
LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3337
.L4
1906

00005456197

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
OCT 18 1995			
	OCT 11 '96		

Form No. 513,
Rev. 1/84

336н/87

М. Ю. Лермонтовъ.

Съ портрета масляными красками, работы А. П. Шанъ-Гирея.

PG3337
.L4
1906

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. Лермонтова.

POLNOE SOBRANIE SOCHINENII

Со статьей о жизни и произведеніяхъ поэта, написанной приватъ-доцентомъ Московскаго университета ИВ. ИВ. ИВАНОВЫМЪ.

Съ рисунками художниковъ А. Маковскаго, З. Пичугина и др.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

М. Н. Пр. **допущено** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Изданіе 2-е
Т-ва И. Д. Сытина.

Подъ редакціей
Н. В. Тулупова.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1906.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская въ свѣтъ настоящее собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова, мы имѣемъ въ виду дать широкому кругу русской читающей публики, по возможности, полный и тщательно провѣренный текстъ произведеній поэта. Матеріалъ нами расположенъ слѣдующимъ образомъ: сначала помѣщены лирическія стихотворенія, затѣмъ идутъ поэмы, драматическія произведенія, проза и наконецъ письма. Произведенія каждаго отдѣла расположены въ строго хронологическомъ порядкѣ, что при изданіи полнаго собранія сочиненій Лермонтова является особенно важнымъ, такъ какъ произведенія его въ своей послѣдовательности раскрываютъ передъ читателемъ не только яркую картину развитія его художественнаго генія, но и даютъ „глубокую и полную исторію его души, его отношеній къ людямъ". Въ нихъ отразилась вся жизнь поэта. Указателемъ при распредѣленіи матеріала намъ служили труды П. А. Висковатова, что же касается текста, то онъ тщательно провѣренъ по послѣднему Ефремовскому изданію сочиненій Лермонтова.

Статья о жизни и произведеніяхъ поэта написана спеціально для настоящаго изданія привать-доцентомъ Московскаго Университета Ив. Ив. Ивановымъ. Иллюстраціи исполнены художниками А. Маковскимъ и З. Пичугинымъ; въ книгѣ помѣщенъ также снимокъ съ картины Каульбаха.

Кромѣ обычнаго оглавленія, въ концѣ книги, для облегченія пользованія ею, приложенъ еще и алфавитный указатель произведеній Лермонтова.

М. ЛЕРМОНТОВ. ИСПАНКА

Лермонтовъ.

Разсказывать жизнь Лермонтова—значитъ все время время вести бесѣду съ самимъ поэтомъ. Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ оставилъ глубокую и полную исторію своей души, своихъ отношеній къ людямъ. Чего не досказалъ въ стихахъ,—онъ восполнилъ въ письмахъ, немногочисленныхъ, но всегда яркихъ и поразительно откровенныхъ. И все это для насъ особенно дорого.

Лермонтову не дано было завиднаго таланта—пріобрѣтать сочувствіе и привязанность многихъ людей. Гдѣ бы онъ ни жилъ, въ самой ранней и поздней молодости,—большинство всегда стояло противъ него. И судъ людской не щадилъ поэта ни при жизни ни по смерти. Чья въ этомъ вина — мы увидимъ, но послѣдствія очевидны. Лермонтову выпала исключительная доля — и у современниковъ и у потомства вызывать судъ одинаково страстный, придирчивый, часто ненавистническій. Настоящій Лермонтовъ жилъ и трагически умеръ неразгаданной и тягостной загадкой для своихъ ближайшихъ знакомыхъ, а они передали это чувство будущимъ цѣнителямъ лермонтовскаго таланта и лермонтовской личности.

И вотъ у цѣлыхъ поколѣній русскихъ людей о Лермонтовѣ двойственное представленіе. Одно, это — человѣкъ крайне тяжелый, большой охотникъ до злой оскорбительной насмѣшки, и въ то же время — любитель безшабашной гусарщины, поѣдатель женскихъ сердецъ. Другой Лермонтовъ — великій поэтъ, авторъ незабвенныхъ стихотвореній, чарующихъ читателя всякаго возраста и всякаго званія... Какъ могъ такой талантъ жить въ подобной душѣ? И былъ ли Лермонтовъ человѣкъ достоинъ Лермонтова поэта?

Еще долго эти вопросы не получатъ одного для всѣхъ убѣдительнаго отвѣта. И не получатъ именно потому, что поэзія Лермонтова и его природа — одно и то же. Весьма многіе простили бы Лермонтову его стихъ, облитый горечью и злостью, даже съ удовольствіемъ и со вкусомъ перечитывали бы эти разящіе, сверкающіе стихи, — только пусть они останутся стихами!

Но, оказывается, это не только громкія, красивыя рѣчи, это — искреннѣйшія въ мірѣ чувства, все существо человѣка, его настоящее и будущее. Это Лермонтовъ, какъ человѣкъ исполненъ горечи и злости, и стихи, при всей своей воинственности и жгучести, передаютъ лишь малую долю грознаго негодованія поэта на все, что кругомъ него пошло, трусливо, раболѣпно, бездарно. Онъ ежеминутно готовъ прозой и предъ однимъ опредѣленнымъ человѣкомъ высказать то же самое, что онъ говорилъ стихами и вообще о своихъ современникахъ. Это — неугомонный и неустрашимый боецъ за человѣческое достоинство, и поле битвы

для него безразлично: свѣтская гостиная, комната учебнаго заведенія, крѣпость, его собственный кабинетъ.

Дѣйствительно, безпокойный, непріятный человѣкъ! — и тѣмъ непріятнѣе, что онъ одаренъ психологической проницательностью геніальнаго художника. Нѣтъ никакой надежды маленькой душѣ ускользнуть отъ его взгляда съ своими маленькими хитростями и изворотами, съ своими тайнами, вожделѣньицами и пресмыкательствами. У Лермонтова орлиный взоръ и мертвая хватка. Одно мгновеніе — и человѣкъ заклейменъ на всю жизнь убійственнымъ неизбывнымъ словомъ, и въ то же мгновеніе этотъ человѣкъ непримиримый врагъ своего обличителя навѣкъ.

И вотъ горькая бѣда и безсмертная слава Лермонтова: ни одинъ русскій читатель никогда не могъ счесть его стиховъ за литературное упражненіе, за плодъ чисто художественнаго вдохновенія. Если Лермонтовъ написалъ горячее стихотвореніе, — это значитъ онъ былъ страстно взволнованъ вполнѣ опредѣленными фактами. Пусть даже здѣсь будутъ разныя лица совсѣмъ не русскаго облика, демоны, ангелы, беи, мцыри, — въ поэмѣ непремѣнно почувствуется нѣчто безпокойное для русской души; у читателя создастся особое настроеніе, далеко не всегда желательное при обычномъ теченіи жизни.

И настроеніе это можно назвать подлинной лермонтовской заразой. Только Лермонтовъ, самъ глубоко взволнованный жизнью, умѣетъ такъ жизненно взволновать самаго мирнаго читателя. И чѣмъ взволновать? Не только прямымъ издѣвательствомъ надъ окружающей дѣйствительностью, а даже романтическими образами и полусказочными происшествіями. И вся тайна въ единеніи человѣка и художника, въ сліяніи сердца и искусства.

Въ этомъ великій, рѣдкій интересъ жизни Лермонтова.

Здѣсь нѣтъ отдѣльно біографа и критика, здѣсь всѣ права у психолога, стоящаго предъ необыкновенно яркимъ и цѣльнымъ явленіемъ. И именно цѣльность и яркость лермонтовской натуры — надежныя опоры въ нашей задачѣ.

I.

Шестнадцатилѣтній Лермонтовъ, въ стихотвореніи *Желаніе* тосковалъ о дальней странѣ на западѣ, о своей родинѣ. Ему мечтался опустѣлый замокъ на туманныхъ горахъ, наслѣдственный щитъ и заржавленный мечъ на его стѣнахъ... Это страна Шотландія, и молодая тоска поэта должна стать во главѣ его біографіи.

Предки Лермонтова, дѣйствительно, шотландцы. Исторія упоминаетъ о Лермонтѣ рыцарѣ въ 1061 году. Этотъ Лермонтъ участвовалъ въ борьбѣ короля Малькольма противъ Макбета, героя шекспировской трагедіи. Тѣ же лѣтописи знаютъ еще другого Лермонта, Томаса-пѣвца, поэта, жившаго въ концѣ XIII вѣка. Этого Лермонта воспѣлъ Вальтеръ Скоттъ. Въ балладѣ онъ разсказалъ народное преданіе о пѣвцѣ. Лермонтъ, будто бы, получилъ даръ пѣсенъ отъ фей, но съ условіемъ, что онъ отдастъ себя въ распоряженіе фей, когда имъ будетъ угодно. И вотъ, однажды въ самый разгаръ пира, въ родовомъ замкѣ Лермонта, среди восторговъ гостей предъ чуднымъ талантомъ хозяина, явились два бѣлоснѣжныхъ оленя и увели за собой пѣвца...

Въ началѣ XVII вѣка одинъ изъ Лермонтовъ выѣхалъ изъ Шотландіи въ Польшу, въ 1613 году онъ вмѣстѣ съ польскими войсками защищалъ крѣпость

Юрій Петровичъ Лермонтовъ,

отецъ поэта.

Съ портрета, писаннаго масляными красками, и находящагося въ спб. Лермонтовскомъ музеѣ.

Бѣлую отъ русскихъ, потомъ перешелъ на московскую службу, быстро занялъ видное положеніе, получалъ отъ царя деревни и пустоши, умеръ подъ Смоленскомъ. Потомки его бывали воеводами, стольниками, но съ теченіемъ времени родъ Лермонтовыхъ захудалъ. Уже прадѣдъ поэта не перешелъ за чинъ подпоручика, а отецъ Юрій Петровичъ, воспитанникъ перваго кадетскаго корпуса, въ отставкѣ капитанъ, владѣлецъ очень скромнаго помѣстья Кроптовки, въ Ефремовскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Память о родовитости семьи и ея быломъ процвѣтаніи успѣла до такой степени изгладиться, что Юрія Петровича богатые сосѣди считали просто только армейскимъ офицеромъ и мелкопомѣстнымъ дворянчикомъ.

Но Юрій Петровичъ обладалъ достоинствами, которыя въ глазахъ мечтательныхъ дѣвицъ стояли выше знатности и богатства, — красотой, ловкостью, умѣньемъ нравиться. И Лермонтовъ-отецъ вовсе не желалъ зарывать своихъ талантовъ. И надо полагать, онъ до такой степени свободно ими пользовался, что знаменитый Сперанскій считалъ его человѣкомъ „пустымъ", „страннымъ" и даже „худымъ".

Красота и ловкость одержали побѣду надъ Маріей Михайловной Арсеньевой, дочерью сосѣдки Лермонтова, владѣлицы села Васильевскаго, Елизаветы Алексѣевны, урожденной Столыпиной.

Семья эта считалась одной изъ самыхъ родовитыхъ; сама Елизавета Алексѣевна высоко цѣнила родовитость свою и своего мужа, отличалась нравомъ сильнымъ и властнымъ, на увлеченіе дочери смотрѣла какъ на униженіе и несчастье, къ Юрію Петровичу до самой его смерти относилась какъ къ человѣку чужому, недостойному, дерзко проникшему въ ея сановитый высокопочтенный домъ.

Марія Михайловна не походила на мать: крайне болѣзненная, мечтательная, большая охотница до чувствительныхъ пѣсенъ и стиховъ, вѣчно готовая расплакаться. Въ Юріи Петровичѣ она, вѣроятно, усмотрѣла сильнаго блестящаго героя и, естественно, должна была расплатиться за свое увлеченіе. Юрій Петровичъ былъ не изъ такихъ, чтобы лелѣять больную, романтически настроенную женщину. Бракъ не могъ выйти удачнымъ. Марія Михайловна съ мужемъ оказалась одинокой. Единственнымъ утѣшеніемъ явился ребенокъ.

Вѣроятно, болѣзнь Маріи Михайловны заставила Лермонтовыхъ пріѣхать въ Москву. Здѣсь второго октября 1814 года у нихъ родился сынъ Михаилъ, и въ домѣ стало двое больныхъ.

Ребенокъ золотушный, худосочный, мать нервная, съ горькимъ чувствомъ обиды и покинутости. Всегда она одна или съ ребенкомъ играетъ на фортепіано, напѣваетъ сыну грустныя пѣсенки, пишетъ въ альбомъ жалостные стихи, можетъ-быть, отчасти даже сама сочиняетъ, здѣсь же и ребенокъ набрасываетъ разные рисунки. Пѣсенки матери останутся у него въ памяти на всю жизнь. Запомнитъ онъ и ея слезы. Это самыя яркія воспоминанія лермонтовскаго ранняго дѣтства. „Въ слезахъ угасла мать моя", скажетъ впослѣдствіи поэтъ, — кратко, но какъ нельзя болѣе краснорѣчиво. А пѣсенки матери ему будутъ чудиться въ пустыняхъ Кавказа, столь близкаго, родного его сердцу. Грустью повѣяли на поэта эти пустыни, и мать вспомнилась ему, какъ воплощенная безутѣшная грусть.

Сыну не было трехъ лѣтъ, мать умерла. Елизавета Алексѣевна рѣшила немедленно взять ребенка къ себѣ. Какъ это произошло, поэтъ разсказалъ потомъ

Марія Михайловна Лермонтова,

мать поэта.

Съ портрета, писаннаго масляными красками и находящагося въ спб. Лермонтовскомъ музеѣ.

въ драмѣ съ нѣмецкимъ заглавіемъ—Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Драму Лермонтовъ написалъ на шестнадцатомъ году, воспоминанія о семейномъ раздорѣ были свѣжи и врядъ ли когда они сгладились. Ребенку пришлось быть судьей между отцомъ и бабушкой, въ спорѣ побѣдила бабушка, но сочувствія Лермонтова остались на сторонѣ отца. Иначе и быть не могло.

Елизавета Алексѣевна повела дѣло очень искусно. Она указала зятю на его бѣдность, онъ не въ состояніи дать сыну приличнаго воспитанія, платить учителямъ по четыре тысячи въ годъ за обученіе языкамъ. Пусть ребенокъ живетъ у бабушки до 16 лѣтъ, насчетъ его воспитанія будутъ совѣтоваться съ отцомъ.

Юрій Петровичъ волей-неволей согласился. Елизавета Алексѣевна не выполнила условій. Она не только не спрашивала его мнѣній, но даже мѣшала ему видѣться съ сыномъ. Ребенка привезли въ имѣніе Арсеньевой Тарханы, Пензенской губерніи. Пріѣздъ отца къ сыну считался здѣсь нашествіемъ иноплеменниковъ, и будущій поэтъ росъ сиротой.

Съ годами, и, вѣроятно, очень рано, онъ понялъ обиду отца, навсегда сохранилъ о немъ трогательную память, въ первыхъ же своихъ стихахъ поспѣшилъ разсказать и объ отцѣ и о своемъ сиротливомъ дѣтствѣ.

„Мой отецъ не зналъ покоя по конецъ"... „Ужасная судьба отца и сына жить розно и въ разлукѣ умереть". Это объ отцѣ, а общее впечатлѣніе еще горше,—все оно въ горячемъ негодующемъ вопросѣ, на который нѣтъ отвѣта:

О, для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?..

II.

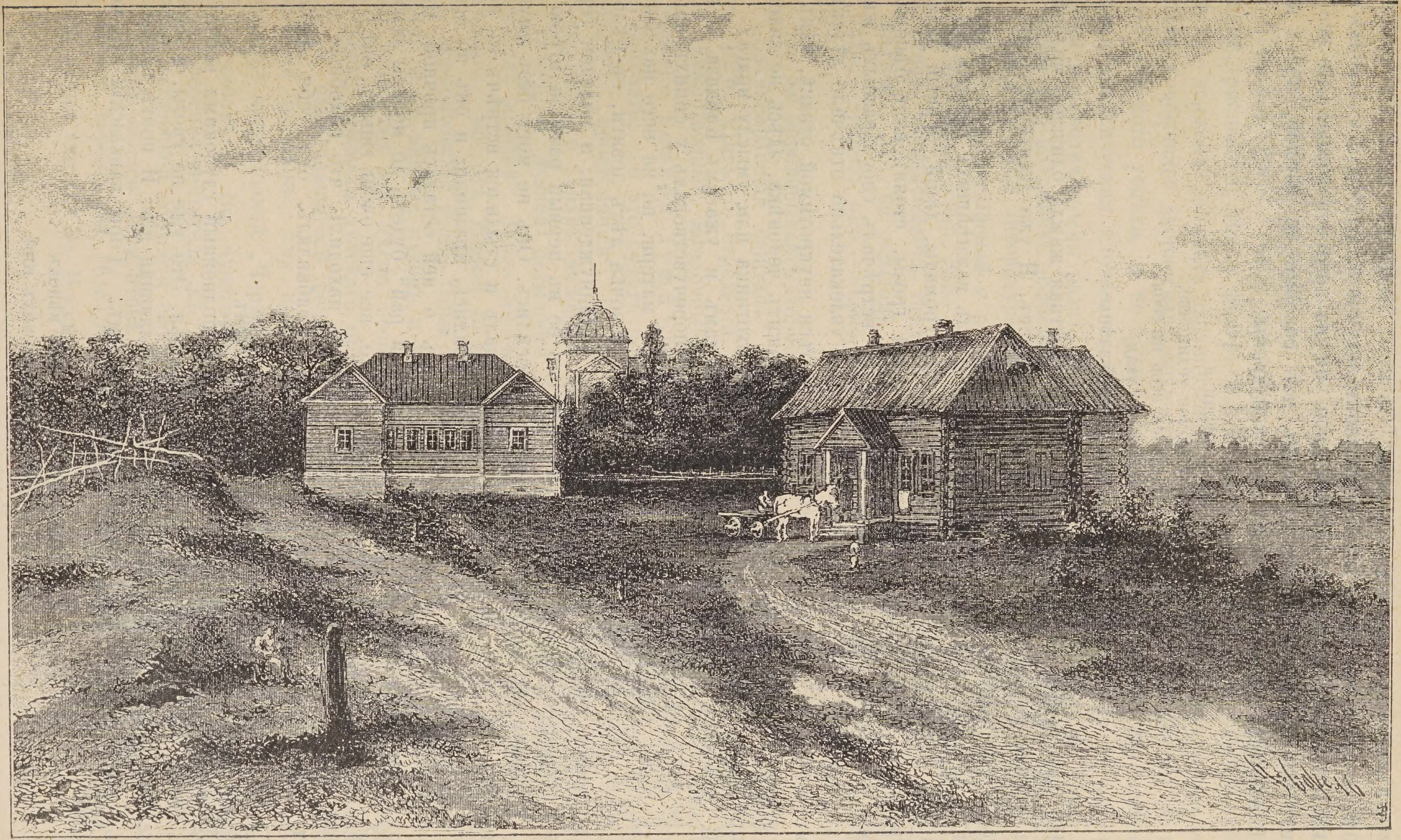
„Ребяческіе дни" Лермонтова, дѣйствительно, не радостны. О нихъ разсказалъ онъ въ юношеской „повѣсти", называя себя Сашей Арбенинымъ.

Болѣзни не отходятъ отъ колыбели ребенка. Онъ по цѣлымъ днямъ не встаетъ. Онъ рано разлюбилъ игрушки, ему наскучила болтовня няни и горничныхъ. Его ласкаютъ наперерывъ, разсказываютъ ему сказки, ему льстятъ. Ему бываетъ очень весело, но больше ему нравится быть одному. Съ шести лѣтъ онъ любитъ мечтать, не наглядится на закатъ, румяныя облака. Всходитъ луна, и онъ пристально всматривается въ едва уловимую загадочную игру блѣднаго свѣта. Его дѣтскую душу волнуетъ непонятное сладостное чувство. Ему такъ хочется чьей-либо ласки, поцѣлуя.

Налетаютъ и другія мечты. О нихъ разсказываетъ та же „повѣсть":

„Лишенный возможности развлекаться обычными забавами дѣтей, Саша началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой... Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ поѣздкахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію".

Это же развитіе помѣшало еще и другому: ребенокъ не могъ слиться съ окружающей жизнью. Никому онъ не могъ повѣрить своихъ думъ и грезъ. Никто не подозрѣвалъ въ немъ скрытаго огня, говорится въ „повѣсти", и какого



Село Тарханы.

Мѣсто, гдѣ М. Ю. Лермонтовъ жилъ въ дѣтствѣ и гдѣ погребенъ его прахъ.

огня! Онъ охватилъ всю душу ребенка. У него необыкновенно рано оказались свои тайны, свои завѣтныя желанія. Съ кѣмъ раздѣлить ихъ? Съ родной душой, но ея нѣтъ пока, и вотъ ребенокъ задумчивъ, одинокъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ существо обособленное, ни на кого непохожее. Онъ все это выразитъ дѣтскими стихами, но смыслъ ихъ совсѣмъ не дѣтскій, предъ нами первый набросокъ жизненной лермонтовской драмы:

Съ начала жизни я
Любилъ угрюмое уединенье,
Гдѣ скрывался весь въ себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Но гдѣ невольное одиночество, тамъ страстная жажда близкаго человѣка, „тоска любови знойной", говоритъ самъ Лермонтовъ. И уже десяти лѣтъ онъ переживаетъ этотъ зной.

Его повезли на Кавказъ, на воды, — одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни поэта. Онъ увидѣлъ подавляющія горныя громады, дикій, бурный разметъ естественныхъ силъ, услышалъ южныя могучія грозы, стоялъ надъ бѣшеными горными потоками, надъ темными пропастями, встрѣчалъ своеобразныхъ живописныхъ людей... Все такъ неожиданно, такъ увлекательно отвѣчало дѣтскимъ мечтамъ будущаго поэта. Гдѣ же и разгуляться неукротимой отвагѣ, какъ не среди этихъ ущелій? Здѣсь часто смерть сторожитъ человѣка, здѣсь не знаешь, чему приписать нежданый выстрѣлъ — забавѣ охотника или умыслу врага?

И ребенокъ жадно прильнулъ къ красотамъ и ужасамъ Кавказа, и всю жизнь не могъ оторваться. Чего только онъ не перечувствовалъ у синихъ царственныхъ горъ! Особенно живо онъ вспомнилъ о матери, но на него нахлынуло еще болѣе сильное чувство, первая любовь. Дѣвочка лѣтъ девяти, съ бѣлокурыми волосами, съ голубыми глазами, живая, непринужденная, и молодой герой оказался страстно влюбленнымъ. Онъ увидѣлъ ее въ первый разъ за игрою въ куклы, и сердце его затрепетало и ноги подкосились. Онъ не могъ безъ смущенія смотрѣть на нее, тосковалъ по ней, плакалъ и стыдился встрѣчъ съ нею, убѣгалъ при одномъ ея имени. Надъ нимъ смѣялись, дразнили, и онъ не осмѣливался спросить, кто она и откуда. Но память о ней осталась прочной. Влюбленному даже казалось, что этотъ „потерянный рай" будетъ до могилы терзать его умъ. И ему этого хотѣлось. Особенно позже, все еще очень юнымъ, онъ былъ доволенъ своей столь ранней страстью. Байронъ находилъ, что подобныя души любятъ „священныя искусства". „Я думаю, — прибавлялъ отъ себя Лермонтовъ, — что въ такой душѣ много музыки".

И то и другое казалось вполнѣ справедливымъ.

Лермонтовъ возвращался въ Тарханы, переполненный глубокими впечатлѣніями. Геній поэзіи начиналъ расправлять крылья. Это уже не грезы, а чарующіе, ослѣпительные образы, неотступная вдохновляющая явь. И поэтъ громко заявлялъ, чему онъ обязанъ своимъ пробужденіемъ. „Горы кавказскія для меня священны", —

Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ горъ.

„Вы взлелѣяли дѣтство мое", говорилъ онъ этимъ горамъ годы спустя...

Осенью 1825 года Лермонтовъ снова въ Тарханахъ. Здоровье сильно поправилось. „Мишель“—смуглый, съ черными блестящими глазами, необыкновенно живой, своевольный, подчасъ жестоко шаловливый, охотникъ ломать кусты, рвать лучшіе цвѣты и разбрасывать ихъ по дорожкамъ, но часто мечтательно задумчивый. У него черные волосы, но надо лбомъ странный бѣлокурый клокъ.

Началось ученье самое разнообразное — языкамъ, игрѣ на фортепіано и на скрипкѣ, рисованію, лѣпкѣ фигуръ изъ воска. Первое мѣсто, по старому русскому порядку, долженъ занимать французскій языкъ. У молодого Лермонтова онъ не встрѣтилъ обычнаго дворянскаго сочувствія, а французская литература не имѣла у него никакого успѣха. И не трудно угадать — почему. Чинная, неумолимо правильная классическая словесность французовъ, съ необыкновенно воспитанными героями и переливчатыми размѣренными рѣчами не могла прійтись по вкусу тому, кто мечталъ о волжскихъ разбойникахъ и объ „одичалыхъ хребтахъ“ Кавказа.

И французская литература пригодилась Лермонтову только для невыгоднаго сравненія ея съ англійской и русской. Въ его ученическихъ тетрадяхъ французскія стихотворенія очень рано уступаютъ мѣсто русскимъ. На тринадцатомъ году Лермонтовъ переписываетъ стихотворенія русскихъ поэтовъ, а года черезъ два онъ жалѣетъ, что не слыхалъ онъ въ дѣтствѣ русскихъ народныхъ сказокъ: „въ нихъ,—думаетъ онъ,—вѣрно, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“.

Что же переписываетъ Лермонтовъ?

„Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина, „Шильонскій узникъ“ Жуковскаго. Здѣсь рѣчь идетъ о страданіи, объ одиночествѣ, объ упорной думѣ. Здѣсь — герои мужественные, загадочные, не умѣвшіе сжиться съ обыденной жизнью, не встрѣтившіе родной души среди обыкновенныхъ людей. Лермонтовъ начнетъ самъ сочинять, — и это будутъ поэмы о „черкесахъ“, „кавказскомъ плѣнникѣ“, „корсарѣ“, „преступникѣ“, пѣсня о неволѣ великихъ буйныхъ силъ, о богатыряхъ-сиротахъ, о „вихрѣ молодого сердца“, о ненависти къ шумному, измѣнчивому свѣту, о ранней остылости чувствъ, но больше всего — пѣсни о „любви къ свободѣ золотой“. Здѣсь много подражательнаго, дѣтски-простодушнаго и запальчиваго, но отъ первой до послѣдней строки здѣсь подлинная лермонтовская душа, лермонтовскій геній. Пока неокрѣпшія силы и невѣрные, неуклюжіе взлеты, но намъ ясно, какимъ путемъ и на какую высь стремится молодой поэтъ. Намъ также ясно, что эти пѣсни неспроста, не обычный трескъ дѣтскаго барабана и забавные размахи дѣтскаго оружія. Все это — первая исповѣдь надумавшейся мысли и намолчавшагося сердца, — та исповѣдь, какой такъ хотѣлъ больной семилѣтній ребенокъ. Ему приходится ее высказать только бумагѣ, — и какъ высказать! подъ поэмой „Черкесы“ тринадцатилѣтній авторъ отмѣчаетъ: „въ Чембарѣ за дубомъ“... Вы чувствуете, сколько въ этой простой отмѣткѣ ревниваго чувства ребенка-мечтателя къ своимъ ни съ кѣмъ не раздѣленнымъ мечтамъ, сколько юношеской гордости своей одинокой духовной жизнью!

Такимъ явился Лермонтовъ въ среду своихъ первыхъ товарищей.

Почти черезъ два года по возвращеніи съ Кавказа Елизавета Алексѣевна повезла внука учиться въ Москву.

III.

Не больше года Лермонтовъ готовился поступить въ благородный пансіонъ— приготовительное учебное заведеніе при Московскомъ университетѣ. Среди его

учителей достойны особаго вниманія — Зиновьевъ, преподаватель русской словесности въ пансіонѣ, и англичанинъ Виндсонъ. И Виндсонъ особенно важенъ. У него Лермонтовъ выучился англійскому языку, скоро увлекся англійской литературой, страстно полюбилъ Байрона. Здѣсь значительна каждая извѣстная намъ подробность. Впослѣдствіи, и при жизни и по смерти, безъ конца толковали о байронизмѣ Лермонтова.

Самъ Лермонтовъ подалъ поводъ.

Онъ зачитывался Байрономъ, онъ любилъ себя сравнивать съ нимъ, находилъ сходныя черты у себя и у англійскаго поэта и перечислялъ ихъ:

Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Но сходство не мѣшаетъ глубокимъ различіямъ, — Лермонтовъ сознавалъ ихъ. Насмѣшливымъ судьямъ его байронизма онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ стихотвореніемъ: „Нѣтъ, я не Байронъ“, и заявилъ о своей русской душѣ.

На самомъ дѣлѣ лермонтовскій „байронизмъ“ возникъ независимо отъ англійскаго. Это видно по самымъ раннимъ годамъ поэта. Чувство одиночества, исключительности росло у Лермонтова съ дѣтства. Вызывающее презрѣніе къ жизни, гдѣ нѣтъ силы, отваги и блеска, къ людямъ, не умѣющимъ глубоко любить и открыто ненавидѣть, — все это — прирожденное лермонтовское настроеніе. И все, что идетъ навстрѣчу этому чувству и настроенію, вызываетъ восторгъ Лермонтова.

И онъ, еще не зная поэзіи Байрона, увлекается юношескими драмами Шиллера: здѣсь столько негодованія на людское мелкодушіе и лицемѣріе, такое страстное обожаніе неограниченнаго разгула личныхъ силъ! Шекспиръ — рядомъ съ Шиллеромъ. Его поэзія такая мощная, жизненная, открытая! Какое можетъ быть сравненіе съ „приторнымъ вкусомъ французовъ“ и „глупыми ихъ правилами!“ Это слова самого Лермонтова. Онъ горячо вступается „за честь Шекспира“ противъ родственницы. Гамлетъ особенно чаруетъ его, для него это — живая улика французамъ, „не умѣющимъ обнять высокое“.

И всѣ эти восторги одного направленія. Здѣсь нѣтъ ни байроновскаго, ни шиллеровскаго, ни шекспировскаго вліянія, — здѣсь только Лермонтовъ, воспринимающій всюду сродное его душѣ, восторженно привѣтствующій давно искомую родную душу въ томъ или другомъ героѣ или писателѣ. Шиллеръ только въ молодости былъ Карломъ Мооромъ, горѣлъ противообщественнымъ гнѣвомъ, Шекспиръ полонъ жизни, правды и глубины — но онъ не боецъ, онъ только художникъ. Зато Байронъ! У него каждый стихъ — воинственный крикъ, каждое стихотвореніе — гимнъ или эпиграмма. Для Лермонтова онъ — самая родная душа. Для нихъ обоихъ, по словамъ нашего поэта, „жизнь скучна, когда боренья нѣтъ“. Лермонтовъ почти ребенкомъ сильно и искренно изобразилъ свою натуру:

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.

Всего этого достаточно, чтобы и безъ Байрона поэзія Лермонтова дышала байроновскимъ духомъ — неутолимой жаждой свободы, неугомонной борьбой за свое *я*.

Въ университетскомъ пансіонѣ Лермонтовъ пробылъ около двухъ лѣтъ и съ несомнѣнной пользой для своего литературнаго развитія. Въ пансіонѣ преподавали лучшіе профессора университета, впереди всѣхъ стоялъ поэтъ и извѣстный въ свое время словесникъ — Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ. Онъ слылъ „соловьемъ“ за свое краснорѣчіе, лекціи его слушались съ большимъ вниманіемъ, литературные опыты юношей встрѣчали у него сердечное и заботливое отношеніе. Въ пансіонѣ происходили словесныя собранія, — профессора читали свои произведенія, разбирали сочиненія своихъ питомцевъ, а тѣ произносили басни, стихи. Неоднократно и Лермонтовъ подвергался суровому суду Мерзлякова. Въ это время онъ началъ писать уже цѣлыя поэмы, лирическія изліянія посвящалъ другу и дружбѣ, неизмѣнно требуя глубокаго и вѣчнаго чувства, ища въ другѣ сильной личности и, разумѣется, чередуя восторгъ съ разочарованіями.

Особенно послѣдній годъ пребыванія Лермонтова въ пансіонѣ — 1829-й въ его произведеніяхъ грустенъ и мраченъ. Лермонтовъ переживаетъ сразу два событія — какъ поэтъ и какъ человѣкъ, — и оба событія углубляютъ одни и тѣ же настроенія: Лермонтовъ начинаетъ изучать англійскій языкъ и Байрона, — одновременно разгорается давняя семейная драма.

Срокъ житья Лермонтова у бабушки оканчивался, отношенія ея къ Лермонтову-отцу обострились до послѣдней степени. Юрій Петровичъ часто видѣлся съ сыномъ въ Москвѣ, сынъ окончательно почувствовалъ себя на сторонѣ отца, свиданія съ отцомъ были для него великой радостью, — онъ ждалъ минуты, когда они заживутъ вмѣстѣ, безъ чужой помѣхи. Елизавета Алексѣевна и въ умѣ не держала пойти на уступки. Она мужественно принялась снова отвоевывать внука у отца, напоминала своему питомцу о своихъ благодѣяніяхъ, говорила о своей одинокой жалкой старости — и Михаилъ Юрьевичъ пожалѣлъ старуху, остался у нея.

Не дешево обошлось ему это сожалѣніе! Предъ нами первые наброски самыхъ сильныхъ, самыхъ выстраданныхъ произведеній Лермонтова. Въ 1829 году является первый очеркъ Демона, — посвященіе къ нему исполнено тяжелаго чувства.

... Нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,—
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна.

Стихотвореніе Монологъ — первое молодое изложеніе знаменитой Думы. Четырнадцатилѣтній поэтъ говорилъ безнадежно о „дѣтяхъ сѣвера“, цвѣтущихъ такъ недолго, о пасмурной и душной жизни на родинѣ, о томъ, какъ тяжко сердцу и душѣ, тоскливо безъ любви и дружбы, о томъ, какъ „средь бурь пустыхъ томится юность наша и быстро злобы ядъ ее мрачитъ“, и становится горька „остылой жизни чаша“.

Вскорѣ поэту пришлось хоронить отца, въ 1830 году, и писать печальную эпитафію, и себя — пятнадцатилѣтняго — включать въ горькую участь покойнаго; они — отецъ и сынъ — „двѣ жертвы жребія земного!“ И онъ, отецъ, „гонимый на свѣтѣ“, далъ сыну жизнь, но счастья не далъ.

Такъ заканчивалъ Лермонтовъ годы своего начальнаго ученья, такимъ вступалъ въ университетъ. Студентомъ онъ сталъ числиться съ 1-го сентября 1830 года, но раньше онъ пережилъ лѣто, оставившее у него глубокую память.

Гостилъ онъ въ подмосковномъ помѣстьѣ брата бабушки — Середниковѣ. По сосѣдству жила родственница Лермонтова Сашенька Верещагина, она познакомила его съ своей подругой Катей Сушковой, и скоро разыгрался романъ, имѣвшій потомъ продолженіе. Разныя событія исторіи мы знаемъ и отъ Лермонтова и отъ Сушковой.

Въ первой части романа героиня — Катя Сушкова, побѣдоносная и безпощадно насмѣшливая, жертва — нашъ поэтъ, по выраженію Сушковой, „отрокъ“, наклонный къ „сентиментальнымъ сужденіямъ“, вѣчно таскавшій съ собой „огромнаго Байрона“. По внѣшности юный поклонникъ Байрона не годился въ герои: невзрачный, неуклюжій, съ красными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язви-

М. Ю. Лермонтовъ
студентомъ Московскаго университета 1830—1832 г.

тельной улыбкой. Но рѣчи онъ велъ богатырскія, и это барышнямъ казалось особенно забавно. Въ отвѣтъ на чувства онѣ предлагали ему волчокъ или веревочку, угощали булками съ начинкой изъ опилокъ. Катя Сушкова увѣровала, что отрокъ-поэтъ весь поглощенъ страстью къ ней. Это врядъ ли справедливо. Стихотворенія и замѣтки Лермонтова за это время помѣчены числами, — особенно много писалъ онъ въ іюлѣ. И здѣсь самыя разнообразныя думы: воспоминанія о прошломъ, о дѣтствѣ, о матери, вѣчный восторгъ предъ Байрономъ: „у насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки“, говоритъ поэтъ. 15-го іюля пишется стихотвореніе-автобіографія — итоги всей почти шестнадцатилѣтней жизни поэта, наконецъ, Лермонтовъ отзывается на современное политическое событіе — іюльскую революцію во Франціи. Катѣ Сушковой тоже оставалось мѣсто во вдохновеніяхъ поэта, но вовсе не такое почетное и пространное, какъ она увѣряетъ въ своемъ разсказѣ.

Несравненно болѣе глубокое чувство питалъ Лермонтовъ въ то же время къ другой дѣвушкѣ — Варенькѣ Лопухиной, его сосѣдкѣ по московской квартирѣ на Малой Молчановкѣ. Это едва ли не самое глубокое чувство, вызванное у Лермонтова женщиной за всю его жизнь. Восторженная, поэтическая, съ ласковой и свѣтлой улыбкой, она осталась для Лермонтова воплощеніемъ чистоты и благородства. Впослѣдствіи Лопухина вышла замужъ, — поэтъ продолжалъ хранить о ней нѣжное и почтительное воспоминаніе. Она внушила ему самое сердечное, трогательное стихотвореніе изъ всѣхъ имъ написанныхъ — Молитву. Воспѣвая черные волосы Сушковой, поэтъ о Лопухиной говорилъ совсѣмъ иначе:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей.

И это — правда. Сушкову постигла другая участь. Поэтъ создалъ вторую часть романа, и здѣсь роли совершенно перемѣнились... Было ясно, сколько горькой обиды внесла въ сердце „отрока“ веселость черноокой красавицы. И эта обида должна была еще сильнѣе закрѣпить убѣжденіе поэта въ своемъ роковомъ отщепенствѣ отъ людей. Несомнѣнно, юношеское воображеніе сообщало мелодраматическій тонъ жалобамъ поэта, но онѣ были естественны. Въ оправданіе ихъ поэтъ могъ разсказать свои подлинныя испытанія и онъ имѣлъ право съ гордымъ состраданіемъ смотрѣть на своихъ сверстниковъ, счастливыхъ свѣтлымъ дѣтствомъ, беззаботностью молодыхъ мечтаній и надеждъ, способныхъ на ничѣмъ не смущаемые восторженные порывы, полныхъ ничѣмъ неохлажденной вѣры въ жизнь и людей.

Все это Лермонтовъ встрѣтилъ у своихъ товарищей по университету, — и не могъ войти въ ихъ кругъ, присоединиться къ ихъ юнымъ, запальчивымъ, простодушно-лирическимъ бесѣдамъ. Онъ глядѣлъ на беззаботную толпу, и у него невольно складывалось по формѣ, можетъ-быть, нѣсколько приподнятое, но по существу искреннее и правдивое сознаніе:

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ, онъ чувствуетъ одинъ.

IV.

Не все Лермонтовъ переживалъ одинъ. Онъ не сходился съ товарищами. Первые курсы вообще мало отличались отъ обыкновенной школы, даже не имѣли тѣсной связи съ старшимъ курсомъ, а первый курсъ даже считался въ родѣ университетскаго приготовительнаго класса. Профессора далеко не всегда стояли на высотѣ положенія. Лекціи сопровождались шумомъ, школьническими шалостями. Лермонтовъ чувствовалъ себя не только зрѣлѣе студентовъ, но развитѣе и начитаннѣе многихъ преподавателей, что и доказывалъ на экзаменахъ не безъ юношеской горячности.

За стѣнами университета кипѣла особая жизнь, возникали кружки, рѣшались разные философскіе и общественные вопросы, и именно въ это время Бѣ-

линскій говорилъ свои жаркія рѣчи въ студенческомъ общежитіи и сочинялъ свою стремительную драму противъ крѣпостного права.

Лермонтовъ сидѣлъ одиночкой въ аудиторіяхъ, не посѣщалъ и кружковъ, являлся завсегдатаемъ въ свѣтскихъ салонахъ, но думалъ и чувствовалъ заодно съ Бѣлинскимъ. Доказательство — драма Странный человѣкъ. Главный герой — двойникъ автора. Онъ давно убѣдился въ себялюбіи и ничтожествѣ людей, онъ также давно ушелъ бы изъ ихъ общества, но ему тяжело одиночество, ему все грезится любовь. Помимо личнаго вопроса, въ драмѣ рѣшается и общественный, — о крѣпостномъ правѣ — неисчерпаемый предметъ для благородной молодежи тридцатыхъ годовъ. Въ драмѣ ему посвящена цѣлая сцена. Мужикъ разсказываетъ Владиміру Арбенину, главному герою, и его другу Бѣлинскому о жестокостяхъ своей госпожи, о всяческихъ крестьянскихъ невзгодахъ. Оба друга въ ужасѣ, Бѣлинскій рѣшаетъ выручить крестьянъ у страшной помѣщицы, Арбенинъ въ отчаяніи восклицаетъ: „О, мое отечество, мое отечество!“

Это восклицаніе „свѣтъ“ могъ принять прямо на свой счетъ. Но Лермонтовъ драмой не ограничился. „Свѣтъ“, его нравственныя качества, его вліяніе на людей — любимыя задачи для Лермонтова въ университетскіе годы. Какія яркія уничтожающія картины! Какія несмываемыя опредѣленія! Какое жгучее нестерпимое презрѣніе! Можно подумать, Лермонтовъ посѣщаетъ свѣтъ за тѣмъ, чтобы вѣрнѣй наносить ему удары, безпощаднѣе разоблачать ему „хладную мглу“, его „нарядную маску“, его ненависть ко всему самобытному и благородному... „Блеститъ надменный глупый свѣтъ съ своей красивой пустотой“ — вотъ отповѣдь поэта „важному шуту“.

Но вѣдь Лермонтовъ такъ льнулъ къ этому „шуту“, такъ старался быть на уровнѣ свѣтскихъ львовъ, тратилъ столько времени и находчивости на игру съ безтрепетными красавицами. Какъ же это понять?

Лермонтовъ въ первый же годъ студенческой жизни, послѣ одного сезона свѣтскихъ удовольствій, далъ такой отвѣтъ:

Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны...

Какъ геніальный художникъ, Лермонтовъ — по природѣ наблюдатель дѣйствительной жизни, знатокъ человѣческой души, ясновидецъ сокровеннѣйшихъ побужденій, управляющихъ людскими дѣйствіями. И онъ поразительно искусно живетъ двойною жизнью. Первый опытъ — московскія гостиныя.

Здѣсь Лермонтовъ веселъ, остроуменъ, рѣшителенъ въ разныхъ легкомысленныхъ предпріятіяхъ. Поэтъ упивается созерцаніемъ откровеннаго шутовства и простодушной, прирожденной пошлости. Какое богатое достояніе для сатиры и эпиграммы! Неисчерпаемый запасъ пищи для того демоническаго бичующаго гнѣва, какимъ столь склоненъ загораться лермонтовскій геній.

И вдругъ на подобной сценѣ явиться самимъ собой, начать разсказывать свои задушевныя думы, увѣрять барышень и кавалеровъ, что идеалы, дѣйствительно, существуютъ, они должны когда-либо осуществиться:

Умъ не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремится!..

Какой ужасъ! Лермонтовъ холодѣетъ отъ одной мысли, что въ его душу могутъ проникнуть взгляды подобныхъ людей. Этому кощунству имени не будетъ. Со временемъ онъ, полный неудержимаго негодованія, убѣдится, до такой степени свѣтъ можетъ загрязнить, опошлить самое великое и святое, что только есть на землѣ, — тотъ самый свѣтъ, который сгубилъ Пушкина и не щадилъ его мертваго! Но и теперь Лермонтову ясно, какой пріемъ онъ встрѣтилъ бы въ свѣтѣ какъ поэтъ. И, глядя въ лицо свѣту, Лермонтовъ спрашивалъ у себя:

Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ
И гордыхъ думъ не постигалъ.

И жизнь въ свѣтѣ только съ новой силой пробудила воспоминанія Лермонтова о странѣ свободы, естественной неизуродованной жизни, — о вѣчно миломъ Кавказѣ. Свѣтъ стираетъ все личное, яркое, всѣхъ подгоняетъ подъ одну мѣрку, пріучаетъ человѣка быть счастливымъ въ состояніи безличія, тупого самодовольства. Это нравственная смерть!

Отсюда отвращеніе Лермонтова отъ всего массоваго, уравнительнаго, рутиннаго, — его разочарованіе. Оно тѣмъ мрачнѣе, тѣмъ демоничнѣе, чѣмъ восторженнѣе, чѣмъ глубже очарованіе. Лермонтовъ одинъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ, не разсудочныхъ, а прирожденныхъ идеалистовъ. И это окончательно выясняется въ его университетскіе годы, и именно свѣтъ пустотой и ничтожествомъ своего существованія заставилъ Лермонтова вдумчиво рѣшить вопросъ: неужели вообще таковъ удѣлъ человѣка?

И поэтъ далъ рѣшительный отрицательный отвѣтъ. И отвѣтъ не лирическій, не прекраснодушно-мечтательный, а спокойный, строгій, логически-убѣдительный.

Это одно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ произведеній Лермонтова. „Когда бъ въ покорности незнанья насъ жить Создатель осудилъ“... Не можетъ этого быть! Мы не напрасно ищемъ совершенства, оно существуетъ, если мы къ нему стремимся по природѣ, и не въ силахъ подавить въ себѣ этихъ стремленій.

Университетскіе годы вообще были очень плодотворными для Лермонтова. Несмотря на отчужденность среди товарищей, неспособность многихъ преподавателей, Лермонтовъ сохранилъ объ университетѣ память какъ о „святомъ мѣстѣ“, Москву считалъ „родной“. Писалъ онъ очень много. Талантъ его зрѣлъ быстро. Духовный міръ поэта опредѣлялся рѣзко и настойчиво. Лермонтову шелъ восемнадцатый годъ, — въ немъ выросталъ поэтъ, сильный мыслію, человѣкъ съ яркой личностью. Лермонтовъ сознавалъ свою зрѣлость, свой нравственный ростъ. Его отношенія къ внѣшнему міру также опредѣлились: отнынѣ будетъ два человѣка — одинъ для тѣхъ, кому „души не надо“, другой для своего генія и для избранныхъ, родныхъ душъ. И поэту не страшно забыть лучшаго себя, уподобиться толпѣ. У него есть спаситель. И онъ ясно говоритъ о власти этого спасителя надъ нимъ.

Когда поэту „все измѣняло“, „вездѣ отравы были“ — „лишь лиры звукъ неизмѣненъ былъ“, и его — героя свѣтскаго общества —

Спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ заботъ.

Въ Московскомъ университетѣ Лермонтовъ не пробылъ и двухъ лѣтъ, 18 іюня 1832 года ему выдали увольнительное свидѣтельство „по прошенію“. Есть извѣстіе, будто Лермонтовъ участвовалъ въ студенческой исторіи съ однимъ изъ самыхъ плохихъ профессоровъ, — сами студенты рѣшили изгнать профессора и сдѣлали это чрезвычайно шумно. Могли быть и другія причины у Лермонтова, покидавшаго университетъ; онъ вообще не стѣснялся въ своемъ обращеніи съ профессорами, говорятъ, прямо уличалъ ихъ въ отсталости и невѣжествѣ. Продолжать ученіе при такихъ условіяхъ было невозможно, и Лермонтовъ ушелъ, вѣроятно, не совсѣмъ добровольно.

Гдѣ же продолжать образованіе? Бабушка настаивала на Петербургскомъ университетѣ, Лермонтовъ сначала также думалъ объ университетѣ, но потомъ остановился на школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Много было этому причинъ: Лермонтову не хотѣли зачесть двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Московскомъ университетѣ, потомъ прежній трехгодичный университетскій курсъ сдѣлали четырехгодичнымъ. Съ другой стороны, военная школа сильно искушала поэта. Еще въ дѣтствѣ его мечты отличались воинственностію, въ дѣтскомъ альбомѣ рисунки батальнаго жанра преобладали, въ пансіонскихъ эпиграммахъ главный герой — гусаръ, счастливый донъ-жуанъ. Кругомъ въ свѣтѣ, гражданская карьера не пользовалась уваженіемъ, но военные слыли просто „подьячими“. Наконецъ Лермонтову хотѣлось скорѣе полной свободы, живой размашистой жизни. Въ это время написанъ Парусъ, и этотъ мятежный парусъ, просящій бури въ самыя свѣтлыя минуты покоя, это — самъ поэтъ. По части „бурь“ военная школа сулила полное удовлетвореніе — и съ ноября 1832 года Лермонтовъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Онъ оставался здѣсь два года и самъ потомъ называлъ эти годы „злополучными“. Объ умственномъ развитіи юныхъ воиновъ никто не думалъ. Даже книгъ литературнаго содержанія имъ читать не позволялось. Въ школѣ издавался рукописный журналъ. Лермонтовъ усердно сотрудничалъ, сочинилъ Уланшу, Петергофскій праздникъ — поэмы, достаточно краснорѣчивыя и для журнала и для настроеній самого автора.

Отъ словъ не отставали и дѣла. Поэта смущала слава ёры и забіяки, онъ показывалъ свою силу и молодечество, за что поплатился однажды тяжелой болѣзнью — невыѣзжанная лошадь расшибла ему ногу и на всю жизнь заставила его слегка прихрамывать. Поэтъ со всею страстью молодости отдавался „гусарщинѣ“.

И страсть эта не прошла безслѣдно, — Лермонтовъ получилъ извѣстное воспитаніе. Оно могло бы окончательно сгубить его, если бы въ немъ самомъ не жилъ его спаситель — великая нравственная сила геніальнаго поэта.

Бывали времена, жгучее раскаяніе начинало мучить Лермонтова и онъ тогда писалъ удивительныя письма Лопухиной. Достаточно одного такого письма, чтобы быть спокойнымъ за участь человѣка: его не задушить даже гусарщинѣ!

Лопухиной Лермонтовъ послалъ слѣдующую исповѣдь:

„Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ, — путемъ ли порока или пошлости. Оно, конечно, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщавать, постараетесь утѣшить меня, — было бы напрасно! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій, но — увы! — скажи, съ кѣмъ ты водишься, а я скажу, кто ты таковъ!“

Другой другъ Лермонтова — Верещагина — „ради Бога“ умоляла его не забывать, что онъ переживаетъ „критическій моментъ“, осторожнѣе сходиться съ товарищами. Всѣ, кто зналъ настоящаго Лермонтова, радовались его кратковременному пребыванію въ школѣ.

Но радость преждевременная. Лермонтова произвели въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка 22 ноября 1834 года. Производство это отнюдь не означало разрыва съ юнкерскимъ духомъ. Совершенно напротивъ.

Лермонтовъ началъ независимую жизнь Маешкой. Такое прозвище дали ему товарищи, занявъ это имя отъ горбатаго уродца Mayeux, героя французскихъ романовъ и карикатуръ откровеннаго направленія. Лермонтовъ не открещивался отъ прозвища. Ему было лестно доказать свою гусарскую правоспособность. Онъ кутилъ, жегъ сердца, импровизировалъ стихи на гусарскія пирушки и приключенія — и создалъ, наконецъ, вторую часть своего романа съ Сушковой.

V.

„Отрокъ“ успѣлъ измѣниться до неузнаваемости. По словамъ Сушковой, Лермонтовъ не похорошѣлъ, но, прибавляетъ она, глаза его смотрѣли съ большею увѣренностью, нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой-то неподвижностью“. И Сушкова смутилась.

Въ письмѣ къ Верещагиной Лермонтовъ самъ разсказалъ всю исторію, нисколько не стараясь прикрасить своихъ дѣйствій. А дѣйствія были чисто гусарскія и весьма жестокія. Поэтъ дѣйствовалъ въ двухъ направленіяхъ: онъ постарался разсказать бракъ Сушковой съ Лопухинымъ, братомъ своего друга, а потомъ разыгралъ роль влюбленнаго въ Сушкову, поставилъ ее въ смѣшное положеніе жертвы неудавшагося романа, а чтобы разорвать съ ней окончательно, написалъ къ ней о самомъ себѣ самое нелестное анонимное письмо, направилъ это письмо въ руки родственниковъ бѣдной дѣвицы и, по его словамъ, вызвалъ „громъ и молнію“. А въ заключеніе, при встрѣчѣ, — видъ изумленнаго и печальнаго рыцаря, и, наконецъ, достойный эпилогъ: откровенное заявленіе, что онъ вовсе не любитъ дѣвицы и, кажется, никогда не любилъ.

„Такъ было ведено это трогательное приключеніе, — заканчиваетъ Лермонтовъ письмо, — что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе“.

Несомнѣнно, и исторія достойна не Лермонтова, а Маёшки, столь основательно воспринявшаго уроки гусарщины.

И остальная жизнь въ томъ же родѣ. Служилъ Лермонтовъ плохо, больше проказничалъ и попадалъ на гауптвахту. Жилъ онъ вмѣстѣ съ родственникомъ, Алексѣемъ Столыпинымъ. Это красавецъ, непогрѣшимый знатокъ гусарской рыцарственности и, по словамъ Лермонтова, „повѣса и антумъ коварныхъ обожатель“. Оба друга были душой гусарскихъ сходбищъ, и Лермонтовъ изо всѣхъ силъ старался быть здѣсь своимъ человѣкомъ. Больше чѣмъ когда-либо онъ скрывалъ и свою душу и свой талантъ, т.-е. благородную, идеальную сторону своего таланта. На виду у всѣхъ онъ писалъ стихи и жегъ ихъ на раскурку трубокъ. Такъ гусары и оставались при убѣжденіи, это — сорви голова до мозга костей, свой братъ кутила и забіяка. И какъ же потомъ изумились эти пріятели, когда вдругъ авторъ развеселыхъ застольныхъ пѣсенъ и откровенныхъ поэмъ ока-

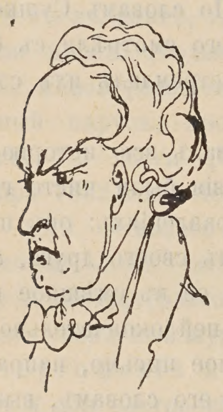
зался великимъ поэтомъ. Помимо изумленія, здѣсь было и недовѣріе, и обида, и невольная ревность...

А, между тѣмъ, Лермонтовъ отнюдь не погибалъ въ попойкахъ и приключеніяхъ. У него и теперь оставался старый завѣтный путь и онъ шелъ имъ незамѣтно для другихъ, но неустанно и вѣрно. Никто не долженъ знать его тайны. Онъ писалъ много и ничего не хотѣлъ печатать. Первое его произведеніе, появившееся въ печати въ 1835 году, Хаджи Абрекъ, попало въ Библіотеку для чтенія безъ его вѣдома. Лермонтовъ негодовалъ и попрежнему не желалъ печататься, но не переставалъ работать надъ драмой Маскарадъ, поэмой Бояринъ Орша, надъ своимъ давнимъ любимцемъ Демономъ.

Но это пока не-открытый Лермонтовъ. И онъ самъ томился своей раздвоенностью, „съ тоской“ спрашивалъ:

Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье?

И поэтъ отводилъ душу въ письмахъ къ Лопухиной. Этотъ „левъ“ говорилъ ей о жалости къ нему, о великодушіи, о ласковомъ словѣ, способномъ согнать съ его лица ненавистную холодную иронію.



Рисунокъ на поляхъ поэмы «Бояринъ Орша».

Какъ это все безконечно далеко отъ гусарщины! И вотъ наступилъ моментъ, передъ всѣми сдернувшій покрывало съ Лермонтовской подлинной души, явился „вѣстникъ избавленья“.

Это страшное горе Россіи — внезапная смерть Пушкина. Но свѣтъ не горевалъ. Лермонтовъ былъ боленъ, но до него и домой доходили свѣтскіе толки. „Многіе, — разсказываетъ онъ, — особенно дамы оправдывали противника Пушкина“, такъ какъ Пушкинъ былъ дуренъ собой, ревнивъ и не имѣлъ права требовать любви отъ своей жены.

Лермонтовъ страстно вознегодовалъ и, по его словамъ, „излилъ горечь сердечную на бумагу“, предпослалъ стихотворенію эпиграфъ изъ французской трагедіи — воззваніе къ монарху объ отмщеніи.

Стихотвореніе оканчивалось сначала стихомъ „И на устахъ его печать“. Оно быстро распространилось, вызвало смуту въ высшемъ обществѣ, новыя похвалы убійцѣ Пушкина — французу Дантесу... Тогда возникли послѣднія строки — уничтожающая отповѣдь „надменнымъ потомкамъ“. Ее вызвалъ у разгнѣваннаго поэта его родственникъ, дипломатъ, явившійся къ нему съ оправдательной рѣчью въ пользу Дантеса. Лермонтовъ выгналъ отъ себя дипломата и въ порывѣ бурнаго вдохновенія написалъ знаменитыя строки...

Въ высшемъ обществѣ ихъ сочли за воззваніе къ революціи, послѣдовалъ арестъ, корнета Лермонтова перевели прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, дѣйствовавшій на Кавказѣ.

Слава теперь обезпечена. На Кавказъ Лермонтова сопровождало общее пристальное вниманіе. Здѣсь было и горячее сочувствіе и глубоко затаенная вражда, но даже и враги не могли не видѣть въ новомъ поэтѣ преемника только что погибшаго великаго поэта.

Первое пребываніе Лермонтова длилось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Бабушка усиленно хлопотала, и его сначала перевели въ гусарскій Гродненскій полкъ, стоявшій въ Новгородской губерніи, а потомъ въ апрѣлѣ 1838 года вернули въ лейбъ-гусарскій.

Но и кратковременное пребываніе Лермонтова на Кавказѣ не прошло безслѣдно. Поэтъ, можно сказать, припалъ къ родной землѣ, и давніе восторги предъ „царемъ земли“ проснулись съ новой силой. Онъ въ восхищеніи отъ природы, отъ южнаго воздуха. Онъ готовъ „цѣлую жизнь“ не разставаться съ югомъ. Общество будто утратило для него всякую привлекательность. Юношеская веселость

«Воспоминаніе о Кавказѣ». Картина М. Ю. Лермонтова, писанная масляными красками въ Новгородѣ въ 1838—39 г.

исчезла. Потомъ даже свѣтскія дамы замѣтили, что послѣ Кавказа у Лермонтова явились „припадки черной меланхоліи“.

На самомъ дѣлѣ это — раздумье о конечной цѣли, настойчивый допросъ прошлаго и будущаго. Онъ никогда не оставлялъ Лермонтова. Въ самый разгаръ гусарщины поэтъ грустно задумывался надъ своей судьбой и повѣрялъ свои черныя думы одной изъ сестеръ Лопухиныхъ: онъ будто съ каждымъ днемъ убѣждается, что изъ него ничего не выйдетъ и ни къ чему не послужитъ данная ему Богомъ пламенная молодая душа.

Теперь эти думы становились все настойчивѣе. Свѣтъ утрачивалъ для него занимательность съ тѣхъ поръ, какъ онъ завоевалъ вниманіе свѣта. Побѣда осталась за Лермонтовымъ, и чары свѣта стали тускнѣть и наскучивать. Лермонтовская двойственность исчезла. Уйти отъ свѣта поэтъ не могъ и онъ объяснялъ

почему. Общество давало ему оружіе противъ самого себя: „нигдѣ, по словамъ Лермонтова, не встрѣчается столько низостей и странностей какъ тутъ“, т.-е. въ свѣтѣ. И Лермонтовъ шелъ сюда, чтобы знать, кого судить и карать. Онъ несъ сюда свой оскорбленный идеализмъ, свои насильственно затаенныя,— для свѣта — смѣшныя мечты, и во имя своей непризнанной, оскорбляемой вѣры въ человѣка и его достоинство клеймилъ людскую пошлость.

Сначала онъ показываетъ свѣту его противоположность, могучій образъ, волновавшій поэта съ дѣтства. Окончательно создаются Демонъ и Мцыри. Вторая поэма — развитіе задачи, записанной Лермонтовымъ еще въ Москвѣ, до поступленія въ университетъ: „написать записки молодого монаха 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ, кромѣ священныхъ книгъ не читалъ... Страстная душа томится. Идеалы“.

И Демонъ и Мцыри братья по духу и одной семьи со всѣми любимыми героями Лермонтова. Демонъ гордый, независимый духъ, отчужденный отъ міра изъ-за его мелкихъ страстей, изъ-за его неспособности жить всепоглощающимъ мужественнымъ чувствомъ любви или гнѣва. Демонъ не можетъ любить и щадить такого жалкаго міра — и онъ чуждъ любвеобильнымъ милосерднымъ небесамъ. Демонъ, давно познавшій людей, можетъ ихъ презирать сознательно и равнодушно. Мцыри молодъ. Онъ еще мечтаетъ о просторѣ и волѣ. Но онъ полонъ такого же демоническаго презрѣнія къ міру — тѣсному и немощному. Онъ гибнетъ, сожженный первымъ взрывомъ своей знойной страсти къ свободѣ, и не жалѣетъ о жизни, неспособной утолить богатырской жажды сына природы.

Но лермонтовскій демонизмъ не безнадежное разочарованіе, не безграничное страданіе и неизлѣчимая ненависть. Это — драма одиночества. За проклятіями чуется вѣчная тоска о любви, за холоднымъ презрѣніемъ живетъ лирическое, восторженное сердце. Только пусть міръ создастъ предметъ, достойный любви, прекрасный, чистый, мужественный. Тогда демонъ-разрушитель превратится въ ангела-создателя.

Лермонтовъ, сочиняя самыя злыя эпиграммы, говоритъ о себѣ: „любить необходимо мнѣ“, „пустое сердце ныло безъ страстей“, „въ глубинѣ душевныхъ ранъ жила любовь — богиня юныхъ дней“.

То же самое сказалъ бы о себѣ и Демонъ, онъ — герой Тамары!.. Но существуетъ ли въ мірѣ такая идеальная воплощенная мечта? На землѣ такъ перемѣшаны слабость и сила, красивое и невзрачное, смѣлость и малодушіе! Ничего цѣльнаго, безповоротно мужественнаго! И Демонъ находитъ, что въ такомъ мірѣ ничто не достойно ни сожалѣнья ни участья.

И это не поэтическій вымыселъ для нашего поэта. У него, дѣйствительно, такіе запросы къ людямъ и къ жизни. Онъ по природѣ не способенъ на половинчатыя отношенія, на сдѣлки, на смягчающія объясненія. Отсюда его желчь, столь часто оскорблявшая и отталкивавшая людей. Отсюда лермонтовскій противообщественный духъ, безпрестанныя превращенія поэта изъ „добраго малаго“, какимъ его знали, напримѣръ, сестры Лопухины, въ заносчиваго и задорнаго издѣвателя. „Щадить мнѣ не дано“, „есть минуты, когда я понимаю вампира“, говорятъ лермонтовскіе герои, и самъ авторъ отлично понималъ ихъ — также въ нѣкоторыя и не рѣдкія минуты.

VI.

Лермонтовъ вернулся съ Кавказа, окруженный славой поэта и даже героя, страдальца. Теперь онъ входилъ въ свѣтскія гостиныя, чувствуя свою силу, женщины наперерывъ одѣляли его своимъ вниманіемъ, и неизбѣжно загоралась зависть и вражда мужчинъ. Одинъ изъ свѣтскихъ успѣховъ навлекъ на Лермонтова новую бѣду.

Зимой 1840 года онъ ухаживалъ за красивой вдовой кн. Щербатовой. Въ нее былъ влюбленъ сынъ французскаго посланника, Барантъ. Столкновеніе между влюбленными произошло на дому, на масленицѣ слѣдующаго года. Барантъ возмутился болѣе успѣшнымъ ухаживаніемъ Лермонтова и бросилъ ему фразу:

— Вы слишкомъ пользуетесь, милостивый государь, тѣмъ, что мы находимся въ странѣ, гдѣ дуэль запрещена.

— Это ничего не значитъ,—отвѣтилъ Лермонтовъ, — я всецѣло въ вашемъ распоряженіи.

Лермонтовъ потомъ въ письмѣ къ своему начальнику сообщалъ, что на замѣчаніе Баранта о дуэли онъ отвѣтилъ: „Въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ“.

Дуэль произошла 18 февраля. Противники должны были стрѣлять вмѣстѣ. Лермонтовъ немного опоздалъ. Барантъ выстрѣлилъ и промахнулся, его противникъ выстрѣлилъ въ сторону.

На допросѣ Лермонтовъ точно передалъ все дѣло. Барантъ обидѣлся и, когда его противникъ сидѣлъ уже подъ арестомъ, сталъ распускать по городу лживые слухи. Лермонтовъ узналъ объ этомъ, вызвалъ къ себѣ на гауптвахту Баранта и предложилъ ему новую дуэль, если онъ считаетъ себя неудовлетвореннымъ. Барантъ отказался. Но мать его поспѣшила пожаловаться на Лермонтова: онъ будто потребовалъ къ себѣ ея сына и вызвалъ его снова на дуэль. Безъ этой жалобы, вѣроятно, дѣло кончилось бы благополучно. Начальство обратило вниманіе на то, что Лермонтовъ рѣшилъ драться съ цѣлью защитить честь русскаго имени. Но доносъ матери Баранта круто измѣнилъ положеніе. Лермонтова съ его гвардейскимъ чиномъ поручика перевели въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, стоявшій на Кавказѣ, въ апрѣлѣ 1840 года.

По пути въ ссылку Лермонтовъ написалъ чудное обращеніе къ тучкамъ. Казалось, самого себя разумѣлъ поэтъ, спрашивая у тучекъ:

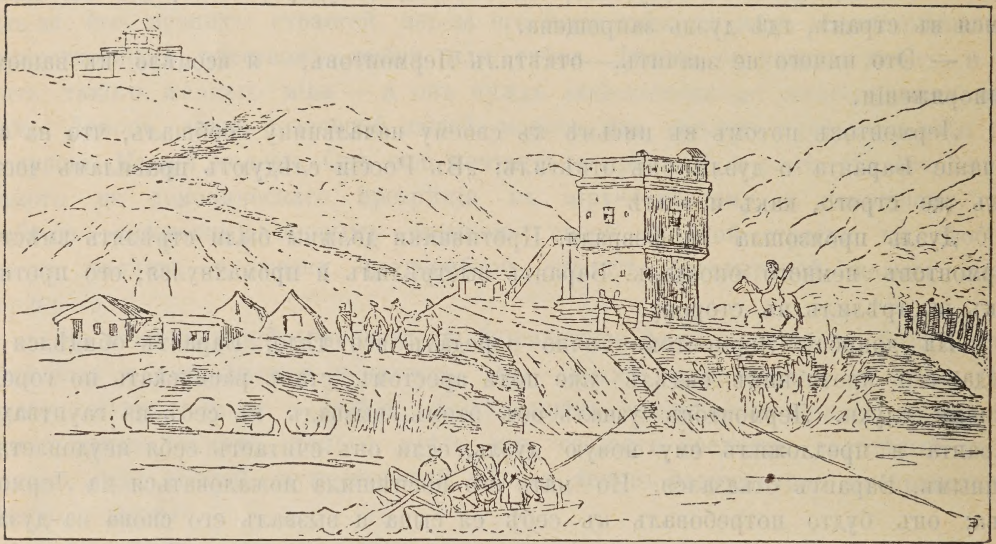
Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшенье?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленье?
Или друзей клевета ядовитая?

На Кавказѣ Лермонтовъ принялъ дѣятельное участіе въ походахъ противъ горцевъ. Осенью былъ въ Чечнѣ, въ письмѣ къ Лопухину и въ стихотвореніи В а л е р и к ъ описалъ сраженіе при рѣчкѣ Валерикъ и ни словомъ не упомянулъ о себѣ, хотя начальство офиціально засвидѣтельствовало „отличное мужество и хладнокровіе“ Лермонтова въ этомъ „дѣлѣ“.

Но воинъ не забывалъ поэзіи.

Романъ Герой нашего времени былъ задуманъ еще въ первую ссылку поэта на Кавказъ. Есть извѣстіе, что княжна Мери, Грушницкій, докторъ Вернеръ списаны съ натуры еще въ 1837 году. Въ 1840 году романъ вышелъ въ печати. Несомнѣнно, дольше всего поэтъ работалъ надъ Печоринымъ. Здѣсь столько онъ былъ долженъ передумать надъ самимъ собой! Создать Печорина для Лермонтова значило пройти привычный, но трудный путь самопознанія и самокритики.

Елизавета Алексѣевна выхлопотала внуку отпускъ, и Лермонтовъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ февраля 1841 года. Бабушку ему видѣть не пришлось: она не могла пріѣхать изъ-за весенней распутицы. Прожилъ онъ въ Петербургѣ около трехъ мѣсяцевъ, попрежнему посѣщалъ свѣтъ, чаровалъ избранныхъ дамъ стихами. Но военное начальство поставило Лермонтову на видъ, что онъ уволенъ въ отпускъ только для свиданія съ бабушкой и въ его положеніи непри-



Переходъ черезъ Судакъ въ 1840 году. Съ рисунка перомъ М. Ю. Лермонтова.

лично разъѣзжать по баламъ и торжественнымъ собраніямъ. Лермонтова это замѣчаніе огорчило и оскорбило. И вообще настроеніе его становилось все грустнѣй. Его начинало преслѣдовать предчувствіе близкой смерти.

Возвратившись на Кавказъ, Лермонтовъ сначала остановился въ Ставрополѣ: здѣсь находился штабъ Тенгинскаго полка, потомъ Лермонтовъ выхлопоталъ отпускъ и переѣхалъ въ Пятигорскъ.

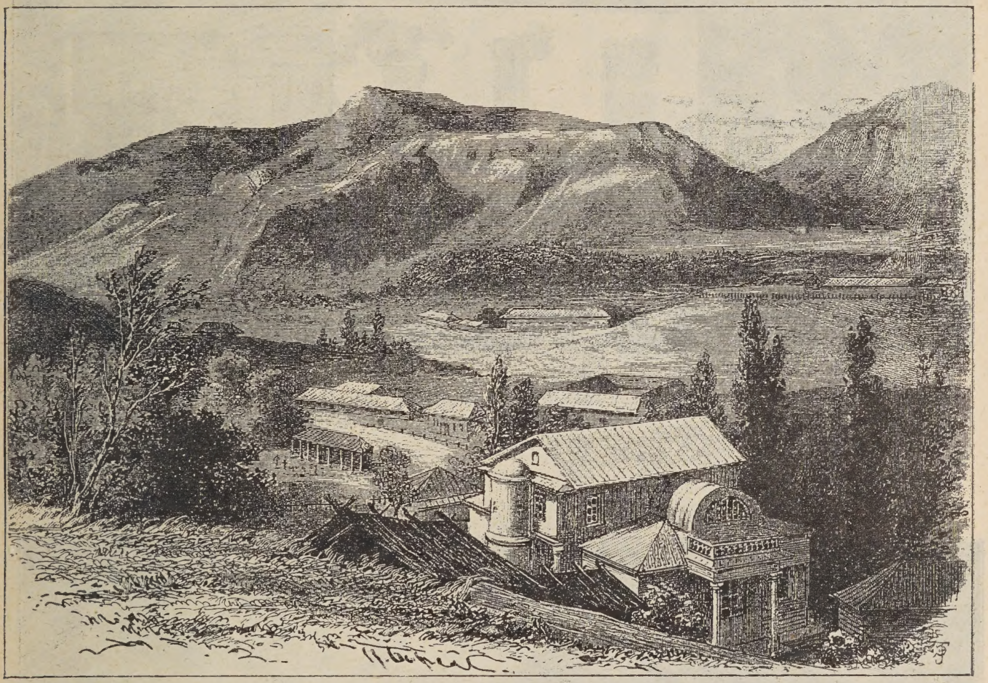
По нѣкоторымъ разсказамъ, Лермонтовъ еще въ 1837 г. познакомился въ Пятигорскѣ съ семьей Верзилиныхъ и одну изъ сестеръ — Эмилію Верзилину прозвалъ „La Rose du Caucase“—Кавказской Розой. Теперь онъ встрѣтилъ рядомъ съ ней гвардейскаго офицера Мартынова, мрачнаго, молчаливаго, съ огромными бакенбардами и огромнымъ кинжаломъ, въ черкесскомъ костюмѣ. Фигура, несомнѣнно, комическая, сродни Грушницкому.

Лермонтовъ такъ и отнесся къ Мартынову. Оба оказались соперниками. Мартыновъ усиленно старался казаться молодцомъ и героемъ, но не отличался находчивостью, вообще остротой ума. Все это благодарнѣйшая пища для лермонтовскаго остроумія, и поэтъ широко ею воспользовался, сразу далъ мрачному

дикарю забавное прозвище Montagnard au grand poignard — горецъ съ большимъ кинжаломъ.

Насмѣшки возымѣли крайне печальныя послѣдствія. Можно горячо пожалѣть, что Лермонтовъ вступилъ въ мелкую войну съ противникомъ, подобнымъ Мартынову. Острить надъ тѣмъ, кто могъ отвѣтить только кулакомъ, врядъ ли особенно любопытно. И поле сраженія, гдѣ Мартыновъ могъ производить серьезное впечатлѣніе, не было достойно Лермонтова.

Но все это доводы холоднаго разсудка, — Лермонтову шелъ всего двадцать седьмой годъ. Какъ бы онъ ни возвышался надъ свѣтскимъ и офицерскимъ обществомъ, — попадая въ эту среду, онъ долженъ подвергаться своего рода заразѣ, и, по старой привычкѣ, не могло его сердце стерпѣть — не пустить стрѣлы въ такую матерую дичь, какъ живой да еще разукрашенный Грушницкій.



Домъ Реброва въ Кисловодскѣ, мѣсто дѣйствія романа «Герой нашего времени».

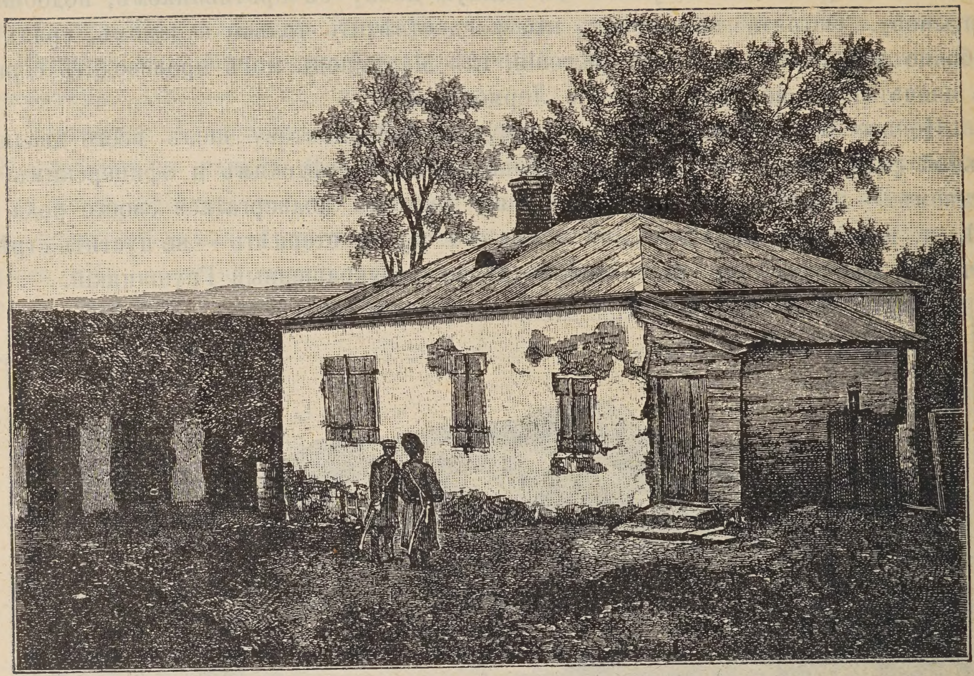
За стрѣлы пришлось разсчитаться выстрѣломъ.

Однажды въ іюлѣ вечеромъ Мартыновъ, обозванный „свирѣпымъ горцемъ“ (le farouche montagnard), правда, не въ лицо, но достаточно громко, потребовалъ у Лермонтова объясненій, и бесѣда окончилась вызовомъ.

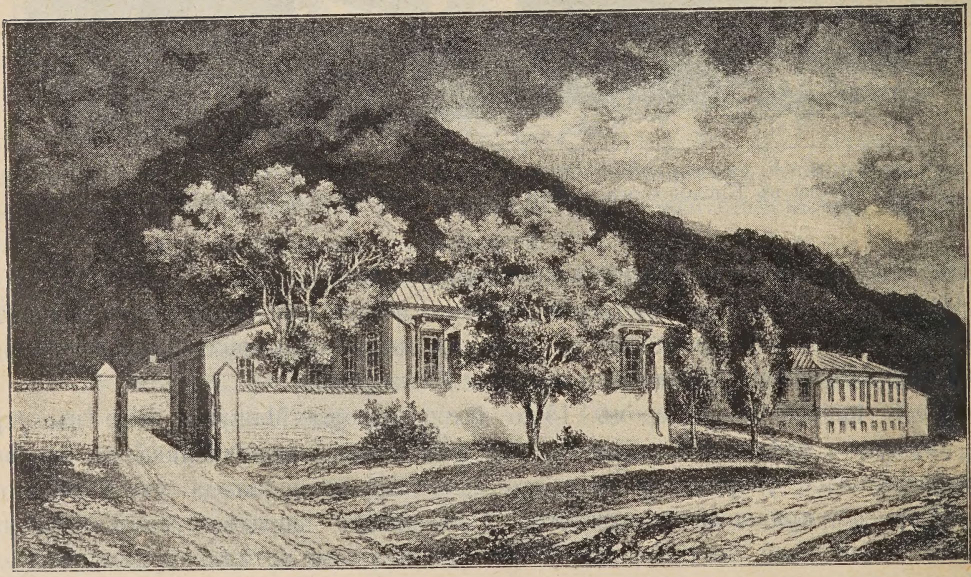
Дуэль произошла вечеромъ 15-го іюля у горы Машука. Еще съ утра подъ городомъ собирались тучи и, по разсказамъ современниковъ, сильная гроза разразилась ударомъ грома въ то самое мгновеніе, когда упалъ Лермонтовъ. Ему не пришлось выстрѣлить. Онъ стоялъ передъ дуломъ вражьяго пистолета спокойный, почти веселый. Онъ до конца не хотѣлъ вѣрить въ дуэль съ Мартыновымъ.

Выстрѣлъ оказался необыкновенно удаченъ. Пуля пробила сердце и легкія, и Лермонтовъ упалъ на мѣстѣ, будто подкошенный.

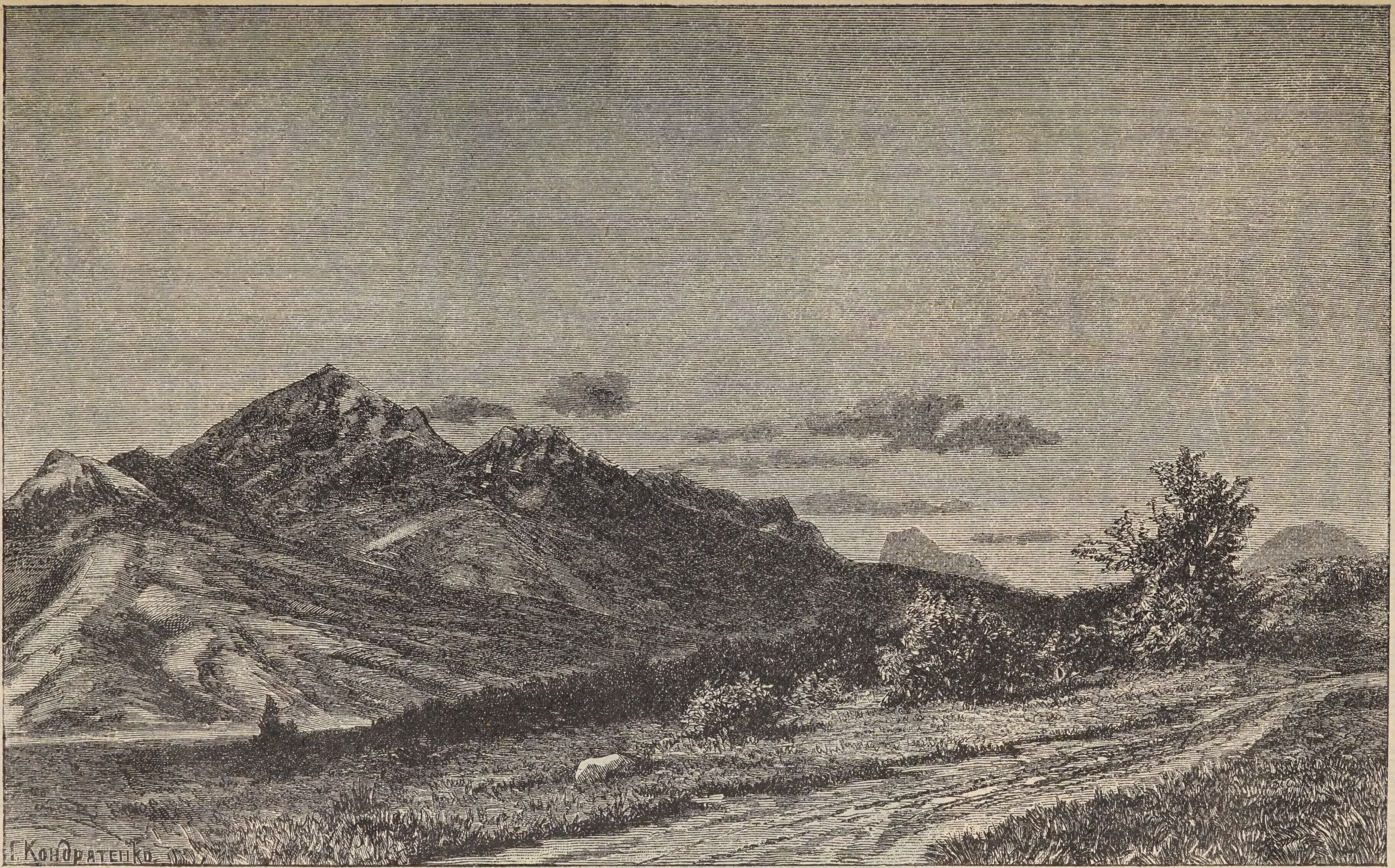
Все это разсказываетъ кн. Васильчиковъ, секундантъ Мартынова.



Домъ, гдѣ жилъ М. Ю. Лермонтовъ въ Пятигорскѣ.



Домъ генеральши Верзилиной въ Пятигорскѣ, мѣсто ссоры М. Ю. Лермонтова съ Мартыновымъ.



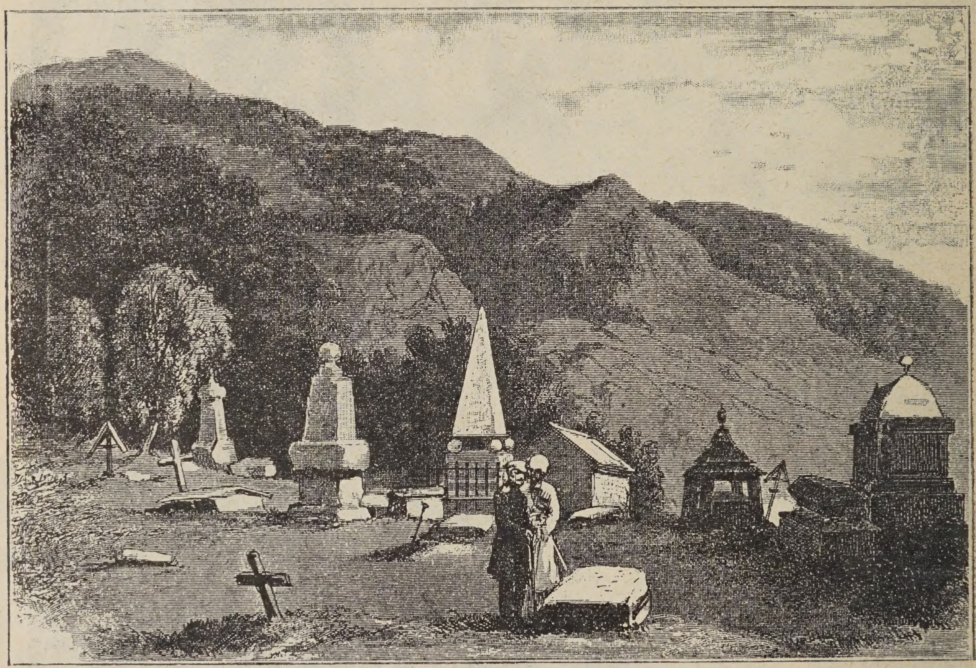
Мѣсто дуэли М. Ю. Лермонтова съ Мартыновымъ, близъ Пятигорска, у подошвы горы Машука.

Ни доктора ни извозчики не захотѣли ѣхать на мѣсто дуэли. Только въ 11 часовъ ночи извозчикъ по распоряженію полиціи пріѣхалъ за трупомъ. Съ трудомъ удостоили убитаго неполнаго христіанскаго обряда погребенія, лишили обычныхъ военныхъ почестей, въ петербургскомъ свѣтѣ привѣтствовали страшную кончину Лермонтова, какъ заслуженную.

Такъ исполнилось пророческое предчувствіе Лермонтова:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать...
Кровавая меня могила ждетъ, —
Могила безъ молитвъ и безъ креста.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Арсеньева перевезла прахъ внука въ Тарханы. Надъ безвременной могилой долго шумѣли самые разнообразные голоса, не замолкли и до нашихъ дней. Лермонтовъ все не могъ дождаться того суда по-



Могила М. Ю. Лермонтова на кладбищѣ въ Пятигорскѣ, въ первый годъ (1841 года) по кончинѣ поэта. Съ рисунка А. И. Арнольди.

томства, который принято считать нелицепріятнымъ. И здѣсь также оправдывались слова поэта:

Я паду, — и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній.

Но поэтъ говорилъ также: „Къ погибшимъ люди справедливы". И справедливость видимо торжествуетъ, и первое свидѣтельство ея торжества всероссійскій памятникъ, открытый Лермонтову въ Пятигорскѣ въ 1889 году. И эта почесть, оказанная Лермонтову, именно такъ понятна и убѣдительна!

Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ.

VII.

Мы видѣли, какая цѣльная и яркая личность — Лермонтовъ. Она будто отлита изъ одного металла. Жизнь не вносила въ этотъ удивительно крѣпкій нравственный міръ продолжительныхъ противорѣчій и колебаній. Въ этомъ и заключается первое основное несчастье Лермонтова. Онъ не могъ мѣняться и приспособляться, не могъ гнуться. Онъ только могъ глубже войти въ себя, но не затѣмъ, чтобы навсегда похоронить свое *я*, а затѣмъ, чтобы накопить больше гнѣва, внимательнѣе разглядѣть изъяны людскихъ душъ и напасть на противника съ удвоенной силой.

Лермонтовъ такъ и жилъ, какъ разсказалъ о Печоринѣ.

Одинокія думы, ни съ кѣмъ нераздѣленные восторги предъ мощью и красотой природы, и вѣчное желаніе пойти туда, гдѣ собираются люди. А потомъ геніальная картина этого самаго общества и какіе ослѣпительные контрасты! Тщедушіе и лицемѣріе предъ судомъ искренняго, непосредственнаго чувства.

Такъ Лермонтовъ жилъ двойной жизнью, какъ и его герои, — жизнь съ людьми и жизнь съ самимъ собой.

У самаго сверхчеловѣческаго героя — Демона — многовѣковая ненависть, воспитанная ничтожествомъ міра, готова смѣниться беззавѣтной любовью. Самый реальный лермонтовскій герой Печоринъ — также лицо двойственное. Въ столкновеніяхъ со свѣтомъ, особенно съ Грушницкимъ онъ напоминаетъ вампира, смѣется надо всѣмъ, особенно надъ чувствами, онъ артистъ издѣвки и презрѣнія. Но тотъ же Печоринъ одинъ — мечтатель и идеалистъ. Бываютъ минуты, когда одно пожатіе руки Вѣры для него блаженство. Его сердце не защищено даже и отъ княжны Мери. Онъ способенъ плакать, онъ не забываетъ ничего изъ своего прошлаго, совѣсть способна довести его до отчаянія.

Печоринъ поступаетъ часто жестоко, злорадно, но намъ его не меньше жаль, чѣмъ его жертвъ. Онъ глубоко и неизлѣчимо несчастливъ. И несчастье его самое дѣйствительное, — не напускная мрачность разочарованныхъ лицедѣевъ, москвичей въ гарольдовыхъ плащахъ.

Лермонтовскій герой — существо единственное въ своемъ родѣ, онъ не похожъ на другихъ, у него на общій взглядъ, безразсудные запросы и къ жизни и къ людямъ, — вышечеловѣческіе.

Лермонтовъ объяснилъ ихъ и отъ себя лично и отъ лица своихъ героевъ Демона, Мцыри, Измаила. Эти объясненія слишкомъ выспренни, героичны, ихъ поэтъ перенесъ на жизненную почву. Подъ конецъ жизни онъ все крѣпче становился на землю, — и на русскую землю. Послѣ Демона написана Дума, а послѣ Мцыри — Первое января. Здѣсь демонизмъ какъ общее поэтическое и нравственное настроеніе, разлагается на частные и опредѣленные мотивы.

Гнѣвъ и презрѣніе направлены на осязательныя, исторически-точныя общественныя явленія. Вмѣсто „земли“, столь надменно унижаемой Демономъ, „наше поколѣніе“, малодушіе и раболѣпіе вполнѣ реальнаго, русскаго общества, безплодность умственныхъ усилій, дешевая положительность — людей которыхъ можно назвать по именамъ.

Наконецъ Герой нашего времени. Здѣсь все будничо, дѣйствительно отъ заглавія романа до его лицъ и событій. Лермонтовъ, очевидно, все

ближе подходилъ къ русской бытовой дѣйствительности. Юный романтизмъ уходилъ вдаль предъ яркой правдой русскихъ будней. И какое безпримѣрное, исключительно лермонтовское умѣнье съ реализмомъ творчества слить столько лиризма чувствъ и идей! Герой нашего времени — и бытовой романъ и лирическая поэма. Правда и поэзія переплетаются здѣсь въ одинъ цѣльный художественный узоръ, и онъ остался неподражаемымъ въ русской литературѣ.

Такой талантъ могъ жить только въ человѣкѣ, страстно воспринимавшемъ не одну личную жизнь. Въ ранней молодости Лермонтовъ возсталъ на крѣпостное право. Потомъ его захватилъ свѣтъ, опутала гусарщина, но онъ остался общественнымъ идеалистомъ.

Это понялъ человѣкъ, не способный ошибаться насчетъ искренности.

Мы не знаемъ, когда и гдѣ Бѣлинскій познакомился съ Лермонтовымъ. Одни говорятъ, у Краевскаго, послѣ возвращенія съ Кавказа, другіе — въ Пятигорскѣ лѣтомъ 1837 года. Отъ перваго знакомства съ Лермонтовымъ у Бѣлинскаго осталось невыгодное впечатлѣніе. Лермонтовъ, по обыкновенію, обо всемъ шутилъ, уклонялся отъ серьезнаго разговора.

Совсѣмъ другая бесѣда произошла, когда Бѣлинскій посѣтилъ Лермонтова на гауптвахтѣ послѣ дуэли съ Барантомъ.

Онъ увидалъ поэта „самимъ собою". „Въ словахъ его, — разсказывалъ Бѣлинскій, — было столько истины, глубины, простоты". „Боже мой, — восклицалъ Бѣлинскій, — сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же такъ меня тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ".

Пусть не совсѣмъ точно переданы слова Бѣлинскаго писателемъ Панаевымъ, смысла ихъ нельзя сочинить. Не подлежитъ сомнѣнію, Лермонтовъ очаровалъ Бѣлинскаго глубиной и благородствомъ своей личности. А покорить такого человѣка, какимъ былъ рыцарственнѣйшій изъ русскихъ писателей, значило заранѣе выиграть тяжбу предъ самымъ придирчивымъ потомствомъ.

И Лермонтову мѣсто рядомъ съ Бѣлинскимъ.

Оба они умѣли неистово любить и ненавидѣть, оба среди громаднаго большинства своихъ современниковъ казались рожденными здѣсь, но не здѣшними душой, оба незабвенные представители того „святого недовольства", какое лежитъ въ основѣ всякаго живого движенія общественной мысли, всякой борьбы за достоинство и свободу личности.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного благороднаго мотива, гдѣ бы не слышался безвременно замолкшій голосъ Лермонтова.

Его печаль о жалкихъ явленіяхъ русской жизни — отголосокъ той печали, съ какой Лермонтовъ глядѣлъ на свое поколѣніе.

Ея негодованіе на умственную мелкоту и нравственное ничтожество — прямое наслѣдство лермонтовскаго демонизма и разочарованія, отзвукъ лермонтовскаго стиха, облитаго горечью и злостью.

Ея смѣхъ надъ надутымъ комедіантствомъ и притязательнымъ себялюбіемъ — отраженіе молніеносныхъ насмѣшекъ Печорина надъ Грушницкимъ.

Въ каждомъ ея крикѣ восторга или гнѣва чуется голосъ взволнованнаго „сына страданія" такъ много пережившаго, такъ рано погибшаго и такъ много завѣщавшаго своей родинѣ.

Ив. Ивановъ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОСЕНЬ.

Листья въ полѣ пожелтѣли,
И кружатся, и летятъ;
Лишь въ бору поникши ели
Зелень мрачную хранятъ.
Подъ нависшею скалою
Ужъ не любитъ, межъ цвѣтовъ,
Пахарь отдыхать порою
Отъ полуденныхъ трудовъ.
Звѣрь отважный поневолѣ
Скрыться гдѣ-нибудь спѣшитъ;
Ночью мѣсяцъ тусклъ, и поле
Сквозь туманъ лишь серебритъ.

1828 г.

ЗАБЛУЖДЕНІЕ КУПИДОНА.

Однажды женщины Эрота отодрали...
Досадой раздраженъ, упрямое дитя,
Напрягши грозный лукъ, и за обиду мстя,
Не смѣя къ женщинамъ, — къ намъ ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднѣйшей, стремитъ.
«Вашъ подлый родъ одинъ!» безумный говоритъ.
Съ тѣхъ поръ-то женщина любви не знаетъ!..
И точно какъ рабовъ считаетъ насъ она...
Такъ въ наказаніяхъ всегда почти бываетъ:
Которые смирнѣй, на тѣхъ падетъ вина!

1828 г.

ЦѢВНИЦА.

На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій:
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ, и грацій;
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечной
Струилъ свой ароматъ; шумя съ прибрежной ивой
Шутилъ подчасъ зефиръ и рѣзвый, и игривый;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь!..
Сокрылось все теперь. Такъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны.
Исчезло все теперь! но ты осталась мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебѣ жъ, о мирный кровъ, тѣхъ дней, когда страданье
Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный рокъ—
Мое веселіе, ужъ взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой цѣвницей.

1828 г.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

I.

Три вѣдьмы.

ПЕРВАЯ.

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
Чинилъ онъ, веселъ, сѣти;
Какъ будто въ рубищѣ бѣднякъ
Имѣлъ златыя горы!
И съ пѣснью день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ...
Я жъ поклялась ему давно,
Что сердитъ все меня одно...
Однажды рыбу онъ ловилъ,
И кладъ ему попался;
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ —
Ядъ черный въ немъ скрывался.
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ, —
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ДРУГІЯ ДВѢ.

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ,—
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ПЕРВАЯ.

И вотъ, гдѣ онъ — тамъ пиръ горой
Толпа увеселеній!
И прочь, какъ съ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни...
Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы — прахъ пустой.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ.

Не зналъ глупецъ средь тѣхъ минутъ,
Что наши деньги въ адъ ведутъ!

ПЕРВАЯ.

Но бѣдность скоро вновь бѣжитъ:
Друзья исчезли ложны;
Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ.
Къ врагу людей, безбожный!
И на дорогѣ ужъ большой
Творилъ убійство и разбой...
Я нынѣ близъ рѣки иду
Свободною минутой, —
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: «Мнѣ жизнь пуста!
Вы, отвращеній полны,
Блаженство, злато!.. все мечта!..»
И забѣлѣли волны...

1829 г.

II.

Встрѣча.

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла;
Еще я зрю ее передъ собой;
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.
Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудесный
И что я пѣлъ — напрасно вновь пою...
Я звукъ нашелъ дотолѣ неизвѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю;
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно
И вмигъ она расторгла цѣпь свою:
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя и вдохновенья.

1829 г.

III.

Къ Нинѣ.

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья скромнаго мечта!..
По одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота...
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.
Пусть навѣкъ — съ златымъ мечтаньемъ —
Пусть навѣкъ глаза закрыть..
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! Ты любишь свѣтъ —
И любви моей какъ нѣтъ!
Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта, волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?..

1829 г.

IV.

Перчатка.

Вельможи толпою стояли
И молча зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣлъ.
Вотъ царскому знаку внимаютъ,
Скрипучую дверь отворяютъ —
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой;
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.
И царь махнулъ снова —
И тигръ суровый
Съ дикимъ прыжкомъ
Взлетѣлъ опасный
И, встрѣтясь съ львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тихо владыку обходитъ,
Глазъ кровавыхъ не сводитъ...
Но рабъ предъ владыкой своимъ —
Тщетно ворчитъ и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.
Сверху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.
И, къ рыцарю вдругъ своему о ратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:

«Рыцарь, пытать я сердце люблю!
Если сильна такъ любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То подымите перчатку мою!»
И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжитъ,
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ,
И смѣлой рукой подымаетъ.
И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи;
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ;
Отвсюду хвала вылетаетъ;
И нѣжный пылающій взглядъ —
Недальняго счастья закладъ —
Съ рукой дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
«Благодарности вашей не надобно мнѣ!»
И гордую тотчасъ покинулъ.
1829 г.

V.

Дитя въ люлькѣ.

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ — и тѣсенъ покажется міръ.
1829 г.

VI.

Къ ***

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь —
На кой мнѣ чортъ душа твоя!
1829 г.

БАЛЛАДА.

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ
И, къ другу ласкаяся, такъ говоритъ:
«Достань ожерелье, спустися на дно:
Сегодня въ пучину упало оно.
Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!»
Вскипѣла младая у юноши кровь.
И умъ его обнялъ невольный недугъ...
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ, и о берегъ бьютъ;
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ.
О счастье! онъ живъ, онъ скалу ухватилъ,
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ былъ!..
Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ,
И влажные кудри бѣгутъ по плечамъ...
«Скажи, не люблю иль люблю я тебя?
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя,
По слову, спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно.
Возьми!» И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.
Отвѣтъ былъ: «О милый! о юноша мой!
Достань, если любишь, кораллъ дорогой».
Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораллъ, иль конецъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ, и о берегъ бьютъ,
Но милаго друга онѣ не несутъ.
1829 г.

ЭЛЕГІЯ.

О, если бъ дни мои текли
На лонѣ сладостномъ покоя и забвенья,
Свободно отъ суетъ земли
И далеко отъ свѣтскаго волненья!
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли!
Тогда бъ я былъ съ весельемъ неразлученъ,
Тогда бъ я, вѣрно, не искалъ
Ни наслажденія, ни славы, ни похвалъ.
Но для меня весь міръ и пустъ, и скученъ,
Любовь твоя не льститъ душѣ моей:
Ищу измѣнъ и новыхъ чувствованій,
Которыя живятъ хоть колкостью своей
Мнѣ кровь, угасшую отъ грусти, отъ страданій,
Отъ преждевременныхъ страстей!..
1829 г.

* * *

Забывши волненія жизни мятежной,
Одинъ жилъ въ пустынѣ рыбакъ молодой...
Однажды на скалѣ прибрежной,
Надъ тихой прозрачной рѣкой,
Онъ съ удой безпечно
Сидѣлъ
И думой сердечной
Къ протекшему счастью летѣлъ...
. . . .
1829 г.

ЦЫГАНЕ.

(ОПЕРА.)

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыгане сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ.

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

ЦЫГАНЪ *(поетъ)*.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Мы счастливѣе царей

И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане! гей цыганки!..
(и проч.)

ЦЫГАНКА (изъ „Московскаго Вѣстника“ пѣсню*).

(Пляшутъ и поютъ)... (Все умолкаетъ.)

СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ *(предъ очагомъ).*

Что за жизнь: одному да одному!.. Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ; она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужъ и ночь, а все ея нѣтъ... Вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... *(Смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу.)* Мой ужинъ скоро простынетъ, а дочь не приходила; видно, придется одному провесть ночь... Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.

(Земфира и за нею юноша.)

СТАРИКЪ.

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя? Я думалъ, что и ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

ЗЕМФИРА.

Прости, отецъ мой! Но, видишь ты,
Веду я гостя; за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала:
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ:
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ итти за мною всюду.

СТАРИКЪ.

Я радъ; останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

1829 г.

ПРЕСТУПНИКЪ.

«Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной;
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ.
Здѣсь подъ дубочкомъ ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!»
— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ,
Она — красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять —
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна;
Но вдругъ увидѣла другого,
Не стараго, а молодого —
Лишь первая приходитъ ночь,
Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!..
. . . .
Пиры веселья забывая,
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачехи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца среди ночей...
Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній,
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!..
Богъ вѣсть: меня она любила,
Иль это былъ притворный жаръ,
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ;
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ! Женская душа
Какъ океанъ неизслѣдима!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужъ грѣховодникъ въ дни младые,
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя;
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчаго бѣжать.
О, сколько мукъ! Потеря чести,
Любовь и стыдъ и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнѣвъ отца! За ворота
Бѣжалъ я сирый, одинокій,
И, обратившись, бросилъ взоръ
Съ проклятіемъ на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!..
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безыменной брегъ,
Всегда покрытый табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышенныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины

*) Пѣсня не выписана. Слѣдующіе пропуски — всѣ въ самой тетради.

Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...
И грудь, и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ неизлѣчимый ядъ;
И ту зеленую аллею,
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ,
И ложе то, гдѣ я—и съ нею,
И съ этой мачехой лежалъ!..
Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ — властями недовольный
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой — служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ;
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ; лихой
На поцѣлуи сладострастья;
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!..
Придетъ ли ночь и мракъ печальный —
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальной
Летитъ на тройкѣ почтовой.
Раздался выстрѣлъ, съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной,—
Ударъ губительный и вѣрный!..
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ — подозрительно блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю?.. Великій Боже!
Я узнаю его... Кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!.. други!.. Это мой отецъ!..
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ...
Гляжу: сырой еще бугоръ,
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ;
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ!..
. . . .
. . . .

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ,
Жить было негдѣ. Отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывалися. Безъ страха
Не могъ я спать: мечтались мнѣ
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!..
Исчезли средства прокормленья;
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья,
И въ суматохѣ пировать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ
Вдругъ вижу: раздраженный жидъ
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шелкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ —
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!..
Увы! дрожатъ мои колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пени
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ;
То я увидѣлъ: на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...
Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки:
Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,

Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я — и шумъ крамолъ;
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!..
1829 г.

ОЛЕГЪ.

I.

Во мглѣ языческой дубравы,
Въ года забытой старины,
Когда-то жертвенникъ кровавый
Дымился божеству войны.
Тамъ возносился дубъ высокій,
Священный древностью глубокой
Какъ неподвижный царь лѣсовъ
Чело до самыхъ облаковъ
Онъ подымалъ. На немъ висѣли
Кольчуги, сабли и щиты;
Вокругъ — сожженные кусты
И черепа убитыхъ тлѣли...
И пѣсня Лады никогда
Не приносилася сюда!..

Поставленъ вѣры теплымъ чувствомъ
Блестѣлъ кумиръ въ тѣни вѣтвей;
И ликъ, расписанный искусствомъ,
Былъ смытъ усиліемъ дождей.
Вдали лѣсистыя равнины
И неприступныя вершины
Гранитныхъ скалъ туманъ одѣлъ,
И Волховъ за лѣсомъ шумѣлъ.
Склоненъ невольно къ удивленью,
Пришелецъ чуждый въ наши дни,
Не презирай сихъ мѣстъ: они
Знакомы были вдохновенью!..
И скальдовъ сѣверныхъ не разъ
Здѣсь раздавался смѣлый гласъ...

II.

Утихло озеро. Съ стремниной
Молчатъ туманныя скалы,
И вьются дикіе орлы,
Крича надъ зеркальной пучиной.
Ужъ челнока съ давнишнихъ поръ
Волна глухая не лелѣетъ;
Кольцомъ вокругъ угрюмый боръ,
Поднявъ вершины, зеленѣетъ,
Скрываясь за хребтами горъ.
Давно ни песъ, ни всадникъ смѣлый
Страны глухой и опустѣлой
Не посѣщалъ. Окрестный звѣрь
Забылъ знакомый шумъ ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоитъ теперь?..
Съ какою здѣсь онъ мыслью странной?
Съ мечомъ, въ кольчугѣ; за спиной —
Колчанъ и лукъ. Шишакъ стальной
Блеститъ насѣчкой иностранной...
Онъ тихо красный плащъ рукой
На землю бросилъ, не спуская
Недвижныхъ съ озера очей;
И кольца русыя кудрей
Бѣгутъ, на плечи ниспадая.
Въ героѣ повѣсти моей
Слѣды являлись краткихъ дней:
Но непримѣтно впечатлѣній,
Ни удовольствій, ни волненій,
Ни упоительныхъ страстей.
И, ставъ у пѣнистаго брега,
Онъ къ духу озера воззвалъ:
«Стрибогъ! Я вновь къ тебѣ предсталъ;
Не могъ ты позабыть Олега:
Онъ приносилъ къ тебѣ враговъ,
Сверша опасные набѣги;
Онъ въ честь тебѣ ихъ пролилъ кровь.
И тотъ опять средь сихъ лѣсовъ,
Предъ кѣмъ дрожали печенѣги.
Какъ въ день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»
И шумно взволновались воды,
Растутъ свинцовые валы;
Какъ въ часъ суровой непогоды
Покрылись пѣною скалы.
Возсталъ въ срединѣ столбъ туманный,
Тихонько видъ мѣняя странный...
Яснѣй, яснѣй, яснѣй... и вотъ
Стрибогъ по озеру идетъ.
Глаза открытые сіяли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые власы бѣжали
По голымъ персямъ старика...

III.

...Ахъ! было время, время боевъ,
На нашей милой сторонѣ!
Гдѣ жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я видалъ,
И громкій голосъ ихъ слыхалъ
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль,—
Они на темносизыхъ тучахъ
Разнообразною толпой
Летятъ,—щиты въ рукахъ могучихъ;
Ихъ тѣшитъ бурь знакомый вой.
Сплетаясь цѣпію воздушной,
Они вступаютъ въ грозный бой.

Я зрѣлъ ихъ смутною душой,
Я имъ внималъ неравнодушно.
На мнѣ была тоски печать,
Бездѣйствіемъ терзалась совѣсть,
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.
Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ (тогда свобода
Не начинала своей побѣгъ).
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги
Поля и веси покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенѣги;
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали.
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?..
1829 г.

КЪ ***

Глядися чаще въ зеркала,
Любуйся милыми очами,—
И свѣта шумная хвала
Съ моими скромными стихами
Тебѣ покажутся яснѣй.
Когда же вздохъ самодовольный
Изъ груди вырвется невольно,
Когда въ младой душѣ своей
Самолюбивыя волненья
Не будешь въ силахъ утаить,—
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, можетъ-быть!..
1829 г.

КЪ...

Мы снова встрѣтились съ тобой,
Но какъ мы оба измѣнились!
Года унылой чередой
Отъ насъ невидимо сокрылись.
Ищу въ глазахъ твоихъ огня,
Ищу въ душѣ своей волненья...
Ахъ! какъ тебя, такъ и меня
Убило жизни тяготѣнье!..
1829 г.

МОНОЛОГЪ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ:
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.
1829 г.

МОЛИТВА.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень—
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь;
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.
1829 г.

ПОСВЯЩЕНІЕ NN.

(При случаѣ ссоры съ Сабуровымъ.)

Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы!
Оттѣнокъ чувствъ тебѣ несу я въ даръ,
Хоть ты презрѣлъ священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринулъ жаръ...
Я знаю все: ты вѣтренъ, безразсуденъ,
И ложный другъ ужъ въ сѣть тебя завлекъ;
Но вспоминай, что путь ко счастью труденъ

Отъ той страны, гдѣ царствуетъ порокъ!..
Готовъ на все для твоего спасенья!
Я такъ клялся, и къ гибели летѣлъ,
Но ты молчалъ и, полный подозрѣнья,
Словамъ моимъ повѣрить не хотѣлъ...
Но часъ придетъ: своимъ печальнымъ взоромъ
Ты все прочтешь въ нѣмой душѣ моей;
Тогда — бѣги, не трать пустыхъ рѣчей, —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ!

1829 г.

ПИРЪ.

(Къ Сабурову.)

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца!
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и *она;*
А снѣдь — кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

1829 г.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

(Стихи въ оригиналѣ найдены во Франціи на стѣнахъ одной государственной темницы.

Зачѣмъ вы на меня,
Любезные друзья,
Въ рѣшетку такъ глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчасъ,
Коль я въ углу темницы
Смочилъ одинъ хоть разъ
Слезой мои рѣсницы!..
Ликуйте вы одни
И чаши осушайте,
Любви въ безумномъ снѣ
Какъ прежде утопайте;
Но въ пламенномъ винѣ
Меня воспоминайте!..

Я также въ вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлѣбъ черствый стану ѣсть
И воду пить гнилую!..

Передо мною столъ
И шаткій, и старинный;
И музыкой ослиной
Скрипитъ повсюду полъ.
Въ окошко свѣтъ чуть льется;
Я на стѣнѣ кругомъ
Пишу стихи углемъ,
Браню, кого придется;
Хвалю, кого хочу,
Нерѣдко хохочу,
Что такъ мнѣ удается.
Иль если крыса въ ночь
Колпакъ на мнѣ сгрызетъ,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяетъ
Ея безплодный трудъ!..
Я повернусь,—и тутъ,
Послыша гласъ тревоги,
Она — давай Богъ ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смѣшу,—и тѣмъ сытѣй
Всегда почти бываю
. . . .
. . . .
Тогда я припѣваю
. . . .
. . . .
Тотъ счастливъ, въ комъ ни разъ
Веселья духъ не гасъ!
Хоть онъ всю жизнь страдаетъ,
Но горесть забываетъ
Въ одинъ веселый часъ!

1829 г.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть,—
А подчасъ и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склоненъ къ славѣ громкой.
Сердце грѣетъ лишь любовь,
Лиры звукъ дрожащій, звонкій
Мнѣ волнуетъ также кровь.

Но нерѣдко средь веселья
Духъ мой страждетъ и грустить;
Въ шумѣ буйнаго похмелья
Дума на сердцѣ лежитъ.

1829 г.

КЪ П.....НУ.

Забудь, любезный П.....нъ,
Мои минувшія сужденья:
Нѣтъ! Не достоинъ бѣдный свѣтъ презрѣнья,
Хоть наша жизнь — минута сновидѣнья,
Хоть наша смерть — струны порванной звонъ.
Мой умъ его теперь цѣнить иначе станетъ:

Наврядъ ли кто-нибудь изъ насъ страну узритъ,
Гдѣ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.
Зачѣмъ же все въ семъ мірѣ бросить,
Зачѣмъ и счастья не найти:
Есть розы, другъ, и на земномъ пути!—
Ихъ время злобное не всѣ покоситъ!
Пусть добродѣтель впрахъ падетъ,
Пусть будутъ всѣ мольбы Творцу безплодны,
Навѣки геній пусть умретъ,—
Вездѣ утѣхи есть толпѣ простонародной.
Но тотъ, на комъ лежитъ унынія печать,
Кто, юный, потерялъ лѣта златыя,
Того не могутъ услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни пѣсни боевыя!..

1829 г.

КЪ Д(УРНО)ВУ.

Я пробѣгалъ страны Россіи,
Какъ бѣдный странникъ межъ людей;
Вездѣ шипятъ коварства зміи:
Я думалъ: въ свѣтѣ нѣтъ друзей!
Нѣтъ дружбы нѣжно-постоянной,
И безкорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мнѣ возвратилъ покой!
Съ тобою чувствами сливаюсь,
Въ рѣчахъ веселыхъ счастье пью;
Но дѣвъ коварныхъ не терплю,—
И больше имъ не довѣряюсь!..

1829 г.

ЭПИГРАММА.

Дуракъ и старая кокетка — все равно:
Румяны, горсть бѣлилъ — все знаніе его!..

1829 г.

МАДРИГАЛЪ.

«Душа тѣлесна!» всѣхъ ты увѣряешь смѣло;
Я соглашусь, любовію дыша:
Твое прекраснѣйшее тѣло
Не что иное, какъ душа!..

1829 г.

РОМАНСЪ.

Коварной жизнью недовольный,
Обманутъ низкой клеветой,
Летѣлъ изгнанникъ самовольный
Въ страну Италіи златой.
«Забуду ль васъ,— сказалъ онъ,—други?
Тебя, о сѣвера вино?
Забуду ль, въ мирные досуги,
Какъ веселило насъ оно?

«Снѣга и вихрь зимы холодной,
Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,
И балалайки звукъ народной,
И томный вечера припѣвъ?
Душа души моей! Тебя ли
Загладятъ въ памяти моей:
Страна далекая печали,
Языкъ презрительныхъ людей?

«Нѣтъ! И подъ миртомъ изумруднымъ,
И на Гельвеціи скалахъ,
И въ градѣ Рима многолюдномъ—
Все будешь ты въ моихъ очахъ!»
Въ коляску сѣлъ; дорогой скучной,
Закрывшись въ плащъ, онъ поскакалъ;
А колокольчикъ однозвучный
Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ!

1829 г.

ПОРТРЕТЫ.

I.

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смоль, черны;
Блѣдны всегда его уста;
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Ліютъ безъ словъ языкъ боговъ!..
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще — вновь
Клянетъ онъ міръ, гдѣ вѣчно сиръ,
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!..

II.

Довольно толстъ, довольно тученъ,
Нашъ полновѣсистый герой.
Нерѣдко веселъ, чаще скученъ,
Любезенъ, гордъ, сердитъ порой.
Онъ добръ, членъ нашего Парнаса,
Красавицамъ Москвы смѣшонъ,
На крыльяхъ дряхлаго пегаса
Летаетъ въ міръ мечтанья онъ.
Глаза не слишкомъ говорливы,
Всегда по модѣ онъ одѣтъ,
А щечки — полненькія сливы,—
Такъ говоритъ докучный свѣтъ.

III.

Лукавъ, завистливъ, золъ и страстенъ,
Отступникъ Бога и людей;
Холоденъ, всѣмъ почти ужасенъ,
Своими ласками опасенъ,
А въ заключеніе — злодѣй!

IV.

Все въ мірѣ суета, онъ мнитъ, или отрава,—
Возвышенной душой предметъ стремленья—слава.

V.

Всегда онъ съ улыбкой веселой
Жизнь любитъ и юность румяну;
Но чувства глубоки питаетъ,—
Не знаетъ онъ тайны природы.
Онъ скрытенъ всегда, постояненъ,
Не знаетъ горячихъ страстей.

VI.

Онъ любимецъ мягкой лѣни,
Сна и низкихъ всѣхъ людей;
Онъ любимецъ наслажденій,
Врагъ губительныхъ страстей!
Русы волосы кудрями
Упадаютъ средь ланитъ;
Взоръ изнѣженъ и устами
Онъ лишь рѣдко шевелитъ.

1829 г.

КЪ ГЕНІЮ.

Когда во тьмѣ ночей мой, не смыкаясь, взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ; прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью,
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!.. «Люблю!»
Твержу, забывшись, имъ. Но, полный весь тоскою,
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ счастье вѣдалъ я — и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній:
Дай разъ еще любить! Дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда...
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы.
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья!..
...И я приду сюда и не узнаю васъ,
О, струны звонкія! . . . .
. . . .
Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ—
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ—
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный, и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!..
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости, и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ...
Забудь любовь мою! Покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!
Забудь!.. Пускай другой твою украситъ младость!
Ты жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ!..

829 г.

ПОКАЯНІЕ.

ДѢВА

«Я пришла, святой отецъ,
Исповѣдать грѣхъ сердечный;
Горесть,—роковой конецъ
Счастья жизни скоротечной!»

ПОПЪ.

— Если духъ твой изнемогъ,
И въ сердечномъ покаяньи
Изліешь свои страданья,—
Грѣхъ проститъ Великій Богъ!

ДѢВА.

«Нѣтъ, не въ той я здѣсь надеждѣ,
Чтобы сбросить тягость бѣдъ:
Все прошло, что было прежде,-
Гдѣ жъ найти уплывшихъ лѣтъ?
Не хочу я предъ Небеснымъ
О спасеньи слезы лить,
Иль спокойствіемъ чудеснымъ
Душу грѣшную омыть;
Я спѣшу передъ тобою
Исповѣдать жизнь мою,
Чтобъ не умертвить съ собою
Все, что въ жизни я люблю!
Слушай, тверже будь,—скрѣпися,
Знай, что есть ударъ судьбы;
Но надъ мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юныхъ, нѣжныхъ дней,
Я не знала о покоѣ,
О невинности дѣтей;
Пылкой страсти вожделѣнью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любови тайна сладость
Укрывалася отъ глазъ;
Вслѣдъ за ней бѣжала младость,
Какъ бѣжитъ за часомъ часъ.
Вскорѣ бѣдствіе узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала—
И не вѣдала ее...
Исповѣдать грѣхъ сердечный
Я пришла, святой отецъ!
Счастья жизни скоротечной
Вѣчный роковой конецъ».

ПОПЪ.

— Если таешь ты въ страданьи,
Если духъ твой изнемогъ,
Но не молишь въ покаяньи,—
Не проститъ Великій Богъ!..

1829 г.

ПИСЬМО.

Свѣча горитъ! Дрожащею рукою
Я окончалъ завѣтныя черты;
Болѣзнь и парка мчались надо мною,
И много въ грудь тѣснилося. И ты
Напрасно чашу мнѣ несла здоровья
(Такъ чудилось), съ веселіемъ въ глазахъ,
Напрасно стала здѣсь у изголовья,
И поцѣлуй любви горѣлъ въ устахъ...
Прости навѣкъ! Но вотъ одно желанье:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній разъ,
Чтобъ усладить предсмертное страданье,
Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
Далеко ты! Не слышишь голосъ мой!
Не при тебѣ узнаю смерти муку,
Не при тебѣ оставлю міръ земной!
Когда жъ письмо въ очахъ твоихъ печальныхъ
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть-можетъ, я при пѣсняхъ погребальныхъ
Сойду въ мой домъ подземный навсегда!.
Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,
Или въ часы безпечнаго досуга
Сокрыты прелести твои лобзать.
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и паръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнетъ огнь на дѣвственны ланиты,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ,
И надъ главой мелькнетъ призракъ забытый,
И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ.
Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ:
Такъ! душная земли нѣмой утроба
Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
Когда жъ въ саняхъ, въ блистательномъ катаньи,
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ:
И за тобой въ любви живомъ страданьи
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
И по груди обоихъ васъ промчится
Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела!
Ахъ! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабѣетъ жизни духъ,
И чувствую, что къ смерти подступаю,
И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ...
Прости!.. Я бѣгалъ за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любилъ,
Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!..

1829 г.

ВОЙНА.

(въ пансіонѣ.)

Затѣялась, друзья мои, война
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манитъ въ поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Суетъ и юности отрава,
И полечу свободный вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы!
1829 г.

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!..

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный и свободный!..

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной—
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ее не допоетъ!..
1829 г.

ПѢСНЯ.

Свѣтлый призракъ дней минувшихъ,
Для чего ты
Пробудилъ страстей уснувшихъ
И заботы?

Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но гдѣ взять былое счастье
И безпечность?

Гдѣ вы, дружески обѣты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..

Щеки блѣдностью, хоть молодъ,
Ужъ покрылись;
Въ сердцѣ ненависть и холодъ
Водворились.
1829 г.

КЪ А. С.

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!..
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной!..
Но я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ, какъ отчужденный!
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узритъ огонь блудящій,
Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И пропасть подъ ногой скользящей!.
1829 г.

РОМАНСЪ.

(Дурнову.)

Невинный нѣжною душою,
Не знавши въ юности страстей приливъ,
Ты можешь, другъ, сказать съ какой-то простотою:
Я былъ счастливъ!..

Кто, слишкомъ рано насладившись,
Живетъ, въ душѣ негодованье скрывъ,
Тотъ можетъ, другъ, еще сказать, забывшись:
Я былъ счастливъ!..

Но я въ сей жизни скоротечной
Такъ испыталъ отчаянья порывъ,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я былъ счастливъ!..
1829 г.

КЪ NN.

(Къ Сабурову.—Наша дружба смѣшана съ столькими разрывами и сплетнями, что воспоминанія о ней совсѣмъ не веселы. Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ. Я самъ не знаю, отчего такъ дорожилъ имъ.)

Ты не хотѣлъ! Но скоро волю рока
Узнаешь ты, и въ бездну упадешь;
Проколетъ грудь раскаянія ножъ.
Предстану я безъ горькаго упрека,
И ты тогда совсѣмъ мой взоръ поймешь;
Но онъ тебѣ какъ мечъ, какъ ядъ опасенъ,
Захочешь ты проступку вновь помочь,—
Нѣтъ, поздно, другъ, твой будетъ трудъ напрасенъ:

Обратно взоръ тебя отгонитъ прочь!
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу, какъ во снѣ,
Никто со мной дѣлить не будетъ скуку;
Такихъ друзей не надо больше мнѣ.
Ты хладенъ былъ, когда я зрѣлъ несчастье
Или ударъ печальной клеветы;
Но придетъ часъ, и будешь въ горѣ ты,
И не пробудится въ душѣ моей участье!

1829 г.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Есть люди странные, которые съ друзьями
Обходятся какъ съ сюртуками:
Покуда новъ сюртукъ, — въ чести; а тамъ
Забытъ и подаренъ слугамъ.

II.

Тотъ самый человѣкъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой.

III.

Поэтомъ (хоть и это бремя)
Изъ журналиста быть тебѣ не суждено:
Ругать, и льстить, и лгать въ одно и то же время —
Признаться — очень мудрено!..

IV.

Г-НУ П.

Аминтъ твой на глупца походитъ,
Когда за счастіемъ бѣжитъ;
А подъ конецъ такъ сладко спитъ,
Что даже сонъ другимъ наводитъ.

V.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной — все то же,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ троихъ избавь насъ, Боже!

VI.

Дамонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился,
Когда тотъ кончилъ жизнь; понынѣ онъ груститъ
(Но не о томъ, что жизни другъ лишился):
Пять разъ забылъ онъ взять билеты за визитъ!

1829 г.

КЪ І. П. ГРУЗИНОВУ.

Скажи, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной,
Ты музъ прилежный обожатель —
Имъ даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ:
Вѣдь музы — женщины... итакъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

1829 г.

ПАНЪ.

(Въ древнемъ родѣ.)

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшися лѣсовъ въ таинственную сѣнь,
Или подъ вѣтвями пустынныя рябины,
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ
И пляшутъ вкругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмель,
Въ одной рукѣ его — стаканъ, въ другой — свирѣль.
Онъ учитъ пѣть меня, а я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

1829 г.

ЖАЛОБА ТУРКА.

(Письмо къ другу-иностранцу.)

Ты зналъ ли дикій край, подъ знойными лучами
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ,
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
И гдѣ являются порой
Умы и хладные, и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!..
Другъ! этотъ край—моя отчизна!..

P. S. Ахъ! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки,
Пусть истину скрываетъ ложь:
Что жъ дѣлать? — всѣ мы человѣки!..

1829 г.

КЪ NN.

Не играй моей тоской,
И холодной и нѣмой.
Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце (Богъ ему судья)
Жметъ невѣдомое бремя!..

Я хладѣю и горю,
Самъ съ собою говорю,
Внемлю смертному напѣву;
Я гляжу на брегъ рѣки,
На ударъ моей руки,
На поверженную дѣву!

Я ищу въ ея глазахъ,
Въ измѣнившихся чертахъ
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! Злобный рокъ
Начертать сего не могъ,
Чтобъ мое спокоить мщенье!

1829 г.

ЧЕРКЕШЕНКА.

Я видѣлъ васъ, холмы и нивы,
Разнообразныхъ горъ кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухихъ народъ счастливый,
И нравы тихой простоты!

Но тамъ, гдѣ Терекъ протекаетъ,
Черкешенку я увидалъ;
Взоръ дѣвы сердце пpиковалъ,
И мысль невольно улетаетъ
Бродить средь милыхъ, дальнихъ скалъ.

Такъ духъ раскаянія, звуки
Послышавъ райскіе, летитъ
Узрѣть еще небесный видъ;
Такъ стонъ любви, страстей и муки
До гроба въ памяти звучитъ.

1829 г.

ОТВѢТЪ.

Кто муки зналъ когда-нибудь
И чьи къ любви закрылись вѣжды,—
Того отъ страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Онъ любитъ мракъ уединенья,
Онъ больше не знакомъ съ слезой,
Предъ нимъ исчезли упоенья
Мечты безплодной и пустой.
Онъ чувствъ лишенъ; такъ пень лѣсной,
Постигнутъ молньей, догораетъ,
Погасъ,—и скрылся жизни сокъ,
Онъ мертвыхъ вѣтвей не питаетъ,—
На немъ печать оставилъ рокъ.

1829 г.

ДВА СОКОЛА.

Степь, синѣя, разстилалась
Близъ азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
«Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!»
— Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
«Что жъ ты видѣлъ тамъ худого?»
— Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ—смѣхъ тоска милого,
Для дѣтей—тиранъ отецъ.
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!..
Братецъ, братецъ, ты что жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй.
«Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Вспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной—
Ножъ для сердца вѣковой!..»

1829 г.

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

(Слышано мною что-то подобное на Кавказѣ.)

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.
Ахъ! ею старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день,
И что же?
Скрываются красы какъ тѣнь,
О Боже!
Онъ опасается измѣны,
Его высоки, крѣпки стѣны;
Но все любовь

Презрѣла. Вновь
Румянецъ на щекахъ живой
Явился,
И перлъ между рѣсницъ порой
Не бился.
Но армянинъ открылъ коварность.
Измѣну и неблагодарность
Какъ перенесть?
Досада! Месть!
Впервые васъ онъ только самъ
Извѣдалъ,—
И трупъ преступницы волнамъ
Онъ предалъ.
1829 г.

МОЙ ДЕМОНЪ.

Собранье золъ — его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ...
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ прѐзрѣлъ чистую любовь,
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей.
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.
1829 г.

ЖЕНА СѢВЕРА.

Покрыта таинствъ легкой сѣткой,
Межъ скалъ полуночной страны,
Она являлася нерѣдко
Въ года волшебной старины.
И Финна дикіе сыны
Ей храмины сооружали,
Какъ грозной дочери боговъ,
И скальды сѣверныхъ лѣсовъ
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрѣлъ ее, тотъ умиралъ.
И слухъ въ угрюмой полуночи
Бродилъ, что, будто какъ металлъ,
Язвили голубыя очи,
И только скальды лишь могли
Смотрѣть на дѣву издали.
Они платили пѣснопѣньемъ
За пламенный восторга часъ,
И, пробужденъ нѣмымъ видѣньемъ,
Былъ строенъ ихъ невнятный гласъ!
1829 г.

КЪ ДРУГУ.

Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья,
Съ дѣятельной и пылкою душой,
Я не плѣненъ небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустого сна,
Не буду я счастливымъ близъ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, другъ, узнать не долженъ, кто она.
Навѣкъ мы съ ней разлучены судьбою.
Я побѣдить жестокость не умѣлъ,
Но я ношу отказъ и месть съ собою,
Но я въ любви моей закоренѣлъ.
Такъ воръ сѣдой заглохшія дубравы
Не кается еще въ своихъ грѣхахъ,
Еще онъ путниковъ, сосѣдей страхъ,
И милъ ему товарищъ, ножъ кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели
Игралище и рока и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя —
Я къ нимъ привыкъ, я не оставлю ихъ!.
1829 г.

ПОРТРЕТЪ

Взгляни на этотъ ликъ: искусствомъ онъ
Небрежно на холстѣ изображенъ,
Какъ отголосокъ мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсѣмъ живой.
Холодный взоръ не видитъ, но глядитъ
И всякаго, не нравясь, удивитъ;
Въ устахъ нѣтъ словъ, но быть они должны,—
Для словъ уста такія рождены.
Смотри: лицо какъ будто отошло
Отъ полотна, — и блѣдное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что намъ извѣстно: не гроза страстей
Ему дала болѣзненный тотъ цвѣтъ,
И что въ груди сей чувствъ и сердца нѣтъ.
О Боже, сколько я видалъ людей,
Ничтожныхъ — предъ картиною моей,
Душа которыхъ менѣе жива,
Чѣмъ обѣщаетъ видъ сего чела.
1830 г

* * *

Настанетъ день — и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни — гордый, хоть презрѣнный —
Я кончу жизнь мою;

Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что смерть? Лишь ты не измѣнись душою—
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая промчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю!.. единою слезою
Почти холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.
1830 г.

К. Д.

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ — она оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
На глазахъ, то она упадетъ.
Есть слова, объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ, холодное слово
И уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодого
Ядовитое жало змѣи!
1830 г.

ПѢСНЯ.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей;
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.

Что за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокій
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сирая?

Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?
1830 г.

КЪ НЭЕРѢ.

Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри вплетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ...
Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О, лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
«Кто былъ этой дѣвы милѣе?
Кто раньше ея умиралъ?..»
1830 г.

СИЛУЭТЪ.

Есть у меня твой силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И мнится, этотъ черный цвѣтъ,
Родня съ моей душою былъ,
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, ланитъ огня
Не различите вы на немъ,
Зато онъ вѣчно близъ меня,
И взоръ его не на другомъ.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.
1830 г.

* * *

Я не люблю тебя; страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!
1830 г.

ПОРТРЕТЫ *).

I

В. Л.

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа — твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.
1830 г.

II.

Н. Ф. И.

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Что значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!
1830 г.

III.

БУХАРИНОЙ.

Не чудно ль, что зовутъ васъ *Вѣра?*
Ужели можно *вѣрить* вамъ?
Нѣтъ, я не дамъ своимъ друзьямъ
Такого страшнаго примѣра!..
Повѣрить стоитъ разъ... но что жъ?
Вѣдь самъ раскаиваться будешь,
Законы *вѣры* не забудешь,
И старовѣромъ прослывешь?
1830 г.

IV.

Л. НАРЫШКИНОЙ.

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали!
Вы не хотѣли танцовать —
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ, наконецъ, не перестать?..
Но если бъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ,
Клянусь безсмертіемъ боговъ,
Тогдабъ мазурки опустѣли.
1830 г.

V.

МАРТЫНОВОЙ.

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.
1830 г.

VI.

ТОЛСТОЙ.

Не даромъ она, не даромъ
Съ отставнымъ гусаромъ.
1830 г.

VII.

САБУРОВОЙ.

Какъ? Вы поэта огорчили,
И не наказаны потомъ?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умомъ?
Нѣтъ, вы не поняли поэта,
Его души печальный сонъ;
Вы небомъ созданы для свѣта,
Но не для васъ былъ созданъ онъ.
1830 г.

VIII.

УВАРОВОЙ.

Вы мнѣ однажды говорили,
Что не привыкли въ свѣтѣ жить;
Не спорю въ этомъ. Но не вы ли
Себя заставили любить?
Все, что привычкою другіе
Пріобрѣтаютъ, — вы душой,
И что у нихъ слова пустыя,
То не обманъ у васъ одной.
1830 г.

---

*) Помѣщаемыя ниже 20 стихотвореній, посвященныхъ разнымъ лицамъ, — портреты московскихъ знакомыхъ поэта.

IX.

АЛЯБЬЕВОЙ.

Вамъ красота, чтобы блеснуть,
Дана;
Въ глазахъ душа, чтобъ обмануть,
Видна!..
Но звалъ ли васъ хоть кто-нибудь:
Она?

1830 г.

X.

БАРТЕНЕВОЙ.

Скажи мнѣ, гдѣ переняла
Ты обольстительные звуки,
И какъ соединить могла
Отзывы радости и муки?..
Премудрой мыслію вникалъ
Я въ пѣсни ада, въ пѣсни рая,
Но что жъ! — нигдѣ я не слыхалъ
Того, что слышалъ отъ тебя я.

1830 г.

XI.

КРАПОТКИНОЙ.

Я оклеветанъ передъ вами;
Какъ оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?..
Но какъ же? — Я сегодня лгу!..

1830 г.

XII.

ЩЕРБАТОВОЙ.

Повѣрю ль я, чтобъ вы хотѣли
Покинуть общество Москвы,
Когда отъ самой колыбели
Ея кумиромъ были вы?
Что дастъ вамъ скучный брегъ Невы?
Ужель тамъ больше веселятся?
Ужели баловъ больше тамъ?
Нѣтъ, какъ мудрецъ, скажу я вамъ:
Гораздо лучше оставаться.

1830 г.

XIII.

ДОДО.

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно,
Взявъ пылко сторону глупца!
Какъ въ *талисманѣ* стихъ небрежный,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока —
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный;
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

1830 г.

XIV.

КРЕСТЪ НА СКАЛѢ.

(M-lle Souchkoff.)

Въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу,
Туда долетѣть лишь степному орлу;
Но крестъ деревянный чернѣетъ надъ ней,
Гніетъ онъ и гнется отъ бурь и дождей.

И много ужъ лѣтъ протекло безъ слѣдовъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ виденъ съ далекихъ холмовъ;
И каждая кверху подъята рука,
Какъ будто онъ хочетъ схватить облака.

О, если бъ взойти удалось мнѣ туда,
Какъ я бы молился и плакалъ тогда...
И послѣ я сбросилъ бы цѣпь бытія,
И съ бурею братомъ назвался бы я!

1830 г.

XV.

Г. ПАВЛОВУ.

Какъ васъ зовутъ? Ужель поэтомъ? —
Пойметъ ли міръ небесный гласъ?
Я васъ прошу въ послѣдній разъ,
Не называйтесь такъ предъ свѣтомъ:
Фигляромъ назоветъ онъ васъ.

Пускай никто про васъ не скажетъ:
Вотъ стихотворецъ, вотъ поэтъ;
Васъ этотъ титулъ только свяжетъ,
И будетъ цѣлью всѣхъ клеветъ, -
Съ нимъ привилегій вовсе нѣтъ.

1830 г.

XVI.

*
* *

Вы не знавали ль князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою;
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покою.
Ему устать бы ужъ пора
Ногами, но не головою

1830 г.

XVII.

ТРУБЕЦКОМУ.

Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ.
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: «ты дуракъ»,
За комплиментъ ужъ принимаютъ!
Все то, на чемъ ума печать,
Они привыкли ненавидѣть!
Такъ стану жъ умнымъ называть,
Когда захочется обидѣть.

1830 г.

XVIII.

БАШИЛОВУ.

Вы старшина собранья, вѣрно,
Такъ я прошу васъ объявить,
Могу ль я здѣсь нелицемѣрно
Въ глаза всѣмъ правду говорить?
Авось, авось, займетъ насъ дѣломъ
Иль хоть забавитъ новый годъ,
Когда одинъ въ собраньи цѣломъ
Ему навстрѣчу не солжетъ.
Итакъ я васъ не поздравляю:
Что годъ сей дастъ вамъ — знаетъ Богъ!
Зато минувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ, какъ только могъ.

1830 г.

XIX.

БУЛГАКОВУ.

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлки,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.
За службу долгую и трудъ,
Авось, на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяца.

1830 г.

XX.

Николаю Николаевичу

АРСЕНЬЕВУ.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино нерѣдко
Фальшивой краскою блестятъ:
Вино поддѣльное, кокетка —
Для головы и сердца ядъ.

1830 г.

СОЛНЦЕ.

Какъ солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя межъ сѣрыхъ тучъ,
На бѣлые снѣга напрасно
Оно кидаетъ слабый лучъ.
Такъ точно, дѣва молодая,
Твой образъ предо мной блеститъ;
Но взоръ твой, счастье обѣщая,
Мою ли душу оживитъ?..

1830 г.

* * *

Я счастливъ: тайный ядъ течетъ въ моей крови,
Жестокая болѣзнь мнѣ смертью угрожаетъ!..
Дай Богъ, чтобъ такъ случилось!.. Ни любви,
Ни мукъ умершій ужъ не знаетъ,
Шести досокъ жилецъ уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный;
Ни славы зовъ, ни голосъ твой
Не возмутятъ надежный мой покой!..

1830 г.

* * *

Люблю я цѣпи синихъ горъ
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... Двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено.—
Кто ни знавалъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву, и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
Я чувствовалъ, какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей;
И я, въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои,

И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ...
И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та же степь, все та жъ луна...
Свой взоръ ко мнѣ склонивъ она,
Казалось, упрекала въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспаривать у ней!..

1830 г.

ПРОЩАНЬЕ.

ОНА.

— Не уѣзжай, лезгинецъ молодой;
Зачѣмъ спѣшишь на родину свою?
Твой конь усталъ, въ горахъ туманъ сырой,
А здѣсь тебѣ и кровля, и покой,
И я тебя люблю!..
Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райскихъ двухъ ночей?
Нѣтъ у меня подарковъ: я бѣдна,—
Но мнѣ душа Создателемъ дана
Подобная твоей.
Въ ненастный день заѣхалъ ты сюда,
Подъ мокрой буркой, съ горестнымъ лицомъ...
Ужели для меня сей день, когда
Такъ ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачнымъ сдѣлать днемъ?
Взгляни: вокругъ синѣютъ цѣпи горъ,
Какъ великаны, грозною толпой;
Лучи зари съ кустами — ихъ уборъ;
Мы вольны и добры; зачѣмъ твой взоръ
Летитъ къ странѣ другой?
Повѣрь, отчизна тамъ, гдѣ любятъ насъ;
Тебя не встрѣтитъ средь родныхъ долинъ,—
Ты самъ сказалъ,—улыбка милыхъ глазъ:
Побудь еще со мной хоть день, хоть часъ...
Послушай! часъ одинъ!

ОНЪ.

— Нѣтъ у меня отчизны и друзей,
Кромѣ булатной шашки и коня;
Я счастливъ былъ любовію твоей,
Но все-таки слезамъ очей твоихъ
Не удержать меня.
Кровавой клятвой душу я свою
Отяготивъ, блуждаю много лѣтъ;
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажутъ никому: люблю.
Прости: вотъ мой отвѣтъ.

1830 г

* * *

Девятый часъ, ужъ темно. Близъ заставы
Чернѣютъ рядомъ старыхъ пять домовъ,
Заборъ кругомъ. Высокій, худощавый
Привратникъ на завалинѣ готовъ
Уснуть. Дождя не будетъ, небо ясно.
Весь городъ спитъ. Онъ долго ждалъ напрасно:
Темны всѣ окна, блещутъ только два,
А тамъ — чѣмъ не богата ты, Москва?

Но, чу! Къ воротамъ кто-то подъѣзжаетъ.
Лихія дрожки, кучеръ съ бородой
Широкой, кони черные; слѣзаетъ,
Одѣтъ въ плащѣ, проказникъ молодой!
Скрипитъ за нимъ калитка; подъ ногами
Стучатъ, колеблясь, доски. (Между нами
Скажу я, онъ ничей не прервалъ сонъ.)
Дверь отворилась,— свѣчка. Кто тутъ? — Онъ!

Его узнала дѣва молодая;
Снимаетъ плащъ и въ комнату ведетъ
Въ шандалѣ мѣдномъ, тускло догорая,
Свѣча на нихъ свой лучъ послѣдній льетъ,—
И на кровать съ высокою периной,
И на стѣну съ лубочною картиной;
А въ зеркалѣ съ противной стороны
Два юныя лица теперь отражены!..

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ никто любить не могъ.
Взоръ безъ огня — безъ запаха цвѣтокъ!

Она была свѣжа, какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадонны — и Мадонны Рафаэля,
И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ неистовымъ пылали,
И грудь, волнуясь, поцѣлуй звала...
Онъ былъ не папа,— а она была...

Ну, что же? просто дѣва *молодая*,
Которой все богатство — красота!..
И впрочемъ, замужъ выйти не желая,
Что было ей таить свои лѣта?
Она притворства, хитрости не знала,
И въ этомъ лишь другимъ не подражала!

Не все ли равно? Любить не ставить въ грѣхъ:
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!
1830 г.

*
* *

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужъ не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!..
Мой проступокъ передъ міромъ,
Предъ людьми моя вина,
Для которыхъ ты кумиромъ,
Но не другомъ быть должна.
И поклонниковъ ты встрѣтишь
И, блистая предъ толпой,
Межъ рабовъ ты не замѣтишь
Для себя души родной.
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты угасить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть...
Такъ разсѣлись подъ громами,
Видѣлъ я, въ единый мигъ
Пощаженные вѣками
Два утеса береговыхъ;
Но примѣтно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба ихъ развела.
1830 г.

*
* *

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя.

Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.

Молю о счастіи, бывало...
Дождался, наконецъ —
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.

И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустого,
Ничтожный властелинъ.
1830 г.

*
* *

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятьяхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
Лежишь, а страха все не превозмогъ...
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
Что злато? — Я тебя люблю! люблю!

Ты такъ хорошъ! Бывало, жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя — небесъ жилецъ.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, есть ли на землѣ
Проступокъ не безчестье — но позоръ?
Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана злодѣю... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну — день отъ дня!

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! Ты мой господинъ!

Хотя тебѣ случится, можетъ-быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить —
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ! чего не вынесешь, любя!..

1830 г.

*
* *

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ?
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ?
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

1830 г.

КЪ ***

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать? Быть - можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?..
Быть-можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то — безсмертье онъ?..
Зачѣмъ такъ нѣжно обѣщала
Ты замѣнить его вѣнецъ,
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала наконецъ!..
Я гордъ!.. Прости!.. Люби другого,
Мечтай любовь найти въ другомъ;
Чего бъ то ни было земного
Я не содѣлаюсь рабомъ.
Къ чужимъ горамъ подъ небо юга
Я удалюся, можетъ-быть,
Но слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобы другъ друга позабыть.
Отнынѣ стану наслаждаться
И въ страсти стану клясться всѣмъ,
Со всѣми буду я смѣяться,
А плакать не хочу ни съ кѣмъ;
Начну обманывать безбожно,
Чтобъ не любить, какъ я любилъ;
Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ?
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумецъ! — лишній разъ пожать
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала — я тебя не зналъ.

1830 г.

РОМАНСЪ.

Стояла сѣрая скала
На берегу морскомъ.
Однажды на чело ея
Слетѣлъ небесный громъ,
И раздвоилъ ее ударъ —
И новою тропой
Между разрозненныхъ камней
Течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись,
Но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды —
Глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены
Злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда
Не сдѣлаюсь чужимъ.
И мы не встрѣтимся опять,
И если предъ тобой
Меня случайно назовутъ,
Ты спросишь: кто такой?
И, проклиная жизнь мою,
На память приведешь
Былое... и одну себя
Невольно проклянешь,
И не изгладишь ты никакъ
Изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ —
Минуты прежнихъ дней!..

1830 г.

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви.

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого.
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ:
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ — смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ — какъ хотятъ!
1830 г.

* * *

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;
Какъ день твои блистаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.

Ты, отъ души смѣясь смѣшному,
Какъ скуку гонишь прочь печаль;
Что бредъ ребяческій другому,
То все тебѣ покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.

И время ихъ не измѣнило:
Они всѣ тѣ же! — я не тотъ;
Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило?
А что жалѣетъ, то живетъ?
1830 г.

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY.

Если бъ мы не дѣти были,
Если бъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались,—
Мы съ страданьемъ бы не знались.
1830 г.

ЭПИТАФІЯ.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земного?
Какъ знать? Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья!
1830 г.

* * *

Измученный тоскою и недугомъ
И угасая въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Проститься я съ тобой желалъ какъ съ другомъ.
Но хладенъ былъ прощальный твой привѣтъ,
Но ты не вѣришь мнѣ, ты притворилась,
Что въ шутку приняла слова мои,
Моимъ слезамъ смѣяться ты рѣшилась,
Чтобъ съ сожалѣньемъ не явить любви.
Скажи мнѣ, для чего такое мщенье?
Я виноватъ: другую могъ хвалить,—
Но развѣ я не требовалъ прощенья
У ногъ твоихъ? Но развѣ я любить
Тебя переставалъ, когда толпою
Безумцевъ молодыхъ окружена,
Горда одной своею лишь красою,
Ты привлекала взоры ихъ одна?—
Я издали смотрѣлъ, почти желая,
Чтобъ для другихъ очей твой блескъ исчезъ.
Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ.
1830 г.

* * *

Когда послѣднее мгновенье
Мой взоръ навѣки омрачитъ,
И въ міръ, гдѣ казнь или спасенье,
Душа поэта улетитъ,—
Быть-можетъ, приговоръ досадный
Прикажетъ возвратиться ей
Туда, гдѣ въ жизни безотрадной
Она томилась столько дней.
Тогда я буду все съ тобою.
И берегись мнѣ измѣнить...
1830 г.

КЪ ***

Не говори: однимъ высокимъ
Я на землѣ воспламененъ —
Къ нему лишь съ чувствомъ я глубокимъ
Бужу забытый лиры звонъ.
Повѣрь — великое земное
Различно съ мыслями людей:

Свершилъ съ успѣхомъ дѣло злое —
Великъ, не удалось — злодѣй.
Среди дружинъ необозримыхъ
Былъ чуть не Богъ Наполеонъ;
Разбитый же въ снѣгахъ родимыхъ —
Безумцемъ нарицаемъ онъ!
Внимая шумъ волны прибрежной,
Въ изгнаньи дальномъ онъ погасъ,
И что жъ? Конецъ его мятежной
Не отуманилъ нашихъ глазъ!..
1830 г.

КАВКАЗЪ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ;
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ —
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ,
Люблю я Кавказъ!
1830 г.

ОПАСЕНІЕ.

Страшись любви: она пройдетъ,
Она мечтой твой умъ встревожитъ,
Тоска по ней тебя убьетъ,
Ничто воскреснуть не поможетъ.

Краса, любимая тобой,
Тебѣ отдастъ, положимъ, руку;
Года мелькнутъ... летунъ сѣдой
Укажетъ вѣчную разлуку.

И бѣденъ, жалокъ будешь ты,
Глядящій съ креселъ иль подушки
На безобразныя черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былыхъ лѣтахъ
Въ твой умъ закрадутся порою,
И вспомнишь, какъ на сихъ щекахъ
Играло жизнью молодою...

Безъ друга лучше дни влачить,
И къ смерти радостнѣй клониться,
Чѣмъ два удара выносить
И сердцемъ о двоихъ крушиться!..
1830 г.

СТАНСЫ.

Люблю, когда, борясь съ душою,
Краснѣетъ дѣвица моя:
Такъ передъ вихремъ и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздохъ, что ночью лунной
Въ лѣсу изъ устъ ея скользитъ:
Звукъ тихой арфы златострунной
Такъ съ хладнымъ вѣтромъ говоритъ.

Но слаще встрѣтить, средь моленья
Ея, слезу очамъ моимъ:
Такъ, зря Спасителя мученья,
Невинный плакалъ херувимъ.
1830 г.

Н. Ф. И.....ВОЙ.

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя.

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями;

Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился изумленный;
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однакоже нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился;

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленія и годы.

Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ печальной цѣли.
1830 г.

Кавказъ. (Эльбрусъ).
Съ картины *Г. П. Кондратенко.*

НОЧЬ I.

Ласкаемый цвѣтущими мечтами,
Я тихо спалъ — и вдругъ я пробудился,
Но пробужденье тоже было сонъ.
И думая, что цѣпь обманчивыхъ
Видѣній мной разрушена, я вдвое
Обманутъ былъ воображеньемъ — если
Одно воображеніе *творитъ*
Тотъ новый міръ, который заставляетъ
Насъ презирать безчувственную землю.
Казалось мнѣ, что смерть дыханьемъ хладнымъ
Ужъ начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крѣпко,
Съ болѣзненнымъ какимъ-то содроганьемъ,
И тѣло, видя свой конецъ, старалось
Вновь удержать души нетерпѣливой
Порывы; но товарищу былому
Съ досадою душа внимала и укоры
Ихъ разставанье сдѣлали печальнымъ.
Между двухъ жизней, въ страшномъ промежуткѣ
Надеждъ и сожалѣній, ни о той,
Ни объ другой не мыслилъ я. Одно
Сомнѣнье волновало грудь мою, —
Послѣднее сомнѣнье! Я не могъ
Понять, какъ можно чувствовать блаженство
Иль горькія страданія далеко
Отъ той земли, гдѣ въ первый разъ я понялъ,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Гдѣ жадно я искалъ самопознанья,
Гдѣ столько я любилъ и потерялъ, —
Любилъ согласно съ этимъ бреннымъ тѣломъ,
Безъ коего любви не понималъ я.
Такъ думалъ я... И вдругъ душой забылся
И чрезъ мгновенье снова жилъ я,
Но не видалъ вокругъ себя предметовъ
Земныхъ, и болѣе не помнилъ я
Ни боли, ни тяжелыхъ безпокойствъ
О будущей судьбѣ моей и смерти:
Все было мнѣ такъ ясно и понятно
И ни о чемъ себя не вопрошалъ я,
Какъ будто бы вернулся я туда,
Гдѣ долго жилъ, гдѣ все извѣстно мнѣ;
И лишь едва чувствительная тягость
Въ моемъ полетѣ мнѣ напоминала
Мое земное, краткое изгнанье.

Вдругъ предо мной въ пространствѣ безконечномъ
Съ великимъ шумомъ развернулась книга
Подъ неизвѣстною рукой; и много
Написано въ ней было, но лишь мой
Ужасный жребій, ясно для меня,
Начертанъ былъ кровавыми словами.
«Безплотный духъ, иди и возвратись
На землю!..» Вдругъ предо мной исчезла книга,
И опустѣло небо голубое.
Ни ангелъ, ни печальный демонъ ада
Не разсѣкалъ крыломъ полей воздушныхъ;
Лишь тусклыя планеты, пробѣгая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнулъ, прочитавъ свой жребій.
Какъ, мнѣ летѣть опять на эту землю,
Чтобъ увидать ряды тѣхъ золъ, которымъ
Причиной были дѣтскія ошибки!
Увижу я страданія людей,
И тайныхъ мукъ ничтожныя причины,
И къ счастію людей увижу средства,
И невозможно будетъ научить ихъ...
Но такъ и быть, лечу на землю. Первый
Предметъ могила съ пышнымъ мавзолеемъ,
Подъ коимъ трупъ мой люди схоронили.
И захотѣлося мнѣ въ гробъ проникнуть,
И я сошелъ въ темницу — длинный гробъ,
Гдѣ гнилъ мой трупъ, и тамъ остался я
Здѣсь кость была уже видна, здѣсь мясо
Кусками синее висѣло, жилы тамъ
Я примѣчалъ съ засохшею въ нихъ кровью.
Съ отчаяньемъ сидѣлъ я и взиралъ,
Какъ быстро насѣкомыя роились
И съ жадностью глодали пищу смерти.
Червякъ то выползалъ изъ впадинъ глазъ,
То вновь скрывался въ безобразный черепъ;
И что же? Каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я долженъ былъ смотрѣть на гибель друга,
Такъ долго жившаго съ моей душою,
Послѣдняго, единственнаго друга,
Дѣлившаго ея печаль и радость, —
И я помочь желалъ, но тщетно, тщетно!
Уничтоженья быстрые слѣды
Текли по немъ и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную сырую кожу грызли...
Остались кости — и они исчезли.
И прахъ одинъ лежалъ на мѣстѣ тѣла.

Одной исполненъ мрачною надеждой,
Я припадалъ на бренные останки,
Стараясь ихъ дыханіемъ согрѣть
Иль оживить моей безсмертной жизнью.
О! сколько бъ отдалъ я тогда земныхъ

Блаженствъ, чтобъ хоть одну, одну минуту
Почувствовать въ нихъ теплоту... Напрасно!
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны какъ презрѣнье.
Тогда изрекъ я дикія проклятья
На моего отца и мать — на всѣхъ людей.
Съ отчаяньемъ безсмертья долго, долго,
Жестокаго свидѣтель разрушенья,
Я на Творца роптала, страшась молиться,
И я хотѣлъ изречь хулы на небо
Хотѣлъ сказать . . . .
Но замеръ голосъ мой, и — я *проснулся!..*
1830 г.

РАЗЛУКА.

Я виноватъ передъ тобою,
Цѣны услугъ твоихъ не зналъ.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолялъ;
Готовъ былъ, ставши на колѣни,
Проступкомъ называть мечты:
Мои мучительныя пени
Безсмысленно отвергнулъ ты.
Зачѣмъ такъ рано, такъ ужасно
Я долженъ былъ узнать людей,
И счастьемъ жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! Вѣчную разлуку,
Трепеща, вижу предъ собой...
Ледяную встрѣчаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтобъ воспоминанье
Въ чужихъ людяхъ, въ чужой странѣ.
Не принесло тебѣ страданья
При сожалѣньи обо мнѣ.
1830 г.

НОЧЬ II.

Погаснулъ день! И тьма ночная своды
Небесные, какъ саваномъ, покрыла.
Кой-гдѣ во тьмѣ вертѣлись и мелькали
Свѣтящіяся точки,
И между нихъ земля вертѣлась наша;
На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все — и я одинъ лишь нѐ спалъ.
Одинъ я нѐ спалъ... Страшнымъ полусвѣтомъ,
Межъ радостью и горестью срединой,
Мое тѣснилось сердце, — и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ объ убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!..

Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,
И все трещало подъ его ногами,
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный. — Все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило, — единый,
Единый смертный видѣлъ, что не дай Богъ
Созданію живому видѣть...

И вотъ онъ поднялъ костяныя руки —
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему, — и мнѣ они знакомы были.
И кинулъ взоръ на нихъ я — и заплакалъ!..
И странный голосъ вдругъ раздался: «Малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,
Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ?.. Я здѣсь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь, ты любилъ ихъ, —
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь,
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь...
Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди —
Его рожденье; только Богъ лишь вѣченъ...
Рѣшись, несчастный!..»

Тутъ невольный трепетъ
По мнѣ мгновенно началъ разливаться,
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ груди;
И наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ,
Къ скелету я воскликнулъ: «Оба!.. Оба!..
Я вѣрю: нѣтъ свиданья — нѣтъ разлуки!
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми — земного червя,
И землю раздроби — гнѣздо разврата,
Безумства и печали!..
Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья...
Проклятье этому подарку!..
Мы безъ него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ — и всюду опасенья.
Да гибнутъ же друзья мои, да гибнутъ!..

Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!..»
И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили: ихъ не стало, —
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти,
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!..
1830 г.

*
* *

Въ старинны годы жили-были
Два рыцаря-друзья;
Не разъ они въ Сіонъ ходили,
Желаніемъ горя
Съ огромной ратью, съ королями
Его освободить,
И крестъ священный знаменами
Своими осѣнить...
1830 г.

НЕЗАБУДКА.

(СКАЗКА.)

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни;
(Коль въ мірѣ есть любовь) любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ-нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ.

У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Бесѣда мирная текла.

«Другъ, не клянися мнѣ напрасно!»
Сказала дѣва. «Вѣрю я —
Ясна, чиста любовь твоя,
Какъ эта звонкая струя,
Какъ этотъ сводъ надъ нами ясный;
Но какъ она въ тебѣ сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика,
Но нѣтъ! Гвоздика не нужна!
Подалѣе, какъ ты, унылый
Чуть виденъ голубой цвѣтокъ...
Сорви же мнѣ его, мой милый:
Онъ для любви не такъ далекъ!»

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ, стрѣлой
Летитъ онъ — цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать поспѣшною рукой...
Ужъ близко цѣль его стремленья,
Какъ вдругъ подъ нимъ (ужасный видъ)
Земля невѣрная дрожитъ;
Онъ вязнетъ, нѣтъ ему спасенья!..
Взоръ кинувъ полный весь огня
Своей красавицѣ безгласной,
«Прости! Не позабудь меня!..»
Воскликнулъ юноша несчастный —
И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной
И сердца пылкаго въ залогъ
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ;
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья.

Вотъ повѣсти конецъ моей —
Судите, быль иль небылица,
А виновата ли дѣвица,
Сказала, вѣрно, совѣсть ей!
1830 г.

СОВѢТЪ.

Если, другъ, тебѣ сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все съ годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дѣвъ измѣны молодыя,
И невѣрный путь честей,
И мгновенья скуки злыя —
Стоятъ ли тоски твоей?

*
* *

Не ищи страстей тяжелыхъ
И, покуда Богъ даетъ,
Нектаръ пей часовъ веселыхъ,
А печаль сама придетъ.
И людей не презирая,
Не берись учить другихъ:
Лучшимъ быть не воображая,
Скоро ты полюбишь ихъ.

*
* *

Сердце глупое творенье;
Но и съ сердцемъ можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...

Бѣденъ, кто, судьбы въ ненастье
Всѣ надежды испытавъ,
Наконецъ находитъ счастье,
Чувство счастья потерявъ!
1830 г.

ОДИНОЧЕСТВО.

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить;
Дѣлить веселье всѣ готовы, —
Никто не хочетъ грусть дѣлить.

Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны.

И вновь приходятъ — съ позлащенной,
Но той же, старою мечтой;
И вижу гробъ уединенной, —
Онъ ждетъ; что жъ медлить надъ землей?

Никто о томъ не покрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ.
1830 г.

В. Л.

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь, чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой-нибудь остался слѣдъ.
Быть-можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: *онъ правъ!*
Быть-можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца — памятникъ могилы.
1830 г.

ГРОЗА.

Реветъ гроза, дымятся тучи
Надъ темной бездною морской,
И плещутъ пѣною кипучей,
Толпяся волны межъ собой.
Вкругъ скалъ огнистой лентой вьется
Печальной молніи змѣя,
Стихій тревожный рой мятется, —
И здѣсь стою недвижимъ я.

Стою. — Ужель тому ужасно
Стремленье всѣхъ надземныхъ силъ,
Кто въ жизни чувствовалъ напрасно
И жизнію обманутъ былъ?
Вокругъ кого, сей ядъ сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Какъ вкругъ скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?
О нѣтъ! Летай, огонь воздушный,
Свистите, вѣтры, надъ главой,
Я здѣсь холодный, равнодушный,
И трепетъ не знакомъ со мной.

Гроза шумитъ въ моряхъ съ конца въ конецъ,
Корабль летитъ по волѣ бурныхъ водъ,
Одинъ на немъ спокоенъ лишь пловецъ;
Чело печать глубокихъ думъ несетъ,
Угасшій взоръ на тучи устремленъ;
Не вѣдаютъ: ни кто, ни что здѣсь онъ!..
Конечно, онъ живалъ между людей,
И знаетъ жизнь отъ сердца своего:
Крикъ ужаса, моленья, скрипъ снастей
Не трогаютъ молчанія его.
1830 г.

ЗВѢЗДА.

Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда,
Чтобъ я въ ночи встрѣчалъ тебя всегда;
Твой слабый лучъ, сражаясь съ темнотой,
Несетъ мечты душѣ моей больной;
Она къ тебѣ летаетъ высоко, —
И груди сей свободно и легко...
Я видѣлъ взглядъ, исполненный огня
(Ужъ онъ давно закрылся для меня),
Но какъ къ тебѣ, къ нему еще лечу,
И, хоть нельзя, — смотрѣть его хочу...
1830 г.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ, и серебряный прахъ,
Отъ нея разсыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не льстись и ловить берегись:
Обманчивы лучъ и волна...
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойдешь — и заблещетъ она!

Свѣтской радости такъ безпокойный призракъ
Насъ манитъ подъ хладною мглой.
Ты къ нему — онъ, шутя, убѣжитъ отъ тебя,
Ты обманутъ — онъ вновь предъ тобой!
1830 г.

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Гляжу въ окно. Ужъ гаснетъ небосклонъ;
Прощальный лучъ на вышинѣ колоннъ,
На куполахъ, на трубахъ и крестахъ
Блеститъ, горитъ въ обманутыхъ очахъ,
И мрачныхъ тучъ огнистые края
Рисуются на небѣ, какъ змѣя,
И вѣтерокъ, по саду пробѣжавъ,
Волнуетъ стебли омоченныхъ травъ...

Одинъ межъ нихъ примѣтилъ я цвѣтокъ,
Какъ будто перлъ, покинувшій востокъ.
На немъ вода блистаючи дрожитъ,
Главу свою склонивши, онъ стоитъ,
Какъ дѣвушка въ печали роковой:
Душа убита, радость надъ душой, —
Хоть слезы льетъ изъ пламенныхъ очей,
Но помнитъ все о красотѣ своей.

1830 г.

НАПОЛЕОНЪ.

(ДУМА.)

Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотой,
Когда туманъ синѣетъ надъ водой, —
Въ часъ грѣшныхъ думъ, видѣній, тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ лучъ узрѣть бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть, — чья тѣнь, чей образъ тамъ
На берегу, склонивши взоръ къ волнамъ,
Стоитъ вблизи нагбеннаго креста?
Онъ — не живой; но также не мечта
Сей острый взглядъ съ возвышеннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

Предъ нимъ лепечутъ волны и бѣгутъ;
И вновь приходятъ и о скалы бьютъ;
Какъ легкія вѣтрила, облака
Надъ моремъ носятся издалека.
И вотъ глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжитъ день.
Тамъ Франція, тамъ край ея родной,
И славы слѣдъ, быть-можетъ, скрытый мглой;
Тамъ средь войны ея неслися дни...
О, для чего такъ кончились они?!

Прости, о слава, обманувшій другъ!
Опасный ты, но чудный, мощный звукъ,
И скиптръ... О, васъ забылъ Наполеонъ...
Хотя давно умершій, любитъ онъ
Сей малый островъ, брошенный въ моряхъ,
Гдѣ сгнилъ его и червемъ съѣденъ прахъ,
Гдѣ онъ страдалъ, покинутъ отъ друзей,
Презрѣвъ судьбу съ гордыней прежнихъ дней,
Гдѣ стаивалъ онъ на брегу морскомъ,
Какъ нынѣ грустенъ, руки сжавъ крестомъ.

О! какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны;
И быстрый взоръ, давящій слабый умъ,
Хоть чуждъ страстей, все полонъ прежнихъ думъ.
Сей взоръ, какъ трепетъ, въ сердце проникалъ
И тайныя желанья узнавалъ.
Онъ тотъ же все; и той же шляпой онъ,
Сопутницею жизни, осѣненъ.
Но посмотри: ужъ день блеснулъ въ струяхъ, —
Призрака нѣтъ, все пусто на скалахъ.

Нерѣдко внемлетъ житель сихъ бреговъ
Чудесные разсказы рыбаковъ:
Когда гроза бунтуетъ и шумитъ,
И блещетъ молнія и громъ гремитъ,
Мгновенный лучъ нерѣдко озарялъ
Печальну тѣнь, стоящую межъ скалъ.
Одинъ пловецъ, какъ ни былъ страхъ великъ,
Могъ различить недвижный смуглый ликъ
Подъ шляпою съ нахмуреннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

1830 г.

ЭПИТАФІЯ НАПОЛЕОНУ.

Да тѣнь твою никто не порицаетъ,
Мужъ рока! Ты съ людьми — что надъ тобою рокъ.
Кто зналъ тебя возвесть, лишь тотъ низвергнуть могъ, —
Великое жъ ничто не измѣняетъ.

1830 г.

КЪ ГЛУПОЙ КРАСАВИЦѢ.

(Меня спрашивали, зачѣмъ я не говорю съ одной дѣвушкой, а только смотрю...)

Тобой плѣняться издали
Мое все зрѣніе готово,
Но слышать — Боже сохрани
Мнѣ отъ тебя одно хоть слово!
Иль смѣхъ, иль страхъ въ душѣ моей
Замѣнитъ сладкое мечтанье,
И глупый смыслъ твоихъ рѣчей

Оледянитъ очарованье...
Такъ смерть красна издалека;
Пускай она летитъ стрѣлою,
За ней я слѣдую пока,—
Лишь только бъ не она за мною...
За ней я всюду полечу,
И наслажуся въ созерцаньѣ,
Но самъ привлечь ея вниманье —
Ни за полміра не хочу.
1830 г.

ОЧИ NN.

Нѣтъ смерти здѣсь! — и сердце вторитъ: нѣтъ!
Для смерти слишкомъ веселъ этотъ свѣтъ.
И не твоимъ глазамъ Творецъ судилъ
Горѣть, играть для тлѣнья и могилъ!..
Хоть все возьметъ могильная доска,
Ихъ пожалѣетъ смерти злой рука.
Ихъ лучъ — съ небесъ, и, какъ въ родныхъ краяхъ,
Они блеснутъ звѣздами въ небесахъ!
1830 г.

КАВКАЗУ.

Кавказъ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Подъ дикой пеленою мглы
Услышатъ также крикъ страстей,
Звонъ славы, злата и цѣпей?..
Нѣтъ! прошлыхъ лѣтъ не ожидай,
Черкесъ, въ отечество свое:
Свободѣ прежде милый край
Примѣтно гибнетъ для нее.
1830 г.

УТРО НА КАВКАЗѢ.

Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой
Вокругъ лѣсистыхъ горъ туманъ ночной;
Еще у ногъ Кавказа тишина;
Молчитъ табунъ, рѣка журчитъ одна.
Вотъ на скалѣ новорожденный лучъ
Зардѣлся вдругъ, прорѣзавшись межъ тучъ,
И розовый по рѣчкѣ и шатрамъ
Разлился блескъ и свѣтитъ тамъ и тамъ.
Такъ дѣвушки, купаяся въ тѣни,
Когда увидятъ юношу они,
Краснѣютъ всѣ, къ землѣ склоняютъ взоръ;
Но какъ бѣжать, коль близокъ милый воръ!..
1830 г.

СТАНСЫ.

Я не крушуся о быломъ,—
Оно меня не усладило;
Мнѣ нечего запомнить въ немъ,
Чего бъ тоской не отравило!

Какъ настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Какъ снѣгомъ крестъ въ степи забытой!

Отвѣта на любовь мою
Напрасно жаждалъ я душою,
И если о любви пою,—
Она была моей мечтою.

Я къ одиночеству привыкъ,
Я бъ не умѣлъ ужиться съ другомъ,
Я бъ съ нимъ препровожденный мигъ
Почелъ потеряннымъ досугомъ.

Мнѣ скучно въ день, мнѣ скучно въ ночь;
Надежды нѣту въ утѣшенье;
Она навѣкъ умчалась прочь,
Какъ жизни каждое мгновенье.

На свѣтлый западъ удалюсь,—
Видъ моря грусть мою разсѣетъ;
Ни съ кѣмъ въ отчизнѣ не прощусь,
Никто о мнѣ не пожалѣетъ!..

Быть-можетъ, будетъ мнѣ о комъ
Тогда вздохнуть, — и Провидѣнье
Заплатитъ мнѣ спокойнымъ днемъ
За долгое мое мученье.
1830 г.

* * *

Прости, мой другъ!.. Какъ призракъ, я лечу
Въ далекій край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не предъ тобой.
Ты можешь жить, не слыша голосъ мой;
Изъ всѣхъ блаженствъ, отнятыхъ у меня,
Осталось мнѣ одно: видать тебя,
Тотъ взоръ, что небо жалостью зажгло.
Все кончено! — ни блѣдное чело,
Ни пасмурный и недовольный взглядъ
Ничѣмъ, ничѣмъ его не омрачатъ!..
Меня забыть прекрасной нѣтъ труда,
И я тебя забуду навсегда.
Я мучусь, если мысль ко мнѣ придетъ,
Что и тебя несчастіе убьетъ,
Что нѣкогда съ ланитъ и съ устъ мечта
Какъ дымъ слетитъ, завянетъ красота,
Забьется сердце медленнѣй — свинецъ

Тоски на немъ, — и что всему конецъ!..
Однакожъ, я желалъ бы увидать
Твой хладный трупъ, чтобы себѣ сказать:
«Чего еще! Желанья отняты, —
Бѣднякъ, теперь совсѣмъ, совсѣмъ оставленъ ты!»

1830 г.

ЧЕЛНОКЪ.

Воетъ вѣтръ и свиститъ предъ недальней грозой.
По морю на темный востокъ,
Озаряемый молньей, кидаемъ волной,
Несется невѣрный челнокъ.
Два гребца въ немъ сидятъ съ безпокойнымъ челомъ,
И что-то у ногъ ихъ подъ бѣлымъ холстомъ.

И вихорь сильнѣй по волнамъ пробѣжалъ,
И сорванъ летучій покровъ:
Подъ нимъ человѣкъ неподвижно лежалъ, —
И блѣдный, какъ жертва гробовъ,
Взоръ мраченъ и дикъ, какъ сраженія дымъ,
Какъ тучи на небѣ, иль волны подъ нимъ.

Въ чалмѣ онъ богатой, съ обритой главой,
И цѣпь на рукахъ и ногахъ,
И рана близъ сердца и токъ кровяной
Не держитъ опасности страхъ;
Онъ смерть равнодушнѣе спутниковъ ждетъ,
Хотя его прежде она уведетъ.

Такъ съ смертію вѣчно: чѣмъ ближе она,
Тѣмъ менѣе жалко намъ свѣтъ.
Двѣ могилы не такъ намъ страшны, какъ одна,
Потому что надежды здѣсь нѣтъ.
И если бъ не ждалъ я счастливаго дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!

1830 г.

ОТРЫВОКЪ.

На жизнь надѣяться страшась,
Живу, какъ камень межъ камней,
Излить страданія скупясь:
Пускай сгніютъ въ груди моей.
Разсказъ моихъ сердечныхъ мукъ
Не возмутитъ ушей людскихъ:
Ужель при сшибкѣ камней звукъ
Проникнетъ въ середину ихъ?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мнѣ,
Но велѣно ему судьбой,
Какъ жилъ, погибнуть въ тишинѣ.
Я твердо ждалъ его плодовъ,
Съ собой бесѣдовать любя;
Утихнетъ звукъ сердечныхъ словъ, —
Одинъ, одинъ останусь я.

Для тайныхъ думъ я пренебрегъ
И путь любви и славы путь,
Все, чѣмъ хоть мало въ свѣтѣ могъ
Иль отличиться, иль блеснуть.
Бѣднѣйшій средь существъ земныхъ,
Останусь я въ кругу людей,
Навѣкъ лишась достоинствъ ихъ
И добродѣтели своей!

Двѣ жизни въ насъ до гроба есть;
Есть грозный духъ: онъ чуждъ уму,
Любовь, надежда, скорбь и месть, —
Все, все подвержено ему.
Онъ основалъ жилище тамъ,
Гдѣ можемъ память сохранять,
И предвѣщаетъ гибель намъ,
Когда ужъ поздно избѣгать.

Терзать и мучить любитъ онъ;
Въ его рѣчахъ нерѣдко ложь...
Онъ точитъ жизнь, какъ скорпіонъ.
Ему повѣрилъ я, — и что жъ?
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь въ очи, въ блѣдный цвѣтъ:
Лицо мое вамъ не могло
Сказать, что мнѣ пятнадцать лѣтъ.

И скоро старость приведетъ
Меня къ могилѣ. Я взгляну
На жизнь, — на весь ничтожный плодъ,
И о прошедшемъ вспомяну.
Придетъ сей вѣрный другъ могилъ
Съ своей холодной красотой;
О чемъ страдалъ, что я любилъ,
Тогда лишь будетъ мнѣ мечтой.

Ужель единый гробъ для всѣхъ
Уничтоженіемъ грозитъ?
Какъ знать: тогда, быть-можетъ, смѣхъ
Полмертваго воспламенитъ!
Придетъ веселость — звукъ чужой
Понынѣ въ словарѣ моемъ;
И я объ юности златой
Не погорюю предъ концомъ;

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ;
Мы сгибнемъ, нашъ сотрется слѣдъ.
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ, —
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ,

Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!..

Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.
1830 г.

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ.

(Написано на стѣнахъ жилища Никона.)

I.

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой;
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ,
Но колоколъ растреснувшій молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братью къ всенощной въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленные ставни и кругомъ
Высокая полынь — все, все безъ словъ
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ...

. . . .

Таковъ старикъ, подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.
1830 г.

(Тамъ же, въ монастырѣ.)

II.

Предъ мной готическое зданье
Стоитъ, какъ тѣнь былыхъ годовъ;
При немъ тѣснится чувствованье
Къ намъ въ грудь того, чему нѣтъ словъ,
Что выше теплаго участья,
Святѣй любви, спокойнѣй счастья.

Быть-можетъ, черезъ много лѣтъ
Сія священная обитель
Оставитъ только мрачный слѣдъ,
И любопытный посѣтитель
Въ развалинахъ людей искать
Напрасно станетъ, чтобъ узнать,

Гдѣ образъ Божеской могилы
Между златыхъ колоннъ стоялъ,
Гдѣ теплились паникадилы,
Гдѣ ликъ отшельниковъ звучалъ
И гдѣ предъ Богомъ изливали
Свои грѣхи, свои печали.

И тамъ (какъ знать) найдетъ пришлецъ
Пергаментъ пыльный. Онъ увидитъ,
Какъ сердце любитъ по конецъ
И безконечно ненавидитъ,
Какъ ни вериги, ни клобукъ
Не облегчаютъ нашихъ мукъ.

Онъ тѣхъ людей узритъ гробницы,
Ихъ эпитафіи прочтетъ,
Временъ тогдашнихъ небылицы
За рѣчи истинны почтетъ,
Не мысля, что въ семъ мѣстѣ сгнили
Сердца, которыя любили!
1830 г.

КЪ. . .

«Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ
Писать. Перо въ рукѣ — могила
Передо мной. Но что жъ? Все пусто тамъ;
Все прахъ, что нѣкогда она манила
Къ себѣ. Вокругъ меня толпа родныхъ,
Слезами жалости покрыты лица;
И я пишу, пишу, — но не для нихъ.
Любви моей не холодитъ гробница.
Любви... Но вы не знали мукъ моихъ!
Я чувствую, что это трудъ ничтожный,
Не усладитъ послѣднихъ онъ минутъ.
Но такъ и быть, — пишу, пока возможно;
Сей трудъ — души моей любимый трудъ!
Прими письмо мое. Твой взоръ увидитъ,
Что я не могъ стѣснить души своей
Къ молчанью, — такъ ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидитъ...
Я въ жизни много, много испыталъ!
Ошибся въ дружбѣ. О! храни моихъ мученій
Слова... Прости. И больше нѣтъ волненій...
Прости, мой другъ»... И подписалъ...
«Евгеній».
1830 г.

НОЧЬ III.

(Сидя въ Средниковѣ у окна.)

Темно. Все спитъ. Лишь только жукъ ночной,
Жужжа, въ долинѣ пролетитъ порой;

Изъ-подъ травы блистаетъ червячокъ,
От нашихъ думъ, отъ нашихъ бурь далекъ.
Высокихъ липъ сталъ пасмурнѣй навѣсъ,
Когда луна взошла среди небесъ...
Нѣтъ, въ первый разъ прелестна такъ она!
Онъ здѣсь; стоитъ, какъ мраморъ, у окна,
Тѣнь отъ него чернѣетъ на стѣнѣ,
Недвижный взоръ поднятъ, но не къ лунѣ,—
Онъ полонъ всѣмъ, чѣмъ только ядъ страстей
Ужасенъ былъ и милъ сердцамъ людей.
Свѣча горитъ, забыта на столѣ,
И блескъ ея съ лучомъ луны въ стеклѣ
Мѣшается, играетъ, какъ любви
Огонь живой съ презрѣніемъ въ крови!
Кто жъ *онъ?* Кто жъ онъ, сей нарушитель сна?
Чѣмъ эта грудь мятежная полна?
О, если бъ вы умѣли угадать
Въ его очахъ, что хочетъ онъ скрывать!
О, если бъ могъ единый бѣдный другъ
Хотя смягчить души его недугъ!

1830 г.

ПРОСТИ.

(Изъ Байрона.)

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ
И даже улетитъ за нихъ.
Напрасно плакать и вздыхать:
Слеза кровавая порой
Не можетъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!..

Нѣтъ слезъ въ очахъ, уста молчатъ,
Отъ тайныхъ думъ томится грудь,
И эти думы — вѣчный ядъ,
Имъ не пройти, имъ не уснуть.
Не мнѣ о счастьи бредить вновь,
Лишь знаю я — и могъ снести —
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую. Прости! прости!

1830 г.

ЭЛЕГІЯ.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ.
Я здѣсь стою близъ моря на скалѣ,
Стою, задумчивость питая;
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И никому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимный;
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька
И, внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный.
Но я далекъ отъ счастья ихъ душой:
Я помню блескъ обманчивый столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И что жъ? Слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь;
Года погибшіе являются всечасно...
И этотъ взоръ, задумчивый и ясный...
Твержу, твержу душѣ: забудь!
Онъ все передо мной! Я все твержу напрасно!
О, если бъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность,
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ —
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность!..
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И, отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала...
Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья,
Кто рано свѣтъ узналъ и, съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!..

1830 г.

ЭПИТАФІЯ.

Простосердечный сынъ свободы,
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ,
И вѣчныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.

Онъ вѣрилъ темнымъ предсказаньямъ
И талисманамъ, и любви —
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.

И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

1830 г.

SENTENZ.

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать,
Что жизнь съ надеждами, мечтами —
Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами.
1830 г.

ГРОБЪ ОССІАНА.

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.
Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
Родимымъ вѣтромъ подышать
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять...
1830 г.

КЛАДБИЩЕ.

(На кладбищѣ написано.)

Вчера до самой ночи просидѣлъ
Я на кладбищѣ, все смотрѣлъ, смотрѣлъ
Вокругъ себя; полстертыя слова
Я разбиралъ. Невольно голова
Наполнилась мечтами вновь; очей
Я не былъ въ силахъ оторвать съ камней!
Одинъ ушелъ ужъ въ землю, и на немъ
Все стерлося; тамъ крестъ къ кресту челомъ
Нагнулся, будто любитъ, будто сонъ
Земныхъ страстей узналъ въ семъ мѣстѣ онъ...
Вкругъ тихо, сладко все, какъ мысль о ней!
Краснѣючи, волнуется пырей
На солнцѣ вечера. Надъ головой
Жужжа, со днемъ прощаются игрой
Толпящіяся мошки, — какъ народъ
Существъ съ душой, уставшихъ отъ работъ!..
Сто кратъ великъ, Кто создалъ міръ! великъ!..
Сихъ мелкихъ тварей надмогильный крикъ
Творца не больше ль славитъ иногда,
Чѣмъ въ пепелъ обращенныя стада,
Чѣмъ человѣкъ, сей царь надъ общимъ зломъ,
Съ коварнымъ сердцемъ, съ ложнымъ языкомъ?..
1830 г.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ. Не придутъ
Вновь эти слезы — вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужъ нѣтъ ея, и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ:
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ.
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;
Принесть тебѣ лишь можетъ онъ
Любимые труды свои.
1830 г.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ — ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.

Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.

И муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять съ святой горы;
Но вѣрь, принадлежать тебѣ
Ея вѣнокъ, ея дары!
1830 г.

ГОСТЬ.

Какъ пришлецъ иноплеменный,
Въ облакахъ луна скользитъ,
Колокольчикъ отдаленный
То замолкнетъ, то звенитъ.
«Что за гость въ ночи морозной?»
Мужу говоритъ жена,
Сидя рядомъ въ вечеръ поздній
Возлѣ тусклаго окна...

Вотъ кибитка подъѣзжаетъ.
На высокое крыльцо
Изъ кибитки вылѣзаетъ
Незнакомое лицо.
И слуга вошелъ съ свѣчою,
Бѣдный вслѣдъ за нимъ монахъ:
Нынѣ позднею порою
Заплутался онъ въ лѣсахъ.

И ему ночлегъ дается.
Что жъ стоишь, отшельникъ, ты?
Свѣчки лучъ печально льется
На печальныя черты.
Чуднымъ взоръ огнемъ свѣтился,
Онъ хозяйку вдругъ узналъ,
Онъ дрожитъ и вотъ забылся
И къ ногамъ ея упалъ.

Мужъ ушелъ тогда. — О! прежде
Жилъ чернецъ лишь для неё,
Обманулся онъ въ надеждѣ,
Погубилъ онъ съ нею все.
Но промчалось изступленье;
Путникъ въ комнатѣ своей,
Чтобъ рыданья и мученье
Схоронить отъ глазъ людей.

Но рыданія звучали
Вплоть до бѣлыя зари,
Наконецъ и замолчали...
Поутру къ нему вошли:
На полу онъ посинѣлый,
Какъ замученный, лежалъ,
И безчувственное тѣло
Плащъ печальный покрывалъ!..
1830 г.

1830 МАЯ 16 ЧИСЛО.

Боюсь не смерти я, о, нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно, —
Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный
Когда-нибудь увидѣлъ свѣтъ.
Хочу — и снова затрудненье!..
Зачѣмъ? Что пользы будетъ мнѣ?
Мое свершится разрушенье
Въ чужой, невѣдомой странѣ.
Я не хочу бродить межъ *вами*
По разрушеніи! Творецъ,
На то ли я звучалъ струнами,
На то ли созданъ былъ пѣвецъ?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня къ могилѣ привели?
И нѣтъ въ душѣ довольно власти, —
Люблю мученія земли.
И этотъ образъ, онъ за мною,
Въ могилу силится бѣжать,
Туда, гдѣ обѣщалъ мнѣ дать
Ты мѣсто къ вѣчному покою.
Но чувствую, покоя нѣтъ:
И тамъ, и тамъ его не будетъ;
Тѣхъ длинныхъ, тѣхъ жестокихъ лѣтъ
Страдалецъ вѣчно не забудетъ!..
1830 г.

КЪ ***

(Прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ.)

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны — нѣтъ!
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья —
Одно предчувствіе гораздо бо́льшихъ бѣдъ.

Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!..

Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ — прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ — тамъ нѣтъ души родной.
1830 г.

ЭПИТАФІЯ.

(Утонувшему игроку.)

Кто яму для другихъ копать трудился,
Тотъ самъ въ нее упалъ, — гласитъ писанье такъ;
Ты это оправдалъ, бостонный мой чудакъ:
Топилъ людей — и утопился.
1830 г.

ДЕРЕВУ.

Давно ли съ зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты.
Лишь годъ назадъ два талисмана
Свѣтилися въ тѣни твоей,
И ниже́ замысла обмана
Не скрылося въ душѣ дѣтей!..

Дѣтей!.. О да, я былъ ребенокъ! —
Промчался легкій страсти сонъ;
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ, —
Въ единый мигъ прорвался онъ.
И деревцо съ моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть;
Я жизнь его купилъ бы кровью,
Но какъ перемѣнить, что *есть?*

Ужели также вдохновенье
Умреть невозвратимо съ нимъ?
Иль шуму свѣтскаго волненья
Бороться съ сердцемъ молодымъ?
Нѣтъ, нѣтъ,—мой духъ безсмертенъ силой,
Мой геній вѣки пролетитъ,
И эти вѣтви, надъ могилой
Пѣвца-страдальца, освѣтитъ!..
1830 г.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

(Это мечта.)

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда . . . . . . упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать;
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать;
И зарево окраситъ волны рѣкъ.
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ
И ты его узнаешь,—и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя! твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ;
И будетъ все ужасно, мрачно въ немъ,
Какъ видъ его съ возвышеннымъ челомъ.
1830 г.

* * *

Все тихо. Полная луна
Блеститъ межъ ветелъ надъ прудомъ
И возлѣ берега волна
Съ холоднымъ рѣзвится лучомъ.

Никто, никто не усладилъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной!
Любить?—три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.
1830 г.

10 ЮЛЯ 1830.

Опять вы, гордые, возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося—побѣды мрачной знакъ;
Оно любимо прежде было славой;
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ...
1830 г.

1830 года ІЮЛЯ 15.

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.
Какъ ужасы плѣняли юный духъ!
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта ль въ нихъ змѣя.

Но въ общество иное я вступилъ,
Узналъ людей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ,
Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ
Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.
Но эту грудь страданьемъ напоивъ,
Скажите мнѣ, возможно ли любить?
Страшусь, въ объятья дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ напоить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть;
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!
Когда бъ я зналъ, не могъ бы перенесть.
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Согбенный лукъ, порвавши тетиву,
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ.
Что жъ? Нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.
1830 г. Москва.

30 ІЮЛЯ ПАРИЖЪ 1830 ГОДА.

Ты могъ быть лучшимъ королемъ;
Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ
Народъ унизить подъ ярмомъ,
Но ты французовъ не узналъ!
Есть судъ земной и для царей—
Провозгласилъ онъ твой конецъ;
Съ дрожащей головы твоей
Ты въ бѣгствѣ уронилъ вѣнецъ.

И загорѣлся страшный бой...
И знамя вольности, какъ духъ,
Идетъ предъ гордою толпой —
И звукъ одинъ наполнилъ слухъ,
И брызнула въ Парижѣ кровь.
О, чѣмъ заплатишь ты, тиранъ,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражданъ?

Когда послѣдняя труба
Разрѣжетъ звукомъ синій сводъ,
Когда откроются гроба,
И прахъ твой прежній видъ возьметъ;
Когда появятся вѣсы,
И ихъ подыметъ Судія,—
Не встанутъ у тебя власы?
Не задрожитъ рука твоя?

Глупецъ, что будешь ты въ тотъ день,
Коль нынѣ стыдъ ужъ надъ тобой?—
Предметъ насмѣшекъ ада, тѣнь,
Призракъ, обманутый судьбой!..
Безсмертной раною убитъ,
Ты обернешь молящій взглядъ,
И строй кровавый закричитъ:
Онъ виноватъ! онъ виноватъ!

1830 г.

БУЛЬВАРЪ.

Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ,
Я взялъ перо — и, право, очень радъ,
Что плодъ надъ нимъ моихъ привычныхъ правъ
Узнаетъ вновь бульварный маскарадъ.
Сатировъ я для помощи призвавъ,
Подговорю,—и все пойдетъ на ладъ:
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то... ко всѣмъ чертямъ твое перо!..

Приди же изъ подземнаго огня,
Чертенокъ мой, взъерошенный острякъ,
И попугаемъ сядь вблизи меня.
«Дуракъ!» скажу — и ты кричи: «дуракъ».
Не устоитъ бульварная семья.
Хоть морщи лобъ, хотя сожми кулакъ,
Невинная красотка въ сорокъ лѣтъ —
Пятнадцати тебѣ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

И ты, мой старецъ съ рыжимъ парикомъ,
Ты, депутатъ столѣтій и могилъ,
Дрожащій весь и схожій съ жеребцомъ,
Какъ кровь ему изъ всѣхъ пускаютъ жилъ,
Ты здѣсь бредешь и смотришь сентябремъ,
Хоть тамъ княжна лепечетъ: «какъ онъ милъ!»
А для того и силится хвалить,
Чтобъ свой порокъ въ Ч... извинить!.

Подалѣе на креслахъ тамъ другой
Едва сидитъ согбенный сынъ земли:
Онъ, какъ знатокъ, глядитъ въ лорнетъ двойной,
Власы его въ серебряной пыли.
Онъ одаренъ восточною душой,
Коль душу въ немъ въ сто лѣтъ найти могли,—
Но я клянусь [пусть кончивъ — буду прахъ],—
Она тонка, когда въ его ногахъ.

И что жъ? Онъ правъ, онъ правъ, друзья мои.
Глупецъ, кто жилъ, чтобъ на діэтѣ быть;
Уменъ, кто отдалъ дни свои любви.
И этотъ мужъ копилъ, чтобы любить,—
Замѣнъ души онъ находилъ въ крови.
Но тотъ блаженъ, кто можетъ говорить,
Что онъ вкушалъ до капли медъ земной,
Что онъ любилъ и тѣломъ, и душой!..

И я любилъ! опять къ своимъ страстямъ!
Брось, брось свои безумныя мечты!
Пора склонить вниманіе на дамъ,
На этихъ кандидатокъ красоты,
На ихъ нарядъ—какъ описать все вамъ?
Въ нарядѣ ихъ нѣтъ милой простоты:
Все такъ высоко, такъ взгромождено,
Какъ бурею на нихъ нанесено.

Примѣтна спесь въ ихъ пошлой болтовнѣ,
Уста всегда сказать готовы: *нѣтъ*.
И холодны онѣ, какъ при лунѣ
Намъ кажется прабабушки портретъ.
Когда гляжу, то, право, жалко мнѣ,
Что вкусъ такой имѣетъ модный свѣтъ;
Вѣдь думаютъ тенетомъ лентъ, кисей,
Какъ зайчиковъ, поймать моихъ друзей.

Сидѣлъ я разъ случайно подъ окномъ,
И вдругъ головка вышла изъ окна,
Не завита, и въ чепчикѣ простомъ.
Но какъ божественна была она!
Уста и взоръ! Стыжусь!—Въ умѣ моемъ
Головка та ничѣмъ не изгнана,
Какъ нѣкій сонъ младенческихъ ночей
Или какъ пѣсня матери моей.

И сколько лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ!..
О, вѣрьте мнѣ, красавицы Москвы:
Блистательный вашъ головной уборъ
Вскружить не въ силахъ нашей головы.
Всѣ платья, шляпы, букли ваши — вздоръ,
Такой же вздоръ, какой твердите вы,
Когда идете здѣсь толпой кометъ,
А маменьки бѣгутъ за вами вслѣдъ.

Но для чего кометами я васъ
Назвалъ,— глупецъ тупѣйшій то пойметъ,
И самъ Башуцкій объяснитъ тотчасъ:
Комета за собою хвостъ влечетъ,
И это всѣми признано у насъ,
Хотя — что въ немъ, никто не разберетъ;
За вами жъ хвостъ оставленныхъ мужьевъ,
Вздыхателей и бѣдныхъ жениховъ!

О женихи! о бѣдный Масаловъ!
Какъ не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, изъ рода пѣтушковъ,
Средь юныхъ дѣвъ, какъ будто бы въ саду;
Хотя и держишься размѣру словъ,
Но ты согласенъ на свою бѣду,
Что лучше все не думавъ говорить,
Чѣмъ глупо думать и глупѣй судить.

Онъ чванится, что точно русскій онъ;
Но если бы таковъ былъ весь народъ,
То я бы изъ Руси пустился вонъ...
И то сказать, чудесный патріотъ
Лишь своему языку обученъ,—
Онъ этимъ край родной не выдаетъ;
А то бъ узнали всей земли концы,
Что есть у насъ подобные глупцы.

(Продолженіе впредь).

1830 г.

ПѢСНЬ БАРДА.

Я долго былъ въ чужой странѣ,
Дружинъ Днѣпра сѣдой пѣвецъ!
И вдругъ пришло на мысли мнѣ
Къ нимъ возвратиться наконецъ.
Пришелъ — съ гуслями за спиной,
Былую пѣсню заигралъ...
Напрасно! князь земли родной —
Приказу ханскому внималъ...

Въ пустыни, гдѣ являлся врагъ,
Понесъ я старую главу,
И попиралъ мой каждый шагъ
Окровавленную траву.
Сходились къ брошеннымъ костямъ
Толпы звѣрей и птицъ лѣсныхъ,
Затѣмъ что больше было тамъ
Число убитыхъ, чѣмъ живыхъ.

Кто могъ бы спѣть хоть пѣснь одну?
Отчаяннымъ движеньемъ рукъ
Задѣвъ дрожащую струну,
Случалось, исторгалъ я звукъ;
Но умиралъ такъ скоро онъ!
И если бъ слышалъ сынъ цѣпей,
То гибнущей свободы стонъ
Не тронулъ бы его ушей.

Вдругъ кто-то у меня спросилъ:
«Зачѣмъ я часто слезы лью?
Гдѣ человѣкъ такъ вольно жилъ?
О комъ бренчу, о комъ пою?»
Пронзила эта рѣчь меня,—
Надеждъ пропалъ послѣдній рой;
На землю гусли бросилъ я —
И молча раздавилъ ногой.

1830 г.

ЧЕРНООКОЙ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

(Къ Сушковой, Екатеринѣ Алексѣевнѣ.)

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня:
И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно, можетъ-быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.
Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! Зачѣмъ страдать?
Однакоже, хоть день, хоть часъ,
Желалъ бы дольше здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

1830 г. Средниково, 12 августа.

БЛАГОДАРЮ.

Благодарю!.. вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла.
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся навѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ покажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

1830 г. Средниково, 12 августа.

ЧУМА ВЪ САРАТОВѢ.

I.

Чума явилась въ нашъ предѣлъ.
Хоть страхомъ сердце стѣснено,
Изъ милліона мертвыхъ тѣлъ
Мнѣ будетъ дорого одно.
Его землѣ не отдадутъ,
И крестъ его не осѣнитъ,
И пламень, гдѣ его сожгутъ,
Навѣкъ мнѣ сердце охладитъ.

II.

Никто не прикоснется къ ней,
Чтобъ облегчить послѣдній мигъ.
Уста волшебницы — очей
Не приманятъ къ себѣ другихъ;
Лобзая ихъ, я бъ былъ счастливъ,
Когда бъ въ себя ядъ смерти влилъ,
Затѣмъ что сладость ихъ испивъ,
Я дѣву нѣкогда забылъ.

Cholera-morbus. 1830 г. Августа 15 дня.

ЧУМА.

(Отрывки.)

Два человѣка въ этотъ страшный годъ,
Когда всѣхъ занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь ихъ, родъ—
Незнанія хранила тишина.
Толпами гибъ отчаянный народъ,
Вкругъ нихъ валялись трупы — и страна
Веселья стала гробъ; и въ эти дни
Безъ страха обнималися они!..

Одинъ былъ юнъ годами и душой,
Имѣлъ блистающій и быстрый взоръ,
Играла кровь въ щекахъ его порой,
Въ движеніяхъ и въ мысляхъ онъ былъ скоръ
И мужественъ съ лица. Но онъ съ тоской
И ужасомъ глядѣлъ на гладный моръ;
Молился, плакалъ онъ и день, и ночь,
Отталкивалъ и сонъ, и пищу прочь!

Другой узналъ, казалось, жизни зло,
И разорвалъ свои надежды самъ;
Высокое и блѣдное чело
Являло наблюдательнымъ очамъ,
Что сердце много мукъ перенесло
И было прежде отдано страстямъ.
Но, несмотря на мрачный сей удѣлъ,
И онъ, какъ бы невольно, жить хотѣлъ.

Безмолвствуя на друга онъ взиралъ,
И въ жилахъ останавливалась кровь;
Онъ вздрагивалъ, садился, онъ вставалъ,
Ходилъ, блѣднѣлъ, и вдругъ садился вновь,
Ломалъ въ безумьи руки, но молчалъ.
Онъ подавлялъ въ груди своей любовь
И сердца безпокойный, вѣщій гласъ,
Что скоро бьетъ неизбѣжимый часъ.

И часъ пробилъ! его нѣжнѣйшій другъ
Сталъ медленно слабѣть. Хоть говорить
Не могъ ужъ юноша, его недугъ
Не отнималъ еще надежды жить;
Казалось, судрожнымъ движеньемъ рукъ
Старался онъ кончину удалить.
Но вотъ утихъ... взоръ ясный поднялъ онъ,
Закрылъ... хотя бъ одинъ послѣдній стонъ!..

Какъ сумасшедшій, руки сжавъ крестомъ,
Стоялъ его товарищъ. Онъ хотѣлъ
Смѣяться, но съ открытымъ ртомъ
Остался... Взглядъ его оцѣпенѣлъ...
Пришли къ нимъ люди. Зацѣпивъ крючкомъ
Холодный трупъ, къ высокой грудѣ тѣлъ
Они безъ сожалѣнья повлекли,
И подложили бревенъ и зажгли...

Когда жъ потомъ въ себя пришелъ живой,
И увидалъ, что унесенъ мертвецъ, —
Онъ завернулся въ плащъ широкій свой,
Чтобъ ожидать безтрепетно конецъ.
И сталъ въ глазахъ двоиться лучъ дневной,
Глава отяжелѣла, какъ свинецъ,
И душу рокъ отъ тѣла оторвалъ, —
И будто снопъ на землю онъ упалъ.

1830 г. Августъ.

НИЩІЙ.

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ обмануты тобою.

1830 г. 17 августа.

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди луговъ, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля:
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только *ей*:
Ланитъ спокойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И *тотъ*, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ *ней* въ сердцѣ не найдетъ.

1830 г.

МОЯ МОЛЬБА.

(Послѣ разговора съ одной извѣстной очень мнѣ старушкой, которая восхищалась и читала и плакала надъ Грандисономъ.)

Да охранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ не знающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной, и —
Отъ романтическихъ старушекъ.

1830 г.

ЭКСПРОМПТЪ.

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы... все три, а не четыре!

1830 г.

СТАНСЫ.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы свѣтлыхъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, какъ прошлый часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.

Смѣялась надо мною ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подъ часъ:
«Я не могу любить другой!»

Я жертвовалъ другимъ страстямъ;
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю,
А можетъ-быть и въ небесахъ?

1830 г. 26 августа.

НОЧЬ IV.

Одинъ я въ тишинѣ ночной.
Свѣча сгорѣвшая трещитъ,
Перо въ тетрадкѣ записной
Головку женскую чертитъ.
Воспоминанье о быломъ,
Какъ тѣнь, въ кровавой пеленѣ,
Спѣшитъ указывать перстомъ
На то, что было мило мнѣ.

Слова, которыя могли
Меня тревожить въ тѣ года,
Пылаютъ предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И тамъ скелеты прошлыхъ лѣтъ
Стоятъ унылою толпой,
Межъ ними есть одинъ скелетъ —
Онъ обладалъ моей душой.

Какъ могъ я не любить тотъ взоръ?
Презрѣнья женскаго кинжалъ
Меня пронзилъ... Но нѣтъ, съ тѣхъ поръ
Я все любилъ, я все страдалъ...
Сей взоръ невыносимый — онъ
Бѣжитъ за мною, какъ призракъ,
И я до гроба осужденъ
Другого не любить никакъ.

О, я завидую другимъ!
Въ кругу семейственномъ, въ тиши,
Смѣяться просто можно имъ
И веселиться отъ души.
Мой смѣхъ тяжелъ мнѣ, какъ свинецъ:
Онъ плодъ сердечной пустоты.
О Боже! вотъ что — наконецъ
Я вижу — мнѣ готовилъ ты.

Возможно ль! — первую любовь
Такою горечью облить!
Притворствомъ взволновавъ мнѣ кровь,
Хотѣть насмѣшкой остудить!
Желалъ я на другой предметъ
Излить огонь страстей своихъ!..
Но память, слезы первыхъ лѣтъ!
Кто устоитъ противу нихъ?

1830 г. Ночью августа 28.

*
* *

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя, и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказалъ.
Увы! то были не мечты,
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена,
То, вѣрно, прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена.
1830 г.

*
* *

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой,
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.
1830 г.

*
* *

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ — зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ, я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!
1830 г. 1 октября.

ГЛУПОЙ КРАСАВИЦѢ.

I.

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу ль испить его вина;
Я не имѣлъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.

II.

Теперь желалъ бы я напрасно
Смочить горящія уста,
Затѣмъ что чаша влаги страстной,
Какъ голова твоя, пуста.
1830 г. 4 октября.

МОГИЛА БОЙЦА.

(Дума.)

Онъ спитъ послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ:
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленый дернъ кругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшалися съ землей:
Они взвѣвались по плечамъ
За чашей пировой.

Они бѣлы, какъ пѣна волнъ,
Біющихся у скалъ;
Уста любимицы бесѣдъ
Впервые хладъ сковалъ.

И блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ
Блѣднѣлъ, когда являлся онъ
Одинъ средь ихъ рядовъ.

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело;
И червь, движенья не боясь,
Ползетъ черезъ чело.

На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слеталися на холмъ его
Пустынные орлы?

Хотя пѣвецъ родной страны
Не разъ ужъ пѣлъ объ немъ,
Но пѣснь — все пѣснь, а жизнь — все жизнь!..
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ.
1830 г. 5 октября
во время холеры—morbus.

НОВГОРОДЪ.

Сыны снѣговъ, сыны славянъ,
Зачѣмъ вы мужествомъ упали?
Зачѣмъ?.. Погибнетъ вашъ тиранъ,
Какъ всѣ тираны погибали!
До нашихъ дней при имени свободы
Трепещетъ ваше сердце и кипитъ!..
Есть бѣдный градъ, тамъ видѣли народы
Все то, къ чему теперь вашъ духъ летитъ.
1830 г. 13 октября.

КЪ...

Не говори, — я трусъ, глупецъ!..
О! если такъ меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же долженъ быть конецъ?..

1830 г.

*
* *

Нерѣдко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто имъ прощалъ я то,
Чего бъ они мнѣ не простили.

И началъ рокъ меня томить,
Каралъ безвинно и за дѣло;
Отъ сердца чувство отлетѣло,
И я не могъ ему простить.

Я снова межъ людей явился
Съ холоднымъ, сумрачнымъ челомъ;
Но взглядъ, куда бъ ни обратился,
Встрѣчался съ радостнымъ лицомъ!

1830 г.

РОМАНСЪ.

Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надеждъ,
И есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо нашихъ вѣждъ
И легче на груди страданье.

1830 г.

БАЛЛАДА.

(Изъ Байрона.)

Берегись! Берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ;
Онъ бормочетъ молитву во тракѣ ночномъ,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.
Когда мавръ пришелъ въ нашъ родимой домъ,
Оскверняючи церкви порогъ,
Онъ безъ дальнихъ словъ выгналъ всѣхъ чернецовъ;
Одного только выгнать не могъ.

Для добра или зла (я слыхалъ не одинъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить),
Когда возвратился тѣхъ мѣстъ господинъ, —
Онъ никакъ не хотѣлъ уходить.
Хоть никто не видалъ, какъ по замку блуждалъ
Монахъ, — но зачѣмъ возражать?
Ибо слышалъ не разъ я старинный разсказъ,
Который страшусь повторять.
Рождался ли сынъ, онъ рыдалъ въ тишинѣ;
Когда жъ прекратился сей родъ,
Онъ по звучнымъ поламъ при блѣдной лунѣ
Бродилъ взадъ и впередъ.

(Продолженіе впредь.)

1830 г.

*
* *

Итакъ, прощай! Впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ-быть... какъ знать... въ послѣдній разъ.

1830 г.

СМЕРТЬ.

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть-можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
То мысль объ ней... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ тебя любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

1830 г. Октября 9.

*
* *

Вверху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Меня зоветъ.
Таковъ же былъ
Тотъ свѣтлый взоръ,

Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;
Какъ та звѣзда,
Онъ былъ высокъ.
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ,
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ!

1830 г.

РАСКАЯНІЕ.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?..
Она была добра къ тебѣ —
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безсмысленный! ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ незараженной —
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить
И долѣе не могъ любить,
Достигнувъ цѣли сей печальной;
Ты презрѣлъ все; между людей
Стоишь, какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачъ любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

Не дважды Богъ даетъ намъ радость,
Взаимной страстью веселя;
Безъ утѣшенія томя,
Пройдетъ и жизнь твоя, какъ младость.
Ея лобзанья встрѣтишь ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечасно
Предмета перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ!
Не то — ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье,
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврату:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ силахъ замѣнить.

1830 г.

ВЕНЕЦІЯ.

(Отрывокъ.)

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеція почила;
Сырой туманъ дымился, и луна
Высокія твердыни осребрила.
Чуть виденъ бѣгъ далекаго вѣтрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумитъ подъ веслами гондолы
И повторяетъ звуки баркароллы.

Мнѣ чудится, что это ночи стонъ,
Какъ мы, своимъ покоемъ недовольной...
Но снова пѣснь! и вновь гитары звонъ!
О, бойтеся, мужья, сей пѣсни вольной!
Совѣтую, хотя мнѣ это больно,
Не выпускать красавицъ вашихъ женъ;
Но если вы въ сей мигъ невѣрны сами!
Тогда, друзья, да будетъ миръ межъ вами,

И миръ съ тобой, прекрасный чичизбей,
И миръ съ тобой, лукавая Мелина,
Неситеся по прихоти морей, —
Любовь нерѣдко бережетъ пучина.
Хоть и надъ моремъ царствуетъ судьбина —
Гонитель вѣчный счастливыхъ людей —
Но талисманъ пустыннаго лобзанья
Уводитъ сердца темныя мечтанья.

Рука съ рукой, свободу давъ очамъ,
Сидятъ въ ладьѣ и шепчутъ межъ собою;
Она ввѣряетъ мѣсячнымъ лучамъ
Младую грудь съ плѣнительной рукою,
Укрытыя досель подъ япанчою,
Чтобъ юношу сильнѣй прижать къ устамъ.
Межъ тѣмъ вдали, то грустный, то веселый,
Раздался звукъ обычной баркароллы:

«Какъ въ дальнемъ морѣ вѣтерокъ,
Свободенъ вѣчно мой челнокъ;
Какъ рѣчки быстрое русло,
Не устаетъ мое весло.

Гондола по водѣ скользитъ,
А время по любви летитъ;
Опять сравняется вода,
Страсть не воскреснетъ никогда».

1830 г.

*
* *

Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...
Казалось, мнѣ она понравиться желала:
Очей привѣтливость, движеній быстрота,
Природный блескъ ланитъ и груди полнота —
Все, все наполнило бъ мнѣ умъ очарованьемъ,
Когда бъ совсѣмъ инымъ, безсмысленнымъ желаньемъ
Я не былъ угнетенъ, когда бъ передо мной
Не пролетала тѣнь съ насмѣшкою пустой,
Когда бъ я только могъ забыть черты другія,
Лицо безцвѣтное и взоры ледяные!..

1830 г.

ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ.

Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей,
Вѣнецъ терновый я сужденъ влачить.
Не быть ей вѣчно у груди моей.
И что жъ!.. Я не могу другой любить!
Какъ цѣпь гремитъ за узникомъ, за мной
Такъ мысль о будущемъ — и нѣтъ иной...

Я вижу длинный рядъ тяжелыхъ лѣтъ,
А тамъ людьми презрѣнный гробъ; онъ ждетъ
И до него надежды нѣтъ, и нѣтъ
За нимъ того, что ожидаетъ тотъ,
Кто жилъ одной любовью, погубилъ
Все въ жизни для нея — а все любилъ.

И вынесть могъ сей взоръ ледяный я,
И могъ тогда ей тѣмъ же отвѣчать!..
Увижу на рукахъ ея дитя
И стану я при ней его ласкать,
И въ каждой ласкѣ мать узнаетъ вновь,
Что время не могло унесть любовь.

1830 г.

КЪ ДУРНОВУ.

Довольно любилъ я, чтобъ вѣчно грустить,
Для счастья же мало любилъ;
Но полно! Что пользы мнѣ душу открыть?
Зачѣмъ я не то, что я былъ?
Въ вечернее время, въ часъ перваго сна,
Какъ блещетъ туманъ средь долинъ,
На мѣстѣ, гдѣ прежде бывала она,
Брожу безпокоенъ, одинъ.
Тогда ты глаза и лицо примѣчай,
Движенья спѣши понимать,
И если тебѣ удалось... то ступай,
Я больше не могъ бы сказать.

1830 г.

АРФА.

I.

Когда зеленый дернъ мой скроетъ прахъ,
Когда, простясь съ недолгимъ бытіемъ,
Я буду только звукъ въ твоихъ устахъ,
Лишь тѣнь въ воображеніи твоемъ;
Когда друзья младые на пирахъ
Меня не станутъ поминать виномъ, —
Тогда возьми простую арфу ты:
Она была мой другъ и другъ мечты.

II.

Повѣсь ее въ дому противъ окна,
Чтобъ вѣтеръ осени игралъ надъ ней,
И чтобъ ему отвѣтила она
Хоть отголоскомъ пѣсенъ прошлыхъ дней.
Но не проснется звонкая струна
Подъ бѣлоснѣжною рукой твоей,
Затѣмъ что тотъ, кто пѣлъ твою любовь,
Ужъ будетъ спать, чтобъ не проснуться вновь.

1830 г.

* * *

На темной скалѣ, надъ шумящимъ Днѣпромъ
Растетъ деревцо молодое;
Деревцо мое вѣтеръ ни ночью, ни днемъ
Не можетъ оставить въ покоѣ,
И, листъ обрывая, ломаетъ и гнетъ,
Но съ берега въ волны никакъ не сорветъ.

Таковъ несчастливецъ, гонимый судьбой:
Хоть взяты желанья могилой, —
Онъ долженъ влачить, одинокъ подъ луной,
Обломки сей жизни остылой;
Онъ долженъ надежды свои пережить,
Съ любовію въ сердцѣ, бояться любить!

1830 г.

ПѢСНЯ.

I.

Не знаю, обманутъ ли былъ я,
Осмѣянъ тобой или нѣтъ,
Но клянуся, что самъ полюбилъ я
И остался отъ этого слѣдъ.
Заклинаю тебя всѣмъ небеснымъ
И всѣмъ, что не сбудется вновь,
И счастіемъ мнѣ неизвѣстнымъ, —
О, прости мнѣ мою ты любовь!

II.

Ты не вѣришь словамъ безъ искусства;
Но со временемъ эти листы
Тебѣ объяснятъ мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, можетъ статься,
Съ слезою на ясныхъ очахъ,
О томъ, кто не будетъ нуждаться
Ни въ печали чужой, ни въ слезахъ.

III.

И міръ не увидитъ холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной
Съ тѣхъ поръ, какъ не видишь ихъ ты.
Но если бы я возвратился
Ко днямъ позабытыхъ тревогъ,
Вновь также страдать я бъ рѣшился
И любить бы иначе не могъ.

1830 г.

БАЛЛАДА.

Въ избушкѣ позднею порою
Славянка юная сидитъ.
Вдали багровой полосою
На небѣ зарево горитъ...
И, люльку дѣтскую качая,
Поетъ славянка молодая:

«Не плачь, не плачь! Иль сердцемъ чуешь,
Дитя, ты близкую бѣду?..
О, полно! Рано ты тоскуешь:
Я отъ тебя не отойду,
Скорѣе мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отецъ твой сталъ за честь и Бога
Въ ряду бойцовъ противъ татаръ,
Кровавый слѣдъ — ему дорога,
Его булатъ блеститъ какъ жаръ.
Взгляни, тамъ зарево краснѣетъ:
То битва сѣмя смерти сѣетъ.

Какъ рада я, что ты не въ силахъ
Понять опасности своей,
Не плачутъ дѣти на могилахъ,
Имъ чуждъ и стыдъ, и страхъ цѣпей;
Ихъ жребій зависти достоинъ»...
Вдругъ шумъ — и въ двери входитъ воинъ.

Брада въ крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицаетъ онъ. —
Свершилось!.. Торжествуй, проклятый!
Нашъ милый край порабощенъ.
Татаръ мечи не удержали, —
Орда взяла, и наши пали».

И онъ упалъ — и умираетъ
Кровавой смертію бойца.
Жена ребенка поднимаетъ
Надъ блѣдной головой отца:
«Смотри, какъ умираютъ люди,
И мстить учись у женской груди».
1830 г.

ПИРЪ АСМОДЕЯ.

(Сатира.)

У бѣса праздникъ. Скачетъ представляться
Чертей и душъ усопшихъ мелкій сбродъ,
Кухмейстеры за кушаньемъ трудятся,
Прозябнувши, придворный въ залѣ ждетъ.
И вотъ за столъ всѣ по чинамъ садятся,
И вотъ лакей картофель подаетъ,
Затѣмъ что самодержецъ Мефистофель
Былъ родомъ нѣмецъ и любилъ картофель.

По правую сидѣлъ пріѣзжій ***,
По лѣвую — начальникъ докторовъ,
Великой Фаустъ, мужъ отличныхъ правилъ
[Распространять сужденья дураковъ
Онъ средство намъ превѣчное доставилъ]
Сидятъ. Вдругъ настежь дверь, и звукъ шаговъ:
Три демона, войдя съ большимъ поклономъ,
Кладутъ свои подарки передъ трономъ.

1-й демонъ *(говоритъ)*.

«Вотъ сердце женщины; она искала
Отъ неба даже скрыть свои дѣла,
И многимъ это сердце обѣщала,
И никому его не отдала.
Она себѣ бѣды лишь не желала,
Лишь злобѣ до конца вѣрна была.
Не откажись отъ скромнаго даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья».

— C'est très commun! — воскликнулъ бѣсъ державный,
Съ презрительной улыбкою своей. —
Подарокъ твой подарокъ былъ бы славный,
Но новизна — царица нашихъ дней
И мало ли случалося недавно,
И какъ не быть пріятныхъ мнѣ вѣстей?
Я думаю, слыхали даже стѣны
Про эти безконечныя измѣны.

2-й демонъ.

«На столъ твой я принесъ вино свободы:
Никто не могъ имъ жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали въ куски короны бить;
Но какъ помочь? Кто противъ общей моды?
И намъ ли разрушенье усыпить?
Прими жъ напитокъ сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель».

Тутъ всѣ цари невольно взбеленились:
Съ тарелками вскочили съ мѣстъ своихъ,
Боясь, чтобъ черти не напились,
Чтобъ и отсюда не прогнали ихъ.
Придворные въ молчаніи косились,
Смекнувъ, что лучше прочь въ подобный мигъ.
Но главный бѣсъ съ геройскою ухваткой
На землю выплеснулъ напитокъ сладкій.

3-й демонъ.

«Въ Москву болѣзнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчасъ;
Они морили, и они лѣчили,
И больше уморили во сто разъ.
Одинъ изъ нихъ, которому служили
Мы нѣкогда, во время вспомнилъ насъ,
И онъ кого-то хлору пить заставилъ —
И къ прадѣдамъ здороваго отправилъ».

Сказалъ, и подаетъ стаканъ фатальный
Властителю поспѣшною рукой.
— Такъ вотъ сосудъ любезный и печальный,
Драгой залогъ науки докторской!
Благодарю. Хотя съ полночи дальной,
Но мнѣ милѣе всѣхъ подарокъ твой. —
Такъ молвилъ Асмодей и все смѣялся,
Покуда пиръ вечерній продолжался...
1830 г.

СОНЪ.

Я видѣлъ сонъ. Прохладный гаснулъ день,
Отъ дома длинная ложилась тѣнь;
Луна, взойдя на небѣ голубомъ,
Играла въ стеклахъ радужнымъ огнемъ.
Все было тихо, какъ луна и ночь,
И вѣтръ не могъ дремоты превозмочь;
И на большомъ крыльцѣ, межъ двухъ колоннъ,
Я видѣлъ дѣву: какъ послѣдній сонъ
Души, на небо призванной, она
Сидѣла тутъ плѣнительна, грустна.
Хоть, можетъ-быть, притворная печаль
Блестѣла въ этомъ взорѣ, — но едва ль;
Ея рука такъ трепетна была
И грудь ея младая такъ тепла.
У ногъ ея ребенокъ, можетъ-быть,
Сидѣлъ... Ахъ! рано началъ онъ любить!
Во цвѣтѣ лѣтъ съ привязчивой душой,
Зачѣмъ ты здѣсь, страдалецъ молодой?..
И онъ сидѣлъ, и съ страхомъ руку жалъ,
И глазъ ея движенья провожалъ,
И не прочелъ онъ въ нихъ судьбы завѣтъ,
Мученіе, заботы многихъ лѣтъ,
Болѣзнь души, потоки горькихъ слезъ,
Все, что оставилъ, все, что перенесъ.
И дорожилъ онъ взглядомъ тѣхъ очей,
Причиною погибели своей...
1830 г.

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА.

Ты понималъ, о мрачный геній!
Тотъ грустный, безотчетный тонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивлялъ Байронъ.
Я вижу ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То не бѣглецъ ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть-можетъ, тайнымъ преступленьемъ
Высокій умъ его убитъ;
Все темно вкругъ; тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горитъ.
Быть-можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеалъ;
Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ? —
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.
1830 г.

КЪ ***

О, полно извинять развратъ!
Ужель злодѣямъ щитъ . . . . ?
Пусть ихъ глупцы боготворятъ,
Пусть имъ звучитъ другая лира;
Но ты остановись, пѣвецъ,
Златой вѣнецъ — не твой вѣнецъ.

Изгнаньемъ изъ страны родной
Хвались повсюду, какъ свободой!
Высокой мыслью и душой
Ты рано одаренъ природой;
Ты видѣлъ зло, и передъ зломъ
Ты гордымъ не поникъ челомъ.

Ты пѣлъ о вольности, когда
Тиранъ гремѣлъ, грозили казни;
Боясь лишь вѣчнаго Суда
И чуждый на землѣ боязни,
Ты пѣлъ, — и въ этомъ есть краю
Одинъ, кто понялъ пѣснь твою.
1830 г.

ПРОЩАНЬЕ.

Прости, прости!
О, сколько мукъ
Произвести
Сей можетъ звукъ.
Въ далекій край
Уносишь ты
Мой адъ, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
Отъ устъ моихъ
Такъ далека, —
О, лишь на мигъ,
Прошу, приди
И оживи
Въ моей груди

Огонь любви.
Я здѣсь больной
Одинъ, одинъ,
Съ моей тоской.
Какъ властелинъ,
Разлуку я
Переживу ль?
И ждать тебя
Назадъ могу ль?!
Пусть я прижму
Уста къ тебѣ
И такъ умру
Назло судьбѣ.
Что за нужда?
Прощанья часъ
Пускай тогда
Застанетъ насъ!

1830 г.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Мой другъ, не плачь передъ разлукой,
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ же послѣ осмѣешь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда-нибудь.
Но не виновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ неглубоко;
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко;
Что, получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщены ихъ красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что намъ казалося бѣдой.

1830 г.

СМЕРТЬ.

Оборвана цѣпь жизни молодой,
Оконченъ путь, билъ часъ, — пора домой...
Пора туда, гдѣ будущаго нѣтъ,
Ни прошлаго, ни вѣчности, ни лѣтъ,
Гдѣ нѣтъ ни ожиданій, ни страстей,
Ни горькихъ слезъ, ни славы, ни честей;
Гдѣ вспоминанье спитъ глубокимъ сномъ,
И сердце въ тѣсномъ домѣ гробовомъ
Не чувствуетъ, что червь его грызетъ.
Пора! — Усталъ я отъ земныхъ заботъ.
Ужель бездушныхъ удовольствій шумъ,
Ужели пытки безполезныхъ думъ,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая отъ мудрости глупа,
Ужели дѣвъ коварная любовь —
Прельстятъ меня передъ кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой попрежнему страдать
И столько же любить? — Всесильный Богъ!
Ты зналъ: я долѣе терпѣть не могъ...
Пускай меня обхватитъ цѣлый адъ,
Пусть буду мучиться, — я радъ, я радъ,
Хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней,
Но только дальше, дальше отъ людей!

1830 г.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ — волнъ холоднѣй!

1830 г.

ЗВУКИ.

Что за звуки! Неподвижно внемлю
Сладкимъ звукамъ я.
Забываю небо, вѣчность, землю,
Самого себя...
Всемогущій, что за звуки! Жадно
Сердце ловитъ ихъ,
Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадный
Каплю водъ живыхъ...
И въ душѣ опять они рождаютъ
Сны веселыхъ лѣтъ,
И въ одежду жизни одѣваютъ
Все, чего ужъ нѣтъ.
Принимаютъ образъ эти звуки,
Образъ милый мнѣ;
Мнится, слышу тихій плачъ разлуки,
И душа въ огнѣ...
И опять безумно упиваюсь
Ядомъ прежнихъ дней,
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.

1830 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:

Я видѣлъ женскій ликъ — онъ хладенъ
былъ какъ ледъ,
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану —
можетъ-быть!
Когда же улеталъ мой призракъ драгоцѣнный,
Я въ одиночествѣ кидалъ свой взглядъ
смущенный
На стѣны желтыя и, мнилось, тѣни съ
нихъ
Сходили медленно до самыхъ ногъ моихъ...
И мрачно, какъ онѣ, воспоминанье было
О томъ, что лишь мечта, и между тѣмъ
такъ мило!

1830 г.

ПОЛЕ БОРОДИНА.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва ль за нами!
Умрите жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ.
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали —
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: «Помилуй, Боже!»
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.
Однакоже, въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

1830 г.

МОЙ ДОМЪ.

Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ;
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ
живетъ,
Но для поэта онъ не тѣсенъ.

До самыхъ звѣздъ онъ кровлей досягаетъ,
И отъ одной стѣны къ другой —
Далекій путь, который измѣряетъ
Жилецъ не взоромъ, но душой.

Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка—
Святое вѣчности зерно;
Пространство безъ границъ, теченье вѣка
Объемлетъ въ краткій мигъ оно.

И Всемогущимъ мой прекрасный домъ
Для чувства этого построенъ,—
И осужденъ страдать я долго въ немъ,
И въ немъ лишь буду я спокоенъ.

1830 г.

СТАНСЫ.

Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено;
Но по волѣ Того же Творца
Все, что любитъ меня, то погибнуть должно,
Иль, какъ я же, страдать до конца.
Моя воля надеждамъ противна моимъ,
Я люблю и страшусь быть взаимно любимъ.

На пустынной скалѣ незабудка весной
Одна безъ подругъ расцвѣла,
И ударила буря и дождь проливной,—
И, какъ прежде, недвижна скала;
Но красивый цвѣтокъ ужъ на ней не блеститъ,
Онъ вѣтромъ надломленъ и градомъ убитъ.

Такъ точно и я: подъ ударомъ судьбы,
Какъ утесъ, неподвиженъ стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
Если руку пожметъ онъ мою.
Я не чувствъ, но поступковъ своихъ властелинъ,
Я несчастливъ пусть буду — несчастливъ одинъ.

1830 г.

1 ЯНВАРЯ 1831 Г.

Рѣдѣютъ блѣдные туманы
Надъ бездной смерти роковой,
И вновь стоятъ передо мной
Вѣковъ протекшихъ великаны.
Они зовутъ, они манятъ,
Поютъ,— и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядѣть назадъ,—
Чтобъ бытія земного звуки
Не замѣшались въ пѣснь мою,
Чтобъ лучшей жизни на краю
Не вспомнилъ я людей и муки,
Чтобъ я не вспомнилъ этотъ свѣтъ,
Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ.

1831 г.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ — и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

1831 г.

ГОСТЬ.

(Быль. Посвящается А. Верещагиной.)

Кларису юноша любилъ
Давно тому назадъ;
Онъ сердце дѣвы получилъ...
А сердце — лучшій кладъ.
Ужъ громкій колоколъ гудетъ
И въ церкви попъ съ вѣнцами ждетъ.

И вдругъ раздался крикъ войны,
Подъяты знамена:
Спѣшатъ отечества сыны —
И ноги въ стремена!
Идетъ Калмаръ, томимъ тоской,
Проститься съ дѣвой молодой.

«Клянись, что вѣчно», молвилъ онъ,
«Мнѣ не измѣнишь ты!
«Пускай холодный смерти сонъ,
«О, дѣва красоты,
«Насъ осѣняетъ подъ землей,—
«Коль не вѣнцы любви святой!»

Клариса клятву говоритъ,
Дрожитъ слеза въ очахъ,
Разлуки поцѣлуй горитъ
На розовыхъ устахъ:
«Вотъ поцѣлуй послѣдній мой,
«Съ тобою въ храмъ—и въ гробъ съ тобой!»

Ангелъ.

Съ картины художника *Каульбаха.*

— И такъ прости! Жалѣй меня!
    Печаленъ мой удѣлъ!—
Калмаръ садится на коня,
    И вихремъ полетѣлъ...
Дни мчатся... снѣгъ въ поляхъ лежитъ...
Все дѣва плачетъ да груститъ...

Вотъ и весна явилась вновь,
    И въ солнцѣ прежній жаръ.
Проходитъ женская любовь:
    Забытъ, забытъ Калмаръ!
И долженъ получить другой
Ея красу съ ея рукой.

Съ невѣстой подъ руку женихъ
    Пируетъ за столомъ,
Гостей обходитъ и родныхъ
    Стаканъ, шипя виномъ.
Пиръ брачный весело шумитъ,
Лишь молча гость одинъ сидитъ

На немъ шеломъ избитъ въ бояхъ,
    Подъ хладной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
    И ржавый мечъ великъ.
Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ,
И рѣчь начать боятся съ нимъ.

«Что гость любезный нашъ не пьетъ?»
    Клариса вдругъ къ нему.
«И что онъ нити не прерветъ
    «Молчанью своему?
«Кто онъ? Откуда въ нашу дверь?
«Могу ли я узнать теперь?»

Не стонъ, не вздохъ онъ испустилъ,—
    Какой-то страшный звукъ;
Невольнымъ страхомъ поразилъ
    Онъ слухъ невѣсты вдругъ.
Всѣ гости: ахъ! — открылъ пришлецъ
Лицо свое,— то былъ мертвецъ.

Трепещутъ всѣ, спасенья нѣтъ,
    Женихъ забылъ свой мечъ.
«Ты помнишь ли,— сказалъ скелетъ,—
«Свою прощальну рѣчь:
«Калмаръ забытъ не будетъ мной,
«Съ тобою въ храмъ—и въ гробъ съ тобой!

«Калмаръ твой палъ на битвѣ — тамъ,
    «Въ отчаянной борьбѣ.
«Вѣнецъ, дѣвица, въ гробѣ намъ:
    «Я вѣренъ былъ тебѣ!..»
Онъ обхватилъ ее рукой,
И оба скрылись подъ землей.

Въ томъ домѣ каждый круглый годъ
    Двѣ тѣни, говорятъ,
(Когда межъ звѣздъ луна бредетъ,
    И всѣ живые спятъ)
Являются, какъ легкій дымъ,
Бродя по комнатамъ пустымъ!..
1831 г.

АТАМАНЪ.

(Стенька Разинъ.)

1.

Горе тебѣ, городъ Казань!
Бѣжитъ толпа удальцовъ
Сбирать невольную дань
Съ твоихъ беззащитныхъ купцовъ.
    Вдоль по Волгѣ широкой,
    На лодкѣ плывутъ,
И веслами дружными плещутъ,
    И пѣсни поютъ.

2.

Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна — онъ молчитъ;
    И краса молодая,
    Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
    И молвитъ она:

3.

«Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой,
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
    Мнѣ жребій неволи
    Судьбинушкой данъ;
Не губи, не губи мою душу,
    Лихой атаманъ!»

4.

«Горе дѣвицѣ лукавой!
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ:
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
    Отъ глазъ моихъ трудно
    Проступокъ укрыть —
Все знаю!.. И вновь не могу я,
    Дѣвица, любить!..

5.

«Но лѣкарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!.. лѣкарство то — месть!
На что же я здѣсь атаманъ?
    И заплáчу ль, какъ плачетъ
    Любовникъ другой?..

И смягчишь ли меня ты, дѣвица,
Своею слезой?»

6.

Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?..
Остался ль ты хладенъ
И твердъ, какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнныя волны
Красотку твою?

7.

Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится ужъ руки умыть.
Умывать онъ ихъ любитъ,
Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

1831 г.

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щекѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ, обманутомъ жизнью, хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
Но я не люблю вспоминать!
Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
Кровавый былого призракъ;
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ—безъ надеждъ воротиться
Жалѣетъ о краѣ родномъ.

1831 г.

1831 ГОДА, ІЮНЯ 11.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной.
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава, что они?—А есть
У нихъ и надо мною власть: они
Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой—
Я смерти отдалъ все, что даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ, что проклиналъ отецъ.

Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ;
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна,

7.

Такъ и ея созданье. Иногда
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой:
И я глядѣлъ и мыслью иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣивалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда бъ я могъ
Забыть, что незабвенно... Женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить — и небеса молю
О новыхъ мукахъ; но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

10.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой:
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что ни встрѣтитъ. Съ дивной быстротой
Блеснетъ — и снова въ облакѣ укрытъ;
И кто его источникъ объяснитъ,
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? Они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?..
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ — и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить какъ я — порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая!—Любить
Необходимость мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

13.

И отучить меня не могъ обманъ.
Пустое сердце ныло безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ — молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ
Увянетъ преждевременно она;
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
Съ такой душой ты Богъ, или злодѣй...

16.

Какъ нравились всегда пустыни мнѣ!
Люблю я вѣтеръ межъ нагихъ холмовъ,
И коршуна въ небесной вышинѣ,
И на равнинѣ тѣни облаковъ.
Ярма не знаетъ рѣзвый здѣсь табунъ,
И кровожадный тѣшится летунъ
Подъ синевой, и облако степей
Свободнѣй какъ-то мчится и свѣтлѣй.

17.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,

Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день;
На западѣ свѣтило видитъ взоръ
И на востокѣ близкой ночи тѣнь,
Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной красоты,
Какъ послѣ бури облака, стоятъ,
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь—минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ?
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

25.

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому счастливый небомъ данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ —
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда бы не успѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна,

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей...
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей,
И, можетъ-быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ,
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ!.. нѣтъ, не всѣ!.. Созданье есть одно,
Способное любить — хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно;
Однако сердце полное огня
Не увлечется мнѣньемъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ея,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привелъ,
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,

32.

И мой курганъ!—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ,—только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей

1831 г.

ОДИННАДЦАТАГО ІЮЛЯ.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечеромъ свѣтило,
За снѣжной цѣпію холмовъ
Краснѣя ярко, заходило.
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье!
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады!
Нѣтъ! только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанья,
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья!

1831 г.

ЖЕЛАНІЕ.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ,
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ —
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ —
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!..

(Средниково. Вечеръ на бельведерѣ. 29 іюля.)

1831 г.

7 АВГУСТА.

(Въ деревнѣ, на холмѣ, у забора.)

Блистая, пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой
Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой
И на холмѣ пришелецъ молодой,
Завернутъ въ плащъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ;
Но грудь его подъемлется порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ;
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? О, нѣтъ!

Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ
Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
Опять дубраву, или по кустамъ
Разсѣянныя сосны. Міръ какъ садъ,
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
Поблекнувшіе листья... Жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ.
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. «О, когда бъ одно «люблю»
Изъ устъ прекрасной могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все бъ въ новый блескъ одѣлось!» такъ мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желалъ!

1831 г.

ВИДѢНІЕ.

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади—и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ въ облакахъ блисталъ и въ волнахъ;
Но юный всадникъ не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Темно, смутно
Являлося ему минувшее—
Призракъ остерегающій, который
Пугаетъ сердце страшнымъ предсказаньемъ;
Но вѣрилъ онъ одной своей любви,
Объ ней лишь мыслилъ онъ въ разлукѣ.
Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И скрылся, удаляся, въ дубравѣ.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу противномъ,
И различилъ окно и домъ... но мостъ
Изломанъ... и несется быстро Клязьма.
Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя бъ укоръ
Произнесли ея уста. О, нѣтъ!..
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, толкнулъ
Коня—и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь—и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу другомъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Соскакиваетъ юноша и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный коридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... *ея сестра*
Идетъ къ нему навстрѣчу. О, когда бъ
Я могъ изобразить его страданье!..
Какъ мраморъ, блѣдный и безгласный онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!..
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо;
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... и долго онъ скакалъ,
До самаго разсвѣта безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній—наконецъ
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна,—такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться... но очей не освѣжитъ...
Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки, ничего

Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу!..
Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день; и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ очами полными душой и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однакоже на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ,
Затѣмъ что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось—безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее—
Хотя объ ней лишь мыслилъ онъ въ разлукѣ,
Хотя лишь ею дорожилъ онъ больше
Своей непобѣдимой, гордой чести;
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
И съ сжатою душой не смѣлъ вздохнуть;
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный, или
Не получить отвѣта на моленья!..
Безумный! ты не зналъ, что былъ любимъ,
И ты о томъ провѣдалъ лишь тогда,
Какъ потерялъ ея любовь навѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной!..
1831 г.

ПѢСНЯ.

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверхъ дномъ,
Пейте;
На пиру этой жизни, какъ здѣсь на моемъ,
Не робѣйте,—
Какъ чаши, не бойтесь все ставить вверхъ дномъ.
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать
Плутамъ;
Я совѣтую дѣтямъ своимъ повторять
(Даже съ прутомъ):
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать.
Я люблю очень дно доставать на пирахъ
Въ чашѣ!.....
На днѣ лишь есть жемчугъ въ морскихъ глубинахъ!
1831 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. И. ПОЛИВАНОВУ.

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда закономъ осужденный
Въ чужой я буду сторонѣ—
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда-нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчой... И тайно грудь
Вздохнетъ, и вдругъ заплачутъ очи,
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ, тоскою удрученъ,
И ждалъ судьбы своей рѣшенья...
1831 г.

КЪ ***

Всевышній произнесъ своей приговоръ—
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.
Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила—Богъ съ тобою!
О, нѣтъ! я бъ не рѣшился проклянуть!..
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья:
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
Непринужденное лобзанье;
Я зналъ: то не любовь—и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ, и слезъ,
Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ
И, услыхавъ, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньемъ пустымъ.
Прости!—вотъ все, что я желаю...
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучить себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!
1831 г.

КЪ ДѢВѢ НЕБЕСНОЙ.

Когда бы встрѣтилъ я въ раю,
На третьемъ небѣ, образъ твой;

Онъ душу бы плѣнилъ мою
Своей небесной красотой;
И я бъ въ тотъ мигъ [не утаю]
Забылъ о радости земной.

Спокоенъ твой лазурный взоръ,
Какъ вспоминаніе объ немъ;
Какъ дальній отзывъ дальнихъ горъ,
Твой голосъ нравится во всемъ.
И твой привѣтъ, и твой укоръ—
Все полно, дышитъ божествомъ.

Не для земли ты создана,—
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходнѣй, чѣмъ она,
Но такъ мила не можешь быть!
1831 г.

СВ. ЕЛЕНА.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокой,
Гдѣ часто въ думу погружонъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.
Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный, но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной:
День возвышенья и паденья часъ.
1831 г.

КЪ ДРУГУ В. Ш.

«До лучшихъ дней!» передъ прощаньемъ,
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!

Мой милый! не придутъ они!
Въ грядущемъ счастія такъ мало!..
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое безполезно намъ—
Таковъ маякъ порой ночною
Надъ бурной бездною морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ.

Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный пловецъ,
И видитъ берегъ недалекій
И ближе видитъ свой конецъ.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено:
Едва нисходитъ сонъ прекрасный,
Ужъ просыпается оно!
1831 г.

ЗАВѢЩАНІЕ.

(Изъ Гёте.)

(Середниково. Ночью, у окна.)

1.

Есть мѣсто: близъ тропы глухой,
Въ лѣсу пустынномъ, средь поляны,
Гдѣ вьются вечеромъ туманы
Осеребренные луной...
Мой другъ, ты знаешь ту поляну;
Тамъ трупъ мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2.

Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:
Поставь надъ нею крестъ изъ клену
И дикій камень положи;
Когда гроза тотъ лѣсъ встревожитъ,
Мой крестъ пришельца привлечетъ,
И добрый человѣкъ, быть-можетъ,
На дикомъ камнѣ отдохнетъ.
1831 г.

*
* *

(Середниково. Въ мыльнѣ, ночью, когда мы ходили попа пугать.)

Сижу я въ комнатѣ старинной
Одинъ съ товарищемъ моимъ.
Фонарь горитъ и тѣнью длинной
Полъ омраченъ. Какъ легкій дымъ,
Туманъ окрестность одѣваетъ,
И хладный вѣтеръ по листамъ
Высокихъ липъ перебѣгаетъ.
Я у окна. Опасно намъ
Заснуть. А какъ узнать? быть-можетъ,
Приходъ нежданный насъ встревожитъ!
Готовъ мой вѣрный пистолетъ,
Въ стволѣ свинецъ, на полкѣ порохъ.
У двери слушаю... чу!.. шорохъ
Въ развалинахъ... и крикъ!.. Но нѣтъ!
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синевѣ небесъ
Луна межъ тучками ныряетъ.
Спокоенъ я. Душа пылаетъ
Отвагой: ни мертвецъ, ни бѣсъ,

Ничто меня не испугаетъ;
Ничто... волшебный талисманъ
Я на груди ношу съ тоскою;
Хоть не твоей любовью данъ,
Онъ освященъ *твоей* рукою!
1831 г.

ИСПОВѢДЬ.

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ,
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лѣчитъ отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ;
Что добродѣтель не названье
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!..

Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ;
Его ничто не испугаетъ,
И то, что бъ было ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.
1831 г.

НАДЕЖДА.

Есть птичка рая у меня:
На кипарисѣ молодомъ
Она сидитъ во время дня,
Но пѣть никакъ не станетъ днемъ.
Лазурь небесъ—ея спина,
Головка—пурпуръ, на крылахъ
Пыль золотистая видна,
Какъ отблескъ утра въ облакахъ.
И только что земля уснетъ,
Одѣта мглой въ ночной тиши,
Она на вѣткѣ ужъ поетъ
Такъ сладко, сладко для души.
Что поневолѣ тягость мукъ
Забудешь, внемля пѣснѣ той,
И сердцу каждый тихій звукъ
Какъ гость пріятенъ дорогой.
И часто въ бурю я слыхалъ
Тотъ звукъ, который такъ люблю,
И я всегда надеждой звалъ
Пѣвицу мирную мою!
1831 г.

ЧАША ЖИЗНИ.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она—не наша!
1831 г.

КЪ ЛОПУХИНОЙ.

(Подражаніе Байрону.)

1.

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

2.

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;
Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!

3.

И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ;
И гдѣ бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!
1831 г.

КЪ Н. И. . . .

Я не достоинъ, можетъ-быть,
Твоей любви: не мнѣ судить;
Но ты обманомъ наградила
Мои надежды и мечты,

И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна какъ змѣя;
Лишь часто новымъ впечатлѣньямъ
Душа ввѣряется твоя.
Она увлечена мгновеньемъ,
Ей милы многіе, вполнѣ
Еще никто; но это мнѣ
Служить не можетъ утѣшеньемъ.
Въ тѣ дни, когда, любимъ тобой,
Я могъ доволенъ быть судьбой,
Прощальный поцѣлуй однажды
Я сорвалъ съ нѣжныхъ устъ твоихъ;
Но въ зной, среди степей сухихъ,
Не утоляетъ капля жажды.
Дай Богъ, чтобъ ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не можетъ
Того, кто такъ любилъ, какъ я,—
И въ часъ блаженнѣйшій тебя
Воспоминаніе встревожитъ!
Тебя раскаянье кольнетъ,
Когда съ насмѣшкой проклянетъ
Ничтожный міръ мое названье,
И побоишься защитить,
Чтобы въ преступномъ состраданьѣ
Вновь обвиняемой не быть!
1831 г.

ВОЛЯ.

Моя мать — злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена -
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.
Съ ней нашлись другіе у меня —
Мать, отецъ и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отецъ — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья въ лѣсахъ —
Березы да сосны...
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли позней порой —
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
И вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ — необъятное!
1831 г.

СЕНТЯБРЯ 28.

(Варв. Ал. Лопухиной.)

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.

Къ чему?.. Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!

Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?
Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!

Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?

Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами -
Мгновеніемъ съ тобой?

Нѣтъ!.. я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.

Такъ!.. ты его не любишь!.. Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.
1831 г.

КЪ (В. ЛОПУХИНОЙ).

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того.
1831 г.

* * *

Прекрасны вы, поля въ землѣ моей родной,
Еще прекраснѣй ваши непогоды;
Зима сходна въ ней съ первою зимой,
Какъ съ первыми людьми страны моей народы!..
Взгляните, какъ туманъ здѣсь одѣваетъ неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
Какъ будто такъ она свѣжа, и такъ родна съ душой,
Какъ будто создана лишь для свободы.

Но эта степь любви моей чужда,
Но этотъ снѣгъ, летучій, серебристый
И для страны порочной слишкомъ чистый,
Не веселитъ мнѣ сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизмѣнной
Сокрыта отъ очей могильная гряда
И позабытый прахъ,— но мнѣ, но мнѣ безцѣнный!..

1831 г.

* * *

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшися, гудитъ —
То отголосокъ похоронъ,

То звукъ могилы надъ землей,
Умершимъ — вѣсть, живымъ — укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій, гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще — новыхъ первый часъ!..

1831 г.

НЕБО И ЗВѢЗДЫ.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка;
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!

Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо —
Звѣзды и небо! — а я человѣкъ!

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

1831 г.

* * *

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ,
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать?

Но чувство есть у насъ святое —
Надежда, богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

1831 г.

КЪ КН. Л. Г—ОЙ.

Когда ты холодно внимаешь
Разсказамъ горести чужой,
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящіе наряды
Безумно радуютъ тебя,
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно,
Все — даже люди, жизнь и свѣтъ;
Тогда, измученъ вспоминаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтѣ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ — какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
А для *другихъ* — не рождена.
Такъ! мысль великая хранилась
Въ тебѣ донынѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ міръ она родилась;
Погибнуть ей не суждено!

1831 г.

* * *

Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой
Когда лежитъ надъ городомъ туманъ,

Когда межъ храмовъ съ гордой простотой,
Какъ царь бѣлѣетъ башня-великанъ?
1831 г.

* * *

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.
Быть-можетъ, манитъ только издали
Оно надежду; получивъ — какъ знать? —
Быть-можетъ, я бъ его сталъ презирать;
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? что душа
Не смотритъ изъ живыхъ ея очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно;
И скоро все поглотитъ, и тогда
Узнаю я спокойствіе; оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
Зато безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже — если рабъ страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ; средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей,
Навѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ — и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.
1831 г.

* * *

Ты слишкомъ для невинности мила,
И слишкомъ ты любезна, чтобъ любить!
Полміру дать ты бъ счастіе могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть;
Блаженство намъ не посылаетъ рокъ
Вдвойнѣ... Видала ль быстрый ты потокъ?
Брега его цвѣтутъ, тогда какъ дно
Всегда глубоко, хладно и темно!
1831 г.

КЪ ***

О, не скрывай! ты плакала объ немъ...
И я его люблю; онъ заслужилъ
Твою слезу, и если бъ былъ врагомъ
Моимъ, то я бъ съ тѣхъ поръ его любилъ.

И я бы могъ быть счастливъ... но зачѣмъ
Искать условій счастія въ быломъ!
Нѣтъ! я доволенъ долженъ быть и тѣмъ,
Что зрѣлъ, какъ ты жалѣла о другомъ.
1831 г.

* * *

Кто въ утро зимнее, когда валитъ
Пушистый снѣгъ, и красная заря
На степь сѣдую съ трепетомъ глядитъ,
Внималъ колоколамъ монастыря?
Въ борьбѣ съ порывнымъ вѣтромъ, этотъ звонъ
Далеко такъ по небу унесенъ, —
И путникамъ онъ нравился не разъ,
Какъ вѣсть кончины иль безсмертья гласъ.

И этотъ звонъ люблю я! Онъ цвѣтокъ
Могильнаго кургана, мавзолей,
Который не измѣнится; ни рокъ,
Ни мелкія несчастія людей
Его не заглушатъ; всегда одинъ,
Высокой башни мрачный властелинъ,
Онъ возвѣщаетъ міру все, но самъ —
Самъ чуждъ всему — землѣ и небесамъ!
1831 г.

СТАНСЫ КЪ Д***

1.

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другого!

2.

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?

Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной? — едва ли!

3.

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была бъ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя бъ то было предъ судьбою!

4.

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

5.

Улыбку я твою видалъ;
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей — такъ думалъ я сначала —
Подобной нѣтъ: но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

6.

Я видѣлъ ихъ и былъ вполнѣ
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась;
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ — мнѣ больше чѣмъ родное.

7.

Когда бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны молвы сужденья,
Оно — цвѣтокъ уединенья.

8.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда въ бесѣдкѣ одинокой
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я бъ не взялъ вѣчность.

9.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушной,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

1831 г.

* * *

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы, какъ твой, спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ! Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однакожъ, тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ.
Ты свѣтомъ осужденъ... Но что такое свѣтъ?
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькихъ же насмѣшливыхъ клеветъ.
Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей;
Ты счастливѣй меня: передъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,
О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?..
О, если такъ, то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мѣрѣ, я — люблю!

1831 г.

СТАНСЫ.

1.

Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ,
Сквозь лучъ надеждъ, которымъ нѣтъ
Опредѣленья, и они
Мнѣ обѣщаютъ годы, дни,
Подобные минувшимъ днямъ:
Ни мукъ, ни радостей, а тамъ
Конецъ — ожиданный конецъ...
Какая будущность, Творецъ!

2.

Пусть я кого-нибудь люблю,
Любовь не краситъ жизнь мою:
Она, какъ чумное пятно
На сердцѣ, жжетъ — хотя темно...
Враждебной силою гонимъ,
Я тѣмъ живу, что смерть другимъ,
Живу — какъ неба властелинъ —
Въ прекрасномъ мірѣ, но одинъ!

3.

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена
Дочь смерти — смерть ей суждена.

1831 г.

КЪ ДРУГУ.

Забудь опять
Свои надежды;
Объ нихъ вздыхать —
Судьба невѣжды.
Она дитя!
Не вѣрь на слово:
Она шутя
Полюбитъ снова!
Все, что блеститъ,
Ее плѣняетъ;
Все, что груститъ,
Ее пугаетъ.
Такъ облачко
По небу мчится
Свѣтло, легко;
Оно глядится
Въ волнахъ морскихъ
Поочередно, —
Но чуждъ для нихъ
Пришлецъ свободный;
Онъ образъ свой
Во всѣхъ встрѣчаетъ,
Хоть ихъ порой
Не замѣчаетъ.

1831 г.

* * *

Пора уснуть послѣднимъ сномъ...
Довольно въ мірѣ пожилъ я,—
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя.

1831 г.

ИЗЪ ПАТКУЛЯ.

Напрасно враговъ ядовитая злоба,—
Разсудятъ насъ Богъ и преданья людей;
Хоть разны судьбою — мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... Близъ сумрака гроба
Не вѣдая страха, не зная цѣпей,
Мой духъ возлетаетъ все выше и выше
И вьется, какъ дымъ, надъ желѣзною кры-
шей!..

1831 г.

СОЛНЦЕ ОСЕНИ.

Люблю я солнце осени, когда,
Межъ тучекъ и тумановъ пробираясь,
Оно кидаетъ блѣдный мертвый лучъ
На дерево, колеблемое вѣтромъ,
И на сырую степь. Люблю я солнце.
Есть что-то схожее въ прощальномъ взглядѣ
Великаго свѣтила съ тайной грустью
Обманутой любви; не холоднѣй
Оно само собою, но природа
И все, что можетъ чувствовать и видѣть,
Не могутъ быть согрѣты имъ. Такъ точно
И сердце: въ немъ все живъ огонь, но люди
Его понять однажды не умѣли,—
И онъ въ глазахъ блеснуть не долженъ
вновь
И до ланитъ онъ вѣчно не коснется...
Зачѣмъ вторично сердцу подвергать
Себя насмѣшкамъ и словамъ сомнѣнья?

1831 г.

ПОТОКЪ.

Источникъ страсти есть во мнѣ —
Великій и чудесный:
Песокъ серебряный на днѣ,
Поверхность — ликъ небесный.
Но безпрестанно быстрый токъ
Воротитъ и крутитъ песокъ,
И небо надъ водами
Одѣто облаками.

Родится съ жизнью этотъ ключъ
И съ жизнью исчезаетъ.
Въ иномъ онъ слабъ, въ другомъ могучъ,
Но всѣхъ онъ увлекаетъ.
И первый счастливъ; но такой

Я праздный отдалъ бы покой
За нѣсколько мгновеній
Блаженства иль мученій.

Пускай же мчится мой потокъ
Неистовый и бурный;
Пускай отъ берега цвѣтокъ
Отмоетъ онъ лазурный,
И увлечетъ съ собою въ путь
И съ нимъ погибнетъ гдѣ-нибудь
Вдвоемъ, забытъ вселенной,
Въ пустынѣ отдаленной.

1831 г.

КЪ ***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мнѣ измѣнила,
Она тебѣ прелести женщинъ дала,
Но женское сердце вложила.

Какъ въ морѣ широкомъ слѣды челнока,
Мгновенье — его впечатлѣнья,
Любовь для него, какъ веселье, легка,
А горе не стоитъ мгновенья.

Но въ часъ свой урочный узнаетъ оно
Цѣпей неизбѣжное бремя.
Прости, намъ разстаться теперь суждено,
Разстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь предъ тобой,
И рѣчь моя умъ твой встревожитъ,
И пусть я услышу отвѣтъ роковой, —
Тогда ничего не поможетъ.

Нѣтъ, нѣтъ! милый голосъ и пламенный взоръ
Тогда своей власти лишатся;
Во слѣдъ за тобой побѣжитъ мой укоръ
И въ душу онъ будетъ впиваться.

И мщенье, напомнивъ, что̀ я перенесъ,
Уста мои къ смѣху принудитъ,
Хоть эта улыбка всѣхъ, всѣхъ твоихъ слезъ
Гораздо мучительнѣй будетъ.

1831 г.

НОЧЬ.

Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ.
Одинъ я внемлю. Глухо лаютъ
Вдали собаки; мраченъ сводъ
Небесъ, и тучи пробѣгаютъ
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь подъ ночною мглой.
Колеблетъ вѣтеръ влажный, душный,
Верхи деревъ и съ воемъ онъ
Стучитъ въ оконницы. Мнѣ скучно,
Мнѣ тяжко бдѣнье, страшенъ сонъ;
Я не хочу, чтобъ сновидѣнье
Являло мнѣ ея черты.
Нѣтъ, я не рабъ моей мечты;
Я въ силахъ перенесть мученье
Глубокихъ думъ, сердечныхъ ранъ,
Все — только не ея обманъ.
Я не скажу: прости! надеждѣ,
Молвѣ не вѣрю: если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно измѣнить?
Но отчего же? Развѣ нѣту
Примѣровъ? Первый ли урокъ
Во мнѣ теперь дается свѣту?..
Какъ я забытъ, какъ одинокъ!
Шуми же вѣтеръ ночи!
Играй свободно въ небесахъ
И освѣжи мнѣ грудь и очи!
Въ груди огонь, слеза въ очахъ, —
Давно безъ пищи этотъ пламень
И слезы падаютъ на камень...

1831 г.

КЪ СЕБѢ.

Какъ я хотѣлъ себя увѣрить,
Что не люблю ее, — хотѣлъ
Неизмѣримое измѣрить,
Любви безбрежной дать предѣлъ.

Мгновенное пренебреженье
Ея могущество опять
Мнѣ доказало, что влеченья
Души нельзя намъ избѣжать,

Что цѣпь моя несокрушима,
Что мой теперешній покой
Лишь гласъ залетный херувима
Надъ сонной демоновъ толпой.

1831 г.

*\
* *

Душа моя должна прожить въ земной неволѣ
Недолго; можетъ-быть, я не увижу болѣ
Твой взоръ, твой милый взоръ, столь нѣжный для другихъ,
Звѣзду привѣтную соперниковъ моихъ.
Желаю счастья имъ! Тебя винить безбожно
За то, что мнѣ нельзя все, все, что имъ возможно...
Но если ты ко мнѣ любовь хотѣла скрыть,
Казаться хладною и въ тишинѣ любить;
Но если ты при мнѣ смѣялась надо мною,
Тогда какъ внутренно полна была тоскою,
То мрачный мой тебѣ пускай покажетъ взглядъ,
Кто болѣе страдалъ, кто болѣ виноватъ.

1831 г.

ПѢСНЯ.

Колоколъ стонетъ,
Дѣвушка плачетъ,

И слезы по четкамъ бѣгутъ.
Насильно,
Насильно
Отъ міра въ обители скрыта она,
Гдѣ жизнь безъ надежды и ночи безъ сна.
Такъ мое сердце
Грудь безпокоитъ
И бьется, бьется, бьется!
Велѣла,
Велѣла
Судьба мнѣ любовь отъ него оторвать
И дѣву забыть, хоть тому не бывать!
Смерть и безсмертье,
Жизнь и погибель
И дѣвѣ и сердцу—ничто:
У сердца
И дѣвы
Одно лишь страданье, одинъ лишь предметъ—
Ему счастье надо, ей надобенъ свѣтъ.
1831 г.

* * *

Пускай поэта обвиняетъ
Насмѣшливый, безумный свѣтъ;
Никто ему не помѣшаетъ,
Онъ не услышитъ мой отвѣтъ.
Я самъ собою жилъ донынѣ,
Свободно мчится пѣснь моя,
Какъ птица дикая въ пустынѣ,
Какъ вдаль по озеру ладья.
И что за дѣло мнѣ до свѣта,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрѣта
Твоей волшебною рукой;
Когда съ тобой, о дѣва рая!
Я провожу небесный часъ,
Не безпокоясь, не страдая,
Не отворачивая глазъ!
1831 г.

СЛАВА.

Къ чему ищу такъ славы я?
Извѣстно, въ славѣ нѣтъ блаженства;
Но хочетъ все душа моя
Во всемъ дойти до совершенства.
Пронзая будущаго мракъ,
Она, безсильная, страдаетъ
И въ настоящемъ все не такъ,
Какъ бы хотѣлось ей, встрѣчаетъ.
Я не страшился бы суда,
Когда бъ увѣренъ былъ вѣками,
Что вдохновеннаго труда
Міръ не обидитъ клеветами;
Что станутъ вѣрить и внимать
Повѣствованью горькой муки,
И не осмѣлятся равнять
Съ земнымъ—небесъ живые звуки.
Но не достигну я ни въ чемъ
Того, что такъ меня тревожитъ,—
Все кратко на шару земномъ,
И вѣчно слава жить не можетъ.
Пускай поэта грустный прахъ
Хвалою освятитъ потомство;
Гдѣ жъ слава въ краткихъ похвалахъ?
Людей извѣстно вѣроломство.
Другой заставитъ позабыть
Своею пѣснію высокой
Пѣвца, который кончилъ жить,
Который жилъ такъ одинокій.
1831 г.

ВЕЧЕРЪ.

Когда садится алый день
За синій край земли,
Когда туманъ встаетъ, и тѣнь
Скрываетъ все вдали,—
Тогда я мыслю въ тишинѣ
Про вѣчность и любовь,
И чей-то голосъ шепчетъ мнѣ:
Не будешь счастливъ вновь!
И я гляжу на небеса
Съ покорною душой:
Они свершали чудеса,
Но не для насъ съ тобой,—
Не для ничтожнаго глупца,
Которому твой взглядъ
Дороже будетъ до конца
Небесныхъ всѣхъ наградъ.
1831 г.

* * *

Унылый колокола звонъ
Въ вечерній часъ мой слухъ невольно потрясаетъ,
Обманутой душѣ моей напоминаетъ
И вѣчность, и надежду онъ.
И если вѣтеръ, путникъ одинокій,
Вдругъ по травѣ кладбища пробѣжитъ,
Онъ сердца моего не холодитъ,—
Что въ немъ живетъ, то въ немъ глубоко.
Я чувствую судьба не умертвитъ
Во мнѣ возросшій дѣятельный геній;
Но что его на свѣтѣ сохранитъ
Отъ хитрой клеветы, отъ скучныхъ наслажденій,
Отъ истощительныхъ страстей,
Отъ языка ласкателей развратныхъ
И отъ желаній, непонятныхъ
Умамъ посредственныхъ людей?
Безъ пищи долженъ яркій пламень
Погаснуть на скалѣ сырой,—
Холодный слушатель есть камень.
Попробуй разъ, попробуй и открой
Ему источники сердечнаго блаженства,

Онъ станетъ толковать, что должно ощу-
тить,
Въ простомъ, не видя совершенства,
Онъ не привыкъ прекрасное цѣнить,
Какъ тотъ, кто въ грудь втѣснить желалъ
бы всю природу,
Кто силится купить страданіемъ своимъ
И гордою побѣдой надъ земнымъ
Божественной души безбрежную свободу.
1831 г.

*
* *

Хоть давно измѣнила мнѣ радость,
Какъ любовь, какъ улыбка людей,
И померкнуло прежде, чѣмъ младость,
Свѣтило надежды моей.
Но судьбу я и міръ презираю,
Но нельзя имъ унизить меня,
И я хладно приходъ ожидаю
Кончины иль лучшаго дня.
Словамъ моимъ вѣрить не станутъ,
Но клянуся въ нелживости ихъ,
Кто самъ былъ такъ часто обманутъ,
Обмануть не захочетъ другихъ.
Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно:
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ-быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.
1831 г.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Клоками бѣлый снѣгъ валится...
Что жъ дѣва красная боится
Съ крыльца сойти —
Воды снести?
Какъ попъ, когда онъ гробъ несетъ,
Такъ пѣснь мятелица поетъ,
Играетъ,
И у тесовыхъ у воротъ
Дворовый песъ все цѣпь грызетъ
И лаетъ.

2.

Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный
Рождаютъ страхъ
Въ ея глазахъ...
Недавно милый схороненъ,—
Блѣднѣй снѣговъ предстанетъ онъ
И скажетъ
«Ты измѣнила!» ей въ лицо,
И ей завѣтное кольцо
Покажетъ.
1831 г.

ЗВУКИ И ВЗОРЪ.

О, полно ударять рукой
По струнамъ арфы золотой...
Смотри, какъ сердце воли проситъ,
Слеза катится изъ очей,—
Мнѣ каждый звукъ опять приноситъ
Печали пролетѣвшихъ дней.
Нѣтъ, лучше съ трепетомъ любви
Свой взоръ на мнѣ останови,
Чтобъ роковое вспоминанье
Я въ настоящемъ утопилъ
И все свое существованье
Въ единый мигъ переселилъ.
1831 г.

ЗЕМЛЯ И НЕБО.

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно,
Хоть счастье земное и меньше въ сто
разъ,
Но мы знаемъ, какое оно.

О надеждахъ и мукахъ былыхъ вспоми-
нать
Въ насъ тайная склонность кипитъ;
Насъ тревожитъ невѣрность надежды зем-
ной,
А краткость печали смѣшитъ.

Страшна въ настоящемъ бываетъ душѣ
Грядущаго темная даль,—
Мы блаженство желали бъ вкусить въ не-
бесахъ,
Но съ міромъ разстаться намъ жаль.

Что во власти у насъ, то пріятнѣе намъ;
Хоть мы ищемъ другого порой,
Но въ часъ разставанья мы видимъ яснѣй,
Какъ оно породнилось съ душой.
1831 г.

КЪ ***

Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта,
Свою судьбу соедини съ моей;
Какъ ты, мой другъ, я не рожденъ для
свѣта
И не умѣю жить среди людей;
Я не имѣлъ ни время, ни охоты
Дѣлить ихъ шумъ, ихъ мелкія заботы,
Любовь мое все сердце заняла,—
И что жъ! — взгляни на блѣдный цвѣтъ
чела...

На немъ ты видишь слѣдъ страстей
уснувшихъ,
Такъ рано обуявшихъ жизнь мою;
Не льститъ мнѣ вспоминанье дней минув-
шихъ
Я одинокъ надъ пропастью стою,

Гдѣ все мое подавлено судьбою.
Такъ кустъ растетъ надъ бездною морскою,
И листъ, грозой оборванный, плыветъ
По произволу странствующихъ водъ.
1831 г.

ИЗЪ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.

За дѣло общее, быть-можетъ, я паду,
Иль жизнь въ изгнаніи безплодно проведу;
Быть - можетъ, клеветой лукавой пораженный,
Предъ міромъ и тобой, врагами униженный,
Я не снесу стыдомъ сплетаемый вѣнецъ
И самъ себѣ сыщу безвременный конецъ.
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмѣшливаго слова;
Ужасный жребій мой твоихъ достоинъ слезъ,
Я много сдѣлалъ зла, но больше перенесъ.
Пускай виновенъ я предъ гордыми врагами,
Пускай отмстятъ... Въ душѣ, клянуся небесами,
Я не злодѣй, о нѣтъ! судьба—губитель мой.
Я грудью шелъ впередъ, я жертвовалъ собой,
Наскучивъ суетой обманчиваго свѣта,
Торжественно не могъ я не сдержать обѣта;
Хоть много причинилъ я обществу вреда,
Но вѣренъ былъ тебѣ всегда, мой другъ, всегда:
Въ уединеніи, среди толпы мятежной,—
Я все тебя любилъ и все любилъ такъ нѣжно.
1831 г.

КЪ ***

Не медли въ дальней сторонѣ,
Молю, мой другъ, спѣши сюда!
Ты взглядъ мгновенный кинешь мнѣ,
А тамъ простимся навсегда.

И я, поймавши этотъ взоръ
И рѣчь послѣднюю твою,
Хотя бъ она была укоръ,
Ихъ вмѣстѣ въ сердцѣ схороню.

И въ день печали роковой
Твой взоръ, умѣющій язвить,
Воображу передъ собой
И стану рѣчь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизитъ насъ,
И вспомню, вспомню я тогда,
Какъ встрѣтились мы въ первый разъ
И какъ разстались навсегда.
1831 г.

СОСѢДЪ.

Погаснулъ день на вышинахъ небесныхъ,
Звѣзда вечерняя ліетъ свой тихій свѣтъ.
Чѣмъ занятъ бѣдный мой сосѣдъ?
Чрезъ садикъ небольшой, между вѣтвей древесныхъ,
Могу замѣтить я, въ его окнѣ
Блеститъ огонь. Его простая келья
Чужда заботъ и свѣтскаго веселья,
И этимъ нравится онъ мнѣ.
Прохожіе объ немъ различно судятъ,
И всѣ его готовы порицать,
Но ихъ слова сосѣда не принудятъ
Лампаду ранѣе иль позже зажигать.
И только я увижу свѣтъ лампады,
Сажусь тотчасъ у своего окна,
И въ этотъ мигъ таинственной отрады
Душа моя мятежная полна...
И мнится мнѣ, что мы другъ друга понимаемъ,
Что я и бѣдный мой сосѣдъ,
Подъ бременемъ однимъ страдая, увядаемъ,
Что мы знакомы съ давнихъ лѣтъ.
1831 г.

СТАНСЫ.

Не могу на родинѣ томиться,
Прочь отсель, туда—въ кровавый бой!
Тамъ, быть-можетъ, перестанетъ биться
Это сердце, полное тобой.

Нѣтъ, я не прошу твоей любови,
Нѣтъ, не знай губительныхъ страстей;
Видѣть смерть мнѣ надо, надо крови,
Чтобъ залить огонь въ груди моей.

Пусть паду, какъ ратникъ въ бранномъ полѣ,—
Не оплаканъ свѣтомъ буду я,
Никому не будетъ въ тягость болѣ
Буря чувствъ моихъ и жизнь моя.

Юныхъ лѣтъ святыя обѣщанья
Прекратитъ судьба на мѣстѣ томъ,
Гдѣ безъ думъ, безъ вопля, безъ роптанья
Я усну давно желаннымъ сномъ.

Такъ, но если я не позабуду
Въ этомъ снѣ любви печальный сонъ,
Если образъ твой всегда повсюду
Я носить съ собою осужденъ?

Если тамъ, въ предѣлахъ отдаленныхъ,
Гдѣ душа должна блаженство пить,
Тяжкихъ язвъ, на ней напечатлѣнныхъ,
Невозможно будетъ излѣчить?

О, взгляни привѣтно въ часъ разлуки
На того, кто съ гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умретъ за честь страны родной.

Кто, бывало, въ тайномъ упоеньи,
На тебя вперивъ свой влажный взглядъ,
Возбуждалъ людское сожалѣнье
И твоей улыбкѣ былъ такъ радъ.

1831 г.

МОЙ ДЕМОНЪ.

1.

Собранья золъ его стихія.
Носясь межъ темныхъ облаковъ
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Онъ любитъ пасмурныя ночи,
Туманы, блѣдную луну,
Улыбки горькія и очи,
Безвѣстныя слезамъ и сну.

2.

Къ ничтожнымъ, хладнымъ толкамъ свѣта
Привыкъ прислушиваться онъ,
Ему смѣшны слова привѣта
И всякій вѣрящій смѣшонъ.
Онъ чуждъ любви и сожалѣнья,
Живетъ онъ пищею земной,
Глотаетъ жадно дымъ сраженья
И паръ отъ крови пролитой.

3.

Родится ли страдалецъ новый,—
Онъ безпокоитъ духъ отца,
Онъ тутъ съ насмѣшкою суровой
И съ дикой важностью лица.
Когда же кто-нибудь нисходитъ
Въ могилу съ трепетной душой,
Онъ часъ послѣдній съ нимъ проводитъ,
Но не утѣшенъ имъ больной.

4.

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня,
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучомъ чудеснаго огня.
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда,
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда.

1831 г.

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ—или никто!..

1831 г.

РОМАНСЪ.

1.

Ты идешь на поле битвы;
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мнѣ.
Если другъ тебя обманетъ,
Если сердце жить устанетъ,
И душа твоя увянетъ
Въ дальней сторонѣ,—
Вспомни обо мнѣ!

2.

Если кто тебѣ укажетъ
На могилу и разскажетъ
При ночномъ огнѣ
О дѣвицѣ обольщенной,
Позабытой и презрѣнной,
О, тогда, мой другъ безцѣнный,
Ты въ чужой странѣ
Вспомни обо мнѣ.

3.

Время прежнее, быть-можетъ,
Посѣтитъ тебя, встревожитъ
Въ мрачномъ тяжкомъ снѣ;
Ты услышишь плачъ разлуки,
Пѣснь любви и вопли муки
Иль подобные имъ звуки...
О, хотя во снѣ
Вспомни обо мнѣ!..

1831 г

СОНЕТЪ.

Я памятью живу съ увядшими мечтами.
Видѣнья прежнихъ лѣтъ толпятся предо мной;
И образъ твой межъ нихъ, какъ мѣсяцъ въ часъ ночной
Между бродящими блистаетъ облаками.

Мнѣ тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощенъ мой духъ и скованъ какъ цѣпями;
Что жъ пользы для меня?—я не любимъ тобой...
Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ея моленіямъ внимаешь.
Такъ мраморный кумиръ на берегу морскомъ
Стоитъ; у ногъ его волна кипитъ, клокочетъ,
А онъ, безчувственнымъ исполненъ божествомъ,
Не внемлетъ,—хоть ее отталкивать не хочетъ.

1831 г.

* * *

Болѣзнь въ груди моей и нѣтъ мнѣ исцѣленья:
Я увядаю въ полномъ цвѣтѣ!
Пускай! я не былъ рабъ земного наслажденья,
Не для людей я жилъ на свѣтѣ.
Одно лишь существо душой моей владѣло,
Но въ разный путь пошли мы оба,
И мы разсталися, и небо захотѣло,
Чтобъ мы сошлись опять у гроба.
Гляжу въ безмолвіи на западъ: догораетъ,
Краснѣя, гордое свѣтило;
Мнѣ хочется за нимъ,—оно, быть-можетъ, знаетъ,
Какъ воскрешать все то, что мило.
Быть-можетъ, ослѣпленъ огнемъ его сіянья,
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцѣлуй прощанья,
За мной бѣгущіе повсюду.

1831 г.

КЪ *

Мы случайно сведены судьбою;
Мы себя нашли одинъ въ другомъ,
И душа сдружилася съ душою,
Хоть пути не кончить имъ вдвоемъ.
Такъ потокъ весенній отражаетъ
Сводъ небесъ далекій, голубой,
И въ волнѣ спокойно онъ сіяетъ
И трепещетъ съ бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищъ грозныхъ бурь моихъ;
Пусть тогда гремятъ они межъ нами.
Я рожденъ, чтобы не жить безъ нихъ,
Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель
Торжества иль гибели моей;
Но съ тобой, мой лучъ путеводитель,
Что̀ хвала иль гордый смѣхъ людей!

Души ихъ пѣвца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторговъ раздѣлить.

1831 г.

* * *

Поцѣлуями прежде считалъ
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я отъ счастья усталъ,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считалъ
Я мятежную жизнь мою;
Но тогда я любилъ и желалъ,
А теперь никого не люблю.

И я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ,
И крылья забвенья ловлю;
Какъ имъ сердце унесть бы я далъ!
Какъ бы вѣчность имъ бросилъ мою!

1831 г.

* * *

Послушай: быть-можетъ, когда мы покинемъ
Навѣкъ этотъ міръ, гдѣ душою такъ стынемъ;
Быть-можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обмана,—
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану.
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежняго друга все счастіе рая!
Пусть мрачный изгнанникъ, судьбой осужденный,
Тебѣ будетъ раемъ, а ты мнѣ вселенной!

1831 г.

КЪ *

Оставь напрасныя заботы,
Не обнажай минувшихъ дней:
Въ нихъ не откроешь ничего ты,
За что бъ меня любить сильнѣй.
Ты любишь,—вѣрю, и довольно!—
Кого?—ты вѣдать не должна:
Тебѣ открыть мнѣ было бъ больно,
Какъ жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что не достоинъ я участья,
Что самъ ничѣмъ не дорожу;

Что все, чѣмъ сердце дорожило,
Теперь для сердца стало ядъ,
Что для него страданье мило,
Какъ спутникъ, собственность иль братъ.
Промолвивъ ласковое слово,
Въ награду требуй жизнь мою,
Но, другъ мой, не проси былого:
Я мукъ своихъ не продаю.

1831 г.

МОРЯКЪ.

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны,
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны.
О дѣтствѣ говорить не стану,
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И, какъ змѣю, мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ,—
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Я съ кораблемъ не разставался,
Я, какъ сѣтей, земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Въ немъ были ласки и укоръ—
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена!..
Безумны были эти лѣта!
Но что жъ? ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?..
Всѣ чувства тайной мукой полны—
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!
Покрывшись пѣною, рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны все однѣ!..
Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы—
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну
Съ другой стихіей — съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!..

1832 г. (Sic transit gloria mundi).

МАЗЕПА.

Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ:
Меня друзья бы не узнали,
И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блистали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ,
А изсушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей; явилися морщины
И ненавистныя сѣдины;
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.
Я зналъ еще души волненье—
Любви минувшей грозный слѣдъ.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь, среди полночной грезы
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешенъ...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... Взоръ живой
Горячей влагою одѣлся...
Какъ жемчугъ перси бѣлизной...
Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азіатскія движенья,
Уста пурпурныя ея,

Стыда румянецъ и смятенье...
Но полно, полно! я любилъ,
Я чувствъ своихъ не измѣнилъ...
. . . .
Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
Въ однѣхъ лишь крайностяхъ горитъ
И вѣчно [тщетно рокъ свирѣпой
Возсталъ] меня не охладитъ,
И тѣнь минувшаго бѣжитъ
Понынѣ всюду за Мазепой...

1832 г.

БОЙ.

Сыны небесъ однажды надо мною
Слетѣлися—воздушныхъ два бойца;
Одинъ—серебряной обвѣшанъ бахромою,
Другой—въ одеждѣ чернеца.
И, видя злость противника второго,
Я пожалѣлъ о воинѣ младомъ.
Вдругъ поднялъ онъ концы сребристаго покрова,—
И я подъ нимъ замѣтилъ громъ.
И кони ихъ ударились крылами
И ярко брызнулъ изъ ноздрей огонь;
Но вихорь отступилъ передъ громами,
И палъ на землю черный конь.

1832 г.

ТРОСТНИКЪ.

Сидѣлъ рыбакъ веселый
На берегу рѣки,
И передъ нимъ по вѣтру
Качались тростники.
Сухой тростникъ онъ срѣзалъ
И скважины проткнулъ,
Одинъ конецъ зажалъ онъ,
Въ другой конецъ подулъ.
И будто оживленный,
Тростникъ заговорилъ—
То голосъ человѣка
И голосъ вѣтра былъ.
И пѣлъ тростникъ печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Терзаешь ты меня!
И я была дѣвицей,
Красавица была,
У мачехи въ темницѣ
Я нѣкогда цвѣла,
И много слезъ горючихъ
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И былъ сынокъ-любимецъ
У мачехи моей:
Обманывалъ красавицъ,
Пугалъ честныхъ людей.
И разъ пошли подъ вечеръ
Мы на берегъ крутой—
Смотрѣть на сини волны,
На западъ золотой.
Моей любви просилъ онъ—
Любить я не могла,
И деньги мнѣ дарилъ онъ—
Я денегъ не брала;
Несчастную сгубилъ онъ
Ударивъ въ грудь ножомъ,
И здѣсь мой трупъ зарылъ онъ
На берегу крутомъ.
И надъ моей могилой
Взошелъ тростникъ большой,
И въ немъ живутъ печали
Души моей младой.
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Оставь же свой тростникъ!
Ты мнѣ помочь не въ силахъ,
А плакать не привыкъ!»

1832 г.

ТОЛПѢ.

Безумецъ я! вы правы, правы!
Смѣшно безсмертье на земли!
Какъ смѣлъ желать я громкой славы,
Когда вы счастливы въ пыли?
Какъ могъ я цѣпь предубѣжденій
Умомъ свободнымъ потрясать,
И пламень тайныхъ угрызеній
За жаръ поэзіи принять!
Нѣтъ, не похожъ я на *поэта!*
Я обманулся, вижу самъ;
Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ зато и небесамъ!
Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять.
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!
Нѣтъ... мнѣ ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я надъ вами.
Но удалюсь ли отъ себя,
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я вѣрилъ страстно,
Чему не смѣю вѣрить вновь?..

1832 г.

КЪ *

Мой другъ, напрасное старанье!
Скрывалъ ли я свои мечты?
Обыкновенный звукъ, названье—
Вотъ все, чего не знаешь ты.

Пусть въ этомъ имени хранится,
Быть-можетъ, цѣлый міръ любви;
Но мнѣ ль надеждами дѣлиться?
Надежды... о, онѣ—мои,
Мои,—онѣ святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страхъ, ни ласки, ни коварство,
Ни горькій смѣхъ, ни плачъ людей,—
Дай мнѣ сокровища вселенной,—
Ужъ никогда не долетятъ
Въ тотъ уголъ сердца отдаленный,
Куда запряталъ я мой кладъ.
Какъ помню, счастье прежде жило,
И слезы крылись въ мѣстѣ томъ;
Но счастье скоро измѣнило,
А слезы вытекли потомъ.
Беречь сокровища святыя
Теперь я выученъ судьбой;
Не встрѣтятъ ихъ глаза чужіе,—
Они умрутъ во мнѣ, со мной!..

1832 г.

КЪ *

Печаль въ моихъ пѣсняхъ,—но что за нужда?
Тебѣ не внимать имъ, мой другъ, никогда.
Онѣ не прогонятъ улыбку святую
Съ тѣхъ устъ, для которыхъ живу и тоскую.

Къ тебѣ не домчится ни слово, ни звукъ,
Отзывъ безпокойный невѣдомыхъ мукъ.
Пѣвца твоя ласка утѣшить не можетъ;
Зачѣмъ же онъ сердце твое потревожитъ?

О нѣтъ! Одна мысль, что слеза омрачитъ
Тотъ взоръ несравненный, гдѣ счастье горитъ,
Безумные бъ звуки въ груди подавила,
Хоть прежде за нихъ лишь пѣвца ты любила.

1832 г.

КЪ *

1.

Прости! Мы не встрѣтимся болѣ,
Другъ другу руки не пожмемъ;
Прости! твое сердце на волѣ,
Но счастья не сыщетъ въ другомъ.
Я знаю: съ порывомъ страданья
Опять затрепещетъ оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погибъ такъ давно!

2.

Есть звуки—значенье ничтожно
И презрѣно гордой толпой,
Но ихъ позабыть невозможно:
Какъ жизнь, они слиты съ душой;
Какъ въ гробѣ зарыто былое
На днѣ этихъ звуковъ святыхъ,
И въ мірѣ поймутъ ихъ лишь двое,
И двое лишь вздрогнутъ отъ нихъ!

3.

Мгновеніе вмѣстѣ мы были,
Но вѣчность ничто передъ нимъ:
Всѣ чувства мы вдругъ истощили,
Сожгли поцѣлуемъ однимъ.
Прости! не жалѣй безразсудно,
О краткой любви не жалѣй:
Разстаться казалось намъ трудно,
Но встрѣтиться было бъ труднѣй!

1832 г.

* * *

Слова разлуки повторяя,
Полна надеждъ душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смѣло вѣришь ей... но я?..

Оставь страдальца—будь покойна:
Гдѣ бъ ни былъ этотъ міръ святой,
Двухъ жизней сердцемъ ты достойна,
А мнѣ—довольно и одной!

Тому ль пускаться въ безконечность,
Кого измучилъ краткій путь?
Меня раздавитъ эта вѣчность,
Мнѣ страшно здѣсь не отдохнуть!

Я схоронилъ навѣкъ былое,
И нѣтъ о будущемъ заботъ:
Земля взяла свое земное,
Она назадъ не отдаетъ!..

1832 г.

* * *

Она не гордой красотою
Прельщаетъ юношей живыхъ,
Она не водитъ за собою
Толпу вздыхателей нѣмыхъ.
И станъ ея не станъ богини,
И грудь волною не встаетъ,
И въ ней никто своей святыни,
Припавъ къ землѣ, не признаетъ;
Однако всѣ ея движенья,
Улыбка, рѣчи и черты
Такъ полны жизни, вдохновенья,

Такъ полны чудной простоты;
Но голосъ душу проникаетъ,
Какъ вспоминанье лучшихъ дней...
И сердце любитъ и страдаетъ,
Почти стыдясь любви своей.

1832 г.

* * *

Смѣло вѣрь тому, что вѣчно,
Безначально, безконечно,
Что прошло и что настанетъ,
Обмануло иль обманетъ.

Если сердце молодое
Встрѣтитъ пылкое другое,
При разлукѣ, при свиданьѣ
Закажи ему молчанье.

Все на свѣтѣ рѣдко стало,
Есть надежды—счастья мало;
Не забвеніе разлука:
То—блаженство, это—мука.

Если счастьемъ дорожилъ ты,
То зачѣмъ его дѣлилъ ты?
Для чего не жилъ въ пустынѣ?
Иль объ этомъ вспомнилъ нынѣ?

1832 г.

БАЛЛАДА.

Куда такъ проворно, жидовка младая?
Часъ утра, ты знаешь, далекъ...
Потише! Распалась цѣпочка златая,
И скоро спадетъ башмачокъ.

Вотъ мостъ, вотъ чугунныя влѣво перилы
Блестятъ отъ огня фонарей;
Держись за нихъ крѣпче... Устала? Нѣтъ силы?..
Вотъ домъ и звонокъ у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
Какъ мраморный идолъ, блѣдна;
Потомъ, за шнурокъ потянувъ, постучала,
И кто-то взглянулъ изъ окна.

И страхомъ, и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла...
Конечно, ужаснѣй минута такая
Столѣтій печали была.

Она говорила: «Мой ангелъ прекрасный,
Взгляни еще разъ на меня;
Избавь свою Сару отъ пытки напрасной,
Избавь отъ ножа и огня.

Отецъ мой сказалъ, что Законъ Моисея
Любить запрещаетъ тебя;
Мой другъ! я внимала отцу не блѣднѣя,
Затѣмъ что внимала—любя.

И мнѣ обѣщалъ онъ страданья, мученья,
И ножъ наточилъ роковой,
И вышелъ... Мой другъ, берегись его мщенья,
Онъ будетъ какъ тѣнь за тобой...

Отцовскаго мщенья ужасны удары!
Бѣги же отсюда скорѣй...
Тебѣ не измѣнятъ уста твоей Сары
Подъ хладной рукой палачей.

Бѣги!..» Но на ликъ изъ окна наклоненный,
Блеснулъ неожиданный свѣтъ,
И что-то сверкало въ рукѣ обнаженной,
И мраченъ глухой былъ отвѣтъ.

И тяжкое что-то на камни упало,
И стонъ раздался подъ стѣной,—
Въ немъ все улетающей жизнью дышало
И больше, чѣмъ жизнью одной!..

Поутру, толпяся, народъ изумленный
Кричалъ и шепталъ объ одномъ:
Тамъ, въ домѣ, былъ русскій, кинжаломъ пронзенный,
И женщины трупъ подъ окномъ.

1832 г.

ГУСАРЪ.

Гусаръ! ты веселъ и безпеченъ,
Надѣвъ свой красный доломанъ;
Но знай: покой души не вѣченъ,
И счастье на землѣ—обманъ.

Крутя лѣниво усъ задорный,
Ты вспоминаешь звукъ пировъ;
Но берегися думы черной,—
Она чернѣй твоихъ усовъ.

Пускай судьба тебя голубитъ,
И страсть безумная смѣшитъ;
Но и тебя никто не любитъ,
Никто тобой не дорожитъ.

Когда ты, ментикомъ блистая,
Торопишь сѣраго коня,
Не мыслитъ дѣва молодая:
«Онъ здѣсь проѣхалъ для меня».

Когда ты вихремъ на сраженье
Летишь, безчувственный герой,—
Ничье, ничье благословенье
Не улетаетъ за тобой.

Гусаръ! ужель душа не слышитъ
Въ тебѣ желанія любви?
Скажи мнѣ, гдѣ твой ангелъ дышитъ?
Гдѣ очи милыя твои?

Молчишь—и умъ твой безнадежнѣй,
Когда полнѣе твой бокалъ...
Увы—зачѣмъ отъ жизни прежней
Ты разомъ сердце оторвалъ!

Ты не всегда былъ тѣмъ, что нынѣ;
Ты жилъ, ты слишкомъ много жилъ,
И лишь съ послѣднею святыней
Ты пламень сердца схоронилъ.

1832 г.

* * *

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію назло!
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?
Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ,
Онъ покупаетъ неба звуки,
Онъ даромъ славы не беретъ.

1832 г.

НОВГОРОДУ.

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель! Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны
Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ думъ увлекъ въ свое паденье!
Скажи мнѣ, Новгородъ, ужель ихъ больше нѣтъ?
Ужели Волховъ твой — не Волховъ прежнихъ лѣтъ?
. . . .

1832 г.

ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

1832 г.

ДВА ВЕЛИКАНА.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣриться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

1832 г.

* * *

Что толку жить!.. Безъ приключеній
И съ приключеньями—тоска
Вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка!
Прекрасно съ шумной быть толпою,
Сидѣть за каменной стѣною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтобъ разъ объ этомъ поболтать,
Невольно указать повсюду—
Подъ гордой важностью лица
Въ мужчинѣ глупаго льстеца
И въ каждой женщинѣ—Іуду.
А потрудитесь разсмотрѣть,—
Все веселѣе умереть.

„Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...“

Конецъ! Какъ звучно это слово,
Какъ много—мало мыслей въ немъ;
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ,
Проститъ вамъ каждую обиду
По добротѣ души своей,
Для пользы вашей—и церквей
Отслужитъ, вѣрно, панихиду,
Которой, я боюсь сказать,
Не суждено вамъ услыхать.
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Названье ваше сохранитъ.
Когда жъ стѣснится ужъ кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроютъ смѣлою рукой
И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
И молча ляжетъ съ вами рядомъ
Дѣвица нѣжная! Одна,
Мила, покорна, хоть блѣдна...
Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
Не возмутится вашъ покой—
Что за блаженство, Боже мой!

1832 г.

*
* *

Когда надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ—
Тогда молитвой безразсудной
Я долго небу докучалъ,
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
«Чего ты просишь?» онъ вѣщалъ.
«Ты низко палъ, но я ль виновенъ?
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь, какъ другіе, хладнокровенъ,
Будь, какъ другіе, терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно,
Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся вдаль.
Пойдешь ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!
Когда тебя во имя Бога
Кто пригласитъ на пиръ простой,
Страшися мирнаго порога
Коснуться грѣшною ногой;
Смотрѣть привыкши равнодушно»...
. . . .

1833 г.

*
* *

Какая сладость въ мысли: я отецъ!
Такъ говорятъ [иль думаютъ] иные,
Когда съ невѣстой идутъ подъ вѣнецъ,
. . . .
. . . .
Но горе имъ!—въ любви бѣда излишекъ.—
Толпа слюнявыхъ, скверныхъ ребятишекъ
Ихъ окружитъ, какъ шумныхъ пчелъ семья
И свяжетъ ихъ.—Не женитесь, друзья!
Но безъ женитьбы какъ людское сѣмя
Намъ продолжать? — о томъ въ другое время!

Таинственная цѣль есть у людей;
Различными невѣрными путями
Къ ней идутъ всѣ подъ ношею страстей,
Къ ней идутъ всѣ со смѣхомъ и слезами,
Но отстаютъ отцы отъ сыновей.
Любовь отца не встрѣтитъ той же въ сынѣ:
Живыя мысли все живутъ въ чужбинѣ,
На полѣ битвы или подъ окномъ,
Гдѣ видѣлъ онъ головку вечеркомъ
И шаль, и локоть ручки бѣлоснѣжной,
Склонившейся на край окна небрежно.
. . . .

1833 г.

*
* *

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной:
Какъ онъ круглъ и какъ онъ бѣлъ,
Будто блинъ съ сметаной.

Кажду ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечный:
Видно, тамъ, на небесахъ,
Масленица вѣчно!

1833 г.

*
* *

Онъ былъ въ краю святомъ,
На холмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацины.

Понесъ онъ въ край святой
Цвѣтущія ланиты;
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.

Невѣрныхъ онъ громилъ
Обѣими руками —
Ни женъ ихъ не щадилъ,
Ни малыхъ съ стариками.

Встрѣчаясь съ нимъ подчасъ,
Смущалися красотки:
Онъ ихъ ласкалъ не разъ,
Перебирая четки.

Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата;
Глядитъ — дѣтей содомъ,
Жена его брюхата.
Пришибло старика...

1833 г.

* * *

На серебряныя шпоры
Я въ раздуміи гляжу,
За тебя, скакунъ мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки ихъ не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоѣзженныхъ коней.

Но съ успѣхомъ просвѣщенья,
Вмѣсто грубой старины,
Введены изобрѣтенья
Чужеземной стороны.

Въ наше время кормятъ, холютъ
Берегутъ спинную честь...
Прежде били — нынче колютъ...
Что же выгоднѣй, — Богъ вѣсть!..

1833—34 г.

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА.

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ гласъ *)
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Еще моленье
Прошу принять:
Дай разрѣшенье
Въ то воскресенье
Мнѣ опоздать!
Я, Царь всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ

1833—34 г.

*) Алёха, это — командиръ эскадрона, въ школѣ: Алексѣй Степ. Стунѣевъ.

* * *

Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь попъ полковой бормоталъ — и порой
Ревѣла осенняя вьюга.
Кругомъ кивера надъ могилой святой,
Недвижны, въ туманѣ сверкали;
Уланская шапка да мечъ боевой
На гробѣ дощатомъ лежали.
И билося сердце въ груди не одно, —
И въ землю всѣ очи смотрѣли, —
Какъ будто бы все, что ужъ ей отдано,
Они у ней вырвать хотѣли.
Напрасныя слезы изъ глазъ не текли,
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гробъ, застучала.
Прощай, нашъ товарищъ! недолго ты жилъ,
Пѣвецъ съ голубыми очами,
Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ
Да вѣчную память межъ нами.

1833—34 г.

А. А. Ѳ.....ВУ.

О ты, котораго зовутъ
Мошенникъ, пьяница и плутъ,
Подлецъ, баранъ и мародеръ,
На сей листокъ склони свой взоръ.
И знай: его не я одинъ,
Но всѣ писали, ... !
Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ;
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни.
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ.
Въ жилищѣ смрада и . . .
Твои блистаютъ имена;
Но — прилагательными ихъ
Я не хочу марать свой стихъ...

1833—34 г.

* * *

1.

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.

2.

Что это: вызовъ ли надменный,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной,
Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!

3.

Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!

4.

Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ, нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.
Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!

5.

. . . .

6.

Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

1835 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Изъ Байрона.)

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

1836 г.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ.

J see before me the gladiator lie...
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена —
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что̀ яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!

И кровь его течетъ — послѣднія мгновенья
Мелькаютъ — близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ! — прости, о край родной!»

1836 г.

„Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена —
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна“...

РУСАЛКА.

1.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

2.

И шумя, и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка — и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

3.

И пѣла русалка: «На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.

4.

«И тамъ на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

5.

«Расчесывать кольца шелковыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
И въ чело, и въ уста мы въ полуденный часъ
Цѣловали красавца не разъ.

6.

«Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ — и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышитъ, не шепчетъ во снѣ!..»

7.

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

1836 г.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Байрона.)

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая,
И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ —
Онѣ въ груди моей проснутся,
И, если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ —
Онѣ растаютъ и прольются.
Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она;
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

1836 г.

КЪ ПОРТРЕТУ СТАРАГО ГУСАРА.

(Ник. Ив. Бухарову.)

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучую вина.

1836 г.

КЪ НИК. ИВ. БУХАРОВУ.

Мы ждемъ тебя; спѣши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Намъ милъ и усъ твой серебристый,
И трубка плоская твоя.

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

1836 г.

ЭПИГРАММА НА КУКОЛЬНИКА.

Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ.
Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
Когда же занавѣсъ при плескахъ опустился,
Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
Что, братецъ, жаль! Вотъ умеръ и Скопинъ!
Ну, право, лучше бъ не родился.

1836 г.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?.

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?

Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.
1836 г.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА.

Отмщенье, государь! отмщенье
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
(Изъ трагедіи.)

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде — и убитъ!
Убитъ!.. Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!..
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?.. Издалека,
Подобно сотнѣ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый.
На что онъ руку подымалъ!

*

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ —
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И, прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

*

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда — все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!
1837 г. 28-го января.

УЗНИКЪ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь какъ вѣтеръ улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я — нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями
Звучно мѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной
Безотвѣтный часовой.

1837 г.

Два другіе варіанта этого же стихотворенія.

ЖЕЛАНІЕ.

I.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ дощатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море;
Беззаботенъ и одинъ
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

II.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

Дайте мнѣ челнокъ дощатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я пущуся въ сине море
Въ даль отъ сонныхъ береговъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И натѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ злобной прихотью валовъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Билъ жемчужный водопадъ:
Передъ звучными струями
Я лѣниво растянусь
И надъ прежними мечтами,
Засыпая, посмѣюсь.

1837 г.

СОСѢДЪ.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь — а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И, опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ —

Тогда чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю — и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ — и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

1837 г.

* * *

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья —
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей —
Утесъ гранитный не повалитъ:

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

1837 г.

* * *

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ — ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду — и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый —
Пускай! я имъ не дорожилъ!..
. . . .

1837 г.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось —
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его, сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

„Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!..“

Ну жъ былъ денекъ!.. Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

1837 г.

* * *

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ
Онъ душу радуетъ мою.
И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

1837 г.

(Конецъ затеряннаго стихотворенія.)

. . . .

Свершитъ блистательную тризну
Потомокъ поздній надъ тобой
И съ непритворною слезой
Промолвитъ: «онъ любилъ отчизну!»
Великій мужъ! здѣсь нѣтъ награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небѣ сыщутъ взгляды
И не найдутъ среди людей.
Но безпристрастное преданье
Твой славный подвигъ сохранитъ,
И, услыхавъ твое названье,
Твой сынъ душою закипитъ.

1837 г.

КАЗБЕКУ.

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Привезъ я — странникъ — свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье —
Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельѣ мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найду ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?

О, если такъ!.. своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

1837 г.

МОЛИТВА СТРАННИКА.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ,

Казбекъ.

Съ картины *Г. П. Кондратенко.*

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.
1837 г.

* * *

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зелёнаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...
1837 г.

ГУСАРУ ПОЭТУ.

(А. Л. П—ву.)

Расписку просишь ты, гусаръ, —
Я получилъ твое посланье;
Родилось въ сердцѣ упованье,
И легче сталъ судьбы ударъ;
Твои плѣнительны картины
И дерзкой списаны рукой;
Въ твоихъ стихахъ есть запахъ винный
А риѳмы льются . . . .

. . . . грязная свобода
Тебя въ пророки избрала;
Давно для глазъ твоихъ природа
Покровъ обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезломъ волшебнымъ
Хоть отвратительный предметъ,
Стихи звучатъ ключомъ цѣлебнымъ,
И люди шепчутъ: онъ поэтъ!

Такъ нѣкогда въ степи безводной
Премудрый пастырь Ааронъ
Услышалъ плачъ и вопль народной,
И жезлъ священный поднялъ онъ;
И на челѣ его угрюмомъ
Надежды лучъ блеснулъ живой,
И тронулъ камень онъ нѣмой
И брызнулъ ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Новорожденною струей.
1837 г.

РЕБЕНКУ.

(Въ альбомъ Арк. Павл. Петрову.)

Ну, что скажу тебѣ я спросту?
Мнѣ не съ руки хвала и лесть:
Дай Богъ тебѣ побольше росту —
Другія качества всѣ есть.
1837 г.

КИНЖАЛЪ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.

Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.
1837 г.

* * *

Она поетъ — и звуки таютъ,
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ — и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли — всѣ ея движенья,

Иль молвитъ слово — всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!
1837 г.

*
* *

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой;
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.

За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ
Я радъ отдать красавца сѣчи —
Грузинскій мой булатъ...

И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ
И въ сердцѣ кровь кипитъ;

Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ!
1837 г.

*
* *

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!..
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей;
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую..
Молчу и жду... Пора пришла...
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.
1837 г.

ПОЭТЪ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ —
Наслѣдье бранняго востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ —
Увы, безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ,
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?
1838 г.

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто иль темно;
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой грозною обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

1838 г.

КЪ М. Н. ЦЕЙДЛЕРУ.

(Экспромтъ.)

Русскій нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной *сталью*,
Мысли юноши полны.

1838 г.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Que nous font après tous les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier. (Prologue.)

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный —
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой —
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,

И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ...

1839 г.

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется
И такъ легко, легко...

1839 г.

ДАРЫ ТЕРЕКА.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ».

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

«Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.

Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что̀ другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.

Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого,
Сложитъ голову свою».

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,

Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

1839 г.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказаніе.)

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студёной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ?..
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!..»

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонкòвъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ,
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ —
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ —
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

1839 г.

ПАМЯТИ

Александра Ивановича Одоевскаго.

1.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.

Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но, безумный, —
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной,
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей, и жизнь иную.

3.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

4.

И было ль то — привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?.. Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья
И думы, — все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
Куда они? зачѣмъ? откуда? — кто ихъ спроситъ...

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи —

6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая.

1839 г.

КАЗОТЪ.

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ, покинутый безумными друзьями
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: «Ликуйте, о друзья!
Чтò вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
Но что жъ?.. изъ васъ одинъ ее увижу я...»

1839 г.

КЪ ГРАФИНѢ ЭМ. КАР. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

(Рожд. Шернваль.)

Графиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.

1839 г.

НА РОЖДЕНІЕ СЫНА У А. А. ЛОПУХИНА.

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

1839 г.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски;

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно-безтрепетныя руки —
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться — памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ —
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою —
На праздникъ нѣзванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!..

1840 г.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.

Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840 г.

ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ.

Les poëtes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.

Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны.
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеньи
Раздастся сладостная пѣснь!
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль...
Ну, чтó вы пишете? Нельзя ль
Узнать?

ПИСАТЕЛЬ.

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ;
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,—
И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу—нужна отвага
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
[Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ]:
Во-первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть-можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь—сотни опечатокъ!
Стихи—такая пустота:
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ—сказать ли по секрету?
И въ риѳмахъ часто недочетъ.
Возьмешь ли прозу—переводъ,
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно то же говорю;
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя бъ забавно было свѣту!..
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту—
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ

Я былъ бы вовсе не браниться —
Да какъ же быть?.. меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ — все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги —
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!..

ЧИТАТЕЛЬ.

Зато какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ-нибудь
Живое, свѣтлое творенье!
Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ;
И чувствъ, и мыслей полнотой
Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?.. Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ, и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна вослѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва.
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется — и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ —
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожитъ язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

1840 г.
(С.-Петербургъ, 21 марта. Подъ арестомъ на арсенальной гауптвахтѣ).

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

(Изъ Зейдлица.)

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,

И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры —
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына —
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ —

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

1840 г.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?. на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти! — вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
Такая пустая и глупая шутка...

1840 г.

РЕБЕНКУ.

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза и кудри золотые,
И звонкій голосокъ! — Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ? — Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,

Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки!
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть-можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ..

Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его — ребяческіе дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

1840 г.

ОТЧЕГО.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

1840 г.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ..
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

1840 г.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840 г.

* * *

(Кн. Марьѣ Алексѣевнѣ Щербатовой.)

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.

Но юга родного
На ней сохранилась примѣта
Среди ледяного,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ —
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ, и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ;
Полюбитъ не скоро,
Зато не разлюбитъ ужъ даромъ.

1840 г.

МАРЬѢ ПАВЛОВНѢ СОЛОМИРСКОЙ.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,

За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньи
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной,
Лучомъ надежды въ морѣ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безымянный,
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

1840 г.

ПОРТРЕТЪ СВѢТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

(Гр. А. К. Воронцовой-Дашковой.)

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустого слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.

Таитъ молодое чело
По волѣ — и радость, и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

То истиной дышитъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

1840 г.

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жъ? — Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный;
Но ихъ разрознитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный
И ласки вѣчныя свои.

1840 г.

АЛЕКСАНДРѢ ОСИПОВНѢ СМИРНОВОЙ.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго —
И я, въ смущеніи, молчу.
Что жъ дѣлать?.. Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

1840 г.

ИЗЪ АЛЬБОМА

Софьи Николаевны Карамзиной.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ...

Люблю я разговоры ваши,
И «ха-ха-ха!» и «хи-хи-хи!»
Смирновой штучки, фарсы Саши,
И Ишки Мятлева стихи.

1840 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ «КУРДЮКОВОЙ»

(Ив. Петр. Мятлеву.)

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю;
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame de-Курдюковъ.

1840 г.

СОСНА.

(Изъ Гейне.)

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

1840 г.

ВАЛЕРИКЪ.

(Посвящается Варварѣ Александровнѣ Бахметевой, рожд. Лопухиной.)

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право.
И что скажу вамъ?—Ничего!..
Что помню васъ?.. Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что я, въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро бъ, еще морочить свѣтъ...
Да и притомъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ?..
Безумно ждать любви заочной?
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ;
Но я васъ помню—да и точно,
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію—но васъ
Забыть мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья,
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я ровно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу:
Быть-можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
Зато лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,

Какъ доставалося и намъ.
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирно́й татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ.
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой!
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что? Вьючить?»—«Что же капитанъ?»
«Повозки выдвигайте живо!»
«Савельичъ!..»—«Ой ли?»—«Дай огниво!»
Подъемъ ударилъ барабанъ;
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ;
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ, на опушкѣ—два и болѣ.
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?..
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
«Эй вы, станичники, за нимъ!»...
«Что? раненъ?»—«Ничего! бездѣлка!»—
И завязалась перестрѣлка...

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;
Зато видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...

Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ.
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой.
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками.
И оживилися лѣса,
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну—дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащатъ за ноги людей
И кличутъ громко лѣкарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе.
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... молчатъ...
Но вотъ подъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье...
Недолго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ испытанный... «Въ штыки!..
Дружнѣе!» раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
Ура!—и смолкло.—Вонъ кинжалы...
Въ приклады... и пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь.
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть—
И зной, и битва утомили
Меня,—но мутная волна
Была тепла, была красна...

На берегу подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,

...Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.

На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали...

Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно; онъ шепталъ:
«Спасите, братцы!.. Тащутъ въ горы!..
Постойте!.. Гдѣ же генералъ?..
Не слышу»... Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащомъ
И понесли... Тоской томимый
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьямъ;
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ.
А тамъ вдали—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой.—Я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «В а л е р и к ъ,
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—р ѣ ч к а с м е р т и: вѣрно
Дано старинными людьми!»
—А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня? «Тысячъ до семи».
—А много горцы потеряли?—
«Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
—Да, будетъ,—кто-то тутъ сказалъ,—
Имъ въ память этотъ день кровавый!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюся вамъ наскучить,
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать! Иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безыскусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость,—
Я буду счастливъ; а не такъ,—
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!
1840 г.

ТУЧИ.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.
1840 г. Апрѣль.

* * *

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый—
Какъ птичка въ клѣткѣ
Сердце запрыгаетъ.

Встрѣчу ль глаза твои
Лазурью глубокіе—
Душа навстрѣчу имъ
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И плакать хочется...
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся...
1840 г.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ—
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.

Что́ мнѣ сіянье Божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ въ старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случится ль—шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другого,
Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ!

1840 г.

ОПРАВДАНІЕ.

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей—
И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;
Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя—
Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!
Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

1841 г.

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча;
Ты погибалъ! И онъ явился — съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ;
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ — онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,

Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ, своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно столько лѣтъ — спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

1841 г.

СОСѢДКА.

Не дождаться мнѣ, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко надъ землей,
А у двери стоитъ часовой.

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей;
Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ, насъ сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно,
Да съ двойною рѣшеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду—
Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она долго, вздыхая;
Видно, буйную думу тая.
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка,
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмельнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

1841 г.

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы,
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ всё вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно, и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы.
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшетка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

1841 г.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ,—

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви;

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

1841 г.

ВОЛШЕБНЫЕ ЗВУКИ.

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья,
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья...

Ихъ краткимъ привѣтомъ,
Едва онъ домчится,
Какъ Божіимъ свѣтомъ
Душа озарится.

Средь шума мірского
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.

Надежды въ нихъ дышатъ,
И жизнь въ нихъ играетъ
Ихъ многіе слышатъ,
Одинъ понимаетъ.

Лишь сердца родного
Коснутся въ дни муки
Волшебнаго слова
Цѣлебные звуки,

Душа ихъ съ моленьемъ
Какъ ангела встрѣтитъ,
И долгимъ біеньемъ
Имъ сердце отвѣтитъ.

1841 г.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ... да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросилъ—
Скажи имъ, что навылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лѣкаря,

И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалѣй—
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

1841 г.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

(Изъ „крымскихъ сонетовъ“ Мицкевича.)

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ;
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

МИРЗА

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная метель,
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ—и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда—
То Чатырдахъ былъ...

ПИЛИГРИМЪ.

А!..

1841 г.

АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ ХОМУТОВОЙ.

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ *),
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на нашъ привѣтный взоръ,
Навстрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить, какъ тайной,
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли—
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы,
Хоть на единое мгновенье,
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы!

1841 г.

ОТЧИЗНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,

*) Поэтъ И. И. Козловъ.

Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.
1841 г.

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.
1841 г.

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя!
Не стоитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны—
И что жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!
1841 г.

СПОРЪ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
—Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—
«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный,
Взоры кинулъ онъ;

И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамёна,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

1841 г.

* * *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.
Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И, между тѣмъ, какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

1841 г.

* * *

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ Своей благодатью прославилъ.
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого
Званія; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... «Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи—
Такъ она говорила — мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... Но все безполезно!
Если бъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистые кудри,
На темныя очи ея — молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ,
Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая.
Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей и взоръ отуманился думой,
Изъ дома стала она уходить до зари, возвращаясь

„Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ“...

Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...

. . . .

1841 г.

ОСИПУ ИВ. СЕНКОВСКОМУ,

писавшему подъ псевдонимомъ: „Баронъ Брамбеусъ“.

Подъ фирмой иностранной иноземецъ
Не утаилъ себя никакъ,—
Бранится пошло: ясно, нѣмецъ,
Похвалитъ: видно, что полякъ.

1841 г.

* * *

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный имъ народъ.

Быть-можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

1841 г

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня, но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна.
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей...

1841 г.

УТЕСЪ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

1841 г.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Sie liebten sich Beide, doch keiner
Wollt'es dem Andern gestehn.
Heine.

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они расстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ,
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье—
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

1841 г.

СВИДАНІЕ.

1.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ;
Въ ущельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны-мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы-хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

2.

Тамъ, за твердыней старою,
На сумрачной горѣ,

Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ—
Лежу одинъ и думаю:
Ужели не во снѣ
Свиданье въ ночь угрюмую
Назначила ты мнѣ?
И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный,
Зовутъ мечты мои.

3.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя
Какъ сторожа стоятъ;
И поступью несмѣлою
Изъ бань со всѣхъ сторонъ
Выходитъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ женъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!

4.

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ виденъ вдалекѣ,
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ.
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ сѣтью зеленѣющей
Опутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно...
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!

5.

Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ.
Я жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...
Вотъ сыростью холодною
Съ востока понесло;
Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
Изъ города купцы...

6.

Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
Понятна мнѣ, змѣя!
Я знаю, чѣмъ утѣшенный
По звонкой мостовой
Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
Татаринъ молодой.
Не даромъ онъ красуется
Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
Персидскимъ жеребцомъ!

7.

Возьму винтовку длинную,
Пойду я изъ воротъ:
Тамъ, подъ скалой пустынною,
Есть узкій поворотъ.
До полдня за могильною
Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я легъ между камней...
Чу! близкій топотъ слышится.
А! это ты, злодѣй!

1841 г.

ТАМАРА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ, высокой и тѣсной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ — коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары—
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ—

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ, и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!»

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ..

1841 г.

*
* *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: «Я, бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

«Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ твоихъ изумрудныхъ—
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ».

— На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

1841 г.

*
* *

1.

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю —

3.

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ — огонь угаснувшихъ очей.

1841 г.

*
* *

1.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ,
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

2

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

3.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

„Въ тѣснинѣ Дарьяла“.
Картина *П. П. Кондратенко.*

4.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

5.

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

1841 г.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «Царевичъ, взгляни на меня!»

Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова:
Въ косу вплелася морская трава,

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: «добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой.

Держитъ. Рука боевая сильна...
Плачетъ, и молитъ, и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ:

«Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...

Что жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой!»

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ!—померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь, замирая, свиваясь, дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

1841 г.

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами:
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

1841 г.

ОТРЫВКИ.

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившійся усъ,
Краснѣя, какъ дѣва младая,
Кангаръ, молодой туксусъ.

1841 г.

* * *

1.

На буркѣ, подъ тѣнью чинары,
Лежалъ Ахметъ-Ибрагимъ
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча предъ нимъ.

2.

И, брови нахмуривъ густыя,
Лѣниво молвилъ Ага:
О, слуги, мои удалые!
Мнѣ ваша жизнь дорога!

1841 г.

Н. П. ВЕРЗИЛИНОЙ.

(Въ альбомъ.)

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ—
C'est un vers qui cloche.

1841 г.

ПОЭМЫ.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Часть первая.

I.

Въ большомъ аулѣ, подъ горою,
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидятъ. — О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали.
Курятъ безпечно свой табакъ,
И дымъ, віясь, летитъ надъ ними..
Иль, стукнувъ шашками своими,
Пѣснь горцевъ громко запоютъ
Иные на коней садятся,
Но передъ тѣмъ какъ разставаться,
Другъ другу руку подаютъ.

II.

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ — но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. Лѣсъ молчитъ,
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дола возмутитъ.

III.

Лежалъ коверъ цвѣтовъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по кремнямъ...
Черкешенки къ нему сбѣжались,
Водою чистой умывались;
Со смѣхомъ младости простымъ
На дно прозрачное иныя
Бросали кольца дорогія,
И къ волосамъ своимъ густымъ
Цвѣты весенніе вплетали;
Глядѣлися въ зерцало водъ, —
И лица ихъ въ немъ трепетали,
Сплетаясь въ тихій хороводъ,
Восточны пѣсни напѣвали;
И близъ аула, подъ горой
Сидѣли рѣзвою толпой;
И звуки пѣсни произвольной
Ущелья вторили невольно.

IV.

Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ сребристыхъ догораетъ
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ...
Ужъ раздалось мычанье стадъ
И ржанье табуновъ веселыхъ·
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то плѣнники младые.
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспоминая то, что было,
И что не будетъ никогда!
Какъ счастье тщетно ихъ ласкало,
Какъ оставляло наконецъ,
И какъ оно мечтою стало...
И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердецъ!
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ мутномъ снѣ,
Души не чувствуя, они
Ужъ видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!

Исчезли сердца упованья!
Въ однѣхъ слезахъ, въ одномъ страданьи
Отраду зрятъ они свою.

V.

Надежды нѣтъ имъ возвратиться;
Но сердце поневолѣ мчится
Въ родимый край.—Они душой
Тонули въ думѣ роковой.

. . . .

Но пыль взвивалась надъ холмами
Отъ стадъ и борзыхъ табуновъ;
Они усталыми шагами
Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула,
Природа шумная уснула,
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Вторятъ горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка:

ПѢСНЯ.

Какъ сильной грозою
Сосну вдругъ согнетъ,
Пронзенный стрѣлою
Какъ левъ заревётъ;
Такъ русскій средь бою
Предъ нашимъ падетъ,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣснѣ сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло...
Ведутъ черкесы къ саклѣ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь трещитъ;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горесть дня забыть...

VI.

Льетъ мѣсяцъ томное сіянье.
Черкесы храбрые не спятъ;
У нихъ шумливое собранье:
На русскихъ нападать хотятъ.
Вокругъ осѣдланные кони;
Серебряныя блещутъ брони;
На каждомъ лукъ, кинжалъ, колчанъ
И шашка на ремняхъ наборныхъ,
Два пистолета и арканъ,
Ружье, и въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ
Къ набѣгу старъ и младъ готовъ.
И слышенъ стукъ издалека;
Черкесы смотрятъ: межъ кустами
Гирея видно, ѣздока!

VII.

Онъ понуждалъ рукой могучей
Коня, приталкивалъ ногой,
И влекъ за нимъ арканъ летучій
Младого плѣнника съ собой.
Гирей приблизился. Веревкой
Былъ связанъ русскій, чуть живой.
Черкесъ спрыгнулъ — рукою ловкой
Разрѣзывалъ канатъ; но онъ
Лежалъ на камнѣ, смертный сонъ
Леталъ надъ юной головою...

. . . .*)

Черкесы скачутъ ужъ—какъ разъ
Сокрылись за горой крутою;
Урокомъ бьетъ полночный часъ.

VIII.

Отъ смерти лишь изъ сожалѣнья
Младого русскаго спасли;
Его къ товарищамъ снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь.

. . . .

И блѣдный ликъ, въ крови омытый,
Горѣлъ въ щекахъ. Онъ чуть дышалъ,
И, смертнымъ холодомъ облитый,
Протягшись на травѣ лежалъ.

IX.

Ужъ полдень, прямо надъ ауломъ,
На свѣтло-синей высотѣ,
Сіялъ въ обычной красотѣ.
Сливалися съ протяжнымъ гуломъ
Стадовъ черкесскихъ по холмамъ
Дыханье вѣтерковъ проворныхъ,
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ,
И пѣнье птичекъ по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синеву небесъ,
И оперялъ дремучій лѣсъ
Его зубчатыя стремнины.
Обложенъ ступенями горъ
Расцвѣлъ узорчатый коверъ;
Тамъ подъ столѣтними дубами,
Въ тѣни, окованный цѣпями,
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.

---

*) Точки въ рукописи.

Въ слезахъ, склонясь къ младой главѣ,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить.
Но ахъ! утраченнаго счастья
Никто не могъ ужъ возвратить!..
. . . . *)
Вотъ онъ, вздохнувши приподнялся,
И взоръ его ужъ открывался!
Вотъ онъ взглянулъ!.. затрепеталъ:
Онъ съ незабытыми друзьями! —
Онъ, вспыхнувъ, загремѣлъ цѣпями —
Ужасный звукъ все, все сказалъ!!
Несчастный залился слезами,
На грудь къ товарищамъ упалъ
И горько плакалъ и рыдалъ.

X.

Счастливъ еще: его мученья
Друзья готовы раздѣлять
И вмѣстѣ плакать и рыдать...
Но кто сего ужъ утѣшенья
Лишенъ въ сей жизни слезъ и бѣдъ,
Кто въ цвѣтѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ
Лишенъ того, чѣмъ сердце льстило,
Чѣмъ счастье издали манило —
И если годы унесли,
Пору цвѣтовъ искать какъ прежде,
Минутной радости въ надеждѣ, —
Пусть не живетъ тотъ на землѣ!..

XI.

Такъ плѣнникъ мой, съ родной страною
Почти навѣкъ «прости»! сказалъ,
Терзался прошлою мечтою,
Ея мѣста воспоминалъ:
Гдѣ онъ провелъ златую младость,
Гдѣ испыталъ и жизни сладость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ зналъ веселье и страданья,
Гдѣ онъ, несчастный, погубилъ
Святыя сердца упованья...
. . . .

XII.

Онъ слышалъ слово: *„навсегда!“*
И, обреченный тяжкой долей,
Почти сдружился онъ съ неволей.
Съ товарищами иногда
Онъ пасъ черкесскія стада;
Глядѣлъ онъ съ ними, какъ лавины
Катятся съ горъ и какъ шумятъ,
Какъ лавой снѣжною блестятъ,
Какъ ими кроются долины.
Хотя цѣпями скованъ былъ,
Но часто къ Тереку ходилъ.
И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Текутъ средь дебрей и лѣсовъ...
Смотрѣлъ, какъ въ высотѣ холмовъ
Блестятъ огни сторожевые;
И какъ вокругъ нихъ казаки
Глядятъ на мутный токъ рѣки,
Склонясь на копья боевыя.
Ахъ, какъ желалъ бы тамъ онъ быть!
Но цѣпь мѣшала переплыть.

XIII.

Когда же полдень надъ главою
Горѣлъ въ лучахъ, то плѣнникъ мой
Сидѣлъ въ пещерѣ, гдѣ отъ зною
Онъ могъ сокрыться. Подъ горой
Ходили табуны. — Лежали
Въ тѣни другіе пастухи,
Въ кустахъ, въ травѣ и близъ рѣки,
Въ которой жажду утоляли...
И тамъ-то плѣнникъ мой глядитъ,
Какъ иногда орелъ летитъ,
По вѣтру крылья простираетъ,
И, видя жертвы межъ кустовъ,
Когтьми хватаетъ вдругъ — и вновь
Ихъ съ крикомъ кверху поднимаетъ...
«Такъ, — думалъ онъ, — я жертва та,
Котора въ пищу имъ взята».

XIV.

Смотрѣлъ онъ такъ же, какъ кустами
Иль синей степью, по горамъ,
Сайгаки, съ быстрыми ногами,
По камнямъ острымъ, по кремнямъ
Летятъ, стремнины презирая...
Иль какъ олень и лань младая,
Услыша пѣнье птицъ въ кустахъ,
Со скалъ, не шевелясь, внимаютъ —
И вдругъ внезапно исчезаютъ,
Взвивая вверхъ песокъ и прахъ.

XV.

Смотрѣлъ, какъ горцы мчатся къ бою,
Иль скачутъ смѣло надъ рѣкою.
Остановились. Лошадей
Толкаютъ смѣлою ногою...
И вдругъ, припавъ къ лукѣ своей,
Близъ береговъ они мелькаютъ,
Стремятъ—и, снова поскакавъ,
Съ утеса падаютъ стремглавъ
И... шумно въ брызгахъ исчезаютъ.
Потомъ плывутъ и достигаютъ
Уже противныхъ береговъ...
Они ужъ тамъ, и въ тьмѣ лѣсовъ
Себя отъ казаковъ скрываютъ.
. . Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у рѣки

---

*) Точки въ рукописи.

Сѣдою пѣной забѣлѣли!
Смотрите, враны на дубахъ
Встрепенулись, улетѣли,
Сокрылись съ крикомъ на холмахъ!—
Черкесы путника арканомъ
Въ свои ущелья завлекутъ
И, скрытые ночнымъ туманомъ,
Оковы смерть вамъ нанесутъ.

XVI.

И часто, отгоняя сонъ,
Въ глухую полночь смотритъ онъ,
Какъ иногда черкесъ чрезъ Терекъ
Плыветъ на вѣрномъ тулукѣ*).
Бушуютъ волны на рѣкѣ,
Въ туманѣ виденъ дальній берегъ.
На пнѣ предъ нимъ висятъ кругомъ
Его оружія стальныя:
Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя;
И шашка острая, ремнемъ
Привязанна, звенитъ на немъ.
Какъ точка, въ волнахъ онъ мелькаетъ:
То виденъ вдругъ, то исчезаетъ...
Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ—
Бѣда безпечнымъ казакамъ!
Не зрѣть ужъ имъ родного Дона,
Не слышать колоколовъ звона!
Уже чеченецъ подъ горой,
Желѣзная кольчуга блещетъ;
Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой...
—Казакъ! казакъ!.. увы, несчастный!
Зачѣмъ злодѣй тебя убилъ?
Зачѣмъ же твой свинецъ опасный
Его такъ быстро не сразилъ?..

XVII.

Такъ плѣнникъ бѣдный мой уныло,
Хоть самъ подъ бременемъ оковъ,
Смотрѣлъ на гибель казаковъ.
Когда жъ полночное свѣтило
Восходитъ, близъ забора онъ
Лежитъ въ аулѣ. — Тихій сонъ
Лишь рѣдко очи закрываетъ;
Съ товарищами вспоминаетъ
О милой той родной странѣ;
Груститъ, но больше чѣмъ они...
Оставивъ тамъ залогъ прелестный,
Свободу, счастье, что любилъ,
Пустился онъ въ край неизвѣстный,
И... все въ краю томъ погубилъ.

———

*) Тулукъ — бурдюкъ или мѣхъ, которымъ горцы пользовались при переправахъ вплавь.

Часть вторая.

XVIII.

Однажды, погружась въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ позднею порой.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный
Лежалъ на зелени холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли прилегли.
Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя онъ въ лампадѣ мѣдной,
Чуть освѣщалъ большой заборъ...
Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?..
Вдругъ видитъ онъ передъ собою:
Съ улыбкой жалости нѣмой
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣни преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенный;
Но пищу принялъ русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ...

XX.

И долго, долго, какъ нѣмая,
Стояла дѣва молодая,
И взглядъ какъ будто говорилъ:
«Утѣшь себя, невольникъ милый!
Еще не все ты погубилъ».
И вздохъ не тяжкій, но унылый,
Въ груди раздался молодой.
Потомъ чрезъ валъ она крутой
Домой пошла тропою мшистой,
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой;
И только дѣвы покрывало
Еще очамъ вдали мелькало.
И долго, долго плѣнникъ мой
Смотрѣлъ ей вслѣдъ. «Она сокрылась,—
Подумалъ онъ,—но почему
Она къ несчастью моему
Съ такою жалостью склонилась?»
Онъ ночь всю не смыкалъ очей.
Уснулъ за часъ лишь предъ зарей...

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
Она и пищу приносила,
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ.
Ахъ! сердце полное волненій
Чуждалось новыхъ впечатлѣній.
Онъ не хотѣлъ ее любить.
И что за радости въ чужбинѣ,
Въ его плѣну, въ его судьбинѣ?
Не могъ онъ прежнее забыть...
Хотѣлъ онъ благороднымъ быть,
Но сердце жаркое терялось
Въ его страданіи нѣмомъ,
И, какъ въ туманѣ зыбкомъ, въ немъ
Безъ отголоска поглощалось!..
Оно и въ шумѣ, и въ тиши
Тревожитъ сонъ его души.

XXII.

Всегда онъ съ думою унылой
Въ ея блистающихъ очахъ
Встрѣчаетъ образъ вѣчно милой;
Въ ея привѣтливыхъ рѣчахъ
Знакомые онъ слышитъ звуки,
И къ призраку стремятся руки...
Онъ вспомнилъ все—ее зоветъ...
Но вдругъ очнулся. Ахъ, несчастный!
Въ какой онъ безднѣ здѣсь ужасной:
Ужъ жизнь его не расцвѣтетъ.
Онъ гаснетъ, гаснетъ, увядаетъ,
Какъ цвѣтъ прекрасный на зарѣ;
Какъ пламень юный, потухаетъ
На освященномъ алтарѣ!

XXIII.

Не понялъ онъ ея стремленья,
Ея печали и волненья;
Не думалъ онъ, чтобы она
Изъ жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья.
Не думалъ также, чтобъ любовь
Точила сердце въ ней и кровь,
И въ страшномъ былъ недоумѣньи.
Но въ эту ночь ее онъ ждалъ...
Настала ночь, ужъ роковая;
И, сонъ отъ очей отгоняя,
Въ пещерѣ плѣнникъ мой лежалъ.

XXIV.

Поднялся вѣтеръ той порою,
Качалъ во觉 мракѣ дерева,
И свистъ его подобенъ вою,
Какъ воетъ полночью сова.
Сквозь листья дождикъ пробирался,
Вдали на тучахъ громъ катался;
Блистая, молнія струей
Пещеру темну озаряла,
Гдѣ плѣнникъ бѣдный мой лежалъ.
Онъ весь промокъ и весь дрожалъ..

. . . .

Гроза по-малу утихала,
Лишь капала вода съ деревъ;
Кой-гдѣ потоки межъ холмовъ
Струею мутною бѣжали
И въ Терекъ съ брызгами впадали.
Черкесовъ въ темномъ полѣ нѣтъ...
И тучи врозь ужъ разбѣгаютъ,
И кой-гдѣ звѣздочки мелькаютъ;
Проглянетъ скоро лунный свѣтъ.

XXV.

И вотъ надъ нимъ луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
И въ верхъ небеснаго стекла,
По сводамъ голубымъ играя,
Блестящій шаръ свой провела.
Покрылись пеленой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой;
Но кто печальною стопой
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кинжаломъ и пилой...
Зачѣмъ же ей кинжалъ булатный?
Ужель идетъ на подвигъ ратный?
Ужель идетъ на тайный бой?..
Ахъ, нѣтъ! наполнена волненій,
Печальныхъ думъ и размышленій,
Къ пещерѣ подошла она;
И голосъ раздался извѣстный...
Очнулся плѣнникъ, какъ отъ сна,
И въ глубинѣ пещеры тѣсной
Садятся... Долго они тамъ
Не смѣли воли дать словамъ.
Вдругъ дѣва шагомъ осторожнымъ
Къ нему, вздохнувши, подошла,
И, руку взявъ, съ привѣтомъ нѣжнымъ,
Съ горячимъ чувствомъ, но мятежнымъ,
Слова печальны начала:

XXVI.

«Ахъ, русскій, русскій! что съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?
Еще имѣешь въ свѣтѣ друга,
Еще невѣсты не терялъ...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлить; но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую?
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ о чемъ и ночь, и день
Я плачу, вотъ о чемъ тоскую!..
Забудь ее! готова я
Съ тобой бѣжать на край вселенной!
Забудь ее, зови меня

Твоей подругой неизмѣнной!»
Но плѣнникъ сердца своего
Не могъ открыть въ тоскѣ глубокой;
И слезы дѣвы черноокой
Души не трогали его...
«Такъ, русскій, ты спасенъ! Но прежде
Скажи мнѣ: жить иль умереть?
Скажи, забыть ли о надеждѣ,
Иль слезы эти утереть?»

XXVII.

Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупныя мелькнули
На нихъ, какъ свѣтлая роса...
«Ахъ, нѣтъ! оставь восторгъ свой нѣжной,
Спасти меня не льстись надеждой:
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь!
Не на останкахъ славныхъ, бранныхъ,
Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь!»
Онъ замолчалъ. Она рыдала,
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжалъ другою подавала.
И вотъ подъ острою пилой
Скрипитъ желѣзо; распадаетъ,
Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
Она его приподымаетъ,
И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII.

«Да!.. плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... *навсегда*;
Прости *навѣкъ!*.. Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!.. Вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть-можетъ, ужъ могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть-можетъ... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!..»
И дѣвы блѣдныя ланиты,
Почти потухшіе глаза,
Смущенный ликъ, тоской убитый,
Не освѣжитъ одна слеза!
И только рвутся вопли муки...
Она беретъ его за руки
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановились;
Вздохнувъ, назадъ оборотились.
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ;
Кладетъ на сердце тихо руку...
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена,
Безъ чувства падаетъ она;
Какъ будто пуля роковая
Однимъ ударомъ, въ одинъ мигъ
Обоихъ вдругъ сразила ихъ.
. . . .

XXX.

Но очи русскаго смыкаетъ
Ужъ смерть холодною рукой:
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ,
И онъ ужъ тамъ... и кровь рѣкой
Застыла въ жилахъ охладѣвшихъ;
Въ его рукахъ оцѣпенѣвшихъ
Еще кинжалъ, блестя, лежитъ;
Въ его всѣхъ чувствахъ онѣмѣвшихъ
Навѣки жизнь ужъ не горитъ,
Навѣки радость не блеститъ.

XXXI.

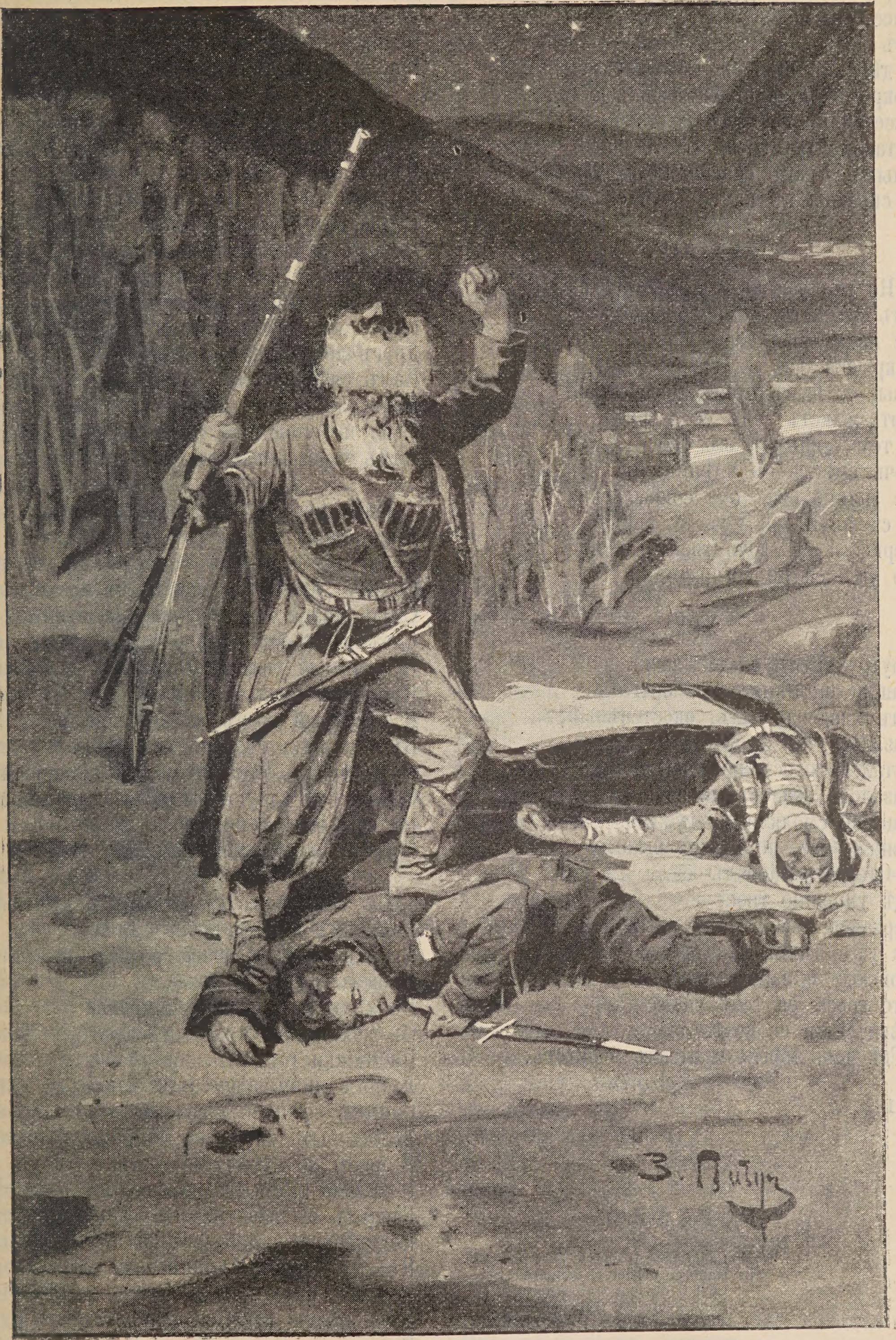
Межъ тѣмъ черкесъ съ улыбкой злобной
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И, волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго... увидѣлъ онъ,
Что тщетно потерялъ патронъ,
И вновь чрезъ горы убѣгаетъ.

XXXII.

Но вотъ она очнулась вдругъ
И ищетъ плѣнника очами...
Черкешенка! гдѣ, гдѣ твой другъ?
Его ужъ нѣтъ. Она слезами
Не можетъ ужасъ выражать,
Не можетъ крови омывать,
И взоръ ея, какъ бы безумной,
Порывъ любви изобразилъ;
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой
Черезъ поляну,—за холмами
Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII.

Она ужъ къ Тереку подходитъ.
Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
Такъ робко взоромъ вкругъ обводитъ,
Ужасной грустію полна?
И долго на бѣгущи волны
Она глядитъ, и взоръ безмолвный
Блеститъ звѣздой въ полночной тьмѣ.
Она на каменной скалѣ—



„Межъ тѣмъ черкесъ съ улыбкой злобной
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И, волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго“...

«О, русскій, русскій!» восклицаетъ...
Плеснули волны при лунѣ,
Объ берегъ брызнули онѣ!
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
Несется по глухимъ волнамъ;
Остатокъ грустный и печальный
Плыветъ, какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

XXXIV.

Но кто убійца ихъ жестокій?
Онъ былъ съ сѣдою бородой;
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной.
Увы, то былъ отецъ несчастной!
Быть-можетъ, онъ ее сгубилъ,
И тотъ свинецъ его опасный
Дочь вмѣстѣ съ плѣнникомъ убилъ?
Не знаетъ онъ; она сокрылась
И съ ночи той ужъ не явилась.
Черкесъ! гдѣ дочь твоя? глядишь,
Но ужъ ея не возвратишь!

XXXV.

Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ.
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый;
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ.
Узнали все, но поздно было!
—Отецъ, убійца ты ея...
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ее вездѣ...
«Гдѣ дочь моя?» и отзывъ скажетъ:
«Гдѣ?»

1828 г.

КОРСАРЪ.

Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.
La Harpe.

ЧАСТЬ I.

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня.
Моя давно увяла младость;
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ цѣли упованья!
Исчезло все!—одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.

Я не видалъ своихъ родимыхъ:
Чужой семьей воскормленъ я.
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ;
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной;
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...
Намъ очарованное счастье
Мелькало рѣдко—иногда!
Увы, не зрѣли мы ненастья,
Намъ угрожавшаго тогда.

Мой умеръ братъ! Передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ. Ахъ! я не зрѣлъ ни разъ
Столь милой смерти, хладной муки...
Сложивъ крестообразно руки,
Несчастный тихо угасалъ,
И блѣдны впалыя ланиты,
И смертный взоръ, тоской убитый,
Въ подушкѣ, бѣдный, сокрывалъ.
Онъ умеръ!—страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ я вдругъ былъ съ содроганьемъ.
Но сожалѣнье—не любовь
Согрѣли жизнь мою и кровь.

Съ тѣхъ поръ съ обманутой душою
Ко всѣмъ я недовѣрчивъ сталъ.
Ахъ! не подъ кровлею родною
Я былъ тогда—и увядалъ.
Не могъ съ улыбкою смиренья
Съ тѣхъ поръ я все переносить:
Насмѣшки гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламеннѣй любить.
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ,
И только тамъ душою жилъ.
Глядѣлъ въ раздуміи глубокомъ,
Когда на деревѣ высокомъ
Пѣвецъ незримый напѣвалъ
Веселье, радость и свободу,
Какъ нѣжно вдругъ ослабѣвалъ,
Какъ онъ, треща, свисталъ, щелкалъ,
Какъ по лазоревому своду
На легкихъ крыліяхъ порхалъ,—
И непонятное волненье
Въ душѣ я сильно ощущалъ.
Всегда любя уединенье,

Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашелъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я—угрюмой
Душа моя смутилась думой.
Не могши болѣе страдать,
Я вдругъ рѣшился убѣжать.

Настала ночь... Я всталъ печально
Съ постели, грустью омраченъ.
Во всемъ дому глубокій сонъ.
Хотѣлось мнѣ хоть взоръ прощальный
На мѣсто бросить то, гдѣ я
Такъ долго жилъ въ тиши безвѣстной,
Гдѣ жизни сѣнь, всегда прелестной,
Безпечно встрѣтила меня.
Я взялъ кинжалъ; два пистолета
На мнѣ за кожанымъ ремнемъ
Звѣнели. Я страшился свѣта
Луны въ безмолвіи ночномъ...

Но вихорь сердца молодого
Меня влачилъ къ сѣдымъ скаламъ,
Гдѣ между берега крутого
Дунай кипѣлъ, ревѣлъ; и тамъ,
Склонясь на камень головою,
Сидѣлъ я, озаренъ луною...
Ахъ! какъ она томна, блѣдна,
Лила лучи свои златые
Съ небесъ на рощи береговыя.
Вездѣ знакомыя мѣста:
Все мнѣ напоминало младость,
Все говорило мнѣ, что радость
Навѣки здѣсь погребена.
Хотѣлъ проститься съ той могилой,
Гдѣ прахъ лежалъ столь сердцу милый.
Перебѣжавши черезъ ровъ,
Пошелъ я тихо по кладбищу;
Душѣ моей давало пищу
Спокойствіе нѣмыхъ гробовъ.
И долго, долго я въ молчаньи
Стоялъ надъ камнемъ гробовымъ;
Казалось, вѣяло въ страданьи
Какимъ-то холодомъ сырымъ.

Потомъ невѣрными шагами
Я удалился, но за мной,
Казалось, тѣнь вездѣ бѣжала...
Я ночь провелъ въ глуши лѣсной;
Заря багряно освѣщала
Верхи холмовъ; ночная тѣнь
Уже рѣдѣла надо мною.
Съ отягощенною главою
Я тамъ сидѣлъ, склонясь на пень...
Но всталъ, пошелъ къ брегамъ Дуная,
Который издали ревѣлъ.
Я въ Грецію итти хотѣлъ,
Чтобъ турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ.
Въ душѣ смѣнялося мечтанье;
Ярчѣе дневное сіянье;
И вотъ Дунай ужъ предо мной
Синѣлъ съ обычной красотой.
Какъ онъ, прекрасный, величавый,
Игралъ въ прибережныхъ скалахъ!..
Воспоминанье о дѣлахъ
Живетъ здѣсь, и протекшей славой
Рѣка гордится. Сѣвъ на брегъ,
Я измѣрялъ Дуная бѣгъ.
Потомъ бросаюсь въ быстры волны,
Онѣ клубятся, но рукой
Я спорилъ съ быстрою рѣкой,
И скоро на берегъ безмолвный
Я вышелъ. Все въ душѣ моей
Мутилось пѣною Дуная;
И, бросивъ взоръ къ странѣ своей,
«Прости, отчизна золотая!»
Сказалъ. «Быть-можетъ, въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!»...
Потомъ я быстро удалился...

Зачѣмъ вамъ сказывать, друзья,
Что было, какъ потомъ со мною:
Скажу вамъ только то, что я
Вездѣ съ обманутой душою
Бродилъ одинъ, какъ сирота,
Не смѣя ввѣриться, какъ прежде,
Всеизмѣняющей надеждѣ:
Міръ былъ чужой мнѣ, жизнь—пуста.
Ужъ я былъ въ Греціи прекрасной,
А для души моей несчастной
Ея лишь видъ отравой былъ.
День приходилъ, день уходилъ.
Уже съ Балканскія вершины
Открылись Греціи долины;
Ужъ море синее, блестя
Подъ солнцемъ пламеннымъ Востока,
Какъ шумъ нагорнаго потока,
Обрадовало вдругъ меня...
Но какъ спастися намъ отъ рока!—
Я здѣсь нашелъ, здѣсь погубилъ
Почти все то, что я любилъ.

Часть II.

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкій,
Плеская волнами, шумитъ—
Покрытый лѣсомъ, одинокій
Аѳосъ задумчивый стоитъ.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ; ни быстрыхъ волнъ,

Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный челнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами,
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аѳоса,
И башни гордыя Летоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ.
Порою корабли водами
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ
Летали между островами,
Какъ бы на лебедя крылахъ.
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей истиной живетъ...
Вотъ цареградскій путь идетъ
Чрезъ поле черной полосою.
(Я шелъ, не чувствуя себя:
Я былъ въ стремительномъ волненьи,
Увидѣвъ, Грецiя, тебя!..)

Кустарникъ дикій въ отдаленьи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ,
Межъ скалъ, гдѣ въ счастьи, упоеньи,
Фракіецъ храбрый пировалъ.
Теперь все пусто. Вспоминанье
Почти изгладилъ токъ временъ,
И этотъ край обремененъ
Подъ игомъ варваровъ. Страданье
Осталось только въ той странѣ,
Гдѣ прежде греки воспѣвали
Ихъ храбрость, вольность,—но они
Той страшной участи не знали.
И дышитъ все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когда жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный—
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турокъ нападать,
Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать.
И часто барка въ тьмѣ у брега
Была готова для побѣга
Отъ непріятельскихъ полковъ;
Не страшенъ былъ имъ плескъ валовъ.
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце юное мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней.
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ
(Любить—кого, не находилъ).
Друзья мои, я молодъ былъ!
Зачѣмъ губить намъ нашу младость,
Зачѣмъ старѣть душой своей!
Прости навѣкъ тогда ужъ радость,
Когда исчезла съ юныхъ дней.

Нашедъ корсаровъ, съ ними въ море
Хотѣлъ я плыть. «Ахъ! думалъ я,
Война, могила, но не горе,
Быть-можетъ, встрѣтятъ тамъ меня».
Простясь съ печальными брегами,
Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ
Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
Цвѣтущими надъ влажнымъ дномъ
Святого старца-океана.
Я видѣлъ ихъ,—но жребій мой,
Гдѣ свелъ насъ съ буйною толпой,
Тамъ власть дана мнѣ атамана,
И такъ ужъ было рѣшено,
Что жизнь и смерть—все заодно!!!

Какъ весело водамъ предаться,
Друзья мои, въ моряхъ летать,
Но долженъ, долженъ я признаться,
Что я готовъ теперь бы дать
Все, что имѣю, за тѣ годы,
Которые ужъ я убилъ
И невозвратно погубилъ.
Прекраснѣй были бы мнѣ воды,
Поля, лѣса, луга, холмы—
И всѣ, всѣ прелести природы...
Но такъ себѣ невѣрны мы!..
Живемъ, томимся и желаемъ,
А получивши, забываемъ
О томъ. Уже предметъ другой
Играетъ въ нашемъ воображеньи.
И въ безпрерывномъ такъ томленьи
Мы тратимъ жизнь—о Боже мой!

Мы часто на берегъ сходили,
И часто по степямъ бродили,
Гдѣ конь арабскій вороной
Игралъ скачками подо мной,
Летая въ даль степи широкой.
Уже терялся брегъ далекой,
И я съ веселою толпой,
Какъ въ морѣ, былъ въ степи сухой.

Или въ лѣсу въ ночи глубокой,
Когда все спитъ, то мы одни,
При полной въ облакахъ лунѣ,
Въ пещерѣ темной, припѣвая,
Сидимъ,—и чаша между насъ
Идетъ съ весельемъ круговая.
За нею вслѣдъ за часомъ часъ.

И свѣтитъ пламень, чуть блистая,
Треща, синѣя и мелькая...
Потомъ мы часто въ корабли
Опять садились, въ быстры волны
Съ отважной дерзостью текли,
Какой-то гордостію полны.
Мы правы были: домъ царей
Не такъ великъ какъ зыбь морей!

Я часто, храбрый, кровожадный
Носился въ буряхъ боевыхъ;
Но въ сердцѣ юномъ чувствъ иныхъ
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшнаго я ждалъ,
Грустилъ, томился и желалъ.
Я слушалъ пѣсни удалыя
Веселой шайки средь морей;
Тогда, воспомнивъ золотые
Тѣ годы юности моей,
Я слезы лилъ, не зная Бога.
Мнѣ жизни дальняя дорога
Была скользка; я былъ, друзья,
Несчастный прахъ изъ бытія.
Какъ бы сражаяся съ судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа терзанью предана,
Живетъ утратою самою.
Узнавъ лишь тѣнь утраты сей,
Я ждалъ ея еще мятежнѣй,
Еще печальнѣй, безнадежнѣй,
Какъ лишь начало страшныхъ дней.
Опять предъ мной все исчезало,
Какъ свѣтъ предъ тѣнію ночной,
И сердце тяжко изнывало.
Исчезъ и кроткій мой покой,
Исчезло милое волненье,
И благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ.

Часть III.

Однажды въ ночь сошлися тучи,
Катился громъ издалека,
И гналъ, стоная, вихрь летучій
Порывомъ бурнымъ облака.
Надулись волны, море плещетъ,
И молнія во мракѣ блещетъ.
Но нашихъ храбрыхъ удальцовъ
Ничто бъ тогда не испугало—
И море синее стонало
Отъ рѣзкихъ корабля слѣдовъ.
Шипящей пѣною бѣлѣетъ
Корабль. Вдругъ рвется къ небесамъ
Волна—качается, чернѣетъ
И возвращается къ волнамъ.
Намъ въономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами слетались,
И устремлялся громъ на громъ,
И море билось съ влажнымъ дномъ,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громовъ,
И наше судно воздымалось
То вдругъ до тяжкихъ облаковъ,
То вдругъ, треща, внизъ опускалось.
Но храбрость я не потерялъ:
На палубѣ съ моей толпою
Я часто гибель возвѣщалъ
Одною пушкой вѣстовою.
Мы скоро справились. Кругомъ
Лишь дождь шумѣлъ, ревѣлъ лишь громъ.
Вдругъ слышенъ выстрѣлъ отдаленный,
Блеснулъ фонарь, какъ бы зажженный
На мачтѣ, въ мрачной глубинѣ,
И скрылся онъ въ туманной мглѣ...
И небо страшно разразилось,
И блескомъ молній озарилось...
И мы узрѣли: быстро къ намъ
Неслося греческое судно.
Все различить мнѣ было трудно.
Предавшися глухимъ волнамъ,
Они на помощь призывали,
Но вѣтры вопли заглушали.
«Скорѣй ладью, спасите ихъ!»
Раздался голосъ. Въ этотъ мигъ
О камень судно ударяетъ,
Трещитъ—и съ шумомъ утопаетъ. .

Но мы иныхъ еще спасли,
Къ себѣ въ корабль перенесли.
Они безъ чувствъ, водой покрыты,
Лежали всѣ, какъ бы убиты.
И вѣтеръ буйный утихалъ,
И громъ почаще умолкалъ.
Лишь изрѣдка волна вздымалась,
Какъ бы гора, и опускалась
. . . .
. . . .
Все смолкло! Вдругъ корабль волной
Былъ брошенъ къ мели береговой.

Хотѣлъ я видѣть мной спасенныхъ,
И къ нимъ поутру я взошелъ.
Тогда на тучахъ озлащенныхъ
Вскатилось солнце; я узрѣлъ,
Увы! гречанку молодую.
Она почти безъ чувствъ, блѣдна,
Склонившись на руку главою,
Сидѣла, и съ тѣхъ поръ она
Донынѣ въ памяти глубокой...
Она изъ стороны далекой

Была сюда привезена.
Свою весну, златыя лѣта
Воспоминала. Томный взоръ,
Чернѣе тьмы, ярчѣе свѣта,
Глядѣлъ, казалось, съ давнихъ поръ
На небо. Тамъ звѣзда, блистая,
Давала ей о чемъ-то вѣсть,
О томъ, друзья, что въ сердцѣ есть.
Звѣзду затмила туча злая;
Звѣзда померкла,—и она
Съ тѣхъ поръ печальна и грустна.
Съ тѣхъ поръ, друзья, и я стенаю,
Моя тѣмъ участь рѣшена,
Съ тѣхъ поръ покоя я не знаю;
Но съ тѣхъ же поръ я омертвѣлъ,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

1828 г.

ЧЕРКЕСЫ.

I.

Въ горахъ ужъ солнце исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ;
Заря, блистая, угасаетъ;
Вдали гудитъ протяжный звонъ;
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ,
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры.
Въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣньемъ.
Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Не слышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги; лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,
Перелетая по кустамъ;
Въ глуши кукушка завываетъ;
И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
Полночный воронъ и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутитъ, сверкаетъ
Подалѣ Терекъ за горой;
Высокій берегъ подмываетъ,
Крутяся пѣною сѣдой.

II.

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ;
Ихъ копья острые блестятъ;
Другъ друга громко окликаютъ:
«Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной:
Чеченцы ходятъ за рѣкой!»
Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,—
Взвилась! и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана;
Въ очахъ его смертельный мракъ.
Ему не зрѣть родного Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью:
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою...

III.

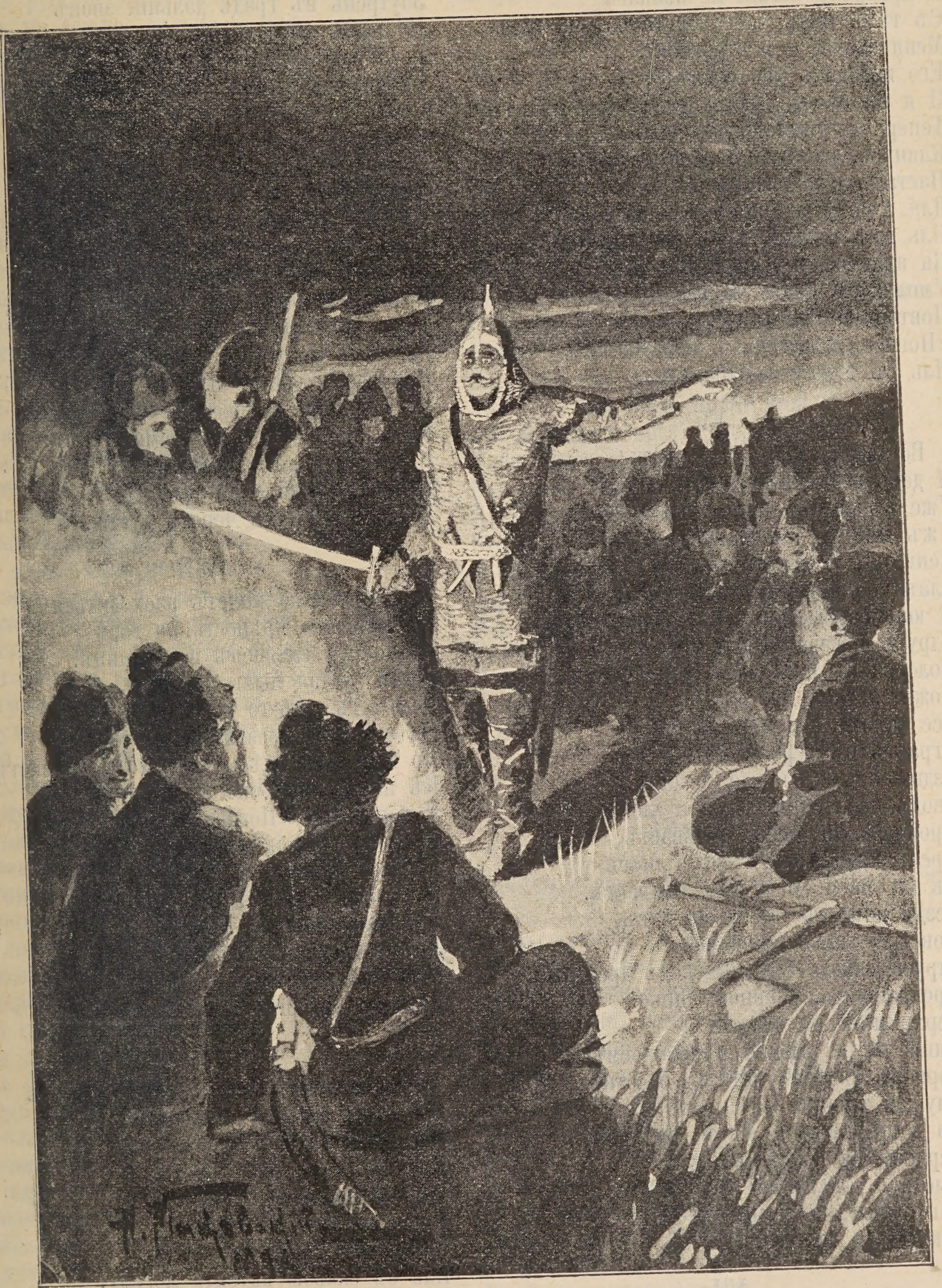
Въ густомъ лѣсу видна поляна,
Чуть освѣщенная луной;
Мелькаютъ, будто изъ тумана,
Огни на крѣпости большой.
Вдругъ слышенъ шорохъ за кустами,
Въѣзжаютъ нѣсколько людей.
Окинувъ все кругомъ очами,
Они слѣзаютъ съ лошадей.
На каждомъ шашка, за плечами
Ружье заряжено виситъ,
Два пистолета, борзы кони,
По буркѣ на сѣдлѣ лежитъ.
Огонь черкесы зажигаютъ,
И всѣ садятся тутъ кругомъ;
Привязанные къ деревамъ,
Въ лѣсу кони траву щипаютъ;
Клубится дымъ, огонь трещитъ,
Кругомъ поляна вся блеститъ.

IV.

Одинъ черкесъ одѣтъ въ кольчугу,
Изъ серебра его нарядъ,
Уздени вкругъ него сидятъ;
Другіе жъ всѣ лежатъ по лугу.
Иные чистятъ шашки остры,
Иль навостряютъ стрѣлы быстры.
Кругомъ все тихо, все молчитъ,—
Возсталъ вдругъ князь и говоритъ:
«Черкесы, мой народъ военный,
Готовы будьте всякій часъ
На жертву смерти; смерти славной
Не всякъ достоинъ здѣсь изъ васъ.
Взгляните: въ крѣпости высокой,
Въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ мой братъ сидитъ,
Въ печали, въ скорби, одинокій.
Его спасу, иль мнѣ не жить!»

V.

«Вчера я спалъ подъ хладной мглой
И вдругъ увидѣлъ будто брата,
Что онъ стоялъ передо мной
И мнѣ сказалъ: «Минуты трата—
И я погибъ,—спаси меня!..»
Но призракъ легкій вдругъ сокрылся;
Съ сырой земли поднялся я;



„Черкесы, мой народъ военный,
Готовы будьте всякій часъ
На жертву смерти; смерти славной
Не всякъ достоинъ здѣсь изъ васъ“.

Его спасти я устремился, —
И вотъ ищу и ночь, и день;
И призракъ легкій не являлся
Съ тѣхъ поръ, какъ брата блѣдна тѣнь
Меня звала, и я старался
Его избавить отъ оковъ;
И я на смерть всегда готовъ!
Теперь клянуся Магометомъ,
Клянусь, клянуся цѣлымъ свѣтомъ!
Насталъ неизбѣжимый часъ:
Для русскихъ смерть или мученье,
Иль мнѣ взглянуть въ послѣдній разъ
На ярко солнца восхожденье».
Умолкнулъ князь. И всѣ трикратно
Повторили его слова:
«Погибнуть русскимъ невозвратно,
Иль съ тѣла свалится глава».

VI.

Востокъ, алѣя, пламенѣетъ,
И день заботливый свѣтлѣетъ;
Уже въ селахъ кричитъ пѣтухъ;
Ужъ мѣсяцъ въ облакѣ потухъ [1]).
Денница, тихо поднимаясь,
Златитъ холмы и тихій боръ;
И юный лучъ, со тьмой сражаясь,
Вдругъ показался изъ-за горъ.
Колосья въ полѣ подъ серпами
Ложатся желтыми рядами.
Все утромъ дышитъ. Вѣтерокъ
Играетъ въ Терекѣ на волнахъ,
Вздымаетъ зыблемый песокъ.
Сводъ неба синій тихъ и чистъ,
Прохлада съ рѣчки повѣваетъ;
Прелестный запахъ юный листъ
Съ весенней свѣжестью сливаетъ.
Вездѣ кругомъ сгустился лѣсъ,
Повсюду тихое молчанье;
Струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье
Верхи и корни золотитъ.
Лишь вѣтра тихимъ дуновеньемъ
Сорванъ листокъ летитъ, блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ.
Но вотъ, примѣтя свѣтъ дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрѣе стрѣлъ по лѣсу мчатся,
Какъ пчелъ неутомимый рой —
Сокрылися въ тѣни густой.

VII.

О, если бъ ты, прекрасный день,
Гналъ такъ же горесть, страхъ, смятенья,
Какъ гонишь ты ночную тѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!..
Заутрень въ градѣ дальній звонъ
По рощѣ вѣтромъ разнесенъ;
И на горѣ стоитъ высокой
Прекрасный градъ; тамъ слышенъ громкій
Стукъ барабановъ, и войска,
Закинувъ ружья на плеча,
Стоятъ на площади въ парадѣ.
Народъ весь въ праздничномъ нарядѣ
Идетъ изъ церкви. Стукъ каретъ,
Колясокъ, дрожекъ раздается;
На небѣ стая галокъ вьется;
Всякъ въ домъ свой завтракать идетъ:
Тамъ тихо ставни растворяютъ;
[А] тамъ по улицѣ гуляютъ,
Иль идутъ войско посмотрѣть
Въ большую крѣпость. — Но чернѣть
Ужъ стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце съ высоты,
И вѣтръ бѣжалъ черезъ кусты.

VIII.

Ужъ войско хочетъ расходиться
Въ большую крѣпость на горѣ;
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ.
Вдали густая пыль клубится.
И видятъ, кто-то на конѣ
Съ оглядкой боязливой мчится.
Но вотъ онъ здѣсь ужъ, вотъ слѣзаетъ,
Къ начальнику онъ подбѣгаетъ
И говоритъ: «Погибель намъ!
Вели готовиться войскамъ:
Черкесы мчатся за горами.
Насъ было двое, и за нами
Они пустились на коняхъ.
Меня объялъ внезапный страхъ, —
Насилу я отъ нихъ умчался,
Да конь хорошъ, а то бъ попался».

IX.

Начальникъ всѣмъ полкамъ велѣлъ
Сбираться къ бою; зазвенѣлъ
Набатный колоколъ; толпятся,
Мятутся, строятся, дѣлятся.
Вороты крѣпости сперлись;
Иные вихремъ понеслись
Остановить черкесску силу,
Иль съ славою вкусить могилу.
И видно зарево кругомъ;
Черкесы поле покрываютъ;
Ряды, какъ львы, перебѣгаютъ;
Со звономъ сшибся мечъ съ мечомъ,
И разомъ храбраго не стало.
Ядро во мракѣ прожужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ.
Но всѣ смѣшались въ дымѣ черномъ.

[1]) Отсюда и до VII строфы очеркнуто и на поляхъ рукою бабушки поэта написано „Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши“. (Зиновьевъ—учитель Лермонтова въ университетскомъ пансіонѣ.)

Здѣсь бурный конь съ копьемъ вонзеннымъ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
Сквозь русскіе ряды несется;
Упалъ на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой.
Повсюду слышенъ стонъ и вой.

X.

[И] пушекъ громъ вездѣ грохочетъ;
А здѣсь изрубленный герой
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,
И голосъ замеръ на устахъ.
Другой бѣжитъ на полѣ ратномъ,
Бѣжитъ, глотая дымъ и прахъ;
Трикратъ сверкнулъ мечомъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечъ...
Звеня, падетъ кольчуга съ плечъ;
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой.
Несчастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой.
Еще ружье свое онъ ищетъ;
Повсюду стукъ и пули свищутъ,
Повсюду слышенъ пушекъ вой,
Повсюду смерть и ужасъ мечетъ,
Въ горахъ и въ долахъ, и въ лѣсахъ;
Во градѣ жители трепещутъ,
И гулъ несется въ небесахъ.
Иной черкеса поражаетъ, —
Безплодно мечъ его сверкаетъ;
Махнулъ еще — его рука,
Подъята вверхъ, окостенѣла;
Бѣжать хотѣлъ — его нога
Дрожитъ недвижима, замлѣла;
Встаетъ и палъ. Но вотъ несется
На лошади черкесъ лихой
Сквозь рядъ штыковъ; онъ сильно рвется
И держитъ мечъ надъ головой;
Онъ съ казакомъ вступаетъ въ бой:
Ихъ сабли остры ярко блещутъ,
Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой.
Стрѣла блеститъ, свиститъ, мелькаетъ
И вмигъ казака убиваетъ.
Но вдругъ толпою окруженъ,
Копьями острыми пронженъ,
Князь самъ отъ раны издыхаетъ,
Падетъ съ коня — и всѣ бѣгутъ,
И бранно поле оставляютъ.
Лишь ядра русскія ревутъ
Надъ ихъ ужасно головой.
Помалу тихнетъ шумный бой,
Лишь подъ горами пыль клубится.
Черкесы побѣжденны мчатся,
Преслѣдоваемы толпой
Сыновъ неустрашимыхъ Дона,
Которыхъ Рейнъ, Лоаръ и Рона
Видали на своихъ брегахъ, —
Несутъ за нами смерть и страхъ.

XI.

Утихло все; лишь изрѣдка
Услышишь выстрѣлъ за горою;
[Иль] рѣдко видно казака,
Несущагося прямо къ бою.
И въ станѣ русскомъ ужъ покой,
Спасенъ и градъ, и надъ рѣкой
Маякъ блеститъ, и сторожъ бродитъ,
Въ окружность быстрымъ окомъ смотритъ
И на плечѣ ружье несетъ.
Лишь только слышно: «кто идетъ?»
Лишь громко «слушай!» раздается;
Лишь только рѣдко пронесется
Лихой казакъ чрезъ русскій станъ,
Лишь рѣдко крикнетъ черный вранъ
Голодный, трупы пожирая,
Лишь изрѣдка мелькнетъ, блистая,
Огонь въ палаткѣ у солдатъ.
И рѣдко чуть блеснетъ булатъ,
Заржавый отъ крови въ сраженьи,
Иль крикнетъ вдругъ въ уединеньи
Близъ стана русскій часовой —
Вездѣ господствуетъ покой.

1828 г.

ДВА БРАТА.

«Ахъ, братъ! ахъ, братъ! стыдись, мой братъ!
Обѣты теплые съ мольбами
Забылъ ли? Годъ тому назадъ
Мы были нѣжными друзьями...
Ты помнишь, помнишь, вѣрно, бой,
Когда рубились мы съ тобой
Противъ враговъ родного края,
Или, заботы удаляя,
Съ новорожденною зарей
Встрѣчали вмѣстѣ праздникъ Лады?
И что жъ? волненіе досады,
Неугомонная вражда
Насъ раздѣлили навсегда!..»
—«Не называй меня, какъ прежде,
Въ благополучные года,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ,
Любви и дружбѣ... я знавалъ
Волненья сердца дорогія,
И очи, очи голубыя...
Я сердцемъ дѣвы обладалъ —
Ты у меня его укралъ!
Ты завладѣлъ моей прекрасной,

Ея любовью и красой!
Ты обманулъ меня ужасно
И посмѣялся надо мной...»
Умолкли. Но еще стоятъ,
Въ душѣ терзаемы враждою.
На каждомъ свѣтлые блестятъ
Мечи съ насѣчкой золотою,
На каждомъ панцырь и шеломъ
Орлинымъ осѣненъ крыломъ.
Все пусто вкругъ въ дали туманной.
Предъ ними жертвенникъ, на немъ
Кумиръ бѣлѣетъ деревянный,
И только плющъ, вiясь, младой
Лелѣетъ жертвенникъ простой.
Они колѣна преклонили,
Взаимной злобой поклялись,
Вотъ на коней своихъ вскочили
И врозь стрѣлою понеслись.

Давно ль, давно ли другъ безъ друга
Ихъ край родимый не видалъ?
Давно ль, когда одинъ страдалъ
Въ изнеможенiи недуга,
Другой, прикованный, стоялъ
Нѣжнѣйшей дружбой къ изголовью.
Вдругъ, горькимъ мщенiемъ дыша,
Кипятъ! Надменная душа
Чѣмъ раздражилася? — Любовью!
Аскаръ, добычу бранныхъ силъ,
Финляндку юную любилъ.
Она лила въ неволѣ слезы
И помнила средь грустныхъ дней
Скалы Финляндiи своей.

Скалы Финляндiи пустой,
Озеръ стеклянные заливы
И боръ печальный и глухой —
Какъ милы вы, какъ вы счастливы
Своею дикой красотой!..
Дымятся низкiя долины,
Гдѣ кучи хижинъ небольшихъ
Съ дворами грязными. Вкругъ ихъ
Растутъ кудрявыя рябины;
На высотахъ чернѣютъ пни,
Иль стебли обгорѣлыхъ сосенъ.
Въ странѣ той кратки дни весны
И продолжительная осень...

1829 г.

АЗРАИЛЪ.

Рѣка. Кругомъ широкiя долины. Курганъ. На берегу издохшiй конь лежитъ близъ кургана, и вороны летаютъ надъ нимъ. Все дико.

Азраилъ *(сидитъ на курганѣ.)*

Дождуся здѣсь, мнѣ не жестка
Земля кургана. Вѣтеръ дуетъ,
Серебряный ковыль волнуетъ
И быстро гонитъ облака.
Кругомъ все дико и безплодно,
Издохшiй конь передо мной
Лежитъ, и коршуны свободно
Добычу дѣлятъ межъ собой.
Ужъ хладныя бѣлѣютъ кости.
И скоро пиръ кровавый свой
Незваные оставятъ гости.
Такъ точно и въ душѣ моей
Все пусто, лишь одно мученье
Грызетъ ее съ давнишнихъ дней
И гонитъ прочь отдохновенье;
Но никогда не устаетъ
Его отчаянная злоба,
И въ тѣсной, темной кельѣ гроба
Оно вовѣки не уснетъ.
Все умираетъ, все проходитъ.
Гляжу, — за вѣкомъ вѣкъ уводитъ
Толпы народовъ и мiровъ
И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ.
Но духъ мой гибели не знаетъ:
Живу одинъ средь мертвецовъ
Закономъ общимъ позабытый,
Съ своими чувствами въ борьбѣ,
Съ душой страданьями облитой
Не зная равнаго себѣ.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я все мгновенное люблю,
Утрата мучитъ грудь мою.
И я безсмертенъ, и за что же?
Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
Такую пытку, Боже, Боже!
Хотя бы могъ я не любить!
Она придетъ сюда, я обниму
Красавицу и грудь къ груди прижму,
У сердца сердце будетъ горячѣй;
Уста къ устамъ чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣй
Нѣмая рѣчь любви. Я разскажу
Ей все — и мiръ, и вѣчность покажу;
Она слезу уронитъ надо мной,
Смягчитъ Творца молитвой молодой,
Пойметъ меня, пойметъ мои мечты
И скажетъ: «какъ великъ, какъ жалокъ ты!»
Сей рѣчи звукъ — мнѣ будетъ жизни звукъ,
И этотъ часъ — послѣднiй долгихъ мукъ...
Клянусь, воспоминанiе объ немъ
Глубоко въ сердцѣ схоронить моемъ,
Хотя бы на меня возсталъ весь адъ.
Тотъ уголъ, гдѣ я спрячу этотъ кладъ,
Не осквернитъ ни ропотъ, ни упрекъ,
Ни месть, ни зависть; пусть свирѣпый рокъ
Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда

Въ туманѣ вѣчномъ тонетъ навсегда, —
Я не боюсь: есть сердце у меня
Надменное и полное огня;
Есть въ немъ любви ея святой залогъ —
Послѣдняго жъ не отнимаетъ Богъ. —
Но слышенъ звукъ шаговъ: она, она...
Но почему печальна и блѣдна?..
Вѣнокъ пестрѣетъ надъ ея челомъ,
Играетъ солнце медленнымъ лучомъ
На бѣлыхъ персяхъ, на ея кудряхъ...
Идетъ... Ужель меня тревожитъ страхъ?..

(Дѣва входитъ. Цвѣты въ рукахъ и на головѣ. Въ бѣломъ платьѣ. Крестъ на груди у нея.)

Дѣва.

Вѣтеръ гудетъ,
Мѣсяцъ плыветъ,
Дѣвушка плачетъ,
Милый на чужбину скачетъ.
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ.
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ.

Прочь печальная пѣсня! Я опоздала,
Азраилъ. Такъ ли тебя зовутъ, мой другъ?
(Садится рядомъ.)

Азраилъ. Что до названія? Зови меня своимъ любезнымъ; пускай твоя любовь замѣнитъ мнѣ имя, я никогда не желалъ бы имѣть другого; зови, какъ хочешь, смерть — уничтоженіемъ, гибелью, покоемъ, тлѣніемъ, сномъ — она все равно поглотитъ свои жертвы.

Дѣва. Полно съ такими черными мыслями!

Азраилъ. Такъ, моя любовь чиста, какъ голубь, но она хранится въ мрачномъ мѣстѣ, которое темнѣетъ съ вѣчностью.

Дѣва. Кто ты?

Азраилъ. Изгнанникъ! существо сильное и побѣжденное. Зачѣмъ ты хочешь знать?

Дѣва. Что съ тобою? Ты поблѣднѣлъ! Примѣтно дрожь пробѣгала по твоимъ членамъ, твои вѣки опустились къ землѣ. Милый, ты становишься страшенъ.

Азраилъ. Не бойся, все опять прошло.

Дѣва. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства; ты помнишь, когда мы встрѣтились, я покраснѣла; ты прижалъ меня къ себѣ, мнѣ было такъ хорошо, такъ тепло у груди твоей. Съ тѣхъ поръ моя душа съ твоей — одно. Ты несчастливъ; ввѣрь мнѣ свою печаль: кто ты? откуда? ангелъ? демонъ?

Азраилъ. Ни то, ни другое.

Дѣва. Разскажи мнѣ свою повѣсть; если ты потребуешь слезъ, у меня онѣ есть; если потребуешь ласки, то я удушу тебя моими; если потребуешь помощи — возьми все, что я имѣю, возьми мое сердце и приложи его къ язвѣ, терзающей твою душу: моя любовь сожжетъ этого червя, который гнѣздится въ ней. Разскажи мнѣ свою повѣсть!

Азраилъ. Слушай, не ужасайся; склонись къ моему плечу, сбрось эти цвѣты, — твои губы душистѣе; пускай эти гвоздики, фіалки унесетъ ближній потокъ, какъ нѣкогда время унесетъ твою собственную красоту. Какъ, ужели эта мысль ужасна, ужели въ столько столѣтій люди не могли къ ней привыкнуть, ужели никто не можетъ пользоваться всею опытностью предшественниковъ? О, люди! вы жалки, но со всѣмъ тѣмъ я смѣнялъ бы мое вѣчное существованіе на мгновенную искру жизни человѣческой, чтобы чувствовать хотя все то же, что теперь чувствую, но имѣть надежду когда-нибудь позабыть, что я жилъ и мыслилъ. Слушай же мою повѣсть:

Разсказъ Азраила.

Когда еще ряды свѣтилъ
Земли не знали межъ собой,
Въ тѣ годы я ужъ въ мірѣ былъ,
Смотрѣлъ очами и душой,
Молился, дѣйствовалъ, любилъ;
И не одинъ я сотворенъ:
Насъ было много; чудный край
Мы населяли, только онъ,
Какъ вашъ давно забытый рай,
Былъ преступленьемъ оскверненъ.
Я власть великую имѣлъ,
Леталъ, какъ мысль, куда хотѣлъ,
Могъ звѣзды навѣщать порой
И любоваться ихъ красой
Вблизи, не утомляя взоръ.
Какъ перелетный метеоръ,
Я могъ исчезнуть и блеснуть:
Вездѣ мнѣ былъ свободный путь.
Я часто ангеловъ видалъ
И громкимъ пѣснямъ ихъ внималъ,
Когда въ багряныхъ облакахъ
Они, качаясь на крылахъ,
Всѣ вмѣстѣ славили Творца,
И не было хваламъ конца.
Я имъ завидовалъ, они
Безпечно проводили дни;
Не знали тайныхъ безпокойствъ,
Душевныхъ болей и разстройствъ.
Волненія враждебныхъ думъ
И горькихъ слезъ; ихъ свѣтлый умъ

Безвѣстной цѣли не искалъ,
Любовью грѣшной не страдалъ,
Не зналъ пристрастія къ вещамъ —
Онъ весь былъ отданъ небесамъ.
Но я, блуждая много лѣтъ,
Искалъ чего быть-можетъ нѣтъ:
Творенье сходное со мной
Хотя бы мукою одной.
И началъ громко я роптать,
Мое рожденье проклинать,
И говорилъ: «Всесильный Богъ,
Ты знать про будущее могъ,
Зачѣмъ же сотворилъ меня?
Желанье глупое храня,
Вездѣ искать мнѣ суждено
Призракъ, видѣніе одно.
Ужели милъ Тебѣ мой стонъ?
И если я ужъ сотворенъ,
Чтобы игрушкою служить,
Душой — безсмертной можетъ-быть —
Зачѣмъ меня Ты одарилъ,
Зачѣмъ я вѣрилъ и любилъ?»
И наказаніе въ отвѣтъ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нѣтъ!
Твою безпечность не убью,
Не дамъ понятія о томъ,
Что лишь съ возвышеннымъ умомъ
И съ непреклонною душой
Извѣдать велѣно судьбой.
Чѣмъ дальше мука тяготитъ,
Тѣмъ глубже рана отъ нея:
Обливши смертью бытіе,
Она опять его живитъ;
И эта жизнь пуста, мрачна,
Какъ пропасть, гдѣ не знаютъ дна:
Глотая все, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на блѣдное чело,
Примѣть морщинъ печальный рядъ,
Неровный ходъ моихъ рѣчей,
Мой горькій смѣхъ, мой дикій взглядъ
При вспоминаньи прошлыхъ дней —
И если тотчасъ не прочтешь
Ты ясно всѣхъ моихъ страстей,
То вѣчно, вѣчно не поймешь
Того, кто за безумный сонъ,
За мигъ — столѣтьями казненъ.
Я пережилъ звѣзду свою;
Какъ дымъ разсыпалась она,
Рукой Творца раздроблена.
Но смерти вѣрной на краю,
Взирая на погибшій міръ,
Я жилъ одинъ — забытъ и сиръ.
По безпредѣльности небесъ
Блуждалъ я много, много лѣтъ
И зрѣлъ, какъ старый міръ исчезъ,
И какъ родился новый свѣтъ;
И страсти первыя людей
Не скрылись отъ моихъ очей!
И нынѣ я живу межъ васъ,
Безсмертный — смертную люблю,
И, съ трепетомъ, свиданья часъ,
Какъ пылкій юноша, ловлю.
Когда же родъ людей пройдетъ,
И землю вѣчность разобьетъ,
Услышавъ грозную трубу,
Я въ новый удалюся міръ
И стану тамъ, какъ прежде сиръ,
Свою оплакивать судьбу.
Вотъ повѣсть чудная моя;
Повѣрь иль нѣтъ—мнѣ все равно,
Довѣрчивое сердце я
Привыкъ не находить давно,
Однакожъ я люблю, повѣрь,
И тѣмъ тоску мою умѣрь;
Никто не могъ тебя любить
Такъ пламенно, какъ я теперь.
Что сердце попусту язвить,
Зачѣмъ вдвойнѣ его казнить?
Но нѣтъ — ты плачешь? Я любимъ,
Хоть только существомъ однимъ,
Хоть въ первый и послѣдній разъ!
Мой умъ свѣтлѣе нынѣ сталъ,
И, признаюсь, лишь въ этотъ часъ
Я умереть бы не желалъ...

Дѣва.

Я тебя не понимаю, Азраилъ, ты говоришь такъ темно. Ты видѣлъ другой міръ; гдѣ жъ онъ? Въ нашемъ законѣ ничего не сказано о людяхъ, жившихъ прежде насъ.

Азраилъ.

Потому что законъ Моисея не существовалъ прежде земли.

Дѣва.

Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраилъ *(блѣднѣетъ.)*

Дѣва.

Я пришла сюда, чтобы съ тобой проститься, мой милый. Моя мать говоритъ, что покамѣстъ это должно,—я иду замужъ. Мой женихъ—славный воинъ: его шлемъ блеститъ, какъ жаръ, и мечъ его опаснѣе молніи.

Азраилъ.

Вотъ женщины. Она обнимаетъ одного, и отдаетъ свое сердце другому!

ДѢВА.

Что сказалъ ты? о не сердись.

АЗРАИЛЪ.

Я не сержусь! *(Горько.)* И за что сердиться?!

1829 г.

ДЖУЛІО.

(1830 года. Великимъ постомъ и послѣ.)
(Я слышалъ этотъ разсказъ отъ одного путешественника. М. Л.).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Осенній день тихонько угасалъ
На высотѣ гранитныхъ Шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ
Такъ, что едва замѣтить могъ бы взоръ
Бѣгущій бѣлый парусъ рыбака.
Я выходилъ тогда изъ рудника,
Гдѣ золото — земныхъ трудовъ предметъ —
Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ.
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
И вѣчный стукъ тревожитъ тишину;
Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
Кидая свѣтъ безсильный и пустой!..

Но если очи, въ безпривѣтной мглѣ
Угасшія, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ, потерянный въ тиши —
Являютъ грусть глубокую души,
О! не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточныхъ рѣчей,
Чтобъ описать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса.
Тянулись цѣпью острыя скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.
Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился, желтѣя, путь...
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный, какъ народъ
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.

Вожатому подарокъ я вручилъ;
Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
Понять: зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
[Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости онѣ],
Казалося, знакомы были мнѣ.

И, подойдя, взявъ за руку меня,
«Напрасно бъ», онъ сказалъ, «скрывался я!
Такъ, Джуліо предъ вами, но не тотъ,
Кто по струямъ Венеціанскихъ водъ
Въ украшенной гондолѣ пролеталъ.
Я жилъ, я жилъ и много испыталъ.
Не для корысти я въ странѣ чужой:
Могилы тьма сходна съ моей душой,
Въ которой страсти, лѣта и мечты
Изрыли бездну вѣчной пустоты...
Но я молю васъ только объ одномъ...
Молю: возьмите этотъ свитокъ, въ немъ...
Въ немъ міръ всю жизнь души моей найдетъ —
И, можетъ-быть, отъ васъ остережетъ!»
Тутъ скрылся быстро пасмурный чудакъ,
И посмѣялся я надъ нимъ; бѣднякъ,
Я полагалъ, разсудокъ потерявъ,
Не потерялъ еще свой пылкій нравъ;
Но, пробѣгая свитокъ, видитъ Богъ —
Я много слезъ остановить не могъ.

Есть край, его Италіей зовутъ.
Какъ божьи птицы, мнится, тамъ живутъ
Покойно, вольно; и пришлецъ,
Германіи иль Англіи жилецъ,
Дивится часто счастію людей,
Скрывающихъ улыбкою очéй
Безумный пылъ и тайный ядъ страстей.
Вамъ, жителямъ холодной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни любовь
Не могутъ въ васъ зажечь такъ сильно кровь,
Какъ въ томъ, кто близъ Неаполя рожденъ —
Для крайностей вашъ духъ не сотворенъ!..
Спокойны вы!.. на вашъ унылый край
Навѣкъ я промѣнялъ сей южный рай, —
Гдѣ тополи, обвитые лозой,
Хотятъ шатеръ достигнуть голубой,
Гдѣ любятъ моря синіе валы
Баюкать тѣнь береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный домъ
Бѣлѣется на берегу морскомъ
И вкругъ него веселые сады,
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды —
Я не могу на память перечесть.

И тамъ, у водъ, въ лимонной рощѣ, стоитъ
Бесѣдка; всѣхъ другихъ она милѣй,
Однако вспомнить я боюсь объ ней.
Она душистымъ запахомъ полна,
Уединенна и всегда темна. —
Ахъ! здѣсь любовь моя погребена;
Здѣсь крестъ, нагнутый временемъ, торчитъ
Надъ холмикомъ, гдѣ Лоры трупъ сокрытъ.
При вѣрной помощи тѣней ночныхъ,
Бывало, мы, укрывшись отъ родныхъ,
Туманною озарены луной,
Спѣшили съ ней туда рука съ рукой;
И Лора, лютню взявъ, пѣвала мнѣ...
Ея плечо горѣло, какъ въ огнѣ,
Когда къ нему я голову склонялъ
И пойманные кудри цѣловалъ.
Какъ гордо волновалась грудь твоя,
Коль, очи въ очи томно устремя,
Твой Джуліо слова любви твердилъ;
Лукаво милый пальчикъ мнѣ грозилъ,
Когда я, у твоихъ склоняясь ногъ,
Восторгъ въ душѣ остановить не могъ...

Случалось, послѣ я любилъ сильнѣй,
Чѣмъ въ этотъ разъ; но жалость лишь о сей
Любви живетъ, горитъ въ груди моей.
Она прошла, таковъ судьбы законъ,
Неумолимъ и непреклоненъ онъ;
Хотя щадитъ луны любезной свѣтъ,
Какъ памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ.

О, тѣнь священная! простишь ли ты
Тому, кто обманулъ твои мечты,
Кто обольстилъ невинную тебя,
И навсегда оставилъ, не скорбя?
Я страсть твою употребилъ во зло...
Но ты взгляни на блѣдное чело,
Которое изрыли не труды, —
На немъ раскаянья и мукъ слѣды;
Взгляни на степь, куда я убѣжалъ,
На снѣжныя вершины Шведскихъ скалъ;
На эту бездну смрадной темноты,
Гдѣ носятся, какъ дымъ, твои черты,
На ложе, гдѣ съ рыданіемъ, съ тоской
Кляну себя съ минутой роковой...
И сжалься, сжалься, сжалься надо мной!..
. . . .
. . . . *)
Когда мы женщину обманемъ, тайный страхъ
Живетъ для насъ въ младыхъ ея очахъ;
Какъ въ зеркалѣ, вину во взорѣ томъ
Мы, различивъ, укоръ себѣ прочтемъ.

Вотъ отчего, оставя отчій домъ,
Я поспѣшилъ, безсмысленный, бѣжать,
Чтобъ гдѣ-нибудь разсѣянье сыскать! —

Но съ Лорой я проститься захотѣлъ.
Я объявилъ, что мнѣ въ чужой предѣлъ
Отправиться на много должно лѣтъ,
Чтобъ осмотрѣть великій Божій свѣтъ.
«Зачѣмъ тебѣ? — воскликнула она. —
Что дастъ тебѣ чужая сторона,
Когда ты здѣсь не хочешь быть счастливъ...
Подумай, Джуліо!» Тутъ, взоръ склонивъ,
Она меня рукою обняла;
«Ахъ, я почти увѣрена была,
Что не откажешь въ просьбѣ мнѣ одной:
Не покидай меня, возьми съ собой,
Не преступи вторично свой обѣтъ...
... Теперь... ты долженъ знать!»... «Нѣтъ, Лора, нѣтъ!»
Воскликнулъ я. «Оставь меня, забудь;
Привязанность былую не вдохнуть
Въ холодную тебѣ отнынѣ грудь...
Какъ странники на небѣ, облака,
Свободно сердце и любовь легка!»
И, поблѣднѣвъ, какъ будто бы сквозь сна,
Въ отвѣтъ сказала тихо мнѣ она:
«Итакъ, прости навѣкъ, любезный мой;
Жестокій другъ, обманщикъ дорогой.
Когда бы зналъ, что оставляешь ты...
Однако прочь безумныя мечты!
Надежда, сердце это не смущай...
Ты болѣе не мой... прощай!.. прощай!..
Желаю, чтобъ тебя въ чужой странѣ
Не мучила бы память обо мнѣ».

То былъ глубокій вѣщій скорби гласъ.
Такъ мы разстались. Кто жальчѣй изъ насъ,
Пускай въ своемъ умѣ разсудитъ тотъ,
Кто нѣкогда сіи листы прочтетъ.

Зачѣмъ цѣну утраты на землѣ
Мы познаемъ, когда ужъ въ вѣчной мглѣ
Сокровище потонетъ, и никакъ
Нельзя разгнать его покрывшій мракъ!
Любовь младыхъ, прелестныхъ женскихъ глазъ,
По рѣдкости, сокровище для насъ
[Такъ мало дѣвъ, умѣющихъ любить];
Мы день и ночь должны его хранить, —
И, горе! если скроется оно:
На вѣкъ блаженства сердце лишено.
Мы только разъ одинъ въ кругу земномъ
Горимъ взаимной нѣжности огнемъ.

Пять цѣлыхъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ я,
Шалилъ, имѣнье съ временемъ губя;

*) Точки въ рукописи.

Первоначальной страсти жаръ святой
Я называлъ младенческой мечтой.
Дорога слазы, заманивъ мой взоръ,
Наскучила мнѣ. Совѣсти укоръ
Убить любовью новой захотѣвъ,
Я сталъ искать бесѣды юныхъ дѣвъ;
Когда же охладѣлъ къ нимъ, наконецъ,
Представила мнѣ дружба свой вѣнецъ;
Повеселивъ меня немного дней,
Распался онъ на головѣ моей...
Я сталъ бродить печаленъ и одинъ;
Меня увѣрили, что это сплинъ;
Когда же надоѣли доктора, —
Я хладнокровно ихъ согналъ съ двора.

Душа моя была пуста, жестка.
Я походилъ тогда на бѣдняка:
Надѣясь кладъ найти, глубокій ровъ
Онъ ископалъ среди своихъ садовъ, —
Испортить не страшась гряды цвѣтовъ;
Рылъ, рылъ, — вдругъ что-то застучало — онъ
Вздрогнулъ: предметъ трудовъ его найденъ!
Приблизился, торопится, глядитъ;
Что жъ? — передъ нимъ гнилой скелетъ лежитъ!.
«Заботы вьются въ сумракѣ ночей
«Вкругъ ложа мягкаго, златыхъ кистей;
«У изголовья совѣсть — скорпіонъ,
«Отъ вѣждъ засохшихъ гонитъ сладкій сонъ;
«Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
«Оторванныя тучки, такъ печаль,
«Въ одну и ту же съ нами сѣвъ ладью,
«Не отстаетъ ни въ кущѣ, ни въ бою»,
Такъ римскій говоритъ поэтъ-мудрецъ.
Ахъ! это испыталъ я наконецъ,
Отправившись, не зная самъ куда,
И съ Сеною простившись навсегда!..
Ни дикихъ горъ Швейцаріи снѣга,
Ни Рейна вдохновенные брега
Ничѣмъ мнѣ умъ наполнить не могли
И сердцу ничего не принесли.
. . . .
. . . . *)

Венеція! о, какъ прекрасна ты,
Когда, какъ звѣзды, спавши съ высоты,
Огни по влажнымъ улицамъ твоимъ
Скользятъ и съ блескомъ синимъ, золотымъ,
То затрепещутъ и погаснутъ вдругъ,
То вновь зажгутся; тамъ далекій звукъ,
Какъ благодарность въ злой душѣ порой,
Раздастся — и умретъ во тьмѣ ночной:
То пѣснь красавицы, съ ней другъ ея;
Они поютъ, и мчится ихъ ладья.
Народъ, тѣснясь, на берегу кипитъ.
Оттуда любопытный взоръ слѣдитъ
Какой-нибудь красивый павильонъ,
Который бѣгло въ волнахъ отраженъ.
Разнообразный плескъ и веселъ шумъ
Приводятъ много чувствъ и много думъ;
И много чудныхъ случаевъ рождалъ
Ничѣмъ ненарушимый карнавалъ.

Я прихожу въ гремящій маскарадъ,
Нарядовъ блескъ тамъ ослѣпляетъ взглядъ;
Здѣсь не узнаетъ мужъ жены своей.
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
Подъ маской, близъ него проходитъ съ ней,
И мужъ готовъ божиться, что жена
Лежитъ въ дому отчаянно больна...
Но если все проникъ лукавый взоръ, —
Тотчасъ кинжалъ рѣшитъ недолгій споръ.
Хотя ненужно пролитая кровь
Ужъ не воротитъ женскую любовь!..
Такъ мысля, въ залѣ тихо я блуждалъ
И разныхъ лицъ движенья наблюдалъ;
Но, какъ пустыя грезы сновъ пустыхъ,
Чтобъ разсказать, — я не запомню ихъ.
И вижу маску: мнѣ грозитъ она.
Огонь паровъ застольнаго вина
Смутилъ мой умъ, волнуя кровь мою,
Я въ домино окутался, встаю,
Открылъ лицо, за тайнымъ чудакомъ
Стремлюсь и покидаю шумный домъ.
Быстрѣе ногъ преслѣдуютъ его
Мои глаза. Не помня ничего,
Вослѣдъ за нимъ, хотя и не хотѣлъ,
На лѣстницу крутую я взлетѣлъ!..

Огромные покои предо мной
Отдѣланы съ искусственной красой;
Сіяли свѣчи яркія въ углахъ,
И живопись дышала на стѣнахъ.
Ни блескъ, ни сладкій ароматъ цвѣтовъ
Желаньемъ ускоряемыхъ шаговъ
Остановить въ то время не могли:
Они меня съ предчувствіемъ несли
Туда, гдѣ, на диванѣ опустясь,
Мой незнакомецъ, бѣгомъ утомясь,
Сидѣлъ. Уже я близко у дверей...
Вдругъ (изумленіе души моей
Чьи краски на землѣ изобразятъ?) —
Съ него упалъ обманчивый нарядъ, —
И женщина единственной красы
Стояла близъ меня. Ея власы
Катились на волнуемую грудь
Съ восточной нѣгой. Я не смѣлъ дохнуть,
Покуда взоръ, весь слитый изъ огня,
На землю томно не упалъ съ меня...

---

*) Точки въ рукописи.

Ахъ! онъ стрѣлой во глубь мою проникъ!
Не выразилъ бы чувствъ моихъ въ сей
мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!..
Средь горъ Кавказскихъ есть, слыхалъ я,
гротъ,
Откуда Терекъ молодой течетъ,
О скалы неприступныя дробясь;
Съ Казбека въ пропасть иногда скатясь,
Отверстіе лавина завалитъ:
Какъ мертвый, онъ на время замолчитъ...
Но лишь враждебный снѣгъ промоетъ онъ,
Быстрѣй его не будетъ аквилонъ;
Бѣги, сайгакъ, отъ берега въ тотъ часъ,
И жаждущій табунъ — умчитъ онъ васъ,
Сей токъ, покрытый пѣною густой,
Свободный, какъ чеченецъ удалой.
Такъ и любовь, покрыта скуки льдомъ,
Прорвется, и мучительнымъ огнемъ
Должна свою разрушить колыбель,
Достигнетъ или не достигнетъ цѣль!..
И бѣденъ тотъ, кому судьбина, давъ
И влюбчивый и своевольный нравъ,
Позволила узнать подробно міръ,
Гдѣ человѣкъ всегда гонимъ и сиръ,
Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный
рядъ,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Приносятъ только сожалѣнье намъ!
Я былъ любимъ, самъ страстію пылалъ
И много дней Мелиной обладалъ.
Летучихъ наслажденій властелинъ,
Изъ этихъ денъ я не забылъ одинъ:
Златило утро дальній небосклонъ,
И запахъ розъ съ бреговъ былъ разнесенъ
Далеко въ море; свѣжая волна,
Играющимъ лучомъ пробуждена,
Отзывы пѣсни рыбаковъ несла...
Въ ладьѣ, при вѣрной помощи весла,
Неслися мы съ Мелиною самъ-другъ,
Внимая сладкій и небрежный звукъ;
За нами въ блескѣ утреннихъ лучей
Венеція, какъ пышный мавзолей,
Среди песковъ Египта золотыхъ,
Изъ волнъ поднявшись, озирала ихъ.
Въ восторгѣ я твердилъ любви слова
Подругѣ пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставалъ съ водой,
Въ колѣна ей склонялася порой.
Я счастливъ былъ; невѣдомый никѣмъ,
Казалось, я покоенъ былъ совсѣмъ,
И въ первый разъ лишь могъ о томъ за-
быть,
О чемъ грустилъ, не зная возвратить.
Но дьяволъ, сокрушитель благъ земныхъ,
Блаженство намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ сильнѣе,
Чтобы съ жестокой тягостью своей
Несчастье унесло отъ жадныхъ глазъ
Все, что ему еще завидно въ насъ...

Однажды [ночь на городъ ужъ легла;
Луна, какъ въ дымѣ, безъ лучей плыла
Между сырыхъ тумановъ; вѣтръ ночной,
Багровый западъ съ тусклою луной —
Все предвѣщало бурю; но во мнѣ
Уснули, мнилось, навсегда онѣ]
Я ѣхалъ къ милой; радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я былъ любимъ Мелиной, былъ богатъ,
Все вокругъ мнѣ веселило слухъ и взглядъ:
Роптанье струй, мельканье челноковъ,
Сквозь окна освѣщеніе домовъ
И баркаролла мирныхъ рыбаковъ.
Къ красавицѣ взошелъ я; цѣлый домъ
Былъ пустъ и тихъ, какъ завоеванъ сномъ.
Вотъ — проникаю въ комнаты — и вдругъ
Я роковой вблизи услышалъ звукъ —
Звукъ поцѣлуя... праведный Творецъ,
Зачѣмъ въ сей мигъ мнѣ не послалъ ко-
нецъ?
Зачѣмъ, затрепетавъ какъ средь огня,
Не выскочило сердце изъ меня?
Зачѣмъ, окаменѣвшій, я опять
Движенье жизни долженъ былъ принять?..

Бѣгу, стремлюсь — трещитъ и настежь
дверь!..
Кидаюся, какъ разъяренный звѣрь,
Въ ту комнату, и быстрый шумъ шаговъ
Мой слухъ мгновенно поразилъ безъ словъ.
Схвативъ свѣчу, я — въ темный коридоръ,
Гдѣ, ревностью пылая, встрѣтилъ взоръ
Скользящую, какъ нѣкій духъ ночной,
По стѣнамъ тѣнь. Дрожащею рукой
Схватилъ кинжалъ, машу передъ собой!
И вотъ настигъ... въ минуту удержу...
Рука... рука... хочу схватить, — гляжу:
Недвижная, какъ мертвая, блѣдна,
Мнѣ преграждаетъ дерзкій путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный видъ!..
...Качая головой, призракъ стоитъ...
Кого жъ я въ немъ встревоженный узналъ?
Обманутую Лору . . . .
. . . . я упалъ!

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ
Скитается летучій аквилонъ,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаете березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.
Такъ жизнь скучна, когда бореній нѣтъ;
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ въ цвѣтѣ
лѣтъ,

„Недвижная, какъ мертвая, блѣдна,
Мнѣ преграждаетъ дерзкій путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный видъ!..
...Качая головой, призракъ стоитъ...
Кого жъ я въ немъ встревоженный узналъ?
Обманутую Лору“...

Въ минувшее проникнувъ, различить,
Она души не будетъ веселить.
Но жребій я узналъ совсѣмъ иной:
Убитъ я не былъ раннею тоской —
Страстей огонь, неизлѣчимый ядъ,
Еще теперь въ душѣ моей кипятъ...
И ихъ слѣды узналъ я въ этотъ разъ.
Въ безпамятствѣ, не открывая глазъ,
Лежалъ я долго; кто принесъ меня
Домой, не могъ узнать я. День отъ дня
Разсудокъ мой свѣжѣй и тверже былъ,
Какъ вновь меня внезапно посѣтилъ
Томительный и пламенный недугъ.
Я былъ при смерти. Ни единый другъ
Не приходилъ провѣдать о больномъ...
Какъ часто въ душномъ сумракѣ ночномъ
Со страхомъ пробѣгалъ я жизнь мою,
Готовясь предстать передъ судью;
Какъ часто, мучимъ жаждой огневой,
Я утолить не могъ ее водой
Задохшейся, и теплой, и гнилой;
Какъ часто хлѣбъ, передъ лишеннымъ силъ,
Черствѣлъ, хотя еще не тронутъ былъ,
И сколькихъ слезъ, стараясь мужемъ быть,
Я долженъ былъ всю горечь проглотить!..

И долго я томился. — Наконецъ,
Родныхъ полей блуждающій бѣглецъ,
Я возвратился къ нимъ...
Въ большомъ саду
Однажды я задумавшись иду,
Вдругъ предо мной бесѣдка. Узнаю
Зеленый сводъ, гдѣ я сказалъ: «люблю»
Невинной Лорѣ [я еще объ ней
Не спрашивалъ сосѣдственныхъ людей],
Но страхъ пустой мой умъ преодолѣлъ.
Вхожу — и что жъ бродящій взглядъ узрѣлъ? —
— Могилу! — Свѣжій, лѣтній вѣтерокъ
Порою несъ увялый къ ней листокъ,
И, незабудками испещрена,
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасомъ, но пасмурной тоской
Я былъ подавленъ въ мигъ сей роковой!
Презрѣнье, гордость въ этой тишинѣ
Старались жалость побѣдить во мнѣ.
Такъ вотъ что я любилъ!.. Такъ вотъ о комъ
Я столько думъ питалъ въ умѣ моемъ!..
И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странамъ чужимъ нести казать
Испорченное сердце [плодъ страстей],
Въ чемъ недостатка нѣтъ между людей?
Такъ вотъ что я любилъ! Клянусь, мой Богъ,
Ты лучшую ей участь дать не могъ,
Пресѣчь должна кончина бытіе, —
Чѣмъ раньше, тѣмъ и лучше для нея!

И блещутъ, дѣва, незабудки надъ тобой,
Хотя забвенья стали пеленой;
Сплела изъ нихъ земля тебѣ вѣнецъ...
Ихъ вырастили матерь и отецъ,
На дернъ роняя слезы каждый день,
Пока туманная, ложася, тѣнь
Съ холодной, сладкою росой ночей,
Не освѣжала старыхъ ихъ очей...
. . . .
И я умру! — но только вѣтръ степей
Восплачетъ надъ могилою моей!..

Преодолѣть стараясь думъ борьбу,
Такъ я предчувствовалъ свою судьбу...
. . . .
. . . . *)
И я оставилъ прихотливый свѣтъ,
Въ которомъ для меня веселья нѣтъ,
И гдѣ раскаянье бѣжитъ отъ глазъ,
Покуда юность не оставитъ насъ.
Но я былъ старъ: я многое свершилъ!
Повѣрьте: не одно лишенье силъ,
Послѣдствіе толпой протекшихъ дней,
Браздитъ чело и гаситъ жизнь очей!..
Я потому съ досадой ихъ кидалъ
На міръ, что самъ себя въ немъ презиралъ! —
Я мнилъ: въ моемъ лицѣ легко прочесть,
Что въ сей груди такое чувство есть.
— Я гордъ былъ и не снесъ бы, какъ позоръ,
Пытающій, нескромный, хитрый взоръ.
Какъ могъ бы я за чашей хохотать
И яркій даръ похмелья выпивать,
Когда всечасно мстительный металлъ
Въ больного сердца струны ударялъ?
Они меня будили въ тьмѣ ночной,
Когда и умъ, какъ взглядъ, подернутъ мглой,
Чтобы нагнать еще ужаснѣй сонъ;
Не уходилъ съ зарей багровой онъ.
Чѣмъ болѣ улыбалось счастье мнѣ,
Тѣмъ больше я терзался въ глубинѣ;
Я счастіе, казалося, привлекъ,
Когда его навѣки отнялъ рокъ,
Когда любилъ въ огнѣ мученій злыхъ
Я женщинъ мертвыхъ болѣе живыхъ.

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ.
Жметъ сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка;
Чтобы спастись отъ этой пустоты,
Воспоминаньемъ иль игрой мечты
Умножь одну или другую ты.
Послѣднее мнѣ было легче!.. я

---

*) Точки въ рукописи.

Опять бѣжалъ въ далекіе края,
И здѣсь въ сей безднѣ, въ сѣверныхъ горахъ
Зароютъ мой изгнаннический прахъ.
Безъ имени въ землѣ онъ долженъ гнить,
Чтобъ никого не могъ остановить.
Такъ я живу. Подземный мракъ и хладъ,
Однообразный стукъ, огни лампадъ
Мнѣ нравятся. Товарищей толпу
Презрѣннѣе себя всегда я чту,
И самолюбье веселитъ мой нравъ:
Такъ радъ кривой, слѣпого увидавъ!—

. . . .

. . . .

И я люблю, когда нѣмая грусть
Меня кольнетъ, на воздухъ выйти. Пусть,
Пусть укоритъ меня обширный сводъ,
За коимъ въ славѣ возсѣдаетъ Тотъ,
Кто былъ и есть и вѣчно не прейдетъ;
Задумавшись, нерѣдко я сижу
Надъ дикою стремниной, и гляжу
Въ туманныя поля, передо мной
Отдохшія подъ свѣжею росой—

. . . .

Тогда, какъ я, воскликнешь къ небесамъ
Ломая руки: дайте прежнимъ днямъ
Воскреснуть!—но ни что ихъ не найдетъ—
И молодость вторично не придетъ!..

Ахъ! много чувствъ и мрачныхъ и живыхъ
Открыть хотѣлъ бы Джуліо.—Но ихъ
Пускай обниметъ ночь, какъ и меня!—
Уже въ лампадѣ нѣтъ почти огня:
Страница кончена—и (хоть чудна)
Съ ней, повѣсть жизни, прежде чѣмъ она...

1830 г.

ИСПОВѢДЬ.

I.

День гасъ! Въ нарядѣ голубомъ,
Крутясь, бѣжалъ Гвадалквивиръ...
И, не заботяся о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ,
Для счастья чуждый, полный зломъ,
Свѣтило южное текло
Безпечно, пышно и свѣтло;
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ.
Какую бъ радость одному
Туда принесъ онъ, если бъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой...
Таковъ былъ рокъ! зачѣмъ, за что
Не зналъ; и знать не могъ никто.
Но въ преступленьи обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ
Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
И ничего отъ нихъ не ждалъ...
Но вотъ по лѣстницѣ крутой
Звучатъ шаги, открылась дверь,
И старецъ дряхлый и сѣдой
Вошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь?
Что сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ!

II.

«Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!..
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди—люди, мой отецъ!
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Согрѣть имъ вновь не суждено
Сердца, увядшія давно.
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ.
И тѣнь невиннаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь.
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой.
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слѣпъ, ты сѣдъ,

И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ!—я также могъ бы жить!..

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ—благодарю.
Не постигаю, что была
У нихъ за мысль?—Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я преступникъ иль злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою неба утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой;
Онъ оправдалъ меня—одинъ,
Онъ сердца полный властелинъ.
И тайну страшную мою
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнъ
Среди угрюмыхъ этихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства ясные года
Я проводилъ Богъ вѣсть куда!
Какъ сонъ, безъ радости и бѣдъ,
Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ,
И воскресить тѣ дни едва ль
Желалъ бы я, но все ихъ жаль!
Зачѣмъ, молчаніе храня,
Такъ грозно смотришь на меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ!
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю, но, старикъ,
Я признаюся, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить,
За то, что прежде, можетъ-быть,
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
Погаснетъ въ мирной тишинѣ,
Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобой
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,
Весь превращуся въ слово: нѣтъ!
И прахъ, лишенный бытія,
Ужъ будетъ прахъ одинъ—не я.

IV.

«И могъ ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ вы, душой оставить свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдина
Межъ этихъ кудрей не видна;
Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудишь мольбой, постомъ!
Когда надъ бездною морской
Свирѣпой бури слышенъ вой
И громъ гремитъ по небесамъ,
Вели не трогаться волнамъ,
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!..
Да, если бъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ;
Но подъ одеждой власяной
Я человѣкъ, какъ и другой,
И ты, безчувственный старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ-быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить,
Отвергнувъ все, законъ и честь,
Ты былъ бы счастливъ перенесть
За слово, ласку или взоръ,
Мое страданье, мой позоръ!..

V.

«Я о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь;
Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
Разлуки первой грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ
И если бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной,
Клянусь, я прежде чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ,
Найду ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Нѣтъ, перестань, не возражай!..
Что безъ нея земля и рай?
Пустыя, звонкія слова,
Блестящій храмъ безъ божества.
Увы! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста,
И голосъ сладкій какъ мечта...
Одинъ лишь слабый звукъ отдай...
О! старецъ, что такое рай?..

VI.

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей;
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ—давнымъ-давно,—
И съ этихъ поръ между камней
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней
Забытъ, какъ узникъ, одинокъ
Растетъ блѣднѣющій цвѣтокъ;

Но вовсе онъ не расцвѣтетъ,
И гдѣ родился—тамъ умретъ!
И не сходна ль, отецъ святой,
Его судьба съ моей судьбой?
Знай, можетъ-быть, ея ужъ нѣтъ!..
И вотъ послѣднiй мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавленныхъ палачей;
Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ—и все ничто!
... Прощай, старикъ; вотъ казни часъ!..
За нихъ молись... въ послѣднiй разъ
Клянусь тебѣ передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ.
Скажи, что умеръ я, какъ могъ,
Безъ угрызенiй и тревогъ;
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ!
Кого любилъ?.. Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной,
За жизнь, за мiръ, за вѣчность вамъ
Я тайны этой не продамъ!»
. . . . *)

VII.

... И онъ погибъ—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокiй онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сiялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
Неслась мольба ихъ къ небесамъ,
И отвѣчалъ старинный храмъ
Ихъ пѣсни мирной и святой,
И пѣли всѣ, кромѣ одной.
Какъ херувимъ она была
Обворожительно мила;
Въ ея лицѣ никто бъ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскiй взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!..
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принесть
Онъ рѣчь любви иль смерти вѣсть!..
Когда жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ, то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и вмигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!..
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

1829—1830 г.

---

*) Точки въ рукописи.

ЛИТВИНКА.

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей,
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы, шопотъ и веселья кликъ?..
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенiя друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто,—онъ больше не хотѣлъ.
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда,
Богатый въ мирѣ, славный на войнѣ,
Когда къ нему являлися они,—
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣнiемъ дышалъ его отвѣтъ:
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть-можетъ, самъ того не зналъ,—
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпой былъ прiученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсенiй молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась япанча,
Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
И часто стоилъ войска онъ одинъ...
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшiй нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ,—литовской сабли слѣдъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ.
И, возвратясь въ отцовскiй старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ

Онъ не хотѣлъ разсказывать женѣ;
И, въ часъ свиданья, радости слеза
Хоть оросила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужъ была...
Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны, облака,
Свободно сердце и любовь легка...

4.

Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырѣ, далеко отъ людей
(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвясь, не имъ дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизнь, и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
Ужель ей должно измѣнить ему?..
Печаль несчастной жертвы и законъ—
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для плѣнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей.

5.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно. Наконецъ
Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
Горы высокой—теремъ—озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ея
Чуть поднималъ отцовское копье.
Теперь гдѣ сынъ и мать?.. На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ;
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютня—передъ ней,
И, по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя.
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ,
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ—родина. Пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ.
Тамъ вольны дѣвы. Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: «Хочу любви твоей!..»

6.

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;
Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать и ненависть, тоску—
Учить любви святому языку;
Младую грудь къ волненью принуждать;
И страстью небывалой объяснять
Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумятъ;
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ;
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино.
Къ его игрѣ привыкнувши давно,
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ;
И ложная улыбка, громкій смѣхъ
Въ устахъ ея обманываютъ всѣхъ.
И, вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній, и литвинку обнялъ онъ;
И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нѣжнѣе шелка и душистѣй розъ,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый ликъ, отмѣченный войной.
Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
Невольной грусти, Клара говоритъ:
«Ты любишь ли меня?»—«Какой вопросъ!—
Воскликнулъ онъ.—Кто жъ больше перенесъ
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?.. И твой Арсеній не любилъ?!
Я—человѣкъ—я бъ могъ обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?..
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
У ногъ твоихъ... И если я не тутъ,
И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
Дворецъ и плаха для меня равны!
Досадой дни мои отравлены.
Я непороченъ у груди твоей,

Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колѣни голову склонивъ,
Я, какъ дитя, безпеченъ и счастливъ;
И теплое дыханье устъ твоихъ
Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!..
Ты рождена, чтобы повелѣвать:
Моя любовь то можетъ доказать.
Пусть я—твой рабъ, но лишь не рабъ судьбы!
Достойны ли тебя ея рабы?
Повѣрь, когда бъ меня не создалъ Богъ,
Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ!»

8.

«О, если бъ точно ты любилъ меня,—
Сказала Клара, голову склоня,—
Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
Ты говоришь: онъ—мой, а что мнѣ въ немъ?
Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ,
Но рѣчку ту не Виліей зовутъ;
И вѣтеръ здѣсь, колеблющій траву,
Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву...
Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
Безъ милой воли—что дары твои?»
И отвернулась Клара, и укоръ
Изобразилъ ея прекрасный взоръ.
Недвижимъ былъ Арсеній близъ нея,
И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

9.

Но что за гость является ночной?
Стучитъ въ ворота сильною рукой,
И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
Кричитъ: «Кто тамъ?»—«Впустите! Ночь темна...
Въ долинѣ буря свищетъ и реветъ,
Какъ дикій звѣрь, и тмитъ небесный сводъ.
Впустите обогрѣться хоть на часъ,
А завтра... завтра мы оставимъ васъ;
Но никогда въ моленіяхъ своихъ
Гостепріимный кровъ степей чужихъ
Мы не забудемъ...» Стражъ не отвѣчалъ;
Но ключъ въ замкѣ упрямомъ завизжалъ,
Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ;
Расхлопнулись ворота—и на дворъ
Два странника въѣзжаютъ. Фонаремъ
Озарены идутъ въ господскій домъ.
Широкій плащъ на каждомъ, и порой
Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
Не много пьютъ и меньше говорятъ.
Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
Употреблять не русскій онъ языкъ.
И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
Съ литвинки молодой и взоръ его
Для многихъ бы не значилъ ничего...
Но видно ей когда-то былъ знакомъ
Тотъ мрачный взоръ, подъ пасмурнымъ челомъ,
Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминалъ,—какъ знать!.. Не женскій страхъ
Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспѣшно отвернуть,
И бѣлою рукой закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

11.

«Ты поблѣднѣла, Клара?»—«Я боль-на...»
И въ комнату свою спѣшитъ она.
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блеститъ вдали, забытъ и одинокъ;
И вѣтеръ, нарушитель тишины,
Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесенъ.
И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ встревожившійся умъ!
О, если бъ кто-нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы ль?.. Но гдѣ и какъ узнать?..
Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
Покуда все, что небомъ ей дано,
Не превратятъ въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
Какъ упованья сладостный привѣтъ

Отъ сердца гонитъ память прошлыхъ бѣдъ.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть—онъ странствуетъ одинъ,
Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
И, придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?!
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни... Если бъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
Но, вотъ, опять!.. Такъ точно... Кто жъ поетъ?
Ты, плѣнница, узнала: вѣрно, тотъ,
Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ,
И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней...

13.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
И все, чѣмъ сердцу родина мила,
Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
Она схватила лютню, и струна
Звенитъ, звенитъ... и вдругъ, пробуждена
Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ. Она мгновенна лишь была,
И въ чьей груди родилась—умерла.
И понялъ, кто внималъ,—не мудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано;
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

14.

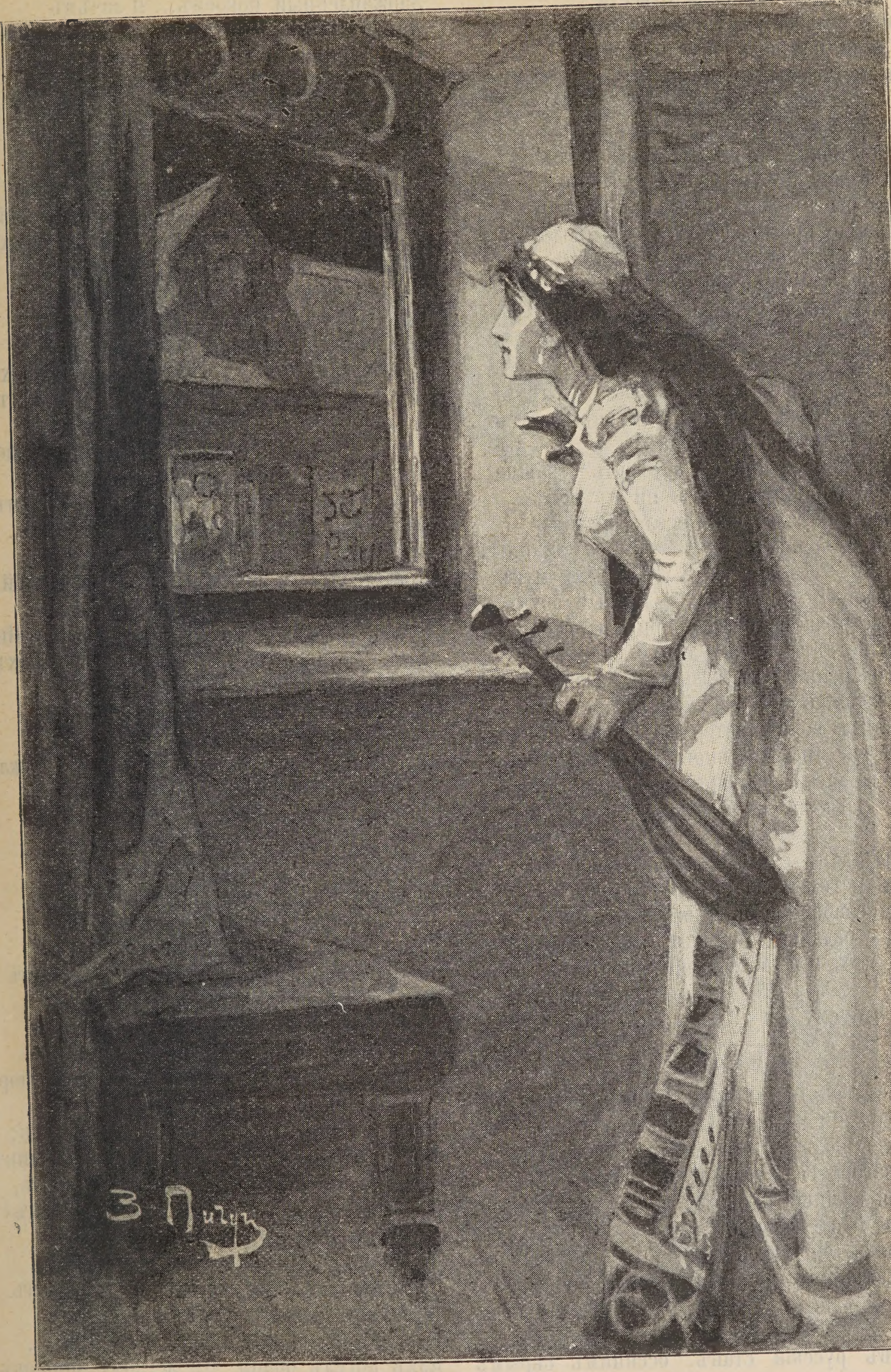
Взошла заря, и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ сномъ!
Тяжелый кинутъ на землю затворъ,
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ.
Съ бездѣйствіемъ отчаянья вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый съ состраданіемъ взиралъ,
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика,
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?..
Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ...
Понятно все: ихъ нѣтъ... И Клары нѣтъ!

15.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть.
Но, наконецъ, рѣшились. Онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ.
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ, былъ холоденъ, какъ ледъ;
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась;
И рѣчь отъ синихъ губъ оторвалась.
На клятву походила рѣчь его,
Но въ ней никто не понялъ ничего;
Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Ужъ было мертво, хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь...
Но что прошло, небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ? Кто мечтамъ
Назначилъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,



„Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ...“

Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести;
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день за днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть; но измѣнить!
И прежде презиралъ ужъ онъ людей,
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

17.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мірѣ — жертва тайныхъ мукъ.
Въ созвучіи вселенной — ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ...
Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ.
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ, —
Все, что ему еще завидно въ насъ...

18.

Противъ Литвы пошелъ великій князь.
Его дружины, местью воспалясь,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенникъ войны.
Желая защищать свои права,
Дрожитъ за вольность гордая Литва,
И клювы хищныхъ птицъ, и зубъ волковъ
Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

19.

И въ русскій станъ, осеннимъ сѣрымъ днемъ,
Явился разъ одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ
Боецъ, извѣстный храбростью своей,
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
Явился онъ? — Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой;
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

20.

Вдоль по рѣкѣ, съ бѣгущею волной,
Разноситъ вѣтеръ бранный шумъ и вой.
Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужъ отдѣленъ;
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
Все бой кипитъ, ужъ гнется русскій строй
И, окруженъ отчаянной толпой,
Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
Всѣ души чудной силою потрясъ?..
Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
Онъ безъ щита; онъ уронилъ шеломъ.
Вооруженъ сѣкирою стальной,
Предсталъ — и врагъ валится, и другой,
Съ запекшеюся кровью на устахъ,
Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушные кони
Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать:
Ихъ гонятъ, бьютъ, — они должны бѣжать.
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

21.

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ.
Онъ кровію рѣшился, наконецъ,
Огонь въ груди проснувшійся залить.
Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
Одно созданье!.. Кучи мертвецовъ
Вокругъ него простерты безъ щитовъ.
И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
Которымъ месть владѣетъ съ давнихъ поръ.
Арсеній шелъ, опередивъ своихъ,
Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ;
Когда жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,
То было поздно... «Вижу, часъ насталъ!»
Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
Своей послѣдней жертвы. «Это онъ!»
За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
Арсеній обернулся и хотѣлъ
Проклятье произнесть, но не успѣлъ...
Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шишакѣ,
Стояла Клара съ саблею въ рукѣ,
И юноши тѣснилися за ней.
И словомъ, и движеніемъ очей
Распоряжаясь пылкою толпой,

… „Воины, впередъ!
Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ

Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.
Кто первый мнѣ его покажетъ кровь, —
Тому моя рука, моя любовь“.

Она была, казалось, ихъ судьбой;
И, встрѣтивши Арсенія, она
Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: «Воины, впередъ!
Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.
Кто первый мнѣ его покажетъ кровь, —
Тому моя рука, моя любовь!»

22.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услыхалъ свой приговоръ,
«И ты противъ меня!» воскликнулъ онъ.
Но эта рѣчь была скорѣе стонъ.
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ...
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И, наконецъ, оно превозмогло.
Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ, —
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;
Хотя бъ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ; но, нѣтъ, онъ былъ далекъ
Отъ этихъ чувствъ, — онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрющей душой.
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать, —
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать...

23.

И опустѣлъ его высокій домъ;
И странниковъ не угощаютъ въ немъ,
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры; и гладкій полъ
Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой, молодой;
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ, —
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все — какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И, раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ одна нескромная луна...

24.

Есть монастырь... И тамъ, въ недѣлю разъ,
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью, передъ набожной толпой,
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей;
Никто объ немъ не плакалъ, лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она...
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной онъ былъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обманутъ былъ, съ такимъ умомъ,
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?..
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ — молода,
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ о ней и мыслитъ: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она...
Но что жъ? — Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!..

1830—1831 г.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

(Восточная повѣсть.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. М. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и — тобой!

Я дни мои влачу тоскуя,
И, въ сердцѣ образъ твой храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза — дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей.
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья,
И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвѣ; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались — сладостный удѣлъ:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный;
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,
И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ. — Почему жъ
Теперь томитъ его объятье,
И поцѣлуй его — проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами,
На немъ пещера есть одна —
Жилище змѣй — хладна, темна,
Какъ умъ, обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада — мѣсяцъ полный;
Съ ней говорятъ морскія волны;
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришелецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ.
Онъ *могъ* быть счастливъ, но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ — самъ былъ не лучше ихъ;
Искалъ великаго въ ничтожномъ;
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ... и людей...
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ

Заставить также охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она — хоть презрѣна — все богъ.
Одно сокровище — святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ:
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но что жъ? — Всегда ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій —
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!..
Такъ, міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ — Ада съ нимъ!
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ цвѣтъ душистый рая;
Все страстно въ ней — и грудь и станъ;
Глаза — два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье —
Огонь въ очахъ его родить,
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье.
И удалось ей. Зораимъ
Любилъ — съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
Судьбина ихъ соединила.
А разлучитъ — одна могила!..

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіяетъ,
Лучомъ въ пещеру ударяетъ;
И безпокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню — въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?..

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужъ не нужно намъ.

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ — колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣетъ.
«Но смерть», онъ мыслитъ, «не близка!
Рука — не жизнь; болѣзнь простая —
Все не кончина роковая!»
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ:
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады,
Или, быть-можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ...
Но скоро при огнѣ лампады
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли? — даже въ преступленьи
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ — и какъ не знать? —
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!..
И Ангелъ мыслью поражонъ,
Достойною небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ

Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ,
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть—не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ;
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои—
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!..

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла—
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
«Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ
Ѳднообразно дни влачить;
Я воленъ—но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнь?—давай мнѣ чашу славы,
Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ;
Я не вздрогну—я выпить радъ:
Не всѣ ль блаженства—лишь отравы?
Когда-нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ спокойну быть?—о, нѣтъ!..
Взгляни: за этими горами
Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
Стоятъ два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей
Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Итти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился
Я побѣжденнымъ—нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей,
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами
Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ оставлю только честь...
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала;
Но если бъ даже ты желала...
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!
Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?.. слезы! слезы!
О чемъ же плакать, ангелъ мой?»
И ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
«Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна—
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.
Волна—*твой* образъ, *мой*—цвѣтокъ;
Ты грустенъ—я грустна съ тобою.
Какъ знать?—быть-можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насъ!..»

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышитъ ароматъ?
Зачѣмъ?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится,
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день, какъ ночь, спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ
И обагрить не можетъ кровь

Чу!.. топотъ... пыль клубится тучей,
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны.
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе—и сразились;
И треску копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье—царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа... и побѣжденный
Ужъ не противится боецъ.
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И гордой важностью чела.—
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младого,
И шумно навзничь онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
И, грудь высоко подымая,
Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали...
О Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки—путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ;
Не вѣдалъ ты, что Ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье.—Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангелъ красоты—
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядитъ и ждетъ... но что же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! гдѣ Ангелъ утѣшенья?..
Гдѣ вѣстникъ рая молодой?—
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!..
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ!..
Все тихо вкругъ... онъ все нейдетъ!..

Она спускается въ долину,
И видитъ страшную картину...
Идетъ межъ труповъ, чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа;
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
—И вотъ недвижна!—Такова
Была бъ лилея надъ могилой!..
Гдѣ Зораимъ?—Что, если онъ
Убитъ?—Но чей раздался стонъ?..
Кто этотъ, раненый стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ?..
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!

«Ты здѣсь? теперь?—и ты ли, Ада?
О, твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ?.. Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда... что пользы въ этомъ?..
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,
И вижу... и приходъ мгновенья,

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.

Когда усну безъ сновидѣнья...
Никто—я самъ тому виной...
Я гибну!—Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.
Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди другого
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?..

«Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, если бъ, если бъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ...
О, кто бъ подумалъ! какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
Когда бъ сегодня рокъ жестокій
Не обманулъ надеждъ моихъ!..

«Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ—
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тутъ, какъ арфы дальній звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли,
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна, какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что на землѣ онъ озаряетъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:
Все, все, что можетъ онъ сказать—
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя, какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незваный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ—и вздрогнулъ—и вздохнулъ—
И умеръ.—Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго виденъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!..
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!..

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель *друга* въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ *нему*.
Все тотъ же онъ—и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать.
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой,
Людей узналъ онъ: «состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть!
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ;

Какъ мечъ—его пронзаетъ взоръ;
Его привѣтственныя рѣчи
Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!..
1831 г.

АУЛЪ БАСТУНДЖИ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

1.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежный.
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежный;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ—твой, всегда и всюду твой!..

2.

Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня, лелѣя, ты
Въ объятія изъ синяго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И надо мной, какъ остовъ великана,
Въ степи, обросшей мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.

3.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдыя,
Когда по нимъ, гремя, катился громъ
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры откликалися кругомъ...
Я понималъ ихъ звуки роковые;
Я въ край надъ снѣжной бѣлою горой
Леталъ на колесницѣ громовой!..

4.

Моей души не понялъ міръ,—ему
Души не надо; въ мракъ ея глубокій,
Какъ вѣчности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнетъ око.
И въ ней-то, недоступныя уму,
Живутъ воспоминанья о далекой
Святой землѣ... Ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я—твой! Я всюду твой!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшенныхъ грозой...

2.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ;
И въ знойный лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки, съ пикой за спиной,
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ,
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ,—пустынная змѣя
Изъ-подъ камней тихонько выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ; какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой объ немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: «скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?»

5

Въ аулѣ томъ, безъ ближнихъ и друзей,
Когда-то жили два родные брата;
И въ Пятигорьѣ не было грознѣй
И не было отважнѣй Акбулата.
Меньшой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ дней;
Какъ цвѣтъ весенній подъ лучомъ заката,
Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
Но искра въ немъ таилась и ждала.

6.

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рожденьемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ, преступленьемъ.
Онъ душу не обрадовалъ ничью.
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!..

7.

Онъ росъ одинъ, на волѣ, безъ заботъ,
Какъ птичка межъ землей и небесами.
Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ:
Порой въ степи, застигнутый мечтами,
Одинъ сидитъ до поздней ночи онъ,
И вкругъ него чудесный рѣетъ сонъ...

8.

А земляки—зачѣмъ, то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Паслись ихъ кони, и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ
Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
Въ бешметъ шелко́вый, праздничный одѣвъ,
Привлечь одной улыбки горныхъ дѣвъ.

9.

Сбиралась ли ватага удальцовъ
Отбить табунъ, иль бранною забавой
Потѣшиться, оставя бѣдный кровъ,
Имъ вслѣдъ съ усмѣшкой горькой и лукавой
Смотрѣли братья сумрачны, безъ словъ,
Какъ смотритъ облакъ иногда двуглавый,
Засѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣгъ луны,
Одинъ исполненъ грозной тишины.

10.

Дивились всѣ взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого ли,
Что никому они дѣла свои
Не повѣряли и надменной воли
Склонить предъ чуждой волей не могли,
Не знаю; тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой...

11.

Была ихъ сакля меньше всѣхъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленый.
Рядкомъ блистали, на стѣнахъ простыхъ,
Арканъ, сѣдло съ насѣчкой вороненой,
Два башлыка, двѣ шашки боевыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ граненый,
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
Былъ закопченъ въ дыму пороховомъ.

12.

Однажды Акбулата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. На долину
Туманъ ложился, какъ прозрачный дымъ,
И сквозь него, прорѣзавъ половину
Косматыхъ скалъ, какъ буркою, густымъ
Одѣтыхъ мракомъ,—дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозрѣвалъ задумчивый Бешту.

13.

Вдали тянулись розовой стѣной,
Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговыя;
Машукъ, склоняся лысой головой
Черезъ струи Подкумка голубыя,—
Казалось, думалъ тяжкою стопой
Перешагнуть въ владѣнія чужія.
Съ мечети слѣзъ мулла. Аулъ дремалъ.
Лишь въ крайней саклѣ огонекъ блисталъ...

14.

И ждетъ Селимъ: сидитъ онъ часъ, и два...
Гуляя въ полѣ, горный вѣтеръ плачетъ
И подъ окномъ колышется трава.
Но чу!.. далекій топотъ. Кто-то скачетъ...
Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ... Сперва
Спрыгнулъ одинъ, потомъ другой... Что это значитъ?
То не сайгакъ, не волкъ, не звѣрь лѣсной,—
Онъ прискакалъ съ добычею иной.

15.

И въ саклю молча входитъ Акбулатъ,
Самодовольно взорами сверкая.
Селимъ къ нему: «Ты загулялся, братъ!
И, чай, съ тобой не дичь одна лѣсная?»
И любопытно онъ взглянулъ назадъ,
И видитъ онъ: черкешенка младая
Стоитъ въ дверяхъ, мила, какъ херувимъ,—
И поблѣднѣлъ невольно мой Селимъ.

16.

И въ немъ, какъ будто пробудясь отъ сна,
Зашевелилось сладостное что-то...
— «Люби ее: она—моя жена!—
Сказалъ тогда Селиму братъ.—Охотой
Родной аулъ покинула она.
Нашъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
Отнынѣ будетъ.—Зара! вотъ моя
Отчизна, все мое богатство, вся семья...»

17.

И Зара улыбнулась, и уста
Хотѣли вымолвить слова привѣта,
Но замерли. Вдоль по челу мечта
Промчалась тѣнью. По словамъ поэта,
Казалось, вся она была слита
Какъ гурія, изъ сумрака и свѣта;
Бѣлѣй и чище раннихъ облаковъ
Являлась грудь, поднявшая покровъ.

18.

Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза чернѣе были;
Сквозь тѣнь рѣсницъ, исполнены душой,
Они блаженствомъ сердцу говорили.
Высокій станъ искусною рукой
Былъ стройно перетянутъ безъ усилій;
Сквозь черный шелкъ витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

19.

Змѣились косы на плечахъ младыхъ,
Оплетены тесемкой золотою,
И мраморъ плечъ, бѣлѣя изъ-подъ нихъ,
Былъ разрисованъ жилкой голубою.
Она была прекрасна въ этотъ мигъ,
Прекрасна вольной, дикой простотою,
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный душистою росою.

20.

Селимъ смотрѣлъ. Высоко билось въ немъ
Встревоженное сердце страстью новой.
Она горѣла... Пламеннымъ челомъ
Припалъ бы онъ къ груди ея перловой...
Онъ вздрогнулъ, вышелъ, сумраченъ лицомъ,
Кинжалъ рукою стиснувъ... На шелковой
Подушкѣ молча Акбулатъ лежалъ,
Курилъ и думалъ... О, когда бъ онъ зналъ!..

21.

Промчался день, другой... и много дней.
Они живутъ, какъ прежде, нелюдимо.
Но разъ... шумѣла буря; все чернѣй
Утесы становились. Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ мчащихся звѣрей,
Толпою рѣзвыхъ, жадныхъ псовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
Косматыя, какъ перья шишака.

22.

Очами Акбулатъ ихъ провожалъ
Задумчиво съ порога сакли бѣдной.
Вдругъ шорохъ. Онъ глядитъ: предъ нимъ стоялъ
Селимъ безъ шапки, пасмурный и блѣдный;
На поясѣ его висѣлъ кинжалъ;
Рука блуждала по оправѣ мѣдной;
Слова кипѣли смутно на устахъ,
Какъ бьется пѣна въ тѣсныхъ берегахъ.

23.

И юношѣ съ участіемъ живымъ
Братъ молвилъ: «Что съ тобой — не понимаю.
Скажи!»—«Я гибну!—отвѣчалъ Селимъ,
Сверкая мутнымъ взоромъ.—Я страдаю,
Одною думой день и ночь томимъ...
Я гибну!.. Ты ревнивъ, ты вспыльчивъ,— знаю.
Безумца не захочешь ты спасти,—
Такъ я виновенъ... Но... прости, прости!..»

24.

— «Скажи, тебя обидѣлъ кто-нибудь?..
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Иль конь пропалъ?.. Забудь о немъ, забудь,—
Въ горахъ коня красивѣе найду я.
Иль отъ любви твоя пылаетъ грудь
И чуждой дѣвы хочешь поцѣлуя?.
Ее увезть легко во тьмѣ ночной,
Она—твоя. Но молви: что съ тобо?»

25.

— «Легко спросить, но тяжко разсказать
И чувствовать!.. Молился я Пророку,
Чтобъ ангеламъ велѣлъ онъ ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку...
Ты видишь, есть ли слезы?.. О, не трать
Молитвъ напрасныхъ! Къ яркому Востоку
И Западу взывалъ я; но... въ моей
Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй!..

26.

«Я проклялъ небо. Осѣдлавъ коня,
Пустился въ степь. Безъ цѣли мы блуждали,
Не различалъ ни ночи я, ни дня...
Но вслѣдъ за мной мечты мои скакали.
Я гибну, братъ... Пойми, спаси меня!
Твоя душа не крѣпче бранной стали...
Когда я былъ ребенкомъ, ты любилъ
Ребенка,—помнишь это, иль забылъ?..

27.

«Послушай: бурно молодость во мнѣ
Кипитъ, какъ жаркій ключъ въ скалахъ Машука!
Но ты... Въ твоей суровой сѣдинѣ
Видна усталость жизни, лѣнь и скука.
Пускай ты можешь въ полѣ на конѣ
Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить;
Но... такъ, какъ я, не можешь ты любить!

28.

«Не можешь ты безмолвно цѣлый часъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безотвѣтный,
И утопать въ сіяньи милыхъ глазъ,
Тая въ груди, какъ месть, огонь завѣтный!
Обнявши Зару, я видалъ не разъ,
Какъ ты томился скукою примѣтной...
Я бъ отдалъ жизнь за поцѣлуй одинъ
Прекрасныхъ устъ, но ты — ихъ властелинъ!..»

29.

Какъ облакъ, бурей черною гонимъ,
Сталъ мраченъ ликъ суровый Акбулата;
Дрожь пробѣжала по усамъ сѣдымъ,
Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.
— «Что жъ произнесть рѣшился ты, Селимъ?!»—
Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата:
Какъ бѣдный рабъ онъ палъ къ его ногамъ
И волю далъ страданью и мольбамъ.

30.

— «Ты видишь, я погибъ... Спасенья нѣтъ...
Отчаянье, любовь—вездѣ, повсюду!..
О, ради прежней дружбы прежнихъ лѣтъ,
Отдай мнѣ Зару, уступи!.. Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай, сжалься!.. Нѣтъ,
Нѣтъ, ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но... видишь: вотъ—кинжалъ, а тамъ есть Богъ!..

31.

«Когда бъ хотѣлъ, я бъ могъ давно, повѣрь,
Упиться счастіемъ, презрѣть святое.
Но я подумалъ: нѣтъ, какъ лютый звѣрь,
Онъ растерзаетъ сердце молодое...
И вотъ пришло раскаянье теперь,—
Пришло, но поздно! Я ошибся вдвое...
И я—глупецъ, какъ хочешь назови—
Одинъ теперь, безъ дружбы и любви!..

32.

«Что медлить? Я готовъ. Не размышляй!
Одинъ ударъ и—мы спокойны оба.
Увы, минута съ ней—небесный рай,
Жизнь безъ нея — скучнѣй, страшнѣе гроба!..
Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшись, иль знай:
Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба.
Я вырву Зару изъ твоихъ когтей.
Она—моя, и быть должна моей!..»

33.

Умолкъ. Блѣднѣй снѣговъ склонился онъ;
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слилились въ невнятный стонъ,
Мучительный, ужасный... Сожалѣнье
Угрюмый братъ почувствовалъ. — «Какъ сонъ,
Пройдетъ, — сказалъ онъ, — время заблужденья!
Есть много звѣздъ — одна другой свѣтлѣй;
Красавицъ много безъ жены моей!

34.

«Что далъ мнѣ Богъ, того не уступлю,
А что сказалъ я, то исполню свято.
Пророкъ зритъ мысль и слышитъ рѣчь мою.
Меня не тронутъ ни мольбы, ни злато!»—
— «Прощай!.. Но если, если... я люблю,
Люблю ее!—сказалъ Селимъ, объятый
Тоской и злобой. — Я просилъ, скорбѣлъ...
Ты не хотѣлъ... Такъ помни жъ: не хотѣлъ!..»

35.

Его уста скривилъ холодный смѣхъ.
Онъ продолжалъ: «Все кончено отнынѣ!
Нѣтъ для меня ни дружбы, ни утѣхъ...
Благодарю тебя!.. Ты, какъ объ сынѣ,
О мнѣ заботился,—сказать не грѣхъ...
По волѣ нѣжилъ ты цвѣтокъ въ пустынѣ,
По волѣ оборвалъ его листы...
Я буду помнить, помни же и ты!..»

36.

Онъ отвернулся и исчезъ, какъ тѣнь.
Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
Мрачнѣй, чѣмъ громомъ опаленный пень.
Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
Скрипѣлъ полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
Безпечной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ...

37.

Такъ иногда одна въ степи чужой
Залетная пѣвица, птичка Юга,
Поетъ на вѣткѣ дикой и сухой,
Когда вокругъ шумитъ, бушуетъ вьюга,
И путникъ внемлетъ съ тайною тоской
И думаетъ: то, вѣрно, голосъ друга.
Его душа, живущая въ раю,
Сошла печаль привѣтствовать мою...

38.

Селимъ сѣдлаетъ вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещетъ; крѣпко обвивая
Сѣдло съ конемъ, сцѣпились два ремня;
Стремена равны; плетка шелковая
На орчагѣ мотается. Храпитъ,
Косится конь... Пора! садись, джигитъ!

39.

Горячъ и статенъ конь твой вороной!
Какъ раскаленный уголь, блещетъ око.
Нога стройна, косматый хвостъ трубой,
И лоснится хребетъ его высокій,
Какъ черный камень, сглаженный волной.
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Несется онъ подъ ловкимъ сѣдокомъ,
И голосъ твой давно ему знакомъ!..

40.

Вотъ молча на коня вскочилъ Селимъ,
Нагайкою махнулъ, привсталъ немного
На стременахъ... Затрепеталъ подъ нимъ
И захрапѣлъ товарищъ быстроногій.
Скачокъ, другой... ноздрями паръ, какъ дымъ,
И полетѣлъ знакомою дорогой,
Какъ пыльный листъ, оторванный грозой,
Летитъ, крутясь, по степи голубой!..

41.

Размашисто скакалъ онъ, и кремни,
Какъ брызги, разсыпясь, трещали
Подъ звонкими копытами. Они
Сырую землю мѣрно поражали;
И долго вслѣдъ ущелія одни
Другъ другу этотъ звукъ передавали,
И въ голубой дали онъ замиралъ,
Какъ будто бѣгъ коня ослабѣвалъ...

42.

Какъ духъ изгнанія, Селимъ исчезъ
За пеленой волнистаго тумана...
У табуна сторожевой черкесъ,
Дивяся, долго вслѣдъ ему съ кургана
Смотрѣлъ и думалъ: «Много есть чудесъ...
Великъ Аллахъ!.. Ужасна власть шайтана!
Кто скажетъ мнѣ, что этого коня
Хозяинъ мрачный — сынъ земли, какъ я?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Межъ виноградныхъ лозъ нагорный ключъ,
Отъ мирнаго аула недалеко,
Бѣжалъ по камнямъ, свѣтелъ и гремучъ.
Небесъ восточныхъ золотое око
Глядѣлось въ немъ, и плавалъ жаркій лучъ
Въ его волнѣ студеной и глубокой;
И мелкій дождь серебряныхъ цвѣтовъ
Въ него съ прибрежныхъ сыпался деревъ.

2.

Въ урочный часъ, когда на водопой
Бѣжитъ къ потоку сернъ пугливыхъ стая,
Шумя по листьямъ и травѣ густой,
По склону скалъ черкешенка младая
Идетъ купаться тайною тропой.
Нагую ножку въ воду погружая,
Она дрожитъ, смѣется... и вокругъ
Кидаетъ взглядъ, гдѣ дышитъ страсть и югъ...

3.

Не бойся, Зара,—всюду тишина!
Присядь на камень, сбрось покровъ узорный!
Вода въ ручьѣ прозрачна, холодна,
Смиритъ волненья груди непокорной
И освѣжитъ твой смуглый станъ она.

Но чу!.. Постой!.. Чей это шагъ проворный
Не въ добрый часъ раздался межъ кустовъ?..
Святой Пророкъ!.. Скорѣй, гдѣ твой покровъ?..

4.

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватаетъ руку Зары. Страстенъ, молодъ
Огонь руки сей... Сакля далека...
Что дѣлать?.. Въ грудь ея смертельный холодъ
Проникъ, какъ пуля мѣткаго стрѣлка,
И сердце громко билось въ ней, какъ молотъ...
— «Селимъ, ты здѣсь?.. Злой духъ тебя принесъ!
Зачѣмъ пришелъ ты?» — «Я?.. какой вопросъ!..»—

5.

— «Селимъ!.. О, я погибла!»—«Можетъ быть;
Такъ что жъ?» — «Ужель ни капли сожалѣнья?
Чего ты хочешь?»—«Я хочу любить!
Хочу! Ты видишь, какъ любви томленья
Меня измучили... Ахъ, скучно жить,
Какъ звѣрю, одинокимъ,—нѣтъ терпѣнья...
Насталъ послѣдній срокъ! Я снова здѣсь,
Я твой навѣкъ—душой и тѣломъ—весь!..

6.

«Я зналъ, что вашъ Пророкъ — не мой пророкъ,
Что люди—мнѣ чужіе, а не братья!..
Я странствовалъ въ пустынѣ одинокъ
И мраченъ, какъ печальный духъ проклятья.
Безъ страха я давно бъ въ могилу легъ,
Но холодны сырой земли объятья...
Ахъ, я мечталъ хоть мигъ одинъ заснуть,
Мою главу склонивъ къ тебѣ на грудь!..

7.

«Бѣги со мной!.. Оставь свой бѣдный домъ!
Я молодъ, свѣжъ; твой мужъ — старикъ суровый...
Рѣшись, спѣши: мнѣ тайный путь знакомъ;
Мое ружье вѣрнѣй стрѣлы громовой;
Кинжалъ мой блещетъ гибельнымъ лучомъ;
Моя рука быстрѣй, чѣмъ взглядъ и слово;
И у меня жилище есть въ горахъ,
Гдѣ отыскать насъ можетъ лишь Аллахъ!

8.

«Мой домъ изрытъ въ разсѣлинахъ скалы.
Въ немъ до меня два барса дружно жили;
Узнавъ пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянувъ, бросились, завыли...
Я ихъ убилъ,—и въ тотъ же день орлы
Кровавые останки растащили;
А шкуры ихъ у входа, по бокамъ,
Висятъ теперь на страхъ другимъ звѣрямъ.

9.

«Тамъ ложе есть изъ моха и цвѣтовъ;
Родникъ бѣжитъ по камнямъ разноцвѣтнымъ,—
Его питаетъ влага облаковъ,
И по лугамъ змѣится онъ привѣтнымъ...
Бѣги со мной!.. и никому слѣдовъ
Твоихъ не разыскать въ краю завѣтномъ!
И только мѣсяцъ съ солнцемъ золотымъ
Узнаютъ, какъ и кто тобой любимъ!..»

10.

Обнявши станъ ея полунагой,
Едва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской...
Она молчала. Тонкими вѣтвями
Чуть вѣтеръ шелестилъ, и парилъ зной,
И тѣни листьевъ пестрыми рядами
Играли на челѣ ея... Она
Стоитъ недвижная, безъ словъ, блѣдна...

11.

— Рѣшись же, Зара,—ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?.. Что такое: слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана врагу?
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь?.. Нѣтъ, я лгу—
Твои уста, нѣжнѣй иранской розы,
Жестокаго не могутъ произнесть!..
Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но... жалость есть!..

12.

«О, какъ бы я былъ счастливъ, какъ богатъ
Подъ звѣздами Аллы одинъ съ тобою!..
Скажи: тебя не любитъ Акбулатъ?
Онъ золъ, ревнивъ, онъ пасмуренъ душою
И рѣчь его хладнѣе, чѣмъ булатъ?
Онъ для тебя постылъ!.. Бѣги со мною!
Но ты качаешь молча головою,—
Не онъ тобой любимъ!.. Такъ кто жъ другой?

13.

«Скорѣй отвѣтствуй, кто онъ, — назови!
Я вытержу зловѣщее названье...

Я обниму, какъ брата, и... въ крови
Запечатлѣю братское лобзанье.
Кто жъ онъ — счастливецъ, царь твоей любви?
Пускай придетъ, презрѣвъ мое страданье,
При мнѣ тебя и нѣжить, и ласкать!..
Я радъ смотрѣть, клянусь!.. и радъ молчать...»

14.

И онъ склонилъ мятежную главу,
И онъ закрылъ лицо свое руками;
И видно было ей, какъ на траву
Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
Безъ смысла и безъ звука, наяву—
Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
И, наконецъ, припалъ къ землѣ сырой,
Самъ, какъ земля, холодный и нѣмой...

15.

И стало жаль Селима ей... И вдругъ
Заговорила голосомъ печали:
— «Отецъ мой былъ великій воинъ: югъ
И сѣверъ, и востокъ объ немъ слыхали.
Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали.
Я—дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну, но... не измѣню!

16.

— «Оставь меня,—я счастлива съ другимъ!»—
— «Не вѣрю я!.. Ты счастлива?» — «Конечно».—
— «Онъ мой злодѣй, мой врагъ!!» — «Селимъ! Селимъ!
Кто жъ виноватъ?.. Скажи, ужели вѣчно
Не примиритесь вы?» — «Мириться, съ нимъ?..
Да кто же я, чтобъ мукою сердечной
Дразнить людей и небо?» — «Ты жостокъ!»
— «Какъ быть, такую душу далъ мнѣ рокъ!..»—

17.

— «Прощай,—ужъ поздно».—«Богъ разсудитъ насъ!
Но если я съ тобой увижусь снова,
То это будетъ, знай, въ послѣдній разъ!..»
Онъ быстро всталъ и болѣе ни слова
Онъ не сказалъ и скрылся... День угасъ;
Лишь блѣдный лучъ изъ-за Бешту крутого
Едва скользилъ прощальной полосой
Вдоль по челу черкешенки младой.

18.

Селимъ не возвращался. Акбулатъ
Спокоенъ,—онъ не видитъ, что порою
Его жены доселѣ ясный взглядъ
Туманится невольною слезою...
Вотъ разъ съ охоты ѣхалъ онъ назадъ;
Аулъ дремалъ въ тѣни, таясь отъ зною;
Сходя съ мечети тихою стопою,
Ему мулла киваетъ головой

19.

И говоритъ: «Куда спѣшишь, мой сынъ?
Не лучше ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесъ прямой всегда, вездѣ одинъ
И служитъ только родинѣ да волѣ!
Черкесъ—землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшенъ болѣ,
Какъ только онъ, послушавшись меня,
Жену покинулъ и купилъ коня!»

20.

— «Молись Пророку и Аллѣ, мулла,
И не мѣшайся ты въ дѣла чужія;
Твой вѣренъ глазъ,—моя вѣрнѣй стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!»
Мулла жъ въ отвѣтъ: «Я не желаю зла...
Самъ вспомнишь ты совѣты золотые!»
Смутился Акбулатъ, потупилъ взоръ
И скачетъ онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

21.

Съ дрожащимъ сердцемъ въ саклю входитъ онъ;
Глядитъ—на ложѣ смятомъ и разрытомъ
Кинжалъ знакомый блещетъ безъ ножонъ...
Любимый конь не ржетъ, не бьетъ копытомъ,
Нейдетъ навстрѣчу Зара... Мертвый сонъ
Повсюду, лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень... Онъ невзвидѣлъ дня:
Нѣтъ ни жены, ни лучшаго коня!..

22.

Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ, какъ мертвецъ,
Пронзенный сзади пулею несмѣлой,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ,
Присѣлъ онъ на порогъ, и что кипѣло
Въ его груди, то знаетъ лишь Творецъ!
Часы бѣжали. Небо потемнѣло;
Съ росой на землю пала тишина;
Изъ тучъ косматыхъ глянула луна.

23.

Блѣднѣй луны сидѣлъ недвижимъ онъ...
Вдругъ слышитъ топотъ — ближе, все яснѣе.
Вотъ мчится въ полѣ конь; какъ легкій дымъ,
Волною грива хлещетъ вдоль по шеѣ,

И вьется что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало... Конь летитъ быстрѣе...
Знакомый бѣгъ... Вотъ близко прискакалъ,
Но вдругъ затрясся, захрипѣлъ и палъ..

24.

Недвижно, безъ дыханья конь лежитъ...
На немъ, колеблясь, плещетъ покрывало,
По вѣтру развѣваясь, и бѣжитъ
Кровь, чуть примѣтно, струйкой алой...
Къ коню въ смущеньи Акбулатъ спѣшитъ;
Лицо надеждой снова заблистало:
— «Спасибо, другъ, не выдалъ ты меня!»—
И гладитъ онъ издохшаго коня.

25.

Вотъ покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой приподнялъ рукою.
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ: о, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпіонъ, свинецъ
Впился, насытясь кровью молодою;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣдлу надежнымъ прикрѣпленъ узломъ.

26.

Какъ ранній снѣгъ, бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганная кровью, и луна,
По гладкому челу скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый призракъ сна,
Послѣдняя улыбка исчезала
И, опустясь, рѣсницы бахромой
Бездушный взоръ таили подъ собой.

27.

Узналъ ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой,
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарой,
Плѣнялъ тебя лишь день тому назадъ?..
Все стало ясно—и надъ мертвой Зарой
Терзаетъ грудь и рветъ одежды онъ,
Зоветъ ее, но... крѣпокъ мертвыхъ сонъ!..

28.

И въ ту же ночь, за часъ передъ зарей,
Съ мечети грянулъ вѣщій звукъ набата.
Народъ сбѣжался: какъ маякъ ночной,
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры злата.
И чей-то смѣхъ, мучительный и злой,
Сквозь дымъ и пламя вылеталъ порой.

29.

И ницъ упалъ испуганный народъ...
«Молитесь, дѣти!.. Это — смѣхъ шайтана!»—
Сказалъ мулла таинственно, и вотъ
Какой-то тайный стихъ изъ Алкорана
Запѣлъ онъ громко... Но огонь реветъ
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольбамъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

30.

И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось,
И серна горъ, лежавшая въ кустахъ,
Послышавъ крикъ, вздрогнула, пробудилась,—
Ее невольно обнялъ смутный страхъ,—
И быстрымъ бѣгомъ въ горы устремилась;
И, спавшіе подъ сѣнію скалы,
Взвилися съ крикомъ дикіе орлы.

31.

Да упадетъ проклятіе людей
На жизнь Селима! Пусть въ степи палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пускай булатъ въ рукѣ его дрожащей
Измѣнитъ въ битвѣ, и въ кругу друзей
Тоска туманитъ взоръ его блестящій!
Пускай одинъ, бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышитъ за собой!

32.

Да упадетъ проклятіе Аллы
На голову убійцы молодого!
Пускай умретъ не въ битвѣ — отъ стрѣлы,
А дома,— отъ разбойника ночного,
Иль полумертвый на хребтѣ скалы
Три ночи и три дня лежитъ безъ крова!
Пусть зной палитъ и бьетъ его гроза,
И хищный коршунъ выклюетъ глаза!..

33.

Когда придетъ, покинувъ выси горъ,
Его душа къ обѣщанному раю,—
Пускай Пророкъ свой отворотитъ взоръ
И грозно молвитъ: «Я тебя не знаю!..»
Тогда, понявъ язвительный укоръ,
Воскликнетъ онъ: «Прости мнѣ, умоляю!..»
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ:
«Ты былъ жестокъ — и я съ тобой жестокъ!»

34

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ;
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...

И ницъ упалъ испуганный народъ...
„Молитесь, дѣти!.. Это — смѣхъ шайтана!“ —
Сказалъ мулла таинственно, и вотъ
Какой-то тайный стихъ изъ Алкорана
Запѣлъ онъ громко...

Лишь иногда, въ туманный день, черкесъ,
Объ немъ вздохнувъ, разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ... И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: «Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?..»

1831—1832 г.

ИЗМАИЛЪ БЕЙ.

(Восточная повѣсть.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ—
Она поетъ о солнцѣ юга...
И ты, звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ.
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки:
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты въ другихъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:
Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ-вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся, какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья—и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые,
Какъ стражи окликаются ночные;
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ, какъ цвѣты небесъ и рая!..
Въ вечерній часъ дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ:
Лиловыя, съ багряными краями,
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!..

III.

И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ — свобода, ихъ законъ — война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбэка,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою;
И не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,

Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ.
И подъ столѣтней мшистою скалою
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть-можетъ, онъ о родинѣ молился;
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ.

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальный:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы, какъ тайна, онъ погибъ со мною;
Пускай ему не внемлютъ—до конца
Я доскажу. Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила...

VI.

Давнымъ-давно у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится [1]),
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли;
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный:
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали;
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали.

VII.

Не все судьба голубитъ насъ,
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепеща жены близъ мужей
Держали плачущихъ дѣтей.
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что взять съ собою не могли;
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ,
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле,
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ—не болѣ.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Магомета? прорицанье?
О, нѣтъ! примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть.—
Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть—кинжалъ двойной;
И страхъ насильства и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы.
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
«Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
Оставимъ мы утесы горъ;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуютъ надѣть оковы!»
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ
Иль облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX.

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
Готовятъ мщеніе народы,
И пятый годъ ужъ настаетъ,
А кровь джяуровъ не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродящій отдохнулъ,
Построенъ новый былъ аулъ
[Его слѣдовъ не видно нынѣ],

[1]) Машукъ и Бешту—двѣ главныя горы.

Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой.
Ужъ Росламбэкъ съ береговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ;
Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
Готовитъ стрѣлы и кинжалъ;
Скопилась месть ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ;
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

X.

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
Между Желѣзной и Змѣиной [1]),
Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ
Цвѣтущей, узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ налѣво и направо,
Какъ бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

XI.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью пораженъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ—
Чего-то, мнится, не находитъ,
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ—
Все пусто. Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый.

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ.
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ;
И какъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся—онъ черкесъ.
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесъ.
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны.
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у береговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII.

Какъ наши юноши, онъ молодъ,
И хладенъ блескъ его очей;
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ.
Пусть будетъ это сердце камень—
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ.

XIV.

И все прошедшее явилось,
Какъ тѣнь умершаго ему,
Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
Богъ вѣсть, и какъ и почему.
Онъ въ поле выѣхалъ пустое—
Вдругъ слышитъ выстрѣлъ—что такое?
Какъ будто насмѣхъ, звукъ одинъ,
Жилецъ ущелій и стремнинъ,
Трикраты отзывъ повторяетъ.
Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
И вотъ съ винтовкой безъ штыка

---

[1]) Двѣ горы, находящіяся рядомъ съ Бешту.

Въ кустахъ онъ видитъ казака;
Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
Росою съ листьевъ окропленный,
Блистая радужнымъ хвостомъ,
Лежалъ въ травѣ пробитъ свинцомъ.
И ближе путникъ подъѣзжаетъ,
И чистымъ русскимъ языкомъ:
«Казакъ, скажи мнѣ», вопрошаетъ,
«Давно ли пусто здѣсь кругомъ?»
— «Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
Неустрашимый твой народъ;
Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся...
Тому сегодня пятый годъ».

XV.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою
Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
Подъята съ шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье:
Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
Лежитъ насмѣшливый казакъ.
Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
Въ немъ пробудился духъ природный
Онъ пощадить не могъ никакъ,
Онъ удержать не могъ удара.
Какъ въ тучахъ зарево пожара,
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился; и блистали,
Какъ лезвее кровавой стали,
Глаза его—и въ этотъ мигъ
Душа и адъ—все было въ нихъ!
Оборотясь съ улыбкой злобной,
Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ-
Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбкою подобной.
Волною поднялася грудь;
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
Холодный потъ съ чела крутого
Катился, но изъ устъ—ни слова.

XVI.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ,
Одно мгновенье на курганѣ
Онъ черной птицею мелькнулъ,
И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится.
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится.

XVII.

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть;
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ—
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей
И такъ отмститъ за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю васъ,—онъ шепчетъ,—знаю!
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня...»
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ, какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми,
И путникъ мнитъ: «недалеко;
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко».

XVIII.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны, какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣтъ —
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ.
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй;
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,

Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился,
Межъ скалъ незыблемыхъ, одинъ
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучомъ зари освѣщены;
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною;
Такъ сталь кольчуги иль копья
[Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомъ],
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокій
Одѣлся буркою широкой;
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась; вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталъ... Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ [слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной].
Въ недоумѣньи надъ скалой
Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ—и снова
Садится на коня лихого;
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ ущельѣ томъ:
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ;
Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя;
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено —
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. «Великій Магометъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?» — «Я странникъ!» — былъ отвѣтъ —
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ,
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Пріѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ,
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, къ былому;
Проходитъ непримѣтно часъ—
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ лезгинецъ; ужъ давно
[Такъ было Небомъ суждено]
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ;

При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихіе сыновья.
Живетъ добычей вся семья.
Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять — имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любого уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы
Сегодня дома лишь одинъ,
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ; онъ почти не дышитъ
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая.

XXV.

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, въ движеньи черныхъ глазъ —
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалится образъ милый —
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что было,
И заблужденью онъ повѣритъ вновь.

XXVI.

Нѣжна, какъ пери молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила — какъ намъ въ краю чужомъ
Межъ звуковъ языка чужого
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно мила,
Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темницы
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ — ужъ вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала;
Она понравиться желала —
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала
Итти ли? Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвее
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... Смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ;
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ: но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ — ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!..
Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесетъ;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ...

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ.

Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И, какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей, —
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой
Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать;
Коль обласкаетъ — такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ
Ужъ и себѣ не вѣритъ онъ·
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей,
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла:
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ;
И часто думаютъ они,
Что ихъ излѣчитъ край далекій,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни,
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго вслѣдъ
И мыслитъ: «нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья;
Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится.

XXX.

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной;
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цѣловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?..»
. . . .

XXXI.

Пора! яснѣетъ ужъ востокъ:
Черкесъ проснулся, въ путь готовый
На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ
Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто жъ коня ему подводитъ?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
«Твой конь готовъ; моей рукой
Надѣта бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блеститъ кубанская насѣчка,
И бурку черную ремнемъ
Я привязала за сѣдломъ.
Мнѣ это дѣло вѣдь не ново,
Любезный странникъ, все готово.
Твой конь прекрасенъ; не страшна
Ему утесовъ крутизна;
Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
Въ немъ дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Какъ камень, сглаженный потокомъ;
Какъ уголь, взоръ его блеститъ,
Лишь наклонись — онъ полетитъ;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
Отъ вражьей шашки и кинжала
Въ степи глухой, въ недобрый часъ.

XXXIII.

«Но погоди въ стальное стремя
Ступать поспѣшною ногой;
Послушай, странникъ молодой,
Какъ знать? быть-можетъ, будетъ время,
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ;
И если чаша пированья
Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони отъ сердца поскорѣй;
Но если эта мысль родится
Но если образъ мой приснится
Тебѣ въ страдальческую ночь —
Услышь, услышь мое моленье:
Не презирай то сновидѣнье,
Не отгоняй тѣ мысли прочь.

XXXIV.

«Пріютъ нашъ малъ, зато спокоенъ;
Его не тронетъ русскій воинъ.
И что имъ взять? — пять-шесть коней
Да наши грубыя одежды?..
Повѣрь ты скромности моей,
Откройся мнѣ, куда надежды
Тебя коварныя влекутъ?
Чего искать? — Останься тутъ,
Останься съ нами, добрый странникъ!
Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
Ты отъ земли своей отвыкъ,
Ты позабылъ ея языкъ.
Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждетъ тебя — не знаю.
Пусть мой отецъ твердитъ порой,
Что безъ малѣйшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны—
По мнѣ отчизна только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ.

XXXV.

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
Послушай, часъ одинъ, не болѣ
Пробудь, жестокій, близъ меня;
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжетъ,
Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;
А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
Главу мнѣ на руку склони;
Твоихъ рѣчей услышать звуки
Еще желала бъ я хоть разъ;
Не удержу вѣдь счастья часъ,
Не прогоню вѣдь часъ разлуки?..»
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ ѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся — испугался,
И, состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

«Не обвиняй меня такъ строго;
Скажи, чего ты хочешь — слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ,
Щадить — мнѣ власти не дано.
И не простого человѣка
[Хотя въ одеждѣ я простой],
Утѣшься, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Росламбэка.
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ... Прости, прости!..»

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдаленьи умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.
О Зара, Зара, краткою мечтою
Ты дорожила — гдѣ жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другого;
Все, что прошло, ты оживляешь снова!..
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ и ждетъ его она —
И, постепенно вѣтромъ разносимый,
Все ближе, ближе топотъ — и все мимо...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь — и близокъ онъ — и вдругъ погасъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится.
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая

Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ — волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь.

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно изгнанный врагомъ народъ
Аулъ построилъ свой и ждалъ мгновенья,
Когда свершить придуманное мщенье.
Черкесъ готовилъ дерзостный набѣгъ,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбэкъ,
Склонялся передъ русскими смиренно:
А между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разорялъ во тьмѣ ночной;
И, возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,
Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;
Не должно мыслей открывать своихъ,
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта.
Старайся первымъ быть вездѣ, всегда;
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много успѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
И почиталъ нуждою — принужденья;
Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,
И не проси никакъ вознагражденья;
Народъ — ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать — но украдь.

IV.

У Росламбэка братъ когда-то былъ;
О немъ жалѣютъ шайки удалыя;
Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
Чтобъ знать законы и права чужія.
Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
Его баюкалъ бури вой мятежный.
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза.
Въ пещерѣ темной — гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ —
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ.

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не знавалъ:
Не у груди — подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣта;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ о немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ

Въ мечтаньяхъ видитъ ужъ черкесъ:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы...

Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;

По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣда.

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами

Стрѣльба затихнула; темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему не нуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ — онъ пѣвецъ.

Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

IX.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить — завидна доля,
Но еще милѣе воля.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ;
Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ.
Отчего? — жена заплачетъ!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Не измѣнитъ добрый конь:
Съ нимъ и въ воду и въ огонь;
Онъ, — какъ вихрь въ степи широкой;
Съ нимъ — все близко, что далеко.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

X.

Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три узденя за ними вслѣдъ.
«Великъ Алла и Магометъ!»
Воскликнулъ князь. «Сама могила
Покорна имъ! Въ странѣ чужой
Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
Вы узнаете ль Измаила?..
Между врагами онъ возросъ,
Но не призналъ онъ ихъ святыни,
И въ наши синія пустыни
Одну лишь ненависть принесъ»

XI.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ жъ Росламбэкъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода?
Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла?
И что же вышло? — Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ — и властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Внимая черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ.
Ей все плѣнительно, что ново.
«Простынетъ!» мыслитъ Росламбэкъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ:
Ея насмѣшливый призракъ
И днемъ, и ночью духъ тревожитъ.

XII.

Война! знакомый людямъ звукъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана —
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!
«Смотри, какъ всякій биться радъ
За дѣло чести и свободы!..
Такъ точно было въ наши годы,
Когда насъ велъ Ахметъ-Булатъ!»
Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

XIII.

Зима проходитъ; облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,

Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего,
И бѣлыхъ путниковъ его,
Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце: такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный
Льстецовъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему.

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той:
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давитъ подъ собой.
Къ аулу нѣтъ пути иного;
И мыслятъ горцы: «врагъ лихой!
Тебѣ могила ужъ готова!»
Но прямо врагъ идетъ на нихъ,
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
— И Росламбэкъ совѣтъ сзываетъ.
Онъ говоритъ: «Въ тиши ночной
Мы нападемъ на ихъ отряды,
Какъ упадаютъ водопады
Въ долину сонную весной...
Погибнутъ молча наши гости,
И ихъ разбросанныя кости,
Добычаврановъ и волковъ,
Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ,
И втайнѣ местію кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ».

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
Я видѣть, видѣть кровь люблю;
Хочу, чтобъ мною пораженный
Зналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
И даже болѣе чѣмъ ты;
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не увижу!
Иную месть родной странѣ,
Иную славу надо мнѣ!..»
И поединка ожидали
Межъ братьевъ молча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ — всѣ еще молчали...

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.
Здѣсь, три столѣтья очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда надменный съ новыхъ скалъ
Стрѣлой Пророку угрожалъ.
Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохомъ, ни кустами
Не зарастаетъ никогда;
Пестрѣя чудными слѣдами,
Она ведетъ Богъ вѣсть куда.
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмелемъ и плющемъ,
Лежитъ полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышитъ,
Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ,
И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ — и вотъ онъ мчится,
Терновъ колючихъ не боится
И хмель коварный грудью рветъ —
Но, вольный путь пересѣкая,
Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ незримая рука
Царя лѣсовъ останавляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жъ подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склоняя,

Лежитъ поодаль Измаилъ.
Его приверженцы хотѣли
Итти за нимъ — но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата;
Но люди, люди — что природа имъ?
Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
Ужъ клевета и зависть — все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что̀ бъ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья ль созданъ Измаилъ?
Бываютъ люди: чувства имъ — страданья,
Причуда злой судьбы — ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ древле въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами...
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ — и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ:
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

«Безсмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый молвой,
Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ,
Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ — и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой:
Ты жмешь ей руку; грудь ея и плечи
Цѣлуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ — все предъ тобой, какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться...
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?»
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
Вдругъ выстрѣлъ, два, и много... онъ вскочилъ,
И слушаетъ... но все утихло снова...
И говоритъ онъ: «Это сонъ больного!»

XX.

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится,
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что̀ же? Призракъ видитъ онъ:
Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу:
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый.
— «Чего ты хочешь отъ меня? —
Гостепріимства и защиты?»
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
«Свой путь въ горахъ я потерялъ,
Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
И казаковъ моихъ убили,
И вѣрный конь подъ мною палъ.
Спасти, убить врага ночного
Равно ты можешь. Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!»
— «Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь — садись и грѣйся».

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была,
Свѣтила на небѣ блистали,
Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новыя мечты:
Онѣ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
— «Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой.
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю
И степь свою не отдадимъ

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится,
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что же? Призракъ видитъ онъ:

Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой.

За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ?
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?»

XXII.

«Ты ошибаешься, черкесъ!»
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
«Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ, и темный лѣсъ;
Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
Встрѣчая пышную зарю,
И ваше племя я люблю;
Но одного я ненавижу:
Черкесъ онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой —
Себѣ, иль князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чему опять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мнѣ укоръ;
Но выслушай, ты все узнаешь,
И самъ досадой запылаешь...

XXIII.

«Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ;
Но, образованный межъ нами,
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался:
Для нашихъ женщинъ — онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ воображенье,
Повелѣвалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ наслажденье
Не почиталъ онъ никогда;
Не знаю, было то презрѣнье
Къ законамъ стороны чужой
Или испорченныя чувства...
Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой;
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

XXIV.

«Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
Свободы нѣжныхъ дочерей:
Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
Ты не любилъ!.. Ни словъ опасныхъ,
Ни устъ волшебныхъ не знавалъ;
Кудрями дѣвы золотыми
Ты въ упоеньи не игралъ;
Ты клятвамъ страсти не внималъ
И не былъ ты обманутъ ими...
Но я любилъ!.. Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно къ безднѣ подводила...
И ждалъ я счастливаго дня!
Своей невѣстой дорогою
Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
И съ райской дѣвой забывать,
Что рая нѣтъ ужъ подъ луною.
И вдругъ ударилъ страшный часъ —
Причина долголѣтней муки:
Призывъ войны, отчизны гласъ,
Раздался вѣстникомъ разлуки.
Какъ дымъ, разсѣялись мечты...
Тотъ день я буду помнить вѣчно...
Черкесъ, черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
Ни съ кѣмъ не разставался ты?..

XXV.

«Въ то время Измаилъ случайно
Невѣсту увидалъ мою,
И страстью запылалъ онъ тайно.
Межъ тѣмъ, какъ въ дальнемъ я краю
Искалъ въ бояхъ конца, иль славы —
Сластолюбивый и лукавый,
Онъ сердце дѣвы молодой
Опуталъ сѣтью роковой.
Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
Къ себѣ довѣренность вселять,
Насмѣшкой скромность побѣждать,
И, побѣждая, видъ покорный
Хранить — иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать предъ ней!..
Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
Ея желанья; вѣдалъ онъ,
Что быть не могъ ея супругомъ,
Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ —
И обольщенная упала
На грудь убійцы своего!
Кромѣ любви, она не знала,
Она не знала ничего...

XXVI.

«Но скоро скуку пресыщенья
Постигъ виновный Измаилъ.
Таиться не было терпѣнья,
Когда погасъ минутный пылъ;
Оставилъ жертву обольститель
И удалился въ край родной,
Забывъ, что есть на небѣ мститель,
А на землѣ еще другой!
Моя рука его отыщетъ
Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
И казни грозный мечъ просвищетъ
Надъ непреклонной головой.

Пусть ликъ одежда измѣняетъ;
Не взоръ — душа врага узнаетъ!..

XXVII.

«Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
Какъ справедлива месть моя.
Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ!..
О, если бъ могъ пересказать я,
Изобразить ужасный часъ,
Когда прелестное созданье
Я въ униженьи увидалъ
И безотчетное страданье
Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!
Она разсудокъ потеряла:
Рядилась, пѣла и плясала,
Иль, сидя молча у окна,
По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
Ждала измѣнника она.
Вся жизнь погибшей дѣвы милой
Остановилась на быломъ;
Ея безумье даже было
Любовь къ нему и мысль о немъ...
Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!..»
И долго русскій говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну.
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ да Богъ единый,
Что̀ подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
[Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады],
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля, и мрачный и нѣмой.

XXVIII.

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные:
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь — и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ:
Все въ мірѣ есть — забвенья только нѣтъ...

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою,
И по челу провелъ рукою;
Но грусть — жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зная думать что о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все; то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ.
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли —
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
Тогда черкесъ остановился,
За руку путника схватилъ
И кто бы, кто не удивился?
По-русски съ нимъ заговорилъ:

XXXI.

«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь итти въ шатры свои.
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Страшись; быть-можетъ,
Раскаянье прибавишь къ ней.
Болѣзни этой не поможетъ
Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
Ты губишь прелесть юныхъ дней.
Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри жъ: онъ здѣсь передъ тобой!»
И съ видомъ гордаго презрѣнья

Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ..
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный, стоялъ.

XXXII.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава иль могила,
Имъ все равно, лишь только бъ съ нимъ,
Но не могла бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбэкъ!
[Таковъ повсюду человѣкъ.]

XXXIII.

Сидятъ наѣздники безпечно.
Курятъ турецкій свой табакъ;
И князя ждутъ они. «Конечно,
Когда исчезнетъ ночи мракъ,
Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
Смиритъ враждебныя дружины,
И вздрогнутъ передъ нимъ они,
Какъ Росламбэкъ и уздени!»
Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ —
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ — хоть могилу;
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубитъ казака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,
Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь и ночью темной
Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно было бъ отгадать,
Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже,
Хранитъ причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей,
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесъ! и западъ, и востокъ,
Быть-можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настанетъ часъ — и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ.

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты.
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей;
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою;
Но жены горъ не съ женскою душою:
За поцѣлуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ —
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ.
«Отмсти, товарищъ!» и въ одно мгновенье
[Достойное за смерть убійцы мщенье]
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ — черкесской вольности костеръ.

III.

Въ аулѣ дальнемъ Росламбэкъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ,
Но у него коварныя есть думы —
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаилъ? — Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;

Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они — какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгновенье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну — за друзей онъ мстилъ
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ.
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить:
И не родной аулъ — родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, и тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разыгрался,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
Скользнулъ огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
Недвижныхъ также — но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно — Измаилъ.
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ —
И веселъ трудъ ему и страхъ.

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой:
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жестко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ.

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился.
Быть-можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
«Ты могъ забыть? — любви не нужно
Одной лишь нѣжности наружной...
Оставь же!» сонный говорилъ.
— Кого оставить? — князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣнье?
На всемъ лежитъ его презрѣнье...
Увы! что̀ значитъ передъ нимъ
Простая дѣва иль Селимъ?
Такъ будетъ вѣчно между нами...
Зачѣмъ безцѣнными устами
Онъ это имя освятилъ?»
— Не я ль? — подумалъ Измаилъ.
И, погодя, онъ слышитъ снова:
«Ужасно, Боже! для дѣтей
Проклятіе отца родного,
Когда на склонѣ позднихъ дней
Оставленъ ими... но страшнѣй
Его слеза!..» Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья,
И улетѣлъ. — Изъ состраданья,
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И, вздрогнувъ, юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
Когда онъ ясно увидалъ,
Что на колѣняхъ друга спалъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
Не отвѣчая на вопросъ
[Примѣта явная печали],
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ
И наконецъ двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
И, съ быстротой отворотясь,
Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою
И приписалъ онъ простотѣ,
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ — и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему...
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ;
Гдѣ радость и печаль — все призракъ ложный;
Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ...

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ..
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль
Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,
И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряяся въ пустынѣ...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
«Они! они!» онъ восклицаетъ,
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой —
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бъ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бъ впередъ итти.

XII.

Толпа джигитовъ *) удалая,
Передъ горой остановясь,
Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь —
И все утихло; уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе — не страхъ;
Не власть его основа — мнѣнье;
«Какія вѣсти?» — Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю;
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
Молчатъ. «Такъ дайте жъ отдохнуть
Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
Въ бою мы рады лечь костями;
Чего же лучшаго намъ ждать
Но въ цвѣтѣ жизни умирать,
Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!..»

XIII.

Блѣднѣетъ юноша и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
«Нѣтъ», говоритъ онъ, «я повсюду
Въ изгнаньѣ, въ битвѣ — спутникъ твой;
Нѣтъ! клятвы я не позабуду —
Угаснуть или жить съ тобой.
Не робокъ я подъ свистомъ пули —
Ты видѣлъ это, Измаилъ!
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ.
И съ твоего чела не я ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова, моя любовь!
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
Могу... И что мнѣ смерть! О, нѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ —
Но не оставлю Измаила!»

---

*) Наѣздники.

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ.
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бъ не скрылся онъ опять.

XV.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погруженъ
Въ мечтанье горестное онъ —
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: «Навѣрно,
Тебя терзаетъ духъ пещерный!
Дай, пѣсню я тебѣ спою;
Нерѣдко дѣва молодая
Ее поетъ въ моемъ краю,
На битву друга отпуская.
Она печальна; но другой
Я не слыхалъ въ странѣ родной!
Ее пѣвала мать родная
Надъ колыбелію моей.
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навѣютъ звуки
Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней».
Селимъ запѣлъ, и ночь кругомъ внимаетъ
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.

Ружье заряжаетъ джигитъ
И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый! смѣлѣе
Ввѣряйся ты року,
Молися Востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Любви будь вѣрнѣе!

«Всегда награжденъ,
Кто любитъ до гроба;
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ;

Пускай его смерть и погубитъ:
Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

«Любви измѣнившій —
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши —
Погибнетъ безъ славы;

Дожди его ранъ не обмоютъ
И звѣри костей не зароютъ!»

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ...

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
Воскликнулъ князь. «Зачѣмъ упрекъ?..
Тебя ль послушаетъ Пророкъ?..
Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной,
Твои слова я заглушу,
И разорву ея оковы,
И память въ сердцѣ удушу...
Вставайте!.. Какъ? Вы не готовы?..
Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!..
Друзья, коней!.. Вы не слыхали?
Удары, топотъ, визгъ ядра,
И крикъ и трескъ разбитой стали.
Я слышалъ... О, не пой, не пой!
Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что же?
Ты недовольна? Боже, Боже!..
Зачѣмъ казнить ея рукой?..»
Такъ рѣчь его оторвалася
Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ трепетнымъ огнемъ
До половины освѣщенный,
Ужасенъ, съ шашкой обнаженной
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденный.
Онъ взоръ всей силой устремилъ
Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ:
Иначе, какъ бы Измаилъ
Смутиться твердой могъ душою? —
И понялъ наконецъ Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ...
Неосторожный! онъ коснулся
Душевныхъ струнъ — и звукъ проснулся,
Расторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся...

XVI.

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.

Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей...
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье —
Все дышитъ буйствомъ и войной;
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой.

XVII.

Свѣтлѣетъ небо полосами;
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь;
За нимъ черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ — и будто вѣтръ пустынный,
Скользящій шумно по песку,
Крутится, вьется на скалу;
Онъ былъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворно ѣдетъ рядомъ
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойный,
Плыветъ отважно и спокойно —
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимый,
Какъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но, какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ.

XVIII.

Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?..
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушекъ голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою;
«Впередъ!» воскликнулъ онъ. «За мною!»
Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель:
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ,
Ихъ часовые увидали —
И пушка грянула по нимъ.
И витязи спѣшатъ навстрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ
Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось — надежды нѣтъ;
Черкесъ, читай свои молитвы!
Въ крови твой шелковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ — онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не безполезный!
Глядятъ — и видятъ надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Недолго Измаилъ стоялъ:
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся, и смялъ
Враговъ и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ:
Не видятъ блескъ ея враги
И беззащитно умираютъ.
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
Но что жъ? Его хранитъ Пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель разсыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той...

XXI.

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ,
Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь — и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесъ. Соратника лишенный,
Крестомъ сжавъ руки, и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ.
Его печаль — была печаль героя.
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подскакалъ Селимъ,
[Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы].

XXII.

— Бѣда! сказалъ онъ. Князя не видать!
Куда онъ скрылся? «Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
Гдѣ кровью облитъ мертвый и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ неба пламя.
Его шишакъ и конь — вотъ наше знамя!
Онъ тамъ, какъ духъ, разитъ и невредимъ,
И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда степей свободы.

XXIII.

Кто этотъ русскій съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ;
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила — и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно; обманулся
Его свинецъ! — но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «Ты вновь предо мной!..
Свидѣтель Богъ — не я тому виной!..»
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И, отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова и конь ретивый,
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И миръ ему! въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено.

XXIV.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ вослѣдъ,
И никому пощады нѣтъ.
Но что жъ? Побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издалеча,
Направя синіе штыки,
Спѣшатъ ширванскіе полки...
Навстрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за́ поводъ коня схватилъ
Черкесъ, и въ горы за собою —
Какъ ни противился сѣдокъ —
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго движенья
Среди всеобщаго смятенья
Не упустилъ младой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда...
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣней прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный
И спорить съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ — побѣдить.
И, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу.

XXVI.

Онъ раненъ; кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышитъ;
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность на челѣ;

Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его бы съ жизнью разлучило.
Будь передъ міромъ онъ злодѣй —
Что̀ для любви слова людей?
Что̀ ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь — гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло.

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони;
Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой,
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И безполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая;
И съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Чернѣетъ серна молодая...
Налѣво — пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Внизу свирѣпъ и одинокъ,
Никѣмъ невѣдомый потокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи враждебный геній —
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
Смѣняя въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И мнится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ.

XXVIII.

Ужъ полдень. Измаилъ слабѣетъ...
Пылаетъ солнце высоко,
Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ покрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
Достигнутъ поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тяжестью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства на землѣ;
Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать прахъ.
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнется алтаремъ —
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но, сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ.
И если бъ страшное мгновенье
Всѣ мысли не убило въ немъ,
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы Провидѣнье...

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ.
Зоветъ — и тучка дождевая
Летитъ на зовъ его одна,
По вѣтру крылья простирая,
Какъ смерть темна и холодна.
Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она —
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу съ быстротой:
«О, пощади его... постой!»
Воскликнулъ онъ. «Я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишить
Того, кого люблю такъ страстно,
Кого слабѣй нельзя любить;
Ступай, ищи другихъ по свѣту;

Всѣ жертвы бога твоего!..
Ужель меня несчастнѣй нѣту,
И нѣтъ виновнѣе его?»

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій,
Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ —
Онъ былъ далеко. Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ,
Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
И все, что близко, отдаленно
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
Гдѣ жъ другъ послѣдній, гдѣ Селимъ?
Глядитъ... и что же передъ нимъ?
Глядитъ... уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ;
Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ —
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О, небо, небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить — страшно, уничтожить — жаль?
Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая
Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
И любитъ ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцѣловалъ онъ нѣжныя ланиты —
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила;
Смущаютъ Зару ласки Измаила;
Но сердцу — какъ ума не соблазнить?
И какъ любви — стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли святыня
И только для людей порокъ она;
Во всей природѣ дышитъ сладострастье,
И только люди покупаютъ счастье

Прошло два года, все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила...
Но отчего ни Зара, ни Селимъ
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась,
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ недостоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами муки
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ —
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ:
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?
Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ бы онъ ни думалъ — Западъ дальный
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...
Но что за выстрѣлъ?.. Дымъ взвился бѣлѣя,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ,
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окруженъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ, и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла
Его лица оставить не успѣла.
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный;
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой;

Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной...
Гремучій ключъ катился невдали,
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою,
И грудь обмыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ?.. Какой-то локонъ золотой
[Конечно талисманъ земли чужой],
Подъ грубою одеждою измятый,
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
Блистали на груди у мертвеца...
—«И кто бы отгадалъ!—джяуръ проклятый!
Нѣтъ, ты не стоилъ лучшаго конца;
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный—Измаилу,
Отступнику, не выроетъ могилу!..
Того, кто презиралъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своенравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой Пророкъ!
Пусть, не оплаканъ, онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!..»

(Оконченъ 10 мая 1832).

КАЛЛЫ.

(Черкесская повѣсть).

I.

«Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты—Божій гласъ;
Клянись имъ слѣдовать душою...
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ Неба оправдать законъ
И отомстить за пораженныхъ.
Нѣтъ, не тебѣ принадлежатъ
Твои часы отъ дня рожденья:
Ты на землѣ—орудье мщенья,
Палачъ, а жертва—Акбулатъ...
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили Небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!
Такъ будь же ты суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой,—
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный и—рази!»
Такъ говорилъ мулла жестокій,
А кабардинецъ черноокій,
Безмолвно чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но, чуждый страха,—онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II.

Погаснулъ день. Угрюмо бродитъ
Аджи вкругъ сакли... Ужъ давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ яркое пятно,
Изъ тучки въ тучку переходитъ:
То въ ней померкнетъ, то блеснетъ.
Какъ призракъ, юноша ползетъ
Беззвучно къ вражьему порогу,
Кинжалъ изъ кожаныхъ ноженъ
Освобождаетъ понемногу—
И вотъ дыханье слышитъ онъ...
Аджи не долго разсуждаетъ:
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ убійственный вонзаетъ,
И въ ней спѣшитъ перевернуть.
Кому убійцей быть судьбина
Велитъ, тотъ будь имъ до конца...
Одинъ погибъ; но съ кровью сына
Смѣшать спѣшитъ онъ кровь отца.
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые,
Черты открытаго лица
Спокойны, и усы большіе
Уста закрыли бахромой;
Какъ на молитву сжаты руки...
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Не совѣсти ли муки
Ты слышишь?.. Вновь взмахнулъ рукой—
И съ ложа внизъ, окровавленный,
Свалился медленно старикъ,
Сталъ неподвиженъ блѣдный ликъ,
Лобзаньемъ смерти искаженный...
Но мщенья не свершенъ завѣтъ,—
Еще послѣдней жертвы нѣтъ...
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышитъ,
Но не встрѣчаетъ ничего—
И только сердца своего
Біенье трепетное слышитъ.
А гдѣ жъ она?.. Ужели нѣтъ?—

Жила же дочка съ Акбулатомъ! —
И ждетъ ее въ семнадцать лѣтъ
Одна судьба съ отцомъ и братомъ...
И вотъ луны скользящій свѣтъ
Проникнулъ въ саклю, озаряя
Два трупа на полу сыромъ
И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
Спала лезгинка молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
Передъ убійцею своимъ
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сонъ мятежный,
Волнуя дѣвственную грудь,
Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
И вотъ, исполнены томленья,
Открылись черные глаза
И — тайный призракъ упоенья —
Блистала ярко въ нихъ слеза;
Но, не стряхнувши грезы ночи,
Мгновенно вновь сомкнулись очи.
Увы, ни радость, ни любовь,
Ни грусть ихъ не откроютъ вновь...
Аджи глядитъ, и въ думахъ тонетъ
Его душа... Урочный часъ!..
Раздался стонъ... Кто такъ простонетъ,
Тотъ простоналъ въ послѣдній разъ.
Кому жъ пришлось такіе звуки
Услышать, — ихъ не позабыть,
И никогда не заглушить
Воспоминанья тяжкой муки.

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ,
Добытыхъ въ Персіи счастливой,
И въ дымкѣ легкихъ облаковъ
Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво...
Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:
Въ крови, съ зловѣщими очами,
Аджи явился молодой;
Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой —
Окаймлена волосъ волнами,
Лезгинки юной голова.
«Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
Подарокъ... Какъ вѣрны удары
Мои!.. — Аджи ему сказалъ. —
Ну, что жъ, узналъ, узналъ ли, старый?..»
И взмахъ руки — и ужъ торчалъ
Въ груди дымящійся кинжалъ.

V.

На вышинѣ горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озаренный,
Какъ одинокій часовой,
Бѣлѣетъ памятникъ простой:
Изъ камня столбикъ округленный
Чалмы подобіе на немъ;
Шиповникъ стелется кругомъ...
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ —
Свободы вѣчныя твердыни —
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другого любитъ безъ боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни,
Ни мщенья ревности она.

VI.

И слѣдъ Аджи простылъ... Катился
За годомъ годъ, и вотъ въ горахъ
Абрекъ чужой всѣмъ появился,
Вселяя суевѣрный страхъ.
Какъ звѣрь онъ отъ толпы таился,
Встрѣчаться съ женщиной не могъ, —
Быть-можетъ, совѣсти упрекъ
Въ ея чертахъ найти страшился...
Слѣды страданья и тревогъ
Не укрывались отъ вниманья;
Подъ башлыкомъ упорный взоръ
Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья,
Ни сожалѣнья — лишь укоръ
Судьбѣ читался въ немъ... Никто
Не признавалъ въ Абрекѣ друга, —
Онъ поражалъ, какъ бичъ недуга...
Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
Встрѣчалъ ли днемъ, — всегда его
Всѣ сторонились, избѣгали,
Какъ дней проклятья иль печали.
Ему открытъ былъ всюду путь...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье.
И зналъ одинъ онъ, почему
Каллы ужасное прозванье
Въ горахъ присвоили ему.

1831—1832 г.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Великъ, богатъ аулъ Джематъ,
Онъ никому не платитъ дани;
Его стѣна — ручной булатъ,

Его мечеть — на полѣ брани,
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горячихъ паръ струится;
Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ — только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
«Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
Но бури злыя разразились,
И вѣтви древа обвалились,
И я стою теперь одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ.
Увы, я старъ! Мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины,
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!..
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры ея увяли,
Въ бою неравномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшой
Пронзенъ штыкомъ передо мной.
Онъ улыбался, умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ вѣнцомъ...
И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я, какъ святыню;
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее,
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижины лишенъ;
Къ бѣдѣ я скоро пріучился,
Давно былъ къ волѣ пріученъ.
Но часъ ударилъ неизбѣжный —
И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спалъ... Безмолвно надо мной,
Зеленой вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь; слышу: шопотъ —
И слабый крикъ — и конскій топотъ...
Бѣгу и вижу — подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятья.
Я къ нимъ послалъ свои проклятья.
О! для чего второй гонецъ
Настичь не могъ ихъ — мой свинецъ!
Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
И нѣтъ покоя для меня
Съ того мучительнаго дня...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«Я!» молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій;
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

«Я знаю князя. Я рѣшился!..
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня;
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей Пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь».

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышитъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.

Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣсни той.

Есть поворотъ—и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты
Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;
И на краю крутого ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата,
И, какъ орелъ, съ вершины горъ,
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидитъ.
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока.
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневного,
Твоя головка ужъ готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колѣна,
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои
Зовутъ лобзаніе любви.
Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О, гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!..
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась —
И дѣва шепчетъ: «Это князь!»

Легко надежда утѣшаетъ,
Легко обманываетъ глазъ;
Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
Увы! она его не знаетъ,
И видитъ только въ первый разъ.
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостепріимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый,
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!.. Что же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Кроткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтки молодой,
Измятый лѣтнею грозой.
«Что медлишь, путникъ, у порога?
Слѣзай съ походнаго коня.
Случайный гость—подарокъ Бога.
Кумысъ и медъ есть у меня.
Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поѣдешь въ путь,
Въ молитвѣ насъ не позабудь!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ, мой отецъ? Меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ—
То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

ЛЕИЛА.

Скажи: онъ веселъ? онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?..

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ *(тихо)*.

Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!
Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. Онъ страненъ въ самомъ дѣлѣ!

Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой беретъ;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза, какъ звѣзды, блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ,
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката—
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ—и безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе—все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! Перестань, Леила!
На мигъ веселость позабудь;
Скажи: ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

ЛЕИЛА.

Нѣтъ! Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕИЛА.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка, вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ—счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любови,
И только хочетъ слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ—такъ было суждено—
Погибъ отъ пули Бей-Булата,
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной — врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ;
И занесенъ былъ мой кинжалъ...
Но я подумалъ: «это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?.. О, нѣтъ!
Онъ что-нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!»
Свершилось, наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!..
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, какъ адомъ, вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполни клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! Ничего не значатъ
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжалься!.. Говори—какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ!..
Погибнуть рано, рано мнѣ!
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, нѣтъ!»

„Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. . . . .“

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокій, не видать...
Ахъ!.. Боже!.. Ай!.. дай подождать!..
Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!..»

Блеснула шашка. Разъ—и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвее
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ: поздно, поздно!
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится—мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы—теперь.

Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ...
То змѣй блистаетъ чешуей...
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ
Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышишь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребритъ,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ:
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джематскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вкругъ тебя столпятся...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться—
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалека,
Что мы съ тобою дѣти рока!..

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ;
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
Его глаза на путь далекій
Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этотъ всадникъ? Бережливо
Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
Его товарищъ долгогривый
Поникъ усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
Онъ что-то держитъ осторожно,
И бережетъ, какъ свѣтъ очей».
И думаетъ старикъ согбенный:
«Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
Отъ милой дочери моей!»

Ужъ всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ, и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!
Своей Леилы голову!..
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины

Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.
Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился;
Взглянулъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.
Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ
Они лежали, костенѣя,
Два друга съ виду,—два злодѣя!
Быть-можетъ, то одна мечта,
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата,
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другого не узналъ.
1833—1834 г.

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Отрывокъ).

Кипитъ веселый Петергофъ;
Толпа на улицахъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Замѣтно тихнетъ и пустѣетъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта —
И водъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ длиннохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета.
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармы, бѣлые султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ парчевые платки,
Кинжалы, сабли, аллебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,
Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей,
. . . .
Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ;
Французовъ тощихъ, толстыхъ нѣмцевъ,
И долговязыхъ англичанъ —
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ темныхъ и густыхъ,
И сверху ярко освѣщалось
Огнями склянокъ расписныхъ.

Гурьбу товарищей покинувъ,
У моста Бибиковъ стоялъ,
И, каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный, мечталъ...
. . . .
Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.
Стоитъ онъ, пасмурный и пьяный,
Уставъ одинъ бродить вездѣ,
Съ досадой глядя на фонтаны,
Ворчитъ . . . .
. . . . . «Два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять!..
Нѣтъ, видишь, гонятъ, какъ скотину —
Ступай-ка въ садъ, да губъ не дуй».
. . . .

Умолкъ, поникнувъ головою;
Народъ толпясь шумитъ вокругъ;
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалду дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ, изумленъ:
Романа чуднаго завязку
Ужъ предугадываетъ онъ;
И, слыша вновь прикосновенье,
Онъ обернулся съ быстротой...
. . . .
Въ платкѣ и шляпкѣ голубой,
Маня улыбкой сладострастной,
Предъ нимъ хорошенькая...
Вдругъ вырвалась, и ну бѣжать;
Онъ вслѣдъ за нею—трудъ напрасный!
То по дорожкамъ, по мостамъ,
Легка, какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
Иль дразнитъ дерзко языкомъ.
Вотъ углубилася въ аллею,
Все дальше, глубже. Онъ за нею,
Схватясь за кончикъ палаша,
Кричитъ: «Постой, моя душа!»
Куда! Красавица не слышитъ,
Свернула въ чащу, все бѣжитъ,

Высоко грудь младая дышитъ,
И шляпка на спинѣ виситъ.
Вдругъ пошатнулась, оступилась,
Въ травѣ запуталась густой...
. . . .
Кругомъ все тихо.
1833—1834 г.

УЛАНША.

(Отрывокъ).

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою;
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужъ поздно. Темной синевою
Покрылось небо, день погасъ.
Повѣсы ропщутъ: . . . . .
. . . . эдакъ насъ
Прогонитъ черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки не видать?..
Ты, братецъ, придавилъ мнѣ ногу;
Да право! «Вотъ поднялъ тревогу!»
Дай трубку!.. тише!.. *(не кричать!)*
Но вотъ Ижорка, слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ.

Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ развернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хоть, признаюся, запахъ винный
Изобличалъ его порой.
Но безъ вина что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто два раза въ день не пьянъ,
То, извините, не уланъ.

Скажу вамъ имя квартирьера:
То былъ Лафа, буянъ лихой,
Съ чьей молодецкой головой
Ни доппель-кюммель, ни мадера,
И даже шумное аи
Ни разу сладить не могли...
Его коричневая кожа
Была въ сіяющихъ угряхъ,
И словомъ, все: походка, рожа —
На сердце наводили страхъ.
Надвинувъ шапку на затылокъ,
Идетъ онъ; все гремитъ на немъ,
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикѣ большомъ.

Шумя, какъ бѣсъ, онъ въ избу входитъ,
Шинель, скользя, валится съ плечъ,
Глазами вкругъ онъ косо водитъ
И мнитъ, что видитъ сотню свѣчъ,—
Въ избѣ жъ всего одна лучина:
Треща предъ нимъ, горитъ она,
Но что за дивная картина
Ея лучомъ озарена?
Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
Мелькаютъ лица юнкеровъ.
Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны,
Кто въ сбруѣ весь, кто безъ...
Пируютъ... Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ.
«Народъ», сказалъ Лафа *(вставая)*,
«Что тутъ сидѣть! За мной ступай!
Я поведу васъ въ двери рая!»...
«Идемъ же!..» разъярясь, какъ звѣри,
Повѣсы загремѣли вдругъ,
Вскочили, ринулись, и съ двери
Слетѣлъ какъ разъ желѣзный крюкъ...
. . . .
. . . .
Они въ пылу самозабвенья
Ни слезъ, ни слабаго моленья,
Ни тяжкихъ стоновъ не поймутъ;
. . . .
Простите, счастливые дни...
Вотъ голоса, стукъ, гамъ — они...
Земля дрожитъ... идутъ... о Боже!
. . . .
. . . .
Когда межъ сѣрыхъ облаковъ
Явилось раннее свѣтило,
Струи залива озарило
И кровли бѣдныя домовъ
Живымъ лучомъ позолотило,
Раздался крикъ: «Вставай скорѣй!
Ужъ сборъ пробили барабаны!»
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней.
Мирзу не шпоритъ Разинъ смѣлый:
Князь Носъ, сопя, къ сѣдлу прилегъ,
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловитъ за *курокъ*.
Идутъ и видятъ... изъ амбара
Выходитъ женщина . . . . .
. . . .
Съ тѣхъ поръ промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши громкое названье.
1833—1834 г.

ГОСПИТАЛЬ.

(Разсказъ).

1.

Друзья, вы помните, конечно,
Нашъ Петергофскій госпиталь;
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.

Тамъ, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слѣпая
Жила съ усатымъ денщикомъ...
Но дѣло вовсе не о томъ.
Ея служанка молодая
Нескромной бойкостію словъ,
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ,
Неумолимыхъ юнкеровъ.
И то̀ сказать: на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтобъ въ продолженье цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ
. . . .

2.

Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари...
. . . .
«Шесть штукъ шампанскаго?» — «Пожа
луй!»
И разошлись... Проходитъ день...
Заря угасла... Вечеръ ясный...
У тѣсной лѣстницы, какъ тѣнь,
Нашъ князь вертится ежечасно.
И вотъ на первую ступень
Онъ ставитъ трепетную ногу:
Доска проклятая скрипитъ;
Боится онъ поднять тревогу.
Какъ быть? Вернуться? Страхъ и стыдъ
. . . .
«Courage, mon cher! allons скорѣй!»
Кричитъ Choubin изъ-за дверей...
. . . .
. . . .

Но въ ту же ночь ихъ факторъ смѣлый,
Клянясь доставить ящикъ цѣлый,
Пошелъ Какушкинъ со двора
Съ пригоршней полной серебра.
И поутру смѣялись, пили
Внизу, какъ прежде... а потомъ?
Потомъ?! что спрашивать?.. забыли,
Какъ забываютъ обо всемъ.

1833—1834 г.

МОНГО.

(Отрывокъ).

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ — высокъ и худощавъ —
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой...
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ —
Степей башкирскихъ сынъ счастливый...
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой,
И рѣчь ведутъ между собой:
— Монго, послушай — тутъ направо!
Осталось только три версты!
— Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Дрожатъ и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка только насъ
Измучитъ это приключенье!
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
—Нѣтъ, въ семь—я самъ читалъ приказъ!

Но прежде надо вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго — повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель —
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ —
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ немытый цѣлый день;
Носилъ фуражку набекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если вы когда ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ...
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ —
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ обиженной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,

Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его,
И не щадилъ онъ никого.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый, вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ — онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ —
Изжогой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады,
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ —
Мелькаютъ въ рядъ, изъ-за ограды,
Разнообразные фасады
И кровли пестрыя домовъ
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ — и онъ отъ вѣка
Зовется *Краснымъ Кабачкомъ*,
И тамъ — для блага человѣка —
Построенъ сумасшедшихъ домъ.
Вблизи пріютъ себѣ смиренный
Актриса юная нашла.
Краса и честь балетной сцены
На (*попеченіи*) была.
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ объясненій, безъ признаній
(*Ее по-своему любилъ*).
— Мой другъ! — ему я говорилъ. —
Ты не въ свои садишься сани;
Актрисой вздумалъ управлять!
Но, гдѣ тебѣ? . . . .

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоятъ въ густой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ;
И вотъ тропинкой потаенной
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брезжитъ лунный свѣтъ,
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.

Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ —
Судьба окончитъ остальное.

Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ актриса молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно, и, зѣвая,
Такъ, тихо, думала она:
Чудна судьба! о томъ ни слова:
На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самаго дурного,
И мой отецъ — простой кузнецъ;
А я на шелковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ—знаю ужъ заранѣ —
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки —
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.
Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣху онъ ни пѣсенъ,
Зато богатъ и глупъ...
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ѣмъ за троихъ, порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью — жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь какъ аистъ на часахъ.
Флёри хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ —
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоятъ всѣ въ рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь.
Зато, вернулись лишь домой —
Директоръ поретъ на убой!
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй;
А самъ — прости ему, Всевышній! —
Вѣдь ужъ какой. . . . .

Но тутъ въ окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула:
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
«Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ прійти сюда?
Ворваться къ дѣвушкѣ — безчестно!»
— Намъ, право, это очень лестно!..
«Я васъ прошу: подите прочь!»
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы...
«Вы неучи!» — Вы очень милы! —
«Чего хотите вы теперь?
Ей Богу, я не понимаю!»
— Мы просимъ только чашку чаю!
«Панфишка, отвори имъ дверь!»

Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки,
Ну, словомъ, весь любезный вздоръ...
И нѣжный вздохъ прилично-томный
Порхнулъ изъ груди молодой...
. . . .

Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
. . . .
(Быть) адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или кадровымъ офицеромъ.
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ.

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка —
Неотразимый гнѣвъ боговъ!..
То былъ N. N. съ своею свитой:
Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, шумятъ, орутъ. — Содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира
И на устахъ *(о, стыдъ сказать)*...
Но нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать?

Въ истерикѣ младая дѣва:
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать —
Подъ столъ, въ комодъ, иль подъ кровать!
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью,
(Полны картонки) подъ кроватью...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но вмигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ — и были таковы!..
. . . .
. . . . *)

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они *(порою)* спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами...
(1835—1836).

САШКА
(„Нравственная поэма").

I.

Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ, — все пиши
Ему про казни, цѣпи да изгнанья

*) Точки въ рукописи.

Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто дни свои воспоминаньемъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало,—
Пою смѣясь.—Герой мой добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
Но я за то нимало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажетъ;
Когда же веселъ, счастливъ—глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ *ты*;
Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

III.

Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ такихъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронуто никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый.

IV.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—
Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья—
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
Кто бъ ни былъ ты: внукъ Евы иль Адама,
Разумникъ ли, шалунъ ли молодой,—
Картина будетъ; это—только рама!
Отъ правилъ, утвержденныхъ стариной,
Не отступлю,—я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Не правда ль, кто не старъ въ 18-ть лѣтъ,
Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ,—
О наслажденьяхъ знаетъ лишь какъ слухъ
И самъ лишь ѣстъ и пьетъ да давитъ мухъ?

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
Я врагъ Невѣ и невскому туману.
Тамъ [я весь міръ въ свидѣтели возьму]
Веселье вредно русскому карману,
Занятья вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва—не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
Былъ боленъ отъ любви и любострастья.

VII.

Москва, Москва!.. люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою и—обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.

VIII.

Ты живъ!.. Ты живъ и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало, я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безызвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ—Боже сохрани!—
И не мечтатель. За полетомъ пташки
Я не гонюсь, хотя въ былые дни

Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
Ну, муза, — ну, скорѣе, — разверни
Запачканный листокъ свой подорожный!
Не завирайся, тутъ зоилъ безбожный...
Куда теперь намъ ѣхать изъ Кремля?
Воротъ вѣдь много, велика земля!
Куда? — «На Прѣсню погоняй, извозчикъ!» —
«Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчикъ!»

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
Какъ щитъ варяжскій или сыръ голландскій.
Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ
У будки пробудился, восклицая:
«Кто ѣдетъ?» — «Муза!» — «Что за чортъ! Какая?»
Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
Бѣлѣетъ мостъ, по сторонамъ сады
Подъ инеемъ пушистымъ спятъ унылы;
Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI.

Гуляка праздный, пьяный молодецъ,
Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
Держась за нихъ, бредетъ — и вотъ конецъ
Периламъ. «Все направо!» Заскрипѣли
Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
По мрамору... Лачуги цѣпью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
«Держи къ воротамъ... Стой, — сугробъ глубокъ!..
Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише,
И платье подними какъ можно выше».

XII.

Калитка — скрыпъ... Дворъ теменъ. По доскамъ
Итти неловко... Вотъ, насилу, сѣни
И лѣстница; но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь — и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: «Что угодно вамъ?»
И, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, несмотря на это, мы взойдемъ:
Вы знаете, для музы и поэта,
Какъ для хромого бѣса, каждый домъ
Имѣетъ входъ особый; ни секрета,
Ни запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ
У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
Сидѣли двѣ... дѣвицы — не дѣвицы...
Красавицы... названье тутъ какъ разъ!..
Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я васъ
Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
Красавицею быть или дѣвицей?

XIV.

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ; и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды: — то, что мы и всѣ видали.
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
И верба, наклоненная надъ ними,
Блистала вдругъ листами золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ [красавицъ] не вполнѣ
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ — о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое «нѣтъ» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

XVI.

Она была затѣйливо мила,
Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она бъ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ.
Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И лжи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы — варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпіономъ

И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастіо-
намъ,
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: «Жалкій,
Несчастный жидъ, — онъ умеръ не подъ
палкой!»
Его жена пять мѣсяцевъ спустя
Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
Прохожимъ не замѣчена, — ни зла,
Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ насталъ, — пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказалъ два слова:
Она въ объятья божества земного
Упала; но — увы! — прошло дней шесть,
Ужъ полубогъ успѣлъ ей надоѣсть;
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались, какъ туманъ.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платитъ за обманъ
[Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже].
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемный
Огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томно;
Покрыты свѣтлой влагой иногда,
Они блуждали: такъ порой звѣзда
По небесамъ блуждаетъ, — и, конечно,
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

XX.

Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной...
[Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой не-
дугъ!]
Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлъ, и бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ и на ликъ младой
Лоснясь катился черною струей;
И ножка, разрѣзвясь, не зная плѣна,
Безстыдно обнажалась до колѣна.

XXI.

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шумя, смѣясь, роскошно упадала,
Не спорю, мудрено ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою силой
Явиться и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаемъ,
Все это мы со временемъ узнаемъ.

XXII.

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались воедину
И мысли ихъ встрѣчалися во всемъ.
О, если бъ знали, сколько въ этомъ званьѣ
Сердецъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ.
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ мод-
ной лавки!

XXIII.

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и
шея,
Когда она смѣялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснѣя,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юбка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла буйно, горячо,
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

XXIV.

Она звалась Варюшею... Но я
Желалъ бы дать другое ей названье:
Скажу, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердитъ, — молчу, или браню весь домъ,
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
Варюшу здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

XXV.

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣетъ лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно застывшаго вампира,
Грозя перстомъ, поднялся молча онъ,
И мысль къ нему прикована... Ужели

„У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
Сидѣли двѣ дѣвицы…“

Въ моей груди изгладить не успѣли
Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ —
Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
Получше ихъ видалъ я послѣ много.

XXVI.

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
Но перваго восторга чудный звукъ
Въ груди не умираетъ, — и порою,
Сквозь облако заботъ, когда недугъ
Мой слабый умъ томитъ неугомонно,
Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ
И бродятъ облака, — звѣзда горитъ
Въ дали эѳирной, не боясь ихъ злости,
И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII.

Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
Красавицы раздумавшись сидѣли,
И заставлялъ ихъ вздрагивать порой
Унылый свистъ играющей метели.
И, какъ и вамъ, читатель милый мой,
Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
Условнаго, залаяла собака
И у калитки брякнуло кольцо.
Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
Параша потянулась и зѣвнула,
Такъ что едва не бухнулась со стула.

XXVIII.

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ
Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
Сняла Параша плащъ, потомъ другою
Стряхнула иней съ шелковыхъ кудрей
Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо.

XXIX.

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ и такъ далѣ.
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ
И галстукъ надушонъ былъ какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казалися покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты
[Не знаю, мукъ иль бурь послѣднихъ слѣдъ,
Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ]—
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.

XXX.

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то-есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился, что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ;
Въ глазахъ его открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
Презрѣнье, гордость хоть онъ не былъ гордъ,
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ.

XXXI.

Борьба рождаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...
Клянусь, имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій,
Какъ сбросилъ бы я платье, если бъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ.
Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII.

Да кто же этотъ гость?.. Pardon, сейчасъ...
Разсѣянность... Messieurs, рекомендую:
Герой мой, другъ мой — Сашка!.. Жаль для насъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.
Я говорилъ, — онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь!.
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII.

Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... «Сашка» — старое названье!
Но «Сашка» тотъ печати не видалъ

И недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ.
Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другого имя, — дурно ль, хорошо ли,
Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: «Гдѣ Тирза?» — «Дома». — «Что жъ не видно
Ея?» — «Уснула». — «Какъ ей спать не стыдно!»

XXXIV.

И онъ поспѣшно входитъ въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенныя ночи
Онъ проводилъ... Все полно тишиной
И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой
И на стеклѣ въ узоры ледяные
Кидаетъ искры, блестки огневыя,
И голубымъ сіяніемъ стѣна
Игриво и свѣтло озарена.
И онъ (не мѣсяцъ, но мой Сашка) слышитъ,
Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышитъ.

XXXV.

Онъ руку протянулъ, — его рука
Попала въ стѣну; протянулъ другую, —
Ощупалъ тихо кончикъ башмачка,
Схватилъ потомъ и ножку, но какую?..
Такъ миньятюрна, такъ нѣжна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.
. . . .
. . . .

XXXVI.

Блаженная минута!.. Закипѣлъ
Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей,
Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
И станъ ея обвилъ рукой дрожащей.
Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смѣлъ
Дохнуть... Онъ думалъ: «Тирза дорогая!
И жизнію, и чувствами играя,
Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей, —
Какъ ты, одинъ съ свободою моей
Не знаю въ людяхъ ни врага, ни друга, —
Живу, чтобъ жить какъ ты, моя подруга!

XXXVII.

«Судьба вчера свела случайно насъ,
Случайно завтра разведетъ навѣчно, —
Не все ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только бъ я провелъ его безпечно?..»
И не сводилъ онъ яркихъ черныхъ глазъ
Съ своей жидовки и не зналъ, казалось.
Что рѣзвое созданье притворялось.
Межъ тѣмъ почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Какъ надлежало... Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

XXXVIII.

И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» — «Я, твой Саша!» —
«Неужто?.. Видишь, баловникъ какой!
Ступай, давно тамъ ждетъ тебя Параша!
Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это былъ скорѣе поцѣлуй.
Да, мерзкій критикъ, что ты ни толкуй,
А есть уста, которыя украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!..

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно бъ свой престолъ украсилъ ею, —
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Но не смѣю
Васъ увѣрять затѣмъ, что не рожденъ
Владыкой и не знаю въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ;
Но знаю только то, что Сашка мой
За цѣлый міръ не отдалъ бы порой
Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

XL.

«Откуда ты?» — «Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!» — «Балъ! А что такое?» —
«Невѣжда! Это — говоръ, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское, —
Наружный блескъ, обманчивый недугъ.
Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ.
Кто ловитъ душу, кто пять тысячъ душъ...
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель».

XLI.

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.

Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала
И уязвлять, но не желая зла;
Соперницъ гордо презирать и въ свѣтѣ
Блистать, и ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полураскрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла . . . .
. . . .
Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье —
И цѣлый часъ я пропущу въ молчаньѣ.

XLIII

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
И только раздавались иногда
Сверчка ночного жалобныя трели;
Да мышь въ тѣни родного уголка
Скреблась въ обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь... Вы на вѣку своемъ едва ли
Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь всѣ шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что, если бъ ты, откинувъ предразсудки
(Она его тутъ крѣпко обняла), —
Что, если бъ ты, мой милый, мой безцѣнный,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
То завтра или даже въ день иной
Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.
Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ безбожно».

XLV.

— «Пожалуй!» отвѣчалъ ей Саша. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину, —
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
Какъ птица клонитъ слабую тростину.
Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
Съ безсонницей. Въ теченье долгой ночи
Бывало безпокойно бродятъ очи,
И жжетъ подушка влажное чело.
Душа груститъ о томъ, что ужъ прошло,
Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лаззарони, а по-русски — нищій...

XLVI.

И жадный червь ее грызетъ, — грызетъ,
Я думаю, тотъ самый, что когда-то
Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
И опускались пламенныя вѣжды,
Съ гармоніей сливалася мечта,
И злобный духъ бѣжалъ, какъ отъ креста.
Но этихъ звуковъ нѣтъ ужъ въ поднебесной, —
Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII.

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
Что нашъ безлучный міръ — лишь прахъ могильный
Другого — горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая, рукою сильной
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на насъ...
А дай сойтись, такъ заварится каша, —
И въ кулаки... Прощай, планета наша.

XLVIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампады.
Придетъ конецъ воздушной ихъ игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Люблю я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средь цѣпи ихъ огнистой, —
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь, давно измѣренный душой, —
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся всѣ лучи ихъ свѣта.

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спитъ. Пріятный сонъ!
Покойной ночи! Вы жъ, читатель милый,
Пожалуйте, — иначе принужденъ
Я буду васъ удерживать здѣсь силой...
Романъ, впередъ!.. Не хочетъ? — Ну, такъ онъ
Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ. Покуда

Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
Кто мать его была и кто отецъ,
Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ,
Какъ онъ попалъ въ позорную обитель,
Кто былъ его лакей и кто учитель.

L.

Его отецъ симбирскій дворянинъ,
Иванъ Ильичъ N. N — овъ, мужъ дородный,
Богатаго отца любимый сынъ.
Былъ самъ богатъ. Имѣлъ онъ умъ природный
И, что ума полезнѣй, важный чинъ,
Съ четырнадцати лѣтъ служилъ и съ миромъ
Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;
А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
Былъ человѣкъ, и слѣдственно уменъ.
Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья;
Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ;
Ни на кого не обращалъ вниманья
И не носилъ приличія веригъ.
Однакоже, предъ знатью горделивой
Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво.
Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
Неумолимо требовалъ поклонъ;
А кланяться закону иль вельможѣ —
Считалося тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, зато и самъ
Почтительность вознаграждалъ улыбкой
И, ревностный хотя угодникъ дамъ,
Женился, по словамъ его, ошибкой.
Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
По мнѣ, они большіе эгоисты, —
Все женъ винятъ, какъ будто сами чисты.

LIII.

Благодари меня, о женскій полъ!
Я — Демосѳенъ твой: за твою свободу
Я радъ шумѣть; я непомѣрно золъ
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?.. Возстаньте, — часъ пришелъ!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье!
Конецъ всему есть! Беззаботно явно
Идите вслѣдъ за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ вашихъ жилахъ — кровь, не молоко,
Ну, и краснѣть умѣете ужъ кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи...

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница жъ жена, не утаю,
Читать любила нѣжные романы,
Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра.
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ, — отъ нихъ мечты родятся...
А искушенью только бъ подобраться!

LV.

Она была прелакомый кусокъ
И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью.
Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
А не на камень. Чувствамъ и веселью
Казенныхъ не назначено дорогъ.
Но въ брачной жизни Марья Николавна
Была, какъ надо, ласкова, исправна.
Но, говорятъ, — хоть, можетъ-быть, и лгутъ, —
Что долгъ супруги — только лишній трудъ.
Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

LVI.

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ,
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
Какъ инвалидъ съ георгьевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда съ кудрявыми главами
Вдоль стѣнъ колонны высились рядами;
Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
Какъ клѣтка, между нихъ висѣлъ балконъ
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
Виднѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно; на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеенки,
И люстры отражались въ зеркалахъ,
Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки

Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
Одна другой несноснѣе, и далѣ,
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?.. Дуракъ!»
А гость съ улыбкой думалъ: «какъ не такъ!»
И, ласково хозяйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то-есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами,
И кое-гдѣ въ тѣни отрада днемъ,
Уютный садъ, обсаженный рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или, какъ межъ знатныхъ дамъ
Румяная крестьянка — дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды.

LIX.

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый. Краснѣющій закатъ
Изъ-за горы кидалъ свой лучъ прощальный
На гребни сизыхъ волнъ и берегъ дальній.

LX.

И странный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ пловцовъ —
Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хоть суровъ
Казался вѣтеръ, день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой часто, сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея ль сложенье было въ томъ виной,
Или его не молодыя лѣты?..
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.

LXII.

Какая радость въ мысли: я отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной —
Оставить въ мірѣ слѣдъ и, наконецъ,
Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно, —
Злодѣемъ потому, что жизнь — вѣнецъ
Терновый, тяжкій, — такъ по крайней мѣрѣ
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но, исключая два-три дня да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.

LXIII.

Бывало, этой думой удрученъ,
Я прежде много плакалъ и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучки надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ,
Одинъ лишь отзывъ — звучный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни — и блещутъ, но не живы!

LXIV.

Прилично было бъ мнѣ молчать о томъ,
Но я привыкъ итти противъ приличій
И, говоря всеобщимъ языкомъ,
Не жду похвалъ. — Поэтъ природы птичьей,
Любовникъ розъ надъ розовымъ кустомъ
Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ.
О чемъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ? —
Прошу хоть разъ спросить у соловья.
Онъ вамъ отвѣтитъ пѣснью... Такъ и я
Пишу, что мыслю, что придется,
И потому мой стихъ такъ плавно льется.

LXV.

Два года миновало. Третій годъ
Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:

Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ,
У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
Былъ восхищенъ, и три дня были пьяны
Всѣ на подборъ, отъ кучера до няни.
А между тѣмъ печально у воротъ
Всю ночь собаки выли напролетъ,
И, что страшнѣе этого, ребенокъ
Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
Который много счастья обѣщаетъ.
И про меня сказали точно такъ,
А правда ль это вышло?—Небо знаетъ!
Къ тому же полуночный вой собакъ
И страшный шумъ на чердакѣ высокомъ
Примѣты злыя; но, не бывъ пророкомъ,
Я только покачаю головой.
Гамлетъ сказалъ: «Есть тайны подъ луной
И для премудрыхъ», — какъ же мнѣ поэту
Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?..

LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
Живые глазки, бѣлыя ручонки
И русый волосъ, вьющійся кольцомъ—
Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнилися на немъ;
И, первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
Года неслись, а Саша росъ и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по врожденному влеченью,
Имѣлъ большую склонность къ разрушенью.

LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ—
Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто сѣченъ,
А, слава Богу, вышелъ человѣкъ:
Ни стыдъ семьи, ни тупъ, ни изувѣченъ.
Понятья были низки въ старый вѣкъ...
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья,—предъ судьбою,
Передъ бичомъ язвительной молвы
Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!.. Но чѣмъ теплѣе кровь,
Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
Всѣ чувства—злоба, гордость и любовь,
Какъ дерева подъ небомъ юга знойнымъ.
Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,
Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ взгляда
Онъ вздрагивалъ, какъ будто бъ капля яда
Лилась по жиламъ. Это, можетъ-быть,
Смѣшно, — что жъ дѣлать! — онъ не могъ любить,
Какъ любятъ всѣ гостиныя собачки
За лакомства—побои и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньи,
И что, когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать,
И что отецъ, немного съ нимъ поспоря,
Велѣлъ его посѣчь... конечно, съ горя.

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный,
И въ немъ терялся мыслію послушной.
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты жъ на немъ незнаемы увянутъ...

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность.
Они летали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы, — и въ пустынѣ свѣта
На дружній зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, если бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ,—
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, если бъ могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!..
Но, къ счастію для васъ, читатель милый,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой.

LXXIV.

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ.
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ рѣшенію... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!..
Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Саша,—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы иногда любого бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
Marquis de Tess. Педантъ полузабавный,
Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
Онъ сочинялъ сонеты, хоть порою
По часу бился съ риѳмою одною;
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманѣ онъ
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, что̀ кстати, что̀ некстати.

LXXVI.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И натощакъ отправился въ походъ,
И, наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный милліонъ
Кричалъ, смѣясь: «да здравствуетъ законъ!»
И, въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина [1])... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Виднѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотые
Посыпались на плечи молодыя;
Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
Склонилася на плаху... О, Творецъ!
Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!..
И голова отторгнута отъ шеи!..

LXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира...
И ты, поэтъ, высокаго чела
Не уберегъ [2])! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно!.. Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
Не посѣтилъ—и ты погибъ безплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ, бездушныхъ и ничтожныхъ.
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой,

[1]) Марія Антуанета.
[2]) Андрей Шенье.

Межъ тѣмъ какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Ужъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
Но истина—не въ модѣ, а писать
О томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣшно, тѣмъ болѣ о такихъ предметахъ.

LXXXI.

Къ тому же я совсѣмъ не моралистъ —
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальный листъ
И клеветой героя не унижу,—
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ
Хоть похвалы порою и достоинъ,
Но отъ кадильницъ дыма и свѣчей
Не каждому здоровилось, ей-ей!
И, длиннымъ одамъ внемля, поневолѣ
Зѣвалъ кто въ комнатѣ, кто на престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнесть мой трупъ въ пустыню и высокій
Курганъ надъ нимъ насыпать и любви
Символъ ненарушимый—одинокій
Поставить крестъ: быть-можетъ, издали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ,
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимный нищій пѣшеходъ,
Его замѣтивъ, медленно придетъ
И, отряхнувши посохъ, безнадежнѣй
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней—

LXXXIII.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,—
И проклянетъ грозы безсильный вой
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачъ людской?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица,
И звѣрь, огонь, и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлятъ прахъ мой, и душа моя
Съ душой вселенной, какъ эѳиръ съ эѳиромъ,
Сольется и развѣется надъ міромъ!..

LXXXIV.

Пускай отъ сердца, полнаго тоской
И желчью тайныхъ, тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ, ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій,
Я, выпивъ ядъ по каплѣ, ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ моемъ лицѣ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ.
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ, а по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV.

Но совершимъ скорѣе переходъ,—
Вновь обратимся къ нашему герою.
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ философій міра. Пять системъ
Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire» — такъ мнѣ угодно!

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ,—
Разсѣянно въ тетрадкѣ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ и нѣжно
Вздыхалъ онъ и хранилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ.
Такъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневыя?
Къ чему?.. Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить,
Идя во слѣдъ извѣстнаго Фоблаза.
Его любовь, какъ снѣгъ вершинъ Кавказа,
Чиста, тепла, какъ небо южныхъ странъ...
Ему ль платить обманомъ за обманъ?..
Но кто жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ, — скажу вамъ подъ секретомъ,

Хоть важности большой во всемъ томъ
нѣтъ, —
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ пошутить порой.
Его невинность,—вы поймете сами,—
Вѣдь не могла расти съ его годами.

LXXXIX.

Но между нихъ онъ отличалъ одну;
Въ ней было все, что увлекаетъ душу,
Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.
Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ накину пелену.
Ее любилъ мой Саша той любовью,
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течетъ огнемъ, клокочетъ и кипитъ;
Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
Онъ долго думалъ, какъ въ любви от-
крыться,—
Вѣдь надобно жъ на что-нибудь рѣшиться.

XC.

И мудрено ль? Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской
ножки,
За каждую отдалъ бы цѣлый свѣтъ,
Я цѣловалъ слѣды ихъ по дорожкѣ.
Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
И алыхъ устъ горячее дыханье
Во мнѣ рождали чудное желанье;
Я трепеталъ, когда моя рука
Атласныхъ плечъ касалася слегка,
Но лишь въ мечтахъ видалъ я безъ по-
крова
Все, что для васъ, конечно, ужъ не ново...

XCI.

Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ,
Молчитъ весь день и часто бредитъ ночь;
По коридору бродитъ и грустить
И ждетъ, чтобъ показалась Евы дочь,
Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый
видъ
Принявъ, онъ иногда улыбкой хладной
Отвѣтствовалъ на взоръ ея отрадный
И чувства подавлялъ онъ, какъ раба!
А съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!..
Итакъ, мой Саша кончилъ съ нимъ во-
зиться
И положилъ съ Маврушей объясниться.

XCII.

Случилось это лѣтомъ, въ знойный
день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами,
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли; даже
Волна катилась медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ единенья
Двухъ душъ, — предметъ достойный раз-
мышленья.

XCIII.

Вдругъ слышитъ онъ направо, за ку-
стомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди, а потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лоб-
занье.
Какъ Сашѣ быть? Забилось сердце въ
немъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни.
Трещатъ и гнутся вѣтви подъ рукой
И вдругъ предъ нимъ съ Маврушкой мо-
лодой,
Обнявшійся въ тѣни цвѣтущей вишни,
Иванъ Ильичъ... [Прости ему Всевышній].

XCIV.

Увы, покоясь на травѣ густой,
. . . .
. . . .
. . . . пустился въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву,
Какъ Аріадну, преданную гнѣву.

XCV.

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлалъ Саша? — Съ неподвижнымъ
взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона грозный новымъ адомъ
Напуганный, но помнящій эдемъ
Съ поникшею стоялъ онъ головою
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу
И онъ упалъ, какъ съ неба. . . . . .

XCVI.

Упалъ (прости невинность!), какъ змѣя
Маврушу крѣпко обнялъ онъ руками,
То холодѣя, то какъ жаръ горя,
Неистово впился въ нее устами
И—обезумѣлъ... Небо и земля
Слились въ туманъ. Мавруша простонала
И улыбнулась; какъ волна вставала
И упадала грудь, и томный взоръ,
Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета
Боясь всего: людей, деревъ и свѣта...

XCVII.

Теперь, друзья, скажите напрямикъ,
Кого винить?.. По-мнѣ всего прекраснѣй
Сложить весь грѣхъ на чорта, — онъ привыкъ
Къ напраслинѣ; къ тому же безопаснѣй
Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
Итакъ, замѣтимъ мы, что духъ незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,
Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
И, слѣдуя пустѣйшему капризу,
Кидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

XCVIII.

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Слегка платокъ накинувъ шерстяной,
Явилась къ Сашѣ дѣва молодая;
Задувъ лампаду трепетной рукой,
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.
. . . .
. . . .
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
И съ жгучимъ поцѣлуемъ онъ сливался.

XCIX.

Казалось, рокъ забылъ о нихъ; но разъ,—
Не помню я, въ который день недѣли,—
Ужъ пролетѣлъ свиданья часъ;
А Саша все одинъ былъ на постели.
Онъ сѣлъ къ окну въ раздумьи. Тихо гасъ
На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣли облака.
Дремало все, лишь въ окнахъ иногда
Являлась свѣчка, силуэтъ рубчатый
Старухи, изъ картинъ Рембрандта взятый,

C.

Мелькая, рисовался на стеклѣ
И исчезалъ. На площади пустынной,
Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
Лежала тѣнь отъ колокольни длинной,
И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери
И вы бъ сказали—поступь райской пери
Послышалась. Невольно нашъ герой
Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны—царицы ночи...

CI.

И онъ узналъ Маврушу. Но — Творецъ!—
Какъ измѣнилось нѣжное созданье!
Казалось, тѣло изваялъ рѣзецъ,
А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
Подходитъ и холодными руками
Хватаетъ руку Саши, и устами
Прижалась къ ней, и слезы потекли
Все больше, больше и, казалось, жгли
Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины—
Раскаянья преступной Магдалины?

CII.

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
Что дышитъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ
И мысль одна въ душѣ,—и на колѣни
Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
Какъ струны лютни, потрясаетъ жилы;
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой въ мірѣ вѣруетъ лишь тотъ,
Кто, какъ въ гробу, въ душѣ своей живетъ,
Кто терпитъ всѣ упреки, всѣ печали,
Чтобъ геніемъ глупцы его назвали.

CIII.

И долго молча плакала она.
Разсыпавшись на кругленькія плечи,
Ея власы бѣжали, какъ волна.
Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
Отзывъ того, чѣмъ грудь была полна,
Блуждали на губахъ ея; но звуки
Яснѣе были словъ... И голосъ муки
Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
И не щадилъ ни нѣжностей, ни ласки,
Чтобъ поскорѣе осушить ей глазки.

CIV.

Онъ говорилъ: «Къ чему печаль твоя?
Ты молода, любима,—гдѣ жъ страданье?
Въ твоихъ глазахъ — мой міръ, вся жизнь моя,
И рай земной — въ одномъ твоемъ лобзаньѣ...
Быть-можетъ, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣетъ,
Французъ давно не годенъ никуда...
Ну, полно! Слезы прочь и сядь сюда!»
. . . .
. . . .

CV.

«Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ.
Пренебрегла опасность, наказанье,
Стыдъ, совѣсть—все, чтобъ только видѣть васъ.
Поцѣловать вамъ руку на прощанье
И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отвергайте бѣдную,—довольно
Ужъ я терплю,—за что же?.. Сердце вольно.
Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
Завистливыхъ... Все Ванька вашъ, злодѣй,
Черезъ него я гибну... Все готово!
Молю... о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CVI.

«Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ,—гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля,—бѣдная забыта...
А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами
Раба?—Игрушка!.. Точно, день, два, три
Мила, а тамъ?—пожалуй, хоть умри!..»
Тутъ начались слезы, восклицанья,
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII.

«Ахъ, баринъ, баринъ, вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!..
Прощай,—тебя мнѣ больше не видать,
Зато ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнѣ жъ должно страдать.
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи,—
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!.
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальній хуторъ, гдѣ Маврушу ждутъ
Страданья, мужъ съ косматой бородою...
А ты?—Вздохнешь и слюбишься съ другою!»

CVIII.

Она заплакала. Такъ или нѣтъ
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смѣю; двухъ-трехъ лѣтъ
Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
А тотъ, кто разсказалъ мнѣ повѣсть эту—
Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу,—я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки!

CIX.

Она замолкла, но не Саша: онъ
Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ:
«Злодѣй! Тиранъ!»—и тысячу именъ,
Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готовъ былъ юноша развратный
Въ послѣдній разъ . . . .
. . . .
. . . .
. . . . какъ вдругъ,—о Провидѣнье!—

CX.

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стеклянной двери обѣ половины
И ночника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ,—
Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ,—
Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
«Eh bien, monsieur, que vois-je?»—«Ah, c'est vous!»
«Pourquoi ce bruit?—Que faites vous donc?»—«. . . . .»
И, молвилъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

CXI.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань Кавказскихъ горъ,
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
Не распростясь, но кинувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
Не могъ унять волненья сердца. «Вздоръ,—

„Предъ нимъ, озарена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны — царицы ночи...“

Шепталъ онъ,—вздоръ: любовь—не жизнь!»
Но утро,
Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожиданный давно,
А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ однозвучный.

CXII.

Къ окну въ волненьи Саша подбѣжалъ:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣлъ ямщикъ и вожжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: «Что же, все готово?»—
«Готово».—Вотъ садится... Онъ узналъ:
Она!.. Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. «Пошелъ!»... Колеса застучали
И вмигъ... Но что намъ до чужой печали?

CXIII.

Давно ль?... Но дѣтство Саши протекло.
Я разсказалъ, что знать вамъ было нужно...
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе—нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость,—но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя бъ дошло до драки),
И потому родитель, разсчитавъ,
Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
Сынка, рыдая, какъ мы всѣ умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

CXIV.

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правилъ.
Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшась святого брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака,
И потому въ сомнѣньи ждутъ да ждутъ,
Покуда ихъ на вистъ не позовутъ.
Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клевещутъ и желтѣютъ.

CXV.

Но иногда какой-нибудь лакей
Усердный, честный, вѣрный, осторожный,
Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣнястъ ей
Служанку, то-есть грѣетъ одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣлъ,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ...
И если бы хоть разъ онъ былъ свидѣтель,
Какъ сладко спитъ сѣдая добродѣтель!

CXVI.

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много пріобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ—
Двусмысленная вещь; что добрый малый —
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавнѣй и сноснѣй,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

CXVII.

И списокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
На двухъ листахъ, раскрашенныхъ отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обвернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любилъ враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣчать,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

CXVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки,
И, наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ: съ чаемъ пить иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.

CXIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный

Напрасно входитъ, кланяется чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ, — шумятъ;
Уходитъ, — втрое хуже. Сущій адъ!..
По сердцу Сашѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

CXX.

Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключенъ и не спѣша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ, —
Я снова обращу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

CXXI.

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привесть въ порядокъ ихъ одежды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятьяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позѣвала.

CXXII.

На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она спѣшитъ лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній
На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водой обмыла станъ свой бѣлоснѣжный...
Опять свѣжа, какъ персикъ молодой,
И, на плечи капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безстыдной наготою,
Она подходитъ къ нашему герою.

CXXIII.

Садится въ изголовьи и потомъ
На соннаго студеной влагой плещетъ.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещетъ,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругій снѣгъ на улицѣ хруститъ,
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ, что мнѣ всегда досадно,
Колокола трезвонятъ безпощадно...

CXXIV.

Прелестный день! Какъ пышенъ Божій свѣтъ!
Какъ небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ,
Атласный галстукъ повязалъ лѣниво,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
Изобличалъ его... Но, между нами,
Сказать тихонько: это — не порокъ.
У нашихъ дамъ найти бъ его я могъ,
Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невиннѣй нѣту подъ луною.

CXXV.

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой
И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,
Онъ видитъ Катерину предъ собой,
Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ
И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней, закрыта . . . .
Храпитъ Параша, отвернувъ лицо.
Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо
И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

CXXVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
Для бѣдной, милой Тирзы, и такъ далѣ.
Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
Замѣтятъ ли невинный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказать случайно
Презрѣньемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва? — Глупцовъ крикливый судъ,
Коварный шопотъ злой старухи или
Два-три намека въ польскомъ иль въ кадрили!

CXXVII.

Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входитъ онъ,
Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
«Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я бъ не рѣшился на такую скуку,
Хотя бы мнѣ давали милліонъ.
Какъ ваши зубы?.. А Фиделька гдѣ жъ?
Она являться стала что-то рѣже.
Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ, — увы,
Какая жалость!.. Знаете ли вы,

На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
Которая несетъ погибель свѣту?..

CXXVIII.

«И по дѣломъ, вѣдь новый магазинъ
Открылся на Кузнецкомъ,— не угодно ль
Вамъ посмотрѣть? Тамъ есть мамзель Aline,
Monsieur Dupré, Durand, французъ природный,
Теперь купецъ, а бывшій дворянинъ;
Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть субретка
Fanchaux — плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокругъ нея вертится.
Ей Богу, все равно мнѣ, что случится!
И по одной значительной причинѣ
Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

CXXIX.

«Причина эта вотъ — мой кошелекъ:
Онъ пустъ, какъ голова француза, — малость
Истратилъ я; но это мнѣ урокъ —
Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!»
И, притворясь печальнымъ, сколько могъ,
Шалунъ склонился къ теткѣ, два-три раза
Вздохнулъ, чтобъ удалась его проказа.
Тихонько ларчикъ отперевъ, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три бѣленькихъ бумажки.
И... вы легко поймете радость Сашки.

CXXX.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
То у дверей, съ недвижностью примѣрной,
Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
Стоялъ арапъ, его служитель вѣрный.
Покрытъ какъ лакомъ былъ чугунный цвѣтъ
Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
Когда смѣялся онъ, иль говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ,
И въ голосѣ его, инымъ казалось,
Надменностью безумной отзывалось.

CXXXI.

Союзъ довольно странный заключенъ
Межъ имъ и Сашей былъ. Ихъ разговоры
Казалися таинственны, какъ сонъ;
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
Воображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страстный обожатель,
И потому «Зафиромъ» нареченъ
Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?
Всѣ восхищались этой скверной рожей!

CXXXII.

Зафиру Сашка что-то прошепталъ.
Зафиръ кивнулъ курчавой головой,
Блеснувъ, какъ рысь, очами, денегъ взялъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей еще стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью,
На языкѣ чужомъ и тайной страстью
Одушевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего разсказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

CXXXIII.

И, наконецъ, онъ подалъ знакъ рукой
И тотъ исчезъ быстрѣй китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
Онъ жилъ у Саши, какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовой);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,
Добро и зло. Ему была законъ
Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
Что, кромѣ Саши, въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о Зафирѣ.

CXXXIV.

Однако были дни давнымъ-давно,
Когда и онъ на берегу Гвинеи
Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
И ожерелье красное на шеѣ,
И мало ли?.. О, тамъ онъ былъ звено
Въ цѣпи семей счастливыхъ!.. Тамъ пустыня
Осталась неприступна, какъ святыня.
И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
И пѣна водъ бѣлѣе жемчуговъ.
Тамъ жгутъ лобзанья, и пронзаютъ очи,
И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

CXXXV.

Но родина и вольность, будто сонъ,
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно..
Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все стало непонятно —
Блестящихъ городовъ и шумъ, и звонъ,
Такъ облачко, оторвано грозою,

Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо — солнце, міръ и шумъ его.
Ему обидно общее веселье,—
Оно, нахмурясь, прячется въ ущелье.

CXXXVI.

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стального шишака
Колеблемыя перья! Предъ грозою
Въ одеждахъ золотыхъ издалека
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ
И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,
Обнявшись, свившись, будто куча змѣй,
Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
Настанетъ день, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спроситъ?

CXXXVII.

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не открылъ вниманью дружбы нѣжной.
И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,—
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
И, не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ чуждый жизни... Миръ съ тобою.

CXXXVIII.

И миръ твоимъ костямъ! Онѣ сгніютъ,
Покрытыя одеждою военной...
И сумраченъ, и тѣсенъ твой пріютъ,
И ты забытъ, какъ часовой безсмѣнный.
Но что же дѣлать?—Жди, авось придутъ,
Быть-можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ братій.
Какъ знать, земля до молодыхъ объятій
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?.. Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все ль какъ прежде
Ты любишь насъ и вѣруешь надеждѣ?

CXXXIX.

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу —
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанья славы,
Какъ призракъ, разлетѣлися. Вы правы,
Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелій и свободы, и, не зная
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.

CXL.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ,
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

CXLI.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ
За неземной границей міра? — Смутный
Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
Названья и числа; гдѣ, безпріютны,
Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
Заброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
Который вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
Хоть между тѣмъ [пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

CXLII.

О, суета! И вотъ вашъ полубогъ —
Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
Землей и моремъ, — всѣмъ, чѣмъ только могъ, —
Не въ силахъ онъ прожить три дня не ѣвши.
Но полно! Злобный бѣсъ меня завелъ
Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ — вѣкъ безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный,
Мои слова прославитъ, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда
И поневолѣ станешь лицемѣрить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

CXLIII.

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ,—
Онъ долголѣтенъ будетъ на земли
И для сыновъ останется урокомъ!
Блаженъ, кто думы гордыя свои

Умѣлъ смирить предъ гордою толпою,
И кто грѣховъ тяжелою цѣною
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ,
Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ, какъ алмазъ!
Блаженъ, кто не склонялъ чела младого
Какъ бѣдный рабъ предъ идоломъ другого!

CXLIV.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ,—
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеный
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
Струей гремучей прыгаетъ, сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ, какъ призракъ позднею порой,
Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
Трещитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
Отвсюду смотритъ черными очами!

CXLV.

Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами,
Кто пріученъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
Златыя облака, отъ раннихъ дней
Носиться,— кто, главой припавъ на гриву,
Леталъ, подобно сумрачному диву,
Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звонкимъ и впередъ землею
Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.

CXLVI.

Блаженъ!.. Его душа всегда полна
Поэзіей природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина;
Онъ въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ больною грудью и больной душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скуки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—

CXLVII.

Или, трудясь, какъ глупая овца,
Въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,—
Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,
И поклоняться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?—
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отчизну и картофель?.. Вотъ народъ:
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служитъ,
Слабѣйшихъ давитъ, бьютъ его — не тужитъ!

CXLVIII.

Вотъ племя: всякій чортъ у нихъ баронъ!
Профессоръ важный — каждый ихъ сапожникъ!
И смѣло вкривь и вкось глаголетъ онъ.
Какъ Пиѳія, возсѣвъ на свой треножникъ,
Кричитъ, шумитъ... Но что жъ? — Онъ не рожденъ
Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
Въ его глазахъ бездушныхъ — степь простая,
Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
Гдѣ бъ могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ,
Которые съ ихъ грозными дѣлами
Унесены забвенія волнами...

CXLIX.

Кто недоволенъ выходкой моей,
Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору,
Съ листомъ въ рукахъ, съ оравою друзей,
И, вѣруя ихъ опытному взору,
Печатаетъ анаѳему злодѣй!..
Я кончилъ... такъ! Дописана страница.
Лампада гаснетъ... Есть всему граница —
Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно ужъ не звучали
И вдругъ съ пера, Богъ знаетъ, какъ упали!..

конецъ 1-й главы.

ГЛАВА II.

I.

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
Испытывать читателей терпѣнье,
И потому примусь за свой разсказъ
Безъ предисловій. — Сладкое смятенье
Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ,
Ловлю прыгунью риѳму и, потѣя,

Въ досадѣ призываю Асмодея.
Какъ будто снова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,—
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть риѳма: *гадость,* а не только *радость!*

II.

Давно когда-то за Москвой-рѣкой,
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой,
Былъ домъ угольный, и въ немъ жизнь
играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пу-
стой.
Внизу живетъ съ беззубой половиной
Безмолвный дворникъ... Пылью, паутиной
Обвѣшаны, какъ инеемъ, кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
И временемъ, и окна краской бѣлой
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый
столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Исчерченный; но часъ ихъ не пришелъ,—
Они гніютъ незримо, лишь порою
Скользитъ по нимъ играющій эолъ,
Или еще крыло жильца развалинъ —
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
Исчезнувшихъ пришельцевъ гордый слѣдъ.
Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужъ нѣтъ:
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоцѣнной?
Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ
присталъ,
И русскій Богъ отмстилъ за храмъ свя-
щенный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ имъ путь въ степи мороз-
ной —
И степь ихъ проглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и плѣномъ и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался, какъ комета,
Сталъ говорить съ насмѣшкой голосъ
свѣта.

V.

И старый домъ, куда привелъ я васъ,
Его паденья былъ свидѣтель хладный.
На изразцахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи и жадно
Въ нихъ ищетъ мысли — и безплодный
часъ
Проходитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ ли онъ, иль преданъ былъ ве-
селью?
Какъ надписи надгробныя, онѣ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ, —
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

VI.

И образы языческихъ боговъ —
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми но-
сами
Лежатъ въ углахъ низвергнуты съ стол-
бовъ,
Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ две-
рями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамкахъ и глядятъ сурово,
И, мнится, обвинительное слово
Изъ мертвыхъ устъ ихъ излетитъ, — увы!
О, если бъ этотъ домъ знавали вы
Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если бъ время было въ нашей волѣ!..

VII.

Бывало, только утренней зарей
Освѣтятся церквей главы златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя,
Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ,
зѣвая,
Выходитъ, и сквозь утренній морозъ
Раздастся первый стукъ колесъ,—
А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.
И каждый день идетъ въ немъ пиръ
горой,
Смѣются гости и бренчатъ стаканы.
Въ стеклѣ граненомъ даръ земли чужой
Клокочетъ и шипитъ аи румяный,
И отъ крыльца каретъ недвижный строй
Далеко тянется, и въ залѣ длинной,
Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чин-
ной,
Красавицы, столицы лучшій цвѣтъ,
Мелькаютъ... Вотъ учтивый менуэтъ
Рисуется вамъ; шопотъ удивленья,
Улыбка, взгляды, вздохи, изъясненья..

VIII.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,

Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
У зеркала . . . .

[Здѣсь рукопись обрывается].

1835—1836 г.

КАЗНАЧЕЙША.

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Пускай слыву я старовѣромъ —
Мнѣ все равно, я даже радъ;
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку.
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть-можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи не гладкіе запьемъ —
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь же, право, хоть куда!
Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари, и мостовыя;
Тамъ два трактира есть! одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;
Тамъ зданье лучшее острогъ...
Короче, славный городокъ!

II.

Но скука, скука, Боже правый!
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой,
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы — просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ,
И васъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы!.. ахъ такіе хваты!..
Полковникъ вѣрно неженатый;
А ужъ бригадный генералъ,
Конечно, дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
Зато несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье; сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV.

И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ Аврора
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ кабакъ,
. . . .
. . . .
Уланы справа по шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

V.

Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура! Катерина!
Скорѣе туфли и платокъ!
Да гдѣ Иванъ? Какой мѣшокъ!
Два года ставни отворяютъ...»
Вотъ ставни настежь. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ —
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!» — «Гдѣ? Майоръ?» — «О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ, а конь — картина!
Да жаль, онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь

Косынку тихо поднимаетъ
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостиницы Московской —
Притона буйныхъ усачей —
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,
Зато предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки:
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ штор —
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ расчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ).
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянскаго струей.

IX

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его крапленыя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ —
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, отъ стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтёръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямь, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронетъ землю башмачокъ.
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла, какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалося для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки —
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Не чисто *р* произносила;
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ!—о томъ причины скрыты;
Но есть въ Тамбовѣ двѣ кумы,
У нихъ, пожалуй, спросимъ мы.

XIII.

Для бо̀льшей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Ое судятъ милыя уста?
Н, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ нелживый,

А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

Итакъ, тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы
. . . .
. . . .
Что жъ—знаніе ее сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милый
[Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ],
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ,
Штабъ-ротмистръ, строенъ, какъ корнетъ,
Взоръ пылкій, усъ довольно черный!
Короче, идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ.
Съ тѣхъ поръ дарами Провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ, спать ложась, привыкъ не вѣдать —
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтёромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI.

Страстьми земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда
И не смущенъ бы былъ и раемъ,
Когда бъ попался и туда.
Бывало, въ дѣлѣ подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Иль сталъ душою заговора;
Порой, незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать.
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни;
А несмотря на то, друзья!
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
. . . .
. . . .
. . . .
Таковъ-то былъ штабъ-ротмистръ Гаринъ:
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ не мало онъ смѣшного —
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
«Бѣдняжка!» думаетъ уланъ.
«Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь! и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей!»

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ.
На кудри мягкіе надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой —
Даръ молдаванки молодой.
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ, промелькнувши какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонный,
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Что жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не безсонница ль у ней?..
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ —
Заняться этимъ намъ неловко...
И если правду ужъ сказать,
Ну, кстати ль было бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной
И вдругъ — какой позоръ и срамъ,
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина — безъ мундира.
Скорѣй, штабъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ!
И подѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь —
Онъ молвилъ: «что жъ? начало есть!»

XXII.

Два дня окно не отворялось.
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь.
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.
Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора —
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
Межъ нихъ завелся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви — языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный —
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять.
Отправится ль она къ обѣднѣ —
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній:
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ, все время не крестясь.
Лучомъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ —
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было бъ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ея бояться и ласкать!

. . . .
. . . .
. . . .

Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI.

Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
Такъ говорилъ любовникъ мой.
«Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой».
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей.—Что это?—«Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ,
Самъ не пріѣхалъ: много дѣлъ-съ;
Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать».
—«Ступай, скажи, что я пріѣду».
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель —
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,
Но праздникъ въ томъ не потерялъ;
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше

Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное — смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О! скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ, у лѣска,
Бросаетъ лучъ исподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабъ-ротмистръ удалой:
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ — не знаю какъ случилось,
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ началися извиненья
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ —
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша не примѣръ.

XXXI.

Она въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить —
Таковъ обычай деревенскій!
Помучить — способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!
Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!
. . . .
. . . .
. . . .

XXXII.

Вобще, я могъ въ году послѣднемъ
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ бреднямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!
Такая мудрая супруга
Въ часы любовнаго досуга
Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять,
Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
Магнитизировать начнетъ —
И счастливъ мужъ, коли заснетъ!..
Плоды подобныхъ замѣчаній,
Конечно бъ, могъ не вѣдать міръ,
Но польза, польза — мой кумиръ.

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы! молясь иной святынѣ,
Не вѣруютъ Амуру нынѣ:
Забытъ любви волшебный царь;
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ;
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ...
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву —
Все тотъ же сонъ и наяву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна — разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!..»
Вотъ чей-то шагъ — и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость нежданный былъ.
Немного, можетъ-быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодежь.

Кивнувъ легонько головою,
Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

«Я вижу, вы меня не ждали —
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ! вы еще не испытали,
Что въ страсти значитъ день, что часъ!
Среди сердечнаго волненья
Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь — на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ —
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ — скажи, скажи!..»

XXXVII.

Й взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ,
То, разгораясь страстью томной,
Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ!.. Ему казалось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ вдругъ внезапный и невольный
Стыдъ овладѣлъ ея душой —
И, вспыхнувъ вся, она рукой
Толкнула прочь его: «Довольно!
Молчите, слышать не хочу!
Оставите ль?.. я закричу!..»

XXXVIII.

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не штуки — какъ ни говори —
А просто, женское упорство;
Капризы — чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій:
Штабъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь — и въ дверяхъ супругъ.
Красотка «ахъ!» Они взглянули
Другъ другу сумрачно въ глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? Чудо! нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей:
Онъ именинникъ — будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
Весь день проводитъ онъ въ волненьи.
Насталъ и вечеръ наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!
Домъ полонъ; что за освѣщенье!
А все — засунуть, или нѣтъ,
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова.
Они другъ другу чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она — «да-съ», «нѣтъ-съ», и замолчитъ...
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.
Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ-нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ;
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.
Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты, возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной.
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда-нибудь
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ —

Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ.
Сажаетъ, потчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
«Іуда!» мыслитъ мой уланъ.
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ:
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ —
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
За злато совѣсть и законъ
Готовъ продать охотно онъ.
А вотъ уѣздный предводитель —
Весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ, спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ... но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушенный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ;
Нетесаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ, какъ велятъ —
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился,
Онъ все проигрывалъ до тла.
Въ ушахъ его: дана, взяла!
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился —
И проигралъ свой старый домъ,
И все, что въ немъ или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче — все, все дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было за́ полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей,

XLVIII.

И проситъ важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье
Иль — проиграть ужъ и жену. —
О страхъ! о ужасъ! о злодѣйство!
И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень радъ!»
Онъ говоритъ. «Пускай шумятъ;
Мы дѣло кончимъ полюбовно;
Но только, чуръ, не плутовать —
Иначе вамъ не сдобровать!»

XLIX.

Теперь кружокъ понтеровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ.
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усастаго героя,
Который понтируетъ стоя,
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой — вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ, вдалекѣ,
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

„И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабъ-ротмистръ преклонилъ колѣни..“

(Стр. 235).

L.

Что въ ней тогда происходило —
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ-быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы поневолѣ бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза.
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ? — вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась —
И жребій выпалъ... часъ насталъ...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаньи, подошла —
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь —
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему къ лицо
Свое вѣнчальное кольцо —

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ расчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравный.
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ,
Улана проклялъ милый полъ —
За что — мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки — выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія страстей?
Повсюду нынче ищутъ драмы,
Всѣ просятъ крови — даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ:
Простымъ, нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что жъ дѣлать!.. Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья, покамѣстъ будетъ съ васъ.
1836 г.

БОЯРИНЪ ОРША.

ГЛАВА I.

Then burst her heart in one long shreik
And to the heart che fell like stone
As statue from its base o'erthrown.
L. Byron. (Parisina).

Во время óно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша. — Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ.
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо — наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловалъ его въ уста,
И, обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ;
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:

«Надежа-царь! пусти меня
На родину — я день отъ дня
Все старѣ; даже не могу
Обиду выместить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.
Пусти меня! Мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Оброс могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догніетъ — и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился — тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ ризѣ дорогой,

Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу,
И запестрѣлись на полу
Узоры шелковыхъ ковровъ,
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ Божій даръ — младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь,
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былого памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ...
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!..
. . . .

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно
Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою ключей
Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
И взоры на небо возвелъ:
«А завтра быть грозѣ большой!»
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой.
«Смотри-ка, молнія вдали
Такъ и доходитъ до земли,
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
И воетъ вѣтеръ, будто звѣрь...
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня —
Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для родимаго отца!»
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ
Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спитъ — не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ —
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска.
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ, и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И — странно — Оршу обнялъ страхъ!
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ,
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
Но тутъ — онъ свистнулъ, и вошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «Скучно мнѣ,
Все думы черныя однѣ.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,
И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну».

И на скамью присѣлъ Соколъ
И рѣчь такую онъ завелъ:

«Жилъ-былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времечко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палатъ, и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

«Тотъ царь былъ слабъ и хилъ и старъ,
А дочь — непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ.

«И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
Сапожки шелковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну-красоту...
Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;

Дочь сладко спитъ, но не одна;
Припавъ на грудь ея главой,
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда,
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить...»

И быстро на устахъ раба —
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершалась въ немъ —
Улыбка вспыхнула, потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай, Соколъ».
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ. «Въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!»

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ.
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!..

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ, и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой;
На ней, предчувствіемъ объятъ,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ —
И мимо; но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась, и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку — и думаетъ старикъ:

«Нѣтъ! непорочна дочь моя.
А ты, Соколъ, ты рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый твой намекъ
Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ...

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

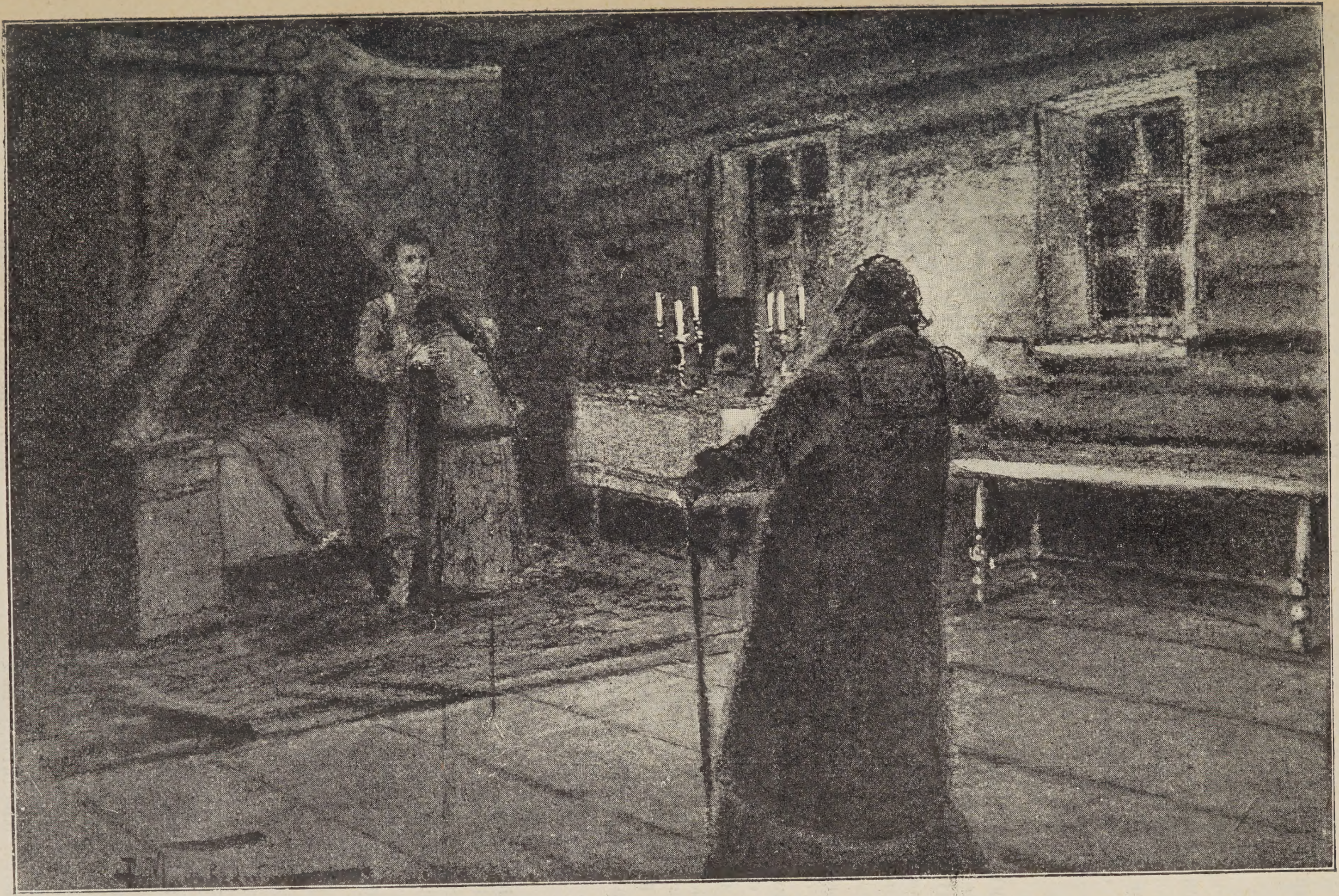
«О! погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня — и мигъ со мной!..»

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

«Не плачь... утѣшься! — близокъ часъ —
И будетъ міръ ничто для насъ.
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы вполнѣ,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской по вольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Задумалъ я свой край родной
Навѣкъ оставить, но съ тобой!..
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война — ихъ рай, а миръ — ихъ адъ.
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя — и я богатъ!»

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились — и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко съ ложа на коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Небрежной сброшенный рукой,
Произведя ударъ глухой,



„Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...“

Упало что-то.— И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ,
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда жъ безумца увели
И шумъ шаговъ утихъ въ дали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все снова спало крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

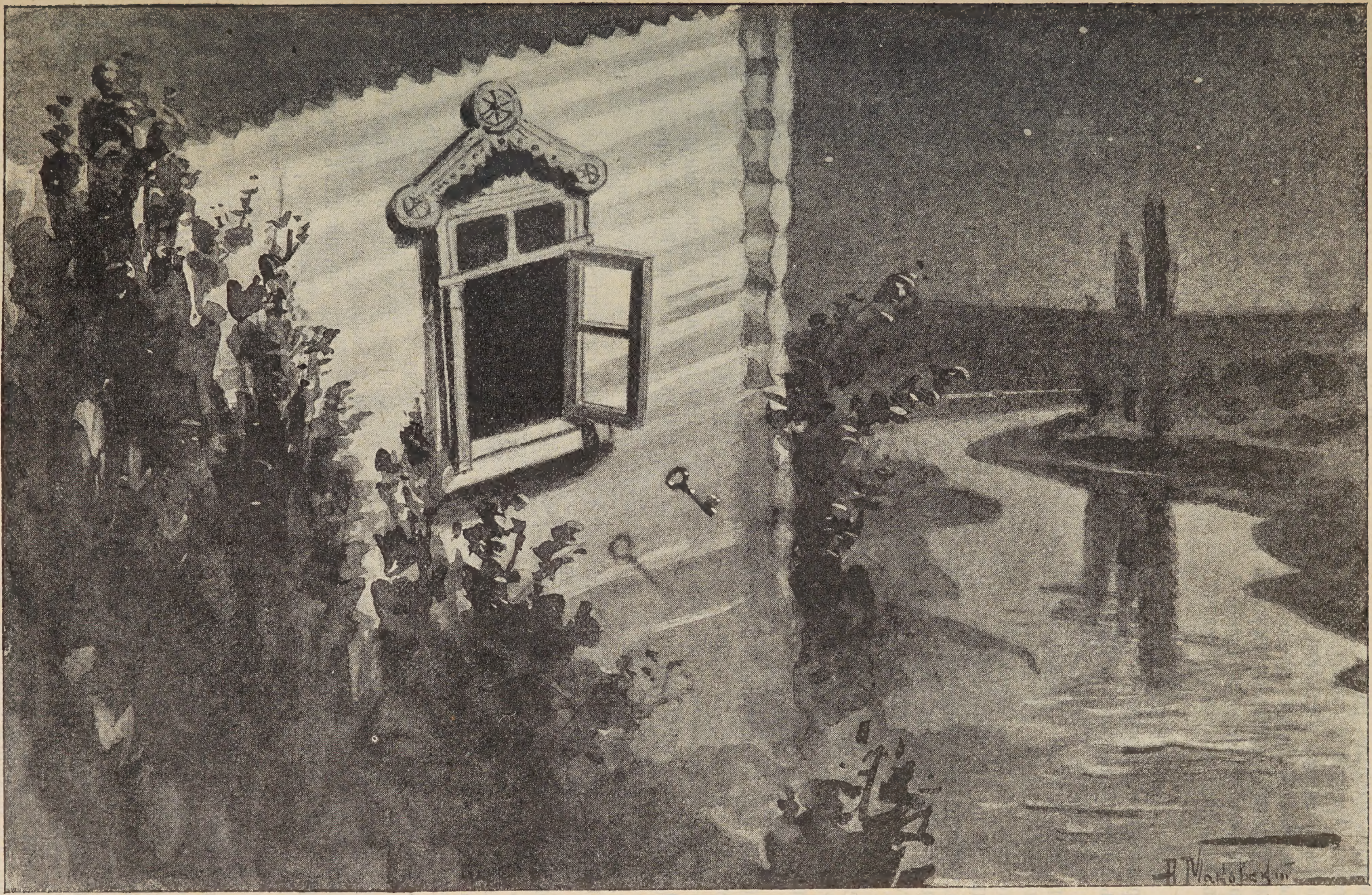
ГЛАВА II.

Народъ кишитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ звеня
Стремяна бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила,
И пѣна легкая — бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ —
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье — изъ дверей
Мелькаетъ длинныя рядъ свѣчей,
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ;
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной грѣшной головой.

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ —
Издѣлье иноческихъ рукъ —
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной,
Врываясь бѣлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу.
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ
Усердный инокъ... жалкій трудъ,
Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ...
Искусство горестный удѣлъ!

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливалися серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподымалися слегка.
Движеньемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.



„И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой“.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва ль не лишнее звено?..
Задумчивъ онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса,
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка — то внизъ,
То вверхъ, подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ — не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ.

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они! — вошли! — Толпа людей
Въ высокихъ черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
Согбенный тягостью веригъ,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ. — Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ, что Божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчугомъ.
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ,
И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святого чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ бояринъ головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ —
Укоръ, готовый на устахъ,
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
«Безумный, бренный сынъ земли!
Злой духъ и страсти привели
Тебя медовою тропой
Къ границѣ жизни сей земной.
Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
Простить не можетъ судъ земной,
Но въ небѣ есть Судья иной:
Онъ милосердъ, Ему теперь
При насъ дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ — благодарю.
Не понимаю, что была
У васъ за мысль? — Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой:
Онъ оправдалъ меня — одинъ
Онъ сердца полный властелинъ!
Когда бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ.
Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты, слѣпой старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,

„Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,

Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба“.

Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ-быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить,
И клятвы бъ грозныя забылъ,
И перенесть бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое страданье, мой позоръ!..

ОРША.

Не поминай теперь о ней!
Напрасно! — На груди моей,
Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!..
Но ты заплатишь мнѣ теперь
За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
За сердце жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй —
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!..

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
Кто мой отецъ и живъ ли онъ.
Не знаю... Люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ,
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой дитя — судьбой монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!
Но нынче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что славно было бъ въ немъ,
Облить и кровью и стыдомъ.
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!..
— Нѣтъ, не грози, отецъ святой:
Чего бояться намъ съ тобой?
Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все ль равно, что день, что годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ;
Ты въ рай, я въ адъ — но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
Два раза былъ свободенъ я:
Послѣдній — нынѣ... Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ,
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на пышныя поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы...
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
При блескѣ молній роковыхъ
Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ;
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ и ночь,
Забылъ печали бытія
И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшенымъ объятъ,
Съ ней унестись я былъ бы радъ;
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О старецъ! что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой и живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

ИГУМЕНЪ.

На что намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!
Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ,
И хочетъ истины законъ.
Открой же намъ друзей своихъ,
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНІЙ.

Мнѣ ихъ назвать? — Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной.
О, нѣтъ, ихъ тайну — не мою,
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ
Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
Пытай желѣзомъ и огнемъ —
Я не признаюся ни въ чемъ;
И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ!..

МОНАХЪ.

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему?.. Ужъ близокъ твой конецъ.
Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ и рай,
И вѣчность въ томъ или другомъ...

АРСЕНІЙ.

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,
Знакомый, милый разговоръ,

И будто вижу ясный взоръ...
И, пробудясь, во тьмѣ скорѣй
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они мой рай, они мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь — ничего, а вѣчность — мигъ!..

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
Пади на землю; плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя — Божья казнь!
Молись ему...

АРСЕНІЙ.

Напрасный трудъ!
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Всѣ люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить — и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Имъ разогрѣть не суждено
Сердца̀, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь...
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ — зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ; или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ — я также могъ бы жить!..

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ,
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шептались грозно межъ собой,
И слово «пытка» тамъ и тамъ
Вмигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ,
Безчувственно внималъ онъ имъ.
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой, увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.

—

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина.
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой,
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.

Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ,
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ;
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро — тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: «Гдѣ же казначей?
Поди, спроси его скорѣй —
Не затерялъ ли онъ ключей?»
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что не виновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: «бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?»
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,

Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой...

Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый на пескѣ лежалъ
Стальной зазубренный кинжалъ;
И польскій шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они вели къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ! — Но кто жъ ему помогъ?
Конечно, люди, а не Богъ!..
И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой.

ГЛАВА III.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ — и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна,
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собраться челяди своей,
Точить мечи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы;
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ — на пиръ мечей.

Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней,
И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза — не къ небесамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ;
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гулливая мятель!

. . . .

. . . .

. . . .

Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копій и мечей
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто жъ онъ? не русскій и не ляхъ —
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня.
Чела крутого смуглый цвѣтъ,
Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли бъ увѣрить васъ,
Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ и не старъ.
Но, разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой

Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
Отражено, какъ на стеклѣ,—
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ
Обезображенныхъ мечомъ
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли·
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
«Вотъ мѣсто — мертвый иль живой
Онъ здѣсь... вотъ дубъ—къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!..
Здѣсь сквозь толпу издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась... Каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь...
Четвертый взмахъ я долго ждалъ...
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ!..»
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: «это онъ!»
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
«И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ
И это гордое чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній! — Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою,
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой,
Которыми ты, можетъ-быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,
Я знаю, для чего ты здѣсь.
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то, что часъ мой билъ,
Покуда я не отомстилъ,
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!..»

«Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда на эту грудь,
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ давно,
А кѣмъ и какъ — не все ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отыщу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!»

«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ.
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ — какъ мертвецъ!..»
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой,
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И — духъ отъ тѣла отлетѣлъ.

Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы, какъ алмазъ.

Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая — не прощенъ ни въ чемъ:
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужъ время шло къ закату дня,
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Вонзилъ ему — и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко. — Пеленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись: яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней. —
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ;
Подъ сѣнь деревъ въѣжаетъ онъ.
Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдого пня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клевъ
О сучья жесткіе деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгущихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ степей...
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путемъ
Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Висѣлъ косматой бахромой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ
Скакалъ въ раздумьѣ погруженъ.
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня. Въ глубокій снѣгъ
Онъ вязнетъ часто... Труденъ путь!
Какъ печь, его дымится грудь;
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко... Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой,
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
Все пусто... будто гладъ иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
Онъ входитъ въ домъ — въ покояхъ ночь,
Закрыты ставни; полъ скрипитъ;
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой,
Широкой бѣлой полосой
Рисуясь на печи большой
Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зритъ;
Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ мелькнулъ его очамъ,
Предъ нимъ замерзшее окно;
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ не растаявшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь — но заперта.
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ,
И, вынувъ ножъ изъ кушака,
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И, затрещавъ, распался тотъ...
И тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.

Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
Когда бъ быстрѣй, чѣмъ мысль иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ...

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ...
. . . .

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли!
Душа прекрасная ее,
Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой,
И, какъ укоръ, передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ.
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ иль безъ тревогъ,
Когда и какъ — то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!

«Да! я преступникъ, я злодѣй —
Но казнь равна ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ...
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
О, если бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной —
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай Ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій, какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!..
Что безъ нея земля и рай?
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ — безъ божества!!

«Теперь осталось мнѣ одно:
Иду! — куда? Не все ль равно,
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!..»

1835—1837 г.

ПѢСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
И всѣ пили, царя славили,
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго,
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ;
Вотъ промолвилъ царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодецъ.
«Гей ты вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:
— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную — не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Иль конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:
— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля острая;
А на праздничный день, твоей милостью.
Мы не хуже другого нарядимся.
Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную —
У воротъ стоятъ у тесовыхъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешоптываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебёдушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя.
Какъ заря на небѣ Божіемъ,
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчёвые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?..
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,

„Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ, Аль ты думу затаилъ нечестивую? Али славѣ нашей завидуешь? Али служба тебѣ честная прискучила?

И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся».
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной.
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...

*

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкомъ сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ,
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо —
Гонитъ ихъ мятелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.
И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя —
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»
— Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.
И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ — въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?..
Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»
И, услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.
«Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинёшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ,
Оглянулася — человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:

„—Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ".

(Стр. 256).

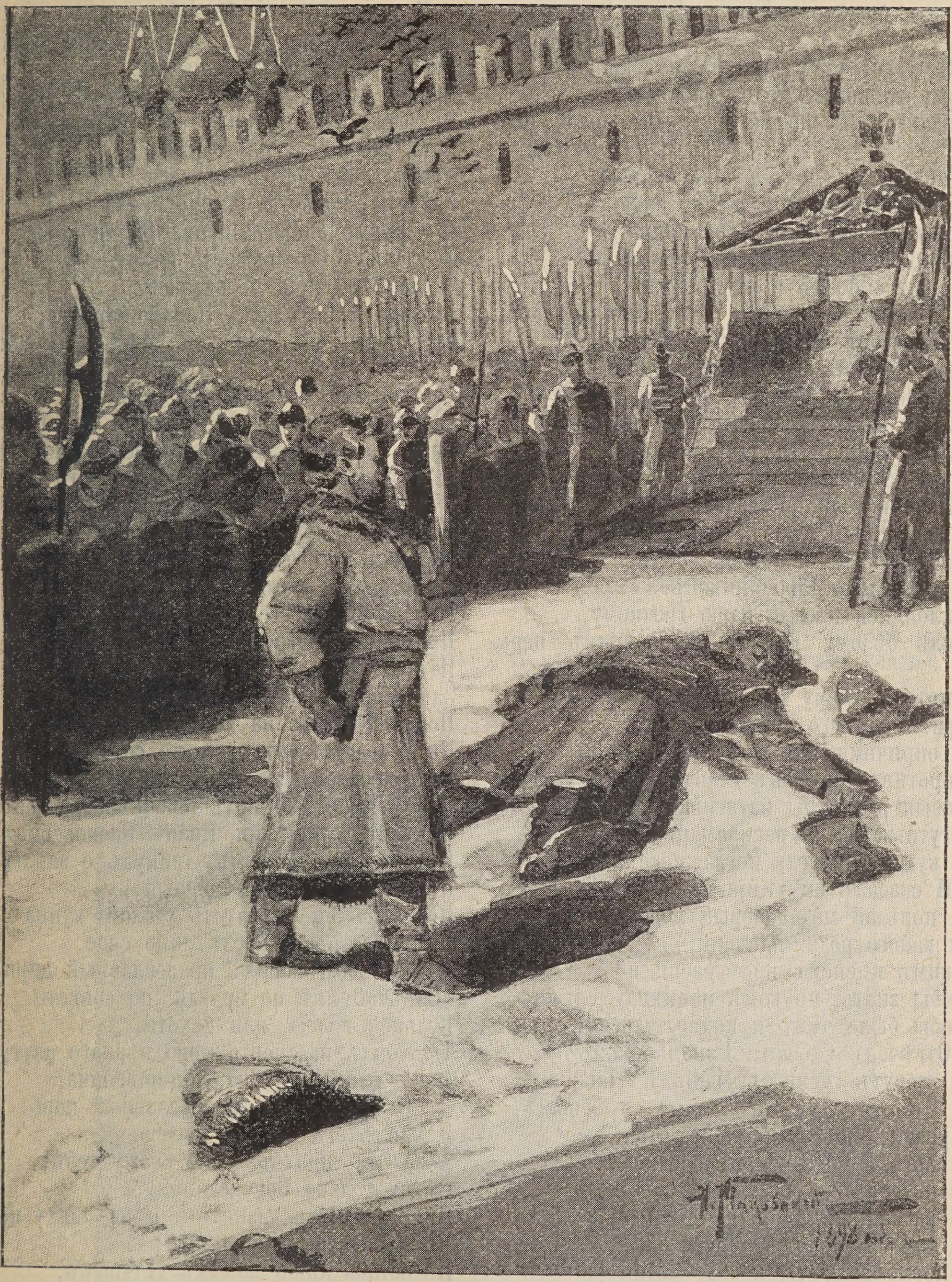
—Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной.—
Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
И цѣлуя, все приговаривалъ:
—Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!—
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...
Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ —твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную...
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти,
А меньшой мой братъ — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»
Говорила такъ Алёна Дмитревна;
Горючьми слезами заливалася.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?»
— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій Кирибѣевичъ:
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося;
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!
И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!»

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками.
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаяную,
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ



„И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво“.

(*Стр. 258*).

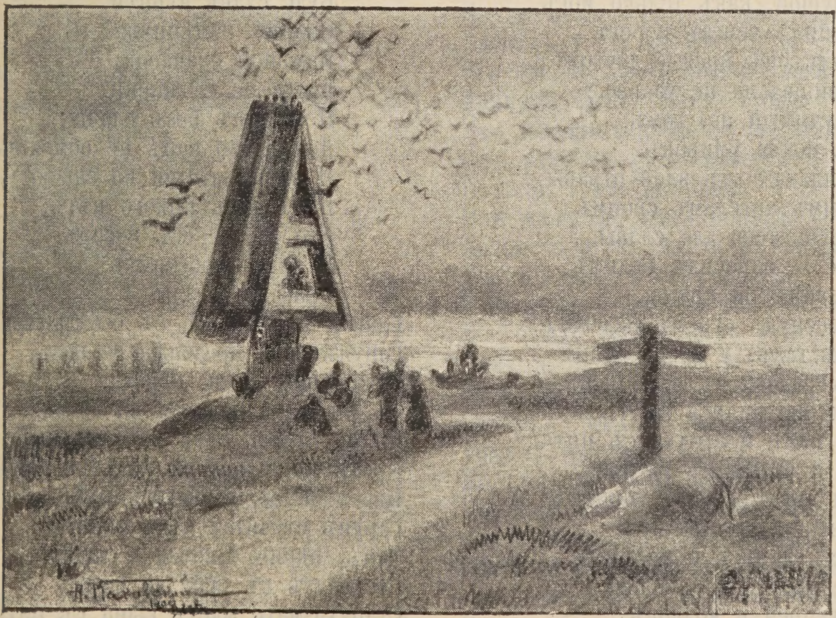
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ!
А кто будетъ побитъ, тому Богъ простить!»
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подперши въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую.
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, небойсь, призадумались:
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться».
Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервóй купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился.
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника,
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча,
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти.
Вольной волею, или нѐхотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...
«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ

Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»
  Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую...
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навострённымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
  «Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Поклонитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»
  И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистóмъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимир-
ской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою,
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ мóлодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
  Тороватому боярину слава!
  И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

1837 г.



БѢГЛЕЦЪ.

(Горская легенда).

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла·
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока
И надъ пустынею пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ — дома,
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Старикъ пришельца не узналъ;
На ложѣ мучимый недугомъ,
Одинъ онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ: отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?..» спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
— Два дня мы билися въ тѣснинѣ:
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ.
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И — вотъ пророкъ! — твоихъ услугъ,
Я до могилы не забуду.—
А умирающій въ отвѣтъ:
«Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И, саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ,
И онъ подумалъ: «я любимъ...
Она лишь мной живетъ и дышитъ...»
И хочетъ онъ войти — и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины.
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.
«Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року.
Молися Востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрнѣй.
Своимъ измѣнившій —
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ».
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ!»
Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ;
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его — не одного.
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно

Пришелъ къ тебѣ...»
— Одинъ? —
«Одинъ!»
— А гдѣ отецъ и братья? —
«Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли».
— Ты отомстилъ? —
«Не отомстилъ...
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою».
— Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ! —
Умолкло слово отверженья;
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ.
И, наконецъ, ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать поутру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь съ его глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

1838 г.

МЦЫРИ.

Вкушая вкусихъ мало меда, и се азъ умираю.
I. Книга Царствъ.

I.

Не много лѣтъ тому назадъ
Тамъ, гдѣ сливаяся шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильницъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой — и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручилъ Россіи свой народъ.

*

И Божья благодать сошла
На Грузію! — Она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаяся враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ, и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ;
Онъ знакомъ пищу отвергалъ,
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больного призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ

Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщаваньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ
И долго такъ онъ говорилъ:

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать —
А душу можно ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю,
И о прощеньи не молю.

IV.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ —
Зачѣмъ?.. Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ —
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.

V.

«Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ — я также могъ бы жить!

VI.

«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ? — Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года -
Имъ не сойтися никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари

„Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришель, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь“.

Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ разныхъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ, какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ —
И было сердцу моему
Легко, не знаю, почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...

VII.

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножонъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣжало предо мной.
А мой отецъ? Онъ, какъ живой,
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ;
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельѣ тамъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

VIII.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ — и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля;
Узнать, прекрасна ли земля;
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы —
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

IX.

«Бѣжалъ я долго — гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ —
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ и, наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ,
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей;
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ и прятался, какъ змѣй.

X.

«Внизу глубоко подо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ

Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, навстрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю:
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
Туда вели ступени скалъ:
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

XI.

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ·
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что́ я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы — имъ ужъ нѣтъ слѣда —
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту, я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ — за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной, —
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ — легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ:
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безыскусственно живой,
Такъ сладко-вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.

XIII.

«Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ — когда струя
Вливалась медленно въ него —
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише, но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей...
Недалеко въ прохладной мглѣ,
Казалось, приросли къ скалѣ
Двѣ сакли дружною четой;
Надъ плоской кровлею одной
Дымокъ струился голубой
Я вижу, будто бы теперь,
Какъ отперлась тихонько дверь
И затворилася опять...

Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если бъ могъ — мнѣ было бъ жаль:
Воспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ, со мной пускай умрутъ.

XIV.

«Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
И снова видѣлъ я во снѣ
Грузинки образъ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Ужъ луна
Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя раскрывъ.
Міръ теменъ былъ и молчаливъ;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
Хотѣлось мнѣ... но я туда
Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,
Пройти въ родимую страну,
Имѣлъ въ душѣ — и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой.
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

XV.

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной,
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

XVI.

«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ — и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

XVII.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь —
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной —
Бой закипѣлъ, смертельный бой!

„Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту, я, какъ могъ,
Спускаться началъ“...

(Стр. 265).

XVIII.

«Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ.
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я — и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

XIX.

«Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ,
И смерть навѣки заживитъ.
О нихъ тогда я позабылъ.
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

XX.

«Я вышелъ изъ лѣсу, и вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ — понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что безполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ,
И всѣ зачѣмъ? — Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!..
Еще въ сомнѣнье погруженъ,
Я думалъ — это страшный сонъ...
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ —
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!..
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца — будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

XXI.

«Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что я предъ нимъ? — Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ;
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжегъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

XXII.

«И какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался — и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ,
Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый донизу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ..

XXIII.

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ островов,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать — передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать — языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки — и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть —
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ

„Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ“.

И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:
«Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье —
И холодъ и покой.

*

Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

*

Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...»

«И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...

XXIV.

«Такъ я найдёнъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

XXV.

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!..

XXVI.

«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать —
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть-можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839 года, августа 5.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ,
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,

А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ — смѣшно жъ терять для звучныхъ
строфъ
Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.

Стиховъ я не читаю, но люблю
Марать, шутя, бумаги листъ летучій;
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ риѳмъ, какъ напримѣръ,
на ю.
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
Зато конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ, и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона иного:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій
бредъ.
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно: c'est joli!..
Иль мышь надъ ней старается въ пыли.
Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта —
Аристократъ и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню: розовыя шторы
Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Слѣдить ковра восточные узоры;
Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ
сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсь изъ самыхъ нечинов-
ныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любов-
ныхъ —
Не знаю. Если бъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ бы сволочь различить со знатью.
Но духъ — извѣстно, что такое духъ:
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ,
слухъ,
И мысль безъ тѣла — часто въ видахъ
разныхъ
[Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася — и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами
И отъ него отдѣлался — стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый де-
монъ;
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не со-
всѣмъ онъ —
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушеній
Была полна — вѣдь онъ не даромъ геній.

«Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ
Пускай! Зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула бъ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему: терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцѣлуя.

«Когда ты спишь, о, ангелъ мой зем-
ной!
И шибко бьется дѣвственною кровью
Младая грудь подъ грезою ночной,
Знай, это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся и говорю съ тобой;
И, въ тишинѣ, наставникъ твой случай-
ный,
Чудесныя разсказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связанъ
И вѣчностью и знаніемъ наказанъ...

«Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталъ надъ сонною столицей;

Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
Румяный западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались — какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;
Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
Неясно раздавались — и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море.

Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ — гранитныхъ крыльцевъ ихъ
Купалися широкія ступени;
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

«И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ,
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви — безстыдное желанье!
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье!

«Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важностью наслѣдственною въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьей,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой;
И оконъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ.

«Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои —
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музыкой тутъ гремѣли вечера,
Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
Давала знакъ условный подъ столомъ;
И старики, въ звѣздахъ и брилліантахъ,
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ.

«Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли;
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостинной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой, и, блескъ смѣнивъ бывалый,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ —
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и нравы.

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
Безсонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ или читалъ Вольтера.
Какъ быть, сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра!..
Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней видался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо.

«Всегда одна, запугана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или, скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подснѣжный.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки;
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна —
И вдалекѣ мечты ея летали,
Пока ее играть не посылали.

«Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то страшно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилой

Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремитъ, то снова тише, тише...
[То были тѣни предковъ или мыши.]
«И что жъ?—Она привыкла толковать
По-своему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой, и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ
Подслушивалъ, невинной груди трепетъ
Слѣдилъ, ея дыханіемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью, упивался... это было
Смѣшно—но мнѣ такъ ново и такъ мило!
«Влюбился я... И точно, хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ никогда свинецъ карандаша
Рафаэля иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всё ея движенья
Особаго казались выраженья
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая равно надежду, радость, горе—
И было темно въ нихъ, какъ въ синемъ морѣ.
«Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ.
«Ее смущали странныя мечты.
Порой, она среди пустого зала
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты.
На платьицѣ чудесные узоры
Виднѣлись ей—и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упадала...
«И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ зато какъ милъ и нѣженъ!..
Что дѣлать ей? Притворно-строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
А сердце билось въ ней такъ шибко, шибко...
И по устамъ змѣилася улыбка.
«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладитъ, то красивый
Цвѣтокъ пришпилитъ къ нимъ; движенью глазъ,
Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
Но умъ ея, и смѣтливый, и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ.
«То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшеткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!..
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на совѣтъ:
Ихъ затруднилъ удачный выборъ бала.
Что, будетъ дворъ, иль нѣтъ? Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видъ ей дастъ оригинальный.
Потомъ нарядъ осматривали бальный.
«Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была, какъ въ лихорадкѣ;
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала: въ суетахъ перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и дорогой
Была полна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье—свѣтъ ее замѣтилъ.
«Кипѣлъ, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Моихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній—
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!..»

(Здѣсь рукопись обрывается).

1841 г.

ДЕМОНЪ.

(восточная повѣсть).

Часть первая.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой —
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы,

II.

Давно, отверженный, блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта.
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказ
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица,
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ; — и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ, но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя раины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплотной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ —
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, иль ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;

И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, иль ненавидѣлъ.

Въ скалѣ нарублены ступени;
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ зурна и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая —
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится — глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.

И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;

И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.

И лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росою
Не брызгалъ на подобный станъ;
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ сонцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая понынѣ
И незнакомая семья.
И часто тайное сомнѣнье
Темнило свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,
Что если бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братьевъ вспоминая,
Онъ отвернулся бъ — и вздохнулъ..

IX.

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался — и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ ли призракъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ.
Забыть? — Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья...

X.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливый.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется; мелькая,
Ихъ колокольчики звенятъ..
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ ловкій станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обложена.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой.
Питомецъ рѣзвый Карабаха
Прядетъ ушми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный.
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала;
Но презрѣлъ молодой женихъ

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.

Обычай прадѣдовъ своихъ —
Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ;
Нагайка щелкъ — и какъ орелъ
Онъ кинулся... и выстрѣлъ снова,
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины...
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.

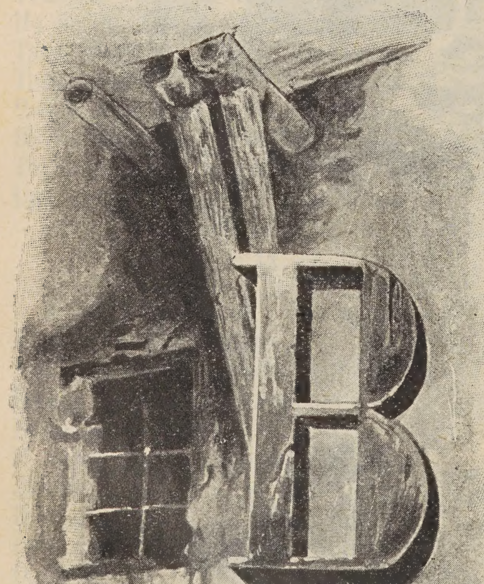
XII.

И стихло все... Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица.
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами
Покрыты длинными чадрами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
Зато усердною рукою,
Здѣсь у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ;
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани.
Храпитъ и рвется будто къ брани,
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливый;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой.
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинувъ ноги въ стремена,
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна...
Скакунъ лихой, ты господина
Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала.

XIV.



ъ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запаленный
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела;
Въ крови оружіе и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Недолго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова!..

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется будто къ брани.

XV.

На беззаботную семью
Какъ громъ слетѣла Божья кара.
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ...
И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
«Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ!
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой!
«На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!
«Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ;
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ —
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...»

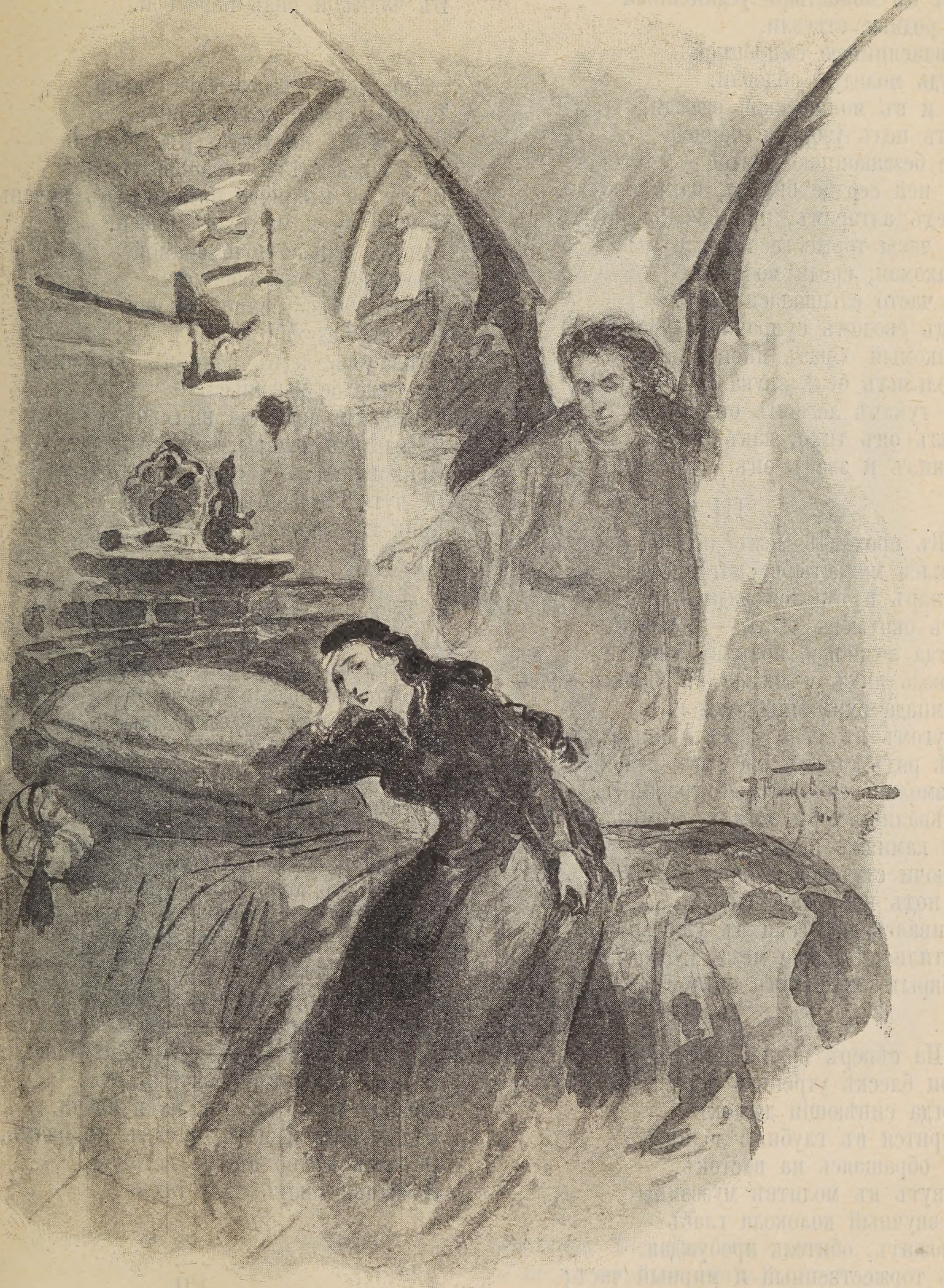
XVI.

Слова умолкли... Въ отдаленьи
Вослѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ — ничто въ сравненьи;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ;
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью;
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ — о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!..

Часть вторая.

I.

«Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.
Я плачу. Видишь эти слезы?..
Уже не первыя они...
Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ...
Не мало въ Грузіи невѣстъ;
А мнѣ не быть ни чьей женою...
О, не брани, отецъ, меня!
Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
Я вяну — жертва злой отравы!
Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну — сжалься надо мной!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ Нимъ тоску мою пролью.
На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...



И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой.

Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня».

II.

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билося, какъ прежде.
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы торжественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ ѳиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ — и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельи,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы.
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ;
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой —
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались;
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ предлогъ къ мученью—
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадетъ
И плачетъ, и въ ночномъ молчаньи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье,
И мыслитъ онъ: «то горный духъ,
Прикованный въ пещерѣ, стонетъ!»
И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ.

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ
И смотритъ вдаль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: «Онъ придетъ!»
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится ли на ложе сна —
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи,
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ.

. . . .
. . . .

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ;
Но долго, долго онъ не смѣлъ

„Отецъ! отецъ! оставь угрозы.
Свою Тамару не брани.
Я плачу. Видишь эти слезы?..
Уже не первыя они“...

(Стр. 282).

Святыню мирнаго пріюта
Нарушить — и была минута,
Когда казался онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродитъ: отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно,
И вотъ средь общаго молчанья
Чингара стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?..
Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться —
Его крыло не шевелится!
И чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой!

VIII.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ, смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ:

IX.

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?» Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя! — сказалъ онъ грозно. —
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;
Здѣсь я владѣю и люблю!»
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...

X.

Тамара. О, кто ты? Рѣчь твоя ужасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?
Демонъ. Ты прекрасна!
Тамара. Но кто ты, кто ты?.. Отвѣчай!..
Демонъ. Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ;
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь — я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангелъ, въ блескѣ новомъ.
О, только выслушай, молю!
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣлъ —
И тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.

(*Стр. 284*).

Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной;
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно — розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася какъ змѣй.
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?
Пустыя звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Тамара. Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу!
Творецъ!.. увы, я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.
Послушай, ты меня погубишь:
Твои слова — огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

Демонъ. Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все былое бросилъ въ прахъ, —
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеніемъ, всей властью
Безсмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира.
Давно тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О, если бъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья,
И наслаждаться, и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!..
Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось, съ того же дня
Природы жаркія объятья
Навѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно...
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата;
Но что же? — прежняго собрата
Не узнавало ни одно!
Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы! я самъ не узнавалъ.
И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
Помчался... но куда? зачѣмъ? —
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отвергнутъ; какъ эдемъ,
Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой
Обрывокъ тучи громовой,
Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!
И я людьми не долго правилъ,
Грѣху не долго ихъ училъ;
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ,
Не долго... Пламень чистой вѣры
Легко навѣкъ я залилъ въ нихъ...
И стоили ль трудовъ моихъ
Одни глупцы, да лицемѣры?
И скрылся я въ ущельяхъ горъ:
И сталъ бродить, какъ метеоръ,
Во мракѣ полночи глубокой...
И мчался путникъ одинокій,
Обманутъ близкимъ огонькомъ,
И, въ бездну падая съ конемъ,
Напрасно звалъ — и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...
Но злобы мрачныя забавы
Не долго нравилися мнѣ.
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Какъ часто, подымая прахъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ;

И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ

Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой.

(Стр. 284).

Проститъ онъ можетъ, хоть осудитъ!
Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ,
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей!
Она — то ластится какъ змѣй,
То жжетъ и блещетъ будто пламень,
То давитъ мысль мою какъ камень —
Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей!
Тамара. Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ...
Демонъ. Противъ тебя ли?
Тамара. Насъ могутъ слышать...
Демонъ. Мы одни.
Тамара. А Богъ?
Демонъ. На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей!
Тамара. А наказанье? Муки ада?
Демонъ. Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Тамара. Кто бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой навѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя.
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая...
О, пощади!.. Какая слава!..
На что душа тебѣ моя?
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой!
Онѣ — увы! — прекрасны тоже,
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертнаго рукой!..
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи — ты видишь, я тоскую,
Ты видишь женскія мечты!
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь,
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?..
Демонъ. Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой;
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ недремлющихъ враговъ;
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей, —
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ничей ужъ не встревожитъ умъ.
Хочу я съ небомъ примириться.
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня;
И міръ въ невѣдѣньи спокойномъ
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
О! вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ,
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ.
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга первая моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь? —
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ, и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки,
И своенравія мечты?
Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушныхъ и холодныхъ,
Друзей притворныхъ и враговъ,
Боязней и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
Печально за стѣной высокой
Ты не угаснешь безъ страстей,

Лучомъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью,
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!

(Стр. 292).

Среди молитвъ, равно далеко
Отъ божества и отъ людей.
О, нѣтъ! прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена;
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ:
Пучину гордаго познанья
Взамѣнъ открою я тебѣ.
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучомъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное —
Люби меня!..

XI.

— И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.
Онъ жегъ ее; во мракѣ ночи
Предъ нею прямо онъ сверкалъ,
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Увы, злой духъ торжествовалъ!
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ грудь ея проникъ...
Мучительный, ужасный крикъ
Ночное возмутилъ молчанье...
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье —
Прощанье съ жизнью молодой...
. . . .

XII.

Въ то время сторожъ полуночный,
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.
И возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Минутный крикъ и слабый стонъ...
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье —
И стихло все; издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святого
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ наважденье духа злого
Отъ грѣшной мысли отогнать;
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь...
. . . .

XIII.

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
Навѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто бъ, о небо! не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цѣловали, —
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!

XIV.

Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
[Такъ древній требуетъ обрядъ]
Надъ нею льютъ свой ароматъ
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею.
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ пылу страстей и упоенья.
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,

Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ,
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ:
Въ ней было хладное презрѣнье
Души, готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное: *прости!*
Напрасный отблескъ жизни прежней,
Она была еще мертвѣй
Еще для сердца безнадежнѣй
Навѣкъ угаснувшихъ очей.
Такъ въ часъ торжественный заката,
Когда, растаявъ въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,
Снѣга Кавказа на мгновенье,
Отливъ пурпурный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьи.
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной!..

XV.

Толпой сосѣди и родные
Ужъ собрались въ печальный путь.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня;
И поѣздъ тронулся. — Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
Построить церковь обѣщалъ
На высотѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ. —
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь успокоилися тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала, родная облакамъ:
Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прежнихъ дней.

XVI.

Въ пространствѣ синяго эѳира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносилися — какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ...
Онъ былъ могучъ какъ вихорь шумный,
Блисталъ какъ молніи струя,
И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говорилъ: «Она моя!»
Къ груди хранительной прижалась,
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ,
Но, Боже! кто бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ.
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, не знающей конца,
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.
«Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!»
Посланникъ неба отвѣчалъ.
«Довольно ты торжествовалъ,
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь — одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!»
И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,

И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

На склонѣ каменной горы
Надъ Койшаурскою долиной
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звеня, издалека.
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.
Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда-то очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, пережившій
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...
— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады,
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ метель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ.
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.
1838 г.

ПЕРВЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Я буду пѣть, пока поется
Пока волненья не забылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горятъ, хотя безвѣстнѣй,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня.
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна;
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть онѣ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней!
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно;
И юныхъ гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя
Среди людей скучаю я:
Мнѣ впечатлѣніе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,

И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

(Стр. 293).

Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы...

„Демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную. Демонъ узнаетъ и обольщаетъ ее, такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольстилъ ее, разсказывая, что Богъ несправедл. и проч. Свою ист.“

Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто, какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлѣнъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же Демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенья
Коварство, зависть и вражда?..

„Демонъ влюбляется въ смертную (монахиню), и она его наконецъ любитъ; но Демонъ видитъ ея ангела-хранителя, и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее. Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ, и Демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой“.

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто Демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ пень горѣлый,
Сраженъ стрѣлою громовой:
Онъ прямо высится главой
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый...
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И, все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не принимая.
Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды, надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины,
И зритъ: чернѣетъ надъ горой
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ низкихъ келій тишина.
Садится поздняя луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобно звуку лютни, внемлетъ...
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣка страданія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій —
Все оживилось въ немъ — и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь.

Монахиня. О чемъ ты близъ меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть...
Кто ты?.. Мольба моя напрасна...
Чего ты хочешь?

Демонъ. Ты прекрасна.

Монахиня. Кто ты?

Демонъ. Я Демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись:
Не искусить пришелъ я душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.

(1829 г.)

ВТОРОЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

1.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ.
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него;
Когда забота и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы..
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался;
И часто Демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ въ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И, все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ни чему
И ничего не признавая.

2.

Однажды вечеромъ межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря
Одинъ безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ: бѣлѣютъ подъ горой —
Стѣна обители святой

И башенъ странныя вершины.
Межъ бѣдныхъ келій тишина.
Встаетъ багровая луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ —
Его крыло не шевелитс.
И — чудо! — изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой.

3.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій·
Все оживилось въ немъ опять;
Но что жъ? Ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ... Такъ, если мчится
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ
И дальше, дальше улетаетъ.
Холодной гордостью полна
Проникнулъ въ келью духъ смущенный.
Людского счастья тайный воръ,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Онъ зритъ божественныя книги
Лампаду, четки и вериги...
Но гдѣ же звуки? гдѣ же та,
Къ которой сильная мечта
Его влечетъ?..
Она сидѣла
Съ испанской лютнею въ рукахъ
И пѣсню горъ, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольца мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало,
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть.
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза монахини сіяли...
Ея лилейная рука,
Бѣла какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложена.
Межъ тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна.
Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Онъ связанъ клятвой роковою.
[И эту клятву молвилъ онъ.
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною].
. . . .
Онъ искушать хотѣлъ — не могъ;
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть — забвенья не далъ Богъ;
Любить недоставало чувства.
Что дѣлать? Новыя мечты
И чуждыя понынѣ муки!
Такъ, Демонъ, слыша эти звуки,
Земную страсть извѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ-быть,
Она твоею жертвой будетъ.
И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не изгладитъ ничего...

4.

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ
Что это памятникъ могильный,
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ объ ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнитъ онъ чувства не привыкъ!

5.

Печальный Демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ледяный гротъ переселился
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья:
Составя свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, не ѣзжалый путь.
Когда метель гудитъ и свищетъ,
Онъ охраняетъ пришлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...

И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ,
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть.

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ Демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой.
И башни бѣлыя, и келью,
И подъ рѣшетчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ.— И кругомъ
Обходитъ Демонъ; но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними.
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ.
Какъ будто бы онъ тамъ погубитъ,
Что на минуту отдалъ рокъ.
Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Теперь лишь признаки любви:
Волненіе надеждъ несмѣлыхъ
И пламень неземной крови —
Видны въ чертахъ окаменѣлыхъ!
Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

ПѢСНЬ МОНАХИНИ.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда.
Къ другой онъ летѣлъ, иль ко мнѣ:
Я напрасно бъ старалась узнать.
Быть-можетъ, то было во снѣ...
Ахъ! Всю жизнь такъ нельзя ли мнѣ спать.
Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понынѣ съ младенческихъ дней·
Но видитъ душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.
Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста какъ мой ангелъ она,
Мысль о немъ неразлучна съ тобой!
Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ —
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.
Онъ въ сладкомъ снѣ
Явился мнѣ;
Онъ будетъ для меня всегда
Звѣзда
Надеждъ въ иной странѣ.
Моей виной,
Создатель мой,
Любовь къ нему не можетъ быть;
Любить
Приказано тобой!

7

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый Демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
Не вздохъ любви — могильный стонъ,
Какъ эхо, изъ груди разбитой
Протяжно вышелъ наконецъ,
И сердце, яростью облито,
Отяжелѣло какъ свинецъ
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ; хоть взоръ отверстъ,
Въ немъ ничего не отразилось,
Кромѣ презрѣнья — но къ чему?
Что показалося ему?

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Вблизи монахини прекрасной
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счасливы, святы оба!..
И мщенье, ненависть и злоба
Взыграли Демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснятся! Сколько думъ!
Мѣняетъ безпокойный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ! — Прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!..

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ-быть,
Внушилъ бы Демонъ сожалѣнье,
И благодатное прощенье
Ему бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
Кипитъ онъ, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ черныхъ думъ
Онъ образъ смертный принимаетъ,
Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черныя горятъ...
Но что жъ? Очей тѣхъ пламень — ядъ.
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая:
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

10.

Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ;

Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.
Она. Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь?
Къ чему жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?
Духъ. Ты прекрасна!
Она. Кто ты?
Духъ. Я Демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись —
Не искусить пришелъ я душу
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозной злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У бога вашего прощенья.
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...
. . . .
Такъ говорилъ онъ и рукою
Онъ трепетную руку жалъ
И поцѣлуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противиться не смѣла.
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня...

11.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ,
Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темносѣрыми рядами
Неслися тучи небесами:
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
Къ чему манитъ отшельницъ онъ?..
Не на молитву поспѣшили
Въ обширный и высокій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты,
Уста закрытыя безцвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Не знавшей власти надъ собой.
За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленныя долины
Сребристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала,
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ невзирая,
Шептала дѣва молодая:
„О!.. Демонъ!.. о коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!“
Но кто безжалостный злодѣй,
Губитель дѣвушки прелестной —
Тогда не понялъ старецъ честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной...
Но говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальный,
И хоръ раздался погребальный,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всё видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
Пустѣла тихая обитель,
И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ — и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее.. Но нынче ни чему
Нельзя встревожить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ, то умерло давно,
Что живо, то безсмертно стало,
Но время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ, и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко;
На немъ чернѣетъ крестъ высокой

Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ,
Дитя эдема, ангелъ мирный
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкіе какъ ленъ
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья легкія какъ сонъ
За бѣлыми плечьми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, и мнилось —
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной
Духъ гордости и отверженья
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья!
Онъ близъ могилы промелькнулъ
И, взоръ презрительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.
Какъ Демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ Демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

(Писано въ пансіонѣ въ 1830 г.).

ТРЕТІЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

По голубому небу пролеталъ
Однажды Демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ
И вспоминанья передъ нимъ толпой
Тѣснились. Это небо, гдѣ Творецъ
Внималъ его хваламъ и наконецъ
Проклятьямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно, въ блескѣ вѣчно молодомъ,
Какъ было въ тотъ святой, великій часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ,
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ... одинъ... одинъ...
Врагъ счастья и порока властелинъ.
Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ — тебѣ укоръ.
— Будь гордъ, старайся мстить, живи губя.
Но что жъ! и зло не радуетъ тебя?
И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. „У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.
Всѣ ихъ несчастья легче перенесть
Одной палящей капли адскихъ мукъ,
И вѣчность [это слово, этотъ звукъ,
Который значитъ все] — имъ не страшна.
Нѣтъ, вѣчность для рабовъ не создана!“
Такъ мыслилъ Демонъ. Медленно крыломъ,
Спускаяся на землю, разсѣкалъ
Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ:
Весенній день, краснѣя, догоралъ,
Растенія и волны, вѣтеркомъ
Колеблемы, негрѣющимъ лучомъ
Казались зажжены. Туманъ сырой
Ревниво поднимался надъ землей.
И только крестъ пустынный наконецъ,
Стоящій на горѣ, едва вдали
Блестѣлъ... и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
Надѣла ночь. Въ молчаніи текли
Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ,
Но въ ихъ молчаньи есть понятный гласъ!
О будущемъ пророчествуетъ онъ.
Вотъ встала и луна. Повсюду сонъ.
Свѣти, свѣти, прекрасная луна!
Природа любитъ шаръ твой золотой:
Въ его сіяньи нѣжится она,
Одѣтая полупрозрачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты — памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ! 1831 г.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра — и на вѣчность
Онъ приглядѣлся; но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ, назначеннымъ судьбой,
Онъ равнодушно подвигался;
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощенья гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забытъ и одинокъ —
Грозой оторванный листокъ
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ, и ада тьму.

Не вѣря въ жизни ничему
И ничего не признавая.
Надъ утомленною землей
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣнялись новою толпой
Живыхъ заботливыхъ твореній,
Но тщетны были для дѣтей
Отцовъ и праотцевъ уроки:
У перемѣнчивыхъ людей
Не измѣнилися пороки!
Все также грозныя слова,
Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все такъ же мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ
Смѣшнымъ казались подражаньемъ —
Не предназначеннымъ для нихъ —
Инымъ возвышеннымъ страданьямъ
Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ,
Сторожевые великаны,
Гнѣздились стаи облаковъ,
И вѣчно ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ
О море, море!. Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ, и тишина!..
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
И, какъ царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣпей не знавшей никогда,
Ихъ безконечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И безполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастія, безъ цѣли...
Между прибрежныхъ дикихъ скалъ
Бѣглецъ эдема пролеталъ.
Онъ взоръ, исполненный презрѣнья,
Вперилъ на грѣшный міръ земной
И зритъ въ туманѣ отдаленья
Верхи обители святой.
У стѣнъ ея, прохлады полны,
Однообразно шепчутъ волны;
Кругомъ ея — густыхъ деревъ
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней —
Символъ спасенія забвенный —
Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
Усильемъ бури и дождей,
Межъ бѣдныхъ келій храмъ огромный.
Едва, сквозь длинное окно,
Глядитъ лампады лучъ нескромный.
Внутри все спитъ давнымъ-давно,
Все вкругъ таинственно темно.
Вотъ одинока и красна
Встаетъ двурогая луна,
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ,—
Его крыло не шевелится;
И — чудо! — изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень,
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой.
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій
О настоящемъ, о быломъ —
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?.. одной минутой рая
Не оживетъ душа пустая!..
Безсильно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться, -
Ей ждать нельзя, она умчится
Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.
Проникнулъ въ келью духъ смущенный
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Въ углу изъ мрамора Мадонна,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей;
У стѣнки дѣвственное ложе;
Луна, смѣясь, въ окно глядитъ,
А у окна... всесильный Боже!..
Что съ нимъ? Онъ млѣетъ, онъ дрожитъ!..
По струнамъ лютни ударяя,
Предъ нимъ, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной
Была монахиня младая.
Она сидѣла передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья,
Мила какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды первыя творенья.
Въ большихъ глазахъ ея порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимою тоской,
Неизъяснимою заботой,
Полураскрытыя уста
Живые изливали звуки;
Въ нихъ было все: моленья, муки,
Слова надеждъ, слова разлуки,
И дѣтскихъ мыслей простота.
И грудь высоко воздымалась,
И обнаженная рука —
Бѣлѣй, чѣмъ утра облака —
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась.
Клянусь святыней гробовой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока!
Гаремовъ брызжущій фонтанъ
Ни разу, лѣтнею порою,
Своей алмазною росою

Не обмывалъ подобный станъ...
Ни разу гордый сынъ порока
Не осквернялъ руки такой, —
Клянусь святыней гробовой,
Лучомъ заката и востока!..
Духъ отверженія и зла
Стоялъ недвижимъ у порога;
Не смѣлъ онъ приподнять чела,
Страшася въ ней увидѣть Бога...
Увы, въ душѣ его была
Давно забытая тревога!
Онъ искушать хотѣлъ — не могъ,
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть? — забвенья не далъ Богъ;
Любить? — недоставало чувства.
И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя, —
Земной святынѣ уступилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не изгладитъ ничего.

II.

Скажу ль? Сначала думалъ онъ,
Хотѣлъ во что бы то ни стало
Исторгнуть изъ души какъ жало
Мгновенный свѣтлый этотъ сонъ.
И, побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣнье.
Но до него, какъ и при немъ,
Ужъ вѣры не было ни въ комъ, —
И полонъ скуки непонятной
Онъ скоро кинулъ міръ развратный,
И на хребетъ пустынныхъ горъ
Переселился съ этихъ поръ.
Тамъ надъ жемчужнымъ водопадомъ
Себѣ пещеру отыскалъ,
Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душою жизнь ея объялъ.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Какъ царь съ развѣнчанной главой,
Подъ кровомъ радуги огнистой
Сидѣлъ онъ — мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели
Какъ львы у ногъ его ревѣли.
Какъ часто, подымая прахъ
Въ борьбѣ съ шипучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но ужъ не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ, можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть.
Востока ясное свѣтило
На небѣ юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утро озарило.
Вотъ милый берегъ! вотъ она,
Обѣтованная земля!

Вотъ испещренная цвѣтами
Густой лимонной рощи сѣнь.
Вотъ предъ святыми воротами
Часовня... Южный теплый день
Играетъ яркими лучами
По бѣлымъ башнямъ и стѣнамъ.
Безмолвно-мраморныя плиты,
Отъ стѣнъ ведущія во храмъ,
Плющемъ душистымъ перевиты;
Вокругъ него ряды крестовъ —
Нѣмые сторожа гробовъ,
Какъ стадо лѣтомъ предъ грозой,
Пестрѣя жмутся межъ собой...
Страшась надеждамъ волю дать,
Къ знакомой кельѣ онъ подходитъ, —
Кругомъ нея задумчивъ бродитъ —
Жива ль она? одна ль? какъ знать!
Къ дверямъ прильнулъ онъ жаднымъ ухомъ, —
Ни струнъ, ни пѣсни не слыхать!
Невольно онъ смутился духомъ,
Невольно, какъ въ пещеру змѣй,
Закралось въ умъ его сомнѣнье,
И вѣщій лучъ грядущихъ дней
Сверкнулъ въ его воображеньи.
То былъ лишь мигъ, но страшный мигъ!
Смиривъ напрасное волненье,
Онъ въ келью свѣтлую проникъ...
Взошелъ, взглянулъ... ужасный крикъ,
Какъ бури свистъ порой ночною,
Раздался въ воздухѣ пустомъ,
И ярость адскою волною
Какъ лава разлилась по немъ.
Простите, краткія надежды
Любви, блаженства и добра, —
Открылъ дремавшія онъ вѣжды...
И то сказать — давно пора!
Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Передъ монахиней прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнялъ ее крестомъ.
Они счастливы, святы оба!.
Довольно! ненависть и злоба
Взыграли Демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой...
Онъ вышелъ, — сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишнихъ поръ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснятся; сколько думъ
Мѣняетъ недовольный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо,
Ее не пощадитъ онъ вновь,
Погибнетъ: прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!..
Свершилось! онъ опять таковъ,
Какимъ явился межъ рабовъ
Великому Царю вселенной
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на преступное чело
Проклятье вѣчное легло!
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая;
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!..

Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ;
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.
Монахиня. Забыть волненія страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
Къ чему жъ теперь меня смущаешь
Любовью странною своей?..
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?
Незнакомецъ. Ты прекрасна!
Монахиня. Кто ты?
Незнакомецъ. Я Демонъ. Не страшись:
Святыни здѣшней не нарушу;
И о спасеньи не молись, —
Не искушать пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не отгоняй меня укоромъ,
Не выжимай изъ груди стонъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Какъ степи вѣтеръ безпріютный,
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья:
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...
Монахиня. Къ чему мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ...
Незнакомецъ. Противъ тебя ли?
Монахиня. Насъ могутъ слышать.
Незнакомецъ. Мы одни.
Монахиня. А Богъ?..
Незнакомецъ. На насъ не кинетъ взгляда!
Онъ занятъ небомъ, не землей.
Монахиня. А наказанье? муки ада?
Незнакомецъ. Такъ что жъ? ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая...
Оставь сомнѣнія свои;
И что такое жизнь святая
Передъ минутою любви?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей,
Гдѣ носитъ все печать презрѣнья,
Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана нѣтъ.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.
Монахиня. Оставь меня, о духъ лукавый,
Оставь, не вѣрю я врагу!
Творецъ... увы! Я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ..
Послушай! ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?
Незнакомецъ. Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! Полонъ жизни новой
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,—
Я все былое бросилъ въ прахъ:
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Я проклялъ прошлую безпечность;
Съ тобою розно міръ и вѣчность —
Пустыя звучныя слова,
Прекрасный храмъ безъ божества.
Люблю тебя нездѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаньемъ,
Всей роскошью души моей.
О, не страшись, но пожалѣй! —
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ,
Прислужницъ чудныхъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной —
Его усыплю той росой;
Лучомъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью
И яркій перстень изъ агата
Надѣну на руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное —
Люби меня!
И онъ слегка
Прижался страстными устами
Къ ея пылающимъ устамъ;
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Когда ударилъ часъ урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.
Но возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Невнятный крикъ и слабый стонъ...
И нечестивое сомнѣнье
Прокралось въ душу старика:
„То не отшельницы моленье!" —
Подумалъ онъ,— и до замка
Уже коснулся... Тихо снова.
Ни словъ, ни шуму не слыхать
Канонъ угодника святого
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча, скорыми шагами,
Обычный продолжаетъ путь.

За часъ до солнечнаго всхода,
Еще высокій берегъ спалъ.
Вдругъ зашумѣла непогода
И океанъ забушевалъ.
И вмѣстѣ съ бурей и громами,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали
Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ увитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста закрытыя безмолвны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Не знавшей власти надъ собой.—
И нѣтъ тебя, младая дѣва!..
Какъ злакъ потопленныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будутъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой;
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!..
Земля взяла свое земное —
Она назадъ не отдаетъ...

III.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
Пустѣла древняя обитель,
И время, вѣчный разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ. И храмъ священный —
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей,—
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночей,
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ — и порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ, то умерло давно,
Что живо, то безсмертно стало,
И время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море; одинокій
Надъ нимъ чернѣетъ крестъ высокій.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.
Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри, мягкіе какъ ленъ,
Съ главы вѣнчанной упадали
И крылья, легкія какъ сонъ,
За бѣлыми плечьми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой;
И волны съ пѣной серебристой
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый;
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, — и мнилось,
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной
Духъ отверженья и порока
Безъ цѣли мчался съ быстротой
Новорожденнаго потока;
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась.
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя.
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

1833 г.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ИСПАНЦЫ.

Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ —
И дикой страсти пылъ мятежной.

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ —
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Я знаю: все равно ему,
Душѣ ль исполненной печали
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмѣяла,
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла:

Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная!..

Дѣйствующія лица.

Донъ Алварецъ. Дворянинъ испанскій.
Эмилія. Дочь его.
Донна Марія. Мачеха ея.
Фернандо. Молодой испанецъ, воспитанный Алварецомъ.
Патеръ Соррини. Итальянецъ іезуитъ, служащій при инквизиціи.
Доминиканецъ. Пріятель Соррини.
Моисей. Еврей.
Ноэми. Дочь его.
Сара. Старая еврейка.
Испанцы — бродяги, подкупленные Соррини.
Жиды и жидовки.
Служители инквизиціи.
Слуги Алвареца, слуги Соррини, народъ, гробовщики,
Дѣйствіе происходитъ въ Кастиліи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена I.

Комната у Алвареца, столъ, портреты на стѣнахъ и зеркало на стѣнѣ. Донна Марія сидитъ въ креслахъ. Эмилія стоитъ и перебираетъ четки.

Донна Марія.

Да, съ этихъ поръ тебѣ я запрещаю
Съ Фернандо говорить. Во-первыхъ онъ
Неблагородный. Оттого мой мужъ
Тебѣ съ нимъ не позволитъ съединиться
Супружествомъ; и я въ томъ настою!

Эмилія.

Повѣрьте, благородство не въ бумагахъ,
А въ сердцѣ.

Донна Марія.

Такъ, ужъ вѣрно отъ него
Ты этого наслушалась — прекрасно!..

Эмилія.

Не мудрено, что мнѣ Фернандо много
Прекрасныхъ чувствъ помогъ узнать.
Когда
Еще я забавлялась куклой, онъ,
Безвѣстный сирота, былъ взятъ моимъ отцомъ:
И съ этихъ поръ я подъ одной съ нимъ кровлей
Жила, какъ съ братомъ — и, бывало,
Вдвоемъ гуляли мы въ горахъ Кастильскихъ.
Онъ былъ подпора и вожатый мнѣ;
И не было на тѣхъ вершинахъ розы,
Которой для меня не могъ бы онъ достать.

(Донна Марія въ разсѣяніи какъ бы поправляетъ что-нибудь въ своемъ одѣяніи и не слушаетъ.)

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый вѣтерокъ свѣжѣе становился
И мѣсяцъ по небу катился.
Предъ нами быстрый былъ потокъ. Фернандо,
Чтобъ перенесть, взялъ на руки меня.
Мы перешли, но я все оставалась
Въ его объятьяхъ. Вдругъ, я помню,
Онъ страннымъ голосомъ спросилъ меня:

«Эмилія меня не любитъ?» Нѣтъ, люблю!
Сказала я, и ужъ съ того мгновенья
Люблю его нѣжнѣй всего на свѣтѣ!

Донна Марія.

Вотъ это именно меня и заставляетъ
Тебѣ совѣтовать не говорить съ нимъ:
Тебѣ я замѣняю мать, могу —
И мнѣ дано отъ Алвареца право —
Смотрѣть какъ можно строго за тобою;
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилія.

А можетъ-быть гаданья ваши ложны.

Донна Марія.

Повѣрь, тебя я не глупѣе, потому
Что ужъ за третьимъ мужемъ; опытность
Разсудокъ замѣняетъ; знаю, какъ
Несчастливы супружества, когда
Мужъ и жена не равны состояньемъ.

Эмилія.

Неужели умершіе мужья
Разсудку придаютъ?

Донна Марія (*будто не слыхавъ*).

Звонятъ къ обѣднѣ!

Эмилія.

Звонятъ! (*Въ сторону.*) А онъ еще все
не приходитъ.

Донна Марія.

Взяла ли ты молитвенную книжку?

Эмилія.

Ахъ, позабыла! (*Беретъ со стола.*) О.
какъ долго! долго!..

Фернандо входитъ. Донна Марія не видитъ его и выходитъ въ дверь. Эмилія изъ-подъ мантильи, слѣдуя за мачехой, роняетъ записку. Фернандо, глядѣвшій вслѣдъ за нею, подымаетъ.

Фернандо (*открываетъ*).

«Я знаю, что батюшка слышалъ объ нашей любви и о твоемъ намѣреніи жениться на мнѣ. Онъ тебѣ вѣрно станетъ говорить объ этомъ. Ради Бога, не горячись съ нимъ; иначе мы никогда не будемъ счастливы».

Ты много требуешь, Эмилія! (*Молчаніе.*)
Кто бъ могъ подумать, что такой глупецъ,
Такой безчувственный... чудна природа...
А это милое небесное созданье —
Эмилія!.. нѣтъ, нѣтъ! она не дочь его.
Мнѣ скажутъ: благодарность!.. благодар-
ность!..
За что? — За то ль, что каждый день
Я чувствовать былъ долженъ, что рож-
денъ
Я въ низкомъ состояньи, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше;
За то ли, что ломоть вседневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность отъ меня?
О! лучше бы отъ голода погибнуть,
Чѣмъ выносить такія укоризны!..
И какъ онъ могъ узнать мои желанья!
странно!..
Но что ни будь — а даже для нея
Малѣйшей не стерплю опять обиды! полно!..
Любовь возьметъ свое... но не теперь...

Алварецъ входитъ тихими шагами и садится въ кресла.

Фернандо.

Какой же гордый видъ, какъ будто въ немъ
Соединилися всѣ души предковъ! (*Обращаясь къ портретамъ.*)
О вы! Вы образы людей великихъ,
Своею мудростью и силой
Скажите мнѣ, ужель гніющія
Нѣмыхъ гробовъ безчувственныя жертвы
Отнимутъ у меня мою Эмилью?..
Смѣшно! — Я не могу себѣ представить,
Чтобъ мертвые имѣли предразсудки!..

Алварецъ.

Фернандо, до меня доходятъ слухи,
Что ищешь ты войти въ мое семейство!..
Безумецъ ты, клянусь Святою Дѣвой! —
И мысль одна, мой милый, быть мнѣ зя-
темъ
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо.

Желательно, чтобы моя обида
Могла вамъ заплатить за ваши...

Алварецъ.

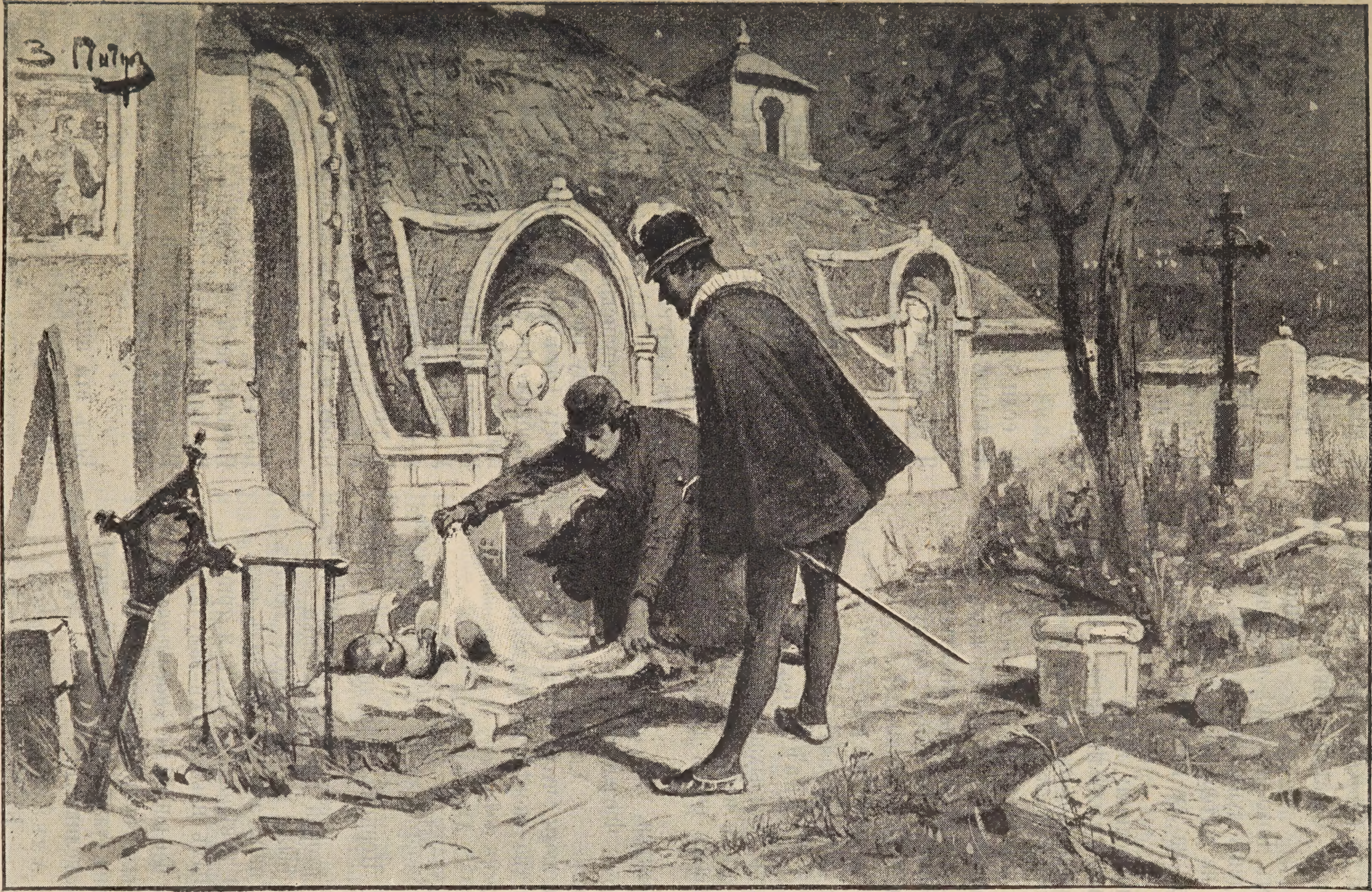
Мои обиды!.. Слушай же, глупецъ,
Что я скажу тебѣ, да со вниманьемъ.

Фернандо (*насмѣшливо*).

Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ, оказавъ
Добро одинъ разъ въ жизни человѣку,
Бранить его глупцомъ сто разъ — и каждый
день!

Алварецъ.

Узнать ты долженъ, наконецъ,
Кто ты... Доселѣ содержалъ я
Тебя почти совсѣмъ какъ бы родного;
Но съ этихъ поръ перемѣнилось все!
Я повторю тебѣ, какъ ты попалъ сюда:
Съ слугой однажды шелъ я изъ Бургоса
[Тогда еще я только что женился];
Ужъ смерклось, и сырой туманъ покрылъ
Вершины горъ. Иду черезъ кладбище,
Среди котораго стояла церковь —
Забитая, съ худыми окнами;
Мы слышимъ дѣтскій плачъ — и на крыльцѣ
Находимъ бѣднаго ребенка — то былъ ты;



Иду черезъ кладбище,
Среди котораго стояла церковь —
Забитая, съ худыми окнами;

Мы слышимъ дѣтскій плачъ — и на крыльцѣ
Находимъ бѣднаго ребенка — то былъ ты.

(Стр. 308).

Я взялъ тебя, принесъ домой — и воспиталъ. (*Насмѣшливо.*)
Но для чего тебя тамъ положили,
И кто родители твои — Богъ знаетъ!
А я такъ не хочу и знать; да, да!

Фернандо (*пораженный, про себя*).

Такъ, такъ!.. Совсѣмъ, совсѣмъ забытый сирота!..
Въ великомъ Божьемъ мірѣ ни одной
Ты не найдешь души себѣ родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спалъ на ея колѣняхъ. Чуждый голосъ
Училъ меня родному языку
И пѣлъ надъ колыбелью моей. (*Молчаніе.*)

Ходитъ взадъ и впередъ, потомъ опять приходитъ въ спокойное положеніе.

Алварецъ.

О чемъ печаленъ? точно вотъ какъ было.
Возможно ли тебѣ теперь жениться
На дочери моей? Что послѣ скажутъ
Другіе благородные испанцы?..

Фернандо.

Поговорятъ — и замолчатъ.

Алварецъ.

Не замолчатъ; неслыханно у насъ,
Чтобы на улицѣ найденный человѣкъ
Съ семействомъ очень древнимъ, благороднымъ
Могъ сблизиться.

Фернандо.

Сказать вамъ отчего?
Боятся эти люди, чтобъ тогда
Ихъ равенство скорѣй не увидали...

Алварецъ подходитъ къ портретамъ.

Алварецъ.

Вотъ этотъ, здѣсь, мой первый предокъ, жилъ
При Карлѣ Первомъ, при дворѣ, въ благоволеньи
У короля; второй при инквизицьи
Священной былъ не въ малыхъ людяхъ;
Вотъ тутъ написано, что сдѣлалъ онъ:
Три тысячи невѣрныхъ сжегъ и триста
Въ различныхъ наказаніяхъ замучилъ.

Фернандо (*насмѣшливо*).

О, этотъ былъ безъ спору мужъ святой;
Конечно, онъ уже причисленъ къ лику
Святителей великихъ?

Алварецъ (*равнодушно*).

Нѣтъ еще!..
Вотъ третій здѣсь, въ военномъ одѣяньи,
Съ перомъ на шляпѣ краснымъ, и съ усами:
Вторымъ служилъ на флотѣ онъ и утонулъ
Въ сраженьи противъ англичанъ проклятыхъ.
Еще жъ пятнадцать прадѣдовъ моихъ ты видишь
[Дай Богъ, чтобъ и меня сюда вписали
И родъ нашъ до трубы послѣдней продолжился].
И ты — ты захотѣлъ вступить въ число ихъ?
Гдѣ, гдѣ твои родители, бродящіе
По свѣту негодяи — подлые... или...
Несчастные любовники, или какіе-
Нибудь еще похуже... дерзкій! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь все: тогда я замолчу.

Фернандо.

О, если бъ только я хотѣлъ молчать
Заставить васъ (*трогая шпагу*), то безъ пергаментовъ
Я бъ это могъ.

Алварецъ.

Ужъ слишкомъ ты забылся,
Бродяга! Покажи жъ сейчасъ, какъ ты
Меня молчать заставишь; а не то
Велю тебя прибить, и это вѣрно,
Какъ то, что папа есть апостоловъ намѣстникъ!
Какъ ты меня молчать заставишь?
Бѣдняга, плутъ, найденышъ!.. Ты не помнишь,
Что я, испанскій дворянинъ, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду (*топнувъ*): видишь ты передъ собою
Изображенія отцовъ моихъ?
Кто жъ твой отецъ?.. Кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви?.. Вѣрно ужъ жидовка,
А съ христіанкой быть сего не можетъ.
И такъ, смирись, жидовское отродье,
И кланяйся сейчасъ передо мной,
Чтобъ я тебя изъ жалости простилъ!..

Фернандо (*въ безпокойствѣ*).

Послушай, Алварецъ! теперь, теперь я
Ничѣмъ тебѣ не долженъ?.. Алварецъ,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй отъ меня. Кровь благородная
Текла понынѣ въ жилахъ этихъ. (*Минута молчанія.*)
Вотъ эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставитъ.

Алварецъ.

Вонъ!.. Вонъ скорѣй изъ дома моего,
Чтобъ никогда ни самъ, ни дочь моя
Тебя близъ этихъ мѣстъ не увидали,
Но если жъ ты замыслишь потихоньку

Видаться съ нею, то, клянусь Мадритомъ,
Клянусь портретами отцовъ моихъ,
Заплатишь кровью мнѣ.

Фернандо.

Ты можешь кровь мою
Испить до капли всю, но честь, но честь
Отнять не въ силахъ, Алварецъ!..

Алварецъ.

Вонъ!.. Вонъ, глупецъ!.. Когда ты хлѣба
Имѣть не будешь — къ моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.
(*Въ сторону.*) Каковъ же негодяй Фернандо сталъ!..

Фернандо.

О адъ и небо!.. Ну, прощай!.. Но бойся,
Если я рѣшусь на что-нибудь.

Убѣгаетъ въ бѣшенствѣ и сталкивается въ дверяхъ съ патеромъ Соррини, котораго не замѣчаетъ. Соррини на минуту пораженъ, наконецъ сгибаетъ спину и съ поклономъ входитъ. Алварецъ идетъ радостно іезуиту навстрѣчу.

Алварецъ.

А! добрый день отцу Сорринію! (*Онъ его сначала въ безпокойствѣ не замѣтилъ.*)
Какъ поживаете, святой служитель Божій?

Соррини (*кланяясь съ притворствомъ, глаза къ небу*).

Помилуйте, я лишь смиренный рабъ
Его и вашъ слуга покорнѣйшій.
Да что у васъ за шумъ въ дому случился?
Какъ бѣшеный, тутъ кто-то пробѣжалъ
И даже мнѣ не поклонился.

Алварецъ.

Да, я теперь лишь изъ дому прогналъ
Питомца своего; давно пора ужъ было.

Соррини.

И я давно уже замѣтилъ это,
Но не хотѣлъ лишь безпокоить васъ...
Повѣса онъ большой и пылкій малый,
Съ мечтательной и буйной головой
Такіе люди не служить родились,
Но всѣмъ другимъ приказывать.
Не то, что мы, которые должны
Склоняться ежедневно въ прахѣ,
Чтобъ чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми дѣлами
Купить себѣ прощенье за грѣхи.
А что онъ сдѣлалъ, должно ли мнѣ знать?
Быть-можетъ, противъ церкви или короля,
Такъ мнѣ не худо знать...

Алварецъ.

Бѣдняга этотъ...

Соррини.

Бѣдняга?

Алварецъ.

Какъ же! Я его нашелъ
Ребенкомъ, брошеннымъ на улицѣ.

Соррини.

Такимъ бы людямъ надобно прощать:
Они наказаны ужъ Богомъ...

Алварецъ.

Какъ прощать?!
Да я вамъ разскажу, что сдѣлалъ онъ.

Соррини (*въ сторону*)

Какъ жалко, что его карманы пусты,
А то набилъ бы я свои потуже.
Такъ въ мірѣ все изъ рукъ въ другія переходитъ.

Алварецъ (*съ таинственнымъ видомъ*).

Когда онъ былъ еще ребенкомъ, позволялъ
Ему я съ дочерью моей играть;
Они играли, да играли — я не думалъ,
Что выйдетъ что-нибудь изъ этого худое.
Бывало, спросишь. что вы, дѣти? — Мы играемъ. —
Во что? — Въ любовь! — и нѣжно цѣловались,
Какъ горлицы. Фернандо, ставъ постарше,
Ужъ понялъ, что нейдетъ такъ вольно обращаться,
И началъ думать, какъ бы продолжать
Игру когда-нибудь... Изъ словъ его я видѣлъ
Нерѣдко, что желалъ бы онъ жениться
На дочери моей... Какъ я взбѣсился,
Вы можете понять, отецъ Соррини!..
Съ тѣхъ поръ я сталъ съ нимъ грубъ, суровъ, хоть противъ воли.
Какъ вы ни говорите — взялъ его
Еще ребенкомъ я подъ эту крышу;
Онъ жилъ со мною двадцать лѣтъ;
Былъ будто первенцемъ моимъ... Недавно
Я вновь хотѣлъ съ нимъ показаться нѣжнымъ —
Какъ вдругъ узналъ я отъ жены моей,
Что хочетъ у меня просить Фернандо
Эмилію въ замужство... Ну жъ, меня
Вы знаете: хоть сѣдъ — но какъ взбѣшусь...
Ну!.. я и уговаривалъ его
И представлялъ всѣ важныя причины;
Онъ много мнѣ грубилъ — и я рѣшился
Прогнать его изъ дома наконецъ.
И не увидитъ христіанская душа

Его ноги въ дверяхъ моихъ — въ томъ я увѣренъ!..

Соррини.

Хмъ-хмъ!.. Что жъ ваша дочь?

Алварецъ.

Не знаю, у обѣдни
Она теперь сидитъ съ моей женою,
И вѣрно молится о немъ. Да какъ вы
Мальчишкѣ этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже онъ?
Какъ вы его не удержали тотчасъ,
Чтобъ должнаго потребовать почтенья?

Соррини.

Слѣпымъ дорогу должно очищать.

Алварецъ.

Слѣпымъ? Да онъ глядѣлъ вѣдь въ оба глаза.

Соррини (*съ презрительной улыбкой*).

Конечно, вы не поняли меня;
Покуда ни одной сѣдинки не видать
На головѣ, пока огнемъ живымъ,
Какъ розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнѣли,
Пока трепещетъ сердце отъ всего —
Отъ радости, печали, ревности, любви,
Надежды, счастья — и пока все это
Не пронеслось — и навсегда, есть страсти, страсти
Ужасныя; какъ тучею онѣ
Взоръ человѣка покрываютъ; ихъ гроза
Свирѣпствуетъ въ душѣ несчастной и она
Достойна сожалѣнія безспорно.
Такіе люди слѣпы; вашъ Фернандо
Изъ ихъ числа — такъ что жъ мнѣ было дѣлать?
Я долженъ былъ дорогу уступить,
Совсѣмъ не отъ того, чтобъ я боялся...
А... безъ причинъ съ опасностію спорить
Нейдетъ ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь (*показывая на крестъ*):
этотъ крестъ смиренью учитъ
Меня. Тотъ, Кто на немъ былъ распятъ,
Моимъ примѣромъ долженъ быть — и я,
Какъ могъ, свою обязанность исполнилъ!..

Слуга Сорринія входитъ съ письмомъ и отдаетъ его своему господину.

Слуга.

Отецъ Соррини! вотъ письмо отъ бѣдной;
Лишь только вы ушли, она явилась въ домъ нашъ.

Соррини.

Да отъ кого письмо, какая крайность?

Слуга.

Отъ бѣдной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини (*прерываетъ его*).

И нынче приходить велѣлъ...

Слуга.

О господинъ мой, какъ она жалка;
Я, слыша рѣчь ея, расплакался:
Шесть-семь ребятъ въ лохмотьяхъ,
Лежащихъ на соломѣ, безъ кусочка хлѣба
Насущнаго. Какъ я вообразилъ ихъ крикъ:
«Мать! дай намъ хлѣба, хлѣба... мать! дай хлѣба!..»
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини.

Молчи, молчи — не то и я заплачу!..
О Боже мой, пошли благословенье
На бѣдную, забытую семью,
Услыши недостойнаго молитву. (*Слугѣ громко.*)
Дай пять серебряныхъ монетъ — дай отъ меня.

(*Слуга смотритъ на него. Соррини подходитъ и говоритъ тихо.*)

Ступай, дай ей одну!..

Слуга.

Да сжальтеся!..

Соррини (*топнувъ громко*).

Какъ? Много?..
Добра не дѣлаемъ мы никогда довольно...

Слуга въ смущеніи уходитъ.

Алварецъ.

Я удивляюсь вамъ, святой отецъ.

Соррини.

Ахъ!.. Замолчите — я молю васъ; слышать страшно...
Я самый, самый бѣдный грѣшникъ.

Алварецъ (*глядитъ въ окно*).

Вотъ и жена моя идетъ изъ церкви,
А съ ней Эмилія съ своими четками.

Соррини (*въ сторону*).

Идетъ прелестная! Пусть бережется! Если
Заронитъ искру пламя въ эту грудь,
Оледенѣвшую отъ лѣтъ, то не легко
Она избѣгнетъ рукъ моихъ; мнѣ трудно
Носить понынѣ маску — но что жъ дѣлать?
Того ужъ требуетъ мой санъ. Ха! ха! ха! ха!..

(Эмилія и донна Марія входятъ.)

Какъ счастливъ я, что вижу наконецъ
Прелестную Марію — и тебя,
Невинную Эмилію. О Алварецъ!
Не долженъ тотъ роптать на Провидѣнье,
Кто обладаетъ этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было отъ солнца
Ихъ защитить.

Алварецъ.

Эмилія, поди сюда!
Я объявилъ отцу Сорринію,
Что влюблена ты.

Эмилія (*покраснѣвъ*).

Батюшка!

Алварецъ.

Молчи!..
Отецъ святой тебя наставить хочетъ
Въ томъ, какъ вредна любовь, а ты —
Ты слушай со вниманьемъ, чтобъ ни слова
Не кинулъ онъ на воздухъ: сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь; онъ тебѣ откроетъ
Опасность страшную любви.

Соррини.

Да, если мнѣ позволилъ вашъ родитель,
То я готовъ неопытность ввести
На лучшій путь: тамъ нѣтъ цвѣтовъ,
Тамъ тернія, но цѣль, къ которой мы
Приходимъ, веселитъ насъ, а былое,
Печально или весело, смотря по тѣмъ
Мгновеніямъ, когда о немъ воспоминаешь;
И такъ всего важнѣй послѣдствія:
Коль къ доброму концу дѣянья наши,
То способы всегда ужъ хороши,
Какіе бъ ни были... Страшись, Фернандо!
Онъ льститъ тебѣ, обманетъ, или,
Положимъ, на тебѣ онъ женится,
Но это для того, чтобъ быть богаче.

Алварецъ.

Да этого не будетъ никогда;
Скорѣй всѣ мертвые воскреснутъ.

Соррини.

Не говорите этого: бываютъ
Такіе случаи. Но васъ, Эмилія,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть-можетъ, притворяется Фернандо?
Послушайте, я разскажу вамъ случай,
Которому свидѣтель былъ въ Мадритѣ
При инквизиціи святой.
У дѣвушки одной любовникъ былъ,
Красивый, молодой и умный малый,
И, такъ сказать, на все удалый.
И онъ красавицу мою любилъ,
И очень долго это продолжалось;
Какъ наконецъ замѣтила она,
Что, отъ нея безъ грусти удаляясь
Подъ разными предлогами, не сталъ
Онъ находить веселья въ разговорѣ нѣжномъ,
Что къ ней онъ вовсе охладѣлъ,
Что не дивился ужъ красѣ ея наряда,
И призывающаго взгляда
Онъ понимать ужъ не умѣлъ.
Какъ женщинѣ все это не замѣтить,
Когда вся жизнь ея въ томъ только состоитъ?..
Вотъ ревность въ грудь ея какъ червь закралась,
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто безъ обиняковъ скажу
Она любимца отравила,
И онъ скончался въ двое сутокъ...
Но такъ какъ бѣдный сей испанецъ
Служилъ при инквизиціи писцомъ,
То въ дѣло всѣ вошли по праву мщенья.
Преступницу наказывали долго,
Имѣнье въ пользу церкви обративъ,
И наконецъ замучили до смерти!..

(*Всѣ содрогаются.*)

Вотъ слѣдствія любви!.. Страшись, Эмилья!
На мячикъ сердце въ насъ походитъ: положи
Ты на крутой горѣ его тихонько,
И онъ не тронется — но, разъ толкнувъ,
За нимъ хоть бросишься, но не догонишь.
Не такъ ли говорю я?

Алварецъ.

Точно такъ
Вы совершенно справедливо поступили
Съ несчастною преступницей... Какъ? Отравить
Служителя священной инквизиціи?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини.

Нѣтъ! я совсѣмъ не говорю сего! (*Кидая взоръ на Эмилію*).
Я слишкомъ жалостливъ... насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Всѣ члены у меня, хладѣя, трепетали,
И осуждалъ мой умъ, что пальцы написали...
Но такова судьба судей земныхъ!..
Всѣ люди мы, и ослѣпленье страсти,
Безумное волненіе души, должны мы
Прощать, когда мы излѣчить не въ силахъ.

Донна Марія.

Ахъ! я и прежде такъ судила.

Алварецъ.

И въ самомъ дѣлѣ правда это.

Соррини (*радостно въ сторону*).

Они меня боятся!

Эмилія.

Позволь тебя спросить мнѣ, батюшка,
Къ чему все это клонится?

Алварецъ.

Къ тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Объ томъ, что болѣе Фернандо не увидишь:
Онъ нагрубилъ мнѣ нынче, и навѣки
Его изъ дому я прогналъ.

Не смѣй съ нимъ видѣться тихонько; или
Страшися оскорбленнаго отца...
Прощаю я твою любовь, какъ бы порокъ,
Въ которомъ ты исправилась. Надѣюсь,
Что это будетъ такъ, по крайней мѣрѣ.

Соррини.

Утѣшьтесь, нѣжная Эмилія!
Любовь пройдетъ, самимъ вамъ будетъ
легче.

Эмилія (*сквозь слезы*).

Довольно и того, что сдѣлали,
Но для чего смѣяться надо мной... (*Плачетъ.*)

Эмилія уходитъ, закрывъ глаза платкомъ. Всѣ въ изумленіи.

Соррини.

Какъ рѣзко вы сказали, Алварецъ!
Нечаянный ударъ во слѣдъ себѣ
Ведетъ раскаянье нерѣдко.

Алварецъ.

Э! Нужды нѣтъ, отецъ Соррини!
Вѣдь надо было бы открыть;
А чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Соррини.

Не всегда.
Вы знаете ли, женщина — цвѣтокъ,
Который, если вы его согнете вдругъ,
Изломится.

Донна Марія.

Да не угодно ль вамъ
Позавтракать, отецъ Соррини?

Соррини.

Благодарю, прекрасная Марія!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владѣетъ. До свиданья, донна! До свиданья
И вы, почтенный другъ мой Алварецъ!
Желаю, чтобъ небесъ благословенье
Сошло на домъ вашъ... и чтобъ ваша
дочь...
Утѣшилась скорѣй; я думаю,
Она и не замедлитъ. Ха! ха! ха! Прощайте!

Уходитъ, низко кланяясь.

Алварецъ.

Когда еще намъ сдѣлать честь придетъ
Вамъ въ голову, то, вѣрьте мнѣ,
Открыты будутъ ежедневно двери
Мои для васъ... какъ сердце... (*Кланяясь.*)
Одолжите!

(*Соррини, провожаемый до двери, уходитъ наконецъ.*)

Ну, слава Богу!.. Онъ такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему,
Боюсь такихъ людей, которые всегда
На языкѣ своемъ имѣютъ: да! и да!
Хоть сердятся они — не знаешь извиниться,
За тѣмъ что съ виду всѣмъ довольны.
Но съ кѣмъ бранился я, съ тѣмъ можно
помириться!

Уходятъ всѣ.

Сцена II

Ночь. Театръ являетъ садъ и балконъ съ лѣвой стороны. На него выходитъ Эмилія. Балконъ соединенъ съ садомъ. Эмилія сидитъ. Мѣсяцъ надъ деревьями

Эмилія.

Все тихо, только это сердце безпокойно;
Неблагодарный!.. Я его просила,
Чтобы хоть для меня онъ удержался.
Ужели для меня не могъ онъ?.. Вотъ мужчины!
Ужели мнѣнье моего отца
Ему дороже, чѣмъ любовь моя?..
Теперь ужъ некому меня утѣшить... (*Молчаніе.*)
Ужъ эти мачехи!.. Презлобныя творенья!..
И этотъ іезуитъ — вѣдь надобно жъ
Мнѣ окруженной быть такимъ народомъ!..
О, если бъ могъ прекрасный мѣсяцъ озарить
Хотя послѣднее свиданье наше!..
Фернандо разлюбилъ меня конечно,
А то бы онъ пришелъ проститься; я прощаю
Его горячность; но зачѣмъ нейдетъ
Онъ извиниться въ этомъ предо мною?..
Ему грозилъ отецъ мой — это правда!
Попробую сойти. (*Сходитъ съ балкона.*)
Тамъ кто-то шевелится!
Какъ бьется сердце!.. Но чего бояться,
Вѣдь я одна... А если кто-нибудь!..
Кто тамъ?.. Тѣнь шевелится на землѣ...
Ахъ, Боже мой!.. Куда уйду...

(*Слышенъ голосъ*) Эмилія!..

Эмилія.

Ахъ, ахъ! Святой Доминго, помоги!
Злой духъ ко мнѣ идетъ. (*Въ страхѣ не знаетъ, что дѣлать.*)

Фернандо (*выходитъ въ черномъ плащѣ*).

Эмилія!
Мой голосъ страненъ для тебя?.. Ты испугалась!..

Эмилія.

Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Ахъ, сядемъ, я дрожу...

Фернандо (*беретъ ее за руку*).

Ты права!
Но отчего я испугалъ тебя такъ сильно?
(*Они садятся на скамью.*)

Эмилія.

Ну что жъ ты скажешь?

Фернандо.

Я пришелъ проститься!..
Проститься!.. Въ первый разъ такое слово
Должно меня печалить... Знаешь ли,
Я думаю, что былъ бы счастливѣй,
Когда бы не съ кѣмъ было мнѣ проститься...
Ты будешь плакать — мнѣ двойная мука...

Эмилія.

Самъ виноватъ; вѣдь я тебя просила...
Ты не хотѣлъ. Кто жъ виноватъ? Кто жъ виноватъ?

Фернандо.

Нѣтъ, я не могъ, клянуся небомъ!
Ты знала нравъ мой — для чего писала?..
Но все ужъ кончилось... Не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватымъ
Мнѣ было бъ тяжело — ты это знаешь...
Что сдѣлано — то сдѣлано...

Эмилія.

Гдѣ будешь
Ты жить теперь, Фернандо?

Фернандо.

Гдѣ? гдѣ жить?..
Ты мнѣ напомнила ужасное!..
Зачѣмъ такой вопросъ?.. Ты знала,
Что не имѣю я ни друга, ни родни,
Ни мѣста въ цѣломъ королевствѣ, гдѣ бъ
Я могъ найти пріютъ. Послѣдній нищій
Имѣетъ то, чего я не имѣю:
Онъ равнодушно и спокойно проситъ хлѣба.
Вообрази: лишь ты одна на свѣтѣ
Сказала мнѣ: «люблю»; тебѣ одной
Я повѣрялъ всѣ мысли, всѣ желанья;
Ты для меня: родня, друзья — ты все мнѣ!..
Гордися этимъ!.. Такъ, Эмилія,
Мы созданы Небеснымъ другъ для друга;
Ты все для сердца этого — и Богъ
Не такъ жестокъ, чтобъ все отнять
У человѣка! (*Молчаніе.*) Дай мнѣ свой портретъ.

Она снимаетъ съ шеи и даетъ.

Эмилія.

А я сама его хотѣла дать тебѣ,
За тѣмъ и принесла сюда съ собою;
Но знаешь, говорятъ, не должно
Съ мужчиной дѣвушкѣ сидѣть въ полночь...

Фернандо.

Со мной сидѣть не бойся никогда.

Эмилія (*кидается ему на шею*).

О, милый! Какъ мнѣ грустно! Будто
Свинецъ въ груди намѣсто сердца...
Какъ вспомню, что въ послѣдній разъ тебя
Здѣсь вижу — слезы остановятся, дыханье
Рѣдѣетъ... то боюсь, чтобъ не пришелъ отецъ мой,
То, чтобы часъ прощанья не пришелъ...
Ко мнѣ ужасныя тѣснятся мысли;
Вчерась я видѣла во снѣ, что ты
Меня хотѣлъ зарѣзать.

Фернандо (*мрачно и быстро*).

Перестань.
Взгляни на тихую луну! О, какъ прекрасна!
И облачка вокругъ нея! Луна,
Луна! какъ много въ этомъ звукѣ чувствъ:
Что будетъ, что теперь, и что прошло все въ немъ
Соединяется... И что прошло!..
И кто бъ подумать могъ, что та жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой... у ручья... въ горахъ — ты помнишь —
Что та жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!..
Взгляни опять: подобная Армидѣ,
Подъ дымкою сребристой мглы ночной
Она идетъ въ волшебный замокъ свой;
Вокругъ нея и слѣдомъ тучки
Тѣснятся, будто рыцари-вожди,
Горящіе любовью, и когда
Чело ихъ обращается къ прекрасной,
Оно блеститъ; когда же отвернутъ
Къ соперникамъ, то ревность и досада
Его нахмурятъ тотчасъ; посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колеблются на шлемахъ — помнишь, помнишь —
Въ тотъ вечеръ все такъ было — кромѣ
Судьбы Фернандо; небо и земля
Все тѣ же — только люди! Если бъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я бъ ихъ проклялъ.

Эмилія.

Да развѣ ты не человѣкъ же?

Фернандо.

О, я себя бы вмѣстѣ съ ними проклялъ!..

Эмилія.

За что это?

Фернандо.

За то, что не могу
Я видѣть хладнокровно, какъ они
Стараются другъ другу дѣлать зло,
Съ притворной добротой, когда совсѣмъ
Не просятъ ихъ; за то, что не могу
Я видѣть общаго стремленья къ ничему,
Или для золота разбитыя сердца...
За то... Эмилія... О! я злодѣй —
Я могъ бы сдѣлать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но какъ взгляну на будущность... на жизнь

Безцвѣтную съ прошедшимъ ядовитымъ...
Тогда... Эмилія... тогда я жертвовать
Готовъ твоимъ блаженствомъ, чтобъ имѣть
Близъ этой груди существо такое,
Которое понять меня бъ могло.
Желаю, чтобы вѣчно часъ такой
Не проходилъ... Но... не люби меня,
Ты видишь нравъ мой — позабудь меня...
Забудешь ли?

Эмилія.

Что, если бъ я сказала «да»?
Не говори въ другой разъ то, чего не мыслишь...

Фернандо.

Мой ангелъ, ангелъ... ты понять не можешь, какъ
Любовь твоя меня терзаетъ!

(Фернандо обнимаетъ ее и она его.)

О, если счастье неба будетъ
Имѣть такъ много горечи, какъ этотъ
Единый поцѣлуй, то я бы отказался
Отъ рая добровольно! Ахъ! Эмилія!
Ступай ты лучше въ монастырь,
Ступай въ обитель, скрой себя отъ свѣта,
Умри!.. Предвижу много страшнаго!..
О, если бъ никогда ее не зналъ я! (*Звонъ.*)
Полночь... прости!.. Но что за шорохъ?
(*Молчанье.*) Мы пропали!
Я позабылъ калитку затворить...
Бѣги!.. Бѣги!..

Эмилія.

Спаси насъ, Царь Небесный!

Уходитъ на балконъ и скрывается.

Фернандо (*вынимаетъ шпагу*).

Кто тамъ?.. Заплатишь дорого
За это любопытство мнѣ!

Ударяетъ по кусту. Вскрикнувъ, выползаетъ жидъ сѣдой и бросается на колѣни.

Моисей.

Помилуй!..
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо.

Вздоръ, вздоръ... ты слышалъ — и умрешь.
Признайся, ты подосланъ? (*Шпагу подставляетъ къ горлу.*)

Моисей (*на колѣняхъ*).

Нѣтъ.

Фернандо.

Ты лжешь!

Моисей.

Страшись убить напрасно старика!

(Кидается въ ноги, обнимаетъ колѣни.)

Спаси меня... у насъ вѣдь Богъ одинъ..
Меня преслѣдуютъ... Быть-можетъ, твой
Отецъ въ живыхъ... я самъ отецъ... о, для него
Спаси меня отъ инквизиціи...
Возьми имѣнья половину... но зачѣмъ
Ругаться попусту надъ сѣдинами...
Тебѣ заплатитъ Богъ твой... у меня
Есть дочь: что будетъ съ нею?..
О, сжалься, сжалься!

Фернандо.

У тебя есть дочь!..
А я хотѣлъ!.. О, нѣтъ! довольно въ свѣтѣ
Сиротъ и безъ нея... Возьми. (*Кидаетъ ему, не глядя, плащъ и шляпу.*)
Надѣнь!..
Иди за мной; ни слова... или смерть!..
Ни слова — я хочу тебя спасти!..

Моисей.

Какъ!.. какъ!.. (*Молчаніе. Жидъ въ изумленіи. Испанецъ съ презрѣньемъ глядитъ на него.*)
Клянусь Ерусалимомъ,
Что онъ не христіанинъ... это вѣрно.

Надѣваетъ плащъ и шляпу.

Фернандо.

Собака! что сказалъ ты... что сказалъ ты?..
Не смѣй законъ мой поносить при мнѣ...
Пойдемъ. (*Являются издали факелы и люди съ другой стороны.*)

Моисей (*тихо про себя*).

Но, если онъ меня предастъ,
Но если онъ...

Фернандо (*топнувъ*).

Ты видишь факелы? Пойдемъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена I.

Въ домѣ Соррини; комната, гдѣ онъ угощаетъ бродягъ, чтобъ они ему служили. Нѣсколько испанцевъ сидятъ за двумя столами, кричатъ, смѣются и пьютъ. Слуги разносятъ вина.

1-й испанецъ (*бродяга*).

Да, если инквизиція святая
На тотъ конецъ учреждена была,
Чтобъ насъ кормить, дай Богъ ей здоровья...
Соррини, впрочемъ, очень добрый малый:
Хотя ханжитъ немного, но съ лѣтами,
Когда придетъ пора разсудка, можно
Надѣяться на исправленье.

2-й испанецъ.

Ты, конечно,
Слѣпъ, и бѣлое за черное берешь,
Какъ всѣ слѣпые... Ха! ха! ха!.. Не такъ ли? (*Пьетъ.*)

1-й испанецъ.

Могу завѣрить васъ, друзья мои,
Что молодъ патеръ нашъ — не тѣломъ,
такъ душой:
Какъ любятъ женщины его понынѣ,
И какъ онъ самъ ихъ любитъ, вопреки
закону!

3-й испанецъ.

Онъ женщинами столько же любимъ,
Какъ нами...

1-й испанецъ.

Развѣ ты его не любишь?

3-й испанецъ.

Ну да! когда накормитъ хорошо.
Но, ergo, эта нѣжная любовь
Проходитъ съ голодомъ и жаждой...

4-й испанецъ.

А я готовъ побиться объ закладъ,
Что нашъ Соррини плутни затѣваетъ
Опять. Ужъ эти угощенья не къ добру.
Такъ, помнишь ли, ему хотѣлось,
Чтобъ мы зарѣзали Донъ-Педро
И домъ его сожгли?.. Ужъ то-то пиршество
Онъ задалъ намъ... Или въ другой разъ,
Предъ тѣмъ, чтобъ намъ велѣть похитить
для него
Красавицу бургосскую отъ тетки —
Вотъ дьявольское было дѣло! — positum:
Теперь онъ также затѣваетъ плутни...

1-й испанецъ.

Эхъ, что намъ въ томъ! Вѣдь надо жъ
ѣсть и пить! Притомъ же
Онъ нашъ заступникъ въ инквизиціи.

3-й испанецъ.

Однакоже, не худо бы ему
Своимъ гаремомъ подѣлиться съ нами,
Не то всѣ гуріи завянутъ — или
Имъ будетъ слишкомъ тѣсно наконецъ.

5-й испанецъ (*за другимъ столомъ*).

Вина! (*Кричитъ.*)

Слуга.

Сейчасъ... въ минуту...

5-й испанецъ.

Къ чорту — ждать! Вина!
Будь проклятъ ты съ своимъ Сорриніемъ!

Слуга (*подаетъ стаканъ*).

Вотъ вамъ вино.

5-й испанецъ.

Прегадкое, съ водой.
Поди ты къ чорту съ нимъ, ракалія...

Бросаетъ стаканъ на полъ и обливаетъ 2-го испанца.

2-й испанецъ (*горячо*).

Послушай! — будь впередъ поосторожнѣй:
За это бьютъ у насъ.

5-й испанецъ (*вскочивъ*).

Чего ты хочешь, ты?

2-й испанецъ.

Я говорю, чтобъ ты впередъ остерегался...
Не то... (*схватываетъ стулъ*) я стуломъ
разсчитаюсь...

5-й испанецъ.

Клянуся честью, ты въ живыхъ не будешь!
Я вырву твой языкъ... и псамъ
Голоднымъ на обѣдъ отдамъ! (*Вынимаетъ
кинжалъ.*)
Ужъ я тебя достану... (*Бросается на него.*)

3-й испанецъ.

Погодите! (*Другіе удерживаютъ ихъ.*)
Оставь кинжалъ, а ты свой стулъ, и
станьте
Какъ должно въ поединкѣ — шпаги выньте;
А секундантовъ будетъ ужъ довольно.

(Они вынимаютъ шпаги и становятся.)

Вотъ такъ. Начинайте! (*Начинаютъ.*) Хлад-
нокровнѣй только...
А ты ужъ слишкомъ близко наступаешь...
Зачѣмъ такъ горячишься ты?

2-й испанецъ (*перестав*ъ).

Я тронулъ.

5-й испанецъ.

Нѣтъ!..

1-й испанецъ.

Смотрите, чтобъ при первой крови
кончить.

5-й испанецъ (*нападая*).

Онъ жизнью мнѣ своей заплатитъ!

1-й испанецъ (*четвертому*).

Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый...

2-й испанецъ отступаетъ, тотъ на него нападаетъ, и вдругъ раненъ въ плечо; ихъ разнимаютъ.

3-й испанецъ.

Товарищи, довольно; помиритесь.

4-й испанецъ.

Конечно, миръ за бранью слѣдуетъ всегда.

5-й испанецъ.

Пожалуй, я готовъ... Твоя побѣда.

2-й испанецъ.

Итакъ, мы вновь друзья.

5-й испанецъ.

Но знаешь ли,
Когда бъ они меня не удержали,
То я сдержалъ бы обѣщанье —
И вѣрно бъ твой языкъ собаки съѣли!

Входитъ Соррини; они всѣ низко ему кланяются.

Соррини.

Какой я слышалъ шумъ?

5-й испанецъ.

Да мы немножко
Повздорили, почтенный патеръ... но
Все кончилося примиреньемъ... Такъ ли?
(*Къ другимъ*).

Соррини.

А я пришелъ вамъ дать препорученье:
Столь важнаго давно не исполняли вы...
Вопросъ: вы знаете ли Алвареца?

Всѣ.

Знаемъ.

Соррини.

Есть у него жена...

Всѣ.

Жену?

Соррини.

Нѣтъ, нѣтъ!.. не то...
Я къ ней поддѣлаться хочу, чтобы она
Не помѣшала вамъ похитить дочку;
Она на это вѣрно согласится,
Затѣмъ, что если дочери не будетъ,
То ей имѣнье все достанется
По смерти мужа... а его кончины часъ
Она приблизитъ ужъ по-своему.
Но дѣло не о томъ теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы ужъ знаете — зачѣмъ
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мнѣ ужасно... я горю
Любовью къ ней... готовъ я всю казну
Мою отдать вамъ... только бъ вы
Эмилію мнѣ привезли! Что только можно,
Ядъ, страхъ, огонь, мольбу употребите.
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мнѣ испанку привезите...
И все, все тайно доведите
До этого счастливаго конца.
Тогда, друзья мои... вы не видали
Такого пиршества, какое будетъ,
Но слушайте! — я ввѣрилъ тайну вамъ;
Страшитесь измѣнить! — О, если
Хоть искра заговора выскочитъ...
То всѣхъ подъ инквизицію отдамъ.

3-й испанецъ.

Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху, но есть еще Фернандо,
Который въ домѣ ихъ воспитанъ...
Онъ молодецъ... я видѣлъ, какъ въ аренѣ
Передъ нимъ ужасный буйволъ упадалъ.
Его ты не подкупишь... и не такъ-то
Легко съ нимъ будетъ справиться

4-й испанецъ.

Конечно!
Да онъ же и влюбленъ въ Эмилію...

Соррини (*вспоминая*).

Фернандо?.. Кто такое? Да... Фернандо...
Знакомо это имя что-то мнѣ!..
А!.. Вотъ судьба!.. Онъ выгнанъ изъ дому
Два дня тому назадъ безмозглымъ Алварецомъ
За вздоръ какой-то... нечего бояться!..
Но правда... можетъ онъ узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортитъ дѣло все... Нѣтъ! Прежде
Убейте мнѣ его... найдите... справьтесь,
Какъ вамъ тогда придетъ на умъ...
Потомъ Эмилію похитить можно...
Клянусь... я выдумалъ прекрасно...

Всѣ (*кричатъ*).

Пожалуй!.. Какъ ты хочешь, патеръ.

Соррини.

Прощайте! я надѣюсь на вашу скромность.
(*Половина уходитъ.*)
(*Про себя.*) Когда ты хочешь непремѣнно,
Чтобъ что-нибудь не сдѣлали, иль сдѣлали,
То говори, что ты увѣренъ въ людяхъ,
И самолюбіе заставитъ ихъ
Исполнить трудное твое желанье.

(Остальная половина уходитъ. Соррини садится въ кресла.)

Что значитъ золото? Оно важнѣй людей;
Черезъ него мы можемъ оправдать
И обвинить; черезъ него мы можемъ,
Купивши индульгенцію,
Грѣшить безъ всякихъ дальнихъ опасеній
И, несмотря на то, попасть и въ рай. —
И вотъ послѣдній годъ мой ужъ насталъ,
Однакожъ, не уйдетъ Эмилія
Изъ рукъ моихъ — я отомщу ей
За смѣхъ вчерашній — о, повѣрь мнѣ,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на колѣняхъ,
И плакать, и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмѣешься ты, когда скажу,
Что и старикъ любить умѣетъ сильно;
И въ томъ признаешься невольно ты...
Любить! — смѣшно, какъ это слово
Употребляю я съ самимъ собою...
Но я ей отомщу за гордый смѣхъ,
Хотя бъ она была моей послѣдней жертвой...
Послѣдней?.. Будто нѣту денегъ у меня,
Чтобы купить еще на десять лѣтъ
И больше отпущеніе грѣховъ?
Грѣховъ! ха! ха! ха! ха!.. На что оно годится
Для тѣхъ, которые ему душой не вѣрятъ?
А я и безъ него умѣю обойтиться.

Входятъ съ радостью толпой испанцы и ведутъ пѣвца съ гитарой.

Испанцы.

Вотъ мы пѣвца поймали на дорогѣ:
Не хочешь ли послушать, онъ споетъ

Про старину, про гордыхъ нашихъ предковъ;
Не хочешь ли, почтенный патеръ?

Соррини (*поглядывая на пѣвца*).
Благодарю я васъ, друзья мои. Нейдетъ
Мнѣ быть свидѣтелемъ мірскихъ веселій,
И юности пировъ гремящихъ.
Сѣдинамъ этимъ преклоняться должно въ прахѣ
Передъ Распятымъ, а не украшаться
Вѣнками радости: не пѣть я долженъ, но
Рыдать, моляся за грѣхи свои
И ваши — ибо стадо съ пастыремъ едино.

Уходитъ нагнувшись.

5-й испанецъ (*въ сторону*).
Что жъ! безъ тебя такъ намъ еще вольнѣе.

3-й испанецъ.
Признаться, я не вѣрю, чтобъ у насъ
У каждаго одни грѣхи съ нимъ были:
Мы дѣлаемъ злодѣйства, чтобы жить,
А онъ живетъ — чтобы злодѣйства дѣлать...

Пѣвецъ.
Что жъ мнѣ вамъ спѣть, ей Богу я не знаю...

2-й испанецъ.
Ну, полно, братъ, садись и начинай играть.
А пѣсни выльются невольно.
Люблю я пѣсни: въ нихъ такъ живо
Являются душѣ младенческіе дни;
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвратить,
Которыя должны мы были проглотить;
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Напомнивъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

3-й испанецъ.
Ха! ха! ха! ха!.. Разнѣжился опять...
Опять понесъ ты вздоръ давнишній;
Опять воспоминанья, чортъ бы съ ними...

5-й испанецъ.
Баба!...

4-й испанецъ (*показываетъ на пѣвца*).
Тсъ, тсъ.

1-й испанецъ.
Онъ начинаетъ!.. Слушать!..

БАЛЛАДА.

Гвадьяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ,
Въ ней блещутъ вершины церквей;
Но въ прежніе годы невѣрные тамъ
Купали своихъ лошадей.
На томъ берегу, поклянусь, что не лгу,
Хранимый рукой христіанъ,
Съ чалмой и крестомъ надъ чугуннымъ столбомъ
Стоитъ превысокій курганъ.
Недалеко отсюда обитель была;
Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
За пиръ садились ночной.
Вотъ чаши гремятъ... и поютъ, и кричатъ..
И дверь отворяется вдругъ:
Взошелъ сарацинъ, безоруженъ, одинъ —
И смутился пирующій кругъ.
Невѣрный, склоняясь челомъ, говоритъ:
«Я желаю проститься съ чалмой,
Крестите меня, какъ законъ вашъ велитъ.
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обманъ, изъ далекихъ сторонъ
Привели меня къ вашимъ стѣнамъ;
Я узналъ вашъ законъ, мнѣ понравился онъ:
Я жизнь свою Богу отдамъ».
Но монахи его окружили толпой
И въ сердце вонзили кинжалъ,
И съ золотомъ сняли алмазъ дорогой,
Который на шеѣ сіялъ.
И ругались надъ нимъ, со смѣхомъ пустымъ,
Пока день не взошелъ молодой.
И кровавый трупъ на прибрежный уступъ
Былъ брошенъ злодѣйской рукой.
Не прошло трехъ ночей, какъ высокій курганъ
Воздвигся съ крестомъ и чалмой,
И подъ нимъ тотъ пришлецъ изъ восточныхъ странъ
Зарытъ — но не силой земной.
И съ тѣхъ поръ каждый годъ, только мѣсяцъ взойдетъ,
Въ обитель приходитъ мертвецъ
И монахамъ кричитъ (какъ молва говоритъ),
Чтобъ крестили его наконецъ...

Многіе хлопаютъ въ ладоши.

1-й испанецъ.
Прекрасно... Очень хорошо...

Всѣ испанцы.
Благодаримъ.
Не хочешь ли вина, искусный трубадуръ?

Ему подаютъ, и онъ пьетъ.

Пѣвецъ.
За здравье папы... а потомъ за ваше!

3-й испанецъ.
Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу,
Пойдемте, съ помощью святого Доминика.

Намъ Богъ проститъ... вѣдь надо людямъ жить...

Уходятъ всѣ съ громкимъ хохотомъ.

Сцена II.

Комната у жида. Богатые ковры вездѣ и сундуки. Тутъ стоитъ на столбикѣ лампа горящая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки нижутъ жемчугъ. — Все богато. — Ноэми входитъ и садится у стола облокотившись

Ноэми.

Нѣтъ, не могу работой заниматься;
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы
Дрожатъ, какъ будто бы иголка тяготитъ ихъ.
Молиться я хотѣла — то же все.
Начну лишь... а слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударится порой,
И сердцу такъ неловко, такъ неловко...
И занимаетъ все воображенье
Прекрасный образъ незнакомца,
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо...
Какъ будто бы евреи ужъ не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго — и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Ерусалимѣ.
Смѣшно!.. Они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ; но для чего?
Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?
Они такъ превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ;
Но этого пока мы не видали. (*Молчаніе.*)
Однакожъ есть и между ними люди!
Вотъ, напримѣръ, вчерашній незнакомецъ...
Кто бъ ожидалъ? Какъ жалко, что его
Я не вижу... но отецъ мой
Его такъ живо описалъ, такъ живо...
Высокій станъ и благородный видъ.
И кудри черные, какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... Но зачѣмъ объ немъ я мыслю?..
Что пользы?.. Ахъ, какой же я ребенокъ!
(*Молчаніе.*)
Мнѣ скучно — вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ
Сегодня... Сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ.
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...
Какъ скучно быть одной весь день,
Все пѣснь одна: низать и распускать свой жемчугъ,
Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить,
И спать... Однакожъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ.
(*Молчаніе.*)
Что пользы? (*Кличетъ.*) Няня! Сара, Сара,
Поди ко мнѣ! поди сюда! Ну, что же?..

Сара (*старуха, идетъ*).

Что, милая Ноэми, что тебѣ?
Иль жемчугъ распустила? Но вѣдь я
Стара, мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность,
А мнѣ такъ невозможность; такъ ли?

Ноэми.

Нѣтъ, Сара, жемчугъ я оставила низать.

Сара.

Что? аль не нравится? Вотъ я
Въ твои года не тѣмъ была довольна?
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно!.. Что жъ меня звала ты?

Ноэми.

Такъ.
Мнѣ скучно... Я больна...

Сара.

Больна! Ахъ, Боже мой.
Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ...
Есть у меня знакомый, преискусный...

Ноэми.

Не надо... Я не то, чтобы больна —
А такъ, не въ духѣ... все нейдетъ на ладъ,
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я...
Мнѣ грустно... Разскажи мнѣ сказку
Про старину... Садись и разскажи...

Сара.

Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ, видишь, память-то слаба.
Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.

Ноэми.

Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!.. Растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась
И стала омывать потоки крови
И увидала рану противъ сердца
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:
«Смотри: я братъ твой...» Но, клянусь,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ;
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: «Перестань молиться!

Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ...
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христіанинъ и не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться».
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что жъ? — въ рукахъ
Остался погребальный саванъ... Я проснулась...

Сара.

Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

Ноэми.

Но это вздоръ: я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду...

Сара.

О Ноэми!
Не говори... Случиться это можетъ...

Ноэми.

Какъ можетъ? Какъ?.. Нѣтъ, это невозможно.

Сара.

Послушай, у тебя былъ братъ.
Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть-можетъ, думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ
И для того тебѣ объ немъ не говорили.
А можетъ-быть, онъ живъ — какъ знать!
Вѣдь Божья воля неисповѣдима.

Ноэми.

Ахъ, Сара, Сара! нѣтъ онъ умеръ...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, и, какъ цвѣтъ
Полей, засохнулъ... Такъ, онъ былъ рожденъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
О Сара! если умеръ онъ — какъ счастливъ.
И какъ должна я плакать о себѣ...
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ скитается по свѣту; родина,
Спокойствіе, жилище наше — все не наше!
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ...
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ? — Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь — вотъ все его богатство
И если бъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то вѣрно бъ
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понынѣ притѣсняли...
Однакожъ и межъ нихъ есть добрые.

Сара.

Да, да, вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намедни Моисея.
Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истопталъ, сказавъ:
«Собака, жизнь твоя сего не стоитъ!
Я не наемникъ твой!..» Прости ему, Всевышній,
Подобныя хулы за то, что спасъ
Онъ одного изъ гибнущихъ сыновъ
Израиля.

Ноэми.

Прости ему, Всевышній!..

Сара (*подходитъ къ окну*).

Какая ночь! въ такую точно ночь
Я стала жертвою любви... Іосифъ мой!
О, если бъ ты меня теперь увидѣлъ,
Ты испугался бы. Въ то время я цвѣла;
Мои глаза блистали какъ алмазы,
И щеки были нѣжны точно пухъ...
Увы, Ноэми! Кто бъ тогда подумалъ,
Что этотъ лобъ морщины исчертятъ,
Что эти косы посѣдѣютъ... То-то время!..

Ноэми.

Что мой отецъ нейдетъ!

Сара

Чу, вотъ сова кричитъ... Ужасный крикъ!
Я не люблю его... Во мнѣ всѣ жилы
Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ...
(*Стучатъ въ дверь.*)
Ахъ, вѣрно твой отецъ пришелъ!.. Ну жъ поздно!

Голосъ.

Скорѣе!.. Отоприте! отоприте!

Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираютъ; входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанной рукой; сей едва идетъ.

Моисей.

Ноэми! Сара! помогите! помогите!
Измученъ я усталостью и страхомъ...
Онъ истекаетъ кровью... О, проклятье
Злодѣямъ!.. Дайте кресло и подушки...
Онъ истекаетъ кровью...

(*Даютъ длинную подушку и кладутъ на полъ. Его сажаютъ и поддерживаютъ ослабѣвшую голову.*)

Будь Авраамъ свидѣтель — эта ночь
Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ,
Тому я далъ существованье,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь...
О Богъ, Богъ іудеевъ, сохрани
Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!..

Фернандо.

Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?
Зачѣмъ? Они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,

Освободить отъ мукъ. Такъ земляки мои
Всегда добро другъ другу дѣлаютъ.
О, перестаньте! (*Какъ отъ сна.*) Гдѣ я?..
Кто со мной!..
(*Поднимаетъ голову.*) Благодарю того, кто
спасъ меня — но кто онъ?

Моисей.

Ты спасъ его недавно самъ:
Онъ здѣсь, передъ тобой — еврей, гонимый
Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня —
И я тебѣ обязанъ заплатить,
Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ.
Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель...

Ноэми (*становится на колѣни и цѣлуетъ руку*).

Еврейка у тебя цѣлуетъ руку,
Испанецъ... (*Она остается на колѣняхъ и держитъ руку.*)

Фернандо (*Моисею*).

Что сказалъ ты, иновѣрный?
Отчизна, родина — слова пустыя для меня,
Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ.
Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей...

Ноэми.

Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь...
Ты добръ, испанецъ — Небо справедливо!..

Фернандо.

Я былъ добръ...

Моисей (*стоя надъ нимъ*).

Кровь течетъ изъ раны...
Перевяжите... Какъ онъ поблѣднѣлъ...

Фернандо.

У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы;
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно — могилу...
Чудовище, зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу?.. Всѣ старанья ваши — зло!
Спасти отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло... Безумцы!
Прочь!.. Пусть течетъ свободно кровь моя.
Пусть веселитъ... О, жалко! нѣтъ монаха
здѣсь!..
Одни евреи бѣдные... Что нужды?
Они все люди же — а кровь
Пріятна людямъ... Прочь!.. (*Срываетъ перевязи.*)

Ноэми.

Отецъ мой! (*Въ отчаяніи.*)
Онъ сорвалъ перевязку!.. Онъ умретъ!

Всѣ бросаются опять наложить перевязку.

Сара.

О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки;
Какъ жалко!..

Фернандо.

Дайте пить мнѣ, я горю...
Языкъ засохъ... скорѣе, ради Бога (*Сара уходитъ за питьемъ.*)

Ноэми.

Испанецъ, успокойся, успокойся!
Ты былъ несчастливъ, это видно,
Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говоримъ,
Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
Съ его души... Ахъ, какъ бы я желала,
Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ.

Фернандо.

И веселъ! (*Стонетъ.*)

Ноэми.

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тотъ еврей — отецъ
твой;
И воображеніе тебя утѣшитъ:
Оно дано намъ, людямъ, для того,
Испанецъ!

Фернандо.

Дѣвушка, ты дочь его?

Ноэми.

Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ! —
И онъ тебя спасетъ. Я заклинаю
Тебя твоимъ закономъ: перестань
Тревожиться печальной думой;
Она вредитъ здоровью твоему,
Разгорячаетъ кровь... (*Сара приноситъ стаканъ.*)
На, выпей!

Фернандо.

Благодарю! твои слова напитка лучше...
Когда жалѣетъ женщина меня,
Я чувствую двойное облегченіе...
Послушай, что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?
Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не сняли ничего
И бросили въ крови вблизи дороги...
О, это все коварство!.. я предвижу,
Что это лишь начало... а конецъ!..
Конецъ... (*Вздрагиваетъ.*) Что вздрогнулъ
я? Что бъ ни было,
Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ...
Оставь меня покуда! (*Она встаетъ и отходитъ, но издали все на него смотритъ.*)

Сара (*подходитъ къ Моисею*).

Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова...

Моисей.

Пошелъ къ раввину я: онъ былъ мнѣ долженъ;
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли; ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ,
И между горъ густой туманъ дымился.
Иду я недалеко ужъ отсюда
Густымъ лѣскомъ — и слышу звукъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ...
Сижу — дрожу... Передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами;
Шесть человѣкъ стояли на полянѣ —
И слышу: «Этой самою дорогой
Итти онъ долженъ нынѣ... ну жъ, не знаю,
Какъ онъ кинжалы наши выдержитъ!
Мнѣ жалко бы его убить до смерти,
Онъ малый славный и къ тому жъ бѣднякъ...
Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
Его отправить въ дальнюю дорогу!»
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ...
Онъ долго защищался... наконецъ
Упалъ, и всѣ они въ минуту разбѣжались,
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живого...
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Кто былъ несчастный жертвою злодѣйства.
И что жъ? — мой благодѣтель, мой спаситель!..
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны... Онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня
И будто по природному влеченью,
Всталъ... я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но я не понялъ словъ... потоки крови
Бѣжали на меня... такъ я принесъ
Несчастнаго сюда... Богъ сдѣлалъ это чудо!..

Сара.

И точно: это чудо, Моисей.

Ноэми (*которая въ то время опять сѣла у ногъ Фернандо*).

Что? Утихаетъ боль твоя иль нѣтъ?

Фернандо.

Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

Моисей (*Сарѣ*).

Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда.

Сара.

Да какъ
Его зовутъ, кто онъ таковъ, нельзя ль узнать? (*Уходитъ.*)

Моисей (*подходитъ*).

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты, и какъ тебя зовутъ?

Фернандо.

Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
Ты спрашивалъ ли: какъ тебя зовутъ?..
(*Молчаніе*).
Меня зовутъ Фернандо!
Вотъ все, что я могу сказать; другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ отцовъ
Въ землѣ сырой... Я не скажу — моихъ отцовъ.
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично объ такихъ вещахъ.
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

Ноэми.

Я буду для тебя сестрой.

Фернандо.

Ты для меня сестрой не будешь.

Ноэми.

Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь ввѣрить горесть
Души твоей? Ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскаялася въ томъ, что іудейка?..

Фернандо.

Богъ сохрани меня отъ этой мысли!
Ты — цвѣтъ пустыни, ты — дитя свободы:
Безъ правилъ любишь ты — испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ.
У нихъ и рай и адъ — все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король народомъ, а народъ свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ...

И сжечь за слово на кострѣ... И подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка —
Есть дѣло добродѣтели великой!
О, Боже сохрани меня отъ мысли,
Что ты должна принять ихъ предразсудки;
Нѣтъ! Вѣрь, что есть на небѣ Богъ — и только!
Я самъ не вѣрю больше этого...
Но между нихъ одно есть существо,
Но между демоновъ одинъ есть ангелъ
Души моей... но замолчу объ этомъ...

Ноэми.

Ты горячишься — это увеличитъ
Твое страданье съ болью ранъ твоихъ;
Не хочешь ли чего-нибудь?.. Усни...
Вотъ мой отецъ придетъ: онъ приготовилъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы все достанемъ, только будь спокоенъ
Иль кровь опять начнетъ изъ раны литься.

Фернандо (*въ сторону*).

Эмилія далеко отъ меня...
О, если бъ эта милая еврейка
Была Эмилія!.. Какъ скоро бы всѣ раны
Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу...
Эмилія! Эмилія!.. Быть-можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь,
И отъ послѣдней отъ тебя я буду
Забытъ!.. Забытъ!..

Моисей.

Усни! постель уже готова.
Эй, Сара! помоги поднять его.

Двѣ еврейки, слуга-еврей, Сара и Моисей подымаютъ слабаго Фернандо и уводятъ. Ноэми одна остается.

Ноэми.

Проникло сожалѣнье въ грудь мою...
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины...
Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ;
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими жъ черными кудрями,
Являлся воображенью моему,
И мною овладѣлъ непостижимой силой,
И завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сномъ...
Отецъ мой такъ его подробно описалъ.
(*Молчаніе.*)
О, какъ судьба людьми играетъ?..
Кто бъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему — не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!..
Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещетъ — точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться,
Когда жъ произношу его названье —
Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:
Фернандо! — то краснѣю, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь...
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви? Всѣ любятъ — что же тутъ худого?
Такъ точно, ничего худого нѣтъ въ любви;
Къ чему же совѣсть тутъ мѣшается,
И будто сердце предостерегаетъ?..
Но какъ же слушаться ея?..
Какъ не любить? Ахъ, безъ любви такъ скучно.
И даже думать не о чемъ! о Боже,
Храни его! Храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою!.. Я не могу иначе!..

Она стоитъ въ задумчивости.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Сцена I.

Въ домѣ Алвареца. Спальня Донны Маріи. Большое зеркало, столъ и стулья. Алварецъ въ креслахъ. Марія передъ зеркаломъ надѣваетъ что-то на голову.

Алварецъ.

Желалъ бы я узнать, зачѣмъ сюда
Эмилія здороваться нейдетъ?
Ужъ, вѣрно, плачетъ о своемъ любезномъ,
Иль съ цитрою мечтаетъ на балконѣ.
Вотъ дочери! Отъ нихъ заботъ гора,
А нѣтъ ни утѣшенья, ни добра.

Донна Марія (*оборачиваясь*).

Какъ думаешь, любезный мой супругъ,
Идетъ ли мнѣ вотъ это ожерелье,
И можно ли такъ показаться въ люди?
Оно не дурно?..

Алварецъ.

Все къ тебѣ идетъ!
И если бъ ты явилась мнѣ теперь
Въ измаранномъ и самомъ гадкомъ платьѣ,
То — я клянусь мечомъ отцовскимъ —
Любилъ бы я тебя какъ прежде,
И столько же прекрасна ты бъ казалась
Моимъ глазамъ.

Донна Марія.

Неужли? Ахъ, мой милый!..
(*Въ сторону.*) Онъ думаетъ, что только для него
Я одѣваюсь, какъ прилично мнѣ.
Возможно ль быть самолюбиву такъ,
Возможно ль быть такъ глупу, какъ мужья?..
Да странно, что такъ много требуютъ отъ насъ.
Ужель мы созданы блистать красой своей
Для одного лишь въ свѣтѣ?

Алварецъ.

Говорилъ я
Тебѣ ужъ о намѣреньи своемъ,
Иль нѣтъ?

Донна Марія.

А что такое?

Алварецъ.

Слушай.
Хочу я замужъ выдать дочь свою;
Боюсь, чтобъ не ушла она съ Фернандо
Женихъ готовъ: богатъ онъ и уменъ...

Донна Марія.

Ахъ, милый другъ, не рано ли?
Нѣтъ, погоди; она такъ молода.

Алварецъ.

Да слушай: вѣдь женихъ-то рѣдкій;
Онъ храбръ, въ честяхъ, любезенъ и богатъ...

Донна Марія.

Да хочетъ ли онъ самъ жениться?

Алварецъ.

Я покажу тебѣ письмо его,
Оно вотъ въ этомъ ящикѣ лежало.
(*Хочетъ отперетъ ящикъ у стола. Марія смущенная подходитъ. Онъ дергаетъ.*)
Да что жъ? Онъ запертъ у тебя; дай ключъ...

Донна Марія.

Что хочешь ты?

Алварецъ.

Дай ключъ!

Донна Марія.

Что?

Алварецъ.

Ключъ мнѣ!

Донна Марія.

Ключъ?
Ахъ, Боже мой, я, вѣрно, затеряла.
Да послѣ мы найдемъ...

Алварецъ.

Какъ послѣ? Для чего не тотчасъ?

Донна Марія (*въ сторону*).

Если онъ увидитъ, я пропала!
(*Ему.*) Да послѣ я найду письмо твое...
Зачѣмъ сердиться изъ пустого — какъ смѣшно!..

Алварецъ.

И ключъ потерянъ — чортъ возьми, досадно...

Слуга (*входитъ*).

Ждетъ лошадь у крыльца, и все готово.

Алварецъ.

А я совсѣмъ забылъ, что надо ѣхать.
Прощай, моя Марія! До свиданья. (*Цѣлуетъ и уходитъ.*)

Донна Марія (*одна*).

Ахъ!.. Наконецъ отъ сердца отлегло!
Переложу въ другое мѣсто я
Подарокъ патера Сорринія съ письмомъ
Его. (*Вынимаетъ ключъ. Изъ стола вынимаетъ ящикъ.*)
Прекрасный жемчугъ, нечего сказать...
Алмазы въ кольцахъ точно звѣзды блещутъ!
За это мнѣ не должно помѣшать
Увезть Эмилію... О, старый сластолюбецъ,
Богатъ ты... оттого твои подарки малы;
Но такъ и быть, согласна я
На предложеніе твое, Сорини...
Эмилія самой мнѣ надоѣла;
Но, впрочемъ, этимъ ей не много зла
Я сдѣлаю... Невинной дѣвушкѣ
Пріятно быть любимой старикомъ,
Какъ старой — молодымъ, затѣмъ
Что пылкость одного безчувствіе другого
Обыкновенно замѣняетъ...
Наскучила ужъ мнѣ Эмилія давно;
Покуда здѣсь она, боюсь
Я пригласить къ себѣ кого-нибудь,
И хорошо, что патеръ захотѣлъ
Избавить отъ нея; и жалко только,
Что мужа моего увезть никто не хочетъ...
(*Смотритъ на ящикъ Сорринія.*)
Какое множество природныхъ недостатковъ
Покроютъ эти малые алмазы,
Какъ много тѣней въ блескѣ ихъ потонетъ...
И за подобное благодѣянье
Мнѣ не пожертвовать безсмысленной дѣвчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? Ха! ха! ха! ха!
(*Смотритъ письмо Сорринія, которое было въ ящикѣ.*)

Мой мужъ, я думаю, уѣхалъ надолго,
И нынче нашъ монахъ пришлетъ людей,
Которымъ я вручу подарокъ свой;
А для меня же лучше, чтобъ Соррини
Ее имѣлъ, чѣмъ мужъ законный.
Алмазы, жемчугъ градомъ на меня
Посыплются, и я поѣду въ городъ;
И удивленье поразитъ моихъ соперницъ,
Когда явлюсь въ арену; я сто глазъ
У нихъ украду силой красоты...
Никто не отгадаетъ, что сей жемчугъ
Цѣною слезъ невинныхъ купленъ...
Но я придумала: въ Мадридъ отправлюсь,
Тамъ получу прощеніе грѣховъ,
И совѣсть успокоится моя.

Ставитъ ящикъ съ жемчугомъ на кровать и оборачивается. Эмилія входитъ блѣдная, въ черномъ платьѣ, въ черномъ покрывалѣ и съ крестикомъ на груди своей.

Донна Марія.

Здорова ли моя Эмилія?
Какъ ты спала?..

Эмилія.

Благодарю васъ;
Спросите лучше, какъ я не спала.
Ужъ сонъ давно бѣжитъ моихъ рѣсницъ...
Съ тѣхъ поръ...

Донна Марія.

О, знаю, знаю, милый другъ,
Я чувствую вполнѣ твое несчастье,
И все бы отдала, чтобы помочь тебѣ,
Клянусь душой!

Эмилія (*съ нѣжнымъ упрекомъ*).

Итакъ, одно лишь слово
Всего дороже было вамъ.

Донна Марія.

Ты мнѣ простишь;
Не знала я, что любишь ты такъ сильно,
И только остеречь тебя желала,
Но нынѣ я ошибку ту заглажу.

Эмилія.

Одинъ Спаситель мертвыхъ воскрешалъ.

Донна Марія.

Зачѣмъ ты такъ блѣдна, и въ черномъ платьѣ,
И въ черномъ покрывалѣ?

Эмилія.

Я слыхала,
Что черный цвѣтъ — печали цвѣтъ.

Донна Марія (*беретъ ее за руку*).

О, не грусти, я все поправлю.

Эмилія.

Что отнялъ Богъ, того не отдадутъ
Намъ люди. А что люди взяли,
То можетъ возвратить одна могила...

Донна Марія.

Ты отъ Фернандо это слышала навѣрно!
О, памятлива ты! (*Эмилія отворачивается.*)
Но успокойся!
Тотъ, кто достоинъ былъ воспоминанья,
Тотъ и тебя достоинъ; испытанья
Пройдутъ. И я тебѣ клянусь,
Что упрошу жестокаго отца:
Позволитъ онъ соединиться вамъ,
И счастіе опять украситъ
Твои ланиты пламеннымъ румянцемъ.
Не плачь, не плачь! Не все гроза бушуетъ:
Проглянетъ солнце и цвѣтокъ, измытый
Порывомъ вѣтра, встанетъ обогрѣться...

Эмилія.

Не смѣйтесь надъ несчастьемъ, чтобы вамъ
Не заплатило Небо тѣмъ же.

Донна Марія.

Боже,
Храни меня смѣяться надъ тобой.
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будетъ мужъ твой.
Повѣрь: мои старанья совершатъ
Блаженство то, къ которому такъ сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилія

(*съ рыданьемъ бросается къ ногамъ Маріи, обнимаетъ колѣни*).

Я не ищу блаженства — нѣтъ его,
Нѣтъ въ свѣтѣ ничего — Фернандо умеръ!
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки...
О, плачьте обо мнѣ всѣ люди, всѣ созданья,
Всѣ плачьте — если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь съ моими,
Мой стонъ могилу потрясетъ — о, плачьте!..
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки!..

Донна Марія.

О, поднимись! ты бредишь, ангелъ мой;
Встань, встань.

Эмилія (*все на колѣняхъ, поднявъ голову*).

Исполни просьбу сироты.

Донна Марія.

Исполню, все исполню, только встань
И отдохни — встревожилась ты слишкомъ.

Эмилія (*встаетъ*).

Такъ выслушай, о чемъ прошу тебя. (*Цѣлуетъ руку.*)
Когда прощались мы въ послѣдній разъ,
Въ ту ночь — онъ мнѣ сказалъ: «Иди
Скорѣе въ монастырь, иди въ обитель,
Сокрой отъ свѣта добродѣтель сердца...»

Молю тебя, молю тебя, какъ нищій,
Не помѣшай уйти мнѣ въ монастырь
Сегодня... Помоги мнѣ, заклинаю —
Тебѣ заплатитъ Тотъ, Кто всѣмъ заплатитъ.

(Кинувъ умоляющій взглядъ на Донну Марію.)

Фернандо умеръ! Я хочу исполнить
Его желанье... онъ меня любилъ.

Молчаніе.

Донна Марія.

Но если онъ не умеръ, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станетъ онъ искать тебя,
Чтобъ къ алтарю вести невѣстою своей,
И вдругъ увидитъ въ черномъ покрывалѣ
Въ ряду монахинь... Что съ нимъ будетъ?
Ужели ты объ немъ не пожалѣешь?
Не пожалѣешь ты о счастіи,
Котораго бъ могла дождаться?...
Какая слабость!.. Гдѣ твое терпѣнье?

Эмилія.

Мое терпѣнье? (*Поднимаетъ глаза къ небу.*)
(*Тихо въ сторону.*) Онъ былъ живъ, и я
Терпѣла!

Донна Марія.

Выкинь изъ ума
Твой глупый замыселъ. Повѣрь мнѣ,
Пустые слухи обманули
Тебя... повѣрь мнѣ... я ужъ знаю,
Что говорю.

Эмилія (*съ укоризной*).

Его не воскресить вамъ,
Вы не имѣете подобнаго искусства.
Я васъ просила объ одномъ — вы не хотѣли
Исполнить просьбы самой униженной...

Хочетъ уйти, Донна Марія удерживаетъ ее.

Донна Марія.

Такъ слушай же. вчера бродила я
Въ саду и подъ вечеръ зашла я въ рощу;
Вдругъ вижу, человѣкъ ко мнѣ подходитъ —
Онъ издали все слѣдовалъ за мною.
Ты былъ Фернандо.. онъ упалъ къ моимъ ногамъ;
Онъ плакалъ, обнималъ мои колѣна
И сдѣлалъ то, что обѣщалась я
Составить ваше счастье. Твой отецъ
Уѣхалъ на два дни И — межъ тѣмъ
Вы можете видаться — и потомъ,
Къ ногамъ родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Эмилія.

О, это слишкомъ!.. Я не вѣрю...

Донна Марія.

Клянусь тебѣ, что живъ онъ и увидишь
Его ты скоро... Что съ тобой?..

Эмилія.

Мнѣ дурно!
О Боже!. голова кружится... кто бъ подумалъ?

Упадаетъ въ слабости на стулъ.

Донна Марія.

Какое дѣтство!. Что съ тобой?.. Скрѣпись!..
(*Въ сторону.*) Я заманю голубку въ сѣти,
Я поведу на тайное свиданье;
Тамъ будетъ шайка дожидаться вѣрно,
И тутъ же схватятъ и умчатъ ее.
Благодари мой умъ, Соррини, онъ искусенъ!

Эмилія (*встаетъ*).

Нѣтъ, ничего — простительная слабость...
Такъ тяжело я мучилась, что счастье
Мнѣ тяжело... Онъ живъ! о Боже!
Прости мой ропотъ!.. Какъ я легковѣрна:
Служанка мнѣ сказала, и я тотчасъ
Повѣрила обманчивымъ разсказамъ!
О, видно, что печаль родня намъ, людямъ,
Когда мы ей скорѣй веселья вѣримъ.
(*Маріи.*)
Благодарю васъ... мой укоръ напрасный
Васъ огорчилъ... Простите вы меня?
Я слишкомъ мучилась! Скажите:
Гдѣ я съ нимъ встрѣчусь?

Донна Марія.

Сегодня мы пойдемъ въ густую рощу;
Тамъ на полянѣ есть высокій дубъ,
Съ дерновою скамьей — и тамъ увидишь ты
Фернандо — не счастлива ль ты
Одной надеждой? — для чего
Смущала такъ предчувствіемъ себя?
Повѣрь, невинную любовь
Хранятъ святые ангелы, какъ стражи!
Дитя, дитя!.. И вотъ вся горесть
Разсѣялась... И въ монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячествомъ своимъ:
Оно есть добродѣтель, потому
Что какъ все доброе, не долговѣчно.

Эмилія.

И я его увижу? Онъ не умеръ?

Донна Марія.

Увидишь и повѣришь мнѣ совсѣмъ.

Эмилія устремляетъ на Марію взоръ, хочетъ что-то сказать, но волненіе мѣшаетъ ей. Она цѣлуетъ крѣпко мачехѣ руку и, закрывъ лицо, убѣгаетъ.

Донна Марія (*глядитъ вслѣдъ*).

Ступай, ступай! и жди спокойно
Свиданья, вмѣсто гибели своей:
Ступай! тебя старикъ излѣчитъ скоро

Отъ бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься — но наслажденье
Прогонитъ ужасъ — послѣ все пройдетъ!
Создатель мой! Ужели точно
Мое такъ дурно предпріятье, что сама
Я это чувствую? Что жъ тутъ худого?
Она счастливѣй будетъ у Соррини,
Чѣмъ здѣсь; когда она ему наскучитъ
Съ приданымъ выдастъ замужъ онъ ее,
Быть-можетъ, такъ случится, что Фернандо
Получитъ руку бѣдной дѣвы...
Но, что бы ни было, я все избавлюсь
Отъ любопытныхъ глазъ, и мой любимецъ
Безстрашнѣй будетъ навѣщать меня...
Такъ все взаимно въ этомъ свѣтѣ:
Соррини благодаренъ мнѣ, а я ему...
(*Уходитъ.*)

Сцена II.

Въ горахъ передъ жилищемъ Моисея, дикое мѣстоположеніе. Скамья направо подъ большимъ дубомъ, возлѣ коего сдѣлано въ родѣ бѣлой палатки, гдѣ сидятъ служанки и слуги жида и работаютъ и поютъ свою печальную пѣсню.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

1.

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солимъ опустѣлъ!..
На чужѣ въ раздольи печально житье;
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

2.

О родинѣ можно ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте! Досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ.

3.

Изгнанное пепломъ посыпьте чело
И плачьте вы ночью при хладной лунѣ,
Чтобъ стенанье израильтянъ тронуть могло
Того, Кто явился пророку въ огнѣ.

4.

Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привесть васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Хоть сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

Фернандо (*медленно входитъ*).

Что золото? Какая это вещь,
Когда оно могло бъ составить счастье
Мое?.. Металлъ, какъ и другой!
Или далъ Богъ ему такое право,
Какимъ лишь рѣдко люди обладаютъ?..
(*Опять начинаютъ пѣть.*)
Какой печальный голосъ! Эти люди
Поютъ о родинѣ далеко отъ нея,
А я въ моемъ отечествѣ не знаю,
Что значитъ это сладкое названье...
Я въ мірѣ не имѣю ничего почти,
А все желалъ бы больше, но зачѣмъ?..
Чтобъ новыми желаньями томить
Себя? Чтобы опять ловить мечты?
Нѣтъ! Пусть останусь я каковъ теперь;
Пусть никогда не буду счастливъ, чтобъ
Не сдѣлаться похожимъ на другихъ...
Въ страданьяхъ жизнь — я въ нихъ живу, я къ нимъ привыкъ,
Никто ихъ не раздѣлитъ... и тѣмъ лучше
Для тѣхъ людей, которые бъ хотѣли
Ихъ раздѣлить... (*Ноэми входитъ.*)
Гдѣ твой отецъ?

Ноэми.

Ушелъ
Давно по дѣлу онъ... На что тебѣ отецъ мой?

Фернандо.

Хотѣлъ бы я благодарить его...
Онъ спасъ мнѣ жизнь — и я его стараньемъ
Теперь здоровъ, какъ прежде.

Ноэми (*быстро*).

Ты здоровъ?.

Фернандо.

Да, я здоровъ какъ человѣкъ, который
Такъ часто боленъ былъ, что старую болѣзнь
Болѣзнью не считаетъ... (*Садится на скамью. Она возлѣ него.*)

Ноэми.

Ты долженъ долѣе у насъ остаться.
Повѣрь, не вовсе залѣчились раны
Твои... и чѣмъ тебѣ здѣсь худо?..
Останься здѣсь еще; ты самъ вѣдь говорилъ,
Что у тебя пристанища нѣтъ въ свѣтѣ...
Ты вѣрно здѣсь останешься, испанецъ?..

Фернандо.

Нѣтъ!..
Я не хочу обременять васъ больше
Моимъ присутствіемъ, мнѣ надо..

Ноэми.

Ужели благодарность тяготитъ
Тебя?.. Я этому не вѣрю.
Не говорилъ отецъ мой такъ,
Когда отъ гибели его ты самъ избавилъ...

Фернандо.

Я разъ ужъ былъ неблагодарнымъ, и боюсь
Вторично быть такимъ; но, впрочемъ,
Я не могу остаться здѣсь никакъ,
Я не могу... не долженъ... не хочу!..

Ноэми (*въ сторону, вставъ*).
Итакъ, намъ разлучиться должно;
Итакъ, моя любовь... О сжалься, Небо!
(*Ему.*)
Послушай: я твои лѣчила раны,
Моя рука была въ крови твоей,
Я надъ тобой сидѣла ночи, я старалась
Всѣмъ, чѣмъ могла, смягчить ту злую боль;
Старалась, какъ раба, чтобъ даже
Малѣйшій стукъ тебя не потревожилъ...
Послушай, я за всѣ мои старанья
Прошу одной, одной награды...
Она тебѣ не стоитъ ничего;
Исполни жъ эту малую награду:
Останься здѣсь еще недѣлю...

Фернандо.
Не искушай меня лукавой рѣчью:
Я ужъ сказалъ, что не могу; мнѣ должно прочь! (*Сильно.*)
Ты хочешь знать зачѣмъ? (*Показывая ей портретъ Эмиліи.*)
О, на, взгляни сюда!..
(*Она отворачивается, взглянувъ, и закрываетъ лицо.*)
Вотъ женщина! Она не можетъ видѣть
Лица, которое не уступаетъ
Ей въ красотѣ... (*Молчаніе.*) Такъ! такъ! я долженъ къ ней.
Съ опасностію жизни я увижу
Эмилію! (*Ей*) Гдѣ твой отецъ? (*Подходитъ и видитъ, что она плачетъ.*
О чемъ ты плачешь?

Ноэми.
Не думала я плакать!

Фернандо.
Стало-быть,
Ты плакала, не думавши. Скажи,
О чемъ?.. Скажи, не я ль виновенъ въ томъ?
Остаткомъ горькихъ слезъ, въ груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
Въ лѣта надеждъ не прячутъ слезъ... О чемъ ты плачешь?..

Ноэми.
О томъ, чего ты дать не можешь мнѣ;
О внутреннемъ спокойствіи...

Фернандо.
Какъ рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь...

Ноэми (*въ сторону*).
Скажу ему, что онъ
Въ томъ виноватъ; скажу, что я его
Люблю, и упаду въ его объятья;
Онъ не погубитъ, онъ великодушенъ...
Но что хотѣла я? Другая ужъ владѣетъ
Душой Фернандо... Что хотѣла я?
Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — она любить не можетъ,
Какъ я, она не обтирала крови
Съ его глубокихъ ранъ, она не просидѣла
У ногъ его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сонъ не превратился
Въ сонъ безпробудный! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Она любить его, какъ я, не можетъ!..
Входитъ Моисей. Ноэми примѣчаетъ его идетъ медленно навстрѣчу. Онъ ее обнимаетъ.

Моисей (*печально*).
Ну, дочь моя, скажу тебѣ я новость...
Сегодня...

Фернандо (*подходитъ*).
Моисей! благодарю тебя
За попеченія твои... (*Протягиваетъ руку. Моисей медлитъ.*)
Дай руку;
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца;
Ты человѣкъ... и ты мой благодѣтель.
Благодарю... я ухожу отсюда...

Моисей.
Такъ скоро? Какъ?

Фернандо.
Не возражай, еврей!
Я до тебя имѣю просьбу... лишь одну,
Одну: дай мнѣ червонцевъ пять взаймы.
Я знаю, что жиды всѣ деньги любятъ,
И христіанамъ не ввѣряютъ ихъ,
И въ этомъ правы — но меня ты знаешь!
Я преступленіе свершу, но все отдамъ
Твои червонцы... вотъ вся просьба.

Моисей.
Куда жъ ты хочешь? Для чего идешь?

Фернандо.
Недалеко живетъ отсюда
Донъ Алварецъ; въ его саду когда-то
Мы встрѣтились съ тобою. Я къ нему
Хочу итти просить гостепріимства.
Я былъ воспитанъ тамъ отъ юныхъ лѣтъ.
Но здѣсь мнѣ оставаться невозможно,
На это есть причины... я клянусь,
Что возвращу тебѣ червонцы...
Ты знаешь, въ свѣтѣ деньги нужны,
Чтобы исполнить предпріятье.
И въ случаѣ, что онъ меня не приметъ
Въ свой домъ...

Моисей (*съ удивленіемъ*).
Донъ Алварецъ! Донъ Алварецъ!..
Ахъ, Боже мой! Тотъ бѣденъ, кто постигнутъ
Твоимъ палящимъ гнѣвомъ... У меня
Есть дочь... я понимаю это горе...
Невѣроятно... Страшно!

Фернандо.

Что случилось?

Моисей.

Несчастіе большое... Ахъ, злодѣи!
Злодѣи!.. Адъ не такъ искусенъ...
Мнѣ нынче самовидецъ разсказалъ...

Фернандо.

Зловѣщій воронъ! (*Въ сильномъ движеніи.*)

Моисей.

Ада мало имъ...
Такого ангела... Вотъ вы услышите!
Горою встанетъ волосъ вашъ; не слезы — камни
Уроните изъ глазъ вы... Вотъ испанцы! (*Къ Фернандо.*)
Вотъ ваша инквизиція святая!...
Теперь не смѣйте презирать евреевъ...

Фернандо.

Зловѣщій воронъ!.. что такое?..
Сейчасъ скажи! Гранитнымъ этимъ небомъ
Клянусь, клянусь твоимъ закономъ, я какъ тигръ
Тебя на части раздеру...

(Еврей въ изумленіи. Фернандо хватаетъ его за руку; тише, дрожащимъ голосомъ.)

Ты видишь
Я ума лишаюсь!.. Человѣкъ!
Молю тебя, скажи мнѣ, что случилось?..

Ноэми.

Какъ онъ дрожитъ!.. Отецъ мой, говори
Скорѣй... Взгляни, какая блѣдность!..

Моисей.

У дона Алвареца дочь была!

Фернандо (*вскрикнувъ*).

Была!.. (*Молчаніе.*) Я твердъ! не бойся продолжать;
Какая мнѣ нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свѣтѣ... (*Принужденно.*) Ха! ха! ха!..
Я твердъ!

Моисей.

Еврей знакомый разсказалъ мнѣ
Печальный случай... [Онъ подслушать гдѣ-то
Умѣлъ злодѣевъ.] Есть доминиканецъ,
Иль езуитъ, по-вашему, не знаю,
По имени Соррини... и хоть старъ,
Онъ любитъ женщинъ. Подкупивъ злодѣевъ,
Онъ имъ велѣлъ похитить непремѣнно
Дочь Алвареца... Нынче жертву
Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, какъ могли
Они успѣть въ своемъ ужасномъ дѣлѣ...
Отца-то дома не было, я слышалъ.
Погибнетъ дѣвушка... А жалко! жалко!
Я четверть бы имѣнья тотчасъ далъ,
Чтобы ее спасти... но врядъ ли можно.

Фернандо хочетъ что-то сказать, поднимаетъ руки, вдругъ съ невольнымъ стономъ опускаетъ и быстрыми шагами съ отчаяніемъ уходитъ въ горы.

Моисей (*пораженный*).

Куда?.. Куда?.. Остановите его!..
Онъ въ бѣшенствѣ!..

Ноэми (*смотритъ вслѣдъ*).

Взгляни, вотъ онъ взбѣжалъ
Ужъ на гору... бѣжитъ... остановился...
Надъ самой пропастью... онъ упадетъ... но нѣтъ!..
Идетъ сюда... (*Бросается отцу на шею.*)
Зачѣмъ, зачѣмъ, отецъ мой,
Сказалъ ему ты эту новость?..

Моисей.

Дочь моя,
Все воля Божія! никто изъ насъ не можетъ
Противустать ей. Тотъ, Кто сотворилъ насъ,
Имѣетъ право съ нами поступать
Какъ хочетъ...

Ноэми.

Для чего жъ Онъ далъ намъ душу?
Зачѣмъ способность далъ любить, страдать,
Когда Онъ вѣрно зналъ, что муки есть
Неизлѣчимыя, что можно обмануть
Любовь?... Зачѣмъ насъ Богъ оставилъ?..

Она уходитъ. Фернандо возвращается.

Фернандо (*подходитъ*).

Ты думалъ, я заплачу, старый!
Ты этого хотѣлъ, но женская печаль
Не устыдитъ моихъ ланитъ! — Безчеловѣчный!
Я отомщу... Чтобъ цѣлый міръ... Я то свершу,
Что — я не знаю самъ еще, но землю
Мой подвигъ испугаетъ... Ты подумалъ,
Что... я заплачу? Нѣтъ! Клянусь:
Скорѣе разорвется это сердце,
Чѣмъ я заплачу...

Моисей (*беретъ его за руки*).

Успокойся!.. Объясни мнѣ
Твое отчаянье... не сожалѣнье
Одно...

Фернандо.

Старикъ, старикъ!.. ты жилъ покойно,
Не зналъ страстей... во мнѣ онѣ кипѣли
Сильнѣй, чѣмъ всѣ земныя бури. О! Проклятье
Тому, кто далъ мнѣ жизнь! Несправедливый Богъ,

Зачѣмъ казнить меня черезъ другихъ,
И ангела губить, чтобъ наказать безумца
Ничтожнаго?! Иль также въ небесахъ
Есть пытки?! Я терпѣлъ — и полно мнѣ терпѣть!
Повиновался я судьбѣ довольно;
Я могъ быть счастливымъ!.. Довольно,
Довольно!.. Никогда не буду счастливъ...
Отнынѣ отдаюся мести,
Союзъ съ землей и небомъ разрываю...
Старикъ, дай денегъ!.. Съ этимъ я прорвусь
Въ его жилище.

Моисей (*даетъ денегъ*).

Вотъ возьми!

Фернандо.

Эмилія — моя!
Живая или мертвая — моя;
Въ безчестьи иль невинная — моя!..
О! какъ я отомщу.. Прощай, отецъ...
Я своего не знаю. (*Обнимаетъ его крѣпко.*)
Мстить прекрасно,
Благослови меня!.. иду на смерть... Прощай! (*Уходитъ.*)

Моисей (*поднимаетъ руки*).

Услыши, Богъ, молитву іудея,
Храни его отъ преступленья;
Ты можешь удержать порывъ страстей,
Вселить покорность, вѣру такъ легко,
Какъ усмиряешь вихри горъ... Ты, Богъ
Израиля! Ты, Богъ Ерусалима!.. (*Уходитъ.*)

Сцена III.

Комната въ домѣ у жида, какъ во 2-мъ дѣйствіи

Ноэми (*за нею Сара*).

Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ: онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь — любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ навѣки.
Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо;
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. О, я люблю
Его какъ Бога — онъ одинъ мой Богъ.
И небо запретить любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ, другую любитъ,
Другую, слышишь ли—другую!.. я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня! (*Ломаетъ руки.*)

Сара.

Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить...

Ноэми.

Плакать!
Тебѣ ль со мною плакать?.. Ты любила ль,
Какъ я?.. Любила ль чужеземца,
Любила ль христіанина, была ли
Имъ презрѣна, какъ я?.. Ахъ! Сара, Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ...
О, сжалься надо мною, Небо!
Скорѣй въ сырую землю; поскорѣй,
Покуда я себя роптаньемъ не лишила
Спокойствія и тамъ.

Сара.

Старайся
Разсѣяться! Въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ: теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то занимательномъ и важномъ;
Онъ новостью тебя займетъ.

Ноэми.

Я проклинаю
Всѣ эти новости: одна ужъ
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его. Ахъ, Сара!
Все кончено!.. Все кончено!.. (*Моисей вбѣгаетъ какъ бѣшеный.*)

Моисей.

Дочь! дочь! дочь! онъ нашелся!
Зачѣмъ теперь? Зачѣмъ такъ поздно онъ нашелся?
Твой братъ... мой сынъ!.. я не зналъ...
Жестокій случай! такъ... я не прижалъ
Его къ груди, и не прижму... найденъ
И въ тотъ же мигъ потерянъ. О судьба!
Земля и небо, вѣтры, бури, громъ,
Куда вы сына унесли? Зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... и христіанинъ?
Возможно ли? Мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его — моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О Израиль!
Израиль!.. Ты скитаться долженъ въ мірѣ,
Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился.
Мой сынъ! . Мой сынъ!..

Сара.

Гдѣ жъ онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто жъ онъ... и кто сказалъ... что сынъ твой?

Моисей.

О, горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ,
Раввинъ принесъ мнѣ доказательство... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
И онъ погибнуть долженъ... не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...

Ноэми! горе, горе для тебя!
Фернандо — братъ твой!
Испанецъ — братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ!.. онъ христіанинъ! онъ твой братъ!

(Ноэми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара спѣшитъ къ ней.)

Пускай умретъ и дочь и я!.. У Бога
Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! Мой сынъ!

Ломаетъ руки и стоитъ недвижимъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена I.

Въ домѣ Соррини. На столѣ бумаги, книги и песочные часы.

Соррини (*входитъ*).

Сегодня, можетъ-быть, увижу я
Мою красавицу. Мою!.. Зачѣмъ же нѣтъ?
Она моя, такъ вѣрно, какъ я плутъ.
Когда я самъ съ собою, то никакъ
Себя я не щажу. Зачѣмъ я плутъ,
Я это знаю самъ, зачѣмъ скрываться
Передъ собой? Я плутъ, но умный плутъ.
Да, впрочемъ, я не вижу тутъ худого;
Я сотворенъ, чтобъ жить и наслаждаться,
И всѣми средствами я долженъ достигать
Предположенной цѣли. Я достигъ —
И умный человѣкъ; не удалось — глупецъ!
Такъ судятъ люди, большей частью.
Великій инквизиторъ обѣщалъ
У нашего отца святого выпросить
Мнѣ шапку кардинала, если я
Явлюсь ея достойнымъ, то-есть
Обманывать и лицемѣрить научусь.
О, это важная наука въ мірѣ!
Наука женщинъ! Съ нею прямо въ папы!
И этому есть доказательства у насъ...
(*Молчаніе.*)
Въ кровавый путь отправленъ ужъ Фернандо...
Одинъ лишь Алварецъ — да этотъ плохъ!
О, бѣдная Эмилія, давно ли
Сказала ты, что старику смѣшно
Любить и невозможно?.. Но сегодня
Ты мысли перемѣнишь... (*Садится.*)
Говорятъ,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья, что законъ велитъ...
Ужель законъ въ сей толстой книгѣ
Сильнѣй закона вѣчнаго природы?
Безумецъ тотъ, кто думалъ удержать
Ничтожнымъ правиломъ, постановленьемъ
Движеніе природы человѣка;
Онъ этимъ увеличилъ грѣхъ — и только;
Далъ лишній совѣсти укоръ, и между тѣмъ
Желаніе усилилъ запрещеньемъ.
Постриженъ былъ насильно я въ монахи;
Почти насильно [въ пылкой юности
Не можемъ понимать мы нашей пользы];
Пускай, пускай они за все отвѣтятъ,
Что сдѣлалъ я: пускай въ аду горятъ
Они... Но что такое адъ и рай,
Когда металлъ, въ землѣ открытый, можетъ
Спасти отъ перваго, купить другой?
Не для толпы ль довѣрчивой, слѣпой,
Сочинена такая сказка? Я увѣренъ,
Что проповѣдники объ раѣ и объ адѣ
Не вѣрятъ ни въ награды рая,
Ни въ тяжкія мученья преисподней.
Да, впрочемъ, добрый смыслъ велитъ не вѣрить,
Что души будетъ вѣчный жечь огонь;
Что черти за ноги повѣсятъ тѣхъ,
Которые ни рукъ, ни ногъ имѣть не будутъ.
(Беретъ книгу, перо и бумагу.)
Займусь! (*Кладетъ.*) Нѣтъ, что-то я не въ духѣ!
Кто бы повѣрилъ, что въ мои лѣта
Хорошенькой дѣвчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, безпокоить?
Я все не понимаю, для чего
Мнѣ не годится женщину любить;
Какъ будто бы монахъ не человѣкъ! (*Смотритъ на часы.*)
Часы бѣгутъ и съ ними время; вѣчность,
Коль есть она, все ближе къ намъ, и жизнь,
Какъ дерево отъ путника, уходитъ.
Я жилъ! — Зачѣмъ я жилъ? — Ужели нуженъ
Я Богу, чтобъ пренебрегать Его законы?
Ужели безъ меня другой бы не нашелся?
Я жилъ, чтобъ наслаждаться; наслаждался —
Чтобъ умереть... умру... А послѣ смерти?
Исчезну! какъ же?.. да, совсѣмъ исчезну...
Но если есть другая жизнь?.. нѣтъ! нѣтъ!..
О наслажденье! я твой рабъ, твой господинъ!..
(Звонитъ; слуга входитъ.)
Не позабудь, что я тебѣ сказалъ:
Когда подъѣдутъ близко удальцы
Мои, то киньтесь вы съ оружіемъ толпой,
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорѣе приведите...
Да чуръ не забывать, что вы безъ языковъ,

А то... меня... меня ты знаешь коротко!
Возьми жъ себѣ заранѣе награду. (*Даетъ кошелекъ.*)
И раздѣли другимъ... Ступай же.

Слуга беретъ кошелекъ и цѣлуетъ руку

Слуга.

Все исполню.

Соррини (*подходитъ къ окну*).

Да, кажется, я вижу пыль; ужели
Они спроворили все дѣло? Донна
Марія лакома на жемчугъ,
Какъ видно, впрочемъ, ей мѣшала
Моя красавица, какъ лишнее бревно
Въ строеньи дома; самъ его не дашь,
А какъ попросятъ, такъ легко разстаться!
(*Глядитъ въ окно.*)
Они, такъ точно! ближе подъѣзжаютъ.
Вотъ и мои спасители бѣгутъ... Сраженье!
Желѣзо о желѣзо бьется и стучитъ
Безвредно... искры сыплются кругомъ.
Такъ въ спорѣ двухъ глупцовъ хоть много шуму,
Да толку нѣтъ... Какъ кровь моя кипитъ
Въ полузасохшемъ сердцѣ! Ну! (*Смотритъ.*)
Схватили
Эмилію и тащутъ... Торжество!
Victoria!.. теперь я говорю
Отважно veni-vici — потому
Что я еще дѣвицу не видалъ!
(Отходитъ отъ окна; слуга входитъ.)
Въ лицѣ твоемъ побѣду я читаю;
Веди сюда... (*Слуга ушелъ.*) Victoria,
Соррини!..
(*Потираетъ руками.*) Поплачетъ Алварецъ, поплачетъ, покричитъ,
Порветъ сѣдые волосы... и не узнаетъ,
Гдѣ дочь его... Ха! ха! ха! ха! Побѣда!

Вводятъ Эмилію; Соррини даетъ знакъ; люди уходятъ.

Эмилія.

Гдѣ мой спаситель!.. Ахъ, отецъ Соррини,
Не вамъ ли я обязана спасеньемъ!
Вознаgради васъ Боже такъ, какъ я
Желала бы!.. О, мой спаситель!

Соррини.

Я христіанскій долгъ исполнилъ только.

Идетъ и запираетъ дверь.

Эмилія.

О! возвратите поскорѣй меня
Родительскому дому... Мой отецъ
Въ отчаяніи будетъ, если онъ
Узнаетъ про ужасный этотъ случай!
Со мной гуляла мачеха моя
Въ саду, и вдругъ злодѣи ухватили
Меня, связали, повлекли съ собою.
Окончите благодѣянье ваше,
Велите отвезти меня домой,
Какъ можно поскорѣй... Что мой отецъ
Подумаетъ, что скажетъ онъ? (*Плачетъ.*)

Соррини.

Эмилія, ты вся дрожишь, какъ можно
Теперь тебѣ домой отправиться. Теперь
Ты такъ слаба... Нѣтъ, отдохни подолѣ здѣсь,
Побудь подолѣ у меня... Зачѣмъ лишать
Меня такого счастья?..

Эмилія.

Ради Бога!
Я не могу остаться здѣсь у васъ!
Я не должна.

Соррини.

Зачѣмъ же ты не можешь?
Мой ангелъ, кто тебѣ мѣшаетъ
День, два и три здѣсь отдохнуть?

Эмилія.

День, два и три!

Соррини.

Чему дивиться тутъ!

Эмилія.

Я васъ не понимаю.

Соррини.

День, два, три
И болѣе останешься ты здѣсь,
И ежели понравится тебѣ,
То можешь ты остаться вѣчно... то-есть
(*въ сторону*)
Пока ланиты не поблекнутъ и глаза
Не потеряютъ пламень свой волшебный.

Эмилія.

Отецъ Соррини!

Соррини.

Да, я не шучу,
Ты тамъ была рабой — здѣсь будешь ты царицей.
Мой домъ и все, что въ немъ — твое,
А ты моя!

Эмилія.

Какое право?

Соррини.

Силы.
Я спасъ тебя — вотъ право и довольно!

Эмилія.

Вы позабыли, кто вы! Какъ могу
Я съ вами жить! Что это значитъ?

Соррини.

Не горячись (*держа ей руку*), красавица, любовь
Не смотритъ на лѣта своихъ печальныхъ жертвъ.
Ты видишь, я былъ правъ, когда сказалъ,
Что можетъ и старикъ любить.

Эмилія.

Соррини! (*Вырываетъ руку.*)
Оставь меня .. Безчестный человѣкъ!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостепріимство... Что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, Святая Дѣва!..

Соррини.

Скажу тебѣ, святыхъ здѣсь нѣтъ... итакъ...

Эмилія.

Конечно, только демоны одни
Живутъ съ подобнымъ извергомъ... Но Богъ
Услышитъ вопль невинной дѣвушки!

Соррини.

Насъ опытъ научаетъ въ свѣтѣ
Не упускать благопріятный случай.
Ну, поцѣлуй меня на первый разъ!

Эмилія (*отворачивается дрожа*).

Такъ вотъ моя судьба! (*Ему.*) Прочь, прочь, злодѣй!

Соррини.

Ты думаешь, что ты теперь царица
Въ моемъ дому? Нѣтъ, это будетъ послѣ,
Когда все сдѣлаешь, что я скажу,
Когда въ мои объятья упадешь.

Эмилія.

Въ твои объятья — никогда!

Соррини.

Послушай.
Тебѣ слова пустыя не помогутъ;
Да или нѣтъ — два слова могутъ только
Подѣйствовать на сердце это; если
Ты скажешь да... то для тебя жъ пріятнѣй!
А если нѣтъ... то берегись упрямства!
Оно къ добру не доведетъ; покорность
Одна лишь облегчитъ твою судьбу...
Но, впрочемъ, я не вижу твоего несчастья..
Любовь мою нельзя назвать несчастьемъ...
Умѣю я любить и награждать,
И ни одна прекрасная дѣвица
Не вырывалась изъ моихъ объятій,
Когда почувствовала пламень груди
Моей... Повѣрь, старикъ, такой какъ я,
Любить умѣетъ лучше юноши:
Все опытность, мой другъ...

Эмилія (*послѣ минуты молчанія*).

Знавалъ ли ты
Спокойствіе души, знавалъ ли ты
Надежду, радость... счастіе...
Всѣмъ тѣмъ, что ты знавалъ и не знавалъ,
Чему ты вѣрилъ, отъ чего страдалъ,
Всѣмъ тѣмъ, что страшно для души твоей,
Коль есть въ тебѣ душа, безсовѣстный злодѣй,
Я заклинаю на колѣняхъ... пощади!
(*Становится на колѣни.*) О, пощади!
оставь меня! я буду
Молчать о всемъ, что слышала: о всемъ,
Что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности; за это
Грѣхи твои и самыя злодѣйства
Проститъ тебѣ Всевышній. Такъ, Соррини,
Но если ты... тогда умру я! и къ тебѣ
Придетъ моя страдальческая тѣнь,
И блѣдною рукой отгонитъ сонъ...
О, пощади!.. клянусь молчать до гроба!

Соррини.

Глупецъ кто вѣритъ женскимъ обѣщаньямъ,
А пуще женской скромности — да, да!
Не все ль равно, на нитку привязать
Медвѣдя и надѣяться, что онъ
Не перерветъ ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается языкъ твой...
Нѣтъ, я теперь въ такомъ ужъ положеньи,
Что предо мною смерть или побѣда
На волосѣ висятъ... а такъ какъ вѣрно
Я изберу побѣду, а не смерть,
То всѣ твои мольбы напрасны,
Эмилія...

Эмилія.

Итакъ спастися нечѣмъ. (*Плачетъ.*)

Соррини.

Мнѣ кажется...

Эмилія.

Пошли мнѣ смерть, о Боже,
А не безчестье. (*Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо.*)

Соррини.

Все притворство это!
Не вѣрю я, чтобъ дѣвушка могла
Съ упрямостью такою защищаться.

(*Хочетъ у нея поцѣловать руку, она ему даетъ пощечину. Онъ, грозя пальцемъ, съ тихою злостью говоритъ.*)

Ты такова, сердитая дѣвчонка!..
О! о! я справлюсь, нѣтъ, я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себѣ спасенья;
Скорѣе эти стѣны всѣ заплачутъ,
Чѣмъ я, твой стонъ услышавъ; такъ скорѣй,
Скорѣй земля разступится, чтобъ вмигъ
Испанію со мною поглотить, чѣмъ сердце
Мое разступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожалѣнья... ты увидишь,
Каковъ Соррини! онъ просить умѣетъ,
Умѣетъ и приказывать какъ надо.

(*Она открываетъ лицо и смотритъ съ ужасомъ.*)

Умѣю и кинжалъ употребить
При случаѣ, чтобы заставить васъ,
Сударыня, повиноваться мнѣ. (*Злобно.*)
Ха! ха! ха! ха!.. О, ты меня узнаешь! —
Эй, кто тамъ?

(Соррини отпираетъ дверь; подходитъ къ ней; вдругъ слышенъ шумъ и входятъ испанцы толпою.)

Вы зачѣмъ? Какая дерзость!

Одинъ испанецъ.

Мы
Пришли за награжденьемъ.

Соррини.

За какимъ?

Другой испанецъ.

А какъ же, развѣ ты намъ, патеръ, не велѣлъ
Дочь Алвареца увезти... иль позабылъ?
Что? видно, только предъ услугой
Твой кошелекъ открытъ издалека.

Третій испанецъ.

А какъ достали мы твою красотку,
Такъ тотчасъ обѣднялъ?

Соррини.

Бездѣльники! (*Бросаетъ большой кошель золота.*)
Терпѣнья не было?..

Всѣ (*берутъ золото и уходятъ*).

Прощай, отецъ Соррини! (*Онъ уже не запираетъ дверь.*)

Соррини.

Эмилія, рѣшись же наконецъ.

Эмилія (*встаетъ съ креселъ*).

Такъ ты ихъ посылалъ меня похитить?
О, верхъ злодѣйства въ человѣкѣ! я погибла.
Погибла... нѣтъ надежды.

Соррини (*насмѣшливо*).

Нѣтъ надежды! (*Беретъ ее за руку.*)
Пойдемъ со мной (*цѣлуетъ*), мой другъ безцѣнный!
Такъ долго защищаться, плакать,
Просить... чтобъ наконецъ признаться побѣжденной!

Эмилія.

Ты думаешь, я вынесу позоръ свой?
Нѣтъ, я умру, старикъ!..

Соррини (*съ гордой улыбкой*).

Старикъ! шути...
Старикъ тебѣ покажетъ, что довольно
Онъ пылокъ.

Эмилія (*сложивъ руки*).

Матерь Божія! ужель
Ты не спасешь меня!..

Соррини.

Пойдемъ... пойдемъ...
Не скажутъ, что Соррини уступилъ
Кому-нибудь. О, я наединѣ
Не тотъ, какимъ кажуся въ людяхъ. (*Беретъ ея руку.*)

Эмилія.

Оставь меня, твое прикосновенье,
Какъ зараженнаго чумою, ядовито...

Соррини (*злобно*).

Пойдемъ же, я велю...

Вдругъ стучится кто-то въ дверь, оба останавливаются. Іезуитъ отходитъ прочь, отворяется дверь: человѣкъ, окутанный плащомъ пилигрима, снявъ шляпу, входитъ.

Неизвѣстный (*онъ входитъ быстро, потомъ нагибается*).

Впустите, ради
Христа!.. я такъ усталъ! прошу
Кусочка хлѣба только. Здравствуйте,
Пошли вамъ Богъ Свое благословенье,
Честный отецъ... я бѣдный, бѣдный странникъ.

Соррини (*въ сторону*).

Не кстати онъ пришелъ. Зачѣмъ его пустили?

(Скрипитъ зубами. Глядитъ.)

Онъ подозрителенъ. (*Ему.*) Садись... садись!
Тебѣ велю тотчасъ подать вина и хлѣба
Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвѣстный.

Я бѣдный странникъ!
Ходилъ въ Ерусалимъ... иду назадъ...
Усталъ... и голоденъ, иду домой...
Пока языкъ мой смерть не охладитъ,
Вездѣ тебя я буду прославлять,
Кто бъ ни былъ ты, гостепріимный.

Соррини.

Я исполняю только долгъ свой.

Неизвѣстный.

Долгъ?
Немногіе тебѣ подобно мыслятъ.
Благодарю! — и Богъ тебя благодаритъ!..

Соррини (*къ Эмиліи*).

Сестра! вели принесть вина и хлѣба...
(*Страннику.*)
Живемъ съ сестрой мы вмѣстѣ.

(Видя, что Эмилія нейдетъ — дрожитъ и подходитъ къ ней.)

Ступай, когда я говорю: иди!

Неизвѣстный (*про себя*).

Меня ты не обманешь, крокодилъ!

Соррини (*громко*).

Ступай же...

Неизвѣстный.

Стой!

Соррини (*испугавшись*).

Какъ! кто ты!

Неизвѣстный.

Я... (*Сбрасываетъ плащъ съ себя и вынимаетъ кинжалъ.*)

Эмилія.

Фернандо!..

Фернандо.

(Беретъ быстро за руку Эмилію и уводитъ на другую сторону сцены, становится предъ ней, держа ее одной рукой.)

Теперь я требую съ тебя отвѣта...

Соррини.

Кто ты? Фернандо не воскреснетъ!
Ты духъ иль человѣкъ?

Фернандо.

Я тотъ,
Кто не боится адскихъ умысловъ,
Кто можетъ наказать тебя кинжаломъ,
И чья рука не дрогнетъ предъ убійствомъ,
Когда оно ее спасетъ... отдай ее. (*Схватываетъ Соррини за горло.*)
Я ничего не жду на небесахъ,
Я ничего не жду подъ небесами,
Я мести душу подарилъ; не жди,
Чтобъ я помедлилъ отослать
Тебя туда, гдѣ ждетъ судъ Божій
Тебѣ подобныхъ! Видишь этотъ ножъ —
Онъ надъ тобой. Оставь же добровольно
Свой умыселъ.

Соррини.

Но если ты убьешь меня,
То все-таки Эмилію нельзя
Спасти; тебя не выпустятъ
Отсюда слуги. Такъ пусти жъ меня!
Я закричу!..

Фернандо (*пускаетъ его*).

Ты правъ: я не палачъ!..
(*Въ сторону.*) Ужели я боюсь увидѣть кровь?
(*Ему.*) Отдашь ли мнѣ Эмилію?

Соррини.

Нѣтъ, не отдамъ... (*Подбѣгаетъ къ двери все ближе.*)

Фернандо.

Отдашь! ты вѣрно содрогнешься
Предъ тѣмъ, что я предпринялъ. А! Соррини!
Она моя... и честь ея моя.
Когда бъ ты далъ мнѣ тысячу міровъ
За эту дѣвушку... я бъ ихъ отвергнулъ всѣ!
Не принуждай меня, не принуждай
Къ убійству.

Соррини.

Не отдамъ ея.

Фернандо.

Ты камень, но передъ моимъ отчаяньемъ
Ты содрогнешься.

Соррини.

Нѣтъ!..

Фернандо.

Соррини!
Соррини, рѣдко лишь прошу кого-нибудь
Я на колѣняхъ... но узнай сперва,
Что тотъ, предъ кѣмъ стоялъ я на колѣняхъ,
Не долго проживетъ.

Соррини (*со смѣхомъ*).

Опять за то же.

Фернандо.

Ты мнѣ отдашь Эмилію, не то
Я отниму... не доведи меня
До этой крайности. Я ужъ готовъ
На все! Я съ нею потерять готовъ
И небо, чтобъ избавить отъ твоихъ когтей.
Я не шутить пришелъ... О, слушай! слушай
Въ послѣдній разъ... отдай ее.

Соррини.

Посмотримъ!

(Бросается въ дверь и зоветъ на помощь.)

Сюда! сюда! сюда! разбой! эй, слуги!

Шумъ и крикъ за сценой.

Эмилія (*бросивъ томный взоръ*).

Фернандо...

Фернандо.

Ну, все кончено! напрасно
Желалъ я крови не пролить, прощай,
Мой другъ! (*Обнимаетъ ее.*) Прощай! мы долго
Съ тобою не увидимся... (*Отворачиваясь.*) О Боже!
Итакъ ты хочешь, чтобъ я былъ убійца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ея —
Моя! она другого не обрызжетъ...
Безумецъ! какъ искать въ томъ сожалѣнья,
О комъ Самъ Богъ ужъ не жалѣетъ!
Часъ билъ! часъ билъ! — послѣдній способъ
Удастся — или кровь!.. нѣтъ, я судьбѣ
Не уступлю... хотя бы демонъ удивился
Тому, чего я не могу не сдѣлать.

Эмилія устремляетъ молящій взоръ на него. Во время этого разговора входятъ слуги Соррини и онъ; всѣ съ оружіемъ.

Соррини.

Посмотримъ, кто сильнѣй изъ насъ!.. эй, слуги!..

Фернандо.

Узнай же клятву: мы стоимъ предъ Богомъ...
Живая или мертвая — она
Моя... ты видишь. (*Показываетъ кинжалъ.*)

Эмилія.

Ахъ! (*склоняетъ голову на грудь Фернандо.*)

Соррини.

Меня не настращаешь!
Мнѣ мертвую не нужно... Слуги, эй!
Схватите, бейте, рѣжьте наглеца! (*Онъ самъ защищенъ слугами.*)

Фернандо.

Ни съ мѣста! (*Всѣ останавливаются.*)

Соррини.

Что же вы? (*Они опять хотятъ броситься.*)

Фернандо.

Ни съ мѣста вы, рабы!..
(*Соррини.*) Въ послѣдній разъ, въ виду небесъ и ада,
Отдашь ли мнѣ ее?

Эмилія (*едва слышнымъ голосомъ*).

Хранитель, ангелъ мой! спаси меня!

Соррини.

Живую не отдамъ,
Что бъ ни было!

Фернандо.

О... такъ смотри сюда!

Прокалываетъ ей грудь; въ эту минуту всѣ поражены; онъ подымаетъ ея трупъ съ полу и уноситъ сквозь толпу удивленную. Слуги хотятъ броситься вслѣдъ.

Соррини (*послѣ молчанія, остановивъ слугъ*).

Оставьте! иначе хочу я сдѣлать.

(*Онъ дрожитъ. Даетъ знакъ, чтобъ всѣ ушли; уходятъ.*)

Какая дерзость!.. да! онъ мнѣ заплатитъ!
Я самъ въ опасности. Онъ можетъ...
Что можетъ онъ?.. Я золъ теперь,
Какъ дьяволъ... Отомщу жъ ему,
Сожгу его, сдеру съ живого кожу,
Сорву желѣзомъ ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздяхъ
Его ходить заставлю, мѣдь кипящую
Волью безумцу въ горло и упьюсь,
Упьюсь, какъ сладкимъ нектаромъ,
Его терзаньемъ, вздохами и визгомъ!..
Спади съ меня личина скромности.
Пускай узнаютъ всѣ, что итальянецъ
Соррини, по его веселію и плескамъ,
Когда Фернандо будетъ издыхать
Въ огнѣ иль подъ ударомъ палача.
Чѣмъ медленнѣй конецъ его придетъ,
Тѣмъ будетъ счастіе мое полнѣй.
Оклевещу его; хоть самъ не вывернусь,
Но все же я упьюсь его мученьемъ.
О клевета, приди на помощь! никогда
Такъ не нуждался я въ тебѣ, какъ нынѣ;
Дай тысячу мнѣ жалъ змѣиныхъ, чтобъ
Я могъ облить врага холоднымъ ядомъ
Твоимъ... (*Ударяетъ себя двумя пальцами въ лобъ.*)
Мой планъ почти готовъ...
Да, да... вотъ такъ... а тамъ, богиня
Души моей, тебѣ съ сихъ поръ я отдаю
Себя... возьми! я твой — и за могилой!

Входитъ Доминиканецъ, пріятель Соррини.

Доминиканецъ.

Соррини, здравствуй!

Соррини.

Здравствуй! кстати ты пришелъ.

Доминиканецъ.

А что такое?

Соррини.

Я тебѣ скажу
Сейчасъ.

Доминиканецъ.

Должно-быть, ты узналъ
Пристанище богатаго жида
Или, что все равно, еретика.
Веселье на лицѣ твоемъ блистаетъ!
Такъ точно, ревностный служитель вѣры,
Я отгадалъ, что хочешь ты сказать.

Соррини.

Ты отгадалъ. Знавалъ ли прежде
Ты Дона Алвареца; у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Онъ еретикъ! онъ вѣритъ Лютеру
И чтитъ его!.. сегодня онъ убилъ
Дочь Алвареца въ домѣ у меня.
Я спасъ ее отъ хищниковъ, но, Боже,
Не могъ спасти отъ остраго кинжала!
Его сыскать намъ надо, и вести
На казнь преступника двойного.
Онъ трупъ несчастной дѣвушки
Понесъ съ собой!.. да! я его найду;
Я по слѣдамъ его пойду кровавымъ,
И жизнію заплатитъ онъ...

Доминиканецъ.

Конечно!
Да, кажется, я на дорогѣ встрѣтилъ
Убійцу... но случайно не замѣтилъ,
Что несъ онъ мертвую: такъ быстро
Онъ шелъ!.. такъ страшенъ онъ казался.

Соррини (*послѣ минуты задумчивости*).
Дай руку мнѣ! клянись быть заодно...

Доминиканецъ (*протягиваетъ руку*).
Возьми съ моей рукою обѣщанье.

Соррини.
Быть заодно во всякомъ случаѣ!

Доминиканецъ (*кинувъ боязливый и подозрительный взглядъ*).
А развѣ ты виновенъ въ чемъ-нибудь?

Соррини.
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь знаешь ты: мы вѣчно правы.

Доминиканецъ.
Брось шутки! ты тутъ не виновенъ?

Соррини.
Нѣтъ! нѣтъ! но если бъ даже былъ...

Доминиканецъ.
Безъ если, просто
Какъ съ другомъ говори...

Соррини.
Да нѣтъ!

Доминиканецъ.
Простѣе!
Скажи: невиненъ ты?

Соррини.
Какъ голубь!

Доминиканецъ (*съ коварной улыбкой*).
Вотъ такъ! Ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всѣмъ готовъ, душой и тѣломъ,
Пожертвовать. А еретикъ Фернандо
Погрѣется у насъ, пока
Охолодѣетъ прахъ его проклятый.
(*Садится и беретъ перо съ бумагой.*)
Я напишу, какъ ты мнѣ говорилъ,
А тамъ и въ судъ съ убійственной бумагой!
Уменъ былъ тотъ, кто изобрѣлъ письмо.
Перо терзаетъ иногда сильнѣе,
Чѣмъ пытка! Чтобы уничтожить царство—
Движенія пера довольно; даже рай
Даетъ перо отца святого папы;
Ты вѣришь въ эту власть?

Соррини.
Какъ въ добродѣтель!

Доминиканецъ.
Итакъ начну писать я свой доносъ. (*Начинаетъ писать.*)

Соррини (*пока онъ пишетъ, подходитъ къ мѣсту, гдѣ убита Эмилія; глядя внизъ*).
На этомъ мѣстѣ кровь ея текла!
Вотъ пятна: вотъ одно, другое!
Впервые мнѣ на кровь глядѣть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещетъ,
И волосы невольно дыбомъ
Встаютъ при мысли объ убійствѣ!.
Жалѣть ли мнѣ Эмилію? Да что жъ?
Всѣмъ должно умереть!.. но если тѣнь
Ея предстанетъ мнѣ, во мглѣ ночной,
Какъ говорила дѣва; если я
Преслѣдуемъ, терзаемъ буду
Ея рукой холодною повсюду,
Какъ совѣстью мятежной; если
Кровавое пятно и день и ночь
Глазамъ безсоннымъ станетъ представляться?..
Какъ? Я боюсь? Соррини сталъ бояться?..
Кого? себя!.. стыдися... нѣтъ тѣней,
Нѣтъ призраковъ; могила слишкомъ крѣпко
Свою добычу держитъ, чтобъ она
Могла исторгнуться изъ рукъ ея сырыхъ.
Но совѣсть!.. совѣсть вздоръ, однакожъ...
Какъ, Соррини,
Ты совѣсти боишься, и давно ль? (*Ударяетъ ногой въ землю.*)
Я презираю эту кровь, какъ совѣсть.

Доминиканецъ.
Доносъ готовъ.

Соррини (*подписываетъ*).
Я подписалъ.

Доминиканецъ.
И я.

Соррини.
Идемъ!

Доминиканецъ.
Ужель доносъ подать боишься?
Товарищъ, ты дрожишь?..

Соррини.
Отъ радости... (*Беретъ шляпу и плащъ.*)
Вотъ все мое оружіе, пойдемъ.

Доминиканецъ.
И горе
Врагамъ закона нашего и нашимъ!
Пощады нѣтъ! клянемся.
Нѣтъ пощады!

Соррини.
Какое же мученіе избрать,
Чтобы мой еретикъ почувствовалъ
Всю тягость нашихъ рукъ, всю тягость

Закона для отступника, не сжечь ли?
Онъ оскорбилъ законъ, онъ осквернилъ мой домъ.

Доминиканецъ.

Нѣтъ! четверить.

Соррини.

Свинца кипящаго
Ему влить въ горло.

Доминиканецъ.

Или на гвоздяхъ
Его заставить спать.

Соррини.

О, если бъ онъ имѣлъ
Сто жизней, я бы каждую инымъ,
Ужаснѣйшимъ терзаньемъ истощилъ...
Однако цѣль моя достигнута... (*Потираетъ руками.*)

Доминиканецъ.

Пойдемъ!
И съ помощью святого Доминика
Еретика безъ жизни въ прахъ повергнемъ!

Уходятъ въ радости.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Домъ Алвареца. Столъ. Свѣча на столѣ.

Алварецъ (*сидитъ у стола*).

Итакъ, она бѣжала отъ меня
Съ Фернандо... убѣжала съ негодяемъ.

Донна Марія.

Какъ я тебѣ сегодня объяснила;
Зачѣмъ ты не хотѣлъ позволить ей
За этого бродягу выйти замужъ?

Алварецъ.

Такъ не хочу же плакать объ негодной,
Неблагодарной.

Донна Марія (*насмѣшливо*).

Плачь, нѣтъ, плачь!
Объ дочери такой нельзя не плакать!

Алварецъ.

И какъ она была привязана ко мнѣ!

Донна Марія.

Да это видно!

Алварецъ.

Гдѣ тутъ стыдъ?
Покрыть сѣдые волосы отца
Безчестьемъ, посмѣяться надъ отцомъ,
Любовницею быть бездомнаго бродяги,
Въ такихъ лѣтахъ... А это слишкомъ много!
Нѣтъ!.. звѣри благороднѣй! звѣри лучше!..

Донна Марія.

Побереги себя!..

Алварецъ.

Пускай она съ Фернандо,
Какъ нищая, подъ окнами блуждаетъ,
Я отвергаю отъ себя ее!
Эмилія не дочь мнѣ; пусть она
Найдетъ отца себѣ другого, я отвергнулъ
Безстыдную отъ сердца своего!
Когда бъ она пришла къ моимъ дверямъ,
Усталая, голодная, худая
Какъ смерть, когда бъ она просила
Кусочка хлѣба у меня, и этого
Я бъ не далъ ей; пускай она умретъ
На обезчещенномъ моемъ порогѣ!..

Донна Марія.

Ты боленъ, другъ, не хочешь ли прилечь?

Алварецъ.

Такъ! мнѣ покой необходимъ теперь;
Я чувствую, что я совсѣмъ разстроенъ.

Донна Марія (*въ сторону*).

Бѣднякъ вѣдь точно весь измученъ.

Алварецъ.

Боже!
Зачѣмъ Ты далъ мнѣ дочь, зачѣмъ послалъ
Ты съ ней безчестье на главу мою?
О, накажи ее, прошу Тебя...
Молю Тебя... Изъ древняго семейства
И такъ бѣжать съ Фернандо!.. Нынѣ вижу,
Я воскормилъ змѣю въ дому своемъ...
(*Уходитъ.*)

Донна Марія.

Что дѣлаетъ теперь любезный патеръ
Соррини? — вѣрно онъ ужъ сорвалъ
Цвѣтокъ невинности и наслажденья!..
Пришлетъ ли онъ еще подарокъ мнѣ,
Его сотрудницѣ!.. Конечно онъ пришлетъ...
Мнѣ кажется, что начинаю я
Жалѣть о бѣдной жертвѣ сластолюбья!
А я была вѣдь главною причиной. .
О совѣсть! для чего терзать меня
Некстати? Прежде бы терзала:
Теперь помочь едва ли могутъ люди.

(Открываетъ ящикъ стола и вынимаетъ подарки Соррини, смотритъ на нихъ и кладетъ на мѣсто опять.)

Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ
И камни дорогіе! — руки, пальцы
Мои дрожатъ, когда я ихъ держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ слезы;
Прочь! прочь!.. (*Кладетъ въ ящикъ.*)
Какъ могъ меня прельстить
Подобный гадкій жемчугъ?.. Совѣсть, ты
Не хочешь покидать моей души?..
Зачѣмъ теперь? Что пользы для тебя?..
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постомъ, богатымъ подаяньемъ

Загладить я хочу проступокъ свой,
Лишь дайте сонъ мнѣ, дайте мнѣ покой!

Входитъ Алварецъ встревоженный.

Алварецъ.

Жена, послушай! здѣсь блуждаютъ тѣни;
Мнѣ кажется... сейчасъ я видѣлъ что-то,
Я слышалъ голосъ... голосъ мнѣ знакомый!..
Мнѣ дурно... (*Садится.*)

Донна Марія.

Успокойся, другъ мой!
Гдѣ тѣни? Тѣней не бывало здѣсь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть-можетъ, эти призраки рождаетъ.

Алварецъ.

Мнѣ дурно... (*Звонитъ.*) Эй! слуга, воды!
(*Слуга входитъ.*)
Воды!.. какъ можно поскорѣе. (*Уходитъ слуга.*)
Жена! я говорю, здѣсь бродятъ тѣни;
Ужель ты не слыхала голосъ томный?
Ужель ты не могла примѣтить ихъ?

Донна Марія.

Твои глаза отъ слезъ устали!

Алварецъ.

Какъ?
Нѣтъ: я не плакалъ и не стану плакать!..
Я проклинаю дочь свою.

Слуга приноситъ стаканъ; онъ пьетъ; слуга уходитъ.

Донна Марія (*въ сторону*).

Мнѣ страшно!
Есть мертвецы, есть тѣни, говорятъ
Ученые монахи... мы должны
Имъ вѣрить... это право страшно!

Алварецъ.

Ну, если умерла Эмилія...
Ну, если въ эту самую минуту
Ея душа разсталась съ нею... если...

Донна Марія.

Что говоритъ онъ?.. Небо!

Алварецъ.

Нѣтъ! за гробомъ
Проклятіе отцовское не тронетъ;
За гробомъ есть другой отецъ... прощаю
Тебя, когда тебя не будетъ
Между живыхъ... пусть тѣнь твоя не бродитъ
Вокругъ меня, не отгоняетъ сонъ
Отъ глазъ моихъ, пусть ужасъ не подыметъ
Сѣдые волосы, покрытые тобою
Стыдомъ и поношеньемъ — нѣтъ!.. въ могилѣ
Проклятіе отцовское не тронетъ!
Тамъ есть другой судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... О Небо! Небо!

Открывается дверь настежь съ шумомъ; является Фернандо, держа трупъ Эмиліи. Старикъ вскакиваетъ; ужасъ во всѣхъ лицахъ.

Донна Марія.

Ахъ!.. все пропало! (*Бросается въ другую комнату.*)

Алварецъ.

Что такое значитъ?.. (*Фернандо кладетъ тѣло на стулъ.*)
Чья кровь? Чье это тѣло? (*Фернандо стоитъ надъ нею мраченъ.*)
Кто она? Кто ты?

Фернандо.

Я дочь тебѣ принесъ.

Алварецъ.

Эмилія!.. мертва!..

Фернандо.

Мертва!

Алварецъ.

Такъ ты ея убійца?

Фернандо.

Я...

Алварецъ.

Такъ ты!.. о, если бъ я имѣлъ довольно силы,
Чтобъ растерзать тебя! ты, похититель,
Убійца!.. и съ такой холодностью
Принесъ сюда... О, милое созданье!
Дочь! дочь моя! и кровь ея течетъ...
И я!..

Фернандо.

Не правда ли она прекрасна?

Алварецъ.

Чего ты ждешь? Ступай хоть въ адъ,
Но прочь отъ глазъ моихъ, убійца! кровь ея,
Пока ты здѣсь, течи не перестанетъ...
О, если бы не слабъ я былъ... прочь, демонъ!
Прочь, прочь отъ дочери моей!

Фернандо.

Я здѣсь остаться
Рѣшился...

Алварецъ.

Ты рѣшился?

Фернандо.

Да! въ живыхъ
Она была твоя... теперь моя.
Геройскимъ преступленьемъ я купилъ
Кровавый этотъ трупъ... онъ мой... Смотри
На эти блѣдныя черты и отрекись
Отъ дочери...

Алварецъ.

Такъ подожди! ты скоро
Меня увидишь!.. Тигръ, змѣя коварства!
Я средство отыщу тебѣ отмстить...
Я инквизицію на помощь призову.

Фернандо.

Кто не боялся уничтожить это (*показывая на трупъ*).
Того ничто не испугаетъ въ мірѣ...

(Алварецъ убѣгаетъ и запираетъ двери за собой.)

Онъ заперъ двери! Ха! ха! ха! Прекрасно!
Старикъ, исполнилъ ты мое желанье!
Я съ нею быть хочу наединѣ,
Какъ съ другомъ... Духи тишины!
Вы будете свидѣтелями свадьбы
Моей... Здѣсь я клянусь любить
Ее одну, что бъ ни было... вы, стѣны,
Смотрите на Эмилію мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Блѣдна! блѣдна! — мертва!..

(Бросается къ ногамъ ея и плачетъ. Молчаніе.)

Ты мнѣ простишь? Не правда ли, мой ангелъ?
Я спасъ тебя!.. смотрите — улыбнулась!
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой!

(Беретъ за руку.)

Рука ея какъ ледъ! (*Цѣлуетъ руку.*) Позволь поцѣловать.
О, какъ пріятно мертвыхъ цѣловать... (*Встаетъ.*)
Что, ежели отрѣжу я косму
Волосъ и съ ней умру, не легче ль будетъ мнѣ
Терпѣть послѣднія мученья тѣла?

(Отрѣзываетъ косму волосъ кинжаломъ.)

Залогъ ея любви!
Какъ я великъ!
Пожертвовалъ собой, своей душой,
Пожертвовалъ такимъ созданьемъ, чтобъ
Освободить Эмилію, хоть вѣчно
Я не увижусь съ ней!.. одинъ, одинъ,
Какъ жилъ, такъ и умрешь, Фернандо
Зачѣмъ же Небо довело меня
До этого? Богъ зналъ заранѣ все,
Зачѣмъ же Онъ не удержалъ судьбы?..
Онъ не хотѣлъ!.. (*Молчаніе.*)
Эмилія!
Теперь, какъ прежде, всѣми ты забыта,
Но я съ тобой... (*Подходитъ ближе.*)
Кровь на груди засохла!..
И предадутъ ее сырой землѣ;
Глаза, волшебныя уста, къ которымъ
Мой дерзкій взоръ прикованъ былъ такъ часто,
И грудь, и эти длинныя рѣсницы
Песокъ засыплетъ; червь переползетъ безъ страха
Недвижное, безцвѣтное, сырое,
Холодное чело... Никто и не помыслитъ
Объ томъ... И можетъ-быть надъ той
Могилой проклянутъ мое названье,
Гдѣ будетъ гнить все, что любилъ я въ жизни...
О, я тебя навѣки потерялъ!
Рай не отдастъ божественный твой образъ
Душѣ моей; я навсегда простился
Съ тобой, когда ударъ судьбы свершился!
Я самъ разрушилъ... самъ отвергнулъ, самъ
Свою надежду уничтожилъ... О, прощай!
Прощай! прощай! ты, спящій ангелъ!..
Блѣдна! блѣдна!.. Мертва...

Шумъ за дверями и голоса, но Фернандо стоитъ съ поникшей головой и ничего не слышитъ. Входятъ служители инквизиціи съ начальникомъ и веревками и прочими приготовленіями.

Начальникъ.

Онъ здѣсь — Фернандо нашъ возлюбленный!
Здѣсь еретикъ! схватите поскорѣй!

(Подходятъ, берутъ, онъ недвижимъ, ничего не чувствуетъ.)

Свяжите руки.

Фернандо (*какъ отъ сна*).

Что вамъ надобно?

Начальникъ.

Ты на кострѣ пылающемъ увидишь,
Что хочетъ инквизиція святая.

Фернандо.

За что?

Начальникъ.

Мы не привыкли отвѣчать, за что!..
Свяжите!

Фернандо.

Я не дамся. (*Вырывается.*)

Начальникъ.

Мы увидимъ!..

Фернандо.

Кто хочетъ жить?

Начальникъ.

Я знаю, ты не хочешь,
Вотъ для чего пришли мы за тобой.

Фернандо.

Не думайте, что я боюся васъ:
Я не хочу оставить этотъ трупъ!..
Прочь отъ меня: своимъ присутствіемъ
Вы оскверните это мѣсто; посмотрите:
Она святѣй, чѣмъ всѣ святые ваши!
Своею кровію она купила рай,
А ваши — кровію другихъ мечтаютъ
Его купить... Прочь! прочь отсюда!

Начальникъ.

Я не люблю пустое толковать.
Схватите же его!

Фернандо (*вынимаетъ кинжалъ*).
Приди на помощь
Вторично, мой кинжалъ... Кто будетъ первый? (*Они отступаютъ.*)
Никто!.. Да сколько васъ?.. Ужель одинъ
Такъ страшенъ!

Начальникъ (*своимъ*).
Что намъ торопиться, други...
Онъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ навѣрно,
Пускай придетъ отецъ Соррини самъ:
Онъ насъ прислалъ... пусть онъ съ нимъ справится;
А изъ чего намъ жертвовать собой! (*Становятся у двери.*)

Фернандо.
Что, если брошусь я на нихъ, какъ тигръ,
И всѣхъ въ крови къ ногамъ своимъ повергну?..
Но нѣтъ — зачѣмъ лишить ихъ бренной жизни,
Зачѣмъ лишить того, что имъ безцѣнно...
Я здѣсь одинъ... весь міръ противъ меня!..
Весь міръ противъ меня: какъ я великъ!..

Входитъ Доминиканецъ съ бумагою въ рукахъ.

Доминиканецъ.
Фернандо!

Фернандо.
Что?

Доминиканецъ.
Противъ тебя доносъ есть.

Фернандо.
Немудрено!

Доминиканецъ.
И судъ ужъ подтвердилъ,
Чтобъ взять тебя.

Фернандо.
Гдѣ судъ въ Испаніи?
Есть сборище разбойниковъ!..

Доминиканецъ.
А ты,
Ты не разбойникъ?

Фернандо.
Нѣтъ.

Доминиканецъ (*показавъ трупъ*).
А это что?

Фернандо.
Я спасъ ее! она меня любила,
Любила!.. О, знавалъ ли ты любовь?
Нѣтъ, не знавалъ!.. какъ воскъ бы ты растаялъ,
Взглянувъ на эти блѣдныя черты!
Она меня любила! какъ еще любила!..

Доминиканецъ.
Не о любви пришелъ я говорить:
Ты обвиненъ, что вѣришь Лютеру
И всѣмъ еретикамъ; вотъ для чего
Пришли мы взять тебя, мой другъ!
Ты вѣришь въ Лютера?

Фернандо.
Какъ странно:
Безъ пытки спрашиваетъ онъ меня!
Я вѣрю, что есть Богъ...

Доминиканецъ.
Что папа
Намѣстникъ Бога?

Фернандо.
Кто его поставилъ?

Доминиканецъ.
Такъ ты не вѣришь?

Фернандо.
Развѣ Богъ велѣлъ
Вамъ жечь людей?

Всѣ (*кричатъ*).
Онъ еретикъ! Онъ еретикъ!

Доминиканецъ (*къ другимъ*).
Зачѣмъ его вы тотчасъ не связали?

Начальникъ.
Не сладили.

Доминиканецъ.
Такъ смѣлъ онъ защищаться? (*Къ Фернандо.*)
Ты долженъ умереть, мой другъ.

Фернандо.
Я это знаю!
Я это зналъ давно... и ты умрешь!
О, не хвались своей минутной властью!
Вотъ образъ смерти! (*Показывая на Эмилію.*)
Если рокъ Эмилію
Не пощадилъ, то пощадитъ ли васъ!

Доминиканецъ.
Ты слышалъ приговоръ, итакъ, сдавайся!..

Соррини входитъ и крадется дальше отъ Фернандо.

Фернандо.
Соррини, здравствуй! Вѣрно ты пришелъ
Послѣдній мигъ страдальца усладить!
Не бойся! я тебѣ не сдѣлаю
Вреда: я прежнее забылъ.
Я совершилъ свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совѣсти.
Не вѣчно спятъ онѣ; граница есть
Всему... но полно ужъ объ этомъ!

Соррини.
Глупецъ, ты смѣешь угрожать?

Фернандо.
Соррини!
Ты побѣдилъ; но просьба есть одна:
Исполни... если ты ее исполнишь,

То на кострѣ я буду за тебя
Молиться; въ лютой пыткѣ буду имя
Твое благословлять.

Соррини (*съ улыбкой*).

Скажи мнѣ, что такое? (*Насмѣшливо.*)
Скажи мнѣ, если только можно!...

Фернандо (*вынимаетъ косу Эмиліи*).

Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ!
Пускай они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзалъ съ головы ея (*указывая на тѣло Эмиліи*),
Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня,
Они вамъ не мѣшаютъ.

Соррини.

Нѣтъ, нельзя!
Никакъ нельзя.

Фернандо.

Послѣдняя мольба! (*Скрежещетъ зубами.*)
Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которые желѣзо пытки
Исторгнетъ!..

Соррини.

Нѣтъ! никакъ нельзя!..
Ихъ видъ твои страданья облегчитъ,
Но этого не хочетъ судъ.

Фернандо.

Соррини!
Ты хочешь...

Соррини.

Я хочу, чтобъ ты повиновался!
Служители! еретика схватите
Сейчасъ, и волосы изъ рукъ его
Нечистыхъ вырвите; канатами свяжите
Преступника! онъ слышалъ приговоръ,
И глупо мѣшкать... (*Въ сторону.*) Ты заплатишь мнѣ;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умѣетъ; впрочемъ, мы виновны оба;
А кто взялъ верхъ, тому и слава!

Въ это время всѣ приблизились къ Фернандо, но онъ отталкиваетъ одного ближайшаго, бросается на Соррини и ранитъ его въ руку.

Фернандо.

Издохни!

Соррини (*который упалъ отъ удара, встаетъ*).

Помогите!

Фернандо (*тихо и мрачно*).

Живъ!

Соррини.

Я живъ,
Чтобъ насладиться муками твоими!

Доминиканецъ.

Перевяжите руку! (*Перевязываютъ.*)

Фернандо.

Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Желѣзо обмануло...
И онъ живетъ... презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки. (*Бросаетъ кинжалъ на землю.*)
Прочь, невѣрный
Металлъ! ты мнѣ служилъ, какъ люди:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... (*Топчетъ.*) Прочь, измѣнникъ!

Видя, что кинжалъ не въ рукахъ его, бросаются всѣ на него, схватываютъ и связываютъ руки.

Доминиканецъ.

Теперь онъ безопасенъ намъ! схватите,
Свяжите!

Соррини.

Какъ мы мѣшкаемъ! О, сердце
Мое трепещетъ, хочетъ увидать
Огонь, гдѣ этотъ еретикъ погибнетъ
Во имя Бога! Дѣти! ну, ступайте!

Начальникъ.

Чтобъ онъ не вырвался! держите крѣпче!

Фернандо.

Не бойтесь! я не стану вырываться. (*Насмѣшливо.*)
Кто отослать хотѣлъ на небеса
Такого ангела (*показывая на Соррини*), заслуживаетъ тотъ
Ужаснѣйшую казнь!..

Моисей (*за дверью*).

Впустите поскорѣе! (*Вбѣгаетъ въ отчаяньи.*)
Мой сынъ! Фернандо! гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ онъ?
Фернандо, ты мой сынъ! недавно я
Узналъ — раввинъ мнѣ объявилъ. — Что сдѣлалъ ты?
Нашелъ... и вновь теряю навсегда!
Мой сынъ! мой сынъ! О Небо!

Фернандо (*вздрагиваетъ*).

Я твой сынъ? (*Молчаніе.*)
Старикъ... неправда! говори: неправда!
Что пользы мнѣ найти отца въ подобный часъ?
Старикъ... ты обманулся! я не сынъ твой;
Никто не требуй больше отъ меня любви!

Моисей.

Нѣтъ, я тебя спасу!
(Бросается къ ногамъ Соррини.)
О господинъ!
Я сожалѣнья не прошу у христіанъ;
Я знаю, господинъ, его проступокъ!
Но вся моя казна — твоя! (*Обнимаетъ колѣни.*)
Вотъ здѣсь червонцы!.. (*Вынимаетъ мѣшокъ.*)
Спаси его! позволь ему бѣжать!
Онъ сынъ мой!.. за него я все отдамъ.

Фернандо.

Встань! встань! не унижай себя предъ нимъ,
Будь гордъ какъ я — иль ты не мой отецъ.
Встань — и учися ненавидѣть презирая.

Моисей (*на колѣняхъ*).

Возьми мое богатство, все оно...
Передъ тобой!.. я дочь еще имѣю!..

Фернандо.

Старикъ, молчи! когда бъ я не былъ связанъ,
Я бъ ротъ тебѣ зажалъ...

Моисей.

Помилуй!.. (*Обнимаетъ колѣни.*)

Соррини.

Нѣтъ!

Моисей.

На казнь?..

Соррини.

Ну, что жъ?

Начальникъ (*одному изъ служителей*).

Иди впередъ.

Фернандо (*къ Моисею и Эмиліи*).

Прощайте. (*Его уводятъ*).

Соррини (*Моисею*).

Ну, что ты?

Моисей.

Увели!.. нельзя ль помочь!

Соррини (*беретъ мѣшокъ съ деньгами*).

Попробую! всѣ средства не исчезли:
Въ судѣ имѣю я довольно власти.
Да ты еврей — ага!.. зачѣмъ ты здѣсь?
О, погоди! я и съ тобою справлюсь. (*Уходитъ смѣясь.*)

Моисей.

Ушелъ! — и деньги взялъ, и сына взялъ,
Оставилъ съ мрачною угрозой!.. О, Творецъ!
О Богъ Ерусалима! — я терпѣлъ —
Но я отецъ! — Дочь лишена разсудка,
Сынъ на краю позорныя могилы,
Имѣніе потеряно... О Боже! Боже!
Нѣтъ! Аврааму было легче самому
На Исаака ножъ поднять, чѣмъ мнѣ!..
Рвись, сердце, рвись, прошу тебя... и вы
Долой, густые волосы, чтобъ громъ
Небесъ разилъ открытое чело! (*Рветъ волосы.*)
Сынъ! дочь! имѣніе! червонцы!
Все, все (*ломая руки*) потеряно навѣкъ!

(Входятъ два человѣка съ носилками.)

О горе! горе мнѣ! о горе! горе! (*Жидъ убѣгаетъ.*)

Два человѣка съ удивленіемъ глядятъ.

1-й гробовщикъ.

Вездѣ одно отчаянье да казни;
Конечно, этотъ человѣкъ не мало
Имѣлъ несчастья. (*Показывая на дверь, куда ушелъ Моисей.*)

2-й гробовщикъ.

Да! какъ волосы онъ рвалъ!

1-й гробовщикъ.

Онъ жидъ; однакожъ я его жалѣю.

2-й гробовщикъ.

Примѣтилъ ли, когда насъ посылалъ
Донъ Алварецъ за тѣломъ дочери,
Какъ онъ едва держался на ногахъ
И крупная слеза скатилась по щекѣ?

1-й гробовщикъ.

Да! это приключенье занимаетъ
Весь городъ!

2-й гробовщикъ.

(Съ помощью другого кладетъ на носилки тѣло Эмиліи.)

Миръ душѣ твоей, дѣвица!..

1-й гробовщикъ.

Ей пышныя готовятъ похороны,
Я слышалъ.

2-й гробовщикъ.

Вотъ чего не понимаю —
Не все ль равно усопшему: въ парчѣ
Или въ холстѣ онъ будетъ съѣденъ червемъ?

1-й гробовщикъ.

Такъ принято.

2-й гробовщикъ (*обвивая покрываломъ тѣло на носилкахъ, чтобы оно не упало*).

Вотъ брачная постель твоя,
Красавица! (*Молчаніе.*) Куда была она прекрасна!..
Хоть я привыкъ къ такимъ работамъ, а теперь
Мнѣ какъ-то жалко, какъ-то тяжело
На сердцѣ. (*Подымаютъ носилки съ Эмиліею.*)

1-й гробовщикъ.
Полно тутъ болтать. За дѣло!
Пойдемъ... Вотъ такъ! смотри держать ровнѣе.
Уносятъ тѣло.

Сцена II.

Улица въ городѣ близко жилища Алвареца; народъ.

1-й испанецъ.
А! здравствуй! добрый день! Ты слышалъ ли
Печальную исторію Фернандо?

2-й испанецъ.
Онъ въ городъ приведенъ сегодня, взятъ
Въ тюрьму; ужъ судъ надъ нимъ оконченъ,
Костеръ стоитъ готовъ — я видѣлъ самъ.
У насъ не любятъ очень долго мѣшкать.
Когда какой-нибудь монахъ обиженъ —
Сейчасъ сожгутъ, хотя не виноватъ.

3-й испанецъ.
Однакоже Фернандо виноватъ. Зачѣмъ
Онъ бѣдную Эмилію зарѣзалъ,
Жестокосердый!.. нѣтъ, пускай горитъ онъ!

4-й испанецъ.
Онъ смерть предпочиталъ позорной жизни
И думалъ сдѣлать ей добро, не зло.

2-й испанецъ.
Народъ валитъ толпой, чтобъ посмотрѣть,
Какъ умираетъ человѣкъ. (*Показывая на толпу.*)
Кто скажетъ,
Что эти люди сами смертные?

Сара (*за сценой*).
О помогите удержать ее!
(Ноэми входитъ съ растрепанными волосами, а за нею Сара.)
До самаго до города она
Все такъ бѣжала... я измучилась!
Ноэми! Ахъ! она сошла съ ума.

Ноэми.
Пусти меня!.. мой братъ! мой братъ! мой братъ!
Куда ты?.. я тебя люблю, люблю такъ нѣжно.
Законъ — тиранъ! Какой уродливый
И гадкій видъ!.. Дай руку мнѣ! О нѣтъ!
Какъ?.. эти пальцы пахнутъ смертью!
Отдайте ожерелье мнѣ назадъ...
Мой братъ! мой братъ! мой братъ!
Я знала, онъ погибнетъ, Сара,
Пойдемъ домой. (*Сара беретъ ее за руку.*)
Нѣтъ! такъ я не хочу!
(Бросается на колѣни.)
О люди добрые! скажите мнѣ,
Гдѣ братъ мой?

2-й испанецъ.
Кто она?

Сара.
Ахъ!.. сжальтесь!
Вы видите, она сошла съ ума,
Никто ее не можетъ удержать...

2-й испанецъ.
Когда бы всѣ жиды съ ума сошли,
Какъ эта дѣвушка, намъ было бъ лучше.

Ноэми.
Гдѣ братъ мой?

4-й испанецъ.
Бѣдная еврейка!

Ноэми (*вставъ*).
Вы думали, что я бѣдна; но мой отецъ
Стократъ богаче васъ — и въ столько жъ лучше.
Вы думали, что долго буду я
Стоять предъ вами на колѣняхъ — такъ ошиблись!
Я буду пѣть, плясать и веселиться! (*Обтираетъ глаза.*)
Прочь, прочь вы, слезы! вы лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться!
Прочь, слезы! мой отецъ богатъ... (*Стонетъ.*)

Сара.
Что говоритъ она? Все бредитъ!
Мы бѣдные евреи!..

2-й испанецъ (*глядя на Ноэми*).
Какъ жалка!

Ноэми.
Гдѣ онъ?
Пылаетъ небо, люди гибнутъ,
Земля трепещетъ... тамъ въ огнѣ, въ огнѣ
Мой братъ! мой братъ! Я не пойду къ нему!..
Пустите!..

Сара.
Что ты дѣлаешь?
Великій Боже, образумь ее!

5-й испанецъ (*вбѣгаетъ*).
Все кончилось! я былъ въ судѣ; Фернандо
Ведутъ на казнь, его пытали долго;
Вопросы дѣлали — онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя.

2-й испанецъ.
Пойдемте посмотрѣть на казнь Фернандо.
Нѣкоторые идутъ. Народъ толпится черезъ улицу.

Ноэми.

Чья казнь? (*Упадаетъ на землю.*) Я слышала, Фернандо (*тихо*)
Мой братъ, что жъ? смѣйтесь — казнь и смерть?
Какъ это больно! (*Группа составляется вокругъ нея.*)

Сара.

Помогите ей!
Воды! я заклинаю Богомъ, помогите! (*Становится на колѣни возлѣ.*)
Она еще тепла... о, демоны, не люди!
Что я могу, безсильная старуха?
О, помогите, помогите ей!

6-й испанецъ (*сухо*).

Жидовка умереть одна не можетъ?
Пускай она издохнетъ! И Фернандо,
Какъ говорятъ, былъ сынъ жида.

Сара.

Онъ сынъ
По крайней мѣрѣ человѣка — ты же камень!
Проклятье на тебя, кто бъ ни былъ ты!
(*Склоняясь къ Ноэми.*)
Ноэми! ты оставить хочешь насъ?
Ужасная судьба отца: и дочь и сына
Въ одну минуту потерять!

Ноэми (*тихо*).

Фернандо!..

Молодой человѣкъ изъ толпы подходитъ ближе.

7-й испанецъ.

Прелестныя черты! когда бъ печаль
И смерть не истощили ихъ
Красы до половины. — Что за блѣдность!
(*Сара беретъ ее за руку и вздрагиваетъ.*)
Свинцу подобны сдѣлалися губы,
. . . .
. . . .
. . . .

(Послѣдняя четвертка подлинной рукописи утрачена. Надо предположить, что и Фернандо и отецъ, старикъ еврей, гибнутъ.)

1830 года.

ЛЮДИ и СТРАСТИ.

Посвящается . . . . . .

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ,
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому на свѣтѣ!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья...
Пусть предъ тобой сіи листы
Листами будутъ оправданья.
Прочти — онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былова,
И, если не полюбишь снова,
Ты, можетъ-быть, вздохнешь объ немъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Марѳа Ивановна Громова, 80 лѣтъ.
Николай Михайловичъ Волинъ, 45 лѣтъ.
Юрій Николаевичъ Волинъ, сынъ его, 22 л.
Василій Михайловичъ Волинъ, братъ Николая Михайловича, 48 лѣтъ.
Любовь, Элиза — дочери его. 1-я—17 лѣтъ, 2-я—19 лѣтъ
Заруцкій, молодой офицеръ, 24 лѣтъ.
Дарья, горничная Громовой, 38 лѣтъ.
Иванъ, слуга Юрія.
Василиса, служанка двухъ барышень.
Слуга Волиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Громовой

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Утро. Стоитъ на столѣ чайникъ, самоваръ и чашки.

Дарья. — Что, Иванъ, сходилъ ли ты на погребъ? Тамъ, говорятъ, все замокло отъ вчерашняго дождя... да видѣлъ ли ты, гдѣ Юрій Николаичъ.

Иванъ. — Ходилъ, матушка Дарья Григорьевна, и перетеръ все, что надобно... а барина-то я не видалъ — вишь ты, онъ вѣрно пошелъ къ батюшкѣ на верхъ; дѣло обыкновенное — кто не хочетъ съ подобнымъ отцомъ быть — ѣдетъ же онъ въ чужіе края, такъ что мудренаго... А не знаете ли, матушка, скоро мы съ бариномъ-то молодымъ отправимся или нѣтъ? Скоро ли вы съ нимъ проститесь?

Дарья. — Я слышала, барыня говорила, что черезъ недѣлю, для того-то и Николай Михалычъ со всей семьей привалилъ сюда — да знаешь ли, вотъ тебѣ Христосъ, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали сюда, съ тѣхъ самыхъ поръ (я это такъ твердо знаю, какъ то, что у меня пять пальцевъ на рукѣ) я двухъ серебряныхъ ложекъ не досчиталась. Ты не вѣришь?

Иванъ. — Какъ не вѣрить, матушка, коли ты говоришь! Однакоже это мудрено — вѣдь у тебя все припёрто — надо быть большому искуснику, чтобъ подтибрить двѣ серебряныя ложки. Да! тутъ какъ хочешь экономію наблюдай и давай намъ меньше жалованья и одежи и все, что хочешь; а какъ всякій день, да всякій день пропажи, такъ ничего не поможешь...

Дарья. — Эта же вина все на мнѣ, да на мнѣ; а я, видитъ Богъ, такъ вѣрно служу Марѳѣ Ивановнѣ, что нельзя больше, пускаютъ этихъ... прости Господи мое согрѣшеніе!.. въ домъ, угощаютъ; а сдѣлалась пропажа — я отвѣчаю. Ужъ ругаютъ, ругаютъ! (*Притворяется плачущею.*)

Иванъ. — А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Михалычемъ? — Кажись бы не отчего — близкая родня...

Дарья. — Нѐ отчего? какъ нѐ отчего? — погоди, я тебѣ все это дѣло-то разскажу. (*Садится.*) Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна, дочь нашей боярыни, скончалась, оставя сынка. Всѣ плакали какъ сумасшедшіе — наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить ей внука, Юрія Николаича; отецъ-то сначала не соглашался, но, наконецъ, его уломали, — и онъ, оставя сынка дома, отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ ему и вздумалось къ намъ пріѣхать — а слухи-то и дошли отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрія Николаича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они и въ ссорѣ еще...

Иванъ. — Да какъ-ста же за это можно сердиться? По-моему, такъ отецъ всегда воленъ взять сына — вѣдь это его собственность. Хорошо, что Николай Михалычъ такой добрый, что онъ сжалился надъ горемъ тещи своей; а другой бы не сдѣлалъ того и не оставилъ бы своего дѣтища.

Дарья. — Да, посмотрѣла бы я, какъ онъ сталъ бы его воспитывать: у него у самого жить почти нечѣмъ, хоть онъ и нарохтится въ важные люди; какъ бы онъ сталъ за него платить по четыре тысячи въ годъ за обученье разнымъ языкамъ?

Иванъ. — Э-эхъ! матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не въ помощь богатство. Что въ этихъ учителяхъ — коли уменъ, такъ все уменъ, а какъ глупъ, такъ все напрасно.

Дарья (*съ улыбкой*). — А! я вижу, и ты заступаешься за Николая Михалыча — онъ, видно, тебя прикормилъ, сердешный; таковъ-то ты. Добро, добро.

Иванъ (*въ сторону*). — По себѣ судитъ. (*Съ гордымъ видомъ.*) Я всегда за правую сторону заступаюсь, и положусь на всю дворню, которая знаетъ, что меня еще никто никогда не прикармливалъ.

Дарья. — Такъ и ты оставляешь нашу барыню... хорошо, хорошо, Иванъ! (*Топнувъ ногой.*) Такъ я одна остаюсь у нея, къ ней привязанная всѣмъ сердцемъ... Несчастная барыня! (*Притворяется плачущей.*)

Иванъ (*въ сторону*). — Аспидъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Василиса съ молочникомъ.

Василиса. — Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышнямъ сливокъ. Вы прислали молока, а онѣ привыкли дома пить чай со сливками; такъ не прогнѣвайтесь.

Дарья. — Онѣ у васъ все сливочки попивали! (*Въ сторону.*) Видишь, богачки! (*Ей.*) У меня нѣтъ сливокъ; теперь постъ, такъ я не кипятила.

Василиса. — Я такъ и скажу!

Дарья. — Такъ я скажи! Ну, чего ждешь, я тебѣ сказала, что у меня нѣтъ. (*Василиса уходитъ. Она продолжаетъ.*) Экія какія спесивыя! вѣдь голь, настоящая голь — а туда же: сливокъ, да сливокъ! рады, что къ тѣмъ попали, гдѣ есть сливки. Пускай же знаютъ, что я не ихъ слуга! Экія какія!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Николай Михайловичъ, Василій Михайловичъ входятъ.

Николай Михайловичъ. (*Дарьѣ*). — Здравствуй, Дарья!..

Дарья. — Здравствуйте, батюшка! Хорошо ли почивали?..

Николай Михайловичъ. — Хорошо — да у васъ что-то жарко наверху. Послушай, пошли мнѣ моего человѣка.

Дарья (*Ивану*). — Пошли! Что ты стоишь? (*Онъ уходитъ.*)

Николай Михайловичъ (*брату*). — Посмотри-ка, братъ, какъ утро прекрасно, какъ все свѣжо! Ахъ, я люблю ужасно это время — пойдемъ прогуляться въ саду — пойдемъ...

Василій Михайловичъ. — Изволь, я готовъ. (*Уходятъ. Дарья отворяетъ имъ дверь. Дарьѣ.*) Подай намъ чаю въ садъ. Слышишь?

Дарья. — Каковы! — принеси имъ туда чаю. Какъ будто я ихъ раба. Какъ бы не такъ! такъ не понесу же имъ чаю, пускай ждутъ, или сами приходятъ. О-охъ, время пришло, времечко: всякій командуетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Квартира Заруцкаго въ избѣ. Ребятишки на полатяхъ; люлька и баба за пряжей въ углу.

Заруцкій (*сидитъ за столомъ, на которомъ стоитъ бутылка и два стакана; онъ въ гусарскомъ мундирѣ*). — Вотъ, кажется, я нашелъ еще товарища моей молодости. Какъ полезно это общественное воспитаніе: на каждомъ шагу жизни мы встрѣчаемъ собратій, раздѣлявшихъ наши занятія. Шалости милы бываютъ только пока мы молоды. Какъ старое воспоминаніе, намъ любезенъ старый другъ. (*Молчаніе.*) А Волинъ былъ удалой малый: ни въ чемъ никому не уступалъ — ни въ буянствѣ ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ: во всемъ былъ первый, и я завидовалъ ему! Но онъ скоро будетъ — я послалъ сказать ему, что старый его пріятель здѣсь — посмотримъ, вспомнитъ ли онъ меня? (*Пьетъ.*) Славное вино, то-то попотчую. (*Беретъ гитару и играетъ и поетъ; гитара лежала на столѣ.*)

или 1-е.

Если жизнь тебя обманетъ;
Не печалься, не сердись,
Въ день унынія смирись, —
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ:
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило...

или 2-е.

Смертный, мнѣ ты подражай:
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся
А за чашей отдыхай. (*Пьетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Въ эту минуту дверь отворяется. Юрій быстро входитъ въ избу и бросается на шею Заруцкому. Молчаніе.

Юрій. — Заруцкій!.. Какъ неожиданно...

Заруцкій. — Давно, братъ Волинъ, не видались мы съ тобой. Я ожидалъ тебя и зналъ навѣрно, что ты меня не забылъ. Каковъ же я пророкъ.

Юрій. — Какъ ты перемѣнился во время разлуки нашей! Однако не постарѣлъ и такой же веселый, удалой.

Заруцкій. — Мое дѣло гусарское; а вѣдь и ты перемѣнился ужасно...

Юрій. — Да я перемѣнился — посмотри, какъ я постарѣлъ. О, если бъ ты зналъ всѣ причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнулъ бы.

Заруцкій. — Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше всматриваюсь, ты мраченъ, угрюмъ, печаленъ; ты не тотъ Юрій, съ которымъ мы пировали бывало такъ беззаботно, какъ гусары наканунѣ кровопролитнаго сраженія.

Юрій. — Ты правду говоришь, товарищъ! Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде; не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостію кидался въ объятія всякаго; не тотъ, котораго занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живымъ румянцемъ. — О, другъ мой! того юношу давнымъ-давно похоронили. Тотъ, который передъ тобою, есть одна тѣнь: человѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить.

Заруцкій. — Полно! полно! я не вѣрю ушамъ своимъ. Ты, что ли, мнѣ это говоришь? Скажи мнѣ, что съ тобою сдѣлалось, объясни мнѣ — я, чортъ возьми, ничего тутъ не могу понять. Изъ удальца сдѣлался такимъ мрачнымъ, какъ докторъ Фаустъ! Полно, братецъ, оставь свои глупыя бредни.

Юрій. — Немудрено, что ты меня не понимаешь; ты вышелъ двумя годами прежде меня изъ пансіона и не могъ знать, что со мною случилось... Много, много было безъ тебя со мною; ахъ, слишкомъ много! (*Начинаетъ разсказъ; Заруцкій закуриваетъ трубку.*)

Заруцкій. — Да что же могло съ тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого въ шесть лѣтъ не могъ забыть? Полно, полно! что-нибудь другое томитъ и волнуетъ твою душу. Глаза чернобровой красавицы, par exemple.

Юрій. — Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Что за смѣшная мысль! Ха! ха! ха! (*Молчаніе.*)

Заруцкій. — Да что же? Мнѣ любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стаканъ! (*Взявъ за руки.*) Не знаю, чѣмъ тебя мнѣ угостить, дорогого гостя...

Юрій (*выпивъ*). — Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раз-

доры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей.

Заруцкій. — Вотъ мы, гусары, такъ этими пустяками не занимаемся; намъ жизнь — копейка, зато и проводимъ ее хорошо.

Юрій. — Безъ тебя у меня не было друга, которому могъ бы я на грудь пролить всѣ мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомнѣнья... Я не знаю, отъ колыбели какое-то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ хладными подушками, когда вспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ — кромѣ тебя; но ты былъ далеко. Несправедливости, злоба — все посыпалось на голову мою, какъ будто бы туча, разлетѣвшись, упала на меня и разразилась,—а я стоялъ какъ камень — безъ чувства. По какому-то машинальному побужденію я протянулъ руку—и услышалъ насмѣшливый хохотъ—и никто не принялъ руки моей, и она обратно упала на сердце... Любовь мою къ свободѣ человѣчества почитали вольнодумствомъ: меня никто послѣ тебя не понималъ... Однакожъ ты мнѣ возвращенъ снова! не правда ли?..

Заруцкій.—О, государь! нашъ мудрый государь! если бы ты зналъ, какимъ гидрамъ, какимъ чудовищамъ, какимъ низкимъ нравственнымъ уродамъ препоручаешь лучшій цвѣтъ твоего юношества! Но гдѣ тебѣ знать?.. одинъ Богъ всевѣдущъ!.. Чортъ меня дери, если я не изрублю этого... злодѣя, когда онъ мнѣ попадется — онъ многихъ сдѣлалъ несчастливыми. — Продолжай, другъ мой!..

Юрій.—Потомъ ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ, и это все на меня упадаетъ. Наконецъ я тебѣ скажу, не проходитъ дня, чтобы новыя непріятности не смущали насъ — я окруженъ такими подлыми тварями, все такъ мнѣ противорѣчитъ...

Заруцкій.—Эхъ, любезный! чортъ съ ними!.. всѣхъ не исправишь!

Юрій. — Еще (*беретъ его за руку*) знаешь ли? Я люблю...

Заруцкій. — Ну такъ! безъ этого не обойтися! Въ кого, скажи мнѣ, въ кого ты влюбленъ — я помогу тебѣ! На то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику и попировать на его свадьбѣ.

Юрій. — На свадьбѣ? Кровавая будетъ свадьба! Она никогда не будетъ мнѣ принадлежать—зачѣмъ же называть ее? Я хочу погасить послѣднюю надежду — я не хочу любить, а все люблю!..

Заруцкій. — Послушай, братъ! знаешь ли, я самъ люблю и не знаю, любимъ ли я; мнѣ стало жалко тебя, ты очень несчастливъ. Послушай! зачѣмъ ты не пошелъ въ гусары? Знаешь, какое у насъ важное житье — какъ братья! А повѣрь, куда бабы вмѣшаются, тамъ хорошаго немного будетъ!

Юрій (*въ сторону*). — О, если бъ ты зналъ, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивалъ бы себя со мною. (*Вслухъ.*) Я ѣду въ чужіе края — оставляю всѣхъ — родину—можетъ-быть, это поможетъ моему разсѣянью.

Заруцкій. — Твой отецъ здѣсь и дядя и кузины... ихъ двѣ?..

Юрій (*съ примѣтнымъ смущеніемъ*).—Да... да—они всѣ пріѣхали со мной проститься!.. и мы съ тобой снова разстанемся!..

Заруцкій.—Твое воображеніе разстроено, мой милый! ты боленъ. — Зачѣмъ тебѣ ѣхать отъ насъ? Повѣрь мнѣ, «той страны нѣтъ краше и милѣе, гдѣ наша милая, иль гдѣ живетъ нашъ другъ».

Юрій. — Зачѣмъ разувѣрять меня, зачѣмъ останавливать несчастнаго. Неужели и ты противъ меня, неужели и ты хочешь моей гибели, и ты измѣнилъ мнѣ, скажи мнѣ просто, что ты думаешь? Быть-можетъ, ты хочешь посмѣяться надо мной, надъ безнадежной моей любовью такъ, какъ нѣкогда у меня былъ другъ, который хохоталъ — долго этотъ хохотъ останется въ моемъ слухѣ! Ахъ! имѣй немного сострадательнія; столько, сколько человѣкъ можетъ имѣть — оставь меня лучше!

Заруцкій. — Бѣдный, въ какомъ онъ безуміи; зачѣмъ я коснулся его живой струны? (*Къ Юрію.*) Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..

Юрій. — Я ѣду — я долженъ ѣхать — я хочу ѣхать... (*Кидается на стулъ и вдругъ закрываетъ лицо руками.*)

Заруцкій (*стоитъ въ безмолвіи надъ нимъ, покачивая головою*).—Бѣдный!.. кто виноватъ? Неужели человѣкъ можетъ быть такъ чувствителенъ, что всякая малость

раздражаетъ его до такой степени? (*Ударивъ себя по сердцу.*) Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, братъ, вставай-ка — ты боленъ... опомнись! (*Трогаетъ его.*)

Юрій. — Да! я боленъ! смертный ядъ течетъ по моимъ жиламъ. (*Заруцкій поднимаетъ его. Какъ ото сна всталъ.*) Гдѣ я, у кого я?

Заруцкій.—Въ объятіяхъ твоего друга.

Юрій (*обнимаетъ его. Съ восторгомъ*).—У меня есть другъ!..

Заруцкій.—Утѣшься, братъ! не вѣкъ горе!

Юрій (*не слыша его*). Ты на меня не сердитъ? А? — Прости мнѣ, если я что-нибудь тебѣ обидное сказалъ — не я говорилъ — мои страсти, мое безумство — прости меня.

Заруцкій. — Тебѣ нуженъ свѣжій воздухъ... и такъ пойдемъ отсюда... въ поле... (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Комната барышень. Любинька сидитъ и читаетъ; горничная шьетъ платье, а Элиза передъ трюмо. Все тихо.

Элиза (*примѣривая шляпу*). Посмотрите, ma soeur, какъ эта шляпка на мнѣ сидитъ... не правда ли, что прекрасно?..

Любовь.— Да, это правда. (*Положивъ книгу.*) Ахъ, если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза. — А что такое, позвольте спросить?

Любовь. — Вудстокъ или Всадникъ, Вальтера Скотта. Я остановилась на томъ мѣстѣ, когда Алина удерживаетъ короля и полковника... ахъ, какъ я ей завидую...

Элиза. — По мнѣ тутъ ничего нѣтъ прекраснаго; пускай бы ихъ сражались, да шею себѣ ломали. Ха, ха, ха! какая дура твоя Алина!..

Любовь. — У всякаго свой вкусъ...

Элиза. — Кстати! Помнишь ли, какъ мы были въ Москвѣ, я танцовала съ однимъ прехорошенькимъ молодымъ мальчикомъ; онъ мнѣ писалъ письмо; познакомился съ кузинами для меня.

Любовь (*съ презрѣніемъ*). — И ты приняла письмо?

Элиза.—Экая важность! я очень рада... Когда мы пріѣдемъ опять въ столицу — онъ на мнѣ женится... а ты не хочешь замужъ, душенька моя? — Будь спокойна, не возьметъ тебя никто!

Любовь.—Гдѣ жъ намъ съ вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза (*какъ будто не слышитъ ее*) — Какое прекрасное время — пойду въ садъ. (*Уходитъ.*)

Любовь.—За что меня батюшка меньше ея любитъ? Боже мой! что я сдѣлала? Неужели должна любовь отца раздѣляться не равно! Ахъ, какъ мнѣ грустно! — Кажется, я привязана къ нему съ такой же нѣжностью, какъ сестра моя; никогда не огорчала его непослушаніемъ — никогда — никогда... Ахъ, если бы маменька была жива, если бъ было кому съ участіемъ, нѣжностью меня прижать къ груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою. — (*Василиса, служанка, встаетъ и уходитъ.*) Какъ я помню ея послѣднія слова: «не плачь, дочь моя! что дѣлать, если отецъ тебя не любитъ! Молись, дочь моя! Божеская любовь равна любви родительской» И блѣдное болѣзненное лицо ея сдѣлалось совершенно спокойно—какъ смерть!.. (*Молчаніе.*) Видно мнѣ вѣчно быть сиротой! Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой лавры и мнѣ схимникъ предсказалъ много горестей. О, святой старикъ! зачѣмъ твое предсказаніе исполнилось? (*Она садится за книгу. Вдругъ входитъ Заруцкій. Она въ испугѣ вскакиваетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Заруцкій подходитъ къ ней.

Любовь. — Чего вамъ надобно, милостивый годударь, здѣсь, когда я одна? Вы, вѣрно, ошиблись комнатой — вы не сюда хотѣли войти...

Заруцкій. — Нѣтъ, сударыня, я точно тамъ, гдѣ хотѣлъ быть... Это ваша комната?..

Любовь.— Кажется...

Заруцкій.—Не пугайтесь, прошу васъ, не пугайтесь...

Любовь.—Мнѣ нечего васъ пугаться! только этотъ поступокъ очень удивителенъ...

Заруцкій. — Если вы узнаете причины его, то, клянусь вамъ, не будете удивляться... если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которой покорствуетъ все въ природѣ... то исполните мою просьбу...

Любовь. — Мнѣ кажется, у васъ никакой просьбы до меня, 17-лѣтней дѣвушки, не можетъ быть. Что я могу вамъ сдѣлать?..

Заруцкій. — Я гусаръ, а гусары говорятъ то, что думаютъ: позволяете ли мнѣ говорить откровенно? (*Она въ сму-*

щеніи молчитъ.) Знавали ли вы страданія любви? Вы носите ея имя... отвѣчайте, протекалъ ли огонь ея по вашимъ жиламъ?

Любовь. — Какой странный вопросъ...

Заруцкій. — Знавали ли вы любовь?

Любовь. — Это слишкомъ много, слишкомъ дерзко — я не привыкла къ такимъ разговорамъ! оставьте меня! — вы не хотите — я вамъ приказываю — не то я позову людей... ибо я не хочу вамъ сдѣлать эту непріятность. Оставьте меня...

Заруцкій. — Въ послѣдній разъ заклинаю васъ, скажите мнѣ, любили ли вы какого-нибудь юношу... одного на цѣломъ свѣтѣ?

Любовь *(съ досадою)*. — Это слишкомъ вольно, милостивый государь; повторяю вамъ, если вы меня не оставите...

Заруцкій *(вскакиваетъ, какъ громомъ пораженъ. Въ сторону)*. — Итакъ, всѣ надежды мои провалились сквозь землю... Попробую еще... быть-можетъ, она мыслитъ, что Заруцкій ее любитъ — ахъ! счастливая мысль — еще есть спасеніе. *(Подходитъ къ ней съ спокойнымъ видомъ.)* Я обожаю сестру вашу...

Любовь. — Что же вамъ до меня? Зачѣмъ тревожить мое спокойствіе такимъ неожиданнымъ приходомъ? Зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ? Вашъ поступокъ невозможно понять?

Заруцкій. — Я для того пришелъ къ вамъ, чтобы вымолить, выплакать помощь — будьте увѣрены въ чистотѣ моихъ желаній — я хочу, клянусь вамъ, хочу на ней жениться, но прежде доставьте мнѣ случай съ ней говорить наединѣ; скажите ей, что она любима — страстно — столько, сколько гусаръ можетъ любить. Я хочу узнать ее ближе, вы будете свидѣтелемъ — умоляю васъ! Но что это значитъ? Вы отворачиваетесь? Какъ можно отказываться сдѣлать доброе дѣло, когда мы въ состояніи.

Любовь. — Я не въ состояніи этого сдѣлать!..

Заруцкій. — Какъ! имѣя довѣренность сестры вашей — ея дружбу — и вы...

Любовь. — Вы ошибаетесь... я не имѣю ничьей довѣренности, ничьей дружбы...

Заруцкій. — Итакъ, мнѣ итти безъ надежды — а?..

Любовь. — Нѣтъ — останьтесь... слушайте... поклянитесь мнѣ, что вы во зло не употребите ея снисхожденіе... Но чѣмъ вамъ клясться... Нѣтъ... лучше... скажите мнѣ, положивъ руку на сердце: правда ли, что мужчины такъ злы и коварны, какъ ихъ обвиняютъ? Правда ли, что ихъ душѣ ничего не стоитъ погубить дѣвушку навѣки...

Заруцкій *(подумавъ рѣшительно)*. — Неправда. *(Слышенъ шумъ.)*

Любовь. — Я постараюсь убѣдить Элизу, но помните, что грѣшно будетъ употребить во зло мою и сестрину довѣренность... Слышите — она идетъ — бѣгите скорѣй — бѣгите...

Заруцкій. — Я буду надѣяться. *(Уходитъ. Черезъ минуту входитъ Элиза.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Элиза. — Ахъ, какой смѣхъ! Grand Dieu! Grand Dieu! Кабы ты знала, Любинька, что тамъ за шумъ внизу. Маѳа Ивановна такъ раскапризничалась, что хоть изъ дому бѣги!.. Ужасъ!.. дѣвокъ по щекамъ такъ и лупитъ. Ха! ха! ха! ха! Стоитъ посмотрѣть! И за что?.. Ахъ, дай отдохнуть — самая глупѣйшая глупость. — Ахъ, какъ я устала!.. послѣ тебѣ разскажу...

Любовь. — А у меня есть дѣло очень важное до тебя... и на твой счетъ...

Элиза. — Что такое? скажи, пожалуйста! скажи!..

Любовь. — Пойдемъ со мной. *(Уходятъ.)*

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Маѳы Ивановны. Она сидитъ на креслахъ; передъ ней стоитъ Дарья.

Маѳа Ивановна. — Какъ ты смѣла, Дашка, выдать на кухню нынѣшній день двѣ курицы — и безъ моего спросу? — а? отвѣчай?

Дарья. — Виновата... я знала, матушка, что двѣ-то много; да некогда было вашей милости доложить...

Маѳа Ивановна. — Какъ, дура, скотина! двѣ много? Да намъ ѣсть нечего будетъ — ты меня этакъ, пожалуй, съ голоду уморишь! Да знаешь ли, что я тебѣ сейчасъ, вотъ при себѣ, велю надавать пощечинъ...

Дарья *(кланяясь)*. — Ваша власть, сударыня! Что угодно — мы ваши рабы...

Маѳа Ивановна. — Что? Не было ли у васъ какого-нибудь крику съ Николай Михайловичемъ...

Дарья. — Нѣту-съ, какъ-съ можно-съ намъ ссориться; а вотъ что-съ — нынче ко мнѣ барышни присылали просить сливокъ, и у меня хошь онѣ были, да...

Марѳа Ивановна. — Что жъ ты, вѣрно, отпустила имъ?

Дарья. — Никакъ нѣтъ-съ...

Марѳа Ивановна. — Какъ же ты смѣла...

Дарья. — Добро бы съ вашего позволенія, а то вы почивали, такъ этакъ, если всякимъ давать сливокъ — коровъ, сударыня, недостанетъ... У насъ же нынче одна корова захворала — и я, матушка, виновата: не дала, не дала густыхъ сливочекъ... слыхано ли во свѣтѣ безъ барскаго позволенія?..

Марѳа Ивановна. — Ну, такъ хорошо сдѣлала... Не знаешь ли ты, гдѣ мой внукъ, молодой баринъ...

Дарья. — Кажется, сударыня, онъ у своего батюшки...

Марѳа Ивановна. — Все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ! Экой какой онъ сдѣлался — бывало прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, пока малъ былъ. И напрасно я его удаляла отъ отца — таки умѣли Юрьюшку увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣніе — какъ будто не ему же это имѣніе достанется... ахъ! злые люди!..

Дарья. — Ваша правда, матушка! злые люди.

Марѳа Ивановна. — Кто станетъ покоить мою старость! и я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія? Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться — а по четыре тысячи платила въ годъ учителю... и все пошло не въ прокъ... Ужъ, кажется, [не] всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды: ставила фунтовую свѣчу каждое воскресенье; всѣмъ святымъ поклонялась: ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всѣхъ родныхъ — все не помогло! Ахъ! кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось, не то бы...

Дарья. — Что это вы, сударыня, такъ сокрушаетесь? Все еще дѣло поправное — можно Юрія Николаевича разжалобить чѣмъ-нибудь; а онъ ужъ извѣстенъ: какъ если разжалобится — куда хочешь, для всякаго на ножъ готовъ... Есть, Марѳа Ивановна, поговорка: желѣзо тогда и куется, пока горячо...

Марѳа Ивановна. — Вотъ какъ вретъ! можно ли это? Какъ его разжалобишь — онъ ужъ ничему не повѣритъ?..

Дарья. — Какъ вашей милости у насъ, рабовъ, объ такихъ вещахъ спрашивать?.. вамъ ли не знать...

Марѳа Ивановна (*смотря кверху*). — Видитъ Богоматерь, я не теряла молитвъ; постараюсь, попробую поступать по твоему совѣту, Дашка... да слушай, что они тамъ ни будутъ говорить съ отцомъ, все узнавай, и приходи сказывать мнѣ...

Дарья. — Слушаю-съ! ужъ на меня, Марѳа Ивановна, извольте надѣяться.

Марѳа Ивановна. — Ну, я надѣюсь: ты всегда мнѣ вѣрно служила.

Дарья. — Видитъ Богъ-съ, не обманывала никогда и вѣчно въ точности ваши приказанія исполняла... да и вашей милостью довольна. (*Кланяется.*)

Марѳа Ивановна. — Но вотъ ужъ черезъ недѣлю Юрьюшка поѣдетъ — и я избавлюсь отъ этихъ несносныхъ Волиныхъ. То-то, кабы дочь моя была въ живыхъ. (*Молчаніе.*) Эй, Дашка, возьми-ка Евангеліе и читай мнѣ вслухъ.

Дарья. — Что прикажете читать?

Марѳа Ивановна. — Что попадется...

(*Дарья открываетъ книгу и начинаетъ читать.*)

Дарья (*читаетъ вслухъ довольно внятно*). — «Ведяху же и ина два злодѣя съ нимъ убити. И егда пріидоша на мѣсто, нарицаемое лобное, ту распяша его, и злодѣя, оваго убо одесную, а другаго ошуюю. Іисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ. Раздѣляюще же ризы его, метаху жребія».

Марѳа Ивановна. — Ахъ, злодѣи-жиды! нехристи проклятые! какъ они поступали съ Христомъ!.. всѣхъ бы ихъ переказнила безъ жалости... нѣтъ, правду сказать, если бъ я жила тогда, положила бы мою душу за Господа, не дала бы его на растерзаніе... Переверни-ка назадъ и читай что-нибудь другое...

Дарья (*читаетъ*). — «Горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко подобитеся гробамъ повапленнымъ, иже внѣуду убо являются красны, внутрь уду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты. Тако и вы, внѣуду убо являетеся человѣкомъ праведни, внутрьуду же есте полни лицемѣрія и беззаконія».

Марѳа Ивановна. — Правда, правда говорится здѣсь!.. ахъ, эти лицемѣры!.. вотъ у меня сосѣдка Зарубова... такая богомольная, кажется, всякій праздникъ у обѣдни, а намеднясь велѣла загнать своихъ

коровъ и табунъ на мои озими — всё потоптали — злодѣйка!...

Дарья. — Да еще, сударыня, бранитъ васъ повсюду, по домамъ — такая змѣя... И людямъ-то своимъ велитъ на васъ клепать ни вѣсть что. Мы хоть рабы, а какъ услышимъ что-нибудь такое, такъ кровь закипитъ, такъ бы вцѣпилась ей въ волоса...

Марѳа Ивановна. — Продолжай...

Дарья (*читаетъ*). — «И вы исполните мѣру отецъ вашихъ. Змія, порожденія ехиднова, како убѣжите отъ суда огня геенскаго».

Марѳа Ивановна. — Не убѣжитъ она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое...

Дарья. — Изъ чьего евангелія прикажете?

Марѳа Ивановна. — Отъ Марка.

Дарья. — «Сего ради глаголю вамъ: вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете: и будетъ вамъ. — И егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого да и Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша».

(*Слышенъ громкій стукъ разбитой посуды, обѣ вздрагиваютъ.*)

Марѳа Ивановна. — Что это?.. Вѣрно, мерзавцы, что-нибудь разбили... Сбѣгай-ка, да посмотри!.. (*Дарья уходитъ. Чрезъ минуту приходитъ.*)

Дарья. — Ваша хрустальная кружка, съ позолоченной ручкой и съ вензелемъ...

Марѳа Ивановна. — Она...

Дарья. — Въ дребезгахъ лежитъ на полу...

Марѳа Ивановна. — Ахъ злодѣи! кто разбилъ? Кто этотъ окаянный?..

Дарья. — Васька поваренокъ.

Марѳа Ивановна. — Пошли его сюда... скорѣй... ужъ я ему дамъ, разбойнику, березовой каши. (*Дарья призываетъ его.*)

Марѳа Ивановна. — Какъ ты это сдѣлалъ, мерзавецъ?.. Знаешь ли, что она 15 рублей стоитъ?.. Эти деньги я у тебя изъ жалованья вычитаю. — Какъ ты ее уронилъ? Отвѣчай же, болванъ! Ну, что жъ ты? Говори. (*Мальчишка хочетъ говорить.*) Какъ? Ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети на конюшню!.. (*Мальчикъ кланяется въ ноги.*) Вздоръ! я этимъ поклонамъ не вѣрю... убирайся съ чортомъ, прости, Боже, мое согрѣшеніе... (*Мальчикъ идетъ.*) Убирайся... (*Топнувъ ногой.*) Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ моимъ вензелемъ!.. Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить, хоть какъ-нибудь...

Дарья. — Ни подъ какимъ видомъ нельзя-съ.

Марѳа Ивановна. — Экая бѣда какая! (*Входятъ Николай Михайловичъ и Василій Михайловичъ Волины. Дарья уходитъ съ книгой.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Николай Мих. — Здоровы ли вы, матушка, нынче? и хорошо ли почивали? Я слышалъ, что вы долго не засыпали.

Марѳа Ивановна. — Да, батюшка, мнѣ что-то не спалось — я все думала объ моемъ Юрьюшкѣ... какъ-то онъ поѣдетъ путешествовать; я боюсь за него — вотъ вы, отцы, не такъ безпокоитесь объ дѣтяхъ!.. а мнѣ такъ грустно съ нимъ разставаться...

Николай Мих. — Неужели вы думаете, что мнѣ легче. Вы ошибаетесь, позвольте мнѣ сказать: я сына моего не меньше васъ люблю; и этому доказательство то, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобъ воспитать его такъ, какъ вы могли.

Марѳа Ивановна (*къ Василію Михайловичу.*) — Что, батюшка, какъ ваше дѣло? что говоритъ сенатъ?..

Василій Мих. — Сенатъ-съ? До него еще дѣло не доходило, а все еще кутятъ да мутятъ въ уѣздномъ судѣ, да въ губернскомъ правленіи... такія жадныя канальи эти крючки-подьячіе со всей сволочью, что когда туда пріѣдешь, такъ и обступятъ — чутье собачье! знаютъ, что у тебя въ карманахъ есть деньги... и вотъ ужъ пять лѣтъ тянется вся эта комедія... впрочемъ, для меня совсѣмъ не смѣшная, потому что я дѣйствующее лицо.

Марѳа Ивановна (*къ Николаю Михайловичу*). — Знаете ли, Николай Михайловичъ, я хочу, чтобъ Юрьюшка ѣхалъ во Францію, а въ Германію не заглядывалъ — я терпѣть не могу нѣмцевъ! Чему у нихъ научишься?.. Все колбасники, шмерцы.

Николай Мих. — Позвольте перервать рѣчь вашу, матушка; нѣмцы хотя въ просвѣщеніи общественномъ и отстали отъ французовъ, т.-е. имѣютъ нѣкоторыя странности, имъ приличныя, въ обхожденіи не

такъ ловки и развязны, но зато глубокомысленнѣе французовъ, и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы, и Юрій въ его лѣта очень даже можетъ самъ располагать собою — ему 22 года, онъ уже имѣетъ чинъ и проч.

Василій Мих. — Позвольте спросить, Юрій Николаевичъ поѣдетъ моремъ?

Марѳа Ивановна. — Сохрани Богъ!.. нѣтъ ни за что.

Василій Мих. — Такъ ему надо ѣхать чрезъ Германію, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марѳа Ивановна. — Какъ же быть! а я не хочу, чтобъ онъ жилъ съ нѣмцами, они дураки...

Николай Мих. — Помилуйте! у нихъ философія преподается лучше, нежели гдѣнибудь! — Неужто Кантъ былъ囲дуракъ?..

Марѳа Ивановна. — Сохрани Богъ отъ философіи!.. Чтобъ Юрьюшка сдѣлался безбожникомъ!..

Николай Мих. (*съ неудовольствіемъ*). — Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чѣмъ вы? Повѣрьте, что я знаю, что говорю. Философія не есть наука безбожія, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ истинный счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Это говорю не я, но люди умнѣйшіе. (*Василій Михайловичъ въ тайномъ удовольствіи.*) И всякій тотъ, кто хотя мало имѣетъ добраго смысла, со мною согласится...

Марѳа Ивановна. — Стало-быть, я его совсѣмъ не имѣю... Это слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны... увѣряю васъ...

Николай Мих. — Лучше сами повѣрьте, что отецъ имѣетъ болѣе права надъ сыномъ, нежели бабушка... Я, сжалясь надъ вами, уступилъ единственное свое утѣшеніе, зная, что вы можете Юрія хорошо воспитать... но я ожидалъ благодарности, а не всякихъ непріятностей, когда пріѣзжаю повидаться къ сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрій великъ, ужъ онъ сдѣлался почти мужемъ, и можетъ понимать, что тотъ, кто несправедливъ противу отца, недостоинъ уваженія отъ сына... Я говорю правду; вы ея не любите — прошу вашего извиненія... Впрочемъ, знайте, что я не похожъ на низкихъ вашихъ сосѣдей и не могу не говорить о томъ, что чувствую: я очень огорченъ вашимъ противъ меня нерасположеніемъ... но что жъ дѣлать, вы задѣли меня за живое, я отецъ и имѣю полное право надъ сыномъ... Онъ вамъ обязанъ воспитаніемъ и попеченіемъ, но я ничѣмъ не обязанъ; вы платили за него въ годъ по 5 тысячъ, содержали въ пансіонѣ — но я сдѣлалъ еще для васъ жертву, которую не всякій отецъ сдѣлаетъ для тещи... уже не говорю объ имѣніи... прошу извинить.

Марѳа Ивановна (*привставъ*). — Какъ, и вы тоже меня упрекать, ругать, какъ послѣднюю рабу — въ моемъ домѣ... Ахъ! (*Упадаетъ въ изнеможеніи злобы на кресло и звонитъ въ колокольчикъ.*) Дашка, Дашка, палку!

Дарья. — Сію минуту. (*Приноситъ палку и выводитъ ее изъ комнаты подъ руку.*)

Николай Мих. — О, Боже мой! можетъ ли сумасшествіе женщины дойти до такой степени. (*Ходитъ взадъ и впередъ.*)

Василій Мих. (*подходитъ къ нему*). — Вотъ что значитъ, братецъ, спорить съ бабами! А отчего это все, отчего не могъ ты взять просто сына своего отъ нея? Не хотѣлъ заплатить 3000 р. за бумагу крѣпостную? Вѣдь она тебѣ отдавала имѣніе — что за глупое великодушіе не брать или брать на честное слово, что все равно. Вотъ она и сдѣлала условіе, что если ты возьмешь къ себѣ сына, такъ она его лишитъ наслѣдства, а тебя не сдѣлала опекуномъ. Что, братъ, видно, поздно?

Нколай Мих. — Но ея слова, увѣренія брата ея?.. Я почему могъ отгадать, что они меня обманутъ.

Василій Мих. — Что, скажи мнѣ, ты шутишь? Честное слово? Ха! ха! ха!.. Нынче это нуль по лѣвую сторону единицы. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Садъ. Сумерки, и луна на небѣ; налѣво бесѣдка. Любовь въ длинной черной шали, въ (распущенныхъ?) волосахъ и бѣломъ платьѣ, съ письмомъ въ рукѣ.

Любовь (*читая*). — Онъ желаетъ говорить со мною здѣсь наединѣ, въ это время — что такое значитъ? Юрій хочетъ со мною говорить — объ чемъ? Между нами не можетъ быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидѣтеляхъ. Однакожъ я не должна опасаться, хотя говорятъ, что дѣвушки должны бояться мужчинъ. Зачѣмъ мнѣ Юрія бояться?.. Ахъ, часто, когда на меня устремлялъ онъ свои взоры неподвижные,

свѣтлые — что-то чудное происходило въ груди моей; сердце билось... Быть-можетъ, онъ въ меня влюбленъ? Нѣтъ! нѣтъ! сему не случиться никогда! я не вѣрю этой любви — онъ не можетъ на мнѣ жениться, такъ на что ему безнадежною страстью себя мучить. Зеркало мнѣ говоритъ, что я хороша собой, что могу нравиться, но онъ... онъ столько зналъ красавицъ лучше меня. И если бы это было въ самомъ дѣлѣ, если я любима, то онъ долженъ столько уважать меня; онъ долженъ думать, что добродѣтель не позволитъ мнѣ явно отвѣчать ему — къ тому жъ я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти; неужели онъ примѣтилъ біеніе моего сердца. Ахъ, нѣтъ!.. онъ самъ, Юрій, былъ со мной всегда мраченъ, холоденъ, онъ врядъ ли способенъ любить нѣжно... но зачѣмъ ему было свиданіе? Это письмо?.. Не понимаю, чего хотѣлъ онъ... (*Молчаніе.*) Но вотъ луна взошла, все тихо и прохладно; а онъ нейдетъ. (*Молчаніе.*) Какъ я глупо сдѣлала, что пришла сюда: непонятное влеченіе управляло моими шагами... (*Садится возлѣ бесѣдки.*) Что, если насъ увидятъ вмѣстѣ... моя честь погибла — о безумная!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Юрій (*въ плащѣ, безъ шляпы, тихими шагами подходитъ къ ней и беретъ ее за руку*). — Любовь!.. вы здѣсь уже!..

Любовь (*испугавшись*). — Ахъ!

Юрій. — Вы испугались?..

Любовь. — Нѣтъ... Вы мнѣ что-то хотѣли сказать — я готова слушать со вниманіемъ.

Юрій. — Да, я много хотѣлъ сказать вамъ... вы помните: съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами знакомы, вы никогда не отказывались отъ маловажной и легкой для васъ просьбы моей... теперь... я васъ прошу дать мнѣ честное слово: сказать мнѣ правду, правду чистую, какъ ваше сердце...

Любовь. — Мое слово? Хорошо! (*Смотритъ ему въ глаза.*)

Юрій (*въ сильномъ движеніи беретъ ее за руку*). — Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснулъ спокойно, удивительный сонъ началъ тревожить мою душу. Я видѣлъ отца, бабушку, которая хотѣла, чтобъ я успокоилъ ея старость насчетъ благополучія отца моего; съ презрѣніемъ отвернулся я отъ корыстолюбивой старухи... и вдругъ ангелъ-утѣшитель встрѣтился со мной; онъ взялъ мою руку, утѣшилъ меня однимъ взглядомъ, однимъ неизъяснимымъ взглядомъ обновилъ къ жизни... и... упалъ въ мои объятія. Мысли, въ которыхъ крутилась адская ненависть къ людямъ и къ самому себѣ — мысли мои вдругъ прояснились, вознеслись къ небу, къ Тебѣ, Создатель; я снова сталъ любить людей, сталъ добръ попрежнему. Не правда ли? Это величайшее подъ луною благодѣяніе? И знаешь ли еще, Любовь, въ этомъ утѣшителѣ, въ этомъ небесномъ существѣ — я узналъ тебя! Ты блистала въ чертахъ его; это была ты, прекрасная какъ теперь; никто на свѣтѣ, ни самый адъ меня не разувѣритъ!.. Ахъ, это была минута, но минута блаженная; это былъ сонъ, но сонъ божественный... Послушай, Любовь, теперь исполни свое обѣщаніе, отвѣчай, какъ на исповѣди, можетъ ли этотъ сонъ осуществиться... умоляю тебя всѣмъ, чѣмъ ты дорожишь теперь, или когда-нибудь будешь дорожить — говори, какъ на исповѣди... знай, что одно твое слово, одно слово можетъ много сдѣлать добра и зла... (*Любовь въ сильномъ нерѣшеніи.*) И ты молчишь!.. Любовь...

Любовь. — Нѣтъ!..

Юрій. — Какъ! что нѣтъ, говори, что нѣтъ?..

Любовь. — Сонъ твой никогда не сбудется!..

Юрій. — Небо!.. что она хочетъ дѣлать? Скажи: да!.. (*Молчаніе.*) Отчего не хочешь сказать: да!.. это слово, этотъ звукъ могъ бы возстановить мою жизнь, возродить меня къ счастію!.. Ты не хочешь? Что я тебѣ сдѣлалъ, за что такъ коварно мстишь мнѣ? Неужели женщина не можетъ любить, неужели она не радуется, когда видитъ человѣка, ей обязаннаго своимъ блаженствомъ, когда знаетъ, что это стоитъ одного слова, хотя бы оно выходило и не отъ сердца... скажи: да!

Любовь. — Нѣтъ!

Юрій. — И въ тебѣ есть совѣсть?..

Любовь. — Я не могу сказать: да; на что искушать тебя? *Моимъ* ты никогда, никогда не будешь — узы родства, которыя связываютъ насъ вмѣстѣ, разрываютъ сердца наши... забудь свои мечты!.. ты не хочешь погубить бѣдную дѣвушку, не правда ли? Такъ забудь свои безумныя желанія, забудь ихъ!.. (*Молчаніе.*) Ты поѣдешь въ чужіе края, разные новые предметы развлекутъ твои мысли, тебѣ понравится другая...

Юрій.—Я не поѣду... у ногъ твоихъ—я говорю тебѣ—у ногъ твоихъ, счастье цѣлой жизни человѣка—не раздави безжалостно! А если ты меня отвергнешь, ахъ! то, вѣрно, никакая дѣва не будетъ больше мнѣ нравиться—я окаменѣю, быть-можетъ, навѣки.

Любовь (*садится на скамью возлѣ бесѣдки и сажаетъ его*). — Посмотри, братъ мой, какъ прекрасенъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ усыпающей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти, страсти жестокія, мятежныя, противныя законамъ. Посмотри на эти разсѣянныя облака, свѣтлыя какъ минуты удовольствій и мимолетныя какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушные... (*Она закрываетъ лицо платкомъ.*) Перестань страдать, другъ мой,—полно!.. (*Въ слезахъ упадаетъ на грудь Юрія, который въ сильномъ оцѣпенѣніи сидитъ недвижно, глаза къ небу.*)

Юрій (*послѣ долгаго молчанія*).—Ахъ!.. (*Беретъ ея руку; между тѣмъ слышна вдали пѣсня русская со свирѣлью, и то удаляется, то приближается, въ концѣ которой вскакиваетъ, какъ громомъ пораженный, и отбѣгаетъ отъ Любови.*)

Юрій.—Какіе звуки! они поразили мою душу... Кто ихъ произвелъ? Не съ неба ли, не изъ ада ли?... нѣтъ... но вотъ опять, опять... Всесильный Богъ!.. (*Кидается къ ногамъ Любови, которая встала со скамьи.*) Пускай весь міръ на насъ обрушится... я люблю тебя!.. скажи и ты: люблю.

Любовь (*черезъ силу*). — Нѣтъ! (*Хочетъ бѣжать.*)

Юрій (*у ногъ ея*). — Не вѣрю..., не обманешь... я прочелъ въ глазахъ твоихъ... только... я недоволенъ, скажи: люблю!

Любовь (*хочетъ что-то сказать, но вдругъ остановилась*). — Зачѣмъ тебѣ признаніе, если ты прочелъ все въ глазахъ моихъ?

Юрій (*вскакиваетъ съ восторгомъ*).—Я любимъ... любимъ... любимъ!.. теперь всѣ бѣдствія земли осаждайте меня—я презираю васъ: она меня любитъ... *она*, такое существо, которымъ бы гордилось небо... и оно мнѣ принадлежитъ! Какъ я богатъ!.. (*Къ ней.*) Ты не знаешь, дѣвушка, какъ много добра сдѣлала ты въ сію минуту... (*Обнимаетъ ее.*) О, если бы мой отецъ видѣлъ это, какъ восхитился бы онъ взаимнымъ пламенемъ двухъ сердецъ.

Любовь. — Твой отецъ?... Что ты говоришь?...

Юрій (*дрожащимъ голосомъ, ударивъ въ грудь*).—Да... да... ты говоришь правду, я не долженъ никому объ этомъ сказывать; все восхищеніе, вся сладость сихъ незабвенныхъ минутъ должны остаться здѣсь, здѣсь, въ груди моей; всякій день я буду упиваться воспоминаніемъ, ни одно горькое чувство ненависти и раскаянія не проникнетъ туда, гдѣ я схороню мое сокровище... (*Къ Любови.*) Теперь одинъ поцѣлуй на прощанье... (*Цѣлуетъ ее.*) О!.. я слишкомъ счастливъ для человѣка!.. (*Завернувшись въ черный плащъ, быстро уходитъ.*)

Любовь.—Какъ онъ любитъ... добрый юноша!.. (*Молчаніе.*) Кажется, я ничего дурного не сдѣлала, ни одно преступленіе не тяготѣетъ на мнѣ, мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещетъ какъ птичка, попавшаяся въ сѣть нечаянно!.. (*Молчаніе.*) Однако ночь сгущается, и мѣсяцъ дошелъ до половины небесъ, меня будутъ искать вездѣ, а здѣсь такъ пусто, страшно... (*Становится на колѣни и поднявъ руки наверхъ.*) Ангелъ-хранитель! не допусти случиться ч му-нибудь съ бѣдной дѣвушкой! она пред ется тебѣ, прости ей слабости и охрани отъ нечистаго духа. (*Встаетъ и уходитъ.*)

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Галлерея, откуда виденъ садъ. Элиза идетъ съ зонтикомъ одна.

Элиза. — Какъ жарко нынче, такъ и жжетъ лицо и шею... Если бъ не этотъ благодѣтельный зонтикъ, я бъ сдѣлалась чернѣй арапки, и это бы было плохо для меня, потому, что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais, для предложеннаго свиданія... Ха! ха! ха! Какъ Любинька смѣшна была вчерась. Начинаетъ мнѣ говорить про этого Заруцкаго и про его желаніе съ такой важностью comme si c'était une affaire d'état!.. Ха! ха! ха! ха! Бѣдненькая начиталась романовъ и скоро съ ума сойдетъ—она судитъ цѣлый свѣтъ по себѣ... напримѣръ, нынче всю ночь проплакала; вѣрно, ей кто-нибудь комплиментъ сказалъ, и она воображаетъ, что въ нее влюблены... и плачетъ съ сожалѣнія! нѣтъ,

moi, je me moque de tout cela! Вотъ ужъ, вѣрно, нынче будетъ страстное объясненіе: онъ упадетъ на колѣни, я ему скажу маленькій equivoque — и онъ долженъ быть доволенъ... чего же ему еще больше?.. Впрочемъ, этотъ Заруцкій, вѣрно, посѣщалъ большой свѣтъ, онъ нимало не похожъ на этихъ армейскихъ, его собратій... Ха! ха! ха! армейскихъ!.. Одно это слово чего стоитъ?.. Но кто-то идетъ, а мнѣ нужно нынче быть одной. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Юрій и Василій Михайловичъ идутъ по галлереѣ, и Василій Михайловичъ что-то ему говоритъ, ведя за руку.

Василій Мих. — Экой ты упрямый человѣкъ—да выслушай только, что я тебѣ говорю. Твой отецъ нынче со мной приходитъ къ Марѳѣ Ивановнѣ; она насъ хорошо приняла; у нея стояла эта змѣя, Дарья, причина всѣхъ нашихъ непріятностей... вотъ, слушай, братъ и начинаетъ говорить...

Юрій (*отходя прочь*). — И мнѣ нѣтъ спокойствія ни одной минуты... эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжитъ каждый день вокругъ ушей моихъ... (*Къ дядѣ.*) Дяденька! въ другое время... теперь я...

Василій Мих. — Да, теперь, а не въ другое время; слушай: ты долженъ это все знать, чтобъ умѣть цѣнить людей, окружающихъ тебя.

Юрій.— Я только цѣню тѣхъ, которые не мучатъ меня вѣчно своими клеветами...

Василій Мих. — Я понимаю, что ты это на мой счетъ говоришь, но я не сержусь... не для себя я говорю... но хочу тебѣ показать, кто твой отецъ и бабка.

Юрій (*твердо*). — Ну, такъ и быть, я слушаю.

Василій Мих. — Во-первыхъ, твой отецъ началъ говорить ей о тебѣ, о твоемъ отъѣздѣ... она расханжилась по обыкновенію, увѣряла, что она тебя больше любитъ, нежели онъ, вообрази? Потомъ онъ ей сталъ представлять доказательства противныя очень учтиво; она вздумала показывать, что ему и дѣла нѣтъ до тебя, тутъ Николай Михалычъ не выдержалъ; признаться: объяснилъ ей коротко, что она передъ нимъ виновата, а что онъ не обязанъ былъ тебя оставлять у нея, но что были у него причины постороннія, и что она измѣнила своему слову... Она взбѣсилась до невозможности, ушла, теперь она насъ выгонитъ изъ дому... Прощай, мой племянничекъ, надолго, потому что, вѣрно, ни я ни братъ больше сюда не заглянутъ.

Юрій (*всплеснувъ руками*). — Всемогущій Боже! Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратить эти распри... зачѣмъ же все это рушится на голову мою. Я здѣсь какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу васъ, я измученъ...

Василій Мих. — Нѣтъ... ты долженъ рѣшиться въ чью-нибудь пользу.

Юрій.—На что?.. Къ чему я долженъ? Кто приказалъ?

Василій Мих. — Честь.

Юрій. — Честь? Кто вамъ внушилъ это слово!.. О, адская хитрость... какъ ничтожно это слово, а какъ много власти имѣетъ оно надо мной... мой долгъ, долгъ природы и благодарность: въ какой вы ужасной борьбѣ между собою... Дядюшка! зачѣмъ вы произнесли это слово: я рѣшился...

Василій Мих.—Для кого, другъ мой?

Юрій.—Отецъ обладаетъ моею жизнью... но знайте, что если бабушка будетъ укорять въ неблагодарности, если она станетъ показывать глазамъ моимъ всѣ свои попеченія о моей юности, всѣ свои благодѣянія, все, чѣмъ я ей обязанъ, если она будетъ проклинать меня за то, что я отравилъ ея старость, сжегъ огнемъ терзаній сѣдые ея волосы, за то, что я оставилъ ее безъ причины, если, наконецъ, я самъ изсохну отъ раскаянія, если я буду отвергнутъ за это преступленіе небомъ и землею, если... тогда я прокляну васъ отчаяннымъ языкомъ моимъ... если... о, берегитесь, берегитесь!.. вся свинцовая тягость грѣха сего падетъ на васъ... Откажитесь отъ вашего свидѣтельства, оно ложно — спасите свою душу! Оно ложно, говорю вамъ... признайтесь, что вы солгали...

Василій Мих.—Нѣтъ, я не откажусь, когда я самъ видѣлъ и слышалъ, что насъ съ братомъ выгоняютъ изъ дому.

Юрій. — Итакъ, все кончено — вотъ мое слово.

Василій Мих. — Ну, слава Богу, наконецъ ты рѣшился... Я пойду къ отцу твоему и объявлю, что ты рѣшился не оставлять его. Какъ онъ будетъ радъ, и я увѣренъ, что тебя больше прежняго полюбитъ.

Юрій. — Радоваться? Кто радоваться?.. Мой отецъ! Не дай Богъ, чтобъ это была

большая радость въ его жизни... Что онъ будетъ думать, обнимая неблагодарнаго... (*Ударяя себя въ лобъ и ломая руки.*) Но мое честное слово!..

Василій Мих.—Неблагодарнаго? Какъ это ты сдѣлаешься неблагодарнымъ? Противъ кого? Да, ты бы сдѣлался неблагодарнымъ и преступнымъ, если бы оставилъ Николая Михалыча, который дышитъ однимъ тобою... А эта бабушка, она, повѣрь, пожалуйста, больше сдѣлала тебѣ зла, нежели добра — я мои слова готовъ повторить при самомъ императорѣ...

Юрій.— По крайней мѣрѣ, она желала дѣлать добро.

Василій Мих. (*съ коварной улыбкой*).— Мы знаемъ желаніе этой злодѣйки.

Юрій. — Еще пытка... скоро ль вы насытитесь?.. Но говорите, пускай ударъ будетъ ужасенъ, но вдругъ; пускай вся мѣра зла, яда подземнаго прольется въ мою грудь... но только вдругъ — это все легче, нежели съ нестерпимой ѣдкой болью день за днемъ отщипывать кусокъ моего сердца... Говорите! я твердъ. Не бойтесь, видите!.. (*дико*) видите!. Ха! ха! ха! Видите, какъ я веселъ, равнодушенъ, холоденъ, точно какъ вы... (*съ сильнымъ движеніемъ, хватая его за руку*) только чуръ говорить правду...

Василій Мих. — Вотъ тебѣ Христосъ (*крестится*), я начну разсказывать съ начала всего дѣла, чтобъ совершенно изобличить хитрую старуху и ея помощниковъ, этихъ сестрицъ, и братцевъ, и служанокъ.. За мѣсяцъ передъ смертью твоей матери [еще тебѣ было три года], когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марѳу Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее предъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михалыча, какъ родного сына; она говорила ей: «Маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу — замѣните ему меня. Я чувствую, что умираю». Тутъ слова ея пересѣкались, она смотрѣла на тебя; молчаливый живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать насчетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ она вытребовала обѣщаніе старухи... и скоро уснула вѣчнымъ сномъ. Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же, какъ и отецъ твой; весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Иванычъ и повелъ твоего отца для разсѣянія погулять, и говоритъ ему, что Марѳа Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать эту жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ со мною. Вотъ какъ все это началось... — Чрезъ три мѣсяца Николай Михалычъ пріѣзжаетъ сюда, чтобъ тебя видѣть — пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя — говорятъ нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню. Братъ сдѣлался боленъ, душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь наконецъ.. и что же? Она охладѣла совсѣмъ къ нему. Имѣніе, которое Марѳа Ивановна ему подарила при жизни дочери и для котораго онъ не хотѣлъ сдѣлать акта, полагаясь на честное слово, оказалось совсѣмъ уже не въ его распоряженіи. Онъ уѣзжаетъ и черезъ полгода снова здѣсь является.

Юрій.— Я предчувствую ужасную исторію, стыдъ всему человѣчеству... Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только... помните уговоръ.

Василій Мих. — Помилуй!... Да будь я анаѳема проклятъ, если хоть слово солгу! Слушай дальше. Когда должно твоему отцу пріѣхать, здѣшнія подлыя сосѣдки получили, посредствомъ ханжества, довѣренность Марѳы Ивановны, сказали ей, что онъ пріѣхалъ отнять тебя у нея... и она повѣрила... Доходятъ же люди до такого сумасшествія!

Юрій.— Отецъ... хотѣлъ отнять сына... отнять... развѣ онъ не имѣлъ полнаго права надо мной, развѣ я не его собственность... Но нѣтъ, я вамъ снова говорю. вы смѣетесь надо мною...

Василій Мих. — Доказательство въ истинѣ моего разсказа есть то, что бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ Павлу Иванычу, и онъ на другой день пріѣзда брата прискакалъ... Николай Михалычъ сталъ ему говорить, что слово не сдержано; что его отчуждаютъ отъ имѣнія, что онъ здѣсь насчетъ сына какъ посторонній, что это ни на что не похоже... Но этотъ езуитъ снова уговорилъ его *легко*, потому что отецъ твой благородный человѣкъ и судитъ всѣхъ по добротѣ души своей. И передъ отъѣздомъ братъ согласился оставить тебя у бабушки до 16 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы насчетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ — но второе обѣщаніе такъ же дурно сдержано было, какъ первое...

Юрій.—И это все? не правда ли?

Василій Мих.—Нѣтъ, это еще половина.

Юрій.—Ахъ, зачѣмъ не все... (*Молчаніе.*) Скорѣй продолжайте, пощади меня, пощади, Царь Небесный...

Василій Мих. — Марѳа Ивановна то же лѣто поѣхала въ губернскій городъ и сдѣлала актъ. Какой актъ? Самъ адъ вдохнулъ въ нее эту мысль: она уничтожила честное слово, почла отца, отца твоего за ничто, и вотъ короткое содержаніе: «Если я умру, то братъ П. И. опекуномъ имѣнію, если сей умретъ, то другой братъ, а если сей умретъ, то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалычъ возьметъ сына своего къ себѣ, то я лишаю его наслѣдства навсегда». Вотъ почему ты здѣсь живешь; благородный отецъ твой не хотѣлъ дѣлать исторій, писать государю и лишить тебя состоянія... Но онъ надѣялся, что ты ему заплатишь за эту жертву...

Юрій (*послѣ минуты молчанія, когда онъ стоялъ, какъ убитый громомъ*). — Чтобы ей подавиться ненавистнымъ имѣніемъ!.. О!.. теперь все ясно... Люди, люди... люди!.. Зачѣмъ я не могу любить васъ, какъ бывало... Я узналъ тебя, ненависть, жажда мщенія... мщенія... Ха! ха! ха!.. Какъ это сладко, какой нектаръ земной!..

Василій Мих. — А непріятности, послѣдовавшія, очень натуральны... Къ тому жъ старуха любитъ, чтобы ей никто не противорѣчилъ, и эти окружающіе... эта повѣренная Дарья—преопасная змѣя...

Юрій.—Довольно! прошу васъ, не продолжайте, остальное мнѣ все извѣстно...

Василій Мих. — Нѣтъ, мой другъ, еще... еще...

Юрій. — Я больше не желаю знать... вы разсказали такъ прекрасно, какъ пріятна ваша повѣсть... (*Впадаетъ въ задумчивость.*)

Василій Мих. (*въ сторону, съ улыбкой*). — Мое дѣло кончено, и все пришло въ порядокъ, я не буду сказывать обо всемъ брату... Онъ такой... онъ не любитъ подобныхъ штукъ... (*Смѣется.*) какъ онъ горячился, бѣдненькій...

Юрій (*между тѣмъ взглянувъ на Василія Михайловича*).— Вамъ смѣшно мое страданіе... не правда ли?..

Василій Мих. — Нѣтъ!.. помилуй... что ты?

Юрій (*въ сторону*). — Нѣтъ... нѣтъ... какое ледяное слово... А... онъ, это видно, онъ изъ любви мнѣ открылъ злодѣйство... Такъ всегда со мною дѣлали... изъ привязанности я былъ обманутъ когда-то дружбой... О, тщетныя увѣренія... нынче... (*Къ дядѣ.*) Оставьте меня, прошу васъ: мнѣ надо побыть одному... я весь въ огнѣ, мнѣ надо отдохнуть...

Василій Мих.— Хорошо, другъ мой... до свиданья. (*Уходитъ, потирая руки.*) А мое дѣло сдѣлано, слава Богу... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Юрій.—Какъ я разстроенъ, какъ я боленъ... Желчь поднялась въ голову... Грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... Отъ избытка чувствованій я лишился чувствъ... Но отдохнемъ... я увижу ее, утѣшителя-ангела: она мнѣ возвратитъ на минуту потерянное спокойствіе... Пойду, пойду... (*Закрывъ лицо руками, уходитъ въ галлерею медленными шагами.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входитъ Марѳа Ивановна, за ней Дарья и подаетъ ей стулъ. Она садится.

Марѳа Ивановна.— Каковы неучи!.. въ моемъ домѣ мнѣ грубить — ну, можно ли послѣ этого имъ хоть день здѣсь остаться... Вонъ ихъ, вонъ ихъ!..

Дарья.—Ваша правда, сударыня... такія безпокойства... Полно, смотрите на себя, вѣдь лица нѣтъ... Не угодно ли капель гофманскихъ...

Марѳа Ивановна.--На что, на что... лучше позови ко мнѣ Юрьюшку...

Дарья.—Сейчасъ. (*Уходитъ*).

Марѳа Ивановна. — Ну, можетъ ли какая-нибудь холопка болѣе быть привязана къ своей госпожѣ, какъ моя вѣрная Дашка... (*Молчаніе.*) Ну, вотъ, однакожъ, я скоро отдѣлаюсь отъ этихъ Волиныхъ-братцевъ... однако и Юрьюшка уѣдетъ и оставитъ меня одну... видно, такъ на небесахъ написано... Я буду безъ него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свѣчу передъ Богоматерью, поѣду въ Кіевъ... а онъ ко мнѣ будетъ писать. (*Кашляетъ.*) Какой же у меня кашель отъ нынѣшняго крику... То-то и есть, что надо слушаться Евангелія и святыхъ книгъ: недаромъ въ нихъ говорятъ, что не надо сердиться... и нельзя. Вотъ какъ начнутъ спорить младшіе себя, сердце и схватитъ; то-то нынѣшній вѣкъ зятья зазнаются, внуки умничаютъ, молодежь никого не слушается

Не такъ было въ наше время... бывало какъ меня свекровь тузила... а все молчу, и вымолчалась!.. Какъ умерла моя свекровушка и оставила мнѣ денегъ рублей 30.000, да серебра, да золота... а нынче все наше русское богатство, все золото прадѣдовъ идетъ не на образа, а къ басурманамъ французамъ. (*Молчанiе*). Какъ посмотришь, посмотришь на нынѣшнiй свѣтъ... такъ и вздрогнешь: дѣвушки съ мужчинами въ однѣхъ комнатахъ сидятъ, говорятъ — индо мнѣ, старухѣ, за нихъ стыдно... Ахъ, а прежде, какъ съѣдутся, бывало, такъ и разсядутся по сторонамъ, чинно и скромно... Эхъ, вѣкъ-то вѣкъ!.. перемѣнились русскiе... (*Смотритъ назадъ въ галлерею.*) Да вотъ и Юрьюшка идетъ.

ЯВЛЕНIЕ V.

Юрiй мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за нимъ Дарья.

Юрiй (*блѣдный, разстроенный, съ неудовольствiемъ, несмотря на Марѳу Ивановну*). — Вы меня изволили спрашивать?

Марѳа Ивановна. — Да, мой другъ! Я давно желала говорить съ тобой... да какъ-то это рѣдко мнѣ удавалось.

Юрiй (*холодно*). — Мнѣ самому очень жалко...

Марѳа Ивановна. — Ты все съ отцомъ да съ дядей, ко мнѣ и не заглянешь... Видно, я ужъ стара стала и глупа что ли? брежу, не такъ ли?..

Юрiй. — Я отъ самой колыбели такъ мало былъ съ отцомъ, что вы мнѣ передъ отъѣздомъ позволите съ нимъ поговорить... по крайней мѣрѣ, я такъ думаю...

Марѳа Ивановна.—Кто жъ тебѣ запрещаетъ... Однакожъ я бы хотѣла тебѣ сказать и спросить у тебя что-нибуль важное...

Юрiй.—Я буду слушать. (*Дарьѣ.*) Ступай вонъ...

Марѳа Ивановна. — Зачѣмъ... она можетъ слышать...

Юрiй. — Мнѣ совсѣмъ не нравятся такiе свидѣтели... прошу васъ выслать ее... (*Марѳа Ивановна даетъ знакъ, и она уходитъ*).

Марѳа Ивановна. — Знаешь ли, что твой отецъ наговорилъ мнѣ тьму грубостей, и мы поссорились, и онъ ѣдетъ завтра отсюда?

Юрiй.—Знаю-съ... но что жъ тутъ до меня касается... Я самъ ѣду съ нимъ, если такъ...

Марѳа Ивановна.—Ты... съ нимъ... ѣдешь... ты съ ума сошелъ. Я тебя... не пущу.

Юрiй.—Вы меня не пустите? Вы? Да что вы между отцомъ и сыномъ? Развѣ я тотъ же ребенокъ, который равнодушно глядѣлъ на ваши поступки? Или не знаете: между отцомъ и сыномъ одинъ Богъ... и вы осмѣлились взять это мѣсто...

Марѳа Ивановна.—Такъ вотъ плоды моего воспитанiя! вотъ нынѣшняя благодарность!.. И на что я дожила до сего времени. Юрiй хочетъ меня оставить: въ заплату всѣмъ моимъ благодѣянiямъ... и никто не закроетъ мнѣ глаза нѣжною рукой!..

Юрiй.—А ваша Дарья?..

Марѳа Ивановна. — И ты смѣешь, неблагодарный! почему ты знаешь?

Юрiй (*въ сторону*).— Вотъ совѣсть? Я только назвалъ, а она все отгадала.

Марѳа Ивановна. — Говори, злодѣй, не я ли тебя воскормила и образовала...

Юрiй. — Много мукъ, много безсонницъ стало мнѣ ваше образованiе... Вы хотѣли поселить во мнѣ ненависть къ отцу, вы отравили его жизнь... вы... но довольно; вы сами знаете свои поступки— и вините себя!..

Марѳа Ивановна. — Такъ ты точно меня оставляешь для отца, злодѣя, негодяя, котораго я ненавижу, и который за меня поплатится... Для него, неблагодарный?..

Юрiй.— Теперь я вамъ ничѣмъ больше не обязанъ... о!.. эти слова заплатили за все... за все... простите...

Марѳа Ивановна (*пораженная, сидитъ безмолвно на креслахъ и въ ужасномъ смущенiи*). Онъ все знаетъ!.. (*Занавѣсъ опускается.*)

Конецъ третьяго дѣйствiя.

ДѢЙСТВIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марѳа Ивановна и Дарья; первая — на большихъ креслахъ въ своей комнатѣ.

ЯВЛЕНIЕ I.

Марѳа Ивановна.— Дай капель гофманскихъ, Дашка.

Дарья.—Сейчасъ, матушка. Что это съ вами дѣлается?..

Марѳа Ивановна. — Меня Юрiй покидаетъ... меня, которая его воспитала.

Дарья (*притворно*). — Во всемъ, матушка, воля Божія видна. Стало, вамъ такъ на роду было написано, горе мыкать въ старости — ужъ я, сударыня, надъ вами нынче плакала, индо глаза красны.

Мареа Ивановна. — Онъ меня покидаетъ, оставляетъ, какъ подлую нищенку на большой дорогѣ. Вѣрно, это злодѣи, отецъ да дядя, его научили...

Дарья. — Вѣстимо, сударыня, они; да и кому жъ, кромѣ нихъ.

Мареа Ивановна. — Какъ будто не знаютъ, что я его за это лишу имѣнія; ужъ не достанется Юрію ни гроша, хоть провались деньги мои.

Дарья. — Ахъ, Мареа Ивановна! есть у насъ поговорка: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

Мареа Ивановна.— Юрій меня для нихъ покидаетъ, кто жъ утѣшитъ мою старость? (*Закрыватъ лицо платкомъ и рыдаетъ*).

Дарья.—Что это вы, сударыня, себя убиваете... успокойтесь, матушка. (*Въ сторону.*) Теперь я могу сдѣлать славную штуку — заставя ее поссориться съ зятемъ и внукомъ, сама ихъ межъ собой перессорю, да послѣ, если это откроется, свалю на нее... а отнявъ имѣніе у Юрія Николаича, вѣрно, барыня мнѣ дастъ много денегъ; куда жъ ей ихъ дѣвать? Сама не издержитъ. (*Къ ней.*) Не угодно ли лечь?..

Мареа Ивановна.—О! я никогда на тебя не роптала, Боже мой! а теперь не могу...

Дарья. — И то сказать правду, какъ вы ни старались переманить его къ себѣ, а все понапрасну: ужъ не вы ли его ссорили съ отцомъ, не вы ли наговаривали, не вы ли имѣніемъ прельщали Николая Михалыча, если онъ оставитъ сына у васъ—нѣтъ-таки—не удержали молодого барина.

Мареа Ивановна.—А не ты ли мнѣ все это совѣтовала, не по твоимъ ли словамъ я поступала?.. Право, если бы мы не хитрили, гораздо бы лучше шли всѣ дѣла мои... Ты, дьяволъ, мнѣ жужжала поминутно про эти адскія средства, ты... ты хотѣла моей печали и раздора семейственнаго.

Дарья (*кланяясь*). — Власть ваша... а мое дѣло холопское, могу ли вамъ совѣтовать? Если вы послушаете моихъ глупыхъ рѣчей, такъ это вашей же милости?.. Да и какая же мнѣ прибыль ваше горе... вотъ хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу — развѣ мнѣ легко по ночамъ-то не спать, сударыня... Нѣтъ-съ, мы, вся дворня, только и молимъ Господа объ вашемъ спокойствіи, только и блюдемъ, что ваше здоровье... (*Молчаніе.*)

Мареа Ивановна. — Не знаешь ли, какое въ моемъ положеніи средство осталось? Какъ помочь?..

Дарья (*подумавъ*). — Средствъ много... да врядъ ли одно изъ нихъ вашей милости понравится...

Мареа Ивановна.—Нужды нѣтъ, говори все смѣло.

Дарья. — Просить прощенья у Николай Михалыча и уговорить, чтобы онъ остался, такъ же какъ и Юрія Николаича, а послѣ второго можно какъ-нибудь и совсѣмъ оставить, притворясь больной... Тогда онъ ужъ не поѣдетъ въ нѣмечину.

Мареа Ивановна. — Охъ, нѣтъ, это не удастся... они намъ ужъ не повѣрятъ... да къ тому жъ мнѣ просить прощенье у зятя? Мнѣ? Я развѣ дѣвчонка передъ нимъ; ни за что, ни за что въ свѣтѣ. (*Молчаніе.*) Нѣтъ ли другого способа?..

Дарья.—Насильно удержать.

Мареа Ивановна. — Нельзя; за это отвѣтишь...

Дарья (*кинувъ пронзительный взглядъ*). Клевета!

Мареа Ивановна.—Клевета? Что это! Клевета? Какъ, объясни...

Дарья.—Это, сударыня, послѣднее средство.

Мареа Ивановна. — Говори же скорѣй...

Дарья. — Надобно, думаю такъ, поссорить Юрія Николаича съ батюшкой его, тогда онъ поневолѣ къ вамъ оборотится, вы же приласкайте его... Говорится, что если человѣкъ тонетъ, такъ готовъ за плывущую траву ухватиться. Тутъ же, какъ молодой баринъ будетъ въ отчаяньи, можно у него выманить честное слово — а на его слово и подозрительный жидъ радъ будетъ положиться — нечего сказать!..

Мареа Ивановна (*въ смущеніи*).— Полно, полно — да какъ намъ поссорить ихъ?.. Гдѣ средство?

Дарья.—Я сказала ужъ, сударыня: клевета.

Мареа Ивановна. — Да какъ это?..

Дарья.—Надо довести до ушей Николай Михалыча, будто бы Юрій Николаичъ вамъ говоритъ одно, а ему другое - вотъ

и дѣло съ концомъ-съ — другого средства наврядъ кто найдетъ...

Мароа Ивановна. — Я тебѣ это дѣло препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!..

Дарья (*подумавъ*). — Вотъ что мнѣ кажется, Мароа Ивановна: мы этакъ ихъ перессорить-то перессоримъ, а Юрій Николаичъ все васъ покинетъ.

Мароа Ивановна. — Какъ?.. Отчего?.. стало-быть, этотъ способъ не годится.

Дарья (*въ сторону*). — Рѣшительная минута. (*Ей.*) Другого средства нѣтъ.

Мароа Ивановна. — Мнѣ надо непремѣнно Юрьюшку въ руки... я безъ него жить не могу.

Дарья. — Право, это вамъ такъ только кажется-съ...

Мароа Ивановна. — И ты противъ меня.

Дарья. — Какъ можно, сударыня, а я говорю, что намъ не удастся перехитрить Волиныхъ... а если удастся, такъ что пользы: молодой баринъ васъ не успокоитъ больше... ужъ кончено... только васъ же станетъ укорять, вамъ же безпокойства...

Мароа Ивановна. — Я хочу...

Дарья. — Какъ угодно, матушка, я готова на всѣ ваши приказанія.

Мароа Ивановна (*въ сторону*). — Однакожъ она правду говоритъ — внукъ все знаетъ, такъ мнѣ только на совѣсть свинецъ, если онъ будетъ жить въ моемъ домѣ да укорять меня — Богъ съ нимъ. (*Дарьѣ.*) Ну, я съ тобой соглашаюсь, видно, мнѣ суждено промыкать старость сиротой — весело зато прежде живала. Однакожъ мнѣ хочется имъ отомстить!

Дарья (*въ сторону*). — Подѣйствовало. (*Ей.*) Да мое для мщенья лучшее средство. Ужъ наказанья Юрію Николаичу лучше не будетъ — у него негдѣ будетъ головы преклонить, какъ развѣ на улицѣ... Да Николай Михалычу будетъ жутко... много крови у нихъ обоихъ попортится...

Мароа Ивановна. — Я хочу видѣть ихъ мученья... месть... месть!.. Злодѣи, прости, Боже, мое согрѣшенье... Не въ силахъ... мать Богородица и святые угодники, простите мнѣ... Поѣду въ Кіевъ, половину имѣнія отдамъ въ церковь, всякое воскресенье 10-фунтовую свѣчу передъ каждымъ образомъ поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мнѣ!.. (*Въ разслабленьи.*) Капель... Дашка! — дурно!..

Дарья (*подаетъ*). — Такъ я нынче же начну дѣло... Только, сударыня, не безпокойтесь, не огорчайтесь, весь домъ на васъ не наплачется...

Мароа Ивановна. — Какъ не огорчаться...

Дарья. — Ваша воля будетъ исполнена, матушка...

Мароа Ивановна. — Моя воля... ахъ!.. послушай... ты такъ поступай, чтобы никто не зналъ...

Дарья. — Слушаю-съ... ужъ я...

Мароа Ивановна. — То-то же!.. Отведи меня на постель. (*Дарья ее доводитъ до двери.*) Да, послушай — поди возьми шкатулку... а я ужъ сама дойду съ палкой. (*Уходитъ*).

Дарья (*беретъ шкатулку вернувшись*). — Ха! ха!.. теперь рыбки попляшутъ на сковородкѣ... Эта старуха вертится по моему хотѣнью, какъ солдатъ по барабану... я теперь вижу золотые, серебряные... Ха! ха! ха! Въ рукѣ моей звенятъ кошельки... безъ нихъ вѣдь я буду хозяйкой здѣсь... барыня-то слаба: то-то любо!.. Не дай Богъ, однакожъ, чтобъ умерла... При ней-то мнѣ тепло, а тогда... придетъ дѣло плохое за всѣ мои козни, особливо, если онѣ откроются... Мнѣ скажутъ, грѣхъ тяжкій эти сплетни, Богъ накажетъ... какъ бы не такъ... я слыхала отъ господъ старыхъ, что если на исповѣди все скажешь попу, да положишь десять поклоновъ земныхъ — и дѣло кончено, за цѣлый годъ поправа. Да и что за грѣхъ штука теперешняя, я не понимаю: поссорить отца съ сыномъ — не убить, не обокрасть... помирятся вѣдь... Экая важность поссорить отца съ сыномъ... Ха! ха! ха! (*Хочетъ итти въ комнату госпожи съ ларчикомъ, но на пути останавливается.*) Да! я позабыла подумать, какъ распустить мои ложныя вѣсти... (*Подумавъ.*) Всего лучше чрезъ людей Василія Михалыча; какъ ненарочно — а онъ, узнавъ, не помѣшкаетъ объявить пріятную вѣсточку братцу своему. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Садъ. День. Декорація послѣдней сцены 2-го дѣйствія. Юрій входитъ... разстроенный видъ.

Юрій. — Дурно кончаются мои дни въ этой деревнѣ... послѣдніе дни. Какія сцены ужасныя... Мое положеніе ужасное — какъ воспоминаніе безъ надеждъ... Черезъ день мы ѣдемъ... Но куда: отецъ

мой имѣетъ едва довольно состоянія, чтобъ содержать себя... и я ему буду въ тягость... въ тягость... О! какую я сдѣлалъ глупость... но тутъ нѣтъ поправки... нѣтъ дороги, которая бы вывела изъ сего лабиринта. (*Молчаніе.*) Что я говорю?... Нѣтъ, моему отцу я не буду въ тягость... лучше ѣсть сухой хлѣбъ и пить простую воду въ кругу людей любезныхъ сердцу, нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно... это адское дѣло... (*Слышенъ разговоръ.*) Но кто идетъ въ аллеѣ... двѣ тѣни... Заруцкій... его мундиръ... а это... Элиза... нѣтъ, нѣтъ... это Любовь... Отчего сердце мое такъ молоткомъ и бьется, будто бы хочетъ выскочить? Что все это значитъ?.. Опять искушенье—опять. (*Прячется. Межъ тѣмъ Любовь и Заруцкій входятъ въ полномъ разговорѣ и останавливаются такъ, что ему нельзя слышать словъ, но можно видѣть, не будучи примѣчену.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Заруцкій. — Умоляю васъ, сдѣлайте меня счастливымъ: вы не знаете, какъ горячо мое сердце пылаетъ, если вы никогда не любили, но если когда-нибудь Купидонъ заглядывалъ въ ваше сердце... то судите по себѣ... Во имя того юноши, который милъ вамъ, заклинаю васъ, приведите ее сюда...

Любовь. — Вы слишкомъ дерзки, сударь... Почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь... Поймали меня въ саду нечаянно... и не даете мнѣ покоя. Думаете: я не могу осрамить васъ, велѣть прогнать или пожаловаться папенькѣ... другая бы этого не сдѣлала и то для того, что вы пріятель Юрія Николаича.

Заруцкій (*въ сторону.*) — Хорошо! (*Ей.*) Именемъ его заклинаю васъ (*становится на колѣни*), заклинаю васъ, выведите Элизу... Вы будете тутъ...

Юрій (*за деревомъ*). — И она можетъ терпѣть это... Злой духъ испортилъ ея сердце... О! (*Стонетъ; Заруцкій беретъ ея руку.*) Довольно!.. пистолеты будутъ готовы въ минуту... и (*съ дикой радостью*) онъ мнѣ поплатится своимъ мозгомъ. (*Уходитъ.*)

Любовь (*въ сторону.*) — Если бы онъ не былъ таковъ, какъ Юрій, могъ ли бы онъ быть его другомъ: а онъ меня сдѣлалъ такой счастливой; зачѣмъ же завидовать сестрѣ. (*Ему.*) Дайте мнѣ вторично слово: во зло не употребить снисхожденія Элизы.

Заруцкій. — Клянусь.

Любовь. — Я не нуждаюсь въ вашихъ клятвахъ, дайте мнѣ только честное слово; но я не хочу насильно его у васъ вырвать; пускай это будетъ добровольно.

Заруцкій (*вставая*). — Мое гусарское слово.

Любовь. — Точно? Ну, я согласна, только чуръ: помнить уговоръ. (*Убѣгаетъ.*)

Заруцкій. — Ну, вотъ и мои дѣла приходятъ къ окончанію — это славно. Что за важность, если я измѣню своему слову. Женщины такъ часто насъ обманываютъ, что и не грѣшно иногда имъ отплатить тою же монетою. (*Закручивая усы.*) Элиза эта преинтересная штука, хотя немного кокетится—да это ничего. Первое свиданье при свидѣтеляхъ, а второе tête à tête можно отважиться,—а если нѣтъ; ну, такъ можно жениться — впрочемъ, мнѣ этого не очень хочется. Гусарское житье, говорятъ, повеселѣе.

(*Юрій быстро входитъ съ пистолетами.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Юрій. — Господинъ офицеръ...

Заруцкій. — Мой другъ!..

Юрій. — Такъ вы меня называли прежде.

Заруцкій. — И теперь надѣюсь.

Юрій (*подаетъ ему пистолетъ*). — Вотъ наша дружба.

Заруцкій. — Какъ?.. Что это значитъ?

Юрій (*отвернувшись*). — Берите.

Заруцкій. — Я не хочу! Растолкуй мнѣ, за что и на что?.. Я не возьму... можетъ-быть, ошибка... и за это, чортъ возьми... я не стану съ другомъ стрѣляться.

Юрій (*съ горькимъ тономъ*). — Трусъ...

Заруцкій. — Ты, братъ, съ ума сошелъ или шутишь. (*Отталкиваетъ подаваемые пистолеты.*)

Юрій (*въ сторону*). — Если онъ меня убьетъ, она ему не достанется; если я его убью... о, мщенье!.. она ему никогда не достанется, ни ему ни мнѣ... Пусть такъ... Теперь я понимаю, отчего онъ не хочетъ стрѣляться — онъ не хочетъ ея лишиться... Какъ желалъ бы я быть на его мѣстѣ. Смерть ему, похитителю послѣдняго моего сокровища, послѣдняго счастья души моей... Смерть и проклятье!.. (*Ему.*) Трусъ, слабодушный ребенокъ... Не тебѣ быть гусаромъ, ты способенъ стоять на колѣнкахъ

предъ женщинами... Ха! ха! ха! Стыдись, мямля, бери-ка пистолетъ.

Заруцкій (*подходя*). — Такъ Юрій въ самомъ дѣлѣ не шутитъ?

Юрій (*показывая на оружіе*). — Моя послѣдняя шутка здѣсь... (*Кидаетъ одинъ пистолетъ на землю.*)

Заруцкій. — О! это много для шутки. (*Поднимаетъ пистолетъ.*) Мы стрѣляемся здѣсь!..

Юрій. — Въ самомъ дѣлѣ?.. Небо или адъ мнѣ послало это блаженство? Благодарю тебя, мой помощникъ...

Заруцкій. — Только ты мнѣ долженъ объяснить...

Юрій.— Дай честное слово, что будешь стрѣляться.

Заруцкій. — Вотъ оно!..

Юрій. — Ты похитилъ у меня ея сердце, сердце той... что была сейчасъ здѣсь... Да! этого, кажется, довольно... слишкомъ для меня довольно...

Заруцкій. — Я очень радъ, что это такъ, ибо ты ошибаешься... Выслушай только...

Юрій.— Я не слушаю... Я не вѣрю ничему больше на свѣтѣ, этотъ мигъ перемѣнилъ мое существованье...

Заруцкій. — Да я не стану безъ того стрѣляться.

Юрій (*съ дикой радостью*). — А твое честное слово...

Заруцкій (*въ сторону*). — Проклятое честное слово...

Юрій. — Стрѣляй!

Заруцкій. — Я готовъ. (*Про себя.*) Выстрѣлю на воздухъ.

Юрій (*въ сторону*).—Можетъ-быть, онъ еще не виновенъ, можетъ-быть, она меня обманула... Развѣ онъ не имѣлъ права ее любить, если былъ любимъ... Однакожъ это требуетъ крови, крови... Пускай моя кровь прольется... (*Беретъ его за руку.*) Будемъ стрѣляться друзьями...

Заруцкій.—Что это? Откуда эта перемѣна?

Юрій. — Позволь мнѣ умереть твоимъ другомъ.

Заруцкій. — Къ чему жъ стрѣляться?

Юрій. — Ахъ!.. я хочу умереть или тебя убить; тайна тяготитъ мое сердце... короче, я долженъ съ тобою стрѣляться...

Заруцкій. — Но какая тайна?

Юрій.—О, нѣтъ! не испытывай меня... не принимай участія, его не должно для меня существовать... не срывай покрова съ души, гдѣ весь адъ, все бѣшенство страстей... Позволь лучше, позволь мнѣ тебя обнять въ послѣдній разъ. (*Обнимаетъ; поднявшись.*) Такъ все кончено... Я сдѣлалъ должное... Послѣдняя слеза всѣхъ моихъ слезъ, свинцовая слеза моихъ страданій упала ему на грудь... Ее, можетъ-быть, пробьетъ мой свинецъ; что жъ... онъ будетъ тогда счастливѣй меня. (*Къ нему.*) Добрая ночь, другъ... а попы намъ отпоютъ вѣчную память. (*Становятся.*)

Заруцкій (*наводитъ пистолетъ*).— Разъ... два...

Юрій. — Постой...

Заруцкій.— На что:

Юрій. — Ты долженъ мнѣ клясться, что если я буду убитъ... то ты больше ее ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкій... Заруцкій!.. Не забудь, что мы еще друзьями... Ты долженъ отомстить меня — я для тебя все сдѣлалъ, что нужно. У меня въ карманѣ бумага, гдѣ написано, что я самъ застрѣлился... А ты бѣги! бѣги!.. Совѣсть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкій. — Твой умъ разстроенъ: ты не знаешь, про кого говоришь...

Юрій.— Не говори, не оправдывай ее: она черна, какъ сажа... Не эта ли дѣвушка клялась въ любви на груди моей, не здѣсь ли хранится ея клятва?.. Я преклонилъ мои колѣни, какъ передъ ангеломъ, ангеломъ невинности.—Боже Всемогущій, прости, что я оклеветалъ Твое чистѣйшее творенье...

Заруцкій. — Коли дѣло дѣлать, такъ скорѣй; намъ могутъ помѣшать...

Юрій (*въ задумчивости*). — Какой адскій духъ толкнулъ меня за это дерево... Зачѣмъ я долженъ былъ увидѣть обманъ, мнѣ приготовленный; зачѣмъ, выпивая чашу яда, мнѣ должно было узнать о томъ въ ту минуту, когда напитокъ уже на языкѣ моемъ... Можетъ-быть, безъ этого я бы скоро ее разлюбилъ или провелъ мѣсяцы наслажденья спокойнаго на груди измѣнницы... Но теперь, теперь, когда я самъ видѣлъ... теперь... змѣя ревности клубится въ груди моей... ненависть пожираетъ мою душу... я долженъ отомстить за оскорбленное мое сердце...

Заруцкій. — Волинъ! готовься...

Юрій (*не слышитъ*).—Ужели это была необходимость, ужели судьбѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ — терзать меня... Она знаетъ, что человѣкъ слабѣе ея. Ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенникъ однихъ высокихъ чувствъ, окаменѣй подобно ея сердцу... Пускай въ тебѣ дымится мщенье!.

О! для чего въ первыя минуты любви закрыты отъ насъ муки ревности?.. Но онъ, онъ... мой другъ... ахъ! зачѣмъ? Я раздробилъ его черепъ... Теперь я долженъ умереть... И что для меня жизнь? Что снова блеснетъ разочарованной душѣ двадцатилѣтняго старика? (*Подумавъ.*) Такъ; я старъ... довольно жить!..

Заруцкій (*бьетъ его по плечу*).— Теперь не время размышлять... Или ты боишься?..

Юрій (*какъ отъ сна*).—Я готовъ! (*Оборачивается и открываетъ лобъ.*) Дай я буду считать... Когда скажу три: спускай... Разъ—два (*останавливается*)— не могу... Чудо! сердце охладѣло... Слова не льются... Но я возьму верхъ. (*Слышенъ крикъ. Вбѣгаетъ Любовь.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Любовь (*подбѣжавъ къ Юрію, видитъ пистолетъ*).—Ахъ!.. что это такое?..

Юрій (*отходя прочь*). — Ничего...

Любовь (*къ Заруцкому*).—Ради неба!.. что это значитъ? (*Молчаніе.*) Даже вы не хотите мнѣ сказать... (*Къ Юрію.*) Зачѣмъ эти пистолеты!.. и стволъ къ тебѣ...

Юрій (*язвительно*). — Спроси у него... у этого гусара въ золотомъ ментикѣ и съ длинными усами; онъ и теперь лучше удовлетворитъ твоему желанію, чѣмъ я.

Любовь (*съ нѣжнымъ укоромъ*). — Юрій!.. зачѣмъ такой холодный тонъ... Какъ ты скоро перемѣнился...

Юрій (*въ сторону*). — О непостижимое женское притворство. (*Ей.*) Оставьте меня... я сказалъ вамъ, спросите у Заруцкаго!..

Заруцкій (*подходитъ къ Юрію*).— Намъ помѣшали—итакъ, до завтрашняго... (*Уходитъ.*)

Юрій.—Какъ знать, что будетъ завтра... Можетъ-быть, я буду счастливъ, можетъ-быть, я буду лежать на столѣ... (*Любови.*) Что вы не пошли за нимъ, онъ васъ любитъ больше меня...

Любовь. — Какая холодность!... но мы теперь одни, растолкуй мнѣ эту тайну, умоляю тебя Самимъ Богомъ...

Юрій.— Не Имъ ли ты клялась любить меня...

Любовь. — Я сдержала мою клятву.

Юрій.—Я и позабылъ, что она не клялась любить меня одного... быть-можетъ, она права, кто знаетъ женское сердце... говорятъ, оно способно любить многихъ вдругъ...

Любовь (*съ грустью*). — О, какъ ты несправедливъ...

Юрій. — Противъ тебя? Я несправедливъ? И ты можешь такъ равнодушно говорить; какъ будто... О, трепещи, если я докажу тебѣ.

Любовь. — Чего мнѣ бояться? Совѣсть моя чиста...

Юрій.—Ея совѣсть? Адъ и проклятье... Я тебя любилъ безъ всякой цѣли, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я былъ готовъ отдать душу; за одинъ твой веселый часъ я заплатилъ бы цѣлыми годами блаженства... и ты... мнѣ измѣнила!..

Любовь.— Какъ? такая клевета, ужасное подозрѣнье вышло изъ твоего сердца?.. Не вѣрю! ты хотѣлъ испугать меня... (*беретъ его за руку*) ты шутишь... о скажи: ты шутишь? Юрій, перестань, я не... вынесу... этого...

Юрій (*въ бѣшенствѣ*).—И ты не стыдишься передъ этими деревами, передъ цвѣтами, растущими вокругъ, передъ этимъ голубымъ сводомъ, которые были свидѣтелями нашихъ взаимныхъ обѣщаній... Посмотрите, дерева, съ какой адской улыбкой, притворной невинностью, она стоитъ между вами, недвижна, какъ жена Лотова... Взгляни и ты, дѣвушка, на нихъ; они качаютъ головами, укоряютъ тебя... смѣются надъ тобой... Нѣтъ, надо мной они хохочутъ... Слышишь, говорятъ: безумецъ, какъ могъ ты повѣрить женщинѣ?.. Клятвы ея на пескѣ, вѣрность... на воздухѣ... Бѣги, бѣги, уже зараза смертельная въ крови твоей... Бѣги далеко изъ родины... гдѣ для тебя ничего больше нѣтъ... Бѣги туда, гдѣ нѣтъ женщинъ... Гдѣ жъ этотъ край благословенный?.. Пущусь искать его... Стану бродить по свѣту, пока найду и погибну... Гдѣ?.. Лишь бы дальше отъ нея... а то мнѣ все равно! Простите, мѣста моего дѣтства, прости, любовь, надежда, мечты дѣтскія... все свершилось для меня. (*Хочетъ бѣжать. Любовь, какъ пробудившись, вдругъ останавливаетъ его.*)

Любовь. — Остановись, на минуту!.. Не погуби невинную дѣвушку. (*Жалобно.*) Слушай, жестокій другъ: клянусь, въ первый разъ, клянусь всѣмъ страшнымъ для меня, что я тебя одного любила и люблю... чего тебѣ еще больше, неужели и эти слова тебя не увѣряютъ? Юрій... отвѣчай мнѣ ласково, иначе ты убьешь меня. (*Сильнѣе прижимаетъ къ себѣ его руку.*)

Юрій (*почти не слыхавъ ея словъ*).— Какой сильный духъ остановилъ меня? Отчего я еще здѣсь... моя голова пылаетъ, мысли мѣшаются... (*Старается вырваться.*) Пусти... пусти...

Любовь. — Юрій! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тѣхъ поръ смерть не оторветъ меня отъ ногъ твоихъ; я обниму колѣни; если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мнѣ тебѣ все объяснить!..

Юрій (*холодно*). — Вы справедливы...

Любовь.—Ты говоришь не отъ сердца.

Юрій.—Ты невинна, непорочна... пусти меня...

Любовь (*пускаетъ слабже его руку, но Юрій не выдергиваетъ свою, и она остается*).— Помнишь ли ты прошедшее? ты самъ признавался, что моя нѣжность сдѣлала тебя счастливѣйшимъ человѣкомъ; я вѣрю, ибо люблю тебя со всѣмъ пламенемъ первой страсти... Вспомни, что ты мнѣ разсказывалъ давно уже; ты говорилъ, что предметъ первой любви твоей своею холодностью сдѣлалъ твой характеръ мрачнымъ и подозрительнымъ, что съ тѣхъ поръ твое сердце страдаетъ отъ нанесенной язвы... (*Юрій глядитъ въ сторону, дабы скрыть смущеніе.*) А ты губишь первую любовь бѣдной дѣвушки... суди по себѣ... ты сдѣлался мраченъ, а я не перенесу этого... Неужели ты такой эгоистъ, что почитаешь себя одного съ чувствомъ и душою... О Юрій! ты такъ обманулъ меня, ты говорилъ о привязанности своей ко всему міру, ко всѣмъ людямъ, а нынѣ не имѣешь сожалѣнія къ бѣдной дѣвушкѣ... (*Юрій въ сильномъ смущеніи.*) Но ты плачешь... о, не вѣрю, что ты совсѣмъ меня отвергнулъ, нѣтъ, я еще любима—не вѣрю твоей холодности; она пройдетъ, ревнивый мужчина!.. Видишь, я у ногъ твоихъ, прошу пощады: люби меня... выслушай оправданье... (*Съ рыданьемъ упадаетъ передъ нимъ и обнимаетъ его колѣни. Юрій въ сильномъ движеніи, рыданья останавливаютъ вырывающіяся слова; онъ плачетъ.*)

Юрій (*дрожащимъ голосомъ*).—Прочь, прочь... сирена... прочь отъ меня...

Любовь (*встаетъ и поднимаетъ глаза къ небу. Тихо*). — О, Боже, Боже мой!..

Юрій (*отошедъ въ сторону*). — Слабость! слабость! она мнѣ напомнила про первую любовь, про первыя муки душевныя — и я заплакалъ; но она не тверже меня духомъ; я заставлю ее, блѣднѣя и дрожа, признаться въ измѣнѣ... (*Молчаніе.*) Я не знаю, она еще такъ много власти имѣетъ надо мною, что надо призвать всю твердость, чтобъ совершенно окамѣнѣть... Такъ, я не долженъ имѣть ни малѣйшей жалости къ прекрасному личику этому... я желалъ бы ее сдѣлать безобразной, чтобы... чтобы совершенно истребить изъ груди любовь. (*Беретъ пистолетъ и подходитъ къ ней.*) Видишь ли это оружіе... я могу черезъ одно пожатіе пальца превратить тебя въ окровавленный трупъ... Видишь... (*Прицѣливается.*)

Любовь. — Стрѣляй, если можешь...

Юрій (*бросаетъ пистолетъ съ досадой*). — Женщина!

Любовь. — Неужели думаешь, что я дорожу теперь жизнью... Нѣтъ, я никогда не наслаждалась ею и умѣю не бояться убійцы. (*Опускаетъ снова въ задумчивости голову и руки.*)

Юрій (*мрачный приближается къ ней*).—Наши сердечныя связи расторгнуты. Виновна ты или нѣтъ — я не буду любить тебя и не могу, если бъ даже и хотѣлъ. (*Глядитъ ей пристально въ глаза и беретъ руку.*) Вотъ перстень, который ты мнѣ дала недавно; возвращаю его тебѣ, какъ ненужнаго свидѣтеля любви моей, возьми его назадъ. Я ѣду изъ родины въ чужіе края, ничто больше здѣсь меня не задержитъ... (*Тронутый.*) Благодарю тебя за лучшіе часы моей жизни, и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливу у сердца нѣжной женщины, и что это блаженство короче всѣхъ блаженствъ... (*Жметъ руку ей.*) Благодарю тебя, Любовь!.. (*Молчаніе. Послѣ чего Юрій съ жаромъ продолжаетъ.*) О другъ мой! оставь свое безполезное упрямство; ты меня не разувѣришь, ибо я самъ все видѣлъ.. но признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть-можетъ, я снова полюблю тебя...

Любовь (*гордо*). — Нѣтъ! я на свою честь не буду клеветать... Впрочемъ, мое признанье было бъ безполезно, если бъ я была въ самомъ дѣлѣ виновна предъ тобою...

Юрій. — Итакъ, ты не хочешь?..

Любовь (*твердо*). — Не могу и не должна!..

Юрій. — Прощай! (*Идетъ, но ворочается.*) Дай мнѣ послѣдній поцѣлуй. (*Беретъ ея руки.*) Прощай, Любовь, про-

„Помнишь ли ты прошедшее? Ты самъ признался, что моя нѣжность сдѣлала тебя счастливѣйшимъ человѣкомъ“...

(Стр. 366).

щай надолго!... (*Цѣлуетъ ее въ губы; въ восторгѣ.*) Нѣтъ! нѣтъ! эти уста никогда не могли быть преступными, я бъ никому не повѣрилъ, если бъ... Проклятое зрѣнье!.. Богъ всевѣдущій! зачѣмъ Ты не отнялъ у меня прежде этого зрѣнья?.. Зачѣмъ попустилъ видѣть? Что я Тебѣ сдѣлалъ, Богъ!.. О! (*Съ дикимъ стономъ.*) во мнѣ отнынѣ нѣтъ къ Тебѣ ни вѣры, ничего нѣтъ въ душѣ моей... но не наказывай меня за мятежное роптанье, Ты... Ты... Ты Самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любитъ и ненавидитъ до крайности... Ты виновенъ!.. Пусть громъ упадетъ на меня, я не думаю, чтобъ послѣдній вопль давно погибшаго червя могъ Тебя порадовать... (*Въ отчаяньи убѣгаетъ. Молчаніе.*)

Любовь (*оглядывается; жалобно*). — Онъ ушелъ! О, я несчастная дѣвушка!.. (*Упадаетъ въ слабости на скамью дерновую.*)

(*Занавѣсъ опускается.*)
Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Николая Михайловича; сундуки и чемоданы готовы къ отъѣзду.

Василій Мих. (*входя, слугѣ, который идетъ за нимъ*). — Что? что? не можетъ быть; неужели это правда?

Слуга. — Точно такъ-съ...

Василій Мих. — Такъ, такъ; мнѣ самому это все казалось... Экой шельма... Поди, позови брата сюда моего... Экое несчастное дѣло! (*Уходитъ слуга.*) Ну, какъ объявить ему? Теперь просто, да просто надобно за одинъ разъ кончить эти сплетни. (*Садится.*) Надобно порядкомъ распечь племянника моего, — экую онъ заварилъ кашу — однако я пощажу его немного. Молодость, все молодость... хотя это такой порокъ, отъ котораго всякій день мы исправляемся; можетъ-быть, онъ и не совсѣмъ такъ говорилъ, или что-нибудь да не такъ тутъ есть... Впрочемъ, я не думалъ бы никакъ, чтобъ Юрій дошелъ до такой низости, если бъ... (*Въ задумчивости опускаетъ голову.*) Ба! что это за записка? «Ma chère...» Это любопытно. (*Поднимаетъ записку; вдругъ вскакиваетъ въ изумленіи и долго молчитъ, смотря на записку, потомъ съ досадой говоритъ.*) Какъ?!. Къ Любови, къ моей дочери, любовное письмо — свиданіе... Юрій... Нѣтъ, этого я не стерплю. (*Молчаніе.*) Видно, да это давно написано, потому что на полу валяется, какъ все старое. (*Молчаніе.*) Ну, говори, что я несправедливо дѣлалъ, любя дочерей моихъ неодинаково... Я напередъ какъ предчувствовалъ это... Вотъ Лизушка такой штуки не сдѣлаетъ... Съ братомъ двоюроднымъ любовное свиданье — гдѣ это на свѣтѣ видано?.. О! я ему отомщу: будетъ теперь меня помнить; послѣ этого чего нельзя отъ него ожидать, отъ обольстителя двоюродной сестры!.. (*Ходитъ взадъ и впередъ.*) Однако припрячу записку до случая. (*Кладетъ въ карманъ.*) Но вотъ и братъ идетъ, кажется...

ЯВЛЕНІЕ II.

Николай Михайловичъ входитъ.

Николай Мих. — Что это, братъ, такое? Что опять за важное дѣло? У меня, право, ихъ теперь такъ много, что не знаю куда съ ними дѣваться.

Василій Мих. — Да, дѣло не маловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Николай Мих. — Марѳа Ивановна что-нибудь еще хочетъ сочинить — не правда ли?

Василій Мих. — Нѣтъ, до нея тутъ ничего не касается...

Николай Мих. — Эхъ, братецъ, такъ что же тутъ можетъ быть важнаго; ты меня только оторвалъ отъ занятья... объ этомъ послѣ можно поговорить.

Василій Мих. — То-то нельзя...

Николай Мих. — Что же это?..

Василій Мих. — Твой сынъ...

Николай Мих. — Мой сынъ — лучшій изъ сыновъ: благороденъ, справедливъ, хотя мечтателенъ, и меня любитъ, несмотря на всѣ происки старухи...

Василій Мих. — Хмъ! хмъ! хмъ!

Николай Мих. — Что ты такъ смотришь? Неужели кто-нибудь можетъ сказать? нѣтъ?

Василій Мих. — Нѣтъ! не то чтобы не любилъ *совсѣмъ*, а это еще подлежитъ сомнѣнію.

Николай Мих. — Какъ сомнѣнію? Что это? Неужели ты такъ объ немъ думаешь, братецъ?

Василій Мих. — Да, думаю... И, можетъ-быть, ты самъ скоро начнешь думать.

Николай Мих. — По крайней мѣрѣ, онъ до сихъ поръ не подалъ мнѣ повода почитать его безчестнымъ человѣкомъ.

Василій Мих. — Вотъ видишь: есть люди, которые умѣютъ такъ скрыть цѣль свою и свои поступки, что...

Николай Мих. — Братецъ! Юрій не изъ такихъ людей...

Василій Мих. — Человѣкъ неблагодарный не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.

Николай Мих. — Въ немъ этого нѣтъ...

Василій Мих.--А какъ есть?—Развѣ Марѳа Ивановна не воспитала его, развѣ не старалась объ его дѣтствѣ, развѣ не ему же хотѣла отдать все свое имѣніе — а онъ оставилъ — ну, да это для отца -- да какъ поступаетъ съ ней; со стороны жалко смотрѣть -- грубъ съ нею, какъ съ послѣдней кухаркою.

Николай Мих. — Что же изъ этого всего ты хочешь вывесть?.. Ради Бога, объяснись!..

Василій Мих. — А то хочу вывесть, что онъ, обманувъ ее, можетъ обмануть и тебя. Видишь: тебѣ кажется, что онъ съ ней такъ дурно поступаетъ, ее оставляетъ, про нее дурно говоритъ... А кто знаетъ, можетъ-быть, и ей онъ на тебя Богъ знаетъ какъ клевещетъ.

Николай Мих. — Стыдись! это все одни несправедливыя подозрѣнія! Помилуй! что ты дѣлаешь?

Василій Мих.—Я хочу тебѣ открыть глаза изъ одной дружбы къ тебѣ — и у меня, повѣрь, не одни подозрѣнія, — безъ доказательствъ не смѣлъ бы я говорить.

Николай Мих. — Да тутъ нѣтъ добраго смысла, братецъ!..

Василій Мих. — Отчего же?

Николай Мих. — Ну, ты, вѣрно, согласишься, что Юрій уменъ.

Василій Мих. — Глупый человѣкъ не можетъ быть такъ лукавъ...

Николай Мих. — Итакъ, согласенъ? Какая же тутъ цѣль? Онъ долженъ бы былъ понять, что эти сплетни, какъ ты говоришь, ни къ чему не послужатъ.

Василій Мих. — То-то и дѣло: онъ уменъ, потому-то я еще и не совсѣмъ дошелъ до цѣли, а въ томъ, что я теперь тебѣ разскажу, — я увѣренъ; слушай же: вчерась, въ ея комнатѣ, онъ говоритъ своей бабкѣ: довольны ли вы теперь моей привязанностію! вамъ тяжко присутствіе моего отца! я ему про васъ наговорилъ, онъ съ вами побранился — и теперь вы имѣете полное право ему указать порогъ...

Николай Мих. — Ужасное безстыдство...

Василій Мих. — Да! но это не все...

Николай Мих. — Что еще можетъ быть хуже этого!.. но нѣтъ, не вѣрю... не вѣрю... кто слышалъ это? (*Беретъ его сильнымъ движеніемъ за руку*). Отвѣчай, кто слышалъ?.. Кто?

Василій Мих. (*въ сторону*). — Бѣда! надобно солгать. (*Ему.*) Я... я слышалъ... право, я...

Николай Мих. — Непостижимый случай — сынъ... не могу подумать этого — извергъ!

Василій Мих. — Успокойтесь!.. успокойтесь!..

Николай Мих. — Мнѣ успокоиться?.. Ха!.. ха!.. (*Звонитъ. Человѣкъ входитъ.*) Сына моего пошли, сію минуту отыщи его, хотя бъ онъ былъ у самого чорта... слышишь! (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

Василій Мих. — Но я тебя прошу, братецъ, поменажируй, поменажируй его... пожалуйста—вѣдь я такъ только тебѣ сказалъ, а не для того, чтобы сдѣлать изъ этого цѣлую исторію... Пощади его, вѣдь онъ еще молодъ, видишь ли... братецъ...

Николай Мих. (*въ бѣшенствѣ*). — Никогда—никогда—мнѣ его—пощадить -- нѣтъ — я ему дамъ нагонку. Кто бъ подумалъ — такое злодѣйство — хотя бы капля совѣсти — ничего! До тѣхъ поръ меня обмануть... О! онъ дорого мнѣ это заплатитъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ.*)

Василій Мих. (*въ сторону*). — Вотъ, кажется, и Юрій идетъ сюда — сяду на это кресло и, какъ ни въ чемъ не бывало, стану слушать — да, я бъ желалъ, чтобъ ему хорошенько досталось: вѣдь видно, что родства не знаетъ — любовное свиданіе съ моей дочерью!.. Боже, Боже мой! Экая нынче молодежь! Ну жъ, я ему отплатилъ! въ такихъ случаяхъ солгать простительно. (*Садится возлѣ стола.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе, Юрій входитъ тихо.

Юрій. — Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Николай Мих. (*въ сторону*). — Любезный! Я ему задамъ такой любезности, что онъ будетъ помнить.

Юрій (*ближе*). — Батюшка! что вамъ угодно?

Николай Мих. (*оборачиваясь сердито и строго*). — Кажется, вамъ бы можно со мной поучтивѣе обращаться... (*Юрій въ удивленіи отступаетъ назадъ.*)

Василій Мих. (*въ сторону*). — Идетъ хорошо покуда.

Николай Мих. — Кто тебѣ велѣлъ сюда прійти? (*Юрій все еще смотритъ на него.*) Повторяю: зачѣмъ ты сюда пришелъ?

Василій Мих. — Да вѣдь ты, братецъ, за нимъ, кажется, посылалъ!..

Николай Мих. — Знаю самъ. Да я хочу, чтобы онъ отвѣчалъ... (*Съ презрѣньемъ.*) Видишь, какъ смотритъ, точно быкъ. (*Юрію.*) Что ты молчишь, негодяй?

Юрій. — Что такое?.. Но вы, вѣрно, шутите, батюшка, — перестаньте, прошу васъ; нынче такія шутки мнѣ слишкомъ тяжело легли на сердце... кончите

Николай Мих. (*сердито*). — Смотри, пожалуйста, — я съ нимъ шучу!.. Нѣтъ, серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человѣкъ...

Юрій (*горячо*). — Батюшка! я не заслужилъ этого!

Николай Мих. — Ты заслужилъ больше... ты стоишь, чтобъ я тебя прибилъ... и еще больше...

Юрій (*гордо и съ увеличивающимся жаромъ*). — Вспомните, что я уже не ребенокъ... не доведите меня до крайности — моя голова довольно нынче разгорячена... Я невиненъ... ручаюсь честью!.. но за себя не всегда могу отвѣчать!.. не...

Николай Мих. (*прерываетъ*). — Отецъ всегда имѣетъ право надъ сыномъ... а ты хочешь итти противъ меня, неблагодарный!..

Юрій. — Такъ! я неблагодаренъ, только не къ вамъ. Я обязанъ вамъ одною жизнью... возьмите ее назадъ, если можете... О! это горькій даръ...

Николай Мих. — Что ты хочешь сказать этимъ?

Юрій. — Для васъ я покидаю несчастную старуху, хотя могъ бы быть опорой послѣднихъ дней ея... Она мнѣ дала воспитаніе, ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я пропитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я ее приблизилъ къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... Я не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязанность человѣчества должна была занять мое сердце... Но для васъ я сдѣлалъ великое преступленье... и вы меня обвиняете, вы, мой отецъ... Нѣтъ, это свыше границъ возможнаго...

Николай Мих. — Ты можешь такъ безстыдно лгать, лицемѣръ; ты, который своими низкими сплетнями увеличилъ нашу ссору; который, надѣвъ маску привязанности, являлся къ каждому и вооружалъ одного противъ другого: чрезъ котораго я, какъ послѣдній нищій, выгоняемъ изъ этого дома... Несчастный, если бъ я это зналъ, я бъ тебя удушилъ при твоемъ рожденьи... чтобъ никогда глаза мои не видали такого чудовища!..

Юрій (*бросается къ ногамъ его*). — Ради всего страшнаго, не продолжайте, отецъ мой... Я почти понимаю, что вы хотите сказать... Клевета... клевета... все клевета... Не вѣрьте никому... кромѣ мнѣ... Я васъ люблю, я это доказалъ...

Николай Мих. — Змѣя...

Юрій. — Разсмотрите, узнайте... Но берегитесь меня доводить до отчаянія: я невиненъ!..

Николай Мих. — Я все знаю... Теперь поздно твое коварство, тебѣ не удалось нынче! Сквозь этотъ огорченный видъ невинности, сквозь эти блѣдныя черты я вижу адскую душу... Отрекаюсь отъ нея: ты больше мнѣ не сынъ... Прочь, прочь отсюда съ твоимъ наслѣдствомъ... Ты мнѣ золотомъ не заклеишь языкъ... Я все тебя отвергну, хотя бъ съ тобой были милліоны... Такое коварство... почти отцеубійство, если не хуже, потому что я тебя любилъ... И въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... Прочь, прочь... Я не могу слышать тебя близко!.. Мое состояніе самое опасное; можетъ-быть, и скоро совсѣмъ разорюсь... Буду просить милостыню... Повѣрь мнѣ, даже не подойду къ твоему окошку... я не захочу встрѣтить на немъ печать моего проклятья... Сердце мое тогда бы облилось сожалѣньемъ... Я этого не хочу — прочь!..

Юрій (*вздрагиваетъ при словѣ „проклятье“ и, бывъ прежде въ ужасномъ движеніи, вдругъ становится какъ окаменѣлый. Молчаніе*).

Василій Мих. (*подходитъ къ брату*). — Не довольно ли? Посмотри, какъ онъ блѣденъ... какъ мертвецъ...

Николай Мих. — Такъ его и надо... Нужды нѣтъ!.. Онъ еще можетъ раскаяться...

Юрій (*вдругъ съ дикимъ смѣхомъ*). — Ха! ха! ха! Отецъ проклялъ сына... Какъ это легко... Посмотрите, посмотрите, по-

смотрите на это самодовольное лицо... Посмотрите на эти спокойныя черты: этотъ отецъ проклялъ сына. (*Уходитъ въ сильномъ, но молчаливомъ отчаяньи.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе безъ Юрія

Николай Мих. — Онъ ушелъ?..

Василій Мих. — Кажется, братецъ, кажется.

Николай Мих. — Я такъ утомился; мнѣ надобно отдохнуть... О! не дай Богъ имѣть такіе дни въ жизни никакому отцу.

Василій Мих.—Ты правъ, братецъ... Не дай Богъ...

(*Николай Мих. уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Василій Мих. (*одинъ*). — Ужъ досталось тебѣ, негодяй... Если бъ я еще послѣднее сказалъ да представилъ это письмо, такъ не то бы еще было — да такъ ужъ пожалѣла моя душа... Теперь пойду — однакожъ дочку свою не стану еще бранить... Будетъ время... И безъ насъ здѣсь шуму и горя довольно... Охъ! охъ! охъ!.. (*Уходитъ за братомъ своимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дарья (*которая подслушивала за противоположной дверью, выходитъ на цыпочкахъ*).—Все кончено—слава Богу, мнѣ удалась эта штука, какъ многія другія; однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить, такъ прекрасно черезъ людей передала свою выдумку Василію Михалычу—а тотъ сдуру и повѣрилъ... Ну жъ, мнѣ будетъ благодарность отъ госпожи моей... Денегъ-то, денегъ-то... А ужъ этотъ Волинъ, зажгла я его хоромы — и моремъ не потушитъ... Теперь все наше... хоть заранѣ молебенъ святымъ угодникамъ служить... Однакожъ потороплюсь объявить свою новость барынѣ... Добро вамъ, незваные гости!

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Дарья хочетъ уйти, но встрѣчается въ дверяхъ съ Марѳой Ивановной.)

Марѳа Ивановна (*входитъ съ палкой*).—Дашка! Дашка! что тутъ случилось? Скажи скорѣй! Я слышала шумъ... Вижу радость на твоемъ лицѣ... Что такое? Дашка! подай стулъ...

Дарья (*подвинувъ стулъ*). — Что случилось, сударыня?..

Марѳа Ивановна. — Какое дурацкое эхо!.. Отвѣчай же скорѣй...

Дарья. — Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынкомъ... Не извольте бояться, — это ничего: Юрья Николаича батюшка побранилъ, да въ шутку и проклялъ; а тотъ огорчился; вотъ вамъ все, сударыня.

Марѳа Ивановна. — Проклялъ... Ты этому виною, негодяйка... ты (*поднимаетъ руку на нее*) своими сплетнями это сдѣлала...

Дарья. — Да вѣдь вы сами, матушка, приказывали (*кланяясь*), чѣмъ же я могла васъ прогнѣвить...

Марѳа Ивановна. — Въ ссылку сошлю, засѣку... Я тебѣ сказала, чтобъ поссорить ихъ... но развѣ не ты мнѣ это присовѣтовала?.. Теперь что съ нимъ будетъ, съ Юрьюшкой — погубитъ онъ свою душу... Прочь, адскій духъ, прочь... съ глазъ моихъ долой... въ Сибирь... въ адъ... Охъ, я несчастная... окаянная... Что это мы надѣлали...

Дарья (*повалившись ей въ ноги*). — Помилуйте... мать родная... золотая... серебряная... государыня... спасите меня...

Марѳа Ивановна. — Какъ могло это до того дойти?.. Кто бъ подумалъ?.. О, это змѣя проклятая!.. О! если бъ я знала, я бы скорѣй помирилась тысячу разъ съ Волинымъ... лишь бы не дошло до этого... На старости лѣтъ такой грѣхъ на мнѣ... Онъ погибъ теперь... и я погибла... и всё... всё... Уфъ! какъ темно... какъ холодно... будто... будто желѣзная рука выдавила послѣднюю каплю крови изъ моего сердца!.. Тамъ свѣтло... вотъ чаша... въ ней вода... въ водѣ ядъ... (*Молчаніе. Тихо.*) Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди. Чего ты отъ меня хочешь?.. Ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нѣтъ... откуда тебѣ взяться? Охъ! охъ!.. не трогай руки моей!.. Я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. (*Уходитъ съ признаками сумасшествія.*)

Дарья (*вставъ*).—Она сошла съ ума— теперь опять все наше, опять дѣло выиграно. (*Уходитъ съ веселымъ лицомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Комната Юрія. Темно. Онъ стоитъ возлѣ стола, опершись на него рукою; возлѣ него стаканъ воды. Иванъ, слуга его, стоитъ недалеко.

Иванъ. — Здоровы ли вы, баринъ?..

Юрій. — На что тебѣ?..

Иванъ. — Вы такъ блѣдны...

Юрій. — Я блѣденъ?... Можетъ-быть, скоро буду еще блѣднѣе...

Иванъ. — Вашъ батюшка только погорячился, онъ скоро васъ проститъ...

Юрій — Поди, добрый человѣкъ, это до тебя не касается.

Иванъ. — Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить...

Юрій. — Ты лжешь!.. Здѣсь нѣтъ никого, кто бъ занимался мною... Я здоровъ; поди же прочь.

Иванъ. — Напрасно, сударь, хотите меня въ томъ увѣрить: вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное...

Юрій (*вынимаетъ изъ шкатулки, на столѣ стоящей, кошелекъ. Въ сторону.*) — Я слыхалъ, что въ людяхъ это (*показывая на кошелекъ*) многое можетъ произвести. (*Ивану.*) Возьми это — и ступай отсюда... Здѣсь тридцать червонцевъ...

Иванъ. — За тридцать сребрянниковъ продалъ Іуда Іисуса Христа... А это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ... хотя рабъ, а не рѣшусь взять отсюда денегъ за такую услугу.

Юрій (*бросаетъ въ окно*). — Такъ пусть кто-нибудь подыметъ.

Иванъ. — Что это съ вами, сударь, дѣлается, утѣшьтесь... Не все горе; не все печаль на свѣтѣ, успокойся, батюшка.

Юрій (*тяжело*). — Ахъ! о, однакожъ...

Иванъ. — Богъ пошлетъ вамъ счастье... Хотя бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали: никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ...

Юрій. — Точно?..

Иванъ. — Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Бога молить.

Юрій. — Такъ у тебя есть жена и дѣти?..

Иванъ. — Да еще какія... какъ съ неба: прекрасная, добрая жена... И малютки: сердце радуется, глядя на нихъ...

Юрій. — Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу...

Иванъ. — И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Юрій. — У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда... (*Отходитъ въ сторону.*)

Иванъ. (*Смотритъ на него съ сожалѣньемъ. Его кто-то изъ-за кулисъ вызываетъ къ Марѳѣ Ивановнѣ. Онъ уходитъ медленно. Юрій остается одинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Юрій одинъ.

Юрій. — А онъ, мой отецъ, меня проклялъ! И такъ ужасно... Въ ту минуту, когда я для него жертвовалъ всѣмъ: этой несчастной старухой, которая не снесла бы этого; моею благодарностью... Въ эту самую минуту... Ха! ха! ха! О, люди, люди... Два-три слова, глупѣйшая клевета сдѣлала то, что я стою здѣсь на краю гроба... Прекрасная вѣчность! Прекрасныя воспоминанія!.. Но это все должно было такъ кончиться... Гдѣ золото есть главный предметъ, дѣло тамъ не кончится лучше... И въ этотъ день онъ меня проклялъ! Въ тотъ самый день, когда я столько страдалъ, обманутый любовью, дружбой... Мое терпѣнье кончилось... кончилось... Я терпѣлъ, сколько могъ... но теперь... это выше силъ человѣческихъ!.. Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?.. Что смерть? Переходъ изъ одной комнаты въ другую, подобную ей. (*Указывая на стаканъ.*) Какъ подумать, что эта ничтожная вещь побѣдитъ во мнѣ силу творческой жизни, что бѣлый порошокъ превратитъ въ пыль мое тѣло, уничтожитъ созданіе Бога?.. Но если Онъ точно всевѣдущъ, зачѣмъ не препятствуетъ ужасному преступленью, самоубійству. Зачѣмъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца?.. Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденья, зная про мою гибель!.. Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнью я могу умереть или жить?... О человѣкъ! несчастное, брошенное созданье... Онъ сотворенъ слабымъ; его доводитъ судьба до крайности... и самъ его наказываетъ; животныя безсловесныя счастливѣе насъ: они не различаютъ ни добра ни зла; они не имѣютъ вѣчности; они могутъ... О, если бъ я могъ уничтожить себя! Но нѣтъ!.. Да! нѣтъ! Душа моя погибла. Я стою передъ Творцомъ моимъ. Сердце мое не трепещетъ... Я молился... Не было спасенья... я страдалъ... ничто не могло его тронуть!.. (*Сыплетъ порошокъ въ стаканъ.*) О! я умру... О смерти моей, вѣрно, болѣе будутъ радоваться, нежели о рожденіи моемъ. Отецъ меня отвергнулъ, проклялъ мою душу и долженъ этого дожидаться. (*Молчаніе небольшое.*) Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; когда дерево сожжено, печь гаснетъ; такъ природа сокрушится, когда мѣра различныхъ мукъ человѣческихъ исполнится. Все исчезнетъ. Печь производитъ искры: природа людей; од-

нихъ—глупѣе, другихъ—умнѣе; одни много дѣлаютъ по уму въ мірѣ, другіе неизвѣстны; такъ искры не равны межъ собой, но всѣ онѣ равно погаснутъ безъ слѣда; имъ послѣдуютъ другія безъ бо́льшихъ послѣдствій, какъ подобныя имъ. Когда огонь истощится, то соберутъ весь пепелъ и выбросятъ вонъ... Такъ съ нами, бѣдными людьми: все равно страдалъ ли я, веселился ли — все умру. Не останется у меня никакого воспоминанія о прошедшемъ. — Безумцы! безумцы мы!.. желаемъ жить... Какъ будто два-три года что-нибудь значатъ въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или міръ стоитъ нашихъ заботъ, тщетныхъ какъ жизнь. Счастливъ умершій въ такое время, когда ему нечего забывать: онъ не знаетъ этихъ свинцовыхъ минутъ безвѣстности... Счастливъ, кто, чувствуя тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобъ прервать его. — Прощай, мой отецъ: мы никогда не увидимся... Не отъ тебя я умру... ты только помогъ мнѣ образумиться... Ахъ!.. и она!.. эти прекрасныя, обманчивыя черты — потеряютъ свою привлекательность — кто бъ повѣрилъ?.. Мнѣ ихъ жалко. О! скоро... скоро... Вы всѣ пройдете, какъ тѣни... (*Беретъ стаканъ и пьетъ, тутъ вздрагиваетъ.*) За здоровье ваше... Меня утѣшаетъ мысль: всѣ люди погибнутъ... Глупо было бы желать быть исключену изъ этого числа. Но... зачѣмъ холодъ бѣжитъ по моимъ жиламъ, зачѣмъ я дрожу... еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще — четверть часа, смерть — и я твой!.. (*Садится въ кресла. Небольшое молчаніе.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Любовь и Элиза входятъ въ разговорѣ. Юрій, видя ихъ, вскакиваетъ и отходитъ въ сторону. Въ комнатѣ темно.

Элиза. — Что тебѣ сказалъ Заруцкій, отчего его не было въ саду?.. Это что все значитъ?.. Твое безпокойствіе не къ добру, ma chère; ты отъ меня бѣгаешь — и, вѣрно, чего-нибудь ищешь.

Любовь. — Не видала ли ты, гдѣ Юрій?..

Элиза. — На что тебѣ его?..

Любовь. — Ахъ, сестрица! ты всему виною. Они хотѣли стрѣляться... Заруцкій меня на колѣняхъ просилъ, чтобъ я тебя привела для свиданья: Юрій видѣлъ и принялъ совсѣмъ иначе... О, я несчастная дѣвушка!.. Онъ меня оставилъ, онъ думаетъ, что я измѣнила ему... Онъ не хочетъ даже выслушать меня. — О! если бъ онъ зналъ... Если бъ онъ видѣлъ мои слезы!..

Юрій (*въ сторону*). — И я только теперь это слышу!.. безумецъ я!

Элиза. — Чего же ты теперь хочешь, ma soeur?

Любовь. — Дядюшка его проклялъ... Онъ въ отчаяньи... Вѣрно, понапрасну! Богъ его за меня наказалъ. Я хочу его сыскать... Хочу утѣшить Юрія... Ахъ! сестрица, сестрица! если бъ онъ видѣлъ мои слезы... но... онъ меня любитъ, въ немъ еще есть жалость... о, если бъ онъ зналъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ! — (*Юрій въ это время подходитъ и отходитъ въ нерѣшимости.*)

Любовь. — Я его утѣшу, пойду къ его отцу, на колѣняхъ выпрошу прощенье... или умру... Я боюсь... О! гдѣ бъ мнѣ его найти... Одна моя любовь можетъ его утѣшить... Онъ всѣми такъ жестоко покинутъ!..

Юрій (*въ отчаяньи*). — Злодѣй! самоубійца!..

Элиза. — Что это?..

Любовь (*бросается*) — Юрій! Юрій! онъ здѣсь. (*Юрій встаетъ.*) Какъ блѣденъ... Какой страдальческій взглядъ?

Юрій. — Ты меня любишь?.. А я всегда любилъ тебя...

Любовь (*рыдаетъ у него на шеѣ*). Люблю ли я тебя?.. Благодарю небо!.. наконецъ я счастлива... Другъ мой... другъ мой... я тебѣ всегда была вѣрна...

Юрій. — Да! да! — это мое послѣднее утѣшеніе.

Любовь (*все еще на груди его*). — Тебя всѣ покинули.

Юрій. — Ты ошибаешься! я всѣхъ покидаю... Ты этого не знала? (*Любовь подымается и смотритъ съ удивленіемъ.*) Я ѣду въ далекій, безконечный путь...

Любовь. — Что это?.. Ты ѣдешь... Какъ? куда?..

Юрій. — Мы никогда, никогда не увидимся...

Любовь. — Если не здѣсь, то на томъ свѣтѣ...

Юрій. — Другъ мой! нѣтъ другого свѣта... Есть хаосъ... Онъ поглощаетъ племена... И мы въ немъ исчезнемъ... Мы никогда не увидимся... Разныя дороги... всѣ къ ничтожеству... Прощай, мы никогда не увидимся. Нѣтъ рая, нѣтъ ада... Люди — брошенныя, безпріютныя созданья.

Любовь. — О Всемогущій! что сдѣлалось съ нимъ... Онъ не знаетъ, что говоритъ...

Юрій (*смотритъ на нее пристально*).—Какъ ты прекрасна въ эту минуту... Вотъ послѣднее удовольствіе мое... оно велико... Я согласенъ... Нѣтъ, не потревожу... Это нѣжное выраженіе глазъ, эти полуоткрытыя уста... Не стану говорить ей... не хочу видѣть ее въ ужасѣ... Ахъ!.. но нѣтъ, пусть она узнаетъ; что мнѣ? Я умру!.. пусть все откроется... Если бъ былъ здѣсь мой отецъ... какъ насладился бъ онъ видомъ моихъ предсмертныхъ судорогъ...

Любовь. — Что онъ говоритъ!.. Юрій! Юрій!.. я предчувствую ужасное...

Юрій (*беретъ ее за руку*).—Знай, что можетъ сдѣлать обманутое сердце, что можетъ проклятіе вѣчное отца... узнай... и да разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась въ твоихъ жилахъ... А! подумай! отгадай!.. Ха! ха! ха! ха! нѣтъ, смѣйся лучше, пой, веселись, пляши... я — не бойся... я — только... принялъ — ядъ!..

Элиза. — Ай! помощь скорѣй!.. (*Убѣгаетъ, Любовь дрожитъ, блѣднѣетъ и упадаетъ въ обморокъ на кресло; онъ стоитъ надъ ней.*)

Юрій. — Такъ! я это зналъ! женщины! женщины! вы не сотворены для подобныхъ ощущеній!.. Какъ она блѣдна... Образъ смерти... О, если бъ она не просыпалась... если бъ могла не видать моего трупа... (*Становится на колѣни.*) Неприходи въ себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы съ тобой не были созданы для людей. Мое сердце слишкомъ пылко—твое слишкомъ нѣжно... слишкомъ слабо... (*Цѣлуетъ ея руку.*) Рука тепла.

Любовь (*приходитъ въ себя, подымается на стулѣ и кидается къ нему на шею*). — Молись!

Юрій. — Поздно! поздно!..

Любовь. — Никогда не поздно... Молись!.. молись!..

Юрій (*вскакиваетъ*). — Нѣтъ, не могу молиться.

Любовь (*встаетъ*). — О ангелы! внушите ему! Юрій!..

Юрій. — Мнѣ дурно...

Любовь. — Дурно...

Юрій. — Пора!.. Скажи моему отцу, что я желалъ бы простить ему... (*Упадаетъ на землю.*)

Любовь. — Онъ падаетъ... (*Смотритъ на небо.*) Помоги! помоги! (*Становится на колѣни возлѣ Юрія.*) Останови его душу... Богъ! сдѣлай первое чудо... онъ вернется къ Тебѣ...

Юрій (*умирающимъ голосомъ*). — Плачь... плачь... плачь... Богъ мнѣ... никогда... не проститъ!.. (*Умираетъ. Любовь, рыдая, падаетъ на него. Молчаніе.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Николай Михайловичъ, Василій Михайловичъ, Элиза Иванъ, Дарья.

Дарья (*съ ужасомъ*). — Умеръ!..

Николай Мих.—Мой сынъ... отъ моего проклятья... Не можетъ быть!.. Онъ еще живъ... не вѣрю... онъ живъ!..

Дарья (*указывая на трупъ, холодно*).— Отчего же? Посмотрите сюда — вы хотѣли: онъ умеръ...

Василій Мих. (*поднимая Любовь*).— Дочь моя!.. спирту!.. Ахъ! и она едва дышитъ... Спасите, спасите хоть ее... (*Любовь уносятъ, Василій Михайловичъ и Элиза уходятъ.*)

Иванъ. — Боже! прости душу моего господина!.. (*Всѣ стоятъ въ безмолвномъ пораженіи*).

Занавѣсъ опускается.

1830 г.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Романтическая драма.

Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня и всю жизнь, можетъ-быть, занимать не перестанетъ.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны; — тогда расканіе вѣрно посѣтитъ души тѣхъ людей... Но пускай они не обвиняютъ меня: я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго!..

Справедливо ли описано у меня общество — не знаю! По крайней мѣрѣ, оно всегда останется для меня собраніемъ людей — безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня.

И этому обществу я отдаю себя на судъ.

The Lady of his love was wed with one
Who did not love her better...

. . . .

And this the world calls phrensy; but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancoly is a faerful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!

The Dream. Lord Byron.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Павелъ Григорьевичъ } Арбенины.
Марья Дмитріевна }
Владиміръ, сынъ ихъ.
Анна Николаевна Загорскина.
Наташа, дочь ея.
Княжна Софья, ея подруга.
Бѣлинскій, другъ Владимира.
Снѣгинъ, Чиляевъ, Заруцкій, студенты, товарищи Владимира.
Аннушка, горничная Арбениной.
Иванъ, слуга Владимира.
Барышни, старухи, гости, слуги и проч.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Утромъ 26 августа.

(*Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.*)

Павелъ Григорьевичъ (*запечатываетъ письмо*). — Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ, пока они молоды; но я думаю совсѣмъ противное. За ребенкомъ надобно ухаживать, учить и нянчить его, а двадцатилѣтняго опредѣляй на службу, да каждую минуту трепещи, чтобы онъ какою-нибудь шалостью не погубилъ навѣки себя и честное имя... Признаться, мое положеніе теперь самое критическое. Владиміръ нейдетъ въ военную службу, во-первыхъ, потому, что его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слишкомъ своеволенъ, а во-вторыхъ, потому что онъ не силенъ въ математикѣ. Куда же опредѣлиться? Въ штатскую? Всѣ лучшія мѣста заняты. Къ тому же—нехорошо! Воспитывать—теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, все теперь кончилось! не тутъ-то было — только начинается!.. Я боюсь, чтобы Владиміръ не потерялъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ, гдѣ я столькими трудами достигъ до нѣкоторой значительности... Тогда я же буду виноватъ: про меня же скажутъ, какъ намедни, что я не воспитывалъ его сообразно характеру. Какой же въ его лѣта характеръ? Самый его характеръ есть безхарактерность. — Такъ, я вижу, что не довольно строго держалъ сына моего. Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли?.. Однакоже я не отстану отъ своихъ плановъ: велю ему выйти въ отставку года черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ и поправлю тѣмъ его состояніе. Оно, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу вспомнить безъ бѣшенства, какъ она меня обманывала. О, коварная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяньемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее, ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь увидать тебя снова. Не дѣлалъ ли я все, чего ей хотѣлось? И обесчестить такого мужа! Я очень радъ, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые бы помогали... (*Молчаніе.*) Кажется, кто-то сюда идетъ? Такъ точно.

(*Входитъ Владиміръ Арбенинъ.*)

Владиміръ. — Батюшка, здравствуйте!

Павелъ Григор. — Я очень радъ, что ты пришелъ теперь. Мы кой объ чемъ поговоримъ. Это касается до будущей твоей участи. Но ты что-то невеселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

Владиміръ (*бросаетъ на отца быстрый и мрачный взоръ*). — Гдѣ я былъ. батюшка?

Павелъ Григор. — Что значитъ этотъ пасмурный видъ? Такъ ли встрѣчаютъ ласки отца?

Владиміръ. — Отгадайте, гдѣ я былъ.

Павелъ Григор. — У какого-нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ безпокоить тебя? Кажется, я отгадалъ.

Владиміръ. — Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она почти нищая; весь міръ смѣется надъ ней, и никто объ ней не жалѣетъ. О батюшка! эта душа заслуживала прощеніе и другую участь! Батюшка, я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣни, я... я былъ у моей матери! Чего вамъ больше?

Павелъ Григор. — Ты?

Владиміръ. — О, если бъ вы знали, если бъ видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту нѣжную, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторяю это передъ цѣлымъ свѣтомъ, и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости...

Павелъ Григор. (*его лицо пылаетъ*). — Ты смѣешь... меня обвинять, неблагодар...

Владиміръ. — Нѣтъ! вы мнѣ простите! я себя не помню... Но посудите сами: какъ могъ я остаться хладнокровнымъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣняхъ протекли первые годы моего младенчества; ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея

ласки облегчали мои первыя болѣзни... И теперь, когда она въ нищетѣ, безъ друзей, пріѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?.. Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я умоляю... Если мое счастье для васъ что-нибудь значитъ... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе съ вашего сердца и удалитъ предразсудки!..

Павелъ Григор. — Слушай, дерзкій! я на нее не сердитъ, но не хочу, не долженъ болѣе съ нею видѣться!.. Что скажутъ въ свѣтѣ?..

Владимиръ (*кусая губы*). — Что скажутъ въ свѣтѣ!

Павелъ Григор. — И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ; я бы далъ тебѣ препорученье...

Владимиръ. — Которое бы убило послѣднюю ея надежду — не такъ ли?

Павелъ Григор. — Да, да! она еще не довольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владимиръ. — Она моя мать.

Павелъ Григор. — Если опять ее увидишь, то посовѣтуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенья, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было разставаться.

Владимиръ. — Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ препорученій...

Павелъ Григор. (*съ холодной улыбкой*). — Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ или виноватъ — не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя касаются до тебя; также тебѣ дамъ я прочитать письмо отъ графа насчетъ опредѣленія въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о своей матери... я прошу, когда могу приказывать! (*Уходитъ*).

Владимиръ (*долго смотритъ ему вслѣдъ*). — Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда Тебѣ не докучалъ я лишними мольбами — теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренья, какъ будто это вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!.. Нѣтъ, вижу, должно быть жестокимъ, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенья ихъ прихотей, что я — средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно.

(*Входитъ Бѣлинскій, разряженный.*)

Бѣлинскій. — А, здравствуй, Арбенинъ! Здравствуй, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!.. Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ, объ чемъ ты думалъ.

Владимиръ. — Руку! (*Жметъ ему руку.*)

Бѣлинскій. — Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или заставить ее признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако я скорѣй возьмусь сдѣлать первое, нежели послѣднее, потому что...

Владимиръ. — О чемъ ты болтаешь тутъ?

Бѣлинскій. — О чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!.. Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!.. Ты, вѣрно, ждалъ, чтобъ твоя любезная прилетѣла къ тебѣ на крыльяхъ зефира!.. Нѣтъ, потрудись-ка самъ слетать... Другъ мой! кто разберетъ женщинъ?.. Въ ту минуту, когда ты думаешь...

Владимиръ (*прерываетъ его*). — Гдѣ былъ ты вчера?

Бѣлинскій. — На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ — и для нихъ, и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостямъ, которыхъ было очень много, было очень скучно.

Владимиръ. — Смѣшной народъ! Такимъ образомъ, глупое чванство всегда отравляетъ семейныя удовольствія.

Бѣлинскій. — Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями, каждый отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бѣдный отецъ обращался въ противную сторону, каждый зѣвалъ безпощадно... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

Владимиръ. — А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастію ближняго, какого бы рода оно ни было. Всѣ хотятъ, чтобы другіе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ уязвляютъ сердце, не имѣя средствъ излѣчить. Я бы

желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... И это такъ тяжело, такъ тяжело!..

Бѣлинскій. — Эхъ! полно, братецъ, говорить пустяки! Товарищи тебя всѣ любятъ... а если есть какія-нибудь другія непріятности, то надо умѣть переносить ихъ съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро...

Владимиръ. — Переносить! переносить!.. Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что такимъ увѣщаніямъ почти никто не слѣдуетъ... Нѣкогда и я былъ счастливъ, невиненъ, но тѣ дни слишкомъ давно соединились съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о нихъ могло меня утѣшить. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновеній, и все прочее время было только приготовленіе или слѣдствіе сихъ мгновеній... Тебѣ трудно понять мои мечты — я это вижу... Другъ мой, гдѣ найду я то, что принужденъ искать?..

Бѣлинскій. — Въ своемъ сердцѣ. У тебя есть великій источникъ блаженства, умѣй только почерпать изъ него. Ты имѣешь скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ; а въ тебѣ больше, чѣмъ въ другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ: вынь да положь!.. А кто послѣ терпитъ?

Владимиръ. — Не суди такъ легкомысленно; войди лучше въ мое положеніе. Знаешь ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей; а иногда, что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, которое хотѣло бы ихъ соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣжденныя сердца... Другъ мой, Дмитрій, я не долженъ такъ говорить — но ты вѣдь знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрять то, что составляетъ несчастіе моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія!..

Бѣлинскій. — Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарѣлся; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился. — Разскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похожденія?.. Ты хмуришься... Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

Владимиръ. — Давно.

Бѣлинскій. — А гдѣ живутъ Загорскины?.. Ихъ двѣ сестры; отца нѣтъ — такъ ли?

Владимиръ. — Такъ.

Бѣлинскій. — Познакомь меня съ ними. У нихъ бываютъ вечера, балы?

Владимиръ. — Нѣтъ.

Бѣлинскій. — А я думалъ... Однако все не мѣшаетъ... Познакомь меня.

Владимиръ. — Изволь.

Бѣлинскій. — Разскажи мнѣ исторію твоей любви.

Владимиръ. — Она очень обыкновенна, и тебя не займетъ.

Бѣлинскій. — Знаешь ли ты кузину Загорскиныхъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

Владимиръ. — Быть-можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидалъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно объ ней подумалъ, не слыхавъ еще ни одного слова отъ нея... А ты знаешь, что я вѣрю предчувствіямъ.

Бѣлинскій. — Суевѣръ.

Владимиръ. — Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошадь не хотѣла итти въ ворота; я ее пришпорилъ, она бросилась и чуть-чуть я ни ударился головой объ столбъ, точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка... а смотришь — онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью...

Бѣлинскій (*смотритъ на часы*). — Ахъ, Боже мой! а мнѣ давно вѣдь пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ вѣдь на секунду.

Владимиръ. — Я это вижу... Куда ты спѣшишь?

Бѣлинскій. — Къ графу Пронскому. Скука смертельная, а надо ѣхать...

Владимиръ. — Зачѣмъ же надобно?

Бѣлинскій. — Да такъ.

Владимиръ. — Важная причина! Ну, прощай!

Бѣлинскій. — До свиданья. (*Уходитъ.*)

Владимиръ. — Люблю Бѣлинскаго за его веселый характеръ. (*Ходитъ взадъ и впередъ.*) Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ въ ней, какъ въ домѣ, гдѣ пьянъ хозяинъ... Поѣду!.. Увижу Наташу, этого ангела... Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно приводитъ въ грудь мою спокойствіе. (*Садится и вынимаетъ изъ кармана бумагу.*) Странно! вчерась я отыскалъ это въ своихъ бумагахъ и былъ пораженъ. Каждый разъ, какъ посмотрю на этотъ листокъ, я чувствую присутствіе сверхъестественной силы и неизвѣстный голосъ шепчетъ мнѣ: — не старайся избѣжать судьбы своей! такъ должно быть! — Годъ тому назадъ, увидавъ ее въ первый разъ, я писалъ объ ней въ одномъ замѣчаніи... Она тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... теперь... когда вспомню, то вся кровь приходитъ въ волненіе... и сожалѣю, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ бы я хотѣлъ... Можетъ-быть, она меня любитъ... ея глаза, румянецъ, слова... Какой я ребенокъ! Все это мнѣ такъ памятно, такъ дорого, какъ будто одними ея взглядами и словами я живу на свѣтѣ. Что пользы? Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ прошлаго года!.. Боже! Боже! чего желаетъ мое сердце... Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что скажу ей, какъ горячо сожму ея руку, какъ напомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только съ нею, все забыто; я истуканъ! душа утонетъ въ глазахъ; все пропадетъ — надежды, опасенья, воспоминанія!.. О, какой я ничтожный человѣкъ! не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ этого чуднаго созданья! (*Съ горькой улыбкой.*) Чѣмъ-то кончится жизнь моя, а началась она недурно! Впрочемъ, не все ли равно, съ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... О, какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ. (*Уходитъ тихо.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ввечеру 28 августа.

Диванная въ домѣ Загорскиныхъ; дверь одна отворена въ гостиную, другая въ залу. Хозяйка Анна Николаевна; ея дочь Наталья Өедоровна (Софья, княжна, вскорѣ). Иные сидятъ, другіе разговариваютъ стоя. — Бьетъ 8 часовъ.

Анна Николаевна (*одному изъ гостей*). — Были вы вчера у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ... и еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты были — это чудо, по-царски!

Гость первый. — Какъ же-съ, я былъ тамъ. До пяти часовъ утра танцовали, и всего было довольно... всякаго рода людей...

Наталья Өедоровна. — Какіе вы насмѣшники! А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ?..

Гость первый. — Два князя Шумовыхъ, Бѣлинскій, Арбенинъ, Чацкій и другіе: однихъ не помню, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? Премилый малый, прелюбезный — не правда ли?

Анна Николаевна. — Да, я слыхала.

Одна изъ барышень. — Скажите, пожалуйста, кто такое этотъ Арбенинъ? Мнѣ объ немъ много разсказывали.

Гость первый. — Во-первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что вы хотите; впрочемъ, очень умный человѣкъ! Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности — нѣтъ, всѣ объ немъ этого мнѣнія.

Наталья Өедоровна. — Я вамъ ручаюсь, что не всѣ. Я первая не такъ думаю объ немъ; я его знаю давно — онъ къ намъ ѣздитъ — и я не замѣтила его злости; по крайней мѣрѣ, онъ ни о комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

Гость первый. — О, это совсѣмъ другое; съ вами онъ, можетъ-быть, очень любезенъ, но...

Другая барышня. — Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

Гость второй (*подойдя*). — А мнѣ кажется, наоборотъ...

Наталья Өедоровна (*одной изъ барышень*). — Ma chère, знаешь ли ты что-нибудь глупѣе комплиментовъ?

Гость третій (*недавно подошедшій*). — А знаете ли вы исторію Арбенина?

Одна изъ дамъ. — Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ; это доказываетъ его веселый характеръ; а исторія счастливыхъ людей не бываетъ никогда занимательна.

Гость третій. — Повѣрьте, веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ бореньи съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего-то дикаго; если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: этотъ переломъ доказываетъ только, что человѣкъ не можетъ совершенно скрыть чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются, — вотъ лица счастливцевъ!

Наталья Ѳедоровна. — О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость третій. — Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ понапрасну?

Наталья Ѳедоровна. — Напротивъ! вотъ я третьяго дня цѣлый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ не заслуживаетъ названія дворянина, что у него злой языкъ и такъ далѣе; а я знаю, что Арбенинъ такъ понимаетъ хорошо честь, какъ никто, и что у него доброе сердце — онъ это доказалъ многимъ.

Гость первый (*обращаясь къ другому*). — Посмотрите, какъ она покраснѣла.

Гость четвертый. — C'est une coquette!

Наталья Ѳедоровна (*смотритъ въ дверь*). — Кто это еще пріѣхалъ? — Ахъ, вообразите! я не узнала издали кузину.

(*Княжна Софья входитъ. Кузины цѣлуются*).

Княжна Софья (*тихо Наташѣ*). — Я сію минуту, выходя изъ кареты, видѣла Арбенина: онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что если бъ самъ императоръ проѣхалъ мимо его съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. (*Улыбается.*) Будетъ онъ здѣсь?

Наталья Ѳедоровна. — Почему же мнѣ знать; я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

Княжна Софья (*въ сторону*). — А я надѣялась еще разъ его увидать. (*Громко.*) У меня сегодня что-то голова болитъ.

Гость второй. — Лишь бы не сердце.

Княжна Софья (*въ сторону*). — Какъ плоско. (*Ему.*) Вы вчера прекрасно играли у графа, особенно во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами. (*Онъ кланяется.*) Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

Гость второй. — У меня заболѣла голова.

Княжна Софья (*съ улыбкой*). — Что за важность? Это не сердце!

Анна Николаевна (*подходитъ*). — Барышни! господа кавалеры! не хотите ли играть въ мушку? Столы готовы.

Многіе. — Съ большимъ удовольствіемъ. (*Всѣ, кромѣ Наташи и Софьи, уходятъ.*)

Княжна. — Кузина! мнѣ кажется, ты совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... Ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда все про себя сказываю... или я еще не заслужила?..

Наталья Ѳедоровна. — Душенька, къ чему такіе упреки? (*Цѣлуетъ ее.*) Впрочемъ, это неправда... (*Беретъ княжну за руку.*) Не сердитесь же, Софья Николавна! (*Смѣется.*)

Княжна. — О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, не знающія никакой преграды, и перемѣнчивость склонностей — вотъ что опасно въ твоемъ любезномъ. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по той же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

Наталья Ѳедоровна. — Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

Княжна. — Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Наталья Ѳедоровна. — Да почему тебѣ такъ знать его?

Княжна. — О! я наслышалась довольно...

Наталья Ѳедоровна. — Отъ кого?

Княжна. — Да отъ самого Арбенина. (*Наташа отворачивается и уходитъ.*) Она ревнива! она любитъ его! а онъ, онъ... Какъ часто, когда я ему говорила что-нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованіемъ, и когда Наташа подходила, я слѣдовала за его взорами; внезапный блескъ

появлялся на нихъ... О, я несчастная!.. но какъ не любить? Онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! Онъ часто разговариваетъ со мною, но почти все о Наташѣ. Я знаю, что ему пріятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня; и то, что должно бы было служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся; какая душа блещетъ въ его темныхъ глазахъ! какой голосъ!.. О, я безумная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ, и не могу растолковать собственную страсть! (*Молчаніе.*) Нѣтъ! они не будутъ счастливы; клянусь этимъ небомъ, клянусь душой моей, все, что имѣетъ ядовитаго женская хитрость, будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе... Пусть тогда погибну, но въ утѣшеніе себѣ скажу: «онъ не веселится, когда я плачу; его жизнь не спокойнѣй моей!»... Я рѣшилась! какъ легко мнѣ стало! Я рѣшилась...

(*Въ это время въ глубинѣ театра проходитъ нѣсколько гостей, одни уѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, хозяйка провожаетъ и встрѣчаетъ. Владимиръ Арбенинъ тихо выходитъ изъ гостиной.*)

Княжна (*увидавъ Арбенина*). — Какъ смѣла я рѣшиться?

Владимиръ. — Ахъ, княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь.

Княжна. — Давно ли вы пріѣхали?

Владимиръ. — Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ по 5 копеекъ въ мушку. Я посмотрѣлъ; почти ни слова не сказалъ; мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія ни для глазъ ни для ума; нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, пошлое самовыказываніе завладѣло половиной русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку себѣ и другимъ...

Княжна. — Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

Владимиръ (*пожавъ плечами*). — Зачѣмъ?

Княжна (*язвительно*). — Я догадываюсь...

Владимиръ. — Такъ! заблужденіе, заблужденіе!.. Но скажите, можетъ ли быть тотъ счастливъ, кто своимъ присутствіемъ въ тягость! Я не сотворенъ для людей теперешняго вѣка и нашей страны; у нихъ каждый обязанъ жертвовать толпѣ своими чувствами и мыслями; но я этого не могу. Я вездѣ одинокъ, и потому нигдѣ не гожусь. Не правда ли, вотъ очень ясное доказательство...

Княжна. — Вы на себя нападаете...

Владимиръ. — Да, я самъ себѣ врагъ, потому что продаю свою душу за одинъ ласковый взглядъ, за одно не слишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени и со мною случится скоро горе не отъ ума, но отъ глупости.

Княжна. — Къ чему эти притворныя, мрачныя предчувствія? — Я васъ не понимаю. Все проходитъ; и ваши печали и [я не знаю даже какъ назвать] ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли ли вы мою кузину, Наташу?

Владимиръ. — Когда я вошелъ, какой-то адъютантикъ, потряхивая эполетами, разсказывалъ ей, какъ прошлый разъ въ собраніи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму и какъ мужъ ея, вступившись за нее, сдуру обнаружилъ кто она такова. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ я буду веселъ сегодня. (*Уходитъ въ гостиную.*)

Княжна (*глядитъ ему вслѣдъ*). — Желаю вамъ много успѣховъ! Нынче же начну приводить въ исполненіе мой планъ и скоро я увижу конецъ всему... Боже мой! Боже мой! для чего я такъ слабодушна, такъ нетверда! (*Уходитъ въ гостиную.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

15 сентября, днемъ.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ Маріи Дмитріевны (матери Владимира). Зеленые обои, столикъ и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьетъ что-то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя.

Аннушка. — Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшаете спать и покоиться богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе... Пріѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ; о, охъ, охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончится. Оставляетъ же онъ насъ почти съ голоду умирать, стало-быть, не любитъ совсѣмъ и никогда не любилъ; а если такъ, то и отъ

зволъте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

Докторъ (*беретъ деньги*). — Однако вы еще очень нездоровы, вамъ бы надобно...

Марья Дмитріевна (*значительно взглянувъ на него*). — Прощайте! (*Докторъ, раскланявшись, уходитъ съ недовольною миной.*) Этотъ человѣкъ въ состояніи высосать послѣднюю копейку!

Аннушка. — Вы совсѣмъ разстроены! Ваше лицо перемѣнилось! Ахъ, сударыня, присядьте! Ваши руки дрожатъ!

Марья Дмитріевна. — Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной.

Аннушка (*поддерживая ее*). — Видно, вамъ, сударыня, такъ ужъ на роду написано терпѣть...

Марья Дмитріевна. — И умереть.

Аннушка. — Смерть никого не обойдетъ... Зачѣмъ же звать ее, сударыня! Она знаетъ, кого въ какой часъ захватить... а назовешь-то ее неравно въ недобрый часъ... такъ хуже будетъ!.. Молитесь Богу, сударыня, да святымъ угодникамъ: вѣдь они всѣ страдали не меньше васъ! А мученики-то, матушка!

Марья Дмитріевна. — Я вижу, что близокъ мой конецъ. Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только примириться съ моимъ мужемъ прежде смерти. Пускай ничей справедливый укоръ не слѣдуетъ за мной въ могилу!.. Аннушка! доведи меня въ мою комнату. (*Уходятъ обѣ.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

17 октября, вечеръ.

Комната студента Рябинова. Снѣгинъ, Челяевъ, Заруцкій и др. Бутылки шампанскаго на столѣ и довольно много безпорядка, курятъ трубки. Ни одному нѣтъ больше 20 лѣтъ.

Снѣгинъ. — Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

Челяевъ. — Чѣмъ-нибудь обидѣлся.

Заруцкій. — Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то шутитъ и хохочетъ, то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто бы потолокъ проваливался надъ нимъ...

Снѣгинъ. — За здоровье Арбенина; sacré dieu! онъ славный товарищъ!

Рябиновъ. — Тостъ!

Вышневскій. — Челяевъ, былъ ты вчера въ театрѣ?

Челяевъ. — Да, былъ.

Вышневскій. — Что играли?

Челяевъ. — Общипанныхъ «Разбойниковъ» Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно! Жаль, что этотъ прекрасный актеръ не всегда въ духѣ. Случиться могло бъ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

Вышневскій. — И ты, вѣрно, крѣпко боялся въ театрѣ?..

Челяевъ. — Боялся? Чего?

Вышневскій. — Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

Всѣ. — Браво! браво! фора! — тостъ!

Снѣгинъ (*беретъ въ сторону Заруцкаго*). — Правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

Заруцкій. — Да... и довольно хорошо...

Снѣгинъ. — То-то! Не можешь ли ты мнѣ достать что-нибудь?

Заруцкій. — Изволь... да, кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ.

Снѣгинъ. — Ради Бога, покажи! пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ тамъ, и ты мнѣ прочтешь...

Заруцкій (*вынимаетъ нѣсколько листковъ изъ кармана, и они садятся въ другой комнатѣ у окна*). — Вотъ первая. Это отрывокъ, фантазія. Слушай хорошенько... Создатель, какъ они шумятъ!.. Между прочимъ, я долженъ тебѣ сказать, что онъ страстно влюбленъ въ Загорскину. — Слушай.

I.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ —
И тѣ мгновенья были мукъ полны:
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями; но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!

II.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ. Но созданія мои,
Предметы мнимой злобы и любви,
Не походили на существъ земныхъ;
О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ.

III.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ. И ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?

Снѣгинъ. — Онъ это писалъ въ геніальную минуту... Другую...

Заруцкій. — Это посланіе къ Загорскиной.

Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенныя мечты?
Я буду веселъ, но — ошибкой.
Причину слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга:
Ты любишь хладный, шумный свѣтъ;
Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!
Ты счастлива, а я, я — нѣтъ!
Какъ небо утра молодое,
Прекрасенъ взоръ небесный твой;
Въ немъ дышитъ чувство всѣмъ родное —
А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ея надежды — бредъ больного,
Имъ вѣрить — значитъ вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ,
Онъ проклятъ строгою судьбой;
Какъ счастье безъ тебя — онъ мраченъ.
Прости!.. прости же, ангелъ мой!..
Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано. Я его люблю за это

(*Сильный шумъ въ другой комнатѣ.*)

Многіе голоса. — Господа! мы (честь имѣемъ объявить) пришли сюда и званы на похороны добраго смысла и стыда. За здравіе дураковъ и б.. й!

Рябиновъ. — Тостъ!.. еще тостъ, господа! Коперникъ правъ: земля вертится!.. (*Шумъ утихаетъ; потомъ опять бьютъ въ ладони.*)

Снѣгинъ. — Оставь! не слушай ихъ; читай далѣе...

Заруцкій. — Погоди (*вынимаетъ еще бумагу*). Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ только замѣчателенъ, что онъ картина съ природы. Арбенинъ описываетъ то, что съ нимъ было, просто, но есть что-то особенное въ духѣ этой пьесы. — Она въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе The Dream Байронову. Все это мнѣ сказалъ самъ Арбенинъ. (*Читаетъ.*)

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ — и въ нихъ онъ былъ еще прекраснѣй!..
Но юный всадникъ не страшился, видно,
Ни ночи ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Въ безпорядкѣ
Минувшее являлося ему —
Грозящій призракъ, темнымъ предсказаньемъ
Пугающій довѣрчивую душу.
Но вѣрилъ *онъ* одной своей любви,
И для любви своей не зналъ преграды!..
Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И удалился съ видомъ удивленья.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И, проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ окно; окно и домъ;
Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
Рѣка темна, и шумны, шумны воды...
Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя бъ укоръ
Произнесли ея уста? О, нѣтъ! —
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
Коня — и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь — и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Взбѣгаетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный коридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... *Ея сестра*
Идетъ къ нему навстрѣчу. О, когда бъ
Я могъ изобразить его страданье! —
Какъ мраморъ блѣдный и безгласный онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!..
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо,
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... и долго онъ скакалъ.
До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній — наконецъ
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!

мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марьѣ Дмитріевнѣ все любить такого антихриста. Вотъ ужъ охота пуще неволи! Зато молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ: такой ласковый! Шесть лѣтъ, нѣтъ больше... восемь лѣтъ я его не видала: какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, какъ его на рукахъ таскала. То-то былъ любопытный, что ни увидитъ, все — зачѣмъ? да что? — а ужъ вспыльчивъ-то былъ словно порохъ! Разъ вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на полъ; ну, такъ и рвется, плачетъ: брось на полъ. Дала ему — бросилъ и успокоился... А бывало помню [ему еще было три года], бывало, барыня посадитъ его на колѣни къ себѣ и начнетъ играть на фортепьянахъ что-нибудь жалкое — глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся!.. Ужъ, вѣрно, ему Павелъ Григоричъ много наговаривалъ противъ матери, да, видишь, въ прокъ не пошло худое слово. Дай Богъ здоровья Владимиру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: хоть ласковой рѣчью да подаритъ.

(*Входитъ Марья Дмитріевна съ книгой въ рукѣ.*)

Марья Дмитріевна. — Я хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдуя мыслію за буквами? Тяжкое состояніе! Непонятная воля судьбы! ужасное бореніе самолюбія женщины съ необходимостію! Къ чему служили мои дѣтскія мечты? Развѣ есть необходимость: предчувствовать напрасно?.. Будучи ребенкомъ, я часто подъ вліяніемъ свѣтлаго неба, свѣтлаго солнца, веселой природы, создавала себѣ существа такія, какихъ требовало мое сердце; они слѣдовали за мною всюду; я разговаривала съ ними днемъ и ночью; они украшали для меня весь міръ. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имѣли нѣкоторое сходство съ моими идеалами; въ обхожденіи съ ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они? Не знаю — но очень близки къ ангеламъ... Но теперь холодная существенность отняла у меня послѣднее утѣшеніе: способность воображать счастіе!.. Не имѣя ни родныхъ ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобы получить прощеніе мужа. Прощенія? Мнѣ просить прощенія? Боже, Ты знаешь дѣла человѣческія, Ты читалъ въ моей и въ его душѣ, и Ты видѣлъ, въ которой хранился источникъ всего зла!.. (*Задумывается; потомъ подходитъ медленно къ кресламъ и садится.*) Аннушка, ходила ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ развѣдывать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги. Ну, что ты узнала о моемъ мужѣ, о моемъ сынѣ?

Аннушка. — Ходила, матушка, и раз спрашивала.

Марья Дмитріевна. — Что же? Что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала ли ты?

Аннушка.—Ничего онъ, сударыня, объ васъ не говорилъ. Если бъ не было у васъ сына, то никто не зналъ бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

Марья Дмитріевна. — Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произносить мое имя; онъ презираетъ меня!.. Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ къ другу! — какъ смерть и жизнь!

Аннушка. — Однакоже говорятъ, что Владимиръ Павловичъ васъ очень любитъ. Напрасно, видно, батюшка его старался очернить васъ.

Марья Дмитріевна.—Да! мой сынъ меня любитъ: я это видѣла вчера; я чувствовала, псарь его рука; я чувствовала, что онъ все еще мой. Такъ! душа не перемѣняется; онъ все тотъ же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣняхъ, въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще возстановить противъ меня небо и людей!.. (*Закрываетъ лицо руками.*)

Аннушка.—Эхъ, матушка! что плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не наплачешься. Говорятъ, Павелъ Григорьевичъ бранилъ, да какъ еще бранилъ молодого барина за то, что онъ съ вами повидался; да, кажется, и запретилъ ему къ намъ пріѣзжать.

Марья Дмитріевна. — О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, когда она, слабая, больная, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! это противъ природы!.. Аннушка! въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

Аннушка. — Въ самомъ дѣлѣ-съ.

Марья Дмитріевна. — И онъ запретилъ моему сыну видѣть меня? Точно?

Аннушка. — Запретилъ-съ, точно!

Марья Дмитріевна (*помолчавъ*). — Послушай! онъ думаетъ, что Владимиръ не его сынъ, или самъ никогда не знавалъ матери... (*Вѣтеръ сильнѣе ударяетъ въ окно. Обѣ содрогаются.*) И я пріѣхала искать примиренья? съ такимъ человѣкомъ?..

Нѣтъ! союзъ съ нимъ значитъ разрывъ съ небесами, хотя мой супругъ и орудіе небеснаго гнѣва... Но, Творецъ! взялъ ли бы Ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные ли люди бываютъ на землѣ палачами?

Аннушка. — Какъ вы блѣдны, сударыня? Не угодно ли отдохнуть? (*Смотритъ на стѣнные часы.*) Скоро пріѣдетъ докторъ; онъ обѣщался быть въ двѣнадцать часовъ.

Марья Дмитріевна.—И пріѣдетъ въ послѣдній разъ. Какъ смѣшна я кажусь себѣ самой! думать, что лѣкарь вылѣчитъ глубокую рану сердца! (*Молчаніе*). О! для чего я не пользовалась тысячью случаями къ примиренію, когда еще было время; а теперь, когда прошелъ сонъ, я ищу сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать [что] это напрасно — вотъ что меня убиваетъ! О раскаяніе! зачѣмъ за мгновенный проступокъ ты грызешь мою душу! Какое униженіе! я принуждена подъ *другимъ именемъ* пріѣзжать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ... Передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и злодѣевъ — есть міръ, нынѣшній міръ. Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святые!

Аннушка (*посмотрѣвъ въ окно*). — Докторъ пріѣхалъ.

(*Докторъ входитъ.*)

Марья Дмитріевна. — Здравствуйте, Христофоръ Васильичъ! Милости просимъ.

Докторъ (*подходитъ къ рукѣ*).—Что? Какъ вы?

Марья Дмитріевна. — Благодаря вамъ, мнѣ гораздо лучше.

Докторъ (*щупая пульсъ*). — Совсѣмъ напротивъ! совсѣмъ напротивъ! вы слабѣе! у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе; у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ: вамъ надобно лѣчиться долго, постепенно, по методѣ, а вы все хотите вдругъ...

Марья Дмитріевна. — Но если недостаетъ способовъ?

Докторъ. — Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. (*Пишетъ рецептъ.*)

Марья Дмитріевна.—Откуда вы теперь, Христофоръ Васильичъ?

Докторъ.—Отъ господина Арбенина.

Марья Дмитріевна и Аннушка (*вмѣстѣ*). — Отъ Арбенина? (*Обѣ въ замѣшательствѣ.*)

Докторъ.— А развѣ вы его знаете?

Марья Дмитріевна. — Нѣтъ! А кто такое Арбенинъ?

Докторъ.—Этотъ господинъ Арбенинъ, коллежскій асессоръ, въ разводѣ съ своей женой... то-есть не въ разводѣ а такъ... она покинула мужа, потому что была невѣрна...

Марья Дмитріевна. — Невѣрна! *она* его покинула?

Докторъ.—Да, да! невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого же Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ, лѣтъ девятнадцати или двадцати, шалунъ, повѣса, заслужившій въ свѣтѣ очень дурную репутацію; говорятъ даже, что онъ пьетъ... да, да... Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалѣютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ господинъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй! Если его принимаютъ въ хорошія общества, то это только для отца... И еще вообразите, онъ смѣется все надо мной и надъ моей ученостью!.. онъ! надъ моей ученостью! смѣется!..

Марья Дмитріевна (*въ сторону*).— Личность!.. я отдыхаю!

Докторъ.—Ахъ, у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсѣмъ здоровы.

Марья Дмитріевна!—Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость и позвольте мнѣ съ вами проститься. Вы почти знаете, въ какомъ я положеніи: я скоро ѣду изъ Москвы. Недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ меня возвратиться въ деревню.

Докторъ.—Какъ? Не возвративши здоровья?

Марья Ивановна.—Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

Докторъ. — Какъ? Вы не вѣрите благому вліянію медицины?

Марья Дмитріевна. — Извините, я очень вѣрю... однако не могу ею пользоваться...

Докторъ. — Есть ли что-нибудь невозможное для человѣка съ твердой волею?

Марья Дмитріевна. — Мнѣ должно, моя воля — ѣхать въ деревню. Тамъ у меня тридцать семействъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья. Тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится; тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ болѣе не нужны. Благодарю за все... Пе-

дѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

Бѣлинскій.—Велю ему войти. (*Слуга уходитъ.*)

(*Входитъ мужикъ, сѣдой, и бросается въ ноги Бѣлинскому.*)

Бѣлинскій.—Встань, встань! что тебѣ надобно, другъ мой?

Мужикъ (*на колѣняхъ*). — Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ... (*Кланяется.*) Мы слышали, что ты баринъ добрый...

Бѣлинскій. — Да встань, братецъ, а потомъ говори... встань прежде!..

Мужикъ (*вставъ*). — Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

Бѣлинскій. — Да говори же...

Мужикъ (*кланяясь*).—Меня, старика, прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяться тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... всѣ бы стали Богу молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

Бѣлинскій. — Что же? Вамъ не хочется съ госпожой своей разставаться, что ли?

Мужикъ (*кланяясь въ ноги*). — Нѣтъ, купи, купи насъ, родимый!

Бѣлинскій (*въ сторону*). — Странное приключеніе! (*Мужику.*) А! такъ вы, вѣрно, недовольны своей помѣщицей?

Мужикъ. — Охъ, тяжко!.. за грѣхи наши!.. (*Арбенинъ начинаетъ вслушиваться.*)

Бѣлинскій. — Ну, говори, братъ, смѣлѣе! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

Мужикъ.—Да такъ, баринъ, что вѣдь, ей Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду...

Владимиръ. — Что же она дѣлаетъ? (*Лицо Владимира мрачно.*)

Мужикъ. — Да что вздумается ея милости...

Бѣлинскій. — Напримѣръ... сѣчетъ часто?

Мужикъ. — Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости, онъ и творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и не вѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару въ полдень, пока не прикажетъ надѣть, а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

Бѣлинскій. — Какія злоупотребленія!

Мужикъ. — Разъ какъ-то барынѣ донесли, что, дескать, Ѳедька дурно про нее говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... а Ѳедька мужикъ былъ славный; вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать. — Господинъ управитель! сказалъ Ѳедька. Что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь ты меня губишь! — Вздоръ! сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукій. На печкѣ такъ и лежитъ да клянетъ свое рожденье...

Бѣлинскій.—Да что, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ сосѣдей, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть.

Мужикъ. — Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей! У барыни же всѣ судьи подкуплены нашимъ же оброкомъ... Тяжко, баринъ, тяжко стало намъ! Посмотришь въ другое село — сердце кровью обливается!.. живутъ покойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась; такъ, вишь, ножницами такъ и кольнула одну изъ дѣвушекъ... Охъ, больно... А какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... (*Падаетъ на колѣни передъ Бѣлинскимъ.*) О! кабы ты намъ помогъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! (*Рыдаетъ.*)

Владимиръ (*въ бѣшенствѣ*).—Люди! люди!.. И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!.. Все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство.

Бѣлинскій.—Въ самомъ дѣлѣ ужасно!

Мужикъ. — Купи насъ, родимый.

Владимиръ.—Дмитрій, есть ли у тебя деньги?.. Вотъ все, что я имѣю: вексель на 1000 рублей... ты мнѣ отдашь когда-нибудь. (*Кладетъ на столъ бумажникъ.*)

Бѣлинскій (*сосчитавъ*).—Если такъ, то я постараюсь купить эту деревню. Поди, добрый мужичокъ, и скажи своимъ, что

они въ безопасности. (*Владимиру.*) Какова госпожа?

Мужикъ. — Дай Боже вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ долгую жизнь! Дай Богъ вамъ все, что душѣ ни пожелается!.. Прощай, родимый! Благослови тебя Царь небесный. (*Уходитъ.*)

Владимиръ. — О, мое отечество! мое отечество! (*Ходитъ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

Бѣлинскій. — Ахъ, какъ я радъ, что могу теперь купить эту деревню! какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчить страждущее человѣчество! Такъ; это доброе дѣло!.. Несчастные мужики!.. Что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

Владимиръ. — Есть люди болѣе достойные сожалѣнья, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія внѣшнія проходятъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія... тотъ, кто желаетъ и не надѣется... тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его... тотъ... Но для чего говорить объ такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

Бѣлинскій. — Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнить свободнаго съ рабомъ?

Владимиръ. — Одинъ рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина, или имѣетъ выборъ; второй никогда. Имъ играетъ слѣпой случай; и страсти его и безчувственность другихъ, — все соединено къ его гибели.

Бѣлинскій. — Развѣ ты не вѣришь въ Провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, Который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

Владимиръ (*смотритъ на небо*). — Вѣрю ли я? Вѣрю ли я?..

Бѣлинскій. — Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владимиръ (*помолчавъ*). — Послушай; не правда ли, теперь прекрасная погода? Пойдемъ на бульваръ.

Бѣлинскій. — Чудакъ! (*Входитъ слуга Марьи Дмитріевны.*) Что тебѣ надобно? Кто ты?

Владимиръ. — Слуга моей матери!

Слуга. — Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искалъ я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете.

Владимиръ. — Что случилось?

Слуга. — Да барыня-съ...

Владимиръ. — Что?

Слуга. — Сдѣлалась очень нездорова, и проситъ васъ поскорѣе къ себѣ.

Владимиръ. — Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга. — Очень нездорова-съ!

Владимиръ (*задумчиво*). — Очень!.. да, я пойду! (*Подавая руку Бѣлинскому.*) Не правда ли, я твердъ въ своихъ несчастіяхъ? (*Уходитъ. Въ продолженіе этой рѣчи онъ мѣнялся въ лицѣ и голосъ его дрожалъ.*)

Бѣлинскій (*глядя вслѣдъ ему*). — Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но не способенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось въ груди твоей. — Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучшій способъ излѣчить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. (*Слуга Бѣлинскаго входитъ.*) Что тебѣ?

Слуга. — Да я ходилъ въ театръ за билетомъ-съ, какъ вы приказывали. Вотъ билетъ-съ.

Бѣлинскій. — Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (*Про себя.*) Скучно будетъ сегодня во французскомъ театрѣ: играютъ скверно, тѣсно, душно, а нечего дѣлать! весь beau-monde! (*Закуриваетъ трубку и уходитъ.*)

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ III.

10-го января, день.

Въ домѣ у Загорскиныхъ. Комната барышень. Княжна Софья сидитъ на постели; Наташа поправляетъ волосы передъ зеркаломъ.

Княжна Софья. — Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

Наташа. — Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна — такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться — но очей не освѣжитъ.
Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И, какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки — ничего
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу...
Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній теплый день, и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ глазами, полными огнемъ и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однакоже на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось — безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее —
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его.
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
И съ сжатою душой не смѣлъ вздохнуть,
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный, или
Не получить отвѣта на моленья!..

Все, что тутъ описано, было съ Арбенинымъ; для другого эти приключенья ничего бы не значили, но вещи дѣлаютъ впечатлѣніе на сердце, смотря по расположенію сердца.

Снѣгинъ. — *Странный человѣкъ* Арбенинъ! (*Оба уходятъ въ другую комнату.*)

Вышневскій. — Господа, когда-то русскіе будутъ русскими?

Челяевъ. — Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорово.

Вышневскій. — Прекрасное средство. Если бъ тебѣ твой докторъ только такіе рецепты прописывалъ, то я бьюсь объ закладъ, что ты теперь не сидѣлъ бы за столомъ, а лежалъ бы на столѣ!

Заруцкій. — А развѣ мы не доказали въ 12-мъ году, что мы русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... мы современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара Москвы; мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкамъ и чужестранцамъ. Ура! господа! здоровье пожара московскаго!.. (*Звукъ стакановъ.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ЯВЛЕНІЕ II.

10-го января утромъ.

Въ домѣ у Бѣлинскаго; его кабинетъ по модѣ отдѣланный. — Окна замерзли; на столѣ табачный пепелъ и пустая чайная чашка.

Бѣлинскій (*одинъ прохаживается по комнатѣ*). — Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я женился! Что же? Женитьба—лѣкарство очень полезное отъ многихъ болѣзней и отъ карманной чахотки особенно. Теперь я занялъ денегъ, чтобъ купить деревню; но тысячи рублей недостаетъ, а гдѣ ихъ взять?.. Женись! женись! кричитъ разсудокъ. Такъ и быть! но на комъ?.. Вчера я познакомился съ Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у ней кое-что есть... но Владимиръ влюбленъ въ нее. Что жъ? Чья взяла, тотъ и правъ. Я нахожусь въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ: одинъ день то, другой—другое! самъ себѣ противорѣчитъ; а какъ заговоритъ и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ-нибудь, конечно, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова не добьешся: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все его существованіе остановилось на одной мысли... (*Молчаніе.*) Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ не кончу дѣла. Буду покамѣстъ ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ...

(*Входитъ Арбенинъ скоро.*)

Владимиръ. — Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

Бѣлинскій. — А! здравствуй, Арбенинъ! Это — планы... планы...

Владимиръ. — И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

Бѣлинскій. — Нѣтъ! если я твердо намѣренъ сдѣлать что-нибудь, то рѣдко мнѣ не удается. Повѣрь, человѣкъ, который непремѣнно хочетъ что-нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться: судьба — женщина!

Владимиръ. — А я такъ часто былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаивался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего; живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого всѣ стараются чѣмъ-нибудь возбудить меня, какъ-нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... И знаешь ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобъ чѣмъ-нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!.. Неужели я такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

Бѣлинскій. — Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеньи и даешь имъ черный цвѣтъ для большаго романтизма.

Владимиръ. — Нѣтъ! нѣтъ, говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я для нихъ слишкомъ гордъ, они для меня — слишкомъ подлы.

Бѣлинскій. — Какъ? Ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты любезенъ въ обществѣ: дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все-таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь, и это какъ-то къ тебѣ идетъ.

Владимиръ (*съ горькой улыбкой*). — Я вижу, ты хочешь меня утѣшить?

Бѣлинскій. — Когда ты былъ у Загорскиныхъ? Могутъ ли тамъ тебя утѣшить!

Владимиръ. — Вчера я ихъ видѣлъ. Странно: она меня любитъ — и не любитъ. Она со мною иногда такъ добра, такъ мила, такъ много говорятъ глаза ея, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви... а иногда, особливо на балѣ гдѣ-нибудь, она совсѣмъ другая — и я больше не вѣрю ни ея любви ни своему счастью.

Бѣлинскій. — Она кокетка...

Владимиръ. — Не вѣрю; тутъ есть тайна...

Бѣлинскій. — Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа объ тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется — вотъ и вся тайна.

Владимиръ. — Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе.

Бѣлинскій (*покачавъ головой*). — Ты не въ духѣ сегодня.

Владимиръ (*вынимаетъ изорванное письмо*). — Видишь?

Бѣлинскій. — Что такое?

Владимиръ. — Это письмо я писалъ къ ней. Прочти его! Вчера я пріѣзжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ; улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной... Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы прежде самой прочитать письмо... Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться!.. Смѣяться!.. Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Бѣлинскій. — Я подозрѣваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе... Зависть, можетъ-быть, и болѣе, или просто шутка...

Владимиръ. — Хитрость, хитрость! Я ее видѣлъ, провелъ съ нею почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали въ глазахъ ея, когда играли «Коварство и любовь» Шиллера... Неужели она равнодушно стала бы слушать разсказъ моихъ страданій? (*Схватываетъ за руку Бѣлинскаго.*) Что, если бъ я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: ты моя, моя навѣки!.. — Боже! Боже! я не переживу этого! (*Смотритъ пристально въ глаза Бѣлинскому.*) Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

Бѣлинскій. — Послѣ! (*Въ сторону.*) Какъ? Ужели онъ предугадываетъ судьбу свою?

Владимиръ. — О! какъ сердце умѣетъ обманывать! (*Безпокойно ходитъ взадъ и впередъ.*)

Бѣлинскій (*въ сторону*). — И я долженъ буду разрушить этотъ обманъ?.. Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?.. Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ показываетъ: жизнь — не романъ.

(*Входитъ слуга Бѣлинскаго.*)

Слуга. — Дмитрій Васильевичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ ви-

я бы... Но ѣхать туда? Если узнаютъ, что скажутъ?

Владимиръ. — Вамъ нечего бояться; моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ: она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли... Есть на небѣ судія! Вашъ подвигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячъ похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ. (*Горько улыбается*).

Павелъ Григор. (*принужденно*).— Оставь меня.

Владимиръ. — Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты... (*Горько.*) Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ. (*Тихо идетъ къ дверямъ.*) О, если бъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я приду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери! (*Останавливается и смотритъ на отца.*) Боже! Вотъ человѣкъ!

Павелъ Григор. (*про себя*).—Однако для чего мнѣ не ѣхать? Что за бѣда? Передъ смертью помириться ничего: смѣяться никто надъ этимъ не станетъ... а все бы лучше!.. Да такъ и быть, отправлюсь! Она, вѣрно, безъ памяти и меня не узнаетъ... скажу ей, что прощаю — и дѣлу конецъ! (*Громко.*) Владимиръ! послушай... погоди! (*Владимиръ недовѣрчиво приближается.*) Я пойду съ тобою... я рѣшился... насъ никто не увидитъ?.. Но я вѣрю... Пойдемъ... Только смотри, въ другой разъ думай объ томъ, что говоришь.

Владимиръ. — Такъ вы точно хотите итти къ моей матери? точно? Это невѣроятно! Нѣтъ, скажите: точно?

Павелъ Григор. — Точно.

Владимиръ (*кидается ему на шею*).— У меня есть отецъ! У меня снова есть отецъ. (*Плачетъ.*) Боже, Боже! Я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!.. Вижу, вижу, что трудно бороться съ природными чувствами!.. О какъ я счастливъ!.. Видите ли, батюшка, какъ пріятно сдѣлать, рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза прояснѣли, лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ. (*Обнимаетъ его.*) О, мой отецъ! Вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни.

Павелъ Григор. (*Хочетъ итти. Въ сторону*). — Итакъ, я долженъ увидѣться Хорошо! Да нѣтъ ли тутъ какой-нибудь сѣти? Однако отчаяніе Владимира... но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?.. Развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть... кого бы ни было?.. О, я предчувствовалъ, я проникнулъ этотъ замыселъ — и теперь все ясно!.. Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость, она, пожалуй, его подобьетъ... Признаюсь, прехитрый планъ! Прихитрѣйшій! Однако не на того напали. Хорошо, что я во-время догадался. Не пойду же я! Пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!

Владимиръ. — Вы медлите?

Павелъ Григор. (*холодно*).—Да. Я медлю...

Владимиръ. — Вы... эта перемѣна... вы...

Павелъ Григор. (*гордо*).— Я остаюсь. Скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть... Скажи, что я благодарю за приглашеніе и желаю ей веселой дороги. (*Владимиръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ.*)

Владимиръ.—Какъ! (*Съ отчаяніемъ.*) Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью! съ такой адской улыбкой!... И я вашъ сынъ?.. Такъ, я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности!.. О?.. Если бъ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ-звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ.

Павелъ Григор. — Замолчи, сумасшедшій! Страшись моего гнѣва!.. Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителя!... Я тебя примѣрно накажу...

Владимиръ (*закрывъ лицо руками*).— А я мечталъ найти жалость!..

Павелъ Григор. — Неблагодарный, неблагодарный! Чудовище! Мнѣ ли ты не обязанъ?.. И съ такими упреками...

Владимиръ. — Неблагодарный!.. Вы мнѣ дали жизнь, возьмите, возьмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!

Павелъ Григор.— Вонъ скорѣй изъ моего дома и не смѣй воротиться, пока не умретъ моя бѣдная супруга! *(Со смѣхомъ.)* Посмотримъ, скоро ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлала столько шума и заставила тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, что ты говорилъ, и тогда... тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! *(Злобно взглянувъ на сына, уходитъ и запираетъ двери за собою.)*

Владимиръ *(который стоялъ какъ вкопанный, смотритъ вслѣдъ. Послѣ краткаго молчанія).* — Все кончилось! *(Уходитъ въ другую дверь. Рѣшительная безнадежность примѣтна во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ оставляетъ за собою дверь растворенною, и долго видно, какъ онъ то пойдетъ скорыми шагами, то остановится: наконецъ, махнувъ рукой, онъ удаляется.)*

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ II.

3-го февраля, день.

Спальня Марьи Дмитріевны. Столъ съ лѣкарствами. Она лежитъ на постели; Аннушка стоитъ возлѣ нея.

Аннушка. — У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Ахъ ты, моя родная! Какія руки-то холодныя! Точно ледяныя! Не прикажете ли, матушка, послать за лѣкаремъ?

Марья Дмитріевна.— Послушай, что давитъ мнѣ грудь?

Аннушка. — Ничего, сударыня; одѣяло прелегкое. Отчего бы, кажется, давитъ?

Марья Дмитріевна. — Аннушка, я сегодня умру!

Аннушка.—И, Марья Дмитріевна! Выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

Марья Дмитріевна. — Зачѣмъ?

Аннушка.— Не все больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Не пора ли лѣкарство принять?

Марья Дмитріевна. — Я не хочу лѣкарства... Гдѣ мой сынъ? Да, я и позабыла, что сама его послала. Посмотри въ окно; нейдетъ ли онъ? Поди къ окну... Что? нейдетъ?.. Какъ долго!

Аннушка. — На улицѣ пусто.

Марья Дмитріевна *(про себя).* — Онъ уговоритъ отца—я увѣрена!—О, какъ сладко примириться передъ концомъ. Теперь я не стыжусь встрѣтить его взоръ. *(Погромче.)* Аннушка! что ты такъ смотришь въ окно?

Аннушка. — Я?.. Нѣтъ... это такъ...

Марья Дмитріевна.—Нѣтъ, вѣрно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. — Похороны, сударыня, да какія препышныя, сколько каретъ сзади: вѣрно, богачъ! Какія лошади! Покровъ такъ и горитъ!.. Два архирея... пѣвчіе!.. Ну ужъ, нечего сказать...

Марья Дмитріевна. — Аннушка, и мнѣ пора... я чувствую близость послѣдней минуты. О, поскорѣе, поскорѣе, Царь небесный!

Аннушка. — Полноте, сударыня, что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? Кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?.. Не бывать этому. Да я лучше по міру пойду: добрые люди изъ окошекъ накормятъ.

Марья Дмитріевна. — Мой сынъ, Владимиръ, тебя не оставитъ.

Аннушка. — Да еще перенесетъ ли онъ вашу смерть? Вы знаете, какой онъ горячій: изъ малости ужъ внѣ себя, а тогда... Боже упаси!

Марья Дмитріевна. — Ты права... я должна тебя наградить: у меня въ шкатулкѣ есть 80 рублей... дай нѣсколько и старику Павлу. Онъ всегда вѣрно мнѣ служилъ, и тобой я всегда была довольна... *(Смутная радость изображается на лицѣ Аннушки).* О, какъ сердце бьется!.. Что хуже: ожиданіе или безнадежность?

(Дверь отворяется. Тихо входитъ Владимиръ. *Онъ мраченъ. Молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ.)*

Аннушка.—Владимиръ Павловичъ пришелъ.

Марья Дмитріевна *(быстро).* — Пришелъ! *(Приподнимается и опять опускаетъ голову.)* Владимиръ... ты одинъ!.. а я думала... ты одинъ!..

Владимиръ. — Да.

Марья Дмитріевна. — Другъ мой, ты звалъ его сюда? Сказалъ, что я умираю? Онъ скоро придетъ?

Княжна Софья. — Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться: онъ вовсе не такой человѣкъ.

Наташа. — Разумѣется, я сама за него свататься не стану, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

Княжна Софья (*насмѣшливо*). — Не правда ли, какъ онъ интересенъ, какъ милы его глаза, полные слезъ?

Наташа. — Да, для меня очень занимательны.

Княжна Софья. — Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

Наташа. — Ему не отчего быть увѣрену.

Княжна Софья. — А попробуй показать холодность — тотчасъ отстанетъ.

Наташа. — Я пробовала, и онъ не отсталъ, и только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

Княжна Софья. — Но ты не умѣешь притворяться, ты...

Наташа. — Повѣрь, не хуже тебя.

Княжна Софья. — Арбенинъ точно такъ же куртизанилъ прошлаго года Лидиной Полинѣ; а тутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею — ты помнишь? То же будетъ и съ тобой.

Наташа. — Я не Полина.

Княжна Софья. — Посмотримъ.

Наташа. — Да что ты такъ на одно паладила?

Княжна Софья. — Ужъ что я знаю, то знаю. Вчера...

Наташа. — Что такое? Впрочемъ, я и знать не желаю!

Княжна Софья. — Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

Наташа. — Ну, что жъ?

Княжна Софья. — Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разсказывалъ ей Богъ знаетъ что, и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины! въ одну влюблены, а другой пишутъ письма. Вѣрь имъ послѣ этого! Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія? (*Молчаніе.*) А еще, знаешь, мнѣ сказывали навѣрное, что онъ хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви, но я не вѣрю.

Наташа (*въ сторону*). — Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!.. Хвалится! кто бъ подумалъ! это слишкомъ!.. (*Громко.*) Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій? Un jeune homme charmant! Прелесть какъ хорошъ, уменъ и любезенъ! Вотъ ужъ не надуетъ губы! Какъ воспитанъ! точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

Княжна Софья. — Поздравляю. И ты, я надѣюсь, ему очень понравилась. (*Въ сторону.*) Я въ восхищеніи, мои слова дѣйствуютъ! (*Громко.*) Вчерась же Арбенинъ чуть-чуть не поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, такой тихій, степенный, осторожный, а Вольдемаръ этого неслишкомъ придерживается. Нелидовъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и общественное мнѣніе, и нѣсколько разъ повторялъ, что дорожитъ своей доброй славой, такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Абренину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и поблѣднѣлъ; послѣ и говоритъ мнѣ: «Нелидовъ хотѣлъ кольнуть мое самолюбіе; онъ достигъ своей цѣли; это правда: я потерянъ для свѣта, но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ». Ха-ха-ха! Не правда ли, Наташа, это показываетъ твердость характера?

Наташа. — Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ объ немъ мало заботится; и этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. (*Наташа подходитъ къ окну.*)

Княжна Софья. — Повѣрь мнѣ: Арбенина такъ же огорчаетъ злословіе, какъ и другого; онъ только не хочетъ этого показать. (*Молчаніе.*)

Наташа (*съ живостію*). — Ахъ! сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ I.

3-го февраля, утро.

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбенина. Онъ сидитъ въ креслахъ. Противъ него стоитъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ синемъ сюртукѣ, съ сѣдыми бакенбардами

Павелъ Григор. — Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи своему господину, что я не намѣренъ ждать. Долженъ — плати. Нечѣмъ — на что задолжалъ? Въ Россіи на это есть судъ. Ну, если бъ я былъ бѣднякъ? Развѣ два мѣсяца пождать ничего не значитъ?

Повѣренный.—Хоть двѣ недѣли, сударь. На дняхъ мы денегъ ждемъ съ завода. Неужели ужъ мы обманемъ васъ?

Павелъ Григор.—Ни дня ждать не хочу.

Повѣренный.—Да гдѣ же денегъ взять прикажете? Вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

Павелъ Григор.—Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время... и съ процентами... слышишь?..

Повѣренный.—Да помилуйте-съ!..

Павелъ Григор.—Ни слова больше! ступай! (*Повѣренный уходитъ.*) Видишь, какой ловкій! все бы ему ждали! Нѣтъ, братъ, нынче деньги дороги; хлѣба дешевы, да еще плохо родятся. Пускай графскіе сынки да вельможи проматываютъ имѣнье; мы, дворяне простые, отъ этого выигрываемъ; пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами, а мы будемъ тише да выше, и наконецъ они оглянутся и увидятъ, хоть поздно, что мы ихъ обогнали. (*Встаетъ съ креселъ.*) Ухъ! замотали меня эти дѣла, а все-таки какъ-то весело: видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей, и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки. Почему же нѣтъ? И человѣкъ тлѣетъ, какъ бумажка, и человѣкъ, какъ бумажка, носитъ на себѣ условные знаки, которые ставятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ... (*Зѣваетъ.*) Уфъ! спать хочется! Гдѣ-то сынъ мой? Онъ, вѣрно, опять задолжалъ, потому что третій день дома обѣдаетъ. Вотъ прошу покорно имѣть дѣтей.

(*Владимиръ, блѣдный, быстро входитъ*).

Владимиръ (*громко и скоро*).—Батюшка!

Павелъ Григор.—Что тебѣ надобно?

Владимиръ.—Я пришелъ, чтобы... У меня есть одна единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдемте со мною! Поѣдемте, заклинаю васъ! Одна минута замедленья—и вы сами будете раскаиваться!

Павелъ Григор.—Куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

Владимиръ.—Немудрено... Если бъ даже вы увидали, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

Павелъ Григор.—Это ужъ ни на что не похоже! Ты, Владимиръ, выводишь меня изъ терпѣнія.

Владимиръ.—Такъ вы не хотите со мною ѣхать? Такъ вы мнѣ не вѣрите? А я думалъ... но теперь вынужденъ все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть; эта женщина...

Павелъ Григор.—Что мнѣ за дѣло до нея?

Владимиръ.—Она ваша супруга...

Павелъ Григор. (*съ досадой*).—Владимиръ!

Владимиръ.—Вы, вѣрно, думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ и удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!.. да! если вы будете далѣе противиться мольбамъ моей матери!.. О, нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія! Я говорю прямо. Я—вашъ сынъ и ея сынъ. Вы счастливы, она страдаетъ на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ—не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы и рыданья, и послѣдній нищій назвалъ бы меня подлецомъ, если бъ я могъ еще любить васъ!

Павелъ Григор.—Дерзкій! Я давно ужъ не жду отъ тебя любви; но гдѣ видано, чтобы сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

Владимиръ.—Я ужъ просилъ васъ не уничтожать во мнѣ послѣдню искру покорности сыновней, чтобъ я не повторилъ эти обвиненія передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Павелъ Григор.—Боже мой, до чего я дожилъ? (*Ему.*) Знаешь ли?

Владимиръ.—Я знаю: вы сами терзаемы совѣстью; вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ; вы виновны во многомъ...

Павелъ Григор.—Замолчи!

Владимиръ.—Не замолчу! Не просить пришелъ я, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!.. Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память!.. Батюшка! (*Бросается на колѣни.*) Батюшка, поѣдемте со мною!

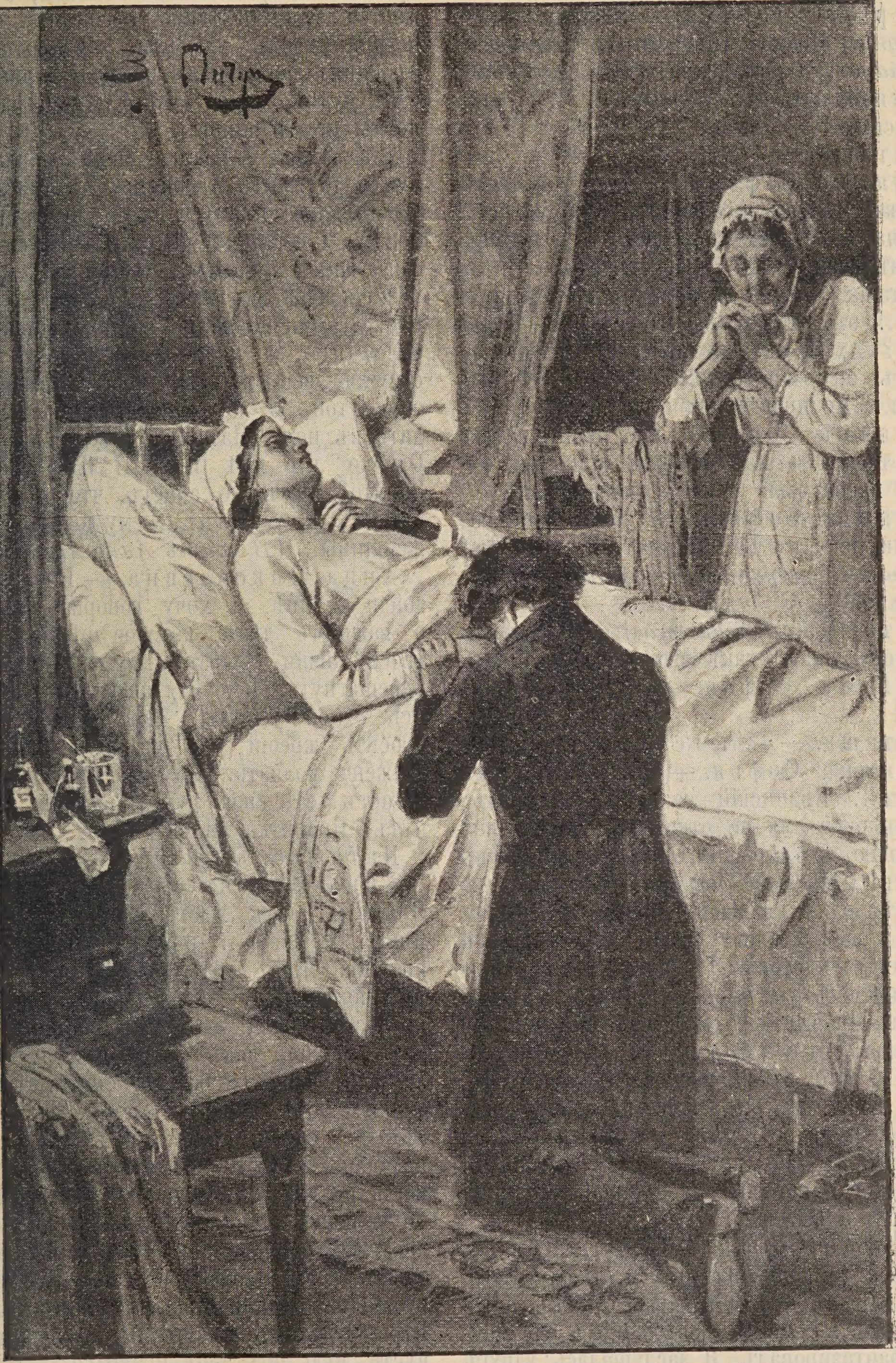
Павелъ Григор.—Встань! (*Онъ встревоженъ.*)

Владимиръ.—Вы поѣдете.

Павелъ Григор. (*въ сторону*).—Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ-быть...

Владимиръ.—Такъ вы не хотите? (*Встаетъ.*)

Павелъ Григор. (*въ сторону*).—Она умираетъ, говоритъ Владимиръ; желаетъ получить мое прощенье!.. Правда,



„— Я возлѣ васъ... Зачѣмъ вамъ другого?.. Развѣ вамъ не довольно меня?..“

демте со мною, матушка. Я угадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ: мнѣ ужъ говорили. Онъ самъ не такъ богатъ, но дядя при смерти; а у дяди 1500 душъ.

Первая старуха. — Понимаю! (*Въ сторону.*) Посмотримъ, что за Бѣлинскій. (*Наташѣ.*) О, плутовка! (*Обѣ уходятъ.*)

Княжна Софья. — Отчего ты такъ покраснѣла?

Наташа. — Я?

Княжна Софья (*махнувъ рукой*). — Ну ужъ! Ничего не слышитъ и не видитъ! Наташа, твои щеки пылаютъ, ты дрожишь, ты внѣ себя... Что такое значитъ?

Наташа (*схвативъ княжну за руку*). — Такъ... это ничего... Кто сказалъ, что я дрожу? Ахъ! Знаешь ли!.. Я отгадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ... Теперь все рѣшится... Не правда ли?

Княжна Софья. — Что рѣшится?

Наташа. — Какіе глупые вопросы, кузина! вчера была у насъ княгиня, и...

Княжна Софья. — Я тебя понимаю: ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, что жъ? (*Наташа отворачивается.*) Это очень натурально.

Наташа (*съ живостію*). — Послушай, какъ онъ милъ! какъ онъ любезенъ!

Княжна Софья. — Бѣдный Арбенинъ!

Наташа. — Чѣмъ же бѣдный?

Княжна Софья. — Онъ тебя такъ любитъ!.. Бѣлинскій свататься пріѣхалъ; ты навѣрное ему не откажешь — такъ ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень, очень любитъ! (*Насмѣшливо улыбается*).

Наташа.—Разлюбитъ поневолѣ... Впрочемъ, онъ очень умѣлъ притворяться прежде съ другими, почему же не притворялся онъ со мной, кто можетъ поручиться? Правда, онъ мнѣ сначала немного нравился: въ немъ что-то необыкновенное... а зато какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображенье!.. Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не меньше его чувствуютъ, а веселы...

Княжна Софья. — Ты хотѣла бы все смѣяться! (*Смотритъ на нее пристально*). Однажды, въ сумерки, пріѣхалъ къ намъ Арбенинъ... сѣлъ за фортепіано и съ полчаса фантазировалъ. Я заслушалась; вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ. Слезы были у него на глазахъ.—Что съ вами?— спросила я. — Припадокъ! — отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой. — Музыка приводитъ мнѣ на мысли Италію! Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое отвѣчало бы моему! Все, что я люблю, убѣгаетъ меня; прошу сожалѣнья — нѣтъ! Я похожъ на чумного! Все, что меня любитъ, то заражается этой болѣзнію несчастія, которую я принужденъ называть жизнію! — Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто ожидая отвѣта... я догадалась... но ты не слышишь...

Наташа. — Оставь меня! Какая мнѣ нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ, что хочешь! Клянусь тебѣ, не стану ревновать. Слышишь... вотъ... кажется, кто-то сюда идетъ... кажется, маменька...

Княжна Софья (*въ сторону*).—Небо прекрасно исполняетъ мои желанья; судьба мститъ за меня. Хорошо! Онъ почувствуетъ всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я не даромъ старалась охладить къ нему Наташу: это меня радуетъ. Однако что мнѣ пользы? Я отомстила!.. За что?.. Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!.. Но узнаетъ!.. Я ему докажу, что есть женщины... (*Входитъ Анна Николаевна.*)

Анна Николаевна. — Наташа, подойди ко мнѣ, я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, которое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ — не порогъ перешагнуть. Все будущее твое зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій; но разсудокъ также не долженъ молчать. Подумай. Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку. Согласна ты или нѣтъ? Нравится ли онъ тебѣ?

Наташа (*въ смущеніи*).—Я... не знаю...

Анна Николаевна.—Какъ не знаю? Помилуй! Онъ ждетъ въ той комнатѣ! Кому же знать... рѣшись поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать ли ему надежду? Что ты молчишь?... Онъ молодой человѣкъ, превоспитанный, честный; состояніе есть, а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ожидаетъ богатое наслѣдство. Подумай: 1500 душъ! Разсуди. Ты ужъ въ лѣтахъ, скоро стукнетъ 19. Теперь не пойдешь замужъ, такъ, можетъ-быть, никогда не удастся; сиди въ дѣвкахъ! Плохо теперь: жениховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться; мотаютъ себѣ вволю; а старые? Что въ нихъ: глупы или бѣдны! Рѣшись, Наташа! Вѣдь онъ тамъ ждетъ! Ну, скажи по совѣсти, вѣдь онъ тебѣ нравится?

Наташа. — Нравится...

Анна Николаевна. — Такъ ты согласна?.. Я пойду...

Наташа (*останавливаетъ мать*). — Maman, подождите!.. Такъ скоро!.. Ей Богу,

Владимиръ (*мрачно*). — Какъ вы себя чувствуете? Довольно ли вы крѣпки, чтобъ говорить и... слушать?

Аннушка. — Барыня безъ васъ все плакала, Владимиръ Павловичъ.

Владимиръ. — Боже, Боже! Ты всесиленъ... Зачѣмъ непремѣнно *я* долженъ убить мать мою?

Марья Дмитріевна. — Говори скорѣе, не терзай меня понемногу... Придетъ ли твой отецъ? (*Молчаніе.*) Гдѣ онъ... Какъ предстать предъ Бога?.. Владимиръ, безъ него я не умру спокойно!

Владимиръ (*тихо*). — Нѣтъ.

Марья Дмитріевна (*не слыхавъ*).— Что сказалъ ты?.. Дай мнѣ руку, Владимиръ.

Владимиръ. (*Слезы начинаютъ падать изъ глазъ его; онъ бросается на колѣни возлѣ постели и покрываетъ поцѣлуями ея руку.*)—Я возлѣ васъ... Зачѣмъ вамъ другого?.. Развѣ вамъ на довольно меня?.. Кто-нибудь любитъ ли васъ сильнѣй, чѣмъ я?

Марья Дмитріевна. — Встань... ты плачешь...

Владимиръ (*вставъ, отходитъ въ сторону*). — Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу... то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погибели... Такъ!.. Я долженъ былъ силою притащить его сюда; угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощеніе... (*Съ бѣшеной радостью.*) Послушайте, послушайте, что я вамъ скажу! Мой отецъ веселъ, здоровъ, и не хотѣлъ васъ видѣть!.. (*Вдругъ, какъ бы испугавшись, останавливается.*)

Марья Дмитріевна (*вздрагиваетъ послѣ молчанія*). — Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!..

Аннушка. — Ей дурно, дурно!..

Марья Дмитріевна.—Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владимиръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... Подойди!.. Я умираю... отдаю душу правосудному Богу и хочу, чтобъ ты, — ты, мой единственный другъ, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ... я сама произнесу свой приговоръ. (*Останавливается.*) Я виновна: молодость была моей виною!.. Я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мной обращался... я прежде любила другого... если бъ мой мужъ хотѣлъ—я забыла бы прежнее. Нѣсколько лѣтъ старалась я побѣждать эту любовь — и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!... Упрекай лучше самыми жестокими словами! Я твоя злодѣйка! Мой поступокъ заставляетъ тебя презирать меня, и не одну меня... Долгимъ раскаяньемъ я загладила свой проступокъ. Слушай: онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла заглушить совѣсть и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, съ униженіемъ я упала къ ногамъ его... я надѣялась, что онъ великодушно проститъ мнѣ... но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мною поступилъ!.. Я умираю... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владимиръ! Ты осуждаешь мать свою?.. Ты не смотришь на меня!.. (*Голосъ ея подъ конецъ становится все слабѣе и слабѣе.*)

Владимиръ (*въ сильномъ движеніи; про себя*). — Вижу! вижу! Природа вооружается противъ меня!.. Я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобъ разрушать естественный порядокъ! Боже! Боже! Здѣсь умирающая мать — и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?.. Горе, горе тому, кто изсушилъ это сердце!.. Онъ мнѣ заплатитъ! Я сдѣлался черезъ него преступникомъ... Съ этой минуты прочь сожалѣніе!.. День и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него не встанутъ дыбомъ волосы и раскаяніе не начнетъ грызть его душу. (*Ооращаясь къ матери.*) Ангелъ, ангелъ! Не умирай такъ скоро! Еще нѣсколько часовъ.

Аннушка (*съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривая на госпожу*).—Владимиръ Павловичъ! (*Онъ услыхалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руку Марью Дмитріевну и вдругъ останавливается.*) Прости, Господи, ея душу! (*Крестится. Владимиръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ: удерживается рукой за спинку стула и такъ остается недвиженъ нѣсколько минутъ.*)

Аннушка. — Какъ тихо скончалась-то родимая моя! Что буду я теперь? (*Плачетъ.*)

Владимиръ (*подходитъ къ тѣлу и, взглянувъ, быстро отворачивается*). — Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значатъ... у меня ихъ нѣтъ... нѣтъ!.. Но я отомщу; жестоко, ужасно отомщу!.. Пойду, принесу отцу моему вѣсть о ея кончинѣ и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ будетъ плакать — буду смѣяться. (*Убѣгаетъ. Долгое молчаніе.*)

Аннушка. — И сынъ родной ее оставляетъ. Теперь все, что я могу захватить, мое... Что же? Тутъ по мнѣ нѣту грѣха; лучше, чтобы мнѣ досталось, чѣмъ кому другому... а Владимиру Павловичу не нужно. (*Подноситъ зеркало къ губамъ усопшей.*) Зеркало гладко... послѣднее дыханье улетѣло... Какъ блѣдна. (*Уходитъ изъ комнаты и призываетъ остальныхъ слугъ для совершенія обрядовъ.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ III.

3-го февраля, пополудни.

Комната у Загорскиныхъ. Наташа и княжна. Анна Николаевна, входя, вводитъ двухъ старухъ.

Анна Николаевна. — А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! Прошу садиться! Какъ ваше здоровье, Мавра Петровна? (*Садятся.*)

Первая старуха. — Эхъ, мать моя! Что у меня за здоровье! Все ревматизмы да флюсъ... только нынче развязала щеку. (*Къ другой старухѣ.*) Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитріевна! Я только что на дворъ, и вы за мной, какъ будто сговорились навѣстить Анну Николаевну.

Вторая старуха (*къ хозяйкѣ*). — Я слышала, что вы бы. и больны.

Анна Николаевна. — Да... благодарю, что навѣстили. Теперь получше... А что, новаго не слыхать ли чего-нибудь?

Вторая старуха. — У меня, вы знаете, Егорушка въ Петербургѣ; такъ онъ пишетъ, что турокъ впухъ разбили наши... взяли пашу...

Первая старуха. — Дай-то Богъ!.. А я слышала, что Горинкинъ женился — да на комъ! Знавали вы Болотину? — такъ на ея дочери! Славная партія! Вѣдь сколько жениховъ за нею гонялось! Такъ нѣтъ... кому счастіе!

Анна Николаевна. — А я слышала. графъ Свитской умеръ. Вѣдь жена, дѣти...

Первая старуха. — Да. какая жалость! А что разсказываютъ — слышали вы?

Анна Николаевна. — Что такое?

Вторая старуха. — Что такое? Странно! я не слыхала!

Первая старуха. — Говорятъ, что покойникъ, прости его, Господи, почти все свое имѣнье продалъ и побочнымъ дѣтямъ отдалъ деньги. Есть же люди! И говорятъ также, будто бы въ духовной онъ написалъ, чтобъ его похороны не стоили больше ста рублей.

Вторая старуха. — Нечего сказать! Какъ въ колыбелькѣ, такъ и въ могилку. Всегда былъ чудакъ покойникъ, царство ему небесное! Что жъ, и исполнили его завѣщаніе?

Первая старуха. — Какъ можно! Пожалуй, онъ бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули! Нѣтъ, матушка, пять тысячъ стоили похороны!.. Въ Донскомъ монастырѣ, да два архіерея было.

Анна Николаевна. — Стало - быть, очень пышно было.

Наташа. — Будто не все равно...

Первая старуха. — Какъ такъ? Развѣ можно графа похоронить какъ нищаго?

Вторая старуха (*послѣ общагаго молчанія*). — Анна Николаевна! Вы меня извините: я вѣдь только на минуточку къ вамъ заѣхала; спѣшу къ золовкѣ на крестины. (*Встаетъ.*) — Прощайте.

Анна Николаевна. — Если такъ, то не смѣю васъ удерживать. Прощайте! (*Цѣлуются.*) До свиданья, матушка! (*Провожаетъ ее.*)

Первая старуха. — Какова? Какъ разрядилась наша Мавра Петровна! Пунцовыя ленты на чепцѣ! Ну кстати ли? Вѣдь сама насилу ноги таскаетъ!.. А который ей годъ, Анна Николаевна, какъ вы думаете?

Анна Николаевна. — Да лѣтъ пятьдесятъ есть. Она такъ говоритъ...

Первая старуха. — Крадетъ съ десятокъ. Я замужъ выходила, а у нея ужъ дѣти бѣгали.

Наташа (*тихо Софьѣ*). — Я думаю, потому, что она замужъ вышла тридцати лѣтъ.

Княжна Софья. — Охота тебѣ ихъ слушать, Наташа!

Наташа. — Помилуй, это очень весело. (*Слуга входитъ.*)

Слуга. — Дмитрій Василичъ Бѣлинскій пріѣхалъ.

Анна Николаевна. — Что это значитъ? (*Слугѣ.*) Проси въ гостиную. (*Слуга уходитъ. Тихо старухѣ.*) Пой-

я все это вижу, какъ во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... (*Слезы показываются на глазахъ; она закрываетъ ихъ руками.*) Я не могу... развѣ непремѣнно сейчасъ?

Анна Николаевна (*ласкаетъ ее*).— Успокойся, другъ мой. О чемъ ты плачешь? Развѣ не сама сказала, что онъ тебѣ нравится? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила; однако, сама посуди, вѣдь онъ ждетъ; не надо упускать жениха. Вѣдь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна—и я тотчасъ ему скажу; нѣтъ — такъ нѣтъ! бѣда не велика.

Наташа (*утирая слезы*). — Онъ мнѣ нравится... Только... дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ, какъ женихъ... Только... я сама не знаю! Вы такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Maman, вы сами сумѣете какъ ему сказать... я напередъ на все согласна.

Анна Николаевна. — Ну, и давно бы такъ! Объ чемъ же плакать, мой ангелъ? (*Креститъ ее.*) Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! (*Уходитъ*).

Наташа. — Ахъ!

Княжна Софья. — Ты поблѣднѣла, кузина! Поздравляю тебя! Невѣста!

Наташа. — Какъ скоро все это сдѣлалось. (*Уходитъ.*)

Княжна Софья. — Правда. Когда мы чего-нибудь желаемъ и желаніе наше исполнится, то намъ всегда кажется, что оно исполнилось слишкомъ скоро. Мы лучше любимъ видѣть радость въ будущемъ, нежели въ минувшемъ... Она счастлива... а я?.. Зачѣмъ раскаиваться? Люди не виновны, если судьба нечаянно исполняетъ ихъ дурныя желанья: стало-быть, они справедливы... стало-быть, покойно... должно бы было быть покойно!..

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Февраля 4-го, вечеръ.

Зала въ домѣ Павла Григор.: слуги зажигаютъ лампы.

Первый.— Онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ: отъ вчерашняго еще не опомнился.

Второй. — Какъ сказалъ ему баринъ?

Третій. — «Проклинаю тебя!» сказалъ онъ ему.

Второй. — Владимиръ Павловичъ не заслужилъ этого.

Первый. — А гдѣ старый баринъ?

Третій. — Уѣхалъ въ гости.

Второй. — Былъ ли онъ встревоженъ, когда ты ему подавалъ одѣваться?

Третій. — Нимало. Ни разу не ударилъ. Проклясть сына, ѣхать въ гости — эти двѣ вещи для него такъ близки между собою, какъ выпить стаканъ вина и стаканъ воды.

Первый. — А крѣпко поговорилъ молодой баринъ своему батюшкѣ: тотъ сначала и не опомнился.

Второй. — Оно все такъ, а только жалко, ей Богу жалко! Отцовское проклятіе не шутка! Лучше жерновъ положить себѣ на сердце.

Третій. — Ивану не велѣно отъ него отходить... Вотъ отецъ!.. Вѣдь проклялъ, а все боится, чтобъ онъ на себя рукъ не наложилъ.

Второй. — Кровь говоритъ.

Третій. — А по-моему, такъ лучше убить, чѣмъ проклясть.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Февраля 4-го, вечеръ.

Комната Владимира. Луна свѣтитъ въ окно. Владимиръ возлѣ стола, опершись на него рукою. Иванъ у двери.

Иванъ. — Здоровы ли вы, сударь?

Владимиръ. — На что тебѣ?

Иванъ. — Вы блѣдны.

Владимиръ. — Я блѣденъ?.. Когда-нибудь буду еще блѣднѣе.

Иванъ. — Вашъ батюшка только погорячился: онъ скоро васъ проститъ.

Владимиръ.—Поди, добрый человѣкъ; это до тебя не касается.

Иванъ. — Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить.

Владимиръ. — Ты лжешь: здѣсь нѣтъ никого, кто бы занимался мною. Оставь меня — я здоровъ.

Иванъ. — Напрасно, сударь, хотите меня увѣрить въ томъ. Вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное.

Владимиръ (*вынимаетъ кошелекъ; про себя*). — Я слышалъ, что деньги дѣлаютъ изъ людей все. (*Громко.*) Возьми— и ступай отсюда. Здѣсь тридцать червонцевъ.

Иванъ. — За тридцать серебрянниковъ продалъ Іуда нашего Спасителя; а это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ; хотя я рабъ, а не рѣшусь отъ васъ взять денегъ за такую услугу.

Владимиръ (*бросаетъ кошелекъ въ окно, которое разбивается; стекла звенятъ и*

кошелекъ упадаетъ на улицу). — Такъ пусть кто-нибудь поднимаетъ!

Иванъ. — Что это, сударь, съ вами дѣлается? Утѣшьтесь — не все горе...

Владимиръ. — Однакожъ...

Иванъ. — Богъ пошлетъ вамъ счастье, хотя бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали. Никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ.

Владимиръ. — Точно?

Иванъ. — Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Богу молиться.

Владимиръ (*разсѣянно*). — Такъ у тебя есть жена и дѣти?

Иванъ. — Да еще какія — будто съ неба... добрая жена... а малютки! сердце радуется, глядя на нихъ.

Владимиръ. — Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу.

Иванъ. — И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Владимиръ (*беретъ его за руку*). — У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда! (*Отходитъ въ сторону къ окну; Иванъ глядитъ на него съ сожалѣніемъ.*) А онъ, онъ, мой отецъ, меня проклялъ, и въ такой мигъ, когда я бы могъ умереть отъ словъ его. Но я сдѣлаю должное: она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго. Теперь испытаю послѣднее на землѣ — женскую любовь. Боже, какъ мало Ты мнѣ оставилъ? Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется, и я буду съ Тобой. Ты сотворилъ мое сердце для Себя; проклятіе человѣка не имѣетъ вліянія на гнѣвъ Твой. Ты милосердъ — иначе я бы не могъ родиться! (*Смотритъ въ окно.*) Какъ эта луна, эти звѣзды стараются меня увѣрить, что жизнь ничего не значитъ... Гдѣ мои исполинскіе замыслы? Къ чему служитъ эта жажда къ великому? Все прошло — я это вижу. Такъ точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимаетъ видъ небеснаго города, блеститъ золотыми краями и обѣщаетъ чудеса воображенію; но солнце закатилось, дунулъ вѣтеръ—и облако растянулось, померкло, и наконецъ упадаетъ росою на землю!

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ I.

Февраля... вечеръ.

Комната у Загорскиныхъ. Дверь отворена въ другую, гдѣ много гостей. Анна Николаевна и княжна Софья входятъ.

Княжна Софья. — Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ и купили все, что надобно. Не знаю, понравится ли вамъ; по мнѣ хорошо, только блонды дорого.

Анна Николаевна. — Теперь некогда, Сонюшка: послѣ посмотрю. (*Входитъ гость.*) Ахъ, здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье? Я васъ совсѣмъ не ожидала: вы такіе стали спесивые — и знать насъ не хотите.

Гость первый.—Помилуйте, я узналъ, что Наталья Ѳедоровна ваша помолвлена, и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастья.

Анна Николаевна. — Покорно васъ благодарю. Дай-то Богъ! Человѣкъ, кажется, хорошій.

Гость первый. — И я слышалъ — съ прекраснымъ состояніемъ?

Анна Николаевна. — Какъ же-съ! Да вы, я думаю, знаете г-на Бѣлинскаго?

Гость первый. — Видалъ-съ. Прелестнѣйшій молодой человѣкъ

Анна Николаевна. — Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! (*Уходятъ оба въ гостиную.*)

Княжна Софья. — Все идетъ по-моему. Отчего же я безпокоюсь? Развѣ у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радуетъ и огорчаетъ? Какъ согласить внутреннее самодовольствіе съ исполненіемъ желаній? Нѣтъ, главная моя цѣль еще далеко. Я желала бы знать: какъ все это подѣйствуетъ на Владимира. Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые съ такимъ жаромъ разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ и приноситъ мнѣ какое-нибудь новое мученье! Гдѣ несчастливцы? На всѣхъ лицахъ я встрѣчаю только улыбки. Одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... Если бъ онъ ихъ увидалъ, то сталъ бы меня любить. Онъ бы не устоялъ! Невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну...

Наташа (*вбѣгаетъ; весело*). — Ха-ха-ха-ха-ха! Ma cousine, послушай: если бъ ты была тамъ, то насмѣялась бы досыта... Ха-ха-ха! Боже мой!.. Ахъ!.. Я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

Княжна Софья. — Кому?.

Наташа. — Насилу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравлять, смѣшался, заикнулся, забормоталъ... я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что говорилъ, — умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... Ха-ха-ха!

Княжна Софья. — Какъ ты весела! Гдѣ Бѣлинскій?

Наташа. — Его окружили старики и старухи—такъ досадно!

Бѣлинскій *(входитъ)*. — Слава Богу! Я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди, только нестерпимо скучны! Они все толкуютъ о прошедшемъ, а я въ настоящемъ такъ счастливъ!

Княжна Софья. — Это видно по вашему лицу.

Наташа. — Mon cher ami, оставимъ ее: она не въ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. (*Садятся.*)

Бѣлинскій (*цѣлуетъ у нея руку*).— Теперь я имѣю право вызывать завистниковъ.

Княжна Софья (*про себя*). — Этотъ человѣкъ думаетъ, говоритъ о счастіи, отнявъ послѣднее у своего друга. Отчего же я, хотя менѣе виновна, должна чувствовать раскаянье? О, какъ бы я замѣнила Владимиру эту потерю, если бъ... если бъ только...

(Гость, *молодой человѣкъ, выходитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и приближается къ ней*).

Гость. — Здорова ли княгиня, ваша матушка?

Княжна Софья. — Нѣтъ, она очень больна.

Гость. — Вы, вѣрно, знаете Владимира Арбенина?

Княжна Софья. — Онъ къ намъ ѣздитъ.

Гость. — Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

Княжна Софья. — Я всегда замѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться къ чему такіе вопросы?

Гость. — Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у его отца. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и вбѣгаетъ Владимиръ... Я испугался. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. «Убійца! — воскликнулъ Владимиръ. — Ты мнѣ не вѣрилъ, поди же поцѣлуй ея мертвую руку!» и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю; слуги вбѣжали; его подняли; отецъ не говорилъ ни слова, но дрожалъ, хотя показывалъ, или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григоричъ его ужасно бранилъ и даже проклялъ, говорятъ, но я не вѣрю...

Княжна Софья (*въ сильномъ волненіи*).—Проклялъ, говорите вы... Онъ упалъ, но ему ничего не сдѣлалось?.. Вы не знаете, что значили слова его? Нѣтъ, это не сумасшествіе... что-нибудь ужасное съ нимъ случилось...

Гость (*съ улыбкой*). — Я не ожидалъ, чтобы вы приняли такое большое участіе.

Княжна Софья. — Въ самомъ дѣлѣ? (*Съ досадой въ сторону.*) Боже, нельзя показать сожалѣнія!

Гость. — Наконецъ я узналъ, что въ этотъ самый день умерла у Владимира мать, которая съ отцомъ была въ разводѣ; но такое бѣшенство, такія угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! Это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко; онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

Княжна Софья. — По словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ-нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ сумасшествіе...

Гость. — О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите... Мнѣ стало жалко его; вотъ для чего я спросилъ...

Княжна Софья. — Вы видите, что я не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

Гость (*помолчавъ*). — Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша будетъ на арфѣ играть. Вы не слыхали еще? Она изъ Парижа... это очень любопытно. Если угодно, я билетъ...

Княжна Софья. — Я не любопытна; я не имѣю этого порока.

Гость. — Извините! Я желалъ вамъ услужить.

Княжна Софья. — Вы очень милостивы...

Гость (*раскланиваясь*). — Прошу васъ повѣрить, что если я что-нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... (*Уходитъ.*)

Княжна Софья (*одна*). — Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ меня обрадовать этими новостями! Прійти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того только, чтобы сказать зло про одного человѣка и опечалить другого. (*Молчаніе.*) Что ждетъ меня? Ужасно темнѣетъ предо мной будущность, какъ бездна, которая хочетъ поглотить все, что во мнѣ радуется жизнію. Владимиръ потерялъ

мать, любовь отца и долженъ лишиться Наташи. Но первыя два несчастья помогутъ ему перенести послѣднее съ твердостію. Нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая, къ которой прикованы всѣ думы, которая отравляетъ всѣ чувства одинаковымъ ядомъ. Да! онъ мужчина, онъ крѣпокъ духомъ!.. А тамъ... тамъ, я могу еще надѣяться. Я примѣчала нѣсколько разъ, что глаза его пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ-быть...

Наташа. — Что онъ тебѣ разсказывалъ?

Княжна Софья. — Про Арбенина.

Бѣлинскій. — Что такое про Арбенина?

Княжна Софья. — Не бойтесь.

Бѣлинскій. — Чего же мнѣ бояться?

Княжна Софья. — Вы лучше знать должны.

Наташа (*тихо*). — Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

Княжна Софья. — За его друга? — Нѣтъ... Арбенинъ потерялъ мать и отъ этого онъ въ отчаяньи. Его приняли за сумасшедшаго. Не знаю, вынесетъ ли онъ второй ударъ...

Бѣлинскій. — О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

Княжна Софья. — Разумѣется, вы это должны знать лучше насъ: вы были его другомъ.

Бѣлинскій. — Я дружбу принесъ въ жертву любви.

Княжна Софья. — Это очень хорошо... для васъ.

Бѣлинскій. — Впрочемъ, не думайте, что я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели въ нашъ вѣкъ — двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издаютъ согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ.

Княжна Софья (*Наташѣ*). — Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и, вѣрно, господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ? (*Наташа при этихъ словахъ покраснѣла*).

Наташа. — Да, это правда: Арбенинъ мнѣ сначала нравился и очень занималъ воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мнѣ болѣе объ немъ.

Княжна Софья. — Я не совсѣмъ что-то вѣрю твоему пробужденію.

Наташа. — Кузина, къ чему это?

Бѣлинскій. — Можетъ - быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

Княжна Софья. — Однако послушайте, господинъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрьте: она съ давнишнихъ поръ носитъ на крестѣ стихи, которые далъ ей Арбенинъ. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она ихъ показала. А-а, попалась, душа моя!

Бѣлинскій. — Я могу просить, и то, если она позволитъ... Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

Княжна Софья. — Излишества всегда опасны.

Наташа. — Чтобъ доказать моей кузинѣ, что я нимало не дорожу этими глупостями. (*Снимаетъ съ шеи ожерелье, на которомъ крестъ, и отвязываетъ бумажку.*) Возьмите! Эта старинная бумажка была мною совсѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ... эти стихи довольно порядочно написаны.

Бѣлинскій. — Это его рука.

Княжна Софья (*въ сторону*). — Безстыдный! онъ такъ же спокоенъ, какъ будто читаетъ театральную афишу; ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Ужели искусство? Нѣтъ, я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ, для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа. — Прочти, мой другъ.

Бѣлинскій (*читаетъ*).

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей;
Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?
Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда,
Но, хоть виновенъ передъ ними,
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.
Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ!
Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!

Прекрасно! Очень мило! (*Отдаетъ.*)

Наташа (*разрываетъ бумагу*). — Теперь спокойны ли вы, кузина?

Княжна Софья. — О, я на твой счетъ никогда не безпокоилась.

Бѣлинскій (*въ сторону*).—Эта княжна вовсе не по мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло?

(*Дверь отворяется, входитъ Владимиръ; кланяется; всѣ смущены. Онъ хочетъ подойти, но, взглянувъ на Бѣлинскаго и Наташу, останавливается и быстро входитъ въ гостиную.*)

Наташа (*только что Владимиръ вошелъ*). — Ахъ! Арбенинъ!

Бѣлинскій (*про себя*).—Вотъ некстати! Чортъ его просилъ! Онъ взбѣсится; онъ, вѣрно, еще не знаетъ, что я женюсь, и на комъ... Надо убраться, чтобъ не сдѣлаться жертвою перваго пыла. (*Громко.*) Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинымъ. Вы его знаете...

Княжна Софья (*кинувъ на него косвенный взглядъ*). — Это правда.

Бѣлинскій.— Итакъ, прощайте. (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

Наташа. — Невольный трепетъ пробѣгаетъ по мнѣ; сердце бьется... Отчего? Отчего этотъ человѣкъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое вліяніе? Но, можетъ-быть, любовь къ нему не совсѣмъ погасла въ моемъ сердцѣ? Можетъ-быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность... я дала Бѣлинскому слово: онъ будетъ моимъ мужемъ, и Арбенина должно удалить; это будетъ мнѣ легко... (*Задумывается.*)

Княжна Софья. — Слава Богу! (*Про себя.*) Я думала, что этотъ Бѣлинскій не мучимъ совѣстью; теперь я вижу совсѣмъ противное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго имъ человѣка. Такъ! онъ виновнѣе меня... Я замѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ!.. Ему ли убѣжать отъ неизбѣжнаго наказанія небесъ? (*Удаляется въ глубину театра. Владимиръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижны.*)

Наташа. — Что скажете новаго?

Владимиръ. — Говорятъ, вы выходите замужъ.

Наташа. — Это для меня не ново...

Владимиръ.— Я вамъ желаю счастья.

Наташа. — Покорно благодарю.

Владимиръ. — Такъ это точно, точно правда?

Наташа. — Что жъ удивительнаго?

Владимиръ (*помолчавъ*).—Вы не будете счастливы.

Наташа. — Почему же?

Владимиръ. — Я слыхалъ, что свадьбы, которыя бываютъ въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

Наташа. — Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто-нибудь да умираетъ въ мірѣ. Итакъ...

Владимиръ. — Послушайте, скажите мнѣ по чести — это шутка или нѣтъ?

Наташа. — Нѣтъ.

Владимиръ. — Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. Въ васъ есть жалость... Послушайте, я потерялъ мать, ангела; отвергнутъ отцомъ. Я потерялъ все, кромѣ одной искры надежды. Одно слово — и она погаснетъ! Вотъ какая у васъ власть... Я пришелъ сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... что пользы вамъ лишить меня изъ шутки такой минуты?

Наташа. — Я не думала шутить; я очень понимаю, какъ ваше несчастіе велико; я бы достойна была презрѣнія, если бъ могла съ вами шутить теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и состраданіе всякаго...

Владимиръ (*смотритъ на нее нѣсколько времени*). — Помните ли, давно-давно тому назадъ, я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить противъ злословій свѣта... и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу, съ тѣхъ поръ я васъ люблю больше Бога! О, какимъ голосомъ было сказано это «обѣщаю», и я тогда же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ. Вѣчно! На языкѣ другого это слово мало значитъ... но я *поклялся* любить васъ вѣчно, поклялся самому себѣ; а клятва благороднаго человѣка неизмѣнна, какъ воля Творца!.. Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово... солгите... и я буду... доволенъ. Что стоитъ одно слово?.. Оно спасетъ человѣка отъ отчаянія.

Наташа (*въ сторону*). — Что мнѣ дѣлать? Мысли мои разсѣяны. О! зачѣмъ, зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней изъ моей жизни, возвратиться къ прежнему?.. Я могла бы отвѣчать ему... онъ такъ жалокъ! Я его не люблю, но мнѣ какъ-то страшно его огорчить.

Владимиръ. — Женщина! ты колеблешься? Послушай: если бъ изсохшая отъ голода собака приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеньями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя бы былъ хлѣбъ — ужели ты не отда-

ла бы ей, прочитавъ голодную смерть во впаломъ взорѣ, хотя бы этотъ кусокъ хлѣба назначенъ былъ совсѣмъ для другого употребленья? Такъ я прошу у тебя одного слова любви...

Наташа (*помолчавъ*; *значительно*).— Я выхожу замужъ за Бѣлинскаго. (*Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно.*)

Владимиръ. — Онъ? Онъ?.. Какъ?.. Стало-быть, мои подозрѣнья...

Наташа. — Чего вы испугались?

Владимиръ.— И я его называлъ другомъ! Адъ и проклятье! Онъ мнѣ заплатитъ за каждую слезу, которую пролилъ я на предательскую грудь... онъ мнѣ заплатитъ своей кровью! (*Хочетъ итти.*)

Наташа. — Остановитесь! Остановитесь! (*Онъ неподвиженъ.*) Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Бѣлинскаго, и вы хотите убить его! Опомнитесь, его смерть заставитъ меня ненавидѣть васъ.

Владимиръ.— Тебѣ его жаль? Ты его любишь? Не вѣрю! Нѣтъ, я не вѣрю! Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженья! Презрѣнье и любовь — несовмѣстны!.. Моя рука тебя избавитъ отъ этой ехидны.

Наташа. — Владимиръ, останьтесь... я умоляю...

Владимиръ (*посмотрѣвъ на нее, со вздохомъ*). — Хорошо! Что еще я долженъ сдѣлать?

Наташа. — Намъ не надобно больше видѣться. Я прошу, забудьте меня: это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало ли есть разсѣяній для молодого человѣка! Рамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будемъ друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣлые дни радости. До тѣхъ поръ я прошу васъ забыть дѣвушку, которая не должна слушать вашихъ жалобъ.

Владимиръ. — Прекрасные совѣты. (*Ходитъ взадъ и впередъ; съ сухимъ смѣхомъ.*) Въ какомъ романѣ... у какой героини вы переняли такія мудрыя увѣщанія?.. Вы желали бы во мнѣ найти Вертера... прелестная мысль... Кто бъ могъ ожидать?

Наташа. — Разсудокъ вашъ то же говоритъ, что я, только вы его не хотите слушать.

Владимиръ. — Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому! Я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разлукѣ: они годятся другъ для друга... и что мнѣ за дѣло? Пускай себѣ живутъ да дѣтей наживаютъ; пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія — вотъ ихъ занятія!.. Ахъ! я за одинъ ея веселый мигъ заплатилъ бы годами блаженства... А на что ей? Какая дѣтская глупость?

Наташа. — Мои слова непріятны вамъ; но правда, говорятъ, никому не нравится. Я сама вамъ теперь признаюсь, что вы, вашъ характеръ, вашъ умъ сдѣлали на меня сначала довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и мы должны разстаться; я люблю другого... я подамъ вамъ примѣръ: я васъ забуду...

Владимиръ. — Ты меня забудешь?— Ты? О, не думай! совѣсть вѣрнѣе памяти; не любовь—раскаяніе будетъ тебѣ напоминать обо мнѣ. Развѣ я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если бъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя. Бѣлинскій тебя не стоитъ; онъ не будетъ въ состояніи цѣнить твою любовь, твой умъ; онъ пожертвовалъ другомъ для... о, не для тебя! деньги, деньги — вотъ его божество!.. и тебя принесетъ онъ имъ въ жертву. Тогда ты проклянешь свою легковѣрность... и тотъ часъ, тотъ часъ... въ который подала мнѣ пагубныя надежды и создала земной рай для моего сердца, чтобъ лишить меня небеснаго...

Наташа. — Еще разъ говорю вамъ, перестаньте! Вы слишкомъ вольно говорите. (*Помолчавъ.*) Мы не должны больше видѣться. Какая вамъ охота смущать семейственную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ — послѣ мы будемъ друзьями...

Владимиръ. — Не слишкомъ ли вы полагаетесь на свою добродѣтель? Нѣтъ, я не способенъ жить остатками сокровища, принадлежащаго другому... Что осмѣлились вы предложить мнѣ? Создатель! Теперь я вѣрю, что демоны были прежде ангелами.

Наташа. — Господинъ Арбенинъ, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы. Вы несносны.

Владимиръ. — Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

Наташа. — Вы правы: я смѣшна, глупа... Какъ хотѣть, чтобъ сумасшедшій поступалъ какъ разсудительный человѣкъ... Оставляю васъ, и, признаюсь, раскаиваюсь въ первый и послѣдній разъ въ томъ, что хотѣла кого-нибудь утѣшить. Вы пренебрегли всѣ приличія, и я не намѣрена терпѣть долѣе. (*Уходитъ, но оста-*

навливается въ глубинѣ театра и смотритъ на него.)

Владимиръ. — Богъ, Богъ! Во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры... Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, Ты Самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть? Ты виновенъ! пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову: я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать... (*Въ это время вошелъ Бѣлинскій. Наташа говоритъ ему что-то на ухо, съ видомъ просьбы, и уходитъ. Онъ смотритъ издали. Владимиръ ломаетъ себѣ руки.*) Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, улыбка, глаза, — все, все это для меня стало ядъ! Какъ можно подавать надежды только для того, чтобъ имѣть удовольствіе лишній разъ обмануть ихъ? (*Обтираетъ глаза и лобъ.*) Женщина, стоишь ли ты этихъ кровавыхъ слезъ! (*Бѣлинскій подходитъ.*)

Бѣлинскій. — Владимиръ! (*Въ сторону.*) Мнѣ должно его умаслить, уговорить, а то онъ чортъ знаетъ чего надѣлать радъ! Наташа правду говоритъ: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. (*Громко.*) Владимиръ!

Владимиръ (*не оборачиваясь*). — Что?

Бѣлинскій. — Ты на меня сердитъ?

Владимиръ. — Нѣтъ.

Бѣлинскій.—О! я вижу, что ты сердитъ, но развѣ не она сама выбирала?

Владимиръ (*все не оборачиваясь*).— Разумѣется.

Бѣлинскій. — Время тебя вылѣчитъ.

Владимиръ. — Не знаю. (*Голосъ его дрожитъ.*)

Бѣлинскій. — Арбенинъ! я вижу по всему, ты ужасно на меня сердитъ. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ всѣ движенья твоего сердца и даже иногда скорѣе объясняю твои поступки, чѣмъ свои собственные.

Владимиръ. — Ты знаешь меня? Ты говоришь это? (*Со смѣхомъ.*) Если такъ, то Павелъ Васильевичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ или первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

Бѣлинскій. — Скорѣй первое, чѣмъ послѣднее.

Владимиръ. — Поздравляю.

Бѣлинскій. — Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго права съ тобой на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ. Вѣрь мнѣ, твоя печаль одно оскорбленное самолюбіе.

Владимиръ. — Мнѣ вѣрить?.. Тебѣ?..

Бѣлинскій. — Развѣ я употребилъ во зло твою довѣренность, развѣ я открылъ какую-нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, положимъ; а теперь моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?

Владимиръ. — Я совѣтую оставить меня. Не надѣйся на мое хладнокровіе. Я хотѣлъ... готовъ былъ тебѣ отомстить, упиться твоею кровью... кровью! слышишь ли? и я тебѣ прощаю, и ни въ чемъ не виню, только оставь меня. Я не могу отвѣчать на твои искреннія ласки. (*Смѣется дико.*) Теперь я свободенъ. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ — слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не раскаивайся. Что за важность? Я лишній! Ты, искусный, осторожный, умный человѣкъ, замѣтилъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала — и однимъ ударомъ отнялъ все... Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

Бѣлинскій. — Ты не прощаешь мнѣ! эта холодность, эта язвительная улыбка...

Владимиръ. — О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ; съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ... мои долги тобѣ заплачены, денежные и другіе...

Бѣлинскій. — Итакъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце?.. Ужели мы снова не можемъ сойтись, если я докажу...

Владимиръ. — На что?

Бѣлинскій. — Я заклинаю тебя.

Владимиръ (*въ сторону*). — Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить?..

Бѣлинскій. — Именемъ ея прошу тебя.

Владимиръ. — Полно, полно! развѣ можно что-нибудь еще у меня отнять?

Бѣлинскій (*сквозь зубы*). — Непреклонный! (*Ему.*) Послушай, прости мнѣ. Теперь перемѣнить нельзя; но впередъ, даю тебѣ честное слово...

Владимиръ. — Довольно и одного раза.

Бѣлинскій. — Одумайся! Со временемъ...

Владимиръ (*въ сторону*).—Со временемъ, со временемъ! Всемогущій, какъ Ты

позволилъ ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца?

Бѣлинскій. — И ты даже не хочешь выслушать опытнаго друга, который тебѣ желаетъ добра.

Владимиръ (*внѣ себя*).—Боже!..

Бѣлинскій. — Такъ! я не долженъ тебя оставлять — это моя обязанность, и ты самъ будешь послѣ благодаренъ. Преступленіе было бы не удержать безумца на краю пропасти. (*Беретъ его за руку.*) Пойдемъ къ ней! Наташа смягчитъ твою горесть; ты мнѣ сказывалъ, что взоръ ея можетъ усмирять твою душевную бурю... пойдемъ къ ней! (*Хочетъ его увлечь; Владимиръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ буйно руку и бѣжитъ вонъ.*) Остановись, остановись! (*Молчаніе.*) Онъ ушелъ. Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, а судьба исполнила мое. Но почему я не могъ дышать свободно въ его присутствіи? Вѣдь я правъ, и всѣ въ этомъ согласны. Арбенинъ — ребенокъ, который, испугавшись розги, бросается въ рѣку. Что за глупая ревность! Онъ ненавидитъ меня—и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей, ума подавлено безсмысленной страстью! И какъ не умѣть себѣ приказать!

(*Княжна Софья входитъ.*)

Княжна Софья. — Гдѣ Арбенинъ?

Бѣлинскій. — Ушелъ. Не слышитъ и не видитъ; какъ бѣшеный бросился въ дверь.

Княжна Софья.—И вы его не удержали? И онъ все любитъ Наташу?

Бѣлинскій. — Больше, чѣмъ когда-нибудь.

Княжна Софья (*поблѣднѣвъ, упадаетъ въ кресло*).—Итакъ, все напрасно!..

Бѣлинскій. — Что съ вами? Человѣкъ! Эй, спирту, воды!

Княжна Софья. — Оставьте меня!

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

12-го мая

Эпилогъ.

Въ домѣ графа N. много гостей; вечеръ; подаютъ чай.

Первый гость. — Слышали вы, графъ, новость? Завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любопытны ли посмотрѣть?

Графъ. — Свадьба? А чья, напримѣръ?

Первый гость. — Загорскина выходитъ замужъ за Бѣлинскаго.

Первая дама. — Вы знаете жениха?

Второй гость. — Знаю-съ.

Первая дама. — Онъ богатъ?

Второй гость. — Имѣетъ состояніе, слѣдовательно, и долги.

Первая дама. — Хорошъ собой?

Второй гость. — Молодецъ; только слишкомъ занимается своимъ лицомъ.

Первая дама. — Стало-быть, занимается хорошимъ.

Вторая дама. — А невѣста?

Второй гость. — Недурна, une figure piquante!

Первая дама (*къ другой*).—Ma chère, я слышала: она кокетка до невозможности.

Второй гость. — Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

Третій гость. — Да, бѣдный Арбенинъ! Вы знаете, онъ сошелъ съ ума.

Многіе. — Какъ, сошелъ съ ума? Молодой Арбенинъ? Мы не слыхали.

Третій гость.—Какъ же! Отъ любви къ Загорскиной. Мнѣ разсказывали про жалкое состояніе Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащатъ: онъ прицѣпляется ко всему, какъ будто противится неизвѣстной силѣ; плачетъ и смѣется въ одно время; зарыдаетъ и вдругъ захохочетъ. Иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ-то убійствѣ.

Второй гость. — Я бъ желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

Первый гость. — Я слышалъ, что онъ былъ величайшій негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

Четвертый гость. — Да! Павелъ Григоричъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

Третій гость (*полунасмѣшливо*). — Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали бы это скупости.

Вторая дама. — И Загорскину не мучитъ совѣсть?

Третій гость. — Про то знаетъ ея духовникъ.

Первый гость. — Неужели нельзя вылѣчить Арбенина? Можетъ-быть, тутъ есть какія-нибудь физическія причины. Странно! Съ ума сойти отъ любви?

Третій гость. — Если это странно вамъ, то я желалъ бы, чтобъ одна изъ

этихъ дамъ взяла на себя трудъ доказать вамъ противное.

Первый гость. — Но я говорю про Арбенина. Онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!..

Третій гость. — Вы, конечно, не ученикъ Лафатера? Впрочемъ, если онъ и показывался иногда веселымъ, то это была только личина. Какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла! Его сердце созрѣло прежде ума. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ. Его насмѣшки не дышали веселостію; въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества. Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогала самолюбіе. У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что если бъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній...

Вторая дама. — По мнѣ, такъ сумасшедшіе очень счастливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

Третій гость. — А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ: отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. У нихъ душа не лишается природныхъ способностей; но органы, которые выражали ощущенія души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія. Въ ихъ головѣ всегдашній хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нелегко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые, мутные глаза — признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину — и вы ничего не различите: краски сольются передъ глазами вашими. Такъ точно люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать; а если они еще сохраняютъ въ себѣ что-нибудь отъ сей жизни, то эта одна смутная память о прошедшемъ. Чувство настоящаго и надежда для нихъ не существуютъ. Такое состояніе люди называютъ сумасшествіемъ и смѣются надъ его жертвами.

(*Между тѣмъ многіе разошлись.*)

Второй гость (*другому*). — А я зѣваю!

Четвертый гость (*тихо*).—Къ чему это ораторство! Познанія свои, что ли, онъ хочетъ показать?

Пятый гость. (*Онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 19. Подходитъ къ третьему гостю.*) — Сдѣлайте милость, нельзя ли вамъ доставить мнѣ что-нибудь изъ сочиненій Арбенина.

Третій гость. — Съ удовольствіемъ, если можно будетъ.

(*Входитъ слуга и подаетъ билетъ графу, который кончилъ играть.*)

Слуга. — Отъ Павла Григорьевича Арбенина. (*Уходитъ. Всѣ въ изумленіи.*)

Многіе (*межъ собой*). — Что это значитъ?

Третій гость.— Съ черною каймой... приглашеніе на похороны.

Графъ. — А вотъ увидимъ. (*Надѣваетъ очки и читаетъ вслухъ.*)

«Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ, съ душевнымъ прискорбіемъ, извѣщаетъ о кончинѣ сына своего Владиміра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего мая 11-го дня, пополудни, покорнѣйше проситъ пожаловать на выносъ тѣла въ собственный домъ мая 13-го дня, пополуночи въ десятомъ часу. Отпѣваніе въ приходской церкви...» etc.

Третій гость (*про себя*). — Каково! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскиной.

Нѣкоторые. — Боже мой! какая жалость!

Вторая дама. — Бѣдный отецъ!

Пятый гость. — Бѣдный молодой человѣкъ! онъ могъ бы еще вылѣчиться?

Третья дама (*къ третьему гостю*).— Не правда ли, какая жалость?

Третій гость (*въ сторону*).— Теперь жалѣютъ! Къ погибшимъ люди справедливы! Но что въ этомъ сожалѣньѣ? Одна слеза дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы; но такая слеза едва ли упадетъ на могилу Арбенина: онъ оставилъ угрызенія совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желалъ любовь.

Одна старуха. — Вотъ, чай, пышныя будутъ похороны: вѣдь единственный сынъ!

Третій гость (*одному изъ гостей*).— Мнѣ кажется, что старухи любятъ говорить о погребеніяхъ для того только, чтобы пріучиться къ мысли: скоро и насъ потащатъ въ тѣсную могилу!

Первый гость. — Забудемъ мертвыхъ; Богъ съ ними!

Третій гость. — Если всѣ такъ станутъ думать, то горе великимъ людямъ!

Первый гость. — Я надѣюсь, вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ; онъ былъ *странный человѣкъ* — вотъ все.

(*Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь.*)

Конецъ.

МАСКАРАДЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Арбенинъ, Евгеній Александровичъ.
Нина, жена его.
Князь Звѣздичъ.
Баронесса Штраль.
Казаринъ, Аѳанасій Павловичъ.
Шприхъ, Адамъ Петровичъ.
Маска.
Чиновникъ.
Игроки.
Гости.
Слуги и служанки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

Игроки, князь Звѣздичъ, Казаринъ и Шприхъ (за столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ).

Первый понтеръ.
Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ.
Извольте.

Первый понтеръ.
Сто рублей.

Банкометъ.
Идетъ.

Второй понтеръ.
Ну, добрый путь.

Третій понтеръ.
Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо...

Четвертый понтеръ.
Надо гнуть.

Третій понтеръ.
Пусти.

Второй понтеръ.
На все?.. Нѣтъ, жжется!

Четвертый понтеръ.
Послушай, милый другъ: кто нынече не гнется,
Не до чего тотъ не добьется.

Третій понтеръ (*тихо первому*).
Смотри во всѣ глаза.

Князь Звѣздичъ.
Ва-банкъ!

Второй понтеръ.
Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь — играйте не сердясь.

Князь.
На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

Банкометъ.
Убита.

Князь.
Чортъ возьми!

Банкометъ.
Позвольте получить.

Второй понтеръ (*насмѣшливо*).
Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить!
Что стоятъ ваши эполеты?

Князь.
Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

Второй понтеръ (*сквозь зубы уходя*).
Скромнѣй бы надо быть
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

(*Князь, выпивъ стаканъ лимонаду, садится къ сторонѣ и задумывается.*)

Шприхъ (*подходитъ съ участіемъ*).
Не нужно ль денегъ, князь?... Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу.

(*Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ.*)

Выходъ второй.

Арбенинъ и прочіе. (*Арбенинъ входитъ, кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ.*)

Арбенинъ.
Ну, что? ужъ ты не мечешь—а, Казаринъ?

Казаринъ.
Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ.
И позабылъ товарищей своихъ!

Арбенинъ.
Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

Казаринъ.
Дѣлами занятъ все?

Арбенинъ.
Любовью... не дѣлами.

Казаринъ.
Съ женою по баламъ?

Арбенинъ.
Нѣтъ.

Казаринъ.
Играешь?

Арбенинъ.
Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто это франтикъ?

Казаринъ.
Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!.. Я васъ познакомлю разомъ.
(Шприхъ подходитъ и кланяется.)
Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ —
Арбенинъ.

Шприхъ.
Я васъ знаю.

Арбенинъ.
Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

Шприхъ.
По разсказамъ —
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

Арбенинъ.
Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(*Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ.*)
Онъ мнѣ не нравится. Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза—стеклярусъ точно,
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

Казаринъ.
Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный.
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся — одолжитъ.
Какой онъ націи—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ —
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

Арбенинъ.
Портретъ хорошъ — оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненный вдобавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

Казаринъ.
Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ, лѣтъ черезъ пять,
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

Арбенинъ.
А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

Казаринъ.
Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный:
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ,
И крестъ на шею получилъ.

Арбенинъ.
Да вы разборчивы на новыя знакомства!

Игроки (*кричатъ*).
Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!

Казаринъ.
Иду! (*Съ притворнымъ участіемъ.*)
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

Первый понтеръ.
Скорѣй!

Казаринъ.
Какая тамъ бѣда?
(*Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ.*)

Арбенинъ.

Князь! Какъ, вы здѣсь? Ужель не въ первый разъ?

Князь (*недовольно*).

Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ.

Арбенинъ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежу, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

Князь (*съ чувствомъ беретъ его за руку*).

Я проигрался!

Арбенинъ.

Вижу. Что жъ! Топиться?

Князь.

О, я въ отчаяньѣ!

Арбенинъ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли,—годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы —
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
«Подлецъ!»

(*Молчаніе. Князь едва его слышалъ и былъ въ волненіи.*)

Князь.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

Арбенинъ.

Что хотите.

Князь.

Быть-можетъ, счастіе...

Арбенинъ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!

Князь.

Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

Арбенинъ.

Совѣтовъ не даю.

Князь.

Ну, сяду...

Арбенинъ (*вдругъ беретъ его за руку*).

Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды — я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе,
Какъ вы заносчивъ, опрометчивъ тоже.
И если бъ... (*останавливается*) кто-нибудь меня остановилъ...
То... (*Смотритъ на него пристально. Перемѣнивъ тонъ.*) Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!
(*Подходитъ къ столу, ему даютъ мѣсто.*)
Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

Казаринъ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!
(*Тихо.*) Ну, не ударься въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

Игроки.

Извольте, вамъ и книги въ руки! вы хозяинъ,
Мы гости.

Первый понтеръ (*на ухо второму*).

Берегись—имѣй теперь глаза!..
Не понутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.
(*Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола: иногда разные возгласы. Въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола.*)
(*Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина.*)

Шприхъ (*лукаво*).

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

Казаринъ.
Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

Шприхъ.
Видно,
Что мастеръ.

Казаринъ.
Былъ.

Шприхъ.
Былъ? А теперь...

Казаринъ.
Теперь?..
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ — а, право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить! Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ (*ударивъ по плечу*), хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.
(*Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ.*)

Первый игрокъ.
Я говорилъ тебѣ.

Второй игрокъ.
Что дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно.
Я ль не хитрилъ—нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно.

Казаринъ (*подходитъ*).
Что, господа, иль не подъ силу? А?

Первый игрокъ.
Арбенинъ вашъ мастакъ.

Казаринъ.
И! Что вы, господа!
(*Волненіе у стола между игроками.*)

Третій понтеръ.
Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

Четвертый понтеръ (*въ сторону*).
Обрѣжется...

Пятый понтеръ.
Посмотримъ!

Арбенинъ (*встаетъ*).
Баста!
(*Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ.*)

Князь.
Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!..
Вы жизнь мою спасли...

Арбенинъ.
И деньги ваши тоже.
(*Горько.*) А, право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь.
Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

Арбенинъ.
Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть—какъ вы пошли бы на сраженье.

Князь.
Но проиграться вы могли!

Арбенинъ.
Я? нѣтъ!.. Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю.
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

Князь.
Вы избѣгаете признательность мою...

Арбенинъ.
По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

Князь.
Я вамъ не вѣрю.

Арбенинъ.
Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.
И если бы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
(*Помолчавъ.*) Разсѣяться бъ и вамъ и мнѣ нехудо,
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.

Князь.
Да.

Арбенинъ.
Поѣдемте.

Князь.
Я радъ.

Арбенинъ (*въ сторону*).
Въ толпѣ я отдохну.

Князь.

Тамъ женщины есть — чудо!..
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

Арбенинъ.

Пусть говорятъ—а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны;
У маски ни души, ни званья нѣтъ — есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло.
(*Уходятъ.*)

Выходъ третій.

Тѣ же, *кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.*

Первый игрокъ.

Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!..

Второй игрокъ.

Хотя бъ опомниться онъ далъ по крайней мѣрѣ.

Слуга (*входитъ*).

Готово ужинать.

Хозяинъ.

Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ.
(*Уходятъ.*)

Шприхъ (*одинъ*).

Съ Арбенинымъ сойтися я хочу...
И даромъ ужинать желаю.
(*Приставивъ палецъ ко лбу.*)
Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю
И въ маскарадъ за ними полечу.
(*Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Маскарадъ.

Выходъ первый.

Маски, Арбенинъ, *потомъ* Князь Звѣздичъ. (*Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Налѣво канапе.*)

Арбенинъ (*входитъ*).

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно, и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ и я имъ всѣмъ чужой!
(*Князь подходитъ зѣвая.*)
Вотъ нынѣшнее поколѣнье;
И то ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? Не набрели еще на приключенье?

Князь.

Какъ быть! А цѣлый часъ хожу!

Арбенинъ.

А! Вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.

Князь.

Все маски глупыя...

Арбенинъ.

Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ — таинственна, заговоритъ — такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ —
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышитъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть-можетъ, гордая графиня иль княжна:
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ прійдетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ. (*Уходитъ.*)

Выходъ второй.

Князь и женская маска. (*Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости.*)

Князь.

Все такъ! Разсказывать легко!
Однакоже, я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!
(*Одна маска отдѣляется и ударивъ его по плечу.*)

Маска.

Я знаю
Тебя!

Князь.

И, видно, очень коротко.

Маска.

О чемъ ты размышлялъ — и это мнѣ извѣстно.

Князь.

А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.
(*Заглядываетъ подъ маску.*)
Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.

Маска.

Я нравлюся тебѣ — тѣмъ хуже.

Князь.

Для кого?

Маска.

Для одного изъ насъ.

Князь.

Не вижу отчего?
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитеръ,
Но узнаю, кто ты...

Маска.

Такъ, стало-быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?..

Князь.

Поговоримъ и разойдемся.

Маска.

Право?

Князь.

Налѣво ты, а я направо...

Маска.

Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той,
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь,
Мнѣ клясться, что вовѣкъ меня не позабудешь
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ мигъ,
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!..

Князь.

Ты, маска, умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

Маска.

Ты! Безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,—
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей;
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! Знаю я тебя...

Князь.

Мнѣ это очень лестно.

Маска.

Ты сдѣлалъ много зла...

Князь.

Невольно, можетъ-быть.

Маска.

Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

Князь.

Я не ищу любви.

Маска.

Искать ты не умѣешь.

Князь.

Скорѣй — усталъ искать.

Маска.

Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?

Князь.

Но кто жъ она?.. Конечно, идеалъ.

Маска.

Нѣтъ, женщина... а дальше — что за дѣло?

Князь.

Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

Маска.

Ты хочешь многого — обдумай, что сказалъ.

(*Нѣкоторое молчанiе.*)

Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей,
. . . .
Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

Князь.

Клянусь землей и небесами,
И честiю моей...

Маска.

Смотри жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами...

(*Уходятъ подъ руку.*)

Выходъ третiй.

Арбенинъ и двѣ маски. (*Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску*).

Арбенинъ.

Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете ль, кто я?

Маска.

Я знаю, кто вы были.

Арбенинъ.

Снимите маску—и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

Маска.

Къ чему? Мое лицо вамъ такъ же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

Арбенинъ.

Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!

Маска.
Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь.
(*Исчезаетъ въ толпѣ.*)

Арбенинъ.
Постой!.. Пропалъ!.. Кто жъ онъ? Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой-нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь.

Выходъ четвертый.

Шприхъ и Арбенинъ. (*Шприхъ является.*)

(*На канапе сидятъ двѣ женскія маски; кто-то подходитъ и интригуетъ, беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки*).

Шприхъ.
Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александрычъ?

Арбенинъ.
Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

Шприхъ.
Конечно подшутили
Вы не на шутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ бранилъ.

Арбенинъ.
Кому?

Шприхъ.
Какой-то маскѣ.

Арбенинъ.
Слухъ завидный
У васъ.

Шприхъ.
Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...

Арбенинъ.
Это видно.
Такъ, стало-быть, не знаете... Ну, какъ не стыдно!

Шприхъ.
Объ чемъ это-съ?

Арбенинъ.
Да нѣтъ, я такъ, шучу...

Шприхъ.
Скажите...

Арбенинъ.
Говорятъ, у васъ жена красотка...

Шприхъ.
Ну-съ, что жъ?

Арбенинъ (*перемѣнивъ тонъ*).
А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?
(*Насвистываетъ пѣсню и уходитъ.*)

Шприхъ (*одинъ*).
Чтобъ у тебя засохла глотка!
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.
(*Теряется въ толпѣ.*)

Выходъ пятый.

Первая маска (*одна*).

(*Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе.*)
Ахъ! Я едва дышу... онъ все бѣжалъ за мною.
Что, если бы онъ сорвалъ маску... Нѣтъ,
Онъ не узналъ меня... Да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!..
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой-нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать!.. рискъ ужасный!
(*Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ.*)
Вотъ счастье! Боже мой! Потерянный браслетъ
Съ эмалью, золотой... отдамъ ему. Прекрасно!
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

Выходъ шестой.

Первая маска и князь Звѣздичъ. (*Князь съ лорнетомъ торопливо пробирается.*)

Князь.
Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнаю.
(*Садится на канапе и беретъ ее за руку.*)
О, ты не убѣжишь...

Маска.
Я васъ не убѣгаю.
Чего хотите вы?

Князь.
Вась видѣть.

Маска.
Мысль смѣшна!
Я передъ вами...

Князь.
Эта шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя — другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою...

Маска.
Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... Мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

Князь.
Я вспомню голосъ твой.

Маска.
Пожалуй—вотъ ужъ чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ—лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было бы нехудо!

Князь.
Но счастіе мое неполно.

Маска.
А какъ знать!
Вы, можетъ-быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть-можетъ, я стара, дурна... Какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!

Князь.
Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?

Маска (*хочетъ итти*).
Прощай навѣки!

Князь.
О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

Маска (*отойдя два шага*).
Вы правы: жаль мнѣ васъ — возьмите мой браслетъ.
(*Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ.*)

Выходъ третій.

Князь, *потомъ* Арбенинъ.

Князь (*ищетъ ее глазами напрасно*).
Я въ дуракахъ!.. есть отъ чего разсудка
Лишиться... (*Увидѣвъ Арбенина.*) А!

Арбенинъ (*идетъ задумчивъ*).
Кто этотъ злой пророкъ?..
Онъ долженъ знать меня... и врядъ ли это шутка.

Князь (*подходя*).
Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давешній урокъ.

Арбенинъ.
Душевно радуюсь.

Князь.
Но счастье налетѣло
Само собой.

Арбенинъ.
Да, счастье—вѣчно такъ.

Князь.
Лишь только я схватилъ и думалъ: кончилъ дѣло!
Какъ вдругъ (*дуетъ на ладонь*)... Теперь себя могу увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.

Арбенинъ.
Не знаю ничего, и потому не спорю.

Князь.
Да вы все шутите. Помочь нельзя ли горю?
Я все вамъ разскажу... (*Нѣсколько словъ на ухо.*)
Какъ я былъ удивленъ!
Плутовка вырвалась—и вотъ (*показываетъ браслетъ*), какъ будто сонъ!
Конецъ прежалобный...

Арбенинъ (*улыбается*).
А начали нехудо...
Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой же... погодите...
Да нѣтъ; не можетъ быть... забылъ...

Князь.
Гдѣ отыскать ее?..

Арбенинъ.
Любую подцѣпите:
Здѣсь много ихъ—искать недалеко!

Князь.
Но если не она?

Арбенинъ.
А можетъ быть легко.
Но что же за бѣда?.. Вообразите...

Князь.

Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ; браслетъ
Поможетъ мнѣ.

Арбенинъ.

Ну, сдѣлаемъ два тура.
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Выходъ первый.

Арбенинъ (*входитъ*); слуга.

Арбенинъ.

Ну, вотъ и вечеръ конченъ — какъ я радъ!
Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ — весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится,
И что же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно ль?..
Давалъ любовнику совѣты,
Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты,
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей Богу, мнѣ такая роль
Ужъ не подъ лѣты?
(*Слугѣ.*) Что, барыня пріѣхала домой?

Слуга.

Нѣтъ-съ.

Арбенинъ.

А когда же будетъ?

Слуга.

Обѣщала-съ
Въ двѣнадцатомъ часу.

Арбенинъ.

Теперь ужъ часъ второй —
Не ночевать же тамъ она осталась!

Слуга.

Не знаю-съ.

Арбенинъ.

Будто бы? Иди! свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно я вскричу.
(*Слуга уходитъ, онъ садится въ кресло.*)

Выходъ второй.

Арбенинъ (*одинъ*).

Богъ справедливъ! и я теперь едва ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали;
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку.
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку,
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену—покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю,
И стыдно молвить—ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?
(*Задумывается.*)

Выходъ третій.

Арбенинъ и Нина. (*Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ въ лобъ сзади.*)

Арбенинъ

Ахъ здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

Нина.

Неужели такъ поздно?

Арбенинъ.

Я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

Нина.

Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ?

Арбенинъ.

А думаетъ—глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...

Нина.

Ахъ, мой творецъ!
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся—ворчишь.
Скажи мнѣ просто: «Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,

А я лишь часъ какой-нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова!»
Скажи мнѣ это—я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я сохраню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ какъ другу...
Но къ чему
Меня воображеніе умчало!..
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Арбенинъ (*улыбаясь*).

Какъ быть! Я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

Нина.

Конечно.

Арбенинъ.

Ты сердишься?

Нина.

Нѣтъ, я благодарю.

Арбенинъ.

Ты опечалилась.

Нина.

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенинъ.

Нина.

Нина!

Что вы?

Арбенинъ.

Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ-быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.
(*Привлекаетъ къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ.*)
Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай — вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь — вѣрю я—
Но безотчетно чувствами играя
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все любилъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла — міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ.
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ,
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!
(*Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ.*)

Нина.

Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

Арбенинъ.

Часто?..

Нина.

Нѣтъ, но—иногда!..

Арбенинъ.

Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

Нина.

Опять ты недоволенъ... Боже мой!

Арбенинъ.
О, нѣтъ! я счастливъ, счастливъ... Я жестокій,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ . . . . . . я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ Своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.
(*Цѣлуетъ ея руки и вдругъ на одной не видитъ браслета; останавливается и блѣднѣетъ.*)

Нина.
Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о Боже!

Арбенинъ (*вскакиваетъ*).
Я? Ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

Нина.
Потерянъ.

Арбенинъ.
А! потерянъ!

Нина.
Что же?
Бѣды великой въ этомъ нѣтъ;
Онъ двадцать пять рублей, конечно, не дороже.

Арбенинъ (*про себя*).
Потерянъ... Отчего я этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это — пробужденье?

Нина.
Тебя понять я, право, не могу.

Арбенинъ (*пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки*).
Браслетъ потерянъ?

Нина (*обидясь*).
Нѣтъ, я лгу!

Арбенинъ (*про себя*).
Но сходство, сходство!

Нина.
Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его — велите обыскать.
Конечно бъ, я его не смѣла взять,
Когда бъ вообразила...

Выходъ четвертый.

Прежніе и слуга.

Арбенинъ (*звонитъ; слуга входитъ*).
(*Слугѣ.*) Карету обыщи ты вдоль и поперекъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебя вернуться безъ него! (*Ей.*) О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ.
(*Слуга уходитъ.*)
(*Послѣ паузы ей.*) Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?

Нина.
Такъ, стало-быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.

Арбенинъ.
Въ другомъ? и гдѣ—ты знаешь?

Нина.
Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра жъ закажу такой же точно новый.
(*Слуга входитъ.*)

Арбенинъ.
Ну, что?.. скорѣе отвѣчай...

Слуга.
Я перешарилъ всю карету-съ...

Арбенинъ.
И не нашелъ тамъ?

Слуга.
Нѣту-съ.

Арбенинъ.
Я это зналъ... Ступай!
(*Значительный взглядъ на нее.*)

Слуга.
Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

Арбенинъ.
А! въ маскарадѣ!.. такъ вы были тамъ?

Выходъ пятый.

Прежніе, кромѣ слуги.

Арбенинъ (*слугѣ*).
Иди! (*Ей.*) Что стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,
Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

Нина.
Спросите у людей:
Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавленьемъ,
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во сто кратъ,
Чѣмъ если бъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
(*Смѣется.*) Смѣшно, смѣшно, ей Богу!

Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

Арбенинъ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой послѣдній смѣхъ.

Нина.

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

Арбенинъ.

Кто знаетъ, можетъ-быть...
Послушай, Нина!.. Я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? У другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ, иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ и безъ гроша—былъ скукою томимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни, это — ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ — пока они мои;
Безъ нихъ нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта, если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья—
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!
(*Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону.*)

Нина.

Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

Арбенинъ.

Неужели?..
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! Гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада —
И этой лишь недостаетъ.

Нина.

Такъ вотъ какое подозрѣнье!
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ!

Арбенинъ.

Да! смѣйтесь надо мной вы всѣ, глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые, межъ тѣмъ, живете какъ святые
Въ раю... увы!.. Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!..
Прощай! я знаю все! (*Ей.*) Прочь отъ меня, гіэна!
И думалъ я, глупецъ, что тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да! я бъ смягчился, если бъ увидалъ
Одну слезу... одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ!

Нина.

Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу.

Арбенинъ.

О, замолчи, прошу тебя... довольно!..

Нина.

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ! — послушай...

Арбенинъ.

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

Нина.

Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

Арбенинъ.
Ну, по чести,
Признанье впору...
Нина.
Выслушай, молю!
О Боже! Но чего жъ ты хочешь?
Арбенинъ.
Мести!
Нина.
Кому жъ ты хочешь мстить?
Арбенинъ.
О, часъ придетъ
И, право, мнѣ вы надивитесь!
Нина.
Не мнѣ ль?.. Что жъ медлишь ты?
Арбенинъ.
Геройство къ вамъ нейдетъ.
Нина (*съ презрѣніемъ*).
Кому жъ?
Арбенинъ.
Вы за кого боитесь!
Нина.
Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! Ты ревностью своею
Меня убьешь!.. Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.
Арбенинъ.
Лишній трудъ.
Нина.
Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.
Арбенинъ.
Жалѣю!
(Она въ слезахъ уходитъ.)
(*Одинъ.*) Вотъ женщина!.. О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и видъ и голосъ
грозный?
(*Подходитъ къ двери жены и слушаетъ.*)
Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ-быть!..
Нѣтъ, плачетъ... *(Уходя.)* Жаль, что
поздно...

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

(*Баронесса сидитъ на креслахъ, въ усталости, бросаетъ книгу.*)
Баронесса.
Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? Для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда? Жоржъ Зандъ почти
что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей, иль прихотей дру-
гихъ!
Имѣя свѣтъ судьей и безъ защиты въ
свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ
своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, уби-
раютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть:
Боязнь, разсудокъ мысли гонитъ,
И если какъ-нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ;
онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и по-
рокъ,—
Но не снесетъ приличіямъ обиду,
И въ наказаніяхъ жестокъ!.. (*Хочетъ
читать.*)
Нѣтъ, не могу читать... Меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то, что
было,
Сама себѣ еще дивлюсь. (*Входитъ
Нина.*)

Выходъ второй.

Нина.
Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла
идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.
Баронесса.
C'est une idée charmante, vous en avez
toujours.
(*Садятся.*) Ты что-то прежняго блѣд-
нѣе
Сегодня, несмотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза — конечно, не отъ слезъ?
Нина.
Я дурно ночь спала, и нынче нездорова.
Баронесса.
Твой докторъ нехорошъ — возьми дру-
гого.

Выходъ третій.

Князь Звѣздичъ (*входитъ*).
Баронесса (*холодно*).
Ахъ, князь!

Шприхъ.

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что нашъ пріятель
Арбенинъ... (*Дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ.*)

Казаринъ.

Что?.. не можетъ быть!
Ты точно знаешь?..

Шприхъ.

Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ — тому лишь пять минутъ;
Кому же знать?

Казаринъ.

Бѣсъ вѣчно тутъ какъ тутъ.

Шприхъ.

Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни,
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ.
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать — того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся—и разомъ все поспѣло...
Князь обѣщалъ молчать, записку наваляль,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотчасъ же доставилъ.

Казаринъ.

Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не оборвалъ.

Шприхъ.

Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
А обходилось безъ дуэли...

Казаринъ.

И даже не былъ битъ?

Шприхъ.

У васъ все шутка, смѣхъ...
А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.

Казаринъ.

И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать—великій грѣхъ.

Шприхъ.

Но это въ сторону; вѣдь я о важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.

Казаринъ.

Что жъ это?

Шприхъ.

Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...

Казаринъ.

Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ, кажется, идетъ.

Шприхъ.

Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.

Казаринъ.

Твой анекдотъ, ей Богу, презабавный.

Шприхъ.

Вашъ братъ охотникъ, вотъ купить бы славно!

Казаринъ.

Итакъ, Арбенинъ—какъ дуракъ...

Шприхъ.

Послушайте...

Казаринъ.

Попалъ впросакъ,
Обмануть и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!

Шприхъ.

Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.

Казаринъ.

Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе, — все враки.
Эй, не женися, Шприхъ!

Шприхъ

Да я давно женатъ...
Послушайте, одна особенно — вотъ кладъ!

Казаринъ.

Жена?

Шприхъ.

Собака.

Казаринъ.

Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену—что Богъ дастъ — неизвѣстно,
А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.
(*Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли налѣво у бюро, и онъ ихъ не видалъ.*)
Задумчивъ, и съ письмомъ; узнать бы интересно...

Выходъ четвертый.

Прежніе и Арбенинъ.

Арбенинъ (*не замѣчая ихъ*).

О, благодарность! И давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная

Почти, кто онъ таковъ — и что же?.. О змѣя!
Неслыханная низость!.. Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!..
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней,
Я, какъ дитя, не знающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ, вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ—онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ—не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!... Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться.
(*Перечитываетъ письмо.*)
«Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
«Признаться...» Скромность кстати чрезвычайно! —
«Вы правы... что страшнѣй молвы?
«Подслушать насъ могли бъ случайно.
«Такъ! не презрѣніе, но страхъ
«Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
«Вы тайны любите—и это будетъ тайной!
«Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ».

Шприхъ.

Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все какъ разъ!

Арбенинъ.

Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавый.
(*Казарину.*) А! ты былъ здѣсь?

Казаринъ.

Я жду ужъ цѣлый часъ.

Шприхъ (*въ сторону*).

Отправлюсь къ баронессѣ: пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ.
(*Приближается къ двери.*)

Выходъ пятый.

Прежніе, *кромѣ* Шприха. (*Шприхъ уходитъ незамѣченъ.*)

Казаринъ.

Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ! (*Въ сторону.*)
Письмо! такъ вотъ что! понимаю! (*Ему.*)
Ты въ размышленьи...

Арбенинъ.

Да, я размышляю.

Казаринъ.

О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

Арбенинъ.

Почти... О благодарности.

Казаринъ.

Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но чтобъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.

Арбенинъ.

Твое же мнѣніе?

Казаринъ.

Я думаю, мой другъ,
Что благодарность — вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти что тысячъ пять,
И я, ей Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю о немъ.

Арбенинъ.

Ты шутишь все, Казаринъ.

Казаринъ.

Послушай. Я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозный,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности... изволь: возьми терпѣнье.
Что ни толкуй Вольтеръ или Декартъ,
Міръ для меня—колода картъ,
Жизнь — банкъ: рокъ мечетъ, я играю,
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію — я въ картахъ суевѣръ —
Положимъ, что случайно, безъ обману
Онъ выигралъ—и очень радъ:
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ,
И буду гнуть, да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ
И карту смятую—подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милый?

Арбенинъ (*въ размышленіи*).

Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было!

Казаринъ (*въ сторону*).

Задумался. (*Ему.*) Теперь мы перейдемъ
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или въ развратъ
Ты бъ захотѣлъ опять пуститься.
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: «Эй! остерегися, братъ!..»
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоятъ ничего.
И ты случайно, такъ, послушаешь его.
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои ей сейчасъ, безъ замедленья.
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье.
А отъ игры онъ спасъ — такъ ты ступай на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться;
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
Только что отдашь урокомъ за урокъ.

Арбенинъ.

Ты славный моралистъ! (*Въ сторону.*)
Такъ это всѣмъ извѣстно...
А! князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.

Казаринъ (*не обращая вниманія*).

Послѣдній пунктъ осталось объяснить:
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ-быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все,
А не для счастія ея.
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

Арбенинъ (*разстроенно*).

Да, да, ты правъ; что женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плачевный.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

Казаринъ.

Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

Арбенинъ.

Право?

Казаринъ.

А развѣ нѣтъ?

Арбенинъ.

О, счастливъ... да...

Казаринъ.

Я очень радъ.
Однакожъ, все мнѣ жаль, что ты женатъ.

Арбенинъ.

А что же?

Казаринъ.

Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой
Кутили мы, въ чью голову — не знаю,
Хоть оба мы—ребята съ головой!..
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино—Рауля честь —
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная; остротъ не перечесть;
Потомъ въ театръ — душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъ-за кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... вошли... игра ужъ въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой:
Тотъ весь горитъ; другой
Блѣднѣе чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы—и загорѣлся бой!..
Тутъ, тутъ, сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.
(*Арбенинъ отворачивается.*)

Арбенинъ.

О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой — не для меня они...
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства,
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! Я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю.
Прощай—прощай...
(*Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо.*)

Казаринъ.

Теперь онъ мой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната у князя. Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ.

Выходъ первый.

Иванъ, *потомъ* Арбенинъ
(*Слуга смотритъ на часы.*)

Иванъ.

Седьмой ужъ часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по-русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить,
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ — и съ рукъ долой скорѣе.
(*Арбенинъ входитъ.*)

Арбенинъ.

Князь дома?

Слуга.

Дома нѣтъ-съ.

Арбенинъ.

Неправда.

Слуга.

Пять минутъ
Тому назадъ уѣхалъ.

Арбенинъ (*прислушивается.*)

Лжешь! Онъ тутъ.
(*Показываетъ на кабинетъ.*)
И вѣрно, сладко спитъ: прислушайся, какъ дышитъ...
(*Въ сторону.*) Но скоро перестанетъ.

Слуга (*въ сторону*).

Онъ все слышитъ... (*Ему.*)
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

Арбенинъ.

Онъ любитъ спать, — тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. (*Слугѣ.*) Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется.
(*Слуга уходитъ.*)

Выходъ второй.

Арбенинъ (*одинъ*).

Удобный мигъ насталъ — теперь иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга:
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда бъ, крича, предъ нимъ я вызвалъ бы врага,
Они бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О, нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
На головѣ своей не потерплю я даромъ.
(*Растворяетъ дверь.*)
Онъ спитъ! Что видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?
(*Страшно улыбаясь.*)
Я думаю, что онъ умретъ ударомъ —
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы!
(*Входитъ въ комнату.*)
(*Минуты двѣ и выходитъ блѣденъ.*)
Не могу!
(*Молчаніе.*)
Да, это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?.. трусъ? Кто это сказалъ?..
Я самъ, и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ...
Ты предъ собой лишь хвастался; какъ видно...
О, жалко... право, жалко изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ.
(*Молчаніе.*)
(*Садится.*)
Я слишкомъ залетѣлъ высоко;
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко

Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ! такъ! онъ будетъ жить; убійство ужъ не въ модѣ:
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ! въ образованномъ я родился народѣ:
Языкъ и золото — вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!
(*Беретъ черпилъ и пишетъ записку; беретъ шляпу.*)

Выходъ третій.

Арбенинъ и Баронесса.

(*Арбенинъ идетъ къ двери и сталкивается съ дамой въ вуали.*)

Дама (*въ вуали*).
Ахъ! все погибло!..

Арбенинъ.
Это что?

Дама (*вырываясь*).
Пустите!

Арбенинъ.
Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели!
(*Ей строго.*) Молчите!
Ни слова—или сей же мигъ...
Какое подозрѣнье!.. отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.

Дама.
Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенинъ.
Да немного
Ошиблись, кажется и мнѣ,
Но временемъ, не мѣстомъ.

Дама.
Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.

Арбенинъ.
Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...

Дама.
Все знаете?..
(*Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя.*)

Арбенинъ.
Благодарю, Творецъ,
Что Ты позволилъ мнѣ хоть нынче ошибиться!

Баронесса.
О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

Арбенинъ.
Отчаянье теперь некстати.
Не весело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ — а нѣтъ бѣды большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то была бы въ городѣ тревога.

Баронесса.
Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.

Арбенинъ.
Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ уйду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ металлъ.
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами!
А вы, вы здѣсь однѣ... — вы женщина съ душой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взглядъ одинъ, за слово!
Зачѣмъ... О, я глупецъ! (*Въ бѣшенствѣ.*)
Зачѣмъ, зачѣмъ?

Баронесса (*рѣшительно*).
Я поняла, о чемъ вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

Арбенинъ.
Какъ! кто жъ вамъ разсказалъ?
(*Опомнившись.*) А что вы знаете?..

Баронесса.
О, я васъ умоляю,
Простите мнѣ...

Арбенинъ.
Я васъ не обвинялъ;
Напротивъ, радуюсь пріятельскому счастью.

Баронесса.
Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я; но слушайте...

Арбенинъ.
Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали строгой.

Баронесса.
Но если бы не я, то не бывать письму.
Ни...

Арбенинъ.
А! ужъ это слишкомъ много!..
Письмо!.. какое?.. а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ!.. Давно ли
Взялись вы за такія роли?
Что васъ понудило?.. Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ?
Иль молодежь приходитъ къ вамъ?
Да — признаюсь!.. вы кладъ въ гостиныхъ,
И я ужъ не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!..

Баронесса.
О Боже мой!..

Арбенинъ.
Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

Баронесса (*упадаетъ въ кресло*).
Но вы безчеловѣчны!..

Арбенинъ.
Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!
(*Хочетъ итти*).

Баронесса.
О! я лишусь ума... Постойте!.. онъ идетъ;
Не слушаетъ... О! я умру...

Арбенинъ.
Что жъ, продолжайте.
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но Боже сохрани намъ встрѣтиться впередъ!..
Вы взяли у меня все-все на свѣтѣ!
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ—на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ;
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я бъ васъ убилъ... но смерть была бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ; взамѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. (*Уходитъ*).

Выходъ четвертый.

Баронесса (*одна*).

Баронесса (*вслѣдъ ему*).
Послушайте, клянусь... то былъ обманъ... она
Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя въ обманѣ, преступленьѣ!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

Выходъ пятый.

Баронесса и князь.

Князь (*въ другой комнатѣ*).
Иванъ! Кто тамъ!.. Я слышалъ голоса!..
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса.
(*Входитъ*.)
Ба! это что за посѣщенье?
Красавица! я очень-радъ. (*Узнаетъ и отскакиваетъ*.)
Ахъ, баронесса! нѣтъ, невѣроятно...

Баронесса.
Что отскочили вы назадъ? (*Слабымъ голосомъ*.)
Вы удивляетесь?

Князь (*смущенно*).
Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

Баронесса.
И было бъ странно, если бъ ожидали.

Князь.
О чемъ я думалъ? О, когда бъ я зналъ...

Баронесса.
Вы все бы знать могли, и ничего не знали.

Князь.
Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите... я былъ слѣпъ и нѣмъ; мое незнанье —
Проступокъ... и теперь не нахожу я словъ...
(*Беретъ ее за руку*).
Но ваши руки — ледъ! въ лицѣ у васъ страданье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

Баронесса.
Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ,—все, свойственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И, свѣтъ навѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя — спасу другого.

Князь.
Что это значитъ?

Баронесса.
Не мѣшайте мнѣ:
Мнѣ много стоило усилій,

Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Несмотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что—
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить...
Понять меня... и даже, можетъ-быть,
Я бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ—это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ—это ложно, ложно!
Не вѣрьте — ради Неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ — всѣхъ! Она
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ ..
ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужъ здѣсь... онъ васъ убьетъ...
онъ пріученъ
Къ злодѣйству... Вы такъ молоды...

Князь.

Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ — и слишкомъ
онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку
И сдѣлать, наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ—и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

Баронесса.

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ
жизнію другой...
Но если васъ убьютъ? — убьютъ!.. о
Боже!
И я всему виной...

Князь.

Вы?

Баронесса.

Пощадите!

Князь (*подумавъ*).

Я обязанъ драться:
Я виноватъ предъ нимъ — его я тронулъ
честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

Баронесса.

Средство есть.

Князь.

Солгать — не это ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ же пойду.

Баронесса.

Минуту... Не ходите
И слушайте меня. (*Беретъ его за руку.*)
Вы всѣ обмануты! Та маска...
(*Облокачивается на столъ, упадая.*) Это
я!..

Князь.

Какъ? вы?.. о Провидѣнье!
(*Молчаніе.*)
Но Шприхъ? Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ...

Баронесса (*опомнясь и отходя*).

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное — теперь я каюсь въ
немъ!
Оно прошло — забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ — онъ былъ найденъ
случайно,
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется... Мнѣ будетъ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не
въ вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
(*Подойдя къ двери, видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней.*)
Не слѣдуйте за мной. (*Уходитъ.*)

Выходъ шестой.

Князь одинъ.

Князь (*послѣ долгаго размышленія*).

Я, право, думать что не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ,
пропускаю,
Не сдѣлавъ ничего.
(*Подходитъ къ столу.*)
Но вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ!.. прочитаю!..
«Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то ты бы дремалъ цѣлый вечеръ. — Прощай! Жду непремѣнно, твой искренній

Евгеній Арбенинъ».

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Комната у N.

Выходъ первый.

Казаринъ, хозяинъ и Арбенинъ (*садятся играть*).

Казаринъ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?..
Мысль превосходная!.. Ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній.
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.
Дай руку, милый другъ.
Ты нашъ?

Арбенинъ.

Я вашъ! Былого нѣтъ и тѣни.

Казаринъ.

Пріятно видѣть, ей же ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

Хозяинъ.

А князя надо пощипать слегка!

Казаринъ.

Да... да. (*Въ сторону.*) Забавна будетъ стычка!

Хозяинъ.

Посмотримъ. Транспортъ!.. (*Слышенъ шумъ.*)

Арбенинъ.

Это онъ

Казаринъ.

Рука
Твоя дрожитъ?..

Арбенинъ.

О, ничего, — отвычка!
(*Князь входитъ.*)

Выходъ второй.

Прежніе и князь.

Хозяинъ.

Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.

Князь.

О! я смотрѣть готовъ.

Арбенинъ.

А все играть съ тѣхъ поръ еще боитесь?

Князь.

Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь.
(*Въ сторону.*)
По свѣтскимъ правиламъ я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю
(*Садится.*)

Арбенинъ.

Я нынче былъ у васъ.

Князь.

Записку я читалъ,
И, видите, послушенъ.

Арбенинъ.

На порогѣ
Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смущеньи и тревогѣ.

Князь.

И вы узнали?

Арбенинъ (*смѣясь*).

Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасный!
Все понялъ я, все отгадалъ...

Князь (*въ сторону*).

Онъ ничего не понялъ — это ясно.
(*Отходитъ и кладетъ саблю.*)

Арбенинъ.

Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.

Князь (*разсѣянно*).

Почему же?

Арбенинъ.

Такъ! добродѣтелью, которой ищутъ въ мужѣ
Любовники, — не обладаю я. (*Въ сторону*).
Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ, и яду подолью...
И если бы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ бы свою.
(*Играютъ. Арбенинъ мечетъ.*)

Казаринъ.

Я ставлю пятьдесятъ рублей.

Князь.

Я тоже.

Арбенинъ.

Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.
Вотъ видите: одинъ какой-то баринъ,
Женатый человѣкъ... твоя взяла, Казаринъ, —

Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ,—
Внимательны вы что-то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ.—
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то, и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что жъ? Мнѣ неизвѣстно,
Какой судьбой, но мужъ узналъ,
Что благодарный другъ, должникъ ужъ слишкомъ честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

Князь.

Что жъ сдѣлалъ мужъ?

Арбенинъ (*будто не слыхавъ вопроса*).

Князь, вы игру забыли:
Вы гнете, не глядя. (*Взглянувъ на него пристально.*)
И любопытно вамъ
Узнать, что сдѣлалъ мужъ?.. Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили,
Князь?

Князь.

Я бы сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

Арбенинъ.

Нѣтъ!

Казаринъ.

Рубились?

Арбенинъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Казаринъ.

Такъ помирились?

Арбенинъ (*горько улыбаясь*).

О, нѣтъ!

Князь.

Такъ что же сдѣлалъ онъ?

Арбенинъ.

Остался отомщенъ —
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

Князь (*смѣется*).

Да это вовсе противъ правилъ.

Арбенинъ.

Въ какомъ указѣ есть
Законъ, иль правило, на ненависть и месть?
(*Играютъ. Молчаніе.*)
Взяла... взяла!
(*Арбенинъ вставая.*)
Постойте, карту эту
Вы подмѣнили.

Князь.

Я? Послушайте...

Арбенинъ.

Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужъ нѣту,
Вы (*задыхаясь*) шулеръ и подлецъ!

Князь.

Я? я?

Арбенинъ.

Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.
(*Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ, что дѣлать.*)
(*Понизивъ голосъ*). Теперь мы квиты.

Казаринъ.

Что съ тобой?
(*Хозяину.*) Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужъ, спустилъ бы тысячъ двѣсти.

Князь (*опомнясь, вскакиваетъ*).

Сейчасъ за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

Арбенинъ.

Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьи!

Князь.

Вы трусъ! (*Хочетъ броситься на него.*)

Арбенинъ (*грозно*).

Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую—ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ—да вамъ не испугать
И труса.

Князь.

О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы—не я подлецъ...

Арбенинъ.

На это я готовъ.

Князь (*подходя ближе*).

Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!.. вспомните браслетъ...

Арбенинъ.

За это вы наказаны ужъ мною...

Князь.

О, бѣшенство... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!..

Арбенинъ.

И въ этомъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

Князь.

О! гдѣ вы, честь моя?.. Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его, — и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святого,
Вы человѣкъ иль демонъ?

Арбенинъ.

Я? Игрокъ.

Князь (*упадая и закрывая лицо*).

Честь, честь моя!..

Арбенинъ.

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство!
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви и, краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить, —
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... (*уходя*) желаю долго жить.

(*Уходитъ.*)

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

БАЛЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

Хозяйка.

Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было бъ жаль
За васъ.

Первый гость.

Я васъ не понимаю.

Второй гость.

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

Многіе.

Куда? зачѣмъ? давно ли?

Второй гость.

Въ деревню, нынче утромъ.

Дама.

Боже мой!
Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?

Второй гость.

Фантазія! романы!.. хоть рукой
Махни! (*Расходятся; другая группа мужчинъ*).

Третій гость.

Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.

Четвертый гость.

Напротивъ, выигралъ, да, видно, не путемъ,
И получилъ пощечину.

Пятый гость.

Стрѣлялся?

Четвертый гость.

Нѣтъ, не хотѣлъ.

Третій гость.

Какимъ же подлецомъ
Онъ показалъ себя!..

Пятый гость.

Отнынѣ не знакомъ
Я больше съ нимъ.

Шестой гость.

И я! Какой поступокъ скверный!

Четвертый гость.

Онъ будетъ здѣсь?

Третій гость.

Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

Четвертый гость.

Вотъ онъ! (*Князь подходитъ; ему едва кланяются.*)

(*Всѣ отходятъ кромѣ пятаго и шестого гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванъ.*)

Князь (*въ сторону*).

Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены.
Не будетъ случая другого. (*Ей.*)
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны.

Нина.

Должна?

Князь.

Для вашего же счастья!

Нина.

Какое странное участье!

Князь.

Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль: я вижу,
Что пораженъ я тою же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же навѣкъ, злодѣй не обнаруженъ,
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ — я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ не нуженъ.

(*Арбенинъ смотритъ на нихъ издали.*)

Нина.

Князь! вы сошли съ ума — на васъ
Теперь сердиться бъ было стыдно.

Князь.

Прощайте навсегда! прошу въ послѣдній разъ...

Нина.

Куда жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну.

Князь (*уходя*).

Нѣтъ, ближе, на Кавказъ.

Хозяйка.

Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mesdames! пожалуйте туда.

(*Уходятъ.*)

Выходъ второй.

Арбенинъ (*одинъ про себя*).

Я сомнѣвался — я? А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?..
— Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю — и такъ неистово обманутъ!..
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...
Я казнь ей отыщу — моя жъ пусть будетъ тутъ.

(*Показываетъ на сердце.*)

Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? (*Какъ бы испугавшись себя.*)
Рѣшено:
Она умретъ — я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другого!.. это ясно... какъ же можно жить
Ей послѣ этого!.. Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми!
Какъ свой залогъ Тебѣ ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я—не Богъ, и не прощаю...

(*Слышны звуки музыки.*)

(*Ходитъ по комнатѣ; вдругъ останавливается.*)

Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну я все до капли проигралъ —
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата;
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи—ушелъ и яду
Купилъ, и возвратился вновь
Къ игорному столу; въ груди кипѣла кровь,
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ — рискъ, право, былъ великъ;
Но счастье вынесло — и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ.
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,
Хранилъ на черный день — и день тотъ недалекъ.

(*Уходитъ быстро.*)

Выходъ третій.

Хозяйка, Нина, нѣсколько дамъ и кавалеровъ.

(*Во время послѣднихъ строкъ входятъ.*)

Хозяйка.

Нехудо бы немного отдохнуть.

Дама (*другой*).

Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

Петковъ.

Настасья Павловна споетъ намъ что-нибудь.

Нина.

Романсовъ новыхъ, право, я не знаю;
А старые наскучили самой.

Дама.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же, Нина, спой!

Хозяйка.

Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

Нина (*садясь за піанино*).

Но слушать со вниманьемъ — мой приказъ!
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправимъ! (*Поетъ.*)
«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.
«Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою.
И что жъ? Я радъ, что онъ не можетъ
Тебя любить, какъ я люблю.
«Но если счастіе случайно
Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И цѣлый адъ въ груди моей».

Выходъ четвертый.

Прежніе и Арбенинъ.

(*Въ концѣ 3-го куплета мужъ входитъ и облокачивается на фортепіано. Она, увидѣвъ его, останавливается.*)

Арбенинъ.

Что жъ, продолжайте.

Нина.

Я конецъ совсѣмъ
Забыла.

Арбенинъ.

Если вамъ угодно,
То я напомню.

Нина (*въ смущеніи*).

Нѣтъ, зачѣмъ?
(*Въ сторону хозяйкѣ.*) Мнѣ нездоровится. (*Встаетъ.*)

Гость (*другому*).

Во всякой пѣснѣ модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

Второй гость.

Къ тому же слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природный,
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

Третій гость.

Вы правы! какъ дикарь, свободѣ лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
Зато ужъ мы какъ гнемся добродушно!
(*Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу зала и по одному уходятъ въ другія комнаты, такъ что, наконецъ, Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра.*)

Нина (*хозяйкѣ*).

Тамъ жарко; отдохнуть я сяду въ сторонѣ.
(*Мужу.*) Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.
(*Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ.*)
(*Въ размышленіи.*)

Арбенинъ (*въ сторону*).

Смерть! помоги.

Нина (*ему*).

Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно, ждетъ меня бѣда.

Арбенинъ (*въ сторону*).

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.
(*Подавая.*) Возьми; отъ скуки вотъ лѣкарство.

Нина.

Да! это прохладитъ. (*Ѣстъ.*)

Арбенинъ.

О, какъ не прохладить!

Нина.

Здѣсь нынѣ скучно.

Арбенинъ.

Какъ же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство —
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

Нина.

Ты правъ! ужасно!..

Арбенинъ.

Да, ужасно!..

Нина.

Душъ непорочныхъ нѣту...

Арбенинъ.

Нѣтъ.
Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

Нина.

Что говоришь ты?

Арбенинъ.
Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я,
Тебя.

Нина.
Ты блѣденъ.

Арбенинъ.
Много танцовалъ.

Нина.
Опомнись, mon ami! Ты съ мѣста не вставалъ.

Арбенинъ.
Такъ, вѣрно, потому, что мало танцовалъ я...

Нина (*отдаетъ пустое блюдечко*).
Возьми, поставь на столъ.

Арбенинъ (*беретъ*).
Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?.. Жестоко!
(*Въ размышленіи.*)
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ итти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.
(*Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ.*)

Нина.
Какъ ты неловокъ!

Арбенинъ.
Ничего: я боленъ —
Поѣдемъ поскорѣй домой.

Нина.
Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ? ты мною недоволенъ?

Арбенинъ.
Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой.
(*Уходятъ.*)

Неизвѣстный (*оставшись одинъ*).
Я чуть не сжалился — и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ...
(*Задумывается.*)
Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать — потомъ настанетъ мой чередъ.
(*Уходитъ.*)

Сцена вторая.

Спальня Арбенина.

Выходъ первый.

Входитъ Нина, *за ней* служанка.

Служанка.
Сударыня, вы что-то блѣдны стали!

Нина (*снимая серьги*).
Я нездорова.

Служанка.
Вы устали.

Нина (*въ сторону*).
Мой мужъ меня пугаетъ! отчего —
Не знаю. Онъ молчитъ и страненъ взглядъ его.
(*Служанкѣ.*) Мнѣ что-то дурно: вѣрно, отъ креста.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта?
(*Идетъ къ зеркалу.*)
Ты права, я блѣдна, какъ смерть блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяны! Свѣтъ лукавый!
(*Снимаетъ букли и завертываетъ косу.*)
Брось гдѣ-нибудь и дай мнѣ шаль.
(*Садится въ кресло.*)
Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ-то упоеньѣ
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять —
А, право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ... злодѣй, и наказать...
Кавказъ... бѣда... вотъ бредъ!

Служанка (*показывая на наряды*).
Прикажете убрать?

Нина.
Оставь. (*Погружается въ задумчивость.*
(*Арбенинъ показывается въ дверяхъ.*)

Служанка.
Прикажете итти?

Арбенинъ (*служанкѣ тихо*).
Ступай.
(*Служанка не уходитъ.*) Иди же!
(*Уходитъ. Онъ запираетъ дверь.*)

Выходъ второй.

Арбенинъ и Нина.

Арбенинъ.
Она тебѣ ужъ больше не нужна.

Нина.
Ты здѣсь?

Арбенинъ.
Я здѣсь.

Нина.
Я, кажется, больна.
И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.

Дай руку — чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда —
Не правда ли?

Арбенинъ (*разсѣянно*).
Мороженое? да!..

Нина.
Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ:
Ужъ прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ. О, я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

Арбенинъ (*въ сторону*).
Не мудрено! теперь безъ нихъ ужъ можно...

Нина.
Что значитъ поступить хоть разъ неосторожно!

Арбенинъ.
Неосторожно! О!..

Нина.
И въ этомъ вся бѣда.

Арбенинъ.
Обдумать все заранѣ надо было.

Нина.
О, если бы я нравъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно бъ, не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой —
Какъ это весело и мило!

Арбенинъ.
И то! къ чему тебѣ моя любовь?

Нина.
Какая тутъ любовь? на что мнѣ жизнь такая!

Арбенинъ (*садится возлѣ нея*).
Ты права! Что такое жизнь? Жизнь — вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей —
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь? — давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое—обманъ!

Нина (*показывая на грудь*).
Здѣсь что-то жжетъ.

Арбенинъ (*продолжая*).
Пройдетъ — пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль?.. Жизнь какъ балъ:
Кружишься — весело: кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ —
И все забылъ и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой;
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба —
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

Нина.
О, нѣтъ! я жить хочу!

Арбенинъ.
Къ чему?

Нина.
Евгеній,
Я мучусь, я больна!

Арбенинъ.
А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!

Нина.
Пошли за докторомъ.

Арбенинъ.
Жизнь — вѣчность, смерть — лишь мигъ.

Нина.
Но я — я жить хочу!

Арбенинъ.
И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!

Нина (*въ испугѣ*).
Но я молю:
Пошли за докторомъ скорѣе!

Арбенинъ (*встаетъ холодно*).
Не пошлю.

Нина (*послѣ молчанія*).
Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно:
Я умереть могу, пошли скорѣй.

Арбенинъ.
Что жъ? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?

Нина.

Но ты злодѣй,
Евгеній! Я—жена твоя...

Арбенинъ.

Да! знаю, знаю!

Нина.

О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

Арбенинъ (*смотритъ на часы*).

Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.

Нина.

О, ты меня не любишь!

Арбенинъ.

А за что же
Тебя любить? За то ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало я любилъ тебя — скажи?
А этой нѣжности ты знала ль цѣну?
А много ли хотѣлъ я отъ любви твоей?
Улыбку нѣжную, привѣтный взглядъ очей,
И что жъ нашелъ?—коварство и измѣну!
Возможно ли? меня продать —
Меня — за поцѣлуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать?
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!..

Нина.

О! если бы вину свою сама
Я знала; то...

Арбенинъ.

Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?

Нина.

Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ-нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.

Арбенинъ.

Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы насталъ,
И все прошло, какъ бредъ больного.
Быть-можетъ, я бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ бъ оживилъ все, что цвѣло въ немъ прежде —
Ты не хотѣла, ты!..
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія? — вода.
Я жъ плакалъ — я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ — да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ и адъ въ его груди.

Нина (*въ слезахъ упадаетъ на колѣни и поднимаетъ руки къ небу*).

Творецъ небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но Ты все слышишь;
Ты все знаешь —
И Ты меня, всесильный, оправдаешь!..

Арбенинъ.

Остановись! хоть передъ Нимъ не лги.

Нина.

Нѣтъ, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ — твой судья — защитникъ будетъ мой.

Арбенинъ (*который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложивъ руки*).

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрезъ нѣсколько минутъ —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

Нина.

Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?.. нѣтъ, быть не можетъ!

Арбенинъ (*смѣясь*).

Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

Нина.

Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ...

Арбенинъ.

Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.
(*Молчаніе*).

Нина.

Не вѣрю, невозможно — нѣтъ! ты надо мною
(*бросается къ нему*)
Смѣешься... ты не извергъ — нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою

Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...
(*Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ.*)
О, смерть въ твоихъ глазахъ!
(*Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза.*)
(*Онъ подходитъ и цѣлуетъ ее.*)

Арбенинъ.

Да, ты умрешь — и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру — и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся! міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ чебесный свой пріютъ.
(*Плачетъ.*)
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенья,
И вотъ она. — Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...
(*Молчаніе.*)

Нина (*вырывается и вскакиваетъ*).

Сюда! сюда!.. на помощь!.. умираю...
Ядъ, ядъ! — не слышатъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого... нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
(*Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ.*)

Арбенинъ (*горько смѣясь*).

Проклятіе! Что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! (*Подходитъ.*) Бѣдное созданье!
Ей не по силамъ наказанье...
(*Стоитъ сложа руки.*)
Блѣдна! (*Содрогается*). Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья ни угрызеній...
Ужель?

Нина (*слабо*).

Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинно... Ты — злодѣй.

Арбенинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь ни хитрость... говори скорѣй:
Я былъ обманутъ... такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайно — будь спокойна...

Нина.

Теперь мнѣ все равно... Я все жъ
Невинна передъ Богомъ... (*Умираетъ.*)

Арбенинъ (*подходитъ къ ней и быстро отворачивается*).

Ложь!
(*Упадаетъ въ кресло.*)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢИСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

Арбенинъ (*сидитъ у стола на диванѣ*).

Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства, наконецъ, вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!.. Дни пройдутъ — придетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье;
И долженъ же покой когда-нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
(*Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову.*)
Я ошибался?.. Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!.. Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо!
Ты, пробужденная змѣя!..
(*Упадаетъ головою на руки.*)

Выходъ второй.

Казаринъ (*тихо*).

Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ.
(*Ему.*)
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьи.
Какъ быть угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти. (*Молчаніе.*)
Да полно, братъ! личину ты сними —
Не опускай такъ важно взоры;
Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики — а мы съ тобой актеры.

Творецъ небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но Ты все слышишь.

(*Стр. 437*).

Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ
сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты про-
игралъ.
О, старый плутъ!.. да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня:
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.
(*Уходитъ.*)

Выходъ третій.

Родственники *приходятъ.*

Дама (*племянницѣ*).
Ужъ, видно, есть надъ нимъ Господнее
проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ
сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

Племянница.
Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Дама.
А та, сударыня, что глупъ вашъ модный
свѣтъ.
Ужъ доживете вы до бѣдъ!
(*Уходятъ.*)

Выходъ четвертый.

Выходятъ изъ комнаты покойницы

докторъ и старикъ.

Старикъ.
При васъ она скончалась?

Докторъ.
Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

Старикъ.
Покровъ богатъ; парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь въ точь такой.
(*Уходитъ.*)

Выходъ пятый.

Докторъ *подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку.*

Вамъ надо отдохнуть.

Арбенинъ (*вздрагиваетъ*).
А!.. (*въ сторону*) сердце сжалось.

Докторъ.
Вы слишкомъ предались печали эту ночь—
Усните.

Арбенинъ.
Постараюсь.

Докторъ.
Ужъ помочь
Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось
Беречь себя.

Арбенинъ.
Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя ни предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье —
Смотрите — холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужого,
Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,
А онъ — смѣясь, шутя, не говоря ни
слова,
Онъ отнялъ у меня все-все — и черезъ
часъ.
(*Уходитъ.*)

Докторъ.
Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
(*Уходя, сталкивается съ двумя.*)

Выходъ шестой.

Входятъ неизвѣстный и князь.

Неизвѣстный.
Позвольте васъ спросить: Арбенина не-
льзя ль
Намъ видѣть?

Докторъ.
Право, утверждать не смѣю:
Жена его вчера скончалась.

Неизвѣстный.
Очень жаль.

Докторъ.
И онъ такъ огорченъ...

Неизвѣстный.
Я и о немъ жалѣю.
Однакожъ дома онъ?

Докторъ.
Онъ? дома, — да.

Неизвѣстный.
Я дѣло до него преважное имѣю.

Докторъ.
Вы изъ друзей его, конечно, господа?

Неизвѣстный.
Покамѣстъ нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.

Докторъ.
Онъ боленъ не шутя.

Князь (*испугавшись*).
Лежитъ?
Безъ памяти?

Докторъ.
Нѣтъ! ходитъ, говоритъ —
И есть еще надежда!..

Князь.
Слава Богу!
(*Докторъ уходитъ.*)

Выходъ седьмой.

Князь.
О, наконецъ!..

Неизвѣстный.
Лицо у васъ въ огнѣ
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньѣ?

Князь.
А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?

Неизвѣстный.
Послушайте: у насъ обоихъ цѣль одна.
Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, какъ двери гроба;
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки. Подозрѣнья
Ей стоятъ доказательствъ. Ни прощенья
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье —
Вотъ цѣль его тогда, и вотъ его законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ: вы съ нимъ враги — и услужить вамъ радъ.
Вы драться станете—я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

Князь.
Но какъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?

Неизвѣстный.
Я разсказать бы радъ,
Да это вамъ наскучитъ!
Къ тому жъ весь городъ говоритъ.

Князь.
Мысль нестерпимая!

Неизвѣстный.
Она васъ слишкомъ мучитъ.

Князь.
О, вы не знали, что такое стыдъ!

Неизвѣстный.
Стыдъ? — нѣтъ; и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

Князь.
Но кто вы?

Неизвѣстный.
Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна. Онъ точно. Удалитесь
На мигъ; есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.
(*Князь отходитъ въ сторону.*)

Выходъ восьмой.

Арбенинъ (*со свѣчой*).

Арбенинъ.
Смерть! смерть! О, это слово здѣсь
Вездѣ, — я имъ проникнутъ весь:
Оно меня преслѣдуетъ; безмолвно
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько расцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался? Невозможно!
Мнѣ ошибиться? — кто докажетъ мнѣ
Ея невинность? — ложно! ложно!
Гдѣ доказательства? есть у меня они!
Я не повѣрилъ ей — кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный. Кто же разувѣрить
Меня осмѣлится?

Неизвѣстный.
Осмѣлюсь — я!

Арбенинъ (*сначала пугается и, отойдя, подноситъ къ лицу свѣчу*).
А кто же вы?

Неизвѣстный.
Не мудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня — а были мы друзья.

Арбенинъ.
Но кто вы?

Неизвѣстный.
Я твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой,
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ,
Зналъ всё твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

Арбенинъ (*вздрогнувъ*).

Пророковъ не люблю, и выйти васъ
Прошу немедленно — я говорю серьезно.

Неизвѣстный.

Все такъ: но, несмотря на голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ и здѣсъ на мѣстѣ лягу,
Умру—но ужъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.

Арбенинъ.

Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ того,
Не хвастаюсь. (*Садится.*) Я слушаю.

Неизвѣстный (*въ сторону*).

Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. (*Ему.*) Семь лѣтъ тому назадъ
Ты узнавалъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ и пылокъ и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ — я разбирать не буду
Твоей души — ее пойметъ лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ.

Арбенинъ.

Дебютъ хорошъ!

Неизвѣстный.

Конецъ не будетъ хуже.
Разъ ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... Мой кошелекъ
Былъ полонъ; и къ тому же
Я вѣрилъ счастью. Сѣлъ играть съ тобой —
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отыграться,
Но ты хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ — и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были —
Ты помнишь, можетъ-быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ... О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ!
И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.

(*Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается.*)

И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все—женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ —
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги — царь земли;
И поклонился имъ. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь;
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье—
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

Арбенинъ.

Прочь! я узналъ тебя, узналъ!..

Неизвѣстный.

Прочь! Развѣ это все? Ты надо мной смѣялся—
И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце зароптало,
И долго думалъ я: за что жъ
Онъ счастливъ? — и шептало
Мнѣ чувство внятное: «Иди, иди, встревожь!»
И сталъ я слѣдовать, мѣшаяся съ толпой,
Безъ-устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавалъ — и, наконецъ,
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай — я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну...

(*Протяжно.*)

Послушай: ты... убилъ свою жену!

(*Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ.*)

Арбенинъ.

Убилъ? Я? Князь! О! что такое!

Неизвѣстный (*отступая*).

Я все сказалъ; онъ скажетъ остальное.

Арбенинъ (*приходя въ бѣшенство*).

А! заговоръ!.. прекрасно!.. я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ... я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя,
Я противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
Я мигомъ побѣжденъ, обманутъ я шутя,
И подъ топоръ нагну спокойно шею?..
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума и опытность и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по-старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньи
Коварнымъ лепетомъ молвы!..
Да! сцена хорошо придумана; но вы
Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?.. Такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины — нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? не странно: жизнь глупца —
Жизнь площадного волокиты!
Утѣшьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете — съ именемъ и смертью подлеца.

Князь.

Увидимъ; но скорѣй...

Арбенинъ.

Идемъ, идемъ!

Князь.

Теперь я счастливъ!

Неизвѣстный (*останавливая*).

Да! а главное забыли!..

Князь (*останавливая Арбенина*).

Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во-время: я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

Арбенинъ.

Что? что?

Неизвѣстный.

Твоя жена невинна; слишкомъ строго
Ты обошелся...

Арбенинъ (*хохочетъ*).

Да у васъ въ запасѣ шутокъ много.

Князь.

Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ; но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То, вѣрно бъ, не искалъ ни взора ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте же скорѣй — мнѣ дороги мгновенья...
(*Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ*).

Неизвѣстный (*поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно*.

Казнитъ злодѣя Провидѣнье;
Невинная погибла — жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасный
Сомнетъ минутная ґроза!..
Что ты замолкъ, несчастный?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!.. о, ужасно!

Арбенинъ (*бросается на нихъ*).

Я задушу васъ, палачи!
(*Вдругъ слабѣетъ и падаетъ въ кресла.*)

Князь (*толкая грубо*).

Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты — споръ нашъ не рѣшонъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужели онъ
Разсудокъ потерялъ?..

Неизвѣстный.

Быть-можетъ...

Князь.

Вы помѣшали мнѣ.

Неизвѣстный.

Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужъ поздно!

Арбенинъ (*встаетъ съ дикимъ взглядомъ*).

О, что сказали вы?.. Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже... Мнѣ прощенье?
(*Хохочетъ*).

А слезы, жалобы, моленья?
А ты простилъ?
(*Становится на колѣни*).
Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣни:
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю,
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили,
Она невинна? Развѣ вы тутъ были.
Смотрѣли въ душу вы мою!
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила!..
Ошибка... я ошибся... что жъ!
Она мнѣ то же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь...
(*Встаетъ.*)
Я это ей сказалъ. (*Молчаніе.*)
Вотъ что я вамъ открою:
Не я ея убійца. (*Взглядываетъ пристально на неизвѣстнаго.*)
Ты, скорѣй!
Признайся, говори, смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною.
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда бы могъ,
Не уступилъ — но я тебѣ прощаю!
(*Упадаетъ на грудь его и плачетъ.*)

Неизвѣстный (*отталкивая его грубо*).
Приди въ себя — опомнись... (*Князю.*)
Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... (*Беретъ его за руку.*)
Арбенинъ!

Арбенинъ.
Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ... идемъ...
Сюда... сюда... (*Вырываясь бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины.*)

Князь.
Остановите...

Неизвѣстный.
И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ.

Арбенинъ (*возвращаясь съ дикимъ стономъ*).
Здѣсь посмотрите! посмотрите!..
(*Прибѣгая на средину сцены.*)
Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!
(*Падаетъ на землю и сидитъ полулежа съ неподвижными глазами. Князь и неизвѣстный стоятъ надъ нимъ.*)

Неизвѣстный.
Давно хотѣлъ я полной мести —
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

Князь.
Онъ безъ ума — счастливъ; а я навѣкъ лишенъ
Спокойствія и чести!

1834—1835.

КОНЕЦЪ.

ДВА БРАТА.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дмитрій Петровичъ Радинъ.
Александръ } сыновья его.
Юрій }
Князь Литовскій.
Вѣра, его жена (рожденная Загорскина).
Петрушка (Ванюшка), лакей Юрія.
Ѳедосей, камердинеръ Дмитрія Петровича.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дмитрій Петровичъ *въ креслахъ, Юрій возлѣ него на стулѣ,* Александръ *въ сторонѣ стоитъ у стола и перебираетъ бумаги.*

Дмитрій Петровичъ. — Я думалъ, Юрій, что тебя совсѣмъ ко мнѣ не отпустятъ. Признаюсь, умереть, не видавши тебя, было бы грустно — я старъ, слабъ, много жилъ — иногда слишкомъ весело, иногда слишкомъ печально... и теперь чувствую, что скоро Богъ призоветъ меня къ Себѣ—даже нынче, когда мнѣ объявили о твоемъ пріѣздѣ, то старость напомнила о себѣ... Не знаю, какъ перенесъ я эту послѣднюю радость.

Юрій. — Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не такъ слабы, какъ говорите.

Дмитрій Петровичъ. — А что мудренаго? Александръ, скажи-ка, ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ я помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ?

Александръ. — Точно! — вы никогда со мною не были такъ веселы, какъ теперь съ братомъ.

Дмитрій Петровичъ. — Не пеняй, братъ, не пеняй — вѣдь я съ тобой всегда, а его сколько лѣтъ не видалъ (*Цѣлуетъ его.*) Ты, Юрій, точно портретъ твоей покойной матери.

Александръ. — Да вотъ ужъ четыре года, какъ братъ не былъ дома... И самъ онъ много перемѣнился, и здѣсь, въ Мо-

стѣ, все, кромѣ насъ, перемѣнилось... Я думаю, онъ не узнаетъ княгиню Вѣру.

Юрій.— Какая княгиня?

Дмитрій Петровичъ. — Развѣ не знаешь?.. Вѣринька Загорскина вышла за князя Лиговскаго. Твоя прежняя московская страсть.

Юрій. — А! такъ она вышла замужъ, и за князя?

Дмитрій Петровичъ. — Какъ же, 3000 душъ и человѣкъ пречестный, предобрый; они у насъ нанимаютъ бельэтажъ, и сегодня я ихъ звалъ обѣдать.

Юрій.— Князь! и 3000 душъ!.. а есть ли у него своя въ придачу?

Дмитрій Петровичъ. — Онъ человѣкъ пречестный и жену обожаетъ, старается ей угодить во всемъ: только пожелай она чего, на другой же день явится у ней на столѣ... Всѣ ея родные говорятъ, что она счастлива, какъ нельзя болѣе.

Александръ. — Батюшка, что прикажете дѣлать съ этими бумагами?

Дмитрій Петровичъ. — Послѣ!.. до бумагъ ли мнѣ теперь.

Юрій. — Признаюсь... я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... Теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода.

Дмитрій Петровичъ.—Охъ, вы молодые люди! а вѣдь самъ чувствуешь, что она поступила бы безразсудно, если бъ надѣялась на ребяческую твою склонность.

Юрій. — А!.. она сдѣлалась разсудительна.

Александръ (*въ нѣкоторомъ волненіи*). — Батюшка! повѣренный ждетъ... нужно.

Дмитрій Петровичъ. — А теперь, когда она вышла замужъ... твое самолюбіе тронуто — тебѣ досадно, что она счастлива.

Александръ (*прерывая*). — Батюшка... позвольте... очень нужное дѣло. (*Въ сторону.*) Неужели этотъ разговоръ никогда не кончится?..

Дмитрій Петровичъ. — Я сказалъ тебѣ, что послѣ... Ты вѣчно съ дѣлами; вѣдь видишь, что я говорю серьезно. Нѣтъ, Юрій, это нехорошо. Впрочемъ, ты самъ увидишь, какъ она любитъ мужа.

Юрій. — Не можетъ быть.

Дмитрій Петровичъ. — Всѣ ея родные говорятъ, и она сама.

Юрій. — А я говорю вамъ, батюшка, что я по наслышкѣ ужъ имѣю понятіе о томъ, что такое князь... Она любить его не можетъ.

Александръ. — Она его любитъ страстно.

Дмитрій Петровичъ. — Ну, братецъ, ты объ этомъ судить не можешь. (*Юрію.*) Онъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что, право, я часто желалъ бы лучше, чтобъ онъ былъ вспыльчивъ и вѣтренъ... Вотъ ужъ можно держать пари, что никогда не влюбится и не надѣлаетъ глупостей.

Александръ. — Я остороженъ, батюшка; берегу другихъ и себя.

Дмитрій Петровичъ.—У него всегда готово оправданіе... а тебѣ, Юрій, я долженъ дать совѣтъ и прошу тебя имѣть на этотъ разъ хоть ко мнѣ полную довѣренность. Я старъ, опытенъ и понимаю молодость. Я съ цѣлію завелъ этотъ разговоръ; выслушай: она теперь счастлива, я въ этомъ увѣренъ, но она молода, она тебя любила прежде, и во всякомъ случаѣ ваша встрѣча произведетъ въ ней нѣкоторое волненіе. Если ты не покажешь никакого желанія возвратиться къ прежнему, если ты будешь обращаться съ нею, какъ съ женщиной, которую бы ты встрѣтилъ два раза на балѣ... то, повѣрь, въ скоромъ времени вы оба привыкнете къ мысли, что между вами не должно уже быть ничего общаго; но слушай, Юрій, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить ихъ супружеское счастіе: это удовольствіе низкое, оно отзывается чѣмъ-то похожимъ на зависть... Большая слава обольститъ бѣдную, слабую женщину!.. Обѣщай мнѣ вести себя благоразумно.

Юрій. — Я обѣщаю не дѣлать перваго шага.

Дмитрій Петровичъ.— Юрій!

Юрій. — Я не обѣщаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрій Петровичъ. — Я прошу тебя!.. ты знаешь, какъ я друженъ съ ея семействомъ.

Слуга (*входитъ*). — Князь Лиговскій съ княгинею.

Александръ (*въ сторону*). — Рѣшительная минута.

Юрій. — Батюшка, вы будете мною довольны.

(*Входятъ княгиня и князь. Княгиня и Юрій медленно раскланялись, наблюдая другъ друга.*)

Князь. — Дмитрій Петровичъ! честь имѣю васъ поздравить съ пріѣздомъ Юрія Дмитріевича — я думаю, вы очень рады.

Дмитрій Петровичъ. — Благодарю васъ, князь, отъ всей души... Когда вы будете отцомъ, тогда и сами вполнѣ меня поймете.

Князь (*съ улыбкою*).— Я надѣюсь, что это будетъ скоро. (*Вѣра отворачивается; потомъ.*)

Вѣра. Monsieur Радинъ! рекомендую вамъ моего мужа, прошу его полюбить.

Юрій. — Я буду стараться, княгиня.

Князь. — А я надѣюсь, что мы сойдемся: я, какъ говорятъ военные, въ полномъ смыслѣ добрый малый.

Юрій. — Увидавъ васъ, князь, я это тотчасъ угадалъ. (*Въ сторону.*) Ея хладнокровіе меня бѣситъ.

Дмитрій Петровичъ. — Княгиня, милости просимъ; князь... (*Садятся.*)

Вѣра. — Какъ вы находите, monsieur Радинъ, я постарѣла?

Юрій. — Въ счастіи не старѣются, княгиня; вы не постарѣли нисколько, хотя перемѣнились.

Дмитрій Петровичъ.— Довольны ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь.— Очень!.. прекрасныя комнаты, только довольно странное расположеніе: столько дверей, закоулковъ и лѣстницъ въ задней половинѣ, что я въ первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переѣхалъ и теперь все занимаюсь уборкой комнатъ.

Вѣра. — Ахъ, вообразите, какъ мой Пьеръ милъ!.. Сегодня я просыпаюсь, и вдругъ вижу у себя на туалетѣ цѣлую модную лавку... что жъ вышло: это все онъ мнѣ подарилъ на новоселье.

Юрій. — Княгиня! это показываетъ, какъ дорого князь цѣнитъ вашу любовь.

Князь. — О, помилуйте! мнѣ такъ пріятно ее тѣшить... за каждую ея ласку я готовъ дать десять тысячъ.

Александръ (*въ сторону*). — За такую ласку я ужъ отдалъ спокойствіе, теперь отдамъ жизнь.

Князь.— Что вы такъ задумчивы, Александръ Дмитріевичъ? Вчера у насъ вы были гораздо веселѣе.

Вѣра. — Онъ всегда печаленъ, когда другіе веселы.

Александръ. — Если вамъ угодно, я буду веселъ...

Вѣра. — Пожалуйста — это любопытно посмотрѣть.

Александръ. — Что жъ, извольте: не разсказать ли, какъ толстая жена откупщика потеряла башмакъ въ собраніи — это очень смѣшно, но вы такъ добры, что вамъ будетъ жалко. Разсказать, какъ князь Иванъ битыхъ три часа толковалъ мнѣ объ устройствѣ новой водяной мельницы и самъ махалъ руками наподобіе вѣтряной; вы сами видѣли эту картину и не смѣялись; повторить, что разсказываетъ онъ про своего дядю, какъ тотъ на 20 году отроду получилъ пощечину, 72 года все искалъ своего пріятеля, на 92 нашелъ, замахнулся... и отъ натуги умеръ — это смѣшно, только когда онъ самъ разсказываетъ; наконецъ говорить мнѣ свои глупости — вы къ нимъ ужъ слишкомъ привыкли, и онѣ мнѣ самому надоѣли больше, чѣмъ кому-нибудь.

Вѣра. — Вы сегодня расположены къ злости.

Александръ. — Право! — ну, такъ оправдаю вашу догадку и разскажу, какъ наша сосѣдка плакала, когда дочь отказала жениху съ милліономъ, потому что онъ только разъ въ недѣлю брееть бороду.

Юрій. — Вотъ ужъ это было бы вовсе не смѣшно, и я бы на ея мѣстѣ слегъ въ постель... милліонъ, да тутъ не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени: господинъ милліонъ — тутъ все.

Дмитрій Петровичъ.—Полно, Юрій, это слишкомъ по-петербургски.

Юрій. — Батюшка! вездѣ такъ думаютъ, и въ Петербургѣ такъ говорятъ; но повѣрьте мнѣ, женщина, отказавшая милліону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей въ милліонѣ! наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извиненіе всѣхъ слабостей, недостатковъ, уваженіе, любовь, дружба... Вы скажете — это будетъ все одинъ обманъ; но и безъ того мы вѣчно обмануты, такъ лучше быть обмануту съ милліономъ.

Дмитрій Петровичъ. — Я не полагаю, чтобъ многіе такъ думали.

Юрій. — Я знаю людей, которые поступаютъ по этимъ правиламъ.

Вѣра (*въ сторону*). — Онъ меня мучитъ. (*Громко.*) Пьеръ, ты хотѣлъ показать Дмитрію Петровичу, какъ убраны наши комнаты — и объ чемъ-то съ нимъ переговорить.

Князь. — Ахъ, точно, я имѣю до васъ маленькую просьбу насчетъ условія.

Дмитрій Петровичъ.—Къ вашимъ услугамъ, князь. (*Уходятъ. Александръ приближается къ Вѣрѣ и Юрію, съ минуту молчаніе.*)

Юрій (*насмѣшливо*).—Да, княгиня, милліонъ—вещь ужасная.

(*Уходитъ. Она погружена въ задумчивость.*)

Александръ (*беретъ ее за руку*).—Вѣра, твой мужъ... всѣ ушли, мы одни... Вотъ ужъ сутки, какъ я жду этой минуты, я видѣлъ по твоему лицу, что ты хочешь мнѣ что-то сказать. О, я читаю въ глазахъ твоихъ, Вѣра. (*Она отворачивается.*) Ты отворачиваешься... конечно, у тебя на душѣ какая-нибудь новая мучительная тайна—скорѣй, скорѣй, влей ее въ мою душу... тамъ много ей подобныхъ, и она съ ними уживется. Какое-нибудь сомнѣніе? Что жъ? Ты знаешь, какъ искусно я умѣю разрѣшать всѣ сомнѣнія.

Вѣра.—О! я помню.

Александръ.—Ты помнишь, сколько мнѣ стоило труда уничтожить твой единственный предразсудокъ, и какъ потомъ ты мнѣ была благодарна—потому что я люблю тебя, Вѣра, люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить, люблю, какъ человѣкъ, который въ первый разъ любимъ и счастливъ.

Вѣра.—Да, я слишкомъ все это хорошо помню.

Александръ.—Что это? упрекъ? раскаянье?.. И отчего же именно теперь, послѣ двухъ лѣтъ!.. О, я не хочу угадывать... нѣтъ, это минута неудовольствія; ты чѣмъ-нибудь огорчена... и зная, какъ я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... Хорошо, Вѣра, хорошо, продолжай—это тебя успокоитъ—я съ радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательствомъ твоей любви.

Вѣра (*оборачивается*).—Я имѣю до васъ одну просьбу!..

Александръ (*отступаетъ шагъ назадъ*).—Просьбу? Вы?.. А! это ужъ еще что-то новое... это холодное *вы*, послѣ столькихъ клятвъ и увѣреній, послѣ столькихъ доказательствъ искренней нѣжности, похоже на проклятіе. Посмотримъ, сударыня... прикажите... вы знаете, что моя жизнь принадлежитъ вамъ, зачѣмъ же тутъ слово: просьба! Нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ вашей минутной прихоти.

Вѣра.—О, я не требую никакой жертвы!..

Александръ.—Тѣмъ хуже, Вѣра! большою жертвой я бы могъ доказать тебѣ свою любовь...

Вѣра (*въ сторону*).—Любовь—это несносно.

Александръ.—Вижу, я начинаю докучать тебѣ—не мудрено. Я—глупецъ! Зачѣмъ не употреблялъ я хитрости, чтобъ удержать твое сердце, когда хитростью пріобрѣлъ его!.. Но что дѣлать? Я желалъ хоть одинъ разъ попробовать любви искренней, открытой... (*Молчаніе.*) Говорите, что вамъ угодно?

Вѣра.—Я хотѣла васъ просить, чтобъ вы сказали вашему брату...

Александръ.—Брату?

Вѣра (*скоро*).—Да, скажите ему, что онъ меня чрезвычайно обидѣлъ, намекая на богатство мужа моего... вы сами знаете, оттого ли я за него вышла... это было безуміе, ошибка... скажите ему, просите его, чтобъ онъ, ради прежней нашей дружбы, не огорчалъ меня болѣе... если это для васъ не жертва, то прошу васъ сказать ему... (*Молчаніе.*)

Александръ.—Хорошо, Вѣра, я скажу... Но это, вопреки тебѣ, будетъ служить доказательствомъ моей нѣжности болѣе всего на свѣтѣ.

Вѣра (*протягивая руку*).—О, мой другъ, какъ я тебѣ благодарна.

Александръ.—Нѣтъ, ради Бога, лучше не благодари. (*Уходитъ; въ сторону.*) Конечно, я ничего ему не скажу!..

Вѣра (*одна*).—Съ нынѣшняго дня я чувствую, что я погибла!.. Я не владѣю собою: какой-то злой духъ располагаетъ моими поступками, моими словами.

Князь (*высунувшись изъ двери*).—Вѣринька, Вѣринька! venez ici—посмотри, какой чудесный трельяжъ у Дмитрія Петровича—завтра же куплю тебѣ такой же точно.

Вѣра (*какъ бы проснувшись, встаетъ*).—О Боже! и всю жизнь слышать этотъ голосъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Въ комнатахъ князя Лиговскаго. Князь *и* Вѣра.

Князь.—Вѣра! посмотри, какъ передѣлали твой брильянтовый фермуаръ.

Вѣра.—Очень мило—но тутъ есть новые камни.

Князь. — Это любезность брильянтщика.

Вѣра. — А! понимаю… ты не хочешь моей благодарности… ты съ каждымъ днемъ дѣлаешься милѣе…

Князь. — Я радъ, что угодилъ тебѣ.

Вѣра (*въ сторону*). — Угодилъ!.. право, другой подумаетъ, что онъ мой управитель.

Князь. — Мнѣ очень понравился второй сынъ Дмитрія Петровича: не знаю, какъ тебѣ.

Вѣра. — Я его давно знаю.

Князь. — Онъ веселаго нрава.

Вѣра. — Слишкомъ веселаго.

Князь. — Признаюсь, я самъ таковъ и люблю посмѣяться, и, право, ты, наконецъ, надоѣшь мнѣ своей задумчивостью; а вѣдь Юрій Дмитріевичъ недуренъ; мнѣ выраженіе лица его очень нравится.

Вѣра. — Какая-то насмѣшливая улыбка — я боюсь говорить съ нимъ.

Князь. — Какое предубѣжденіе!.. напротивъ, у него въ улыбкѣ-то именно есть что-то доброе, простое… Я его разъ видѣлъ, а ужъ полюбилъ… А ты?..

Слуга (*входитъ*). — Юрій Дмитричъ Радинъ.

Юрій (*входитъ*). — Князь, я почелъ обязанностію засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе…

Князь. — Мы съ женой постараемся превратить эту обязанность въ удовольствіе! Прошу садиться — а вы легки на поминѣ — мы съ женой сейчасъ лишь объ васъ говорили, и я ее выведу на свѣжую воду. Вообразите, она утверждаетъ, что у васъ въ лицѣ есть что-то ядовитое, злое…

Юрій. — Можетъ-быть, княгиня права. Несчастіе дѣлаетъ злымъ.

Князь. — Ха-ха-ха. Какимъ у васъ быть несчастіямъ — вы такъ молоды.

Юрій. — Князь! вы удивляетесь потому, что слишкомъ счастливы сами.

Князь. — Слишкомъ! О, да это въ самомъ дѣлѣ колкость — я начинаю вѣрить женѣ.

Юрій. — Вѣрьте, прошу васъ, вѣрьте — княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вѣра (*быстро прерываетъ его*). — Скажите, вы прямо къ намъ, или были ужъ гдѣ-нибудь?

Юрій. — Я сегодня сдѣлалъ нѣсколько визитовъ… И одинъ очень интересный. Я былъ такъ взволнованъ, что сердце и теперь у меня еще бьется, какъ молотокъ…

Вѣра. — Взволнованы?..

Князь. — Вѣрно, встрѣча съ персоной, которую въ старину обожали, — это вѣчная исторія военной молодежи, пріѣзжающей въ отпускъ,

Юрій. — Вы правы — я видѣлъ дѣвушку, въ которую былъ прежде влюбленъ до безумія.

Вѣра (*разсѣянно*). — А теперь?

Юрій. — Извините, это — моя тайна; остальное, если угодно, разскажу…

Князь. — Пожалуйста — писанныхъ романовъ не терплю, а до настоящихъ — страстный охотникъ.

Юрій. — Я очень радъ; мнѣ хочется также при комъ-нибудь облегчить душу. Вотъ видите, княгиня, года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ семействомъ, жившимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ принятъ въ немъ, какъ родной. Дѣвушка, о которой хочу говорить, принадлежитъ къ этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы портретомъ; имя же ея для меня трудно произнесть.

Князь. — Вѣрно, очень романическое?

Юрій. — Не знаю — но отъ нея осталось мнѣ одно только имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить, какъ молитву; оно моя собственность, я его храню, какъ образъ — благословенія матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ могилы пророка.

Вѣра. — Вы очень краснорѣчивы.

Юрій. — Тѣмъ лучше. Но слушайте: съ самаго начала нашего знакомства я не чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы… Говорить съ ней, сдѣлать ей удовольствіе было мнѣ пріятно — и только. Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ видѣлъ я какую-то пылкость, твердость и благородство, рѣдко замѣтныя въ нашихъ женщинахъ, — однимъ словомъ, что-то первобытное, что-то увлекающее. Частыя встрѣчи, частыя прогулки, невольно яркій взглядъ, случайное пожатіе руки — много ли надо, чтобъ разбудить таившуюся искру?.. Во мнѣ она вспыхнула; я былъ увлеченъ этой дѣвушкой, я былъ околдованъ ею; вокругъ нея былъ какой-то волшебный очеркъ, вступивъ за его границу, я уже не принадлежалъ себѣ; она вырвала у меня признаніе, она разогрѣла во мнѣ любовь, я предался ей, какъ судьбѣ; она не требовала ни обѣщаній ни клятвъ, когда я

держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сыпалъ поцѣлуи на ея огненное плечо; но сама клялась любить меня вѣчно. Мы разстались — она была безъ чувствъ; всѣ приписывали то припадку болѣзни — я одинъ зналъ причину... Я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться скоро. Она была моя — я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года; я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоцѣнное чувство слѣдовало за мною. Случалось мнѣ возлѣ другихъ женщинъ забыться на мгновенье, но послѣ первой вспышки я тотчасъ замѣчалъ разницу, убійственную для нихъ — ни одна меня не привязала, и вотъ, наконецъ, я вернулся на родину.

Князь. — Завязка романа очень обыкновенна.

Юрій. — Для васъ, князь, и развязка покажется обыкновенна... Я ее нашелъ замужемъ — я проглотилъ свое бѣшенство изъ гордости... Но одинъ Богъ видѣлъ, что происходило здѣсь.

Князь. — Что жъ? Нельзя было ей ждать васъ вѣчно.

Юрій. — Я ничего не требовалъ — обѣщанія ея были произвольны.

Князь. — Вѣтреность, молодость, неопытность — ее надо простить.

Юрій. — Князь, я не думалъ обвинять ее... но мнѣ больно.

Княгиня (*дрожащимъ голосомъ*). — Извините — но, можетъ-быть, она нашла человѣка еще достойнѣе васъ.

Юрій. — Онъ старъ и глупъ.

Князь. — Ну, такъ очень богатъ и знатенъ.

Юрій. — Да.

Князь. — Помилуйте — да это нынче главное! ея поступокъ совершенно въ духѣ вѣка.

Юрій (*подумавъ*). — Съ этимъ не спорю.

Князь. — На вашемъ мѣстѣ я бы теперь за ней поволочился; если ея мужъ таковъ, какъ вы говорите, то, вѣроятно, она васъ еще любитъ.

Вѣра (*быстро*). — Не можетъ быть.

Юрій (*пристально взглянувъ на нее*). — Извините, княгиня, теперь я увѣренъ, что она меня еще любитъ. (*Хочетъ итти.*)

Князь. — Куда вы?

Юрій. — Куда-нибудь.

Князь. — Поѣдемте вмѣстѣ на Кузнецкій. (*Два слова на ухо.*)

Юрій. — Извольте, куда хотите. (*Выходятъ.*)

Князь. — Прощай, Вѣринька. (*Идетъ и въ дверяхъ встрѣчаетъ Александра.*) Извините, Александръ Дмитріевичъ — а вотъ жена цѣлое утро дома. *Уходитъ.*) (*Александръ входитъ медленно, смотритъ то на нихъ, то на Вѣру. Вѣра, опрокинувъ голову на спинку стула, закрыла лицо руками.*)

Александръ (*про себя*). — Онъ былъ здѣсь, она въ отчаяньи. (*Глухо.*) Я погибъ.

Вѣра (*открывъ глаза*). — А! опять передо мною.

Александръ. — Опять и всегда какъ жертва, на которую ты можешь излить свою досаду; какъ другъ, которому ты можешь ввѣрить печаль; какъ рабъ, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вѣра. — О, поди, оставь меня... Ты живой упрекъ, живое раскаянье — я хотѣла молиться — теперь не могу молиться.

Александръ. — Если бъ я умѣлъ молиться, Вѣра, то призвалъ бы на твою голову благодать Бога вѣчнаго... но ты знаешь, я умѣю только любить.

Вѣра. — Я ничего не знаю... Уйди ради Неба, уйди.

Александръ. — Ты меня не любишь?

Вѣра. — Я тебя ненавижу.

Александръ. — Хорошо!.. Это немножко легче равнодушія — за что же меня ненавидѣть?.. За что?.. Говори, за что?..

Вѣра. — О, ты нынче недогадливъ... Ты не понимаешь, что послѣ проступка можетъ оставаться въ сердцѣ женщины искра добродѣтели; ты не понимаешь, какъ ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не смѣть объ этомъ думать, не смѣть дать себѣ этого имени...

Александръ. — Да, понимаю! несносно для самолюбія.

Вѣра. — Если бъ не ты, не твое адское искусство, если бъ не твои ядовитыя рѣчи, я бы могла еще требовать уваженія мужа и, по крайней мѣрѣ, смѣло смотрѣть ему въ глаза.

Александръ. — И смѣло любить другого.

Вѣра (*испугавшись*). — Нѣтъ, неправда, неправда! такая мысль не приходила мнѣ въ голову.

Александръ. — Къ чему запираться? Я не мужъ твой, Вѣра; не имѣю никакихъ правъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ любовь твою... И что жъ мнѣ удивляться!.. Я третій, которому ты измѣняешь — со временемъ будетъ и двадца-

тый!.. Если ты почитаешь себя преступной, то преступленія твои не любовь ко мнѣ, а замужество!.. союзъ неровный, противный законамъ природы и нравственности... Признайся же мнѣ, Вѣра: ты снова любишь моего брата?

Вѣра. — Нѣтъ, нѣтъ!

Александръ. — Если хочешь, то я уступлю тебя брату; стану издали, украдкой смотрѣть на ваши свѣжія ласки и стану думать про себя: такъ точно и я былъ счастливъ... очень недавно...

Вѣра. — Да ты мучитель... палачъ... И я должна терпѣть!

Александръ.—Я—палачъ? Я—самый снисходительный изъ любовниковъ!.. я, готовый быть твоимъ безмолвнымъ повѣреннымъ — плати только мнѣ по одной ласковой улыбкѣ въ день. Многіе платятъ дороже, Вѣра!

Вѣра. — О, лучше убей меня.

Александръ.—Дитя, развѣ я похожъ на убійцу?..

Вѣра. — Ты хуже!

Александръ. — Да, такова была моя участь со дня рожденія... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство — я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло, никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли — я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ, я чувствовалъ себя выше его — меня ставили ниже — я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ — меня никто не любилъ, и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго — меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни — а видѣлъ какъ другіе безъ искусства счастливы; въ груди моей возникло отчаянье, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней ни въ будущей жизни; наконецъ я сдѣлалъ послѣднее усиліе — я рѣшился узнать хоть разъ, что значить быть любимымъ... и для этого избралъ тебя!..

Вѣра *(не смотря на него пристально)*.—О Боже!.. И Ты надо мной не сжалился.

Александръ. — Богъ меня послалъ къ тебѣ, какъ необходимое въ жизни несчастіе. Но для меня ты была ангеломъ-спасителемъ. Когда я увидалъ возможность обладать твоей любовью, то для меня не стало препятствій; всей силой неутомимой воли, всей силой отчаянья я уцѣпился за эту райскую мысль... Всѣ средства были хороши; я, кажется, сдѣлалъ бы самую неслыханную низость, чтобъ достигнуть моей цѣли... Но вспомни, вспомни, Вѣра, что я погибалъ... нѣтъ, я не обманулъ, не обольстилъ тебя — нѣтъ, было написано въ книгѣ судьбы, что я не совсѣмъ еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вѣра! Никто на свѣтѣ меня не разувѣритъ — никто не вырветъ у меня изъ души воспоминаній о моемъ единственномъ блаженствѣ! О, какъ оно было полно, восхитительно, необъятно... Видишь, видишь слезы... не изобрѣтено еще муки, которая бы вырвала такую каплю изъ глазъ моихъ... а теперь плачу, какъ ребенокъ плачу... когда вспомнилъ, что былъ одинъ разъ въ жизни счастливъ... (*Упадаетъ на колѣни и хватаетъ ея руку.*) О, позволь, позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, плакать.

Вѣра. — Послушай, Александръ, послушай... что же мнѣ дѣлать?.. Мнѣ жаль, но я не люблю тебя; не могу, не могу больше любить... я всегда ошибалась — мы не созданы другъ для друга... Что же мнѣ дѣлать!.. (*Александръ встаетъ.*) Послушай, забудь, оставь меня... Или нѣтъ, я уѣду далеко-далеко... Не обращай на меня вниманія — я не ангелъ, я слабая, безумная женщина... я тебя не понимаю... я тебя боюсь!.. Презирай меня, если тебѣ отъ этого будетъ легче, но оставь, не мучь...

Александръ.—Хорошо, хорошо, Вѣра. Я тебя оставлю — ты меня не увидишь... но я, моя мысль, мой взоръ, мой слухъ будутъ вѣчно съ тобой; когда ты будешь весела и довольна, то я о себѣ не напомню, но въ минуты печали я буду тебѣ являться — и ты утѣшишься, видя, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который несчастнѣе тебя!

Вѣра. — Но зачѣмъ же, зачѣмъ?.. Попробуй полюбить другую — я знаю много женщинъ, которымъ ты нравишься... А меня оставь жить, какъ судьбѣ угодно!.. Что можетъ быть между нами общаго — безъ любви... Я тебя прощаю отъ всего сердца.

Александръ. — Какое великодушіе!

Вѣра.— Обѣщаюсь забыть всѣ мученія, которымъ ты былъ причиной.

Александръ. — И ты думаешь обмануть меня! — и ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю въ глубинѣ души твоей? Меня обмануть? Да знаешь ли, что это почти невозможно... Ты выбрала минуту слабости — ты думала, что слезы помѣшають мнѣ видѣть всю тонкость твоего намѣренія! Я знаю, что ты хочешь избавиться отъ моего надзора, какъ отъ любви моей, чтобъ на свободѣ отдать мое мѣсто другому — эта мысль еще не развилась въ умѣ твоемъ, ты говоришь по какому-то невольному побужденію... Но я вижу эту мысль во всей ея ужасной наготѣ... и этого не будетъ... Нѣтъ, что хоть разъ мнѣ принадлежало, то не должно радовать другого... А этотъ другъ — мой братъ Юрій. Слышишь ли, я и это знаю.

Вѣра (*съ гордостью*). — Такое подозрѣніе слишкомъ обидно... Съ сей минуты мы чужды другъ другу... Прощайте, я васъ не знаю... позволяю вамъ мстить всѣми возможными, даже низкими средствами.

Александръ. — Какъ? Неужели и ты, и ты не нашла въ душѣ моей ничего благороднаго...

Вѣра. — Не знаю.

Александръ. — О!

Вѣра. — Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру. (*Упадаетъ на кресла.*)

Александръ. — Я иду... только онъ никогда не будетъ твоимъ — никогда... (*Подойдя къ двери, оборачиваясь.*) Слышишь ли, никогда.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дмитрій Петровичъ *входитъ*, Александръ *его ведетъ подъ руку и сажаетъ*.

Александръ. — Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Старость, братъ, старость — пора убираться... Да, ты что-то хотѣлъ сказать.

Александръ.—Да, точно... есть одно дѣло, объ которомъ я непремѣнно долженъ съ вами поговорить.

Дмитрій Петровичъ. — Это вѣрно насчетъ процентовъ въ опекунскій совѣтъ... Да не знаю, есть ли у меня деньги...

Александръ. — Въ этомъ случаѣ деньги не помогутъ, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Что?.. Что такое съ Юринькой случилось?

Александръ. — Не пугайтесь, онъ здоровъ и веселъ.

Дмитрій Петровичъ. — Не проигрался ли онъ?

Александръ. — О, нѣтъ!

Дмитрій Петровичъ. — Послушай, если ты мнѣ скажешь про него что-нибудь дурное, такъ объявляю заранѣе... я не повѣрю... я знаю, ты его не любишь!

Александръ. — Итакъ, я ничего не могу сказать... А вы одни могли бы удержать его.

Дмитрій Петровичъ. — Ты во всѣхъ предполагаешь дурное.

Александръ. — Я молчу, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Видно, я правду говорю, коли ты не смѣешь и защищаться?..

Александръ. — Я чувствую, что человѣку не дано силы противиться судьбѣ своей.

Дмитрій Петровичъ. — Ты меня выведешь изъ терпѣнья... Ну, скажи, что ли, скорѣе, что ты еще открылъ, въ чемъ предостерегать!

Александръ. — Юрій влюбленъ въ княгиню Вѣру.

Дмитрій Петровичъ. — Да, я самъ подозрѣваю, что онъ не совсѣмъ ее забылъ... а она?

Александръ. — Она его любитъ страстно, о, я это знаю... Я имѣю доказательства... Я вамъ клянусь честью... Спасите хоть ее... еще два-три дня... и она не будетъ въ силахъ ни въ чемъ противиться... Вы до этого не допустите брата.

Дмитрій Петровичъ. — Да, да, это нехорошо... Но Юрій не захочетъ, не рѣшится.

Александръ. — А минута страсти, самозабвенія?.. Одна минута?

Дмитрій Петровичъ. — Это нехорошо... Ты правъ... Благодарю, что сказалъ... Да что же дѣлать? Поговорить развѣ Юрію...

Александръ. — О! это хуже всего... Онъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ .. Надо, чтобъ князь уѣхалъ... Потомъ брату кончится отпускъ... И они никогда, по крайней мѣрѣ, долго не увидятся...

Дмитрій Петровичъ.—Бѣдная женщина!..

Александръ. — О, если бы вы видѣли, какъ она страдаетъ въ борьбѣ съ

собою... Но я ее знаю... еще нѣсколько дней... и она погибнетъ!..

Дмитрій Петровичъ. — Я хвалю тебя, Александръ!.. Ты всегда былъ строгихъ правилъ, хотя не очень чувствителенъ... Но какъ же быть?

Александръ. — Предупредить князя! Сказать ему просто!..

Дмитрій Петровичъ. — Разссорить его съ женой?..

Александръ. — Онъ благоразумный и добрый человѣкъ... Скажите ему только, что Юрій влюбленъ въ княгиню... Это вашъ долгъ, долгъ отца и честнаго человѣка... Объясните ему, что вы нимало не подозрѣваете его жены... Но что, живя въ одномъ домѣ, ея репутація можетъ пострадать, братъ можетъ проболтаться, похвастаться двусмысленнымъ образомъ — изъ самолюбія... Мало ли!.. однимъ словомъ, князь долженъ уѣхать.

Слуга (*входитъ*). — Князь Лиговскій.

Дмитрій Петровичъ. — Надо подумать... Какъ же такъ опрометчиво поступать — надо бы подумать.

Александръ. — Минуты дороги... Вы видите, сама судьба его вамъ посылаетъ. (*Входитъ князь.*)

Князь. — А я сейчасъ съ Кузнецкаго Моста, покупалъ все женѣ наряды къ празднику... Столько хлопотъ, что ужасъ... Вотъ эти молодые люди не знаютъ, что такое жениться.

Дмитрій Петровичъ. — Пріятно со стороны смотрѣть, какъ вы любите вашу супругу, князь.

Князь.—Я жену очень люблю, однако, видите, я со всѣмъ тѣмъ мужъ благоразумный — хочу, чтобъ меня слушались, и въ случаѣ нужды имѣю твердость — о, я очень твердъ! — Какъ вы нынче въ своемъ здоровьѣ?

Дмитрій Петровичъ.—Благодарю... Я нынче что-то слабъ... И къ тому же разстроенъ... Охъ, дѣти, дѣти!

Князь. — Разстроены... Помилуйте, вы, кажется, такъ счастливы дѣтьми.

Дмитрій Петровичъ.—Это правда... Но иногда и самыя лучшія дѣти дѣлаютъ глупости.

Князь. — Да помилуйте!.. Вы несправедливы. Какія же глупости... Но, извините, это слишкомъ нескромно....

Дмитрій Петровичъ. — Ничего, князь, напротивъ... Это дѣло даже больше касается до васъ, нежели до меня. (*Александръ дѣлаетъ знакъ отцу и уходитъ.*)

Князь. — До меня?..

Дмитрій Петровичъ. — Мой долгъ повелѣваетъ мнѣ сказать. Но я не знаю, какъ рѣшиться.

Князь. — Развѣ это что-нибудь...

Дмитрій Петровичъ. — Вотъ видите, я не знаю, какъ вы примете.

Князь. — Да развѣ?..

Дмитрій Петровичъ. — Успокойтесь — это еще не опасно.

Князь. — Слава Богу... такъ еще не опасно. Уфъ.

Дмитрій Петровичъ. — Мой сынъ Юрій...

Князь. — Юрій Дмитріевичъ! Онъ со мной никакихъ не имѣлъ сношеній.

Дмитрій Петровичъ. — Я не говорю, чтобъ онъ имѣлъ сношеніе съ вами или съ кѣмъ-нибудь изъ вашего дома... но ваша жена... еще до замужества... ея красота и любезность!..

Князь. — Вотъ видите, Дмитрій Петровичъ... Я этихъ достоинствъ еще самъ въ ней хорошенько не разсмотрѣлъ... Не потому говорю такъ, что она моя жена, но вѣдь я не поэтъ! О, вовсе не поэтъ!.. Я женился потому, что надо было жениться — женился на ней потому, что она показалась мнѣ добраго и тихаго нрава; люблю ее потому, что надобно любить жену, чтобъ быть счастливу... Я васъ прервалъ, пожалуйста, продолжайте!

Дмитрій Петровичъ.—Это не такъ легко, князь.

Князь. — Прошу васъ, для меня себя не принуждайте.

Дмитрій Петровичъ. — Однимъ словомъ, мой сынъ Юрій былъ влюбленъ въ вашу супругу до ея замужества — и, кажется, былъ нѣсколько ей пріятенъ.

Князь. — О, я увѣренъ, что теперь эта страсть прошла.

Дмитрій Петровичъ. — Къ сожалѣнію, не прошла — со стороны моего сына.

Князь. — Тѣмъ хуже для него.

Дмитрій Петровичъ. — Я боялся, чтобы это и вамъ не было непріятно! По долгу честнаго человѣка рѣшился васъ предупредить на всякій случай...

Князь. — Лишь бы жена была мнѣ вѣрна — больше я и знать не хочу!

Дмитрій Петровичъ. — Я не сомнѣваюсь въ добродѣтели княгини.

Князь. — И я также.

Дмитрій Петровичъ (*со вздохомъ*). Вы очень счастливы...

Князь. — Не спорю-съ. (*Вдругъ какъ бы вспомнивъ что-то, хватаетъ себя за голову и вскакиваетъ*). — О, я дуракъ! о, я пошлый дурачина!.. О, глупая, ослиная голова!.. Вы правы, а я дубина!.. Теперь вспомнилъ... О, пошлая недогадливость!.. Теперь понимаю... понимаю... этотъ анекдотъ!.. все было на мой счетъ сказано... а я сумасшедшій — ему же совѣтую волочиться за моей женой — а ея смущеніе... Вѣдь надо было мнѣ жениться въ 42 года!.. съ моимъ добрымъ, простосердечнымъ нравомъ — жениться!..

Дмитрій Петровичъ. — Успокойтесь, прошу васъ, все еще поправить можно.

Князь. — Нѣтъ, никогда не успокоюсь. (*Садится.*)

Дмитрій Петровичъ. — Я вамъ это сказалъ по долгу честнаго человѣка... и потому, что знаю сына: онъ легко можетъ надѣлать глупостей — и невиннымъ образомъ въ свѣтѣ компрометировать княгиню — притомъ она молода — можетъ завлечься невольно — скажутъ, что, живя въ одномъ домѣ...

Князь. — Вы правы — посудите теперь! ну, не несчастнѣйшій ли я человѣкъ въ мірѣ.

Дмитрій Петровичъ.—Утѣшьтесь... Я очень понимаю ваше положеніе, но что же дѣлать.

Князь. — Что дѣлать? Вотъ видите, я человѣкъ рѣшительный—завтра же уѣду изъ Москвы въ деревню — нынче же велю все готовить.

Дмитрій Петровичъ. — Это самое лучшее средство — самое вѣрное — тихо, безъ шуму.

Князь.—Да, тихо, безъ шуму!.. уѣхать изъ Москвы, зимой, наканунѣ праздниковъ — вотъ женщины! О женщины! Прощайте, Дмитрій Петровичъ, прощайте! о, вы увидите, что я человѣкъ рѣшительный!

Дмитрій Петровичъ. — Не взыщите, я говорилъ отъ сердца, князь, по-стариковски — притомъ я всегда былъ строгихъ правилъ... (*Хочетъ встать.*)

Князь. — Не безпокойтесь... Вы истинный мой другъ... Прощайте!.. О, я человѣкъ рѣшительный... (*Уходитъ.*)

Дмитрій Петровичъ. — Ну, слава Богу, съ плечъ долой—все уладилъ—охъ, дѣти, дѣти...

(*Юрій входитъ и хохочетъ во все горло.*)

Юрій. — Вообразите, ха-ха-ха-ха... Нѣтъ, я вѣкъ этого не забуду... Князь, ха-ха-ха! Я подаю ему руку и говорю: здравствуйте, князь... что новаго... а онъ—ха-ха-ха! скорчилъ кошачью мину и руку положилъ въ карманъ: ничего-съ, къ несчастью, все старое... потомъ шагъ назадъ и сталъ въ позицію... Я скорѣе бѣжать, чтобъ не фыркнуть ему въ глаза... Не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрій Петровичъ. — А ты хочешь волочиться за женой и чтобъ мужъ тебѣ въ ноги кланялся! Кабы въ наше время, такъ бы ему надо тебя не такъ проучить.

Юрій (*серьезно*). — Я волочусь за его женой? Кто ему это сказалъ?

Дмитрій Петровичъ. — Ну, вѣдь признайся: ты въ нее влюбленъ?

Юрій. — Онъ о прежнемъ ничего не знаетъ и слишкомъ глупъ, чтобъ теперь догадаться.

Дмитрій Петровичъ. — Долгъ всякаго честнаго человѣка былъ ему сказать.

Юрій. — А позвольте: кто жъ этотъ черезчуръ честный человѣкъ?

Дмитрій Петровичъ. — А если бъ даже я.

Юрій. — Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ. — Да, я не терплю безнравственности, безпутства... Въ мои лѣта трудно смотрѣть на такія вещи и молчать... Хорошій отецъ долженъ удерживать сына отъ безчестныхъ поступковъ, а если сынъ его не слушаетъ, то мѣшать ему всѣми средствами.

Юрій. — А, такъ вы ему сказали?

Дмитрій Петровичъ. — Да, не прогнѣвайся—и князь завтра же увозитъ жену въ деревню.

Юрій.—О! это нестерпимо!

Дмитрій Петровичъ. — Вздоръ, вздоръ!.. Что такое за упрямство, будто нѣтъ другихъ женщинъ.

Юрій. — Для меня нѣтъ другихъ женщинъ... Я хочу, хочу... Да знаете ли, батюшка, что это ужасно... Кто вамъ внушилъ эту адскую мысль?

Дмитрій Петровичъ. — Кто внушилъ?.. И ты смѣешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любитъ больше жизни, тобою только и дышитъ — вотъ благодарность! развѣ я такъ ужъ старъ, такъ глупъ, что не вижу самъ, что что дурно, что хорошо... Нѣтъ, никогда не допущу тебя сдѣлать дурное дѣло — опомнишься, самъ будешь благодаренъ и попросишь прощенья!

Юрій. — Никогда... Прощенія!.. Мнѣ еще васъ благодарить — за что? Вы мнѣ

дали жизнь, и теперь ее отняли, на что мнѣ жизнь?.. Я не могу жить безъ нея — нѣтъ, я вамъ никогда не извиню этого поступка.

Дмитрій Петровичъ.—Юрій, Юрій! подумай, что ты говоришь.

Юрій. — Я не уступлю. Борьба начинается — я радъ, очень радъ! Посмотримъ! Всѣ противъ меня — и я противъ всѣхъ!..

Дмитрій Петровичъ. — Сжалься, Юрій, надъ старикомъ, ты меня убиваешь.

Юрій. — А вы надо мною сжалились? Вы пошутили — милая шутка!

Дмитрій Петровичъ. — О, ради Бога, перестань!

Юрій. — Князь завтра ѣдетъ, а нынче Вѣра будетъ моя.

(*Идетъ къ столу.*)

Дмитрій Петровичъ.—Александръ! Александръ! Онъ убилъ меня—мнѣ дурно! (*Александръ вбѣгаетъ, подымаетъ и ведетъ его подъ руку.*) Онъ злодѣй — онъ убилъ меня!

Юрій (*одинъ*). — Нынче она будетъ моя — нынче или никогда... Они хотятъ у меня ее вырвать — развѣ я даромъ три года думалъ объ ней день и ночь. Три года сожалѣній, надеждъ, недоспанныхъ ночей; три года мучительныхъ часовъ тоски глубокой, неизлѣчимой — и послѣ этого я ее отдамъ безъ спору, и въ ту самую минуту, когда я на краю блаженства. Да какъ же это возможно! (*Пишетъ записку и складываетъ.*) Кажется, такъ оно удастся. (*Отворяетъ дверь и кличетъ.*) Ванюшка! (*Входитъ молодой лакей въ военной ливреѣ.*) Послушай, отъ твоего искусства теперь зависитъ жизнь моя.

Ванюшка. — Вы знаете, сударь, что я вамъ всѣми силами радъ служить.

Юрій. — Когда ты сдѣлаешь, что я прикажу, то проси, чего хочешь.

Ванюшка.—Слушаю-съ.

Юрій. — Если же нѣтъ—ты погибъ!

Ванюшка. — Слушаю-съ.

Юрій. — Видишь эту записку. Черезъ часъ, никакъ не позже, она должна быть въ рукахъ у княгини Лиговской. (*Александръ показывается въ другой двери.*)

Ванюшка. — Помилуйте, сударь, да это самое пустое дѣло. Я познакомился ужъ съ ея горничной; а у насъ въ пустой половинѣ такіе закоулки, что можно вездѣ пройти днемъ такъ же безопасно, какъ ночью...

Юрій. — Я на тебя надѣюсь. Только, смотри, не позже, какъ черезъ часъ. (*Уходитъ.*)

Ванюшка. — Черезъ пять минутъ, сударь... (*Про себя.*) Мы съ бариномъ, видно, не промахи—четыре дня какъ здѣсь, а ужъ дѣла много сдѣлали. (*Хочетъ итти.*)

Александръ. (*Подкрался сзади и схватываетъ его за руку.*) — Постой!

Ванюшка (*испуганный*).—Что это вы, баринъ!

Александръ. — У тебя вотъ въ этой рукѣ записка...

Ванюшка. — Никакъ нѣтъ-съ.

Александръ. — (*хочетъ взять*). — А вотъ увидимъ.

Ванюшка. — Я закричу-съ, вашъ братецъ услышитъ!

Александръ (*въ сторону*). — Попробую другой способъ! (*Ему.*) Видишь вотъ этотъ кошелекъ, въ немъ 20 червонцевъ; они твои, если ты дашь ее мнѣ прочесть—такъ, изъ любопытства.

Ванюшка. — Только никому сами не извольте сказывать.

Александръ. — Я буду молчаливъ, какъ могила. (*Высыпаетъ деньги въ руки.*)

Ванюшка. — А если изорвете, сударь, такъ я скажу своему барину.

Александръ (*про себя*). — Я умру, а не уступлю ему эту женщину! (*Читаетъ.*) «Вашъ мужъ все знаетъ... Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, вы меня любите — въ этомъ я также увѣренъ... Сегодня вечеромъ, въ 12 часовъ, я долженъ съ вами говорить; будьте въ этотъ часъ въ большой залѣ пустой части дома; вы спуститесь по круглой лѣстницѣ и пройдете черезъ коридоръ; если черезъ два часа я не получу желаемаго отвѣта, то иду къ вашему мужу, заставлю его драться и, надѣюсь, убью. Въ этомъ клянусь вамъ честью... Ничто его ни спасетъ, въ случаѣ вашего отказа. Выбирайте». А! искусно написано!..

Ванюшка. — Пожалуйте, сударь, записку — мнѣ пора.

Александръ. — А если я ее изорву, говори, что ты хочешь за это; все, что попросишь... Тысячу, двѣ?..

Ванюшка. — И милліона не надобно-съ.

Александръ. — Я тебя умоляю!..

Ванюшка. — Вотъ видите, сударь, мнѣ велѣно ее отнести, и я отнесу; о томъ, чтобъ ее не показывать, ничего не сказано, я ее вамъ показалъ.

Александръ (*подумавъ*). — Хорошо, отнеси ее! (*Слуга уходитъ.*) (*Про себя.*) Я все-таки найду средство имъ помѣшать.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Большая заброшенная комната; развалившійся каминъ; съ лѣвой стороны виденъ коридоръ, освѣщенный въ окна луной, въ коридоръ спускается лѣстница; направо двѣ ступени и дверь, а въ серединѣ стеклянная дверь на балконъ. Лунное освѣщеніе.

Александръ (*входитъ съ правой стороны изъ двери и запираетъ ихъ ключомъ; онъ въ широкомъ плащѣ*) — Хоть старъ замокъ, а не скоро его сломаешь... и покуда я здѣсь царь!.. Жалкая власть! жалкое удовольствіе, украденное изъ рукъ судьбы... и горькое, какъ хлѣбъ нищаго— зато я, по крайней мѣрѣ, хотя противъ ея воли, но еще разъ прижму ее къ груди своей; мой огненный поцѣлуй, какъ печать, останется на устахъ ея, и она будетъ мучиться этой мыслію; оно такъ и слѣдуетъ: вмѣстѣ были счастливцы, вмѣстѣ и страдать! Въ темнотѣ, подъ этимъ плащомъ она не скоро меня узнаетъ! Можетъ-быть, даже вѣроятно, что мнѣ удастся подъ чужимъ именемъ выманить два, три ласковыя слова... О, какой ангелъ внушилъ мнѣ эту мысль. Богъ, видимо, хочетъ вознаградить меня за 30-лѣтнія муки, за 30 лѣтъ жизни пустой и напрасной. (*Задумывается.*) Да, мнѣ 30 лѣтъ... а что я сдѣлалъ? зачѣмъ жилъ?.. Говорятъ, что я эгоистъ: итакъ, я жилъ для себя?.. Нѣтъ... я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ наслажденій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никому умышленно не сдѣлалъ... Итакъ, я жилъ для другихъ?— также нѣтъ... я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ — одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленіе — и потомъ одинъ разъ встрѣтилъ что-то похожее на любовь — одинъ только разъ — и тутъ видѣть, знать, что я обязанъ этимъ искусству, случаю, даже, можетъ-быть, лишней чашкѣ шоколаду... наконецъ, противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству, — потерять все — и остаться опять одному съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы. (*Ходитъ взадъ и впередъ.*) Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю въ душѣ своей, какъ въ открытой книгѣ? Отчего самыя обыкновенныя чувства у меня такъ мертвы? Отчего теперь, въ самую рѣшительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, умъ свѣжъ, голова холодна... Я, право, кажется, могъ бы теперь съ любымъ глупцомъ говорить битый часъ о погодѣ: видно, я такъ созданъ, видно, недостаетъ какой-нибудь звучной струны въ моемъ сердцѣ... О! лучше бы ужъ я родился слѣпъ, глухъ и нѣмъ... обо мнѣ бы, по крайней мѣрѣ, сожалѣли. (*Вѣра показывается на лѣстницѣ.*) Это она... такъ точно — теперь я долженъ призвать на помощь всю свою твердость.

Вѣра. —Довольны ли вы... Что можетъ сдѣлать женщина больше... но это дурно, дурно принудить меня такимъ средствомъ.

Александръ.—Я также выбралъ между жизнью и смертью.

Вѣра.—Рѣшившись вамъ повиноваться, я рѣшилась также васъ забыть...

Александръ (*хочетъ ее обнять*). — О, это женская хитрость.

Вѣра. — Нѣтъ... нѣтъ я вамъ скажу также, что я люблю васъ.

Александръ. — Меня одного?

Вѣра. — Одного, клянусь небомъ! — я могла заблуждаться, но теперь чувствую, что сердце мое никогда не измѣнилось. (*Александръ вздыхаетъ.*) Однако, несмотря на это, мы должны разстаться навсегда... Мнѣ трудно такъ же, какъ и вамъ, объ этомъ думать; но теперь мы будемъ благоразумнѣе, чѣмъ въ минуту первой разлуки нашей—я ужъ не могу быть счастлива, но спокойствіе для меня еще возможно — оставьте мнѣ хоть это!..

Александръ. — У меня и этого не останется.

Вѣра. — Вѣрьте мнѣ, женщина благородная можетъ на минуту забыть свой долгъ, но всегда приходитъ время, когда она чувствуетъ, что должна возвратиться къ нему; время это для меня настало: никакое искусство, никакія угрозы не поколеблютъ моей твердости. Юрій! дайте мнѣ руку, обѣщайте, какъ другу, какъ женщинѣ, которой постоянной мыслью были вы, обѣщайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину отъ

ея обязанностей — это ужасно, Юрій!.. это иногда хуже убійства.

Александръ. — О, молю, одинъ прощальный поцѣлуй!

Вѣра. — Нѣтъ, разстанемся друзьями — зачѣмъ такое испытаніе?

Александръ. — Я буду покоренъ во всемъ — только одинъ поцѣлуй—ты непремѣнно должна... непремѣнно... Одинъ... только одинъ... и потомъ пусть между нами обрушится вѣчность. *(Увлекаетъ и цѣлуетъ; лучъ мѣсячный упадаетъ на его лицо, и она узнаетъ... вскрикиваетъ громко.)*

Вѣра. — О! опять онъ, опять!

Александръ. — Я ужъ сказалъ тебѣ опять и всегда — никто не займетъ моего мѣста.

Вѣра. — Это обманъ неслыханный — пусти, пусти мнѣ руку... Я къ тебѣ чувствую отвращеніе!..

Александръ. — Знаю, знаю все; но ты не уйдешь отсюда... И ты подумала, что я не останусь вѣренъ своей клятвѣ?.. Да, я здѣсь, а твой страстный любовникъ теперь спитъ крѣпко за двумя замками... Видишь эту дверь — за нею еще дверь: онѣ обѣ заперты... Онъ долженъ сломать замки... можетъ-быть, эту ему и удастся... Но тогда онъ увидитъ тебя въ моихъ объятіяхъ...

Вѣра.—Боже мой, Боже мой! я должна была знать, что онъ на все способенъ!

Александръ. — Ха-ха-ха, развѣ ты этого прежде не знала! Развѣ годъ тому назадъ, когда ты въ упоеніи страсти лежала въ моихъ объятіяхъ, когда твои поцѣлуи горѣли на губахъ моихъ, развѣ тогда еще я не предварялъ тебя? Развѣ я не говорилъ: Вѣра, ты любишь человѣка ужаснаго, который не имѣетъ ничего святого, кромѣ тебя, и то пока онъ любимъ, человѣка съ душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничѣмъ не дорожитъ; развѣ я не говорилъ: берегись, ты думала, что я шучу... Мнѣ шутить въ такія минуты! Ты думала, что я все это говорилъ, чтобъ показаться интереснымъ, удивить тебя, что я слѣдую модѣ, фанфаронъ порока и эгоизма; ты даже хотѣла меня увѣрить, что я почти ангелъ доброты... потому что тогда кровь волновалась въ твоихъ жилахъ, тебѣ нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нѣжность, покуда, на время, до появленія другого, достойнѣйшаго... Не дрожи, не поднимай глаза къ небу... Наказаніе упало тебѣ оттуда... Ты не мученица добродѣтели, не жертва страсти и обмана—ты просто слабая, вѣтреная, непостоянная женщина... Ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трехъ человѣкъ: одному назначила покорность, другому — вздохи и признанія, третьему, самому послушному, ты назначила мученія ревности, пытки презрѣнія, муки любви отверженной, обманутой — и этотъ послѣдній теперь мститъ за себя...

Вѣра *(упадая на колѣни)*. — Не подходи, не подходи...

Александръ *(подымая ее за руку)*.— Встаньте, не унижайтесь, княгиня, до такой степени... Послѣ вашей надменности это ужъ слишкомъ смѣшно... На колѣняхъ, и передъ кѣмъ? Одумайтесь—что это? Страхъ? Чего же вы боитесь? Времена кинжаловъ прошли — развѣ я вамъ угрожаю?..

Вѣра *(почти безъ чувствъ)*. — Я не переживу этого.

Александръ.—Черезъ два года, Вѣра, назначаю тебѣ свиданіе гдѣ-нибудь на балѣ: на лицѣ твоемъ будетъ играть улыбка, въ волосахъ будутъ блистать жемчугъ и брильянты, а въ сердцѣ твоемъ будетъ пусто и свѣтло...

(Слышенъ стукъ отломаннаго замка.)

Вѣра. — Это Юрій — онъ идетъ сюда...

Александръ.—Наконецъ! *(Вѣра хочетъ убѣжать.)* Постой! Мнѣ пришла мысль. Зачѣмъ оставлять дѣло неоконченнымъ: я хочу, чтобъ онъ нашелъ тебя въ моихъ объятіяхъ, чтобъ онъ насладился пріятной картиной — это было бы божественно, какъ ты думаешь? *(Обнимаетъ ее.)*

Вѣра. — Мнѣ все равно, дѣлай, что хочешь — у меня нѣтъ силъ противиться.

Александръ. — Слышишь, вотъ его шаги... Послѣдній замокъ сейчасъ разлетится... Бѣшенство удваиваетъ его силы. *(Молчаніе.)* Нѣтъ, я вижу, это ужъ слишкомъ много для тебя—обморокъ? Пустое, я хочу, чтобъ ты съ нимъ говорила—остаться здѣсь, скажи ему, что ты его не любишь, не любишь нисколько... Я отойду въ сторону... Слышишь ли, отвергни его ласки такъ же холодно, какъ мои — иначе я стану между вами, и тогда горе вамъ обоимъ. *(Отходитъ и прячется; дверь съ трескомъ отворилась, и входитъ Юрій.)*

Юрій. — А! меня заперли — это не даромъ — это съ умысломъ сдѣлано, но кто же? Братъ?.. Зачѣмъ ему?.. О, если я опоздалъ... Вѣра!.. Ничего не слышно... Чу! шорохъ платья... Она здѣсь, здѣсь!.. Вѣра! *(Подходитъ и видитъ.)* О, какъ я счастливъ! *(Беретъ ее за руку.)* Вѣра, княгиня, простите меня.

Вѣра *(слабо)*. — Васъ... я прощаю...

Юрій. — Это былъ мигъ сумасшествія... Но я хотѣлъ васъ видѣть передъ тѣмъ, чтобъ разстаться снова и, можетъ-быть, навсегда... Я хотѣлъ — о, я самъ не знаю чего... Да, только васъ видѣть, только... Я надѣялся, я полагалъ, что вы не можете любить вашего мужа, потому что онъ не стоитъ васъ... Я хотѣлъ найти вамъ въ умѣ своемъ извиненіе... Я даже мечталъ, что вы меня еще любите.

Вѣра. — Вы совершенно ошиблись.

Юрій. — Однако вы здѣсь... вы не хотѣли огорчить меня — вы здѣсь, ваша рука горитъ въ рукѣ моей — женщина, не любя, не сдѣлаетъ этой жертвы...

Вѣра. — Вы правы, я пожертвовала собой изъ любви, но не къ вамъ.

Юрій. — Вы хотѣли спасти мужа?

Вѣра. — Да.

Юрій *(обидясь)*. — Если такъ, то прошу отъ меня его поздравить.

Вѣра *(послѣ молчанія)*. — Забудьте меня.

Юрій. — Я не ожидалъ такого привѣтствія.

Вѣра. — Чего жъ вы ожидали?

Юрій. — Въ васъ нѣтъ и тѣни той женщины, которая нѣкогда любила меня такъ нѣжно, которой обязанъ я лучшими минутами въ жизни... Отчего жъ бы, кажется, имъ не воскреснуть... зачѣмъ дарить сокровище тому, кто ему не знаетъ цѣны... А я, я, такъ долго жившій одной надеждой обладать имъ — я брошенъ въ сторону... со мной поступаютъ какъ съ игрушкой: то кидаютъ огненный взоръ, то ледяное слово...

Вѣра. — Лучше бы вы старались не понять ни того ни другого.

Юрій. — Боже! какъ вы перемѣнились — бывало, вамъ стоило подумать, и я ужъ зналъ эту мысль; пожелать, и я невольно желалъ того же; бывало, намъ почти не нужно было словъ для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я васъ не понимаю.

Вѣра. — О, слава Богу.

Юрій. — Слава Богу... Ужель вы хитростью хотѣли избавиться отъ моей любви, обманомъ испугать меня — этому не бывать... Вы теперь въ моей власти... Я не упущу этого случая... Теперь или никогда!.. вы моя, вы будете моею... Судьба этого хочетъ...

Вѣра. — Юрій, Юрій! одна минута восторга, и вѣки раскаянія.

Юрій. — Я не буду раскаиваться.

Вѣра. — А я?

Юрій. — Вы меня любите.

Вѣра. — Я слабая женщина... я имѣю обязанности... я знаю, что такое раскаяніе.

Юрій. — Ты объ немъ забудешь въ моихъ объятіяхъ.

Вѣра. — Пощадите!..

Юрій. — Не доводи меня до крайности... Я за себя не ручаюсь.

Вѣра. — Шорохъ... насъ подслушиваютъ... здѣсь кто-то есть...

Юрій. — Шорохъ... кто же смѣетъ?.. *(Осматривается.)*

Вѣра *(убѣгаетъ)*. — Прощай, Юрій!.. Прощай.

Юрій *(бѣжитъ за нею)*. — Нѣтъ, я васъ не пущу... Невозможно... Я не хочу такъ разстаться. *(Въ двери хватаетъ ее за руку и упадаетъ на колѣни. Александръ является.)*

Вѣра *(указываетъ пальцемъ на Александра)*. — Уйдите, уйдите! это онъ... опять онъ! *(Убѣгаетъ.)*

Юрій *(оборачивается)*. — А! что такое?..

Александръ. — Свидѣтель твоихъ глупостей!

Юрій. — Этого свидѣтеля можно достойно наградить за труды.

Александръ. — Это награжденіе... здѣсь... *(Указываетъ на сердце.)*

Юрій. — Братъ... съ этой минуты — я разрываю узы родства и дружбы, ты мнѣ сдѣлалъ зло, невозвратимое зло — и я отомщу!..

Александръ *(холодно)*. Какимъ образомъ?..

Юрій. — Ты мнѣ заплатишь.

Александръ *(улыбаясь)*. — Съ удовольствіемъ, только чѣмъ?

Юрій *(въ бѣшенствѣ)*. — Цѣною крови...

Александръ. — Въ нашихъ жилахъ течетъ одна кровь.

Юрій. — Подслушивать!.. такъ коварно отравлять чужое счастіе... Знаешь ли, что это дѣло подлецовъ...

Александръ. — А обольщать жену другого?

Юрій. — Она меня любитъ.

Александръ. — Неправда!.. Развѣ это видно изъ ея поступковъ...

Юрій. — Я знаю, что она меня любитъ... Любила меня одного.

Александръ. — А я знаю кое-что другое.

Юрій. — Что ты знаешь? Говори, сейчасъ говори!..

Александръ. — Я знаю, что въ твоемъ отсутствіи она имѣла любовника.

Юрій. — Клевета, низкая клевета!

Александръ. — Я тебѣ покажу письма...

Юрій.—Кто же онъ?.. Назови его мнѣ...

Александръ (*подумавъ*). — Изволь, я тебѣ его назову.

Юрій.—Сейчасъ... сію минуту...

Александръ. — Завтра... когда она уѣдетъ. (*Уходитъ.*)

Юрій (*задумчиво*).—Что, если онъ говоритъ правду?

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната князя. Онъ сидитъ; передъ нимъ управитель съ бумагами.

Управитель.—Ваше сіятельство, честь имѣю рабски донести, что все въ подмосковной готово для принятія вашего сіятельства; и домъ отопленъ, и обозъ долженъ сегодня туда пріѣхать.

Князь.—Хорошо... Ты останешься здѣсь и сдашь квартиру... Нынче, часа черезъ два, мы ѣдемъ — вели укладывать карету.

Управитель. — Слушаю-съ! да что, ваше сіятельство, изволили такъ на Москву прогнѣваться...

Князь.—Не твое дѣло разсуждать, дурачина...

Управитель. — Слушаю-съ, ваше сіятельство. (*Вѣра входитъ.*) Княгиня изволила пожаловать.

Князь. — Пошелъ вонъ. (*Управитель уходитъ.*) Я очень радъ, сударыня, что вы пришли — сдѣлали мнѣ эту честь — очень радъ, въ восторгѣ... Я долженъ съ вами поговорить — сдѣлайте милость, садитесь.

Вѣра. — Что вамъ угодно?

Князь. — Если бъ вы всегда мнѣ дѣлали этотъ вопросъ, то было бъ лучше.

Вѣра. — Вы этого не требовали...

Князь. — Тогда было другое — тогда я былъ вашъ покорный слуга, вашъ прислужникъ, ваша постельная собачка — только вы не умѣли цѣнить этого, сударыня... Чего я не дѣлалъ?.. Надобны брильянты — и брильянты являются; балъ — и балъ готовъ; коляски, кареты, шали, шляпы — я для васъ разорялся, сударыня.

Вѣра. — Я всегда была благодарна.

Князь. — И изъ благодарности сами хотѣли мнѣ подарить головной уборъ, въ новомъ вкусѣ. (*Вѣра хочетъ встать.*) Сидите, останьтесь... Я вашъ мужъ и теперь попробую приказывать; однимъ словомъ, мы нынче ѣдемъ въ подмосковную, а какъ только будетъ можно, то оттуда въ симбирскую деревню...

Вѣра. — Я пришла васъ просить не откладывать отъѣзда.

Князь.—Сами просите! вотъ новость!.. Знаете ли, что это очень хитро — тутъ что-нибудь кроется... И я, право, изъ любопытства въ состояніи остаться.

Вѣра. — Нѣтъ—вы этого не сдѣлаете... это невозможно!.. Мы должны ѣхать сегодня же... сейчасъ... я васъ умоляю.

Князь (*про себя*). — Хоть убей, не понимаю... (*Ей.*) Я хочу знать, сударыня, отчего вы желаете ѣхать такъ скоро?

Вѣра. — Я не могу вамъ этого объяснить...

Князь. — Не можете — и не надо, я самъ догадываюсь... Вы желаете доказать мнѣ, что вы добродѣтельная супруга, которая избѣгаетъ своего любовника, а мнѣ, сударыня, извѣстно, что вы любите сами Юрія Дмитріевича — мнѣ извѣстно...

Вѣра.—Нѣтъ, нѣтъ!.. я его не люблю... но боюсь...

Князь. — Полюбить его?

Вѣра. — Женское сердце такъ слабо...

Князь — И такъ обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кромѣ меня...

Вѣра. — Я всегда старалась не подать вамъ повода думать...

Князь. — Теперь я буду стараться... Запру васъ въ степной деревнѣ, и тамъ извольте себѣ вздыхать, глядя на прудъ, садъ, поле и прочія сельскія красоты, а подобныхъ франтиковъ за версту отъ дому буду встрѣчать плетьми и собаками... Ваша любовь мнѣ не нужна, сударыня! Я, слава Богу, не такъ глупъ, но ваша честь — моя честь! О, я отнынѣ буду ее стеречь неусыпно.

Вѣра. — Я рѣшилась искупить вину свою безпредѣльной покорностью.

Князь. — Образумиться надо было немного раньше.

Вѣра. — Конечно, это было не въ моей власти.

Князь. — Что жъ! судьба во всемъ виновата, судьба! Вотъ модные романы! вотъ свободныя женщины... философія — чортъ ее возьми, сударыня. Вы слишкомъ учены для меня, отъ этого все зло!.. Отнынѣ не дамъ вамъ ни одной книги въ руки — извольте заниматься хозяйствомъ.

Вѣра. — Я сказала, что буду покорна во всемъ, только прошу одного: ради Бога — никогда не напоминайте мнѣ о про-

шедшемъ... Я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будетъ принадлежать вамъ... Только не упрекайте меня.

Князь. — Вотъ мило! вотъ хорошо! Нѣтъ, сударыня, отнынѣ дѣлаю все вамъ напротивъ: вы хотите обѣдать — я велю подавать завтракъ, хотите ѣхать — я сижу дома, хотите сидѣть дома — везу васъ на балъ... Я вамъ отплачу, вы узнаете, что значитъ кокетничать съ петербургскими франтиками, имѣя такого мужа, какъ я! (*Уходитъ.*)

Вѣра. — Вотъ мнѣ раскрылась цѣлая жизнь страданій, но я рѣшилась терпѣть и буду терпѣть до конца! (*Входитъ слуга.*)

Слуга. — Князь приказалъ вамъ доложить, ваше сіятельство, что извольте, дескать, одѣваться — возокъ закладываютъ.

Вѣра. — Скажи, что я иду. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната у Дмитрія Петровича. — Дмитрія Петровича *несутъ на креслахъ.* Александръ *входитъ.*

Дмитрій Петровичъ. — Такъ, такъ — остановитесь здѣсь, я хочу, чтобъ свѣтлый лучъ солнца озарилъ мои послѣднія минуты — въ той комнатѣ темно, страшно какъ во гробѣ... Здѣсь тепло — здѣсь, можетъ-быть, снова жизнь проснется во мнѣ... Дѣти... Юрій... гдѣ вы... Ушли—никого.

Александръ. — Я возлѣ васъ, батюшка!

Дмитрій Петровичъ. — Другъ мой, я умираю — я замѣтилъ, какъ докторъ нынче покачалъ головой и уѣхалъ, не сказавъ ни слова. Ты говорилъ съ докторомъ?

Александръ.—Нѣтъ, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — Ты боялся спросить... Ты былъ всегда добрый сынъ; не правда ли, ты любилъ меня... Гдѣ Юрій?..

Александръ. — Его здѣсь нѣтъ. (*Уходятъ за Юріемъ по знаку Александра.*)

Дмитрій Петровичъ.—Ради Неба, позовите его — моего милаго Юрія... Я умираю... хочу его благословить... Онъ, вѣрно, не знаетъ, что я такъ дуренъ; вѣрно, ты не сказалъ ему?

Александръ. — Я боялся его огорчить.

Дмитрій Петровичъ. — Такъ, стало-быть, я въ самомъ дѣлѣ такъ близокъ къ смерти.

Александръ (*отвернувшись*). — Не знаю, батюшка.

Дмитрій Петровичъ. — О, ты камень! Когда ты будешь умирать, то узнаешь, какъ тяжело не встрѣчать утѣшенія.

Александръ. — О, конечно, я тогда это узнаю!

Дмитрій Петровичъ. — Тебѣ не жаль меня — ты даже не просишь моего благословенія. (*Юрій входитъ въ волненіи.*)

Александръ. — Батюшка, вотъ пришелъ братъ...

Юрій (*подходитъ; про себя*). — Боже мой! Какъ онъ перемѣнился со вчерашняго дня...

Александръ (*Юрію*). — Онъ умираетъ... и ты убилъ его...

Юрій (*закрывъ лицо*). — О! говорить это... и въ такую минуту!..

Дмитрій Петровичъ. — Юрій!

Юрій. — Я у вашихъ ногъ. (*Стоя на колѣняхъ подлѣ него.*)

Дмитрій Петровичъ. — Я тебя прощаю и благословляю отцовскимъ благословеніемъ.

Александръ (*отходя къ окну*). — А мнѣ простить нечего: надо мной нельзя показать великодушія... и потому нѣтъ благословенія!.. (*Стоитъ у окна.*)

Юрій (*встаетъ*). — Батюшка, я передъ вами злодѣй — я недостоинъ.

Дмитрій Петровичъ. — Полно, полно! пылкость, ребячество. Я это понимаю, но мнѣ было больно...

Ѳедосей (*за столомъ Юрію*). — Уговорите его, баринъ, лечь въ постель: ему такъ сидѣть трудно—посмотрите, лишается чувствъ, ослабѣваетъ.

Юрій. — Погоди, надо дать успокоиться.

Дмитрій Петровичъ (*слабо*). — Я ничего не вижу — здѣсь ли ты, Юрій... Свѣтъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ... Пошлите за священникомъ.

Юрій. — Онъ безъ чувствъ, руки холодны.

Ѳедосей (*Юрію*). — Вотъ ужъ дней съ пять, сударь, какъ съ ними это часто бываетъ.

Юрій. — Боже, сколько мученій!.. Здѣсь умирающій отецъ; тамъ...

Александръ (*хватаетъ брата за руку и тащитъ къ окошку.*)—Посмотри... посмотри—вотъ она выходитъ на крыльцо, даже сюда не смотритъ — блѣдна!.. Но что за диво — ночь, проведенная безъ сна!.. Садится... Улыбается мужу, а тотъ и не

замѣчаетъ... Посмотри... еще разъ выглянула въ окно и опустилась въ карету! Вѣра! Вѣра! чего ищутъ глаза твои. (*Слышенъ стукъ кареты.*)

Юрій. — Все кончено.

Александръ. — Вздыхай, терзайся, воображай ея слезы и мысли, что вы никогда не увидитесь — воображай, какая ужасная борьба происходила въ душѣ ея, когда она рѣшилась противиться твоей страсти!.. О, великій, святой примѣръ добродѣтели... чистая душа... Ха-ха-ха!.. Это былъ страхъ, страхъ — она знала, что я тутъ, за дверью.

Юрій. — Замолчи, замолчи!.. Видишь, здѣсь умирающій отецъ.

Александръ. — Что мнѣ теперь отецъ, цѣлый міръ — я потерялъ все, послѣднее средство погибло, послѣднее чувство умерло, на что мнѣ жизнь... хочешь взять ее? Возьми, и хорошо сдѣлаешь — вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебѣ наскажу такихъ вещей, отъ которыхъ и у тебя засохнетъ сердце, и у тебя въ душѣ родится сомнѣніе и ненависть... Глупецъ, глупецъ!.. Ты думалъ, что когда разъ понравился 17-лѣтней дѣвушкѣ, то она твоя навѣки, что она не можетъ любить другого, видѣвши разъ такое совершенство, какъ ты... а я тебѣ скажу теперь, подтвержу клятвою, что знаю человѣка, для котораго она забыла мужа, долгъ, законъ, честь, даже самолюбіе; человѣка, для котораго она была готова отдать жизнь, служить ему рабой; человѣка, который тысячу разъ долженъ бы былъ задушить ее въ своихъ объятіяхъ, если бы отгадалъ будущее...

Юрій. — Наконецъ ты долженъ мнѣ сказать, кто онъ. Я вырву у тебя изъ горла это проклятое имя.

Дмитрій Петровичъ (*слабо*). — Ѳедосей... что они дѣлаютъ? Позови ихъ, я хочу проститься!

Ѳедосей. — Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрій. — А, ты молчишь! Такъ я тебя принужу. (*Хватаетъ на столѣ саблю.*)

Дмитрій Петровичъ. — Дѣти, дѣти!.. убійство... остановите ихъ... братъ на брата — Господи, возьми меня скорѣе... (*Упадаетъ.*)

Ѳедосей. — Помогите!.. холоденъ! (*Упадаетъ на колѣни и цѣлуетъ руку старика.*)

Александръ (*вырываетъ саблю и бросаетъ на полъ*). — Дитя! и ты думаешь, что силой, страхомъ изъ меня можно что-нибудь выпытать... Ты грозишь смертью, кому?.. Брату... Что, если бъ я позволилъ тебѣ убить себя... Но я не такъ жестокъ — я самъ скажу все... Твой соперникъ, счастливый соперникъ — я!

Юрій. — Ты?

Александръ. — Теперь продолжай вѣрить женщинамъ, вѣрь любви, вѣрь добродѣтели — твой ангелъ лежалъ здѣсь, на этой груди; слѣды твоихъ поцѣлуевъ выжжены моими... я выжалъ изъ сердца Вѣры все, что въ немъ было похожаго на добродѣтель, и на твою долю не осталось ничего.

(*Юрій, закрывъ лицо руками.*)

Дмитрій Петровичъ (*умирая*). — Дѣти... Юрій... Юрій...

Юрій. — Мое имя... отецъ... онъ умираетъ. (*Бросается къ нему.*)

Ѳедосей. — Скончался.

Юрій. — Не можетъ быть... (*Хватаетъ руку.*) О!..

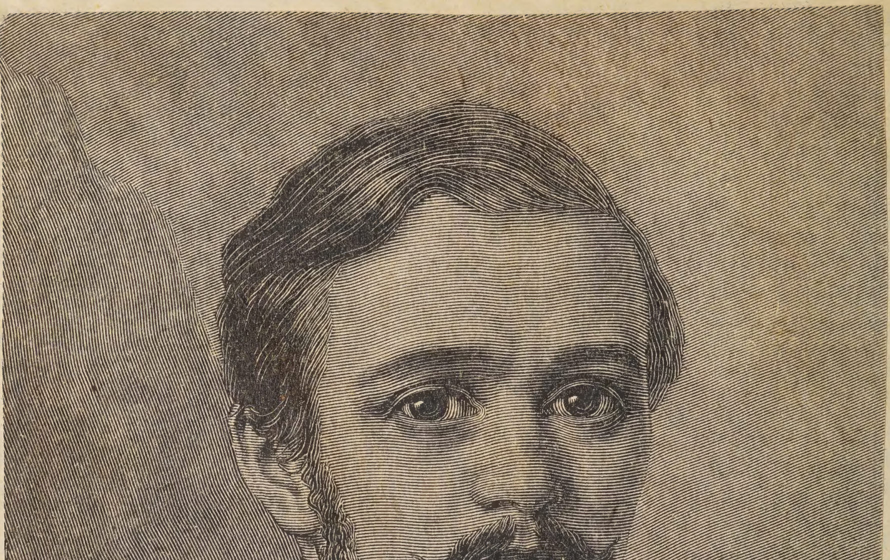
(*Юрій упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Александръ стоитъ надъ нимъ и качаетъ головою.*)

Александръ. — Слабая душа... И этого не могъ перенести...

1836.

КОНЕЦЪ.

ПРОЗА.



ГОРБАЧЪ-ВАДИМЪ.

Эпизодъ изъ пугачевскаго бунта.

(юношеская повѣсть).

Глава I.

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечернѣ; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантіи съ шорохомъ обметали пыль вслѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладана трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣснились вокругъ сырыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости богомольцевъ; они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посконныхъ мѣшкахъ; это были люди, отвергнутые природой и обществомъ [только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природой]; это были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надеждъ, олицетворенные упреки Провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому что они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющіе ни одной добродѣтели, потому что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ костистыхъ колѣняхъ; углубленія въ лицахъ казались чернѣе обыкновеннаго; у каждаго на челѣ было написано вѣчными буквами: *нищета!* Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или въ улыбкѣ!

Въ толпѣ нищихъ былъ одинъ — онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на расписанныя святыя врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привыкшими къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ какъ лобъ ученаго, мраченъ какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы тонкія, блѣдныя были растягиваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда; они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастіе; демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, отвратителенъ, но не это пугало ихъ; въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію, уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную, — его душа еще не жила по-настоящему, но собирала всѣ свои

силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ сложа руки и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими красками на св. воротахъ, и внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: «Если бъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоятъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!.. Другое дѣло человѣкъ; чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти».

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами: все было согласно въ чертахъ нищаго, одна страсть владѣла его сердцемъ или, лучше, онъ владѣлъ одною страстью — но зато совершенно!

— Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому... Христа ради, копеечку! — раздался крикъ его товарищей.

Онъ вздрогнулъ, обернулся — и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына, не больше.

Глава II.

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ аннинскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, запрятанныя въ огромные сапоги, производили неприятный звукъ, ступая на пыльные камни! онъ шелъ съ важностью, размахивая руками, и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливые нищіе обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобострастіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и, толкнувъ нищихъ, воскликнулъ: «Прочь вы! лѣнтяи — экіе молодцы — а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію — только — чуръ, не перекусайтесь за него».

Между тѣмъ горбатый нищій молча приблизился и устремилъ яркіе черные глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ остановившаяся молнія, и человѣкъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать ему тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ; если магнитизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнитизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его

Палицынъ обернулся.

— Что тебѣ надобно?

— Очень мало. Я хочу работы...

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣднякъ нимало не смутился и остался хладнокровенъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца — нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ мѣткости руки своей.

— Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенесть труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ.

Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

— Хочешь ли быть моимъ слугою?

Нищій нагнулся, въ одну минуту принялъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего новаго покровителя — изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ — ужели даромъ? и какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность! — воскликнулъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

— Твое имя?

— Вадимъ.

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла; подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

— Слѣдуй за мной! — сказалъ Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатыя стѣны, башни и церковь плоскими черными городами, безъ всякихъ оттѣнковъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величіи земномъ и небесномъ, и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижный памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

Глава III.

Поздно, поздно вечеромъ прiѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его громкимъ лаемъ, и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строенiе; вѣтеръ, шумя, качалъ ветелки, насажденныя вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскiй раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а можетъ-быть, что-нибудь получше. Палицынъ вошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, оконницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлана во вкусѣ XVIII вѣка: разноцвѣтные обои; три круглые стола, передъ каждымъ небольшое канапе; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печами, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въѣздъ Петра I въ Москву послѣ Полтавы: эту картинку можно бы назвать рисованной программой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина, зѣвая по сторонамъ, добрая женщина... Жирѣть, зѣвать, бранить служанокъ, приказчика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ... какая завидная жизнь!.. и все это продолжается сорокъ лѣтъ и продолжится еще столько же... и будутъ помнить ее и хвалить ея ангельскiй нравъ и жалѣть... Чудо, что за жизнь! особливо какъ сравнишь съ нею наши бури, поглощающiя цѣлые годы, и что еще ужаснѣе, обрывающiя чувства человѣка, какъ листья съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи Сергѣевны [такъ я назову жену Палицына] сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница... это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкiй золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только когда она поднимала большiе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какiя мы видимъ во снѣ рѣдко, а наяву почти никогда. Ея грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя космы волосъ вырывались изъ-за ушей и падали на глаза; иногда выходила на свѣтъ бѣлая ручка съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиной!

Борисъ Петровичъ вошелъ; обѣ встали. «Я привезъ новаго холопа,—сказалъ онъ,— кладъ!.. нищiй, который захотѣлъ работать... онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ... это видно по лицу... но зато будетъ послушенъ... вотъ ты увидишь сама... Эй, Вадимка!.. живо!» Вошелъ безобразный нищiй. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманiя, какъ краденый товаръ... — «Какой уродъ!» воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ — его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жатвѣ, льнѣ, хозяйственныхъ дѣлахъ, и вовсе забыли о нищемъ; онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? онъ открылъ новую струну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованiю; цѣлый часъ онъ простоялъ, никто не замѣтилъ; Наталья Сергѣевна ушла въ свою комнату, и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ.

— Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?

— Уродъ! — отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что-то, похожее на скрежетъ зубовъ. — Охота привозить такихъ пугалъ,—продолжала она,—намъ, бѣднымъ, плѣннымъ птичкамъ, и безъ нихъ худо...

— Оттого худо, что ты не хочешь согласиться, — возразилъ Борисъ Петровичъ и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движенiе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, какъ ты прекрасна: развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ? А было бы тебѣ хорошо!.. если бы — выслушай... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскiе платки; у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У васъ нѣтъ стыда! — отвѣчала Ольга.

Палицынъ посмотрѣлъ на нее и вспыхнулъ, но, услыхавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

— Боже!.. — Это восклицанiе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищiй все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, нѣмъ и недвижимъ— на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ-быть, первая слеза — и слеза отчаянiя!.

Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту милліонъ сладкихъ надеждъ! Онѣ для одного человѣка, что былъ Наполеонъ для всей вселенной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

— Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга? — сказалъ Вадимъ.

— Странный вопросъ... — отвѣчала она.

— Знаешь ли ты ихъ? — повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза, какъ будто припоминая нѣчто давнее, давно прошедшее.

— Я — сирота, мой отецъ меня оставилъ, когда я была ребенкомъ — и отправился Богъ знаетъ куда — вѣрно, очень далеко, потому что онъ не возвращался.

Чело Вадима омрачилось, и горькая, язвительная улыбка придала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчой, что-то демонское.

— Хочешь ли знать, куда?

— Хочу, — и влажные глаза ея ярко заблистали.

— Подумай, я для тебя человѣкъ чужой... можеть-быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, — тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди, заражающіе своимъ дыханіемъ счастье другихъ: все, что ихъ любитъ и ненавидитъ, обречено погибели; берегись того и другого — узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ руки опаснаго человѣка: онъ не сумѣетъ лелѣять цвѣтокъ этотъ — онъ изомнетъ его...

— Хочу знать непремѣнно! — воскликнула неопытная дѣвушка.

Она посмотрѣла вокругъ — нищаго уже не было въ комнатѣ.

Глава IV.

Прошло двое сутокъ — Вадимъ еще не объявилъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? Если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ-нибудь въ отдаленной пустой комнатѣ Вадима, и — странно! — она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найти — и тогда просьбы, ласки, всѣ хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разными разсказами — но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для рабства: и это заставило ее имѣть къ нему довѣренность; не мудрено — власть разлучаетъ гордыя души, а неволя соединяетъ ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразенъ? — воскликнулъ Вадимъ; она пустила его руку. — Да, — продолжалъ онъ, — я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто-нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь... на что мнѣ беречь тебя. О, если бъ... не укоряй за долгое молчаніе... быть-можетъ, настанетъ время, и ты подумаешь: зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ — если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я объясню его, сколько можно, слѣдующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:

— Замѣть, Ѳедька, что кто изъ грязи вышелъ, тотъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загородился — этакой уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ приказчикъ меня всегда отличаетъ; да и къ барину какъ умѣетъ подольститься: словно щенокъ! — Экой вѣкъ сталъ нехристіанскій...

— Не скажу, дядя Ипатъ!.. онъ всегда со мной ласковъ, парень лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку подцѣпитъ — вонъ, напримѣръ, вчера...

— Что вчера?..

— Я тебѣ разскажу эту штуку, дядя, слушай... Вчера баринъ разгнѣвался на Алешку Шушерина и приказалъ ему влѣпить 25 палокъ; повели Алешку на конюшню — самъ приказчикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ да и говоритъ: это за барина, а вотъ за меня — и занесъ руку... Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу. брови его сходились и расходились... въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ приказчику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ... на губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить — и не могъ.

— Жаль! — возразилъ старикъ. — Не доживетъ этотъ человѣкъ до сѣдыхъ волосъ. — Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ,

какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забираетъ вмѣсто нихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія высокія дерева и щадитъ пни столѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ? — на это отвѣчаю: происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевскаго.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею — и тогда горе побѣжденнымъ!..

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и проститъ ему скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII столѣтіи дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, не умѣло перемѣнить поведенія: вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ Пугачевскій годъ.

Глава V.

Но обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Суры, на высокой горѣ, кончающейся къ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по берегу построены избы дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ линію по краямъ дороги, какъ нищіе, кланяющіеся прохожимъ; по ту сторону рѣки видны въ отдаленіи березовыя рощи и еще далѣе лѣсистые холмы съ чернѣющимися елями; налѣво низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, тянется гладкою покатостью, и далеко-далеко синѣютъ холмы, какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ и въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенные рѣзные ставни, колеблемые вѣтромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ старинnаго дома обходитъ деревянная рѣзной работы галлерейка, служащая вмѣсто балкона. Здѣсь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флюгерами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ — и новыя надежды; пѣсни крестьянъ, идущихъ съ сѣнокоса, отдаленный колокольчикъ часто развлекали ея вниманіе — кто ѣдетъ: купецъ, баринъ, почта?.. но на что ей?.. не все ли равно... а все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галлерейку... чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка?.. Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена — въ монастырь слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолокъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей навстрѣчу? Это Вадимъ. Она вздрогнула; она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

— Что съ тобою? — сказалъ онъ.

— Ничего...

— А! понимаю... — онъ закусилъ губы... — ты меня испугалась.

— Зачѣмъ мнѣ бояться тебя? — отвѣчала гордо Ольга.

— Тѣмъ лучше, — продолжалъ онъ. — Это уже много значитъ — такъ я тебѣ не страшенъ, не отвратителенъ... о, мой Создатель! вотъ великое блаженство; право, мнѣ кажется это первое...

Онъ остановился.

— Послушай, что, если душа моя хуже моей наружности? но развѣ я виноватъ... я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба — они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшку... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда — берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здѣсь? — спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.

— А я совсѣмъ не для того...

— Опять, опять! — воскликнулъ Вадимъ. — Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи: я завистливъ, я

золъ, я все, что ты хочешь... но пощади меня.

Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: этотъ человѣкъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе, чѣмъ онъ, беззащитной, сожалѣнія — или нѣтъ... меньше... онъ просилъ, чтобъ она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала непріятное молчаніе.

— Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ?

Онъ задумался.

— Обѣщай никогда не укорять меня за то, что я тебѣ открылъ свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отецъ былъ дворяниномъ, богатъ, счастливъ — и подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...

— О, если это ничего, то не продолжай!

— Нѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ его другъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его, — сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою — что жъ... развѣ этого не довольно для погибели человѣка? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, текущій въ моихъ жилахъ, перельется въ тебя... слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ: съ этой минуты началась непримиримая вражда — 5 лѣтъ спустя твой отецъ уже не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!.. Другъ твоего отца открылъ старинную тяжбу о земляхъ, выигралъ ее и отнялъ у него все имѣніе. Я видѣлъ отца твоего передъ кончиной... его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на мнѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... я, мнѣ она осталась въ наслѣдство, и его проклятіе живо, живо, и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ?.. Какъ, Небо!.. въ продолженіе 17-ти лѣтъ ни одинъ языкъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови — твоей — его крови! — и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщенія... безъ уродливаго нищаго, это невинное сердце билось бы для него одного благодарностью.

— Вадимъ, что сказалъ ты?

— Благодарность! — продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ. — Благодарность: слово, изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово, превращенное въ чувство! О, премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой-нибудь пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, кидающую мнѣ остатки пира... о, благодарность...

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки и, казалось, забылъ, что не сказалъ имени коварнаго злодѣя... и, казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страхъ неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, геній блисталъ на челѣ его, и глаза, если бъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели бы дѣйствіе глазъ василиска, но они были обращены вверхъ!..

— Я отгадала! — воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостью къ Вадиму. — Я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками.

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отца юной Ольги и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ ее какъ рабу и хвалился своею благотворительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ея кудрями, забавлялся ея ребячествами, и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... Кто бы подумалъ! сколько страданій за то,

что одна собака обогнала другую... какъ ничтожны люди!.. какъ вѣрить общему мнѣнію! Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, и точно! онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому-то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами, и лучъ ея сливался съ лучомъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и каменьями. Передъ иконой Богоматери упала Ольга на колѣни; спина и плечи ея отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампады озарялъ ея лицо вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ, которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземного существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ежерелье и бросила его на землю.

— Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я не виновна... Ты, Ты Самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ сдѣлать меня рабой, своей рабой... Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна... но не требуй болѣе. Боже! если бы Ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ благодѣтелемъ — я и Тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежитъ Тебѣ, Создатель, и кому Ты хочешь — но сердце въ моей власти...

Слезы покатились изъ глазъ ея; она склонила голову; рука ея дрожала въ рукѣ Вадима...

— Я твой братъ! — воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ будто ужаснулась... руки ея опустились, какъ руки умершей, и сомкнутыя уста удерживали дыханіе.

— Я твой братъ! — повторилъ онъ дрожащимъ, страшнымъ голосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя за голову и вышелъ, но, выходя, остановился у двери... и въ продолженіе одной минуты онъ думалъ раздробить свою голову объ косякъ... но эта безумная мысль скоро пролетѣла... онъ вышелъ.

— Братъ! — сказала Ольга, смотря ему во слѣдъ. — Братъ!

И безъ силъ она упала на стулъ.

Глава VI.

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горбачомъ (такъ въ домѣ называли Вадима). Горбачъ вездѣ почти слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, исполнялъ его малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ. Однимъ словомъ, дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему удавалось, то неизъяснимая радость разливалась на этомъ суровомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства, всѣ, кромѣ одного, любимаго, сокровища, хранимаго на черный день. Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого-нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ воображалъ; а когда недосказанный совѣтъ его былъ исполненъ, то хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе дворни, — взглядомъ, движеніями помогалъ имъ осуждать господина. Но никогда ничего не говорилъ такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его — къ неудовольствію рабовъ или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не знаю зачѣмъ, Палицынъ велѣлъ его позвать; искали горбача — не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжелѣли ежечасно, и синія, покрытыя туманомъ, уже показывались на дальнемъ небосклонѣ. На берегу рѣки была развалившаяся баня, врытая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нея валялись груды кирпичей, между коими выростала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебелькахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ; одинъ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣни рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянными арабесками и придавали ему видъ таинственный; золотой лучъ солнца, скользнувъ мимо соломенной крыши, упадалъ на его колѣнку, и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пляской пылинокъ, которыя кружились и подымались къ солнцу.

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ онъ нашелъ ее, онъ встрѣтился съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбели, наконецъ... О! чудная природа... далеко ли отъ брата до сестры? А какое различіе!

Эти ангельскія черты, эта демонская наружность... впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ произошли не отъ одного начала?..

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордость, сходство съ его душой, которое обѣщало ему много... обѣщало со временемъ и любовь ея... эта надежда была для него нѣчто новое; онъ хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстаться съ нею на одно мгновеніе—и вотъ зачѣмъ онъ удалился въ уединенное мѣсто, гдѣ плескъ волны не могъ развлечь думы его. Онъ не зналъ, что есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе за ними ухаживаютъ, тѣмъ менѣе отвѣчаютъ стараніямъ садовника; онъ не зналъ, что, слишкомъ привязавшись къ мечтѣ, мы теряемъ существенность, а въ его существенности было одно мщеніе.

Постепенно мысли его становились туманнѣе, и онъ, полусонный, легъ на траву — и нечаянно взоръ его упалъ на лиловый колокольчикъ, надъ которымъ вились двѣ бочки, одна сѣрая съ черными крапинками, другая испещренная всѣми красками радуги, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумрудными крыльями, отдѣланный въ золото и оживленный какою-нибудь волшебницею. Оба мотылька старались сѣсть на лиловый колокольчикъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко, то вѣтеръ относилъ его прочь; наконецъ разноцвѣтный мотылекъ остался побѣдителемъ, усѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно другой кружился надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться... У Вадима былъ прутикъ въ рукѣ; онъ ударилъ по цвѣтку и убилъ счастливое насѣкомое... и съ какимъ-то восторгомъ наблюдалъ его послѣдній трепетъ!..

И Богъ знаетъ, отчего въ эту минуту онъ вспоминалъ свою молодость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ, обсаженный ветлами... все, все... и отецъ его представился его воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, потерявъ свое дѣло и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ его, лежащаго на жесткой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... казалось, слышалъ его тяжелое дыханіе и слова: отомсти, сынъ мой, извергу, чтобъ никто изъ его семьи не порадовался краденымъ кускомъ! — И вспомнилъ Вадимъ его похороны: необитый гробъ, поставленный на телѣгѣ, качался при каждомъ толчкѣ; онъ съ образомъ шелъ впередъ... дьячокъ и священникъ сзади; они пѣли дрожащимъ голосомъ... и прохожіе снимали шляпы... вотъ стали опускать въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шопотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ ждать... онъ готовъ былъ все выносить... но сестра!.. если... о! тогда и она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; онъ рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... рѣшился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало: странно! онъ любилъ ее — или не почиталъ ли онъ ненависть добродѣтелью?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ арапника, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ вскочилъ Вадимъ... передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами.

Кланяясь, слушалъ онъ и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынымъ въ домъ, гдѣ слуги встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

Глава VII.

Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Сергѣевна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрилась и разрумянилась; столъ въ гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свѣжими; Геннадій Васильичъ Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки со сластями; онъ бралъ изъ каждой понемножку и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго роста, бѣлокуръ, и вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя того вѣка; и это потому, быть-можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампанцахъ; 25-ти лѣтъ вышедъ въ отставку, онъ женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговорами о хозяйствѣ, о Москвѣ и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ, истощивъ разговоръ, они не знали, что начать, зѣвали въ руку, вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но заботливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

— Малый! Египетскаго!—закричалъ онъ, въ восторгѣ отъ своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки, начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловаться; щеки ихъ разгорѣлись, и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

— Потѣшить ли тебя, сосѣдъ любезный! — воскликнулъ Палицынъ.

— А что?

— Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть дѣвочка — чудо... а какъ пляшетъ!.. жжетъ, а не пляшетъ!.. Я не монахъ, и ты не монахъ, Васильичъ...

— Избави Христосъ...

— И точно такъ!

— Ну, что же?

— Да ужъ то!.. мать моя, женушка, Наталья Сергѣевна, — вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святочный сарафанъ да выйти поплясать, а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ-то намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо...

Онъ захохоталъ, самъ вѣрно не зная чему, и началъ потирать руки, заранѣе наслаждаясь успѣхомъ своей выдумки; этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣевна приказала сбираться пѣсельникамъ, а сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты, она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала, она ещѐ не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день итти къ нему сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его.

Со свѣчей въ рукѣ вошла Наталья Сергѣевна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшанныя платьями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столикъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекала половина жизни молодой дѣвушки прекрасной, пылкой... Здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимой шумѣла метелица и снѣгъ бѣлыми клоками упадалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернутая въ теплую шубейку, на бѣлыя степи, сѣрое небо и ветлы, обвѣшанныя инеемъ и колеблемыя взадъ и впередъ, и тайныя, неизъяснимыя желанія, какія бываютъ у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ, волновали кровь ея, и досада заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ...

— Вставай, Ольга! — закричала Наталья Сергѣевна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

— Что, спала, лѣнивая?

— У меня голова болитъ.

— Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣетъ голова болѣть... Просто лѣнь... ужъ такъ бы и говорила... а то еще лжетъ... отвѣчай: спала, лѣнтяйка?

— Я никогда не лгу.

— Какъ! еще смѣетъ отвѣчать, когда я говорю... спорить... ахъ, грубіянка! Да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! Нѣтъ, этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодѣяній! какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рожъ, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись — ты забываешь, кто я?

Ольга хотѣла что-то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ, потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющеюся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

— Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!.. вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала — но вся вспыхнула... и если бъ Наталья Сергѣевна не удалилась, то она не вытерпѣла бы болѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозрѣваютъ, упрекаютъ? и въ чемъ?.. о!.. гдѣ ея братъ! пускай придетъ онъ, выслушаетъ ея клятву: помогать ему во всемъ, что дышитъ местію и разрушеніемъ, пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство — она готова.

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка

не уничтожитъ ея твердости, — эта улыбка имѣла въ себѣ что-то неземное: она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ она вошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упадала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны, а маленькая ножка, показываясь по временамъ, обѣщала тайныя совершенства, которыхъ ищутъ молодые люди, глядя на женщину, какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, если бъ не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она вошла и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести, но она не смутилась, не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изобличала совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданость судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую. «Начинай же, Оленька!—закричалъ Палицынъ.—Не стыдись!» Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго и всѣ обиды, всѣ несправедливости, угнетенія рабства; однимъ словомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Если бъ можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго существа, то трудно бы вы повѣрили, что она не лишилась разсудка, потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатыя дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха. «Что же! красотка моя, начинай! не бойсь! ты такъ хороша сегодня!» кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли?

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтила ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней — они завидовали. Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе.

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны, даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуту вдохновеннаго страданія бросая божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому-то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающіе глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія...

Она посмотрѣла вокругъ, ужаснулась... махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, послѣдовалъ за нею; раскаленныя щеки его обнаруживали преступное желаніе, и съ дрожащихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ и крючокъ разскочился. Она стояла на колѣняхъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала, какъ онъ вошелъ, потому что произнесла слѣдующія слова: «отецъ мой! не вини меня»...

— Теперь ты не вывернешься! — воскликнулъ захохотавши Борисъ Петровичъ.— Я человѣкъ добрый — и ты человѣкъ добрый... слѣдовательно...

Она вскочила и, устремивъ на него мутный взоръ, казалось, не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться — не могла; сѣвъ на постель, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ — и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ, и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако Натальѣ Сергѣевнѣ, благодаря виннымъ парамъ, удалось вывести мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и пронзительный дис-

кантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ все утихло, и Ольга тогда только увѣрилась, что всѣ ее оставили.

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце, и чувствовала странную боль въ шеѣ; бѣдная дѣвушка!.. немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!.. Всталъ мѣсяцъ, скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ тѣсную комнату, и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не прибавилъ къ ея блѣдности, и красное пятно не могло утонуть въ его сіяніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ пріемной пробило одиннадцать.

Глава VIII.

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?.. На темномъ чердакѣ, простертый на соломѣ, лицомъ кверху, сложивъ руки, онъ уносился мыслію въ вѣчность — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которое представлялось ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то, по крайней мѣрѣ, великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра; Вадимъ привсталъ; луна ударяла прямо въ слуховое окно, и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломинокъ, упадалъ на противную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ разсмотрѣть на ней всѣ скважины, каждый клочокъ моха, высунувшійся между брусьями. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни — наконецъ они умолкли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ былъ треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!

Маленькая дверь скрипнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

— Братъ! — сказалъ кто-то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣняхъ.

— Все понимаю! — воскликнулъ онъ, прочитавши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

— Точно? — отвѣчала Ольга измѣнившимся голосомъ. — Точно? Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!

Другъ мой! Впервые существо земное такъ называло Вадима; онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ сновидѣнія; улыбка остановилась на устахъ его, и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобъ не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко — вотъ мой отвѣтъ: любовь — вездѣ любовь, т.-е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мірѣ, кто бы оно ни было: мать, сестра или дочь, его любовь сильнѣе всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ, въ крови, чужда всякаго тщеславія... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному! — По какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣстить въ себѣ его не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой; но часто самолюбіе беретъ перевѣсъ, и божество падаетъ передъ смертнымъ.

— Братъ! слушай, — продолжала Ольга: — я все обдумала, и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни

тебѣ ни мнѣ не возвратиться... все равно... они всѣ ведутъ къ смерти, но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Братъ! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое; станешь лелѣять его, пока оно выраститъ и созрѣетъ и смоетъ мой позоръ страданіями и кровью... да, позоръ... онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь...

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь умолкнуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновенье на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

— Клянусь этимъ Богомъ, Который создалъ насъ несчастными, клянусь Его святыми таинствами, Его крестомъ спасительнымъ — во всемъ, во всемъ тебѣ повиноваться. Я знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудіемъ руки твоей... о! ты великій человѣкъ!

— Да, теперь, потому что мы меня любишь.

Она ничего не отвѣчала.

— Успокойся, опомнись, — сказалъ Вадимъ, — ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе, и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить странную душу мою... ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

«Помню, какъ послѣ смерти отца я покидалъ тебя, ребенка въ колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы, — а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная — ты протянула ко мнѣ свои ручонки, улыбалась... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

«Меня взяли въ монастырь, изъ сострадація, кормили, потому что я былъ не собака и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣніемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться!.. у меня въ сердцѣ были одни проклятія. Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ, и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою — она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда, довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...

«Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества, я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ — смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глупыя отъ рожденія или отъ старости, не способныя ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и поневолѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣткѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келлій въ церковь; не видать ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой-то книгѣ...

«Можно прійти въ отчаяніе!

«Однажды, Ольга, я замѣтилъ безногаго нищаго, который, не вмѣшиваясь въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначащее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ: ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору.

«— Я безъ ногъ, — отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Это меня поразило: я ошибся! однако продолжалъ свои вопросы. «Что былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?»

«— Нищій! — отвѣчалъ онъ, — рожденъ нищимъ и умру нищимъ; только разница

въ томъ, что я рожденъ съ ногами, а умру безногій.

«— Отчего же?

«— Отчего! — тутъ онъ призадумался; потомъ продолжалъ равнодушно: — я былъ проводникомъ одного слѣпого; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не даромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня возятъ на телѣжкѣ и даютъ деньги...

«— Зналъ ли ты своихъ родителей?— спросилъ я поспѣшно.

«— Какъ же!

«— А кто были они?

«— Нищіе! — Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю, что было въ его улыбкѣ, насмѣшка надъ судьбой или надо мною, потому что я слушалъ его съ видомъ полной довѣренности.

«Итакъ, есть состояніе, въ которомъ безобразіе не порокъ, подумалъ я.

«На другой день бѣжалъ изъ монастыря и сдѣлался нищимъ».

Вадимъ остановился.

— Понимаю тебя! — воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это зналъ!.. развѣ ты не сестра мнѣ? — возразилъ Вадимъ.

— Послушай, вѣрно, само Небо хочетъ, чтобы мы отомстили за бѣднаго отца. Какъ оно согласило всѣ обстоятельства, какъ оно привело тебя къ цѣли...

— Небо или адъ... а можетъ-быть, и не они; твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ природѣ и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался нищимъ, какой-то бѣшеный демонъ поселился въ меня, но онъ не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви!.. Онъ странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ отдаленіи; но чтобъ достигнуть рая, надобно было перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился: кому завѣщать свое мщеніе? кому его уступить?

«Долго я бродилъ безъ крова и пристанища, преданный зимнимъ метелямъ, какъ южная птица, отставшая отъ подругъ своихъ; долго жить — было цѣлью моей жизни.

«Но судьба мнѣ послала человѣка, который случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься у Палицына, что онъ богатъ, доволенъ, счастливъ — это меня взорвало... Я не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ счастливъ— и не будетъ отнынѣ; въ этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона; его дыханіе — чума для счастливцевъ, чума... Сестра! ты мнѣ простишь... о! я преступникъ... вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ, безъ меня не потеряла бы свою безпечность... теперь все кончено, отъ моего прикосновенія увяли твои надежды, махни рукой твоему спокойствію... Цвѣты не растутъ посреди бунтующаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога...»

— Какъ! — воскликнула Ольга.— Неужели ты раскаиваешься! Правда, я женщина — но развѣ всякая женщина промѣняетъ и печали и безпокойства на блистательный позоръ... блистательный! о! быть любовницей старика, злодѣя моего семейства... ты желалъ этого! Вадимъ, не правда ли?

— Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя.

— А теперь кто мѣшаетъ?

— Теперь? теперь...—Онъ опустилъ глаза въ землю и замолкъ. Глубокое страданіе было видно въ слѣдующихъ словахъ:— Теперь, убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоихъ колѣняхъ... плакать! о! это величайшее наслажденіе для того, чей смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!.. Нѣтъ, я еще не такъ дуренъ, какъ ты полагаешь, — человѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ.

— Меня убить, значитъ, сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ,— отвѣчала Ольга, улыбаясь, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

— А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ, когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятіемъ?

— Я удивляюсь тебѣ, другъ мой.

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обѣими руками.

Глава IX.

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой Оки? Кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣдныя воспоминаніями, богатыя природнымъ, собственнымъ блескомъ! Читатель, не онѣ ли были свидѣтелями твоего счастія или кровавой гибели твоихъ прадѣдовъ! Но нѣтъ, волна, окропленная

слезами твоего восторга или ихъ кровью, теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣли и надежды, или въ минуту гнѣва расшиблась объ утесъ гранитный! Она потеряла дорогой слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется надъ перемѣнами столѣтій, протекающихъ надъ нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится ни ада ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; сдѣлавшись могилой какого-нибудь несчастнаго сердца, она не теряетъ своей прелести, живого, безпокойнаго своего нрава, и въ ея погребальномъ ропотѣ больше утѣшеній, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синимъ холоднымъ волнамъ, подвластнымъ одному закону природы, который для насъ не годится съ тѣхъ поръ, какъ мы выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подъ густою липой; упоительный запахъ разливался вокругъ его головы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго напряженія души, растаяли постепенно — и, отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятія природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду, а давъ ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокойствіемъ разсматривалъ рѣчныя травы и густой хмель, который яркими зелеными кудрями висѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ курганы, можетъ-быть, могилы татарскихъ наѣздниковъ, подымались, выходили изъ полосатой пашни; еловыя, березовыя рощи казались опрокинутыми въ водѣ, и мрачный цвѣтъ первыхъ пріятно отдѣлялся желтоватой зеленью и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣки есть что-то схожее съ колыбельной пѣснью, съ разсказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ, и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домъ, который нѣкогда былъ нашимъ, и гдѣ теперь мы должны пировать подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится незъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, приносимый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины; онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ показывался между кустовъ и гдѣ дорога, желтѣя, терялась за холмами; тамъ сѣрая пыль клубилась вслѣдъ за простою кибиткой... «Не къ намъ ли?— подумалъ Вадимъ. Но этого не можетъ-быть! кому?..» Его тревожилъ колокольчикъ, и непонятное предчувствіе, какъ свинецъ, упало на его душу; онъ побрелъ вдоль по рѣкѣ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колокольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ? — Тамъ также слышали колокольчикъ, но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого непріятнаго вліянія; Наталья Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, кинулся къ другому. Они ждали сына въ отпускъ — вѣрно, это онъ!..

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны, или, лучше сказать, онѣ не существовали совсѣмъ; родные посылали ходоковъ къ дѣтямъ, посвященнымъ царской службѣ... но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ, однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ вышла замужъ за другого; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель; «она моя», говорилъ онъ—и слова его были вѣтеръ, гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестомъ и святой водою и выгнали опоздавшаго гостя, и, выходя, онъ заплакалъ, но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его; ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, а супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего Юриньки. Мѣсяцъ тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о скоромъ прибытіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко, топотъ, крикъ ямщика, шумъ колесъ... кибитка въѣхала въ ворота... вся дворня столпилась... это онъ... въ военномъ мундирѣ... выскочилъ... и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодаль и плакалъ... это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ, такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидалъ кибитку, поймалъ нѣкоторыя отрывистыя рѣчи и догадался. Съ досадой

смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какіе-то упреки... и потомъ, обратившись къ дому, сказалъ: Такъ точно! слухъ этотъ не лживъ... черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь, и больше; почему они не заплатятъ за долголѣтнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья! Для чего они любимцы Неба, а не я! О Создатель! если бъ Ты меня любилъ, какъ сына — нѣтъ — какъ пріемыша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... но Ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я прокляну Твое владычество, въ часъ моей кончины»...

Неподвиженъ стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, — все тѣснилось, кричало, смѣялось.

— Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ! — воскликнулъ кто-то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

Глава X.

Смерклось; подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣднюю комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкапы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ у дверей на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія — и больше нежели пустое любопытство понудило ее къ этому. Юрій былъ такъ хорошъ!.. именно такія лица нравятся женщинамъ; что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ не былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинные русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ «матушкой», и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла поцѣловать свою руку... онъ говорилъ объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ онъ разсказывалъ о городскихъ увеселеніяхъ, о красавицахъ, разряженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя платья.

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. «Если бъ обо мнѣ такъ говорили, если бъ и на мнѣ блистали кружева и дорогіе камни... о! я была бы счастливѣе!..» Всякой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли бы въ голову. Наряды необходимы счастію женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не замѣтилъ ея любопытства: маленькая гордость дышала въ этомъ опасеніи.

Однакожъ какъ уйти? Юрій говоритъ такъ пріятно: въ звукахъ его голоса такъ ясно выражались благородныя чувства, что если бъ даже невозможно было разобрать словъ его, то — ей лазалось... она поняла бы смыслъ разговора!..

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное,—существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію... оно существуетъ, должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и царемъ? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили другъ безъ друга?

О! какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту самопознанія, сколько жизни невинной, обѣщающей жизни было въ стѣсненномъ дыханіи этой полной груди, гдѣ билось сердце, обѣщанное мукамъ и созданное для райскаго блаженства.

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась.

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упадала на губы, скривленныя ужасной, оскорбительной улыбкой; все кругомъ покрывала темнота — этого было ей довольно, чтобы тотчасъ узнать брата...

на синихъ его губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ однѣ были освѣщены.

Онъ приблизился; отъ него вѣяло холодомъ.

— Поздравляю, Ольга...

— Съ чѣмъ?

— Не правда ли, какъ хорошъ собою молодой твой господинъ!..

— И твой! — обидѣвшись, возразила Ольга.

— Нимало... я добровольно сталъ слугою... я не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты! о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!

Она вздохнула.

— И эта прекрасная голова упадетъ подъ рукою казни, — продолжалъ шопотомъ Вадимъ; — эти мягкіе шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не слишкомъ ли ты поторопилась... О, мой отецъ, мой отецъ!.. Скоро настанетъ минута, когда безпокойный духъ твой, паря надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ, — скоро, скоро...

— Скоро!..

— Я вижу твое восхищеніе! — холодно возразилъ ей братъ. — Скоро! — мы довольно ждали... но зато не напрасно! Богъ потрясаетъ цѣлый народъ для нашего мщенія; я тебѣ разскажу, слушай и благодари: на Дону родился дерзкій безумецъ, который выдаетъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носитъ бороду, говоритъ какъ мужикъ, обратился къ нему; дворяне гибнутъ; надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздникъ не праздникъ! вино безъ крови для нихъ стало слабо... ты дрожишь отъ радости, Ольга.

Она молча поникла головою и удалилась. У нея въ сердцѣ ужъ не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего, хотѣла молиться — ни одна молитва не предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризненною, звукомъ напраснаго раскаянія. «Какой красавецъ сынъ моего злодѣя», думала Ольга, и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами; она не могла прогнать другихъ, только покрыла ихъ полусвѣтлою пеленою; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, зато кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія; и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красотою молодого Палицына, и такъ забылся, что не слыхалъ, какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ: «Эй, малый... Вадимка!» Опомнясь, онъ вошелъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Вадимъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

— Какъ тебѣ нравится мой горбачъ, — сказалъ Борисъ Петровичъ, — преуморительный!

— Каждый человѣкъ, батюшка, — отвѣчалъ Юрій, — имѣетъ недостатки; онъ не виноватъ, что изувѣченъ природой. — Если ты будешь хорошо мнѣ служить, — продолжалъ онъ, обратясь къ мрачному Вадиму, — то будь увѣренъ въ моей милости... теперь ступай.

— Пошелъ вонъ! — воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогался съ мѣста: онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его — и зависть возвратилась въ его душу только тогда, какъ онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безобразную тѣнь — мучительное чувство... — Какъ бѣшеный, онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собой огромнаго волка: блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножомъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворня окружила Вадима; даже господа вышли подивиться его отважности. Наконецъ и онъ насладился минутой торжества! «Ты будешь моимъ стремяннымъ», сказалъ Борисъ Петровичъ.

Глава XI.

Борисъ Петровичъ отправился въ отъѣзжее поле съ новымъ своимъ стремяннымъ и большою свитою, состоящею изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно, спѣшилъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать ли за отцомъ? Нѣтъ! онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными, онъ остался дома, бродитъ по комнатамъ, ищетъ разсѣянія, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что-то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ любимой, тотъ, вѣрно, пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очаровательнаго воздуха, который породнился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ въ себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди—этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, не промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга! — сказалъ, засмѣявшись, молодой Палицынъ.—Вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣнью — и какъ обманутъ!..

— Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить какъ тѣнь, то-есть очень мало... и потомъ...

— Ради Бога — не мало, любезная Ольга! Я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаетъ, — ради Неба, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!..

— Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ! Думайте объ нихъ, это васъ займетъ.

— Думать объ нихъ — и говорить съ тобою, Ольга? Это нейдетъ вмѣстѣ.

— А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? Что я видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лѣкарствомъ отъ скуки: всякое лѣкарство, со всей своей пользой, очень непріятно.

— Ты не въ духѣ сегодня! — воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть. — Ты сердишься на меня или на матушку... Если тебя кто-нибудь обидѣлъ, скажи мнѣ: клянусь честію, этому человѣку худо будетъ.

— Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... Оставьте мою руку! Вы хотите забавляться — призовите другихъ, болѣе покорныхъ, чѣмъ я, болѣе способныхъ настраивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да сверхъ того я не раба ваша... итакъ...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? Развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота, но умна, прекрасна; въ моихъ словахъ нѣтъ лести; они идутъ прямо отъ души: чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда-то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжалься... я здѣсь одинъ среди получеловѣковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился мнѣ ангелъ и хочетъ, чтобъ я къ нему не приближался, не смотрѣлъ на него, не внималъ ему? Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приближаясь къ губамъ, засыхаетъ!..

— Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ, я не спорю, все это очень ново для меня... со всѣмъ тѣмъ я прошу васъ оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели, и потому нимало не расположенную забавлять васъ... повѣрьте слову: гибель вокругъ меня...

— Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!..

— Вы меня не поняли... Я кажусь вамъ странною теперь, быть-можетъ, но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы! — съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

— Не сердись! — возразилъ Юрій и, улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взялъ въ руки ея длинную темную косу, упадавшую на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; онъ взглянулъ на нее пристально, и на этотъ разъ удивительная рѣшимость блистала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

— Перестаньте, — сказала Ольга съ важностью, — мнѣ надо быть одной.

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки — помучить; ему не удалось!

— Ты довольна будешь мною, — сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе почти всегда было одно и то же; и если бъ они читали

эти разговоры въ какомъ-нибудь романѣ XIX вѣка, то заснули бы отъ скуки, но въ блаженномъ XVIII и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много, и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочетъ пробудить погаснувшія силы; этотъ гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человѣчество; оно приблизилось къ кончинѣ своей, пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? Зачѣмъ привскакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга стараніемъ утаить свою любовь еще болѣе ее обнаруживала; Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ и выученъ привычкой, читалъ въ ея глазахъ больше, чѣмъ она осмѣливалась читать въ собственной душѣ. Она думала о немъ и боялась думать о любви своей; ужасъ обнималъ ея сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ ужасъ Макбета, когда, готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ пира, онъ увидалъ на немъ окровавленную тѣнь Банко... но этотъ ужасъ не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ; то же самое случилось съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ нѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти, но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣпь скуетъ до гроба его существованіе съ участью этой женщины.

Когда онъ не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его, но, приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя и благословлялъ свой плѣнъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты. Пожалѣйте объ немъ.

Глава XII.

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея притворная холодность все болѣе и болѣе воспламеняли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству, но чаще по недовѣрчивости, свойственной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать у нея полнаго признанія... или получить совершенный отказъ.

«Какое ребячество!» скажете вы; но въ томъ-то и прелесть любви: она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны, какъ игрушки, и разбить эти игрушки въ минуту досады доставляетъ не мало удовольствія, особливо когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ вошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не противилась, не отвела глазъ отъ шитья своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она все обдумала, все... и не нашла спасенія; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее чернымъ покрываломъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

— Ольга! — сказалъ Юрій невѣрнымъ голосомъ, — я люблю тебя.

— Знаю, — отвѣчала она

— Знаю, знаю! только-то! и я больше отъ тебя не услышу!

— Что же вамъ больше!.. Я слушаю... молчу...

— О, разумѣется, этого слишкомъ много! Я не достоинъ даже приблизиться къ тебѣ, я бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто споритъ; но развѣ это даетъ право не имѣть сердца?

— Я у Бога ни того ни другого не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться.

— Какъ легко, сдѣлавъ человѣка несчастнымъ, сказать ему: будь счастливъ! Все на свѣтѣ можетъ поправиться!.. Ольга, слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь... О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! Если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь, какихъ жертвъ!

— Забыть меня! — воскликнула Ольга съ удивительною твердостію.

— Нѣтъ, никогда!.. Я совершу невозможное, чтобъ обладать тобою, но забыть... нѣтъ власти...

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрылъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обернулся и сказалъ:

— Я ошибался... признаюсь въ томъ откровенно — я ошибался... Ахъ! Это была минута, но райская минута, это былъ сонъ, но сонъ божественный; о! теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ ложныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра въ любовь и счастье... Ольга, прощай —ты меня обманывала — обманъ всегда обманъ, не все ли равно, глаза или языкъ? Чего желала ты? — не знаю... можетъ-быть... о, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя...

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ выйти, кидая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми, кажется, стѣны должны бы были рушиться; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести долѣе, вскочила и, рыдая, упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ поднялъ онъ ее, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выговорить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное, молодое, любящее со всѣмъ увлеченіемъ первой любви. Они сѣли, смотрѣли въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихорь, упоеніе неопредѣленное, какое не всякій испыталъ, и никто изъяснить не можетъ; неконченныя рѣчи въ безпорядкѣ отрывались отъ ихъ трепещущихъ губъ и каждое слово стоило поэмы... Само по себѣ не значащее, но одушевленное звукомъ голоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ—каждое слово было цѣлое блаженство.

— Я любимъ, любимъ, любимъ,—говорилъ Юрій; — я буду повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услышатъ и позавидуютъ...

— Пускай же ангелы, только не люди.

— Отчего же, мой ангелъ?

— Тогда, можетъ-быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги...

— Ты прекрасна! Что за пустой страхъ! Ты моя, моя...

— Не раба! надѣюсь!

— Больше, сокровище!

— О, мой милый... цѣлуй, цѣлуй меня... я не хочу быть сокровищемъ скупого... пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... надобно же заплатить судьбѣ... я счастлива! Не правда ли?

— Ты счастлива? Позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче...

— Почему же нѣтъ! Отдавъ тебѣ душу, могу ли отказать въ чемъ-нибудь.

— Эти волосы... прочь ихъ! вотъ такъ! чтобъ твои поцѣлуи и мои слились въ одинъ.

— Боже, Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!..

Глава XIII.

— Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ счастье...

— Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обоимъ,—отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ лодка скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣистый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья горной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба сидѣли рядомъ, и по веслу было въ рукѣ каждаго; студеная влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ, и потомъ уступала, оставляя быстрые круги, которые постепенно исчезали въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазъ, отдѣлялась на синемъ сводѣ, и свѣжая роса ужъ падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плаватели, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобъ разсердить, испугать свою подругу; но она умѣла отомстить за это невинное коварство, непримѣтно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ его усилія дѣлались тщетны, и челнокъ останавливался, вертѣлся... Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія,—все такъ отзывалось чистотой души, что если бъ демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный кровавый день... и Небо должно было заплатить ей за будущее — въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ, и, по крайней мѣрѣ, хотѣла жить, пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого

непонятнаго, грознаго существа оледянилъ бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

— Будетъ ли конецъ нашей любви! — сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову. — Нѣтъ, о, нѣтъ! — она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и если бъ наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанія—дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, береги же мой перстень, Ольга! Ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?

Вмѣсто отвѣта она запѣла вполголоса слѣдующую пѣсню:

Воетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ:
Дѣвушка плачетъ —
Милый въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва ни вѣтеръ
Не замолкнутъ:
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ!

— Прочь эту пѣсню! — воскликнулъ Юрій.—Кто тебя ей выучилъ?

— Никто, сама.

— Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?

— Нѣтъ; однако ты слишкомъ обѣщаешь—мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...

— О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца...

— Три мѣсяца! Боже! — она содрогнулась, и сердце облилось холодомъ.

— А потомъ, — сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого:— Боже!—потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!.. онъ далъ мнѣ жизнь, а ты меня даришь милліономъ жизней въ каждой улыбкѣ.

— Три мѣсяца, три мѣсяца и нѣсколько дней, — повторяла, не слушая, Ольга. Ея умъ остановился на этой пагубной неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужъ было очень темно; деревенская церковь съ своей странной колокольней рисовалась на полусвѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и поперемѣнно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій ветельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и, поровнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса.

— Посмотримъ, что такое? — шепнулъ Юрій. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли? — спросилъ первый голосъ.

— На дняхъ; ужъ въ округѣ начинается кутерьма; да будетъ ли у васъ готово? — сказалъ другой.

— Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ, и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...

— Ну, пожалуй...

— Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ?

— Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслышалъ.

— Да, Вадимъ былъ у насъ, — сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

— Куда ты? — сказалъ онъ съ удивленіемъ.—Что съ тобою?

— Скорѣй, скорѣй! — больше она не могла выговорить.

«Это, должно-быть, воры!» подумалъ Юрій и перестаъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталья Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкой намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ? Теперь мужъ ея, вѣрно, не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ,—думала она,—молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ прійти въ голову—знаетъ Царь небесный!

— Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка, — сказала она вошедшему сыну: — Борисъ Петровичъ еще долго пропорскаетъ... Какъ я рада, что ты не въ него!..

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ льстилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной—иные нравы!

Глава XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ виденъ издалека, и солнце утра золотило ея соломенныя крыши прежде нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ, и одинъ волкъ отбился; въ торокахъ у стремянного висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣса на звукъ роговъ, и протяжный крикъ ловчаго, который, лишивъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ полграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и безпокойно; собаки, раздѣленныя по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ, лошади валялись на соломѣ, и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять котелъ съ кашей, чтобъ нагайками поднимать ихъ. День былъ ясенъ и свѣжъ, сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба, и вершины лѣсовъ шумѣли подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ слуги, расположась подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ— и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ, къ сожалѣнію, и большой приверженности; вино, буйство, охота — ихъ единственныя занятія — не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей; и если между ними и былъ одинъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича. «Вздоръ,—сказалъ онъ,— какъ это можетъ быть?» Такая безпечность погубила многихъ нашихъ прадѣдовъ; они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

— Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, здѣсь намъ разсказывали, что какой-то удалецъ, котораго казаки величаютъ *Красной Шапкой*, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу. Ха-ха-ха! — Что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посовѣтоваться... видно, хватъ! — Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванью Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

— Я его знаю, — отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой, — и вы его скоро увидите! — Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что поневолѣ старый ловчій вздрогнулъ. — Ты чортъ или Гуммель, — сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услыхалъ этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

— Когда?!—воскликнули многіе, и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ — и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

Куда? зачѣмъ? — О, если бъ разсказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтеръ Скотта и терпѣніе его читателей!

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налѣво разстилались кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные — и въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху донизу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытыя мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро — и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная
Кручинушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ этой груди
Прижаться.
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена —
Вольность волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная,

Съ ней нашлись другіе у меня
Мать, отецъ и семья:
А моя мать — степь широкая,
А мой отецъ — небо далекое,
А братья мои — въ лѣсахъ
Березы да сосны.

Скачу ли я на конѣ —
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой —
Небо свѣтитъ луной;
Мои братья въ жаркій день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное!

Такъ пѣлъ казакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ повода и сложа руки; конь привычный не требовалъ понужденія, и молодой казакъ на свободѣ предавался мечтамъ своимъ; его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же.

Не пѣсня, но видъ казака сильно подѣйствовалъ на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

— Стой!—сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подъѣхавшаго казака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голосъ или взоръ, но казакъ остановился и хотѣлъ ухватиться за саблю. — Не нужно, — продолжалъ Вадимъ, — поѣзжай, скажи Бѣлбородкѣ, что послѣзавтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не долго прибавить и третью... Итакъ, послѣзавтра... Скажи, что *Красная Шапка* ему кланяется. Ступай!

При имени *Красной Шапки* казакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Вадиму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнувъ головой, ударилъ нагайкой лошадь... и ускакалъ.

Надобно имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобъ такъ играть жизнью и смертью... *Однимъ* словомъ Вадимъ убилъ семейство! И что же онъ такое? Вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной, окровавленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество! Какая слава, если бъ онъ избралъ другое поприще, если бъ то, что сдѣлалъ для своей личной мести, если бъ это терпѣніе, геройское терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ... Какая слава, если бъ, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... а теперь? имѣя въ виду одну цѣль — смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужели онъ родился только для ихъ казни! Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и (былъ ли то случай?) непримѣтно подъѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свои услуги Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь опять онъ здѣсь, теперь, когда, видя близкій конецъ своего ужаснаго предпріятія, онъ едва можетъ перенесть тягость одной насмѣшки самолюбія — спрашиваю, случай ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій звонъ колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко, и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатымъ ковромъ: — кто же здѣсь? вѣрно, Наталья Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало: одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово — и человѣкъ дѣлается снова демонъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи, и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было

тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упадала на нихъ, и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распустивъ радужный хвостъ, неподвиженъ какъ новый памятникъ. Не знаю, съ какою цѣлью, но эта птица находится почти во всѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищіе — прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать... но Вадимъ почувствовалъ неизъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя подобно червямъ ползаютъ у ногъ богатства, которыя безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!.. Но люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься: какъ знать? можетъ-быть, и чувства святѣйшія — одна привычка, и если бъ зло было такъ же рѣдко, какъ добро и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой?!

Вадимъ, сказалъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько грошей, онъ каждому бросалъ по одному — они благодарили нараспѣвъ давно затверженными словами и даже не поднявъ глазъ, чтобы разсмотрѣть подателя милостыни... Это равнодушіе напомнило Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ итти далѣе, но костистая рука вдругъ остановила его за плечо. «Постой, постой, кормилецъ!» пропищалъ хриплый женскій голосъ сзади него. И рука нищенки все крѣпче сжимала свою добычу; онъ обернулся, и отвратительное зрѣлище представилось его глазамъ: старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ сказать, повисла на немъ; ея засученные рукава обнажали двѣ руки, похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какою-то неизъяснимою низостью, какою-то гнилостью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили въ сравненіи съ глазами нищенки; вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными каймами; ни рѣсницъ ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ, тяготѣющій на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное состояніе! Вадимъ не былъ суевѣръ, — но волосы у него встали дыбомъ: онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ ея чертахъ цѣлую повѣсть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаяніе; не мудрено, если онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя на высшей степени несчастія такъ умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ всѣ способности, кромѣ первой и послѣдней: жить!

— Ты позабылъ меня, дорогой, пога былъ — дай копеечку — не для Бога, для чорта... дай копеечку... али позабылъ меня? Не гордись, что ты холопъ барскій... чай, недавно валялся вмѣстѣ.

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ! — кричала въ бѣшенствѣ старуха. — Чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черти твой языкъ подточили, чтобы вороны глаза проклевали, чтобъ тебѣ ходить — спотыкаться, пить — захлебнуться; горбатый, уродъ, холопъ... проклятъ, проклятъ!..

И снова она уцѣпилась за полу Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ея стукнула, какъ что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ, Вадимъ не слыхалъ, потому что онъ поспѣшно вошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣніемъ всенощную. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра; нынче они, крестясь и кланяясь въ землю, поталкивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина, и готовы были растерзать его на мѣстѣ, но еще не смѣли: еще ни одинъ казакъ не привозилъ кровавыхъ приказаній въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самаго клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокій, вызолоченный иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ, и огромныя паникадила, висящія среди церкви, бросали сквозь дымъ ладана таинственные лучи на блестящую рѣзьбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготѣющія

тѣни; у стѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если бъ голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенныя на груди крестомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали сліяніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унизительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣе, чѣмъ исчислить, и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ, и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину предъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, неизъяснимое; и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую-нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ пестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ, и озаренные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному живому, вѣчно движущемуся существу, — однимъ словомъ, это была толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна, и къ тому же всѣ мысли его, сосредоточенныя на одномъ предметѣ, не отражали впечатлѣніе внѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ, и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный занавѣсъ.

Направо, между царскими и боковыми дверьми, былъ нерукотворенный образъ Спасителя; удивительной величины: позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ, и множество свѣчей, разставленныхъ на висячемъ паникадилѣ, кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзьбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка — это была милость у ногъ Спасителя — и надъ ней внизу образа было написано крупными выпуклыми буквами: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы.*

Многіе приближались къ образу и, приложившись послѣ земного поклона, кидали въ кружку мѣдныя деньги, которыя, упадая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. «Не мудрено, что завтра,—подумалъ Вадимъ,—эта богатая женщина будетъ издыхать на висѣлицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на нее дѣтямъ своимъ» и, отвернувшись, онъ хотѣлъ итти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ—и онъ зналъ эту женщину.

Ея кровь была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье не было его счастіемъ, потому что она любила другого, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое непритворное искреннее *люблю* съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумиръ— свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью, потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и, угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда

Вадимъ ей открылъ свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя; это была ея единственная молитва.

. . . .

. . . .

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣвственнаго дыханья, и когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемѣна довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность: это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула, какъ алмазъ, и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобъ удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ. Его огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы; каждая жила ея сердца вздрогнула, дыханіе остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяніемъ (все это время дьячокъ читалъ козлинымъ голосомъ посланіе апостола Павла, и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа зѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... Что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія?).

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы.* Что дѣлать! Онъ вѣрилъ въ Бога, но также и въ дьявола!

И, выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру: возлѣ нея стоялъ Юрій, небрежно чертя на пескѣ разные узоры своей шпагой, и она, прислонясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ неизъяснимой муки... можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстаться навсегда. Но развѣ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ, и любовь потеряла надежду?..

— Итакъ, она точно его любитъ,—шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому-то судорожному движенію такъ глубоко врѣзались въ тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ, какъ безумный, посмотрѣлъ на нихъ, молча стряхнулъ кровавыя капли на землю и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди нихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

— Какой-то проходящій толкнулъ ее; мы думали, что онъ шутитъ... она упала, да и окачурилась, чортъ ее зналъ! Вольно жъ было не закричать!—такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повторяли его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что *онъ* толкнулъ старуху.

— Итакъ, она его любитъ!—бормоталъ онъ сквозь зубы, садясь на нетерпѣливаго коня.—Итакъ, она его любитъ!

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла пріобрѣсти неограниченную власть. Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

Глава XV.

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-гдѣ показывались казацкія шапки, блистали копья и ружья; часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышащія мятежомъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохотъ, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту—поцѣлуй Іуды. Что-то ужасное созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемою своеволіемъ, возбужденною новыми пришельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи и раздавалось молитвенное пѣніе.

Скоро и въ церкви пробѣжалъ зловѣщій шопотъ; понемногу мужики стали изъ нея выбираться: одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные—такъ потому, что сосѣдъ сказалъ: пойдемъ, потому что... какъ не посмотрѣть, что тамъ дѣлается?

Народъ, столпившійся передъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный, величественный ревъ, подобный безпрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная; но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ по-

нялъ бы, что такое народъ: камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но, несмотря на то, сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсъ и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ невѣжественный и не чувствующій себя хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говоритъ неблагопристойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета — душа порока и преступленій; теперь настал часъ ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь насмѣяться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали съ нихъ пятна грязи; это былъ пурпуръ въ своемъ родѣ; чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе; надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданій хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было — обида,—одинъ, но смертельный.

Когда служба въ монастырѣ отошла, и пріѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ, и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ мятежной, какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ вихремъ, и неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подалъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ не болѣе, который, заграждая путь какой-то толстой барынѣ, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначащій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобъ совершенно обнаружить свою ненависть. Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостью своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобъ суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово, и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря нѣсколько прежде Натальи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ; чувствуя теплоту дѣвственнаго тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся: онъ обвилъ круглый станъ Ольги одною рукою, а другой отодвинувъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова. Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой засохшей отъ старости ветлы, коей черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходитъ у монастыря! — воскликнула Ольга. — Моя душа предчувствуетъ... О Юрій! Юрій! если бъ ты зналъ, мы гибнемъ... Ты замѣтилъ ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ церкви, и замѣтилъ ли эти дикія лица нищихъ, которые радовались и веселились... о, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются.

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери или остаться здѣсь, стоялъ, вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его сверкнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ съ помощью толстыхъ сучьевъ взобрался почти на самый верхъ.

— Что видишь ты? — спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвется, но рука Юрія какъ бы машинально впилась въ безчувственное дерево. Наконецъ онъ слѣзъ, молча сѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками. «Что видѣлъ ты? — говорила дѣвушка.— Отчего твои руки такъ холодны, и лицо такъ влажно?» — «Это роса», отвѣчалъ Юрій, отирая холодный потъ съ чела и вставая съ земли.

— Все кончено... напрасно... я безсиленъ противъ этой толпы... она погибла... о, Провидѣнье! — что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? Отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій! — воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе, и Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разносимымъ по полю возрастающимъ вѣтромъ; вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались по дорогѣ; они постепенно приближались, и вскорѣ подъѣхалъ къ нашимъ странникамъ мужикъ въ пустой телѣгѣ; онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую-то нескладную пѣсню. Поровнявшись съ Юріемъ, онъ пріостановилъ свою буланую лошадь. «Что, бояринъ? — сказалъ онъ, насмѣшливо поглаживая рыжую бороду, — аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то... да еще пѣшечкомъ; сядь-ка, довезу!..»

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ уздцы. «Что ты, что ты, бояринъ? — закричалъ грубо мужикъ. — Ужъ не впрямь ли хочешь со мною съѣздить; экъ, всполошился», продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвистнувъ; добрый конь рванулся, но Юрій, коего силы удвоило отчаяніе, такъ крѣпко вцѣпился въ узду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телѣги сильно ударилось о камень, и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ вожжи; онъ уже занесъ ногу, чтобъ опять вскочить въ телѣгу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергъ его на землю, и сильная рука вырвала вожжи... «Разбой!» заревѣлъ мужикъ, опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадить ее въ телѣгу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать: «разбой!» Колесо переѣхало ему черезъ грудь и онъ замолкъ — вѣроятно — навѣки.

Ужасна была эта ночь: толпа шумѣла почти до разсвѣта, и кровавые потѣшные огни встрѣтили первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валялось на полянѣ, иные изъ нихъ ужъ собирались кучками и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черный пепелъ показывали мѣсто угасшаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три не болѣе... одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но, обезображенный, онъ едва походилъ на бренные остатки человѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

Глава XVI.

Я попрошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ со своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя ее центромъ своихъ операціонныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачна; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досадуя на то, что его стремянной Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка-вдова, солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, и потому вы легко отгадаете, что старый нашъ прелюбодѣй, несмотря на серебристый оттѣнокъ волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Ужъ давно лучина была погашена; ужъ пѣтухъ, хлопая крыльями, сбирался въ первый разъ пропѣть свою сиповатую арію; ужъ кони, сытые по горло, изрѣдка только жевали остатки хрупкаго овса, и въ избѣ на полатяхъ, рядомъ съ полногрудою хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ непомилованно; вѣроятно, утомленный трудами дня и (вѣроятнѣе) упоенный сладкой водочкой и

поцѣлуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, если бъ вдругъ, среди глубокой тишины, сильная невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота такъ, что они затрещали; собаки жалобно залаяли, и хозяйка, вздрогнувъ, проснулась, перекрестилась и, протирая кулаками опухшіе глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: «Господи, Боже мой! да кто это тамъ! наше мѣсто свято!.. да что это какъ стучатъ!..» Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую потную грудь и она, съ досадой высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и шлеѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. «Отопри проворнѣе!» закричалъ онъ громовымъ голосомъ. «Экой скорой,—пробормотала солдатка, захлопнувъ окно,—подождешь, не замерзнешь... не спится, видно, тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый». Она надѣла шубу, вышла, разбудила работника, и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, браня пріѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался на дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

— Батюшка,—сказалъ Юрій, котораго вы, вѣроятно, узнали, примѣтно измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощупывая предметы,—проснитесь, гдѣ вы! проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти. Послушай,—продолжалъ онъ шопотомъ, обратясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло,—гдѣ мой отецъ? Что вы съ нимъ сдѣлали?

— Помилуй, баринъ, что ты рехнулся што ли... я закричу... да пусти меня, окаянный... да развѣ не слышишь, какъ онъ на полатяхъ-то храпитъ,—и, задыхаясь, она старалась вырываться изъ рукъ Юрія.

— Что за шумъ? Кто тамъ развозился? Петрушка, Терешка, Фотька! эй, вы!..—закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая подобно лютому звѣрю.

— Батюшка,—говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину,—сойдите скорѣе... жизнь и смерть... говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человѣкъ?—бормоталъ Борисъ Петровичъ, сползая съ печи.

— Я! вашъ сынъ... Юрій...

— Юрій... что это значитъ... объясни.. зачѣмъ ты здѣсь... и въ это время?..

Онъ въ испугѣ схватилъ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ...

— Батюшка! мы погибли!.. народъ бунтуетъ! да! и у насъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ церкви толпились кучи народа... и нѣкоторыя восклицанія, долетѣвшія до меня, показываютъ, что они ждутъ, если не самого Пугачева... то казаковъ его... спасайтесь...

— А Наталья Сергѣевна?.. А вещи мои?..

— Матушка... не говорите объ ней... она... Спасайтесь!—сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала какъ искра на щеку старика и обожгла ее...

— О!..—завопилъ онъ.—Кто бъ могъ подумать, повѣрить? Кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ, грѣшныхъ? О, Господи, Господи! Куда мнѣ дѣваться? Всѣ противъ насъ... Богъ и люди... и кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ судить... кого же? русское дворянство! простой казакъ... Боже мой! святые отцы!

— Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться?—сказалъ быстро Юрій.

— Нѣтъ, нѣтъ! никого нѣтъ!

— Фотька Атуевъ?

— Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналью!

— Терешка?

— Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники! антихристы!.. О, спаси меня, сынъ мой!

— Мы погибли!—молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу.—Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!.. Молитесь Ему, если можете.

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣни, и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца, и унесутъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридевять земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: *я спасу тебя.*

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается

искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего ему не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ. Есть простая пословица: *Москва сгорѣла отъ копеечной свѣчки.*

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спалъ стремянной Палицына, и осторожно спустились на дворъ по четыремъ скрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо: собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ, и изрѣдка лишь фыркали сытые кони, или охотникъ произносилъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на соломѣ подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали амбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ, соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, усѣяннымъ капустой, коноплями, рѣдькой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ клади, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посрединѣ, то раздался чей-то голосъ, вѣроятно, одного изъ проснувшихся псарей. «Кто тамъ?» спросилъ онъ. «Развѣ не видишь, что хозяева», отвѣчала солдатка. Замѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь, какъ бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладнокровно остановилась у воротъ.

— А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ? — сказалъ, почесывая бока, пьяный псарь и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

— И, батюшка, что я за красавица! Съ нашей работки-то не больно разжирѣешь!

— Ужъ не ломайся, знаемъ мы! экая гладкая! У барина, видно, губа не дура... Экъ ты призрѣла себѣ стараго чорта... да не бойся! не сдобровать ему... высчитаемъ мы ему наши слезки... дай срокъ!.. батюшка Пугачевъ ему рыло-то обтешетъ... пусть себѣ не вѣритъ... а ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась, и нашъ проворный рыцарь спьяна наткнулся на оглоблю телѣги, споткнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ, не знаю, по крайней мѣрѣ, не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и сынъ ожидали конца этой непріятной сцены. Наконецъ они вышли въ огородъ и удвоили шаги; сильно бились сердца ихъ, стѣсненныя непонятнымъ предчувствіемъ; они шли, удерживая дыханіе, скользя по росистой травѣ, продираясь между коноплей и вязкихъ грядъ, зацѣпляя поминутно ногами или за кирпичъ или за хворостъ; вороньи пугала казались имъ людьми, и каждый разъ, когда полевая крыса кидалась изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали. Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій—за шпагу... Но, къ счастію, всѣ ихъ страхи были напрасны, и они благополучно приблизились къ темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одному темному углу, гдѣ находилось два сусѣка—одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломою.

— Полѣзай сюда, баринъ,—сказала солдатка, указывая на второй, — да заройся хорошенько съ головой въ солому, и кто бы ни проходилъ, что бы тутъ ни дѣлали... не вылѣзай безъ меня, а я, коли жива буду, тебя не выдамъ; что бъ ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу.

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій вмѣсто того, чтобъ слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ: «Прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословеніе! Можетъ-быть, мы больше не увидимся». Онъ повернулся и быстро пустился назадъ по той же дорогѣ; войдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакалъ гумно, махнулъ рукой удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и, перескочивъ черезъ ветхій обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ, какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различить мѣрный топотъ скачущаго коня, — онъ постепенно становился тише и тише и, наконецъ, совершенно слился съ шопотомъ листьевъ дубравы.

«И куда этотъ верченый пустился! — подумала удивленная хозяйка. — Видно, голова крѣпка на плечахъ, а то кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на казаковъ, и поминай какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ!

больно меня раздумье беретъ!.. Спрятала-то я стараго, спрятала, а какъ станутъ меня бить да мучить... Ну, ужъ коли на то пошло, такъ берегись, баба!.. Не давши слова держись, а давши крѣпись... только бы онъ самъ не оплошалъ!..»

Глава XVII.

Въ эту же ночь, богатую событіями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу, но конь, уставъ продираться сквозь колючій кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу въ село Палицына.

Задумавшись, ѣхалъ мрачно горбачъ, сложа руки на груди и повѣся голову; его охотничья плеть моталась на передней лукѣ казацкаго сѣдла, и добрый степной конь его, горячій, щекотливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ покойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать. Вадимъ опомнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу присѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его, и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю.

— Куда торопишься, чему обрадовался, лихой товарищъ? — сказалъ Вадимъ. — Но тебя ждетъ покой и теплое стойло... ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получилъ отъ благихъ небесъ этой чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дикихъ страданіяхъ... О, если бъ я могъ вырвать изъ души своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ! — и онъ, наклонясь, выრвалъ изъ земли высокій стебель полыни. — Но нѣтъ, — продолжалъ онъ, — одной капли яда довольно, чтобъ отравить чашу, полную чистѣйшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ...

Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ; невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются; два раза шапка чуть-чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка поталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужъ и село... церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкнутъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжитъ говоръ по пьяной толпѣ. Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу. Эти огни, эти пѣсни, — все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго празднества, и даже въ пѣсняхъ часто повторяемыя имена — Дидо и Ладо — могли бы ввести въ заблужденіе неопытнаго чужестранца.

— Ну, Вадимка, — сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной, — какъ слышно... скоро ли нашъ батюшко-то пожалуетъ?..

— Завтра, въ обѣдъ, — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

— Ой ли! — подхватилъ другой. — Такъ, стало-быть, не нонче, а завтра! такъ... такъ! А что, какъ слышно? Чай, много съ нимъ рати военной... чай, казаковъ-то видимо-невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ-то...

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ, забубенная башка, — сказалъ третій, покачивая головой; — эко диво серебряный... чай, не только кафтанъ, да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подносить станетъ хлѣбъ съ солью? Чай, все старики...

— Вѣстимо. Послушай, братъ Вадимъ, — продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами: — гдѣ нашъ баринъ-то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить... ужъ я бы его попотчевалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, — подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ, — это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія, кромѣ меня... Онъ мой... я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіе коихъ мысленно я пожиралъ всѣ возможныя чувства, чтобъ подъ конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ—подлые рабы!»

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ небольшой гремучій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ все было тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался позади небольшого сада господскій домъ съ многочислен-

ными службами... онъ былъ теменъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу. Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами. Ему показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ.

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противу всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилось, какъ орелъ въ желѣзной клѣткѣ, при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, если бъ среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: «Спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!.. Но къ чему теперь? развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори»... и онъ, задержавъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай, мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ если бъ на этомъ порогѣ было написано судьбою *смерть*, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ.

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь не замѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Міръ безъ тебя? что такое? храмъ безъ божества... зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ Провидѣніе не настигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть.

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!.. прощай... черезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли, и слышно было, какъ дверь бани скрипнула, отворяясь, и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ перескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающій оврагъ, и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее; защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ вошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился: на полу стоялъ фонарь, и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ, Ольга!

Убійственная мысль, какъ молнія озарила умъ бѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь ея сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ, и сжатыя губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ Провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленыя стекла слабо озарялъ нижнія части лица бѣдной дѣвушки; ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподымалась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ язвительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобъ она къ нему обернулась, но она осталась въ прежнемъ положеніи, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

— Чего ты отъ меня еще хочешь?..

— Еще?.. а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ? — говори, Ольга? Развѣ я силою заставилъ тебя принести клятву... ты помнишь... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ ты находишь это удобнымъ?..

— О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!

— Ольга! твой отецъ былъ мой отецъ...

— Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ погибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... нѣтъ, ты не братъ мой... Прочь! Я ненавижу, презираю тебя!..

— Ненавидѣть, такъ... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня... Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

— Вадимъ!.. ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣетъ смертнымъ холодомъ...

— Нѣтъ, Ольга!.. я останусь здѣсь цѣлую ночь...

— Боже! — прошептала, вздрогнувъ, несчастная дѣвушка; сердце сжалось, и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣни.

— Послушай! — сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру и посадивъ ее на лавку. Онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ. — Послушай, было время, когда я думалъ твоею любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня — тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ, какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангелъ; тебя не любить — невозможно... я это знаю... О! да посмотри на меня... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда ни одной улыбки... все ему! Все ему!.. да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долею твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О! да это невозможно тебѣ постигнуть... если бъ я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ тебѣ на колѣни... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя, умираю...

— Проклинай! — отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ, неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донынѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

— Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставлю... это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай — между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ; мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ бичъ небеснаго правосудія. Но... довольно!.. довольно!.. послушай!.. Если бъ бѣдная собака, изсохшая, полуживая отъ голода и жажды, съ визгомъ приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя бы былъ кусокъ хлѣба... одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?

— Сердце — не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...

— А! не въ твоей власти... А! Но развѣ я это у тебя спрашивалъ?

— Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала...

— Въ тебѣ нѣтъ жалости!..

— А въ тебѣ есть жалость?

— Такъ ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свѣтѣ...

— А! больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!

— Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ...

— Ошибаешься,—воскликнулъ съ горькимъ хохотомъ горбачъ, — онъ непремѣнно долженъ умереть... и очень скоро!..

— Я умру вмѣстѣ съ нимъ...

— О, нѣтъ, ты не умрешь... не надѣйся!..

— Я надѣюсь на Бога... Онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ Себѣ или спасетъ его, несмотря на всю твою злобу...

— Не говори мнѣ про Бога!.. Онъ меня не знаетъ; Онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву — Ему все равно... и не думаешь ли ты смягчить Его слезами и просьбами? Ха-ха-ха!.. Ольга, Ольга!.. Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ; ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — и, если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову... Онъ отвернулся, хотѣлъ, повидимому, что-то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его, онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть-можетъ, желая утаить смущеніе или невольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе.

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытьи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери.

Глава XVIII.

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ, кромѣ для медвѣдей, волковъ и самыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, которые въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 году; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя нѣсколько верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уводимы въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына. Народъ далъ ей прозваніе: Чортово Логовище, а суевѣрныя преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть рѣку и версты двѣ итти болотистой долиной, усѣянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высокимъ камышомъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мховъ обманывала неопытнаго путника, и высокій тростникъ скрывалъ ямы и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и, спустясь съ него, поворачивала по косогору въ густой и мрачный лѣсъ. На опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось, простирали огромныя вѣтви, чтобы заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ адскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта: «lasciate ogni speranza voi ch'entrate». Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ. Наконецъ лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо, и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми высокими цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ сѣна, воздвигнутый трудолюбіемъ какого-нибудь бѣднаго мужика; грозно-молчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидуя ея свѣжести, будто намѣреваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до Чортова Логовища, но тропинки уже нѣтъ нигдѣ... и должно итти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія. Лѣсъ не такъ высокъ, но колючіе кусты, хмель и другія растенія переплетаютъ неразрывною сѣткою корни деревъ, такъ что за три сажени нельзя почти различить стоящаго человѣка; иногда встрѣчаются глубокія ямы, гнѣзда бурею вырванныхъ деревъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющомъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, преграждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимой косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ образомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ, не привыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ; тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить крутой и глубокій оврагъ. Его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые, нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездной длинными хвостами; глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые безпечно принялись на новой почвѣ; на днѣ оврага, если подойти къ самому краю и наклониться, придерживаясь за надежныя дерева, можно различить небольшой родникъ, но чрезвычайно быстро катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая бѣлѣе пуха лебяжьяго останавливается клубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечен-

ная стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и разсыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рытвины и, наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ въ норѣ; но тутъ открывается маленькая поляна, уставленная нѣсколькими высокими дубами; посрединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ; покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ-нибудь древнихъ татарскихъ князей или наѣздниковъ, но, войдя въ середину между нихъ, мнѣніе наблюдателя перемѣняется при видѣ отверстій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галлереи; отверстія такъ малы, что едва на колѣняхъ можетъ вползти человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и, наконецъ, три человѣка могутъ итти рядомъ безъ труда, не задѣвая почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ, повидимому, въ разныя стороны, сначала довольно круто спускаясь внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галлерея, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько саженъ она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачиваетъ направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію — она оканчивается обрывомъ или, лучше сказать, поворачиваетъ вертикально внизъ; должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобы спрыгнуть туда — какъ ни говори, двѣ сажени не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искусственныя препятствія; она идетъ назадъ параллельно верхней своей части и въ одной съ нею вертикальной плоскости, потомъ склоняется налѣво и впадаетъ въ широкую круглую залу, куда также примыкаютъ двѣ другія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей (niches); посрединѣ одинъ четвероугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть-можетъ, служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ этихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, но маленькій ключъ, который, выходя изъ отверстія, сдѣланнаго, вѣроятно, съ намѣреніемъ въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и, наконецъ, скрываясь въ другомъ отверстіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ; немолчный ропотъ безпокойныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсни узника оживляютъ безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ, камни и земля — все поросло мохомъ: при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ норы земляныхъ крысъ и другихъ безопасныхъ звѣрковъ, любителей мрака и неизвѣстности; индѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подъѣзжалъ къ нему, хотя не осмѣлился проникнуть во внутренности мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то «Чортово Логовище», несмотря на это адское прозваніе, представилось его мысли какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овинѣ, такъ близко отъ спящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, мирные слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти! Чувство, равно свойственное человѣку и собакѣ, вообще всѣмъ животнымъ... но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, обнимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизиціей упасть въ колючія объятія мадонны долорозы (madonna dolorosa), этого искаженнаго, богохульнаго, страшнаго изображенія святѣшей святыни... О, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который, въ первый разъ обшаривая пустые карманы, слышитъ за дверьми шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, что прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти; Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ; слово *смерть*, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпамятѣлъ, но его спасло именно отдаленіе всякой по-

мощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть, смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ, то грозная, высокая, съ распростертыми руками, какъ висѣлица, то неожиданная, внезапная, какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по влажнымъ его членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга... Наконецъ Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же... молитвой! но напрасно!.. уста его шептали затверженныя слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій шорохъ въ соломѣ, произведенный торопливостью большой крысы или другого столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастіе — женщина: коли полюбитъ вдругъ сначала, такъ разлюбитъ подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подругѣ... и волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понялъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепетъ... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ; онѣ пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы, сорванные вихремъ съ березы, мелькая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ и упадаютъ; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ... и не находимъ ни красокъ ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листы.

Между тѣмъ дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?.. гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей!.. никого, рѣшительно никого! Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводитъ? какъ выйдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалились... и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся!

На разсвѣтѣ ему послышался лай, топотъ конскій, крикъ, брань и по временамъ призывный звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса; наконецъ все умолкло; прошло еще полчаса; вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ: «Баринъ! баринъ! вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?»

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледянѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба, и вылѣзъ изъ сусѣка.

— Это ты, хозяйка? — пролепеталъ онъ невнятно.

— Я, я!.. да не бойсь... они всѣ уѣхали, поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...

— Хозяйка, — прервалъ Палицынъ, — ужъ свѣтаетъ... Послушай... Я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто... говорятъ, недоброе... да это все равно... ты знаешь Чортово Логовище?..

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась, посмотрѣла пристально на Палицына.

— Охъ, кормилецъ! бѣда! сатанинское это гнѣздо...

— Нѣтъ другого! — возразилъ онъ въ отчаяніи.

— Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что начала, то кончу... ужъ мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платье, скинь-ка свой балахонъ... а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенекъ, да зато не болтливъ и ужъ противъ материнскаго слова не пойдетъ...

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканныя онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малый, лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь. Онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо, почесывая затылокъ и кивая головой; онъ зѣвалъ безпощадно и только по временамъ отвѣчалъ: «Хорошо, мачка!» Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужъ былъ готовъ. — «Съ Богомъ!» про-

шептала имъ вслѣдъ хозяйка... Они вышли въ поле чрезъ заднія ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ пробирающихся къ грозному Чортову Логовищу, обоихъ дрожащихъ какъ листъ: одинъ — опасаясь погони, другой — боясь духовъ и привидѣній... оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

Глава XIX.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, пріостановилъ усталую лошадь и поѣхалъ рысью; тысячу предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснилось въ умѣ его, но спасти Ольгу или, по крайней мѣрѣ, погибнуть возлѣ нея было первымъ чувствомъ, господствующею мыслью его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже незаслуживавшая имени страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возросла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій; его шпага, ударяясь объ бока лошади, непримѣтно возбуждала ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть молодыя нивы — какъ молодой народъ, онѣ волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись — налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими очами выглядывалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногій лѣшій. Все молчало кругомъ, иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночного сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ прохожихъ лучше всякаго часового. Но вдругъ Юрій услышалъ другіе звуки: это былъ конскій топотъ который неимовѣрно быстро приближался Юрій хотѣлъ было своротить съ дороги, слѣдуя какому-то инстинкту... но гордость. превозмогла; онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дома на всякій случай, осмотрѣлъ кремень, взвелъ курокъ и приготовился къ храброму отпору; скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль и, наконецъ, показался всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніе 50-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

— Стой!—закричалъ Юрій.—Не приближайся! или я размозжу тебѣ голову. Кто ты таковъ?

— Или ты не узналъ меня, баринъ? — отвѣчалъ хриплый голосъ. — Неужели ты хочешь убить вѣрнаго своего раба?

— Какъ? Это ты, Ѳедосей? — воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его черты. — Но зачѣмъ ты здѣсь? — продолжалъ онъ строго. — Мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?.. Говори?..

— Эхъ, баринъ, баринъ!.. ты грѣшишь; я видѣлъ, какъ ты пріѣзжалъ... и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укоряла... Я все знаю, батюшка... времена тяжкія... да ужъ Ѳедосей тебя не оставитъ; гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ; Онъ меня спроситъ на томъ свѣтѣ: служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ... а кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать? Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, но я не изъ нихъ, Юрій Борисовичъ... прикажи только, отецъ родной... и въ воду и въ огонь кинусь для тебя... ужъ таково дѣло холопское, ты меня поилъ и кормилъ до сей поры... теперь пришла моя очередь... сгину, а господъ не выдамъ...

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Если ты говоришь правду, Ѳедосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою; но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...

— Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ-одинехонекъ?..

— Ѳедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ скрыться... и ѣду. — Юрій призадумался и, наконецъ, отворотясь, молвилъ отрывисто:—Я хочу видѣться съ Ольгой.

— «Вотъ что!—подумалъ Ѳедосей, поглаживая усы. — Время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ». — И, баринъ, — молвилъ онъ, осмѣлившись — брось ее! что

теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ... пожалуй, на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...

— Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... я только тогда буду думать объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...

— Плохо!—пробормоталъ Ѳедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ ни другой не умѣя или не желая возобновить разговора. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потому что дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потому что всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ, и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

— Баринъ, — воскликнулъ вдругъ Ѳедосей,—посмотри-ка, кажись, наши гумна виднѣются... Такъ, такъ!.. остановись-ка, баринъ; послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу... я пойду и приведу ее, а ты подожди меня здѣсь, у забора, съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ петлю добровольно... береженаго Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...

Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ. «Какъ, — думалъ онъ,—и я для нея побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью?» Но скоро, съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ неумѣстный стыдъ и — увы! — согласился... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Ѳедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я! противъ правды словъ нѣтъ. Я ужъ прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга онъ былъ человѣкъ, какъ и другой — просто добрый, умный юноша — что дѣлать?

Когда Ѳедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой ветлѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю; напрасно онъ думалъ, что хладный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладитъ кровь, успокоитъ волнующуюся грудь... всѣ призраки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все далѣе и далѣе, какъ иногда блуждающій огонекъ, обманчивый фонарь какого-нибудь зловреднаго генія, заводитъ путника къ самому краю пропасти.

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ картинъ будущаго, обратилъ ее на прошедшее. Такъ врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянныя средства — но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ: «Ужели ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являются ко мнѣ?» И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ или сожалѣніе, и онъ могъ по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разбросанныя, растерянныя имъ на дорогѣ жизни, но — увы! — эти чувства не принесли плода; одни, какъ сѣмена притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потоптаны странниками, иныя упали на камень и сгнили отъ дождей безполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокурымъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, любимцемъ, баловнемъ родителей грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитанникомъ природы, играющимъ на колѣняхъ няни, трепещущимъ при словѣ «бука»; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы и какъ невозвратно они погибли.

Но вотъ настать возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдаютъ воспитываться къ старой и богатой бабкѣ. Анютка, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣщаній — какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны и какъ таинственны были эти первыя свиданія въ темномъ коридорѣ, въ темной бесѣдкѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рощѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и подъ конецъ преступные поцѣлуи; какъ разгорались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетянутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ клѣтчатымъ платьемъ, когда уста

его впивались въ ея грудь, опаленную солнечнымъ зноемъ.

Но ему говорятъ, что пора служить... онъ спрашиваетъ, зачѣмъ? Ему грозно отвѣчаютъ, что 15 лѣтъ его отецъ былъ сержантомъ гвардіи, что ему уже 16; итакъ... итакъ, заложили бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо къ какому-то правнучатному дядюшкѣ... ударилъ бичъ, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости, воля и рощи и поля, прости, счастье, прости, Анюта! Садясь въ бричку, Юрій встрѣтилъ ея глаза, неподвижные, полные слезами; она изъ-за дверей долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти, поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щеки, онъ какъ вихорь промчался мимо нея, вырвалъ свою руку изъ холодныхъ рукъ Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... «О, какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ смѣло она можетъ теперь презирать меня!» думалъ онъ тогда... но что же! Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы, она сдѣлалась дюжей, толстой бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... очарованіе разлетѣлось какъ дымъ; настоящее отравило прелесть минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вообразить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной женщиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую дѣвочку... и принесъ эту жертву своему самолюбію почти безъ всякаго сожалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли побѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ первое впечатлѣніе... Слава!.. вотъ его кумиръ... Война!.. вотъ его наслажденіе... Походъ въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ попирать разрубленныя, низверженныя чалмы поклонниковъ Корана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвитъ: «Молодецъ, хватъ! лучше меня!.. Помилуй Богъ!» — О, Суворовъ вѣрно ему скажетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, когда онъ первый взлетитъ, сквозь огонь и градъ пуль турецкихъ, на окровавленный валъ и, колеблясь, истекая кровью отъ глубокой, хотя бездѣльной раны, водрузитъ въ чуждую землю первое знамя съ двуглавымъ орломъ! О, какія поздравленія, какія объятія послѣ битвы!

Но войска перешли черезъ границу русскую — и пылаютъ села невѣрныхъ на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится чрезъ дикія поляны... О, какъ жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный воздухъ, какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо! Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любопытныхъ и нескромныхъ? Кто она? О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ. . . . .
. . . .

Онъ нашелъ ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его, и онъ поднялъ Зару — и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ незрима и прекрасна, какъ ангелъ; въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь вздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество или демонъ; ея душа была или чиста и ясна, какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленія, или черна, какъ эти очи, какъ эти волосы, разсыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій и предался прекрасной мусульманкѣ, предался и тѣломъ и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не былъ пресыщенъ поцѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... о какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь... Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампада догорала въ углу, и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабель, отбитыхъ у врага и живописно

развѣшанныхъ надъ ложемъ юноши. Юрій спалъ, но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ ненасытно лобзалъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ все свое имущество! Въ одно мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя; но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно всѣ упреки, всѣ обиды... о, въ ней точно кипѣла южная кровь!

— Неблагодарная, змѣя! — воскликнулъ Юрій. — Говори, развѣ смертью платятъ у васъ за жизнь? Развѣ на всѣ мои ласки ты не знала другого отвѣта, какъ ударъ кинжала? Боже, Создатель! Такая наружность и такая душа! О, если всѣ Твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адомъ и раемъ? Нѣтъ, Зара! нѣтъ! это не можетъ быть... отвѣчай смѣло: я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! Говори, чего ты хочешь?

— Я хочу свободы, — отвѣчала Зара.

— Свободы!.. а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ минаретахъ, о своей хижинѣ, но они сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчизной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара!.. Божій міръ великъ, найди себѣ домъ, друзей... ты видишь, и безъ моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое какъ бѣлый туманъ обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользила по травѣ... вотъ скрылась вдали за палаткой... вотъ мелькнула и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный, съ мутнымъ взоромъ, безпокойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... вдругъ въ одномъ шатрѣ Юрій слышитъ ропотъ поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи; онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорванномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый! онъ узнаетъ свою Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстителенъ, но злоба, но глубокая печаль проникла въ его душу... онъ много-много плакалъ... хотѣлъ умереть—и не умеръ, рѣшился забыть Зару и... друзья мои... забылъ ее!

Наконецъ кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной — чрезвычайно покойная и умная выдумка!.. Не одна 30-лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить его улыбку... Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій съ злобною радостью старался ссорить своихъ красавицъ и потомъ, когда онъ замѣчалъ, что одна изъ нихъ начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходилъ, склонялся къ ней, съ этой небрежной ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и всѣ ея соперницы блѣднѣли. О, какъ Юрій забавлялся сей тайной, но убійственной войною! Но что ему осталось отъ всего этого? воспоминанія? да, но какія? горькія, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепелъ, сухой, горячій пепелъ! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факелъ, окропленный водою, съ усиліемъ и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось въ груди его, какъ ягненокъ подъ ножомъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплесть, перерубитъ, подобно Александру.

Глава XX.

Ѳедосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и, наконецъ, спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли; казалось, незримая рука отталкивала его отъ низенькой двери и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту онъ оставался недвижимъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь — и вошелъ;

но, переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить ея формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что это или злой духъ или злой человѣкъ. Когда Ѳедосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ; его дикое и грубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такого страданія: на полу сидѣла или, лучше сказать, лежала Ольга, преклонивъ голову на нижнюю ступень полка и поддерживая ее правою рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестройно, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ. Можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коричневатой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который неумолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызетъ желѣзо, а сердце 18-лѣтней дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе досады туманитъ его какъ стекло, каждое прикосновеніе судьбы оставляетъ на немъ глубокіе слѣды, какъ бѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья. Ручей, это — надежда; покуда она свѣтла и жива, то въ нѣсколько мгновеній слѣды изглажены, но если однажды надежда испарилась, вода утекла, то кому нужда до этихъ ничтожныхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоровъ, когда вошелъ Ѳедосей. Фонарь съ умирающей своей свѣчою стоялъ на лавкѣ и дрожащій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленыя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тѣнь на круглое гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой роскошной груди; два мягкіе шара, бѣлые и хладные какъ снѣгъ, почти совсѣмъ обнаженные, не волновались, какъ прежде; взоръ мужчины безпрепятственно покоился на нихъ, ни малѣйшая краска не пробѣгала ни по шеѣ ни по ланитамъ. Женщина, [только] потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ—это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ нею стоялъ уполномоченный посланникъ Юрія; наконецъ онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

— Вставай, вставай — время дорого.

— Ты опять здѣсь! — простонала она, не приподнимая головы.

— Какой чортъ опять! да ты меня не узнала, што ли? Вставай — время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня что случится.

— О, не называй его! Ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... О, Вадимъ, дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ...

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Ѳедосей, чай, меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...

Какъ пробужденная отъ сна, вскочила Ольга, не вѣря глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдого ловчаго и, наконецъ, воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ: «Такъ онъ меня не забылъ! такъ онъ меня любитъ? любитъ? онъ хочетъ бѣжать со мною, далеко-далеко! — и она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника — и смѣялась и плакала... — Нѣтъ, — продолжала она, немного успокоившись, — нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили, нѣтъ! Онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ — вездѣ мой; я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня. Нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки»...

— Я этого ничего не знаю, — прервалъ хладнокровно Ѳедосей, — ужъ вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что намъ пора... если ужъ не поздно...

— Но куда? какъ?

— Ужъ это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?

— Ѳедосей, если ты обманываешь, обо-рони Боже...

— Что я за басурманъ... да скорѣе... Юрій Борисычъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ... чай, глазыньки проглядѣлъ...

— Я готова...

Ѳедосей, подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отворилъ ее до

половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что-то про себя и ужъ готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукой за шею, вытянулся и въ судорогахъ упалъ на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать... не могла... Передъ нею Ѳедосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и скребъ ее ногтями, а надъ нимъ съ топоромъ въ рукѣ на самомъ порогѣ стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій: онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Геркулесъ, побѣдившій змѣя; улыбка, ядовито-сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе — да, сожалѣніе палача, который не по собственной волѣ, но по повелѣнію высшей власти наноситъ смертный ударъ.

— Ты видишь,—сказалъ, наконецъ, Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ, — я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на искаженныя черты нѣкогда молодого, свѣтлаго лица... Это онъ!.. тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать, для кого и ты бы ихъ покинула, если бъ имѣла... Это онъ! бѣдный, глупый юноша! который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, который съ такимъ самодовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мундиръ, который, окруженный лестію, сыпалъ деньги своимъ льстецамъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія—да!—что же онъ теперь! окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды, — и Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ: — какъ отвратителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга, я не хочу смягчать душу этимъ зрѣлищемъ; посмотри, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза... Творецъ небесный!.. кто же все это сдѣлалъ, кто превратилъ прекрасное созданіе Бога въ глыбу грязи? кто напиталъ эти кудри багрянымъ напиткомъ? кто разбрызгалъ по стѣнѣ этотъ бѣлый, чистый мозгъ?.. кто?.. я, я, я! Ха-ха-ха! презрѣнный нищій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ! да! да! неужели это такъ удивительно?.. Я говорилъ тебѣ, Ольга, не люби его! Ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія; ты мнѣ не повѣрила: онъ обѣщалъ тебѣ счастіе — мечту, а я обѣщалъ месть и вѣрную месть. Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнутъ Богомъ, что Онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи... Я твой братъ, Ольга, братъ! господинъ, повелитель, царь твой — насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства — мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей... — Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала на воздухѣ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и, принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ: — Свершилось — первое мое желаніе—онъ палъ, вотъ онъ—убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, губитель моего перваго блаженства — ненавижу тебя и въ могилѣ и берегись, если мы когда-нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга, ты ступай, куда хочешь, между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ — живи, умри — мнѣ все равно — прощай, сестра!— прощай и ты, бѣдный юноша!

И Вадимъ, пожавъ плечами, приподнялъ голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо, вздрогнулъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе, вдругъ закричалъ и отскочилъ какъ бѣшеный; голова, выпущенная изъ рукъ, ударилась о землю какъ камень; это было мгновеніе, но въ семъ мгновеніи заключалась цѣлая и ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ держаться на ногахъ: блѣдный, страшный, онъ присѣлъ на скамью — и какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ; да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами.

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру ни на мертваго: Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что, закрывъ лицо

руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ, казалось, понялъ, что теперь боролся ужъ не съ людьми, но съ Провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купитъ побѣду; но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ-устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить: и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противостоять твердой волѣ человѣка? Воля заключаетъ въ себѣ всю душу: хотѣть — значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, если бъ волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ — какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытьѣ Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры; свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платьемъ убитаго и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой: такъ высоко взвѣвались рыжіе волосы на челѣ его, увлаженномъ густой полузапекшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Ѳедосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнулъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно, и розовый блескъ змѣей обрисовывалъ нижнія части большого сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крылами, держащаго въ когтяхъ своихъ змѣю, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отдѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ, и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто, а въ груди Вадима какая буря!

Глава XXI.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ, и гибкіе верхи деревьевъ едва колебались, перешептываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка попѣвали странствующія птицы, изрѣдка вѣщая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто-сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка, мужчина и женщина; ихъ руки были исцарапаны колючими вѣтвями, и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ, молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую отъ росы, обтирала концомъ большого платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидалъ разсѣянные взгляды то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса. По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умѣ его; по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза—и если въ это время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, какъ будто бы пораженные яркимъ лучомъ солнца.

— Ты задумчивъ! — сказала она. — Но отчего, — опасность прошла; я съ тобою... ничто не противится нашей любви, небо ясно, Богъ милостивъ!.. зачѣмъ грустить, Юрій! — Это правда, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но зато какъ они свободны — пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы — нашими наставниками; посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ тѣсныхъ гнѣздахъ...

— Да,—отвѣчалъ Юрій,—счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои шутки иногда для меня мучительны!..

— Развѣ лучше, если я буду плакать!..

— Ольга! ты мой ангелъ-утѣшитель! О, если бъ ты знала, какія грозныя предчувствія тѣснятся въ душѣ моей! и какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ нагло разливались въ народѣ! Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? а теперь русскіе дворяне гибнутъ и скрываются въ лѣсахъ отъ простого казака, подлаго самозванца и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ, которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ. О, змѣи! змѣи! Если бъ я зналъ, я бы раздавилъ васъ... и вдругъ, въ одну ночь все погибло... мать, отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... здѣсь ждетъ голодъ, холодъ, жизнь нищаго, а тамъ—висѣлица, пытки, позоръ... Боже! что мы сдѣлали? О, казни меня Самъ, но зачѣмъ поручать орудіе казни этой грязной, подлой толпѣ рабовъ?

— Юрій! успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ, и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царицѣ ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца ни матери...

При сихъ словахъ, произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею: дѣвственныя груди облились румянцемъ и заволновались, стараясь вырваться изъ-подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прилѣпился къ нимъ, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

— Ты права! — говорилъ онъ. — Чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ!.. чего болѣе для меня... я видалъ смерть близко на ратномъ полѣ, но не боялся... и теперь не испугаюсь: я—мужчина, я твердъ душой и тѣломъ, и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою. Но если надобно умереть, я умру, не вздрогнувъ, не простонавъ... клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣни передъ низкими палачами...

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали, и пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ изломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листьяхъ, коими усѣяна была земля.

— Пойдемъ по этому слѣду, Ольга, — сказалъ онъ, подумавъ немного, — онъ приведетъ насъ куда-нибудь... быть-можетъ, къ мѣсту спасенія...

— Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голоду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значитъ, что Онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ...

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и забросанные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ разысканій, они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревами возвышались намъ уже знакомые три кургана.

— Что это значитъ? — воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіеся выходы пещеръ...

— Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари Провидѣніе... мы спасены.

— Но что такое? Я не понимаю тебя!

— Я слышала много разсказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ этими курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самые смѣлые охотники прокрадывались... но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Юрій, осматривая мѣсто,—если всѣ эти разсказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь... или другой негостепріимный пустынникъ...

Подойдя къ одному изъ отверстій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма; онъ всунулъ туда голову — точно! но что это значитъ? ужъ не занята ли ихъ квартира?—Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула:

Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не медли ни минуты...

— Итти... но куда же? Ты забыла, что у насъ, кромѣ синяго неба и темнаго лѣса, нѣтъ ни кровли ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы? что намъ за дѣло... если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять... если изгнанники, подобно намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... къ тому же въ теперешнія времена злодѣи и убійцы не боятся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица въ народѣ..

— Но я боюсь, Юрій, — твои убѣжденія ничтожны,—я боюсь...

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и, устремивъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты—ребенокъ! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... Ради любви моей, не ходи въ пещеру, пойдемъ далѣе... Это западня... Какъ тамъ темно, какъ страшно...

— Послушай... если мы пойдемъ далѣе, то, не зная окрестностей, забредемъ Богъ знаетъ куда и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбѣжно погибъ — развѣ ты хочешь моей смерти?

— Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?

— Итакъ, пусти меня... или лучше пойдемъ вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ, что суждено!

Съ сими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣняхъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоносное оружіе и, ощупью подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было итти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь; порою дымъ валилъ ему навстрѣчу, и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи, онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ; сердце его забилось ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвесть какъ можно менѣе шуму и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій вошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четвероугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобъ хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казалось, не обращалъ на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и, приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Кто здѣсь?... вставай!.. что ты за человѣкъ?.. другъ или недругъ?.. отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и, схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся, не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы, и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался, вѣроятно, несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

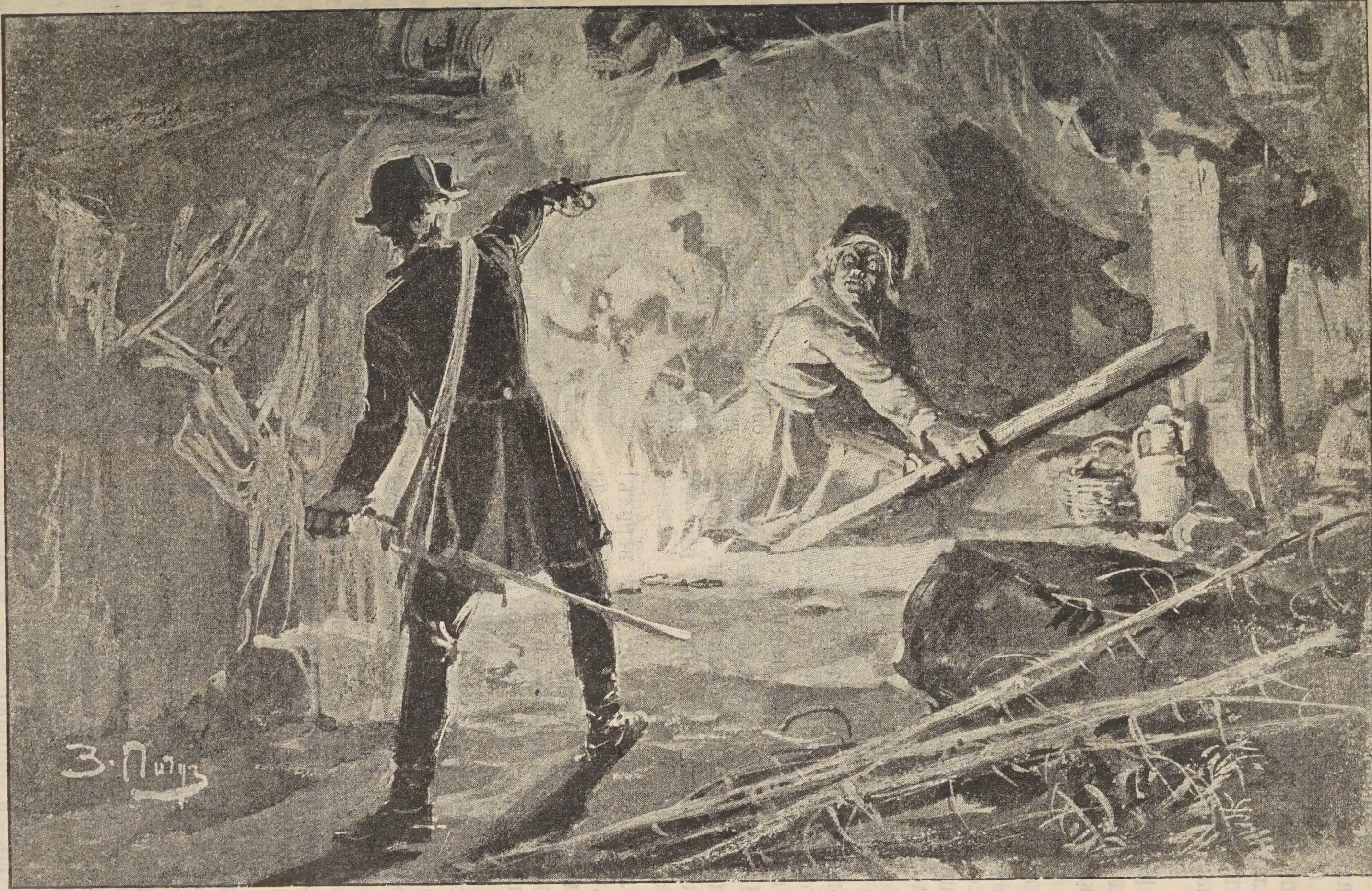
Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь; красные уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли во всѣ стороны.

— Остановись, — сказалъ Юрій, — или я тебя пронижу насквозь.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: «Кто ты?»

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ: «Сынъ мой! сынъ мой!»

Они упали другъ другу въ объятія; они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и мотаетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волчонка, а Борисъ Петровичъ былъ человѣкъ, какъ вамъ это извѣстно, то-есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, по крайней мѣрѣ, такъ утверждаютъ натуралисты и философы... и эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы, грѣшные, наши утреннія и вечернія молитвы—сравненіе чрезвычайно справедливое.



„— Кто здѣсь?.. вставай! что ты за человѣкъ?.. другъ или недругъ?.. отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!“

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо, имъ совершенно чуждое — существо забытое, но прекрасное, нѣжное, — женщина съ огненной душой, съ душой чистой и свѣтлой какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ съ помощью бѣдной и гостепріимной солдатки онъ былъ отведенъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ: «Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. Войска разобьютъ бунтовщиковъ впухъ и впрахъ — это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобъ посмотрѣть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на висѣлицѣ?.. Адъ и проклятіе! Кто бы ожидалъ!..»

— Помилуйте, батюшка, невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашемъ глупомъ народѣ!

— Слухи, слухи! а кто имъ вѣрилъ! напасть Божія на насъ, грѣшныхъ, да и только!.. Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ, и не смѣй носа высунуть... сиди, не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня поутру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!.. чай, солнце уже закатилось, Юрій, а Юрій?

Юрій не слыхалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висящія на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась, какъ восковая кукла; неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею сдѣлалось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки: милліонъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ, и нерѣдко лицо и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма — наоборотъ!

— Здравствуй, Оленька, — сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ, — ты впору зачванилась, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ имущества...

— Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе? — отвѣчала она отрывисто.

— А развѣ нѣтъ... Охъ... много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ поцѣловались... ты перемѣнилась, поблѣднѣла... а все еще красавица, хоть куда.

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ, но Юрій, покраснѣвъ, схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца и, отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Если хотите быть моимъ отцомъ, имѣть во мнѣ покорнаго сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыханіе оставитъ вѣчныя пятна... Вы меня поняли... простите меня... моя кровь кипитъ при одной мысли... я не мѣряю слова на аршинъ приличій... вы согласились на мое предложеніе... въ противномъ случаѣ все-все забыто... уваженіе имѣетъ границы, а любовь — никакихъ.

Глава XXII.

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился искать сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду — вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Неудача за неудачей! Досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ мимо крестьянскихъ гуменъ; поровнявшись съ ними и случайно поднявъ глаза, онъ видитъ буланую лошадь въ шлеѣ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у подошвы забора, и вдругъ взоръ его упалъ на что-то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ репейниковъ... Точно! это кушакъ!.. точно!.. онъ узналъ, узналъ! это цвѣтной шелковый кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! она бѣжала: это ясно — но съ кѣмъ? съ кѣмъ?.. развѣ нужно спрашивать?.. О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія вся кровь Вадима превращается

въ желчь. «Нечего дѣлать!— думалъ горбачъ, скрежеща зубами. Тебѣ удалось меня поддѣть, ты изъ рукъ моихъ вырвалъ добычу, ты посмѣялся надъ уродливымъ нищимъ, дерзкій безумецъ, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!» Онъ вскочилъ на лошадь и ударами принудилъ измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе... Въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпился народъ въ праздничныхъ кафтанахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30 казаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тянули ковшами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмельного напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ по четыре и болѣе, держа другъ друга за руку, ходили взадъ и впередъ по улицѣ, ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни, а молодые парни, слѣдуя за ними, перешоптывались и порою громко отпускали лихія шутки насчетъ дородности и румянца красавицъ; вино и брага примѣтно распоряжались ихъ словами и мыслями; они примѣтно позволяли себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и женщины были примѣтно снисходительнѣй. Но оставимъ буйную молодежь и послушаемъ, объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдобородыми старшинами? отгадать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали... увы! — къ несчастію, казаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія; они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже подни малъ свою толстую плеть надъ головою старосты, и его товарищи уже произносили слово пытки; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ и вскорѣ возвратились, таща приказчика на арканѣ. Урядникъ, по прозванію Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усатый, съ черной бородкой и румяными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на блѣднаго приказчика, который, произнося несвязныя слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

— Что это за птица, Грицко?— сказалъ урядникъ маленькому казаку. — Что это за кликуша?.. отчего реветъ, какъ волъ? ужъ не онъ ли здѣшній господинъ?

— А бисъ его знаетъ!—отвѣчалъ Грицко. — Говоритъ, што приказчикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плетки толку не добьешься... я его нашелъ подъ лавкой въ кухнѣ и насилу выкурилъ оттуда головешкой.

Улыбка показалась на устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ казака прочесть свой приговоръ.

— Такъ ты приказчикъ? — спросилъ Орленко, обратясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить, и заикнулся.

— Что жъ ты молчишь, собачій сынъ? Я тебѣ этимъ кинжаломъ расцѣплю зубы...

— Виноватъ! я приказчикъ...

— А! такъ ты виноватъ!— сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться. — Въ чемъ же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь! — онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

— Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! ваше жъ благородіе! помилуй...

— Ты у меня запираться!..

— Виноватъ! — опять заревѣлъ приказчикъ.—Сжальтесь... я отъ страху не знаю, что говорю... я приказчикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господа, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался на ихъ висѣлицу! я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...

— Будто бы! точно ли?

— Да убей меня Богъ, если я бы хоть одинъ волосокъ за нихъ отдалъ, злодѣевъ!

— Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?

— Борода?.. да такъ... а что, родимый?

— Эй, ребята! Я замѣчаю, что это плутъ большой руки...

— Ваше превосходительство, — сказалъ приказчикъ, привставъ, съ большою увѣренностью, — извольте спросить у всѣхъ міранъ: любилъ ли я господъ своихъ...

— Эй, вы, правду ли онъ говоритъ?

Мужики переминались, почесывали за тылокъ, кашляли.

— Видишь, молчатъ!—сказалъ насмѣшливо Орленко. — Да я подозрѣваю... ужъ не самъ ли ты Палицынъ! борода-то мнѣ подозрительна... эй, мужички: какъ вы думаете? Ха-ха-ха!

Увы! народъ молчалъ.

Приказчикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ, но, не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губу и, не зная, что дѣлать, закричалъ: «Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не приказчикъ Матвѣй Соколовъ; развѣ въ первый разъ меня видите... что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы, канальи, развѣ забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется»...

Лукавые мужики покашливали; наконецъ одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ: «Пороть-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... да теперь-то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... а теперь не хочешь ли на себѣ примѣрить?»

— Что же? ты его признаешь за барина своего? — спросилъ Орленко.

— Баринъ-то онъ не совсѣмъ баринъ,— сказалъ мужикъ, — да яблоко отъ яблони недалеко падаетъ; куда попъ — туда и попова собака!

— Что жъ я буду съ нимъ дѣлать?

— А что хочешь, кормилецъ! намъ все равно... какъ присудишь, — заговорило нѣсколько голосовъ.

Приказчикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ: «Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряный... что я тебѣ сдѣлалъ... неужто нашъ батюшка велитъ губить вѣрныхъ слугъ своихъ»...

— А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты! вашею братьею только улицы мостить... Эй, мужички, возьмите его себѣ... я вамъ его дарю на животъ и на смерть... дѣлайте изъ него, что хотите!

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова «смерть», «висѣлица» отдѣлялись по временамъ отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались, всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести; сколько обидъ припомнилъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею.

Вдругъ толпа раздалась, расхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея, и человѣкъ уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь въ поту, въ изорванной одеждѣ, явился передъ казаками... Когда урядникъ его увидалъ, то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знакомому, но Вадимъ, — ибо это былъ онъ,—не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ: «Отойдите подальше, мнѣ надо поговорить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами»... Мужики посмотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чьемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу и побѣжденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучку.

Тогда Вадимъ обернулся къ уряднику.

— Здравствуй, Орленко, — сказалъ онъ отрывисто,—звѣря я послѣдилъ, а поймать ваше дѣло.

— Ужъ ты молодецъ, Красная Шапка, знаемъ мы тебя...—съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ ли еще однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

— Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю, только съ условіемъ... и чортъ даромъ не трудится...

— Только укажи слѣдъ,—сказалъ, улыбаясь, Орленко, — а ужъ за наградой дѣло не станетъ; сколько бы денегъ на немъ ни нашли — вотъ тебѣ крестъ — десятую долю тебѣ.

— Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ...

— Чего жъ ты хочешь... крови?..

— Да, крови! — съ дикимъ хохотомъ отвѣчалъ горбачъ.

— Что жъ, и за этимъ дѣло не станетъ...

— О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертью... а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду стоять и смотрѣть? Нѣтъ, отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобъ я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова, чтобъ я насытился его мученіями... одинъ... слышите ли... одинъ, чтобы ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства... О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка... слышите ли!

Нѣкоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, въ которомъ такъ недавно стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей! Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его тѣлодвиженіями.

— Ахъ, ты уродъ!—сказалъ урядникъ.— Ну, кто бы ожидалъ отъ тебя такую прыть... Ха-ха-ха!

Вадимъ поблѣднѣлъ, бросилъ на казака тотъ взглядъ, который былъ его главнымъ оружіемъ, топнувъ ногою, заскрежеталъ, отвернулся, чтобъ не могли прочитать его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Коня!—закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна.—Дайте мнѣ коня... я васъ проведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ вся честь и слава... мнѣ же...—Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ казаковъ и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ; мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась, и слѣдъ простылъ.

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный приказчикъ на удаляющуюся толпу казаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколіемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его или засѣчь, или уморить съ голоду въ холодномъ амбарѣ; послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому амбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сіи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобъ описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на завалинкахъ и запѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада съ топотомъ, пылью, блеяньемъ, возвращаясь съ паствы, разсыпались по улицѣ и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отсталыми овцами, и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

Глава XXIII.

Вадимъ ѣхалъ передъ казаками по дорогѣ, ведущей въ ту небольшую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ. Онъ безмолвствовалъ, онъ мечталъ о сестрѣ, о родной кровлѣ... онъ прощался съ этими мечтами — навѣки! Казалось, его задумчивость, какъ облако, тяготѣла надъ веселыми казаками; они также молчали; иногда вырывалось шутливое замѣчаніе; за нимъ появлялись три-четыре улыбки — и только! Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ: «Стой, братцы! Кто это намъ ѣдетъ навстрѣчу, слышите топотъ... видите пыль, тамъ за изволокомъ... ужъ не наши ли это изъ села Краснаго... то-то, я думаю, была пожива,— не то, что мы, чай, пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э! да посмотрите... вѣдь точно, видно, они! Ахъ, разбойники... черти ихъ душу возьми... Экъ сколько телѣгъ за собой везутъ, цѣлый обозъ!»

И точно толпа, подвигающаяся къ нимъ навстрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала; впереди ѣхало человѣкъ 50 казаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ сѣдымъ наѣздникомъ на сѣрой борзой лошади; за ними шло человѣкъ десять мужиковъ съ связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однѣхъ рубашкахъ; потомъ слѣдовало нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ поклажею, виномъ, вещами, деньгами и, наконецъ, двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, разсмотрѣть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ казаковъ окружало эти кибитки. Когда Орленко съ своими казаками приблизился къ нимъ саженъ на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, пріударилъ коня нагайкой и подскакалъ къ каравану.

— Здравствуй, молодецъ! — сказалъ ему сѣдой наѣздникъ съ привѣтливой улыбкой. — Откуда и куда путь держишь?

— А мы изъ села Краснаго, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлбородкѣ... онъ имъ совьетъ пеньковое ожерелье... не будутъ въ другой разъ бунтовать.

— Я отгадалъ, старый, что ты вѣрно въ Красномъ пировалъ... да, кажется, и теперь не съ пустыми руками.

— Да нельзя пожаловаться на судьбу... бочки три вина веземъ къ Бѣлбородкѣ.

— Къ Бѣлбородкѣ! Все ему? А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодцы, кабы вмѣсто того, чѣмъ везти туда, мы его распили за здоровье родной земли!

Что бы вамъ моихъ казачковъ не попотчевать? У нихъ горло засохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся...

Старый обратился къ своимъ и молвилъ:

— Эй, ребята, какъ вы думаете? Вѣдь намъ до вечера не добраться къ мѣсту... аль сдѣлать привалъ... своихъ обдѣлять не надо... мы попируемъ, отдохнемъ... тамъ что будетъ, то будетъ: утро вечера мудренѣе...

— Стой! — раздалось по всему каравану.

Стой! скрипучія колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телѣги, съ завистью слушали разсказы послѣднихъ про богатыя добычи и про упрямыхъ господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою собственность; между тѣмъ нѣкоторые отправились къ рощѣ, возлѣ которой пробѣгалъ небольшой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для правила; вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телѣги и кибитки и, наконецъ, остальные казаки, ведя въ поводу лошадей своихъ...

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отысканія невѣрной добычи, особенно имѣя передъ глазами двѣ миловидныя бочки вина, то, подъѣхавъ къ Орленкѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ: «Итакъ, сегодня нѣтъ надежды!»

— Да, братъ, наврядъ; да, признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужъ я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ, скорѣе сочту волосы въ хвостѣ моего коня.

Вадимъ круто повернуль въ сторону, отъѣхалъ прочь, слѣзъ, привязалъ коня къ толстой березѣ и, сложа руки на груди, смотрѣлъ на приготовленія казаковъ, на ихъ беззаботную веселость; вдругъ его взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута, и онъ увидѣлъ... О, если бъ вы знали, что онъ увидалъ? Вопервыхъ, изъ нея показалась сѣдая, лысая, желтая исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лѣтъ 60 или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда родится съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами была запятнана кровью, да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ пошлымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право собственности... но рокъ измѣнилъ... онъ уже перешагнулъ двѣ ступени къ гибели: сопротивленіе, плѣнъ; теперь осталась третья — висѣлица!

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматривался въ эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, исчерченныя когтями времени и старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе удары судьбы не оставили никакого слѣда на челѣ старика; его большіе сѣрые глаза, осѣненные тяжелыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину, развернутую передъ ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть, ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойнаго всепроникающаго взгляда; но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки, и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольно выбѣжали на сѣдыя рѣсницы и чуть-чуть не упали на поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голова: женская розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, изсушенный полднемъ, измятый грозою и стопами прохожаго, и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала одна печаль близкой разлуки, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ страсти, святая печаль, попечительное сожалѣніе отца, опасеніе балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнаго боярина; первая сидѣла и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на колѣняхъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпа веселыхъ каза-

ковъ осыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... они, однако, не смѣли подойти къ старику: его строгій, пронзительный взоръ поражалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ казаки разложили у берега рѣчки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатили первую бочку—началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, разсказы—все сливалось въ одну нестройную, неполную музыку, но скоро шумъ началъ возрастать, возрастать, какъ грозное кресчендо оркестра; хоръ сдѣлался согласнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія, буйныя, вольныя! какія разноцвѣтныя группы! Яркое пламя костровъ согласно съ догорающимъ западомъ озаряло картину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

— За здравіе пана Бѣлобородки! — говорилъ одинъ, выпивая разомъ полный ковшикъ. — Онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!

— Чортъ его побери! — отвѣчалъ другой, покачиваясь. — Славный малый! пьетъ какъ бочка, дерется какъ звѣрь... и умнѣе монаха.

— Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ нынѣшній день на тѣлѣ зарубкою, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!..

— Ахъ ты, хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за амбаромъ. Ха-ха-ха!..

— А ты, рыжій, гдѣ спрятался, признайся, когда старикъ-то заперся въ свѣтелкѣ да началъ отстрѣливаться?

— Я? а гдѣ, бишь... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же, если не я, подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна...

— Да это было прежде... ну, а если ты былъ тутъ, то скажи, что сдѣлалъ старый бояринъ, когда нашъ Грицко удалой повалилъ его сына?

— Что? ничего...

— Такъ врешь! онъ положилъ его поперекъ окна и, прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятскаго... вотъ повалилъ-то, какъ снопъ! Ужъ я цѣлилъ, цѣлилъ въ его меньшую дочь... вѣдь разбойница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ да заряжаетъ ружья... по крайней мѣрѣ, двѣ другія лежали безъ памяти у себя на постеляхъ...

— А много вашихъ легло?

— Да человѣкъ десятокъ есть... зато ужъ мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покрошили, кромѣ господъ... да этимъ суждено умирать не молодецкой смертью...

— Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть...

— Да власти нѣтъ... старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлобородкѣ!

— Эхъ, кабы я былъ старшина...

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заклокотали сильнѣе, и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

— Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить! развѣ боитесь своихъ старшинъ? — сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха. «Кто мѣшаетъ! — заревѣли пьяные казаки. — Кто смѣетъ намъ мѣшать! Мы дѣлаемъ, что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми! Убить, да! убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте, ребята!» И толпа съ воемъ ринулась къ кибиткамъ; несчастный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все понялъ!..

— Чего вы хотите? — сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— А, старый воронъ! старый филинъ!.. мы тебя выучимъ воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда... Да выходи же! — сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула вслѣдъ за нимъ, уцѣпилась обѣими руками за его платье. «Не бойся, — шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой,—не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же»... онъ отвернулся... О! какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки? сколько прелестей, сколько отчаянія!

— Разнимите ихъ! — закричалъ одинъ кривой исполинъ, приготавливая петлю,— что они лижутся!

Ихъ хотѣли растащить, но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокую руку. «Перестань, — сказалъ отецъ твердымъ голосомъ, — ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ басурману»... — «Не можетъ быть, не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь»... — «Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ! молись...»

Она отрывисто качнула головой и заплакала... Боже! какія слезы!

Несмотря на это, ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ казаковъ, прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое, непорочное тѣло.

— Теперь пойдемте, — сказалъ старикъ. Его глаза заблистали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... ему надѣли на шею петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ и... раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но—увы!—еще не окончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился кверху; мученикъ сорвался, ударился оземь, и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери. «Убійцы,—прохрипѣлъ онъ, — вотъ вамъ мое проклятье, проклятье!» — «Заткни ему горло», сказалъ Орленко. Это было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика, и онъ умолкъ.

Когда казаки, захотѣвъ увѣриться въ его кончинѣ, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костяными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно!.. они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить истлѣвшая, разорвалось... ни одно рыданье, ни одно слово тира и любви не усладило отлета души твоей рѣзвой, чистой какъ радужный мотылекъ, невинной какъ первый вздохъ младенца; грозныя лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака дымныя, багряныя, лиловыя гурьбой собираются на западѣ, свиваются въ столпы огненные, сплетаются въ фантастическіе хороводы, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ, и разлетѣлись облака, и упадаютъ росою на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты, да ангелъ твой хранитель споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощенья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика такъ же равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физическій опытъ, онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуетъ душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ — и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка — и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенесть никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидать слезы, раскаяніе Палицына — увидать его у ногъ своихъ грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха — надежда усладительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала, и многіе ужъ спали беззаботно. Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи льющейся рѣчки и туманную даль, черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

— Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ сердитъ, задумчивъ, горбачъ?—сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

— Ты видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виситъ надъ мѣсяцемъ? — отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ презрительной усмѣшкой.

— Вижу.

— Ну, а какъ ты думаешь, что таится въ глубинѣ его?

— Что? по-моему, громъ и молнія... вишь, какъ насупилось...

— И ты спрашиваешь, зачѣмъ я угрюмъ и молчаливъ?

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

Глава XXIV.

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу казаковъ и перенесемся въ знакомую намъ деревеньку, въ избу бѣдной

солдатки. Дѣло подходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенныя кровли дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокій, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина, и по временамъ раздавался рѣзкій грубый голосъ солдатки, коему отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый — и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка била своего сына.

Я бы съ великимъ удовольствіемъ пропустилъ эту непріятную, пошлую сцену, если бъ она не служила необходимымъ объясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателяхъ должную степень любопытства, то не считаю за необходимость долѣе извиняться.

— Ахъ, ты лѣнтяй! чтобъ тебѣ сдохнуть, собачій сынъ! — говорила мать, таская за волосы свое дѣтище.

— Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная... не буду! — ревѣлъ длинный балбесъ, утирая глаза кулаками. — Я вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мачка, я шелъ... шелъ... да меня лѣшій и обошелъ... а я усталъ да и легъ спать въ кусты, мачка... Вотъ, когда я проснулся... мнѣ больно ѣсть захотѣлось... я все и съѣлъ...

— Ахъ ты, разбойникъ... экова болвана выростила... запорю тебя до смерти... — И удары снова градомъ посыпались ему на голову. — Чай, онъ, мой голубчикъ, — продолжала солдатка, — тамъ либо съ голоду померъ, либо вышелъ да попался въ руки душегубамъ... а ты, нечесанная голова, и не подумалъ объ этомъ... Да знаешь ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ живого зажарятъ... вотъ родила я какого негодяя на свою голову... ужъ кабы знала, не видать бы твоему отцу отъ меня ни к...а! — И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который, прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! бѣдные изгнанники по милости негодяя болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вкрадываться въ ихъ души! И въ самомъ дѣлѣ, какъ выйти, гдѣ искать помощи, когда по всѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы!

Между тѣмъ, пока солдатка била своего парня, кто-то перелѣзъ черезъ частоколъ, ощупью пробрался черезъ дворъ, заставленный дровнями и колодами, и вошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во всѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и, узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь и вошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его блѣдное, исхудавшее лицо: не говоря ни слова, въ изнеможеніи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незванаго гостя, но вскорѣ, вѣроятно, узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участія.

— Что съ тобою, кормилецъ? Ахъ, Матерь Божія! да какъ ты зашелъ сюда... слава Богу! Я думала, что тебя злодѣи-то давнымъ-давно извели!...

— Случайно я нашелъ батюшку въ Чортовомъ Логовищѣ,—отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ, — ты его спасла! Благодарю... я пришелъ за хлѣбомъ...

— Ахъ, я проклятая! ахъ, я безумная! а вы тамъ, чай, родимые, голодали, голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прощу... А ты, болванъ неотесанный,—закричала она, обратясь къ сыну, — все это по твоей милости, собачій сынъ... — И снова удары посыпались на бѣдняка.

— Дай мнѣ чего-нибудь,—сказалъ Юрій.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное; она вынула изъ печи хлѣба, поставила передъ нимъ горшокъ снятого молока, и онъ съ жадностью кинулся на предлагаемую пищу; въ эту минуту онъ забылъ все: долгъ, любовь, отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатнаго молока и хлѣба. Если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30 шагахъ, то несчастный еще подумалъ бы: оставить ли этотъ неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодъ и погибнуть; у него не было уже ни ума ни сердца — онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоцѣнный часъ; востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальніе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрій, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собирался выйти изъ гостепріимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и зна-

чительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку; она подбѣжала къ окну, всплеснула руками, и простодушное загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

— Дѣлать нечего,— сказалъ Юрій, призвавъ на помощь всю свою твердость, — не правда ли, я погибъ? Говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности...

Но хозяйка не отвѣчала; она приподняла половицу возлѣ печки и указала на отверстіе пальцемъ; Юрій понялъ ея выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, уставленный домашней утварью.

— Что бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни творили со мной, баринъ, не выходи отсюда прежде двухъ дёнъ, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станетъ... — и тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печки, какъ ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ и вошли казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

— Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками?— спросилъ Вадимъ у солдатки.—Гдѣ они?

— На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!

— Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.

— И помилуйте, отцы родные, да что мнѣ его прятать... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...

— Въ томъ-то и сила, что не твой! — подхватилъ Орленко, и ударивъ ее плетью, продолжалъ. — Ну, живо, поворачивайся, укажи, гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...

— Дѣлайте со мною, что угодно,—сказала хозяйка, повѣсивъ голову,—а я знать не знаю, вотъ вамъ Христосъ и святая Богородица! Ищите, батюшка, а коли не найдете, не пеняйте на меня, грѣшную.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приставивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя:

— Онъ здѣсь, непремѣнно здѣсь...

— Отчего же ты въ томъ увѣренъ? — сказалъ Орленко.

— Отчего! Боже мой! отчего? Я вамъ говорю, что онъ здѣсь,—я это чувствую... я отдаю вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!..

— Хорошъ подарокъ!—замѣтилъ кто-то сзади.

— Но какія доказательства и какъ его найти?—спросилъ Орленко.

Грицко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ «пытка» она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ, быть-можетъ, новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами.

— Пытать, такъ пытать, — подхватили казаки и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку; перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій полати, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились и съ улыбкою взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

— Что, разбойница, — сказалъ Орленко, — теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?

— Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ нагайки.

— Хоть зарѣжьте, не знаю, — отвѣчала несчастная женщина.

— Тащи выше! — было приказаніе Орленки, и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ; глаза ея налились кровью; стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились, и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ногами ея разложили кучку горячихъ угольевъ; отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги и она громко застонала, моля о пощадѣ.

— Ага! таки, наконецъ, разжала зубы; проклятая... небось какъ начнемъ жарить,

такъ не только языкъ, сами пятки заговорятъ... Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?

— Да, гдѣ онъ? — повторилъ горбачъ.

— Охъ, охъ, батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... опустите на землю...

— Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ, охъ, Господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее, — сказалъ Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вздохнула свободно, то казакъ повторилъ прежніе свои вопросы.

— Онъ убѣжалъ,—сказала она,—въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по оврагу... больше, вотъ вамъ Христосъ, я ничего не знаю.

Въ эту минуту два казака ввели въ избу рыжаго, замасленнаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

— Кто ты таковъ?—спросилъ Орленко.

— Петруха,—отвѣчалъ парень.

— Да, дурачина, кто ты таковъ?

— А почемъ я знаю... говорятъ, что мачкинъ сынъ...

— Хорошъ! — сказалъ, захохотавъ, Орленко. — Да гдѣ вы его нашли?

— Зарылся въ соломѣ по уши около амбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы... Вотъ мы его оттуда за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодку съ отмели...

— Послушай, Орленко, — прервалъ Вадимъ, — мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы — его матери.

Казакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ.

— И то правда. Выведите-ка его на дворъ,—сказалъ Орленко,—а эту чертовку мы запремъ здѣсь.

Услышавъ это, хозяйка вспыхнула; глаза ея засверкали.

— Послушай, Петруха, — закричала она звонкимъ голосомъ, — если скажешь хоть единое слово, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью.

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса; онѣмѣніе, произведенное въ немъ присутствіемъ столькихъ незнакомыхъ лицъ, еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ея бояться; сопроводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздались на дворѣ удары плети, ругательства казаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вскорѣ мысль, что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всѣмъ ея существомъ; она и молилася, и плакала, и бѣгала по избѣ, въ нерѣшимости, что ей дѣлать, даже было мгновеніе, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ сперва утихли крики... потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ казаки выходили одинъ за однимъ за ворота, и на улицѣ, собравшись въ кружокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой, остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать, содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ...

1831 — 1832 г.

КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ.

Романъ.

I.

Поди! поди!—раздался крикъ.
Пушкинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 ч. пополудни, по Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народа, и, между прочимъ, шелъ одинъ молодой чиновникъ. Замѣтьте день и часъ, потому что въ этотъ день и въ этотъ часъ случилось событіе, отъ котораго тянется цѣпь различныхъ приключеній, постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. Итакъ, Вознесенской шелъ одинъ молодой

чиновникъ, и шелъ онъ изъ департамента, утомленный однообразною работой и мечтая о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузъ неопредѣленной формы и синяя ваточная шинель со старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ и сумерки; казалось, онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливавшаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ блистаньемъ магазиновъ и кондитерскихъ. Порою, поднявъ глаза кверху съ истинно-поэтическимъ умиленіемъ, сталкивался онъ съ какою-нибудь розовою шляпкой и, смутившись, извинялся. Коварная розовая шляпка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извиненія; напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!.. Но еще чаще онъ останавливался, чтобы поглазѣть сквозь цѣльныя окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолѣпною позолотою; долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы, и, опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извозчики, и онъ ненавидѣлъ извозчиковъ. «Баринъ! куда изволите?» «Прикажите подавать?» «Подавать-съ?» Это была пытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извозчиковъ.

Спустясь съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: «Берегись, поди!» Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ и развѣвался воротникъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была противъ его груди, и паръ, вылетавшій клубами изъ ноздрей бѣгуна, обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за оглоблю и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалось кругомъ: «Задавилъ, задавилъ». Извозчики погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ, но колѣни у него тряслись еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь прійти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ, и съ этой минуты перенесъ онъ всю ненависть, къ какой только его душа была способна, съ извозчиковъ на гнѣдыхъ рысаковъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль по каналу, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семіоновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъѣзда, съ навѣсомъ и стеклянными дверьми съ мѣдною блестящею отдѣлкой.

— Ну, сударь, — сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистою рыжею бородой, — Васька нынче показалъ себя.

Надобно замѣтить, что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки желанію господъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не Ахиллъ и не Гекторъ, а Васька.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбнулся ему признательно и взошелъ на блестящую лѣстницу; о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину... Теперь, когда онъ снялъ шинель, закиданную снѣгомъ, и вошелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастію, вовсе не привлекательную: онъ былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ и вообще нескладенъ; казался сильнаго сложенія, не способнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или изъ гордости. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты; когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ запинаться и вдругъ оканчивалъ ѣдкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе, и въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что бы могло

обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо его, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его послѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности; толпа же говорила, что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ заключеніе портрета скажу, что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніяхъ. Послѣднее я прибавляю, чтобы немного скрасить его наружность во мнѣніи строгихъ читателей. Виноватъ, забылъ включить, что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и, по словамъ маменьки (папеньки ужъ не было на свѣтѣ), не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощью Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, войдя въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла; лакей вошелъ и доложилъ ему, что, дескать, барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволили ужъ откушать. «Я обѣдать не буду,— былъ отвѣтъ,— я завтракалъ». Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей курткѣ, быстроглазый, бѣленькій и съ виду большой плутъ, и подалъ, не говоря ни слова, визитную карточку. Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ, кто принесъ.

— Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ,— отвѣчалъ Ѳедька,— и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ (такъ называлась мать Печорина).

— Что жъ ты принесъ ее ко мнѣ?

— Да я думалъ, что это все равно-съ! можетъ-быть, вамъ угодно прочесть.

— То-есть, тебѣ хочется узнать, что тутъ написано?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

— Я тебя слишкомъ избаловалъ,— сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ.— Набей мнѣ трубку.

Но эта визитная карточка, видно, имѣла свойство возбуждать любопытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянуть руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣчей: она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣть подать огня и разстроить очаровательный эффектъ каминнаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло, онъ всталъ, взялъ карточку и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано готическими буквами: «Князь Степанъ Степанычъ Лиговскій, съ княгиней». Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улыбаясь, то хмуря брови; наконецъ онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня,— увы! одна ея половина превратилась впрахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать *Степан. Степ...* Печоринъ положилъ эти бренные остатки на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ лицо руками. Хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физіономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разсказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ, на что подумать, такъ далеки были его мысли — если не отъ міра, то, по крайней мѣрѣ, отъ этой комнаты.

— Кто это?— спросилъ онъ.

— Я!— отвѣчалъ принужденный контральто, и раздался звонкій женскій хохотъ.

— Варенька! какая ты шалунья.

— А ты спалъ! ужасно весело!..

— Я бы желалъ спать — оно покойнѣе!

— Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ такъ скучно! Вы всё ищете спокойствія... Какіе любезные молодые люди!

— А позвольте спросить,— возразилъ Жоржъ, зѣвая,— изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?

— Оттого, что мы дамы.

— Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно...

— Я почему знаю. Ну, что мы станемъ говорить между собою?

— Моды, новости, развѣ мало! Повѣряйте другъ другу ваши тайны.

— Какія тайны, — у меня нѣтъ тайнъ. Всѣ молодые люди такъ несносны.

— Большая часть изъ нихъ не привыкла къ женскому обществу.

— Пускай привыкаютъ — они и этого не хотятъ попробовать!

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливой улыбкой.

— Варвара Александровна, я замѣчаю, что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія.

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ ея преспокойно опять опустился въ свои кресла. Между тѣмъ подали свѣчи и, пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату, въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ и гостиная, и соединялась коридоромъ съ другою частью дома. Свѣтло-голубые французскіе обои покрывали ея стѣны: лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ человѣка порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ, или когда солнце ударяло въ стекла, опускались пунцовыя шторы, — противоположность рѣзкая съ цвѣтомъ горницы, но показывающая какую-то любовь къ странному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ, покрытый кипою картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей; по одну его сторону стоялъ густой трельяжъ, увитый непроницаемою сѣткой зеленаго плюща; по другую — кресла, на которыхъ теперь сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ, разрисованный пестрыми арабесками; другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ, находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшаны были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шашки и кинжалы — подарки сослуживцевъ, погулявшихъ когда-то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя карикатурки Паганини, Иванова и Росини. Остальныя стѣны были голыя кругомъ и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны, обитые шерстянымъ штофомъ пунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры, она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ, не знавшимъ своего генія, и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо, казалось, вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины. Волосы гладко упадали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался и, казалось, имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ, казалось, слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ, когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову, онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, назвалъ ее портретомъ Лары. Товарищи, которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее порядочною картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ кабинетъ, Варенька постепенно придвигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ; въ ея голубыхъ глазахъ незамѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала, чѣмъ возобновить разговоръ. Ей попалась подъ руку полусгорѣвшая визитная карточка.

— Что это такое? Степанъ Степ... А! это вѣрно у насъ былъ нынче князь Лиговскій!.. какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ. Она была такая добрая... Я вчера слышала, что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!

— Кажется, я, — отвѣчалъ Жоржъ, раскуривая трубку.

— Прекрасно! Я бы желала, чтобъ Вѣрочка это узнала, ей было бы очень пріятно! Такъ-то, сударь, ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу, скажу непремѣнно. Впрочемъ, нѣтъ, теперь ей, должно-быть, все равно, она вѣдь замужемъ.

— Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ, — отвѣчалъ ей братъ и зѣвнулъ, не зная, что прибавить.

— Для моихъ лѣтъ! Что я за ребенокъ! Маменька говоритъ, что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ такъ же благоразумна, какъ мужчина въ двадцать пять.

— Ты очень хорошо дѣлаешь, что слушаешься маменьки.

Эта фраза, повидимому, похожая на похвалу, показалась насмѣшкой; такимъ образомъ согласіе опять разстроилось, и они замолчали. Мальчикъ вошелъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

— Какая тоска!—воскликнулъ Жоржъ.— Надо ѣхать!

— Тамъ будетъ mademoiselle Negouroff... — возразила ироническимъ тономъ Варенька. — Она еще вчера о тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза, прелесть...

— Какъ уголь, въ горнилѣ раскаленный!

— Однако сознайся, что глаза чудесные.

— Когда хвалятъ глаза, то это значитъ, что остальное никуда не годится.

— Смѣйся, а самъ неравнодушенъ.

— Положимъ.

— Я и это разскажу Вѣрочкѣ.

— Давно ли ты увѣряла, что я для нея— все равно.

— Повѣрьте, я лучше этого говорю порусски — я не монастырка.

— О! совсѣмъ нѣтъ, очень далеко...

Она покраснѣла и ушла.

Но я васъ долженъ предупредить, что это былъ на нихъ черный день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самою нѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на mademoiselle Negouroff (такъ будемъ мы и называть впослѣдствіи) заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что-то писать. Покуда онъ писалъ, самодовольная улыбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ человѣку, который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу въ конвертъ и надписалъ: «Милостивой государынѣ Елизаветѣ Львовнѣ Негуровой въ собственныя руки», потомъ кликнулъ Ѳедьку и велѣлъ ему отнесть на городскую почту, да чтобъ никто изъ людей не видалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великою довѣренностію господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и черезъ полчаса уѣхалъ въ театръ. Однако въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

II.

Давали *Фенеллу* (4-е представленіе). Въ узкой лазейкѣ, ведущей къ кассѣ, толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю, продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ лѣвой стороны, и съ краю— важное преимущество для тѣхъ, которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всѣ еще съѣхались. Между прочимъ прямо надъ нимъ, въ бельэтажѣ, была пустая ложа, возлѣ пустой ложи сидѣли Негуровы, отецъ, мать и дочь. Дочка была бы недурна, если бъ блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмевали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушали гармоніи между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

«Видно, еще письмо не дошло по адресу», подумалъ онъ, и сталъ наводить лорнетъ на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество бальныхъ знакомыхъ, съ которыми иногда кланялся, иногда нѣтъ, смотря по тому, замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ; ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ, не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ, въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа, показываясь наружу, придаютъ чертамъ жизнь, игру и заставляютъ забыть ихъ недостатки. Но такихъ обществъ у насъ, въ Россіи, мало, въ Петербургѣ еще меньше,

вопреки тому, что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ, что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ, гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

Но вы, друзья мои, зато какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ съ своею невыгодною наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ или слишкомъ золъ, потому что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами, которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, а съ этими-то именно онъ никогда не знакомился. У него прежде было занятіе — сатира. Стоя внѣ круга мазурки, онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжною. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ, что когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ бальныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже трудъ понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно, и даже ему показалось, что его начали принимать съ большимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать, что *по кореннымъ законамъ общества въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается*.

Загремѣла увертюра; все было полно, одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень, наконецъ, увидать людей, которые пропустили увертюру Фенеллы.

Занавѣсъ взвился, и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ; Печоринъ поднялъ голову, но могъ видѣть только пунцовый беретъ и круглую бѣлую божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно упавшую на малиновый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніями неизвѣстной, чтобъ разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ, что могъ бы видѣть лобъ и глаза, но какъ назло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ея лица. У него заболѣла шея, онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Фениксъ — ресторація весьма примѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъѣздамъ Александринскаго театра. Бывало, когда неуклюжіе рыдваны, влекомые парою хромыхъ клячъ, тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра, и юныя нимфы, окутанныя грубыми казенными платками, прыгали на скрипучія подножки, толпа усастыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпилась на крыльцѣ твоемъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни: и тамъ, гдѣ мелькали прежде черные и бѣлые султаны, тамъ нынче чинно прогуливаются трехугольныя шляпы безъ султановъ; великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой.

Печоринъ взошелъ къ Фениксу съ однимъ преображенскимъ и другимъ конноартиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ ними подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ, гдѣ сидѣлъ Печоринъ, сидѣлъ также какой-то молодой человѣкъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и курившій собственныя пахитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе темные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить на него вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ, разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. По мѣднымъ пуговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было отгадать, что онъ чиновникъ, какъ всѣ молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сидѣлъ задумавшись и, казалось, не слушалъ разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и разсказывали анекдоты, запивая дымъ трубки сквернымъ чаемъ. Между прочимъ, стали говорить о лошадяхъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ; Печоринъ à propos разсказалъ, какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого-то франта и умчался отъ погони... Костюмъ франта въ измятомъ картузѣ былъ описанъ, его пе-

счастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человѣкъ во фракѣ всталъ и, протянувъ руку, чтобъ взять шляпу со стола, сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было явно умышленное, всѣ глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзче и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо неизвѣстному господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлался кружокъ, и всѣ предугадывали *исторію*. Вдругъ Печоринъ опять сѣлъ и громко кликнулъ служителя: что стоитъ посуда? Ему сказали цѣну втрое дороже.

— Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ, что разбилъ ее,—продолжалъ Жоржъ холодно,—вотъ деньги.

Онъ бросилъ деньги на столъ и прибавилъ:

— Скажи ему, что теперь онъ можетъ отсюда уйти свободно.

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику, что онъ все получилъ и просилъ на водку, но тотъ, ничего не отвѣчая, скрылся. Толпа хохотала ему вослѣдъ, офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника, не запутавшись, между тѣмъ, въ *исторію*. О! исторія у насъ вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать или не могли, но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все—расположеніе общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасться въ исторію — ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась. Частная извѣстность уже есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, происходитъ, однако, у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, напримѣръ, банкротство—безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества (о Франціи я не говорю: въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній, чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ). А у насъ? Объявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо: его оправдываютъ фразою: и! кто этого не дѣлаетъ!.. Трусъ обласканъ вездѣ потому, что онъ смирный малый. А замѣшанный въ исторію! о! ему нѣтъ пощады. Маменьки говорятъ объ немъ: Богъ его знаетъ, какой онъ человѣкъ, и папеньки прибавляютъ: мерзавецъ...

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ вышелъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановилъ за руку, примолвивъ: «Я имѣю съ вами поговорить!» По трепету руки онъ отгадалъ, что это его давешній противникъ. Нечего дѣлать, не миновать исторіи.

— Извольте говорить, — отвѣчалъ онъ небрежно.

— Только не здѣсь, на морозѣ, пойдемте въ коридоръ театра,—возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, коридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекою лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ periламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я васъ слушаю!..

— Милостивый государь, — голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись, и губы поблѣднѣли, — милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секретъ, — отвѣчалъ Жоржъ,—и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же, что теперь отвѣчу: когда жъ вамъ угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю, что угадалъ ваше намѣреніе, по крайней мѣрѣ, разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать и начали очень остроумно,—прибавилъ онъ, насмѣшливо поклонившись.

— Милостивый государь,—отвѣчалъ онъ, задыхаясь, — вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами, и этимъ хвастаетесь. Вамъ весело? А по какому праву? Потому что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотыя эполеты? Развѣ я не такой же дворянинъ, какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! хожу пѣшкомъ. Конечно, послѣ этого я не человѣкъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали, что я буду слушать смиренно дерзости потому, что у меня нѣтъ денегъ, которыя бы я могъ бросить на столъ... Нѣтъ, никогда, никогда, никогда я вамъ этого не прощу.

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Ваши разсужденія немножко длинны, назначьте часъ и разойдемтесь, вы такъ кричите, что разбудите всѣхъ лакеевъ.

И точно, нѣкоторые изъ нихъ, спавшіе на барскихъ солопахъ въ коридорѣ перваго яруса, начали подымать головы.

— Какое дѣло мнѣ до нихъ, пускай весь міръ меня слушаетъ.

— Я не этого мнѣнія... Если угодно, завтра въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундантомъ.

Печоринъ сказалъ свой адресъ.

Драться! я васъ понимаю, на смерть драться... И вы думаете, что я буду достаточно вознагражденъ, когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ... Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я желалъ, чтобы вы жили вѣчно и чтобъ я могъ вѣчно мстить вамъ. Драться — нѣтъ, тутъ успѣхъ слишкомъ невѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды и ложитесь спать,— возразилъ Печоринъ, пожавъ плечами, и хотѣлъ итти.

— Нѣтъ, постойте,—сказалъ чиновникъ, придя нѣсколько въ себя, — и выслушайте меня!.. вы думаете, что я трусъ? какъ будто храбрость не можетъ существовать безъ вывѣски шпоръ или эполетовъ? Повѣрьте, что я меньше дорожу жизнью и будущностью, чѣмъ вы. Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ, я бѣденъ, такъ бѣденъ, что хожу въ стулья. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія, я живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать старушка... Я все для нея: я ея провидѣніе и подпора; она для меня и друзья и семейство. Съ тѣхъ поръ, какъ живу, я еще никого не любилъ, кромѣ нея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду...

Онъ остановился, глаза его налились слезами и кровью.

— И вы думали, что я съ вами буду драться?..

— Чего жъ, наконецъ, вы отъ меня хотите?—сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

— Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.

— Вы, кажется, забыли, что не я началъ ссору.

— А развѣ задавить человѣка ничего, шутка, потѣха!

— Я вамъ обѣщаюсь высѣчь моего кучера...

— О! вы меня выведете изъ терпѣнія.

— Что жъ? Мы тогда будемъ стрѣляться!..

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось, онъ рыдалъ и, наконецъ, онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, не могу, не погублю ее... — и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему вослѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ *Фенеллы* ужъ подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ, сидѣвшіе съ другого края, не замѣтили его отсутствія.

III.

Почтенные читатели, вы всѣ видѣли сто разъ *Фенеллу*, вы всѣ съ громомъ вызывали Новицкую и Голланда, и поэтому я перескочу чрезъ остальные три акта и подниму свой занавѣсъ въ ту самую минуту, какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только, что Печоринъ мало занимался пьесой, былъ разсѣянъ и забылъ даже объ интересной ложѣ, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпою зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы, закутавшись и прижавшись къ стѣнамъ и заслоняемыя медвѣжьими шубами мужей и папенекъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи, дрожали отъ холоду и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе франты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали, одни саблями и шпорами, другіе—калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы; смѣялись, говорили громко и наводили золотые лорнетки на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ; и однѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенныя—красотѣ обыкновенныхъ, обыкновенныя—увы!—гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры: у первыхъ — почтительные и важные, у вторыхъ — услужливые и порой неловкіе. Въ серединѣ же стѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, не знакомыхъ ни съ тѣми ни съ другими, кружокъ зрителей. Купцы и простой народъ проходили другими дверями. Это была миніатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ, закутанный въ шинель и надвинувъ на глаза шляпу, старался продраться

къ дверямъ. Онъ поравнялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Отчего вы такъ серьезны, monsieur George? Вы недовольны спектаклемъ.

— Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда.

— Не правда ли, что Новицкая очень мила?

— Ваша правда.

— Вы отъ нея въ восторгѣ?

— Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.

— Вы этимъ никого не ободряете, — сказала она съ досадой и стараясь иронически улыбнуться.

— Я не знаю никого, кто бы нуждался въ моемъ ободренiи, — отвѣчалъ Печоринъ небрежно.—И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?

— Право...

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось, что тамъ, за колонною, мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ, и долговязый лакей повторилъ за нимъ: карета князя Лиговскаго.

Съ отчаянными усилiями расталкивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Передъ нимъ, человѣка за четыре, мелькнулъ розовый салопъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салопъ въ блестящiй купе, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули. «На Морскую, пошелъ!» Интересную карету замѣнила другая, можетъ-быть, не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Мучительная мысль смутила его мозгъ. Эта ложа, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней. Ея розовая ручка покоилась на малиновомъ бархатѣ. Ея глаза, можетъ-быть, часто покоились на немъ а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнетическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О! бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ. Раздосадованный онъ пошелъ по тротуару, отыскалъ свои сани, разбудилъ толчкомъ кучера, который лежалъ, свернувшись, покрытый медвѣжьею полостью, и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за нею.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацiю насчетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

— Вотъ, напримѣръ, Печоринъ, — говорилъ онъ, — нѣтъ того, чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ (Катенька его жена, пятидесяти пяти лѣтъ). Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ. Какъ бывало въ наше время: влюбится молодой человѣкъ, старается угодить родителямъ, всей роднѣ, а не то чтобъ все по угламъ съ дочкой перешоптываться да глазки дѣлать... Что это нынче— срамъ смотрѣть, и дѣвушки не тѣ стали... Бывало, слово лишнее услышатъ, покраснѣютъ, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣта. А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься. Замужъ захотѣлось.

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ, и она не могла произнесть ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась.

— Ужъ ты всегда на нее нападешь понапрасну. Что жъ дѣлать, когда молодые люди не женятся. Надо самой не упускать случая. Печоринъ—женихъ богатый, хорошей фамилiи; чѣмъ не мужъ? Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... слава Богу, что мнѣ ея наряды-то стоятъ, а ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь. Да кабы замужъ не выходили, такъ что бы было...

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякiй разъ, когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... дочь молчала, а что происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты, одинъ Богъ знаетъ.

Прiѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка — въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому и къ новому вѣку. Прежнiя понятiя, полузабытыя, полустертыя новыми впечатлѣнiями жизни петербургской, влiянiемъ общества, въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады или во время спора. Они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнитъ ихъ грозное дѣйствiе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ, служившихъ въ канцелярiи ея мужа, женщина хитрая и лукавая, во мнѣнiи другихъ старухъ, добрая, довѣрчивая и слѣпая маменька для бальной молодежи... Истиннаго ея характера я еще

не разгадалъ; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то обѣщаюсь итти пѣшкомъ въ Невскій монастырь слушать пѣвчихъ.

А Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она пошла въ свою спальню и кликнула горничную Марѳушу, толстую рябую дѣвицу... Дурной знакъ... я бы не желалъ, чтобы у моей жены или невѣсты была толстая и рябая горничная!.. Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой, вымазанною чухонскимъ масломъ или приглаженною квасомъ, отъ котораго волосы слипаются и рыжѣютъ, съ руками шероховатыми, какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами, съ ногами, хлопающими въ башмакахъ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и (что всего хуже) четвероугольною таліей, облѣпленною пестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже, чѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома, подобна крокодилу на днѣ свѣтлаго американскаго колодца; такая горничная, какъ сальное пятно, проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку, у которой такая горничная; если вы раздѣляете мои мнѣнія, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя чулки и башмаки и расшнуровать корсетъ, а сама, сѣвъ на постель, сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черные ея волосы упали на плечи; но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавою ножкой, жилистою шеей и сухими плечами, на которыхъ обозначались красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій, вѣроятно, на подобныя вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу и раскрыла какой-то французскій романъ. Марѳуша вышла, тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и предалась размышленіямъ.

Конечно, ни одна отцвѣтшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ, волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она припоминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія, которыя нѣкогда выслушивала съ притворною холодностью, притворною улыбкой или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли для нея другихъ слѣдствій, кромѣ лишнихъ десяти строкъ въ альбомъ или мстительной эпиграммы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно классомъ женщинъ безъ сердца. Чтобъ легче угадать, о чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, разсказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе, что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете, что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанять ея родители были не въ силахъ, англичанки дороги. Нѣмку взять было также неловко, Богъ знаетъ, какая попадется: здѣсь такъ много всякихъ... Лизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-французски она выучилась отъ маменьки, а больше отъ гостей, потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостиной, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ. Въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ея свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стоялъ рояль, но никто не слыхалъ, чтобъ она играла... Танцовать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать, какъ только перестала учить склады, и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто — и сталъ жить открытѣе... Пятнадцати лѣтъ ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ ре-

зиновыя помочи. Лизавета Николаевна была недурна и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что француженки блѣдны, а англичанки худощавы. Надобно замѣтить, что прелесть блѣдности и худобы существуютъ только въ дамскомъ воображеніи и что здѣшніе мужчины только изъ угожденія потакаютъ ихъ мнѣнію, чтобъ чѣмъ-нибудь отклонить упреки въ невѣжливости и такъ называемой казарменности.

При первомъ вступленіи Лизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ у нея нашлись поклонники... Это все были люди, всегда аплодирующіе новому водевилю, скачущіе слушать новую пѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣнили другіе: эти волочились за нею, чтобъ возбудить ревность въ остывающей любовницѣ или чтобъ кольнуть самолюбіе женской красоты. Послѣ этихъ явился третій родъ обожателей: люди, которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобы пріятнѣе провести вечеръ, ибо Лизавета Николаевна пріобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волокитъ влюбились не на шутку и требовали ея руки, но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... И къ тому же они все были прескучные. Имъ отказали... Одинъ съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытною и бойкою дѣвой; смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора, и вокругъ нея стали увиваться розовые юноши, пробующіе свои силы въ словесной перестрѣлкѣ и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы! на этихъ было еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадою и вмѣстѣ тайнымъ удовольствіемъ убивала ихъ надежды, останавливала ѣдкою насмѣшкой разливы краснорѣчія — и вскорѣ они увѣрились, что она непобѣдимая и чудная женщина. Вздыхающій рой разлетался въ разныя стороны... и, наконецъ, для Лизаветы Николаевны наступилъ періодъ, самый мучительный и опасный сердцу — отцвѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтреный или безпечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять шутя въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ, для смѣху, скомпрометировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрить всѣхъ, что она отъ него безъ памяти, и стараться показать, что онъ ее жалѣетъ, что онъ не знаетъ, какъ отъ нея отдѣлаться; говоритъ ей нѣжности шопотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя, что это ея послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно. Она болѣе и болѣе запутывается. И, наконецъ,— увы!—за этимъ періодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... однѣ мечты.

Лизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ, но послѣдній ударъ нанесъ ей не безпечный шалунъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ это случилось.

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобъ поддержать себя, пріобрѣсти то, что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностью, то-есть прослыть человѣкомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставъ на который, онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометировать дѣвушку молодую и невинную онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то ни другое. Какъ быть? Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они кланялись. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально и замѣтилъ, что никто ея не пригласилъ на мазурку: знакъ былъ поданъ музыкантамъ начинать, кавалеры шумѣли стульями, устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную, чтобъ скрыть свою досаду. Печоринъ дожидался ея у дверей. Когда она возвращалась въ залу, начиналась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

— Гдѣ вы скрывались,—сказалъ онъ,— я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже

стулья, такъ я сильно надѣялся, что вы мнѣ не откажете.

— Какъ вы самоувѣренны, — и неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

— Однакожъ вы меня не накажете слишкомъ строго за эту самоувѣренность?

Она не отвѣчала и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во время всего танца. Блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики, Печоринъ не щадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ сѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что, наконецъ, онъ чуть-чуть ей не сказалъ, что обожаетъ ее до безумія (разумѣется, двусмысленнымъ образомъ). Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль сряду послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется, онъ неутомимо искалъ этихъ встрѣчъ, а она, по крайней мѣрѣ, ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро всѣ стали замѣчать ихъ постоянное влеченіе другъ къ другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но зато дѣйствовалъ весьма открыто. Лизавета Николаевна была также этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше, и потомъ, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, не имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ безо всякихъ видовъ пригласили, однакоже, его посѣщать свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе ужъ стали надъ нимъ подсмѣиваться, какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять отъ безразсуднаго поступка, который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ, что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона***. Печоринъ, по обыкновенію, танцовалъ первую кадриль съ Лизаветой Николаевной.

— Какъ хороша сегодня меньшая Р., — замѣтила Лизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ молча и, наконецъ, отвѣчалъ:

— Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пунцовые цвѣты въ ея густыхъ русыхъ локонахъ. Я непремѣнно даю себѣ слово танцовать съ нею сегодня, именно потому, что она вамъ нравится. Не правда ли, я очень догадливъ, когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе.

— О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны, — отвѣчала она, вспыхнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадриль кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцовалъ съ Р. или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала, но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила, что Печоринъ—кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она подошла къ Лизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ ироническою улыбкою:

— Какъ вамъ кажется вашъ постоянный нынѣшній кавалеръ?

— Il est très aimable, — отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Лизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего послѣдняго кавалера, ибо остальные молодые люди, видя, что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія непріятности, которыя замѣчаются всѣми и за которыя, между тѣмъ, невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался о ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она, напротивъ, вслѣдствіе плохого расчета, желая кольнуть его самолюбіе, повѣряла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно. Онъ только наслаждался излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало-по-малу сама увѣрилась, что его точно любитъ. Родители ея, болѣе проницательные въ качествѣ безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря: «Вотъ, матушка, цѣлый годъ пропустила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами доходу; правда, что онъ старъ и въ параличѣ, да что нынѣшніе молодые люди! Хорошъ твой Печоринъ, мы заранѣе знали, что онъ на тебѣ не женится, да и мать не

позволитъ ему жениться! Что жъ вышло? Онъ же надъ тобой и насмѣхается.

Разумѣется, подобныя слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія ни обманутаго сердца. Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для нея не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступиться, а если къ этой цѣли примыкаютъ послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Лизавету Николаевну, пріѣхавшую изъ театра, лежащую на постели съ книжкою въ рукахъ и съ мыслями, бродящими въ минувшемъ и будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и со штемпелемъ городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конвертъ, но любопытство превозмогло, конвертъ сорванъ дрожащими руками, свѣча придвинута, и глаза ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись, что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. Вмѣсто подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимыя въ лунѣ, которымъ многіе простолюдины придаютъ какое-то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до слова:

«Милостивая Государыня! Вы меня не знаете, я васъ знаю. Мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни такъ же мнѣ знакома, какъ моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слыхали. Я принимаю въ васъ участіе именно потому, что вы никогда на меня не обращали вниманія и притомъ я нынче очень доволенъ собой и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ извѣстно, что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова возжечь въ немъ чувства, которыя ему никогда не снились. Онъ съ вами пошутилъ. Онъ недостоинъ васъ, онъ любитъ другую. Всѣ ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совсѣмъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вамъ такіе неосторожные и смѣлые совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, то я клянусь вамъ, что вы никогда не узнаете моего имени.

«Вслѣдствіе чего остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга».

(Каракуля).

Отъ такого письма съ другою сдѣлалась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Лизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы. Она только поблѣднѣла, торопливо сожгла письмо и сдула на полъ легкій его пепелъ. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось, она плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что если бъ вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ покойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея уѣхалъ къ должности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу, ей встрѣтился лакей.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Доложить-съ.

— О комъ?

— Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ.

— Гдѣ онъ?

— У крыльца остановился.

Лизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла и потомъ отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему, что дома никого нѣтъ, и когда онъ еще пріѣдетъ, — прибавила она, какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу, — то не принимать...

Лакей поклонился и ушелъ, а она опрометью бросилась въ свою комнату.

IV.

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился: онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ея. Онъ отправился на Морскую. Сани его быстро скользили по сыпучему снѣгу; утро было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многіе жители Петербурга, проведшіе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ — къ размышленію. Въ подобномъ рас-

положеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ вѣнчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиною, которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое-то болѣзненное замираніе, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которыя подобно тяжелымъ облакамъ осаждали умъ его, предвѣщали одни близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сани его остановились передъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но, прежде чѣмъ онъ отворилъ ее, минувшее, какъ сонъ, проскользнуло въ его воображеніи, и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго біенія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночного набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, извѣстно только Богу; повидимому, онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ дверь отворилась, и онъ медленно взошелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ: «Дома ли княгиня Вѣра Дмитріевна?»

— Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ.

— А княгиня? — повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

— Княгиня также-съ.

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полураскрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько-нибудь по убранству комнатъ угадать хотя слабый оттѣнокъ семейной жизни хозяевъ. Но — увы! — въ столицѣ всѣ залы схожи между собою, какъ всѣ улыбки и всѣ привѣтствія. Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разоблачить домашнія тайны. Но кабинетъ такъ же непроницаемъ для постороннихъ посѣтителей, какъ сердце. Однакоже краткій разговоръ со швейцаромъ позволилъ догадаться Печорину, что главное лицо въ домѣ былъ князь. «Странно, — подумалъ онъ, — она вышла замужъ за стараго, непріятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно, для того, чтобъ дѣлать свою волю. И что же, если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое, то какая же у нея была цѣль? Какая причина?.. Но нѣтъ, любить она его не можетъ, за это я ручаюсь головой».

Въ эту минуту швейцаръ вошелъ и торжественно произнесъ:

— Пожалуйте, князь въ гостиной.

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу, онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, когда перешелъ черезъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея на креслахъ въ мундирномъ фракѣ сидѣлъ какой-то толстый, лысый господинъ съ огромными глазами, налитыми кровью, и безконечно широкою улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами, обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся, когда вошелъ молодой офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Степановичъ. Молодая женщина поспѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ-то очень неяснымъ привѣтствіемъ; потомъ подошла къ князю и сказала ему:

— Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ моего мужа.

Князь бросилъ газеты на окно, раскланялся, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

— Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ... ваша матушка такая почтенная дама — я имѣлъ честь быть вчерась у нея съ женой.

— Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Печоринъ самъ не зналъ, что говорилъ. Опомнившись и думая, что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ. Княгинѣ показалось, вѣроятно, что этой фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ какъ будто бы невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось принужденно. Она подозрѣвала на-

мѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ: «О, да!» Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ опять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитріевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что придавало лицу ея какую-то оригинальную прелесть и, такимъ образомъ, рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ, уничтожало сравненія, которыя, можетъ-быть, были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттическій, и прозрачность кожи необыкновенная. Безпрерывная измѣнчивость ея физіономіи, повидимому несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но зато человѣкъ, привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемѣны, могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую пылкость души и постоянную раздражительность нервовъ, обѣщающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принесть счастіе въ жертву правиламъ, но не молвѣ. Увидавъ же въ минуту страсти и волненія, вы сказали бы совсѣмъ другое или, скорѣе, не знали бы вовсе что сказать.

Нѣсколько минутъ Печоринъ и она сидѣли другъ противъ друга въ молчаніи, затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому-то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ объяснить подробно свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою. Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитріевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно, что она не въ своей тарелкѣ, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали; губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли попеременно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ-быть, домашняя сцена, до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ-быть, радость и смущеніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему, можетъ-быть, непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и, можетъ-быть, готовъ былъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать, что подобно ей забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, то княгиня вдругъ отвернулась отъ барона... и тотъ остался съ отверстымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

— Княгиня,—сказалъ Жоржъ,—извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!... Повѣрьте, однако, что я съ этимъ намѣреніемъ спѣшилъ имѣть честь васъ увидѣть... но когда взошелъ сюда, то происшедшая въ васъ перемѣна такъ меня поразила, что, признаюсь... забылъ долгъ вѣжливости...

— Я постарѣла, не правда ли?—отвѣчала Вѣра, наклонивъ головку къ правому плечу.

— О, вы шутите! Развѣ въ счастіи старѣютъ... напротивъ, вы пополнѣли, вы...

— О! конечно, я очень счастлива,—прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ, вы такъ благоразумны, что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностью, умомъ и талантами вашего супруга... (баронъ дѣлалъ утвердительный знакъ головой). Княгиня чуть-чуть не улыбнулась, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

— Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, monsieur Печоринъ... вы также перемѣнились къ лучшему.

— Какъ быть! время всесильно... даже наши одежды, подобно намъ самимъ, подвержены чуднымъ измѣненіямъ—вы теперь носите блондовый чепчикъ, я вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука ношу мундиръ съ эполетами... Вѣроятно, отъ этого я имѣю счастіе вамъ

нравиться больше, чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!

Княгиня хотѣла отомстить за эпиграмму.

— Прекрасно! — воскликнула она. — Вы отгадали, и точно... намъ, бѣднымъ москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!

Она насмѣшливо улыбнулась, баронъ захохоталъ, и Печоринъ на него взбѣсился.

— У васъ такой усердный союзникъ, княгиня, — сказалъ онъ, — что я долженъ признаться побѣжденнымъ. И я увѣренъ, что баронъ при данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всею своею тяжестью.

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ пуще прежняго, думая, что это комплиментъ, относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитріевной. Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастію, князь подошелъ, преважно держа въ рукѣ газеты:

— Вотъ это до тебя касается,—сказалъ онъ женѣ: — новый магазинъ на дняхъ открытъ на Невскомъ. Я покажу вамъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ, — петербургскій гостинецъ, который я вчера купилъ женѣ: всѣ говорятъ, что серьги самыя модныя, а жена говоритъ, что нѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ сафьянную коробочку. Часто повторяемое княземъ слово «жена» какъ-то грубо и непріятно отзывалось въ ушахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка недалекаго, а теперь убѣдился, что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально ихъ разсматривать.

— А какъ вы думаете,—спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одною рукой вытаскивая накрахмаленный воротничокъ, — сколько я за нихъ заплатилъ? Отгадайте.

Серьги по большей мѣрѣ стоили 25 рублей, а были заплачены 75. Печоринъ нарочно сказалъ 150. Это озадачило князя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдясь сказать правду, и сѣлъ на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ размѣномъ городскихъ новостей, московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ женѣ откровенно, что если бъ не тяжебное дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и Англійскаго клуба, прибавляя, что здѣшній Англійскій клубъ ничто передъ московскимъ. Наконецъ Печоринъ всталъ, раскланялся и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскочила съ своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Вареньку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить, что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему тою ничего не выражающею улыбкою, которая разливается на устахъ танцовщицы, оканчивающей пируэтъ.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, обернулся, княгиня стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему вслѣдъ. Замѣтивъ его движеніе, она исчезла.

«Странно, — подумалъ Печоринъ, садясь въ сани, — было время, когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли такъ же безошибочно, какъ собственную рукопись, а теперь я не понимаю, совершенно не понимаю».

V.

До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и, наконецъ, увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если бы жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ? Итакъ, всѣ его путешествія ограничивались поѣздками, съ толпою такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали съ собою тетрадей и книгъ, — чтобъ не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было, впрочемъ, не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ

нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывши глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство, которое помѣшало ему исполнить это геройское намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослыя барышни, и переспѣлыя дѣвы, жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ. Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большія. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р—вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ Симоновъ монастырь ко всенощной молиться, слушать пѣвчихъ и гулять. Это было весною; усѣлись въ длинныя линейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ караваномъ. Солнце склонилось къ Воробьевымъ горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

По какому-то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкою. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрными признаками холодности и черезчуръ притворной сердечной невинности: кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался очертя голову вослѣдъ отцвѣтающей кокеткѣ, которыхъ слова и взгляды полны обѣщаній, и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ—блескъ очаровательный, внутри—смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда раствореный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разговорился со своею сосѣдкою. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ, стыдилась этого какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны какъ вообще сужденія молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія посторонняго развивать свои мысли.

Наконецъ пріѣхали въ монастырь. До всенощной ходили осматривать стѣны, кладбище, лазали на площадку западной башни, ту самую, откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія... и послѣдній Новикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было бы уйти, не окончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода, что могъ продолжиться до безконечности. Онъ и продолжался все время всенощной, исключая тѣхъ минутъ, когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но зато послѣ этихъ минутъ разгоряченное воображеніе и чувства, взволнованныя звуками, давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всенощной опять гуляли, и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ поѣхалъ къ Р—вымъ, чтобы поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той, съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продолжительнѣе. По короткости обоихъ домовъ они не могли обратить на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба, что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была богатая тетушка, которая въ той же степени была родня и Р—вымъ. Тетушка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ подмосковную недѣли на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе,—однимъ словомъ, всѣ удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; несмотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетушки, они какъ-то всегда находили средства быть вдвоемъ: средство, впрочемъ, очень легкое, если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзаменъ. Жоржъ туда не явился. Разумѣется, онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился и увѣрилъ мать, что экзаменъ отложенъ еще на три недѣли, и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы въ вѣрности. Наконецъ когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Наканунѣ рокового дня (это было вечеромъ) они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ руки и уста въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное поприще разврата, но честь невинной дѣвушки была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись попрежнему очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла и глаза ея блистали.

Обманъ Жоржа открылся, какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Петровны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все какъ стоикъ; но гроза невидимая сбиралась надъ нимъ. Въ комитетѣ дядюшекъ и тетушекъ было положено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другого спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ.

Въ это время открылась Польская кампанія. Вся молодежь спѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно потому, что юнкера 2-го класса не должны были итти въ походъ. Онъ почти на колѣняхъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н... гусарскій полкъ, стоящій недалеко отъ Москвы. Послѣ многаго плаканья и оханья получилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душою, что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ. Однакожъ она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря, чтобъ какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Чрезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р—вымъ, чтобъ окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостиной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ чрезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла невѣрнымъ голосомъ: «Я никогда не буду принадлежать другому». Бѣдная, она дрожала всѣмъ тѣломъ. Эти ощущенія были для нея такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поскакалъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Петровнѣ просить склянку съ какими-то каплями и спирту, потому что, дескать, барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли, что любовь моихъ героевъ не выходила изъ общихъ правилъ всѣхъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но зато впослѣдствіи... о! впослѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіе кампаніи отличался, какъ отличается всякій русскій офицеръ, дрался храбро, какъ всякій русскій солдатъ, любезничалъ съ многими паннами, но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло наоборотъ, что почти всегда и выходитъ въ такихъ случаяхъ. Впрочемъ, Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія сначала легкія постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что впослѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности, священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества.

Послѣ взятія Варшавы онъ былъ переведенъ въ гвардію! Мать его съ сестрою переѣхали жить въ Петербургъ, Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла, — ничего больше какъ поклонъ. Печорина это огорчило — онъ тогда еще не понималъ женщинъ. Тайная досада была одна изъ причинъ, по которымъ онъ сталъ волочиться за Лизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ, вѣроятно, дошли до Вѣрочки. Черезъ полтора года онъ узналъ, что она вышла замужъ, черезъ два года пріѣхала въ Пе-

тербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская и князь Степанъ Степановичъ.

Тутъ, кажется, мы остановились въ предыдущей главѣ.

VI.

Дня черезъ три послѣ того, какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Петровна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ подругою былъ разумѣется, въ ихъ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться, чтобы выйти въ гостиную, когда вошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ.

— А, Браницкій — воскликнулъ Печоринъ. — Я очень радъ, что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непремѣнно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полонъ домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отданъ имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одолженіе, останься обѣдать!

— Ты такъ убѣдительно просишь, — отвѣчалъ Браницкій, — какъ будто предчувствуешь отказъ.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отказаться, — сказалъ Печеринъ.

Онъ кликнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безсвязенъ и пустъ, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей, которымъ нечего дѣлать. И въ самомъ дѣлѣ, скажите, о чемъ могутъ говорить молодые люди? Запасъ новостей скоро истощается, въ политику благоразуміе мѣшаетъ пускаться, о службѣ и такъ слишкомъ много толкуютъ на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили въ половину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться, кажется, уже стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостиную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усѣвшись вкругъ небольшого столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ, Браницкій искусно оживилъ непринужденною болтовней ихъ небольшой кружокъ. Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ, что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблюденіемъ, а сестру—нескромными вопросами. Варенькѣ казалось пріятно, что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, — ее, которая даже еще не выѣзжаетъ.

Мало-по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговскій и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варенька бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгинѣ, поцѣловала ее съ видомъ покровительства. Вскорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшанная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противоположности съ украшеніями комнаты, легкими, какъ все, что въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ одни полунагія, другія живописно завернутыя въ греческія мантіи или одѣтыя въ испанскіе костюмы въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами. Брошенныя на этотъ холстъ рукою художника въ самыя блестящія минуты ихъ миѳологической или феодальной жизни, казалось, строго смотрѣли на дѣйствующихъ лицъ этой комнаты, озаренныхъ сотнею свѣчъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ, съѣхавшихся на пышный обѣдъ не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобъ удовлетворить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличія или для какихъ-либо другихъ сокровенныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, такъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола, уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, такъ же, какъ въ ихъ понятіяхъ, были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчалась глубочайшая древность съ самою послѣднею выдумкой парижской модистки; греческія прически, увитыя гирляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе тюрбаны, далѣе волосы, вздернутые кверху à la chinoise, букли à la Sevignê, пышныя платья наподобіе фижмъ, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мужчинъ прически à la jeune France, à la Russe, â la moyen âge, и à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньолки, бакенбарды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: «Какая смѣсь одеждъ и лицъ!» Понятія же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ

его по лѣвую руку былъ какой-то рыжій господинъ, увѣшанный крестами, который ѣздилъ къ нимъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токѣ съ перьями и съ гордымъ видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ, что Печоринъ, какъ хозяинъ, избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка, разряженная какъ кукла, съ сѣдыми бровями и черными пуклями; по другую — дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la Russe и говорившій по-русски хуже всякаго француза. Послѣ второго блюда разговоръ началъ оживляться.

— Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ, — говорилъ дипломатъ княгинѣ, — то, вѣроятно, не успѣли еще вкусить и постигнуть всѣ прелести здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ, какъ все великое, со временемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните, что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе и когда увидите, что оно въ нихъ уживается легко и пріятно. Всякій русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все, что есть лучшаго русской молодежи какъ бы нарочно собралось, чтобъ подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды...

Такъ высокопарно и мудрено говорилъ худощавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патріотомъ. Княгиня улыбнулась и отвѣчала разсѣянно:

— Можетъ-быть, со временемъ полюблю и Петербургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ, къ сожалѣнію, о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву. Съ воспоминаніемъ о ней связана память о такомъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе: это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ, что въѣхавъ разъ въ Петербургскую заставу, люди мѣняются совершенно.

Эти слова она сказала улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбеленился:

— Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ! — воскликнулъ онъ. — А все это старая сплетница Москва, которая изъ зависти клевещетъ на молодую свою соперницу.

При словѣ «старая сплетница» разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею.

— Чтобъ рѣшить нашъ споръ, — продолжалъ дипломатъ, — выберемте посредника, княгиня: вотъ хоть Григорія Александровича, онъ очень прилежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете объ этомъ monsieur Печоринъ? Скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?

— Вы выбрали судью довольно строгаго, — отвѣчала она.

— Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды, — возразилъ дипломатъ съ самодовольной улыбкою. — Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшить.

— Мнѣ очень жаль, — сказалъ Печоринъ, — что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изо всего вашего спора я слышалъ только то, что сказала княгиня.

Лицо дипломата вытянулось.

— Однакожъ — сказалъ онъ, — Москвѣ или Петербургу отдадите преимущество?

— Москва — моя родина, — отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

— Однакожъ которая?.. — Дипломатъ настаивалъ съ упорствомъ.

— Я думаю, — прервалъ его Печоринъ, — что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастіе и веселость. А мѣняются люди за Петербургскою заставой и за московскимъ шлагбаумомъ потому, что если бъ люди не мѣнялись, было бы очень скучно.

— Послѣ такого рѣшенія, княгиня, — сказалъ дипломатъ, — я уступаю свое дипломатическое званіе господину Печорину. Онъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта какъ Талейранъ или Меттернихъ.

— Григорій Александровичъ, — возразила княгиня, — не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разсудку.

— Это правда, — отвѣчалъ Печоринъ, — я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разсчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей! и кто не раскаивался! Теперь по чести я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушною любовью, для

трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты. Надобно пользоваться случаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?

Этотъ неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить потому, что ея невинныя губки жевали кусокъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ терпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ она открыла уста и важно молвила:

— Ко мнѣ ли вашъ вопросъ относится?

— Если вы позволите,—отвѣчалъ Печоринъ.

— Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я бы желалъ вамъ передать ее совсѣмъ.

— Ахъ, избавьте!

Въ эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо, она положила себѣ на тарелку и продолжала:

— Вотъ адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можетъ судить о любви и о графскомъ или о княжескомъ титулѣ.

— Я бы желалъ слышать ваше мнѣніе,—сказалъ Печоринъ,—и рѣшился побѣдить вашу скромность упрямствомъ.

— Вы не первые, и вамъ это не удастся,—сказала она съ презрительною улыбкой.—Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви.

— Помилуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины!

Добродѣтель обидѣлась.

— То-есть, я слишкомъ стара,—воскликнула она, покраснѣвъ.

— Напротивъ, я хотѣлъ сказать, что вы еще такъ молоды.

— Слава Богу! Я вижу, что увеличилъ единицею несмѣтное число несчастныхъ, которые вамъ напрасно стараются понравиться...

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

— Кто эта дама?—шопотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

— Баронесса Штраль,—отвѣчалъ Печоринъ.

— Аа!—сдѣлалъ рыжій господинъ.

— Вы, конечно, объ ней много слыхали?

— Нѣтъ-съ, ничего формально.

— Она уморила двухъ мужей,—продолжалъ Печоринъ,—теперь за третьимъ, который, вѣрно, ее переживетъ.

— Ого!—сказалъ рыжій господинъ и продолжалъ уписывать соусъ, унизанный трюфелями.

Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

— Если вы любите искусство,—сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ,—то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова *Послѣдній день Помпеи* ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италія, французы ее разбранили. Теперь любопытно знать, куда склонится русская публика—на сторону истиннаго вкуса или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ея бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнаты, и слово «картина» только заставило ихъ остановиться на изображеніи какой-то испанской сцены, висѣвшемъ противъ нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность оттого, что краски ея полиняли и лакъ растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и сѣдой мужчина, сидя на бархатныхъ креслахъ, обнималъ одною рукою молодую женщину въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ приближалъ свои румяныя губы къ нѣжной щекѣ этой женщины, и проливалъ вино ей на платье. Она, какъ бы нехотя повинуясь его грубымъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку креселъ и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая палецъ къ устамъ и устремивъ глаза на полуотворенную дверь, изъ-за которой во мракѣ сверкали два яркіе глаза и кинжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и, наконецъ, попросила дипломата объяснить ея содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, наводилъ его въ разныхъ направленіяхъ на темный холстъ и заключилъ тѣмъ, что это должна быть копія съ Рембрандта или Мурильо.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—хозяинъ ея долженъ лучше знать, что она изображаетъ.

— Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ,—сказала Вѣра Дмитріевна, и опять устремила глаза на картину.

— Сюжетъ ея очень простъ,—сказалъ Печоринъ, не дожидаясь, чтобы его просили.—Здѣсь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнѣе обманывать богатаго и глупаго старика. Въ эту минуту она, кажется, что-то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманитъ искусственнымъ поцѣлуемъ все, что ей хочется, она сама откроетъ дверь и будетъ сама хладнокровною свидѣтельницею убійства.

— Ахъ, это ужасно!—воскликнула княгиня.

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, давъ такой смыслъ этому изображенію,—продолжалъ Печоринъ,—мое истолкованіе совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете, что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?

— Княгиня,—отвѣчалъ Печоринъ сухо,—я прежде имѣлъ глупость думать, что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашъ вопросъ.

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ и сталъ что-то чертить вилкою на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ, слыша такіе ужасы, и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфеля разомъ.

Остальное время обѣда дипломатъ и Печоринъ молчали; княгиня завела разговоръ со старушкою, добродѣтель горячо о чемъ-то спорила со своею сосѣдкой съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За десертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ, поднявъ бокалъ, обратился къ княгинѣ:

— Такъ какъ я не имѣлъ счастія быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣтила. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ столь измѣнчивомъ, рука, державшая стаканъ съ водою, дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закралось въ грудь его: за что онъ ее мучилъ? съ какою цѣлью? какую пользу могло ему принесть это мелочное мщеніе?.. Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета. Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изъ-за стола и пошли въ пріемныя комнаты.... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мужчины, не игравшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степановичъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня подъ предлогомъ, что у нея развились локоны, удалилась въ комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери и бросилась въ широкія кресла. Необъяснимое чувство стѣснило ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло въ мысль, что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами, которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ скляночкахъ стояли на туалетѣ. По временамъ она еще всхлипывала, и грудь ея подымалась высоко, но это были послѣднія волны, забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

О чемъ же она плакала?—спрашиваете вы, и я васъ спрошу, о чемъ женщины не плачутъ: слезы ихъ оружіе нападательное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитріевна сама не могла дать отчета, какое изъ этихъ чувствъ было главною причиной ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили, но странно: она его за это не возненавидѣла. Можетъ-быть, если бы въ его упрекѣ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова нравиться, она бы сумѣла отвѣчать ему колкою насмѣшкой и равнодушіемъ, но, казалось, въ немъ было оскорблено одно самолюбіе, а не сердце, — самая слабая часть мужчины, подобная пяткѣ Ахилесса, — и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи оставалось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызвалъ на бой ея ненависть, чтобы увѣриться, такъ же ли она будетъ недолговременна, какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли. Ея чувства взволновались, ея мысли смутились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все остальное: онъ это зналъ и зналъ

также, что самая ненависть ближе къ любви, нежели равнодушіе.

Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную, какъ вдругъ дверь легонько скрипнула и вошла Варенька.

— Я тебя искала, chère amie! — воскликнула она. — Ты, кажется, нездорова...

Вѣра Дмитріевна томно улыбнулась ей и сказала:

— У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко...

— Я за столомъ часто на тебя взглядывала, — продолжала Варенька, — ты все время молчала. Мнѣ досадно было, что я не сѣла возлѣ тебя, тогда, можетъ-быть, тебѣ не было бы такъ скучно.

— Мнѣ вовсе не было скучно, — отвѣчала княгиня, горько улыбнувшись: — Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ.

— Послушай, мой ангелъ, я не хочу, чтобъ ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ — это такъ важно: точно вы будто вчерась только познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде, онъ такой добрый.

— О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила, онъ мнѣ нынѣ наговорилъ такихъ вещей, которыхъ бы другая ему никогда не простила.

Вѣра Дмитріевна почувствовала, что проговорилась, но успокоилась тѣмъ, что Варенька вѣтреная дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитріевна, къ несчастію ея, была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно осторожнѣе и скромнѣе другихъ, но въ минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны передъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вареньку и обѣ возвратились въ гостиную, а мы пойдемъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей и гдѣ князь Степанъ Степановичъ съ сигаркою въ зубахъ тщетно старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ ключа ни одной городской интриги, и, какъ пріѣзжій изъ другого города, не могъ разсказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщинѣ, онъ старался казаться молодымъ назло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіе всей своей молодости этотъ человѣкъ не пристрастился ни къ чему — ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ почестямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ женщинъ, которыя хотѣли ему нравиться, проигралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрываться, убилъ свое здоровье на службѣ, потому что начальникамъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени, онъ, однако, слылъ всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги; женился же онъ потому, что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина, куря сигарку и допивая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артиллерійскій офицеръ Браницкій, другой статскій. Этотъ послѣдній былъ одно изъ характеристическихъ лицъ потербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ, что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстіе, прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картонной маскѣ. Щеки его, впалыя и смугловатыя, мѣстами были испещрены мелкими ямочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъ-за галстука его выглядывала борода àla St. Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь, получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издавалъ брошюру, которую никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучею дѣлъ, и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобъ докончить портретъ, скажу, что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

— Что вы ко мнѣ никогда не заѣдете? — говорилъ ему Браницкій.

— Повѣрите ли, я такъ занятъ, — отвѣчалъ Горшенко, — вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру; потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тьма, не знаешь какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N, — всякій день гдѣ-ни будь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть, ужъ пожертвую этой зимой, а лѣтомъ опять запрусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ.

Браницкій улыбнулся и, насвистывая арію изъ *Фенеллы*, удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ, что ему не худо будетъ познакомиться съ человѣкомъ, который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру. Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ тяжбѣ съ казною о 20.000 десятинахъ лѣсу. Наконецъ князь спросилъ у Горшенко, не знаетъ ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбирается его дѣло.

— Да, да, — отвѣчалъ Горшенко, — знаю, видалъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать, адресуйтесь къ людямъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.

Такой отвѣтъ поставилъ втупикъ князя Степана Степановича. Ему показалось, что передъ нимъ въ лицѣ Горшенко стоитъ весь комитетъ министровъ.

— Да, — сказалъ онъ, — нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны.

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя, въ какомъ департаментѣ его дѣло, обѣщался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степановичъ, въ восторгѣ отъ его любезности, пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ, когда ему нечего будетъ дѣлать.

VII.

На другой день Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ, гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, то ему сказали, что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ. Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ, здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій.

— Пожалуйте въ сорокъ девятый нумеръ, — былъ отвѣтъ.

— А гдѣ выходъ?

— Со двора-съ.

Сорокъ девятый нумеръ, и входъ со двора! этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ, который не провелъ, по крайней мѣрѣ, половины жизни въ отыскиваніи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый нумеръ есть число мрачное и таинственное, подобное числу шестьсотъ шестьдесятъ шестой въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и угловатый дворъ, по глубокому снѣгу или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ, тяжелый запахъ, ѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе, собаки ворчатъ при вашемъ появленіи, блѣдныя лица, хранящія въ себѣ ужасные слѣды нищеты или распутства, выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ послѣ многихъ разспросовъ вы находите желанную дверь, темную и узкую, какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на порогѣ, вы летите двѣ ступени внизъ и попадаете ногами въ лужу, образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрною рукой ощупываете лѣстницу и начинаете взбираться наверхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четвероугольной площадкѣ, вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но — увы! — ни на одной нѣтъ нумера. Начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальною свѣчой, а изъ-за нея раздается брань или плачъ дѣтей.

— Кого вамъ угодно?

— Сорокъ девятый нумеръ.

— Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ.

— Кто жъ здѣсь живетъ?

Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: «Какое вамъ дѣло, ступайте выше». Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ. Чѣмъ выше вы взбираетесь, тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого, что человѣкъ, приближаясь къ

небу, уподобляется растенію, которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часу, вы, наконецъ, находите желанный сорокъ девятый нумеръ или другой столько же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и понялъ вашъ вопросъ; если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу и т. д., Печоринъ претерпѣлъ всѣ эти мученія и, наконецъ, вскарабкавшись на четвертый этажъ, постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: «Здѣсь». Онъ вошелъ, снялъ шинель въ кухнѣ и хотѣлъ итти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ, что г. Красинскій не воротился еще изъ департамента. «Я подожду», отвѣчалъ онъ, и вошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ были, повидимому, явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четыреугольную комнату, украшенную единственнымъ столомъ, покрытымъ клеенкою, передъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула, низенькая и опрятная старушка встала со своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

— Я ищу господина Красинскаго, можетъ-быть, я ошибся.

— Это мой сынъ, — отвѣчала старушка, — онъ скоро будетъ.

— Если вы мнѣ позволите подождать...— продолжалъ Печоринъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окинувъ взоромъ комнату и все въ ней находившееся, ему стало какъ-то неловко: если бъ судьба неожиданно бросила его во дворецъ персидскаго шаха, онъ бы скорѣе нашелся, нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но раннія печали сгорбили ея станъ, изсушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватыя жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ, казалось, сосредоточились всѣ ея жизненныя силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ, не зная, какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу, лежавшую на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавіе привлекло его вниманіе: *Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ.* Сочиненіе Н. П. Москва, въ тип. И. Глазунова, цѣна 25 копеекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка, какъ пустой лотерейный билетъ, была рѣзкое изображеніе мечтаній, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить себѣ въ лучшемъ видѣ печальную дѣйствительность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ.

— Я думаю, — возразилъ Печоринъ, — что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, если бъ счастіе было наука — дѣло другое!

— Разумѣется, — возразила старуха, — утопающій за щепку хватается; мы не всегда были въ такомъ положеніи, какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Вслѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ большую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однакоже я надѣюсь, скоро все поправится. Мой сынъ, — продолжала она съ нѣкоторою гордостію, — имѣетъ теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье.

Послѣ минутнаго молчанія она спросила:

— Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу. Можетъ-быть, вамъ скучно будетъ дожидаться, такъ неугодно ли сказать мнѣ, я ему передамъ.

— Мнѣ препоручилъ, — отвѣчалъ Печоринъ, — князь Лиговскій попросить вашего сына, чтобъ онъ сдѣлалъ одолженіе заѣхать къ нему. У князя есть тяжба, которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ: я тамъ буду.

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на

обоихъ лицахъ, удивленіе сковало ихъ уста. Наконецъ Печоринъ, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія, сказалъ почти шопотомъ:

— Милостивый государь, вспомните, что я не зналъ, что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастія встрѣтиться въ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ вамъ причину моего посѣщенія.

Они разошлись не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самаго чиновника, котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этою встрѣчей, сѣлъ противъ своей матери на кресла, опустилъ голову на руку и глубоко задумался. Когда мать передала ему порученіе Печорина, стараясь объяснить, какъ выгодно было бы взяться за дѣла князя, и стала удивляться тому, что Печоринъ не объяснился самъ, тогда Красинскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста, — свѣтлая мысль озарила лицо его, — и воскликнулъ, ударивъ рукой по столу: «Да, я пойду къ этому князю!» Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидимому, привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ онъ опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ, чтобы только начать разговоръ. Она его угадала.

— Ну, что, Станиславъ, — сказала она, — скоро ли тебѣ выйдетъ награжденіе? У насъ денегъ осталось мало.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Ты, вѣрно, не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, — продолжала она, — ну, что за бѣда, что онъ твоими руками жаръ загребаетъ; придетъ и твое время, а покамѣстъ, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.

Она подняла къ нему глаза, полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ, не отрывая глазъ отъ параграфа, гдѣ безыменный сочинитель доказывалъ, что дружба есть ключъ истиннаго счастія:

— Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ, который былъ сегодня у насъ?

— Не знаю. А что?

— Мой смертельный врагъ, — отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего онъ отъ тебя хочетъ?

— Вѣроятно, онъ мнѣ не желаетъ зла, но зато я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блистая золотыми эполетами, поглаживая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда, что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть. О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтимся на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно, какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю, — какое-то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ, чтобы я повиновался указаніямъ судьбы.

Напрасны были всѣ старанія испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разсказывать, какъ будто боялся, что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ всѣ люди страстные и упорные, увлекаемые одною постоянною мыслію, онъ больше всѣхъ препятствій старался избѣгать убѣжденій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ-быть въ первый разъ отроду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ франтиковъ, чтобъ выучиться повязывать галстукъ и запомнить, сколько пуговицъ у жилета надо застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге, который безсовѣстно взбилъ его мягкіе и волнистые кудри въ жесткій и неуклюжій хохолъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

VIII.

У князя Лиговскаго были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій вошелъ въ лакейскую.

— Князь принимаетъ? — спросилъ онъ, нерѣшительно взглядывая то на того, то на другого лакея.

— Мы не здѣшніе, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской шубы.

— Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара.

— Онъ, вѣрно, сейчасъ самъ выйдетъ,— былъ отвѣтъ, — а намъ нельзя!

Наконецъ явился швейцаръ.

— Князь Лиговскій дома?

— Пожалуйте-съ.

— Доложи, что пришелъ Красинскій, — онъ меня знаетъ.

Швейцаръ отправился въ гостиную и, подойдя къ Степану Степановичу, сказалъ ему тихо:

— Господинъ Красинскій пріѣхалъ-съ, онъ говоритъ, что вы изволите его знать.

— Какой Красинскій? Что ты врешь? — воскликнулъ князь, важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись, въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тотъ самый чиновникъ, — сказалъ онъ, — у котораго ваше дѣло. Я къ нему нынче заѣзжалъ.

— А! очень обязанъ, — отвѣчалъ Степанъ Степановичъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника.

Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой-то камергеръ и молодой человѣкъ обыкновенной наружности играли въ вистъ. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канапе возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свое кресло къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, разсказывалъ имъ одно изъ своихъ похожденій во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степановичъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто, чтобъ находиться ближе къ княгинѣ.

— Итакъ, вамъ велѣли отправиться со взводомъ въ эту деревню, —сказала молодая дама (которую Вѣра называла кузиною), продолжая прерванный разговоръ.

— И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, — сказалъ Печоринъ, — мнѣ велѣно было отобрать у пана оружіе, если найдется, а его самаго отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнеты, и это была первая моя командировка. Къ разсвѣту мы увидали передъ собой деревню съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его объ имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкціей. — А есть ли у вашего пана жена или дочери?—спросилъ я. «Есть, пане капитане». — А какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашего Острожскаго? «Графиня Рожа».—«Должно-быть, красавица», подумалъ я, поморщась. — Ну, а дочки ея такія же рожи, какъ ихъ маменька? «Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалія и меньшая Евелина».—«Это еще ничего не доказываетъ», подумалъ я. Графиня Рожа меня мучила, я продолжалъ разспросы: — А что сама графиня Рожа старуха?«Ни, пане, ей всего тридцать три года». Какое несчастье! Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзть и въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи ото всѣхъ своихъ кладовыхъ и, между прочимъ, предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей. «Помилуйте,— отвѣчалъ я, — что за церемонія». Я, признаться, боялся, чтобы эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и, повидимому, сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отнѣкивался, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла женщина, высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ польку и красавицу польку въ ту минуту, какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была сама графиня Розалія или Роза, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

— Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу? — воскликнула, наконецъ, молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиной.

— Это случилось бы, — отвѣчалъ Печоринъ, — если бъ я уже не любилъ другую.

— Ого! постоянство, — сказала молодая дама. — Знаете, что этою добродѣтелью не хвастаются?

— Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.

— Вы, однакоже, вылѣчились?

— По крайней мѣрѣ, лѣчусь, — отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался недоконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и вошелъ князь, а за нимъ Красинскій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Если бъ князь былъ петербургскій житель, онъ бы задалъ ему завтракъ въ 500 р., если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ, или на шумный раутъ потолкаться между раутнаго рода гостями, но ни за что въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человѣка посторонняго и никакимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепріимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

— Мы очень благодарны, — сказала она наконецъ, — господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга и послѣдній отвѣчалъ скоро:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неоцѣненную услугу.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка, которая могла бы выразиться слѣдующею фразой: «ого, нашъ чиновникъ пускается въ комплиментѣ». Понялъ ли Красинскій эту улыбку, или же самъ испугался своей смѣлости, потому что, вѣроятно, это былъ его первый комплиментъ сказанный женщинѣ, такъ высокопоставленной надъ нимъ обществомъ, не знаю, но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ, которыя позволили вы мнѣ провесть въ вашемъ обществѣ. Прошу васъ не сомнѣваться, я исполню все, что будетъ зависѣть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутанно, но совершенно правое.

— Скажите, — спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ, которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ, что сказать незнакомому человѣку: — скажите, вы, я думаю, ужасно замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги, — это нестерпимо: повѣрите ли, что мой мужъ каждый день въ продолженіе года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ еще не понимаю.

«Какой любезный и занимательный супругъ», подумалъ Печоринъ.

— Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? — сказалъ Красинскій. — Вашъ удѣлъ—забавы, роскошь, а нашъ — трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: если бъ не мы, кто бы сталъ трудиться.

Наконецъ и этотъ разговоръ истощился. Красинскій всталъ, раскланялся... Когда онъ ушелъ, то кузина княгини замѣтила, что онъ вовсе не такъ неловокъ, какъ бы можно ожидать отъ чиновника и что онъ говоритъ вовсе недурно. Княгиня прибавила: «et savez-vous, ma chère; qu'il est très bien!..» Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту: онъ увѣрялъ, что никогда не видывалъ такихъ темноголубыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ и увѣрялъ, что Красинскій, судя по его глубокимъ замѣчаніямъ, непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. «Я непремѣнно узнаю, — прибавилъ онъ очень серьезно, — есть ли у него университетскій аттестатъ». Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратить разговоръ на другіе предметы. Несмотря на то, выраженіе княгини глубоко врѣзалось въ его памяти. Оно показалось ему упрекомъ, хотя случайнымъ, но, тѣмъ не менѣе, язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородной красотою лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды, обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки и съ этой минуты, въ свою очередь, возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться, что самая чистѣйшая любовь наполовину перемѣшана съ самолюбіемъ.

Увлекаясь самъ наружной красотою и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ и, какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ, преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту, какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью. Въ томъ, что казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, онъ пренебрежительно видѣлъ примѣты обманчивыя, слова, сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки, брошенныя на вѣтеръ, первому, кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдуя системѣ своей и вооружась несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому-то закону природы, доселѣ не объясненному. Можно было, навѣрное, сказать, что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ, какъ буря, однимъ порывомъ высокія подмостки его разсудка и стараній... Но это *если*, это ужасное *если* почти похоже на «если» Архимеда, который обѣщался приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку упора.

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что подъ конецъ вечера онъ сдѣлался разсѣянъ и молчаливъ; князь Степанъ Степановичъ разсказывалъ длинную исторію, почерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкою зѣвали.

— Отчего вы сдѣлались такъ печальны? — спросила, наконецъ, у Печорина кузина Вѣры Дмитріевны.

— Причину даже совѣстно объявить,— отвѣчалъ Печоринъ.

— Однакожъ?

— Зависть!

— Кому жъ вы завидуете, напримѣръ?

— Не мнѣ ли? — сказалъ князь, тонко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса.

Печорину тотчасъ пришло въ мысль, что княгиня разсказала мужу прежнюю ихъ любовь, покаялась въ ней какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непримѣтно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣшки для супруговъ или жертвою коварнаго заговора. Я удивляюсь, какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ, что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и, между тѣмъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ и всякій долженъ вамъ завидовать, но, признаюсь, я бы желалъ имѣть счастливый даръ этого Красинскаго — нравиться всѣмъ съ перваго взгляда.

— Повѣрьте, — отвѣчала княгиня, — кто скоро нравится, о томъ скоро и забываютъ.

— Боже мой! что́ на свѣтѣ не забывается? и если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастіе? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства, — глядишь, смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, моръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія — и всѣ труды пропали!.. А забвенье? забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Если бъ меня спросили, чего я хочу, минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастія, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе, и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали.

— Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того, что на свѣтѣ забывается. Есть вещи, которыхъ забыть невозможно, особенно горести, — сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный видъ, и что-то похожее на слезу пробѣжало, блистая, вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дождя, забытая бурей на листкѣ березы, трепеща перекатывается по его краямъ, покуда новый порывъ вѣтра не умчитъ ее Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы!—онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти. Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно, что чувства Вѣры въ эти минуты относились вовсе не къ нему: мало ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ-быть, и ей измѣ-

нилъ который-нибудь изъ нихъ, — какъ знать!

Кто объяснитъ, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ, чтобъ уѣзжать, княгиня его спросила, будетъ ли онъ послѣзавтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

— Мнѣ досадно, что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, — прибавила она: — я почти вовсе не знаю здѣшняго круга и увѣрена, что мнѣ тамъ будетъ скучно.

Печоринъ отвѣчалъ, что онъ еще не званъ.

«Теперь я понимаю,—подумалъ онъ, садясь въ сани: — ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ, чтобъ меня не звали: тамъ, вѣрно, будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да, кажется, они съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится...» Тутъ сани его остановились и мысли также. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашелъ на столѣ пригласительный билетъ отъ баронессы.

IX.

Баронесса Р** была русская, но замужемъ за курляндскимъ барономъ, который какимъ-то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной въ самомъ центрѣ высшаго круга. Съ 11-го часа вечера кареты, одна за одной, стали подъѣзжать къ ярко освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ прохожіе, остановленные любопытствомъ, съ опасностью быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ, онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ со звѣздами и крестами, которыхъ длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей, небрежно выскакивавшихъ изъ саней на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснилось въ головѣ его. «Чѣмъ я хуже ихъ? — думалъ онъ. — Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ, которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и однѣ деньги, на что имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непремѣнно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость».

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не зналъ, что для этого общества, кромѣ кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаніями (какія бы они ни были), имя, столь уже знакомое лакейскимъ, чтобъ швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ, когда его произнесутъ, какая-нибудь важная дама, законодательница и судія гостиныхъ, спросила бы: который это? не родня ли онъ князю В. или графу К.? Итакъ, Красинскій стоялъ у подъѣзда, закутанный въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей брильянты ярко сверкали между ея локонами, за нею вылѣзъ изъ кареты мужчина въ медвѣжьей шубѣ. Это были князь Лиговскій съ княгиней. Красинскій поспѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился, какъ знакомымъ, но—увы!—его не замѣтили, или не узнали, что еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ, видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предстать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу, слѣдующему на балъ за хорошенькой женой, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ, мерзнущихъ у подъѣзда. Но Красинскій приписалъ гордости и умышленному небреженію вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуты тайная непріязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. «Хорошо, — подумалъ онъ, удаляясь, — будетъ и на нашей улицѣ праздникъ», — жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка, и балъ начиналъ оживляться. Тутъ было все, что есть лучшаго въ Петербургѣ: два посланника, съ ихъ заморскою свитой, составленною изъ людей, говорящихъ очень хорошо по-французски (что, впрочемъ, вовсе неудивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участіе въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешествующій изъ экономіи и поэтому не почитающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. Зато его супруга, благородная леди, принадлежавшая къ классу blue-stockings и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, въ которыхъ было не менѣе выразительности, чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было пять или шесть нашихъ доморощенныхъ дипломатовъ, путешествовавшихъ

на свой счетъ не далѣе Ревеля и утверждавшихъ рѣзко, что Россія—государство совершенно европейское, и что они знаютъ ее вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ въ Царскомъ Селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ-за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому, такъ безпечно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены, что эти люди, затянутые въ вышитый золотомъ мундиръ, не способны ни къ чему, кромѣ машинальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тупеями, штатскихъ, причесанныхъ à la Russe, скромныхъ, подобно наперсникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатнымъ родственникомъ. Не успѣвъ познакомиться съ большею частію дамъ и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или мазурку, встрѣтить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ переворачивается сердце какъ у больного при видѣ черной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестящія кадрили и ѣли мороженое, ужасно ѣли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ ни языка, танцовали безъ-устали, садились на край стула, обратившись лицомъ къ своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ, — короче, исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ выраженіемъ лица скользили небрежно по паркету, какъ бы изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамою своего vis-a-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но зато дамы... о, дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ!.. Сколько блестящихъ глазъ и брильянтовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ... чудеса природы и чудеса модной лавки... Волшебныя маленькія ножки и чудно-узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣлила, звучныя фразы, заимствованныя изъ моднаго романа, брильянты, взятые напрокатъ изъ лавки... Я не знаю, но въ моихъ понятіяхъ женщина на балѣ составляетъ со своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совсѣмъ не то, что женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины, протанцовавъ съ нею мазурку, все равно, что судить о мнѣніи и чувствахъ журналиста, прочитавъ одну его статью.

У двери, ведущей изъ залы въ гостиную, сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами и разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми не танцующими. Одна изъ нихъ была Лизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ея блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни и вообще она была къ лицу одѣта. Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣтила на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошелъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама, дурно одѣтая, обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе — это, впрочемъ, вовсе не значитъ, что онѣ должны дурно одѣваться). Печоринъ сталъ возлѣ Лизаветы Николаевны, ожидая, чтобы она начала разговоръ, и разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и, наконецъ, она принуждена была сорвать со своихъ устъ печать молчанія.

— Отчего вы не танцуете? — спросила она его.

— Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру.

— Развѣ съ нынѣшняго дня?

— Что жъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Не правда ли?

— Иногда бываетъ слишкомъ поздно.

— Боже мой! какое трагическое выраженіе!

Лизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвѣчала:

— Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю.

— А нельзя ль узнать, кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?

— О, это тайна, — сказала она, взглянувъ на него пристально и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворною нѣжностью шепнулъ ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили, ужели другая важнѣе первой?

Она покраснѣла при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминанія, не отъ досады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить со временемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цѣли, и отъ такихъ удовольствій, когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серьезный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкой:

— Вы мнѣ напоминаете вещи, о которыхъ я хочу забыть.

— Но еще не забыли? — сказалъ онъ съ нѣжностію.

— О, не продолжайте, — я ничему не повѣрю болѣе, вы мнѣ дали такой урокъ...

— Я?

Въ этомъ «я» было больше удивленія, чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ, поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

— Да, — сказалъ онъ, — теперь я начинаю понимать! Кто-нибудь меня оклеветалъ предъ вами, у меня столько враговъ и особенно друзей; теперь понимаю, отчего намедни, когда я заѣзжалъ къ вамъ— это было поутру, и я знаю, что у васъ были гости, но меня не приняли. О, конечно, я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія.

— Но вы не знаете, что этому причиной, — сказала поспѣшно Лизавета Николаевна,—я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ...

— Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки въ самую лучшую сторону,— отвѣчалъ, горько улыбаясь, Печоринъ. — О, я догадываюсь, кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однакожъ, прошу васъ, вѣрьте, вѣрьте всему, что тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты.

Онъ засмѣялся и хотѣлъ отойти прочь.

— Но если я не вѣрю? — воскликнула, испугавшись, Лизавета Николаевна.

— Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному, чѣмъ хорошему... одинъ противъ двадцати что...

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Лизаветы Николаевны боязливо обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостиной княгиня Лиговская и за нею князь Степанъ Степановичъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностью, что на ней было слишкомъ много брильянтовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавшуюся передъ нею. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ, озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу, вызвали краску на нѣжныя щеки ея; глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выраженію лица, что настала минута, для нея мучительная. Она была похожа на неизвѣстнаго оратора, всходящаго въ первый разъ по ступенямъ каѳедры. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ модномъ свѣтѣ... Некстати пришитый бантъ, не на мѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность... И въ самомъ дѣлѣ можетъ ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ ли она нравиться нашимъ франтамъ, если съ перваго взгляда скажутъ: elle a l'air bourgeois... это выраженіе, такъ некстати вкравшееся въ наше чисто дворянское общество, имѣетъ, однакоже, ужасную власть надъ умами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности: «вкусъ, батюшка, отмѣнная манера».

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетною улыбкой на его поклонъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась. Глаза ея безпокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга, соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями... Потомъ кто-то еще высунулся изъ толпы мужчинъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать, когда она изъ Москвы и проч. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣй, такъ что можно почти держать пари, что если бъ она встрѣтила здѣсь 99 знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи, что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце... Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину, чтобъ возобновить прерванный разговоръ, но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

— Появленіе этой дамы, — сказала она, наконецъ, ему, — сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!.. Вы давно ее знаете?

— Съ дѣтства! — отвѣчалъ Печоринъ.

— Я также ее когда-то знала... за кѣмъ она замужемъ?

Печоринъ сказалъ.

— Какъ! неужели этотъ господинъ, который за нею шелъ такъ смиренно, ея мужъ?.. Если бъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ.

— По крайней мѣрѣ, все, что можно изъ него сдѣлать...

— Однако она счастлива?

— Развѣ вы не замѣтили, сколько на ней брильянтовъ.

— Богатство не есть счастіе!..

— Все-таки оно ближе къ нему, нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе, какъ быть довольною своею судьбою въ скромной хижинѣ... за чашкою гречневой каши.

— Кто жъ вамъ говоритъ о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину...

— Я вамъ желаю мужа, который бы такъ думалъ.

Онъ отошелъ. Кадрили кончились, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканья сапогъ и башмачковъ. Составились группы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія, немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая, что они лишніе и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня пришла въ залу и сѣла возлѣ Негуровой. Онѣ возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговоръ...

1836 г.

Герой нашего времени.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ; особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и, тѣмъ не менѣе, смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ «Герой Нашего Времени»; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ уже сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

«Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что если вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему, просто, было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ! (1841).

I.

БЭЛА.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко-высоко золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, своей чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: поблизости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица,—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, отдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ,—отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіаты? Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ! Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хотя двадцать, такъ, коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ, — отвѣчалъ онъ, пріосанившись. — Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ, — прибавилъ онъ, — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?..

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча итти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ, но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня

и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались. «Вѣдь этакой народъ!—сказалъ онъ.—И хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «Офицеръ, дай на водку!» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе»...

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно: мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые черные камни, кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода! — сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— Что жъ это? — спросилъ я.

— Гутъ-гора.

— Ну, такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, — сказалъ онъ съ досадою: — въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? Были ль обвалы на Крестовой? — спросилъ онъ извозчика.

— Не было, господинъ, — отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ, — а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе наподобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посрединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! — сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ!—отвѣчалъ онъ.—Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ, по крайней мѣрѣ, наши кабардинцы, или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода — знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли эти намъ головорѣзы. Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!..

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? — сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! Бывало.

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторійку — желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: «Да!.. бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: *здравствуйте* (потому что фельдфебель говоритъ *здравія желаю*). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите ли подбавить рому?—сказалъ я моему собесѣднику. — У меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай, Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ онъ: — какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ... (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно, — спросилъ я его, — переведены сюда изъ Россіи?» — «Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ», отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ и, пожалуйста, къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали?—спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григоріемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими странностями, и, должно-быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..

— А долго онъ съ вами жилъ? — спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!.. Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя?!—воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишка его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно избаловали мы его съ Григоріемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ нехорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что жъ вы думаете?

на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. «Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы, — говорилъ я ему: — яманъ будетъ твоя башка!»

«Разъ пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки,—такъ нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. «Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ», сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ. «Погодите!» отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

«У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіатовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однакоже, не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидимаго случая».

— Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу? — спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ Корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошаденкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по-нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ какъ по-ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печоринымъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... какъ бы сказать, въ родѣ комплимента?..»

— А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду». Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошо знаю по-ихнему, и перевелъ его отвѣтъ.

«Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорію Александровичу: «Ну что, какова?» — «Прелесть! — отвѣчалъ онъ. — А какъ ее зовутъ?» — «Ее зовутъ Бэлою», отвѣчалъ я.

«И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться, и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то, чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запроситъ, давай, — хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Не даромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже чѣмъ у Бэлы, а какая сила! скачки хоть на 50 верстъ; а ужъ и выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!..

«Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. «Не даромъ на немъ эта кольчуга, — подумалъ я: — ужъ онъ, вѣрно, что-нибудь замышляетъ».

«Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

«Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: *якши тхе, чекъ якши!*

«Пробираюсь вдоль забора, и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ? — подумалъ я. — Ужъ не о моей ли лошадкѣ?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

«— Славная у тебя лошадь! — говорилъ Азаматъ.—Если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!

«А! Казбичъ!» подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

«— Да, — отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія, — въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ — это было за Терекомъ — я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны, намъ не посчастливилось, и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карачага били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я уже слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался — и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они, вѣрно, думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу — смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагезъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ — и вижу, мой Карагезъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагеза, это былъ онъ, мой товарищъ!.. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.

«И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

«— Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, — сказалъ Азаматъ, — то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагеза.

«— Йокъ, не хочу, — отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

«— Послушай, Казбичъ, — говорилъ, ласкаясь къ нему, Азаматъ:—ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы: отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что только пожелаешь — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется, а кольчуга такая, какъ твоя, нипочемъ.

«Казбичъ молчалъ.

«— Въ первый разъ, какъ увидѣлъ твоего коня, — продолжалъ Азаматъ, — когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъподъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой, съ своей стройной поступью,

съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его! — сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

«Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ помоложе.

«Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то въ родѣ смѣха.

«— Послушай,—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ:—видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня завтра ночью, тамъ, въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ — и она твоя. Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?

«Долго - долго молчалъ Казбичъ, наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля,
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ;
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

«Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться, и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

«— Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.

«— Меня! — крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился объ плетень такъ, что плетень зашатался. «Будетъ потѣха!» подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья — и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. «Плохое дѣло — въ чужомъ пиру похмелье, — сказалъ я Григорію Александровичу, поймавъ его за руку: — не лучше ли намъ поскорѣй убраться?»

«— Да погодите, чѣмъ кончится.

«— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіатовъ все такъ: натянулись бузы— и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой».

— А что Казбичъ? — спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается! — отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая. — Вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ? — спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живущи, разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.

Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

— Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? Разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нечего дѣлать! Началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

«Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорію Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича: ужъ такая-то она рѣзвая, красивая, словно серна — ну, просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

«Засверкали глазенки у татарчонка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Что за диво?

«Вотъ видите, я ужъ послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хоть въ воду. Разъ онъ ему и скажи: «Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затыл-

ка! Ну, скажи, что бы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ бы?..»

„— Все, что онъ захочетъ, — отвѣчалъ Азаматъ.

«— Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...

«— Клянусь... Клянись и ты!

«— Хорошо! клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу: Карагезъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.

«Азаматъ молчалъ.

«— Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхомъ...

«Азаматъ вспыхнулъ.

«— А мой отецъ? — сказалъ онъ.

«— Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?

«— Правда...

«— Согласенъ?..

«— Согласенъ, — прошепталъ Азаматъ, блѣдный какъ смерть. — Когда же?

«— Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное — мое дѣло. Смотри же, Азаматъ!

«Вотъ они сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ и говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по-ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ — разбойникъ, котораго надо было наказать. Сами посудите, что жъ я могъ отвѣчать противъ этого?.. Но въ это время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меду; я велѣлъ ему привести на другой день. «Азаматъ, — сказалъ Григорій Александровичъ, — завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня»...

«— Хорошо, — сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. «Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости: какъ они сладили это дѣло — не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперекъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой».

— А лошадь? — спросилъ я у штабсъ-капитана.

— Сейчасъ, сейчасъ. — На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ, я попотчевалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ.

«Стали мы болтать о томъ, о семъ... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье.

«— Что съ тобой? — спросилъ я.

«— Моя лошадь!.. лошадь!.. — сказалъ онъ, весь дрожа.

«Точно, я услышалъ топотъ копытъ: это, вѣрно, какой-нибудь казакъ пріѣхалъ...

«— Нѣтъ! Урусъ-яманъ, яманъ! — заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль — Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагёзѣ; на бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ, потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его вдребезги, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости — онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ — онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, такъ онъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь?.. Только на другое утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который видѣлъ, какъ Азаматъ отвязалъ коня и скакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата».

— Что жъ отецъ?

— Да въ томъ-то и штука, что его Казбичъ не нашелъ: онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

«А когда отецъ возвратился, то ни дочери ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, если бъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ да и сложилъ

буйную голову за Терекомъ или за Кубанью; туда и дорога!..

«Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорія Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

«Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ — только онъ притворялся, будто не слышитъ.

«— Господинъ прапорщикъ! — сказалъ я какъ можно строже. — Развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?

«— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку? — отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

«— Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.

«— Все равно. Не хотите ли чаю? Если бъ вы знали, какая мучитъ меня забота!

«— Я все знаю, — отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

«— Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать.

«— Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

«— И полноте! Что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

«— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

«— Митька, шпагу...

«Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: «Послушай, Григорій Александровичъ, признайся, что нехорошо»...

«— Что нехорошо?

«— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся, — сказалъ я ему.

«— Да когда она мнѣ нравится?..

«Ну, что прикажете отвѣчать на это?.. Я сталъ втупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

«— Вовсе не надо!

«— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

«— А какъ онъ узнаетъ?

«Я опять сталъ втупикъ. «Послушайте, Максимъ Максимычъ, — сказалъ Печоринъ, приподнявшись: — вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить, оставьте ее у меня, а у себя — мою шпагу»...

«— Да покажите мнѣ ее, — сказалъ я.

«— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщину: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя; потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня! — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться».

— А что, — спросилъ я у Максима Максимыча, — въ самомъ ли дѣлѣ онъ пріучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Помилуйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула — а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что-нибудь; первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку?.. Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-по-малу она пріучилась на него смотрѣть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею. «Послушай, моя пери, — говорилъ онъ: — вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею — отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой». Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой. «Или, — продолжалъ онъ, — я тебѣ совершенно ненавистенъ?» Она вздохнула. «Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?» Она поблѣднѣла и молчала. «Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ

же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретитъ тебѣ платить мнѣ взаимностью?» Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслію; въ глазахъ ея выразились недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

«— Послушай, милая, добрая Бэла, — продолжалъ Печоринъ: — ты видишь, какъ я тебя люблю; я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить! Я хочу, чтобъ ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?» — Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась и ласково кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ее за руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: «поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала. «Я твоя плѣнница, — говорила она, — твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить!» и опять слезы.

«Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ, сложа руки, прохаживался угрюмый взадъ и впередъ. «Что, батюшка?» сказалъ я ему. «Дьяволъ, а не женщина! — отвѣчалъ онъ. — Только я вамъ даю честное слово, что она будетъ моя»... Я покачалъ головою. «Хотите пари? — сказалъ онъ. — Черезъ недѣлю!» — «Извольте!» Мы ударили по рукамъ и разошлись.

«На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

«— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ, — сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки: — устоитъ ли азіатская красавица противъ такой батареи! «Вы черкешенокъ не знаете, — отвѣчалъ я; — это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки — совсѣмъ не то. У нихъ свои правила; онѣ иначе воспитаны». Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

«А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе — да и только; такъ онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкесски, вооружился и вошелъ къ ней. «Бэла, — сказалъ онъ, — ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся. Прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу — ты свободна. Я виноватъ передъ тобой, и долженъ наказать себя. Прощай, я ѣду — куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки; тогда вспомни обо мнѣ и прости меня». Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль — такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ — и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ — глупость!..»

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы: — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

— И продолжительно было ихъ счастіе? — спросилъ я.

— Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія. Да, они были счастливы!

— Какъ это скучно! — воскликнулъ я невольно. — Въ самомъ дѣлѣ я ожидалъ трагической развязки и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!.. — Да неужели, — продолжалъ я, — отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?

— То-есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось...

Вниманіе мое пробудилось снова.

— Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца укралъ у него лошадь, по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дождался у дороги, версты три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали, —

это было въ сумерки — онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его наземь, схватилъ поводья — и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отомстилъ, — сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

— Конечно, по-ихнему, — сказалъ штабсъ-капитанъ, — онъ былъ совершенно правъ.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти; и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то-есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? — сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то-есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно и пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, — прибавилъ онъ, указывая на востокъ: — что за край!

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на

другую — и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. «Я говорилъ вамъ, — воскликнулъ онъ, — что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!» закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормозовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво—пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой—осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ, а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: «И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые!» и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали. И если бъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ-быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы?—Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки: слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, погодите, или, если хотите, переверните нѣсколько страницъ, только я вамъ этого не совѣтую, потому что переѣздъ черезъ Крестовую гору (или, какъ называетъ ее ученый Гамба le Mont St.-Christophe) достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гутъ-горы въ Чертову долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами — не тутъ-то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ», ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія *милыя* мѣста нашего отечества.

— Вотъ и Крестовая! — сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо него вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извозчики объявили, что обваловъ еще не было, и, сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; — налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору—двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ, какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и, во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію ген. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, несмотря на подпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь, чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледянѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть стан-

ціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. «И ты, изгнанница, — думалъ я, — плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки!»

— Плохо! — говорилъ штабсъ - капитанъ. — Посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ; того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться.

Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на краснорѣчіе кнутовъ. «Ваше благородіе, — сказалъ, наконецъ, одинъ, — вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется — вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку, — прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя! — сказалъ штабсъ - капитанъ. — Ужъ эти бестіи! Рады придраться, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, — сказалъ я, — что безъ нихъ намъ было бы хуже.

— Все такъ, все такъ, — пробормоталъ онъ, — ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться, будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ послѣ многихъ хлопотъ добрались до скуднаго пріюта, состоявшаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею. «Все къ лучшему, — сказалъ я, присѣвъ у огня: — теперь вы мнѣ доскажете вашу исторію про Бэлу; я увѣренъ, что этимъ не кончилось».

— А почему жъ вы такъ увѣрены? — отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, примигивая съ хитрой улыбкою.

— Оттого, что это не въ порядкѣ вещей: что началось необыкновеннымъ образомъ, то должно также и кончиться.

— Вѣдь вы угадали...

— Очень радъ.

— Хорошо вамъ радоваться, а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка, эта Бэла. Я къ ней, наконецъ, такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше — такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу; я и радъ былъ, что нашелъ кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни иль пляшетъ лезгинку... А ужъ какъ плясала! Видалъ я нашихъ губернскихъ барышень, а разъ былъ-съ и въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, — только куда имъ! совсѣмъ не то!.. Григорій Александровичъ наряжалъ ее какъ куколку; холилъ и лелѣялъ, и она у насъ такъ хорошѣла, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла.

«Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, я ужъ, кажется, говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанами или козами, а тутъ хоть бы вышелъ за крѣпостной валъ. Вотъ, однакожъ, смотрю, онъ сталъ снова задумываться; ходитъ по комнатѣ, загнувъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять — цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще... «Нехорошо, — подумалъ я: — вѣрно, между ними черная кошка проскочила».

«Одно утро захожу къ нимъ — какъ теперь передъ глазами: Бэла сидѣла на кровати въ черномъ шелковомъ бешметѣ, блѣдненькая, такая печальная, что я испугался.

«— А гдѣ Печоринъ? — спросилъ я.

«— На охотѣ.

«— Сегодня ушелъ? — Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

«— Нѣтъ, еще вчера, — наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

«— Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?

«— Я вчера цѣлый день думала, думала, — отвѣчала она сквозь слезы: — придумывала разныя несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

«— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

«Она заплакала, потомъ съ радостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

«— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба — я княжеская дочь!..

«Я сталъ ее уговаривать: «Послушай, Бэла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью — походитъ, да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь».

«— Правда, правда, — отвѣчала она: — я буду весела. — И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

«Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

«Наконецъ я ей сказалъ: «Хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ, погода славная!» Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ молча; наконецъ она сѣла на дернъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая-нибудь нянька.

«Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны, широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками, оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой — бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главной цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и, наконецъ, остановился по ту сторону рѣчки саженяхъ во ста отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою какъ бѣшеный. Что за притча!.. «Посмотри-ка, Бэла, — сказалъ я: — у тебя глаза молодые, что это за джигитъ: кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?»...

«Она взглянула и вскрикнула:

«— Это Казбичъ!

«— Ахъ, онъ разбойникъ! Смѣяться, что ли, пріѣхалъ надъ нами? — Всматриваюсь, точно, Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный какъ всегда. «Это лошадь отца моего», сказала Бэла, схвативъ меня за руку; она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали. «Ага! — подумалъ я. — И въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!»

«— Подойди-ка сюда, — сказалъ я часовому: — осмотри ружье да ссади мнѣ этого молодца — получишь рубль серебромъ. «Слушаю, ваше высокоблагородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ»...—Прикажи! — сказалъ я, смѣясь. «Эй! любезный! — закричалъ часовой, махая ему рукой. — Подожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ?» Казбичъ остановился въ самомъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно, думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры — какъ не такъ!.. Мой гренадеръ приложился... бацъ!.. мимо; только что порохъ на полкѣ вспыхнулъ, Казбичъ толкнулъ лошадь, и она дала скачокъ въ сторону. Онъ привсталъ на стременахъ, крикнулъ что-то по-своему, погрозилъ нагайкой — и былъ таковъ.

«— Какъ тебѣ не стыдно! — сказалъ я часовому.

«— Ваше высокоблагородіе! умирать отправился, — отвѣчалъ онъ: — такой проклятый народъ, сразу не убьешь.

«— Четверть часа спустя Печоринъ вернулся съ охоты. Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужъ на него разсердился. «Помилуйте, — говорилъ я: — вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ за рѣчкою Казбичъ и мы по немъ стрѣляли; ну, долго ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы — народъ мстительный; вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію помогали Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче онъ узналъ Бэлу.

Я знаю, что годъ тому назадъ она ему больно нравилась — онъ мнѣ самъ говорилъ — и если бъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то вѣрно бы посватался»… — Тутъ Печоринъ задумался. «Да, — отвѣчалъ онъ, — надо быть осторожнѣе… Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ».

«Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе: мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало спросишь: «О чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна? — Нѣтъ. — Тебѣ чего-нибудь хочется? — Нѣтъ. — Ты тоскуешь по роднымъ? — У меня нѣтъ родныхъ». Случалось по цѣлымъ днямъ, кромѣ «да» да «нѣтъ», отъ нея ничего больше не добьешься.

«Вотъ объ этомъ-то я и сталъ ему говорить. «Послушайте, Максимъ Максимычъ, — отвѣчалъ онъ: — у меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ — не знаю; знаю только, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе — только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто… Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно… Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбой… Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я еще ее люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь — только мнѣ съ нею скучно… Глупецъ я или злодѣй — не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ-быть, больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало, къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день отъ дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь — только не въ Европу, избави Боже! — поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію — авось, гдѣ-нибудь умру на дорогѣ. По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ». Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцатипятилѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній… «Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ: — вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно — неужто тамошняя молодежь вся такова?»

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ. Штабсъ-капитанъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво.

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нѣтъ, англичане.

— Ага, вотъ что!.. — отвѣчалъ онъ. — Да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!..

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барышнѣ, которая утверждала,

что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздерживаться отъ вина, онъ, конечно, старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ такимъ образомъ:

«Казбичъ не являлся снова. Только, не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

«Вотъ разъ уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отнѣкивался: ну, что мнѣ былъ за диковинка кабанъ! Однакожъ утащилъ-таки онъ меня съ собою. Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу — нѣтъ звѣря. «Эй, не воротиться ли? — говорилъ я. — Къ чему упрямиться? Ужъ, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорій Александровичъ, несмотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ — подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ въ полдень отыскали проклятаго кабана — пафъ! пафъ! не тутъ-то было: ушелъ въ камыши... такой ужъ былъ несчастный день!.. Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

«Мы ѣхали рядомъ молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости; только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ — смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнулъ не хуже любого чеченца; ружье изъ чехла — и туда; я за нимъ.

«Къ счастью, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе... И, наконецъ, я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поровнялся съ Печоринымъ и кричу ему: это Казбичъ!.. Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою и ударилъ коня плетью.

«Вотъ, наконецъ, мы были ужъ отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, несмотря на всѣ его старанія, она не больно подавалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагеза...

«Смотрю; Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... «Не стрѣляйте! — кричу я ему. — Берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ. — Ужъ эта молодежь! вѣчно некстати горячится... Но выстрѣлъ раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣни. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бѣдная Бэла! Онъ что-то намъ закричалъ по-своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ, въ свою очередь, наудачу; вѣрно, пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бэла, а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ. Хотѣлось мнѣ его снять оттуда, да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй! хоть бы въ сердце ударилъ — ну, такъ ужъ и быть, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже. Напрасно Печоринъ цѣловалъ ея холодныя губы, — ничто не могло привести ее въ себя.

«Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ: «Послушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не довеземъ живую». — «Правда?» — сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ. Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа. Осторожно перенесли мы раненую къ Печорину и послали за лѣкаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся»...

— Выздоровѣла? — спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — а ошибся лѣкарь тѣмъ, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?

— А вотъ какъ: несмотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ подкрался — цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу. Она, между тѣмъ, успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.

— Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увезти?

— Помилуйте! да эти черкесы — извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдетъ... ужъ въ этомъ прошу ихъ извинить! Да притомъ она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. «Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка!» (то-есть, по нашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку. «Я умру!» сказала она.

«Мы начали ее утѣшать: говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно. Она покачала головкой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!..

«Ночью она начала бредить; голова ея горѣла; по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ; давала ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

«Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою — не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ.

«Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ лежала неподвижная, блѣдная, и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышитъ; потомъ ей стало лучше, и она начала говорить, только, какъ вы думаете, о чемъ?.. Этакая мысль придетъ вѣдь только умирающему?.. Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорія Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертью; я ей это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе-большіе; губы горѣли; она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней лежало раскаленное желѣзо.

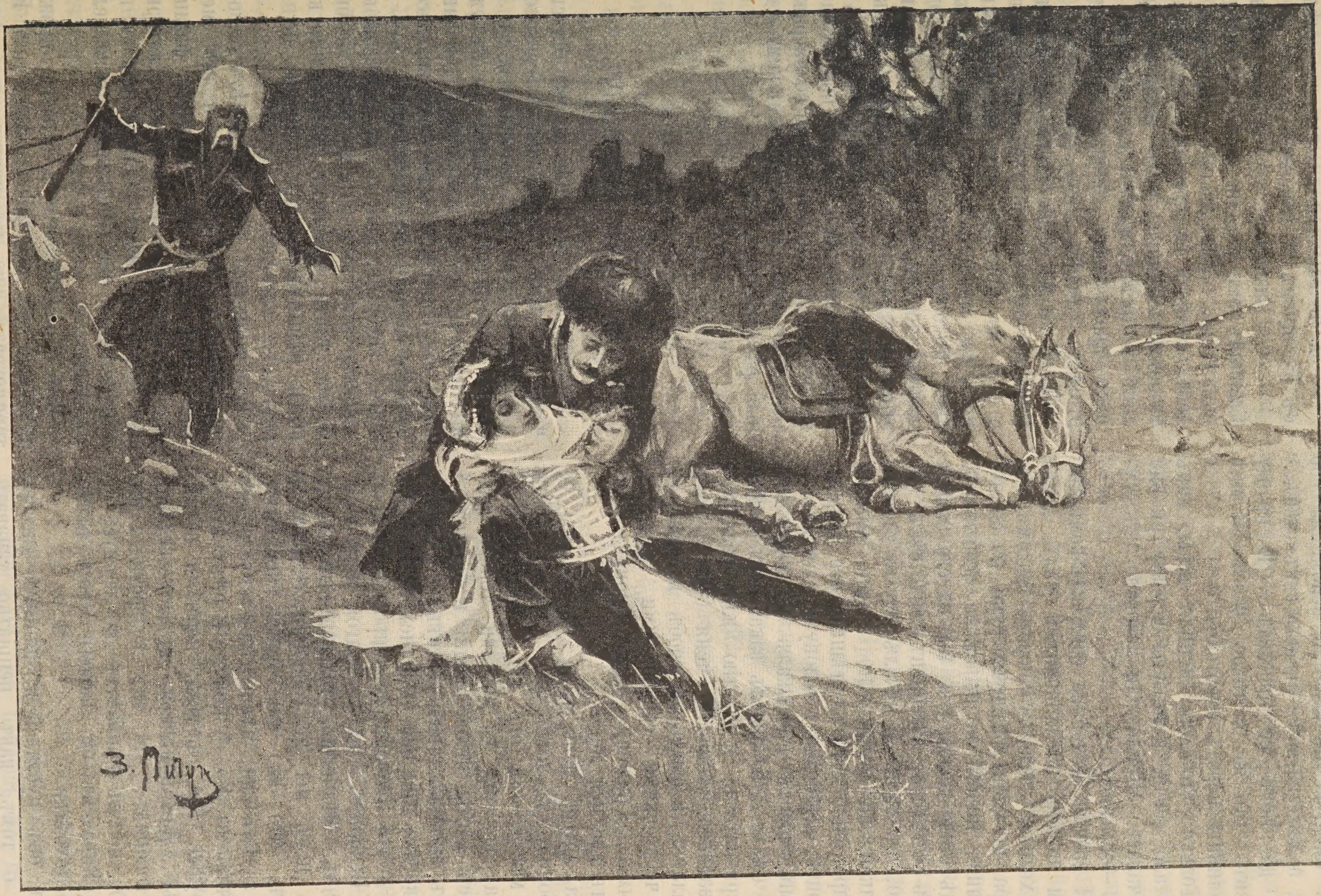
«Настала другая ночь; мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорія Александровича, что ей лучше, уговаривала его итти спать, цѣловала его руку, не выпускала ея изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку—и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ: она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что бы съ ней сталось, если бъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось, рано или поздно...

«Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лѣкарь припарками и микстурой. «Помилуйте, — говорилъ я ему, — вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты?» — «Все-таки лучше, Максимъ Максимычъ, — отвѣчалъ онъ: — чтобъ совѣсть была покойна». — Хороша совѣсть!

«Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я зналъ, что эта невыносимая жажда — признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину.

— Воды, воды!..—говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

«Онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву — не помню какую... Да, батюшка,



Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ.

видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ, а кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!.. И правду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

«Только что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ — гладко!..

«Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

«Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея же.

«На другой день рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла: кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была нехристіанка»...

— А что Печоринъ? — спросилъ я.

— Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка, только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ непріятно, такъ зачѣмъ же! Мѣсяца три спустя, его назначили въ Е — й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ непріятно, узнавать новости годомъ позже — вѣроятно, для того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и не слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и Печоринѣ.

— А не слыхали ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ? — спросилъ я.

— Съ Казбичемъ? А, право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой-то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и превѣжливо раскланивается, когда пуля прожужжитъ близко, да врядъ ли это тотъ самый!..

Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ; я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ по причинѣ тяжелой поклажи не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и, если хотите, я разскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однакожъ, что Максимъ Максимычъ — человѣкъ, достойный уваженія... Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполнѣ буду вознагражденъ за свой, можетъ-быть, слишкомъ длинный разсказъ.

II.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описаній горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостиницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе и гдѣ, между тѣмъ, некому велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо «оказія» изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!.. Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлеченія вздумалъ записывать разсказъ

Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей; видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!.. А вы, можетъ-быть, не знаете, что такое «оказія»? Это — прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой рано утромъ въѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!.. Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!..

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухояденіи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись, — я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?.. Онъ ужъ разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой архіерейской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извозчиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина — нѣчто въ родѣ русскаго Фигаро. «Скажи, любезный, — закричалъ я ему въ окно, — что это — оказія пришла, что ли?» Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстукъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно.

«Слава Богу! — сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. — Экая чудная коляска! — прибавилъ онъ. — Вѣрно, какой-нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно, не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный; онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую! А кто бы это такое былъ — подойдемте-ка узнать»... Мы вышли въ коридоръ. Въ концѣ коридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извозчикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ, — спросилъ у него штабсъ-капитанъ, — чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!.. — Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: «Я тебѣ говорю, любезный...»

— Чья коляска?.. Моего господина...

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?.. Ахъ, Боже мой!.. Да не служилъ ли онъ на Кавказѣ? — воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ?.. Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели, — прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь, вы мнѣ мѣшаете, — сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!.. Да знаешь ли, мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?.. Да гдѣ жъ онъ самъ остался?..

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда? — сказалъ Максимъ Максимычъ. — Или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему зачѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ — такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако, увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!.. — сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ. — Пойду за ворота его дожидаться... Эхъ! жалко, что я не знакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя по разсказу штабсъ-капитана я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ. — Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю? — закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй, выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно! — Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку, да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да, видно, что-нибудь задержало.

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчило небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе, онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы спокойно, если бъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы ли васъ кусаютъ? — спросилъ я.

— Да, клопы... — отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. «Мнѣ надо сходить къ коменданту, — сказалъ онъ. — Такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной».

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье: босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ: я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостиницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ.

Навстрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать, подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно-чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками — вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера.

Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва или душевнаго безпокойства. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные — признакъ породы въ человѣкѣ, такъ какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить потретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся! — Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?... Это признакъ или злого нрава или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бъ не былъ столь равнодушно спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ-быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ-быть, на другого видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе, но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то поневолѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. «Если вы захотите еще немного подождать, — сказалъ я, — то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ»...

— Ахъ, точно! — быстро отвѣчалъ онъ. — Мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ? — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ ужъ возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать, потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете? — сказалъ Печоринъ.

— А... ты?.. а вы?.. — пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ. — Сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..

— Ѣду въ Персію — и дальше...

— Неужто сейчасъ?.. Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?.. Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?.. какъ?.. что подѣлывали?..

— Скучалъ! — отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?.. Славная страна для охоты!.. Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?..

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! — сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два.

«Мы славно пообѣдаемъ,—говорилъ онъ:— у меня есть два фазана; а кахетинское здѣсь прекрасно... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?..»

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... — прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. «Забыть! — проворчалъ онъ. — Я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться»..

— Ну, полно, полно! — сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески. — Неужели я не тотъ же? Что дѣлать?.. Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!.. — Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ началъ подбирать вожжи.

— Постой, постой! — закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски. — Совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что мнѣ съ ними дѣлать?..

— Что хотите! — отвѣчалъ Печоринъ. — Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?.. а когда вернетесь?.. — кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли! да и не зачѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

— Да, — сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ, — конечно, мы были пріятели, — ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!.. Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь, какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!... сколько поклажи!.. и лакей такой гордый!.. — Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой. — Скажите, — продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ: — ну, что вы объ этомъ думаете!.. ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?.. Смѣшно, ей Богу смѣшно!.. Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!.. Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!.. Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ, — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь; въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ, — сказалъ онъ; — поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?.. Что я, развѣ другъ его какой или родственникъ?.. Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ!..

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно, — сказалъ онъ, заминаясь, — да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отроду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ же онъ былъ награжденъ.

— Очень жаль, — сказалъ я ему, — очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. Вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда передъ нимъ отдергивается розовый флёръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе проходящими, но зато не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется.

Я уѣхалъ одинъ.

ЖУРНАЛЪ ПЕЧОРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно я узналъ, что Печоринъ, возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ безпощадно выставлялъ наружу собственные слабости и пороки. Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она — слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ и, можетъ-быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже не имѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ; мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. — Да это злая иронія! — скажутъ они. — Не знаю.

I.

ТАМАНЬ.

Тамань — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще вдобавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной телѣжкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ спросонья дикимъ голосомъ: «Кто идетъ?» Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности, и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ — занята. Было холодно: я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту!» закричалъ я. «Есть еще одна фатера, — отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ: — только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!» Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему итти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышу, и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла, избочась, другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темно-синія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. «Суда въ пристани есть, — подумалъ я, — завтра отправлюсь въ Геленджикъ».

При мнѣ исправлялъ должность денщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извозчика, я сталъ звать хозяина—молчатъ; стучу—молчатъ... что это? Наконецъ изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— Гдѣ хозяинъ? «Не-ма». — Какъ, совсѣмъ нѣту? «Совсимъ». — А хозяйка? «Побигла въ слободку».—Кто же мнѣ отопретъ дверь? — сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ предо мною неподвижно, и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою; какъ будто съ потерею члена душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ, я началъ разсматривать лицо слѣпого; но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?.. Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать? — я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

— Ты хозяйскій сынъ? — спросилъ я его наконецъ. «Ни». — Кто же ты? «Сирота, убогій».—А у хозяйки есть дѣти? «Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ».—Съ какимъ татариномъ? «А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи».

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа—дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи, поставилъ въ уголокъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой, черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно: кто-то вторично пробѣжалъ мимо

его и скрылся Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; навстрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. «Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ», подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не терять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начала одѣваться тучами и на морѣ поднялся туманъ, едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

— Что, слѣпой, — сказалъ женскій голосъ: — буря сильна: Янко не будетъ. «Янко не боится бури», отвѣчалъ тотъ.— Туманъ густѣетъ, — возразилъ опять женскій голосъ съ выраженіемъ печали. «Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ», былъ отвѣтъ. — А если онъ утонетъ? «Ну, что жъ? Въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты».

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я правъ, — сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши: — Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь— это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

— Ты бредишь, слѣпой,—сказала она:— я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь наподобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. «Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься чрезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая». Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и, потомъ быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится вдребезги, но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою — и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему, однакожъ, не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но — увы! — комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоящія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться. «Можетъ-быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно,—сказалъ комендантъ: — и тогда мы увидимъ». Я вернулся домой угрюмъ и

сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

— Плохо, ваше благородіе! — сказалъ онъ мнѣ.

— Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!

Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ:

— Здѣсь нечисто! я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ — былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: «Здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!..» Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой!.. ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ, за хлѣбомъ и за водой... ужъ, видно, здѣсь къ этому привыкли.

— Да что жъ? по крайней мѣрѣ, показалась ли хозяйка?..

— Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.

— Какая дочь? у нея нѣтъ дочери.

— А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вопъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ, довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ. «Ну-ка, слѣпой чертенокъ,—сказалъ я, взявъ его за ухо:—говори, куда ты ночью таскался съ узломъ—а?» Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ: «Куды я ходивъ?.. некуды не ходивъ... съ узломъ?.. якимъ узломъ?» Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: «Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! За что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?» Мнѣ это надоѣло и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая вдаль; передо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа; можетъ-быть, и болѣе... Вдругъ что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ — но откуда?.. Прислушиваюсь: напѣвъ стройный — то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова — звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась вдаль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ —
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики
  Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка.
Лодка не снащенная
  Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
  По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
„Ужъ не тронь ты, злое море,
  Мою лодочку:
Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
  Буйная головушка“.

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять вприпрыжку моя Ундина; поровнявшись со мной, остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностью останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжде-

нія также и насчетъ красоты. Въ ней было много породы... порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т.-е. порода, а не юная Франція, большею частью изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвуньѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ, — все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума; я вообразилъ, что нашелъ Гетеву Миньойну — это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ.

— Скажи-ка мнѣ, красавица, — спросилъ я: — что ты дѣлала сегодня на кровлѣ? «А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ». Зачѣмъ тебѣ? «Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье». Что же? Развѣ ты пѣснею зазывала счастье? «Гдѣ поется, тамъ и счастливится». А какъ неравно напоешь себѣ горе? «Ну, что жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять недалеко». Кто жъ тебя выучилъ этой пѣснѣ? «Никто не выучилъ; вздумается — запою; кому услыхать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ». А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья? «Кто крестилъ, тотъ знаетъ». А кто крестилъ? «Почему я знаю». Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ [она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ будто не объ ней дѣло]. Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ. И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло! «Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ». А если бъ я, напримѣръ, вздумалъ донести коменданту? — и тутъ я сдѣлалъ очень серьезную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не у мѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но впослѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по-походному, засвѣтилъ свѣчу и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужъ я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся — то была она, моя Ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ; онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное: рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія начинала мнѣ надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то-есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный огненный поцѣлуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской старости, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо: «Нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ», и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу. «Экій бѣсъ-дѣвка!» закричалъ казакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака. «Если я выстрѣлю изъ пистолета, — сказалъ я ему, — то бѣги на берегъ». Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: «Слушаю, ваше благородіе». Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

— Идите за мной, — сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, какъ я не сломилъ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дорогѣ, гдѣ накунунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ, и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темно-синемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу. «Войдемъ въ лодку», — сказала моя спутница. Я колебался — я не охотникъ до сентиментальныхъ прогулокъ по морю, но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. «Что это значитъ?» сказалъ я сердито. «Это значитъ, — отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками,—это значитъ, что я тебя люблю»... Щека ея прижалась къ моей, и я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду; я хвать за поясъ — пистолета нѣтъ. О! тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь — мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя — она, какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, а между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости... «Чего ты хочешь!» закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видѣлъ, — отвѣчала она:—ты донесешь! — и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно: голова ея мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла, и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ накунунѣ слѣпой дожидался ночного пловца. Луна уже катилась по небу, и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ; мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка: быстро приблизилась она; изъ нея, какъ накунунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ онъ былъ по-казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. «Янко, — сказала она,—все пропало!» Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, я ничего не могъ разслушать. «А гдѣ же слѣпой?» сказалъ, наконецъ, Янко, возвыся голосъ. «Я его послала», былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

— Послушай, слѣпой,—сказалъ Янко:— ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи [имени я не разслушалъ], что я ему больше не слуга: дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ, а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ! — Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ:— Она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться, а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Насъ же больше не увидитъ.

— А я! — сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

— На что мнѣ тебя? — былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя Ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукой; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: «Ну, купи себѣ пряниковъ». «Только?» сказалъ слѣпой. «Ну, вотъ тебѣ еще», и упавшая монета зазвенѣла, ударясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на бере-

гу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ *честныхъ контрабандистовъ?* Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну.

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ — подарокъ пріятеля, все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восемнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось съ старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ — не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!..

1839 г.

II.

КНЯЖНА МЕРИ.

11-го мая.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?.. Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

. . . .

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно подымающихся въ гору: то были большею частію семейства степныхъ помѣщиковъ; объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся *водяная* молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ, петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать хозяйки водъ, были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнеты; онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерованной пуговицей пылкое сердце и подъ бѣлой фуражкой—образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ-быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ— однако не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ: они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодецъ кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтлоголубые галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдуютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столич-

ныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ вотъ и колодецъ... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлею надъ ванной, а подальше галлерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли, — блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходило взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лѣчиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы, и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

— Печоринъ! давно ли здѣсь?

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воды, съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій — юнкеръ. Онъ только годъ въ службѣ; носитъ по особенному роду франтовства толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно; онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производить эффектъ — ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами; иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому, имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остръ; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль — сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. — Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..

Я его также не люблю и чувствую, что мы когда-нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ — и одному изъ насъ не сдобровать.

Пріѣздъ его на Кавказъ — также слѣдствіе его романтическаго фанатизма. Я увѣренъ, что наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: «нѣтъ, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что я для васъ? Поймете ли вы меня?..» и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантію, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ-то, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ его разспрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

— Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую, — сказалъ онъ, вздохнувъ: — пьющіе утромъ воду—вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино по вечеру — несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними не знакомъ. Моя солдатская шинель — какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело какъ милостыня.

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лица за шляпками я не разглядѣлъ, но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье gris de perles; легкая шелковая косынка вилась вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки couleur puce стягивали у щиколотка ея сухощавую ножку такъ мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что-то дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея повѣяло тѣмъ неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дышитъ иногда записка милой женщины.

— Вотъ княгиня Лиговская, — сказалъ Грушницкій, — и съ нею дочь ея Мери, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня.

— Однако ты ужъ знаешь ея имя?

— Да, я случайно слышалъ, — отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ. — Признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотритъ на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шинелью?

— Бѣдная шинель! — сказалъ я, усмѣхаясь. — А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подаетъ имъ стаканъ?

— О! это московскій франтъ Раевичъ. Онъ игрокъ: это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ; да и борода кстати, и прическа a la moujik.

— Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго?

— И есть за что...

— О! право?

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую позу съ помощью костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по-французски:

— Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ, любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

— Эта княжна Мери прехорошенькая,— сказалъ я ему.—У нея такіе бархатные глаза—именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ; нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ. Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... А что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади,—сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

— Mon cher, — отвѣчалъ я ему, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ:—je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по винограднымъ аллеямъ, по известчатымъ скаламъ и висящимъ между нихъ кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остановился у крытой галлереи, чтобъ вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣла на лавкѣ, въ крытой галлереѣ, и оба были заняты, кажется, серьезнымъ разговоромъ. Княжна, вѣроятно, допивъ ужъ послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкій стоялъ

у самаго колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за уголъ галлереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усиливался нагнуться, чтобъ его поднять; больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все это лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести; потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галлерею, и, убѣдившись, что ея маменька ничего не видала, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галлереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный — даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу: она вбѣжала въ ворота одного дома изъ лучшихъ домовъ Пятигорска; за нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

— Ты видѣлъ? — сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку. — Это просто ангелъ!

— Отчего? — спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

— Развѣ ты не видалъ?

— Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Если бъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на прострѣленную ногу...

— И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?

— Нѣтъ.

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое, пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу; это чувство было—зависть; я говорю смѣло «зависть», потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно при немъ отличившую другого, ей равно незнакомаго, врядъ ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ (разумѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе), который бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну?..

13-го мая.

Нынче поутру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ — человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ поэтъ — и не на шутку: поэтъ на дѣлѣ всегда, и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылѣчить отъ лихорадки. Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага. Онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому

что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника. У него былъ злой языкъ: подъ вывѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ карикатуры на своихъ больныхъ — больные взбеленились: почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то-есть всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упавшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впослѣдствіи, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной, оттого-то, можетъ-быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ и слабъ какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красовались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстукъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ; изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да, притомъ, у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философскометафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ: каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

— Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ... — сказалъ докторъ.

— Въ чемъ это? — спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

— Въ томъ,—отвѣтилъ онъ,—что, рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче васъ,—сказалъ я:—у меня, кромѣ этого, есть еще убѣжденіе, именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться.

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а, право, изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серіозно, пока замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились, довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи — и мы оба замолчали.

— Замѣтьте, любезный докторъ, — сказалъ я: — что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово — для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать; и знать больше не хотимъ; остается одно средство: разсказывать новости. Скажите же мнѣ какую-нибудь новость.

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ...

Онъ отвѣчалъ, подумавши:

— Въ вашей галиматьѣ, однакожъ, есть идея.

— Двѣ, — отвѣчалъ я.

— Скажите мнѣ одну, я вамъ скажу другую.

— Хорошо, начинайте! — сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

— Вамъ хочется знать какія-нибудь подробности насчетъ кого-нибудь изъ пріѣхавшихъ на воды, и я ужъ догадываюсь, о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали.

— Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить разсказать что-нибудь; во-первыхъ, потому что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ-третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ-четвертыхъ, потому что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ разсказчиковъ. Теперь къ дѣлу; что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?

— Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?..

— Совершенно убѣжденъ.

— Почему?

— Потому, что княжна спрашивала о Грушницкомъ.

— У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль...

— Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи?

— Разумѣется...

— Завязка есть! — закричалъ я въ восхищеніи. — Объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно.

— Я предчувствую, — сказалъ докторъ, — что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой...

— Дальше, докторъ.

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей замѣтилъ, что, вѣрно, она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь въ свѣтѣ... я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно. Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шуму... Княгиня стала разсказывать о вашихъ похожденіяхъ, прибавляя, вѣроятно, къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ.

— Достойный другъ! — сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

— Если хотите, я васъ представлю...

— Помилуйте! — сказалъ я, всплеснувъ руками. — Развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную...

— И вы въ самомъ дѣлѣ хотите волочиться за княжной?..

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!.. Докторъ, наконецъ я торжествую: вы меня не понимаете!.. Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ, — продолжалъ я послѣ минуты молчанія: — я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу при случаѣ отъ нихъ отпереться. Однакожъ вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что они за люди?

— Во-первыхъ, княгиня — женщина сорока пяти лѣтъ, — отвѣчалъ Вернеръ: — у ней прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ и тутъ, на покоѣ, растолстѣла. Она любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?.. Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу. Княгиня лѣчится отъ ревматизма, а дочь Богъ знаетъ отъ чего. Я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать: она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по-англійски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ не любезны вообще, что съ ними кокетничать, должно-быть, для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ — московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками.

— А вы были въ Москвѣ, докторъ?

— Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч. Она была одну зиму въ Петербургѣ, и онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли.

— Вы никого у нихъ не видали сегодня?

— Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая-то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужу, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили ль вы ее у колодца? — она средняго роста, блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная родинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью.

— Родинка! — пробормоталъ я сквозь зубы. — Неужели?

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: «Она вамъ знакома!..» Мое сердце, точно, билось сильнѣе обыкновеннаго.

— Теперь ваша очередь торжествовать! — сказалъ я. — Только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но, увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ въ старину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, отнеситесь обо мнѣ дурно.

— Пожалуй! — сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?.. и какъ мы встрѣтимся?.. и потомъ, она ли это?.. Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю — ничего!

Послѣ обѣда часовъ въ шесть я пошелъ на бульваръ; тамъ была толпа: княгиня съ княжною сидѣли на скамьѣ, окруженныя молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ драгунскихъ офицеровъ, и началъ имъ что-то разсказывать: видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать какъ сумасшедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало-по-малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ; мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захожденія солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упадая на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

— Что онъ вамъ разсказывалъ? — спросила она у одного изъ молодыхъ людей, возвратившихся къ ней изъ вѣжливости. — Вѣрно, очень занимательную исторію — свои подвиги въ сраженіяхъ?.. — Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня. «Ага! — подумалъ я. — Вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будетъ!»

Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ: бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его кто-нибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца, на бульварѣ; я употреблю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ — и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя; теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ, и — увы! — мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ!

Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персид-

скій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!.. Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это я былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе; я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако, всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ: ходитъ, закинувъ руки за спину, и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла, онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкой.

— Ты рѣшительно не хочешь познакомиться съ Лиговскими? — сказалъ онъ мнѣ вчера.

— Рѣшительно.

— Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...

— Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?

— Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ-то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится... Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты...

— Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты, просто, не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да, солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ.

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

— Какой вздоръ!—сказалъ онъ.

— Я увѣренъ, — продолжалъ я, — что княжна въ тебя ужъ влюблена.

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О, самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!..

— У тебя все шутки! — сказалъ онъ, показывая, будто сердится. — Во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...

— Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.

— Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться; я, просто, хочу познакомиться съ пріятнымъ домомъ; и было бы очень смѣшно, если бъ я имѣлъ какія-нибудь надежды... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло: вы, побѣдители петербургскіе, только посмотрите—такъ женщины таютъ... А знаешь ли, Печоринъ, что княжна о тебѣ говорила?..

— Какъ? Она тебѣ уже говорила обо мнѣ...

— Не радуйся, однако. Я какъ-то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было: «Кто этотъ господинъ, у котораго такой непріятный, тяжелый взглядъ? Онъ былъ съ вами, тогда»... Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку. «Вамъ не нужно сказывать дня,— отвѣчалъ я ей,—и онъ вѣчно мнѣ будетъ памятенъ...» Мой другъ, Печоринъ! я тебя не поздравляю: ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила?..

Надобно замѣтить, что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые, говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее *моя Мери*, *моя* Sophie, если она имѣла счастіе имъ понравиться.

Я принялъ серьезный видъ и отвѣчалъ ему:

— Да, она недурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужествѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно — ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ — никогда не удовлетворять его вполнѣ; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить, а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не пріобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобою накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть тебя, но что Небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому

что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ черныю, здѣшней работы: оно мнѣ казалось подозрительнымъ. Я сталъ его разсматривать, и что же?.. мелкими буквами имя *Мери* было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные—и тутъ-то я буду наслаждаться!..

. . . .

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу — никого уже нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя мохнатыя тучки быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факелъ; кругомъ его вились и ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ напоенъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ родинкой на щекѣ, про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ! Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ! Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрыла ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

— Вѣра!—вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я знала, что вы здѣсь,—сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами; въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались,—сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ!

— Стало-быть, ужъ ты меня не любишь?..

— Я замужемъ!..—сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ-быть, ты любишь своего второго мужа?..

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что жъ? Онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе; на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, — наконецъ прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій...—Ея голосъ задрожалъ; она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

«Можетъ-быть,—подумалъ я,—ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда»...

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй; ея руки были холодны какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и дополняетъ значеніе словъ, какъ въ итальянской оперѣ.

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хромымъ старичкомъ, котораго я видѣлъ мелькомъ на бульварѣ; она вышла за него для сына: онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ надъ нимъ ни одной насмѣшки: она его уважаетъ какъ отца — и будетъ обманывать какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще и женское въ особенности!

Мужъ Вѣры, Семенъ Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ. Вѣра часто бываетъ у княгини: я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вни-

маніе. Такимъ образомъ мои планы нимало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело... Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже, мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!..

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины, напротивъ, я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это?—оттого ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это магнитическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я, точно, не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!..

Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердою волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами — и то, можетъ-быть, если бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе...

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было у нея чахотки, или той болѣзни, которую называютъ fièvre lente—болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставила меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она ввѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечностью — и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, быть-можетъ, навѣки: оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей; я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ—на память?.. А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль— все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко; усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, казаки, зѣвающіе на своихъ *вышкахъ,* видя меня скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо, вѣрно, по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго, оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешметъ бѣлый, черкеска темно-бурая. Я долго изучалъ горскую посадку: ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четырехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобъ не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ и никогда со мною не ѣздятъ вмѣстѣ. Было уже шесть часовъ пополудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать. Лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую колонію, куда часто водяное общество ѣздитъ en piquenique. Дорога идетъ, извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ проте-

каютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругомъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ овраговъ, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчіи *балками*, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь *черкесскаго съ нижегородскимъ;* впереди ѣхали Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ; онъ былъ довольно смѣшонъ въ этомъ геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрылъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сентиментальный. Наконецъ они приблизились къ спуску; Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?—говорила княжна.

— Что для меня Россія, — отвѣчалъ ея кавалеръ,—страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... — сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удивленіе. Онъ продолжалъ:

— Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если бы Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ, подобный тому...

Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

— Mon Dieu, un circassien!..— вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклоняясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus danereux que votre cavalier...

Она смутилась — но отчего? отъ своей ошибки, или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, т.-е. часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ, только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахромой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ ногайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался... Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?.. «Что дѣлаетъ теперь Вѣра?» думалъ я... Я бы дорого далъ, чтобъ въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Вѣрно, Грушницкій... Такъ и есть!

— Откуда?

— Отъ княгини Лиговской, — сказалъ онъ очень важно.—Какъ Мери поетъ!

— Знаешь ли что? — сказалъ я ему. — Я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...

— Можетъ-быть. Какое мнѣ дѣло!..— сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить. Она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты, вѣрно, о себѣ самаго высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

«Ого!—подумалъ я.—У него, видно, есть уже надежды».

— Впрочемъ, для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкій:—тебѣ теперь трудно познакомиться съ ними—а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый пріятный домъ для меня теперь мой, — сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобъ итти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?..

— Какой вздоръ! Если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ...

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной.

— Да, если она захочетъ говорить съ тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай...

— А я пойду шататься; я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ ресторацію, тамъ игра... мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія...

— Желаю тебѣ проиграться...

Я пошелъ домой.

21-го мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій, какъ тѣнь, слѣдуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безконечны; когда же онъ ей наскучитъ?.. Мать не обращаетъ на это вниманія, потому что онъ *не женихъ*. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два-три нѣжные взгляда—надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ явилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время пустили стаканы и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

— Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?.. Мы только тамъ можемъ видѣться...

Упрекъ!.. Скучно!.. Но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ ресторацій, и я буду танцовать съ княжной мазурку.

29-го мая.

Зала ресторацій превратилась въ залу благороднаго собранія. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явилась изъ послѣднихъ; многія дамы посмотрѣли на нее съ завистью и недоброжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократками, утаивъ зависть, примкнулись къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество женщинъ, тамъ сейчасъ явится высшій и низшій кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушницкій, прижавъ лицо къ стеклу и не спуская глазъ съ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула ему головой. Онъ просіялъ какъ солнце... Танцы начались польскимъ; потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я сталъ сзади одной толстой дамы, осѣненной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи — счастливую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на меня въ лорнетъ... C'est impayable... И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо бы проучить...

— За этимъ дѣло не станетъ! — отвѣчалъ услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяющихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на бокъ — и мы пустились. Я не знаю тальи болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ своихъ товарищей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура (она вальсируетъ удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое:— merci, monsieur.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я сказалъ ей, принявъ самый покорный видъ:

— Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомымъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... Неужели это правда?

— И вамъ бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи? — отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физіономіи.

— Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ-нибудь оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть еще большую дерзость: просить у васъ прощенія... И, право, я бы очень желалъ

доказать вамъ, что вы насчетъ меня ошибались...

— Вамъ это будетъ довольно трудно...

— Отчего же?..

— Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы, вѣроятно, не часто будутъ повторяться.

«Это значитъ, — подумалъ я, — что ихъ двери для меня навѣки закрыты».

— Знаете, княжна, — сказалъ я съ нѣкоторой досадой, — никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...

Хохотъ и шушуканье насъ окружающихъ заставили меня обернуться и прервать мою фразу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла группа мужчинъ, и въ ихъ числѣ драгунскій капитанъ, изъявившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ-то очень доволенъ: потиралъ руки, хохоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей, и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руки за спину, онъ уставилъ на нее мутно сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

— Пермете... ну, да что тутъ... просто; ангажирую васъ на мазурку...

— Что вамъ угодно? — произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ, кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

— Что же, — сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знакомъ, — развѣ вамъ не угодно?.. Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazure... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!.. Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться — потому, — прибавилъ я, — что княжна давно ужъ обѣщалась танцовать мазурку со мною.

— Ну, нечего дѣлать!.. въ другой разъ! — сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

— Я не знаю, какъ случилось, что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы, — прибавила она, — но признайтесь, вы этому одни виною; вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ сплинъ... Не правда ли?

Я сказалъ ей одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ съ хоръ загремѣла музыка; мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе, произведенное на нее непріятною сценою, мало-по-малу разсѣялось; личико ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

— Вы странный человѣкъ! — сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

— Я не хотѣлъ съ вами знакомиться, — продолжалъ я, — потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись: они всѣ прескучные...

— Всѣ! Неужели всѣ?

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла и, наконецъ, произнесла рѣшительно: всѣ!

— Даже мой другъ Грушницкій?

— А онъ вашъ другъ? — сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

— Да.

— Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...

— Но въ разрядъ несчастныхъ, — сказалъ я, смѣясь.

— Конечно! А вамъ смѣшно? Я бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...

— Что жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А развѣ онъ юнкеръ?..—сказала она быстро, и потомъ прибавила: — А я думала...

— Что вы думали?..

— Ничего!.. Кто эта дама?

Тутъ разговоръ перемѣнилъ направленіе и къ этому ужъ болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались — до свиданія. Дамы разъѣхались. Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

— Ага! — сказалъ онъ. — Такъ-то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти.

— Я сдѣлалъ лучше,— отвѣчалъ я ему:— спасъ ее отъ обморока на балѣ...

— Какъ это? Разскажите.

— Нѣтъ, отгадайте—о вы, отгадывающій все на свѣтѣ!

30-го мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ; какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?..

— Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стоитъ благодарности, — отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

— Какъ? а вчера? ты развѣ забылъ?.. Мери мнѣ все разсказала.

— А что? развѣ у васъ ужъ нынче все общее? и благодарность?

— Послушай, — сказалъ Грушницкій очень важно:—пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ. Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю, я надѣюсь, она также меня любитъ... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! женщины! кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ... То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынче они тусклы и холодны...

— Это, можетъ-быть, слѣдствіе дѣйствія водъ, — отвѣчалъ я.

— Ты во всемъ видишь худую сторону... матеріалистъ! — прибавилъ онъ презрительно. — Впрочемъ, перемѣнимъ матерію,— и, довольный плохимъ каламбуромъ, онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ.

Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось похохотать, но она удерживалась, чтобъ не выйти изъ принятой роли; она находитъ, что томность къ ней идетъ, и, можетъ-быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ее не заражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

— Довольна ль ты моимъ послушаніемъ, Вѣра? — сказалъ я, проходя мимо ея.

Она мнѣ кинула взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ; но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепіано; всѣ просили ее спѣть что-нибудь — я молчалъ, и, пользуясь суматохой, отошелъ къ окну съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что-то очень важное для насъ обоихъ... Вышло — вздоръ...

Между тѣмъ княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О! я удивительно понимаю этотъ разговоръ, нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!..

Она запѣла; ея голосъ недуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ, я не слушалъ. Зато Грушницкій, облокотясь на рояль противъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: «charmant!.. délicieux!..»

— Послушай, — говорила мнѣ Вѣра: — я не хочу, чтобъ ты знакомился съ мо-

имъ мужемъ, но ты долженъ непремѣнно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...

— Только?..

Она покраснѣла и продолжала:

— Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацію... не для себя — ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣньями и притворной холодностью; я, можетъ-быть, скоро умру; я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его.

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то насчетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

— Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно, — сказала она,—что вы меня вовсе не слушали; но вы, можетъ-быть, не любите музыку?..

— Напротивъ... послѣ обѣда особенно.

— Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи.

— Вы ошибаетесь опять; я вовсе не гастрономъ: у меня прекрасный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово; слѣдовательно, я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно или слишкомъ весело. То и другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой-то сентиментальный разговоръ; кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбіе—вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадой, наконецъ, удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!.. Какъ быть! у меня есть предчувствіе... Знакомясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она меня любить или нѣтъ.

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и досыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любитъ — право, не знаю; тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?..

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Ну, что?

— Ты глупъ, — хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечами.

6-го іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ; я разсказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами: это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сентиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходилъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада, или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій — на Грушницкаго.

— У васъ очень мало самолюбія! — сказала она мнѣ вчера. — Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

— И моимъ,—прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьезный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива; нынче поутру у колодца—еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой, но только что завидѣла меня, она стала хохотать [очень не кстати], показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней; она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ.—Еще два дня не буду съ ней говорить.

11-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностью предпріятія...

Но ничуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство — истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности — только въ невозможности достигнуть цѣли, то-есть конца.

Изъ чего же я хлопочу? — Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

— Мой другъ, со мною было то же самое, и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ.

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось, кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи — созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть, или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплектическаго удара.

Страсти—не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ; душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждает-

ся въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собственной жизнью—лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?.. Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя и, слѣдственно, все, что я въ него ни брошу, будетъ со временемъ для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

. . . .

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею: онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Я васъ не поздравляю,—сказалъ онъ Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ, и признайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ, сшитый здѣсь, на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь подойдете подъ общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться. Онъ не знаетъ,— прибавилъ Грушницкій мнѣ на ухо, — сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты!.. О... эполеты, эполеты! ваши звѣздочки—путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ! я теперь совершенно счастливъ.

— Ты идешь съ нами гулять къ провалу?—спросилъ я его.

— Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не готовъ будетъ мундиръ.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мнѣ, однако, какъ твои дѣла съ нею?

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?..

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія!.. какъ можно такъ скоро?.. Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ...

— Хорошо! И, вѣроятно, по-твоему, порядочный человѣкъ долженъ молчать о своей страсти?..

— Эхъ, братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она?..—отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись.— Мнѣ жаль тебя, Печоринъ!..

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ; я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ; сначала выказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя и кончилъ искреннею злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

— Вы — опасный человѣкъ! — сказала она мнѣ. — Я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычокъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня—я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно.

— Развѣ я похожъ на убійцу?..

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко-тронутый видъ:

— Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло — никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ — меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная

молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили; я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе — не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины: но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ—нѣтъ; особенно, когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала — а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу: дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

— Любили ли вы? — спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала, съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть! кисейный рукавъ—слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая, что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня, а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? — сказала мнѣ княжна съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой: она себя обвиняетъ въ холодности... О, это первое, главное торжество.

Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть — вотъ что скучно.

12-го іюня.

Нынче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрить свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

— Я отгадываю, къ чему все это клонится, — говорила мнѣ Вѣра: — лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То зачѣмъ же ее преслѣдовать, тревожить, волновать ея воображеніе!.. О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣзавтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ: мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезанинѣ; внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?..

Я обѣщалъ и въ этотъ же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ его мундиръ, какъ разъ къ балу.

— Наконецъ я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь! — прибавилъ онъ.

— Когда же балъ?

— Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить...

— Пойдемъ на бульваръ...

— Ни за что, въ этой гадкой шинели...

— Какъ, ты ее разлюбилъ?..

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ,— сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

— Вы будете завтра пріятно удивлены,— сказалъ я ей.

— Чѣмъ?..

— Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь.

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ?

Вѣра все это замѣтила; на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погрузясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви, разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

13-го іюня.

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эполеты, неимовѣрной величины, были загнуты кверху, въ видѣ крылышекъ Амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневыя лайковыя перчатки и фуражку, а правою взбивалъ ежеминутно въ мелкіе кудри завитой хохолъ. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ: его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если бъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обмахивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстучникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полвершка изъ-за воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху, до ушей; отъ этой трудной работы—ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ — лицо его налилось кровью.

— Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моей княжной?—сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на меня.

— Гдѣ намъ дуракамъ чай пить! — отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

— Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?.. Охъ, проклятый жидъ!.. какъ подъ мышками рѣжетъ... Нѣтъ ли у тебя духовъ?

— Помилуй, чего тебѣ еще? отъ тебя и такъ ужъ несетъ розовой помадой.

— Ничего, дай-ка сюда...

Онъ налилъ себѣ полсклянки за галстукъ, въ носовой платокъ, на рукава.

— Ты будешь танцовать? — спросилъ онъ.

— Не думаю.

— Я боюсь что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку—я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звалъ ее на мазурку?

— Нѣтъ еще...

— Смотри, чтобъ тебя не предупредили...

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. — Прощай... Пойду дожидаться ее у подъѣзда. — Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія, или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносилъ ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, думалъ я, мое

единственное назначеніе на землѣ — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводитъ меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта: невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача, или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ — или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для «Библіотеки для Чтенія»?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а, между тѣмъ, цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?..

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что-то говорилъ съ большимъ жаромъ: она его разсѣянно слушала, смотрѣла по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кругомъ кого-то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

— Вы меня мучите, княжна!—говорилъ Грушницкій.—Вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ...

— Вы также перемѣнились, — отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

— Я? я перемѣнился?.. О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашъ божественный образъ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?..

— Потому что я не люблю повтореній,— отвѣчала она, смѣясь.

— О, я горько ошибся!.. Я думалъ, безумный, что, по крайней мѣрѣ, эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше бы мнѣ вѣкъ оставаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ-быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу...

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ: она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсье Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсье Грушницкому?..

— Я съ вами не согласенъ, — отвѣчалъ я: — въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчики, онъ имѣлъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

— А признайтесь,—сказалъ я княжнѣ,— что хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интересенъ... въ сѣрой шинели?..

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣлъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужъ ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя,— сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? — спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.— Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки, отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся? Желать и добиваться чего-нибудь—понимаю; а кто жъ надѣется?

— Ты выигралъ пари, только не совсѣмъ, — сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну, другіе кавалеры поминутно ее выбирали: это явно былъ заговоръ противъ меня — тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ — ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ей руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ! — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ молчали; видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ; а теперь, кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіе ужина Грушницкій шептался и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой: во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто же виноватъ? Зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ нею наединѣ? Любовь, какъ огонь,—безъ пищи гаснетъ. Авось, ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла: больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла въ самомъ дѣлѣ грозный видъ. Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и отчаянный видъ: онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ, огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!..

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. *Я не видалъ ея? Она больна?* Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?.. Какой вздоръ!

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра — часъ, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ — я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю, людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепіано, опершись одной рукой на спинку креселъ; эта рука чуть-чуть дрожала! Я тихо подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы на меня сердитесь?..

Она подняла на меня томный, глубокій взоръ и покачала головой; ея губы хотѣли проговорить что-то, и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресло и закрыла лицо руками.

— Что съ вами? — сказалъ я, взявъ ея руку.

— Вы меня не уважаете!.. О, оставьте меня!..

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ; глаза ея засверкали.

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказалъ:

— Простите меня, княжна! я поступилъ какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится; я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете, и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте!..

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

— Правда ли,—спросилъ онъ,—что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?

— А что?

— Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью; а ужъ эти больные такой народъ: все знаютъ!

«Это штуки Грушницкаго», подумалъ я.

— Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ слуховъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ...

— И княжна также?..

— Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...

— Такъ вы не женитесь?..

— Докторъ, докторъ! посмотрите на меня: неужели я похожъ на жениха, или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи, — прибавилъ онъ, хитро улыбаясь,—въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя, по крайней мѣрѣ, не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ пріятель, быть осторожнѣе. Здѣсь, на водахъ, преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи, и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна. Я имѣлъ несчастіе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состояніе — пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчалъ, что я къ этому неспособенъ.

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ словъ его я замѣтилъ, что про меня и княжну ужъ распущены въ городѣ разные дурные слухи: это Грушницкому даромъ не пройдетъ!

18-го іюня.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнетъ на ея балконъ; она давно ужъ одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Не даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключомъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышитъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно — и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами, и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны, и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи, и постоянный сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно взапуски и, наконецъ, кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужъ много каретъ проѣхало по этой дорогѣ — а той все нѣтъ. Слободка, которая за крѣпостью, населилась; въ ресторацiи, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать два эти ремесла,
Есть тьма охотниковъ—я не изъ ихъ числа.

Грушницкій съ своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ, и со мной почти не кланяется.

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде него сѣсть въ ванну; рѣшительно—несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

22-го іюня.

Наконецъ онѣ пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты; у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюбленъ?.. Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать.

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно, и не отходитъ отъ дочери... плохо! Зато Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ—добился же я этого благополучія. Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума: женщинъ трудно убѣдить въ чемъ-нибудь; надо ихъ довести до того,

чтобъ онѣ убѣдили себя сами. Порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

Этотъ человѣкъ любитъ меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ — слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ ужъ ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оное имѣется.

Что, если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ? «Клевета!» закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ, и женщины ихъ читаютъ (за что имъ глубочайшая благодарность), ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Нерона полубогомъ.

Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, мнѣ, который, кромѣ нихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ, мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе—

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати: Вернеръ намедни сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». «Только приступи, — говорилъ онъ, — на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а итти прямо; мало-по-малу чудовища исчезаютъ, и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. Зато бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!»

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обиленъ происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельѣ, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала, называемая *Кольцомъ*, это — ворота, образованныя природой; они подымаются на высокомъ холмѣ, и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свой послѣдній пламенный взглядъ. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣки, самыя мелкія, опасны особенно тѣмъ, что дно ихъ совершенный калейдоскопъ: каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется: гдѣ былъ вчера камень, тамъ нынче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что, переѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на срединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулась. «Мнѣ дурно!» проговорила она слабымъ голосомъ. Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талію.

— Смотрите наверхъ!—шепнулъ я ей.— Это ничего, только не бойтесь; я съ вами.

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ.

— Что вы со мной дѣлаете?.. Боже мой!..

Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала, мы ѣхали сзади: никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее безпокоило мое мол-

— Смотрите наверхъ! — шепнулъ я ей. — Это ничего, только не бойтесь; я съ вами.

чаніе, но я поклялся не говорить ни слова — изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

— Или вы меня презираете или очень любите! — сказала она, наконецъ, голосомъ, въ которомъ были слезы. — Можетъ-быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу, и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли, — прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности,—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!..

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите?—продолжала она.—Вы, можетъ-быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...

Я молчалъ.

— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ? — отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю вампира... А еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой. Луна подымалась изъ-подъ темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной лошади глухо раздавался въ молчаніи ущелій; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя раза два свѣжій воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободку. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и казаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались...

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщеніе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшіе военную пирушку. Я слѣзъ и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскій капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманія.

— Господа,—сказалъ онъ,—это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскія слётки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ, — да, трусъ!

— Я думаю то же, — сказалъ Грушницкій. — Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой бы меня изрубилъ на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я, разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло; да не хотѣлъ и связываться...

— Грушницкій на него золъ за то, что онъ отбилъ у него княжну, — сказалъ кто-то.

— Вотъ еще что вздумалъ! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ.

— Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшій трусъ, то-есть Печоринъ а не Грушницкій, а Грушницкій молодецъ, и притомъ онъ мой истинный другъ!—сказалъ опять драгунскій капитанъ.

— Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? Тѣмъ лучше! хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавитъ...

— Хотимъ; только какъ?

— А вотъ слушайте: Грушницкій на него особенно сердитъ — ему первая роль! Онъ придерется къ какой-нибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... По-

годите; вотъ въ этомъ-то и штука... Вызоветъ на дуэль: хорошо! Все это—вызовъ, приготовленіе, условія, будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе — я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ—на шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано!.. Согласны!.. Почему же нѣтъ?..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты, Грушницкій?

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: «Хорошо, я согласенъ!»

Трудно описать восторгъ всей честной компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они всѣ меня ненавидятъ?—думалъ я.—За что? Обидѣлъ ли я кого-нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?» И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегитесь, господинъ Грушницкій! — говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.— Со мной этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!..»

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ померанецъ.

Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

— Вы больны?—сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... Я васъ обвиняла... можетъ-быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?..

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ-быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй — сжальтесь... вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, — отвѣчалъ я княжнѣ: — не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли.

— Оставьте меня, — сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

25-го іюня.

Я иногда себя презираю... Не оттого ли я презираю и другихъ?.. Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы, на моемъ мѣстѣ, предложилъ княжнѣ son coeur et sa fortune, но надо мною слово *жениться* имѣетъ какую-то волшебную власть: какъ бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться—прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли? Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ *смерть отъ злой жены;* это меня тогда глубоко поразило: въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ что-то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ, буду стараться, чтобъ оно сбылось какъ можно позже.

26-го іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ *Апфельбаумъ.* На дверяхъ рестораціи яви-

лась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышепоименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія (иначе — въ рестораціи); билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются итти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

«Сегодня въ десятомъ часу вечера приходи ко мнѣ по большой лѣстницѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ, и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ: я имъ всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини. Я жду тебя; приходи непремѣнно».

— Ага! — подумалъ я. — Наконецъ-таки вышло по-моему.

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужъ нѣсколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающій вѣтеръ шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ ресторацію; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать; однако я, изъ осторожности, обошелъ, будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я услышалъ снова шаги за собою; человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась, маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видалъ? — сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

— Никто.

— Теперь ты вѣришь ли, что я тебя люблю? О! я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь.

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастія. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

— Такъ ты не женишься на Мери? не любишь ее?.. А она думаетъ... знаешь ли, она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!..

. . . .

. . . .

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; предъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо:

— Ага, — сказалъ грубый голосъ, — попался!.. будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!

— Держи его крѣпче! — закричалъ другой, выскочившій изъ-за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ домовъ, были мнѣ извѣстны.

— Воры! караулъ!..— кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

— Печоринъ! Вы спите? Здѣсь вы?..— закричалъ капитанъ.

— Сплю,—отвѣчалъ я сердито.

— Вставайте!—воры... черкесы...

— У меня насморкъ, — отвѣчалъ я: — боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бъ еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога между тѣмъ сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ—и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если бъ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то, по крайней мѣрѣ, десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. Выпивши положенное число стакановъ нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли въ рестарацію завтракать; онъ ужасно безпокоился о женѣ. «Какъ она перепугалась нынче ночью!—говорилъ онъ. — Вѣдь надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи». Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ и, слѣдственно, я не могъ подозрѣвать умысла; но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы?—сказалъ кто-то.—Видѣлъ ли ихъ кто-нибудь?

— Я вамъ разскажу всю истину,—отвѣчалъ Грушницкій, — только, пожалуйста, не выдавайте меня. Вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вчера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливца.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно непріятныя, если бъ неравно Грушницкій отгадалъ истину; но, ослѣпленный ревностью, онъ не подозрѣвалъ ея.

— Вотъ видите ли,— продолжалъ Грушницкій,— мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патрономъ, только такъ, чтобъ попугать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ— ужъ Богъ знаетъ откуда онъ явился, только не изъ окна, потому что оно не отворялось, а должно-быть онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что за колонной, — наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходитъ кто-то съ балкона... Какова княжна? А? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты: тутъ я по немъ выстрѣлилъ.

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

— Вы не вѣрите? — продолжалъ онъ. — Даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто жъ онъ? — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ,—отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза—я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужъ дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

— Прошу васъ, — продолжалъ я тѣмъ же тономъ, — прошу васъ сейчасъ же отказаться отъ вашихъ словъ; вы очень

хорошо знаете, что это—выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ вашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка и рискуете жизнью.

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

— Милостивый государь, когда я что говорю, такъ я это думаю и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все.

— Послѣднее вы ужъ доказали, — отвѣчалъ я ему холодно и, взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

— Что вамъ угодно? — спросилъ капитанъ.

— Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?

Капитанъ поклонился очень важно.

— Вы отгадали, — отвѣчалъ онъ: — я даже обязанъ быть его секундантомъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью,— прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

— А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?..

Онъ пожелтѣлъ, посинѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

— Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секунданта,— прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторации я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

— Благородный молодой человѣкъ, — сказалъ онъ съ слезами на глазахъ. — Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! Неблагодарный!.. Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ наградитъ та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры, до времени,—продолжалъ онъ.—Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте.

Бѣдняжка! Радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру, засталъ его дома и разсказалъ ему все—отношенія мои къ Вѣрѣ и княжнѣ и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ—подурачить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но нимало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

— Противъ васъ, точно, есть заговоръ, — сказалъ онъ.— Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобъ снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ... «Ни за что не соглашусь! — говорилъ Грушницкій. — Онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое...» — «Какое тебѣ дѣло? — отвѣчалъ капитанъ.—Я все беру на себя. Я былъ секундантомъ на пяти дуэляхъ и ужъ знаю, какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Постращать не худо. А зачѣмъ подвергать себя опасности, если можно избавиться?» Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа утра, а мы выѣдемъ полчаса послѣ нихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ — этого требовалъ самъ Грушницкій. Убитаго—на счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то-есть секунданты, должно-быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулею одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіатской войнѣ, хитрости позволяются; только Грушницкій, кажется, поблагороднѣе своихъ

товарищей. Какъ вы думаете: должны ли мы показать имъ, что догадались!

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Это—моя тайна.

— Смотрите, не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ.

— Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей звать меня къ княгинѣ—я велѣлъ сказать, что боленъ.

. . . .

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А, господинъ Грушницкій! Ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать на вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій... и тогда... и тогда... что если его счастье перетянетъ? если моя звѣзда, наконецъ, мнѣ измѣнитъ?.. И немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что жъ? Умереть, такъ умереть! Потеря для міра небольшая, да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!..

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей, пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радость и страданья — и никогда не могъ насытиться. Такъ томимый голодомъ въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ передъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся—мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ-быть, я завтра умру!.. И не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе — мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? А все живешь изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно!

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно; вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!.. Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событіями.

Перечитываю послѣднюю страницу: смѣшно! — Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты ни одного оттѣнка не стерло время!

Я помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго; тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были «Шотландскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...

Наконецъ разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлся въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, бли-

стали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлать лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ Нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!..

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрыя рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ эту маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой; у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

— Отчего вы такъ печальны, докторъ?— сказалъ я ему. — Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздоровѣть, могу и умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня, какъ на паціента, одержимаго болѣзнью, вамъ еще неизвѣстной — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ физіологическихъ наблюденій... Ожиданіе насильственной смерти не есть ли уже настоящая болѣзнь?

Эта мысль поразила доктора, и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ. Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились; мигомъ проскакали мимо крѣпости чрезъ слободку и въѣхали въ ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться въ бродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе голубого и свѣжаго! Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню — въ этотъ разъ, больше чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей? какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и наконецъ они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе?— вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?..

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы хотѣли послать свое послѣднее прости?

— Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память!..

— Хотите ли, докторъ,— отвѣчалъ я ему,—чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или не напомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого.— Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему — Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей — и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, быть-можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?.. Посмотрите, докторъ: видите ли вы на скалѣ, направо, чернѣются три фигуры? Это, кажется, наши противники?..

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ, были привязаны три лошади; мы своихъ привязали тутъ же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатье-

вичемъ; фамиліи его я никогда не слыхалъ.

— Мы давно ужъ васъ ожидаемъ, — сказалъ драгунскій капитанъ съ иронической улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось затруднительное молчаніе; наконецъ докторъ прервалъ его, обратясь къ Грушницкому:

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что, показавъ оба готовность драться и заплативъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дѣло полюбовно.

— Я готовъ,—сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и этотъ, думая, что я трушу, принялъ гордый видъ, хотя до сей минуты тусклая блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый разъ поднялъ на меня глаза, но во взглядѣ его было какое-то безпокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условія, — сказалъ онъ,—и все, что я могу для васъ сдѣлать, то будьте увѣрены...

— Вотъ мои условія: вы нынче же публично откажетесь отъ своей клеветы и будете просить у меня извиненія...

— Милостивый государь, я удивляюсь, какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія вещи?..

— Что жъ я вамъ могъ предложить, кромѣ этого?..

— Мы будемъ стрѣляться.

Я пожалъ плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что одинъ изъ насъ непремѣнно будетъ убитъ.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я такъ увѣренъ въ противномъ...

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону; они долго шептались. Я пріѣхалъ въ довольно миролюбивомъ расположеніи духа, но все это начинало меня бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

— Послушайте, — сказалъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ:—вы, вѣрно, забыли про ихъ заговоръ?.. Я не умѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы знаете ихъ намѣреніе—и они не посмѣютъ... Что за охота? Подстрѣлятъ васъ какъ птицу...

— Пожалуйста, не безпокойтесь, докторъ, и погодите... Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться.

— Господа! это становится скучно, — сказалъ я имъ громко. — Драться, такъ драться; вы имѣли время вчера наговориться.

— Мы готовы,—отвѣчалъ капитанъ.— Становитесь, господа! Докторъ, извольте отмѣрить шесть шаговъ...

— Становитесь!—повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

— Позвольте! — сказалъ я. — Еще одно условіе: такъ какъ мы будемъ драться насмерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною, и чтобъ секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется вдребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! — сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить такимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ или сдѣлаться убійцей или, наконецъ, оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ бы быть на его мѣстѣ. Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали, но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой. «Ты

дуракъ! — сказалъ онъ Грушницкому довольно громко. — Ничего не понимаешь!.. Отправимтесь же, господа!»

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты, а потомъ мы съ докторомъ.

— Я вамъ удивляюсь, — сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку. — Дайте пощупать пульсъ!.. Ого! лихорадочный!.. но на лицѣ ничего незамѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на спинѣ, если бы его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! — закричалъ я ему. — Не падайте заранѣе; это — дурная примѣта. Вспомните Юрія Цезаря.

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыми ужъ бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ: голова чуть-чуть у меня не закружилась; тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавшагося угла отмѣрили шесть шаговъ и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить непріятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія — и тогда все устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать!.. Я хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

— Бросьте жребій, докторъ! — сказалъ капитанъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и поднялъ ее кверху.

— Рѣшетка! — закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человѣкъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчокъ.

— Орелъ! — сказалъ я.

Монета взвилась и упала, звеня; всѣ бросились къ ней.

— Вы счастливы, — сказалъ я Грушницкому: — вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю вамъ честное слово.

Онъ покраснѣлъ; ему было стыдно убить человѣка безоружнаго; я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ бросится къ ногамъ моимъ, умоляя о прощеніи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?.. Ему оставалось одно средство — выстрѣлить на воздухъ! Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

— Пора! — шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ. — Если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренія, то все пропало. Посмотрите, онъ ужъ заряжаетъ... Если вы ничего не скажете, то я самъ...

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ, — отвѣчалъ я, удерживая его за руку: — вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— О, это другое!.. Только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подалъ одинъ Грушницкому, съ улыбкой шепнулъ ему что-то, другой — мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонясь немного напередъ, чтобы въ случаѣ легкой раны не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, началъ поднимать пистолетъ. Колѣни его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ.

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

— Не могу,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Трусъ!—отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣй удалиться отъ края.

— Ну, братъ Грушницкій, жаль, что промахнулся! — сказалъ капитанъ. — Теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы ужъ не увидимся! — Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха. — Не бойся, — прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго: — все вздоръ на свѣтѣ... Натура — дура, судьба — индѣйка, а жизнь — копейка!

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто. Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня. Я до сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чувство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности, хотѣлъ меня убить, какъ собаку, ибо, раненый въ ногу немного сильнѣе, я бы непремѣнно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

— Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу,—сказалъ я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ васъ прошу: стрѣляйте скорѣе.

— И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? не просите у меня прощенія?.. Подумайте хорошенько: не говоритъ ли вамъ чего-нибудь совѣсть?

— Господинъ Печоринъ! — закричалъ драгунскій капитанъ. — Вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе: неравно кто-нибудь проѣдетъ по ущелью—и насъ увидятъ.

— Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ.

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! Онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ:

— Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова—и хорошенько!

— Не можетъ быть!—кричалъ капитанъ.—Не можетъ быть! Я зарядилъ оба пистолета: развѣ что изъ вашего пуля выкатилась... Это не моя вина! А вы не имѣете права переряжать... никакого права... Это совершенно противъ правилъ; я не позволяю...

— Хорошо! — сказалъ я капитану. — Если такъ, то мы будемъ съ вами стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ...

Онъ замялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь ихъ!—сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора. — Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки—Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ.

Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой.

— Дуракъ же ты братецъ!—сказалъ онъ. — Пошлый дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По дѣломъ же тебѣ! Околѣвай себѣ какъ муха... Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ:—А все-таки это совершенно противъ правилъ.

— Грушницкій,—сказалъ я,—еще есть время: откажись отъ своей клеветы, и я тебѣ прощу все. Тебѣ не удалось меня подурачить, и мое самолюбіе удовлетворено. Вспомни, мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали...

— Стрѣляйте!—отвѣчалъ онъ.—Я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ лег-

кимъ столбомъ еще вился на краю обрыва.

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

— Finita la comedia!—сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза.

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой; у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая до слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ бы мнѣ тягостенъ; я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ, и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

«Все устроено какъ можно лучше: тѣло привезено обезображенное; пуля изъ груди вынута. Всѣ увѣрены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендантъ, которому, вѣроятно, извѣстна ваша ссора, покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте».

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что могла она мнѣ писать?.. Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда болѣе не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь съ тобою, я думала то же самое; но Небу было угодно испытать меня вторично: я не вынесла этого испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это — не правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью: я обязана сказать тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя—ты поступилъ со мною, какъ поступилъ бы всякій другой мужчина: ты любилъ меня, какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, надѣясь, что когда-нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась съ душой моей: она потемнѣла, но не угасла.

«Мы разстаемся навѣки; однако ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно, ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

«Теперь я должна тебѣ объяснить причину моего поспѣшнаго отъѣзда; она тебѣ покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

«Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко мнѣ и разсказалъ про твою ссору съ Грушницкимъ. Видно, я очень перемѣнилась въ лицѣ, потому что онъ долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза; я едва не упала безъ памяти при мысли, что ты нынче долженъ драться, и что я этому причиной; мнѣ казалось, что я сойду съ ума... Но теперь, когда я могу разсуждать, я увѣрена, что ты останешься живъ: невозможно, чтобъ ты умеръ безъ меня, невозможно! Мой мужъ долго хо-

дилъ по комнатѣ: я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ, не помню, что я ему отвѣчала... вѣрно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что подъ конецъ нашего разговора онъ оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала, какъ онъ велѣлъ закладывать карету... Вотъ ужъ три часа, какъ я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла — но что за нужда? Если бъ я могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить—не говорю ужъ любить — нѣтъ, только помнить... Прощай; идутъ... я должна спрятать письмо...

«Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? — Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...»

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнья. Мысль не застать ея въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!.. При возможности потерять ее навѣки Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ, дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей... И между тѣмъ я все скакалъ, погоняя безпощадно. И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе дышитъ; онъ раза два ужъ споткнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Ессентуковъ— казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если бъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ! Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшого оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, дергаю за поводъ — напрасно: едва слышный стонъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; черезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ итти пѣшкомъ — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и, какъ ребенокъ, заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ; душа обезсилила, разсудокъ замолкъ, и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову, и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастіемъ безполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно? — ее видѣть? — зачѣмъ? не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

Мнѣ, однако, пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ-быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! Это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ, вѣроятно, если бъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужъ было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, разстегнулъ архалукъ—и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще неуспокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали за рѣкою, сквозь верхи густыхъ липъ, ее осѣняющихъ, мелькали огни въ строеніяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо, въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ; лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ, противъ обыкновенія, не протянулъ мнѣ руки.

— Откуда вы, докторъ?

— Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна — разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается и, хотя ничего нельзя дока-

зать положительно, однако я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочь. Ей все этотъ старичокъ разсказалъ... какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ ресторацiи. Я пришелъ васъ предупредить. Прощайте. Можетъ-быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда-нибудь.

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и если бъ я показалъ ему малѣйшее на это желанiе, то онъ бросился бы мнѣ на шею; но я остался холоденъ, какъ камень—и онъ вышелъ.

Вотъ люди! всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другого средства — а потомъ умываютъ руки и отворачиваются съ негодованiемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тягость отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные.

На другой день утромъ, получивъ приказанiе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю ли я ей сказать что-нибудь особенно важное, я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой и проч.

— А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серьезно.

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала, съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу; наконецъ она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушайте, мсье Печоринъ, я думаю, что вы благородный человѣкъ.

Я поклонился.

— Я даже въ этомъ увѣрена, — продолжала она: — хотя ваше поведенiе нѣсколько сомнительно, но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ-то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее—слѣдственно рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь, потому что Грушницкiй убитъ (она перекрестилась). Богъ ему проститъ — и, надѣюсь, вамъ также!.. Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю, все; вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей? (тутъ княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь! Печаль тайная ее убиваетъ; она не признаётся, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ-быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства—разувѣрьтесь, я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положенiе незавидно, но оно можетъ поправиться: вы имѣете состоянiе; васъ любитъ дочь моя; она воспитана такъ, что составитъ счастiе мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что васъ удерживаетъ?.. Видите, я не должна была бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь — вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, — сказалъ я, — мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ...

— Никогда! — воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненiи.

— Какъ хотите, — отвѣчалъ я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанiя мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! Какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея—а давно ли?

Дойдя до средины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большiе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться, ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна,—сказалъ я,—вы знаете, что я надъ вами смѣялся?.. Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ:

— Слѣдственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута—и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите,—сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою, — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль и даже въ этомъ признаюсь — вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

— Я васъ ненавижу...—сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Ессентуковъ я узналъ близъ дороги трупъ моего лихого коня; сѣдло было снято, вѣроятно, проѣзжимъ казакомъ и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

III.

ФАТАЛИСТЪ.

Мнѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С*** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.

— Все это, господа, ничего не доказываетъ, — сказалъ старый майоръ; — вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія?

— Конечно, никто, — сказали многіе; — но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...

— Все это вздоръ! — сказалъ кто-то.— Гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?.. И если точно есть предопредѣленіе, то зачѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? Почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно было изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный носъ—принадлежность его націи, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его, — все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, не способнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ; за молодыми казачками— которыхъ прелесть трудно постигнуть, не видавъ ихъ — онъ никогда не волочился.

Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ, страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Разсказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. «Поставь ва-банкъ!» кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтеровъ. «Идетъ семерка», отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился ни о пуляхъ ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтёра.

— Семерка дана!— закричалъ онъ, увидѣвъ его наконецъ въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля, и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ и отдалъ ихъ счастливцу, несмотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! — сказалъ онъ (голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго).—Господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ? Я вамъ предлагаю испробовать на себѣ: можетъ ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мнѣ, не мнѣ!—раздалось со всѣхъ сторонъ. — Вотъ чудакъ! Придетъ же въ голову!..

— Предлагаю пари,—сказалъ я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія, — сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ — все, что было у меня въ карманѣ.

— Держу, — отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ.—Майоръ, вы будете судьею: вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу, прибавите ихъ къ этимъ.

— Хорошо, — сказалъ майоръ. — Только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?..

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за нимъ послѣдовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и наудачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

— Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это—сумасшествіе!—закричали ему.

— Господа, — сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку,—кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, несмотря на его хладнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ — и многіе старые воины подтверждали мое замѣчаніе — что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы, такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! — сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

— Можетъ-быть, да, можетъ-быть, нѣтъ... Потомъ, обратясь къ майору, спросилъ:— Заряженъ ли пистолетъ?

Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

— Да полно, Вуличъ! — закричалъ кто-то.—Ужъ, вѣрно, заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!..

— Глупая шутка!—подхватилъ другой.

— Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ! — закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія. «Послушайте, — сказалъ я: — или застрѣ-

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста! — сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

литесь или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто и пойдемте спать».

— Разумѣется! — воскликнули многіе.— Пойдемте спать.

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста! — сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли. «Господинъ Печоринъ, — прибавилъ онъ, — возьмите карту и бросьте вверхъ».

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно; въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустилъ курокъ... Осѣчка!

— Слава Богу! — вскрикнули многіе. — Не заряженъ...

— Посмотримъ, однакожъ,—сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ окномъ; выстрѣлъ раздался — дымъ наполнилъ комнату; когда онъ разсѣялся, сняли фуражку: она была пробита въ самой серединѣ, и пуля глубоко засѣла въ стѣнѣ.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отчего пистолетъ въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что, вѣроятно, полка была засорена; другіе говорили шопотомъ, что прежде порохъ былъ сырой, и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго, но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе несправедливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

— Вы счастливы въ игрѣ!— сказалъ я Вуличу...

— Въ первый разъ отроду, — отвѣчалъ онъ, самодовольно улыбаясь. — Это лучше банка и штосса.

— Зато немножко опаснѣе.

— А что? Вы начали вѣрить предопредѣленію?

— Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непремѣнно должны нынче умереть...

Этотъ же человѣкъ, который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

— Однакожъ довольно! — сказалъ онъ, вставая.— Пари наше кончилось, и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны.

Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ — и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться, какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая.

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темно-голубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочокъ земли или за какія-нибудь вымышленныя права. И что жъ? Эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но зато какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!.. А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества ни даже для собственнаго нашего счастія, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или съ судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться въ какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?.. Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось? — Одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ приви-

дѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимые для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее, уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книги.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю навѣрное, вѣрю ли я теперь предопредѣленію или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ; доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ колею; но я остановилъ себя вовремя на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не ввѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но, повидимому, не живое. Наклоняюсь — мѣсяцъ ужъ свѣтилъ прямо на дорогу — и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее разсмотрѣть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка. Одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго казака, который гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака и указалъ на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойникъ! — сказалъ второй казакъ. — Какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало. Пойдемъ за нимъ, Еремѣичъ, надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ большей осторожностью и наконецъ счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночного холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. «Прощай, Настя!» сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не высплюсь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?.. «Вставай, одѣвайся!» кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я наскоро одѣлся и вышелъ. «Знаешь, что случилось?» сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть.

— Что?

— Вуличъ убитъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да, убитъ! — продолжали они. — Пойдемъ скорѣе.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Пошли. Они разсказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсью разныхъ замѣчаній насчетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубившій свинью, и, можетъ-быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, если бъ Вуличъ, вдругъ остановясь, не сказалъ: «Кого ты, братецъ, ищешь?» — *Тебя*! — отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подоспѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи и сказалъ только два слова: «Онъ правъ!» Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы; мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; по временамъ опоздавшій казакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ наконецъ мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою, женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди нихъ бросилось мнѣ въ глаза зна-

чительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по временамъ шевелились.... молитву онѣ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ надо было на что-нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставня: блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь и броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

— Согрѣшилъ, братъ Ефимычъ, — сказалъ ему есаулъ, — такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!

— Не покорюсь! — отвѣчалъ казакъ.

— Побойся Бога! Вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ коли грѣхъ твой тебя попуталъ, нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! — закричалъ казакъ грозно, и слышно было, какъ щелкнулъ взведенный курокъ.

— Эй, тетка, — сказалъ есаулъ старухѣ, — поговори сыну, авось, тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужъ два часа дожидаются.

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

— Василій Петровичъ, — сказалъ есаулъ, подойдя къ майору, — онъ не сдастся — я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете ли лучше его пристрѣлить? Въ ставнѣ щель широкая.

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

— Погодите, — сказалъ я майору: — я его возьму живого.

Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ казаковъ, готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

— Ахъ, ты окаянный! — кричалъ есаулъ. — Что ты надъ нами смѣешься, что ли? Али думаешь, что мы съ тобой не совладаемъ? — Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями казака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія, и вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполету; но дымъ, наполнившій комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; казаки ворвались и, не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся: офицеры меня поздравляли — и точно, было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ ли онъ въ чемъ или нѣтъ!.. И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ или промахъ разсудка!.. Я люблю сомнѣваться во всемъ; это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Вѣдь хуже смерти ничего не случится—а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я разсказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною, и чему былъ я свидѣтель, и пожелалъ узнать его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

— Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!.. Впрочемъ, эти азіатскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны, или недовольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ; онѣ какъ-то нашему брату неприличны: прикладъ маленькій — того и гляди, носъ обожжетъ... Зато ужъ шашки у нихъ — просто, мое почтеніе!

Потомъ онъ промолвилъ, нѣсколько подумавъ:

— Да, жаль бѣднягу... Чортъ же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!.. Впрочемъ, видно ужъ такъ у него на роду было написано!..

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

1838—1841 г.

АШИКЪ-КЕРИБЪ.

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА.

Давно тому назадъ въ городѣ Тифлисѣ жилъ одинъ богатый турокъ. Много Аллахъ далъ ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небеси, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ. Играя на саазѣ (балалайкѣ) и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидалъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у бѣднаго Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ разъ онъ лежалъ въ саду подъ виноградникомъ и, наконецъ, заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидавъ спящаго Ашика (балалаечника), отстала и подошла къ нему. «Что ты спишь подъ виноградникомъ, — запѣла она, — вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо». Онъ проснулся: дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить. «Если бъ ты знала,—отвѣчала та,—кому я пѣла эту пѣсню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашикъ-Керибъ».—«Веди меня къ нему!» сказала Магуль-Мегери, и онѣ пошли. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. «Какъ мнѣ не грустить,— отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ,—я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею!»—«Проси мою руку у отца моего,—говорила она,— и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ». — «Хорошо, — отвѣчалъ онъ, — положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалѣетъ для своей дочери, но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который давно ужъ за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. «Добрый путь!— кричалъ ему бекъ.—Куда бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ». Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ, наконецъ завидѣли передъ собой рѣку. Ни моста ни брода. «Плыви впередъ, — сказалъ Куршудъ бекъ, — я за тобою послѣдую». Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ — о горе! о всемогущій Аллахъ! — Куршудъ-бекъ, взявъ его одежды, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ; только пыль вилась за нимъ змѣею по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. «Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ, — говоритъ онъ,—вотъ его одежда». Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣсткѣ своей, Магуль-Мегери. «Мой сынъ утонулъ,—сказала она ей: — Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала: «Не вѣрь: это все выдумки Куршудъ-бека. Прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ». Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ, наконецъ,

въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсельниковъ. Многихъ къ нему приводили — ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышатъ удивительный голосъ. Они туда. «Иди съ нами къ великому пашѣ, — закричали они, — или ты отвѣчаешь намъ головою».—«Я—человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса,— говоритъ Ашикъ-Керибъ: — хочу — пойду, хочу—нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ». Однако, несмотря на то, его схватили и привели къ пашѣ. «Пой!» сказалъ паша, и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ нравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посыпалось къ нему серебро и золото, заблистали на немъ богатыя одежды. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ—не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ и не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. Въ это время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса, съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо,—говоритъ она,—и въ какой бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получитъ его, и вдобавокъ, вѣсъ его золотомъ». Отправился купецъ; вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери, но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти всѣ свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халавъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца. «Это мое!» сказалъ онъ, схвативъ его рукою. «Точно твое, — сказалъ купецъ: — я узналъ тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай же скорѣе въ Тифлисъ: твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другого». Въ отчаяніи Ашикъ-Керибъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако онъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ измученный бѣгунъ упалъ бездыханный на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что ему было дѣлать? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня. «Аллахъ всемогущій!—воскликнулъ онъ.—Если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ дѣлать!» И хочетъ онъ броситься съ высокаго утеса. Вдругъ видитъ внизу человѣка на бѣломъ конѣ, и слышитъ громкій голосъ: «Огланъ (юноша), что ты хочешь дѣлать?» — «Хочу умереть, — отвѣчалъ Ашикъ».—«Слѣзай же сюда, если такъ,—я тебя убью». Ашикъ спустился кое-какъ съ утеса. «Ступай за мною, — сказалъ грозно всадникъ».—«Какъ я могу за тобою слѣдовать,—отвѣчалъ Ашикъ:—твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою».—«Правда. Повѣсь же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй». Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать. «Что жъ ты отстаешь?» спросилъ всадникъ. «Какъ же я могу слѣдовать за тобою: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ». «Правда. Садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?» — «Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче», отвѣчалъ Ашикъ. «Закрой же глаза». Онъ закрылъ. — «Теперь открой». Смотритъ Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума. «Виноватъ, Ага, — сказалъ Ашикъ: — я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо ѣхать въ Карсъ».—«То-то же!—отвѣчалъ всадникъ. — Я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ: «Виноватъ, Ага, трижды виноватъ твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ по-настоящему надо въ Тифлисъ».—«Экой ты невѣрный!—сказалъ сердито всадникъ.—Но, нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой», прибавилъ онъ по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: «Ага, конечно, благодѣяніе твое велико; но сдѣлай еще больше. Если я теперь буду разсказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзиньяна въ Тифлисъ,

— Слѣзай же сюда, если такъ,—я тебя убью.

мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое-нибудь доказательство».—«Наклонись,—сказалъ тотъ улыбнувшись:—возьми изъ-подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху, и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положенiи, помажь ей глаза — и она увидитъ». Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что его покровитель былъ не кто иной, какъ Хадериліазъ (св. Георгій).

Только поздно вечеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори! я Божій гость, и холоденъ и голоденъ: прошу, ради странствующаго твоего сына, впусти меня!» Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: «Для ночлега путниковъ есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы—ступай туда: тамъ можешь провести ночь въ удовольствiи».—«Ана,—отвѣчалъ онъ,—я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю, и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына, впусти меня!» Тогда сестра его говоритъ матери: «Мать, я встану и отворю ему двери».— «Негодная, — отвѣчала старуха, — ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣнiе». Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила дверь и впустила Ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствiе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненiемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладкозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: «Что виситъ у тебя на стѣнѣ?»—«Любопытный ты гость,— отвѣчала она: — будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ».—«Я ужъ сказалъ тебѣ,— возразилъ онъ,—что ты—моя родная мать, а это—сестра моя; и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?» — «Это саазъ, саазъ», отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему. «А что значитъ саазъ?»—«Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни». И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему. «Нельзя, — отвѣчала старуха: — это саазъ моего несчастнаго сына. Вотъ уже семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ, и ничья живая рука до нея не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву; «О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ такъ же стройна, какъ въ тотъ день, когда я послѣдній разъ игралъ на ней!» И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ — и струны согласно заговорили; и онъ началъ пѣть: «Я бѣдный керибъ (странникъ), и слова мои бѣдны; но великій Хадериліазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутого утеса. Хотя я бѣденъ, и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника». Послѣ этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: «Какъ тебя зовутъ?»—«Рашидъ» (простодушный), отвѣчалъ онъ. «Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ,—сказала она:—своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски. Нынѣшнюю ночь я во снѣ видѣла, что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ ослѣпла отъ слезъ. Скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сыномъ, но она не вѣрила. И, спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: «Позвольте, матушка, взять саазъ и итти; я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба; сестра меня проводитъ. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами». — «Не позволю, — отвѣчала старуха:—съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дому». Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны. «А если хоть одна струна порвется, — продолжалъ Ашикъ, — то отвѣчаю моимъ имуществомъ». Старуха ощупала его сумы и, узнавъ, что онѣ наполнены монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ-бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чадрой (занавѣсомъ) съ своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде, чѣмъ опустить голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чадры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ: «Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ по-

звольте мнѣ, бѣдному страннику, сѣсть съ вами, и за то я спою вамъ пѣсню».— «Почему же нѣтъ?—сказалъ Куршудъ-бекъ.— Сюда должны быть впускаемы пѣсельники и плясуны, потому что здѣсь свадьба. Спой же что-нибудь, ашикъ (пѣвецъ), и я отпущу тебя съ полной горстью золота».

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его: «А какъ тебя зовутъ, путникъ?»—«Шинди-гёрурсезъ» (скоро узнаете).—«Что это за имя?—воскликнулъ тотъ со смѣхомъ.—Я въ первый разъ такое слышу».—«Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали: шинди-гёрурсезъ (скоро узнаете). И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя». Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

— Въ городѣ Халафѣ я пилъ мисирское вино, но Богъ мнѣ далъ крылья, и я прилетѣлъ сюда въ три дня».

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ малоумный, выхватилъ кинжалъ, воскликнувъ: «Ты лжешь! какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня?»

— За что жъ ты меня хочешь убить!— сказалъ Ашикъ.—Пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте.

— Пускай продолжаетъ,—сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

— Утренній намазъ творилъ я въ Арзиньянской долинѣ, полуденный намазъ— въ городѣ Арзерумѣ; предъ захожденіемъ солнца творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ, и вечерній намазъ—въ Тифлисѣ. Аллахъ далъ мнѣ крылья, и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ по канату, съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору: Мевлянъ (Господь нашъ) далъ Ашику крылья, и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магуль-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ— въ другую. «Такъ-то ты сдержала свою клятву,—сказала ея подруга:—стало-быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-бека?»—«Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ», отвѣчала Магуль-Мегери, и, взявъ ножницы, она прорѣзала чадру. Когда же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею, и оба упали безъ чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣреваясь заколоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, промолвивъ: «Успокойся и знай, что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ».

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

— Теперь точно видно, что ты—Ашикъ-Керибъ,—сказалъ женихъ,—но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?—«Въ доказательство истины,—отвѣчалъ Ашикъ,—сабля моя перерубитъ камень; если же я лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видѣла свѣта Божьяго, и я возвращу ей зрѣніе». Сестра Ашикъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери. «Матушка,—закричала она,—это точно братъ и точно твой сынъ Ашикъ-Керибъ!» И, взявъ старуху подъ руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда Ашикъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя: «Знайте всѣ люди, какъ могущъ и великъ Хадериліазъ!» и мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда въ радости Ашикъ-Керибъ сказалъ ему: «Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; итакъ, возьми ее за себя, и будьте такъ же счастливы, какъ я съ моею дорогою Магуль-Мегери».

1841.

ДВѢ НЕОКОНЧЕННЫЯ ПОВѢСТИ.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВОЙ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

(Лугинъ).

У графини В*** былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три модныя красавицы, нѣсколь-

ко барышень и старушекъ и одинъ гвардейскій офицеръ; около десятка доморощенныхъ львовъ красовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ; было ни скучно ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ, пришпиленный къ голубому банту, сверкалъ брильянтовый вензель. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы оттѣняли ея еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на лицѣ сіяла печать мысли.

— Здравствуйте, мсьё Лугинъ,—сказала Минская кому-то. — Я устала... Скажите что-нибудь.

И она опустилась въ широкое пате возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ противъ нея и ничего не отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывало ясно, что онъ не принадлежалъ къ числу ея обожателей.

— Скучно! — сказала Минская и снова зѣвнула.— Вы видите, я съ вами не церемонюсь, — прибавила она.

— И у меня сплинъ!.. — отвѣчалъ Лугинъ.

— Вамъ опять хочется въ Италію,— сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.— Не правда ли?

Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣломраморныя плечи своей собесѣдницы:

— Вообразите, какое со мной несчастіе! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми—и одни только люди! Добро бы всѣ предметы, тогда была бы гармонія въ общемъ колоритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ галлерeѣ испанской школы... такъ нѣтъ! все остальное какъ и прежде: одни лица измѣнились; мнѣ иногда кажется, что у людей вмѣсто головъ лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора,—сказала она.

— Доктора не помогутъ: это сплинъ!

— Влюбитесь!

Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что-то, похожее на слѣдующее: мнѣ бы хотѣлось его немножко помучить.

— Въ кого?

— Хоть въ меня.

— Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было бы скучно, и потомъ скажу вамъ откровенно: ни одна женщина не можетъ любить меня.

— А эта... какъ бишь ее? итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?..

— Вотъ видите, — отвѣчалъ задумчиво Лугинъ, — я сужу другихъ по себѣ и въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ, точно, случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то не радуюсь своему счастію. Я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло: нѣтъ, я дуренъ, и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ, это ясно. Артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первому впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости. Все это грустно, а правда!..

— Какой вздоръ!—сказала Минская, но, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, она невольно съ нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ ничуть не привлекательна, несмотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія. Во всемъ его существѣ вы не встрѣтили бы ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ человѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ, говорилъ рѣзко и отрывисто; больные и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица — признаки постояннаго и тайнаго недуга — дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три года лѣчился въ Италіи отъ ипохондріи, и хотя не вылѣчился, но, по крайней мѣрѣ, нашелъ средство развлекаться съ пользой: онъ пристрастился къ живописи. Природный

талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ дышало всегда какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ иногда изъ сердца ея первыхъ проповѣдниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской: ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на человѣка съ умомъ и воображеніемъ; но любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на время прекратился, и они оба, казалось, заслушались музыки. Заѣзжая пѣвица пѣла балладу Шуберта на слова Гёте: «Лѣсной царь». Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

— Куда вы?—спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Онъ опять сѣлъ.

— Знаете ли, — сказалъ онъ съ какою-то важностью, — что я начинаю сходить съ ума?

— Право?

— Кромѣ шутокъ. Вамъ это можно сказать: вы надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ; кто-то мнѣ твердитъ на ухо съ утра до вечера, и — какъ вы думаете, что? — адресъ. Вотъ и теперь слышу: въ Столярномъ переулкѣ у Кокушкина моста, домъ титулярнаго совѣтника Штосса, квартира номеръ 27, — и такъ шибко, шибко, точно торопится... Несносно!..

Онъ поблѣднѣлъ, но Минская этого не замѣтила.

— Вы, однако, не видите того, кто говоритъ?—спросила она разсѣянно.

— Нѣтъ; но голосъ звонкій, рѣзкій дискантъ.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? Я не могу сказать навѣрное... не знаю... вотъ что, право, презабавно! — сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— У васъ кровь приливаетъ къ головѣ, и въ ушахъ звенитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться?

— Самое лучшее средство, — сказала Минская, подумавъ съ минуту, — итти къ Кокушкину мосту, отыскать этотъ номеръ, и такъ какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой-нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то для приличія закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы...— прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

— Вы правы, — отвѣчалъ угрюмо Лугинъ,—я непремѣнно пойду.— Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ съ удивленіемъ.

II.

Сырое ноябрьское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; дома казались грязны и темны; лица прохожихъ были зелены; извозчики на биржахъ дремали подъ рыжими полостями своихъ саней; мокрая длинная шерсть ихъ бѣдныхъ клячъ завивалась барашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ какой-то сѣро-лиловый цвѣтъ. По тротуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ и хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ, напримѣръ, у Кокушкина моста. Черезъ этотъ мостъ шелъ человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, ни стройный, но съ широкими плечами, въ пальто, и вообще одѣтый со вкусомъ. Жалко было видѣть его лакированные сапоги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ нимало не заботился. Засунувъ руки въ карманы, повѣся голову, онъ шелъ неровными шагами, какъ будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости виднѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство.

— Гдѣ Столярный переулокъ? — спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извозчика, который въ эту минуту проѣзжалъ мимо него шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извозчикъ по-

смотрѣлъ на него, хлыстнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. «Ужъ полно, есть ли Столярный переулокъ?» Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

— Столярный? — сказалъ мальчикъ. — А вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ направо; первый переулокъ и будетъ Столярный.

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидалъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки и, вызвавъ лавочника, спросилъ: «Гдѣ домъ Штосса?»

— Штосса? Не знаю, баринъ: здѣсь этакихъ нѣтъ; а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...

— Да мнѣ надо Штосса...

— Ну, не знаю!.. Штосса? — сказалъ лавочникъ, почесавъ затылокъ, и потомъ прибавилъ:—Нѣтъ, не слыхать-съ!

Лугинъ пошелъ самъ смотрѣть надписи: что-то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка и ни одна надпись ничѣмъ не поразила его воображенія, какъ вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидалъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи. Онъ подбѣжалъ къ этимъ воротамъ и, сколько ни разсматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи; доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно небритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ:

— Эй, дворникъ!—закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что - то проворчалъ сквозь зубы.

— Чей это домъ?

— Проданъ! — отвѣчалъ грубо дворникъ.

— Да чей онъ былъ?

— Чей?—Кифейкина купца.

— Не можетъ быть! Вѣрно Штосса! — вскрикнулъ невольно Лугинъ.

— Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь такъ Штосса, — отвѣчалъ дворникъ, не поднимая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, какъ будто предчувствуя несчастье. Долженъ ли онъ былъ продолжать свои изслѣдованія? Не лучше ли во-время остановиться? Кому не случалось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, хотя видимъ насъ ожидающую бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами, наконецъ обратился къ дворнику съ вопросомъ:

— Новый хозяинъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же?

— А чортъ его знаетъ!

— Ты ужъ давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— А есть въ этомъ домѣ жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуйста, — сказалъ Лугинъ послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый: — кто живетъ въ 27 номерѣ?

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

— Въ 27 номерѣ?.. Да кому тамъ жить? Онъ ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.

— Развѣ его не нанимали?

— Какъ не нанимать, сударь, нанимали!

— Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...

— А Богъ ихъ знаетъ! такъ-таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ.

— Ну, а кто его послѣдній нанималъ?

— Полковникъ, изъ анженеровъ что ли?

— Отчего же онъ не жилъ?

— Да переѣхалъ было... а тутъ, говорятъ, его послали въ Вятку—такъ номеръ пустой за нимъ и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде его было нанялъ какой-то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣзжалъ: слышно, умеръ.

— А прежде барона?

— Нанималъ купецъ для какой-то своей... гмъ! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...

«Странно!» подумалъ Лугинъ.

— А можно посмотрѣть номеръ?

Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

— Какъ нельзя? Можно! — отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь, за ключами.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ, и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они вошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотыя лиры; изразцовыя печи кое-гдѣ порастрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно; въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще комнаты имѣли какую-то странную, несовременную наружность. Она, не знаю почему, понравилась Лугину.

— Я беру эту квартиру, — сказалъ онъ. — Вели вымыть окна и вытереть мебель... Посмотри, сколько паутины!.. Да надо хорошенько вытопить. — Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій человѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, рука, перстни,— все было очень плохо сдѣлано; зато въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое попеременно. Не случалось ли вамъ на замороженномъ стеклѣ или зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ-нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, — профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу — вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашомъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій, — и очарованіе исчезаетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе — и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то *неизъяснимое*, возможное только генію или случаю.

«Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру?» подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресла, опустилъ голову на руку и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

— Что жъ, баринъ? — проговорилъ онъ наконецъ.

— А?

— Какъ же? Коли берете, такъ пожалуйте задатокъ.

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостиницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

«Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить! — думалъ Лугинъ. — Моимъ предшественникамъ, видно, не суждено было въ нее перебраться—это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!.. Что же?—Ничего».

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... Надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, чтобъ лечь въ постель, онъ подошелъ со свѣчой къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами: *середа.*

— Какой нынче день? — спросилъ онъ Никиту.

— Понедѣльникъ, сударь.

— Послѣзавтра середа, — сказалъ разсѣянно Лугинъ.

— Точно такъ-съ.

— Пошелъ вонъ! — закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головою и вышелъ. Послѣ этого Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и нѣсколько начатыхъ картинъ.

III.

Въ числѣ недоконченныхъ картинъ, большею частію маленькихъ, была одна, размѣра довольно значительнаго. Посреди

холста, исчерченнаго углемъ, мѣломъ и загрунтованнаго зелено-коричневой краской, эскизъ женской головки остановилъ бы вниманіе знатока; но, несмотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала непріятно чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лугинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской; то не былъ портретъ. Можетъ-быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеалъ—женщину-ангела—причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ человѣкѣ, который сколько-нибудь испыталъ жизнь. Однако есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ несчастныхъ и поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ — это правда, однако, въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе, находили даже выраженіе лица его довольно пріятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія посторонніи и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ: но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастическую любовь къ воздушному идеалу, любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, который былъ вторникъ, ничего особеннаго съ Лугинымъ не случилось: онъ до вечера просидѣлъ дома, хотя ему нужно было куда-то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ рисовать—кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать — взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и въ холодъ; голова болѣла, звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчъ и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ сосѣдей тускло свѣтились окна. Онъ долго сидѣлъ; вдругъ на дворѣ заиграла шарманка; она играла какой-то старинный нѣмецкій вальсъ; Лугинъ слушалъ, слушалъ; ему стало ужасно грустно. Онъ началъ ходить по комнатѣ; небывалое безпокойство имъ овладѣло; ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ навѣки, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ недостоинъ былъ любви безотчетной и истинной — и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился, сѣлъ къ столу, зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и сталъ что-то чертить. Все было тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ кѣмъ-то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него — сходство было разительное; онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: ему показалось, что дверь, ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла; глаза его не могли оторваться отъ двери. — Кто тамъ?—вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ будто хлопали туфли; известка посыпалась съ печи на полъ. «Кто это?» повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату; дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась настежь, въ ней показалась фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ; то былъ сѣдой сгорбленный старичокъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его, блѣдное и длинное, было неподвижно, губы сжаты; сѣрые, мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. И вотъ онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ,

положилъ одну противъ Лугина, другую—передъ собой, и улыбнулся.

— Что вамъ надобно?—сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались, и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незванаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

— Это несносно! — сказалъ Лугинъ задыхающимся голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичокъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съеживался; наконецъ принялъ прежній видъ.

«Хорошо,—подумалъ Лугинъ,—если это привидѣніе, то я ему не поддамся».

— Не угодно ли, я вамъ промечу штоссъ?—сказалъ старичокъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

— А на что же мы будемъ играть. Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе). А если хотите, — продолжалъ онъ, — я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ.

Старика эта шутка нимало не сконфузила.

— У меня въ банкѣ вотъ это! — отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

— Это?—сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво.—Что это?

Возлѣ него колыхалось что-то бѣлое неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

— Мечите!—потомъ сказалъ онъ, оправившись, и, вынувъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту. — Идетъ темная.

Старичокъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она соника была убита; старичокъ протянулъ руку и взялъ золотой.

— Еще талью! — сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

— Что же это значитъ?

— Въ середу,—сказалъ старичокъ.

— А, въ середу! — вскрикнулъ въ бѣшенствѣ Лугинъ. — Такъ нѣтъ же! не хочу въ середу! завтра или никогда! Слышишь ли?

Глаза страннаго гостя пронзительно засверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

— Хорошо! — наконецъ сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась, въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли и мало-по-малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молоткомъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. — Однакожъ я не поддался ему! — говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить. — Переупрямилъ! Въ середу! Какъ бы не такъ! что̀ я за сумасшедшій! Это хорошо!.. очень хорошо! онъ у меня не отдѣлается... А какъ похожъ на этотъ портретъ!.. ужасно, ужасно похожъ!.. А! теперь я понимаю!..

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслахъ. На другой день поутру онъ никому о случившемся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера.

«Однако я не посмотрѣлъ хорошенько на то, что у него въ банкѣ! — думалъ онъ.—Вѣрно, что-нибудь необыкновенное!»

Когда наступила полночь, онъ всталъ съ своихъ креселъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы. Старичокъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому, не ожидая отъ Лугина никакого сопротивленія. Въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнетическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ, уже бросилъ было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

— Позвольте!..—сказалъ онъ, покрывъ рукою свою колоду.

Старичокъ сидѣлъ неподвиженъ.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать?.. Позвольте... да!..

Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ медленно проговорилъ:

— Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?

Старичокъ улыбнулся.

— Я иначе не играю, — проговорилъ Лугинъ; а, между тѣмъ, дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

— Что-съ? — проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

— Штоссъ?—это?—У Лугина руки опустились, онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье-то свѣжее ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновенье. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ; онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было бы довольно, чтобъ заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное видѣнье: склоняясь надъ его плечомъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнаты, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго пламенной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства, то не былъ также простой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жадная, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда... то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грезъ, стоимъ на колѣняхъ и плачемъ, и молимъ, и радуемся, Богъ знаетъ чему; одно изъ тѣхъ божественныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творитъ для себя новую природу, лучше и полнѣе той, къ которой она прикована!

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть, пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичокъ сталъ метать: карта Лугина была убита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

— Завтра!—сказалъ Лугинъ.

Старичокъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой въ знакъ согласія, и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена повторялась: всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему не было жаль денегъ; онъ былъ увѣренъ, что, наконецъ, хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но зато каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ — свиданья, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она — не знаю какъ назвать ее,—она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ: казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему эти страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили: смѣлѣе, не упадай духомъ, подожди: буду твоею, во что бы то ни стало; я тебя люблю! — и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тѣнью ея измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что-нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился...

1841.

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

Я хочу разсказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видали и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большого свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли — и слава Богу! потому, что иначе я бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая, пріятельни-

цы—что она преглупенькая, соперницы—что она предобрая, молодыя женщины—что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность: иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ недостаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе нехороша, но неизъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. Притомъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщинѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокій нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-лѣтнихъ барышень—да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ, послѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливость моимъ описаніямъ и замѣчаніямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на-дняхъ, тогда какъ съ бо́льшею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни и забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволновану сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнію, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на днѣ одной есть уже, вѣрно, другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя важныя и есть; они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но около десяти лѣтъ тому назадъ случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его предъ непонятной женщиною, которой исторію я хочу вамъ разсказать.

Александру Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ—возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинакія дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ разъѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минулъ годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной во время разлива рѣка превращалась въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса барокъ, и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезаниномъ, выкрашенный желтой краской, а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ, и порой двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать—и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора—признакъ отечески-добраго правленія, а

между тѣмъ вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчитъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно-быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!..

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студеныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому, что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ потѣшать маленькаго барчонка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство ужъ волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бъ не пришла на помощь корь — болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то, вѣрно бы, отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но—увы!—никто не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію.....

1841.

ПИСЬМА.

1828.

1. Къ Марьѣ Акимовнѣ Шанъ-Гирей.

Милая тетенька *)! Наконецъ настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я вамъ мало напишу, то это будетъ не отъ моей лѣности, но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ даютъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвальбы, но собственно отъ того, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ходъ ихъ и проч. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло. Заставьте, пожалуйста, Екима рисовать контуры; мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать, однакожъ, мнѣ запрещено рисовать свое. Катюшѣ, въ знакъ благодарности за подвязку, посылаю ей бисерный ящикъ моей работы. Я еще ни въ какихъ садахъ не бывалъ, но я былъ въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ оперу Невидимку, ту самую, что я видѣлъ въ Москвѣ 8 лѣтъ назадъ; мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и будутъ восковыя фигуры играть (сдѣлайте милость пришлите мои воски); я нарочно замѣчаю, чтобы вы въ хлопотахъ не забыли, я думаю, что эта пунктуальность не мѣшаетъ; я бы приписалъ къ брату, онъ здѣсь, но я имъ (?) напишу особливо; Катюшу же цѣлую и благодарю за подвязку. — Прощайте, милая тетенька, цѣлую ваши ручки и остаюсь вашъ покорный племянникъ. — М. Лермантовъ.

*) М. А. Шанъ-Гирей, дочь родной сестры бабушки поэта — Екатерины Алексѣевны Хастатовой, рожденной Столыпиной.

2. Къ ней же.

(Въ концѣ 1828).

Милая тетенька! Зная вашу любовь ко мнѣ, я не могу медлить, чтобы обрадовать васъ: экзаменъ кончился и вакація началась до 8-го января; слѣдственно, она будетъ продолжаться 3 недѣли. Испытаніе наше продолжалось отъ 13-го до 20-го числа. Я вамъ посылаю баллы *), гдѣ вы увидите, что г-нъ Дубенской поставилъ 4 рус. и 3 лат.; но онъ продол-

*) Вотъ вѣдомость балловъ, которую Лермонтовъ прислалъ:

Вѣдомость о поведеніи и успѣхахъ университетскаго благороднаго пансіона воспитанника 4-го класса М. Лермонтова.

Поведеніе.	Прилежаніе.	УСПѢХИ. Законъ Божій.	Математика.	Русск. языкъ.	Латин. языкъ.	Исторія.	Географія.	Нѣмец. языкъ.	Франц. языкъ.	Заключеніе.
Весьма похвально.		3	4	4	3	4	4	4	4	30 За 24 балла переводъ въ 5 классъ.

Инспекторъ *Павловъ*.

NB. 4 означаетъ высшую степень, О низшую.

Я сижу 2-мъ ученикомъ.

жалъ мнѣ ставить 3 и 2 до самаго экзамена. Вдругъ какъ-то сжалился и наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ.

Папенька сюда пріѣхалъ и вотъ уже 2 картины извлечены изъ моего porteſeuille... слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!.. Скоро я начну рисовать съ (buste) бюстовъ... Какое удовольствіе!.. Къ тому жъ Александръ Степановичъ*) мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи. — Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ**), который хочетъ издавать журналъ Калліопу (подражая мнѣ !?), гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ. — Каково вамъ покажется. Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!.. стало-быть... стало-быть... но выводите заключенія, какія вамъ угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однакоже теперь гораздо лучше, а я — о! je me porte comme à l' ordinaire... bien! — Прощайте, милая тетенька, желаю, чтобы вы были внутренно покойны, слѣд. здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme. — Остаюсь вашъ покорный племянникъ.—М. Лермантовъ.

NB. Я прилагаю вамъ, милая тетенька, стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На вакацію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе; вотъ стихи:

ПОЭТЪ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой,
И утомленный и нѣмой,
Онъ забывалъ огонь небесный.
Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу; звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поетъ, забывшись въ райскомъ снѣ,
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжитъ!
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.
М. Л.

P. S. Не зная, что дяденька въ Опалихѣ*), я не писалъ къ нему, но прошу извиненія, и свидѣтельствую ему мое почтеніе.

*) А. С. Солонецкій — учитель рисованія, съ коимъ Лермонтовъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ.

**) Мих. Григ. Павловъ, профессоръ Московскаго университета.

*) Имѣніе Шанъ-Гирея, въ трехъ верстахъ отъ села Тарханы.

1829.

3. Къ ней же.

Милая тетенька! Извините меня, что я такъ долго не писалъ. Но теперь постараюсь почаще увѣдомлять васъ о себѣ, зная, что это вамъ будетъ пріятно. Вакаціи приближаются и... прости! достопочтенный пансіонъ. Но не думайте, чтобы я былъ радъ оставить его, потому (что) ученіе прекратится; нѣтъ! дома я заниматься буду еще болѣе, нежели тамъ. Вы спрашивали о баллахъ, милая тетенька, увы! — у насъ въ пятомъ классѣ съ самаго новаго года еще не всѣ учителя поставили сіи *вывѣски нашей премудрости*.

Помните ли, милая тетенька, вы говорили, что наши актеры (московскіе) хуже петербургскихъ. Какъ жалко, что вы не видали здѣсь: *Игрока*, трагедію: *Разбойники*. Вы бы иначе думали. Многіе изъ петербургскихъ *господъ* соглашаются, что эти пьесы лучше идутъ, нежели тамъ, и что Мочаловъ во многихъ мѣстахъ превосходитъ Каратыгина. Бабушка, я и Екимъ, всѣ, слава Богу, здоровы, но М-r G. Gendroz былъ боленъ; однако теперь почти совсѣмъ поправился. Постараюсь слѣдовать совѣтамъ вашимъ, ибо я увѣренъ, что они служатъ къ моей пользѣ. Цѣлую ваши ручки, покорный вашъ племянникъ М. Лермантовъ.

P. S. Прошу васъ дяденькѣ засвидѣтельствовать мое почтенье и у тетеньки Анны Акимовны цѣлую ручки. Также прошу поцѣловать за меня Алешу, двухъ Катюшъ и Машу.—М. Л.

1831.

4. Къ Н. И. Поливанову.

Москва, 7-го іюня 1831.

Любезный другъ, здравствуй! протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь

сумасшедшій совсѣмъ. Насъ судьба разноситъ въ разныя стороны, какъ вѣтеръ листы осени. Завтра *свадьба* твоей кузины Лужиной, на *которой* меня не будетъ?! впрочемъ, мнѣ теперь не до подробностей. Чортъ возьми всѣ свадебные пиры. Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы; я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры.—Source intarissable. Много со мной было. Прощай; напиши что-нибудь веселѣе. Что ты дѣлаешь? Прощай, другъ мой.—М. Лермантовъ.

5. Къ М. Ак. Шанъ-Гирей.

Конецъ 1831 года (?).

Ma chère tante. Вступаюсь за честь Шекспира. Если онъ великъ, то это въ „Гамлетѣ"; если онъ истинно Шекспиръ, этотъ геній необъемлемый, проникающій въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оргинальный, т.-е. неподражаемый Шекспиръ — то это въ „Гамлетѣ". Начну съ того, что имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной пьесы Дюсиса *), который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи и выпустилъ множество характеристическихъ сценъ. Эти переводы, къ сожалѣнію, играются у насъ въ театрѣ. Вѣрно, въ вашемъ „Гамлетѣ" нѣтъ сцены могильщиковъ, и другихъ, коихъ я не запомню.

„Гамлетъ" по-англійски написанъ половина въ прозѣ, половина въ стихахъ. Вѣрно, нѣтъ (въ вашемъ „Гамлетѣ" и) той сцены, когда Гамлетъ говоритъ со своей матерью, и она показываетъ на портретъ его умирающаго отца; въ этотъ мигъ съ другой стороны, видимая одному Гамлету, является тѣнь короля, одѣтая, какъ на портретѣ, и принцъ, глядя уже на тѣнь, отвѣчаетъ матери: „какой живой контрастъ, какъ глубоко!.." Сочинитель зналъ, что, вѣрно, Гамлетъ не будетъ такъ пораженъ и встревоженъ, увидѣвъ портретъ, какъ при появленіи призрака.

Вѣрно, Офелія не является въ сумасшествіи, хотя сія послѣдняя одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ. Есть ли у васъ сцена, когда король подсылаетъ двухъ придворныхъ, чтобъ узнать, точно ли помѣшанъ притворившійся принцъ, и сей обманываетъ ихъ.

Я помню нѣсколько мѣстъ этой сцены: они (придворные) надоѣли Гамлету, и этотъ прерываетъ одного изъ нихъ, спрашивая:

*) Французскій драматическій писатель (1733—1816), передѣлыватель Шекспира.

Гамлетъ. Не правда ли, это облако похоже на пилу?

1-ый придворный. Да, мой принцъ!

Гамлетъ. А мнѣ кажется, что оно имѣетъ видъ верблюда, что похоже на животное.

2-ой придворный. Принцъ, я самъ лишь хотѣлъ сказать это.

Гамлетъ. На что же вы похожи оба? — и проч.

Вотъ какъ кончается эта сцена: Гамлетъ беретъ флейту и говоритъ: „Сыграйте что-нибудь на этомъ инструментѣ".

1-ый придворный. Я никогда не учился, принцъ, не могу.

Гамлетъ. Пожалуйста.

1-ый придворный. Клянусь, принцъ, не могу (и проч., извиняется).

Гамлетъ. Ужели послѣ этого не чудаки вы оба? Когда изъ такой малой вещи вы не можете исторгнуть согласныхъ звуковъ, какъ хотите изъ меня, существа, одареннаго сильною волею, исторгнуть тайныя мысли?..

И это не прекрасно!..

— Теперь слѣдуютъ мои извиненія, что я къ вамъ, любезная тетенька, не писалъ; клянусь, некогда было; ваше письмо меня воспламенило: какъ обижать Шекспира?!

Мнѣ здѣсь довольно весело: почти каждый вечеръ на балѣ.—Но Великимъ постомъ я уже совсѣмъ засяду. Въ университетѣ все идетъ хорошо.

Прощайте, милая тетенька, желаю вамъ здоровья и всего, что вы желаете. Если говорятъ: одна голова — хороша, а двѣ — лучше, зачѣмъ не сказать: одно сердце — хорошо, а два — лучше.

Цѣлую ваши ручки, остаюсь покорный вашъ племянникъ.

М. Лермантовъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня дяденькѣ *) и поцѣлуйте дѣточекъ **).

1832.

6. Къ Софьѣ Александровнѣ Бахметевой.

(На пути изъ Москвы въ Петербургъ въ іюлѣ 1832).

Ваше Атмосфераторство! Милостивѣйшая государыня, Софія, дочь Александрова?.. Вашъ рабъ, всепокорнѣйшій Михайло, сынъ Юрьевъ,

*) Павлу Петровичу Шанъ-Гирей.

**) Екатерину Павловну и братьевъ ея: Акима, Алексѣя и Николая.

бьетъ челомъ вамъ. — Дѣло въ томъ, что я обрѣтаюсь въ ужасной тоскѣ; извозчикъ ѣдетъ тихо, дорога пряма, какъ палка, на квартирѣ вонь и перо скверное!.. Кажется, довольно, чтобъ истощить ангельское терпѣніе, подобное моему.

Что вы дѣлаете?—Пріѣхала ли Александра, Михайлова дочь, и какія ея рѣчи? Все пишите, а моего писанія никому не являйте. Растрясло меня, и потому къ благовѣрной кузинѣ не пишу — а вамъ мало; извините моей немощи!..

До Петербурга съ обѣими прощаюсь. Рабъ вашъ М. Lerma.

Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе тетенькѣ и всѣмъ домочадцамъ.

7. Къ ней же.

(С.-Петербургъ. Августъ 1832).

Любезная Софья Александровна! Да самаго нынѣшняго дня я былъ въ ужасныхъ хлопотахъ: ѣздилъ туда-сюда, къ Вѣрѣ Николаевнѣ *) на дачу и проч.; разсматривалъ городъ по частямъ, и на лодкѣ ѣздилъ въ море. Короче, я ищу впечатлѣній, какихъ-нибудь впечатлѣній...

Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей; быть своимъ шутомъ! Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ къ душѣ своей?.. Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Вчера я былъ въ одномъ домѣ, у NN, гдѣ, просидѣвъ 4 часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ — быть-можетъ, слава Богу!

Вашей комиссіи я еще не исполнилъ, ибо мы только вчера перебрались на квартиру. Прекрасный домъ, и со всѣмъ тѣмъ душа моя къ нему не лежитъ: мнѣ кажется, что отнынѣ я самъ буду пустъ, какъ былъ онъ, когда мы въѣхали.

Пишите мнѣ, что дѣлается въ странахъ вашего царства. Какъ свадьба? Все ли вы въ Середниковѣ или въ Москвѣ? Чай, Александра Михайловна да Елизавета Александровна **) покою не знаютъ, все хлопочутъ!

*) Анненкова.

**) Лопухина—впослѣдствіи кн. Трубецкая.

Странная вещь! Только мѣсяцъ тому назадъ я писалъ:

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло!
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Что́ безъ страданій жизнь поэта,
И что́ безъ бури океанъ?

И пришла буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театральный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда-нибудь...

Надоѣлъ я вамъ своими диссертаціями! Я короче сошелся съ Павломъ Евреиновымъ *); у него есть душа въ душѣ. Одна вещь меня безпокоитъ; я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, надолго ли. Не скажу, чтобъ отъ горести; были у меня и больше горести, и я спалъ крѣпко и хорошо. Нѣтъ, я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ.

Дорогой я еще былъ туда-сюда; пріѣхавши, не гожусь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я — цыганъ!

Прощайте. Пишите мнѣ, чѣмъ поминаете вы меня? Обѣщаю вамъ, что не всѣ мои письма будутъ такія; теперь я болтаю вздоръ, потому что натощакъ. Прощайте... Членъ вашей bande joyeuse M. Lerma.

P. S. У тетушекъ моихъ цѣлую ручки, и прошу васъ отъ меня отнести поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ... во второмъ разрядѣ коихъ Achille, арапъ **); и если вы не въ Москвѣ, то мысленно прощайте.

8. Къ ней же.

Примите дивное *Посланье*
Изъ края дальняго сего;
Оно не *Павлово* писанье,
Но Павелъ вамъ отдастъ его.
Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь — красный воротъ,
Какъ шишъ торчитъ передъ тобой.
Нѣтъ милыхъ сплетенъ — все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,

*) Пав. Алекс. Евреиновъ, сынъ старшей сестры Арсеньевой — Александры Алексѣевны.

**) Слуга въ домѣ Лопухиныхъ.

А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!..
И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ, какъ оно, я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни — скукой боленъ
(На зло былымъ и новымъ днямъ);
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего, поэзія души моей погасла.

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной расшибленный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ —
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ негодится и на волѣ!
Погибъ — и данъ ему покой!

Мнѣ кажется, что это недурно вышло. Пожалуйста, не рвите этого письма на нужныя вещи. Впрочемъ, если бъ я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть-можетъ, писалъ бы вовсе другое; каждый мигъ у меня новыя фантазіи. Прощайте, дражайшая. Я къ вамъ писалъ изъ Твери и отсюда, а до сихъ поръ не получилъ отвѣта — стыдно; однако я прощаю — и прощаюсь. M. Lerma.

Тетенькѣ и всѣмъ нижайшее мое почтеніе. Пишите, что дѣлается, и слышится, и говорится.

У Демидовой былъ — дома не засталъ; она была у какой-то директорши — Богъ знаетъ! Я письма не отдалъ и на-дняхъ поѣду опять. Не имѣю слишкомъ большого влеченія къ обществу: надоѣло! Все люди, такая тоска: хоть бы черти для смѣха попадались. — (1832).

9. Къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной.

(S.-Pétérsb. 1832), le 28 Août.

Dans le moment où je vous écris je suis très-inquiet, car grand-maman est très malade, et depuis deux jours au lit. Ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne. — Vous nommer toutes les personnes que je fréquente? — moi c'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir. En arrivant je suis sorti, il est vrai, assez souvent chez des parents, avec lesquels je devais faire connaissance; mais à la fin j'ai trouvé que mon meilleur parent c'était moi. J'ai vu des échantillons de la société d'ici, des dames fort aimables, des jeunes gens fort polis — tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français, dien étroit et simple, mais où l'on peut se perdre, pour la première fois, car entre un arbre et un autre le ciseau du maitre a ôté toute différence!..

J'écris peu, je ne lis pas plus; mon roman devient une œuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêlemêle sur le papier: vous me plaindriez en le lisant!.. A propos de votre mariage, chère amie, vous avez deviné mon enchantement d'apprendre qu'il soit rompu (pas français); j'ai déjà écrit à ma cousine que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes—cette expression m'a beaucoup plu à moi-même. Dieu soit loué, que ça soit fini comme cela et pas autrement! Au reste n'en parlons plus; on n'en a que trop parlé.

J'ai une qualité que vous n'avez pas; quand on me dit qu' on m'aime, je ne doute plus ou (ce qui est pire) je ne fais pas semblant de douter. — Vous avez ce defaut, et je vous prie de vous en corriger, du moins dans vos chères lettres.

Hier il y a eu, à 10 heures du soir, une petite inondation et même on a tiré deux fois du canon à trois différentes reprises, à mesure que l'eau baissait et montait. Il y avait clair de lune, et j'étais à ma fenètre qui donne sur le canal; voilà ce que j'ai écrit:

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы шумно я катился
Подъ серебряной луной;
О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы
Недовѣрчивый челнокъ;
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,
Мой набѣгъ бы разрушалъ;
И къ моей студеной груди
Я бъ страдальцевъ прижималъ:
Не страшился бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщенъ;
Безпокойство и прохлада
Были бъ вѣчный мой законъ;

Не искалъ бы я забвенья
Въ дальнемъ сѣверномъ краю,
Былъ бы воленъ отъ рожденья —
Жить и кончить жизнь мою!

Voici une autre; ces deux pièces, vous expliqueront mon état moral mieux que j'aurais pu le faire en prose:

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ — и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ... а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ;
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете вовѣкъ. —
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ:
И, можетъ-быть, изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмейстеръ изготовитъ супъ
(Все это дружески, безъ злости).
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ — но съ вашимъ позволеньемъ,
Я здѣсь окончу мой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

Adieu!.. je ne puis plus vous écrire, la tête me tourne à force de sottises; je crois que c'est aussi la cause qui fait tourner la terre depuis 7.000 ans; se Moïse n'a pas menti. — Mes compliments à tout le monde. — Votre ami le plus sincère. — M. Lerma.

Переводъ: Въ эту минуту, какъ пишу вамъ, я сильно встревоженъ, потому что бабушка очень больна и два дня въ постели. Получилъ ваше второе письмо и отвожу душу, отвѣчая на него. Назвать ли вамъ всѣхъ, у кого я бываю? — Та особа, которую я посѣщаю съ наибольшимъ удовольствіемъ, — я самъ. Правда, по пріѣздѣ я посѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться; но подъ конецъ нашелъ, что лучшій изъ родственниковъ, это я самъ. Я видѣлъ образчики здѣшняго общества, очень любезныхъ дамъ, молодыхъ людей, весьма воспитанныхъ — всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣй, но въ которомъ въ первый разъ можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все различіе. — Пишу мало, читаю не болѣе; мой романъ становится произведеніемъ отчаянія: я перерылъ всю свою душу, отыскивая въ ней все, что только способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излилъ это на бумагу. Читая, вы пожалѣли бы меня! Что касается вашего брака, мой другъ, вы угадали мой восторгъ при вѣсти, что онъ разстроился; я ужъ писалъ кузинѣ, что этотъ господинъ годенъ только на то, чтобы держать носъ по вѣтру — это выраженіе мнѣ самому очень понравилось. Слава Богу, что это кончилось такъ, а не иначе. Впрочемъ, не будемъ больше говорить объ этомъ — и безъ того ужъ слишкомъ много говорено было. — У меня есть качество, котораго нѣтъ у васъ; когда мнѣ говорятъ, что меня любятъ, я больше не сомнѣваюсь, или (что хуже) я не показываю вида, что сомнѣваюсь. Вы же имѣете этотъ недостатокъ, и я прошу васъ, исправьтесь отъ него, хоть въ вашихъ милыхъ письмахъ. — Вчера въ 10 часовъ вечера было небольшое наводненіе, даже трижды сдѣлано было по два пушечныхъ выстрѣла, по мѣрѣ того, какъ вода опускалась и поднималась. Свѣтила луна, и я былъ у своего окна, которое выходитъ на каналъ. Вотъ что я написалъ: *(слѣдуютъ стихи)*. Вотъ и другіе. Они лучше покажутъ вамъ мое нравственное состояніе, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать въ прозѣ *(слѣдуютъ стихи)*. Прощайте, не могу больше писать вамъ. Голова вертится отъ глупостей. Мнѣ кажется, что по той же причинѣ и земля вертится вотъ уже 7.000 лѣтъ. Моисей не солгалъ. Всѣмъ мой поклонъ. — Вашъ искреннѣйшій другъ. — М. Лерма.

10. Къ ней же.

2 Septembre.

Dans ce moment même je commence à dessiner quelque chose pour vous, et je vous l'enverrai peut-être dans cette lettre. Savez vous, chère amie, comment je vous écrirai? Par mo-

ments! Une lettre durera quelquefois plusieurs jours; une pensée me viendra-t-elle, je l'insererai; quelque chose de remarquable se gravera-t-il dans mon esprit, je vous en ferai part; êtes-vous contente de ceci!

Voilà plusieures semaines déjà que nous sommes separés, peut-être pour bien longtemps, car je ne vois rien de trop consolant dans l'avenir, et pourtant je suis toujours le même, malgré les malignes suppositions de quelques personnes que je ne nommerai pas. Enfin, pensez vous que j'ai été aux anges de voir Наталья Алексѣевна, parcequ' elle vient de nos contrées—car Moscou est et sera toujours ma patrie: j'y suis n é, j'y ai beaucoup s o u f f e r t, e t j'y a i é t é trop h e u r e u x—ces trois choses auraient bien mieux fait de ne pas arriver... mais que faire?— Mademoiselle Annette m' a dit qu' on n'avait pas effacé la célèbre tête sur la muraille... pauvre ambition! Cela m'a réjoui... et encore comment! Cette drôle passion de laisser partout des traces de son passage!.. Une idée d'homme, quelque grande qu'elle soit, vaut — elle la peine d'être répetée dans un objet matériel, avec le seul mérite de se faire comprendre à l'âme de quelques-uns? il faut que les hommes ne soient pas nés pour penser, puisqu'une idée forte et libre est pour eux chose si rare!

Je me suis proposé pour but de vous enterrer sous mes lettres et mes vers: cela n'est pas bien amical, ni même philanthropique, mais chacun doit suivre sa destination.

Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de la mer:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій и т. д.

— Adieu donc, adieu... je ne me porte pas bien: un songe heureux, un songe divin m'a gâté la journée... Je ne puis ni parler, ni lire, ni écrire. — Chose étrange que les songes! une doublure de la vie, qui souvent est plus agréable que la réalité: car je ne partage pas du tout l'avis de ceux qui disent que la vie n'est qu'un songe; je sens bien fortement sa réalité, son vide engageant!—Je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon coeur; car ma vie—c'est moi, moi, qui vous parle—et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est à dire encore rien.—Dieu sait, si après la vie le moi existera. C'est terrible quand on pense, qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire: moi!—A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue.

Adieu; n'oubliez pas de me rappeler au souvenir de votre frère et de vos soeurs, car je ne suppose pas ma cousine de retour.

Dites moi, chère miss Mary, si monsieur mon cousin Evreinoff vous a rendu mes lettres, et comment vous le trouvez, car dans ce cas je vous choisis pour mon thermomètre—Adieu. Votre dévoué. Lerma.

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question; mais elle se refuse de sortir de ma plume.—Si vous me devinez—bien, je serai content; si—non... alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.

C'est le genre de question dont peut-être vous ne doutez pas!

Переводъ: Сейчасъ я началъ кое-что рисовать для васъ, и, можетъ-быть, пошлю съ этимъ же письмомъ. Знаете ли, милый другъ, какъ я стану писать къ вамъ? — Какъ только улучу моментъ. Иногда письмо продлится нѣсколько дней: придетъ въ голову какая мысль, я вамъ запишу ее; если что интересное займетъ мой умъ, тотчасъ подѣлюсь съ вами. Довольны ли вы этимъ? — Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ мы разстались и, можетъ-быть, надолго, потому что впереди я не вижу ничего особенно утѣшительнаго, однако, я все тотъ же, вопреки лукавымъ предположеніямъ нѣкоторыхъ людей, которыхъ не стану называть. Представьте, наконецъ, что я пришелъ въ восторгъ, увидавъ Наталью Алексѣевну, потому что она пріѣхала съ нашей стороны, такъ какъ Москва моя родина, и таковою будетъ для меня всегда: тамъ я р о д и л с я, тамъ много с т р а д а л ъ, и тамъ же былъ с л и ш к о м ъ с ч а с т л и в ъ! Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что дѣлать? M-lle Annette говорила, что еще не стерли со стѣны знаменитую голову. Жалкое самолюбіе! Это меня обрадовало, да еще какъ! Что за глупая страсть: вездѣ отмѣчать чѣмъ-нибудь свое пребываніе! Мысль человѣка, хотя бы и великую, стоитъ ли отпечатлѣвать въ предметѣ вещественномъ, изъ-за того только, чтобъ сдѣлать ее понятною для другихъ, немногихъ людей. Надо полагать, что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная — большая для нихъ рѣдкость. Я намѣренъ замучить васъ своими письмами и стихами. Это, конечно, не по-дружески и даже не человѣколюбиво; но каждый долженъ слѣдовать своему предназначенію. Вотъ еще стихи, которые сочинилъ я на берегу моря *(слѣдуютъ стихи)*. Прощайте же, прощайте. Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую: сонъ счастливый, божественный сонъ, испортилъ мнѣ нынѣшній день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Странная вещь эти сны! Двойникъ жизни, и часто болѣе пріятный, нежели дѣйствительность. Я вовсе не

раздѣляю мнѣнія, будто жизнь есть сонъ; я осязательно чувствую ея дѣйствительность, ея манящую пустоту. Я никогда не буду въ состояніи отрѣшиться отъ нея настолько, чтобы искренно ее ненавидѣть; потому что жизнь моя — я самъ, я, говорящій теперь съ вами и могущій черезъ минуту обратиться въ ничто, въ одно имя, т.-е. опять-таки въ ничто. Богъ знаетъ, будетъ ли существовать это *я* послѣ жизни! Страшно подумать, что настанетъ день, когда я не могу сказать: я! При этой мысли весь міръ есть не что иное, какъ комъ грязи. — Прощайте, не забудьте напомнить обо мнѣ своему брату и сестрамъ, потому что кузина, какъ я полагаю, еще не возвратилась. — Скажите, милая Miss Mary, передалъ ли вамъ мой кузенъ Евреиновъ мои письма, и какъ онъ вамъ показался? потому что въ этомъ случаѣ я васъ выбираю моимъ термометромъ. Прощайте. Вашъ преданный Лерма. P. S. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ небольшой вопросъ; но перо отказывается писать его. Если догадываетесь, хорошо, я буду доволенъ; а нѣтъ — значитъ, если бы я и написалъ, вы не могли бы отвѣчать на него. — Это такого рода вопросъ, какой, быть-можетъ, вы и не подозрѣваете.

11. Къ Александрѣ Михайловнѣ Верещагиной.

(Петербургъ, ноябрь 1832).

Femme injuste et crédule! — et remarquez que j'ai le plein droit de vous nommer ainsi, chère cousine.—Vous avez crû aux paroles et à la lettre d'une jeune fille sans les analyser; Annette dit qu'elle n'a jamais écrit que j'avais une histoire, mais qu'on ne m'a pas compté les années que j'ai passées à Moscou comme à tant d'autres; car il y a une réforme dans toutes les universités, et je crains qu'Alexis n'en souffre aussi, puisqu'on ajoute une annèe aux trois insupportables. Vous devez déjà savoir, notre dame, que j'entre à l'école des gardes. — Ce qui me privera malheureusement du plaisir de Vous voir bientôt. Si vous pouviez deviner tout le chagrin que cela me fait, vous m'auriez plaint— ne grondez donc plus et consolez-moi, si vous avez un coeur.

Je ne puis concevoir ce que vous voulez dire par p e s e r l e s p a r o l e s, je ne me rappelle pas vous avoir écrit quelque chose de semblable. Au surplus je vous remercie de m'avoir grondé, cela me servira pour l'avenir et si vous venez à Pétersbourg, j'éspère me venger entièrement,—et pardessus le marché à coups de sabre, et point de quartier entendez vous! Mais que cela ne vous éffraye pas; venez toujours, et amenez avec vous une suite nombreuse, et mademoiselle Sophie, à laquelle je n'écris pas, parceque je boude contre elle. Elle m'a promis de m'écrire en arrivant de Voronège u n e l o n g u e l e t t r e, et je ne m'aperçois que de la longueur du temps — qui remplace la lettre. Et vous, chère cousine, vous m'accusez de la même chose! — et pourtant je vous ai écrit deux lettres aprés monsieur Paul Evreinoff. Mais comme elles étaient adressées dans la maison Stolipine à Moscou, je suis sûr que le Léthé les a englouti, ou que la femme d'un domestique entortile des chandelles avec mes tendres épitres.

Donc je vous attends cet hiver; point de réponses évasives — vous devez venir, un beau projet ne doit pas être ainsi abandonné, la fleur ne doit pas se faner sur sa tige etc... En attendant je vous dis adieu, car je n'ai plus rien à vous communiquer d'intéressant; je me prépare pour l'examen, et dans une semaine, avec l'aide de Dieu, je serai militaire. Encore—vous attribuez trop à l'eau de la Néva; elle est un trés-bon purgatif, mais je ne lui connais point d'autre qualité. Apparemment que vous avez oublié mes galanteries passées et que vous n'êtes que pour le présent et le f u t u r, qui ne manquera pas de se présenter à vous par la première occasion. Adieu donc, chère amie, et mettez tous vos soins à me trouver une f u t u r e, il faut qu'elle ressemble à Dachinka, mais qu'elle n'aie pas comme elle un gros ventre, car il n'y aurait plus de symmétrie avec moi comme vous savez, ou comme vous ne savez pas, car je suis devenu fin comme une allumette.

Je baise vos mains. M. Lerma.

P. S. Mes compliments aux tantes.

Переводъ: Несправедливая и легковѣрная женщина! (замѣтьте, что я имѣю полное право такъ называть васъ, милая кузина!) Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвергнувъ ихъ критикѣ. Annette говоритъ, что она никогда не писала, что у меня была исторія, но что мнѣ не хотѣли зачесть годы пребыванія въ Москвѣ (Москов. университетѣ), какъ это и было по отношенію ко многимъ другимъ, и я боюсь, чтобы Алексису тоже не пришлось пострадать, ибо прибавляютъ еще годъ къ тремъ невыносимымъ годамъ. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что я поступаю въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. — Къ сожалѣнію, это лишитъ меня удовольствія васъ скоро увидѣть. Если бы вы могли понять все горе, которое мнѣ это причиняетъ — вы бы пожалѣли обо мнѣ. Не браните меня, а утѣшьте, если имѣете сердце.

Не понимаю, что вы хотите сказать, говоря о взвѣшиванiи словъ, я не помню, чтобы я написалъ вамъ что-либо подобное. Во всякомъ случаѣ благодарю за то, что вы бранили, это мнѣ пригодится въ будущемъ и, если вы прiѣдете въ Петербургъ, я надѣюсь вполнѣ отомстить за себя — да и вдобавокъ сабельными ударами и безъ снисхожденiя — слышите ли! Но, да не испугаетъ это васъ; прiѣзжайте все-таки и приводите за собою многочисленную свиту и M-lle Sophie, которой я не пишу, потому что сердитъ на нее. Она обѣщала написать мнѣ по возвращенiи изъ Воронежа длинное письмо, я же замѣчаю только длинноту времени, замѣняющую письмо. А вы, дорогая кузина, обвиняете меня въ томъ же, хотя я написалъ два письма послѣ Павла Евреинова; такъ какъ они были адресованы въ домъ Столыпина въ Москвѣ, то я увѣренъ, что ихъ поглотила Лета, или жена одного изъ слугъ обернула моими нѣжными посланiями свѣчи. — Итакъ, я васъ ожидаю эту зиму, безъ уклончивыхъ отвѣтовъ! Вы должны прiѣхать! Прекрасный проектъ не долженъ быть покинутъ, цвѣтокъ не долженъ увядать на стеблѣ своемъ и т. д. Пока говорю вамъ прощайте! ничего не имѣю болѣе интереснаго сообщить вамъ. Я готовлюсь къ экзамену, и черезъ недѣлю, съ Божьею помощью, я буду военнымъ. Еще — вы слишкомъ придаете значенiя невской водѣ, она отличное слабительное, но другихъ качествъ я за нею не знаю. Вѣроятно, вы забыли мои былыя любезности, и только доступны для настоящаго и будущаго, которое не преминетъ предстать предъ вами. Прощайте, милый другъ, приложите всѣ старанiя, чтобы отыскать для меня *будущую* (жену). Надо, чтобы она походила на Дашеньку, но чтобы не было у нея такого большого живота, потому что тогда не будетъ симметрiи со мною, какъ вамъ извѣстно, или скорѣе неизвѣстно, я исхудалъ какъ спичка. Цѣлую ваши руки. M. Lerma.

P. S. Поклоны мои теткамъ.

12. Къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной.

(С.-Петербургъ. Октябрь 1832).

Je suis extrêmement fâché que la lettre pour ma cousine soit perdue ainsi que la votre pour grand-maman. Ma cousine pense peut-être que j'ai fait le paresseux, ou que je mens en disant que j'ai écrit; mais ni l'un ni l'autre ne serait juste de sa part; puisque je l'aime beaucoup trop pour m'esquiver par un mensonge et que, à ce que vous pouvez lui attester, je ne suis pas paresseux à écrire; — je me justifierai peut-être avec ce même courrier, et si non, je vous prie de le faire pour moi; après demain je tiens examen et suis enterré dans les mathématiques. Dites lui de m'écrire quelquefois; ses lettres sont si aimables.

Je ne puis pas m'imaginer encore, quel effet produira sur vous ma grande nouvelle: moi qui jusqu'à présent avais vécu pour la carrière littéraire, après avoir tant sacrifié pour mon ingrat idôle, voilà que je me fais guerrier. Peut-être est-ce le vouloir patriculier de la Providence; peut-être ce chemin est-il le plus court: et s'il ne me mène pas à mon premier but, peut-être me mènera-t-il au dernier de tout le monde: mourir une balle de plomb dans le coeur vaut bien une lente agonie de vieillard. Aussi, s'il y a la guerre, je vous jure par Dieu d'être le premier partout.— Dites, je vous en prie, à Alexis que je lui enverrai un cadeau dont il ne se doute pas. Il avait il y a longtemps desiré quelque chose de semblamble, et je lui envoyé la même chose, seulement dix fois mieux. Maintenant je ne lui écris pas, car je n'ai pas le temps: dans quelques jours l'examen. Une fois entré, je vous assomme de lettres, et je vous conjure tous et toutes de me riposter. M-lle Sophie m'a promis de m'écrire aussitôt aprés son arrivée: le s a i n t de Voronége lui aurait-il conseillé de m'oublier? Dites lui que je voudrais savoir de ses nouvelles. Que coute une lettre? une demiheure! et elle n'entre pas à l'ècole des gardes. Vraiment je n'ai que la nuit; vous — c'est autre chose. Il me parait que, si je ne vous communique pas quelque chose d'important, arrivée à ma personne, je suis privé de la moitié de ma résolution. Croyez ou non, mais cela est tout-á-fait vrai: je ne sais pourquoi, mais lorsque je reçois une lettre de vous, je ne puis m'empêcher de répondre tout de suite, comme si je vous parlais.

Adieu donc, chère amie, je ne dis pas au revoir, puisque je ne puis espérer de vous voir ici, et entre moi et la chère Moscou il y a des barrières insurmontables, que le sort semble vouloir augmenter de jour en jour. Adieu, ne soyez pas plus paresseuse que vous n'avez été jusqu'ici, et je serai content de vous. Maintenant j'aurai besoin de vos lettres plus que jamais: enfermé comme serai, cela sera ma plus grande jouissance; cela seul pourra lier mon passé avec mon avenir, qui déjà s'en vont chacun de son côté, en laissant entre eux une barrière de 2 tristes, pénibles années. Prenez sur vous cette tâche ennuyeuse, mais charitable, et vous empêcherez une vie de se démolir; á vous seule je puis dire tout ce que je pense; bien ou mal, ce que j'ai déja prouvé par ma confession, et vous ne devez pas rester en arrière, vous ne devez pas,

car ce n'est pas une complaisance que je vous demande, mais un bienfait. J'ai été inquiet il y a quelques jours, maintenant je ne le suis plus: tout est fini—j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours que vont suivre seront vides de sensations...

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!

Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ, какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ — ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
—Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ, онъ чувствуетъ одинъ!

Adieu—mes poclonys á tous; adieu, ne m'oubliez pas. M. Lermantoff.

P. S. Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à Evreinoff et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractère est vrai; seulement j'ai eu tort en disant qu'il était hypocrite—il n'a pas assez de moyens pour cela: il n'est que menteur.

Переводъ: Меня очень огорчило, что мое письмо въ кузинѣ затерялось, такъ же, какъ и ваше къ бабушкѣ. Кузина, можетъ - быть, думаетъ, что я лѣнюсь или лгу, говоря, что писалъ; но думать то или другое было бы несправедливо съ ея стороны, такъ какъ я слишкомъ люблю ее, чтобъ прибѣгать ко лжи, вы же можете ее увѣрить, что я вовсе не лѣнюсь писать; я оправдаюсь, можетъ-быть, даже съ этою почтой; а если нѣтъ, то прошу васъ сдѣлать это за меня; послѣзавтра я держу экзаменъ и похоронился въ математикѣ. Попросите ее писать иногда ко мнѣ: ея письма такъ милы. — Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость; до сихъ поръ я жилъ для литературы, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я дѣлаюсь военнымъ. Быть-можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть-можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, то, можетъ-быть, приведетъ къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди лучше, чѣмъ медленно умирать отъ старости. Итакъ, если начнется война клянусь вамъ Богомъ, что я всегда буду впереди. — Скажите, пожалуйста, Алексису, что я пришлю ему подарокъ, какого онъ не ожидаетъ. Ему давно хотѣлось чего-нибудь въ такомъ родѣ и я ему посылаю эту вещь, только вдесятеро лучше. Не пишу къ нему теперь, потому что нѣтъ времени: черезъ нѣсколько дней экзаменъ. Какъ только поступлю, то закидаю васъ письмами, на которыя заклинаю васъ всѣхъ (и мужчинъ и женщинъ) отвѣчать мнѣ. M-lle Sophie обѣщалась писать тотчасъ по пріѣздѣ: ужъ не воронежскій ли угодникъ присовѣтовалъ ей забыть меня? Скажите ей, что мнѣ хотѣлась бы имѣть извѣстія отъ нея. Чего стоитъ письмо? Полчаса! Она же не поступаетъ въ гвардейскую школу. Право, у меня въ распоряженіи только ночь. Вы — другое дѣло. Мнѣ кажется, что если бы я не сообщилъ вамъ какого-нибудь важнаго случая, до меня касающагося, то утратилъ бы половину своей рѣшимости. Вѣрьте, не вѣрьте, а это вполнѣ такъ, не знаю почему, но, получивъ отъ васъ письмо, я не могу удержаться, чтобъ не отвѣчать въ ту же минуту, какъ будто я съ вами разговариваю.

Прощайте же, мой милый другъ; не говорю до свиданья, потому что не надѣюсь увидать васъ здѣсь; а между мною и милою моей Москвой стоятъ непреодолимыя преграды, и, кажется, судьба съ каждымъ днемъ увеличиваетъ ихъ. Прощайте, не лѣнитесь писать попрежнему, и я буду доволенъ вами. Теперь въ письмахъ вашихъ буду нуждаться болѣе чѣмъ когда-нибудь; въ моемъ заточеніи они доставятъ мнѣ величайшее наслажденіе; они послужатъ единственнымъ звеномъ между моимъ прошлымъ и будущимъ, которое предстоитъ мнѣ по прошествіи двухъ печальныхъ тяжелыхъ лѣтъ. Съ вашей стороны будетъ дѣломъ милосердія наполнить этотъ промежутокъ; это будетъ скучно для васъ, но вы спасете мнѣ жизнь. Вамъ одной я могу говорить все, что думаю, и хорошее и дурное; я ужъ доказалъ это моею исповѣдью, и вы не должны отставать, не должны, потому что я требую отъ васъ не любезности, а благодѣянія. Нѣсколько дней я былъ въ тревогѣ, но теперь прошло; все кончилось; я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ; и затѣмъ нѣтъ больше мѣста чувствованіямъ... *(слѣдуютъ стихи).* Прощайте, мои поклоны всѣмъ; не забывайте М. Лермантова. — P. S. Я никогда ничего не писалъ о васъ къ Евреинову. Вы видите, что я говорилъ правду объ его характерѣ; только я ошибался, называя его притворщикомъ; на

это нехватаетъ у него способностей, — онъ просто лгунъ.

1833.

13. Къ ней же.

19 Juin, Petersbourg.

J'ai reçu vos deux lettres hier, chère amie, et je les ai — dévorées. Il y a si longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Hier, c'est le dernier dimanche que j'ai passé en ville, car demain (mardi) nous allons au camp pour deux mois. Je vous écris assis sur un banc de l'école, au milieu du bruit, des préparatifs etc... Vous serez, à ce que je crois, contente d'apprendre que, n'ayant passé à l'école que deux mois, j'ai subi mon examen pour la 1-ère classe et suis un des premiers... Cela nourrit toujours l'espérance d'une prochaine liberté!—Il faut pourtant absolument que je vous raconte une chose assez étrange: samedi, avant de me réveiller, je vois en songe que je suis dans votre maison; vous êtes assises sur le grand canapé du salon; je m'approche de vous pour vous demander, si vous voulez définitivement que je me brouille avec vous, mais vous sans répondre, m'avez tendu la main;—le soir on nous laisse partir; j'arrive chez nous et je trouve vos lettres. Cela me frappe! Je voudrais savoir, que faisiez vous ce jour là?..

Maintenant il faut que je vous explique pourquoi j'adresse cette lettre à Moscou et non à la campagne; j'ai laissé votre lettre á la maison et l'adresse avec; et comme personne ne sait où je conserve vos lettres, je ne puis la faire venir ici.

Vous me demandez ce que signific la phrase à propos du mariage du prince: удавится или женится!—ma parole d'honneur que je ne me rappele pas avoir écrit quelque chose de semblable, car j'ai trop bonne opinion du prince et je suis sûr qu'il n'est pas un de ceux qui choisissent les promises d' après un registre.

Dites, je vous prie, à ma cousine, que l'hiver prochain elle aura un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky est officier des gardes; et tout cela parce que son colonel se marie avec sa soeur!—et dites après qu'il n'y a pas de hasard dans ce bas monde.

Dites moi à coeur ouvert: vous m'avez boudé pendant quelque temps. Eh bien, puisque c'est fini, n'en parlons plus. — Adieu, on me demande car le général est arrivé. Adieu. M. Lerma.

Mes compliments à tout le monde.

Il fait tard. J'ai trouvé un moment de loisir pour continuer cette lettre. Il y a tant de choses qui se sont passées en moi depuis que je ne vous ai écrit, tant de choses étranges, que je ne sais moi-même, quelle route je vais prendre, celle du vice ou de la sottise. Il est vrai que toutes les deux mènent souvent au même but. Je sais que vons m'exhorterez, que vous essayerez de me consoler — ce serait de trop! Je suis plus heureux que jamais, plus gai que le premier ivrogne chantant dans la rue! Les termes vous deplaisent, mais hélas: d i s m o i q u i t u hantes, je t e d i r a i s q u i t u e s! Je vous crois que mademoiselle S. est fausse, car je sais que vous ne direz jamais de fausseté, d'autant plus si c'est du mal! Que Dieu la bénisse!

Quant aux autres choses que j'aurais pu vous écrire, je garde le silence, pensant que beaucoup de paroles ne valent pas une action, et comme je suis paresseux de nature, ainsi que vous le savez, chère amie, je m'endors sur mes lauriers, mettant une fin tragique à mes actions et paroles à la fois. Adieu.

Переводъ: Я получилъ два письма ваши, милый другъ, и проглотилъ ихъ: такъ давно не было отъ васъ извѣстій. Вчера, послѣднее воскресенье, былъ я въ городѣ, потому что завтра (во вторникъ) мы отправляемся на два мѣсяца въ лагерь. Пишу къ вамъ, сидя на классной скамейкѣ; кругомъ меня шумъ, приготовленія и пр... Надѣюсь, вамъ будетъ пріятно узнать, что я, пробывъ въ школѣ всего два мѣсяца, выдержалъ экзаменъ въ первый классъ, и теперь одинъ изъ первыхъ. Это все-таки питаетъ надежду на приближеніе свободы! Однако нужно непремѣнно передать вамъ довольно странный случай: въ субботу, передъ тѣмъ какъ проснуться, я вижу во снѣ, будто я въ вашемъ домѣ; вы сидите на большомъ диванѣ въ гостиной; я подхожу и спрашиваю, не хотите ли вы окончательно, чтобы я съ вами поссорился; а вы, не отвѣчая, протянули мнѣ руку. — Вечеромъ насъ распустили; прихожу къ нашимъ, и нахожу ваши письма. Это меня поразило! Хотѣлось бы мнѣ знать, что дѣлали вы въ этотъ день? — Теперь надо объяснить, почему я адресую это письмо въ Москву, а не въ деревню; я оставилъ ваше письмо дома вмѣстѣ съ адресомъ, и такъ какъ не знаютъ, гдѣ я храню ваши письма, то и не могутъ мнѣ переслать его сюда. — Вы меня спрашиваете, что значитъ фраза по поводу свадьбы князя: „удавится или женится!“ — честное слово, не помню, чтобъ я написалъ что-нибудь подобное, потому что я слишкомъ хорошаго мнѣнія о князѣ и увѣ-

ренъ, что онъ не изъ тѣхъ, которые выбираютъ невѣстъ по реестру. — Прошу васъ, скажите кузинѣ, что будущей зимою у нея будетъ любезный и красивый кавалеръ: Иванъ Ватковскій — офицеръ гвардіи, потому только, что его полковникъ женится на его сестрѣ! Говорите же послѣ этого, что нѣтъ случайности въ здѣшнемъ мірѣ. — Скажите откровенно: вы на меня нѣсколько времени сердились? Впрочемъ, такъ какъ это ужъ кончилось, то и не будемъ больше говорить объ этомъ. Прощайте, меня зовутъ, потому что пріѣхалъ генералъ. Прощайте. М. Лерма. — Привѣтъ мой всѣмъ. — Уже поздно. Я улучилъ свободную минуту, чтобъ продолжать письмо. Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ, путемъ ли порока или пошлости. Оно, конечно, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщавать, постараетесь утѣшать меня — было бы напрасно! Я счастливѣе чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ? Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій; но — увы! — *скажи, съ кѣмъ ты водишься — и я скажу, кто ты таковъ!* Я вѣрю вамъ, что m-lle С. обманщица, потому что я знаю — вы никогда не станете говорить неправды, особенно же когда говорите дурное! Богъ съ нею!.. Не стану говорить о другихъ вещахъ, о которыхъ могъ бы сообщить вамъ; вѣдь одно дѣйствіе важнѣе многихъ словъ; а такъ какъ вамъ извѣстно, что я отъ природы лѣнивъ, то и засыпаю на лаврахъ, кладя трагическій конецъ и моимъ дѣйствіямъ и моимъ словамъ. Прощайте.

14. Къ ней же.

St. Pétersbourg le 4 Août.

Je ne vous ai pas donné de mes nouvelles depuis que nous sommes allés au camp; et vraiment je n'aurais pu y réussir avec toute la bonne volonté possible. Imaginez-vous une tente, qui a 3 archines en long et en lagre et $2^1/_2$ de hauteur, occupée par trois pérsonnes et tout leur bagage, toute leur armure, comme: sabres, carabines, chacauts etc. etc. Le temps a été horrible; une pluie, qui ne finissait pas, faisait que souvent nous passions 2 jours de suite sans pouvoir sécher nos habits. Et pourtant cette vie ne m'a pas tout-à-fait déplu. Vous savez, chère amie, que j'eus toujours un penchant très prononcé pour la pluie et la boue, et maintenant, grâce à Dieu, j'en ai joui complétement. Nous sommes rentrés en ville, et bientôt recommençons nos occupations. La seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier! Et alors, alors... bon Dieu! Si vous saviez la vie que je me propose de mêner!.. Oh, cela sera charmant! D,abord, des bisarreries, des folies de toute espèce et de la poésie noyée dans du champagne. Je sais, vous allez vous recrier; mais hélas! le temps de mes rêves est passé: le temps de c r o i r e n'est plus; il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achete avec de l'or que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur, qui ne fasse que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive!.. Voilà ce qui m'est nécessaire maintenant et vous vous apercevez, chére amie, que je suis quelque peu changé depuis que nous sommes séparés. Quand j' ai vu mes beaux rêves s'enfuir, je me suis dit que ça ne valait pas la peine d'en fabriquer d'autres; il vaut mieux, pensai-je, apprendre à s'en passer; j'essayai, j'avais l'air d'un ivrogne qui peu à peu tâche de se désabituer du vin — mes efforts ne furent pas inutiles, et bientôt je ne vis dans la passé qu'un programme d'aventures insignifiantes et fort communes. Mais parlons d'autres choses. Vous me dites que le prince Troubetskoi et votre soeur son épouse se trouvent fort contents l'un de l'autre; je n'y ajoute pas une foi entière, car je crois connaître le caractère de tous les deux, et votre soeur ne parait pas très disposée à la soumission, et il parait que monsieur n'est pas non plus un agneau. Je souhaite que ce calme factice dûre le plus longtemps possible, mais je ne saurai prédire rien de bon. Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration; mais je crois plutôt, que vous n'avez pas voulu me dire tout ce que vous pensiez, et c'est très naturel; car maintenant si mes suppositions sont vraies, vous n'avez pas même besoin de dire: oui. — Que faites vous à la campagne? vos voisins sont-ils amusants, aimables, nombreux? Voici des questions qui vous auront l'air d'être faites sans aucune intention serieuse!

Dans un an, peût-être, je viendrai vous voir; et quels changements ne trouverai-je pas? me reconnaitrez vous, et voudrez vous le faire? — Et moi, quel rôle jouerai-je! sera-ce un moment de plaisir pour vous, ou d'embarras pour nous deux? car je vous avertis, que je ne suis plus le même, que je ne sens plus, que je ne parle plus de la même manière, et Dieu sait ce que je deviendrai encore dans un an. — Ma vie jusqu'ici n'a été qu'une suite de désappointements, qui me font rire maintenant, rire de moi et des autres; je n'ai fait qu'effleurer tous les plaisirs, et sans eu avoir joui, j'en suis dégoûté. — Mais ceci est un sujet bien triste que je tacherai de ne pas

ramener une autre fois. Lorsque vous serez à Moscou, annoncez le moi, chère amie... je compte sur votre constance; adieu. M. Ler... P. S. Mes compliments à ma cousine, si vous lui écrivez, car je suis trop paresseux pour le faire moi-même.

Переводъ: Я не писалъ къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли въ лагерь, да и не могъ рѣшительно при всемъ желаніи. Представьте себѣ нашу палатку, по 3 аршина въ длину и ширину, и въ $2^1/_2$ аршина вышины; въ ней живутъ трое, и тутъ же вся поклажа и доспѣхи, какъ-то: сабли, карабины, кивера и проч. и проч. Погода была ужасная; подъ безконечнымъ дождемъ намъ случалось иногда сутокъ по-двое оставаться въ мокромъ платьѣ. Тѣмъ не менѣе, эта жизнь до нѣкоторой степени нравилась мнѣ. Вы знаете, милый другъ, что во мнѣ всегда было явное влеченіе къ дождю и грязи—и тутъ, по милости Божіей, я насладился ими вдоволь.—Мы возвратились въ городъ, и скоро опять начнутся наши занятія. Одно меня утѣшаетъ — мысль, что черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ чудесно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете: но — увы! — пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны матеріальныя наслажденія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу!.. Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы увидите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я нѣсколько измѣнился. Какъ только я замѣтилъ, что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Я началъ пробовать: и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій. Но поговоримъ о другомъ. Вы говорите, что князь Т. и ваша сестра, его жена, очень довольны другъ другомъ; я не совсѣмъ вѣрю этому, потому что, кажется, знаю характеръ обоихъ: и ваша сестра не очень способна къ покорности, да и князь также не агнецъ! Желаю, чтобъ это искусственное спокойствіе продолжалось какъ можно долѣе, но я не могъ бы предсказать ничего хорошаго. Не говорю, чтобы у васъ было мало проницательности; скорѣе, мнѣ сдается, что вы не хотѣли сказать мнѣ всего, что думали, и это очень понятно, потому что теперь, если мои предположенія справедливы, вамъ даже не нужно говорить: да. — Что вы дѣлаете въ деревнѣ? Много ли у васъ сосѣдей, любезны ли они, забавны ли? Вотъ вамъ вопросы, въ которыхъ, кажется, нельзя видѣть никакого умысла! — Можетъ-быть, черезъ годъ я навѣщу васъ. Сколько перемѣнъ я увижу! Узнаете ли вы меня, и захотите ли узнать? А я какую роль буду играть? пріятно ли будетъ это свиданіе для васъ, или оно смутитъ насъ обоихъ? Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выработается въ продолженіе года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что выбивался изъ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ; въ другой разъ постараюсь больше не толковать о немъ. Когда пріѣдете въ Москву, дайте мнѣ знать, милый другъ... Разсчитываю на ваше постоянство. Прощайте. М. Лер. — P. S. Мой поклонъ кузинѣ, если будете писать ей, потому что я самъ очень лѣнивъ на это.

1834.

15. Къ ней же.

S.-Pétersbourg, le 23 Décembre.

Chère amie! — Quoi qu'il arrive, je ne vous nommerai jamais autrement, car ce serait briser le dernier lien, qui m'attache encore au passé—et je ne le voudrais pour rien au monde: car mon avenir, quoique brillant à l'oeil, est vide et plat. Je dois vous avouer, que chaque jour je m'aperçois de plus en plus, que je ne serai jamais bon à rien, avec tous mes beaux rêves et mes mauvais essais dans le chemin de la vie... car ou l'occasion me manque ou l'audace!.. On me dit: l'occasion arrivera un jour; l'expérience et le temps vous donneront de l'audace!.. Et qui sait, quand tout cela viendra, s'il me restera alors quelque chose de cette âme brûlante et jeune, que Dieu m'a donnée fort mal à propos, si ma volonté ne sera pas épuisée à force de patienter?.. si enfin je ne serai pas tout-à-fait desabusé de tout ce qui nous force d'avancer dans l'existence.

Je commence ainsi ma lettre par une c o n f e s s i o n, vraiment sans y penser! Eh bien,

qu' elle me serve d'excuse: vous verrez là du moins que si mon caractère est un peu changé, mon coeur ne l'est pas. Le vue seule de votre dernière lettre à déjà été pour moi un reproche, bien mérité certainemènt. Mais que pouvais-je vous écrire? vous parler de moi? Vraiment je suis tellement blasé sur ma personne, que lorsque je me surprends à admirer ma propre pensée, je cherche à me rappeler où je l'ai lue—et par suite de cela j'en suis venu à ne pas lire, pour ne pas penser!.. Je vais dans le monde maintenant... pour me faire connaître, pour prouver, que je suis capable de trouver du plaisir dans la bonne société... Ah! je fais la cour, et à la suite d'une déclaration je dis des impertinences: ça m'amuse encore un peu; et quoique cela ne soit pas tout-à-fait nouveau, du moins cela se voit rarement!.. Vous supposerez, qu'on me renvoie après cela tout de bon?.. Eh bien non, tout au contraire; les femmes sont ainsi faites. Je commense à avoir du l'aplomb avec elles; rien ne me trouble, ni colère, ni tendresse; je suis toujours empressé et bouillant, avec un coeur assez froid, qui ne bat que dans les grandes occasions. N'est-ce pas, j'ai fait du chemin!.. Et ne croyez pas, que ce soit une fanfaronnade: je suis maintenant l'homme le plus modeste — et puis je sais bien que ça ne me donnera pas une couleur favorable à vos yeux; mais je le dis, parce que ce n'est qu'avec vous, que j'ose être sincère, ce n'est que vous qui saurez me plaindre sans m'humilier, puisque je m'humilie déjà moi-même; si je ne connaissais pas votre générosité et votre bon sens, je n'aurais pas dit ce que j'ai dit; et peut-être, puisque autrefois vous avez calmé un chagrin bien vif, peut-être, voudrez-vous maintenant chasser par de douces paroles cette froide ironie, qui se glisse dans mon âme irrésistiblement, comme l'eau qui entre dans un bâteau brisé! Oh! combien j'aurais voulu vous revoir, vous parler: car c'est l'accent de vos paroles, qui me faisait du bien; vraiment on devrait en écrivant mettre des notes audessus des mots; car maintenant lire une lettre c'est comme regarder un portrait: point de vie, point de mouvement; l'expression d'une pensée immuable, quelque chose qui sent la mort!..

J'étais à Царское Село, lorsque Alexis[1]) est arrivé. Quand j'en ai reçu la nouvelle, je suis devenu presque fou de joie; je me suis surpris discourant avec moi-même, raint, me serrant les mains l'une l'autre: je suis retourné en un moment à mes joies passées; j'ai sauté deux années terribles, enfin... Je l'ai trouvé bien changé votre frère, il est gros comme j'étais alors; il est rose, mais toujours sérieux, pausé; pourtant nous avons ri comme des fous la soirée de notre entrevue — et Deiu sait de quoi?

Dites moi, j'ai cru remarquer qu'il a du tendre pour m-lle Catherine Souchkoff... est-ce que vous le savez? Les oncles de mamselle auraient bien voulu les marier!.. Dieu presèrve!.. Cette femme est une chauve souris, dons les ailes s'accrochent à tout ce qu'ils rencontrent!— il y eut un temps où elle me plaisait, maintenant elle me force presque de lui faire la cour... mais, je ne sais, il y a quelque chose, dans ses manières, dans sa voix, quelque chose de dur, de saccadé, de brisé, qui repousse; tout en cherchant à lui plaire on trouve du plaisir à la compromettter, de la voir s'embarasser dans ses propres filéts.

Ecrivez-moi de gràce, chère amie, maintenant que tous nos différents sont reglés, que vous n'avez plus à vous plaindre de moi, car je pense avoir été assez sincère, assez soumis dans cette lettre pour vous faire oublier mon crime de lèse — amitié!.. Je voudrais bien vous revoir encor; au fond de ce dessein, pardonnez, il gît une pensée égoïste: c'est que près de vous je me retrouverais moi-même, tel que j'étais autrefois, confiant, riche d'amour et de dévouement; riche enfin de tous les biens, que les hommes ne peuvent nous ôter et que Dieu m'a ôté, lui!—Adieu, adieu — je voudrais continuer, mais je ne puis. M. Lerma.

P. S. Mes compliments à tous ceux auxquels vous jugerez convenable de les faire pour moi.. adieu encore.

Переводъ: Милый другъ! Что бы ни случилось, я все буду называть васъ этимъ именемъ: иначе мнѣ придется порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ, а этого я не хотѣлъ бы ни за что на свѣтѣ, потому что моя будущность, блистательная, повидимому, въ сущности — пошлая и пустая. Нужно вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ со всѣми моими прекрасными мечтаніями и не прекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что случай когда-нибудь представится, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытомъ!.. А кто поручится, что когда все это сбудется, во мнѣ сохранится хоть частица этой пламенной молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезчуръ некстати, что моя воля не истощится отъ долгаго ожиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ,

[1]) Алексѣй Александр. Лопухинъ, братъ Мар. Ал.

что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія? Такимъ образомъ я начинаю письмо *исповѣдью*, право, не думая о томъ! Пусть же она мнѣ послужитъ извиненіемъ, и, по крайней мѣрѣ, покажетъ вамъ, что, если характеръ мой нѣсколько измѣнился, сердце осталось то же. Послѣднее письмо ваше, лишь только я взглянулъ на него, явилось мнѣ упрекомъ, и, конечно, вполнѣ заслуженнымъ. Но объ чемъ я могу вамъ писать! Говорить о себѣ? Право, я до такой степени избаловался, что когда на меня находитъ дурь любоваться собственными мыслями, я дѣлаю надъ собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ я читалъ ихъ, и отъ этого нарочно ничего не читаю, чтобы не мыслить?.. Я теперь бываю въ свѣтѣ для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ *хорошемъ обществѣ*... Ахъ!.. я волочусь и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня нѣсколько, и хотя это не совсѣмъ ново, зато не всѣ такъ дѣлаютъ!.. Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонятъ прочь? О, нѣтъ! совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ, ни нѣжность, я всегда искателенъ и горячъ, но сердце у меня довольно холодное и способно забиться только въ необычайныхъ случаяхъ. Не правда ли, я сдѣлалъ успѣхи!.. И не думайте, чтобъ это было хвастовство: я теперь человѣкъ самый скромный и притомъ мнѣ хорошо извѣстно, что этимъ ничего не возьмешь у васъ. Я говорю такъ, потому что только съ вами рѣшаюсь говорить искренно; потому что только вы одна сумѣете пожалѣть обо мнѣ, не унижая меня, такъ какъ и безъ того я самъ себя унижаю. Если бы я не зналъ вашего великодушія и вашего здраваго смысла, то не сказалъ бы того, что сказалъ. Когда-то вы облегчали мнѣ очень сильную горесть; можетъ, и теперь вы пожелаете ласковыми словами отогнать эту холодную иронію, которая неудержимо внѣдряется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно! О, какъ желалъ бы я васъ опять увидѣть, съ вами поговорить: мнѣ благотворны были самые звуки вашихъ словъ. Право, слѣдовало бы въ письмахъ ставить ноты надъ словами, а то теперь читать письмо то же, что глядѣть на портретъ: нѣтъ ни жизни ни движенія; выраженіе неподвижной мысли; что-то отзывающееся смертью!.. Я былъ въ Царскомъ Селѣ, когда пріѣхалъ Алексисъ. Узнавъ о томъ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости: разговаривалъ съ самимъ собою, смѣялся, пожималъ самому себѣ руки. Въ одну минуту возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ; двухъ страшныхъ годовъ какъ будто не бывало, словомъ... На мои глаза братъ вашъ очень перемѣнился: онъ толстъ, какъ я тогда былъ, у него здоровый цвѣтъ лица, но онъ постоянно задумчивъ и сдержанъ; тѣмъ не менѣе, въ вечеръ свиданія мы хохотали какъ сумасшедшіе — Богъ вѣсть отчего?—скажите, мнѣ показалось, будто онъ чувствуетъ нѣжность къ Катеринѣ Сушковой... извѣстно ли это вамъ?.. Дядямъ дѣвицы, кажется, очень бы хотѣлось ихъ повѣнчать. Сохрани, Господи... Эта женщина — летучая мышь, которой крылья зацѣпляются за все встрѣчное. Было время, когда она мнѣ нравилась. Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею... но, не знаю, есть что-то такое въ ея манерахъ, въ ея голосѣ жесткое, неровное, надломленное, отталкивающее васъ; стараясь ей нравиться, находишь удовольствіе скомпрометировать ее, видѣть ее запутавшеюся въ собственныхъ сѣтяхъ.—Пишите мнѣ, пожалуйста, милый другъ; теперь всѣ наши недоразумѣнія уладились; вамъ нечего больше пенять на меня: вѣдь я, кажется, былъ достаточно искрененъ и послушенъ въ этомъ письмѣ, чтобы заставить васъ забыть мое преступленіе противъ дружбы!.. Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться; въ сущности это желаніе эгоистическое, потому что возлѣ васъ я нашелъ бы себя самого, сталъ бы опять, какимъ нѣкогда былъ, довѣрчивымъ, богатымъ любовью и преданностью, богатымъ, наконецъ, всѣми благами, которыхъ люди не могутъ у насъ отнять и которыя Самъ Богъ у меня отнялъ!—Прощайте, прощайте, хотѣлъ бы еще писать, но не могу. М. Лерма.—P. S. Поклонитесь всѣмъ, кому сочтете нужнымъ... Прощайте еще.

1835.

16. Къ Ал. Мих. Верещагиной.

(Петербургъ, 1835 г.).

Ma chère cousine!

Je me suis décidé de vous payer une dette que vous n'avez pas eu la bonté de réclamer, et j'espère que cette générosité de ma part touchera votre coeur devenu si dûr pour moi depuis quelque temps; je ne demande en récompense que quelques gouttes d'encre et deux ou trois traits de plume pour m'annoncer que je ne suis pas encore tout à fait banni de votre souvenir; autrement je serai forcé de chercher des consolations ailleurs (car ici aussi j'ai des cousines),—

et la femme la moins aimante (c'est connu) n'aime pas beaucoup qu'on cherche des consolations loin d'elle, — et puis si vous persévérez encore dans votre silence, je puis bientôt arriver à Moscou—et alors ma vengeance n'aura plus de bornes; en fait de guerre (vous savez) on ménage la garnison qui a capitulé, mais la ville prise d'assaut est sans pitié abandonnée à la fureur des vainqueurs.

Aprés cette bravade à la hussard, je me jette à vos pieds pour implorer ma grâce en attendant que vous le fassiez à mon égard.

Les préliminaires finis, je commence à vous raconter ce qui m'est arrivé pendant ce temps, comme on fait en se revoyant après une longue séparation.

Alexis a pû vous dire quelque chose sur ma manière de vivre, mais rien d'intéressant, si ce n'est le commencement de mes amourettes aves m-lle Souchkoff, dont la fin est bien plus intéressante et plus drôle. Si j'ai commencé par lui faire la cour, ce n'était pas un reflet du passé—avant c'était une occasion de m'occuper, et puis lorsque nous fûmes de bonne intelligence, ça devint un calcul: voilà comment: — j'ai vu en entrant dans le monde que chacun avait son piedestal: une fortune; un nom; un titre, une faveur... j' ai vu que si j'arrivais à occuper de moi une personne, les autres s'occuperont de moi insensiblement, par curiosité avant, par rivalité après.

La demoiselle S:—voulant m' a t t r a p e r (mot téchnique) j'ai compris qu'elle se comprometterait pour moi facilement; aussi je l'ai compromise autant qu'il était possible sans me compromettre avec, la traitant publiquement comme à moi, lui faisant sentir qu'il n'y a que ce moyen pour me soumettre... Lorsque j'ai vu que ça m'a réussi, mais qu'un pas de plus me perdait, je tente un coup de main. Avant je devins plus froid aux yeux du monde, et plus tendre avec elle, pour faire voir que je ne l'aimais plus et qu'elle m'adore (ce qui est faux au fond); et lorsqu'elle commença à s'en apercevoir et voulut secouer le joug, je l'abandonnai le premier publiquement, je devins dûr et impertiment, je fis la cour à d'autres et leur racontais (en secret) la partie favorable à moi de cette histoire. — Elle fut si confondue de cette conduite inattendue — que d'abord elle ne sût que faire et se résigna ce qui fit parler et me donna l'air d'àvoir fait une conquête entière; — puis elle se réveilla — et commença à me gronder partout—mais je l'avais prévenu, et sa haine parut à ses amies (ou enneme;) de l'amour piqué; — puis elle tenta de me ramener par une feinte tristesse et en disant à toutes mes connaissances intimes qu'elle m'aimait —je ne revins pas — et profitais petout habilement.

Je ne puis vous dire combien tout ça m'a servi — ça serait trop long, et ça regarde des personnes que vous ne connaissez pas. Mais voici la partie plaisante de l'histoire: quand je vis qu'il fallait rompre avec elle aux yeux du monde et pourtant lui paraitre fidèle en tête-à-tête, je trouvai vite un moyen charmant; — j'écrivis une lettre anonyme: „M-lle, je suis un homme qui vous connaît et que vous ne connaissez pas. etc... je vous avertis de prendre garde à ce jeune hom: M. L.—il vous séduira — etc — voilà les preuves (des bêtises) etc"... une lettre sur 4 pages!.. je fis tomber adroitement la lettre dans les mains de la tante; orage et tonnèrre dans la maison.— Le lendemain j'y vais de grand matin pour que en tout cas je ne sois pas reçu. — Le soir à un bal, je m'en étonne en le racontant à mademoiselle; mad. me dit la nouvelle terrible, et incompréhensible, et nous faisons des conjectures — je mets tout sur le compte d'ennemis secrèts qui n'existent pas: — enfin elle me dit que ses parents lui défendent de parler et danser avec moi, — j'en suis au désespoir, mais je me garde bien d'enfreindre la défense de la tante et des oncles; — ainsi fut menée cette aventure touchante qui certes va vous donner une fort bonne opinion de moi. Au surplus les femmes pardonnent toujours le mal qu'on fait à une femme (maximes de la Rochefoucauld). Maintenant je n'écris pas de romans — j'en fais.

Enfin vous voyez que je me suis bien vengé des larmes que les coquetteries de m-elle S. m'ont fait verser il y à 5 ans. Oh! mais c'est que nos comptes ne sont pas encore règlés! Elle a fait souffrir le coeur d'un enfant, et moi je n'ai fait que torturer l'amour propre d'une vielle coquette, qui peut-être est encore plus... mais néanmoins, ce que je gagne c'est qu'elle m'a servi à quelque chose! — Oh, c'est que je suis bien changé. C'est que je ne sais pas comment ça ce fait, mais chaque jour donne une nouvelle teinte â mon caractère et à manière de voir, — ça devait arriver, je le savais toujours... mais je ne croyais pas que cela arrivât si vite. Oh, chére cousine, il faut vous l'avouer, la cause de ce que je ne vous écrivais pas, à vous et à m-elle Marie, c'est la crainte que vous ne remarquiez par mes lettres, que je ne suis presque plus digne de votre amitié... car à vous deux je ne puis pas cacher la vérité; à vous qui avez été les confidentes de mes rêves de jeunesse si beaux—surtout dans le souvenir.—Et pourtant à me voir maintenant, on dirait que je suis rajeuni de 3 ans, tellement j'ai l'air heureux et insouciant, content de moi-même et de l'univers entier; ce contraste entre l'âme et l'exterieur ne vous parait-il pas étrange?

Je ne saurais vous dire combien le départ de grand maman m'afflige. — La perspective de me voir tout-à-fait seul la première fois de ma vie m'effraie; dans toute cette grande ville il ne restera pas un être que s'intéresse véritablement à moi...

Mais assez parler de ma triste personne — causons de vous et de Moscou. On m'a dit, que vous avez beaucoup embelli, et c'est M-me Ouglitzki qui l'a dit; en ce cas seulement je suis sûr qu'elle n'a pas menti, car elle est trop femme pour cela. Elle dit encore que la femme de son frère est charmante... en ceci je ne la crois pas tout-à-fait, car elle a intérêt de mentir... Ce qui est drôle, c'est qu'elle veut se faire malheureuse à tout prix, pour attirer les condoléances de tout le monde, — tandis que je suis sûr qu'il n'y a pas au monde une femme qui soit moins à plaindre... à 32 ans avoir ce caractère d'enfant, et s'imaginer encore faire des passions!.. et après cela se plaindre?

Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe [1]) allait se marier avec M. Bachmétieff. Je ne sais pas si je dois trop lui croire—mais en tout cas, je souhaite à M-elle Barbe de vivre en paix coujugale jusqu'àu célèbrement de sa noce d'a r g e n t, — et même plus, si jusque-là elle n'en est pas encore dégoutée...

Maintenant voici mes nouvelles: Наталья Алексѣевна съ чады и домочадцы s'en va aux pays étrangers!!! pouah!.. elle va donner là bas une fameuse idée de nos dames russes!..

Dites à Alexis que sa passion, M-elle Ladigensky, devient de jour en jour plus formidable... je lui conseille aussi d'engraisser encore, pour que le contraste ne soit pas si frappant. Je ne sais pas si la manière de vous ennuyer est la meilleure pour obtenir ma grâce; ma huitième page va finir et je craindrais d'en commencer une neuvieme... ainsi donc chère et cruelle cousine, adieu, et si vraiment vous m'avez remis dans votre faveur, faites le moi savoir, par une lettre de votre domestique, — car je n'ose pas compter sur un billet de votre main.

Adieu donc, j'ai l'honneur d'être ce qu'on met au bas d'une lettre votre très humble M. Lermantoff.

P. S. Mes respects, je vous prie, à mes tantes, cousines, et cousins, et connaissances...

Переводъ: Дорогая Кузина! Я рѣшился уплатить вамъ долгъ, который вы имѣли любезность съ меня не требовать, и потому-то я надѣюсь, что это великодушіе съ моей стороны тронетъ ваше сердце, съ нѣкотораго времени ставшее жестокимъ ко мнѣ. Въ благодарность за это я прошу лишь нѣсколькихъ капель чернилъ и двѣ или три черточки пера, которыя бы извѣстили меня, что я еще не совершенно изгнанъ изъ вашей памяти. Иначе мнѣ придется искать утѣшенія у другихъ (ибо и здѣсь у меня есть кузины), а наименѣе любящая женщина (это извѣстно) не очень-то терпитъ, чтобы искали утѣшеній вдали отъ нея. — Затѣмъ, если вы будете еще упорствовать въ своемъ молчаніи, я могу вскорѣ прибыть въ Москву — и тогда мщеніе мое не будетъ имѣть границъ. Дѣйствительно, на войнѣ, вы знаете, щадятъ сдавшійся гарнизонъ, но городъ, взятый приступомъ, безъ сожалѣнія предается злобѣ побѣдителей.

Послѣ этой гусарской правады я припадаю къ вашимъ ногамъ, чтобы испросить себѣ прощеніе, въ ожиданіи, что вы мнѣ его дадите.

Окончивъ прелиминарію, я начинаю разсказъ того, что со мною случилось въ это время, какъ дѣлаютъ это при свиданіи, послѣ долгой разлуки. — Алексисъ могъ разсказать вамъ кое-что о моемъ житьѣ-бытьѣ, но ничего интереснаго, если не считать таковымъ начало моихъ приключеній съ m-lle Сушковою, конецъ коихъ несравненно интереснѣе и курьезнѣе.

Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Вначалѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало расчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидалъ, что, если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда — отношенія къ Сушковой. Я понялъ, что, желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ, насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубитъ меня, я прибѣгнулъ къ маневру. Прежде всего въ глазахъ свѣта я сталъ обращаться съ нею холоднѣе, чтобы показать, что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ (что, въ сущности, не имѣло мѣста). Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею холоденъ и дерзокъ, насмѣшливъ и жестокъ.

[1]) Варвара Александровна Лопухина.

Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать имъ тѣ стороны нашихъ отношеній, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать, и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это послужило мнѣ; это было бы очень скучно и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи. Когда я сознаѣъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ все-таки еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ прелестное средство—я написалъ анонимное письмо: Mademoiselle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предваряю, берегитесь этого молодого человѣка: М. Лермантова. Онъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательство... (разный вздоръ) и т. д. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ — громъ и молнія... На другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость, и мы дѣлаемъ разныя предположенія; я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною; я въ отчаяніи, но остерегаюсь нарушить запрещеніе дядюшекъ и тетушекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе. Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ (правило Ларошфуко). Теперь я не пишу романовъ. Я ихъ переживаю...

Наконецъ вы видите, что я хорошо отомстилъ за слезы, которыя заставило меня проливать 5 лѣтъ тому назадъ кокетство m-elle S. О, наши счеты еще не покончены. Она мучила сердце ребенка, а я только подвергъ пыткѣ самолюбіе старой кокетки, которая можетъ быть еще... но во всякомъ случаѣ я выигралъ то, что она мнѣ послужила. О, я очень измѣнился. Я не знаю, какъ это происходитъ, но только каждый день даетъ новый оттѣнокъ моему характеру и взглядамъ — оно должно было такъ совершиться, я это зналъ... но я не ожидалъ, что случится это такъ быстро. О, дорогая кузина, надо вамъ признаться, что причина тому, что не писалъ къ вамъ и m-lle Marie (Марьѣ Александр. Лопухиной) былъ страхъ, что вы по письмамъ моимъ заключите, что я почти не достоинъ болѣе вашей дружбы, ибо передъ обѣими вами я не могу скрывать истину; передъ вами, которыя были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прелестныхъ, особенно въ воспоминаніи. И все-таки если посмотрѣть на меня, покажется, что я помолодѣлъ года на три, до такой степени у меня счастливый и беззаботный видъ довольнаго собою и всѣмъ міромъ; этотъ контрастъ между душою и внѣшнимъ видомъ не кажется ли вамъ страннымъ?—Не могу сказать, какъ меня опечалилъ отъѣздъ бабушки. Перспектива оставаться одинокимъ первый разъ въ жизни меня пугаетъ. Во всемъ этомъ большомъ городѣ не останется ни единаго существа, которое бы мною интересовалось...

Но довольно говорить о моей печальной личности—поговоримъ о васъ, о Москвѣ. Мнѣ говорили, что вы очень похорошѣли и сказала это г-жа Углицкая, и только въ этомъ случаѣ, увѣренъ я, она не лгала, ибо она слишкомъ женщина для этого. Она говоритъ также, что жена ея брата прелестна... Въ этомъ отношеніи я ей не вполнѣ довѣряю, ибо она имѣетъ интересъ лгать. Что поистинѣ смѣшно, такъ это ея желаніе выказать себя несчастною, чтобы вызвать общее къ себѣ сочувствіе. — Тогда какъ я увѣренъ, нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы менѣе ея достойна сожалѣнія. Въ 32 года имѣть этотъ дѣтскій характеръ и воображать, что можешь возбуждать страсти!.. и послѣ этого жаловаться? – Она мнѣ также сообщила, что m-elle Barde выходитъ замужъ за г. Бахметьева. Не знаю, долженъ ли я вѣрить ей, но во всякомъ случаѣ я желаю m-elle Barde жить въ брачномъ мірѣ до празднованія ея *серебряной свадьбы* и даже долѣе того, если до того времени она не ощутитъ отвращенія. Теперь вамъ мои новости: Наталья Алексѣевна съ чадами и домочадцы ѣдетъ въ чужіе края!!! Па! она хорошее дастъ тамъ понятіе о нашихъ русскихъ дамахъ!.. Скажите Алексису, что его пассія, m-elle Ладыженская, съ каждымъ днемъ становится внушительнѣе!.. Я ему тоже совѣтую еще больше пополнѣть, чтобы контрастъ не былъ столь поразителенъ. Не знаю, хорошъ ли способъ надоѣдать вамъ, чтобы получить свое прощеніе. Восьмая страница приходитъ къ концу, и я опасаюсь начать

девятую... Итакъ, дорогая и жестокая кузина, прощайте, и если точно вы возвратили мнѣ свое расположеніе, дайте мнѣ знать о томъ письмомъ отъ вашего лакея ибо не смѣю разсчитывать на собственноручную вашу записку. Имѣю честь быть тѣмъ, что помѣчаю въ концѣ письма — вашимъ покорнымъ М. Лермантовымъ. P. S. Мои поклоны теткамъ, кузинамъ и кузенамъ да знакомымъ.

1836.

17. Къ Святославу Аѳанасьевичу Раевскому.

Тарханы, 16 января (1836).

Любезный Святославъ! Мнѣ очень жаль, что ты до сихъ поръ лѣнишься меня увѣдомить о томъ, что ты дѣлаешь и что дѣлается въ Петербургѣ. Я теперь живу въ Тарханахъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ (вотъ тебѣ адресъ на случай, что ты его не знаешь), у бабушки; слушаю, какъ подъ окномъ воетъ мятель (здѣсь все время ужасные снѣга, въ сажень глубины, лошади вязнутъ и......, и сосѣди оставляютъ другъ друга въ покоѣ, что, въ скобкахъ, весьма пріятно), ѣмъ за десятерыхъ.... не могу, потому что..........., пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ Москвѣ. — О, Москва, Москва, столица нашихъ предковъ, златоглавая царица Россіи великой, малой, бѣлой, черной, красной, всѣхъ цвѣтовъ, Москва..........., преподло со мною поступила. Надо тебѣ объяснить сначала, что я влюбленъ. И что жъ я этимъ выигралъ? — одни........ Правда, сердце мое осталось покорно разсудку, но въ другомъ не менѣе важномъ........ происходитъ гибельное возстаніе. Теперь ты ясно видишь мое несчастное положеніе и какъ другъ, вѣрно, пожалѣешь, а можетъ - быть, и позавидуешь, ибо все то хорошо, чего у насъ нѣтъ, отъ этого, вѣрно, и..... намъ нравится. Вотъ самая деревенская философія!

Я опасаюсь, что моего „Арбенина" снова не пропустили, и этой мысли подало поводъ твое молчаніе. Но объ этомъ будетъ!

Также я боюсь, что лошадей моихъ не продали и что онѣ тебя затрудняютъ. Если бы ты раньше написалъ, то я бы прислалъ денегъ для прокормленія ихъ и людей, и потомъ, если онѣ не продадутся, то я отсюда не возьму столько лошадей, сколько намѣреваюсь. Пожалуйста, отвѣчай, какъ получишь.

Объявляю тебѣ еще новость; лѣтомъ бабушка переѣзжаетъ жить въ Петербургъ, т.-е. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Я ее уговорилъ, потому что она совсѣмъ истерзалась, а денегъ же теперь много, но я тебѣ объявляю, что мы все-таки не разстанемся.

Я тебѣ не описываю своего похожденія въ Москвѣ въ наказаніе за твою излишнюю скромность, — и хорошо, что вспомнилъ объ наказаніи—сейчасъ кончу письмо (ты видишь изъ этого, какъ я еще добръ и великодушенъ). М. Лермонтовъ.

18. Къ Е. А. Арсеньевой.

(Царское село. Мартъ или апрѣль 1836).

Милая бабушка, на-дняхъ Марья Акимовна уѣхала. Я узналъ объ ея отъѣздѣ въ Царскомъ — пріѣхалъ въ городъ на одинъ вечеръ, былъ у нея, но не засталъ и потому не писалъ съ нею. Вы вѣрно получите мое письмо прежде ея пріѣзда, то и не будете безпокоиться, что я съ нею не пишу къ вамъ.

Я на - дняхъ купилъ лошадь у генерала. Прошу васъ, если есть деньги, прислать мнѣ 1580 рублей; лошадь славная и стоитъ больше, а цѣна эта не велика.

Насчетъ квартиры я еще не рѣшился, но есть нѣсколько на примѣтѣ; въ началѣ мая онѣ будутъ дешевле по причинѣ отъѣзда многихъ на дачу. — Я вамъ, кажется, писалъ, что Лизавета Аркадьевна ѣдетъ нынче весной съ Натальей Алексѣевной въ чужіе края на годъ; теперь это мода, какъ было нѣкогда въ Англіи; въ Москвѣ около тридцати семействъ собираются на будущій годъ въ чужія края. Пожалуйста, бабушка, не мѣшкайте отъѣздомъ: вы, я думаю, получили письмо мое, съ которымъ я послалъ письмо Григорія Васильевича, пожалуйста, объясните мнѣ, что мнѣ лучше ему писать.

Прощайте, милая бабушка, прошу вашего благословенія, цѣлую ваши ручки и остаюсь покорный внукъ—М. Лермонтовъ.

1837.

19. Къ С. А. Раевскому.

(С.-Петербургъ, начало марта 1837 г.).

Милый мой другъ Раевскій.

Меня нынче отпустили домой проститься. Ты не можешь вообразить моего отчаянія, когда я узналъ, что я виной твоего несчастья, что ты, желая мнѣ же добра, за эту записку пострадаешь. Дубельтъ говоритъ, что Клейнмихель тоже виноватъ... Я сначала не говорилъ про тебя, но потомъ меня допрашивали отъ Государя: сказали, что тебѣ ничего не будетъ, и что если я запрусь, то меня въ

солдаты... Я всполнилъ бабушку... и не смогъ. Я тебя принесъ въ жертву ей... Что во мнѣ происходило въ эту минуту, не могу сказать, но я увѣренъ, что ты меня нонимаешь и прощаешь и находишь еще достойнымъ своей дружбы... Кто бъ могъ ожидать!.. Я къ тебѣ заѣду непремѣнно. Сожги эту записку. Твой—М. L.

20. Къ нему же.

С.-Петербургъ. Мартъ 1837.

Любезный другъ.

Я видѣлъ нынче Краевскаго; онъ былъ у меня и разсказывалъ мнѣ, что знаетъ про твое дѣло. Будь увѣренъ, что все, что бабушка можетъ, она сдѣлаетъ... Я теперь почти здоровъ—нравственно... Была тяжелая минута, но прошла. Я боюсь, что будетъ съ твоей хандрой? Если бъ я могъ только съ тобой видѣться. Какъ только позволятъ мнѣ выѣзжать, то вторично приступлю къ коменданту. Авось позволитъ проститься. — Прощай, твой навѣки М. L.

21. Къ нему же.

(Мартъ или апрѣль 1837).

Любезный другъ Святославъ! Ты не можешь вообразить, какъ ты меня обрадовалъ своимъ письмомъ. У меня было на совѣсти твое несчастье, меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь. Дай Богъ, чтобъ твои надежды сбылись. Бабушка хлопочетъ у Дубельта и Аѳанасій Алексѣевичъ также. Что до меня касается, то я заказалъ обмундировку и скоро ѣду. Мнѣ комендантъ, я думаю, позволитъ съ тобой видѣться — иначе же я и такъ пріѣду. Сегодня мнѣ прислали сказать, чтобъ я не выѣзжалъ, пока не явлюсь къ Клейнмихелю, ибо онъ теперь и мой начальникъ .... Я сегодня былъ у Аѳанасья Алексѣевича, и онъ меня просилъ не рисковать безъ позволенія коменданта — и самъ хочетъ просить объ этомъ. Если не позволятъ, то я все-таки пріѣду. Что Краевскій, на меня пеняетъ за то, что и ты пострадалъ за меня? — Мнѣ иногда кажется, что весь міръ на меня ополчился, и если бы это не было очень лестно, то, право, меня бы огорчило... Прощай, мой другъ. Я буду къ тебѣ писать про страну чудесъ — востокъ. Меня утѣшаютъ слова Наполеона: les grands noms se font à l'Orient. Видишь: все глупости. Прощай, твой навсегда—М. Lermontoff.

22. Къ М. А. Лопухиной.

31 мая, съ Кавказа.

Je tiens exactement ma promesse, chère et bonne amie, et je vous envoie. ainsi qu'à madame votre soeur les souliers circassiens, que je vous avais promis; il y en a six paires, et vous pouvez facilement partager sans vous quereller; je les ai achetés dès que j'ai pu en trouver. Je suis maintenant aux eaux, je bois et je me baigne, enfin je mène une vie de canard tout-à-fait. Dieu veuille, que ma lettre vous trouve encore à Moscou, car si elle va voyager en Europe, à vos trousses, elle vous attraperra peut-être à Londres, à Paris, à Naples, que sais-je,—et toujours dans des endroits, où elle sera pour vous la chose la moins intéressante, de quoi Dieu la garde et moi aussi! J'ai ici un logement fort agréable; chaque matin je vois de ma fenêtre toute la chaîne des montagnes de neige et l'Elbrous; et maintenant encore au moment, où j'écris cette lettre, je m'arrête quelques fois pour jeter un coup d'oeil sur ces géants; tant ils sont beaux et majestueux. J'espère m'ennuyer joliment tout le temps que je passerai aux eaux, et quoiqu'il est très facile de faire des connaissances, je tâche de n'en pas faire du tout; je rode chaque jour sur la montagne, ce qui seul à rendu la force à mes pieds; aussi je ne fais que marcher; ni la chaleur, ni la pluie ne m'arrètent... Voici à peu près mon genre de vie, chère amie; ce n'est pas fort beau, mais... dès que je serai guéri, j'irai faire l'expédition d'automne contre les circassiens, quand l'empereur sera ici.

Adieu, chère; je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris, et à Berlin. Alexis a-t-il reçu sa permission; embrassez-le de ma part. Adieu. Tout à vous M. Lermontoff.

P. S. De grâce écrivez-moi et dites, si les souliers vous ont plu.

Переводъ: Исполняю въ точности мое обѣщаніе и посылаю черкесскіе башмаки вамъ, милый и дорогой другъ мой, а также сестрѣ вашей; ихъ шесть паръ, стало-быть, дѣлежъ можно будетъ сдѣлать мирный; купилъ ихъ, какъ только отыскалъ. Я теперь на водахъ, пью и купаюсь, — словомъ, по образу жизни сталъ похожъ на утку. Дай Богъ, чтобы письмо мое застало васъ еще въ Москвѣ, потому что если оно будетъ путешествовать по Европѣ по вашимъ слѣдамъ, то, можетъ-быть, вы получите его въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ, во всякомъ случаѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно вовсе не будетъ для васъ интересно, а этого избави Боже! — У меня здѣсь очень хорошее помѣщеніе; каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ; вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надѣюсь порядкомъ поскучать, покуда останусь на во-

дахъ, и хотя очень легко завести знакомства, однако, я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно таскаюсь по горамъ, и ужъ отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; постоянно хожу; ни жаръ ни дождь меня не останавливаютъ... Вотъ вамъ и описаніе моей жизни, милый другъ; особенно хорошаго тутъ нѣтъ, но... когдз я выздоровѣю, и когда здѣсь будетъ государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ. — Прощайте, милая; желаю вамъ веселиться въ Парижѣ и Берлинѣ. Alexis получилъ ли отпускъ? Поцѣлуйте его за меня. Прощайте, весь вашъ М. Лермонтовъ. P. S. Пожалуйста, пишите мнѣ и скажите, понравились ли вамъ башмаки.

23. Къ Е. А. Арсеньевой.

(18 іюля).

Милая бабушка, пишу къ вамъ по тяжелой почтѣ, потому что третьяго дня по экстра-почтѣ не успѣлъ, ибо ѣздилъ на желѣзныя воды и, виноватъ, совсѣмъ забылъ, что тамъ письма не принимаютъ; боюсь, чтобы вы не стали безпокоиться, что одну почту нѣтъ письма. Эскадронъ нашего полка, къ которому баронъ Розенъ велѣлъ меня причислить, будетъ находиться въ Анапѣ на берегу Чернаго моря при встрѣчѣ государя, тутъ же, гдѣ отрядъ Вельяминова, и, слѣдовательно, я съ водъ не поѣду въ Грузію. Итакъ, прошу васъ, милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова и напишите къ нему: онъ обѣщался мнѣ доставлять ихъ туда; иначе нельзя, ибо оттуда сообщеніе сюда очень трудно, и почта не ходитъ, а депеши съ нарочными отправляютъ. Отъ Алексѣя Аркадьича я получилъ извѣстія; онъ здоровъ, и нѣкоторые офицеры, которые оттуда сюда пріѣхали, мнѣ говорили, что его можно считать лучшимъ офицеромъ изъ гвардейскихъ, присланныхъ на Кавказъ. То, что вы мнѣ пишите объ Гвоздевѣ, меня не очень удивило; я, уѣзжая, ему предсказывалъ, что онъ будетъ юнкеромъ у меня во взводѣ; а, впрочемъ, жаль его.

Здѣсь погода ужасная: дожди, вѣтры, туманы; іюль хуже петербургскаго сентября, такъ что я остановился брать ванны и пить воды до хорошихъ дней. Впрочемъ, я думаю, что не возобновлю, потому что здоровъ какъ нельзя лучше.

Для отправленія въ отрядъ мнѣ надо будетъ сдѣлать много покупокъ, а свои вещи я думаю оставить у Павла Ивановича. Пожалуйста, пришлите мнѣ денегъ, милая бабушка; на прожитье здѣсь мнѣ достанетъ, а если вы пришлете поздно, то въ Анапу трудно доставить.

Прощайте, милая бабушка, цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія и остаюсь вашъ вѣчно привязанный къ вамъ и покорный внукъ *Михаилъ.*

Пуще всего не безпокойтесь обо мнѣ; Богъ дастъ, мы скоро увидимся.

1838.

24. Къ М. А. Лопухиной.

(Petersbourg 15 Février).

Je vous écris, chère amie, la veille de m'en aller à Novgorod. J'attendais jusqu'à présent, qu'il m'arrivat quelque chose d'âgréable pour vous l'annoncer, mais rien n'est venu, et je me décide à vous écrire, que je m'ennuie à la mort. Les premiers jours de mon arrivée je n'ai fait que courir: des présentations, des visites de cérémonie—vous savez; puis je suis allé chaque jour au spectacle; il est fort bien, c'est vrai, mais j'en suis déjà dégoûté. Et puis on me persécute, tous les chers parents! on ne veut pas que je quitte le service, quoique je l'aurais pu déjà, vu que ces messieurs, qui sont passés à la garde avec moi, l'ont déjà quitté. Enfin je suis passablement découragé et je désire même quitter Pétersbourg au plus vite pour aller n'importe où, que ce soit au régiment, ou au diable; j'aurai au moin alors prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme une autre.

Ce n'est pas très joli de votre part, que vous attendez toujours ma lettre pour m'écrire: on dirait, que vous faites sa fière; pour Alexis cela ne m'étonne pas, car il va se marier un de ces jours-ci avec je ne sais plus quelle riche marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son coeur une place pareille à celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou; mais peut-être a-t-il oublié mon adresse, aussi je lui en envoie deux.

1. Въ С.-Петербургѣ, у Пантелеймоновскаго моста, на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, въ домѣ Венецкой.

2. Въ Новгородскую губернію, въ первый округъ военныхъ поселеній, въ штабъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка.

Si après cela il ne m'écrit pas, je le maudis, lui et sa grosse marchande en gros: je m'applique déjà à composer la formule de ma malédiction. Dieu! que c'est embarrassant d'avoir des amis qui sont en train de se marier.

En arrivant ici j'ai trouvé un chaos de commérages dans la maison; j'y ai mis de l'ordre autant que possible, quand on à affaire à trois ou quatre femmes qui ne veulent pas entendre

raison: pardonnez-moi, si je parle ainsi de votre sesque ou sexe charmant, mais hélas! Si je vous le dis, c'est aussi une preuve que je vous crois une exception. Enfin quand je reviens à la maison, je n'entends que des histoires, des histoires, des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions; c'est quelque chose d'odieux pour moi surtout, qui en ai perdu l'habitude au Caucase, où la société des dames est très rare ou très peu causante (celle des géorgiennes par ex., car elles ne parlent pas russe, ni moi géorgien).

Je vous prie, chère Marié, écrivez-moi un peu, sacrifiez-vous—écrivez-moi toujours et ne faites pas dé ces petites cérémonies — vous devez être audessus de cela! Car enfin, si quelquefois je tarde à répondre, c'est que vraiment ou je n'ai rien à dire, ou j'ai trop à faire — deux excuses valables.

J'ai été chez Joukofsky et lui ai porté Тамбовскую Казначейшу, qu'il m'avait demandé et qu'il porta à Wiasemsky pour lire ensemble; cela leur a beaucoup plu — et cela sera inséré au prochain numero du Современникъ.

Grand-maman espère, que je serai bientôt passé au hussards de Царское-Село, mais c'est parce qu'on le lui a fait espérer, Dieu sait avec quel motif, et c'est pour cela qu'elle ne consent pas à ce que je prenne mon congé; quant à moi je n'espère rien du tout.

Pour la conclusion de ma lettre je vous envoie une pièce de vers, que j'ai trouvée par hasard dans mes paperasses de voyage et qui m'a plu assez, vu que je l'ai oublié, mais cela ne prouve rien du tout.—*Молитва странника.* Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою и т. д. Adieu, chère amie; embrassez Alexis et dites lui que c'est une honte et dites le aussi à mademoiselle Marie Lapouchin. Lerma.

Переводъ: Пишу къ вамъ, милый другъ, наканунѣ отъѣзда въ Новгородъ. Я все поджидалъ, не случится ли со мною чего хорошаго, чтобъ увѣдомить васъ о томъ; но ничего такого не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ скучно до смерти. Первые дни послѣ пріѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты — вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это мнѣ было бы и можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мною поступили въ гвардію, теперь уже въ отставкѣ. Наконецъ я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту; тогда, по крайней мѣрѣ, былъ бы предлогъ къ сѣтованію, а это все же было бы утѣшеніемъ. — Съ вашей стороны вовсе не любезно, что вы всегда ожидаете моего письма, чтобъ писать ко мнѣ; можно подумать, что вы вздумали чваниться. Отъ Алексиса это неудивительно, потому что онъ на-дняхъ, какъ говорятъ здѣсь, женится на какой-то богатой купчихѣ; естественно, что мнѣ нѣтъ надежды занимать въ его сердцѣ такое же мѣсто, какое онъ отводитъ толстой оптовой торговкѣ. Онъ обѣщался писать мнѣ черезъ два дня послѣ моего отъѣзда изъ Москвы; но, можетъ-быть, забылъ мой адресъ, вотъ ему два *(слѣдуютъ адресы).* Если послѣ этого онъ мнѣ не напишетъ, то я прокляну его и его толстую оптовую купчиху: я ужъ собираюсь составить формулу моего проклятія. Боже! какое затрудненіе имѣть друзей, которые готовятся къ женитьбѣ. — Пріѣхавши сюда, я нашелъ цѣлый хаосъ сплетней; стараніями моими возстановленъ порядокъ, какой возможенъ между тремя или четырьмя женщинами, у которыхъ въ головѣ безтолочь: простите, что я такъ отзываюсь о вашемъ прекрасномъ полѣ; но, ахъ, вѣдь если я вамъ это говорю, это вамъ еще доказательство, что я васъ считаю исключеніемъ. Возвращаясь домой, я всякій разъ слышу только исторіи, исторіи, жалобы, упреки, подозрѣнія, заключенія; это просто несносно, особливо для меня, потому что я отвыкъ отъ этого на Кавказѣ, гдѣ женщины рѣдко бываютъ въ обществѣ и вовсе не разговорчивы (въ особенности грузинки, онѣ не знаютъ по-русски, а я по-грузински). — Прошу васъ, милая Marie, пишите мнѣ немножко, пожертвуйте собою; пишите мнѣ всегда и не соблюдайте мелочныхъ церемоній; вы должны быть выше ихъ! Вѣдь если иногда я медлю отвѣтомъ, это, право, значитъ, что мнѣ или нечего сказать вамъ, или у меня много дѣла — оба случая извинительные. — Я былъ у Жуковскаго и по его желанію отнесъ ему *Тамбовскую Казначейшу.* Онъ читалъ ее съ Вяземскимъ, и она имъ понравилась: ее напечатаютъ въ ближайшей книжкѣ „Современника“.—Бабушка надѣется, что меня скоро переведутъ въ гусары въ Царское Село; ей это обѣщали, Богъ знаетъ зачѣмъ; оттого она не соглашается, чтобъ я вышелъ въ отставку; что до меня, то я ровно ни на что не надѣюсь. — Въ заключеніе этого письма посылаю вамъ стихи, которые попались мнѣ въ моихъ дорожныхъ бумагахъ, они мнѣ довольно нравятся, именно потому, что я ихъ забылъ; но это ровно ничего не доказываетъ *(слѣдуютъ стихи Молитва странника).* Прощайте, милый другъ; поцѣлуйте Алексиса и скажите, что ему стыдно; то же скажите m-lle Маріи Лопухиной. Лерма.

25. Къ С. А. Раевскому.

Іюня 8 дня.

Любезный другъ Святославъ.

Твое послѣднее письмо огорчило меня: ты самъ знаешь почему; но я тебя отъ души прощаю, зная твои разстроенные нервы. Какъ могъ ты думать, чтобъ я шутилъ твоимъ спокойствіемъ или говорилъ такія вещи, чтобы отвязаться. Главное то, что я совсѣмъ этого не говорилъ или пусть говорилъ, да не про то. Я сказалъ, что отзывъ *непокоренъ къ начальству* повредитъ тебѣ тогда, когда ты еще здѣсь сидѣлъ подъ арестомъ и что безъ этого ты, можетъ-быть, остался бы здѣсь.

Я слышалъ здѣсь, что ты просился къ водамъ, и что просьба препровождена къ военному министру; но резолюціи не знаю; если ты поѣдешь, то, пожалуйста, напиши куда и когда. Я здѣсь попрежнему скучаю; какъ быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю *покойная* потому, что ученье и маневры производятъ только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовалъ, но неудачно.

Романъ, который мы съ тобою начали, затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ случаѣ отступить отъ истины.

Если ты поѣдешь на Кавказъ, то это, я увѣренъ, принесетъ тебѣ много пользы физически и нравственно; ты вернешься поэтомъ, а не экономно-политическимъ мечтателемъ, что для души и для тѣла здоровѣе. Не знаю какъ у васъ, а здѣсь мнѣ послѣ Кавказа все холодно, когда другимъ жарко, а ужъ здоровѣе того, какъ я теперь, кажется, быть невозможно. О Юрьевѣ скажу тебѣ: вообрази влюбился въ актрису, вышелъ въ отставку, живетъ у Балабина,[1] табакъ и чай ужъ въ долгъ не даютъ и 30.000 долгу, и вонъ изъ города не выпускаютъ, — видишь: у всякаго свои несчастія.

Прощай, любезный другъ, и прошу тебя, будь увѣренъ во мнѣ и думай, что я никогда не скажу и не сдѣлаю ничего тебѣ огорчительнаго. Прощай, милый другъ, бабушка также къ тебѣ пишетъ.—М. Лермонтовъ.

26. Къ М. А. Лопухиной.

(Конецъ 1838 г. или начало 1839).

Il y a longtemps, chère et bonne amie, que je ne vous ai écrit et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chère personne et de tous les vôtres; aussi j'ai l'espérance que votre réponse à cette lettre ne se fera pas longtemps attendre: il y a de la fatuité dans cette phrase, direz-vous, mais vous vous tromperez. Je satis, que vous êtes persuadée, que vos letres me font un grand plaisir, puis que vous employez le silence comme punition, mais je ne mérite pas cette punition, car j'ai constamment pensé à vous; preuve: j'ai demandé un semestre d'un an — refusé, de 28 jours—refusé, de 14 jours—le grand duc a refusé de même. Tout ce temps j'ai été dans l'espérance de vous voir. Je ferai encore une tentative—Dieu veuille, qu'elle réussisse. Il faut vous dire, que je suis le plus malheureux des hommes, et vous me croirez, quand vous saurez, que je vais chaque jour au bal: je suis lancé dans le grand-monde... Pendant un mois j'ai été à la mode, on se m'arrachait. C'est franc au moins. Tout ce monde que j'ai injurié dans mes vers se plait à m'entourer de flatteries, les plus jolies femmes me demandent des vers et s'en vantent, comme d'un triomphe. Néanmoins je m'ennuie.—J'ai demandé d'aller au Caucase—refusé; on ne veut pas même me laisser tuer!—Peut-être, chère amie, ces plaintes ne vous paraitront-elles pas de bonne foi; peut-être vous paraitra-t-il étrange, qu'on cherche les plaisirs pour s'ennuyer, qu'on court les salons, quand on n'y trouve rien d'intéressant? Eh bien, je vous dirai mon motif. Vous savez que mon plus grand défaut c'est la vanité et l'amour propre: il fut un temps où j'ai cherché à être admis dans cette société, comme novice; je n'y suis pas parvenu, les portes aristocratiques se sont fermées pour moi; et maintenant j'entre dans cette même société non plus en solliciteur, mais en homme, qui a conquis ses droits; j'excite la curiosité, on me recherche, on m'engage partout, sans que je fasse mine de le désirer même; les femmes, qui tiennent à avoir un salon remarquable, veulent m'avoir, car je suis aussi un lion—oui, moi, votre Michel, bon garçon, auquel vous n'avez jamais cru une crinière. Convenez que tout cela peut enivrer; heureusement ma paresse naturelle prend le dessus; et peu à peu je commence à trouver cela par trop insupportable. Mais cette nouvelle expérience m'a fait du bien, en ce qu'elle m'a donnée des armes contre cette société, et si jamais elle me poursuit de ses calomnies (ce qui arrivera), j'aurai du moins les moyens de me venger; car certainement nulle part il n'y a tant de bassesses et de ridicule. Je suis persuadé que vous ne direz à personne mes vanteries, car on me trouverait encore plus ridicule que qui que cela soit, et puis avec vous je parle, comme avec ma conscience, — et puis c'est si doux de rire sous cape des choses briguées et enviées par les sots, avec quelqu'un, qui, on le sait, est toujours prêt à partager vos sentiments. C'est de vous, que je parle, chère

amie, je vous le répéte, car ce passage est tant soit peu obscur.

Mais vous m'écrirez, n'est ce pas? Je suis sûr, que vous ne m'avez pas écrit pour quelque raison grave. Etes-vous malade? y a-t-il quelqu'un de malade dans la famille? Je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine prochaine j'attend votre réponse qui, j'espère, sera non moins longue que ma lettre et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffrer ce barbouillage.

Adieu, chére amie, peut-être, si Dieu veut me recompenser, je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse tellequelle.

Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublié! Tout à vous M. Lermontoff.

Переводъ: Ужъ давно я не писалъ къ вамъ, милый другъ, и не получалъ извѣстія ни объ вашей особѣ ни обо всѣхъ вашихъ. Итакъ, надѣюсь, что поэтому вы не замедлите отвѣтомъ на это письмо. Фраза эта не безъ фатовства, скажете вы, и не ошибетесь. Вѣдь вы убѣждены, что письма ваши доставляютъ мнѣ великое удовольствіе; оттого-то вы и употребляете молчаніе вмѣсто наказанія; но я его не заслуживаю, потому что постоянно объ васъ думалъ. Вотъ доказательства: я просился въ полугодовой отпускъ— мнѣ отказали; на двадцать восемь дней—отказали; на четырнадцать дней — великій князь опять отказалъ. Все это время я надѣялся васъ видѣть. Попытаюсь еще разъ; дай Богъ, чтобъ это удалось. — Надо вамъ сказать, что я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ *большой свѣтъ*. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ. Это, по крайней мѣрѣ, искренно. Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, окружаетъ меня лестью, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвалятся. Тѣмъ не менѣе, мнѣ скучно. Я просился на Кавказъ — отказъ: не хотятъ даже допустить, чтобъ меня убили. Можетъ-быть, вы найдете страннымъ — искать удовольствій и скучать ими, ѣздить по гостинымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ— суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичокъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ;* да я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но, къ счастію, меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Этотъ опытъ полезенъ въ томъ, что онъ мнѣ далъ оружіе противъ этого общества, и если оно станетъ меня преслѣдовать своими клеветами (что непремѣнно случится), тогда у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низкаго и смѣшного, какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня сочли бы наиболѣе смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю, какъ съ своею совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ. Я говорю о васъ, милый другъ! Я вамъ повторяю это, ибо это мѣсто (моего письма) немного темно. Вы мнѣ напишете, не правда ли? Вы мнѣ не писали, вѣрно, по какой-нибудь важной причинѣ. Не больны ли вы? Нѣтъ ли у васъ больныхъ въ домѣ? Мнѣ что-то такое говорили. На слѣдующей недѣлѣ жду вашего отвѣта и надѣюсь, что онъ будетъ не короче моего письма, а ужъ, навѣрно, лучше написанъ. Боюсь, что не разберете сего моего маранья. Прощайте, милый другъ; можетъ-быть, если Богу угодно будетъ наградить меня, я получу отпускъ, и тогда во всякомъ случаѣ дождусь положительнаго отвѣта. Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Весь вашъ М. Лермонтовъ.

1839.

27. Къ Алексѣю Александровичу Лопухину.

(С.-Петербургъ, февраль или мартъ 1839 г.).

Милый Алексисъ.

Я былъ боленъ и оттого долго не отвѣчалъ и не поздравлялъ тебя, но вѣрь мнѣ, что я искренно радуюсь твоему счастію и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты нашелъ, кажется, именно ту узкую дорожку, черезъ которую я перепрыгнулъ и отправился цѣликомъ

(и прошелъ ее всю). Ты дошелъ до цѣли, а я никогда не дойду: засяду гдѣ-нибудь въ ямѣ и поминай какъ звали, да еще будутъ ли поминать? Я похожъ на человѣка, который хотѣлъ отвѣдать отъ всѣхъ блюдъ разомъ, сытымъ не наѣлся, а получилъ индижестію, которая, вдобавокъ, къ несчастію, разрѣшается стихами. Кстати о стихахъ: я исполнилъ обѣщаніе и написалъ ихъ твоему наслѣднику, они самые нравоучительные: „à l'usage des enfants“.

(Слѣдуютъ стихи: „Ребенка милаго рожденье.“)

Je désire, que le sujet de ces vers ne soit pas un mauvais sujet...—Увы! каламбуръ лучше стиховъ! Ну, да все равно! Если онъ вышелъ изъ пустой головы, то, по крайней мѣрѣ, стихи изъ полнаго сердца. Тотъ, кто играетъ словами, не всегда играетъ чувствомъ, а ты можешь быть увѣренъ, дорогой Алексисъ, что я такъ радъ за тебя, что завтра же начну сочинять новую ар(ію) для твоего маленькаго крикуна.

Напиши, пожалуйста, милый другъ, что у васъ дѣлается: я три раза зимой просился въ отпускъ въ Москву къ вамъ, хоть на четырнадцать дней — не пустили! Что, братъ, дѣлать! Вышелъ бы въ отставку, да бабушка не хочетъ — надо же ей чѣмъ-нибудь пожертвовать. Признаться тебѣ, я съ нѣкотораго времени ужасно упалъ духомъ. (Далѣе оторвано.)

1840.

28. Къ Ѳ. К. Опочинину.

(1840 г., апрѣля 3-го).

O! cher et aimable M-r Opotchinine! Et hier soir en revenant de chez vous, on m'a annoncé une nouvelle fatale avec tous les ménagements possibles, et à l'heure, au moment où vous lisez ce billet, je ne serai plus... (tournez) à Péterbourg. Car je monte le garde. Et or (style biblique et naïf) croyez à mes regrets sincéres de ne pouvoir venir vous voir.

Et tout à vous Lermontoff.

Переводъ: О, дорогой и любезный Опочининъ! Вчера вечеромъ, когда я возвратился отъ васъ, мнѣ сообщили роковое извѣстіе со всѣми возможными предосторожностями. И въ тотъ часъ, въ то мгновеніе, когда вы будете читать эту записку, больше не буду существовать. . . . . переверните! въ Петербургѣ, ибо я долженъ занять караулъ. Потолику же (слогъ библейскій и наивный) вѣруйте въ искренность моего сожалѣнія о томъ, что не могу болѣе прійти къ вамъ.

29. Къ генералъ-майору Плаутину.

(Въ концѣ февраля 1840 г.).

Ваше превосходителъство, милостивый государь! Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельства поединка моего съ господиномъ Барантомъ, честь имѣю донести вашему превосходительству, что 16-го февраля, на балѣ у графини Лаваль, господинъ Барантъ сталъ требовать у меня объясненія насчетъ будто мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все ему переданное несправедливо; но такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшее объясненіе давать ему не намѣренъ. На колкій его отвѣтъ я возразилъ такою же колкостью, на что онъ сказалъ, что если бъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы меньше другихъ позволяемъ себѣ оскорблять безнаказанно. Онъ меня вызвалъ, условились и разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черною рѣчкою на Парголовской дорогѣ. Его секундантомъ былъ французъ, котораго имени я не помню и котораго никогда до сего не видѣлъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ нами были также и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, а онъ слегка оцарапалъ (мнѣ) грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку, и мы разошлись. Вотъ, ваше превосходительство, подробный отчетъ всего случившагося между нами. Съ истинной преданностью честь имѣю пребыть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Михайла Лермантовъ.

30. Письмо къ великому князю Михаилу Павловичу.

Ваше Императорское Высочество! Признавая въ полной мѣрѣ вину мою и съ благоговѣніемъ покоряясь наказанію, возложенному на меня Его Императорскимъ Величествомъ, я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть

возможность усердною службой загладить мой проступокъ, но, получивъ приказаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, что на мнѣ лежитъ еще обвиненіе въ ложномъ показаніи, самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ, дорожащій своей честью.

Графъ Бенкендорфъ предлагалъ мнѣ написать письмо къ Баранту, въ которомъ бы я просилъ извиненья въ томъ, что несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ. Я не могъ на то согласиться, ибо это было бы противъ моей совѣсти; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, можетъ-быть, раздѣляете сомнѣніе въ истинѣ словъ моихъ, мысль эта столь невыносима, что я рѣшился обратиться къ Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушіе и справедливость Вашу и будучи уже не разъ облагодѣтельствованъ Вами, и просить васъ защитить и оправдать меня во мнѣніи Его Императорскаго Величества, ибо въ противномъ случаѣ теряю невинно и невозвратно имя благороднаго человѣка.

Ваше Императорское Высочество позволите сказать мнѣ со всею откровенностью: я искренно сожалѣю, что показаніе мое оскорбило Баранта; я не предполагалъ этого, не имѣлъ этого намѣренія, но теперь не могу исправить ошибку посредствомъ лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказавъ, что выстрѣлилъ на воздухъ, я сказалъ истину, готовъ подтвердить оную честнымъ словомъ, и доказательствомъ можетъ служить то, что на мѣстѣ дуэли, когда мой секундантъ, отставной поручикъ Столыпинъ, подалъ мнѣ пистолетъ, я сказалъ ему именно, что выстрѣлю на воздухъ, что и подтвердитъ онъ самъ.

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я, однако, осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить вниманіе на горестное мое положеніе и заступленіемъ Вашимъ возстановить мое доброе имя во мнѣніи Его Императорскаго Величества и Вашемъ.

Съ благоговѣйною преданностью имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Высочества всепреданнѣйшій Михаилъ Лермантовъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ.

31. Къ А. А. Лопухину.

(Ставрополь, 17 іюня 1840 г.).

О, милый Алексисъ.

Завтра я ѣду въ дѣйствующій отрядъ на лѣвый флангъ въ Чечню брать пророка Шамиля, котораго, надѣюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать къ тебѣ по пересылкѣ. Такая каналья этотъ пророкъ! Пожалуйста, спусти его съ Аспелинда (?); они тамъ въ Чечнѣ не знаютъ индѣйскихъ пѣтуховъ. Такъ авось это его испугаетъ. Я здѣсь, въ Ставрополѣ, уже съ недѣлю и живу вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ, который также ѣдетъ въ экспедицію и который вздыхаетъ по графинѣ Зубовой, о чемъ прошу ей всеподданнѣйше донести. И мы оба тамъ вздыхаемъ... Я здѣсь отъ жару такъ слабъ, что едва держу перо. Дорогой я заѣзжалъ въ Черкаскъ къ генералу Хомутову и прожилъ у него три дни, и каждый день былъ въ театрѣ. Что за *ѳеатръ*! Объ немъ стоитъ разсказать: смотришь на сцену — и ничего не видишь, ибо передъ носомъ сальныя свѣчи, отъ которыхъ глаза лопаются; смотришь назадъ — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо—ничего не видишь, потому что ничего нѣтъ; смотришь налѣво и видишь въ ложѣ полицмейстера; оркестръ составленъ изъ четырехъ кларнетовъ, двухъ контрабасовъ и одной скрипки, на которой пилитъ самъ капельмейстеръ, а этотъ капельмейстеръ примѣчателенъ тѣмъ, что глухъ, и когда надо начать или кончать, то первый кларнетъ дергаетъ его за фалды, а контрабасъ бьетъ такъ смычкомъ по его плечу. Разъ по личной ненависти онъ его такъ хватилъ смычкомъ, что тотъ обернулся и хотѣлъ пустить въ него скрипкой, но въ эту минуту кларнетъ дернулъ его за фалды, и капельмейстеръ упалъ навзничь головой прямо въ барабанъ и проломилъ кожу; но въ азартѣ вскочилъ и хотѣлъ продолжать бой и что же? о ужасъ! На головѣ его вмѣсто кивера торчитъ барабанъ. Публика была въ восторгѣ, занавѣсъ опустили, а оркестръ отправили на съѣзжую. Въ продолженіе этой потѣхи я все ждалъ, что будетъ? — Такъ-то, мой милый Алеша! — Но здѣсь, въ Ставрополѣ, такихъ удовольствій нѣтъ; зато ужасно жарко. Вѣроятно, письмо мое тебя найдетъ въ Сокольникахъ, между прочимъ, прощай: ужасно я усталъ и слабъ. Поцѣлуй за меня ручку у Варвары Александровны и будь благонадеженъ. Ужасно усталъ... Жарко... Уфъ! — Лермонтовъ.

32. Къ Е. А. Арсеньевой.

Пятигорскъ, іюля 28 (1840 года).

Милая бабушка. Пишу къ вамъ изъ Пятигорска, куда я опять поѣхалъ и гдѣ проведу нѣсколько времени для отдыха. Я получилъ вашихъ три письма вдругъ и притомъ бумагу отъ С. насчетъ продажи людей, которую надо

засвидѣтельствовать и подписать здѣсь. Я это все здѣсь обдѣлаю и пошлю. Напрасно вы мнѣ не послали книгу графини Растопчиной; пожалуйста, тотчасъ по полученіи моего письма, пошлите мнѣ ее сюда, въ Пятигорскъ. Прошу васъ также, милая бабушка, купите мнѣ полное собраніе сочиненій Жуковскаго послѣдняго изданія и пришлите также сюда тотчасъ. Я бы просилъ также полнаго Шекспира по-англійски, да не знаю, можно ли найти въ Петербургѣ; препоручите Екиму (Шанъ-Гирею), только, пожалуйста, поскорѣе. Если это будетъ скоро, то здѣсь меня еще застанетъ.

То, что вы мнѣ пишите о словахъ гр. (Клейнмихеля), я полагаю, еще не значитъ, что мнѣ откажутъ отставку, если я подамъ: онъ только просто не совѣтуетъ, а чего мнѣ здѣсь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили,—только выпустятъ ли, если я подамъ?

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны; цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія.

33. Къ А. А. Лопухину.

Пятигорскъ, (12) сентября 1840 года.

Мой милый Алеша.

Я увѣренъ, что ты получилъ письмо мое, которое я тебѣ писалъ изъ дѣйствующаго отряда въ Чечнѣ, но увѣренъ также, что ты мнѣ не отвѣчалъ, ибо я ничего о тебѣ не слышу письменно. Пожалуйста, не лѣнись: ты не можешь вообразить, какъ тяжела мысль, что друзья насъ забываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я на Кавказѣ, я не получалъ ни отъ кого писемъ, даже изъ дому не имѣлъ извѣстій. Можетъ-быть, они пропадаютъ, потому что я не былъ нигдѣ на мѣстѣ, а шатался все время по горамъ съ отрядомъ. У насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часовъ сряду. Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты, а ихъ до 6 тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ — кажется, хорошо! вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебѣ разскажу подробности очень интересныя—только Богъ знаетъ когда мы увидимся. Я теперь вылѣчился почти совсѣмъ и ѣду съ водъ опять въ Чечню. Если ты будешь мнѣ писать, такъ вотъ адресъ: на Кавказскую линію, въ дѣйствующій отрядъ генералъ-лейтенанта Голофеева, на лѣвый флангъ. Здѣсь проведу до конца ноября, а потомъ не знаю, куда отправлюсь — въ Ставрополь, на Черное море или въ Тифлисъ. Я вошелъ во вкусъ войны и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными. Только скучно то, что либо такъ жарко, что на силу ходишь, либо такъ холодно, что дрожь пробираетъ, либо ѣсть нечего, либо денегъ нѣтъ — именно что со мною теперь. Я прожилъ все, а изъ дому не посылаютъ. Не знаю, почему отъ бабушки ни одного письма. Не знаю, гдѣ она, въ деревнѣ или въ Петербургѣ. Напиши, пожалуйста, видѣлъ ли ты ее въ Москвѣ. Поцѣлуй за меня руку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоровъ и счастливъ. Твой Лермонтовъ.

34. Къ нему же.

Крѣпость Грозная, 4 ноября 1840.

Милый Алеша.

Пишу тебѣ изъ крѣпости Грозной, въ которую мы, т.-е. отрядъ, возвратились послѣ 20-дневной экспедиціи въ Чечню. Не знаю, что будетъ дальше, а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изо ста казаковъ — разный сбродъ, волонтеры, татары и проч., это нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, и если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то, авось, что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но такъ какъ мы будемъ еще воевать цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить. Вотъ тебѣ обо мнѣ самое интересное.

Писемъ я ни отъ тебя ни отъ кого другого ужъ мѣсяца три не получалъ. Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось; забыли, что ли? Или (письма) пропадаютъ? Я махнулъ рукой. Мнѣ тебѣ нечего много писать: жизнь наша здѣсь внѣ войны однообразна; а описывать экспедиціи не велятъ. Можетъ-быть, я когда-нибудь засяду у твоего камина и разскажу тебѣ долгіе труды, ночныя схватки, утомительныя перестрѣлки, картины военной жизни, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Варвара Александровна будетъ зѣвать за пяльцами и, наконецъ, уснетъ отъ моего разсказа, а тебя вызоветъ въ другую комнату управитель, а я останусь одинъ и буду оканчивать свою исторію твоему сыну . . . . Сдѣлай одолженіе, пиши ко мнѣ какъ можно больше. Прощай, будь здоровъ съ чадами и домочадцами и поцѣлуй за меня ручку у своей сожительницы. Твой Лермонтовъ.

1841.

35. Къ Бибикову.

(С.-Петербургъ, въ концѣ февраля 1840).

Милый Биби.

Насилу собрался писать къ тебѣ; начну съ того, что объясню тайну моего отпуска; бабушка моя просила о прощенiи моемъ, а мнѣ дали отпускъ; но я скоро ѣду опять къ вамъ, и здѣсь остаться у меня нѣтъ никакой надежды, ибо я сдѣлалъ вотъ какiя бѣды: прiѣхавъ сюда въ Петербургъ на половинѣ масленицы, я на другой же день отправился на балъ къ г-жѣ Воронцовой, и это нашли неприличнымъ и дерзкимъ. Что дѣлать? Кабы зналъ, гдѣ упасть, соломки бы подостлалъ; обществомъ зато я былъ принятъ очень хорошо; и у меня началась новая драма, которой завязка очень замѣчательная, зато развязки, вѣроятно, не будетъ, ибо 9-го марта отсюда уѣзжаю заслуживать себѣ на Кавказѣ отставку; изъ Валерикскаго представленiя меня здѣсь вычеркнули, такъ что даже я не буду имѣть утѣшенiя носить красной ленточки, когда надѣну штатскiй сюртукъ.

Я былъ намедни у твоихъ, и они всѣ жалуются, что ты не пишешь; и, взявъ это въ разсмотрѣнiе, я уже не смѣю тебя упрекать. Мещериновъ, вѣрно, прежде меня прiѣдетъ въ Ставрополь, ибо я не намѣренъ очень торопиться; итакъ, не продавай удивительнаго лова, ни кровати ни сѣделъ; вѣрно, отрядъ не выступитъ прежде 2-го апрѣля, а я къ тому времени непремѣнно буду. Покупаю для общаго нашего обихода Лафатера и Галя и множество другихъ книгъ.

Прощай, мой милый, будь здоровъ. Твой Лермонтовъ.

36. Къ Е. А. Арсеньевой.

(Москва. 1841 г. Конецъ апрѣля или начало мая).

Милая бабушка! Жду съ нетерпѣнiемъ письма отъ васъ съ какимъ-нибудь извѣстiемъ. Я въ Москвѣ пробуду нѣсколько дней, остановлюсь у Розена. Алексѣй Аркадьевичъ (Столыпинъ) здѣсь еще и ѣдетъ послѣзавтра. Я здѣсь принятъ былъ обществомъ по обыкновенiю очень хорошо, и мнѣ довольно весело. Былъ вчера у Николая Николаевича Аненкова и завтра у него обѣдаю; онъ былъ со мною очень любезенъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать про мою здѣшнюю жизнь. Еще прибавлю, что я отъ здѣшняго воздуха потолстѣлъ въ два дня; рѣшительно Петербургъ мнѣ вреденъ; можетъ-быть, также я поздоровѣлъ оттого, что всю дорогу пилъ горькую воду, которая мнѣ всегда очень полезна. Скажите, пожалуйста, отъ меня Екиму Шанъ-Гирею, что я ему напишу передъ отъѣздомъ отсюда и кое-что пришлю... Вѣроятно, Сашенькина свадьба уже была, и потому прошу васъ ее поздравить отъ меня, а Леонидiи (?) скажите отъ меня, что я ее цѣлую и желаю исправиться и быть какъ можно осторожнѣе вообще. Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и увѣрены, что Богъ васъ вознаградитъ за всѣ печали. Цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенiя. Покорный М. Лермонтовъ.

37. Къ Е. А. Арсеньевой.

(Ставрополь, мая 1841).

Милая бабушка. Я сейчасъ прiѣхалъ только въ Ставрополь и пишу къ вамъ; ѣхалъ я съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ, и ужасно долго ѣхалъ: дорога была прескверная. Теперь не знаю самъ еще, куда поѣду; кажется, прежде отправлюсь въ крѣпость Шуру, гдѣ полкъ, а оттуда постараюсь на воды. Я, слава Богу, здоровъ и спокоенъ, лишь бы вы были такъ спокойны, какъ я; одного только и желаю: пожалуйста, оставайтесь въ Петербургѣ: и для васъ и для меня будетъ лучше во всѣхъ отношенiяхъ. Скажите Екиму Шанъ-Гирею, что я ему не совѣтую ѣхать въ Америку, какъ онъ располагалъ; а ужъ лучше сюда, на Кавказъ: оно и ближе и гораздо веселѣе. Я все надѣюсь, милая бабушка, что мнѣ все-таки выйдетъ прощенье, и я могу выйти въ отставку. Прощайте, милая бабушка; цѣлую ваши ручки и молю Бога, чтобъ вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословенiя.—Остаюсь п. внукъ Лермонтовъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ полному собранію сочиненій М. Ю. Лермонтова.

А.

Августа 7. „Блистая, пробѣгаютъ облака...“, 59.

Автору „Курдюковой“. (Въ альбомъ.) „На нашихъ дамъ морозныхъ...“, 104.

Азраилъ. „Дождуся здѣсь, мнѣ не жестка...“, 138.

„Аллахъ ли тамъ, среди пустыни...“ (Видъ горъ изъ степей Козлова), 112.

Альбома. (Изъ) С. Н. Карамзиной. „Любилъ и я въ былые годы...“, 104.

Альбомъ (Въ). (Изъ Байрона). „Какъ одинокая гробница...“, 82.

Альбомъ (Въ) Н. И. Поливанову. „Послушай, вспомни обо мнѣ...“, 60.

Алябьевой. „Вамъ красота, чтобы блеснуть...“, 20.

„Аминтъ твой на глупца походитъ...“ (Эпиграммы). IV. Г-ну П. 15.

„Амуръ спросилъ меня...“ (Глупой красавицѣ), 44.

Ангелъ. „По небу полуночи...“, 52.

Ангелъ смерти. (Восточная повѣсть.) „Златой востокъ страна чудесъ...“, 157.

Арсеньеву. (Портреты). XX. „Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся...“, 21.

Арфа. „Когда зеленый дернъ...“, 47.

Атаманъ. „Горе тебѣ, городъ Казань...“, 54.

Аулъ Бастунджи. „Между Машукомъ и Бешту...“, 163.

„Ахъ, братъ! ахъ, братъ! стыдись, мой братъ...“ (Два брата), 137.

„Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ...“ (Мазепа), 74.

„Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный...“ Къ Нинѣ. (Изъ Шиллера), 4.

Ашикъ Керибъ. Турецкая сказка, 623.

Б.

Баллада. (Изъ Байрона.) „Берегись! берегись...“, 45.

Баллада. „Въ избушкѣ позднею порою...“, 48.

Баллада. „Гвадьяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ...“ (Испанцы), 319.

Баллада. „Куда такъ проворно, жидовка младая...“, 77.

Баллада. „Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ...“, 5.

Бартеневой. „Скажи мнѣ, гдѣ переняла...“ (Портреты). X, 20.

Бахметевой С. А. „Примите дивное посланье...“ (Письма), 642.

Бахметевой С. А. „Я жить хочу! Хочу печали...“ (Письма), 642.

Башилову. „Вы старшина собранья...“ (Портреты) XVIII, 21.

„Безумецъ я...“ (Толпѣ), 75.

„Безъ васъ хочу сказать...“ (Александрѣ Осиповнѣ Смирновой), 104.

„Берегись! берегись...“ Баллада. (Изъ Байрона), 45.

Благодарность. „За все, за все тебя благодарю...“, 103.

Благодарю. „Благодарю!.. вчера мое признанье...“, 41.

„Блистая, пробѣгаютъ облака...“ (7 августа), 59.

Бой. „Сыны небесъ однажды...“, 75.

„Болѣзнь въ груди моей...“, 73.

Бородино. „Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ...“, 88.

„Боюсь не смерти я, о, нѣтъ...“ (1830, мая, 16 числа), 38.

Бояринъ Орша. „Во время оно жилъ да былъ...“, 238.

„Будь со мною, какъ прежде бывала...“ (К. Д.). 18.

Булгакову. „На вздоръ и шалости ты хватъ...“ (Портреты). XIX, 21.

Бульваръ. „Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ...“, 40.

Бухариной. „Не чудно ль, что зовутъ васъ Вѣра...“ (Портреты). III, 19.

Бухарову Ник. Ив. (Къ). „Мы ждемъ тебя...“, 84.

Бухарову Ник. Ив. (Къ портрету стараго гусара). „Смотрите, какъ летитъ...“, 84.

Бѣглецъ (Горская легенда). „Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани...“, 260.

„Бѣлѣетъ парусъ одинокій...“ (Парусъ), 78.

Бэла (Герой нашего времени), 551.

В.

Валерикъ. „Я къ вамъ пишу случайно...“, 105.

„Вамъ красота, чтобы блеснуть...“ (Портреты). IX. Алябьевой, 20.

„Вблизи тебя до этихъ поръ...“ (Черноокой), 41.

„Вверху одна...“, 45.

„Великъ, богатъ аулъ Джематъ...“ (Хаджи-Абрекъ), 197.

„Вельможи толпою стояли...“ Перчатка. (Изъ Шиллера), 4.
Венеція. „Поверхностью морей отражена...“, 46.
Верзилиной Н. П. (Въ альбомъ). „Надежда Петровна...“. 120.
Веселый пиръ. „Зачѣмъ вы на меня...“, 10.
Весна. „Когда весной разбитый ледъ...“, 43.
Вечеръ. „Когда садится алый день...“, 69.
Вечеръ послѣ дождя. „Гляжу въ окно...“, 32.
„Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ...“ (Стансы), 43.
„Взгляни на этотъ ликъ...“ (Портретъ). 17.
„Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья...“ (Къ другу), 17.
Видъ горъ изъ степей Козлова. „Аллахъ ли тамъ, среди пустыни...“, 112.
Видѣніе. „Я видѣлъ юношу...“, 59.
„Во время оно жилъ да былъ...“ (Бояринъ Орша), 238.
„Воетъ вѣтеръ и свиститъ...“ (Челнокъ), 34.
Воздушный корабль. (Изъ Зейдлица.) „По синимъ волнамъ океана...“, 101.
Война. „Затѣялась, друзья мои, война...“, 14.
Волны и люди. „Волны катятся одна за другою...“, 50.
Волшебные звуки. „Есть рѣчи — значенье...“, 111.
Воля. „Моя мать—злая кручина...“, 63.
„Во мглѣ языческой дубравы...“ (Олегъ), 8.
Воронцовой-Дашковой (Гр. А. К.). (Портретъ свѣтской женщины.) „Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва...“, 104.
„Вотъ, другъ, плоды...“ (Посвященіе NN), 9.
„Время сердцу быть въ покоѣ...“, 23.
„Все въ мірѣ суета...“ (Портреты). IV, 12.
„Всевышній произнесъ Свой приговоръ...“ (Къ ***), 60.
„Всегда онъ съ улыбкой веселой...“ (Портреты). V, 12.
Встрѣча. (Изъ Шиллера.) „Она одна межъ дѣвъ...“, 4.
Вступленіе къ „Джуліо“, „Осенній день тихонько угасалъ...“, 141.
„Всѣмъ жалко васъ...“ (Портреты). IV. Л. Нарышкиной, 19.
„Всю ночь у пушекъ пролежали...“ (Поле Бородина), 51.
„Вчера до самой ночи просидѣлъ...“ (Кладбище), 37.
Въ альбомъ. (Изъ Байрона.) „Какъ одинокая гробница...“, 82.
Въ альбомъ автору „Курдюковой“ (Ив. П. Мятлеву). „На нашихъ дамъ морозныхъ...“, 104.
Въ альбомъ Н. И. Поливанову. „Послушай, вспомни обо мнѣ...“, 60.
„Въ большомъ аулѣ, подъ горою... (Кавказскій плѣнникъ), 123.
„Въ большомъ театрѣ я сидѣлъ...“ (Эпиграмма на Кукольника), 84.
Въ Воскресенскѣ. „Оставленная пустынь предо мной...“, 35.
Въ Воскресенскѣ. „Предо мной готическое зданіе...“, 35.
„Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла...“ (Тамара), 117.
„Въ горахъ ужъ солнце исчезаетъ...“ (Черкесы), 134.
„Въ избушкѣ позднею порою...“ (Баллада), 48.
„Въ минуту жизни трудную...“ (Молитва), 95.
„Въ морѣ царевичъ купаетъ коня...“ (Морская царевна), 120.
„Въ невѣрный часъ...“ (Наполеонъ), 32.
„Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли...“ (Три пальмы), 96.
„Въ полдневный жаръ...“ (Сонъ), 116.
„Въ ребячествѣ моемъ...“ (Первая любовь), 50.
„Въ рядахъ мы стояли...“, 81.
„Въ семьѣ безвѣстной...“ (Морякъ), 74.
„Въ старинны годы жили-были...“, 30.
„Въ старинны годы люди были...“ (Незабудка), 30.
„Въ тѣ дни...“ (Романсъ), 45.
„Въ тѣснинѣ Кавказа...“ (Портреты). XIV. Крестъ на скалѣ. M-lle Souchkoff, 20.
„Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной...“ (Русская мелодія), 14.
„Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ...“ (Ночь), 68.
„Въ шапкѣ золота литого...“ (Два великана), 78.
„Вы мнѣ однажды говорили...“ (Портреты). VIII. Уваровой, 19.
„Вы на знавали ль князя Петра...“ (Портреты). XVI, 20.
„Вы старшина собранья...“ (Портреты). XVIII. Башилову, 21.
„Выхожу одинъ я на дорогу...“, 118.
Вѣтка Палестины. „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины...“, 85.

Г.

„Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани...“ (Бѣглецъ), 260.
„Гвадьяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ...“ (Баллада изъ тр. Испанцы), 319.
Гейне. (Изъ). „Они любили другъ друга...“, 116.
Герой нашего времени. 550.
Гёте (Изъ). „Горныя вершины...“, 103.
Глупой красавицѣ. „Амуръ спросилъ меня...“, 44.
Глупой красавицѣ (Къ). „Тобой плѣняться издали...“, 32.
„Глядися чаще въ зеркала...“ (Къ ***), 9.
„Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ...“ (Стансы), 67.
„Гляжу въ окно...“ (Вечеръ послѣ дождя), 32.
„Гляжу на будущность съ боязнью...“, 93.
Г—ой (Къ кн. Л.). „Когда ты холодно внимаешь...“, 64.
Горбачъ-Вадимъ. Эпизодъ изъ пугачевскаго бунта (Юношеская повѣсть), 463.
„Горе тебѣ, городъ Казань...“ (Атаманъ), 54.
„Горныя вершины...“ (Изъ Гёте), 103.
Гость. „Какъ пришлецъ иноплеменный...“, 37.
Гость. „Кларису юноша любилъ“, 52.
Госпиталь. (Разсказъ.) „Друзья, вы помните, конечно...“, 204.
„Графиня Эмилія...“ (Къ графинѣ Эм. Кар. Мусиной-Пушкиной), 98.
Графинѣ Ростопчиной. „Я вѣрю: подъ одной звѣздою...“, 104.
Гробъ Оссіана. „Подъ занавѣсою тумана...“, 37.
Гроза. „Реветъ гроза, дымятся тучи...“, 31.
Грузинову (Къ I. П.) „Скажи, любезный мой пріятель...“, 15.
Грузинская пѣсня. „Жила грузинка молодая...“, 16.
Гусаръ. „Гусаръ! ты веселъ и безпеченъ...“, 77.
Гусару поэту (А. Л. П—ву.) „Расписку просишь ты...“, 92.

Д.

„Давно ли съ зеленью радушной...“ (Дереву), 38.
„Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали...“ (Портреты) П. Н. Ф. И., 19.
„Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся...“ (Портреты). XX. Арсеньеву, 21.
„Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта...“ (Къ ***), 70.
„Дамонъ, нашъ врачъ...“ (Эпиграммы). VI, 15.
„Да охранюся я отъ мушекъ...“ (Моя мольба), 43.
Дары Терека. „Терекъ воетъ...“, 95.
„Да тѣнь твою никто не порицаетъ...“ (Эпитафія Наполеону), 32.
Два брата. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, 444.
Два брата. (Поэма.) „Ахъ, братъ! ахъ, братъ! стыдись, мой братъ...“, 137.
Два великана. „Въ шапкѣ золота литого...“, 78.
Два сокола. „Степь, синѣя, разстилалась...“, 16.
„Два человѣка въ этотъ страшный годъ...“ (Чума), 42.
„Девятый часъ, ужъ темно...“, 22.
Демонъ. (Восточная повѣсть.) „Печальный Демонъ, духъ изгнанья...“, 274.
Демонъ. I очеркъ, 294.
Демонъ. II очеркъ, 296.
Демонъ. III очеркъ, 300.
Демонъ. IV очеркъ, 300.
„День гасъ...“ (Исповѣдь), 147.
Дереву. „Давно ли съ зеленью радушной...“, 38.
Джуліо. „Есть край, его Италія зовутъ...“, 141.
Дитя въ люлькѣ. (Изъ Шиллера.) „Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему...“, 5.
„Для чего я не родился...“ (Письма), 643.
„Довольно любилъ я...“ (Къ Дурнову), 47.
„Довольно толстъ...“ (Портреты). II, 11.
Договоръ. „Пускай толпа клеймитъ...“, 111.
Додо. „Умѣешь ты сердца тревожить...“, 20.
„Дождуся здѣсь, мнѣ не жестка...“ (Азраилъ), 138.
„До лучшихъ дней...“ (Къ другу В. Ш.), 61.
„Дробись, дробись, волна ночная...“ (Элегія), 36.
Другу В. Ш. (Къ). „До лучшихъ дней...“, 61.
Другу (Къ). „Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья...“, 17.
Другу (Къ). „Забудь опять...“, 67.
„Друзья, взгляните на меня...“ (Корсаръ), 130.
„Друзья, вы помните, конечно...“ (Госпиталь), 204.
Друзьямъ (Къ). „Я рожденъ съ душою пылкой...“, 10.
„Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки...“, 118.
Дума. „Печально я гляжу на наше поколѣнье...“, 94.
„Дуракъ и старая кокетка...“ (Эпиграмма), 11.
Дурнову (Къ). „Довольно любилъ я...“, 47.
Дурнову. (Романсъ.) „Невинный нѣжною душой...“, 14.
„Душа моя должна прожить...“, 68.
„Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй...“ Еврейская мелодія. (Изъ Байрона), 84.
„Душа тѣлесна...“ (Мадригалъ), 11.
Дѣвѣ небесной (Къ). Когда бы встрѣтилъ я въ раю...“, 60.
„Дѣлись со мною тѣмъ...“ Къ*** (Изъ Шиллера), 5.

Е.

Еврейская мелодія (Изъ Байрона.) „Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй...“, 84.
Еврейская мелодія. „Плачь Израиль! о, плачь...“ (Изъ тр. Испанцы), 328.
Еврейская мелодія. „Я видалъ иногда...“, 31.
„Если бъ мы не дѣти были...“ (Had we never loved so kindly), 25.
„Если, другъ, тебѣ сгрустнется...“ (Совѣтъ), 30.
„Есть люди странные...“ (Эпиграммы). I, 15.
„Есть мѣсто: близъ тропы глухой...“ Завѣщаніе. (Изъ Гёте), 61.
„Есть птичка рая у меня...“ (Надежда), 62.
Есть рѣчи — значенье...“ (Волшебные звуки), 111.
„Есть у меня твой силуэтъ...“ (Силуэтъ), 18.

Ж.

Жалоба турка. „Ты зналъ ли дикій край...“, 15.
Желаніе. „Зачѣмъ я не птица...“, 58.
Желаніе. „Отворите мнѣ темницу...“, 87.
„Желтый листъ о стебель бьется...“ (Пѣсня), 17.
Жена сѣвера. „Покрыта таинствъ легкой сѣткой...“, 17.
„Жила грузинка молодая...“ (Грузинская пѣсня), 16.
Журналистъ, писатель и читатель. „Я очень радъ, что вы больны...“, 100.
Журналъ Печорина (Герой нашего времени), 574.

З.

Заблужденіе Купидона. „Однажды женщины Эрота отодрали...“, 3.
„Забудь, любезный П.....нъ...“ (Къ П.....нъ), 10.
„Забудь опять...“ (Къ другу), 67.
„Забывши волненія жизни мятежной...“, 5.
„За все, за все Тебя благодарю...“ (Благодарность), 103.
Завѣщаніе. (Изъ Гёте). „Есть мѣсто: близъ тропы глухой...“, 61.
Завѣщаніе. „Наединѣ съ тобою, братъ...“, 111.
„За дѣло общее...“ (Изъ Андрея Шенье), 71.
„Закатъ горитъ огнистой полосою...“ (Смерть), 45.
„Затѣялась, друзья мои, война...“ (Война), 14.
„Зачѣмъ вы на меня...“ (Веселый пиръ), 10.
„Зачѣмъ семьи родной...“ (1830 года, іюля 15), 39.
„Зачѣмъ я не птица...“ (Желаніе), 58.
Звуки и взоръ. „О, полно ударять рукой...“, 70.
Звуки. „Что за звуки...“, 50.
Звѣзда. „Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда...“, 31.
Земля и небо. „Какъ землю намъ больше небесъ не любить...“, 70.
„Зови надежду сновидѣньемъ...“ (Къ В. Лопухиной), 63.

И.

И.......вой (Н. Ф.), „Любилъ съ начала жизни я...“, 26.
Изъ Андрея Шенье. „За дѣло общее...“, 71.
Изъ Гейне. „Они любили другъ друга...“, 116.

Изъ Гёте. „Горныя вершины...“, 103.
Измаилъ-Бей. (Восточная повѣсть.) „Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой...“, 172.
„Измученный тоскою и недугомъ...“, 25.
Изъ Паткуля. „Напрасна враговъ ядовитая злоба...“, 67.
„Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски...“, 113.
„И скучно, и грустно...“ (И скучно, и грустно), 102.
Испанцы. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, 307.
Исповѣдь. „День гасъ! Въ нарядѣ голубомъ...“, 147.
Исповѣдь. „Я вѣрю, обѣщаю вѣрить...“, 62.
„Источникъ страсти есть во мнѣ...“ (Потокъ), 67.
„Итакъ, прощай...“, 45.

К.

Кавказскій плѣнникъ. „Въ большомъ аулѣ, подъ горою...“, 123.
Кавказу. „Кавказъ! далекая страна...“, 33.
„Кавказъ! далекая страна...“ (Кавказу), 33.
Кавказъ. „Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней...“, 26.
Казачья колыбельная пѣсня. „Спи, младенецъ мой прекрасный...“, 99.
Казбеку. „Спѣша на сѣверъ издалека...“, 90.
Казначейша. „Тамбовъ на картѣ генеральной...“, 230.
Казотъ. „На буйномъ пиршествѣ...“, 98.
„Какъ васъ зовутъ...“ (Портреты). XV. Г. Павлову, 20.
„Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень...“, 23.
„Какъ? вы поэта огорчили...“ (Портреты), VII. Сабуровой, 19.
„Какъ духъ отчаянья и зла...“ (Портреты). I. В. Л., 19.
„Какъ землю намъ больше небесъ не любить...“ (Земля и небо), 70.
„Какъ лучъ зари, какъ розы Леля...“, 24.
„Какъ мальчикъ кудрявый...“ (Портретъ свѣтской женщины). Гр. А. К. Воронцовой-Дашковой, 104.
„Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ...“, 93.
„Какъ одинокая гробница...“ Въ альбомъ. (Изъ Байрона), 82.
„Какъ по вольной волюшкѣ...“ (Герой нашего времени. „Тамань“), 577.
„Какъ пришлецъ иноплеменный...“ (Гость), 37.
„Какъ солнце зимнее...“ (Солнце), 21.
„Какъ страшно жизни сей оковы...“ (Одиночество), 31.
„Какъ-то разъ, передъ толпою...“ (Споръ), 113.
„Какъ часто, пестрою толпою...“ (Первое января), 99.
„Какъ я хотѣлъ себя увѣрить...“ (Къ себѣ), 68.
„Какая сладость въ мысли: я отецъ...“, 80.
Каллы. (Черкесская повѣсть.) „Теперь насталъ урочный часъ...“, 196.
Карамзиной С. Н. (Изъ альбома.) „Любилъ и я въ былые годы...“, 104.
К. Д. „Будь со мною...“, 18.
Кинжалъ. „Люблю тебя, булатный мой кинжалъ...“, 92.
„Кипитъ веселый Петергофъ...“ (Петергофскій праздникъ), 203.
Кладбище. „Вчера до самой ночи просидѣлъ...“, 37.
„Кларису юноша любилъ...“ (Гость), 52.
„Клоками бѣлый снѣгъ валится...“ (Русская пѣсня), 70.
Кн. Л. Г-ой (Къ). „Когда ты холодно внимаешь...“, 64.
Княгиня Лиговская. Романъ, 517.
Княжна Мери (Герой нашего времени), 580.
„Коварной жизнью недовольный...“ (Романсъ), 11.
„Когда бы встрѣтилъ я въ раю...“ (Къ дѣвѣ небесной), 60.
„Когда бъ въ покорности незнанья...“, 64.
„Когда бы могъ весь свѣтъ узнать...“ (Sentenz), 37.
„Когда весной разбитый ледъ...“ (Весна), 43.
„Когда волнуется желтѣющая нива...“, 92.
„Когда зеленый дернъ...“ (Арфа), 47.
„Когда къ тебѣ молвы разсказъ...“, 44.
„Когда надеждѣ недоступный...“, 80.
„Когда одни воспоминанья...“ (Изъ драмы „Странный Человѣкъ“), 400.
„Когда печаль слезой невольной...“ („Маскарадъ“, 3-е дѣйствіе), 434.
„Когда послѣднее мгновенье...“, 25.
„Когда поспорить...“ (Портреты). V. Мартыновой, 19.
„Когда Рафаэль вдохновенный...“ Поэтъ (Письма), 640.
„Когда садится алый день...“ (Вечеръ), 69.
„Когда ты холодно внимаешь...“ (Къ кн. Л. Г-ой), 64.
„Колоколъ стонетъ...“ (Пѣсня), 68.
„Конецъ! какъ звучно это слово...“ (Письма), 644.
Корсаръ. „Друзья, взгляните на меня...“, 130.
Кропоткиной. „Я оклеветанъ передъ вами...“ (Портреты). XI, 20.
Крестъ на скалѣ. „Въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу...“ (Портреты). XIV, 20.
„Кто бъ ни былъ ты...“ (Сосѣдъ), 87.
„Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой...“, 64.
„Кто въ утро зимнее...“, 65.
„Кто муки зналъ...“ (Отвѣтъ), 16.
„Кто яму для другихъ копать трудился...“ (Эпитафія), 38.
„Куда такъ проворно, жидовка младая...“ (Баллада), 77.
Къ А. С. „Не привлекай меня красой...“, 14.
Къ Ник. Ив. Бухарову. „Мы ждемъ тебя...“, 84.
Къ *** „Всевышній произнесъ Свой приговоръ...“, 60.
Къ В. (Лопухиной). „Зови надежду сновидѣньемъ...“, 63.
Къ глупой красавицѣ. „Тобой плѣняться издали...“, 32.
Къ *** „Глядися чаще въ зеркала...“, 9.
Къ графинѣ Эм. Кар. Мусиной-Пушкиной. „Графиня Эмилія...“, 98.
Къ І. П. Грузинову. „Скажи, любезный мой пріятель...“, 15.
Къ *** „Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта...“, 70.
Къ другу. „Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья...“, 17.
Къ другу В. Ш. „До лучшихъ дней...“, 61.
Къ другу. „Забудь опять...“, 67.
Къ друзьямъ. „Я рожденъ съ душою пылкой“, 10.

Къ Дурнову. „Довольно любилъ я...“, 47.
Къ Д(урно)ву. „Я пробѣгалъ страны Россіи...“, 11.
Къ дѣвѣ небесной. „Когда бы встрѣтилъ я въ раю...“, 60.
Къ *** (Изъ Шиллера). „Дѣлись со мною тѣмъ...“, 5.
Къ Кн. Л. Г-ой. „Когда ты холодно внимаешь...“, 64.
Къ Лопухиной. „У ногъ другихъ не забывалъ...“, 62.
Къ * „Мой другъ, напрасное старанье...“, 75.
Къ * „Мы случайно сведены судьбою...“, 73.
Къ ... „Мы снова встрѣтились съ тобой...“, 9.
Къ М. Н. Цейдлеру. „Русскій нѣмецъ бѣлокурый...“, 94.
Къ *** „Не говори: однимъ высокимъ...“, 25.
Къ *** „Не думай, чтобъ я былъ достоинъ...“, 38.
Къ *** „Не медли въ дальней сторонѣ...“, 71.
Къ *** „Не ты, но судьба виновата была...“, 68.
Къ Нинѣ (Изъ Шиллера). „Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный...“, 4.
Къ Н. И..... „Я не достоинъ...“, 62.
Къ ... „Не говори,—я трусъ...“, 45.
Къ NN. „Не играй моей тоской...“, 16.
Къ NN. (Къ Сабурову). „Ты не хотѣлъ...“, „Но скоро волю рока...“, 14.
Къ Неэрѣ. „Скажи, для чего передъ нами...“, 18.
Къ *** „О, не скрывай! ты плакала объ немъ...“, 65.
Къ *** „О, полно извинять развратъ...“, 49.
Къ * „Оставь напрасныя заботы...“, 73.
Къ * „Печаль въ моихъ пѣсняхъ...“, 76.
Къ портрету гр. А. К. Воронцовой-Дашковой. „Какъ мальчикъ кудрявый...“, 104.
Къ портрету стараго гусара. „Смотрите, какъ летитъ...“, 84.
Къ пріятелю. „Мой другъ, не плачь...“, 50.
Къ * „Прости! Мы не встрѣтимся болѣ...“, 76.
Къ ... „Прости мнѣ, что я рѣшился...“, 35.
Къ П—ну. „Забудь, любезный П......нъ...“, 10.
Къ Сабурову. „Приди ко мнѣ, любезный другъ...“ (Пиръ), 10.
Къ себѣ. „Какъ я хотѣлъ себя увѣрить...“, 68.
„Къ чему ищу такъ славы я...“, (Слава), 69.
„Къ чему мятежное роптанье...“, (Раскаяніе), 46.
Къ *** „Я не унижусь предъ тобою...“, 24.

Л.

„Ласкаемый цвѣтущими мечтами...“ (Ночь I), 28.
„Ликуетъ буйный Римъ...“ (Умирающій гладіаторъ), 82.
„Ликуйте, друзья...“ (Пѣсня), 60.
„Лилейной рукой поправляя...“, (Отрывки), 120.
„Листья въ полѣ пожелтѣли...“, (Осень), 3.
Литвинка. Поэма. „Чей старый теремъ...“, 149.
Лопухина, А. А. (на рожденіе сына). „Ребенка милаго рожденье...“, 99.
„Лукавъ, завистливъ...“ (Портреты). III, 12.
„Любилъ и я въ былые годы...“ (Изъ альбома С. Н. Карамзиной), 104.
„Любилъ съ начала жизни я...“ (Н. Ф. И...вой), 26.
„Люблю, друзья, когда за рѣчкой...“ (Панъ), 15.
„Люблю, когда борясь съ душою...“ (Стансы), 26.
Любовь мертвеца. „Пускай холодною землею...“, 109.
„Люблю отчизну я, но странною любовью...“ (Отчизна), 112.
„Люблю тебя, булатный мой кинжалъ...“ (Кинжалъ), 92.
„Люблю я солнце осени...“ (Солнце осени), 67.
„Люблю я цѣпи синихъ горъ...“, 21.
Люди и страсти. „Тобою только вдохновенный...“ (Посвященіе), 346.
Люди и страсти. (Драматическое произведеніе), 346.

М.

Мадригалъ. „Душа тѣлесна...“, 11.
Мазепа. „Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ...“, 74.
Максимъ Максимычъ. (Герой нашего времени), 568.
Мартыновой. „Когда поспорить вамъ придется...“, (Портреты). V, 19,
Марьѣ Павловнѣ Соломирской. „Надъ бездной адскою блуждая...“, 103.
Маскарадъ. Драма въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, 406.
Мая 16 число (1830). „Боюсь не смерти я, о, нѣтъ...“, 38.
„Между лиловыхъ облаковъ...“ (Одиннадцатаго іюля), 58.
„Межъ тѣмъ, какъ Франція...“, (Послѣднее новоселье), 109.
„Метель шумитъ и снѣгъ валитъ...“, 64.
„Много красавицъ въ аулахъ у насъ... (Черк. пѣсня въ повѣсти „Бэла“ (Гер. наш. вр.), 556.
„Мнѣ грустно, потому что...“, (Отчего), 103.
„Мнѣ любить до могилы...“ (Стансы), 52.
Могила бойца. „Онъ спитъ...“, 44.
Мой демонъ. „Собранье золъ—его стихія...“. 17.
Мой демонъ. „Собранье золъ его стихія...“, 72.
Мой домъ. „Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ...“, 51.
„Мой другъ, напрасное старанье...“ (Къ *), 75.
„Мой другъ, не плачь...“ (Къ пріятелю), 50.
Молитва. „Въ минуту жизни трудную...“, 95.
Молитва. „Не обвиняй меня, Всесильный...“, 9.
Молитва странника. „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...“, 90.
„Молча сижу подъ окошкомъ...“, (Плѣнный рыцарь). 111.
Монго. „Садится солнце за горой...“, 205.
Монологъ. „Повѣрь, ничтожество есть благо...“, 9.
Морская царевна. „Въ морѣ царевичъ купаетъ коня...“, 120.
Морякъ. „Въ семьѣ безвѣстной...“, 74.
„Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ...“ (1831 года, іюня 11), 55.
„Моя мать—злая кручина...“ (Воля), 63.
„Моя мать родная...“ (пѣсня въ повѣсти „Горбачъ-Вадимъ“), 484.
Моя мольба. „Да охранюся я отъ мушекъ...“, 43.
Мусиной-Пушкиной. (Къ графинѣ Эм. Кар.) „Графиня Эмилія...“, 98.
Мцыри. „Немного лѣтъ тому назадъ...“, 261.
„Мы ждемъ тебя...“ (Къ Ник. Ив. Бухарову), 84.
„Мы пьемъ изъ чаши бытія...“ (Чаша жизни), 62.
„Мы случайно сведены судьбою...“ (Къ *), 73.
„Мы снова встрѣтились съ тобою...“ (Къ...), 9.
Мятлеву И. П. (Въ альбомъ автору „Курдюковой“). „На нашихъ дамъ морозныхъ...“, 104.

Н.

„На буйномъ пиршествѣ...“ (Казотъ), 98.
„На буркѣ, подъ тѣнью чинары...“, 120.
„На вздоръ и шалости...“ (Портреты). XIX. Булгакову, 21.
Надежда. „Есть птичка рая у меня...“, 62.
„Надежда Петровна...“ (Н. П. Верзилиной), 120.
„Надъ бездной адскою блуждая...“ (Марьѣ Павловнѣ Соломирской), 103.
„Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ...“ (Баллада), 5.
„Наединѣ съ тобою, братъ...“ (Завѣщаніе), 111.
„На жизнь надѣяться...“ (Отрывокъ), 34.
На картину Рембрандта. „Ты понималъ, о мрачный геній...“, 49.
„На нашихъ дамъ морозныхъ...“ (Въ альбомъ автору „Курдюковой“), 104.
Наполеонъ. „Въ невѣрный часъ...“, 32.
На рожденіе сына у А. А. Лопухина. „Ребенка милаго рожденье...“, 99.
Нарышкиной Л. „Всѣмъ жалко васъ...“, 19.
„На свѣтскія цѣпи...“ (Щербатовой М. А.), 103.
„На серебряныя шпоры...“, 81.
„На склонѣ горъ, близъ водъ...“ (Цѣвница), 3.
На смерть поэта. „Погибъ поэтъ, невольникъ чести...“, 86.
„Настанетъ годъ...“ (Предсказаніе), 39.
„Настанетъ день и міромъ осужденный...“, 17.
„Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ...“ (Сашка), 207.
„На Сѣверѣ дикомъ...“ Сосна. (Изъ Гейне), 105.
„На темной скалѣ...“, 47.
Небо и звѣзды. „Чисто вечернее небо...“, 64.
„Невинный нѣжною душою...“ (Романсъ) Дурнову, 14.
Не вѣрь себѣ. „Не вѣрь, не вѣрь, себѣ...“ 94.
„Не говори однимъ высокимъ...“ (Къ***), 25.
„Не говори,—я трусъ...“ (Къ...), 45.
„Не даромъ она...“ (Портреты). VI. Гр. Толстой, 19.
„Не дождаться мнѣ, видно, свободы...“ (Сосѣдка), 110.
„Не думай, чтобъ я былъ достоинъ . . .“ (Къ***), 38.
Незабудка. „Въ старинны годы люди были...“, 30.
„Не знаю, обманутъ ли былъ я...“ (Пѣсня), 47.
„Не играй моей тоской...“ (Къ NN), 16.
„Не медли въ дальней сторонѣ...“ (Къ***), 71.
„Не могу, на родинѣ томиться...“ (Стансы), 71.
„Немного лѣтъ тому назадъ...“ (Мцыри), 261.
„Не обвиняй меня, Всесильный...“ (Молитва), 9.
„Не отвергай мой слабый даръ...“ (Посвященіе къ трагедіи „Испанцы“), 307.
„Не плачь, не плачь, мое дитя...“, 113.
„Не привлекай меня красой...“ (Къ А. С.), 14.
„Нерѣдко люди...“, 45.
„Не сіяетъ на тебѣ солнце красное...“ (Пѣсня про царя Ивана Васильевича), 251.
„Не смѣйся, другъ...“ (Подражаніе Байрону), 47.
„Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою...“, 88.
„Не ты, но судьба виновата была . . .“ (Къ***), 68.
„Не уѣзжай, лезгинецъ молодой...“ (Прощанье), 22.
„Не чудно ль, что зовутъ васъ Вѣра...“ (Портреты). III. Бухариной, 19.
Неэрѣ (Къ). „Скажи, для чего передъ нами...“, 18.
Н. И. (Къ) „Я недостоинъ, можетъ быть...“, 62.
Нинѣ (Къ) (изъ Шиллера). „Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный...“, 4.
Нищій. „У вратъ обители...“, 42.
Новгородъ. „Сыны снѣговъ...“, 44.
Новгороду. „Привѣтствую тебя...“, 78.
„Ночевала тучка золотая...“ (Утесъ), 116.
Ночь I. „Ласкаемый цвѣтущими мечтами...“, 28.
Ночь II. „Погаснулъ день...“, 29.
Ночь III. „Темно. Все спитъ...“, 35.
Ночь IV. „Одинъ я въ тишинѣ ночной...“, 43.
Ночь. „Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ...“, 8.
Н. Ф. И. „Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали...“ (Портреты). II, 19.
Н. Ф. И....вой. „Любилъ съ начала жизни я...“, 26.
„Ну, что скажу тебѣ я спросту...“ (Ребенку), 92.
„Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ...“ (Портреты). XVII. Трубецкому, 21.
„Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю...“, 118.
„Нѣтъ смерти здѣсь...“ (Очи NN), 33.
„Нѣтъ, я не требую вниманія...“ (В. Л.), 31.

О.

„Оборвана цѣпь жизни...“ (Смерть), 50.
„О грезахъ юности томимъ...“ (Ребенку), 102.
Одиннадцатаго іюля. „Между лиловыхъ облаковъ...“, 58.
Одиночество. „Какъ страшно жизни сей оковы...“, 31.
„Одинъ я въ тишинѣ ночной...“ (ночь IV), 43.
„Однажды женщины...“ (Заблужденіе Купидона), 3.
Одоевскаго, А. И. (Памяти). „Я зналъ его...“, 96.
„О, если бы дни мои текли...“ (Элегія), 5.
Олегъ. „Во мглѣ языческой дубравы...“, 8.
„Она не гордой красотою...“, 76.
„Она одна межъ дѣвъ...“ Встрѣча. (Изъ Шиллера), 4.
„Она поетъ—и звуки таютъ...“, 92.
„О, не скрывай! ты плакала объ немъ...“ (Къ***), 65.
„Они любили другъ друга...“ (Изъ Гейне), 116.
„Онъ былъ въ краю святомъ...“, 80.
„Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ...“ (Письма), 648.
„Онъ любимецъ мягкой лѣни...“ (Портреты). VI, 12.
„Онъ не красивъ...“ (Портреты). I, 11.
„Осенній день тихонько угасалъ...“ (Вступленіе къ „Джуліо“), 141.
Осипу Ив. Сеньковскому. „Подъ фирмой иностранной...“, 116.
„Онъ спитъ послѣднимъ сномъ...“ (Могила Бойца), 44.
Опасеніе. „Страшись любви...“, 26.
„О, полно извинять развратъ...“ (Къ***), 49.
„Опять, народные витіи...“, 82.
„Опять, опять я видѣлъ взоръ...“ (Сентября 28), 63.
„Опять явилось вдохновенье...“ (Посвящ. къ „Измайлъ-Бею“), 172.

Осень. „Листья въ полѣ пожелтѣли...“, 3.
„Оставленная пустынь предо мной...“ (Въ Воскресенскѣ), 35.
„Оставь напрасныя заботы...“ (Къ*), 73.
„Отворите мнѣ темницу...“, 87.
„Отворите мнѣ темницу...“ (Желаніе), 87.
„Отворите мнѣ темницу...“ (Узникъ), 87.
Отвѣтъ. „Кто муки зналъ...“, 16.
„Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ...“ (Поэтъ), 93.
Отрывки. „Лилейной рукой поправляя...“, 120.
Отрывокъ. „На жизнь надѣяться...“, 34.
„Отрывокъ первой начатой повѣсти. (Лугинъ). Двѣ неокончен. повѣсти, 627.
„Отрывокъ второй начатой повѣсти, 634.
Отчего. „Мнѣ грустно, потому что...“, 103.
Отчизна. „Люблю отчизну я, но странною любовью...“, 112.
„О ты, котораго зовутъ...“ (А. А. Ѳ—ву), 81.
Очи NN. „Нѣтъ смерти здѣсь...“, 33.

П.

Павлову (Г). Портреты XV. „Какъ васъ зовутъ...“, 20.
Памяти А. И. Одоевскаго. „Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ...“, 96.
Панъ. „Люблю, друзья, когда за рѣчкой...“, 15.
Парусъ. „Бѣлѣетъ парусъ одинокій...“, 78.
Паткуня (Изъ). „Напрасна враговъ ядовитая злоба...“, 67.
Первая любовь. „Въ ребячествѣ моемъ...“, 50.
Первое января. „Какъ часто пестрою толпою...“, 99.
„Передо мной лежитъ листокъ...“, 44.
Перчатка (изъ Шиллера). „Вельможи толпою стояли...“, 4.
Петергофскій праздникъ. „Кипитъ веселый Петергофъ...“, 203.
„Печаль въ моихъ пѣсняхъ...“ (Къ*), 76.
„Печально я гляжу на наше поколѣнье...“ (Дума), 94.
„Печальный Демонъ, духъ изгнанья...“ (Демонъ), 274.
Пиръ Асмодея. „У бѣса праздникъ...“, 48.
Пиръ. (Къ Сабурову). „Приди ко мнѣ, любезный другъ...“, 10.
Письма Лермонтова. 639.
Письмо. „Свѣча горитъ...“, 13.
„Плачь, Израиль! о плачь...“ (Еврейская мелодія въ тр. „Испанцы“), 328.
Плѣнный рыцарь. „Молча сижу подъ окошкомъ...“, 111.
„Поверхностью морей отражена...“ (Венеція), 46.
„Повѣрь, ничтожество есть благо...“ (Монологъ), 9.
„Повѣрю ль я, чтобъ вы хотѣли...“ (Портреты). XII. Щербатовой, 20.
„Погаснулъ день...“ (Ночь II), 29.
„Погаснулъ день на вышинахъ...“ (Сосѣдъ), 71.
„Погибъ поэтъ, невольникъ чести...“ (На смерть поэта), 86.
Подражаніе Байрону. „Не смѣйся, другъ...“, 47.
„Подъ занавѣсою тумана...“ (Гробъ Оссіана), 37.
„Подъ фирмой иностранной...“ (Осипу Ив. Сенковскому), 116.
Покаяніе. „Я пришла, святой отецъ...“, 12.
„Покрыта таинствъ легкой сѣткой...“ (Жена Сѣвера), 17.
Поле Бородина. „Всю ночь у пушекъ пролежали...“, 51.
Поливанову, Н. И. (Въ альбомъ), „Послушай, вспомни обо мнѣ...“, 60.
„По небу полуночи...“ (Ангелъ), 52.
„Попался мнѣ одинъ рыбакъ...“ (Три вѣдьмы), 3.
„Пора уснуть послѣднимъ сномъ...“, 67.
Портреты. IX. Алябьевой. „Вамъ красота, чтобы блеснуть...“, 20.
Портреты. XX. Арсеньеву. „Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся...“, 21.
Портреты. X. Бартеневой. „Скажи мнѣ, гдѣ переняла...“, 20.
Портреты. XVIII. Башилову. „Вы старшина собранья...“, 21.
Портреты. XIX. Булгакову. „На вздоръ и шалости...“, 21.
Портреты. III. Бухариной. „Не чудно ль, что зовутъ васъ Вѣра...“, 19.
Портретъ. „Взгляни на этотъ ликъ...“, 17.
Портреты. I. В. Л. „Какъ духъ отчаянья и зла...“, 19.
Портреты. IV. „Все въ мірѣ суета...“, 12.
Портреты. V. „Всегда онъ съ улыбкой веселой...“, 12.
Портреты. XVI. „Вы не знавали ль князь Петра...“, 20.
Портреты. II. „Довольно толстъ...“, 11.
Портреты. XIII. Додо. „Умѣешь ты...“, 20.
Портреты. XI. Крапоткиной. Я оклеветанъ...“, 20.
Портреты. XIV. Крестъ на скалѣ. M-elle Souchkoff. „Въ тѣснинѣ Кавказа...“, 20.
Портреты. III. „Лукавъ, завистливъ...“, 12.
Портреты. V. Мартыновой. „Когда поспорить...“, 19.
Портреты. IV. Нарышкиной, Л. „Всѣмъ жалко васъ...“, 19.
Портреты. II. Н. Ф. И. „Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали...“, 19.
Портреты. VI. „Онъ любимецъ мягкой лѣни...“, 12.
Портреты. I. „Онъ не красивъ...“, 11.
Портреты. XV. Павлову, Г. „Какъ васъ зовутъ...“, 20.
Портреты. VII. Сабуровой. „Какъ? вы поэта огорчили...“, 19.
Портреты. VI. Толстой. „Не даромъ она...“, 19.
Портреты. XVII. Трубецкому. „Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ...“, 21.
Портреты. VIII. Уваровой. „Вы мнѣ однажды говорили...“, 19.
Портреты. XII. Щербатовой. „Повѣрю ль я, чтобъ вы хотѣли...“, 20.
Посвященіе NN. (При случаѣ ссоры съ Сабуровымъ). „Вотъ, другъ, плоды...“, 9.
Посвященіе къ трагедіи „Испанцы“. „Не отвергай мой слабый даръ...“, 307.
Посвященіе къ восточной повѣсти. „Измаилъ-Бей“, „Опять явилось вдохновенье...“, 172.
Посвященіе. „Прими, прими мой грустный трудъ...“, 37.
Посвященіе къ поэмѣ „Казначейша“. „Пускай слыву я старовѣромъ...“, 230.
Посвященіе къ поэмѣ „Ангелъ смерти“. Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный...“ 157.
Посвященіе къ поэмѣ „Аулъ Бастунджи“. „Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли...“, 163.
Посвященіе. „Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ...“, 37.
Посвященіе (Къ) „Люди и страсти“. „Тобою только вдохновенный...“, 346.

Посвященіе къ поэмѣ „Демонъ“. (Первый очеркъ). „Я буду пѣть, пока поется...“, 294.
„По синимъ волнамъ океана...“ Воздушный корабль. (Изъ Зейдлица), 101.
„Послушай: быть-можетъ, когда мы покинемъ...“, 73.
„Послушай, вспомни обо мнѣ...“ (Въ альбомъ Н. И. Поливанову), 60.
Послѣднее новоселье. „Межъ тѣмъ, какъ Франція...“, 109.
„Посреди небесныхъ тѣлъ...“, 80.
Потокъ. „Источникъ страсти есть во мнѣ...“, 67.
„Поцѣлуями прежде считалъ...“, 73.
„Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій...“ (Св. Елена), 60.
„Поэтомъ (хоть и это бремя)...“ (Эпиграммы). III, 15.
Поэтъ. „Когда Рафаэль вдохновенный...“ (Письма), 640.
Поэтъ. „Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ...“, 93.
Предсказаніе. „Настанетъ годъ...“, 39.
„Предъ мной готическое зданье... (Въ Воскресенскѣ), 35.
„Прекрасны вы, поля въ землѣ моей родной...“, 64.
Прелестницѣ. „Пускай ханжи...“, 24.
Преступникъ. „Скажи намъ атаманъ честной...“, 6.
„Привѣтствую тебя...“ (Новгороду), 78.
„Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой...“ Посвященіе (Измаилъ-Бей), 172.
„Приди ко мнѣ, любезный другъ... (Пиръ), 10.
„Прими, прими мой грустный трудъ...“ (Посвященіе), 37.
„Примите дивное посланье... (Письма). Бахметевой, С. А., 642.
Пророкъ. „Съ тѣхъ поръ...“, 120.
Прости. (Изъ Байрона), „Прости! Коль могутъ къ небесамъ...“, 36.
„Прости, мой другъ...“, 33.
„Прости! Мы не встрѣтимся болѣ...“ (Къ*), 76.
„Прости, прости...“ (Прощаніе), 49.
„Прости! Увидимся ль мы снова...“ (Эпитафія), 25.
„Простите мнѣ, что я рѣшился...“ (Къ...), 35.
„Простосердечный сынъ свободы...“ (Эпитафія), 36.
Прощанье. „Не уѣзжай, лезгинецъ молодой...“, 22.
Прощаніе. „Прости, прости...“, 49.
„Прощай, немытая Россія...“, 116.
„Пускай поэта обвиняетъ...“, 69.
„Пускай слыву я старовѣромъ...“ (Посвященіе къ п. Казначейша), 230.
„Пускай толпа клеймитъ...“ (Договоръ), 111.
„Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ...“ (Прелестницѣ), 24.
„Пускай холодною землею...“ (Любовь мертвеца), 109.
П—ну (Къ). „Забудь, любезный П—нъ...“, 10.
Пѣснь Барда. „Я долго былъ въ чужой странѣ...“, 41.
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. „Не сіяетъ на небѣ солнце красное...“, 251.
Пѣсня. „Желтый листъ о стебель бьется...“, 18.
Пѣсня. „Колоколъ стонетъ...“, 68.
Пѣсня. „Ликуйте, друзья...“, 60.
Пѣсня. „Не знаю, обманутъ ли былъ я...“, 47.
Пѣсня. „Свѣтлый призракъ...“, 14.

Р.

Разлука. „Я виноватъ передъ тобою...“, 29.
„Разстались мы; но твой портретъ...“, 90.
Раскаяніе. „Къ чему мятежное роптанье...“, 46.
„Расписку просишь ты...“ (Гусару поэту), 92.
„Ребенка милаго рожденье...“ (На рожденіе сына у А. А. Лопухина), 99.
Ребенку. „Ну, что скажу тебѣ я спросту...“, 92.
Ребенку. „О грезахъ юности томимъ...“, 102.
„Реветъ гроза, дымятся тучи...“ (Гроза), 31.
Романсъ. „Въ тѣ дни...“, 45.
Романсъ. „Коварной жизнью недовольный...“, 11.
Романсъ. (Дурнову). „Невинный нѣжною душою...“, 14.
Романсъ. „Стояла сѣрая скала...“, 24.
Романсъ. „Ты идешь на поле битвы...“, 72.
Романсъ. „Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ...“, 55.
Растопчиной (Гр.). „Я вѣрю: подъ одной...“, 104.
Русалка. „Русалка плыла по рѣкѣ голубой...“, 84.
Русская мелодія. „Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной...“, 14.
Русская пѣсня. „Клоками бѣлый снѣгъ валится...“, 70.
„Русскій нѣмецъ бѣлокурый...“ (Къ М. Н. Цейдлеру, 94.
„Рѣдѣютъ блѣдные туманы...“ (1-го января 1831 г.), 52.

С.

Сабуровой. (Портреты). VII. „Какъ? вы поэта огорчили...“, 19.
„Садится солнце за горой...“, (Монго), 205.
Сашка (Поэма). „Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ...“, 207.
Св. Елена. „Почтимъ привѣтомъ островъ одинокой...“, 61.
„Свершилось! полно ожидать...“, 44.
„Свершитъ блистательную тризну...“, 90.
Свиданіе. „Ужъ за горой дремучею...“, 11.
„Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой...“ (Утро на Кавказѣ), 33.
„Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда...“ (Звѣзда), 31.
„Свѣтлый призракъ...“ (Пѣсня), 14.
„Свѣча горитъ...“ (Письмо), 13.
Сенковскому О. И. (Эпигр.) „Подъ фирмой иностранной...“, 116.
Sentenz. „Когда бы могъ весь свѣтъ узнать...“, 37.
Сентябрь 28. „Опять, опять я видѣлъ взоръ...“, 63.
„Сидѣлъ рыбакъ веселый...“ (Тростникъ), 75.
„Сижу я въ комнатѣ старинной...“, 61.
Силуэтъ. „Есть у меня твой силуэтъ...“, 18.
„Скажи, для чего передъ нами...“ (Къ Неэрѣ), 18.
„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ...“ (Бородино), 88.
„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины...“ (Вѣтка Палестины), 85.
„Скажи мнѣ, гдѣ переняла...“ (Портреты). X. Бартеневой, 20.
„Скажи намъ, атаманъ честной...“ (Преступникъ), 6.
„Скажи, любезный мой пріятель... (Къ I. П. Грузинову), 15.
Сказка для дѣтей. „Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ...“, 270.
„Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой ..“, 23.

Слава. „Къ чему ищу такъ славы я...“, 69.
„Слова разлуки повторяя...“, 76.
„Слышу ли голосъ твой...“, 108.
„Слѣпецъ страданьемъ вдохновенный...“ (Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой), 112.
Смерть. „Закатъ горитъ огнистой полосою...“, 45.
Смерть. „Оборвана цѣпь жизни...“, 50.
„Смотрите, какъ летитъ...“ (Къ портрету стараго гусара), 84.
Смирновой Александрѣ Осиповнѣ. „Безъ васъ хочу сказать...“, 104.
„Смѣло вѣрь тому, что вѣчно...“, 77.
„Собранье золъ — его стихія...“ (Мой Демонъ), 17.
„Собранье золъ — его стихія...“ (Мой Демонъ), 72.
Совѣтъ. „Если, другъ, тебѣ сгрустнется...“, 30.
Солнце. „Какъ солнце зимнее...“, 21.
Солнце осени. „Люблю я солнце осени...“, 67.
Соломирской М. П. „Надъ бездной адскою блуждая...“, 103.
Сонетъ. „Я памятью живу...“, 72.
Сонъ. „Въ полдневный жаръ...“, 116.
Сонъ. „Я видѣлъ сонъ...“, 49.
Сосна. (Изъ Гейне). „На сѣверѣ дикомъ...“, 105.
Сосѣдка. „Не дождаться мнѣ, видно, свободы...“, 110.
Сосѣдъ. „Погаснулъ день...“, 71.
Сосѣдъ. „Кто бъ ни былъ ты...“, 87.
„Спи, младенецъ мой прекрасный...“ (Казачья колыбельная пѣсня), 99.
Споръ. „Какъ-то разъ, передъ толпою...“, 113.
„Спѣша на сѣверъ издалека...“ (Казбеку), 90.
Стансы. „Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ...“, 43.
Стансы. „Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ...“, 67.
Стансы къ Д*.** „Я не могу ни произнесть...“, 65.
Стансы. „Люблю, когда борясь съ душою...“, 26.
Стансы. „Мнѣ любить до могилы...“, 52.
Стансы. „Не могу на родинѣ томиться...“, 71.
Стансы. „Я не крушуся о быломъ...“, 33.
„Степь, синѣя, разстилалась...“ (Два сокола), 16.
„Стояла сѣрая скала...“ (Романсъ), 24.
Странный человѣкъ. Романтическая драма, 374.
„Страшись любви...“ (Опасеніе), 26.
„Стыдись лжеца...“ (Эпиграммы). V, 15.
„Счастливъ ребенокъ...“ Дитя въ люлькѣ. (Изъ Шиллера), 5.
„Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ...“ (Бульваръ), 40.
„Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія...“ (Пророкъ), 120.
„Сыны небесъ...“ (Бой), 75.
„Сыны снѣговъ...“ (Новгородъ), 44.

Т.

Тамань. (Герой нашего времени). 575.
Тамара. „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла...“, 117.
„Тамбовъ на картѣ генеральной...“ (Казначейша), 230.
„Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли...“ Посвященіе. (Аулъ Бастунджи), 163.
„Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный...“ Посвященіе къ поэмѣ „Ангелъ смерти“. (Восточная повѣсть), 157.
„Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ...“ (Посвященіе), 37.
„Темно, все спитъ...“ (Ночь III), 35.
„Теперь насталъ урочный часъ...“ (Каллы), 196.
„Терекъ воетъ...“ (Дары Терека), 95.
„Тобою только вдохновенный...“ Посвященіе къ „Люди и страсти“, 346.
„Тобой плѣняться издали...“ (Къ глупой красавицѣ), 32.
Толпѣ. „Безумецъ я...“, 75.
Толстой (Портреты). VI. „Не даромъ она...“, 19.
„Тотъ самый человѣкъ пустой...“ (Эпиграммы). II, 15.
Три вѣдьмы. (Изъ Шиллера). „Попался мнѣ одинъ рыбакъ...“, 3.
„Три граціи...“ (Экспромптъ), 43.
Три пальмы. „Въ песчаныхъ степяхъ...“, 96.
Тростникъ. „Сидѣлъ рыбакъ веселый...“, 75.
Трубецкому. „Нѣтъ! Міръ совсѣмъ пошелъ не такъ...“ (Портреты). XVII, 21.
Тучи. „Тучки небесныя, вѣчные странники...“, 108.
„Тучки небесныя, вѣчные странники...“ (Тучи), 108.
„Ты зналъ ли дикій край...“ (Жалобы турка), 15.
„Ты идешь на поле битвы...“ (Романсъ), 72.
„Ты могъ быть лучшимъ королемъ...“ (30 іюля, Парижъ 1830 года), 39.
„Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей...“, 25.
„Ты не хотѣлъ! Но скоро волю рока...“ Къ NN (Къ Сабурову), 14.
„Ты понималъ, о мрачный геній...“ (На картину Рембрандта), 49.
„Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою...“, 114.
„Ты слишкомъ для невинности мила...“, 65.
1830 г. мая 16. „Боюсь не смерти я...“, 38.
1830 г. іюля 15. „Зачѣмъ семьи родной...“, 39.
1831 г. января 1-го. „Рѣдѣютъ блѣдные туманы...“, 52.
1831 г. іюня 11. „Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ...“, 55.

У.

„У бѣса праздникъ...“ (Пиръ Асмодея), 48.
Уваровой. „Вы мнѣ однажды говорили...“ (Портреты). VIII, 19.
„У вратъ обители...“ (Нищій), 42.
„Ужасная судьба отца и сына...“, 66.
„Ужъ за горой дремучею...“ (Свиданіе), 116.
Узникъ. „Отворите мнѣ темницу...“, 87.
Уланша. „Идетъ нашъ пестрый эскадронъ...“, 201.
Умирающій гладіаторъ. „Ликуетъ буйный Римъ...“, 82.
„Умѣешь ты...“ (Портреты). XIII, Додо, 20.
„Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ...“ (Сказка для дѣтей), 270.
„У ногъ другихъ не забывалъ...“ (Къ Лопухиной), 62.
„Унылый колокола звонъ...“, 69.
Утесъ. „Ночевала тучка золотая...“, 116.
Утро на Кавказѣ. „Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой...“, 33.

Ф.

Фаталистъ. (Герой нашего времени), 617.

Х.

Хаджи-Абрекъ. „Великъ, богатъ аулъ Джематъ...“, 197.

Had we never loved so kindly. „Если бъ мы не дѣти были...“, 25.
Хомутовой, Аннѣ Григорьевнѣ. „Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный...“, 112.
„Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ...“ (Романсъ), 55.
„Хоть давно измѣнила мнѣ радость...“, 70.
„Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней...“ (Кавказъ), 26.

Ц.

„Царю небесный...“ (Юнкерская молитва), 81.
Цейдлеру (Къ М. Н.) (Экспоромптъ) „Русскій нѣмецъ бѣлокурый...“, 94.
Цыгане. Опера, 5.
Цѣвница. „На склонѣ горъ, близъ водъ...“, 3.

Ч.

Чаша жизни. „Мы пьемъ изъ чаши бытія...“, 62.
Челнокъ. „Воетъ вѣтеръ и свиститъ...“, 34.
„Чей старый теремъ“ (Литвинка), 149.
Черкесы. „Въ горахъ ужъ солнце исчезаетъ...“, 134.
Черкешенка. „Я видѣлъ васъ, холмы и нивы...“, 16.
Черноокой. „Вблизи тебя до этихъ поръ...“, 41.
„Чисто вечернее небо...“ (Небо и звѣзды), 64.
„Что за звуки...“ (Звуки), 50.
„Что толку жить...“, 78.
Чума въ Саратовѣ. „Чума явилась въ нашъ предѣлъ...“, 42.
Чума. „Два человѣка въ этотъ страшный годъ...“, 42.

Ш.

Шенье Андрея. (Изъ) „За дѣло общее...“, 71.

Щ.

Щербатовой. (Къ М. А.). „На свѣтскія цѣпи...“, 103.
Щербатовой. (Портреты). XII. „Повѣрю ль я, чтобъ вы хотѣли...“, 20.

Э.

Экспромптъ. „Русскій нѣмецъ бѣлокурый...“, 94.
Экспромптъ. „Три граціи...“, 43.
Элегія. „Дробись, дробись, волна ночная...“, 36.
Элегія. „О, если бъ дни мои текли...“, 5.
Эпиграммы. IV. „Аминтъ твой на глупца походитъ...“ Г—ну П., 15.
Эпиграммы. VI. „Дамонъ, нашъ врачъ...“, 15.
Эпиграмма. „Дуракъ и старая кокетка...“, 11.
Эпиграммы. I. „Есть люди странные...“, 15.
Эпиграмма на Кукольника. „Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ...“, 84.
Эпиграмма на Сеньковскаго. „Подъ фирмою иностранной...“, 116.
Эпиграммы. III. „Поэтомъ (хоть и это бремя)...“, 15.
Эпиграммы. V. „Стыдить лжеца...“, 15.
Эпиграммы. II. „Тотъ самый человѣкъ пустой...“, 15.
Эпитафія Наполеону. „Да тѣнь твою никто не порицаетъ...“, 32.
Эпитафія. „Прости! увидимся ль мы снова...“, 25.
Эпитафія. „Простосердечный сынъ свободы...“, 36.
Эпитафія. „Кто яму для другихъ копать трудился...“, 38.
„Это случилося въ послѣдніе годы...“, 114.

Ю.

Юнкерская молитва. „Царю небесный...“, 81.

Я.

„Я буду пѣть...“ (Посвящ. Демона), 294.
„Я видѣлъ васъ, холмы и нивы...“ (Черкешенка), 16.
„Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда...“ (Еврейская мелодія), 31.
„Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...“, 46.
„Я видѣлъ сонъ...“ (Сонъ), 49.
„Я видѣлъ тѣнь блаженства...“, 65.
„Я видѣлъ юношу...“ (Видѣніе), 59.
„Я виноватъ передъ тобою...“ (Разлука), 29.
„Я вѣрю: подъ одной звѣздою...“ (Графинѣ Ростопчиной), 104.
„Я вѣрю, обѣщаю вѣрить...“ (Исповѣдь), 62.
„Я долго былъ въ чужой странѣ...“ (Пѣснь Барда), 41.
„Я жить хочу! хочу печали...“, 78.
„Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ...“ (Памяти А. И. Одоевскаго), 96.
„Я къ вамъ пишу случайно...“ (Валерикъ), 105.
„Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...“ (Молитва странника), 90.
Января 1-го 1831 г. „Рѣдѣютъ блѣдные туманы...“, 52.
„Я не достоинъ...“ (Къ Н. И...), 62.
„Я не крушуся о быломъ...“ (Стансы), 33.
„Я не люблю тебя...“, 19.
„Я не могу ни произнесть...“ (Стансы къ Д***), 65.
„Я не унижусь предъ тобою...“ (Къ***), 24.
„Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ...“, 88.
„Я оклеветанъ...“ (Портреты). XI. Крапоткиной, 20.
„Я очень радъ, что вы больны...“ (Журналистъ, читатель и писатель), 100.
„Я памятью живу...“ (Сонетъ), 72.
„Я пришла, святой отецъ...“ (Покаяніе), 12.
„Я пробѣгалъ страны Россіи...“ (Къ Дурнову), 11.
„Я рожденъ съ душою пылкой...“ (Къ друзьямъ), 10.
„Я счастливъ: тайный ядъ...“, 21.

Ѳ.

Ѳ—ву А. А. „О ты, котораго зовутъ...“, 81.

12-50
192314/187
25р

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.